

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

(VESTNIK)
+ QCA

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XLVII. — ТОМЪ CCLXXIII. — 1/12 ЯНВАРЯ, 1883.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕВЯНОСТО-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦИЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
«на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1883

JUN
1883

1436

(783)

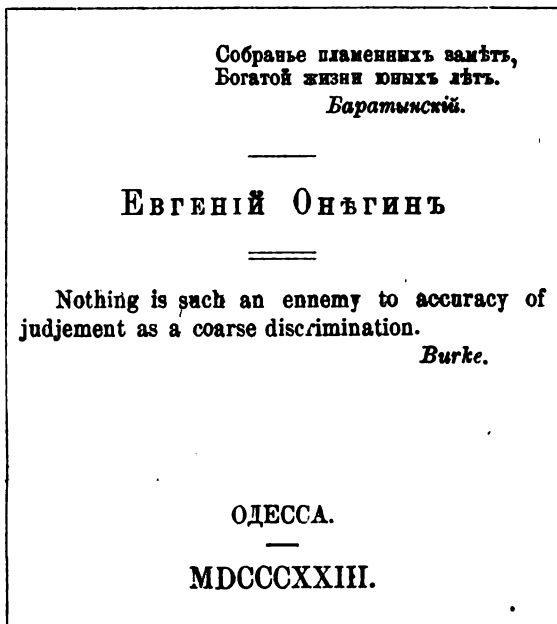
НОВЫЯ СТРОФЫ

изъ

ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА

Сообщая новыя строфы изъ «Евгенія Онѣгина», А. С. Пушкина, всего 125 стиховъ, я считаю долгомъ предпослать имъ необходимыя свѣдѣнія о самой рукописи, изъ которой онѣ извлечены. Рукопись поэмы принадлежала В. А. Жуковскому, и вся была написана рукою самого Пушкина. Къ сожалѣнію, изъ этой рукописи сохранились теперь только главы: первая, третья и восьмая. Первая и третья написаны безъ всякихъ помарокъ; если бы въ такомъ же видѣ была и восьмая, то можно было бы предположить, что это и есть та особая, вновь пересмотрѣнная и совершенно переправленная поэтомъ рукопись «Онѣгина», о существованіи которой предполагаетъ П. В. Анненковъ. Но не говоря уже о томъ, что нѣсколько главъ пропало послѣ смерти В. А. Жуковского, при переходѣ ихъ въ разныя руки, восьмая глава, хотя и написанная на-чисто, содержитъ въ себѣ и повторенія, и перестановки, и помарки. Нѣкоторыя строфы даже и вовсе не означены цифрою или, если и означены, то одною и тою же (XXVII), или же арабскою цифрою (25), тогда какъ обыкновенно строфы означались римскими цифрами. Вся рукопись написана на грубой бѣлой бумагѣ, сшитой тетрадами въ восьмую долю листа. Заглавный листъ помѣченъ—MDCCCXXIII (1823) годомъ.

Вотъ форма и содержаніе заглавнаго листа рукописи:

Передъ первую главою эпиграфъ изъ кн. Вяземскаго приведенъ въ рукописи полнѣе, именно:

По жизни такъ скользить горячность молодая —
И жить торопится, и чувствовать спѣшать.

К. В.

Извлеченіе изъ французскаго письма тоже нѣсколько измѣнено, такимъ образомъ:

«Pas entierement exempt de vanité il avait encore plus de cette espece d'orgueil;—вмѣсто: Pétri de vanité il avait encore», и т. д.

Стихи, напечатанные ниже *курсивомъ* и заимствуемые нами изъ печатнаго текста, помѣщаются единственно для связи и указанія мѣста, куда слѣдуетъ вставить новыя строфы или отдѣльные стихи, сохранившіеся только въ нашей рукописи и появляющіеся теперь въ первый разъ въ печати.

А. Онягинъ.

Парижъ.—10 (22) ноября, 1882.

.. 9 7 4

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

V.

Подозрѣвали въ немъ талантъ:
И могъ Евгенийъ, въ самомъ дѣлѣ,
Вести пріятный разговоръ,
А иногда и жаркій споръ
О господинѣ Мармонтелѣ,
О карбонарахъ, о Парни,
Объ генералѣ Жюмини.

IX ¹⁾.

Насъ мылъ сердечный рано мучитъ —
Очаровательный обманъ —
Любви насъ не природа учитъ
А Сталь или Шатобріанъ.
Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
Мы узнаемъ ее въ романѣ,
Мы все узнали; между тѣмъ,
Не насладились мы ничѣмъ,
Природы гласъ предупреждая,
Мы только счастію вредимъ,
И поздно, поздно вслѣдъ за нимъ
Летитъ горячность молодая.
Онѣгинъ это испыталъ,
За то какъ женщинъ онъ узналъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

III.

.....
На столикъ ставятъ воцаной
Кувшинъ съ брусничною водою.

¹⁾ Строфу эту искаженною и неполною относить къ XIV, гдѣ она была бы не на мѣстѣ, тогда какъ X-ая прямо изъ нея вытекаетъ и по смыслу, и по связи, представляя передъ собою содержаніе печатаемой здѣсь IX-ой строфы.

Въ деревнѣ день есть цѣль обѣда;
 Поджавши руки, у дверей
 Сбѣжались дѣвки изъ сѣней
 Взглянуть на новаго сосѣда,
 И на дворѣ толпа людей
 Критиковала ихъ коней.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

II ¹⁾.

*И свѣтъ ее ²⁾ съ улыбкой встрѣтилъ;
 Устъхъ насъ первый окрылилъ;
 Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
 И, съ гробъ сходя, благословилъ.
 И Дмитръевъ не былъ намъ хулителъ;
 И быта русскаго хранитель,
 Скрижалъ оставя, намъ внималъ
 И Музу робкую ласкалъ ³⁾.
 И ты, глубоко вдохновенный,
 Всего прекраснаго пѣвецъ,
 Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ,
 Не ты-ль пристрастьемъ увлеченный,
 Не ты-ль мнѣ руку подавалъ,
 И къ славѣ чистой призывалъ ⁴⁾.*

IV.

Но рокъ мнѣ бросилъ взоры гнѣва
 И вдаль занесъ... она за мной.
 Какъ часто ласковая дѣва
 Мнѣ услаждала путь нѣмой
 Волшебствомъ тайнаго разсказа! ⁵⁾.

¹⁾ Девятую строфу первой главы, окончаніе третьей строфы главы третьей, а также и вторую строфу главы восьмой слѣдуетъ печатать, по нашему мнѣнію, прямо въ текстѣ романа, вмѣсто обычныхъ точекъ. Въ рукописи онѣ написаны четко и безъ всякихъ помярокъ или перечеркиваній.

²⁾ Музу Пушкина.

³⁾ Н. Карамзинъ.

⁴⁾ В. Жуковский.

⁵⁾ Поэтъ говоритъ о своей ссмылкѣ, куда послѣдовала за нимъ и она—его Муза.

XXIII.

Вотъ легкой ¹⁾ солью сѣтской злости
 Стали оживляться разговоръ;

? — ?

Тутъ былъ К. М., женатый
 На куклѣ чахлой и горбатой
 И семи тысячи душахъ;
 Тутъ былъ во всѣхъ своихъ звѣздахъ
 Прависинъ, цензоръ непреклонный
 (Недавно грозный сей Катонъ
 За взятки мѣста былъ лишень);
 Тутъ былъ еще сенаторъ сонный,
 Проведшій съ картами свой вѣкъ,
 Для власти нужный человѣкъ.

XXV.

Тутъ былъ всѣмъ свѣтомъ недовольный,
 На все сердитый графъ Туринъ,
 На домъ хозяйки слишкомъ вольный,
 На глупость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На вензель двумъ сироткамъ данный,
 На толки про романъ жеманный,
 На слогъ газетъ, на день туманный,
 На пустоту жены своей,
 На тальи снѣлыхъ дочерей;
 Тутъ былъ одинъ диктаторъ бальной
 Прыгунъ суровый, должностной...
 У стѣнки фертикъ молодой

¹⁾ А не „групной“, какъ печаталось и печатается.

*Стоялъ картинкою журнальной,
Румянъ, какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ.*

25?

И та, чья юность улыбалась —
Разцвѣтшей жизни благодать —
И та, которая собиралась
Ужъ общимъ мнѣніемъ управлять,
И та, чья скромная планета,
Вдали отъ суетнаго свѣта,
Должна была когда-нибудь
Смирненнымъ счастьемъ блеснуть,
И та, которой сердце тайно,
Нося безумной страсти казнь,
Питало ревность и боязнь —
Соединенныя случайно,
Другъ другу чуждыя душой,
Сидѣли тутъ одна съ другой.

XXVII.

Никто насмѣшкою холодной
Встрѣчать не думалъ старика,
Замѣтя воротникъ не модный
Подъ бантомъ шейнаго платка,
И земляка провинціала
Хозяйка спѣсью не смущала;
Для всѣхъ гостей она была
Равно проста, равно мила ¹⁾.
*Лишь путешественникъ залетной,
Блестящій лондонскій нахаль,
Полуулыбку возбуждалъ
Своей осанкой беззаботной.
И быстро обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.*

¹⁾ Невпринужденна и мила.

?—?

И въ залѣ яркой и богатой,
 Когда въ умолкшій тѣсный кругъ,
 Подобно лиліи крылатой,
 Колеблясь, входитъ Лала-Рукъ ¹⁾,
 И надъ поникшею толпою
 Сіяетъ царственной главою
 И тихо вѣетъ, и скользаетъ
 Звѣзда—харита межъ харитъ,
 И взоръ смѣшенныхъ поколѣній
 Стремится, ревностью горя,
 То на нее, то на царя—
 Для нихъ безъ глазъ одинъ Евгеній,
 Одной Татьяной пораженъ,
 Одну Татьяну видитъ онъ.

XXVII.

Проходить дни, летать недѣли,
 Онъгинъ мыслить объ одномъ,
 Другой себѣ не знаетъ цѣли,
 Чтобъ только явно или тайкомъ
 Гдѣ-бы ни было княгиню встрѣтить,
 Чтобы въ лицѣ ея замѣтить
 Хоть озабоченность или гнѣвъ;
 Свой дикій нравъ преодолѣвъ,
 Вездѣ на вечерѣ, на балѣ,
 Въ театрѣ, у художницъ модъ,
 На берегахъ замерзлыхъ водъ,
 На улицѣ, въ передней, въ залѣ,
 За ней онъ гонится, какъ тѣнь.
 Охота-жъ! какъ ему не лѣнь.

¹⁾ Императрица Александра Федоровна.

? — ?

Въ гостинной истинно дворянской
Чуждались щегольства рѣчей
И щекотливости мѣщанской
Журнальных чопорныхъ судей.
Хозяйкой свѣтской и свободной
Быль принять слогъ простонародный
И не пугалъ ничьихъ ушей
Живою странностью своей,
Чему навѣрно удивится,
Готова свой разборный листъ
Иной глубокой журналистъ.
Но въ свѣтѣ мало-ль что творится,
О чемъ у насъ не помышлялъ,
Быть можетъ, ни одинъ журналъ.

КЛАРА МИЛИЧЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Весной 1878 года, проживалъ въ Москвѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ на Шаболовѣхъ—молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, по имени Яковъ Аратовъ. Съ нимъ проживала его тетка, старая дѣвица лѣтъ пятидесяти слишкомъ, сестра его отца, Платонида Ивановна. Она завѣдывала его хозяйствомъ и вела его расходы, на что Аратовъ совершенно не былъ способенъ. Другихъ родныхъ у него не было. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ его, небогатый дворянчикъ Т...й губерніи, переѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ нимъ и Платонидой Ивановной, которую, впрочемъ, всегда звалъ Платошей; и племянникъ такъ же ее звалъ. Покинувъ деревню, въ которой они всѣ до тѣхъ поръ постоянно жили, старикъ Аратовъ поселился въ столицѣ съ цѣлью помѣстить сына въ университетъ, къ которому самъ его подготовилъ; купилъ за безцѣнокъ домикъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ и устроился въ немъ со всѣми своими книгами и «препаратами». А книгъ и препаратовъ у него было много—ибо человѣкъ онъ былъ не лишенный учености... «чудакъ преестественный», по словамъ сосѣдей. Онъ даже слылъ у нихъ черно-книжникомъ: даже прозвище получилъ «инсектонаблюдателя». Онъ занимался химіей, минералогіей, энтомологіей, ботаникой и медициной; лечилъ добровольныхъ пациентовъ травами и металлическими порошками собственнаго изобрѣтенія, по методу Парацельса. Этими самыми порошками онъ свелъ въ могилу свою молоденькую, хорошенькую, но ужъ слишкомъ тоненькую

жену, которую любилъ страстно, и отъ которой имѣлъ единственнаго сына. Тѣми же металлическими порошками онъ порядкомъ испортилъ здоровье также и сына, которое, напротивъ, желалъ поддержать, находя въ его организмѣ анемію и склонность къ чахоткѣ, унаслѣдованныя отъ матери. Имя «черновнижника» онъ, между прочимъ, получилъ отъ того, что считалъ себя правнукомъ—не по прямой линіи, конечно,—знаменитаго Брюса, въ честь котораго онъ и сына назвалъ Яковомъ. Человѣкъ онъ былъ, что называется, «добрѣйшій», но нрава меланхолическаго, копотливый, робкій,—склонный ко всему таинственному, мистическому... Полушѣпотомъ произнесенное:—А! было его обычнымъ восклицаніемъ; онъ и умеръ съ этимъ восклицаніемъ на устахъ—года два спустя послѣ переселенія въ Москву.

Сынъ его, Яковъ, наружною не походилъ на отца, который былъ некрасивъ собою, неуклюжъ и неловокъ; онъ скорѣй напоминалъ свою мать. Тѣ же тонкія, миловидныя черты, тѣ же мягкіе волосы пепельнаго цвѣта, тотъ же маленькій носъ съ горбиной, тѣ же выпуклыя, дѣтскія губки—и большіе, зеленовато-сѣрые глаза съ поволокой и пушистыми рѣсницами. Зато нравомъ онъ походилъ на отца;—и несхожее съ отцовскимъ лицо носило отпечатокъ отцовскаго выраженія—и руки имѣлъ онъ узловатыя, и впалую грудь, какъ старикъ Аратовъ, котораго впрочемъ, едва ли слѣдуетъ называть старикомъ, такъ какъ онъ и до пятидесяти лѣтъ не дотянулъ. Еще при жизни его Яковъ поступилъ въ университетъ, по физико-математическому факультету; однако, курса не кончилъ—не по лѣности, а потому что, по его понятіямъ, въ университетѣ не узнаешь больше того, чему можно научиться и дома; а за дипломомъ онъ не гонялся, такъ какъ на службу поступить не рассчитывалъ. Онъ дичился своихъ товарищей, почти ни съ кѣмъ не знакомился, въ особенности чуждался женщинъ и жилъ очень уединенно, погруженный въ книги. Онъ чуждался женщинъ, хотя сердце имѣлъ очень нѣжное и плѣнялся красотою... Онъ даже приобрѣлъ роскошный англійскій костюмъ—и (о, позоръ!) любовался «украшавшими» его изображеніями разныхъ восхитительныхъ Гюльнаръ и Медоръ... Но его постоянно сдерживала прирожденная стыдливость. Въ домѣ онъ занималъ бывшій отцовскій кабинетъ, который былъ также его спальней; и постель его была та же самая, на которой скончался его отецъ.

Большимъ подспорьемъ всего его существованія, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ была ему его тетя, та Платона, съ которой онъ едва ли мѣнялся десятью словами въ день, но безъ

которой онъ не могъ бы ступить шагу. Это было длиннотное, длиннотное существо, съ блѣдными глазами на блѣдномъ лицѣ, съ неизмѣннымъ выраженіемъ не то грусти, не то озабоченнаго испуга. Вѣчно одѣтая въ сѣрое платье и сѣрую шаль, отъ которой пахло камфорой, она скиталась по дому какъ тѣнь, неслышными шагами; вздыхала, шептала молитвы—особенно одну, любимую, состоявшую всего изъ двухъ словъ: «Господи, помози!»—и очень дѣльно распоряжалась по хозяйству, берегла каждую копейку и все закупила сама. Племянника своего она обожала; постоянно кручинилась объ его здоровьи—всего боялась—не за себя, а за него—и, бывало, чуть что ей покажется, сейчасъ тихонько подойдетъ и поставитъ ему на письменный столъ чашку грудного чаю, или погладитъ его по спинѣ своими мягкими, какъ вата, руками. Яковъ не тяготился этимъ ухаживаньемъ,—грудного чаю, однако, не пилъ—и только одобрительно покачивалъ головою. Впрочемъ, здоровьемъ онъ тоже похвастаться не могъ. Очень онъ былъ впечатлителенъ, нервенъ, мнителенъ, страдалъ сердцебиеньемъ, иногда одышкой; подобно отцу, вѣрилъ, что существуютъ въ природѣ и въ душѣ человѣческой тайны, которыя можно иногда прозрѣвать, но постигнуть—невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вѣяній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ... и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность. Въ послѣднее время онъ пристрастился къ фотографіи. Запахъ употребляемыхъ при этомъ снадобій очень беспокоилъ старуху-тѣтку—опять-таки не для себя, а для Яши, для его груди; но при всей мягкости нрава, въ немъ было не мало упорства—и онъ настойчиво продолжалъ полюбившееся ему занятіе. «Платоша» покорилась и только пуще прежняго вздыхала и шептала: «Господи, помози!» глядя на его окрашенные іодомъ пальцы.

Яковъ, какъ уже сказано, чуждался товарищей; однако, съ однимъ изъ нихъ сошелся довольно близко и видалъ его часто, даже послѣ того, какъ этотъ товарищъ, выйдя изъ университета, поступилъ на службу, мало, впрочемъ, обязательную: онъ, говоря его словами, «примостился» въ постройкѣ Храма Спасителя, ничего, конечно, въ архитектурѣ не смысля. Странное дѣло: этотъ единственный пріятель Аратова, по фамиліи Купферъ, нѣмецъ до того обрусѣвшій, что ни одного слова по-нѣмецки не зналъ и даже ругался «нѣмцемъ»—этотъ пріятель не имѣлъ съ нимъ, понаблюдому, ничего общаго. Это былъ чернокудрый, краснощекій малый, весельчакъ, говорунъ и большой любитель того снотого женскаго общества, котораго такъ избѣгалъ Аратовъ.

Правда, Купферъ и завтракалъ, и обѣдалъ у него частенько—и даже, будучи человѣкомъ небогатымъ, занималъ у него не-большія суммы; но не это заставляло развязнаго нѣмца при-лежно посѣщать укромный домикъ на Шаболовкѣ. Душевная чистота, «идеальность» Якова ему полюбилась, быть можетъ, какъ противорѣчіе тому, что онъ каждый день встрѣчалъ и ви-дѣлъ;—или, быть можетъ, въ этомъ самомъ влеченіи къ «идеаль-ному» юношѣ сказывалась его все-таки германская кровь. А Якову нравилась добродушная откровенность Купфера; да кромѣ того, рассказы его о театрахъ, о концертахъ, о балахъ, гдѣ онъ былъ завсегдатаемъ,—вообще о томъ чуждомъ мірѣ, куда Яковъ не рѣшался проникнуть—тайно занимали и даже волновали мо-лодого отшельника, не возбуждая, впрочемъ, въ немъ желанія извѣдать все это собственнымъ опытомъ. И Платоша жаловала Купфера; правда, она находила его иногда чересъ-чуръ безцере-моннымъ, но инстинктивно чувствуя и понимая, что онъ искренне привязанъ къ ея дорогому Яшѣ, она не только терпѣла шум-наго гостя, но благоволила къ нему.

II.

Въ то время, о которомъ идетъ наша рѣчь, обрѣталась въ Москвѣ нѣкая вдова, грузинская княгиня — личность неопредѣ-ленная, почти подозрительная. Ей было уже подъ сорокъ лѣтъ; въ молодости она, вѣроятно, цвѣла той особенной восточной кра-сотой, которая такъ скоро блекнетъ; теперь она бѣлилась, румя-нилась и красила волосы въ желтую краску. О ней ходили раз-ные, не совсѣмъ выгодные и не совсѣмъ ясные слухи; мужа ея никто не знавалъ—и ни въ одномъ городѣ она подолгу не жила. Ни дѣтей, ни состоянія у ней не было; но она жила открыто—въ долгъ или иначе; держала, какъ говорится, салонъ и принимала довольно смѣшанное общество — ббльшей частью молодежь. Все въ ея домѣ, начиная съ собственнаго ея туалета, мебели, стола—и кончая экипажемъ и прислугой—носило печать чего-то недоброкачественнаго, поддѣльнаго, временнаго... но и сама княгиня, и ея гости, повидимому, ничего лучшаго не тре-бовали. Княгиня слыха любительницей музыки, литературы, по-кровительницей артистовъ и художниковъ; да и дѣйствительно интересовалась всѣми этими «вопросами»—даже до восторжен-ности—и до восторженности, не совсѣмъ напускной. Эстетиче-ская жилка въ ней несомнѣнно была. Къ тому же она была

очень доступна, любезна, безъ чванливости и ломанія—и, чего многіе не подозрѣвали—въ сущности очень добра, мягкосердечна и снисходительна... Качества рѣдкія — и тѣмъ болѣе дорогія — именно въ подобнаго рода личностяхъ! — «Пустая баба!» выразился о ней одинъ умникъ — «а въ рай попадетъ непременно! Потому: все прощаетъ — и ей все простится!» О ней говорили также, что когда она исчезала изъ какого-нибудь города — она всегда оставляла въ немъ столько же заимодавцевъ, сколько людей, облагодѣтельствованныхъ ею. Мягкое сердце въ какую хочешь сторону гнется.

Купферъ, какъ и слѣдовало ожидать, попалъ въ ея домъ — и сталъ къ ней близкимъ... злые языки увѣряли: слишкомъ близкимъ человекомъ. Самъ же онъ всегда отзывался о ней не только дружески, но съ уваженіемъ; величалъ ее золотою женщиной—что тамъ ни толкуй!—и твердо вѣрилъ и въ ея любовь къ искусству, и въ пониманіе ею искусства! — Вотъ однажды, послѣ обѣда, у Аратовыхъ, разговорившись о княгинѣ и о ея вечерахъ; онъ началъ убѣждать Якова нарушить хоть разъ свою анахоретскую жизнь и позволить ему, Купферу, представить его своей пріятельницѣ. Яковъ сперва и слушать не хотѣлъ. — Да ты что думаешь? воскликнулъ наконецъ Купферъ: о какомъ представленіи рѣчь? Просто, возьму тебя, вотъ какъ ты теперь сидишь, въ сюртукѣ — и повезу тебя къ ней на вечеръ. Никакихъ тамъ, братъ, этикетовъ не водится! Ты вотъ и ученый, и литературу любишь, и музыку (у Аратова въ кабинетѣ дѣйствительно находилось піанино, на которомъ онъ изрѣдка бралъ аккорды съ уменьшенной септимой) — а у ней въ домѣ всего этого добра вдоволь!... И людей ты тамъ встрѣтишь симпатическихъ, безо всякихъ претензій! Да и наконецъ, нельзя же въ твои годы, съ твоей наружностью (Аратовъ опустилъ глаза и махнулъ рукою) — да, да, съ твоей наружностью, такъ чуждаться общества, свѣта! Вѣдь не къ генераламъ я тебя везу! Впрочемъ, я самъ генераловъ не знаю!... Не упирайся, голубчикъ! Нравственность — дѣло хорошее, почтенное... Но зачѣмъ же въ аскетизмъ вдаваться? Не въ монахи же ты себя готовишь! —

Аратовъ, однако, продолжалъ упираться; но на подмогу Купферу неожиданно явилась Платонида Ивановна. Хотя она и не поняла хорошенько, что это за слово такое: аскетизмъ? — однако, тоже поняла, что Яшенькѣ не худо развлечься, на людей посмотреть — и себя показать. — Тѣмъ болѣе, прибавила она, что я увѣрена въ Федорѣ-Федорычѣ! Въ дурное мѣсто онъ тебя не повезетъ!... — Во всей непорочности представляю его вамъ обратно! вскричалъ

Купферъ, на котораго Платонида Ивановна, несмотря на свою увѣренность, бросала безпокойные взгляды. Аратовъ покраснѣлъ до ушей—но возражать пересталъ.

Кончилось тѣмъ, что на слѣдующій день Купферъ повезъ его на вечеръ къ княгинѣ. Но Аратовъ не долго тамъ остался. Во-первыхъ, онъ нашелъ у ней человѣкъ двадцать гостей, мужчинъ и женщинъ, положимъ, и симпатическихъ, но все-таки чужихъ; и это его стѣсняло, хотя бесѣдовать ему пришлось очень немного: а этого онъ больше всего боялся. Во-вторыхъ, сама хозяйка ему не понравилась, хотя она и приняла его очень радушно и просто. Все въ ней ему не понравилось: и раскрашенное лицо, и вбитыя кудри, и хрипловато-слащавый голосъ, визгливый смѣхъ, манера закатывать глаза подъ-лобъ, излишнее декольтѣ — и эти пухлые, глянцовитые пальцы со множествомъ колецъ!.. Забившись въ уголъ, онъ то быстро пробѣгалъ глазами по всѣмъ лицамъ гостей, какъ-то даже не различая ихъ, то упорно глядѣлъ себѣ на ноги. Когда же наконецъ одинъ заѣзжій артистъ съ испитымъ лицомъ, длиннѣйшими волосами и стеклышкомъ подъ сѣженной бровью сѣлъ за рояль и, ударивъ съ размаху руками по клавишамъ, а ногой по педали, началъ ваять фантазію Листа на вагнеровскія тѣмы—Аратовъ не выдержалъ и улизнулъ, унося въ душѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое, однако, пробивалось нѣчто ему самому непонятное—но значительное и даже тревожное.

III.

Купферъ пришелъ на другой день обѣдать; однако, распространяться о вчерашнемъ вечерѣ не сталъ, даже не попрекнулъ Аратова за его поспѣшное бѣгство—и только пожалѣлъ о томъ, что онъ не дождался ужина, за которымъ подавали шампанское! (нижегородскаго издѣлія, замѣтимъ въ скобкахъ.) Купферъ, вѣроятно, понялъ, что напрасно вздумалъ распеветь своего пріятеля—и что Аратовъ въ тому обществу и образу жизни человѣкъ рѣшительно «не подходящий». Съ своей стороны Аратовъ тоже не заговаривалъ ни о княгинѣ, ни о вчерашнемъ вечерѣ. Платонида Ивановна не знала, радоваться ли неуспѣху этой первой попытки, или сожалѣть о немъ? Она рѣшила наконецъ, что здоровье Яши могло пострадать отъ подобныхъ выѣздовъ—и успокоилась. Купферъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда—и цѣлую недѣлю потомъ не показывался. И не то, чтобы онъ

дулся на Аратова за неудачу своей рекомендаціи—добрякъ на это не былъ способенъ,—но онъ, очевидно, нашель нѣкоторое занятіе, которое поглощало все его время, всѣ его помыслы,—потому что и впослѣдствіи являлся рѣдко къ Аратовымъ, видъ нигдѣ разсѣянный, говорилъ мало и въ скорости исчезалъ... Аратовъ продолжалъ жить по прежнему; — но какая-то, если можно такъ выразиться, захорючка засѣла ему въ душу. Онъ все что-то припоминалъ, самъ не зная хорошенько что именно—и это «что-то» относилось къ вечеру проведенному у княгини. Со всѣмъ тѣмъ, вернуться къ ней онъ не желалъ нисколько — и сѣтъ, часть котораго онъ уличаебъ у нея въ домѣ, отталкивалъ его больше чѣмъ когда-либо. Такъ прошло недѣль шесть.

И вотъ, въ одно утро опять предсталъ предъ нимъ Купферъ, на этотъ разъ съ нѣсколько смущеннымъ лицомъ. — Я знаю, — началъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ, — что тебѣ не по вкусу пришелся твой тогдашній визитъ; но я надѣюсь, что ты все-таки согласишься на мое предложеніе... не откажешь мнѣ въ моей просьбѣ!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Аратовъ.

— Вотъ видишь ли, — продолжалъ Купферъ, все болѣе и болѣе оживляясь;—здѣсь есть одно общество любителей, артистовъ, которое отъ времени до времени устраиваетъ чтенія, концерты, даже театральныя представленія съ благотворительной цѣлью...

— И княгиня участвуетъ?—перебилъ Аратовъ.

— Княгиня всегда въ добрыхъ дѣлахъ участвуетъ—но это ничего. Мы затѣяли литературно-музыкальное утро... и на этомъ утрѣ ты можешь услышать дѣвушку... необыкновенную дѣвушку!—Мы еще не знаемъ хорошенько: Рашель она, или Віардо?... потому что она и поетъ превосходно, и декламируетъ, и играетъ... Талантъ, братецъ ты мой, первоклассный! Безъ преувеличенія говорю.—Такъ вотъ... не возьмешь ли ты билетъ?—Пять рублей, если въ первомъ ряду.

— А откуда взялась эта удивительная дѣвушка?—спросилъ Аратовъ.

Купферъ ослабилъ. — Ужъ этого я не могу сказать... Въ послѣднее время она пріютилась у княгини. Княгиня, ты знаешь, всѣмъ такимъ покровительствуетъ... Да ты ее, вѣроятно, видѣлъ на томъ вечерѣ.

Аратовъ дрогнулъ — внутренно, слабо... но ничего не произвиль.

— Она даже играла гдѣ-то въ провинціи, — продолжалъ

Купферъ, — и вообще она создана для театра. Вотъ ты самъ увидишь!

— Какъ ея имя?—спросилъ Аратовъ.

— Клара...

— Клара?—вторично перебилъ Аратовъ.— Не можетъ быть!

— Отчего: не можетъ быть? — Клара... Клара Миличъ; это не настоящее ея имя... но ее такъ называютъ. Пѣть она будетъ Глинкинскій романсъ... и Чайковскаго; а потомъ пьесы изъ «Евгенія Онѣгина» прочесть.—Чтожъ? берешь билетъ?

— А когда это будетъ?

— Завтра... завтра въ половинѣ второго, въ частной залѣ, на Остоженкѣ... Я зайду за тобой. Въ пять рублей билетъ?... Вотъ онъ... нѣтъ—это трехрублевый.—Вотъ.—Вотъ и афишка.— Я одинъ изъ распорядителей.

Аратовъ задумался. Платонида Ивановна вошла въ эту минуту и, взглянувъ ему въ лицо, вдругъ перетревожилась.— Яша,—воскликнула она,—что съ тобою? Отчего ты такой смущенный? Федоръ Федоровичъ, что вы ему такое сказали?

Но Аратовъ не далъ своему пріятелю отвѣтить на вопросъ тѣтки—и торопливо выхвативъ протанутый къ нему билетъ, приказалъ Платонидѣ Ивановнѣ сейчасъ выдать Купферу пять рублей.

Та удивилась, глазами заморгала... Однако, вручила Купферу деньги молча. Очень уже строго крикнулъ на нее Яшенька.

— Я тебѣ говорю, чудо изъ чудесъ!—воскликнулъ Купферъ и бросился къ дверямъ.—Жди меня завтра!

— У ней черные глаза?—промолвилъ ему въ слѣдъ Аратовъ.

— Какъ уголы!—весело гаркнулъ Купферъ и исчезъ.

Аратовъ ушелъ къ себѣ въ комнату, а Платонида Ивановна такъ и осталась на мѣстѣ, шепотомъ повторяя: «Помози, Господи! Господи, помози!»

IV.

Большая зала въ частномъ домѣ на Остоженкѣ уже на половину была полна посѣтителями, когда Аратовъ съ Купферомъ прибыли туда. Въ этой залѣ давались иногда театральныя представленія, но на этотъ разъ не было видно ни декораций, ни занавѣса. Учредители «утра» ограничились тѣмъ, что воздвигнули на одномъ концѣ эстраду, поставили на ней фортепiano, пару пюпитровъ, нѣсколько стульевъ, столъ съ графиномъ воды

и стаканъ—да завѣсили краснымъ сукномъ дверь, которая вела въ комнату, предоставленную артистамъ. Въ первомъ ряду уже сидѣла княгиня въ ярко-зеленомъ платьѣ; Аратовъ помѣстился въ нѣкоторомъ отъ нея разстоянн, едва обмѣнявшись съ ней поклономъ. Публика была, что называется, разношерстная; все больше молодые люди изъ учебныхъ заведеній. Купферъ, какъ одинъ изъ распорядителей, съ бѣлымъ бантомъ на обшлагѣ фрака, суетился и хлопоталъ изъ всѣхъ силъ; княгиня видимо волновалась, оглядывалась, посылала во всѣ стороны улыбки, заговаривала съ сосѣдями... около нея были одни мужчины. Первымъ на эстрадѣ явился флейтистъ чахоточнаго вида и пресарательно проплевалъ... то бишь! просвисталъ пьеску тоже чахоточнаго свойства; два человѣка закричали: браво! Потомъ какой-то толстый господинъ въ очкахъ, очень на видъ солидный и даже угрюмый, прочелъ басомъ Щедринскій очеркъ; хлопали очерку, не ему; — потомъ явился фортепѣанистъ, уже знакомый Аратову—и пробарабанилъ ту же Листовскую фантазію; фортепѣанистъ удостоился вызова. Онъ кланялся, опершись рукою на спинку стула, и послѣ каждаго поклона взмахивалъ волосами, совсѣмъ какъ Листъ! Наконецъ, послѣ довольно долгаго промежутка, красное сукно на двери за эстрадой зашевелилось, распахнулось широко — и появилась Клара Миличъ. Зала огласилась рукоплесканіями. Нерѣшительными шагами подошла она къ передней части эстрады, остановилась и осталась неподвижной, сложивъ передъ собою большія, красивыя руки безъ перчатокъ, не присѣдая, не наклоняя головы и не улыбаясь.

Это была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, высокая, нѣсколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа, глаза небольшіе, черные, подъ густыми, почти сросшимися бровями, носъ прямой, слегка выдернутый, тонкія губы съ красивымъ, но рѣзкимъ выгибомъ, громадная черная коса, тяжелая даже на видъ, низкій, неподвижный, точно каменный лобъ, крошечныя уши... все лицо задумчивое, почти суровое. Натура страстная, своевольная, — и едва ли добрая, едва ли очень умная—но даровитая—сказывалась во всемъ.

Она нѣкоторое время не поднимала глазъ, но вдругъ встрепенулась и провела по рядамъ зрителей свой пристальный, но не внимательный, словно въ себя углубленный взглядъ... «Какіе у нея трагическіе глаза!» замѣтилъ сидѣвшій позади Аратова нѣкій сѣдоволосый фатъ съ лицомъ кокошки изъ Ревеля, извѣстный по Москвѣ сотрудникъ и соглядатай. Фатъ былъ глупъ и

хотѣлъ сказать глупость... а сказалъ правду! Аратовъ, который съ самаго появленія Клары, не спускалъ съ нея взора, только тутъ вспомнилъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ ее у княгини; и не только видѣлъ ее, но даже замѣтилъ, что она нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью посмотрѣла на него своими темными, пристальными глазами. Да и теперь... или это ему показалось? — она, увидавъ его въ первомъ ряду, какъ будто обрадовалась, какъ будто покраснѣла — и опять настойчиво посмотрѣла на него. Потомъ она, не оборачиваясь, отступила шага два въ направленіи фортепіано, за которымъ уже сидѣлъ ея аккомпаниаторъ, длинноволосый чужестранецъ. Ей приходилось исполнить романсъ Глинки: «Только узналъ я тебя»... Она тотчасъ начала пѣть, не перемѣнивъ положенія рукъ и не глядя на ноты. Голосъ у ней былъ звучный и мягкій — контральто, — слова она выговаривала отчетливо и вѣско, пѣла однообразно, безъ отгѣнковъ, но съ сильнымъ выраженіемъ. — «Съ убѣжденіемъ поетъ дѣвка», промолвилъ тотъ же фатъ, сидѣвшій за спиной Аратова — и опять сказалъ правду. — Крики: *bis!* bravo! раздались кругомъ — но она бросила быстрый взглядъ на Аратова, который не кричалъ и не хлопалъ — ему не особенно понравилась ея пѣніе, — слегка поклонилась и ушла, не принявъ подставленной калачикомъ руки волосатаго піаниста. Ее вызвали... Она не скоро появилась, тѣми же нерѣшительными шагами подошла къ фортепіано — и шепнувъ слова два аккомпаниатору, которому пришлось достать и положить передъ собою не приготовленная, а другія ноты — начала романсъ Чайковского: «Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ свиданья жажду»... Этотъ романсъ она спѣла иначе чѣмъ первый — въ полъ-голоса, словно усталая... и только на предпоследнемъ стихѣ: «Поймешь, какъ я страдалъ» — у нея вырвался звенящій, горячій крикъ. Последній стихъ: «И какъ я стражду»... она почти прошептала, горестно растянувъ последнее слово. Романсъ этотъ произвелъ меньшее впечатлѣніе на публику, чѣмъ Глиненскій; однако, хлопанья было много... Особенно отличался Купферъ; складывая ладони при ударѣ особеннымъ манеромъ, въ видѣ боченка, онъ производилъ необыкновенно-гулкой звукъ. Княгиня передала ему большой растрепанный букетъ съ тѣмъ, чтобы онъ преподнесъ его пѣвицѣ; но она словно не замѣтила наклоненной фигуры Купфера, его вытянутой съ букетомъ руки, повернулась и ушла, вторично не дождавшись піаниста, который поспѣшнѣе прежняго вскочилъ, чтобы ее проводить — и, оставшись не причѣмъ, такъ взмахнулъ волосами, какъ, вѣроятно, самъ Листъ никогда не взмахивалъ!

Во все время пѣнія Аратовъ наблюдалъ лицо Клары. Ему казалось, что глаза ея, сквозь прищуренныя рѣсницы, были обращены опять-таки на него; но его въ особенности поразила неподвижность этого лица, лба, бровей—и только при ея страстномъ вскрикѣ онъ замѣтилъ, какъ сквозь едва раскрытыя губы тепло сверкнулъ радъ бѣлыхъ, тѣсно поставленныхъ зубовъ. Купферъ подошелъ къ нему.

— Ну что, братъ, какъ ты находишь?—спросилъ онъ, весь сіяя удовольствіемъ.

— Голосъ хороший,—отвѣтилъ Аратовъ,—но она пѣтъ еще не умѣтъ, настоящей школы нѣтъ. (Почему онъ это сказалъ, и какое онъ самъ имѣлъ понятіе о «школѣ» — Господь вѣдаетъ!)

Купферъ удивился.—Школы нѣтъ,—повторилъ онъ съ разстановкой...—Ну, это... Она еще подучиться можетъ. За то какая душа! Да вотъ погоди: ты ее въ письмѣ Татьяны послушаешь.

Онъ отбѣжалъ прочь отъ Аратова—а тотъ подумалъ: «Душа! Съ такимъ неподвижнымъ лицомъ!»—Онъ находилъ, что она и держится, и движется, какъ намагнитизированная, какъ сомнамбула. — И въ то же время она несомнѣнно... да! несомнѣнно смотреть на него.

Между тѣмъ, «утро» продолжалось. Толстый человѣкъ въ очкахъ появился опять; несмотря на свою серьезную наружность, онъ воображалъ себя комикомъ — и прочелъ сцену изъ Гоголя, не вызвавши на этотъ разъ ни единого знака одобренія. Промелькнулъ опять флейтистъ; прогремѣлъ опять піанистъ; двѣнадцатилѣтній мальчикъ, напомаженный и завитой, но со слѣдами слезъ на щекахъ, пропѣвывалъ какія-то варіаціи на скрипкѣ. Станнымъ могло показаться то, что въ промежуткахъ чтенія и музыки, изъ комнаты артистовъ изрѣдка доносились отрывистые звуки валторны; между тѣмъ, этотъ инструментъ такъ и остался безъ употребленія. Впослѣдствіи выяснилось, что любитель, вызвавшійся поиграть на немъ, заробѣлъ въ моментъ выхода передъ публикой. Вотъ, наконецъ, опять появилась Клара Миличъ.

Она держала въ рукѣ томикъ Пушкина; однако, во время чтенія ни разу въ него не заглянула... Она явно робѣла: небольшая книжка слегка дрожала въ ея пальцахъ.. Аратовъ замѣтилъ также выраженіе унылости, разлитое *теперь* по всѣмъ ея строгимъ чертамъ. Первый стихъ: «Я къ вамъ пишу... чего же болѣе?» она произнесла чрезвычайно просто, почти наивно — и съ наивнымъ, искреннимъ, безпомощнымъ жестомъ протянула обѣ руки впередъ. Потомъ она стала немного спѣшнѣе; но ужé начиная со стиховъ: «Другой! нѣтъ! Никому на свѣтѣ

не отдала бы сердце я!» — она овладѣла собою, оживилась — и когда дошла до словъ: «Вся жизнь моя была залогомъ свиданья вѣрнаго съ тобой», — ея до тѣхъ поръ довольно глухой голосъ зазвенѣлъ восторженно и смѣло — а глаза ея также смѣло и прямо вперились въ Аратова. Съ такимъ же увлеченіемъ продолжала она — и только къ концу голосъ ея опять понизился — и въ немъ, и на лицѣ отразилась прежняя унылость. Последнее четверостишіе она совсѣмъ, какъ говорится, скомкала — томику Пушкина вдругъ выскользнуло изъ ея рукъ — и она поспѣшно удалилась.

Публика принялась рукоплескать отчаянно, вызывать... Одинъ семинаристъ изъ малороссовъ, между прочимъ, такъ громогласно оралъ: «Мылычъ! Мылычъ!» — что его сосѣдъ вѣжливо, съ участіемъ попросилъ: «пошади въ себѣ будущаго протодьякона!» — Но Аратовъ тотчасъ всталъ и направился къ выходу. Купферъ нагналъ его... — Помилуй, куда же ты? — возопалъ онъ: — хочешь, я тебя представлю Кларѣ? — Нѣтъ, спасибо, — торопливо возразилъ Аратовъ — и почти бѣгомъ пустился домой.

V.

Странныя, ему самому неясныя ощущенія волновали его. Въ сущности, чтеніе Клары тоже не совсѣмъ ему понравилось... хотъ онъ и не могъ себѣ отдать отчета: почему именно? Оно его беспокоило, это чтеніе; оно казалось ему рѣзкимъ, не-гармоническимъ... Оно какъ-будто нарушало что-то въ немъ, являлось какимъ-то насиліемъ. И эти пристальныя, настойчивыя, почти навязчивыя взгляды — къ чему они? Что они значуть?

Скромность Аратова не допускала въ немъ даже мгновенной мысли о томъ, что онъ могъ понравиться этой странной дѣвушкѣ, могъ внушить ей чувство, похожее на любовь, на страсть!.. Да и онъ самъ совсѣмъ не такую представлялъ себѣ ту еще невѣдомую женщину, ту дѣвушку, которой онъ отдастся весь, которая и его полюбитъ, станетъ его невѣстой, его женой... Онъ рѣдко мечталъ объ этомъ: онъ и душой, и тѣломъ, былъ дѣвственникъ; — но чистый образъ, возникавшій тогда въ его воображеніи, былъ навѣянъ другимъ образомъ, — образомъ его покойной матери, которую онъ едва помнилъ, но портретъ которой онъ сохранялъ какъ святыню. Портретъ этотъ былъ писанъ акварелью, довольно неискусно, пріятельницей сосѣдкой; но сходство, по увѣренью всѣхъ, было поразительное. Такой же нѣжный профиль, такіе

же добрые, свѣтлые глаза, такіе же шелковистые волосы, такую же улыбку, такое же ясное выраженіе должна была имѣть та женщина, та дѣвушка, которой онъ даже еще не осмѣливался ожидать...

А эта черномазая, смуглая, съ грубыми волосами, съ уснами на губѣ, она навѣрно недобрая, взбалмошная...—«Цыганка» (Аратовъ не могъ придумать худшаго выраженія),—что она ему?

И между тѣмъ Аратовъ не въ силахъ былъ выкинуть изъ головы своей эту черномазую цыганку,—пѣніе и чтеніе, и самая наружность которой ему не нравились. Онъ недоумѣвалъ, онъ сердился на себя. Не задолго передъ тѣмъ онъ прочелъ романъ Вальтеръ-Скотта: «Сень-Ронанскія воды» (полное собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта находилось въ библіотекѣ его отца, который уважалъ въ англійскомъ романистѣ серьезнаго, чуть не научнаго писателя). Героиня этого романа называется Клара Мобрай. Поэтъ 40-хъ годовъ, Красовъ, написалъ на нее стихотвореніе, оканчивающееся словами:

Несчастная Клара! безумная Клара!
Несчастная Клара Мобрай!

Аратовъ зналъ также это стихотвореніе... И вотъ теперь эти слова безпрестанно приходили ему на память... «Несчастная Клара! безумная Клара!...» (Отъ того онъ и удивился такъ, когда Купферъ назвалъ ему Клару Миличъ.) Сама Платоша замѣтила—не то чтобы перемѣну въ настроеніи Якова—въ немъ собственно никакой перемѣны не произошло—а что-то неладное въ его взглядахъ, въ его рѣчахъ. Она осторожно разспросила его о литературномъ утрѣ, на которомъ онъ присутствовалъ;—пошптала, повздыхала, поглядѣла на него спереди, поглядѣла сбоку, свали—и вдругъ, хлопнувъ ладонями себѣ по лашеямъ, воскликнула:—Ну, Яша!—Я вижу въ чемъ дѣло!

— Что такое?—переспросилъ Аратовъ.

— Ты навѣрное на этомъ утрѣ встрѣтилъ какую-нибудь изъ этихъ хвостовозокъ (Платонида Ивановна называла такъ всѣхъ барынь, носящихъ модныя платья)... Рожица у ней смазливая—и такъ она ломается—и сажъ кривляется (Платоша представила все это въ лицахъ), и глазами такіе круги описываетъ... (и это она представила, проводя указательнымъ пальцемъ большіе круги по воздуху)... Тебѣ съ непривычки и показалось... но вѣдь это ничто, Яша... ни-и-чего не значить! Выпей чайку на ночь... и конецъ!... Господи, помози!

Платоша умолкла и удалилась... Она отроду едва ли произ-

носила такую длинную и оживленную рѣчь... а Аратовъ подумалъ: «Тетка-то, чай, права... Съ непривычки все это... (Ему дѣйствительно въ первый разъ пришлось возбудить къ себѣ вниманіе особы женскаго пола... во всякомъ случаѣ, онъ этого прежде не замѣчалъ.) Баловать себя не надо».

И онъ принялся за свои книги — а на ночь напился липового чаю — и даже спалъ хорошо всю эту ночь — и снова не видѣлъ. На слѣдующее утро онъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, занялся фотографіей...

Но къ вечеру его душевный покой возмущился снова.

VI.

А именно: разсылный принесъ ему записку слѣдующаго содержанія, написанную неправильнымъ и крупнымъ женскимъ почеркомъ:

«Если вы догадываетесь, кто вамъ пишетъ, и если это вамъ не скучно, приходите завтра послѣ обѣда на Тверской бульваръ—около пяти часовъ—и ждите. Васъ задержутъ не долго. Но это очень важно. Придите.»

Подписи не было. Аратовъ тотчасъ догадался, кто была его корреспондентка—и это именно его возмутило.—«Что за вздоръ!» промолвилъ онъ почти вслухъ; «этого еще не доставало. Разумѣется, я не пойду».—Онъ, однако, велѣлъ позвать разсылнаго, отъ котораго узналъ только то, что письмо ему было вручено горничной на улицѣ. Отпустивъ его, Аратовъ перечелъ письмо, бросилъ его на полъ... Но погода немного поднялъ и опять перечелъ; вторично воскликнулъ: вздоръ!—однако, на полъ письма уже не бросилъ, а спряталъ въ ящикъ. Аратовъ принялся за свои обычные занятія, то за одно, то за другое; но дѣло у него не спорилось и не клеилось. Онъ вдругъ замѣтилъ за самимъ собою, что ожидаетъ Купфера! Хотѣлъ ли онъ разспросить его, или, быть можетъ, даже сообщить ему... Но Купферъ не являлся. Потомъ Аратовъ досталъ Пушкина, прочелъ письмо Татьяны и снова убѣдился, что та «цыганка» совсѣмъ не поняла настоящаго смысла этого письма. А этотъ шутъ Купферъ кричитъ: Рашель! Віардо! Потомъ онъ подошелъ къ своему піанино, какъ-то безсознательно приподнявъ его крышку, попытался отыскать на память мелодію романса Чайковскаго; но тотчасъ же съ досадою захлопнулъ піанино и пошелъ къ теткѣ, въ ея особенную, всегда жарко натопленную комнату, съ вѣчнымъ запа-

хомъ маты, палфея и другихъ цѣлебныхъ травъ, и съ такимъ множествомъ ковриковъ, этажерокъ, скамеечекъ, подушечекъ и разной мягкой мебели, что непривычному человѣку и повернуться было въ этой комнатѣ трудно, и дышать стѣснительно. Платонида Ивановна сидѣла подѣ окномъ со спицами въ рукахъ (она взяла Яшенъкъ шарфъ, счетомъ въ теченіе его жизни—тридцать восьмой!)—и очень изумилась. Аратовъ заходилъ въ ней рѣдко, и если ему было что нужно, всякій разъ кричалъ тоневающимъ голосомъ изъ своего кабинета:—Тѣтя Платоша!—Однако, она его усадила и, въ ожиданіи его первыхъ словъ, насторожилась, глядя на него однимъ глазомъ черезъ круглыя очки—другимъ выше ихъ. Она не освѣдомилась о его здоровьѣ и не предложила ему чаю, ибо видѣла, что онъ пришелъ не за тѣмъ. Аратовъ немного помялся... потомъ заговорилъ... заговорилъ о своей матери, о томъ, какъ она жила съ отцомъ, и какъ отецъ съ ней познакомился. Все это онъ зналъ очень хорошо... но ему хотѣлось говорить именно объ этомъ. На его бѣду, Платоша совсѣмъ бесѣдовать не умѣла; отвѣчала очень кратко, словно она подоврѣвала, что и не за этимъ пришелъ Яша.

— Что-жь!—повторала она, поспѣшно, чуть не съ досадой шевеля спицами:—Извѣстно: мать твоя была голубка... голубка, какъ есть... И отецъ твой любилъ ее, какъ слѣдуетъ мужу, вѣрно и честно, по самый гробъ; и никакой другой женщины онъ не любилъ,—прибавила она, возвысивъ голосъ и снявъ очки.

— А робкаго она была права?—спросилъ, помолчавъ, Аратовъ.

— Извѣстно, робкаго. Какъ слѣдуетъ женскому полу. Смѣлыя-то въ послѣднее время завелись.

— А въ ваше время смѣлыхъ не было?

— Было и въ наше... какъ не быть! Да вѣдь кто? Таеъ, потаскушка какая-нибудь, безстыжая. Заплюндаетъ подолъ—да и мечется зря... Ей что? Какая печаль? Подвернется дурачокъ—ей и на руку. А степенные люди пренебрегали. Ты вспомни, развѣ ты въ нашемъ домѣ такихъ видалъ?

Аратовъ ничего не отвѣтилъ и вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Платонида Ивановна посмотрѣла ему вслѣдъ, покачала головою и опять надѣла очки, опять взялась за шарфъ... но не разъ задумывалась и роняла спицы на колѣни.

А Аратовъ до самой ночи,—нѣтъ, нѣтъ да и начнетъ опять съ той же досадой, съ тѣмъ же озлобленіемъ размышлять объ этой запискѣ, о «цыганкѣ», о назначенномъ свиданіи, на которое онъ навѣрное не пойдетъ! И ночью она его беспокоила. Ему все мерещились ея глаза, то прищуренные, то широко

раскрытые, съ ихъ настойчивымъ, прямо на него устремленнымъ взглядомъ—и эти неподвижныя черты съ ихъ властительнымъ выраженіемъ...

На слѣдующее утро онъ опять почему-то все ожидалъ Купфера; чуть-чуть было не написалъ ему письма... а впрочемъ, ничего не дѣлалъ.. все больше расхаживалъ по своему кабинету. Онъ ни на одно мгновеніе не допускалъ въ себѣ даже мысли, что пойдетъ на этотъ глупый «рандеву»... и въ половинѣ четвертаго часа, послѣ торопливо проглоченнаго обѣда, внезапно надѣвъ шинель и нахлобучивъ шапку, украдкой отъ тетки, выскочилъ на улицу и отправился на Тверской бульваръ.

VII.

Аратовъ засталъ на немъ немного прохожихъ. Погода стояла сырая и довольно холодная. Онъ старался не размышлять о томъ, что дѣлалъ, заставлялъ себя обращать вниманіе на всѣ попадавшіеся предметы и какъ бы увѣрялъ себя, что и онъ также вышелъ погулять, какъ и тѣ прохожіе... Вчерашнее письмо находилось у него въ боковомъ карманѣ, и онъ постоянно чувствовалъ его присутствіе. Онъ прошелся раза два по бульвару, зорко вглядываясь въ каждую подходившую къ нему женскую фигуру—и сердце его билось, билось... Онъ почувствовалъ усталость и присѣлъ на лавочку. И вдругъ ему пришло въ голову: «Ну, а если это письмо написано не ею, а кѣмъ-нибудь другимъ, другой женщиной?» По настоящему это для него должно было быть все едино... и однакоже онъ долженъ былъ самому себѣ признаться, что этого онъ не желалъ. «Ужъ очень было бы глупо», подумалось ему, «еще глупѣй того!» Нервное безпокойство начинало овладѣвать имъ; онъ сталъ забнуть—не извнѣ, а изнутри. Онъ нѣсколько разъ вынулъ часы изъ кармана жилета, глядѣлъ на циферблатъ, клалъ ихъ обратно, и всякій разъ забывалъ, сколько оставалось минутъ до пяти часовъ. Ему казалось, что всѣ мимоидущіе какъ-то особенно, съ какимъ-то насмѣшливымъ удивленіемъ и любопытствомъ оглядывали его. Дрянная собаченка подбѣжала, понюхала его ноги и стала вертѣть хвостомъ. Онъ сердито на нее замаяхнулъ. Больше всѣхъ надѣдалъ ему фабричный мальчикъ въ затрапезномъ халатѣ, который усѣлся на скамѣ, по той сторонѣ бульвара—и то по-свистывая, то почесываясь и болтая ногами въ громадныхъ прорванныхъ сапогахъ—то-и-дѣло посматривалъ на него. «Вѣдь вотъ»,

думалъ Аратовъ, «хозяинъ навѣрное его ждетъ—а онъ тутъ, лѣнтяй, баклуши бьетъ...»

Но въ это самое мгновеніе ему почудилось, что кто-то подошелъ и близко сталъ сзади его... чѣмъ-то теплымъ повѣяло отсюда...

Онъ оглянулся... Она!

Онъ тотчасъ узналъ ее, хотя густая темно-синяя вуаль закрывала ея черты. Онъ мгновенно вскочилъ со скамьи—да такъ и остался, и слова не могъ промолвить. Она тоже молчала. Онъ чувствовалъ большое смущеніе... но и ея смущеніе было не меньше: Аратовъ даже сквозь вуаль не могъ не замѣтить, какъ мертвенно она поблѣднѣла. Однако, она заговорила первая.

— Спасибо,—начала она прерывистымъ голосомъ,—спасибо, что пришли. Я не надѣялась...—Она слегка отвернулась и пошла по бульвару. Аратовъ отправился вслѣдъ за нею.

— Вы, можетъ быть, меня осудили,—продолжала она, не оборачивая головы.—Дѣйствительно, мой поступокъ очень странный... Но я много слышала о васъ... да нѣтъ! Я... не по этой причинѣ... Еслибъ вы знали... Я такъ много хотѣла вамъ сказать, Боже мой!.. Но какъ это сдѣлать... Какъ это сдѣлать!

Аратовъ шелъ съ ней рядомъ, немного позади. Онъ не видѣлъ ея лица; онъ видѣлъ только ея шляпу да часть вуали... да длинную, черную, уже поношенную мантилью. Вся его досада и на нее, и на себя вдругъ къ нему вернулась; все смѣшное, все нелѣпное этого свиданья, этихъ объясненій между совершенно незнакомыми людьми, на публичномъ бульварѣ, предстало ему вдругъ.

— Я явился на ваше приглашеніе,—началъ онъ въ свою очередь,—явился, милостивая государыня (ея плеча тихонько дрогнули—она свернула на боковую дорожку—онъ послѣдовалъ за ней), для того только, чтобы разъяснить, чтобы узнать, вслѣдствіе какого страннаго недоразумѣнія вамъ было угодно обратиться ко мнѣ, человѣку вамъ чужому, который... который потому только и *догадался*—какъ вы выразились въ вашемъ письмѣ—что писали ему именно вы... потому догадался, что вамъ, въ теченіе того литературнаго утра, захотѣлось выказать ему слишкомъ... слишкомъ явное вниманіе!

Вся эта небольшая рѣчь была произнесена Аратовымъ—тѣмъ хоть и звонкимъ, но не твердымъ голосомъ, какимъ очень еще молодые люди отвѣчаютъ на экзаменѣ по предмету, къ которому они хорошо приготовились... Онъ сердился; онъ гнѣвался... Этотъ-то самый гнѣвъ и развязалъ его, въ обыкновенное время не очень свободный, языкъ.

Она продолжала идти по дорожкѣ нѣсколько замедленными шагами... Аратовъ попрежнему шелъ за нею и попрежнему видѣлъ одну эту старенькую мантилью да шляпку тоже не совсѣмъ новую. Самолюбіе его страдало при мысли, что вотъ теперь она должна думать: «мнѣ стоило только знакъ подать — и онъ тотчасъ прибѣжать!»

Аратовъ молчалъ... онъ ожидалъ, что она ему отвѣтитъ; но она не произносила ни слова.

— Я готовъ выслушать васъ, — началъ онъ опять, — и очень даже буду радъ, если могу быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ... хотя все-таки, мнѣ, признаюсь, удивительно... при моей уединенной жизни...

Но при послѣднихъ его словахъ Клара внезапно къ нему обернулась — и онъ увидалъ такое испуганное, такое глубоко-опечаленное лицо, съ такими свѣтлыми большими слезами на глазахъ, съ такимъ горестнымъ выраженіемъ вокругъ раскрытыхъ губъ — и такъ было это лицо прекрасно, — что онъ невольно заперся, и самъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ испуга — и сожалѣнія и умиленія.

— Ахъ, зачѣмъ... зачѣмъ вы такъ... — промолвила она съ неотразимо искренней и правдивой силой — и какъ трогательно зазвенѣлъ ее голосъ! — Неужели мое обращеніе къ вамъ могло оскорбить васъ... неужели вы ничего не поняли?.. Ахъ, да! Вы не поняли ничего, вы не поняли, что я вамъ говорила, вы Богъ-знаетъ что вообразили обо мнѣ, вы даже не подумали, чего мнѣ это стоило — написать вамъ!.. Вы только о себѣ заботились, о своемъ достоинствѣ, о своемъ покоѣ!.. Да развѣ я... (она такъ сильно стиснула свои поднесенныя къ губамъ руки, что пальцы явственно хрустнули)... Точно я какія требованія къ вамъ предъявляла, точно нужны были сперва разъясненія... «Милостивая государыня»,... «мнѣ даже удивительно»... «я могу быть полезнымъ...» Ахъ, я безумная! — Я обманулась въ васъ, въ вашемъ лицѣ!.. Когда я увидала васъ въ первый разъ... Вотъ... Вы стоите... И хоть бы слово! Такъ-таки ни слова?

Она умоляла... Лицо ея внезапно вспыхнуло — и также внезапно приняло злое и дерзкое выраженіе. — Господи! какъ это глупо! — воскликнула она вдругъ съ рѣзкимъ хохотомъ. — Какъ наше свиданіе глупо! Какъ я глупа!.. да и вы... Фу!

Она презрительно двинула рукою, словно отстраняя его прочь съ дороги и минуя его, быстро сбѣжала съ бульвара и исчезла.

Это движеніе рукою, этотъ оскорбительный хохотъ, это послѣднее восклицаніе разомъ возвратили Аратову его прежнее

настроение и заглушили въ немъ то чувство, которое возникло въ его душѣ, когда съ слезами на глазахъ она къ нему обратилась. Онъ опять разсердился—и чуть не закричалъ въ слѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ: «Изъ васъ можетъ выдти хорошая актриса, — но зачѣмъ вы вздумали надо мной-то комедію ломать?»

Большими шагами вернулся онъ домой, — и хотя продолжалъ и досадовать, и негодовать въ теченіе всей дороги — однако, въ то же время сквозь всѣ эти нехорошія, враждебныя чувства невольнo пробивалось воспоминаніе о томъ чудномъ лицѣ, которое онъ видѣлъ одинъ только мигъ... Онъ даже поставилъ себѣ вопросъ: «Отчего я не отвѣтилъ ей, когда она требовала отъ меня хоть слово?» — «Я не успѣлъ»... думалъ онъ... «Она мнѣ не дала произнести это слово... И какое слово я бы произнесъ?»

Но онъ тотчасъ тряхнулъ головою и съ укоризной промолвилъ: «актерка!»

И опять-таки въ то же время, — самолюбіе неопытнаго, нервного юноши, сперва оскорбленное, теперь какъ будто было польщено тѣмъ, что вотъ, однако, какую онъ внушилъ страсть...

«Но за то, въ эту минуту», продолжалъ онъ свои размышленія, «все это, разумѣется, кончено... Я долженъ былъ показаться ей смѣшнымъ»...

Эта мысль ему была непріятна — и онъ снова сердился... и на нее... и на себя. Возвратившись домой, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ. Ему не хотѣлось видѣться съ Платошей. Добрая старушка раза два подходила въ его двери — прикладывалась ухомъ къ замочной скважинѣ — и только вздыхала да шептала свою молитву...

«Началось!» думалось ей... «А ему всего 25-й годъ... Ахъ, рано, рано!»

VIII.

Весь слѣдующій день Аратовъ былъ очень не въ духѣ. — Что это Яша? — говорила ему Платонида Ивановна: — ты сегодня какой-то растрепанный?!.. На своеобразномъ языкѣ старушки выраженіе это довольно вѣрно опредѣляло нравственное состояніе Аратова. Работать онъ не могъ, да и самъ не зналъ, чего ему желалось? То онъ опять поджидалъ Купфера (онъ подождалъ, что Клара именно отъ Купфера получила его адрессъ... да и кто другой могъ ей «много говорить» о немъ?); то онъ недоумѣвалъ: неужели такъ и должно кончиться его знакомство

съ нею?—то онъ воображалъ, что она ему напишетъ опять; то онъ себя спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ему написать ей письмо, въ которомъ онъ все объяснитъ,—такъ какъ онъ все же не желаетъ оставить невыгодное о себѣ мнѣніе... Но собственно—что объяснить?—То онъ возбуждалъ въ себѣ чуть не отвращеніе къ ней, къ ея назойливости, дерзости; то ему снова представлялось это несказанно-трогательное лицо и слышался неотразимый голосъ; то онъ припоминалъ ея пѣнье, ея чтеніе—и не зналъ, правъ ли онъ былъ въ своемъ огульномъ осужденіи?—Однимъ словомъ: растрепанный человѣкъ! Наконецъ, это ему все надобло—и онъ рѣшился, какъ говорится, «взять на себя» и *поглотить* всю эту исторію, такъ какъ она несомнѣнно мѣшала его занятіямъ и нарушала его покой.—Не такъ-то легко далось ему исполнить это рѣшеніе... Болѣе нежели недѣля прошло, прежде чѣмъ онъ опять попалъ въ обычную колею. Къ счастью, Купферъ совсѣмъ не являлся: точно его и въ Москвѣ не было. Незадолго до «исторіи», Аратовъ началъ заниматься живописью для фотографическихъ цѣлей; онъ съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся за нее.

Такъ, незамѣтно, съ нѣкоторыми, какъ выражаются доктора, «возвратными припадками», состоявшими, напр., въ томъ, что онъ разъ чуть не отправился съ визитомъ къ княгинѣ—прошло два... прошло три мѣсяца... и Аратовъ сталъ прежнимъ Аратовымъ. Только тамъ, внизу, подъ поверхностью его жизни, что-то тяжелое и темное тайно сопровождало его на всѣхъ его путяхъ. Такъ, большая, только-что пойманная на крючокъ, но еще не выхваченная рыба плыветъ по дну глубокой рѣки подъ самой той лодкой, на которой сидитъ рыбакъ съ вѣрнопой лѣсомъ въ рукѣ.

И вотъ однажды, пробѣгая уже не совсѣмъ свѣжія «Московскія Вѣдомости», Аратовъ наткнулся на слѣдующую корреспонденцію:

«Съ великимъ прискорбіемъ», писалъ нѣкій мѣстный литераторъ изъ Казани, «заносимъ мы въ нашу театральную лѣтопись вѣсть о внезапной кончинѣ нашей даровитой актрисы Клары Миличъ, успѣвшей въ короткое время ея ангажемента сдѣлаться любимицей нашей разборчивой публики. Прискорбіе наше тѣмъ сильнѣе, что г-жа Миличъ самовольно покончила со своей молодой, столь много общавшей жизнью,—посредствомъ отравленія. И это отравленіе тѣмъ ужаснѣе, что артистка приняла ядъ въ самомъ театрѣ! Ее едва довели домой, гдѣ она, къ общему сожалѣнію, скончалась. Въ городѣ ходятъ слухи, что неудовлетворенная любовь довела ее до этого страшнаго поступка».

Аратовъ тихонько положилъ нумеръ газеты на столъ. На видъ онъ остался совершенно спокойнымъ... но что-то разомъ толкнуло его въ грудь и голову—и медленно поплыло потомъ во всѣмъ его членамъ. Онъ всталъ, постоялъ немного на мѣстѣ—и опять сѣлъ, опять перечелъ эту корреспонденцію. Потомъ онъ опять всталъ, легъ на кровать, и заложивъ руки за голову, какъ отуманенный, долго глядѣлъ на стѣну.—Понемногу эта стѣна словно сгладилась... исчезла... и онъ увидалъ передъ собою и бульваръ подъ сѣрымъ небомъ, и ее въ черной мантильѣ... потомъ ее же на эстрадѣ... увидалъ даже самого себя возлѣ нея.—То, что такъ сильно толкнуло его въ грудь въ первое мгновеніе, стало теперь подниматься... подниматься къ горлу... Онъ хотѣлъ откашляться, хотѣлъ позвать кого нибудь—но голосъ измѣнилъ ему—и, къ собственному его изумленью, изъ его глазъ неудержимо повалились слезы... Что вызвало эти слезы? Жалость? Раскаиваніе? Или просто нервы не выдержали внезапнаго потрясенія?—Вѣдь для него она была ничѣмъ? Не такъ ли?

«Да можетъ быть, это еще неправда?» вдругъ осѣнила его мысль. «Надо узнать! Но отъ кого? Отъ княгини?—Нѣтъ, отъ Купфера... отъ Купфера! Да его, говорятъ, въ Москвѣ нѣтъ?—Все равно! Сперва къ нему надо!»

Съ этими соображеніями въ головѣ, Аратовъ наскоро одѣлся, взялъ извозчика и поспекалъ къ Купферу.

IX.

Не надѣялся онъ его застать... а засталъ. Купферъ, точно, отлучался изъ Москвы на нѣкоторое время, но уже съ недѣлю какъ вернулся и даже снова собирался посѣтить Аратова.—Онъ встрѣтилъ его съ обычнымъ радушіемъ—и началъ было ему что-то объяснять... но Аратовъ тотчасъ перебилъ его нетерпѣливымъ вопросомъ:

— Ты читалъ?—Правда?

— Что: правда?—отвѣчалъ озадаченный Купферъ.

— На счетъ Клары Миличъ?

Лицо Купфера выразило сожалѣніе.—Да, да, братъ, правда; отравилась! Такое горе!

Аратовъ помолчалъ.—Да ты тоже въ газетѣ вычиталъ?—спросилъ онъ:—или, можетъ быть, самъ ѣздилъ въ Казань?

— Я ѣздилъ въ Казань, точно; мы съ княгиней ее туда отослали.—Она на сцену тамъ поступила—и большой успѣхъ

имѣла. Только до самой катастрофы я тамъ не дожигъ... Я въ Ярославѣ былъ.

— Въ Ярославѣ?

— Да.—Я княгиню туда проводилъ... Она теперь въ Ярославѣ поселилась.

— Но ты имѣешь вѣрные свѣдѣнія?

— Вѣрнѣйшія... изъ первыхъ рукъ! — Я въ Казани съ ея семействомъ познакомился. — Да постой, братъ... тебя, кажется, это извѣстіе очень волнуетъ. — А, помнится, тебѣ Клара тогда не понравилась? Напрасно! Чудная была дѣвушка — только голова! Бѣдовая голова! Очень я о ней сокрушался!

Аратовъ не промолвилъ слова, опустился на стулъ — и, походя немного, попросилъ Купфера рассказать ему... Онъ запнулся.

— Что? — спросилъ Купферъ.

— Да... все, — отвѣтилъ съ разстановкой Аратовъ. — Вотъ хоть на счетъ ея семейства... и прочаго. Все, что знаешь!

— А это тебя интересуетъ? — Изволь!

И Купферъ, по лицу котораго вовсе нельзя было замѣтить, чтобы онъ ужъ очень такъ сокрушался о Клэрѣ, началъ рассказывать.

Изъ его словъ Аратовъ узналъ, что настоящее имя Клары Миличъ было — Катерина Миловидова; что отецъ ея, теперь уже умершій, былъ штатнымъ учителемъ рисованія въ Казани, писалъ плохіе портреты и казенные *образы* — да къ тому же слылъ за пьяницу и за домашняго тирана;... а еще *образованный* человекъ!... (тутъ Купферъ самодовольно засмѣялся, намекая тѣмъ на сдѣланный имъ каламбуръ;) — что послѣ него остались, во-первыхъ: вдова изъ купеческаго рода, совсѣмъ глупая баба, прямо изъ комедій Островскаго; а во-вторыхъ: дочь, гораздо старше Клары и на нее не похожая — дѣвушка очень умная, только восторженная, больная, замѣчательная дѣвушка — и преразвитая, братецъ ты мой! Что живутъ онѣ обѣ — и вдова, и дочь, безбѣдно, въ порядочномъ домикѣ, прибрѣтенномъ отъ продажи тѣхъ плохихъ портретовъ и образовъ; что Клара... или Катя, какъ хочешь, съ дѣтскихъ лѣтъ поражала всѣхъ своей даровитостью — но праву была непокорнаго, капризнаго — и постоянно грызлась съ отцомъ; что имѣя врожденную страсть къ театру, на шестнадцатомъ году убѣжала изъ родительскаго дома съ актрисой...

— Съ актеромъ? — перебилъ Аратовъ.

— Нѣтъ, не съ актеромъ, а съ актрисой, къ которой при-

визалась... Правда, у этой актрисы был покровитель, богатый и уже старый баринъ, который потому только на ней не женился, что самъ былъ женатъ—да и актриса, кажется, была женщина замужняя. — Далѣе, Купферъ сообщилъ Аратову, что Клара уже до прѣзда въ Москву играла и пѣла на провинціальныхъ театрахъ; что, потерявъ свою пріятельницу актрису, (баринъ тоже, кажется, умеръ, или опять съ женой сошелся—этого Купферъ хорошенько не помнилъ...) познакомилась съ книжницей, этой золотой женщиной, которую ты, другъ мой Яковъ Андреевъ, — прибавилъ съ чувствомъ рассказчикъ, — не умѣлъ оцѣнить какъ слѣдуетъ; что, наконецъ, Клара предложила ангажементъ въ Казани—и что она его приняла, хотя передъ тѣмъ увѣрила, что Москвы никогда не покинетъ! — За то какъ казанцы ее полюбили—даже удивительно! — Что ни представление—букеты и подарки! букеты и подарки! — Хлѣбный торговецъ, первый по губерніи тузъ, тотъ даже золотую чернильницу преподнесъ! — Купферъ рассказалъ все это съ большимъ оживленіемъ, не высказывая, впрочемъ, особой сентиментальности, и перерывая рѣчь вопросами:—Это тебѣ зачѣмъ?... или:—Это на что?—когда Аратовъ, слушавшій его съ пожирающимъ вниманіемъ, требовалъ все большихъ да большихъ подробностей. Все было высказано наконецъ и Купферъ умолкъ, наградивъ себя за трудъ сигаркой.

— А отчего же она отравилась?—спросилъ Аратовъ. — Въ газетѣ напечатано...

Купферъ взмахнулъ руками. — Ну... этого я не могу сказать... Не знаю. А газета вретъ. Вела себя Клара примѣрно... амуровъ никакихъ... Да и гдѣ съ ея гордостью! Горда она была—какъ самъ сатана — и неприступна! — Бѣдовая голова! Тверда какъ камень! Вѣришь ли ты мнѣ — ужъ на что я ее близко зналъ—а никогда на ея глазахъ слезъ не видѣлъ!

— «А я видѣлъ», подумалъ про себя Аратовъ.

— Только вотъ что,—продолжалъ Купферъ;—въ послѣднее время я большую въ ней перемену замѣтилъ: скучная такая стала, молчать, по цѣлымъ часамъ слова отъ нея не добыешься. Ужъ я ее спрашивалъ: не обидѣлъ ли кто васъ, Катерина Семеновна? Потому я зналъ ея нравъ: обиду перенести она не могла! Молчать да и basta! Даже успѣхи на сценѣ ея не веселили; букеты сыплются... а она и не улыбнется! На золотую чернильницу взглянула разъ—и въ сторону! — Жаловалась, что настоящей роли, какъ она ее понимаетъ, никто ей не напишетъ. И мнѣ совсѣмъ бросила. Я, братъ, виноватъ!.. передалъ ей

тогда, что ты въ ней *школы* не находишь. Но все-таки... отчего она отравилась—непостижимо! Да и какъ отравилась!..

— Въ какой роли она больше имѣла успѣха?..—Аратовъ хотѣлъ было узнать, въ какой роли она выступила въ послѣдній разъ—но почему-то спросилъ другое.

— Помнится, въ «Грунѣ» Островскаго. Но повторяю тебѣ: амуровъ нивакихъ! Ты одно посуди: жила она у матери въ домѣ... Знаешь—есть такіе купеческіе дома: въ каждомъ углу кіотъ и лампадка передъ кіотомъ, духота смертельная, пахнетъ кислотиной, въ гостиной по стѣнамъ одни стулья, на окнахъ ерань—а прійдетъ гость—хозяйка взѣхается—словно непріятель подступаетъ. Какіе ужъ тутъ ферлауры да амурь? Бывало, даже меня не пускаютъ. Служанка ихняя, баба здоровенная, въ вумачномъ сарафанѣ, съ отвислыми грудями, станетъ въ передней поперекъ—да и рычитъ: куды? — Нѣтъ, я рѣшительно не понимаю, съ чего она отравилась. Жить, значить, надобно,—философически заключилъ Купферъ свои разсужденія.

Аратовъ сидѣлъ, потупя голову. — Можешь ты мнѣ дать адрессъ этого дома въ Казани?—промолвилъ онъ наконецъ.

— Могу; но на что тебѣ? — Или ты письмо туда послать хочешь?

— Можетъ быть.

— Ну, какъ знаешь. Только старуха тебѣ не отвѣтитъ, ибо безграмотна. Вотъ развѣ сестра... О, сестра умница! — Но опять-таки удивляюсь, братъ, тебѣ! Какое прежде равнодушіе... а теперь какое вниманіе! Все это, любезный, отъ одиночества!

Аратовъ ничего не отвѣтилъ на это замѣчаніе и ушелъ, запасшись казанскимъ адрессомъ.

Когда онъ ѣхалъ къ Купферу, на лицѣ его изображалось волненіе, изумленіе, ожиданіе... Теперь онъ шелъ ровной походкой, съ опущенными глазами, съ надвинутой на лобъ шляпой; почти каждый встрѣчный прохожій провожалъ его пытливымъ взоромъ... но онъ не замѣчалъ прохожихъ... не то, что на бульварѣ!..

«Несчастная Клара! безумная Клара!»—звучало у него на душѣ.

Х.

Однако, слѣдующій день Аратовъ провелъ довольно спойно. Онъ даже могъ предаться обычнымъ занятіямъ. Одно только: и во время занятій, и въ свободное время, онъ постоянно думалъ

о Кларѣ, о томъ, что ему наканунѣ сказалъ Купферъ. Правда, его думы были тоже довольно мирнаго свойства. Ему казалось, что эта странная дѣвушка интересовала его съ психологической точки зрѣнія, какъ нѣчто въ родѣ загадки, надъ разрѣшеніемъ которой стояло бы поломать голову. — «Убѣждала съ актрисой на содержаньи», думалось ему, «отдалась подъ покровительство этой княгини, у которой, кажется, жила — и никакихъ *амуровъ*? Неправдоподобно!... Купферъ говоритъ: гордость! Но, во-первыхъ, мы знаемъ» (Аратову слѣдовало сказать: мы вычитали въ книгахъ...)... «мы знаемъ, что гордость уживается съ легкомысленнымъ поведеніемъ; а во-вторыхъ, какъ же она, такая гордая, назначила свиданіе человѣку, который могъ оказать ей презрѣніе... и оказалъ... да еще въ публичномъ мѣстѣ... на бульварѣ!» — Тутъ Аратову вспомнилась вся сцена на бульварѣ — и онъ спросилъ себя: точно ли онъ оказалъ Кларѣ презрѣніе? — Нѣтъ, рѣшилъ онъ... Это было другое чувство... чувство недо-разумѣнія... недовѣрчивости наконецъ! — «Несчастная Клара!» снова прозвучало у него въ головѣ. — Да, несчастная, рѣшилъ онъ опять... Это самое подходящее слово. — А коли такъ — я былъ несправедливъ. Она вѣрно сказала, что я ея не понялъ. Жаль! — Такое, быть можетъ, замѣчательное существо прошло такъ близко мимо... и я не воспользовался, я оттолкнулъ... Ну, ничего! Жизнь еще вся впереди. Пожалуй, еще не такіа случатся встрѣчи!.

— Но съ какою стати она именно *меня* выбрала? — Онъ взглянулъ на зеркало, мимо котораго проходилъ. — Что во мнѣ особеннаго? И какой я красавецъ? — Такъ лицо... какъ всѣ лица... Впрочемъ, и она не красавица.

Не красавица... а какое выразительное лицо! Неподвижно... а выразительное! Я такого лица еще не встрѣчалъ. — И талантъ у ней есть... то-есть былъ, несомнѣнный. Дикій, неразвитый, даже грубый... но несомнѣнный. — И въ этомъ случаѣ я былъ въ ней несправедливъ. — Аратовъ мысленно перенесся на литературно-музыкальное утро... и самъ замѣтилъ за собою, что онъ чрезвычайно ясно вспоминалъ каждое пропѣтое и сказанное ею слово, каждую нитонацію... Этого бы не случилось, еслибы она была лишена таланта.

— И теперь все это въ могилѣ, куда она сама себя толкнула... Но я тутъ ни при чемъ... Я не виноватъ! Было бы даже смѣшно думать, что я виноватъ. — Аратову опять пришло въ голову, что если бы даже и было у ней «что-нибудь такое» — его поведение во время свиданія несомнѣнно ее разочаровало... Оттого-то

она такъ жестоко и разсмѣялась на прощаніе. — Да и гдѣ доказательство, что она отравилась отъ несчастной любви? Это одни газетные корреспонденты всякую подобную смерть приписываютъ несчастной любви! — Людямъ съ такимъ характеромъ, какъ у Клары, жизнь легко становится постылой... скучной. Да, скучной. Купферъ правъ: просто ей надобно жить.

— Несмотря на успѣхи, на оваціи? — Аратовъ задумался. — Ему даже пріятель былъ психологическій анализъ, которому онъ предавался. Чуждый до сихъ поръ всякаго соприкосновенія съ женщинами, онъ и не подозревалъ, какъ знаменательно было для него самого это напряженное разбирательство женской души.

«Значить, продолжалъ онъ свои размышленія, искусство не удовлетворяло ея, не наполняло пустоты ея жизни. Настоящіе художники только и существуютъ для искусства, для театра... Все остальное блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что они считаютъ своимъ призваніемъ... Она была дилеттантка!»

Тутъ Аратовъ опять задумался. — Нѣтъ, слово «дилеттантка» не вязалось съ тѣмъ лицомъ, съ выраженіемъ того лица, тѣхъ глазъ...

И передъ нимъ опять всплылъ образъ Клары съ устремленнымъ на него, залитымъ слезами взоромъ, съ приподнятыми къ губамъ, стиснутыми руками...

«Ахъ, не надо, не надо... прошепталъ онъ.. Къ чему?»

Такъ прошелъ дѣлный день. За обѣдомъ Аратовъ много разговаривалъ съ Платошей, расспрашивалъ ее о старинѣ, которую она, впрочемъ, и помнила, и передавала плохо, такъ какъ не очень-то владѣла языкомъ — и кромѣ своего Яши, въ теченіе своей жизни, почти ничего не замѣчала. Она только радовалась тому, что вотъ онъ какой сегодня добрый да ласковый! — Къ вечеру Аратовъ затихъ до того, что сыгралъ нѣсколько разъ съ тѣткой въ свои ковыри.

Такъ прошелъ день... — за то ночь!!

XI.

Началась она хорошо; — онъ скоро заснулъ — и когда тетка вошла къ нему на цыпочкахъ, чтобы трижды перекрестить его спящаго — она это дѣлала каждую ночь, — онъ лежалъ и дышалъ спокойно, какъ дитя. — Но передъ зарею ему привидѣлся сонъ.

Ему снилось: онъ шелъ по голой степи, усыпанной камнями,

подъ низкимъ небомъ. Между камнями вылась тропинка; онъ пошелъ по ней.

Вдругъ передъ нимъ поднялось нѣчто въ родѣ тонкаго облака. Онъ вглядывается: облачко стало женщиной въ бѣломъ платьѣ съ свѣтлымъ поясомъ вокругъ стана. Она спѣшитъ отъ него прочь. Онъ не видѣлъ ни лица ея, ни волосъ... ихъ закрывала длинная ткань. Но онъ непремѣнно хотѣлъ догнать ее и заглянуть ей въ глаза. Только какъ онъ ни торопился—она шла противъ него.

На тропинкѣ лежалъ широкій, плоскій камень, подобный могильной плитѣ. Онъ преградилъ ей дорогу. Женщина остановилась. Аратовъ подбѣжалъ къ ней. Она къ нему обернулась—но онъ все-таки не увидалъ ея глазъ... они были закрыты. Лицо ея было бѣлое, бѣлое какъ свѣтъ; руки висѣли неподвижно. Она походила на статую.

Медленно, не сгибаясь ни однимъ членомъ, отклонилась она назадъ и опустилась на ту плиту... И вотъ Аратовъ уже лежитъ съ ней рядомъ, вытянутый весь какъ могильное изваяніе—и руки его сложены какъ у мертвеца.

Но тутъ женщина вдругъ приподнялась—и пошла прочь. Аратовъ хочетъ тоже подняться... но ни пошевелиться, ни разжать рукъ онъ не можетъ—и только съ отчаяньемъ глядитъ ей вслѣдъ.

Тогда женщина внезапно обернулась—и онъ увидалъ свѣтлыя, живые глаза на живомъ, но незнакомомъ лицѣ. Она смѣется, она манитъ его рукою... а онъ все не можетъ пошевелиться.

Она засмѣялась еще разъ—и быстро удалилась, весело качая головою, на которой заглядѣлъ вѣнокъ изъ маленькихъ розъ.

Аратовъ силится закричать, силится нарушить этотъ страшный кошмаръ...

Вдругъ все кругомъ потемнѣло... и женщина возвратилась къ нему. Но это уже не та незнакомая статуя... это Клара. Она остановилась передъ нимъ, скрестила руки—и строго, и внимательно смотритъ на него. Губы ея сжаты—но Аратову чудится, что онъ слышитъ слова:

— «Коли хочешь знать кто я, поѣзжай туда!

— Куда?—спрашиваетъ онъ.

— «Туда!—слышится стонащій отвѣтъ.—Туда»!

Аратовъ проснулся.

Онъ приподнялся въ постели, зажгетъ свѣчку, стоявшую на каминѣ столика—но не всталъ—и долго сидѣлъ, весь похолодѣвшій, медленно осматриваясь кругомъ. Ему казалось, что съ

нимъ что-то свершилось съ тѣхъ поръ какъ онъ легъ; что въ него что-то виѣдрилось... что-то завладѣло имъ. «Да развѣ это возможно?» шепталъ онъ бессознательно. «Развѣ существуетъ такая власть?»

Онъ не могъ остаться въ постели. Онъ тихонько одѣлся—и до утра пробродилъ по комнатѣ. И странное дѣло! О Кларѣ онъ не думалъ ни минуты—и не думалъ отъ того, что рѣшился на другой же день ѣхать въ Казань!

Онъ думалъ только объ этой поѣздкѣ; о томъ, какъ это сдѣлать, и что съ собою взять,—и какъ онъ тамъ все разыщетъ и узнаетъ—и успокоится.—«Не поѣдешь», рассуждалъ онъ самъ съ собою—пожалуй, съ ума сойдешь!» Онъ боялся этого; боялся своихъ нервовъ. Онъ былъ увѣренъ, что какъ только онъ тамъ все это увидитъ вобщю—всякія наводженія разлетятся—какъ тотъ ночной кошмаръ.—«И всего-то на поѣздку пойдетъ недѣля», думалъ онъ... «что такое недѣля! а иначе не отдѣлаешься».

Вставшее солнце освѣтило его комнату; но свѣтъ дневной не разогналъ налегшихъ на него ночныхъ тѣней и не измѣнилъ его рѣшенія.

Съ Платошей чуть не сдѣлался ударъ, когда онъ сообщилъ ей это рѣшеніе. Она даже на короточки присѣла... ноги у ней подеосились. «Какъ въ Казань? зачѣмъ въ Казань?» шептала она, выпучивъ и безъ того слѣпые глаза. Она бы не больше удивилась, еслибы узнала, что ея Яша женится на сосѣдней булочницѣ или уѣзжаетъ въ Америку.—«И на долго въ Казань?»

— Я черезъ недѣлю вернусь,—отвѣчалъ Аратовъ, стоя въ полу-оборотъ къ тетѣ, все еще сидѣвшей на полу.

Платонида Ивановна хотѣла еще возражать—но Аратовъ совершенно неожиданнымъ и необыкновеннымъ образомъ закричалъ на нее.—Я не ребенокъ,—закричалъ онъ и весь поблѣднѣлъ, губы его задрожали, и глаза сверкнули злобно.—Мнѣ двадцать-шестой годъ, я знаю, что дѣлаю—я волѣнъ дѣлать, что хочу!—Я никому не позволяю... Дайте мнѣ денегъ на дорогу, приготовьте чемоданъ съ бѣльемъ и платьемъ... и не мучьте меня!—Я черезъ недѣлю вернусь, Платоша,—прибавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ.

Платоша приподналась, кряхтя, и уже не возражая болѣе, поплелась въ свою комнату. Яша испугалъ ее.—Не голова у меня на плечахъ,—говорила она кухаркѣ, помогавшей ей укладывать Яшины вещи;—не голова—а улей... и какія тамъ пчелы жужжать—не знаю. Въ Казань уѣзжаетъ, мать моя, въ Ка-за-ань! —Кухарка, видѣвшая наканунѣ, что дворникъ ихъ о чемъ-то

долго бесѣдовалъ съ городовымъ, хотѣла — было доложить объ этомъ обстоятельстве своей госпожѣ — да не посмѣла, и только подумала: «въ Казань? — какъ бы не подальше куда нибудь!» — А Платонида Ивановна до того растерялась, что даже обычной молитвы своей не произносила. — Въ такой бѣдѣ и Господь Богъ помочь не могъ!

Въ тотъ же день Аратовъ уѣхалъ въ Казань.

XII.

Не успѣлъ онъ прибыть въ этотъ городъ и занять номеръ въ гостинницѣ — какъ уже бросился отыскивать домъ вдовы Миловидовой. Во время всего путешествія онъ находился въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему принимать всѣ нужныя мѣры, въ Нижнемъ-Новгородѣ перебраться съ желѣзной дороги на пароходъ, кушать на станціяхъ и т. п. Онъ по прежнему былъ увѣренъ, что *тамъ* все разрѣшится — и потому отгонялъ отъ себя всякія воспоминанія и соображенія, удовлетворяясь однимъ — мысленнымъ приготовленіемъ того *слича*, въ которомъ онъ изложитъ передъ семействомъ Клары Миличъ настоящую причину своей поѣздки. — Вотъ онъ наконецъ добрался до цѣли своего стремленія, велѣлъ о себѣ доложить. Его впустили... съ недоумѣніемъ и испугомъ — но впустили.

Домъ вдовы Миловидовой оказался дѣйствительно такимъ, какимъ описалъ его Купферъ; и сама вдова точно походила на одну изъ купчихъ Островскаго, хотя была чиновница: мужъ ея состоялъ въ чинѣ коллежскаго ассессора. Не безъ нѣкотораго затрудненія Аратовъ, предварительно извинясь въ своей смѣлости, въ странности своего посѣщенія, произнесъ приготовленный спичъ о томъ, какъ бы ему хотѣлось собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о столь рано погибшей даровитой артисткѣ; какъ имъ руководить въ этомъ случаѣ не праздное любопытство, а глубокое сочувствіе къ ея таланту, котораго онъ былъ поклонникомъ (онъ такъ и сказалъ: поклонникомъ); какъ, наконецъ, было бы грѣшно оставить публику въ невѣдѣннѣи о томъ, что она потеряла — и почему не сбылись ея надежды! — Г-жа Миловидова не прерывала Аратова; она едва ли хорошо понимала, что такое ей говорить этотъ незнакомый гость — и только пучилась слегка и таращила на него глаза, находя, однако, что видъ у него смиренный, одѣтъ онъ прилично — и не мазурикъ какой... денегъ не просить.

— Вы это о Катѣ?—спросила она какъ только Аратовъ умолилъ.

— Точно такъ... о вашей дочери.

— И вы для этого изъ Москвы прѣехали?

— Изъ Москвы.

— Только для этого?

— Для этого.

Г-жа Миловидова вдругъ встрепенулась. — Да вы — сочинитель? Въ журналахъ пишете?

— Нѣтъ, я не сочинитель — и въ журналахъ до сихъ поръ не писалъ.

Вдова наклонила голову. Она недоумѣвала.

— Стало быть... по собственной охотѣ?—спросила она вдругъ. Аратовъ не тотчасъ нашелся, что отвѣтить.

— По сочувствію, изъ уваженія къ таланту — промолвилъ онъ наконецъ.

Слово: «уваженіе» понравилось г-жѣ Миловидовой. — Чтожъ! произнесла она со вздохомъ... Я хоть и мать ея — и очень о ней горевала... Вѣдь такое вдругъ несчастье!.. Но должна сказать: шальная она была всегда — и покончила такимъ же манеромъ! Срамъ такой... Посудите: каково это для матери? Ужъ на томъ спасибо, что похоронили ее по-христіански... Г-жа Миловидова перекрестилась. — Стыздала она никому не покоралась — родительскій домъ покинула... и наконецъ — легко сказать! — въ актерки пошла! Извѣстно: отъ дому я ей не отказала; вѣдь я любила ее! Вѣдь я все-таки мать! Не у чужихъ же ей жить — да побираться!... Тутъ вдова прослезилась. — А если у васъ, господинъ, — заговорила она снова, утирая глаза концами босыней, — точно есть такое намѣреніе, и вы противъ насъ никакого безчестія не замышляете — а, напротивъ, хотите вниманіе оказать — такъ вы вотъ съ моей другой дочкой поговорите. Она все вамъ расскажетъ лучше моего... — Анночка! кликнула г-жа Миловидова: — Анночка, подь сюда! Вотъ здѣсь какой-то господинъ изъ Москвы на счетъ Катѣ побесѣдовать желаетъ!

Что-то стукнуло въ сосѣдней комнатѣ; но никто не появлялся. — Анночка! — кликнула опять вдова: — Анна Семеновна! иди, говорить тебѣ!

Дверь тихонько растворилась, и на порогъ показалась дѣвушка уже немолодая, болѣзненнаго вида — и некрасивая — но съ очень вроткими и грустными глазами. Аратовъ поднялся съ мѣста ей на-встрѣчу и отрекомендовался, причемъ назвалъ сво-

его друга Купфера.—А! Федоръ Федорычъ! тихонько произнесла дѣвушка и тихонько опустилась на стулъ.

— Ну вотъ, побесѣдуй съ господиномъ, промолвила г-жа Миловидова, грузно поднимаясь съ мѣста: — потрудился, нарочно изъ Москвы пріѣхалъ — о Катѣ свѣдѣнія собрать желаетъ. А вы меня, господинъ, — прибавила она, обращаясь къ Аратову, — извините... Я уйду, по хозяйству. Съ Анночкой вы можете хорошо объясниться — она вамъ и о театрѣ расскажетъ... и все такое. Она у меня умница, образованная; по-французски говорить и книжки читать, не хуже сестры ея покойницы. Она же ее, можно сказать, воспитывала... Старше ея была — ну и занялась.

Г-жа Миловидова удалилась. Оставшись наединѣ съ Анной Семеновной, Аратовъ повторилъ свой спичъ; но съ перваго же взгляду понявъ, что имѣетъ дѣло съ дѣвушкой, дѣйствительно образованной, не съ купеческой дочкой, — нѣсколько распространился — и выраженія другія употребилъ; — а подъ конецъ самъ разволновался, покраснѣлъ и почувствовалъ, что сердце у него застучало. Анна слушала его, молча, положивъ руку на руку; печальная улыбка не сходила съ ея лица... горькое, непереболѣвшее горе сказывалось въ этой улыбкѣ.

— Вы знали мою сестру? — спросила она Аратова.

— Нѣтъ; я ея собственно не зналъ, — отвѣчалъ онъ. Видѣлся съ нею и слышалъ ее разъ... но вашу сестру стоило разъ увидѣть и услышать...

— Вы хотите ея біографію написать? — спросила опять Анна.

Аратовъ не ожидалъ этого слова; однако, тотчасъ же отвѣтилъ, что — отчего же нѣтъ? Но главное, онъ хотѣлъ познакомить публику...

Анна остановила его движеніемъ руки.

— Это на что же? Публика ей безъ того много горя надѣламъ; да и Катя только-что начинала жить. Но если вы сами (Анна посмотрѣла на него и опять улыбнулась той же печальной, но уже болѣе пріятной улыбкой... она какъ будто подумала: да, ты внушаешь мнѣ довѣріе)... если вы сами питаете къ ней такое участіе, то позвольте васъ попросить придти къ намъ сегодня вечеромъ... послѣ обѣда. Я теперь не могу... такъ вдругъ... Я соберусь съ силами... Я попытаюсь... Ахъ, я слишкомъ люблю ее!

Анна отвернулась; она готова была зарыдать.

Аратовъ проверно поднялся со стула, поблагодарилъ за предложеніе, сказалъ, что придетъ непременно.. непременно! — и

ушелъ, унося въ душѣ впечатлѣніе тихаго голоса, вротенхъ и грустныхъ глазъ — и сгорая томленьемъ ожиданія.

ХІІІ.

Аратовъ въ тотъ же день вернулся къ Миловидовымъ и цѣлыхъ три часа пробесѣдовалъ съ Анной Семеновной. Г-жа Миловидова ложилась спать тотчасъ послѣ обѣда — въ два часа — и «отдыхала» до вечерняго чаю, до семи часовъ. Разговоръ Аратова съ сестрою Клары не былъ собственно бесѣдой: она говорила почти одна, сперва съ запинкой, съ смущеніемъ, но потомъ съ неудержимымъ жаромъ. Она, очевидно, богоговорила свою сестру. Довѣріе, внушенное ей Аратовымъ, росло и крѣпло; она уже не стѣснялась; она даже раза два, молча, всплакнула передъ нимъ. Онъ казался ей достойнымъ ея откровенныхъ сообщеній и изліаній... въ ея собственной глухой жизни ничего такого еще не случалось!.. А онъ... онъ впитывалъ каждое ея слово.

Вотъ, что онъ узналъ... многое, конечно! изъ недомолвокъ... многое онъ дополнилъ самъ.

Въ дѣтствѣ Клара была несомнѣнно непріятнымъ ребенкомъ; и въ дѣвушкахъ она была немногимъ мягче: своевольная, вспыльчивая, самолюбивая, она не ладила особенно съ отцомъ, котораго презирала за пьянство и за бездарность. Онъ это чувствовалъ и не прощалъ ей этого. Музыкальныя способности въ ней оказались рано; отецъ не давалъ имъ ходу, признавая художествомъ одну живопись, въ которой такъ мало самъ преуспѣлъ, но которая кормила и его, и семью. Мать свою Клара любила... небрежно, какъ няню; сестру обожала, хоть и дралась съ ней, и кусала ее... Правда, она потомъ становилась на колѣни передъ нею и цѣловала укушенные мѣста. Она была вся — огонь, вся — страсть, и вся — противорѣчіе: мстительна и добра, великодушна и злопамятна; вѣрила въ судьбу — и не вѣрила въ Бога (эти слова Анна прошептала съ ужасомъ); любила все красивое, а сама о своей красотѣ не заботилась и одѣвалась какъ понало; терпѣть не могла, чтобы за ней ухаживали молодые люди, а въ книгахъ перечитывала только тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о любви; не хотѣла нравиться, не любила ласки и никогда ласки не забывала, какъ и не забывала оскорбленія; боялась смерти и сама себя убила! Она говаривала иногда: «Такого, какъ я хочу — я не встрѣчу... а другихъ мнѣ не надо!» — Ну, а если встрѣтишь? — спрашивала Анна. — «Встрѣчу... возьму». — А если не

дастся?—«Ну, тогда... съ собой покончу. Значить, не гожусь». Отецъ Клары... (онъ иногда съ пьяныхъ глазъ спрашивалъ у жены: —«Отъ кого у тебя этотъ бѣсенокъ черномазый?—не отъ меня!») —отецъ Клары, стараясь ее сбыть поскорѣе съ рукъ, просваталъ-было ее за богатаго молодого купчика, преглупенькаго—изъ «образованныхъ». За двѣ недѣли до свадьбы (ей было всего шестнадцать лѣтъ), она подошла къ своему жениху, скрестивши руки и играя пальцами по локтямъ (любимая ея поза), да вдругъ, какъ хлопъ его по румяной щекѣ своей большой, сильной рукой! Онъ вскопчилъ и только ротъ разинулъ,—надо сказать, что онъ былъ смертельно въ нее влюбленъ... Спрашиваетъ: за что? Она засмѣялась и ушла.—Я тутъ же въ комнатѣ находилась,—разсказывала Анна,—была свидѣтельницей. Побѣжала за ней, да говорю ей:—Катя, помилуй, что ты это?—А она мнѣ въ отвѣтъ: «коли бѣ настоящій былъ человѣкъ—прибилъ бы меня, а то—курица мокрая! И еще спрашиваетъ: за что? Коли любишь, и не отмстишь, такъ терпи и не спрашивай: за что? Ничего ему отъ меня не будетъ—во вѣки вѣковы!» Такъ она замужъ за него и не пошла. Тутъ же скоро она съ той актрисой познакомилась—и оставила нашъ домъ. Матушка поплакала, а отецъ только сказалъ: «Строптивую козу изъ стада вонъ!» И хлопотать, разыскивать не сталъ. Отецъ не понималъ Клары. Меня она, наканунѣ своего бѣгства, прибавила Анна, чуть не задушила въ своихъ объятіяхъ—и все повторяла: не могу! не могу иначе!... Сердце пополамъ, а не могу! Клѣтва ваша мала... не по крыльямъ! Да и своей судьбы не минувешь...

—Послѣ этого,—замѣтила Анна,—мы съ ней рѣдко видались.... Когда умеръ отецъ, она пріѣхала на два дня, ничего изъ наслѣдства не взяла—и опять скрылась. Ей у насъ было тяжело... Я это видѣла. Потомъ она пріѣхала въ Казань уже актрисой.

Аратовъ началъ разспрашивать Анну о театрѣ, о роляхъ, въ которыхъ появлялась Клара, объ ея успѣхахъ... Анна отвѣчала подробно, съ тѣмъ же горестнымъ, хоть и живымъ увлеченіемъ. Она даже показала Аратову фотографическую карточку, на которой Клара была представлена въ костюмѣ одной изъ ея ролей. На карточкѣ она глядѣла въ сторону, словно отворачивалась отъ зрителей; перевитая лентой густая коса падала змѣей на обнаженную руку. Аратовъ долго разсматривалъ эту карточку, никакъ ее схожей, спросилъ, не участвовала ли Клара въ публичныхъ чтеніяхъ, и узналъ, что нѣтъ; что ей нужно было возбужде-

— Анна Семеновна!—воскликнулъ онъ наконецъ не громко, но съ особенной силой,—скажите, умоляю васъ, скажите, отчего она... отчего она рѣшилась на тотъ ужасный поступокъ?..

Анна опустила глаза.— Не знаю!—промолвила она, спустя нѣсколько мгновений.— Ей-Богу, не знаю!—продолжала она стремительно, замѣтивъ, что Аратовъ развелъ руками, какъ бы не вѣря ей...— Съ самаго пріѣзда сюда она, точно, была задумчива, мрачна. Съ ней непремѣнно что-нибудь въ Москвѣ случилось, чего я не могла разгадать! Но, напротивъ, въ тотъ роковой день она какъ будто была... если не веселѣе, то спокойнѣе обыкновеннаго. Даже у меня никакихъ предчувствій не было,—прибавила Анна съ горькой усмѣшкой, какъ бы упрекая себя въ этомъ.

— Видите ли,—заговорила она опять,—у Кати словно на роду было написано, что она будетъ несчастна. Съ раннихъ лѣтъ она была въ этомъ убѣждена. Подопрется такъ рукою, задумается и скажетъ: «Мнѣ не долго жить!» У ней бывали предчувствія. Представьте, что она даже заранѣе,—иногда во снѣ, а иногда и такъ видѣла, что съ ней будетъ! «Не могу жить, какъ хочу, такъ и не надо»... тоже была ея поговорка.—«Вѣдь наша жизнь въ нашей рукѣ!» И она это доказала!

Анна закрыла лицо руками—и умолкла.

— Анна Семеновна,—началь, погода немного, Аратовъ,—вы, можете быть, слышали, чему приписывали газеты...

— Несчастной любва?—перебила Анна, разомъ отдернувъ руки отъ лица.—Это клевета, клевета, выдумка!.. Моя негрону-тая, неприступная Катя... Катя!.. и несчастная, отвергнутая любовь?!... И я бы этого не знала?... Въ нее, въ нее всѣ влюблялись... а она... И кого бы она здѣсь полюбила? Кто, изъ всѣхъ этихъ людей, кто былъ ея достоинъ? Кто доросъ до того идеала честности, правдивости, чистоты, главное, чистоты, который, при всѣхъ ея недостаткахъ, постоянно носился передъ нею?... Ее отвергнуть... ее.

Голосъ перервался у Анны... Ея пальцы слегка задрожали. Она вдругъ вся покраснѣла... покраснѣла отъ негодованія—и въ этотъ мигъ—и только на мигъ стала похожа на сестру.

Аратовъ началъ было извиняться.

— Послушайте,—опять перебила Анна:—я непремѣнно хочу, чтобы вы и сами не вѣрили въ эту клевету и разсѣяли бы ее, если это возможно! Вотъ вы хотите написать о ней статью, что ли, вотъ вамъ случай защитить ея память! Я оттого и говорю съ вами такъ откровенно. Послушайте: отъ Кати остался дневникъ...

Аратовъ вдрогнулъ.—Дневникъ,—прошепталъ онъ.

— Да, дневникъ... то-есть, всего нѣсколько страничекъ.— Катя не любила писать... по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не записывала... и письма ея были такіа короткіа. Но она всегда, всегда была правдива, она никогда не лгала... Съ ея самолюбіемъ, да лгать! Я... я вамъ покажу этотъ дневникъ! Вы увидите сами, былъ ли въ немъ хотя намекъ на какую-то несчастную любовь!

Анна торопливо достала изъ столоваго ящика тоненькую тетрадку, страницъ въ десять, не болѣе, и протянула ее Аратову. Тотъ схватилъ ее съ жадностью, узналъ неправильный, размашистый почеркъ, почеркъ того безымяннаго письма, развернулъ ее на удачу—и тотчасъ же попалъ на слѣдующія строки:

«Москва.—Вторникъ ...-го іюня. Пѣла и читала на литературномъ утрѣ. Сегодня для меня знаменательный день. Онъ долженъ решить мою участь. (Эти слова были дважды подчеркнуты.) Я опять увидела...» Тутъ слѣдовало нѣсколько тщательно замазанныхъ строкъ.—И потомъ: «Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!.. Надо опять какъ прежде, если только...»

Аратовъ опустилъ руку, въ которой онъ держалъ тетрадку, и голова его тихо свѣсилась на грудь.

— Читайте! — воскликнула Анна.—Чтожъ вы не читаете? Прочтите сначала... Тутъ всего на пять минутъ чтенія, хоть и на цѣлыхъ два года тянется этотъ дневникъ. Въ Казани она уже ничего не записывала...

Аратовъ медленно поднялся со стула, и такъ и обрушился на колѣни передъ Анной!

Та просто окаменѣла отъ удивленія и испуга.

— Дайте... дайте мнѣ этотъ дневникъ,—заговорилъ Аратовъ замирающимъ голосомъ,—и протянулъ къ Аннѣ обѣ руки.—Дайте мнѣ его... и карточку... у васъ навѣрное есть другая—а дневникъ я вамъ возвращу... Но мнѣ нужно, нужно...

Въ его мольбѣ, въ искаженныхъ чертахъ его лица было что-то до того отчаянное, что оно походило даже на злобу, на страданіе... Да онъ и страдалъ дѣйствительно. Онъ словно самъ не могъ предвидѣть, что надъ нимъ страсется такая бѣда — и раздраженно молилъ о пощадѣ, о спасеніи...

— Дайте,—повторилъ онъ.

— Да... вы... вы были влюблены въ мою сестру? — проговорила, наконецъ, Анна.

Аратовъ продолжалъ стоять на колѣняхъ.

— Я ее всего два раза видѣлъ... вѣрите мнѣ!.. и если бы меня не побуждали причины, которыя я самъ ни понять, ни

изъяснить хорошенъко не могу... еслибъ не была надо мною какая-то власть, сильнѣе меня... я не сталъ бы васъ просить... я бы не прѣѣхалъ сюда. Мнѣ нужно... я долженъ... вѣдь вы сами сказали, что я обязанъ восстановить ея образъ!

— И вы не были влюблены въ сестру? — спросила Анна вторично.

Аратовъ не тотчасъ отвѣтилъ — и отвернулся слегка, какъ отъ боли.

— Ну, да! былъ! былъ! — я и теперь влюбленъ... — воскликнулъ онъ съ тѣмъ же отчаяньемъ.

Послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ.

— Встаньте... встаньте... — поспѣшно промолвила Анна. — Къ намъ матушка идетъ.

Аратовъ приподнялся.

— И возьмите дневникъ и карточку, Богъ съ вами! — Бѣдная, бѣдная Ката!.. Но вы дневникъ мнѣ возвратите, — прибавила она съ живостью. — И если вы что напишите, пришлите мнѣ непременно... Слышите?

Появленіе г-жи Миловидовой избавило Аратова отъ необходимости отвѣчать. — Онъ успѣлъ, однако, шепнуть: — Вы ангелъ! Спасибо! пришлю все, что напишу...

Г-жа Миловидова съ просоня ни о чемъ не догадалась. Такъ Аратовъ и уѣхалъ изъ Казани съ фотографической карточкой въ боковомъ карманѣ сюртука. Тетрадку онъ возвратилъ Аннѣ — но, незамѣтно для нея, вырѣзалъ листикъ, на которомъ находились подчеркнутыя слова.

На обратномъ пути въ Москву имъ опять овладѣло оцѣпенѣніе. Хотя онъ и радовался въ тайнѣ, что добился-таки того, за чѣмъ ѣздилъ, однако, всѣ помышленія о Кларѣ онъ откладывалъ до возвращенія домой. Онъ гораздо больше думалъ о ея сестрѣ Аннѣ. — Вотъ, думалъ онъ, чудесное, симпатическое существо! Какое тонкое пониманіе всего, какое любящее сердце, какое отсутствіе эгоизма! И какъ это у насъ въ провинціи — да еще въ такой обстановкѣ — разцвѣтаютъ такія дѣвушки! — Она и болѣзненна, и собой дурна, и не молода — а какой бы отличной была подругой для порядочнаго, образованнаго человѣка! Вотъ въ кого слѣдовало бы влюбиться!.. — Аратовъ думалъ такъ... но по прибытіи въ Москву дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ.

XIV.

Платонида Ивановна несказанно обрадовалась возвращенію своего племянника. Чего-чего она не передумала въ его отсутствіе!—«По меньшей мѣрѣ, въ Сибирь!» шептала она, сидя неподвижно въ своей комнатѣ;—«по меньшей мѣрѣ—на годъ!»—Къ тому же и кухарка пугала ее, сообщая наивѣрнѣйшія извѣстія объ исчезновеніи то того, то другого молодого человѣка по содѣйству. Совершенная невинность и благонадежность Яши насколько не успокоивали старушку.—«Потому... мало ли что!—фотографіей занимается... ну и довольно! Бери его!»—И вотъ ея Яшенька вернулся цѣлъ и невредимъ! Правда, она замѣтила, что онъ какъ будто похудѣлъ и въ личикѣ осунулся—дѣло понятное... безъ призора!—но разспрашивать его объ его путешествіи не посмѣла. Спросила за обѣдомъ:—А хорошій городъ Казань?—Хорошій—отвѣчалъ Аратовъ.—Чай, тамъ все татары живутъ?—Не одни татары.—А халата оттуда не привезъ?—Нѣтъ, не привезъ.—Тѣмъ и кончился разговоръ.

Но какъ только Аратовъ очутился одинъ въ своемъ кабинетѣ—онъ немедленно почувствовалъ, что его какъ бы кругомъ что-то охватило, что онъ опять находится *во власти*, именно во власти другой жизни, другого существа. Хоть онъ и сказалъ Аннѣ—въ томъ порывѣ внезапнаго вступленія,—что онъ влюбленъ въ Клару—но это слово ему самому теперь казалось безсмысленнымъ и дикимъ.—Нѣтъ, онъ не влюбленъ, да и какъ влюбиться въ мертвую, которая даже при жизни ему не нравилась, которую онъ почти забылъ?—Нѣтъ! но онъ во власти... въ ея власти... онъ не принадлежитъ себѣ болѣе. Онъ—*взятъ*. Взять до того, что даже не пытается освободиться ни насмѣшкой надъ собственной нелѣпостью, ни возбужденіемъ въ себѣ, если не увѣренности, то хоть надежды, что это все пройдетъ, что это—одни нервы,—ни прискиваніемъ къ тому доказательству—ни чѣмъ инымъ!—«Встрѣчу—возьму»—вспомнились ему слова Клары, переданныя Анной... вотъ онъ и взять.—Да вѣдь она—мертвая? Да; тѣло ея мертвое... а душа?—развѣ она не бессмертная... развѣ ей нужны земные органы, чтобы проявить свою власть?—Вонъ магнетизмъ намъ доказалъ вліяніе живой человѣческой души на другую живую человѣческую душу... Отчего же это вліяніе не продолжится и послѣ смерти—коли душа остается живою?—Да съ какою цѣлью? Что изъ этого можетъ выдти?—Но развѣ мы—вообще—постигаемъ, какая цѣль всего, что совершается вокругъ

насъ?—Эти мысли до того занимали Аратова, что онъ внезапно, за чаемъ, спросилъ Платону: вѣрить ли она въ безсмертіе души?—Та сначала не поняла, что онъ такое спрашиваетъ—а потомъ перекрестилась и отвѣтила, что еще бы душѣ — да не быть безсмертной!—А коли такъ, можетъ она дѣйствовать послѣ смерти?—опять спросилъ Аратовъ. Старушка отвѣчала, что можетъ... за насъ молиться, то-есть; и то, когда пройдетъ всѣ мытарства — въ ожиданьи Страшнаго Суда. А первые сорокъ дней она только витаетъ около того мѣста, гдѣ ей смерть приключилась.

— Первые сорокъ дней?

— Да; а потомъ пойдутъ мытарства.

Аратовъ подивился познаніямъ тетки — и ушелъ къ себѣ. — И опять почувствовалъ то же, ту же власть надъ собой. — Власть эта сказывалась и въ томъ, что ему безпрестанно представлялся образъ Клары, до малѣйшихъ подробностей, до такихъ подробностей, которыя онъ при жизни ея какъ будто и не замѣчалъ: онъ видѣлъ... видѣлъ ея пальцы, ногти, грядки волосъ на щекахъ подъ висками, небольшую родинку подъ лѣвымъ глазомъ; видѣлъ движенія ея губъ, ноздрей, бровей... и какая у ней походка — и какъ она держитъ голову немного на правый бокъ... все видѣлъ онъ! — Онъ вовсе не любовался всѣмъ этимъ; онъ только не могъ объ этомъ не думать и не видѣть. — Въ первую ночь послѣ своего возвращенія она, однако, ему не снилась... онъ очень усталъ и спалъ какъ убитый. За то, какъ только онъ проснулся — она снова вошла въ его комнату — и такъ и осталась въ ней — точно хозяйка; точно она своей добровольной смертью купила себѣ это право, не спрося его и не нуждаясь въ его позволеніи. — Онъ взялъ ея фотографическую карточку; началъ ее воспроизводить, увеличивать. Потомъ онъ вздумалъ ее приладить къ стереоскопу. Хлопотъ ему было много... наконецъ, это ему удалось. Онъ такъ и вздрогнулъ, когда увидалъ сквозь стекло ея фигуру, получившую подобіе тѣлесности. Но фигура эта была сѣрая, словно запыленная... и къ тому же глаза... глаза все смотрѣли въ сторону, все какъ будто отворачивались. Онъ сталъ долго, долго глядѣть на нихъ, какъ бы ожидая, что вотъ они направятся въ его сторону... онъ даже нарочно прищуривался... но глаза оставались неподвижными, и вся фигура принимала видъ какой-то куклы. Онъ отошелъ прочь, бросился въ кресло, досталъ вырванный листикъ ея дневника, съ подчеркнутыми словами — и подумалъ: «вѣдь вотъ, говорятъ, влюбленные цѣлуютъ строки, написанныя милой рукою — а мнѣ этого не хо-

чется дѣлать—да и почеркъ мнѣ кажется некрасивымъ. Но въ этой строкѣ — мой приговоръ». — Тутъ ему пришло въ голову обѣщанье, данное Аннѣ насчетъ статьи. Онъ сѣлъ за столъ и принялся-было ее писать; но все у него выходило такъ ложно, такъ риторично... главное, такъ ложно... точно онъ не вѣрилъ ни въ то, что онъ писалъ, ни въ собственныя чувства... да и сама Клара показалась ему незнакомой, непонятной! Она не давалась ему. — «Нѣтъ! подумалъ онъ, бросая перо... либо сочинительство вообще не мое дѣло, либо еще подождать надо!» — Онъ сталъ припоминать свое посѣщеніе у Миловидовыхъ — и весь рассказъ Анны, этой доброй, чудной Анны... Сказанное ею слово: «нетронутая!» внезапно поразило его. Словно что и обожгло его, и освѣтило. — Да, промолвилъ онъ громко: она нетронутая — и я нетронутый... Вотъ что дало ей эту власть!

Мысли о безсмертіи души, о жизни за гробомъ снова посѣтили его. — Развѣ не сказано въ Библии: «Смерть, гдѣ жало твое?» А у Шиллера: «И мертвые будутъ жить!» (Auch die Todten sollen leben!) — Или вотъ еще, кажется, у Мицкевича: — «Я буду любить до скончанія вѣка... и по скончаніи вѣка!» — А одинъ англійскій писатель сказалъ: «Любовь сильнѣе смерти!» — Библейское изрѣченіе особенно подѣйствовало на Аратова. — Онъ хотѣлъ отыскать мѣсто, гдѣ находятся эти слова... Библии у него не было; онъ пошелъ попросить ее у Платоши. — Та удивилась; однако, достала старую-старую книгу въ покоробленномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками, всю запапанную воскомъ, — и вручила ее Аратову. Онъ унесъ ее къ себѣ въ комнату — но долго не находилъ того изрѣченія... за то ему попалось другое:

«Большее сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя»... (Ев. отъ Іоанна, XV гл. 13 ст.)

Онъ подумалъ: «Не такъ сказано. — Надо было сказать: «Большее сея *власти* никто же имать...»

— «А если она вовсе не за меня положила свою душу? — Если она только потому покончила съ собою, что жизнь ей стала въ тягость? — Если она, наконецъ, вовсе не для любовныхъ объясненій пришла на свиданье?»

Но въ это мгновеніе ему представилась Клара передъ разлукой на бульварѣ... Онъ вспомнилъ то горестное выраженіе на ея лицѣ — и тѣ слезы, и тѣ слова: — Ахъ, вы ничего не понимали!..

Нѣтъ! онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, изъ-за чего и для чего она положила свою душу...

Такъ прошелъ весь этотъ день до ночи.

XV.

Аратовъ легъ рано, безъ особеннаго желанія спать; но онъ надѣялся найти отдыхъ въ постели. Напряженное состояніе его нервовъ причинило ему утомленіе, гораздо болѣе несносное, чѣмъ физическая усталость путешествія и дороги. Однако, какъ ни было велико его утомленіе, заснуть онъ не могъ. Онъ попытался читать... но строки путались передъ его глазами. Онъ погасилъ свѣчку—и мракъ водворился въ его комнатѣ.—Но онъ продолжалъ лежать безъ сна, съ закрытыми глазами... И вотъ—ему почудилось: кто-то шепчетъ ему на ухо... «Стукъ сердца, шелестъ крови»,—подумалъ онъ... Но шепотъ перешелъ въ связную рѣчь. Кто-то говорилъ по-русски, торопливо, жалобно и невнятно. Ни одного отдѣльнаго слова нельзя было уловить... Но это былъ голосъ Клары!

Аратовъ открылъ глаза, приподнялся, облокотился... Голосъ сталъ слабѣе, но продолжалъ свою жалобную, поспѣшную, по прежнему невнятную рѣчь...

Это несомнѣнно голосъ Клары!

Чьи-то пальцы пробѣжали легкими арпеджіями по клавишамъ піанино... Потомъ голосъ опять заговорилъ. Послышались болѣе протяжные звуки... какъ бы стоны... все одни и тѣ же. А тамъ начали выдѣляться слова...

«Розы... розы... розы...»

— Розы, — повторилъ шепотомъ Аратовъ. — Ахъ, да! это тѣ розы, которыя я видѣлъ на головѣ той женщины во снѣ...

«Розы», послышалось опять.

— Ты ли это?—спросилъ тѣмъ же шепотомъ Аратовъ.

Голосъ вдругъ умолкъ.

Аратовъ подождалъ... подождалъ—и уронилъ голову на подушку. «Галлюцинація слуха, подумалъ онъ. Ну а если... если она, точно, здѣсь, близко?.. Если бы я ее увидѣлъ—испугался ли бы я?—Или обрадовался? Но чего бы я испугался? Чему бы обрадовался? Развѣ вотъ чему: это было бы доказательствомъ что есть другой міръ, что душа бессмертна.—Но впрочемъ, если бы я даже что-нибудь увидѣлъ—вѣдь это могло бы тоже быть галлюцинаціей зрѣнія...

Однако, онъ зажегъ свѣчку—и быстрымъ взоромъ, не безъ нѣкотораго страха, обѣжалъ всю комнату... и ничего въ ней необыкновеннаго не увидѣлъ. Онъ всталъ, подошелъ къ стереоскопу... опять та же сѣрая кукла съ глазами, смотрящими въ

сторону. Чувство страха замѣнилось въ Аратовѣ чувствомъ досады. Онъ какъ будто обманулся въ своихъ ожиданьяхъ... да и смѣшны ему показались эти самыя ожиданья.—Вѣдь это, наконецъ, глупо! — пробормоталъ онъ, снова ложась въ постель—и задулъ свѣчку. Опять водворилась глубокая темнота.

Аратовъ рѣшился заснуть на этотъ разъ... Но въ немъ возникло новое ощущеніе. Ему показалось, что кто-то стоитъ посреди комнаты, недалеко отъ него — и чуть замѣтно дышетъ. Онъ поспѣшно обернулся, раскрылъ глаза... Но что же можно было видѣть въ этой непроницаемой темнотѣ?—Онъ сталъ отсѣивать спичку на ночномъ столикѣ... и вдругъ ему почудилось, что какой-то мягкій, безшумный вихрь пронесся черезъ всю комнату, черезъ него, сквозь него—и слово: «Я!» явственно раздалось въ его ухахъ...

— «Я!.. Я!..»

Прошло нѣсколько мгновений, прежде чѣмъ онъ успѣлъ зажечь свѣчку.

Въ комнатѣ опять никого не было—и онъ уже не слышалъ ничего, кромѣ порывистаго стука собственного сердца. Онъ выпилъ стаканъ воды—и остался неподвиженъ, опершись головою на руку. Онъ ждалъ.

Онъ подумалъ: «буду ждать. Либо это все вздоръ... либо она здѣсь. Не станетъ же она играть со мною, какъ кошка съ мышью!» Онъ ждалъ, ждалъ долго... такъ долго, что рука, которой онъ поддерживалъ голову, отекала... но ни одно изъ прежнихъ ощущеній не повторялось. Раза два глаза его слипались... Онъ тотчасъ открывалъ ихъ... по крайней мѣрѣ, ему казалось, что онъ ихъ открывалъ. Понемногу они устремились на дверь и остановились на ней. Свѣча нагорѣла — и въ комнатѣ стало опять темно... но дверь бѣлѣла длиннымъ пятномъ среди полумрака. И вотъ это пятно шевельнулось, уменьшилось, исчезло... и на его мѣстѣ, на порогѣ двери, показалась женская фигура. Аратовъ всматривается... Клара! И на этотъ разъ она прямо смотритъ на него, подвигается къ нему... На головѣ у ней вѣнокъ изъ красныхъ розъ... Онъ весь всколыхнулся, приподнялся...

Передъ нимъ стоитъ его тетка, въ ночномъ чепцѣ съ большимъ краснымъ бантомъ и въ бѣлой кофтѣ.

— Платоша!—съ трудомъ проговорилъ онъ.—Это вы?

— Это я, — отвѣтила Платонида Ивановна... —Я, Яшенёночекъ, я.

— Зачѣмъ вы пришли?

— Да ты меня разбудилъ. Сперва все какъ будто стоналъ... а потомъ вдругъ какъ закричишь:—Спасите! помогите!

— Я кричалъ?

— Да; кричалъ—и хрипло такъ:—Спасите!—Я подумала: Господи! Ужъ не боленъ ли онъ? Я и вошла. Ты здоровъ?

— Совершенно здоровъ.

— Ну, значить, тебѣ дурной сонъ приснился. Хочешь, ладонькомъ покурю!

Аратовъ еще разъ, пристально, взглядылся въ тетку—и громко засмѣялся... Фигура доброй старушки въ чепцѣ и кофтѣ, съ испуганнымъ, вытянутымъ лицомъ, была, дѣйствительно, очень забавна. Все то таинственное, что его окружало, что давило его—всѣ эти чары разлетѣлись разомъ.

— Нѣтъ, Платоша, голубушка, не надо,—промолвилъ онъ.—Извините, пожалуйста, что я нехотя васъ потревожилъ. Почивайте спокойно—и я усну.

Платонида Ивановна постояла еще немного на мѣстѣ, показала на свѣчку, поворчала: затѣмъ-молъ, не гасишь... долго ли до бѣды!—и уходя, не могла удержаться, чтобы хоть издали, да не перекрестить его.

Аратовъ немедленно заснулъ—и спалъ до утра. Онъ и всталъ въ хорошемъ расположеніи духа... хотя ему и было жаль чего-то... Онъ чувствовалъ себя легко и свободно. «Экія романтическія затѣи, подумаешь», говорилъ онъ самому себѣ съ улыбкой. Онъ ни разу не взглянулъ ни на стереоскопъ, ни на вырванный имъ листикъ. Однако, тотчасъ послѣ завтрака, отправился къ Купферу.

Что его туда влекло... онъ сознавалъ смутно.

XVI.

Аратовъ засталъ своего сангвиническаго пріятеля дома. Поболталъ съ нимъ немного, попрекнулъ ему, что онъ совсѣмъ ихъ съ теткой забываетъ,—выслушалъ новыя похвалы золотой женщицѣ, княгинѣ, отъ которой Купферъ только-что получилъ изъ Ярославля ермолку, вышитую рыбьей чешуей... и вдругъ, усѣвшись передъ Купферомъ и глядя ему прямо въ глаза, объявилъ, что ѣздитъ въ Казань.

— Ты ѣздишь въ Казань? Это зачѣмъ?

— Да вотъ хотѣлъ собрать свѣдѣнія объ этой... Кларѣ Миличъ.

— О той, что отравилась?

— Да.

Купферъ покачалъ головою.—Вишь ты какой! А еще ти-

хоня! Тысячу версть отомалъ туда и сюда... изъ-за чего? А? И хоть бы женскій интересъ тутъ былъ какой!! Тогда я все понимаю! Все! Всякія безумства!—Купферъ взъерошилъ себѣ волосы.— Но чтобы одни матеріалы собирать—какъ это у васъ говорится—у ученыхъ мужей... Слуга покорный! На это существуетъ статистическій комитетъ!—Ну и чтожъ, познакомился ты со старухой и съ сестрой? Не правда ли, чудесная дѣвушка?

— Чудесная,—подтвердилъ Аратовъ.— Она мнѣ много любопытнаго сообщила.

— Сказала она тебѣ, какъ именно отравилась Клара?

— То-есть... какъ же?

— Да какимъ манеромъ?

— Нѣтъ... Она еще такъ была огорчена... Я не посмѣлъ слишкомъ-то разспрашивать. А развѣ было что особенное?

— Конечно, было. Представь: она должна была въ самый тотъ день играть—и играла. Взяла съ собою стлянку яду въ театръ, передъ первымъ актомъ выпила—и такъ и доиграла весь этотъ актъ. Съ ядомъ-то внутри! Какова сила воли! Характеръ каковъ? И, говорятъ, никогда она съ такимъ чувствомъ, съ такимъ жаромъ не проводила своей роли! Публика ничего не подозреваетъ, хлопаетъ, вызываетъ... А какъ только занавѣсъ опустился—и она тутъ же на сценѣ упала. Корчи... корчи... и черезъ часъ и духъ вонь! Да развѣ я тебѣ этого не рассказывалъ? И въ газетахъ объ этомъ было!

У Аратова внезапно похолодѣли руки и въ груди задрожало.

— Нѣтъ ты мнѣ этого не рассказывалъ, — промолвилъ онъ наконецъ.—И ты не знаешь, какая это была пьеса?

Купферъ задумался.— Называли мнѣ эту пьесу... въ ней является обманутая дѣвушка... Должно быть, драма какая-нибудь. Клара была рождена для драматическихъ ролей... Самая ея наружность... Но куда же ты? — перебилъ самого себя Купферъ, видя, что Аратовъ беретъ за шапку.

— Мнѣ что-то нездоровится, — отвѣчалъ Аратовъ.— Прощай... Я въ другой разъ найду.

Купферъ остановилъ его и заглянулъ ему въ лицо.— Экой ты, братъ, нервическій человѣкъ! Посмотри-ка на себя... Побѣдѣлъ какъ глина.

— Мнѣ нездоровится,—повторилъ Аратовъ, освободился отъ руки Купфера и отправился во-свояси. Только въ это мгновеніе ему стало ясно, что онъ и приходилъ-то къ Купферу съ единственной цѣлью поговорить о Кларѣ...

— «О безумной, о несчастной Кларѣ»...

Однако, придя домой, онъ опять скоро успокоился—до нѣкоторой степени.

Обстоятельства, сопровождавшія смерть Клары, сначала произвели на него потрясающее впечатлѣніе;.. но потомъ эта игра «съ ядомъ внутри», какъ выразился Купферъ, показалась ему какой-то уродливой фразой, бравировкой—и онъ уже старался не думать объ этомъ, боясь возбудить въ себѣ чувство, похожее на отвращеніе. А за обѣдомъ, сидя передъ Платошей, онъ вдругъ вспомнилъ ея полуночное появленіе, вспомнилъ эту вудую кофту, этотъ чепецъ съ высокимъ бантомъ (и въ чему бантъ на ночномъ чепцѣ!), всю эту смѣшную фигуру, отъ которой, какъ отъ свистка машиниста въ фантастическомъ балетѣ, всѣ его видѣнія рассыпались прахомъ! Онъ даже заставилъ Платошу повторить разсказъ о томъ, какъ она услышала его крикъ, испугалась, вскочила, не могла разомъ попасть ни въ свою, ни въ его дверь, и т. д. Вечеромъ онъ съ ней поигралъ въ карты и ушелъ въ свою комнату немного грустный, но опять-таки довольно спокойный.

Аратовъ не думалъ о предстоявшей ночи и не боялся ея: онъ былъ увѣренъ, что проведетъ ее какъ нельзя лучше. Мысль о Кларѣ отъ времени до времени пробуждалась въ немъ; но онъ тотчасъ вспоминалъ, какъ она «фразисто» себя уморила и отворачивался. Это «безобразіе» мѣшало другимъ воспоминаніямъ о ней. Взглянувши мелькомъ на стереоскопъ, ему даже показалось, что она оттого смотрѣла въ сторону, что ей было стыдно. Прямо надъ стереоскопомъ на стѣнѣ висѣлъ портретъ его матери. Аратовъ снялъ его съ гвоздя, долго его разсматривалъ, поцѣловалъ и бережно спряталъ въ ящикъ. Отчего онъ это сдѣлалъ? Оттого ли, что тому портрету не слѣдовало находиться въ сосѣдствѣ той женщины... или по другой какой причинѣ—Аратовъ не отдалъ себѣ отчета. Но портретъ матери возбудилъ въ немъ воспоминаніе объ отцѣ... объ отцѣ, котораго онъ видѣлъ умирающимъ въ этой же самой комнатѣ, на этой постели. «Что ты думаешь обо всемъ этомъ, отецъ? обратился онъ мысленно къ нему. Ты все это понимаешь; ты тоже вѣрилъ въ Шиллеровскій міръ духовъ.—Дай мнѣ совѣтъ!»

— Отецъ далъ бы мнѣ совѣтъ всѣ эти глупости бросить,—промолвилъ Аратовъ громко и взялся за книгу. Читать онъ, однако, долго не могъ и, чувствуя какое-то отяжелѣніе всего тѣла, раньше обыкновеннаго легъ въ постель, въ полной увѣренности, что заснетъ немедленно.

Оно такъ и случилось... но не оправдались его надежды на мирную ночь.

XVII.

Полночь еще не успѣла пробить, какъ ему уже привидѣлся необычайный, угрожающій сонъ.

Ему казалось, что онъ находится въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, котораго онъ былъ хозяиномъ. Онъ недавно купилъ и домъ этотъ, и все прилежавшее къ нему имѣніе. И все ему думается: «хорошо, теперь хорошо, а быть худу!» Возлѣ него вертится маленькій человѣчекъ, его управляющій; онъ все смѣется, кланяется и хочетъ показать Аратову, какъ у него въ домѣ и въ имѣніи все отлично устроено. — Пожалуйте, пожалуйста, — твердитъ онъ, хихикая при каждомъ словѣ, — посмотрите какъ у васъ все благополучно! Вотъ лошади... экія чудесныя лошади! — И Аратовъ видитъ рядъ громадныхъ лошадей. Онѣ стоятъ къ нему задомъ въ стойлахъ; гривы и хвосты у нихъ удивительныя... но какъ только Аратовъ проходитъ мимо, головы лошадей поворачиваются къ нему — и скверно скалятъ зубы. — Хорошо... думаетъ Аратовъ... а быть худу! — Пожалуйте, пожалуйста, опять твердитъ управляющій; пожалуйста въ садъ: посмотрите, какія у васъ чудныя яблоки! Яблоки, точно, чудесныя, красныя, круглыя; но какъ только Аратовъ взглядываетъ на нихъ, они морщатся и падаютъ... «Быть худу», думаетъ онъ. — А вотъ и озеро, — лепечетъ управляющій; — какое оно синее, да гладкое! Вотъ и лодочка золотая... Угодно на ней прокатиться?.. она сама поплыветъ. — «Не сяду! думаетъ Аратовъ — быть худу!» и все-таки садится въ лодочку. На днѣ лежитъ, скорчившись, какое-то маленькое существо, похожее на обезьяну; оно держитъ въ лапахъ стьянку съ темной жидкостью. — Не извольте беспокоиться, кричитъ съ берега управляющій... — Это ничего! Это смерти! Счастливаго пути! — Лодка быстро мчится... но вдругъ налетаетъ вихрь, не въ родѣ вчерашняго, безшумнаго, мягкаго — нѣтъ; черный, страшный, воющій вихрь! — Все мѣшается кругомъ — и среди крутящейся иглы Аратовъ видитъ Клару въ театральномъ костюмѣ: она подноситъ стьянку къ губамъ, слышатся отдаленныя: bravo! bravo! — и чей-то грубый голосъ кричитъ Аратову на ухо: — А! ты думалъ, это все комедіей кончится? — Нѣтъ это трагедія! трагедія!

Весь трепеща, проснулся Аратовъ. Въ комнатѣ не темно... Откуда-то льется слабый свѣтъ и печально, и неподвижно освѣщаетъ всѣ предметы. Аратовъ не отдастъ себѣ отчета, откуда льется этотъ свѣтъ... Онъ чувствуетъ одно: Клара здѣсь, въ этой комнатѣ... онъ ощущаетъ ея присутствіе... онъ опять и навсегда въ ея власти!

Изъ губъ его исторгается крикъ:—Клара, ты здѣсь?

— Да!—раздается явственно среди неподвижно освѣщенной комнаты.

Аратовъ беззвучно повторяетъ свой вопросъ...

— Да!—слышится снова.

— Такъ я хочу тебя видѣть!—вскрикиваетъ онъ и соскакиваетъ съ постели.

Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, понирая голыми ногами холодный полъ.—Взоры его блуждали: «гдѣ же? гдѣ?» шептали его губы...

Ничего не видать, не слышать...

Онъ осмотрѣлся—и замѣтилъ, что слабый свѣтъ, наполнявшій комнату, происходилъ отъ ночника, заслоненнаго листомъ бумаги и поставленнаго въ углу, вѣроятно, Платошей въ то время какъ онъ спалъ. Онъ даже почувствовалъ запахъ ладона... тоже, вѣроятно, дѣло ея рукъ.

Онъ поспѣшно одѣлся.—Оставаться въ постели, спать—было немислимо.—Потомъ онъ остановился посреди комнаты и скрестилъ руки.—Ощущеніе присутствія Клары было въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

И вотъ, онъ заговорилъ не громкимъ голосомъ, но съ торжественной медленностью, какъ произносятся заклинанія:

— Клара,—такъ началъ онъ,—если ты точно здѣсь, если ты меня видишь, если ты меня слышишь—явись!.. Если эта власть, которую я чувствую надъ собою—точно *твоя* власть—явись! Если ты понимаешь, какъ горько я раскаяваюсь въ томъ, что не понималъ, что оттолкнулъ тебя—явись!—Если то, что я слышалъ—точно твой голосъ; если чувство, которое овладѣло мною—любовь; если ты теперь увѣрена, что я люблю тебя, я, который до сихъ поръ и не любилъ и не зналъ ни одной женщины;—если ты знаешь, что я послѣ твоей смерти полюбилъ тебя страстно, неотразимо, если ты не хочешь, чтобы я сошелъ съ ума—явись, Клара!

Аратовъ еще не успѣлъ произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то быстро подошелъ къ нему, сзади—какъ тогда на бульварѣ—и положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся—и никого не увидѣлъ. Но то ощущеніе ея присутствія стало такимъ явственнымъ, такимъ несомнѣннымъ, что онъ опять торопливо оглянулся...

Что это? На его креслѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ женщина, вся въ черномъ. Голова отклонена въ сторону, какъ въ стереоскопѣ... Это она! Это Клара! Но какое строгое, какое унылое лицо!

Аратовъ тихо опустился на колѣни. — Да; онъ былъ правъ тогда: ни испуга, ни радости не было въ немъ—ни даже удивленія... Даже сердце его стало тише биться. — Одно въ немъ было сознаніе, одно чувство: «А! наконецъ! наконецъ!»

— Клара, — заговорилъ онъ слабымъ, но ровнымъ голосомъ, — отчего ты не смотришь на меня? Я знаю, что это ты... но вѣдь я могу подумать, что мое воображеніе создало образъ, подобный тому... (Онъ указалъ рукою въ направленіи стереоскопа)... Докажи мнѣ, что это ты... Обернись ко мнѣ, посмотри на меня, Клара!

Рука Клары медленно приподнялась... и упала снова.

— Клара, Клара! обернись ко мнѣ!

И голова Клары тихо повернулась, опущенныя вѣки раскрылись, и темные зрачки ея глазъ вперились въ Аратова.

Онъ подался немного назадъ—и произнесъ одно протяжное, трепетное: — А!

Клара пристально смотрѣла на него... но ея глаза, ея черты сохраняли прежнее задумчиво-строгое, почти недовольное выраженіе. Съ этимъ именно выраженіемъ на лицѣ явилась она на эстраду въ день литературнаго утра—прежде чѣмъ увидала Аратова. И такъ же, какъ въ тотъ разъ, она вдругъ покраснѣла, лицо оживилось, вспыхнулъ взоръ—и радостная, торжествующая улыбка раскрыла ея губы...

— Я прощень! — воскликнулъ Аратовъ. — Ты побѣдила... Вовымъ же меня! Вѣдь я твой—и ты моя!

Онъ ринулся къ ней, онъ хотѣлъ поцѣловать эти улыбающіяся, эти торжествующія губы—и онъ поцѣловалъ ихъ, онъ почувствовалъ ихъ горячее прикосновеніе, онъ почувствовалъ даже влажный холодокъ ея зубовъ—и восторженный крикъ огласилъ полутемную комнату.

Вбѣжавшая Платонида Ивановна нашла его въ обморокѣ. Онъ стоялъ на колѣняхъ; голова его лежала на креслѣ; протянутыя впередъ руки безсильно свисли; блѣдное лицо дышало упоеніемъ безмѣрнаго счастья.

Платонида Ивановна такъ и упала возлѣ него, обняла его станъ, залепетала: — Яша! Яшенька! Яшенёночекъ!!—попыталась приподнять его своими вострявыми руками... онъ не шевелился. Тогда Платонида Ивановна принялась кричать не своимъ голосомъ. Вбѣжала служанка. Вдвоемъ онѣ кое-какъ его подняли, усадили, начали прыскать въ него водою—да еще съ образа...

Онъ пришелъ въ себя. — Но на разспросы тетки онъ только улыбался—да съ такимъ блаженнымъ видомъ, что она еще пуще

перетревожилась—и то его крестила, то себя... Аратовъ, наконецъ, отвелъ ей руку и все съ тѣмъ же блаженнымъ выраженьемъ на лицѣ промолвилъ:—Да Платоша, что съ вами?

— Съ тобой-то что, Яшенька?

— Со мной?—Я счастливъ... счастливъ, Платоша... вотъ что со мной. А теперъ я желаю лечь, да спать.—Онъ хотѣлъ-было приподняться—но такую почувствовалъ въ ногахъ, да и во всемъ тѣлѣ, слабость, что безъ помощи тетки да служанки не былъ бы въ состояніи раздѣться—и лечь въ постель. За то онъ заснулъ очень скоро, сохраняя на лицѣ все то же блаженно-восторженное выраженіе. Только лицо его было очень блѣдно.

XVIII.

Когда на слѣдующее утро Платонида Ивановна вошла къ нему—онъ находился все въ томъ же положеніи... но слабость не прошла—и онъ даже предпочелъ остаться въ постели. Блѣдность его лица особенно не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ.—Что это, Господи! думалось ей—кровинки въ лицѣ нѣтъ, отъ бульона отказывается, лежить да посмѣивается—и все увѣряетъ, что здоровехонекъ!—Онъ отказался и отъ завтрака.—Что же это ты, Яша?—спрашивала она его—такъ весь день и намѣренъ пролежать?—А хоть бы и такъ?—отвѣтилъ ласково Аратовъ.—Самая эта ласковость опять-таки не понравилась Платонидѣ Ивановнѣ. Аратовъ имѣлъ видъ человѣка, который узналъ великую, для него очень пріятную тайну—и ревниво держитъ и хранить ее про себя. Онъ дождался ночи—не то что съ нетерпѣніемъ, а съ любопытствомъ.—Что же далѣе?—спрашивалъ онъ себя;—что будетъ?—Изумляться, недоумѣвать онъ пересталъ: онъ не сомнѣвался въ томъ, что вступилъ въ сообщеніе съ Кларой; что они любятъ другъ друга... И въ этомъ онъ не сомнѣвался. Только... что же можетъ выдти изъ такой любви?—Вспоминалъ онъ тотъ поцѣлуй... и чудный холодъ быстро и сладко пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ.—«Такимъ поцѣлуемъ, думалось ему, и Ромео и Джулиета не мѣнялись! Но въ другой разъ я лучше выдержу... Я буду обладать ею... Она придетъ въ вѣнѣ изъ маленькихъ розъ на черныхъ кудряхъ...»

— Но какъ же дальше? Вѣдь вмѣстѣ жить намъ нельзя же? Стало быть, мнѣ придется умереть, чтобы быть вмѣстѣ съ нею? Не за этимъ ли она приходила—и не такъ ли она хочетъ меня взять?

— Ну такъ что же? Умереть—такъ умереть. Смерть теперь не страшить меня нисколько. Уничтожить она меня вѣдь не можетъ? Напротивъ, только *такъ* и *тамъ* я буду счастливъ... какъ не былъ счастливъ въ жизни, какъ и она не была... Вѣдь мы оба—нетронутые!—О, этотъ поцѣлуй!

Платонида Ивановна то-и-дѣло заходила къ Аратову въ комнату; не беспокоила его вопросами—только взглядывала на него, шептала, вздыхала—и уходила опять.—Но вотъ онъ отказался и отъ обѣда... Это было уже изъ-рукъ-вонъ плохо: Старушка отправилась за своимъ знакомымъ, участковымъ лекаремъ, въ котораго она вѣрила только потому, что человѣкъ онъ былъ не пьющій и женился на нѣмкѣ. Аратовъ удивился, когда она привела его къ нему; но Платонида Ивановна такъ настойчиво стала просить своего Яшеньку позволить Парамону Парамоничу (такъ звали лекаря) осмотрѣть его—ну хоть для нея!—что Аратовъ согласился. Парамонъ Парамоничъ пощупалъ у него пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ—кое-что поразспросилъ—и объявилъ наконецъ, что необходимо нужно его «поавскультировать». Аратовъ былъ въ такомъ повадливомъ настроеніи духа, что и на это согласился. Лекарь деликатно обнажилъ его грудь, деликатно постучалъ, послушалъ, похмыкалъ—прописалъ вапли да микстулку—а главное: посоветовалъ быть спокойнымъ и воздерживаться отъ сильныхъ впечатлѣній.—«Вотъ какъ! подумалъ Аратовъ... Ну, братъ, поздно хватился!»—Что такое съ Яшей?—спросила Платонида Ивановна, вручая Парамону Парамоничу на порогъ двери трехъ-рублевую ассигнацію. Участковый лекарь, который какъ всѣ современные медики—особенно тѣ изъ нихъ, что мундиръ носить—любилъ пощеголять учеными терминами, объявилъ ей, что у ея племянника всѣ діоптрическіе симптомы нервной кардіалгій—да и фебристь есть.—Ты, однако, батюшка, говори попроще,—отрѣзала Платонида Ивановна: латынью-то не пугай; ты не въ аптекѣ!—Сердце не въ порядкѣ,—объяснилъ лекарь;—ну и лихорадочка... и повторилъ свой совѣтъ на счетъ спокойствія и воздержанія.—Да вѣдь опасности нѣтъ?—съ строгостью спросила Платонида Ивановна (смотри-молъ, опять въ латынь не заѣзжай!).—Пока не предвидится!

Лекарь ушелъ—а Платонида Ивановна пригорюнилась... однако, послала въ аптеку за лекарствомъ, которое Аратовъ не принималъ, несмотря на ея просьбы. Онъ отказался также и

отъ грудного чаю.—И чего вы такъ беспокоитесь, голубушка? говорилъ онъ ей:—увѣряю васъ, я теперь самый здоровый и счастливый человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ!—Платонида Ивановна только головой качала. Къ вечеру съ нимъ сдѣлался небольшой жаръ; и все-таки онъ настоялъ на томъ, чтобы она не оставалась въ его комнатѣ и ушла спать къ себѣ. Платонида Ивановна повиновалась — но не раздѣлась и не легла; сѣла въ кресла — и все прислушивалась да шептала свою молитву.

Она начала было дремать, какъ вдругъ страшный, пронзительный крикъ разбудилъ ее. Она вскочила, бросилась въ кабинетъ къ Аратову — и, по вчерашнему, нашла его лежавшимъ на полу.

Но онъ не пришелъ въ себя по вчерашнему, какъ ни бились надъ нимъ. Съ нимъ въ ту же ночь сдѣлалась горячка, усложненная воспаленіемъ сердца.

Черезъ нѣсколько дней онъ скончался.

Странное обстоятельство сопровождало его второй обморокъ. Когда его подняли и уложили, въ его стиснутой правой рукѣ оказалась небольшая прядь черныхъ женскихъ волосъ. Откуда взялись эти волосы? У Анны Семеновны была такая прядь, оставшаяся отъ Клары; но съ какой стати было ей отдать Аратову такую для нея дорогую вещь? Развѣ какъ нибудь въ дневникъ она ее заложила — и не замѣтила, какъ отдала?

Въ предсмертномъ бреду Аратовъ называлъ себя Ромео... послѣ отравы; говорилъ о заключенномъ, о совершенномъ бракѣ; — о томъ, что онъ знаетъ теперь, что такое наслажденіе. Особенно ужасна была для Платони минута, когда Аратовъ, нѣсколько придя въ себя, и увидавъ ее возлѣ своей постели, сказалъ ей: «Тѣтя, что ты плачешь? — тому, что я умереть долженъ? Да развѣ ты не знаешь, что любовь сильнѣе смерти?... Смерть! Смерть, гдѣ жало твое? Не плакать — а радоваться должно — такъ же какъ и я радуюсь»...

И опять на лицѣ умирающаго засіяла та блаженная улыбка, отъ которой такъ жутко становилось бѣдной старухѣ.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

Буживаль. — Октябрь, 1882.

П Ъ В И Ц А

Памяти Е—ной.

Смугла, какъ Руеъ, съ огнистымъ взоромъ
И чистымъ профилемъ каменъ,
Она жила однимъ задоромъ—
Однѣми бурями страстей.
Таилась въ ней тотъ голосъ дивный,
Который за-сердце берегъ
Своею гибкостью отзывной
И дрожью задушевныхъ нотъ...

Но въ нашемъ небѣ мутно-сѣромъ
Зажглась на мигъ ея звѣзда:
Простилась «дѣва» навсегда
Съ холоднымъ сѣвернымъ партеромъ.
Она укрылась въ той глуши,
Въ той сторонѣ гостепріимной,
Гдѣ чаще грѣетъ пылъ взаимный
Томленье любящей души...
И тамъ разсыпались тѣ звуки—
Богатство груди молодой!
Тамъ, передъ южною толпой,
Пѣвица выплакала муки
Души горячей и больной!
И какъ блестящая природа
Сама казнить свои плоды—
Она сама, не ждавъ захода,
Затмила лучъ своей звѣзды!...

Умолкла муза молодая,
 Повинувъ кругъ своихъ сестеръ,
 Разстроивъ ихъ негромкій хоръ
 Среди пустынь родного края!
 Въ оградѣ дальней, между плитъ,
 Ужъ холмъ невѣдомый забыть,
 Гдѣ скрыта жертва злой отравы —
 И нѣтъ на немъ бѣнка отъ Славы!

За то черты ея лица,
 Какъ цѣнный снимокъ съ образца
 Для живописнаго этюда,
 Еще намъ памятен покуда:
 Въ высокой вичеѣ, въ жемчугахъ,
 Въ нарядѣ праздничномъ царицы
 И съ гордой смѣлостью въ очахъ
 Мы знаемъ всѣ портретъ пѣвицы.
 Но имя сглажено подъ нимъ,
 Онъ сталъ безвѣстною картиной:
 Онъ вслѣдъ за пѣснью лебединой,
 Артистѣ сдѣлался чужимъ...

И мимо насъ прошла пѣвица,
 Промчался образъ красоты,
 Какъ огненосная зарница
 Въ застоѣ душевной темноты.

С. АНДРЕЕВСКІЙ.

НАРОДНАЯ ШКОЛА

ПОДЪ МОСКВОЮ.

ОПЫТЪ ОБРАБОТКИ ШКОЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„Народное просвѣщеніе позволяет надѣяться, что слѣдующія за нами пологія будутъ безъ сомнѣнія образованіе нашего, а потому оно имѣетъ полное право занять важное мѣсто между любопытѣйшими предметами статистическихъ изслѣдованій“.

Моро-де-Жоннезъ.

Статистика народнаго образованія вообще, и начальнаго въ особенности, составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашей административной статистики. По свидѣтельству Центральнаго статистическаго комитета, статистика нашей школы находится еще въ зародышѣ. Свѣдѣнія по нѣкоторымъ группамъ учебныхъ заведеній удовлетворительны, — зато по другимъ, составляющимъ огромное большинство, они совершенно неточны. Большое мѣсто въ нашей школьной статистикѣ принадлежитъ, какъ о томъ не разъ было указано министерствомъ народнаго просвѣщенія, — начальнымъ училищамъ и въ особенности тѣмъ, надъ которыми не существуетъ постоянной, правильно организованной инспекціи въ отношеніи учебнаго дѣла, или которыя не вошли пока въ ближайшую связь съ инспектирующими въ этомъ отношеніи учрежденіями и лицами, каковы, наприм., церковно-приходскія школы, отчасти пріюты, а также школы, содержимыя евреями для евреевъ же, школы магометанскія — медресе, и т. п.¹⁾

¹⁾ Статистич. Временникъ Россійской Имперіи. Серія II, вып. 16. Свѣдѣнія по статистикѣ народнаго образованія въ Евр. Россіи. Предисловіе.

Но и относительно тѣхъ начальныхъ училищъ, которыя подчинены правительственной инспекціи и состоятъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, свѣдѣнія до крайности скудны и притомъ разбросаны. Данные о нихъ сосредоточиваются во всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетахъ, въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ министерству народнаго просвѣщенія директорами народныхъ училищъ, и, наконецъ, въ отчетахъ училищныхъ совѣтовъ и земскихъ управъ. Насколько ненадежны два первые источника, въ томъ легко убѣдиться изъ данныхъ, заключающихся въ XVI вып. «Статистическаго Временника». «При настоящемъ порядкѣ регистраціи, — говоритъ комитетъ, — когда цифры заносятся въ отчетныя вѣдомости въ крупныхъ итогахъ, нѣтъ возможности сдѣлать должную поправку въ данныхъ, даже въ случаѣ ихъ явной несообразности». Болѣе надежный матеріалъ представляетъ отчетъ земскихъ управъ, но и этотъ источникъ страдаетъ многими пробѣлами и недостатками: земскіе отчеты обнимаютъ обыкновенно только тѣ училища, въ содержаніи которыхъ участвуетъ земство, вслѣдствіе чего по многимъ губерніямъ не представляется никакой возможности привести въ извѣстность даже число существующихъ училищъ. Такъ, московская губернская управа въ 1877 г. сдѣлала попытку собрать свѣдѣнія о состояніи школьнаго дѣла въ губерніи, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ. «Въ приведенной таблицѣ (числа училищъ по уѣздамъ), — говоритъ управа въ своемъ докладѣ по народному образованію, — показаны только тѣ школы, свѣдѣнія о которыхъ имѣются въ журналахъ земскихъ собраній и приложеніяхъ къ нимъ. Помимо этихъ школъ несомнѣнно существуютъ въ разныхъ уѣздахъ другія — частныя, фабричныя, но, въ сожалѣнію, статистическія данныя, относящіяся до этого предмета, настолько неполны, что губернская управа лишена возможности представить собранію полную картину настоящаго развитія школьнаго дѣла въ уѣздахъ».

При своей неполнотѣ, земскіе отчеты имѣютъ еще одинъ недостатокъ, затрудняющій изученіе школьнаго дѣла; они составляются по крайне разнообразнымъ программамъ, вслѣдствіе чего сравненіе дѣлается невозможнымъ даже для уѣздовъ одной и той же губерніи: на что обращается вниманіе въ однихъ, то обходится молчаніемъ въ другихъ. Члены училищныхъ совѣтовъ, въ представляемыхъ ими отчетахъ, обыкновенно обращаютъ главное вниманіе на успѣхъ преподаванія, а управы — на финансовую сторону дѣла; статистическія же данныя являются лишь

второстепеннымъ добавленіемъ, причеиъ остаются безъ вниманія самыя важныя стороны школьнаго быта.

Между тѣмъ у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, постоянно-тщательное наблюденіе за ходомъ начальнаго образованія и за жизнью народной школы настоятельно необходимо. Наше школьное дѣло находится еще въ періодѣ созиданія; наша начальная школа ведетъ свое начало со времени введенія земскихъ учреждений, т.-е. насчитываетъ всего полтора десятилѣтія; до земства, правильной, соотвѣтствующей народнымъ нуждамъ школы у насъ не было: попытки, дѣлавшіяся вѣдомствами духовными, государственныхъ имуществъ и удѣльнымъ и немногими помѣщиками не могли принести существенной пользы, не могли выяснитъ тѣхъ условій, которыми народный бытъ обставляеть школу. Попытки эти дѣлались по распоряженію власти, безъ соображенія съ потребностями населенія; наблюденія надъ результатами ихъ не было, если тутъ не считать срочныхъ вѣдомостей, представляемыхъ преподавателями и едва ли составлявшихъ предметъ изученія со стороны начальства. Такимъ образомъ, опыта не накопилось, и когда земскія учрежденія приступили къ устройству народной школы, они встрѣтились со множествомъ коренныхъ вопросовъ, на которые прошедшее не давало отвѣта. Гдѣ и какъ устроить школу; что и какъ преподавать въ ней? когда начинать и оканчивать ученіе; на сколько лѣтъ распределить учебный курсъ; въ какомъ возрастѣ принимать дѣтей въ школу? — всѣ эти вопросы должны были возникнуть, и дѣйствительно возникли въ самомъ началѣ, но отвѣта на нихъ взять было негдѣ. Пришлось обратиться за указаніемъ къ Западу. И на самомъ дѣлѣ, изъ этого богатаго источника стали черпать широкою рукою; отсюда заимствовались не только основныя положенія педагогики, но и техническіе приемы обученія, отчего русская школа сдѣлалась сколкоиъ съ нѣмецкой, сколкоиъ настолько рабскимъ, что въ нее перенесены даже нѣмецкія привычки, въ родѣ подниманія учениками рукъ, для заявленія о знаніи предлагаемаго вопроса, и т. п. Мало того, кромѣ такихъ, въ сущности безразличныхъ, техническихъ позаимствованій, которыя сами собою должны были со временемъ исчезнуть, съ Запада были заимствованы теоріи и предразсудки, въ рукахъ враговъ народного просвѣщенія сдѣлавшіеся крайне опасными. Такова, наприиѣръ, прословутая теорія, такъ часто высказывавшаяся въ земскихъ собраніяхъ и до сихъ поръ тормозящая развитіе школьнаго дѣла, — о необходимости участія самихъ крестьянъ въ расходахъ на содержаніе школы.

Со словъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, напр. Блунчли ¹⁾, наши гласные стали утверждать, будто бы народъ сочувствуетъ только той школѣ, на которую онъ затрачиваетъ свои трудовыя деньги, что только къ такой школѣ онъ относится съ довѣріемъ. Насколько оправдывается такая теорія въ дѣйствительности, мы покажемъ ниже; во всякомъ случаѣ, въ очень многихъ земскихъ собраніяхъ, она, сознательно или безсознательно, была принята на вѣру, и открытіе училищъ въ значительной степени замедлилось. Такъ было въ началѣ, такъ остается и теперь. Несмотря на 15-лѣтній опытъ нашей русской школы, при сужденіяхъ о ней, у насъ, за неимѣніемъ обстоятельныхъ свѣдѣній о нашей школѣ, и до сихъ поръ продолжаютъ дѣлать ссылки на Западъ, до сихъ поръ принимаютъ въ руководства указанія на разныя явленія западной жизни, въ родѣ пресловутаго «одичанія» (Verwilderung) нѣмецкаго народа, причемъ не обращаютъ вниманія на то, насколько указанія эти имѣютъ отношенія къ нашей дѣйствительности, насколько подтверждаются они нашимъ опытомъ, насколько, наконецъ, условія нашей жизни отличаются отъ условій жизни нѣмецкой. Между тѣмъ, на такомъ шаткомъ основаніи строятся весьма важныя мѣропріятія... Будь у насъ надлежащій запасъ тщательно собранныхъ и разработанныхъ статистическихъ данныхъ, отвѣчающихъ на возникающіе вопросы, всѣ фантазмагоріи, всѣ ссылки на опытъ западныхъ странъ разлетѣлись бы въ прахъ, или оказались бы не соотвѣтствующими указаніямъ русскаго опыта. И въ школьномъ дѣлѣ, какъ и во многомъ другомъ, Западъ можетъ и долженъ служить намъ учителемъ; но принимать всѣ его указанія на вѣру, примѣнять ихъ безъ надлежащей провѣрки—крайне опасно. Многія частныя явленія, которыя тамъ вытекаютъ изъ всего общественнаго и государственнаго строя и представляются вполнѣ нормальными, у насъ, будучи вызваны искусственно, станутъ явленіями болѣзненными.

Попытки собранія свѣдѣній о положеніи народнаго образованія были дѣлаемы у насъ неоднократно, но, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онѣ дѣлались, онѣ не могли обѣщать успѣха. Въ большинствѣ случаевъ, это были единовременныя обслѣдованія (enquête), производимыя посредствомъ разсылки вопросныхъ листовъ въ училища; а такой пріемъ, не говоря уже о томъ, что посредствомъ его могутъ быть добыты свѣдѣнія о состояніи школы только въ *данный моментъ*,—представляетъ

¹⁾ Allgemeines Staatsrecht, 4 Aufl., II, p. 360.

ресья много неудобствъ. При нѣкоторой сложности вопросовъ, учителя, если всѣ требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія не были собираемы заблаговременно, поставлены въ крайнее затрудненіе, а кромѣ того, собраніе свѣдѣній можетъ встрѣтить и случайныя препятствія.

«Собраніе необходимыхъ свѣдѣній на мѣстахъ, — говоритъ московская губернская управа въ приведенномъ ею докладѣ, — бываетъ иногда сопряжено съ непредвидѣнными затрудненіями. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ (1876) году былъ сдѣланъ губернской управою опытъ собиранія данныхъ о школахъ посредствомъ разсылки черезъ уѣздныя управы особыхъ бланковъ. Казалось бы, что пополненіе этихъ бланковъ простыми цифрами и краткими отвѣтами не должно было представить особыхъ трудностей. Но изъ одного уѣзда, вмѣсто отвѣтовъ на бланкахъ, полученъ былъ отзывъ, въ которомъ обращалось вниманіе на то, что по Положенію о нач. народ. учил. преподаватели не должны быть обременяемы обязанностью представленія особыхъ отчетовъ. Впослѣдствіи, съ возвращеніемъ изъ отпуска председателя училищнаго совѣта, затрудненія эти были отчасти устранены и по нѣкоторымъ, далеко не всѣмъ школамъ уѣзда, свѣдѣнія были доставлены».

Но и доставленные свѣдѣнія оказались не совсѣмъ удовлетворительными. Во многихъ отвѣтахъ приходилось встрѣчать грубыя ошибки и недоразумѣнія. Такъ, напр., одинъ наставникъ, для опредѣленія числа учебныхъ часовъ, помножаетъ число учебныхъ дней на 24; во многихъ отвѣтахъ не сходятся итоги; напр., число учениковъ, показанныхъ остающимися къ концу года, не сходятся съ числомъ состоявшихъ въ началу года, съ прибавленіемъ вновь вступившихъ и вычетомъ выбывшихъ. Такія ошибки иногда возможно исправить по соображенію, а иногда исправленіе оказывается совершенно невозможнымъ. Кромѣ того, не всегда можно ручаться за вѣрность приведенныхъ въ отчетахъ данныхъ, ибо не всегда въ школахъ есть правильно веденныя записи, на основаніи которыхъ могли бы быть составлены вѣрные отчеты. Такъ, многіе преподаватели-священники заявляютъ, что записи у нихъ не ведутся¹⁾; слѣдовательно, цифры, ими представляемыя, крайне подозрительны: не имѣя никакихъ записей, веденныхъ въ теченіи всего года, учитель долженъ или оставить предложенные ему вопросы безъ отвѣта (что въ лучшемъ случаѣ), или же сообщить цифры вымышленныя.

¹⁾ Нама замечаніе въ московскомъ губ. земск. собр. 1877 г. Журналы, стр. 5.

Мы не отрицаемъ значенія одновременныхъ обследованій, но думаемъ, что они могутъ принести пользу только въ томъ случаѣ, если будутъ производиться лицами свѣдущими, ясно понимающими цѣль и смыслъ собираемыхъ свѣдѣній, и если при томъ будетъ вестись правильно и постоянная регистрація явленій школьной жизни. Этой послѣдней мы придаемъ особенно важное значеніе, такъ какъ она даетъ возможность собрать свѣдѣнія, вполне точныя и надежныя.

Опытъ установленія такой регистраціи явленій школьной жизни сдѣланъ въ московскомъ уѣздѣ. Для этой цѣли во всѣхъ училищахъ (сперва въ земскихъ, а потомъ и въ частныхъ) были введены вѣдомости, веденіе которыхъ обязательно для учителей. Записи эти ведутся по двумъ формамъ: «списокъ учениковъ» и «классный журналъ». Въ «списокъ» вносятся всѣ ученики, по отдѣленіямъ, съ отмѣткою о каждомъ слѣдующихъ свѣдѣній: имя, отчество и фамилія, званіе, возрастъ (время рожденія по метрикѣ); вѣроисповѣданіе; постоянное мѣсто жительства; разстояніе мѣста жительства отъ школы; семейное состояніе (родители, число членовъ семьи, число работниковъ); постоянное занятіе семьи; домашнія занятія ученика; видимыя тѣлесныя недостатки; привита ли оспа; время вступленія въ школу и отдѣленіе; познанія при вступленіи; время выхода изъ школы; причина выхода. Въ «классномъ журналѣ» ежедневно дѣлается отмѣтка объ ученикахъ, неявившихся въ классъ, а въ концѣ мѣсяца подводятся итоги пропущенныхъ каждымъ ученикомъ дней, съ означеніемъ, по возможности, причинъ пропусковъ. Такіе же итоги подводятся въ концѣ каждаго полугодія. Въ концѣ учебного года всѣ свѣдѣнія, относящіяся до каждаго ученика, выписываются изъ «списка» и «класснаго журнала» на отдѣльныя карточки (для мальчиковъ напечатаны чернымъ шрифтомъ, для дѣвочекъ — краснымъ), въ видахъ удобства разработки собранныхъ свѣдѣній.

На обязанность учителей, такимъ образомъ, возлагается только *собираніе* свѣдѣній, а отнюдь не разработка. Эта послѣдняя производится въ уѣздной управѣ. Опыты разработки собранныхъ матеріаловъ были дѣлаемы нами въ «Отчетахъ о начальныхъ народныхъ училищахъ Московскаго уѣзда», представленныхъ уѣздному земскому собранію въ 1875, 1876, 1877 и 1879 гг. (послѣдніе два отчета особенно подробны); въ 1881 и 1882 гг. матеріалы за послѣднее трехлѣтіе обработаны С. Г. Дувановымъ и помѣщены въ «Отчетъ» за 1880—81 и 1881—82 уч. гг. Наконецъ, большая часть свѣдѣній изображена графически (въ

карт- и диаграммах) и представлена на Всероссийскую Промышленно-Художественную выставку. Принимая участие въ последней, посредствомъ выставленія статистическихъ данныхъ, мы имѣли въ виду обратить вниманіе лицъ, близко стоящихъ къ школьному дѣлу, на школьную статистику и тѣ результаты, которые посредствомъ ея могутъ быть добыты... Ту же цѣль преслѣдуемъ мы и въ настоящей статьѣ. Мы твердо увѣрены, что подробное и тщательное наблюденіе за жизнью нашей народной школы значительно подвинетъ впередъ правильную постановку народнаго образованія и доставитъ вполне надежный матеріалъ для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ школьной организаціи.

I.

Свѣдѣнія о сельскихъ училищахъ въ московскомъ уѣздѣ восходятъ къ довольно отдаленному времени. Какъ видно изъ дѣлъ московской духовной консисторіи, школы были учреждаемы еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Такъ, въ благочинническихъ вѣдомостяхъ за 1842 г. упоминаются училища: въ селѣ Рождественкѣ - Шарановѣ, открытое 19 сентября 1826 г., и въ селѣ Котельникахъ, открытое 22 октября 1829 г., то и другое — основанныя князьями Голицыными въ ихъ имѣніяхъ. Со второй половины тридцатыхъ годовъ на устройство сельскихъ «домашнихъ учебныхъ заведеній для поселянскихъ дѣтей» обращаетъ вниманіе духовное вѣдомство. Московская духовная консисторія, указомъ отъ 30 декабря 1838 г., за № 6522, предписала благочиннымъ «пригласить священно-церковно-служителей къ заведенію училищъ въ домахъ своихъ для дѣтей православныхъ и раскольниковъ, на основаніи правилъ первоначальнаго обученія, составленныхъ для олонеккой губерніи, и гдѣ заведены будутъ, доставлять о нихъ срочныя свѣдѣнія; и если не будетъ заведено таковыхъ, о томъ также довести». Старанія духовнаго начальства, однако, не увѣнчались успѣхомъ; школы открывалось мало, число учащихъ въ нихъ было незначительно, а въ нѣкоторыхъ до того ничтожно, что ихъ трудно признавать за училища. Изъ дѣла духовной консисторіи (1842 г., № 1156) оказывается, что къ концу 1842 г., черезъ четыре года послѣ «приглашенія» священнослужителей къ заве-

¹⁾ Разборъ одного изъ нашихъ отчетовъ за 1877 г., составленный г. Деркачевымъ, находится въ № 12 „Педагогическаго музея“ за 1877 г. Подробное изложеніе о немъ въ предыдущій разъ помѣщено нами въ „Семѣ и Школѣ“ 1877 г.

денію училищъ, приходскихъ школъ въ уѣздѣ числилось всего 9, съ 147 учащимися обоого пола. Отъ пяти благотворительныхъ доставлены свѣдѣнія, что въ ихъ вѣдомствѣ училищъ при церквахъ не заведено; причемъ только одинъ (села Покровскаго — Фили) объясняетъ причину этого явленія. «Священно-церковно-служители вѣдомства моего объяснили, — пишетъ онъ, — что хотя въ нѣкоторыхъ домахъ при нихъ и были заводимы училища для дѣтей поселянскихъ, но сіи дѣти, при усиленномъ стараніи священно-церковно-служителей, не поступаютъ въ оныя училища по причинѣ отдаленности отъ мѣста ихъ жительства; а другіе священно-церковно-служители и согласія не изъявляютъ къ заведенію онаго училища въ домахъ своихъ, отзываясь многими семействомъ, требующимъ особыхъ заботъ и попеченій, или тѣсною собственнаго помѣщенія и нуждами, заставляющими ихъ стѣснить самихъ себя». И тѣ училища, которыя были открыты, посѣщались неохотно. Такъ благотворитель села Никольскаго — Рязань доноситъ, что въ его вѣдомствѣ были заведены училища при двухъ церквахъ, но одно изъ нихъ должно было закрыться: «Села Покровскаго священникъ и пономарь, обучавшіе безмездно съ 1839 г. приходскихъ дѣтей, донесли, что во вторую половину 1842 г. никто изъ дѣтей для ученія въ нихъ не явился». Въ первомъ полугодіи у нихъ обучалось 7 человѣкъ.

По спискамъ, доставленнымъ благотворителями, въ 1842 г. существовали слѣдующія «домашнія» училища, содержимыя духовенствомъ.

Рождественское	въ 1826 г.—учаш.	9 мал.	3 дѣв.;	окоп.	курс.	2 м.	— д.
Котельниковское . . .	" 1829 "	" 22 "	— "	" "	" "	2 "	— "
Пехорское.	" 1837 "	" 18 "	— "	" "	" "	15 "	1 "
Черкизов. (подмоск.). .	" 1837 "	" 6 "	2 "	" "	" "	— "	— "
Борочаровское	" 1837 "	" 17 "	— "	" "	" "	— "	— "
Влахерское.	" 1838 "	" 37 "	16 "	" "	" "	10 "	2 "
Черкизов. (дальнее). . .	" 1840 "	" 10 "	— "	" "	" "	— "	— "
Арханг.-Никольск. . . .	" 1841 "	" 21 "	7 "	" "	" "	— "	— "
Гальновское	" 1842 "	" 4 "	2 "	" "	" "	— "	— "

Отсюда оказывается, что благодаря настояніямъ духовнаго начальства, въ теченіи 4 лѣтъ, открылось всего 8 училищъ, изъ которыхъ одно, послѣ двухлѣтняго существованія, закрылось за неимѣніемъ учениковъ. Данныя о распредѣленіи учащихся по вѣроисповѣданіямъ имѣются только по 5 училищамъ Пехорскаго вѣдомства, и изъ нихъ оказывается, что на 69 учениковъ православныхъ былъ — 1 раскольникъ.

Такъ же, если не болѣе безуспѣшно, шло открытіе церковныхъ училищъ въ другихъ уѣздахъ московской губ. По край-

вѣи мѣрѣ, въ перечневыхъ вѣдомостяхъ за 1842 и 1843 гг. извѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Училищъ 1842 г.			Училищъ 1843 г.		
Московский	9	учаш. 124 м. 23 д.	6	учаш. 124 м. 24 д.	
Подольскій	8	" 79 " 7 "	7	" 93 " 11 "	
Бронницкій	7	" 149 " 3 "	5	" 79 " 1 "	
Коломенскій	2	" 14 " — "	2	" 12 " — "	
Богородскій	5	" 100 " 7 "	4	" 91 " 5 "	
Звенигородскій . .	1	" 48 " — "	1	" 42 " — "	
Волоколамскій . .	3	" 50 " — "	1	" 2 " — "	
Клинскій	2	" 19 " — "	—	" — " — "	
Серпуховскій . . .	2	" 50 " 17 "	1	" 42 " 13 "	
Вереѣйскій	2	" 18 " 4 "	1	" 4 " — "	

Всего училищъ 41; учаш. 651 м. 61 д. Учил. 28; учаш. 489 м. 56 д.

Въ трехъ уѣздахъ — дмитровскомъ, можайскомъ, яузскомъ, оказывается, церковныхъ школъ не открывалось совсѣмъ, а двѣ, существовавшія въ 1842 г. въ влинскомъ уѣздѣ, въ слѣдующемъ году закрылись.

Вообще, данныя за 1843 годъ показываютъ значительную убыль, сравнительно съ предыдущимъ годомъ: число училищъ уменьшилось съ 41 до 28, число учащихся — съ 712 до 545. Мы привели здѣсь свѣдѣнія только о сельскихъ училищахъ; кромѣ ихъ, существовали церковныя школы въ городахъ — Москвѣ (2), Коломнѣ (1), Дмитровѣ (7) и Серпуховѣ (1).

Одновременно съ духовнымъ вѣдомствомъ начали учреждать училища вѣдомства дворянскаго и удѣльнаго; такихъ училищъ въ вѣдомостяхъ благоточинныхъ за 1842 г. показано 2, изъ коихъ одно значится открытымъ 16 ноября 1837 г. Нѣсколько позже стали открываться училища министерства государственныхъ имуществъ, но объ этихъ училищахъ, за время до введенія земскихъ учреждений, намъ собрать свѣдѣнія не удалось.

Въ 1847 г. въ московской губ. въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ было 34 училища съ 1387 учащими (1214 м. и 173 д.). Всего по имперіи въ этомъ году считалось училищъ 2490, учащихся 2695, учащихся: м. 123.185, д. 1980. Изъ общаго числа учениковъ было у колонистовъ 53.799 об. п., или 1 изъ 5 человѣкъ всего народонаселенія; между государственнымъ крестьянами — 69.386 м., или 1 изъ 111 рев. душъ. На содержаніе училищъ въ теченіе года употреблено изъ общественнаго сбора съ государственныхъ крестьянъ, а равно изъ суммъ колонистовъ — 417.554 р. 20¹/₂ к.

Въ 1866 — 7 г., когда были собраны свѣдѣнія уѣздною упра-

вою, въ уѣздѣ оказалось всего 49 разнаго рода училищъ, изъ которыхъ 10 были открыты до 1861 г., двадцать пять—послѣ 1861 г., и 16—неизвѣстно когда. 14 училищъ были устроены палатою государственныхъ имуществъ, (1 до 1861 г., 13—послѣ), 4—удѣльнымъ вѣдомствомъ (всѣ до 1861 г.), остальные—частными лицами. Училища казенныя и удѣльныя содержались на общественные сборы. На содержаніе 13 училищъ перваго разряда (одно изъ 14 было закрыто въ 1866 г.), расходовалось палатою государственныхъ имуществъ 2431 р. 50 к. (на 2 училища, гдѣ, кромѣ учителей, были учительскіе помощники, по 250 р. 50 к.; на остальные—по 175 р. 50 к. въ годъ); на 4 удѣльныя училища расходовалось 1482 р. 14³/₄ к. Источники содержанія частныхъ училищъ были чрезвычайно разнообразны. Изъ нихъ 2 содержались на общественные сборы, 6—на средства благотворителей, 3—на средства преподавателей, съ обученіемъ бесплатно, 3—на средства родителей, съ вознагражденіемъ преподавателей «по усмотрѣнію мировыхъ посредниковъ» (вѣроятно, изъ мірскихъ сборовъ); 6—платою за выучку; обѣ 11 свѣдѣній нѣтъ, но надо думать, что и здѣсь существовала плата за выучку. Размѣры послѣдней въ точности неизвѣстны: по двумъ училищамъ указано, что обученіе производится «за добровольную плату», «кто что дастъ»; по четырёмъ—плата колеблется между 3 и 7 руб. за полный курсъ.

Въ числѣ преподавателей преобладало духовенство (28 священниковъ, изъ нихъ три пользовались помощью причтовъ и один—волостного писаря, 3 діакона—одни съ помощью дьячка, 3 дьячка, 1 пономарь и 1 монахъ); затѣмъ содержали училища 1 мѣщанинъ, 1 воспитанница женскаго пансіона, 5 крестьянъ (1 ж. и 4 м.). Изъ послѣднихъ одинъ получилъ образованіе въ «Канцелярскомъ институтѣ, существовавшемъ до 1814 г.», одинъ—въ приходскомъ училищѣ, одинъ—старообрядецъ—и «крестьянская дѣвча» изъ старообрядцевъ—у мѣстныхъ начетчицъ.

Если принять въ соображеніе довольно значительное число училищъ, гдѣ дѣти обучались за плату, то слѣдуетъ признать, что образовательныя средства, предлагавшіяся правительственными вѣдомостями, были недостаточны, и что потребность въ образованіи побуждала крестьянъ къ пополненію ихъ на собственныя средства. Само собою разумѣется, что къ этому пополненію прибѣгали крестьяне наиболѣе состоятельные, и притомъ, по условіямъ своего быта, наиболѣе ощущавшіе потребность грамотности. Это видно какъ изъ сравнительной высоты платы за выучку

(до 7 р.), такъ и изъ малаго числа учениковъ въ частныхъ школахъ (изъ 24 школъ восемь имѣли менѣе 10 учениковъ каждая — minimum 2, и 10—отъ 10 до 20), а равно и изъ географическаго расположенія существовавшихъ училищъ: большая часть школъ, особенно частныхъ, группировались кругомъ Москвы, а на долю сѣверныхъ волостей, удаленныхъ отъ города, приходилось всего 7 училищъ, да и изъ нихъ 4 были учреждены палатою государственныхъ имуществъ. Отсюда можно заключить, что среди подгороднаго населенія, подъ цивилизирующимъ вліяніемъ столицы, потребность въ грамотности обнаруживалась сильнѣе, нежели среди населенія дальняго, и это стремленіе вызвало здѣсь частную инициативу въ дѣлѣ устройства училищъ, проявившуюся въ отдаленныхъ волостяхъ въ гораздо болѣе слабой степени. Какъ увидимъ ниже, то же самое явленіе повторилось и впоследствии.

Существуютъ нѣкоторые указанія, что школы народныя мало пользовались симпатіями крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ. на ряду съ народными школами, существовали и частныя (въ подмосковномъ селѣ Хорошовѣ, напр., гдѣ была удѣльная школа, у дьячка и пономаря учились 16 мальчиковъ); съ другой стороны, какъ только прекратилось обязательное для крестьянъ содержаніе училищъ, большая часть ихъ закрылась, и это мотивировалось частію затруднительностью для общества нести расходы на содержаніе школы, частію неудобствомъ волостныхъ школъ, содержащихся на средства цѣлой волости, но доступныхъ для пользованія немногихъ селеній. Такой именно мотивъ былъ выставленъ въ 1867 г. въ приговорѣ крестьянъ хорошовской волости, ходатайствовавшихъ о закрытіи хорошовскаго волостного училища и объ избавленіи ихъ отъ сбора на его содержаніе (по 22¹/₂ коп. съ души).

Число учащихся, по свѣдѣніямъ 1866 г., было весьма незначительно: въ 39 училищахъ числилось 943 учащихся обоаго пола, а именно:

Въ 12 учил. вѣд. госуд. имущ.	388 м. 58 д., всего 441
" 4 " удѣльныхъ	108 " — " 108
" 23 " частныхъ	324 " 42 " 366

Если число учениковъ для каждаго изъ училищъ, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній, принять въ размѣрѣ средняго для даннаго округа, то для 1 училища госуд. имущ. можно принять 36 учащихся, а для 8 частныхъ — 120. Такимъ образомъ, общее число учащихся въ 1866 г. опредѣляется въ 968, что на 109-е населеніе составитъ около 0,9%.

Таковы были образовательныя средства подстоличнаго уѣзда въ то время, когда вступали въ жизнь земскія учрежденія! Средства эти оказывались тѣмъ болѣе ничтожными, что среди населенія царило глубокое невѣжество. По подворной переписи, произведенной въ 1869 г. губернскимъ статистическимъ комитетомъ, число грамотныхъ опредѣлилось всего 8% на селеніе, причемъ для мужчинъ процентъ грамотныхъ повышался до 14, а для женщинъ падалъ до 2. По волостямъ, число грамотныхъ мужчинъ колеблется между 4,5% и 23%, а женщинъ — между 0,2% и 7%. Особенно рельефно обнаруживается при этомъ крайнее невѣжество женщинъ: въ половинѣ приходоу (48,8%) на 100 женщинъ приходилось *менѣе одной грамотной*, а въ 37 приходоу (27,8% общаго числа) не было *ни одной* грамотной женщины!

Земскимъ учрежденіямъ, въ виду такого печальнаго положенія дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ, предстояло приняться за него съ особенной энергіей, тѣмъ болѣе, что съ 1867 года, когда прекратилось попеченіе вѣдомства государственныхъ имуществъ надъ государственными крестьянами, значительное число училищъ оставалось на произволъ судьбы. Необходимо было, повтому, не только созидать вновь, но и поддерживать существующее. Уѣздное земское собраніе горячо взялось за дѣло. Въ февралѣ 1866 г. оно выслушало докладъ комиссіи по народному образованію и рѣшило открыть училища при всѣхъ церквахъ уѣзда, за исключеніемъ заштатныхъ и имѣющихъ слишкомъ ограниченное число прихожанъ. Въ осуществленіи этого предположенія, собраніе рассчитывало на духовенство и назначило на вознагражденіе священникамъ-преподавателямъ по 100 р. при 25 ученикахъ, и дополнительныхъ 50 р., на наемъ помощника, при большемъ числѣ учениковъ. Осуществленіе предположенія объ открытіи школъ при всѣхъ церквахъ встрѣтило препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что не у всѣхъ священниковъ оказались удобныя помѣщенія, а на наемъ особыхъ зданій ничего ассигновано не было. Вслѣдствіе этого, въ сентябрѣ 1866 г., собраніе назначило на наемъ помѣщеній съ отопленіемъ по 50 р. и на учебныя пособія — по 30 р., опредѣливъ, такимъ образомъ, школьный бюджетъ въ 180 р. при 25 ученикахъ, и въ 230 р. при большемъ числѣ. Мысль объ открытіи школъ во всѣхъ приходоу на этотъ разъ была оставлена; рѣшено на первое время устроить только 50 училищъ, причемъ, однако, управѣ предоставлено открыть ихъ и болѣе, если бы образовался остатокъ отъ ассигнованной на 1867 г. суммы, въ количествѣ 11,500 р.

Основные принципы, установленные московскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ первый его сессіи, заключаются въ слѣдующемъ: обученіе должно быть добровольное и даровое; устройство народныхъ училищъ составляетъ непосредственную обязанность земства, и всѣ расходы на ихъ содержаніе покрываются изъ земскихъ суммъ. Но принципы эти не могли быть тогда же приложены къ дѣлу, и, подъ влияніемъ обстоятельствъ, земскому собранію пришлось отступить отъ нихъ: вслѣдствіе несогласій составленной на 1867 г. раскладки съ изданнымъ послѣ того закономъ 21 ноября 1866 г., раскладка была кассирована, расходная смѣта подверглась сокращенію, и потому на народное образованіе въ 1867 г. не могло быть произведено никакихъ затратъ. Сокращеніе доходовъ побудило собраніе уменьшить ассигновку на 1868 г.—съ 11,500 до 5,000 р.—и отступить отъ принятаго имъ принципа содержанія училищъ на счетъ земства. Въ сессіи 1867 г. оно рѣшилось поддерживать какъ существующія, такъ и могущія вновь открыться училища, въ размѣрѣ половины нормальной стоимости (т.-е. 90 и 115 р., смотря по числу учениковъ), но въ томъ только случаѣ, если общество или приходъ составитъ приговоръ, которымъ приметъ на себя часть расходовъ по содержанію училища, или если расходы эти приметъ на себя отдѣльное лицо. Посobie рѣшено выдавать по дѣйствительномъ открытіи училища съ опредѣленнымъ числомъ учениковъ, съ тѣмъ, чтобы остальные расходы,—размѣръ которыхъ собраніемъ не установленъ,—пополнялись, по усмотрѣнію общества или учредителя, платою съ учениковъ, сборомъ съ общества или частнымъ пожертвованіемъ; при этомъ, однако, учредителямъ предложено обходиться и однимъ пособіемъ отъ земствъ, если они найдутъ это возможнымъ. Взиманіе платы съ учениковъ допущено только въ тѣхъ училищахъ, которыя не получаютъ полного, по числу учениковъ, содержанія; когда же пособіе отъ земства, дополненное сборомъ съ общества или частнымъ пожертвованіемъ, составитъ полную сумму опредѣленнаго содержанія училища, то преподаватели обязаны производить обученіе безъ взиманія платы съ учениковъ.

Приведенныя постановленія собранія, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать развитію школьнаго дѣла, какъ это ожидалось, представили ему значительное препятствіе: оказалось, что размѣръ земскаго пособія (90 и 115 р. въ годъ) крайне недостаточенъ, и что на поддержку со стороны сельскихъ обществъ разсчитывать невозможно. «Изъ числа поступившихъ въ управу приговоръ сельскихъ обществъ,—говоритъ управа въ своемъ отчетѣ за

1867 г.,—большая часть содержатъ отказы крестьянъ оказывать хотя малѣйшее отъ себя пожертвованіе къ назначенному земствомъ пособию, и только 11 сельскихъ обществъ изъявили готовность оказывать пособие преподавателямъ, одни — опредѣленнымъ сборомъ съ души въ пользу преподавателей, а другія — участіемъ въ расходахъ по содержанію училищъ. Изъ числа священно-церковно-служителей на призывъ управы отозвались согласіемъ открыть училища за назначенное земствомъ вознагражденіе 25 приходоѡ, прочіе же, при всемъ желаніи открыть училища, принуждены отъ этого отказаться, находя одно пособіе отъ земства, безъ участія прихожанъ, при томъ стѣсненіи, какое они должны будутъ имѣть, недостаточнымъ». Отъѡзы священниковъ и прихожанъ, доставленные управѣ, чрезвычайно любопытны. Священникъ села Троицкаго, Теплыѡ Станы, напр., утверждаетъ, что предоставлять училищное дѣло усмотрѣнію самихъ прихожанъ не слѣдуетъ. «Всѣ крестьяне,—говоритъ онъ,—участвуютъ взносомъ, хотя и не сознаютъ сего, въ содержаніи высшихъ учебныхъ заведеній, и при всемъ томъ, почти не пользуются ими. Слѣдственно, какую сумму назначило бы начальство собирать съ прихожанъ и не-прихожанъ на содержаніе училища, всѣ, при невѣдѣніи и по невѣдѣнію, стали бы платить. Отдать дѣло школы на свободно-сознательную волю прихожанъ и не-прихожанъ, значитъ разстроить это дѣло. Собирать сумму съ пользующихся благами школы—значитъ до нельзя сократить число учащихся. Это я испыталъ въ первое время, когда открылъ школу у себя въ домѣ на собственные средства (въ 1863 г.), въ надеждѣ въ будущемъ на пособіе отъ прихожанъ». И дѣйствительно, крестьяне очень неохотно соглашались на пожертвованія въ пользу школы. Большинство селеній, представившихъ приговоры, заявляло о своей бѣдности и обременительности для себя новыхъ расходовъ; «едва по нынѣшнему времени казенныя подати наши оплачиваются», говорили въ своихъ приговорахъ крестьяне куркинской волости. «Вполнѣ содержать училище, производить полную плату за обученіе дѣтей, мы не въ состояніи, по причинѣ великихъ податей, не оплачиваемыхъ самимъ обществомъ, по своей скудости, къ назначеннымъ срокамъ, и разныхъ долговъ, которымъ подпало общество во избѣжаніе продажи имущества, вслѣдствіе несостоятельности къ своевременному производству платежа разныхъ податей» — писали крестьяне селеній Качалова, Битцъ и Аннико. Озерецкое волостное правленіе, заявляя объ отказѣ крестьянъ отъ участія въ школьныхъ расходахъ, указывало другую причину этого явленія: по его мнѣнію,

«крестьяне въ настоящее время не обращаютъ на сей важный предметъ никакого вниманія, а вовлекаются большею частью въ одну только слабость, чрезъ что и разстраиваютъ свое хозяйство». Но отзывъ не подтверждается другими показаніями; напротивъ, встрѣчаются несомнѣнные свидѣтельства, что крестьяне обращали на «сей важный предметъ» большое вниманіе, и только недостатокъ средствъ мѣшалъ имъ осуществить ихъ желаніе. Притѣ и сельскіе старосты тайнинскаго прихода, напр., заявляютъ, что «прихожане, почитая и признавая плоды образованія очень полезными, и желали бы приступить къ открытію училища, но, по бѣдности и малочисленности своей, не могутъ оказать такого образованія своимъ дѣтямъ».

«Отъ образованія и обученія своихъ дѣтей грамотѣ,—говорятъ прихожане села Владыкина,—мы не отказываемся, но помогать земству въ расходахъ по училищу мы не въ состояніи по тягостнымъ обстоятельствамъ настоящаго времени; почему заключили: если земству угодно будетъ отъ себя строить училище въ нашемъ селѣ и давать жалованье наставнику, то мы готовы отдавать своихъ дѣтей въ ученіе». По свидѣтельству священника села Дьяковского, «крестьяне изъявили полную охоту къ обученію грамотности дѣтей своихъ; многіе изъ крестьянъ охотно желаютъ отдавать дѣтей своихъ для обученія грамотѣ, но письменнаго приговора на обязательное вспомошествованіе училищу не рѣшаются дать, опасаясь за оное строгой отвѣтственности». Священникъ села Орлова, въ приходѣ котораго школа, учрежденная вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, существовала съ 1864 г., тоже свидѣствуетъ, что «прихожане хотя и сознаютъ потребность обученія дѣтей, но, по случаю неурожая въ прошломъ году хлѣба, а въ нынѣшнемъ—хлѣба и травы, по себѣ на содержаніе училищъ оказать не могутъ». Но особенно краснорѣчиво говорить о стремленіи крестьянъ къ образованію, священникъ подгороднаго села Кунцева. По его словамъ «крестьяне сознаютъ потребность обученія; дѣти ихъ обнаруживаютъ охоту къ ученію, и соревнуя обучающимся сверстникамъ, сами просились въ училище; они слышали, что съ обучающимися ласково обращаются. Нѣкоторые даже взрослые являлись за учебными пособиями для самоучки. Крестьяне, на самомъ дѣлѣ сознаютъ потребность въ образованіи; они уже пользуются моими домашними выученными, которые для нихъ читаютъ и пишутъ, а нѣкоторые читаютъ и поютъ въ церкви, а надъ умершими читаютъ вславу». Но, добавляетъ почтенный пастырь, «крестьяне, смотря на трудности своего быта и на многіе сборы съ нихъ,

заявили мѣѣ, что они теперь не въ состояніи принять участіе въ содержаніе училища. Особенныхъ же пожертвователей нѣтъ».

Впрочемъ, не одна бѣдность служила причиною уклоненія крестьянъ отъ мірскихъ расходовъ на школу. Это послѣднее, какъ видно изъ доставленныхъ отзывовъ, обуславливалось частію разнорѣдностію нѣкоторыхъ обществъ, частію установившимся обычаемъ отдавать дѣтей «на выучку». На первое изъ этихъ условій указываетъ священникъ с. Коломенскаго о. Кротковъ. «Приходскія школы, на условіяхъ, сказанныхъ въ отношеніи управы, — говоритъ онъ, — съ платою съ каждаго воспитанника, въ нашей мѣстности, подъ вліяніемъ духа раскола ¹⁾, немислимы. Приверженцы раскола къ дѣлу образованія юношества относятся очень холодно; они знаютъ, что съ образованіемъ ихъ дѣтей, расколъ ослабѣетъ и падетъ». Поэтому о. Кротковъ предлагаетъ «открыть училище бесплатно со стороны учениковъ и ученицъ, но съ содержаніемъ отъ земства». Что касается до предпочтенія отдачи дѣтей на выучку, то оно обнаруживается изъ нѣсколькихъ приговоровъ. Такъ, крестьяне селеній Люберцы, Панки и Подосинки говорятъ: «мы не желаемъ имѣть общественное училище, а кто изъ насъ пожелаетъ обучать дѣтей своихъ грамотъ, то всякій, по усмотрѣнію своему, будетъ отдавать дѣтей своихъ частнымъ людямъ для обученія грамотъ»... «Грамотности между нами имѣется очень довольно, пишутъ въ своемъ приговорѣ крестьяне подмосковскаго села Измайлова (дѣйствительно, изъ бывшихъ на сходѣ 71 домохозяина подписались на приговорѣ собственноручно 30; перепись 1869 года обнаружила въ Измайловѣ 23,3% грамотныхъ мужчинъ и 2,6% грам. женщинъ)—и въ настоящее время должно быть по обсужденію родителей для своихъ дѣтей самопроизвольно, такъ, какъ и прежде было: отдавали для обученія грамотъ церковно-служителямъ, которые какъ прежде занимались учениками, такъ и нынѣ занимаются за плату, по согласію ихъ родителей. Слѣдовательно, обязательнаго какъ на цѣлое общество совершенно нѣтъ надобности въ заведеніи сельскаго училища». — Трудно рѣшить, что было причиною такихъ отзывовъ: боязнь-ли новыхъ сборовъ, сопряженныхъ, какъ говоритъ священникъ села Дьяковскаго, съ «опасеніемъ строгой отвѣтственности» ²⁾, или преобладаніе на сходахъ

¹⁾ По приходскимъ спискамъ 1873 г., раскольники въ Коломенскомъ приходѣ составляли 48,5% населенія.

²⁾ Нѣсколько позже намъ лично пришлось убѣдиться въ существованіи такихъ «опасеній». Въ 1878 г. дуркинский волостной сходъ, на предложеніе управы указать мѣсто, гдѣ наиболѣе удобно устроить земскую школу, отвѣчалъ отказомъ, заяв-

малосемейныхъ домохозяевъ, непосредственно незаинтересованныхъ въ школы. Впрочемъ, и изъ тѣхъ селеній, которыя согласились участвовать въ школьныхъ расходахъ, нѣкоторые установили плату съ учениковъ отъ 50 коп. (Кучино), до 1 рубля (Ясенево), причемъ одно (Пехра) постановило правиломъ, чтобы бѣдные ученики получали учебныя пособия отъ учителя. Такая забота общества о бѣдныхъ ученикахъ вполне основательна, такъ какъ вліяніе бѣдности на первыхъ же порахъ успѣло обнаружиться. Свящ. села Троицкое Теплые-Станы сообщалъ управѣ, что въ открытую имъ въ январѣ 1868 г. («въ день университетскаго праздника») школу записалось желающихъ учиться 32 чел., а «начавшихъ уже учиться 26 чел. обоего пола, такъ какъ нѣкоторые еще неисправны по одеждѣ и обуви».

Какъ ни неохотно относились крестьяне къ пожертвованіямъ на школу, однако, нѣсколько обществъ согласились на ежегодныя взносы; но эти послѣдніе имѣли крайне скромныя размѣры. Самый крупный душевой налогъ простирается до 15 к. (Красково) и 10 к. (Выхино, Жулебино и Вязовека); затѣмъ опускается до 5 к. (Литвиново), 3 к. (Өенино, Давыдково, Аминово и Матвѣевское), 2 к. (Озерецкое съ деревнями, Троицкое, Голенищевое и др.). При небольшомъ въ московскомъ уѣздѣ составѣ сельскихъ обществъ (среднимъ числомъ—54 домохозяина и 138 душъ мужск. пола, по свѣдѣніямъ 1881 г.), сумма крестьянскихъ пособій оказывалась совершенно ничтожною. На Красковское училище, напр., при 15 коп. душевомъ взносѣ, приходилось всего 24 р. 75 к., на Троицко-Голенищевское (по 2 к.)—7 р. 20 к., на Волинское—10 р. 80 к., на Троекуровское—4 р. 40 к.! Принести сколько-нибудь ощутительную пользу такое пособіе, конечно, не могло, за то выдерживался принципъ, хотя и тормазившій успѣхъ народнаго образованія.

Этотъ принципъ—«привлеченіе мѣстныхъ средствъ», настойчиво поддерживавшійся московскимъ губернскимъ собраніемъ, изъ вѣдръ котораго онъ пришелъ и въ московскій уѣздъ (поддержка со стороны губернскаго земства училищамъ бывшихъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ была обусловлена участіемъ въ расходахъ крестьянъ)—такимъ образомъ мотивировался уѣздной управой въ ея докладѣ въ 1867 г. Соглашаясь съ мнѣніемъ губернской управы, что *«трудно опережать уровень народнаго жела-*

на, что крестьяне опасаются новаго обложенія. Только послѣ завіренія, что никакихъ сборовъ съ нихъ не потребуется, мѣсто было указано. Замѣтимъ, что открытая на указанію схода школа посѣщается весьма охотно.

нія», управа высказываетъ мысль, что «пособіе земства въ дѣлѣ народнаго образованія можетъ быть производимо только при сознаніи потребности въ образованіи той среды, для которой устраиваются училища, и потому главное вниманіе земства должно быть обращено въ началѣ на возбужденіе въ народѣ охоты къ обученію, и затѣмъ уже употреблять всѣ силы къ ея удовлетворенію». По мнѣнію управы, «земство можетъ оказывать пособіе народному образованію только тамъ, *гдѣ мѣстные жители чувствуютъ въ немъ потребность и выражаютъ ее готовностью участвовать въ расходахъ по содержанію*. Въ такомъ заключеніи управа убѣждается въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ ей извѣстно, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, несмотря на готовность преподавателя къ обученію и на имѣющееся особое помѣщеніе, училище остается празднымъ вслѣдствіе того, что крестьяне не принимаютъ на себя ни малѣйшаго расхода на содержаніе».

Точка отправленія управы совершенно основательна. Пока не введено въ странѣ обязательное обученіе, пока, притомъ, потребность образованія не проникала еще въ сознаніе всей массы, остается одинъ только путь для распространенія просвѣщенія, это — открытіе школъ тамъ, гдѣ «мѣстные жители чувствуютъ въ нихъ потребность», т.-е. гдѣ представляется вѣроятность, что школа будетъ посѣщаться. Но вопросъ въ томъ, что должно служить критеріемъ для опредѣленія степени потребности въ школѣ. Почему пожертвованіе въ 2 коп. съ души, по ничтожности своей совершенно бесполезное, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ сочувствія образованію, нежели торжественное заявленіе крестьянъ, что они «охотно желаютъ отдавать дѣтей своихъ для обученія грамотѣ»; что, въ случаѣ открытія школы, они «готовы отдавать своихъ дѣтей въ ученіе» ¹⁾. Съ другой стороны, не болѣе ли убѣдительнымъ, нежели приговоръ и заявленіе, доводомъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ

¹⁾ Личный опытъ убѣдилъ насъ въ томъ, что приговоръ крестьянъ о пожертвованіяхъ не всегда выражаетъ дѣйствительное мнѣніе крестьянскаго большинства, создаваясь иногда подъ влияніемъ совершенно побочныхъ и случайныхъ обстоятельствъ. Вотъ фактъ, чрезвычайно характерный и вмѣстѣ съ тѣмъ прискорбный. Въ 1874 году, бывши мировымъ посредникомъ въ московскомъ уѣздѣ, я хлопоталъ объ устройствѣ земской школы въ селѣ Озерцекомъ, гдѣ, несмотря на существованіе школы государственнѣхъ имуществъ съ 1843 г., населеніе было неграмотно (по переписи 1869 г. на 2,292 души населенія Озерецкаго прихода грамотные мужчины составляли всего 4,3%, а грамотныхъ женщинъ не было совсѣмъ), и это давало поводъ волостному начальству къ крайнимъ злоупотребленіямъ. По дѣйствовавшимъ въ то время правиламъ, для открытія земской школы необходимо былъ приговоръ общества о пожертвованіи какой-либо суммы въ пользу школы. Неоднократные перегово-

сами собою, по собственному почину крестьянъ, возникли школы? Не лучше ли было бы положить въ основаніе земскихъ мѣропріятій всё эти указанія, нежели участіе крестьянъ въ расходахъ? Какъ увидимъ ниже, взглядъ московскаго уѣзднаго земства въ послѣдствіи измѣнился, и это произошло подъ вліяніемъ указаній опыта, несомнѣнно доказавшихъ полную несостоятельность первоначальнаго взгляда.

Несмотря на изложенную постановку школьнаго дѣла, училища начали открываться, главнымъ образомъ благодаря тому, что собраніе признало возможнымъ оказывать пособіе и такимъ школамъ, въ содержаніи которыхъ крестьяне не участвуютъ. Въ концѣ 1867 и въ 1868 г., открылось вновь 20 училищъ съ пособіемъ отъ земства, и изъ нихъ въ большей части преподавателями состояли мѣстные священники и діаконы. По отчету за 1868 г. въ уѣздѣ числилось 27 училищъ, и изъ нихъ въ двадцати двухъ считалось учащихся 588 м. и 69 дѣв. (о пяти свѣдѣній нѣтъ). На пособія отъ одного земства содержались 8 училищъ, отъ земства и частныхъ лицъ 3, на средства преподавателя («безвозмездно») — 1, и съ участіемъ крестьянъ — 15. Въ 1869 г. числилось уже 38 училищъ, изъ коихъ пособіемъ отъ крестьянъ пользовались 11: два получали помѣщеніе и отопленіе, два — отопленіе (одно изъ нихъ въ количествѣ 3 саж. дровъ въ годъ), одно — помѣщеніе и деньгами по 15 коп. съ души, одно — плату съ учениковъ, по 1 р. въ годъ; остальные — деньгами — отъ 20 до 23 р., причемъ, встрѣчаются подушные сборы отъ 2 до 5 к. въ годъ. Но и эти скудные пожертвованія поступали неисправно, что и побудило предсѣдателя уѣздной управы предложить, въ 1869 г., собранію «поручить управѣ имѣть наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ чрезъ волостныя правленія».

Постановка, данная московскимъ уѣзднымъ собраніемъ школьному дѣлу, мало отличалась отъ практиковавшейся въ домствѣ государственныхъ имуществъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, въ дѣлу привлекалось преимущественно духовенство, и здѣсь и тамъ пе-

рени съ сельскимъ сходомъ по этому предмету не имѣли никакого успѣха: сходъ наотрѣзъ отказывался отъ пожертвованія; какъ вдругъ настроеніе схода перемѣнилось и былъ составленъ приговоръ, которымъ общество облагало себя 15 копѣечнымъ душевнымъ сборомъ, на три года. За разъясненіемъ этой внезапной перемѣны я обратился къ волостному старшинѣ, весьма усердно хлопотавшему объ открытіи школы, и узналъ, что старшина далъ «по двугривенничку» двумъ-тремъ членамъ схода, вступившимъ въ роли наиболѣе ярыхъ противниковъ школы... Подкупъ, въ видахъ распространенія образованія — явленіе, вполне «самобытное»...

дагогическая дѣятельность вознаграждалась крайне скудно; но преимущества были все-таки на сторонѣ системы государственныхъ имуществъ. Это вѣдомство расходовало на школу отъ 175 р. 50 к. до 250 р., и отпускало всю эту сумму сполна, само производя сборы съ крестьянъ, тогда какъ земство, исчисливъ школьный бюджетъ почти въ томъ же размѣрѣ (180 и 230 р.), ограничилось «воспособленіемъ» въ половинной части, предоставивъ преподавателямъ — священникамъ — вымогать недостающую сумму у прихожанъ. Благопріятствовать успѣху дѣла такой порядокъ не могъ: взысканіе съ прихожанъ школьныхъ взносовъ, поступавшихъ несправно, способно было только обострить отношенія между прихожанами и священниками; съ другой стороны, послѣднимъ приходилось заботиться о сохраненіи, хотя бы по спискамъ, нормальнаго числа учениковъ (15 для полученія 90 р., и 26 — для полученія 115 р.), заноса въ списки, для счета, своихъ собственныхъ дѣтей (фактъ!), чтобы не лишиться пособія. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ скоро стали раздаваться жалобы на неудовлетворительность школъ, несмотря на то, что требованія, предъявлявшіяся къ нимъ земствомъ, были болѣе, чѣмъ скромны. Въ очередномъ собраніи 1868 г. одинъ изъ гласныхъ возбудилъ вопросъ — что слѣдуетъ разумѣть подъ словами «умѣнье читать», и высказалъ мнѣніе, что вознаграждать преподавателей слѣдуетъ только за толковое чтеніе, съ пониманіемъ прочитаннаго. На это одинъ изъ членовъ училищнаго совѣта и нѣкоторые гласные возражали, что «эти требованія слишкомъ велики, что отъ всѣхъ учениковъ невозможно ожидать пониманія прочитаннаго, ежели они пробыли одинъ только учебный годъ въ училищѣ». Тѣмъ не менѣе недовольство высказывалось часто: въ собраніи указывалось, что ученики «зазубриваютъ уроки», что «пособіе, оказываемое земствомъ, далеко не достигаетъ предполагаемой цѣли», что «съ разныхъ сторонъ, отъ гласныхъ земскаго собранія и отъ членовъ училищнаго совѣта, слышатся жалобы на неудовлетворительность употребляемаго въ нашихъ народныхъ школахъ способа преподаванія», что «дѣло народнаго образованія въ московскомъ уѣздѣ ведется неудовлетворительно». Дошло до того, что одно сельское общество просило о прекращеніи пособія мѣстному училищу, которое оно считало бесполезнымъ, вслѣдствіе безуспѣшности. Земское собраніе пыталось помочь горю палліативною мѣрою — устройствомъ трехдневнаго сѣзда преподавателей для ознакомленія ихъ съ новыми методами, но, не возлагая на этотъ палліативъ особой надежды, въ 1871 г. рѣшилось приступить къ коренной перестройкѣ всей

школьной системы. Комиссія «пользы и нужды», которой поручено было рассмотреть этого вопроса, признала, что причины неудовлетворительности школьнаго дѣла заключались въ слѣдующемъ: 1) преподаваніе почти во всѣхъ народныхъ школахъ ввѣрено не учителямъ, специально посвятившимъ себя этому дѣлу, а приходскимъ священникамъ, имѣющимъ прямыя и болѣе главныя обязанности по церкви и приходу; при всей готовности и способности ихъ къ занятію школою, они, по прямымъ своимъ обязанностямъ, не могутъ и не должны всецѣло посвящать себя училищному дѣлу; вслѣдствіе этого школа, завѣдуемая только однимъ священникомъ, не можетъ имѣть постоянного надзора и преподаваніе въ ней должно идти отрывочно. 2) Самыя школы находятся въ случайныхъ помѣщеніяхъ—или въ домахъ священниковъ—преподавателей, или въ церковныхъ сторожкахъ, или въ отведенномъ крестьянами домѣ ихъ бѣднява-односельца за оставшуюся за нимъ недоміку. 3) Въ школахъ недостаточно училищныхъ принадлежностей и учебныхъ пособій; неизмѣнныя приспособленныя къ школьнымъ занятіямъ столовъ и скамеекъ, черной классной доски, аспидныхъ досокъ и счетовъ, наконецъ, недостатокъ въ книгахъ для совокупнаго ученія. 4) Дѣти поступаютъ въ школы разновременно и самопроизвольно выходятъ изъ нихъ.—Считая невозможнымъ для земства явиться разомъ на помощь такому значительному числу школъ, комиссія пришла къ убѣжденію, что земство могло бы оказать нравственное влияние на улучшеніе существующихъ школъ, какъ относительно расположенія населенія и довѣрія къ школѣ, такъ и къ болѣе правильному посѣщенію ея—посредствомъ устройства *образцовой школы*, вполне обеспеченной благоустроеннымъ помѣщеніемъ, надлежащими классными и учебными принадлежностями и пособиями и специально посвятившимъ себя школѣ учителемъ.

Мнѣніе комиссіи было принято собраніемъ, и въ 1872 году была открыта земская «образцовая» школа въ селѣ Большихъ Мытищахъ, устройство и завѣдываніе которой было поручено специальному педагогу, Н. П. Малинину. Первая школа должна была содержаться исключительно на средства земства, но когда потребовалось увеличеніе числа земскихъ школъ (попытки училищнаго совѣта улучшить прежнія школы не достигли цѣли и только вызвали закрытіе многихъ изъ нихъ), возникъ вопросъ о средствахъ, и собраніе, въ 1872 г., приняло за правило открывать земскія школы лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сельскія общества или частныя лица обезпечатъ училище на опредѣленный срокъ приличнымъ помѣщеніемъ для школы и квартирой

учителя, съ отопленіемъ ихъ, и сторожемъ, или же обяжутся на тотъ же срокъ вносить не менѣе 300 р. въ годъ. Опытъ перваго, слѣдовавшаго за установленіемъ этого правила, года доказалъ полную невозможность требовать отъ всѣхъ сельскихъ обществъ участія въ расходахъ на содержаніе школы, въ равной мѣрѣ, а потому въ 1873 г. нормальный размѣръ пособия былъ отмѣненъ, но самый принципъ непремѣннаго участія мѣстныхъ жителей въ школьныхъ расходахъ сохранилъ свою силу и оставался непркосновеннымъ до 1876 г., когда указанія опыта побудили земское собраніе возвратиться къ началамъ, принятымъ имъ десять лѣтъ назадъ и непримѣненнымъ на дѣлѣ, т.-е. къ принятію устройства и содержанія школъ на счетъ земства.

Въ промежутокъ времени съ 1872 по 1876 г. было открыто 29 земскихъ училищъ. Такъ какъ училища, кромѣ трехъ устроенныхъ на счетъ земства и одного преобразованнаго изъ прежде существовавшихъ, открывались по инициативѣ сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, — т.-е. въ селеніяхъ, гдѣ мѣстные жители принимали на себя часть расходовъ, а потому при устройствѣ училищъ земство не слѣдовало никакому заранее составленному плану, — то о равномерности распредѣленія земскихъ школъ по уѣзду не могло быть и рѣчи. И дѣйствительно, въ то время, какъ нѣкоторые волости имѣли по нѣскольку училищъ, другія не имѣли ихъ совсѣмъ; селенія, отдаленныя отъ другихъ и имѣющія не болѣе 30—40 дѣтей учебнаго возраста, пользовались земской школой, тогда какъ селенія центральныя и болѣе многочисленныя ея не имѣли. Обращая на это вниманіе земскаго собранія, уѣздная управа, въ отчетѣ объ училищахъ за 1875—1876 г., указывала, что, въ виду существующаго правила, многія общества, вполне сознающія пользу грамотности, не рѣшаются приступить къ устройству земской школы, боясь обременить себя расходами, тѣмъ болѣе, что въ обществахъ всегда есть враги школы — бездѣтныя домохозяева, всегда высказывающіеся противъ школьныхъ расходовъ и часто одерживающіе верхъ на сельскомъ сходѣ. Такіе примѣры встрѣчались неоднократно; лѣтомъ 1876 г., напр., крестьяне дер. Котлявова — селенія весьма состоятельнаго — отказались отъ школы по тому соображенію, что желающіе учить дѣтей могутъ найти для этого способъ, а для бездѣтныхъ школьный расходъ будетъ только бесполезнымъ обремененіемъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, въ особенности въ отдаленныхъ, польза ученія совсѣмъ не признается: по показаніямъ крестьянъ, при мѣстномъ статистическомъ изслѣдованіи, въ Тишковѣ, Марьиной Горѣ, Михалевѣ и др., мар-

ониской волости, дѣтей съ 9-лѣтняго возраста отдають на фабрики, предпочитая заработокъ ихъ обученію. Понятно, — говорить управа, — что селеніе, въ которомъ такой взглядъ преобладаетъ, никогда не приметъ на себя участія въ расходахъ на безполезную, по его мнѣнію, школу и надолго останется поголовно безграмотнымъ. Наконецъ, въ большинствѣ селеній весьма распространена отдача дѣтей на выучку, причемъ крестьяне не останавливаются передъ довольно значительными расходами. Плата за выучку, происходящую въ 2—3 года, обыкновенно простирается отъ 7 до 12 р. Этотъ способъ обученія, хотя и обходящійся дороже обученія въ земской школѣ, вошелъ въ обычай потому, что его несутъ только непосредственно заинтересованные. На такихъ же основаніяхъ нанимаются иногда учителя цѣлыми селеніями. Такъ, въ дер. Назарьевой, Черкасовской, всѣ крестьяне нанимають отъ себя учителя, «шатающагося по волѣ первовника», который занимается обученіемъ въ этой деревнѣ уже два года (писано въ 1876 г.), получая съ cadaго обучающагося мальчика по 50 к. въ мѣсяцъ. Квартуру подъ училище нанимають родители учениковъ, платя съ cadaго по 50 к. въ мѣсяцъ. Въ Аминевѣ, тронцево-голеннищевой вол., въ 1875 г. такъ былъ такой учитель — мѣщанинъ, получавшій по 7 р. за выучку и пользовавшійся квартирою и продовольствіемъ у родителей своихъ учениковъ поочередно.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, управа находила, что, ставя открытіе земскихъ училищъ въ зависимость отъ пособій со стороны мѣстныхъ жителей, невозможно достигнуть равномернаго распредѣленія училищъ и земскаго пособия. Это послѣднее, несмотря на пожертвованія, номинально составляетъ главную часть школьнаго бюджета, болѣе $\frac{2}{3}$, а въ дѣйствительности и еще болѣе, такъ какъ обѣщанныя пожертвованія поступаютъ весьма несправно. Въ 1875 г., ожидалось, вмѣстѣ съ недоимками предыдущаго года, 2480 р. 10 к., а дѣйствительно поступило только 675 р., т.е. 27 $\frac{1}{2}$ %; въ 1876 г., ожидалось 4,051 р. 20 к. (съ недоимками), а поступило, по 1 июля, 319 р. 66 к., или 7,8 $\frac{1}{2}$ %. Кромѣ того, нѣкоторые жертвователи обращаются съ ходатайствами о сложеніи съ нихъ обѣщанныхъ пожертвованій. Что касается до пожертвованій натурой, т.е. отводомъ помѣщеній, съ отопленіемъ и прислугой, то и въ этомъ отношеніи дѣло представляется далеко не привлекательнымъ. Школьные помѣщенія, не только нанимаемыя крестьянами, но и прямо ими выстроенныя, оказываются крайне-неудовлетворительными, за нѣкоторыми лишь исключеніями. Такъ, зданія въ

Красковѣ и Хлѣбниковѣ, несмотря на недавнее существованіе, пришли уже въ плачевное состояніе; домъ, купленный карачаровскимъ обществомъ для школы, ветхъ и тѣснъ, съ протекающею крышею; въ Зюзинѣ, въ наемномъ домѣ, обвалился потолокъ, въ счастію, не въ учебное время. Во всѣхъ школахъ или холодно, или темно, или сыро, или угарно, или же все это вмѣстѣ. Наконецъ, содержаніе обществомъ сторожа при училищѣ, вызывая множество недоразумѣній, тоже оказывается неудобнымъ. Слѣдовательно, и пожертвованіе натурой не приноситъ существенной пользы. Кромѣ того, всякое пожертвованіе, какъ бы оно ни было незначительно, даетъ крестьянамъ поводъ считать училище своей собственностью и закрывать доступъ въ него дѣтямъ, не принадлежащимъ въ платящему обществу, чѣмъ нерѣдко вызываютъ неудовольствіе. Во многихъ школахъ существуетъ обложеніе постороннихъ учениковъ денежнымъ сборомъ въ пользу участвующаго въ содержаніи школы общества, несмотря на то, что, по установленному земскимъ собраніемъ правилу, въ земскихъ училищахъ всѣ обучаются бесплатно.

Въ устраненіе указанныхъ неудобствъ, управа предлагала на будущее время принять содержаніе земскихъ училищъ, а равно и постройку для нихъ зданій, на счетъ земства, причѣмъ земскія училища открывать въ центральныхъ селеніяхъ, назначаемыхъ земскимъ собраніемъ.

Предложеніе это было принято собраніемъ въ октябрѣ 1876 г., а въ маѣ 1879 г. утвержденъ проектъ сѣти земскихъ училищъ, предварительно рассмотрѣнный особой комиссіей. Въ основаніе проекта были положены слѣдующія соображенія. Кругъ дѣйствій сельской школы въ московскомъ уѣздѣ распространяется не далѣе 3 верстъ отъ мѣста ея нахожденія; на 1000 душъ населенія, по даннымъ переписи 1869 г., приходится до 78 дѣтей отъ 9—13 лѣтъ. Полагая на одного учителя 50 учениковъ, — за нормальное количество населенія, для котораго должно быть открыто училище, слѣдуетъ принять 700 душъ, такъ какъ на такое населеніе приходится до 68 дѣтей 9—13 лѣтъ, а считая только имѣющихъ 9—12 лѣтъ, — до 56. На основаніи этихъ данныхъ, для устройства земскихъ училищъ намѣчены такіе селенія, которыя, вмѣстѣ съ окружающими ихъ на разстояніи не далѣе 3 верстъ, селеніями, имѣютъ не менѣе 700 жителей. Такихъ пунктовъ оказалось 67, съ населеніемъ, по приходскимъ спискамъ 1873 г., 91,996 душъ. Въ районъ предположенныхъ училищъ остается 17,253 души, а за исключеніемъ селеній, имѣющихъ возможность пользоваться школами городскими и частными, 14,935 душъ.

Чтобы не лишать средств и образованія и это населеніе, земское собраніе признало нужнымъ давать пособіе и тѣмъ школамъ, которыя отеркуются внѣ утвержденной сѣти. «Противъ вложеннаго предположенія, — говоритъ комиссія, — можетъ быть сдѣлано возраженіе, весьма существенное, а именно, — что отъ школьныхъ расходовъ, въ такомъ случаѣ, будутъ освобождены именно тѣ селенія, для которыхъ, вслѣдствіе многочисленности ихъ, расходы представлялись бы менѣе обременительными, и наоборотъ къ расходамъ на школу будутъ привлекаться селенія, по малочисленности своего населенія, менѣе состоятельныя. Съ точки зрѣнія справедливости, такое возраженіе вполнѣ справедливо, но къ устраненію указываемаго неудобства комиссія не находитъ способовъ: устроить школы для всего уѣзда земство не имѣетъ возможности, а слѣдовательно, гдѣ бы ни были устроены земскія училища въ ограниченномъ количествѣ, часть населенія всегда останется безъ школы. Поэтому слѣдуетъ заботиться лишь о томъ, чтобы безъ средствъ къ образованію оставалась возможно меньшая часть населенія».

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ московское уѣздное земство рѣшилось измѣнить свою школьную систему и приступить къ устройству земскихъ училищъ, расходы на народное образованіе возрастали съ каждымъ годомъ и, наконецъ, достигли весьма значительной суммы. Какъ мы уже говорили, на 1867 годъ было ассигновано 11,500 р., но, по причинамъ, отъ земства независѣвшимъ, расходовъ въ этомъ году произведено быть не могло. Затѣмъ, ассигновка была уменьшена, и съ 1868 по 1870 г. назначалось всего по 5000 р.; съ 1871 г. начинается снова возрастаніе расходовъ.

За 15 лѣтъ, московскіе земскіе расходы на народное образованіе подвергались слѣдующимъ измѣненіямъ:

	Общій бюдж.		Необяз. расх.		На нар. образованіе:			
	руб.	к.	руб.	к.	Ассигновка.		Дѣйств. расх.	
1868	134,087	61	46,671	96 1/2	5,000	—	1,478	58 1/2
1869	110,466	52 1/2	53,455	05 1/2	5,000	—	5,168	51 1/4
1870	114,173	59	61,270	77 1/4	5,000	—	4,982	28
1871	91,019	68 3/4	43,002	99 3/4	6,000	—	5,698	48
1872	120,728	70	61,098	08	8,000	—	6,392	19
1873	101,454	61	44,248	40	10,500	—	8,069	49 1/2

	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
1874	126,203	66 1/2	73,447	19	17,200	—	18,903	44
1875	181,605	38 1/2	83,347	84	20,000	—	18,049	89
1876	121,691	77 1/2	82,988	18	26,929	—	21,998	80 1/2
1877	103,502	10	67,522	38	26,654	95	24,215	65 1/2
1878	125,001	24	85,870	38	35,982	60	26,357	71 1/2
1879	128,229	48	97,490	92	41,125	02	35,919	96
1880	156,135	65	166,801	53 1/2	44,184	10	42,022	70 1/2
1881	171,209	39 1/2	120,847	43	46,856	29	40,027	49
1882	171,209	39 1/2	139,479	17	49,854	57	—	—

На 1883 г. ассигновано 54,200 р., несмотря на то, что въ сессіи 1882 г. всѣ заботы земскаго собранія были направлены на сокращеніе расходовъ.

Если принять первоначальную ассигновку—5000 р. за сто, то отношеніе въ ней назначеній послѣдующихъ годовъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ.

1871	120	1878	718,6
1872	160	1879	822,5
1873	210	1880	883,6
1874	344	1881	987,1
1875	360,9	1882	997,0
1876	533,5	1883	1084,0
1877	533,1		

Чтобы дать понятіе о распредѣленіи земскихъ сборовъ въ московскомъ уѣздѣ, приведемъ свѣдѣнія о раскладахъ за послѣднее пятилѣтіе (копѣйки отбрасываемъ):

	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
Съ земель крестьянск.	15,203	15,625	15,636	15,626	15,611
« » проч. влад.	12,646	12,554	12,713	12,448	12,558
« фабрикъ и заводовъ.	27,798	30,941	31,331	28,763	42,340
« торгов. и пром. завед.	5,871	6,027	5,898	6,252	6,051
« мельн., торфян., бол. и пр.	1,350	1,614	1,602	1,263	1,201
« домовъ и дачъ, принос. доходъ.	28,391	28,193	31,781	26,321	26,641
Всего.	91,260	94,958	98,975	90,646	104,404

Кромѣ того, неокладныхъ сборовъ

съ торгов. докум.	12,000	18,500	18,500	20,000	19,500

Процентъ обложенія равняется 5 — для дачъ, и 3 1/2 — для прочихъ имуществъ, съ доходности, определенной земской оцѣнкой. Хотя процентъ этотъ, по сравненіи съ другими уѣздами, крайне низокъ, тѣмъ не менѣе земское обложеніе не можетъ быть признано особенно легкимъ, такъ какъ оцѣнка въ москов-

скомъ уѣздѣ нѣсколько выше, нежели въ другихъ уѣздахъ московской губ. Поэтому повышение обложенія, по мѣрѣ возрастанія потребностей, является дѣломъ не особенно легкимъ. «Въ теченіе послѣднихъ четырехъ-пяти лѣтъ, — говоритъ коммиссія 1879 г., — увеличеніе земскихъ расходовъ не представляло особенныхъ затрудненій, ибо платежныя силы уѣзда, вслѣдствіе примѣненія новыхъ приѣмовъ для опредѣленія доходности облагаемыхъ имуществъ, постепенно увеличивались, почему и не было надобности въ возвышеніи процента обложенія. Но въ настоящее время, когда оцѣнка достигла почти своего нормальнаго размѣра, и почти всѣ, подлежащія обложенію имущества привлечены къ уплатѣ земскихъ сборовъ, ожидать такого быстрого возрастанія доходовъ, какъ въ послѣдніе годы, едвали возможно; поэтому всякое увеличеніе расходовъ должно будетъ вести за собою увеличеніе процента обложенія, т.-е. новое обремененіе для плательщиковъ. Что касается собственно до бюджета народнаго образованія, то, по смѣтѣ 1879 г., онъ достигъ уже почтенной цифры 41,125 р. (что составляетъ почти треть—32% — всей расходной смѣты), и, по всей вѣроятности, уже недалекъ отъ того предѣла, когда дальнѣйшее возрастаніе его, по крайней мѣрѣ столь быстрое, какъ съ 1871 по 1879 г., должно будетъ приостановиться. Между тѣмъ, при такомъ высокомъ размѣрѣ смѣты, на отпускаемые средства, усиливаемыя притомъ нѣкоторыми пособиями натурой, можетъ быть содержимо не болѣе 46—47 училищъ. Такимъ образомъ, при нынѣшнемъ бюджетѣ можетъ быть содержимо менѣе половины того числа училищъ, какое необходимо для того, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста могли имѣть возможность посѣщать начальную школу».

Чтобы опредѣлить размѣры потребности въ школахъ для цѣлаго уѣзда, воспользуемся слѣдующими данными.

По переписи 1869 г. ¹⁾ среди наличнаго населенія — приписаннаго къ сельскимъ обществамъ и посторонняго, оказалось дѣтей 8—12 лѣтнаго возраста (этотъ возрастъ можно принять за нормальный школьный) мальч. 5,521, дѣв. 5,456, что на 10,000 населенія каждаго пола составляетъ м. 1,159, дѣв. 982. Принимая наличное населеніе уѣзда въ настоящее время, согласно вычисленію О. О. Эрисмана, въ 61,382 м. и 65,544 ж. ²⁾, и примѣняя къ нему данныя о возрастномъ составѣ населенія,

¹⁾ Сборникъ стат. свѣд. по Моск. губ. Отдѣлъ санитарн. стат. т. I. вын. 1. М. 1877, стр. 189.

²⁾ Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго у., Ч. 1. М. 1882, стр. 34.

1879—80 1880—81.

руб. к. руб. к.

Освѣщеніе.	233	40	257	40
Учебныя пособія.	2,901	96	2,509	34
Мебель.	1,932	75	790	50
Хозяйств. принадл.	761	94	349	99
Мелкіе расходы	109	40	201	85

38,869 07 41,572 48

Средній расходъ 747 48 769 86. За оба года—758 р. 88 к.

Едва ли эти цифры могутъ быть признаны слишкомъ высокими. О сокращеніи ихъ не можетъ быть рѣчи; скорѣе требуется увеличеніе, въ виду необходимости замѣны неудобныхъ наемныхъ помѣщеній собственными школьными зданіями.

Таковы дѣйствительныя потребности московскаго уѣзда. Посмотримъ, что сдѣлано для ихъ удовлетворенія.

Съ 1872 г., когда положено начало устройству земскихъ школъ, число училищъ и учащихся измѣнялось изъ года въ годъ слѣдующимъ образомъ:

Года:	Земскія:				Съ пособ. отъ земства:				Частныя:				Всего:			
	учил.	м.	д.	уѣзд.	учил.	м.	д.	Всего:	учил.	м.	д.	Всего:	учил.	м.	д.	Всего:
1872½	1	42	7	49	38	1,177	161	1,338	9	314	141	455	48	1,523	309	1,832
1873½	7	298	47	340	22	758	—	758	?	—	?	—	?	—	?	?
1874½	19	731	126	857	16	705	101	806	4	215	76	291	89	1,651	308	1,954
1875½	29	1,204	277	1,481	13	320	85	405	16	660	190	850	58	2,184	552	2,736
1876½	32	1,376	317	1,693	10	325	107	432	14	685	350	1,035	56	2,866	774	3,160
1877½	33	1,407	385	1,792	9	Средній нѣтъ										
1878½	39	1,503	381	1,884	8	195	46	241	15	783	158	941	64	2,481	585	3,066
1879½	52	2,032	548	2,580	6	179	44	223	14	623	168	791	72	2,884	760	3,594
1880½	54	2,288	702	2,990	6	176	51	227	18	923	221	1,144	78	3,887	974	4,861
1881½	56	2,548	806	3,354	6	177	57	234	17	895	234	1,129	79	3,620	1,097	4,717

Сравнивая данныя за послѣдній годъ, съ данными о числѣ населенія и числѣ дѣтей школьнаго возраста, получимъ: одна школа приходится на 1,606 душъ населенія и на 171 дѣтей учебнаго возраста. Учащіеся составляютъ немного болѣе $\frac{1}{3}$ дѣтей учебнаго возраста; слѣдовательно, около $\frac{2}{3}$ остаются безъ средствъ къ образованію. Если же принять въ расчетъ, что въ итогѣ учащихся показаны дѣти всѣхъ возрастовъ, — не моложе 8 и старше 12 ¹⁾, то отношеніе окажется еще менѣе благоприятнымъ. Очевидно, что сдѣлано земствомъ еще слишкомъ мало: это только фундаментъ, а самое зданіе еще ждетъ строителя. Къ сожалѣнію,

¹⁾ Такихъ учениковъ значится 648 на 4,269, о возрастѣ которыхъ нѣтъся свѣдѣній.

такимъ строителемъ не можетъ быть уѣздное земство: его средства для этого слишкомъ недостаточны.

Въ дѣйствительности, число учащихся изъ жителей московскаго уѣзда должно быть нѣсколько болѣе показаннаго, такъ какъ жители нѣкоторыхъ селеній пользуются училищами, находящимися внѣ предѣловъ уѣзда, ¹⁾ и у частныхъ лицъ, неизвѣстныхъ училищному совѣту. Свѣдѣнія объ общемъ числѣ учащихся представляетъ подворная перепись, произведенная въ 1881 г. статистическимъ отдѣленіемъ московской губернской управы, и разработанная г. Боголѣповымъ (въ статьѣ «Народная грамотность въ московскомъ уѣздѣ». Сборникъ стат. свѣд. по моск. губ., т. 1, вып. 2. М. 1882 г.). Къ сожалѣнію, однако, перепись заключаетъ въ себѣ не мало промаховъ и невыясненныхъ недоразумѣній, которые заставляютъ относиться къ ней не безъ сомнѣнія ²⁾; и именно свѣдѣнія о числѣ учащихся кажутся намъ наименѣе достовѣрными. На стр. 15 статьи г. Боголѣпова помѣщена таблица о числѣ училищъ и учащихся по волостямъ — по свѣдѣніямъ управы и по подворной переписи. Между тѣми

¹⁾ Въ числѣ частныхъ показаны и двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія.

²⁾ Вотъ нѣкоторые изъ замѣченныхъ нами промаховъ. По словамъ г. Боголѣпова, въ переписи не вошла дер. Зимино, какъ „не существующая въ дѣйствительности“. Между тѣмъ, деревня эта существуетъ: это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что по приходскимъ спискамъ за 1881 г. въ ней значится жителей 64 (32 м. и 32 ж.); что въ томъ же году въ этой деревнѣ земскими оспориживателями принята ослѣ 11 дѣтямъ; что, наконецъ, болѣе изъ нея обращались въ земскую Таининскую лечебницу. Впрочемъ, въ примѣчаніи къ „экономическимъ таблицамъ“ (стр. 92) объяснено, что „по д. Зимину новой переписи не производилось, свѣдѣнія взыты изъ разныхъ, прежнихъ матеріаловъ“. Значитъ, тутъ ошибка принадлежитъ одному г. Боголѣпову. Другая деревня — Луново, маринской вол., дѣйствительно не существуетъ уже нѣсколько лѣтъ, и жители ея переселились въ сосѣднія селенія; между тѣмъ, въ переписи она описана, съ означеніемъ разстоянія отъ Москвы и отъ школы, съ показаніемъ числа домовъ вообще и домовъ съ грамотными, и пр.

Въ селѣ Звенигѣ перепись констатируетъ въ 1881 г. существованіе школы, тогда какъ таковая закрыта въ 1878 г. и переведена въ дер. Чернаково, а дѣти звенигскихъ крестьянъ учатся въ Семеновской школѣ.

Въ селѣ Богородскомъ звенинской вол., учащихся по переписи не значится, а по записямъ сосѣдняго училища — въ Тропаревѣ — въ 1881 г. числилось 6 учащихся мальчиковъ изъ Богородскаго. Кромѣ того, число учащихся по отдѣльнымъ селеніямъ почти вездѣ расходится со школьными записями: въ большинствѣ случаевъ въ послѣднихъ число учениковъ значится болѣе, нежели по переписи.

Не можемъ не пожалѣть, что авторъ не далъ себѣ труда объяснить, что именно разумѣлось, при переписи, подъ словомъ „учащіяся“, — тѣ ли только дѣти, которые учились въ моментъ переписи, или и тѣ, которые на время прекратили ученіе, и какъ собирались эти свѣдѣнія.

и другими свѣдѣніями разница весьма значительна: по свѣдѣніямъ управы показано 4,046 (мальч. 3,111, дѣв. 935), а по переписи—3,223 (м. 2,630; дѣв. 593); такъ что по свѣдѣніямъ управы число учащихся болѣе на 823. Въ виду того, что 1) по свѣдѣніямъ управы значатся только дѣти, посѣщающія правильно-организованныя школы, а перепись имѣла въ виду зарегистрировать всѣхъ учащихся, гдѣ бы они ни обучались, почему по свѣдѣніямъ последней число учениковъ должно быть болѣе; 2) что свѣдѣнія управы не могутъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ въ школьных записяхъ значатся всѣ ученики *поименно*, съ подробными свѣдѣніями о каждомъ,—такое рѣзкое противорѣчіе не могло быть оставлено безъ разъясненія. Вотъ какъ разъясняетъ его г. Боголѣповъ на стр. 18.

«Данныя, полученные подворной переписью,—говоритъ онъ,—какъ и слѣдовало ожидать, разнятся отъ управскихъ данныхъ, которыя получены изъ школьных записей: по первымъ, число учащихся равняется 3,326, по вторымъ—4,361 ¹⁾. Но прежде всего не слѣдуетъ смѣшивать одного числа съ другимъ: переписью зарегистрировано только *крестьянское* населеніе московскаго уѣзда, между тѣмъ, какъ школьныя записи касаются дѣтей разныхъ сословій. По свѣдѣніямъ управы распредѣленіе учащихся въ *земскихъ школахъ* по сословіямъ, за послѣдніе три года, было такое.

	крест. м. у.	крест. др. у.	мѣщ. и цѣхов.	духов.	купц.	солд. дѣт.	питом. в. д.	раз- ныхъ.
1879/80 уч. г. .	79,8	8,6	5,7	1,3	0,2	2,5	1,8	0,05
1879/80 " " .	82,7	6,8	5,3	1,6	0,	2,4	0,9	0,2
1880/81 " " .	82,2	6,3	5,7	2,06	0,2	2,4	0,6	0,5

«Такимъ образомъ число учениковъ изъ дѣтей крестьянскаго сословія московскаго уѣзда по нашимъ матеріаламъ значится нѣсколько болѣе, чѣмъ по свѣдѣніямъ управы.

«По послѣднимъ количество этого рода учениковъ равняется 2,527, а по переписи число ихъ доходить до 3,000; разность

¹⁾ Разница въ итогахъ, приводимыхъ г. Боголѣповымъ и приведенныхъ нами ниже объясняется: 1) ошибкою въ сложеніи данныхъ переписи на 3 (по Всѣвятской юности сложен. $195+91=289$); 2) изъ отчетовъ управы въ одномъ случаѣ вѣзти данныя изъ вѣдомости о распредѣленіи училищъ и учащихся по волостямъ, въ которую не вошли 4 училища, съ 815 учениками, а въ другомъ—изъ общаго итога учащихся, неполнаго свѣдѣніями объ этихъ училищахъ. Не можемъ по этому поводу не сдѣлать упрека автору цитируемой статьи: пользуясь двумя разнорѣчными источниками, слѣдовало объяснить причину разнорѣчія, что въ данномъ случаѣ не представляло никакихъ затрудненій: причина эта разъяснена въ отчетѣ, изъ котораго потернута тѣ и другія данныя.

между тѣмъ и другимъ числомъ показывается, сколько дѣтей *московскихъ крестьянъ и солдатъ* въ дѣйствительности не пользуются существующими въ уѣздѣ общественными школами, а обучаются гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ».

Цифра 2,527, приводимая какъ извлеченная изъ свѣдѣній управы, выведена, очевидно, искусственно, посредствомъ примѣненія къ общему числу учениковъ 1881 года средняго, за три года, процента учениковъ - крестьянъ. Такой пріемъ — вполне умѣстенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ точныхъ данныхъ. Между тѣмъ въ отчетѣ управы за 1880/1 учебный годъ, такіе данныя имѣются. На стр. 12 и 19 читаемъ:

	въ земскихъ школахъ:			въ частн. школахъ:		
крестьянъ моск. уѣзда. .	1,923 м.	584 д.,	вс. 2,457	528 м.	116 д.	вс. 639
солдатск. дѣтей.	57 "	15 "	" 72	32 "	15 "	" 47

Такимъ образомъ, общій итогъ крестьянскихъ и солдатскихъ дѣтей, учившихся въ земскихъ и 20-ти частныхъ школахъ равняется 3,215, на 688, или на 27,2 % болѣе числа, искусственно выведеннаго г. Боголѣповымъ. Сюда слѣдуетъ еще прибавить 14 учениковъ вновь открытаго Болшевскаго училища, не вошедшихъ въ итогъ ¹⁾, и учениковъ трехъ министерскихъ двухклассныхъ училищъ приблизительно 189 (примѣняя къ общему числу средній проц. крестьянъ, учащихся въ земскихъ — 82,2 — и частныхъ школахъ — 60,6), и разница возрастетъ до 891. Намъ могутъ возразить, что мы тутъ беремъ всѣхъ учениковъ *по спискамъ*, тогда какъ перепись считала только тѣхъ, которые учились въ моментъ переписи. Исправимъ это. Изъ школьныхъ записей оказывается, что въ 73 школахъ крестьянскихъ и солдатскихъ дѣтей:

поступили послѣ января (время переписи). .	34 м.	7 д.,	вс. 41
выбыли ранѣе января.	185 "	65 "	" 250

Вычитая полученный итогъ, 291, изъ показаннаго выше числа учениковъ, кромѣ училищъ министерскихъ, найдемъ, что въ моментъ переписи учащихся въ школахъ было 2,924, всего на 299 менѣе добытаго переписью числа. Разница въ пользу переписи окажется слишкомъ незначительной, по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, въ нашъ счетъ не вошли три дву-

¹⁾ Объ этомъ училищѣ г. Боголѣповъ коротко замѣчаетъ: «если не считать одного новооткрытаго училища»... А считать его нужно, ибо оно открыто г. Боголѣповымъ въ 1880 г., за полгода до переписи, и «истинное изслѣдованіе» не замѣтитъ, его не могло.

классныя училища съ 267 учениками всѣхъ сословій; во-вторыхъ, въ уѣздѣ, по свидѣтельству г. Боголѣпова, обнаружено до 10 «частныхъ учебныхъ мѣстъ», число которыхъ «надо полагать нѣсколько болѣе показаннаго», такъ какъ «даже въ тѣхъ селеніяхъ, которыя находятся совсѣмъ рядомъ со школой, иногда оказываются личности, занимающіяся обученіемъ дѣтей, что можно объяснить особыми соображеніями родителей или болѣшими удобствами такого частнаго обученія» (стр. 18); раскольники, не посылающіе своихъ дѣтей въ школы, обучаютъ ихъ у своихъ единовѣрныхъ грамотѣевъ (стр. 14), а населеніе трехъ селеній обучаетъ дѣтей въ Бронницкомъ уѣздѣ (стр. 19); притомъ, «частными учителями являются лица, живущія на дачѣ» и студенты петровской академіи, услугами которыхъ «въ значительной мѣрѣ» одолжены сосѣднія съ академіею селенія (ibid.). Навонецъ, многія селенія пользуются школами въ Москвѣ (напр., школой въ Симоновой слободѣ, школами И. И. Новикова, гдѣ учится всего до 500 дѣтей и въ томъ числѣ не мало крестьянъ московскаго уѣзда, особенно дѣтей извозчиковъ, а нѣкоторыя селенія западной окраины уѣзда пользуются школами звенигородскаго уѣзда. Несомнѣнно, что перепись зарегистрировала не всѣхъ учащихся, и число ихъ въ дѣйствительности должно быть болѣе значительно.

Изъ 79 училищъ, существовавшихъ въ 1881/82 уч. году, содержались на средства земства, или пользовались пособіемъ отъ него—78,4⁰/₀; остальные своимъ возникновеніемъ и существованіемъ обязаны частной инициативѣ. Изъ 17 училищъ (въ томъ числѣ три двухклассныя министерства народ. просв.) одно содержалось на средства монастыря (Николоугрѣшское), 7 — на средства фабрикъ, остальные — на средства частныхъ лицъ. Число фабричныхъ школъ нельзя не признать совершенно ничтожнымъ въ виду обилія существующихъ въ уѣздѣ фабрикъ. По свѣдѣніямъ г. Эрисмана, въ московскомъ уѣздѣ, кромѣ мѣстностей подгородныхъ, числится 286 фабричныхъ заведеній съ 21,079 рабочими ¹⁾.

«Можно смѣло сказать, — говоритъ г. Эрисманъ, — что учится едва ли болѣе десятой части живущихъ на фабрикахъ дѣтей школьнаго возраста; притомъ число учащихся дѣвочекъ вдвое меньше числа мальчиковъ. Работающія на фабрикахъ дѣти посѣщаютъ школу весьма рѣдко: на основаніи имѣющихся данныхъ, можно придти къ тому заключенію, что такихъ дѣтей учится во

¹⁾ Назв. сов. стр. 23.

всякомъ случаѣ не болѣе 100 чел., что составляетъ 6,7% всего количества работающих на фабрикахъ московскаго уѣзда дѣтей моложе 14-ти лѣтъ, число которыхъ равняется приблизительно 1,500 чел. Поразительно ничтожно число учащихся между работающими на фабрикахъ дѣвочками¹⁾. По школьнымъ записямъ за 1881½ уч. г., въ семи фабричныхъ школахъ состояло учащихся 494 (372 м. и 122 д.).

III.

Выше намъ нѣсколько разъ приходилось указывать на нежеланіе крестьянъ участвовать въ школьныхъ расходахъ. Десятилѣтній опытъ даетъ возможность выяснить, что именно побуждало ихъ въ такому отказу—начинаніе ли обучать дѣтей, или другія причины. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, прослѣдимъ постепенное измѣненіе числа учащихся въ земскихъ школахъ. На одну школу, среднимъ числомъ, приходилось учащихся (женскія школы сосчитаны вмѣстѣ съ мужскими):

въ 1873 году.	48,5
„ 1874 „	45,1
„ 1875 „	51,0
„ 1876 „	52,9
„ 1877 „	54,3
„ 1878 „	49,5
„ 1879 „	50,5
„ 1880 „	57,5
„ 1881 „	63,2

Если для сравненія взять не отдѣльные года, а трехлѣтія, то постепенное возрастаніе числа учениковъ выразится вполне наглядно: въ первомъ трехлѣтіи на школу приходилось 48,2 ученика, во второмъ—52,2, а въ третьемъ—57. Но еще яснѣе обнаруживается увеличеніе числа учениковъ, если прослѣдить измѣненіе въ составѣ учащихся по училищамъ, просуществовавшимъ нѣсколько лѣтъ. Принимая число учившихся въ первомъ году существованія училищъ за 100, мы получили для послѣдующихъ годовъ слѣдующія отношенія:

¹⁾ Ibid., стр. 146.

	2 г.	3 г.	4 г.	5 г.	6 г.	7 г.
7 учил., открыто до 1874	118,8	116,4	110	99,1	95	87,8
11 > > въ 1874	122,7	128,4	138,8	130,6	128,9	137,5
11 > > > 1876	119,2	123,6	113,2	123,4	141,2	—
3 > > > 1876	134,9	120,7	116,9	150	—	—
1 > > > 1877	113,7	72,4	98,1	—	—	—
5 > > > 1878	118,6	144	—	—	—	—
18 > > > 1879	118	—	—	—	—	—

Отсюда оказывается, что во всѣхъ училищахъ число учащихся постепенно увеличивается. Исключение составляютъ училище, открытое въ 1877 г., и семь училищъ, открытых въ 1874 г. Но первое изъ этихъ училищъ (Котельниковское) не можетъ быть принимаемо въ расчетъ, такъ какъ оно существуетъ съ 1829 г. и въ 1877 г. только возобновлено послѣ кратковременнаго перерыва, притомъ имъ пользуется одно только селеніе, имѣющее, по свѣдѣніямъ московскаго статистическаго комитета за 1879 г., 576 жителей обоего пола. Что касается семи первыхъ земскихъ училищъ, то убыль въ нихъ учащихся объясняется различными причинами: въ одномъ (Пѣшковскомъ), вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, приемъ учениковъ производили не ежегодно, что не могло не отразиться на общемъ числѣ учащихся. Въ другихъ, повидимому, значительное вліяніе оказывала личность учителей: съ переменной преподавателей число учащихся то увеличивалось, то уменьшалось ¹⁾.

Личность учителя имѣетъ несомнѣнное вліяніе на притокъ учениковъ въ школу: отъ той степени довѣрія, которое успѣлъ приобрести учитель со стороны населенія, зависитъ и успѣхъ посѣщенія школы. Хотя вліяніе это и не можетъ быть изслѣдовано статистически, въ виду его субъективности, тѣмъ не менѣе встрѣчаются нѣкоторые данныя, несомнѣнно доказывающія его существованіе. Такъ, напр., весьма рѣзко обнаруживается вліяніе пола преподавателей на отношеніе учащихся дѣвочекъ къ мальчикамъ.

Какъ и вездѣ въ Россіи, число учащихся дѣвочекъ въ московскомъ уѣздѣ весьма незначительно: въ 18^{81/82} г. дѣвочки во всѣхъ училищахъ составляли около четверти (23,2) учащихся, такъ что одна учащаяся дѣвочка приходилась на 3,3 маль-

¹⁾ Въ Красковскомъ училищѣ, напр., открытомъ въ 1878 г., переимѣнилось четыре учителей. При первомъ, пробывшемъ 4 года, число учениковъ колебалось мало: 36—49—45—42; при второмъ—оно сразу повысилось до 36; на слѣдующій годъ—до 27, а по выходѣ его вновь возрасло до 33. Притомъ число дѣвочекъ, при первомъ учителѣ, колебавшееся между 8 и 10, при второмъ упало до 4 и 1; при третьемъ возрасло до 5, а при поступившей въ 1880 г. учительницѣ—опять до 10.

чика—отношеніе, менѣе благопріятное, нежели въ другомъ под-
столичномъ уѣздѣ—петербургскомъ, гдѣ въ 1879/80 уч. году дѣ-
вочки составляли 37,1⁰/о общего числа, и 1 дѣвочка приходи-
лась на 1,6 мальчика (1,079 м. и 638 д.) ¹⁾. Надо, впрочемъ,
замѣтить, что процентъ учащихся дѣвочекъ, во всѣхъ школахъ
вообще и въ земскихъ въ особенности, возрастаетъ съ каждымъ
годомъ (въ 1867 г. онъ равнялся всего 10, въ 1872 г. возросъ
до 14,2), и это явленіе можетъ быть приведено въ связь съ воз-
растаніемъ числа учительницъ. Такъ, въ земскихъ училищахъ
было:

	мальч. дѣв.		об. п.	% дѣв.	учи- тел.	учи- тельн.	учи- тельн.	За трехлѣтіе. % дѣв. % учител.	
1873/74	293	47	340	13,8	6	1	14,2	16,8	27,2
1874/75	731	126	857	14,7	11	8	42,1		
1875/76	1204	277	1481	18,7	23	6	20,6		
1876/77	1376	317	1693	18,7	26	6	18,7	20,1	22,1
1877/78	1407	385	1792	21,5	26	7	21,2		
1878/79	1508	381	1884	20,2	29	10	25,6		
1879/80	2032	548	2580	21,3	34	18	34,4	23,0	43,2
1880/81	2288	702	2990	23,5	31	23	42,5		
1881/82	2548	806	3354	24,0	27	29	51,7		

Отсюда видно, что по мѣрѣ увеличенія числа учительницъ
возрастало число учащихся дѣвочекъ. И это вполне естественно.
Съ одной стороны, родители охотнѣе ввѣряютъ обученіе своихъ
дочерей женщинамъ, съ другой—болѣе мягкое обращеніе учитель-
ницы съ учениками не можетъ не располагать въ ея пользу ма-
терей. Еще болѣе рельефно выражается вліяніе учительницъ на
привлеченіе въ школу дѣвочекъ, если сравнить отношеніе дѣво-
чекъ къ мальчикамъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ были учительницы,
съ тѣми, которыми завѣдывали учителя. За 8 лѣтъ, такое срав-
неніе даетъ слѣдующіе результаты:

	Училища:						За 8-лѣтіе.	
	съ учителями.			съ учительницами.			Шк. съ учит.	съ учительн.
	м.	д.	% дѣв.	м.	д.	% дѣв.	% дѣв.	
1873/74	265	43	13,9	28	4	12,5	14,7	23,6
1874/75	497	59	10,6	234	67	22,2		
1875/76	944	192	16,9	260	85	24,6		
1876/77	1103	240	17,8	273	77	22	19,5	21,0
1877/78	1074	304	22,0	333	81	19,5		
1878/79	1212	279	18,7	291	81	21,7		
1879/80	1478	358	19,5	554	172	23,7	20,4	25,1
1880/81	1556	434	21,8	732	242	24,8		
1881/82	1216	300	19,7	1173	410	25,9		
Среднее	19,1			23,9				

¹⁾ Отчетъ земской упр. спб. уѣзда за 1880 г., стр. 78.

Несомнѣннымъ, такимъ образомъ, представляется тотъ фактъ, что школы, завѣдуемыя учительницами, посѣщаются дѣвочками охотнѣе, нежели школы съ учителями. Само собою разумѣется, что пользѣ преподаватели является и единственной причиной, обуславливающей степень посѣщенія школы дѣвочками. Здѣсь дѣйствуютъ и другія причины—занятія населенія, вѣроисповѣданіе и др.

Постараемся опредѣлить вліяніе нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ. Школьными записями за 5 лѣтъ (187⁶/₇—188⁰/₈₁) зарегистрированы 10,844 учащихся (8,517 м. и 2,327 д.), съ показаніемъ занятій ихъ семей. Изъ этихъ данныхъ оказывается, что, по среднему выводу за 5 лѣтъ, на 1,000 учащихся приходилось принадлежащихъ къ семействамъ, занимающимся:

Земледѣліемъ, исключительно, и съ друг. занятіями.	429,3
Промыслами, „ „ „ „ „ „	134,7
Садоводствомъ и огородничествомъ	144,0
Торговлею (исключительно и вмѣстѣ съ земледѣліемъ)	93,5
Личнымъ услуженіемъ	46,1
Фабричной работой	62,5
Извозомъ	13,0
Разными и неизвѣстными	76,6

Разсматривая отношеніе учащихся дѣвочекъ къ мальчикамъ по этимъ профессиональнымъ группамъ, найдемъ, что на 1,000 мальчиковъ приходится дѣвочекъ у занимающихся:

Земледѣліемъ.	228
Промыслами	229
Садоводствомъ	163
Торговлею	569
Личными услугами	381
Фабричной работой	308
Извозомъ	314
Разными	481

При этомъ, если принять среднее отношеніе (273%) за 100, то отклоненія по группамъ будутъ: 1—83, 2—84, 3—59, 4—208, 5—139, 6—112, 7—115, 8—176.

Наиболѣе благоприятно для дѣвочекъ отношенія у занимающихся торговлей, что и весьма естественно, такъ какъ въ этой отрасли занятій помощь грамотной женщины болѣе нужна, нежели во всякой другой; затѣмъ слѣдуютъ «разныя» занятія, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ классы наиболѣе интеллигентные (духовенство) и состоятельные (напр., фабриканты, вѣроятно, мелкіе); слѣдующее мѣсто принадлежитъ занимающимся

личнымъ услуженіемъ, среди которыхъ находятся разные управляющіе, приказчики и т. п., т.-е. люди, болѣе или менѣе интеллигентные и состоятельные. Наименѣе учится дѣвочекъ изъ семей, занимающихся садоводствомъ и огородничествомъ, а это обуславливается, быть можетъ, вѣроисповѣдными различіями. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развиты садоводство и огородничество, находятся и центръ раскола, а среди учащихся раскольниковъ процентъ дѣвочекъ слабѣе, нежели среди православныхъ. Такъ, за разсматриваемое пятилѣтіе, зарегистрировано 10,598 учениковъ православныхъ, (8,318 м. и 2,280 дѣв.) и 277 раскольниковъ (231 м. и 46 д.): у первыхъ на 1,000 мальчиковъ приходится 273,9 дѣв., у послѣднихъ—только 199,1. Послѣдній выводъ совершенно совпадаетъ съ данными переписи 1881 г., изъ которой оказывается, что въ четырехъ волостяхъ, занимающихся садоводствомъ и огородничествомъ (Нагатинская, Царицынская, Зюзинская и Троице-Голенищевская), на 1,000 учащихся мальчиковъ приходится 180,7 дѣвочекъ, тогда какъ въ остальныхъ одиннадцати—232,6 ¹⁾). Объясненія этого явленія изслѣдователь народной грамотности въ московскомъ уѣздѣ, г. Боголѣповъ, не даетъ и на немъ не останавливается. Любопытно, однако, что данныя о грамотности женщинъ противорѣчатъ даннымъ объ учащихся дѣвочкахъ: въ то время, какъ послѣднихъ въ разсматриваемыхъ 4 волостяхъ учится, по отношенію къ мальчикамъ, меньше, чѣмъ въ остальныхъ, грамотности женщинъ стоитъ въ нихъ выше. По даннымъ переписи, въ нихъ на 1,000 женщинъ приходится грамотныхъ 38,1, а въ остальныхъ—31,8; на 1,000 грамотныхъ мужчинъ приходится грамотныхъ женщинъ: въ первыхъ—147,2, въ послѣднихъ—131,1 ²⁾). Сопоставляя эти факты, нельзя не придти къ заключенію, что въ мѣстностяхъ, занимающихся садоводствомъ, обученіе дѣвочекъ производится даже усиленнѣе, нежели въ прочихъ частяхъ уѣзда, только происходитъ оно *внѣ школы*, отъ которой, быть можетъ, отвлекается раскольниковъ ея конфессіональный характеръ.

Возвращаясь къ вопросу о вліяніи учительницъ на привлеченіе въ школу дѣвочекъ, проверимъ полученные нами въ нихъ выводы по тѣмъ четыремъ волостямъ, въ которыхъ преобладаютъ и занятія садоводствомъ и огородничествомъ, и расколъ—факторы, какъ мы видѣли, неблагоприятные для обученія дѣвочекъ въ обще-

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. по моск. губ. Отд. хоз.-стат., т. I, вып. 2. Сводная таблица, по волостямъ.

²⁾ Ibid.

ственныхъ школахъ, и гдѣ вообще процентъ учащихся дѣвочекъ стоитъ ниже, нежели въ остальныхъ мѣстностяхъ (17,7, противъ 25,5%). Въ этихъ волостяхъ въ 1880—1881 уч. году было 12 земскихъ училищъ, изъ коихъ въ восьми были учителя и въ четырехъ—учительницы; въ школахъ первой группы обучалось 429 м. и 85 д., въ школахъ второй—213 м. и 53 д. Такимъ образомъ, и здѣсь у учительницъ процентъ учащихся дѣвочекъ выше, нежели у учителей: у послѣднихъ на 100 мальчиковъ приходилось 19,7 дѣв., а у первыхъ—24,8.

Слѣдовательно, фактъ благопріятнаго вліянія учительницы на женское образованіе въ селеніяхъ можно считать вполне констатированнымъ.

IV.

Наибольшее вліяніе на число учениковъ въ школѣ имѣетъ, само собою разумѣется, густота окружающаго ее населенія. Чѣмъ больше число жителей, имѣющихъ возможность посѣщать школу, тѣмъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, больше будетъ и число учениковъ въ школѣ, если именно, не встрѣтится въ каждомъ данномъ случаѣ какихъ-либо особо неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Поэтому рѣзкое различіе въ числѣ учениковъ по отдѣльнымъ школамъ (причемъ, по даннымъ 1881—1882 г., минимумъ падаетъ до 26, а максимумъ возвышается до 98) объясняется разницею въ населенности той мѣстности, гдѣ помѣщается школа. Въ виду малаго размѣра селеній московскаго уѣзда, какъ и вообще средней Россіи, весьма важное значеніе получаетъ вопросъ о томъ, на какое *разстояніе распространяется кругъ дѣятельности школы*. Наши данныя представляютъ вполне достаточный и надежный матеріалъ для разрѣшенія этого вопроса.

Изъ школьныхъ записей за 6 лѣтъ (187⁶/₇—188¹/₂ г.) мы узнаемъ, что въ числѣ учениковъ было живущихъ:

	1876/77			1877/78			1878/79		
	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.
Въ томъ селеніи, гдѣ школы. .	694	208	902	672	224	896	683	286	919
До 1 версты отъ школы. . . .	160	45	205	176	54	230	224	88	262
Отъ 1 до 2 в. > >	266	29	295	284	63	347	348	69	417
Отъ 2 до 3 в. > >	167	29	196	175	31	206	166	33	199
Далье 3 вер. > >	43	4	47	46	5	51	82	5	87
	1330	315	1645	1353	377	1780	1503	381	1884

	1879/80			1880/81			1881/82		
	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.
Въ томъ селеніи, гдѣ школы. . .	974	350	1824	998	405	1403	1058	442	1500
До 1 версты отъ школы.	388	66	404	387	117	504	397	147	544
Отъ 1 до 2 в. > >	447	99	578	578	124	702	643	147	790
Отъ 2 до 3 в. > >	208	34	287	282	48	275	818	52	370
Далѣе 3 вер. > >	88	21	109	93	18	106	132	18	150
	2077	570	2647	2288	702	2990	2548	806	3354

Выражая приведенныя данныя въ процентахъ, въ среднемъ выводѣ за все шестилѣтіе получимъ:

	об. пола	мальч.	дѣв.
Живущихъ гдѣ школа.	48,7	45,7	59,1
До 1 версты	15,0	15,1	14,8
1—2 >	21,9	28,3	16,8
2—3 >	10,4	11,3	7,0
Далѣе 3 вер.	8,8	4,3	2,0

Отсюда, почти половина учащихся живетъ тамъ, гдѣ находится школа, а далѣе 2 версты—не болѣе $\frac{1}{7}$, т.-е. нормальный районъ школы не многимъ превышаетъ двухверстное разстояніе отъ нея. Чтобы провѣрить этотъ, крайне важный для школьной организаціи, выводъ, обратимся къ разсмотрѣнію процента учащихся къ населенію, по разстоянію отъ школы. Для этого возьмемъ изъ школьных списковъ за 5 лѣтъ (187⁶/₇—18⁸⁰/₈₁) среднее годовое число учащихся изъ каждаго селенія (принимаемъ только тѣ, которыя доставили въ среднемъ выводѣ не менѣе одного ученика) и сравнимъ его съ наличнымъ населеніемъ за 1879 г. (по свѣдѣніямъ статистическаго комитета), располагая при этомъ селенія по разстоянію, и считая тѣ селенія, которыя давали учениковъ въ нѣсколько школъ, столько разъ, сколько школъ посѣщалось ихъ жителями.

За пятилѣтіе было селеній, въ которыхъ находились земскія училища, и отстоявшихъ отъ нихъ не далѣе $\frac{1}{2}$ версты—60; находившихся въ разстояніи до 1 версты—33, до 2 версты—79, до 3 версты—54, далѣе 3 версты—22. Общее число жителей въ этихъ селеніяхъ равняется 74,610 (36,605 м. и 38,005 ж.), а среднее годовое число учащихся—2,606 (2,051 м. и 555 дѣв.); отношеніе учащихся въ населеніи, въ среднемъ выводѣ, таково: на 1,000 душъ обоого пола приходится учащихся—34,9, на 1,000 мужч.—56 мальч., на 1,000 женщ.—14,6 дѣв.

Распредѣляя селенія по разстоянію, получимъ:

	Населеніе.			Учащіеся.			На 1000		
	м.	ж.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	ж.	об. п.
До 1/2 вер. отъ школы . . .	14878	15114	29992	1099	388	1487	73,8	25,6	49,6
> 1 > > . . .	3590	3426	7016	254	47	301	70,7	13,7	42,9
Отъ 1 до 2 в. > . . .	9938	10820	20758	436	77	513	43,8	7,1	24,7
> 2 > 3 > . . .	5543	5982	11525	198	32	225	34,8	5,3	19,5
Далье 3 > . . .	2656	2663	5319	69	11	80	25,9	4,1	15,0

И здѣсь, какъ и въ вышеприведенныхъ данныхъ, по мѣрѣ удаленія отъ школы, процентъ учащихся падаетъ, и на разстояніи далье 3 версты представляется совершенно ничтожнымъ:

	187 ⁹ / ₁₀ (8 шк.)			187 ⁹ / ₁₀₀ (15 шк.)			18 ⁸⁰ / ₁₀₀ (20 шк.)			На 100 за 3 года.		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
Гдѣ школа . . .	149	33	182	277	104	381	451	144	595	50,6	59,7	52,5
До 1 вер. . . .	80	2	82	112	80	142	121	29	150	18,0	12,9	16,9
1—2 > . . .	38	7	45	108	30	138	126	30	156	15,6	14,2	15,3
2—3 > . . .	40	13	53	79	17	96	83	24	107	11,6	11,4	11,6
Далье 3 вер. . .	7	1	8	20	—	20	42	6	48	3,9	1,4	3,4
	314	56	370	596	181	777	823	233				

Тотъ же выводъ подтверждаютъ и данныя, собранныя по частнымъ школамъ за 3 года.

Насколько и здѣсь приближеніе или удаленіе школы вліяетъ на измѣненіе числа учащихся въ отдѣльныхъ селеніяхъ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ селѣ Зювинѣ существовала школа, въ которой училось въ первомъ году 35 м. и 7 д., въ другомъ—30 м. и 9 дѣв. изъ мѣстныхъ жителей; въ 1878 г. школа была переведена за три версты и число учащихся въ этомъ селеніи сразу упало до 3 м. и 1 д. Наоборотъ, въ Чашниковскомъ училищѣ училось жителей дер. Дурыкино въ одномъ году 17 м., въ другомъ—19 м. и 1 дѣв.; когда школа была переведена въ Дурыкино, число учащихся изъ мѣстныхъ жителей увеличилось до 27 м. и 2 д. Изъ дер. Митина ходили въ павшинскую школу, за 4 версты, 6—8 мальч., а по открытіи школы въ самомъ Митинѣ ее стали посѣщать 19—22 м. и 11—18 дѣв. Та же школа привлекла 5 м. и 1 дѣв. изъ лежащей въ 2 верстахъ отъ нея дер. Путилкова, откуда до тѣхъ поръ посѣщала павшинскую школу (въ 6 верст.) только одинъ мальчикъ. Изъ дер. Еремина посѣщали Хлѣбниковскую школу (въ 3 верстахъ) 1—4 мальч., а по открытіи школы въ самой деревнѣ, стали учиться: въ первомъ году 11 м. и 3 д., во второмъ—10 м. и 3 д. Село Богородское посылало въ Коньковское училище (въ 2 верст.) 1 м. и 1 д., а въ Тропаревское (въ 1 верстѣ) стали ходить 5—6 м. и 1 д. Сельцо Красное, имѣя ближайшую школу въ 3 верст. (въ Ясеневи), посылало въ нее, за 5 лѣтъ, 1 мальч., а по откры-

ти школы въ $1\frac{1}{2}$ в. (Покровскіе выселки), стало посылать 6 м. и 1 д.

Нѣкоторое вліяніе на расширеніе школьнаго района оказываетъ удобство путей сообщенія, какъ это видно изъ примѣра дер. Битцы. Изъ этого селенія ходили въ Ясеновское училище, лежащее въ двухъ верстахъ, по грунтовой дорогѣ, 3—5 мальчиковъ; а когда, въ 1879 г., открылась школа въ Покровскихъ выселкахъ, въ томъ же разстояніи, но съ сообщеніемъ по шоссе, изъ Битцы стали посѣщать ее въ первомъ году 17 м., 3 д., во-второмъ—16 м. 3 д.

Преимущественное вліяніе отдаленность школы имѣетъ на посѣщеніе ея дѣвочками и дѣтьми младшихъ возрастовъ. Относительно первыхъ мы уже видѣли, что въ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ школы, процентъ ихъ падаетъ въ болѣе-й степени, нежели процентъ мальчиковъ. То же самое замѣчается и относительно младшихъ возрастовъ, сравнительно съ старшими.

Распредѣляя учащихся по среднему выводу за пять лѣтъ по возрастамъ и разстоянію мѣста ихъ жительства отъ школы, мы найдемъ, что на 100 учениковъ каждаго возраста приходится:

	8 л. и моложе.			9—12 л.			старше 12 л.		
	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.
Живущ. до 2 в.	91,8	92,9	92,1	84,9	90,7	86,2	84,5	86,3	84,7
„ далѣе 2 „	8,0	7,1	7,8	15,0	9,2	13,7	15,4	13,6	15,2

Разсматривая эти данныя, замѣчаемъ, что на старшіе возрасты падаетъ болѣе число учениковъ, живущихъ далѣе 2-хъ верстъ отъ школы, что особенно рѣзко отражается на дѣвочкахъ: въ то время, какъ процентъ мальчиковъ, въ обоихъ возрастахъ—9—12 и старше 12 л. почти одинаковъ, процентъ дѣвочекъ замѣтно возрастаетъ для каждаго изъ старшихъ возрастовъ, увеличиваясь для перваго на 31,4, для втораго 47,8%.

Установленный нами для московскаго уѣзда школьный районъ окажется, вѣроятно, нормальнымъ и для всей московской губерніи. По крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1875 г. о 134 школахъ одиннадцати уѣздовъ, оказалось, что изъ 7,324 учениковъ жило далѣе 3-хъ верстъ отъ школы 400, или 5,4%—процентъ, очень близкій къ выведенному для московскаго уѣзда. Но есть мѣстности, гдѣ школьный районъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, топографическихъ и экономическихъ условій, оказывается гораздо обширнѣе. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежитъ восточный уѣздъ, вятской губ. ¹⁾, гдѣ, по свѣдѣніямъ 1880

¹⁾ Мы ограничиваемся однимъ этимъ уѣздомъ потому, что однородныхъ данныхъ по другимъ уѣздамъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется.

и 1881 г., учащиеся по мѣсту жительства распредѣлялись такъ образомъ:

				Н а с т о.		
	м.	д.	всего.	м.	д.	оба п.
Въ томъ селеніи, гдѣ школа.	199	54	253	9,5	35,5	11,3
Отъ 1 до 5 верстъ	892	57	949	42,9	37,5	42,5
> 5 > 10 >	689	26	665	30,7	17,1	29,8
> 10 > 15 >	285	4	289	13,7	2,6	12,9
> 15 и болѣе >	61	11	72	2,9	7,2	3,2
Всего	2076	152	2228			

Изъ этого видно, — говоритъ вотельническая управа, — что учащиеся поступаютъ въ школу болѣе изъ близкихъ къ ней мѣстностей, а изъ дальнихъ менѣе. Причина сему отчасти та, что ближніе въ школъ ученики, за неимѣніемъ квартиръ въ томъ селѣ, гдѣ находится училище, уходятъ ночевать домой, а дальніе не могутъ этого дѣлать¹⁾. Но подѣ ближними селеніями управа, очевидно, разумѣетъ такія, которыя для московскаго уѣзда должны быть признаны дальними. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ въ московскомъ уѣздѣ живущіе далѣе 3-хъ верстъ ученики составляютъ не болѣе 3,5⁰%, въ вотельническомъ — такой же процентъ (3,2) падаетъ на долю живущихъ далѣе 15 верстъ, какихъ въ подмосковныхъ школахъ вовсе не встрѣчается; затѣмъ живущіе тамъ, гдѣ школа, составляютъ въ вотельническомъ уѣздѣ 11,3⁰%, противъ 50 въ московскомъ, живущіе отъ 1 до 5 верстъ — 42,5, отъ 5 до 15 верстъ — 42,9⁰%. За то наблюдение, сдѣланное относительно московскаго уѣзда, — что процентъ дѣвочекъ, по мѣрѣ удаленія мѣста жительства ихъ отъ школы, падаетъ въ болѣе степеніи, нежели процентъ мальчиковъ, — сохраняется свою силу и въ вотельническомъ уѣздѣ, гдѣ живущіе ближе 5 верстъ представляютъ: мальчики — 52,4⁰%, а дѣвочки — 73⁰%.

Приведенныя здѣсь данныя о школьномъ районѣ могутъ послужить полезнымъ матеріаломъ при разрѣшеніи возбужденнаго въ послѣднее время вопроса объ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ. Если имѣется въ виду, — какъ высказывались нѣкоторые печатные органы, — поставить церковную школу на мѣстѣ земской, то прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ — насколько расположеніе школъ при церквахъ будетъ удобно для населенія, насколько церковныя школы будутъ доступны для

¹⁾ Докладъ Кот. у. з. у. по народному образованію. Постановленіе К. уѣздн. зем. собр. XV очер. сессіи, стр. 161.

населенія. Вотъ данныя, относящіяся до этого предмета, по московскому уѣзду. Въ уѣздѣ находится 118 приходскихъ церквей; въ составъ нѣкоторыхъ изъ 118 приходоѡ, кромѣ селеній московскаго уѣзда, входятъ еще селенія сосѣднихъ уѣздовъ; всѣхъ такихъ приходоѡ числомъ 12. Но съ другой стороны и многія селенія московскаго уѣзда относятся къ церквамъ сосѣднихъ уѣздовъ или столицы, и такимъ образомъ получается еще 18 районовъ, представляющихъ неполные приходы. Величина приходоѡ, по количеству жителей, а равно и селеній, довольно разнообразна. Въ 6-ти приходоѡхъ жителей считается свыше 2 т. душъ обоѡго пола, въ 27—отъ 1 до 2 т., во всѣхъ прочихъ жителей менѣе тысячи, и нѣкоторые неполные приходы представляютъ даже одно небольшое селеніе, имѣющее менѣе 100 жит. Среднимъ числомъ на приходъ причитается около 4 селеній; только въ одномъ приходѣ 14 селеній и въ немногихъ отъ 7 до 11, въ большинствѣ же приходоѡхъ ихъ гораздо менѣе. Что касается размѣра площадей, занимаемыхъ приходоѡми, то разстояніе селеній отъ своихъ церквей только въ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ 7—8 верстъ, именно, такихъ селеній въ уѣздѣ насчитывается всего, кажется, пять, и менѣе 30-ти находится въ разстояніи 5—6 верстъ, а всѣ прочія ближе къ своимъ церквамъ (67 селеній лежатъ въ разстояніи 3—5 верстъ отъ церквей), такъ что $\frac{3}{4}$ всего числа селеній уѣзда не удалены отъ приходскихъ церквей свыше $\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ в., или имѣютъ ихъ среди себя¹⁾.

Расположеніе церквей въ московскомъ уѣздѣ представляется весьма болѣе благоприятнымъ, вѣроятно, нежели въ другихъ мѣстностяхъ, но и здѣсь, несмотря на частоту церквей, около $\frac{1}{4}$ селеній удалены отъ нихъ на такое разстояніе, которое, какъ показываетъ опытъ, служитъ препятствіемъ посѣщенія школы. Слѣдовательно, если будутъ открыты школы при всѣхъ церквахъ уѣзда, какъ это первоначально предполагалось московскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, то и въ такомъ случаѣ останется не малое число селеній отъ нихъ удаленныхъ и лишенныхъ средствъ къ образованію. Съ другой стороны, не всѣ церкви расположены въ центрѣ своихъ приходоѡхъ и между деревнями встрѣчается много пунктовъ, по центральности своей, представляющихъ болѣе удобствъ для устройства школы. Вотъ почему въ настоящее время имѣется въ уѣздѣ 24 училища,

¹⁾ Сборн. стат. свѣд. по московской губ. Отдѣл. санитарной стат. Т. 1. Общій очеркъ московскаго уѣзда, стр. 43.

не считая фабричныхъ, помѣщающихся въ деревняхъ, и эти училища посѣщаются значительнымъ числомъ учащихся (среднее число на школу за послѣдній учебный годъ 63, причемъ максимумъ—95, а minimum—35), что доказываетъ, что мѣсто для нихъ выбрано удачно, сообразно съ дѣйствительными удобствами населенія. Весьма серьезные доводы противъ устройства училищъ при всѣхъ церквахъ представлены въ запискѣ «По вопросу объ открытіи сельскихъ школъ», поданной въ 1866 г. въ московское уѣздное земское собраніе гласнымъ крестьяниномъ П. О. Капраловымъ. Высказывая мысль, что «если образованіе крестьянъ должно быть религіозно-нравственнымъ, т.-е. прежде всего направляться къ тому, чтобы сдѣлать изъ нихъ добрыхъ и честныхъ христіанъ и семьянъ, нравственныхъ и полезныхъ дѣателей общества, то представителями народнаго образованія въ этомъ направленіи надобно считать единственно священниковъ, какъ людей, призванныхъ къ этому дѣлу и по своему сану болѣе другихъ пользующихся довѣріемъ народа и могущихъ вліять на народъ»,—авторъ записки (писанной, судя по языку, не безъ участія духовнаго лица) находитъ: «чтобы не видѣть почти пустыхъ школъ и избѣжать земству бесполезныхъ издержекъ по устройству и содержанію оныхъ, равно доставить большинству учениковъ больше удобства къ хожденію въ училище,—нужно открыть училище не при каждой церкви, а избрать для него мѣсто только при тѣхъ церквахъ, отъ которыхъ не далѣе, какъ на пятиверстномъ разстояніи, имѣется 500—1000 жителей м. п., хотя бы равныхъ приходовъ». Предложеніе это авторъ основываетъ на томъ соображеніи, что «въ московскомъ уѣздѣ, не какъ въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ, мало приходовъ довольно многолюдныхъ; рѣдко, гдѣ число прихожанъ муж. пола возвышается до 500—1000 душъ. Здѣсь болѣею частью приходы слишкомъ малолюдны, и состоятъ изъ двухъ или трехъ малыхъ селеній, заключающихъ въ сложности 100—300 душъ муж. пола. Церкви отстоятъ одна отъ другой 1—3 версты; притомъ нерѣдко приходятся селенія гораздо ближе къ другой церкви, чѣмъ къ своей приходской¹⁾.

При такихъ условіяхъ пришлось бы, кромѣ училищъ при сельскихъ церквахъ, устраивать школы и въ селеніяхъ, отъ нихъ отдаленныхъ, а въ такомъ случаѣ утратится главная выгода, представляемая типомъ церковно-приходской школы—возможность

¹⁾ Журналы уѣздныхъ земскихъ собраній московской губ. 1865—1866 гг., стр. 281.

поручить преподаваніе всецѣло духовенству. Если теперь священники затрудняются преподавать одинъ законъ Божій въ школахъ, отдаленныхъ отъ мѣста ихъ жительства, то, очевидно, требованіе отъ нихъ ежедневнаго посѣщенія такой школы для систематическаго преподаванія всѣхъ входящихъ въ курсъ ея предметовъ невозможно.

Въ отчетѣ члена училищнаго совѣта, свящ. Г. А. Цвѣткова за послѣдній учебный годъ встрѣчается указаніе на неудобства, съ которыми бываетъ сопряжено для священника преподаваніе въ отдаленной отъ него школѣ. Успѣхи учениковъ (Перервинскаго учил.) по закону Божию нельзя признать удовлетворительными; главная причина заключается въ томъ, что законоучитель (мѣстный приходскій священникъ), живя за рѣкой, при всемъ своемъ усердіи, въ весеннее и осеннее время не имѣетъ возможности исправно посѣщать школу, а въ нѣкоторое время и совсѣмъ не можетъ».

Приходская школа, въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ не можетъ быть признана за нормальный типъ начального училища, по крайней мѣрѣ для московскаго уѣзда, но, какъ дополненіе къ существующей организаціи, она можетъ принести пользу. Такъ, именно смотреть на нее и московское земство. Несмотря на устройство земскихъ училищъ, оно не отказывало и не отказывается въ пособіи и тѣмъ училищамъ, которыя содержатся духовенствомъ и, по мѣрѣ успѣховъ, увеличиваетъ это пособіе. Изъ пяти такихъ училищъ, существовавшихъ въ 1881—1882 уч. г., одно получало 250 р., два—по 300 р. и два сохраняли прежній размѣръ пособія—115 р. Въ нынѣшнемъ году изъ этихъ училищъ на прежнихъ основаніяхъ остается только одно, такъ какъ три, по просьбѣ преподавателей, преобразуются въ земскія, съ свѣтскими учителями, а одному прекращается пособіе вслѣдствіе полной безуспѣшности. Заговоривъ объ этихъ школахъ, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь отзывъ экзаменаторовъ объ успѣхахъ, преподаванія въ нихъ. О трехъ, изъ коихъ въ одномъ преподавателемъ состоялъ священникъ, а въ двухъ—дьяконы, отзывы даны вполне благопріятные; за то два остальныхъ найдены въ крайне неудовлетворительномъ состояніи.

«Изъ 8 учениковъ старшаго отд., числящихся по списку,—говоритъ г. Мартыновъ о Литвиновской школѣ, не явилось къ экзамену 6 человекъ.—Когда мной предложено было законоучителю (онъ же учитель) остальнымъ 2 сдѣлать диктантъ вмѣстѣ съ среднимъ отд., то законоучитель заявилъ мнѣ, что въ сред.

отд. пишутъ не иначе какъ на доскѣ, а когда мнѣ были представлены тетради старшихъ, то я не счелъ возможнымъ подвергать ихъ испытанію; на это, впрочемъ, согласился со мной и законоучитель. Ученики же эти двое заявили, что они школы посѣщать больше не будутъ. Въ сущности познанія во всѣхъ 3 отд. одинаковы; чтенія правильнаго, какъ въ другихъ школахъ, я не слыхалъ въ Литвиновскомъ училищѣ, ибо ученики не читаютъ, а издаютъ какіе-то никому непонятные звуки, говорю—никому непонятные, потому что никто изъ учениковъ не могъ передать прочтеннаго даже слова, не только предложенія. По Закону Божію нѣкоторые ученики знали молитвы и нѣсколько заповѣдей; по арифметикѣ болѣе половины училища не могли сказать сколько 20 безъ 15. Общее впечатлѣніе отъ школы такое, какъ будто набраны были деревенскіе мальчишки, въ первый разъ посѣщавшіе школу и еле-отвѣчающіе робкимъ, тихимъ голосомъ». Въ заключеніе г. Мартыновъ добавляетъ: «Литвиновская школа въ настоящемъ своемъ видѣ, по моему мнѣнію, существовать не можетъ. Она не пользу приноситъ, а только вредъ, и вотъ почему: отцы тѣхъ многочисленныхъ дѣтей, которые учились въ Литвиновскомъ училищѣ и никогда ни до чего не доучились (ибо свидѣтельства съ основанія школы ни одинъ ученикъ не былъ удостоенъ, да и читать, и писать никто не выучился), тѣ отцы, говорю я, не могутъ понять пользу, приносимую школой, да и я, признаюсь, при этихъ обстоятельствахъ отвергаю всякую пользу отъ ученія; такимъ образомъ, такое учрежденіе, какъ Литвиновская школа, отобьетъ всякую охоту отдавать дѣтей въ ученіе и впоследствии, когда Богъ дастъ будетъ существовать въ этой мѣстности настоящая школа, съ дѣйствительнымъ обученіемъ; преобразовать же Литвиновскую школу нѣтъ крайне затруднительно».

О другой школѣ—Оедоскинской, существующей съ 1869 г., находимъ такой отзывъ г. Кашина:

«По произведенному мною испытанію успѣхи учениковъ во всѣхъ 3-хъ отдѣленіяхъ оказались крайне слабыми. Хотя учитель и показываетъ (въ программѣ-конспектѣ), что имъ пройдено почти все, что требуется по программѣ Закона Божія, но, къ сожалѣнію, и по этому важному предмету народной школы сдѣлано крайне мало: если еще 3 ученика старшаго отдѣленія отвѣчали кое-что и кое-какъ, то ученики средняго и въ особенности младшаго отдѣленія оказались какъ бы совершенно незнакомыми съ истинами христіанской православной вѣры. Это обстоятельство тѣмъ болѣе печально, что учитель этой школы есть вмѣстѣ

съ тѣмъ ея законоучитель и настоятель мѣстнаго прихода¹⁾. Причина этого объясняется тѣмъ, что священникъ-преподаватель, съ назначеніемъ его на должность благочиннаго, не можетъ заниматься преподаваніемъ, почему, вслѣдствіе его просьбы, училище преобразуется.

V.

Переходимъ къ разсмотрѣнію возраста учащихся. Въ дѣлѣ школьной организаціи это—одинъ изъ основныхъ вопросовъ. Для того, чтобы опредѣлить число нужныхъ для каждой мѣстности училищъ, чтобы установить продолжительность учебнаго курса, чтобы, наконецъ, приспособить учебный матеріалъ къ степени развитія учащихся, необходимо опредѣлить *школьный возрастъ*. Это, конечно, можетъ быть сдѣлано и а priori, на основаніи тѣхъ или другихъ соображеній, какъ это и дѣлаетъ большинство директоровъ народныхъ училищъ въ отвѣтахъ министерству народнаго просвѣщенія въ 1877 г., по вопросу о введеніи обязательнаго обученія²⁾, какъ дѣлали и нѣкоторые земскія собранія. Но всякія постановленія, не основанныя на указаніи опыта, могутъ не совпасть съ условіями народной жизни и въ такомъ случаѣ послужать они напраснымъ стѣсненіемъ, если будутъ строго выполняться, или же останутся мертвой буквой: путемъ обхода или прямого нарушенія неудобныхъ правилъ, жизнь возьметъ свое. Вотъ почему весьма важно изслѣдованіе того возраста, въ которомъ дѣти въ дѣйствительности поступаютъ въ школу и покидаютъ ее. Это изслѣдованіе укажетъ, какой возрастъ мѣстнаго населенія, въ силу экономическихъ и другихъ условій, считается наиболѣе удобнымъ для обученія, а такое указаніе можетъ лечь въ основаніе школьныхъ правилъ, которыя, въ такомъ случаѣ, будутъ соответствовать дѣйствительнымъ народнымъ потребностямъ. Это же указаніе наведетъ и на тѣ мѣры, которыя въ каждой мѣстности могутъ понадобиться для дополненія и дальнѣйшаго развитія народной школы.

Возрастъ учащихся въ школахъ московскаго уѣзда мы разсмотримъ отдѣльно—по училищамъ земскимъ и по частнымъ, такъ какъ въ первыхъ пріемный возрастъ опредѣленъ правилами, а

¹⁾ Отчетъ о начальныхъ народныхъ училищахъ московскаго уѣзда за 1881—82 учебный годъ, стр. 61 и слѣд.

²⁾ Матеріалы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи. Изд. Министерства Нар. Просв. Т. I. Сиб. 1880. Стр. 250—258.

въ послѣднихъ — никакой регламентаціи не подвергался. По земскимъ школамъ, возьмемъ пятилѣтіе—18⁷⁶/₇₇—18⁸⁰/₈₁ гг., а по частнымъ — трехлѣтіе—18⁷⁸/₇₉—18⁸⁰/₈₁ гг. Въ итогахъ, за весь рассматриваемый періодъ, учащіеся распредѣлялись по возрастамъ такимъ образомъ ¹⁾:

Земскія.			На 1000.			Частныя.			На 1000.		
м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.	м.	д.	о. п.
6 л. 5	5	10	0,59	2,1	0,9	14	3	17	9,2	7,2	8,8
7 98	41	139	11,7	17,9	13,0	66	22	88	43,5	53,1	45,6
8 487	237	724	58,2	103,5	67,9	160	57	217	105,5	137,6	112,4
9 1446	481	1927	172,8	210,2	180,8	272	79	351	179,4	190,8	181,8
10 1876	572	2448	224,2	250,0	229,7	300	100	400	197,8	241,5	207,2
11 1680	436	2116	200,7	189,6	198,5	246	79	325	162,2	190,8	163,3
12 1300	291	1591	155,3	127,1	149,3	190	42	232	125,3	101,4	120,2
13 715	143	858	85,4	62,5	80,5	123	21	144	81,1	50,7	74,6
14 413	50	463	49,3	21,8	43,4	60	5	65	39,5	12,0	33,6
15 225	23	248	26,8	10,0	23,2	42	4	46	27,7	9,6	23,8
16 86	7	93	10,2	3,0	8,7	19	2	21	12,5	4,8	10,8
17 24	1	25	2,8	0,4	2,3	13	—	13	8,5	—	6,7
18 8	—	8	0,9	—	0,7	2	—	2	1,3	—	1,0
бол. 18 4	1	5	0,4	0,4	0,4	9	—	9	5,9	—	4,6
8367	2288	10655	—	—	—	1516	414	1930	—	—	—

Изъ этой таблицы видно, что наибольшее число учениковъ принадлежить къ возрасту 9—12 лѣтъ, причемъ: 1) въ частныхъ школахъ число дѣтей младшихъ возрастовъ отъ 6—8 л. гораздо значительнѣе, нежели въ земскихъ; 2) процентъ дѣвочекъ въ младшихъ возрастахъ выше, нежели процентъ мальчиковъ, и наоборотъ, ниже въ старшихъ; 3) самый большой процентъ, для обоихъ половъ и обоихъ разрядовъ школъ, падаетъ на 10 лѣтній возрастъ. Приѣмный возрастъ, установленный земскимъ собраніемъ для земскихъ школъ—по 9-му году для мальчиковъ, и по 8-му для дѣвочекъ—можно признать соответствующимъ тому учебному возрасту, который установила сама жизнь; впрочемъ, какъ видно изъ опыта частныхъ школъ, въ дѣйствительности обнаруживается стремленіе начинать ученіе нѣсколько раньше. Средній возрастъ учащихся въ земскихъ училищахъ выше, нежели въ частныхъ: въ-первыхъ, онъ равняется для обоихъ половъ 10,74, для мальчиковъ—10,84, для дѣвочекъ—10,31; въ послѣднихъ, для тѣхъ же группъ: 10,47,—10,59 и 10,01.

Сравнимъ данныя о возрастѣ учащихся въ школахъ москов-

¹⁾ Даныя по земскимъ училищамъ, за каждый годъ отдѣльно, см. въ Отчетѣ о началѣ нар. учил. моск. у. за 1880—81 г. Журн. М. у. земск. собр. 1881 г.

скаго уѣзда съ такими же данными по гор. Москвѣ, петербургскому уѣзду и котельническому, вятской губерніи ¹⁾.

Средній возрастъ учащихся составляетъ:

	м.	ж.	об. п.
Московский у. (земскія и частныя школы).	10,82	10,26	10,70
Москва (1877—78—1880—81 гг.).	10,10	10,22	10,16
Петербургскій у. (1875—76—1879—80 гг.).	10,81	10,36	10,69
Котельническій у. (1880—81 гг.).	10,98	9,90	10,91

Для сельскаго населенія трехъ уѣздовъ, находящихся въ разныхъ полосахъ Россіи и въ различныхъ условіяхъ, средній возрастъ учащихся почти совершенно одинаковъ, а возрастъ учениковъ гор. Москвы нѣсколько ниже. Если принять средній возрастъ всѣхъ учащихся во всѣхъ разсматриваемыхъ мѣстностяхъ (10,48) за сто, то отклоненія для каждой мѣстности получатся слѣдующія:

	м.	ж.	об. п.
Московский у.	103,2	97,8	102,1
Петербургскій у.	103,1	98,8	102,0
Котельническій у.	104,7	94,4	104,1
Москва.	96,8	97,5	96,9

Самый высокій средній возрастъ для мальчиковъ получается въ котельническомъ уѣздѣ, зато возрастъ дѣвочекъ стоитъ здѣсь ниже, нежели въ Москвѣ, гдѣ онъ совершенно одинаковъ съ московскимъ уѣздомъ и ниже петербургскаго.

Распределение учащихся по возрастамъ въ разсматриваемыхъ мѣстностяхъ (за указанные періоды времени) было въ процентахъ слѣдующее:

	моск. у.	петерб. у.	котельн. у.	Москва.
Моложе 9 л.	9,4	16,0	11,4	16,2
9 "	18,1	16,0	18,5	20,0
10 "	22,6	19,8	18,8	24,2
11 "	19,3	15,9	16,0	19,2
12 "	14,3	18,3	16,5	12,8
13 "	7,9	9,5	12,5	5,4
Старше 13 "	7,1	8,1	10,8	1,9
	15,0	17,6	23,8	7,3

Въ петербургскомъ уѣздѣ въ 1876 г. было сдѣлано распоряженіе, чтобы съ 1876—77 уч. г. были принимаемы въ школы лишь тѣ дѣти, которымъ исполнилось въ сентябрѣ мѣсяцѣ 8 лѣтъ. «Это распоряженіе, — говоритъ управа, — необходимо было сдѣлать

¹⁾ Источники: Отчеты о состояніи городскихъ нач. училищъ, учрежд. Московскою гор. думою, за 1877—78—1880—81 гг. — Отчеты земской управы петербургскаго у. за 1876—1880 гг. — Постановленіе Котельническаго у. з. собр. XV очер. сессіи, стр. 160.

потому, что дѣти въ возрастѣ менѣе 8 лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, еще мало развиты для того, чтобы посѣщать школу, а потому, не будучи въ состояніи идти въ уровень съ другими учениками, задерживаютъ лишь вообще успѣхъ школы, требуя въ то же время усиленныхъ занятій со стороны учителей, и слѣдовательно, бесполезно увеличиваютъ число учениковъ, что можетъ даже повлечь непріемъ въ школу болѣе взрослыхъ дѣтей за неимѣніемъ мѣста въ школѣ. Какъ оказалось, были случаи, что родители приводили въ школу дѣтей, едва достигшихъ 6-лѣтняго возраста, и не смотра на всѣ возраженія учителей, наставляли на пріемъ ихъ въ школу» ¹⁾. Распоряженіе это было утверждено собраніемъ, «Съѣздъ законоучителей, въ свою очередь, также просилъ сдѣлать это общимъ правиломъ, въ виду того, что дѣти въ возрастѣ менѣе 8 лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, еще мало развиты для того, чтобы посѣщать школу» ²⁾. Вслѣдствіе этого съ 1876 г. среди учениковъ не встрѣчается болѣе дѣтей моложе 8 лѣтъ.

Въ своемъ отчетѣ за 1878 г. петербургская управа замѣчаетъ тотъ фактъ, что возрастъ учащихся постепенно понижается, что, по мнѣнію управы, совершенно естественно: «при открытіи школы, — говоритъ она, — поступаютъ прежде всего болѣе взрослые дѣти, чтобы не упустить свое «школьное» время; при болѣе же долгомъ существованіи въ извѣстной мѣстности школы, когда болѣе взрослые уже выучились, начинаютъ посѣщать школу дѣти меньшихъ возрастовъ, и въ будущемъ, когда школьное дѣло окончательно установится, наибольшее число учениковъ будетъ въ возрастѣ 8—12 лѣтъ; выше же этого возраста — будутъ только исключенія» ³⁾. Тотъ же фактъ подтверждаетъ управа и въ слѣдующемъ отчетѣ за 1879 г.

«Какъ было указано въ прошлогоднемъ отчетѣ, — говоритъ она, — возрастъ учениковъ годъ отъ года понижается: въ прошломъ году дѣтей до 12 лѣтъ было 79,9%, а въ нынѣшнемъ уже 83,6% всего числа учащихся. Поэтому и возрастъ оканчивающихъ курсъ сообразно съ этимъ будетъ также понижаться» ⁴⁾.

Посмотримъ, насколько указанное явленіе имѣетъ мѣсто въ московскомъ уѣздѣ. Сравнимъ для этого средній возрастъ учениковъ младшаго отдѣленія, въ которое поступаетъ громадное большинство вновь вступающихъ, за отдѣльные года послѣдняго пяти-

¹⁾ Отчетъ за 1876 г., стр. 88.

²⁾ Отчетъ за 1877 г., стр. 67.

³⁾ Стр. 67.

⁴⁾ Стр. 82.

лѣтъ, по земскимъ школамъ. Окажется, что въ 1876—77 г. средній возрастъ былъ 8,88; въ 1877—78 г.—9,84; въ 1878—79 г.—10,35; въ 1879—80 г.—10,19; въ 1880—81 г.—9,72. Если средній возрастъ перваго изъ приведенныхъ годовъ принять за сто, то отношеніе къ нему такого же возраста за слѣдующіе года выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

1876—77 г.	100
1877—78 „	110,9
1878—79 „	116,5
1879—80 „	114,7
1880—81 „	109,4

По годамъ, такимъ образомъ, не оказывается рѣзкихъ измѣненій въ среднемъ возрастѣ, но приведенныя цифры не могутъ дать опредѣлительнаго отвѣта на занимающій насъ вопросъ, такъ какъ на нихъ, безъ сомнѣнія, отражается вліяніе школъ, открывавшихся каждый годъ не въ одинаковомъ числѣ. Подвергаемъ поэтому изслѣдованію только тѣ школы, которыя находились въ одинакихъ условіяхъ, и для этого распредѣлимъ школы (за трехлѣтіе 1878—79—1880—81 гг.) по продолжительности ихъ существованія. Получимъ въ среднемъ выводъ за трехлѣтіе средній возрастъ для младшаго отдѣленія ¹⁾:

Возрастъ.	Школы сущ. 5 л.	1878—79 гг.					1879—80 гг.					1880—81 гг.				
		4 г.	3 г.	2 г.	1 г.	5 л.	4 г.	3 г.	2 г.	1 г.	5 л.	4 г.	3 г.	2 г.	1 г.	5 л.
6	—	—	—	—	1	—	2	—	—	2	3	—	—	—	—	—
7	3	3	1	1	—	12	5	—	1	20	29	1	6	7	1	—
8	7	7	14	7	17	46	30	14	8	37	118	33	27	66	5	—
9	83	78	101	27	35	133	103	19	25	117	272	55	58	86	6	—
10	33	89	69	16	45	94	81	20	27	117	193	31	45	74	8	—
11	13	39	47	6	43	48	48	6	30	105	86	18	13	50	10	—
12	15	25	25	3	28	26	16	—	21	86	28	11	11	23	12	—
13	7	8	21	1	20	9	15	1	12	36	14	2	6	14	6	—
14	5	4	8	1	5	2	7	1	6	33	7	1	4	4	4	—
15	2	1	7	—	6	—	1	—	2	14	3	—	1	2	4	—
16	2	—	2	—	1	—	1	—	1	2	2	—	—	2	—	—
17	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	1	—	1	—	—	—
18	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—

121	249	296	62	201	370	390	61	138	572	756	147	172	329	56
Въ школахъ существовавшихъ не менѣе 5 лѣтъ												9,65		
„ „ „ „ 4 „												9,91		
„ „ „ „ 3 „												10,05		
„ „ „ „ второй годъ												10,45		
„ „ „ „ первый годъ												10,69		

¹⁾ Вотъ абсолютныя цифры.

Эти данные вполне убедительно подтверждают наблюдёнія петербургской управы въ примѣненіи и къ московскому уѣзду, и свидѣлствуютъ, что въ старшихъ, по продолжительности существованія, школахъ средній возрастъ понижается. Вслѣдствіе этого нормальный школьный возрастъ слѣдуетъ признать нѣсколько ниже выведеннаго нами на основаніи свѣдѣній о возрастѣ учащихся во всѣхъ школахъ: начало его слѣдуетъ отнести не къ 9, а къ 8 годамъ. Если мы приведенныя выше данныя о возрастѣ учащихся за трехлѣтіе распредѣлимъ нѣсколько иначе, и разобьемъ школы, по продолжительности ихъ существованія, только на двѣ группы—существовавшія до 3 лѣтъ (полный учебный курсъ) и болѣе 3 лѣтъ, то окажется, что:

		Шк., сущ. до 3 лѣтъ.		Сущ. болѣе 3 лѣтъ.	
		о/о		о/о	
Менѣе 8 лѣтъ		40 или	2,1	58 или	2,9
8 "		195 "	10,3	241 "	12,3
9—12 "		1413 "	75,1	1558 "	78,7
13—15 "		219 "	11,7	88 "	4,5
болѣе 15 "		14 "	0,7	7 "	0,3

Отсюда, въ школахъ, существующихъ болѣе трехъ лѣтъ, повышается процентъ младшихъ возрастовъ и понижается процентъ старшихъ. Въ то время, какъ въ школахъ, недавно открытыхъ, учебный возрастъ растягивается между 8 и 15 годами, въ школахъ старшихъ онъ сокращается до 8—12; остальные возрасты представлены въ нихъ совершенно ничтожнымъ числомъ учащихся, которые поэтому могутъ быть признаны случайными.

Чтобы опредѣлить отношеніе учащихся каждаго возраста къ общему числу дѣтей того же возраста, воспользуемся помѣщенной въ отчетѣ о начальныхъ училищахъ московскаго уѣзда за 1880—81 г. таблицей, въ которой число дѣтей, по возрастамъ, вычислено на основаніи таблицъ Буняковского, по расчету населеній въ 110 т. Вычисленныя такимъ образомъ данныя не могутъ, конечно, быть признаны абсолютно-вѣрными, но представляютъ вполне годный матеріалъ для сравненія, такъ какъ отношенія, по возрастамъ, на основаніи ихъ выведенныя, должны быть близки къ дѣйствительности. Вотъ эта таблица въ процентахъ ¹⁾. Учащіеся, по отношенію къ дѣтямъ соотвѣстственнаго возраста, составляютъ:

¹⁾ Число учащихся 4046, по 74 школахъ, за 1880—81 г.:

	м.	д.	об. п.		м.	д.	об. п.
6	0,7	0,1	0,4	12	37,6	7,3	21,8
7	5,0	2,0	3,5	13	20,8	4,3	12,1
8	20,0	9,2	14,6	14	10,9	1,3	6,0
9	44,7	15,6	29,6	15	6,0	0,6	4,07
10	57,6	18,0	36,0	16	2,7	—	1,3
11	48,6	12,7	29,9	17	1,8	—	0,9

Средній процентъ учащихся въ общему числу дѣтей школьнаго возраста—для мальчиковъ 22,4, для дѣвочекъ—6,1. Такимъ образомъ, выше средняго процента, для мальчиковъ даютъ возрасты—9, 10, 11, 12; приче́тъ весьма близки къ среднему 8 и 13 лѣтъ; для дѣвочекъ—8, 9, 10, 11 и 12.

VI.

Въ двухъ уѣздахъ, которые мы нѣсколько разъ брали для сравненія,—московскомъ и петербургскомъ,—продолжительность учебнаго курса установлена различная: въ московскомъ—три года, въ петербургскомъ—четыре. Это обстоятельство, само собою разуме́тся, должно отражаться на средней продолжительности пребыванія учащихся въ школѣ. И дѣйствительно, въ петербургскомъ уѣздѣ она выше, нежели въ московскомъ.

Возьмемъ, для сравненія, тѣ же періоды времени, которые мы уже брали (для московскаго—пятилѣтіе 1876—77 и 1880—1881, а для петербургскаго—четырехлѣтіе 1875—76 и 1878—1879 гг.) ¹⁾. По сложности, за все это время, ученики, по продолжительности пребыванія въ школѣ, распредѣлялись въ процентахъ, такимъ образомъ:

	Московский у.			Петербургскій у.		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
1-й годъ . . .	42,4	51,0	44,2	30,8	37,2	33,1
2 > . . .	31,3	32,1	31,5	29,9	30,2	30,0
3 > . . .	18,6	13,8	16,6	22,8	21,7	22,4
4 > . . .	6,5	2,6	5,7	11,8	8,8	10,7
5 > . . .	0,9	0,3	0,8	4,4	1,9	3,5
6 > . . .	0,09	0,04	0,08	—	—	—

Процентъ посѣщавшихъ школу болѣе двухъ лѣтъ въ петербургскомъ уѣздѣ такимъ образомъ выше, нежели въ московскомъ; выше здѣсь и средняя продолжительность преподаванія—2,21 года, тогда какъ подъ Москвою она не превышаетъ 1,87 г.

¹⁾ За 1880—81 г. данныхъ этого рода въ отчетѣ управы нѣтъ.

Это различіе объясняется какъ продолжительностью учебнаго курса, не одинаковою въ обоихъ уѣздахъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что за разматриваемый періодъ времени въ московскомъ уѣздѣ открыто вновь 25 училищъ, ученики которыхъ и повліяли на повышеніе процента первогодниковъ, тогда какъ въ петербургскомъ открыто только 5. Открытіе новыхъ школъ весьма замѣтно отразилось на отношеніи первогодниковъ къ общему числу учениковъ:

	Число вновь откр. шк.	‰ перво- годниковъ.
1876/7	8	42,4
1877/8	1	33,1
1878/9	6	45,7
1879/80	13	54,4
1880/81	2	42,2

Тѣ же самыя причины обусловливаютъ рѣзкую разницу въ распредѣленіи учащихся по отдѣленіямъ въ обоихъ разматриваемыхъ уѣздахъ. При большей продолжительности учебнаго курса и меньшемъ колебаніи въ числѣ училищъ, въ петербургскомъ уѣздѣ отношеніе отдѣленій между собою представляется болѣе нормальнымъ и устойчивымъ, нежели въ московскомъ. Въ то время, какъ въ послѣднемъ большинство учащихся приходится на первое, младшее отдѣленіе, въ послѣднемъ (по крайней мѣрѣ за 1879/80 г., за который мы имѣемъ свѣдѣнія) — почти половина падаетъ на старшія (3 и 4) отдѣленія. За то въ думскихъ школахъ Москвы распредѣленіе учащихся по отдѣленіямъ очень близко подходитъ къ московскому уѣзду. По среднему выводу, распредѣленіе это, въ процентахъ, было слѣдующее:

	Московский у. (187 ⁶ /7—18 ⁸ /81)			Петербургскій у. (18 ⁷ /8—18 ⁸ /80)			Москва. (187 ⁷ /8—18 ⁸ /81)		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
Младш. . . .	47,8	56,7	49,7	32,1	38,8	34,5	51,9	50,8	51,1
Среднее . . .	35,2	33,1	34,7	16,5	16,2	16,4	32,6	32,4	32,5
Старшее . . .	16,9	10,0	15,4	51,3	45,3	49,0	15,4	17,1	16,2

Приведенныя выше данныя о средней продолжительности пребыванія учениковъ въ школахъ, касаясь всѣхъ учениковъ, бывшихъ въ теченіе года, не выражаютъ дѣйствительной продолжительности; въ нашемъ выводѣ она ниже дѣйствительной, такъ какъ нами приняты въ расчетъ и ученики вновь поступившіе. Гораздо яснѣе представится дѣло, если мы прослѣдимъ учениковъ, поступавшихъ въ каждомъ году, за цѣлый рядъ послѣдующихъ лѣтъ. Начнемъ съ 1875/6 г., съ котораго начинается правильная регистрація въ школахъ.

	1875/6			1876/7			1877/8		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
Поступив. . . .	629	167	796	548	150	698	408	159	567
На 2-й годъ . .	462	117	579	478	127	605	329	118	447
> 3 > . . .	360	77	437	349	52	395	251	59	310
> 4 > . . .	136	19	155	130	12	142	106	10	116
> 5 > . . .	29	2	31	29	4	33	27	1	28
> 6 > . . .	6	—	6	5	1	6	—	—	—
	1878/9			1879/80			1880/81		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
Поступив. . . .	673	188	861	1073	333	1406	904	359	1263
На 2-й годъ . .	547	141	688	861	246	1107	715	262	977
> 3 > . . .	382	83	465	631	153	785	—	—	—
> 4 > . . .	142	19	161	—	—	—	—	—	—
> 5 > . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—
> 6 > . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—

По среднему выводу изъ этихъ данныхъ оказывается, что на сто поступившихъ въ школу остается:

	м.	д.	об. п.
На 2-й годъ	80,9	74,5	78,7
> 3 >	58,9	42,8	55,2
> 4 >	22,7	9,0	19,6
> 5 >	5,3	1,4	4,4
> 6 >	0,9	0,3	0,8

Такимъ образомъ, около половины поступающихъ въ школы дѣтей оставляютъ ихъ ранѣе окончанія полнаго трехлѣтняго курса, а около $\frac{1}{4}$ выходятъ изъ младшаго отдѣленія, не вынося никакихъ познаній, кромѣ развѣ умѣнья, съ грѣхомъ пополамъ, разбирать печатное. Для всѣхъ вообще учениковъ средняя продолжительность пребыванія будетъ менѣе 3 лѣтъ, а если прослѣдить время пребыванія въ школѣ учениковъ, поступившихъ въ 1875/6 и 1876/7 гг., которые въ 1881/82 г. вышли всѣ, то средняя продолжительность пребыванія въ школѣ опредѣлится: поступившихъ въ первомъ году — мальчиковъ 2,57 год., дѣвочекъ — 2,28; для поступившихъ во второмъ — 2,79 и 2,32. Мальчики, слѣдовательно, пробыли нѣсколько долѣе, нежели дѣвочки.

Выходъ учащихся ранѣе окончанія курса въ московскомъ уѣздѣ гораздо чаще, нежели въ петербургскомъ и Москвѣ.

За приведенные выше періоды времени на 100 учениковъ приходилось выбывшихъ до окончанія курса:

Въ Московскомъ у. . .	16,6	22,5	27,8 (max. 19,5 min. 11,0)
> Петербургскомъ у. .	12,3	14,1	13,2 (> 14,4 > 11,6)
> Москвѣ	15,0	16,9	15,9 (> 20,3 > 12,4)

При этомъ, изъ 1423 учениковъ (1023 м. и 400 д.), вышедшихъ изъ земскихъ школъ московскаго уѣзда за трехлѣтній,

187^{8/9}—18^{80/81}, и 1057 уч. (652 м. 405 д.), вышедших из школ петербургскаго у. за пятилѣтіе 187^{5/6}—18^{79/80} г. было учившихся:

	Московскій у.			Петербургскій у.		
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
1-й годъ	85,9	45,2	38,6	21,9	38,0	26,2
2 >	30,6	30,5	30,6	30,8	25,9	28,6
3 >	21,9	20,0	21,3	24,6	24,1	24,6
4 >	8,7	8,5	7,3	15,0	13,3	14,2
5 >	2,0	0,5	1,6	7,6	3,4	6,0
6 >	0,3	0,2	0,3	0,3	—	0,1

Такимъ образомъ, относительно преждевременнаго выхода учениковъ, школы петербургскаго уѣзда находятся въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели школы московскаго: процентъ выбывающихъ до окончанія курса въ нихъ ниже, а процентъ вышедшихъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго посѣщенія школы выше, нежели въ московскомъ уѣздѣ.

Причины преждевременнаго выхода учениковъ, въ московскомъ и петербургскомъ уѣздахъ, по сложности за разсматриваемые періоды времени, мотивируются слѣдующимъ образомъ:

	Московскій. (187 ^{6/7} —18 ^{80/81})						Петербургскій. (187 ^{6/7} —18 ^{79/80})					
	На 100.						На 100.					
	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.	м.	д.	об. п.
Переходъ въ друг. шк.	33	5	38	2,3	0,9	1,9	26	13	39	5,0	4,1	4,6
Смерть	23	9	32	1,6	1,7	1,6	18	7	25	3,4	2,2	3,0
Болезнь	53	25	78	3,7	4,8	4,0	21	36	57	4,0	11,5	6,8
Перемена мѣста жительства	113	38	151	8,0	7,3	7,8	42	26	68	8,0	8,3	8,1
Отдаленность школы	18	1	19	1,2	0,1	0,9	29	8	37	5,5	2,5	4,4
Бѣдность	62	10	72	4,3	1,9	3,7	—	—	—	—	—	—
Неимѣніе одежды и обуви	19	6	25	1,2	1,1	1,2	22	10	32	4,2	3,2	3,8
Работа дома и вѣдома	223	54	277	15,7	10,5	14,8	299	195	494	57,7	62,7	59,4
Утомленіе послѣ работъ	27	12	39	1,8	2,3	2,0	—	—	—	—	—	—
Домаш. обстоятельства	622	258	880	43,8	50,1	45,5	—	—	—	—	—	—
Отдача въ обученіе ремеслу или на заводы	—	—	—	—	—	—	20	2	22	3,8	0,6	2,6
Лѣность, неспособность и пр.	84	25	109	5,9	4,8	5,6	4	2	6	0,7	0,6	0,7
Нежеланіе учиться	53	84	87	3,7	6,6	4,5	17	—	17	3,2	—	2,0
Недовольство школой	4	1	5	0,2	0,1	0,2	—	—	—	—	—	—
Возрастъ	6	3	9	0,4	0,5	0,4	4	6	10	0,7	1,9	1,2
Разныя и неизвѣстныя	80	33	113	5,6	6,4	5,7	18	6	24	3,4	1,9	2,8
	1420	514	1934				520	330	831			

Замѣчательно, что въ обоихъ уѣздахъ причины выходовъ въ огромномъ большинствѣ вполне уважительны: лѣностью, нежеланіемъ учиться и т. п. мотивированы въ московскомъ уѣздѣ всего 10⁰/о, а въ петербургскомъ и того менѣе—не больше 2⁰/о. Двѣ трети случаевъ выхода учениковъ (66,7⁰/о въ московскомъ уѣздѣ и 65,8⁰/о въ петербургскомъ) объясняются причинами экономическими; всѣ записи этого рода или прямо указываютъ или намекаютъ на *бѣдность*, какъ причину преждевременнаго выхода изъ школы, Въ самомъ дѣлѣ, что такое всѣ эти «домашнія обстоятельства», «работы дома и внѣ дома», сопровождаемыя притомъ «утомленіемъ», отдача «на заводы», какъ не доказательства плохого имущественнаго положенія семьи, лишающей ее возможности обходиться безъ помощи рабочей силы 10—12 лѣтнаго ребенка.

В. Скалонъ.

ИТОГИ ЖИЗНИ

ПОВѢСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ: ОПАСНЫЕ ЛЮДИ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

На одной изъ людныхъ петербургскихъ улицъ, у воротъ большого четырехъ-этажнаго дома, болталась на гвоздикѣ бумажка.

Подоселъ усталою походной юноша; придержалъ бумажку; прочиталъ: «отъдаеця комната для халастова у прачке Аксини въади», — и, будучи, очевидно, холостымъ, принялся звать дворника. Долго онъ звалъ — дискантомъ и басомъ, жалобно и грозно, покуда выльзъ, какъ изъ подъ-земли, изъ низкой двери подъ воротами чесавшійся ожесточенно паренъ и сердито объявилъ, что «никакой фатеры нѣту-тъ!»

— А квартира прачки?

— Прачки? Да которой прачки-то? Прачекъ много.

— Аксинья, что ли... Есть такая?

— Аксинья? есть. Ступайте прямо — въ са-амый канъ есть задъ!.. И махнулъ рукой такъ выразительно, что разстояніе, лежавшее между Аксиньею и остальнымъ человечествомъ наглядно представлялось воображенію.

— Въ самый задъ канъ прійдете, — продолжалъ онъ уже въ догонку, — ползайте въ са-амый верхъ!

Аксинья точно оказалась чуть не на томъ свѣтѣ, и добираться до нея пришлось черезъ чистилище сначала перваго двора, который назывался «чистымъ», потому что грязь на немъ лежала въ правильно-сгребенныхъ кучахъ, и второго или «задняго», гдѣ она была разбросана въ самомъ живописномъ безпорядкѣ общими усиліями дворниковъ, кухарокъ и природы...

«Это уже навѣрно «самый задъ»! подумалъ юноша, — и, больше чувствуя, чѣмъ различая лѣстницу, пустился «въ самый верхъ». Вотъ и идти уже некуда: должно быть тутъ! На-встрѣчу валить бѣлый паръ, и слышно шлепанье бѣлья: навѣрное, сама Аксинья!

— Здѣсь квартира отдается?

Шлепанье утихаетъ.

— Здѣсь, господинъ! здѣ-зсь! — взвизгиваетъ тонкій голосъ, и маленькая женщина, почти старуха, дѣвственно одергиваетъ по-доль. Рядомъ длинная фигура совсѣмъ молодого человѣка.

— Вы ужъ не взмыщите — люди мы простые, батюшка; пройтись вамъ не понравится: это вы въ самую постирѣшку попали, такъ оно точно какъ-будто виду нѣту. А что ужъ покойчикъ, такъ лучше для холостыхъ и не бываетъ...

— У меня человѣкъ. Его помѣстить надо.

— Это очинно пріятно-сь. И человѣка помѣстимъ, — подъ лѣсенкою на чердакъ... такой чуланчикъ есть.

— Холодный, вѣрно?

Холостой видимо искалъ «соломинку», чтобъ не дать себя утопить Аксиньѣ.

— Теплый-прегретый! Ужъ такой-то теплый, что и не приведи Богъ! Труба тутъ проходитъ, господинъ — такъ сквозь и идетъ. Просто страсть — теплота какаа! А вы, полагать надо, не изъ здѣшнихъ — пріѣзжіе?

— Да, пріѣзжіе.

— И еще пріятнѣе! Здѣшній народъ — пустой народъ, — произнесла рѣшительно старуха.

Пріѣзжіе между тѣмъ обозрѣваютъ «покойчикъ». Постель подъ стѣганнымъ изъ ситцевыхъ обрѣзковъ одѣяломъ, «головами» (какъ выражалась хозяйка) въ печку, а «ножками» въ окно; продавленный диванъ — скорѣе лодка, чѣмъ диванъ; передъ диваномъ столъ подъ синею бумажною салфеткой, затканной ворзинками и тѣмъ, чему бы надо быть цвѣтами; стулья, требующіе осторожности, когда садишься; и на стѣнѣ литографія дѣвицы въ крутыхъ локонахъ и съ рукавами въ видѣ плавательныхъ пузырей, съ закаченными подъ лобъ глазами, а внизу подпись: «Esprit

en Dieu», — таковъ былъ тотъ «покойчикъ, лучше котораго и не бываетъ». Что бываютъ хуже, юноша могъ поручиться...

Дворъ представлялся изъ окна колодцемъ; но квартира была на Большой-Милліонной; по двѣнадцати цѣлковыхъ въ мѣсяцъ; служба тутъ же; наконецъ, — чуланчикъ, ужасъ теплоты; «соломинки» рѣшительно не находилось. Юноша далъ задатокъ.

— По фамиліи какіе, позвольте? — полюбопытствовала хозяйка, когда завязала въ кончикъ шейнаго платка бумажку.

— Бухторминъ.

— Такъ точно-съ. И фамилія не здѣшняя — тутъ больше все нѣмцевъ...

Тоже ее озаботили имя, отчество и чинъ, даже какъ звать лакея, и только когда выяснилось, что наниматель былъ коллежскій секретарь и Василій Иларіонычъ, а лакей Платонъ, — она успокоилась.

— И чудесно-съ!.. Вотъ онъ сбѣжитъ за Платономъ — Василій тоже, ужъ извините-съ, — мужъ мой, значить, — и духомъ перевезутъ вашу милость.

Молодой мужъ старой Аксиньи выразилъ полнѣйшую готовность «сбѣжать»; и это въ его положеніи представлялось совершенно естественнымъ.

А Бухторминъ точно почувствовалъ вдругъ, какъ петля петербургской жизни прикоснулась къ его шеѣ.

«Кандидатъ университета, и съ чего надо начинать!» думалъ онъ. — До сихъ поръ онъ думалъ, что только и была трудность на свѣтѣ — сдѣлаться кандидатомъ университета! Въ его ушахъ еще отдавался шѣпотъ: «кандидаты! кандидаты!!» — которыми провожали его и другого избраннаго, Мишеля Затонова, когда они выходили рядомъ съ акта. Съ этимъ высокимъ званіемъ, какъ несомнѣннымъ правомъ на все, летѣлъ онъ въ Петербургъ и, лихорадочно дрожа, вручалъ восторженные письма Мишеля очень милому меньшому его брату, Борису, и очень важному ихъ дядѣ Ѳеодосію Ѳеодосіичу, который похвалилъ племянника Мишеля за то, что любить свой «предметъ», а другу посоветовалъ покуда послужить съ небольшимъ жалованьемъ, даже и совсѣмъ безъ жалованья, смотря, какъ представится удобіе. Потомъ опредѣлилъ — безъ жалованья: видно, такъ представилось удобіе.

— Всего же вдругъ нельзя! — успокоивалъ онъ: въ наше время молодые люди долго тянули лямку... Жизни передъ вами много — успѣте!

Тутъ кандидатъ впервые спохватился, что хотъ крылья есть, да летѣть некуда, и что покинутое гнѣздо—теплѣе.

Сотня ревизскихъ душъ; жизнь, подаваемая какъ готовое и вкусное домашнее блюдо; старый отецъ, который за всѣхъ думать, и мать, которая за всѣхъ любить,—и все это, вращающееся около него, какъ около маленькаго центра, — сгѣбняется вдругъ тисками и заботами, круженьемъ около другого центра, необъятнаго и строгаго, который смотритъ шумною и безучастною, своею жизнью, холодно блеститъ и обдастъ грязью, причитъ, что въ этомъ муравейникѣ онъ ничего не значитъ; здѣсь онъ не помѣщикъ ста ревизскихъ душъ, но жилецъ «у прачки Авсиньы, сади»!

Въ головѣ ничего, кромѣ тяжелыхъ мыслей, а въ желудкѣ — кромѣ чашки утренняго чая... ноги поджопены «самыми задами» и «верхами»... хмурья, запачканныя улицы (въ его мечтахъ онѣ являлись лучезарными, какъ и самыя мечты); пустыни площадей и плацъ-парадовъ, съ памятниками и тучами клубящагося сора; люди озабоченные до того, что разговариваютъ съ собою вслухъ, и для которыхъ онъ — тоже уличный соръ, не больше...

Ну, повѣрилъ-ли бы онъ этому, когда его ждала запряженная собственная тройка передъ собственнымъ крыльцомъ, и собственный Ермошка въ сотый разъ приглашенную упряжь еще перелаживалъ, не находя ее на высотѣ событія — отъѣздѣ молодого барина въ столицу! Въ просторныхъ свѣтлыхъ комнатахъ своей попѣ отслужилъ молебенъ и крошилъ святой водою отъѣзжающихъ: его и спутника — сосѣда, Истукарій-Кузьмича по настоящему, но Истукана попросту, — помѣщика одиннадцати душъ въ бѣгахъ; — заворачивалъ въ знакомый, старый эпитрахиль крестъ, къ которому, въ голубоватой дымкѣ ладана, благоговѣнно приложилась дворня, — и на четыре стороны кланялся... Отецъ крестить и цѣлуетъ трижды; мать обливаетъ нѣжными слезами, крестить и цѣлуетъ, уже безъ счета... старики и бабы кланяются въ ноги; молодые ловятъ приложиться къ ручьѣ...

— Эй, берегись! — и приставная, прыгая чуть не на головѣ, обдастъ молодого Бухтормина изъ лужи. Закружились перья треугольной шляпы, сорвали съ солдатскихъ стриженныхъ головъ фуражки, и оцѣпенивши будочника съ алебардой, повернули всѣхъ ихъ разомъ въ свою сторону, точно въ нихъ сидѣла какая-то пружинка... Изъ двухъ-трехъ каретъ кивнуло нѣсколько хорошенькихъ головокъ...

Бухторминъ шелъ гранитною широкою набережною. Широкая

рѣза безъ шума неслась мимо. Въ мгнѣнной высотѣ мерцала золотая игла крѣпости; внизу зѣяли казематы... и надъ ними медленно и благозвучно пѣли четверти часовъ...

Къ подъѣзду Зимняго дворца катились съ громомъ экипажи. Выходили, поглощаясь дверью, эполеты, звѣзды и расшитые мундиры. Красный швейцаръ закидывалъ подножки и захлопывалъ съ какимъ-то властнымъ стукомъ двери...

«Вотъ, до этого стѣбитъ достигнуть!» — думалъ кандидатъ: «и вѣдь примѣры даже были: нѣсколько лѣтъ безъ жалованья въ такомъ вѣдомствѣ, какъ наше — и камеръ-юнкеры!»

Образы недавно народившихся балъзаковскихъ героев подстрекали еще дальше: многіе изъ нихъ, начавъ съ Аксиныи, перешли кончать въ отель министра... Изъ своихъ онъ тоже зналъ одинъ примѣръ управаго терѣбна, въ одномъ изъ сослуживцевъ — Эвигъ; но этотъ былъ — наслѣдственный; а онъ могъ прозвать только — благопріобрѣтенный. Тамъ поколѣнія Карлунгъ, изъ Риги или изъ Митавы, перенесшихъ въ Среднюю-Мѣщанскую свой молотокъ и шило, и пробившихся сперва въ Карлы Ивановичи, чтобъ наплодить со временемъ потомство на всѣ мѣрки ищъ-мундировъ; а тутъ наслѣдственные души и терѣбніе, переданное имъ — все, безъ остатка.

Адамъ Эвигъ (одинъ изъ потомства) — сплошь горохового цвѣта: волосы, лицо, глаза — все гороховое, — такихъ рождаетъ только Средняя-Мѣщанская, — служилъ помощникомъ столоначальника въ томъ самомъ вѣдомствѣ, гдѣ Бухторминъ зачисленъ былъ «для усиленія», или, какъ тогда острили «для увеселенія», и вовсе не для остроты — имѣлъ квартиру у сапожника, тоже въ Гороховой. Это было хуже, чѣмъ у Аксиныи, потому что молотокъ сапожника вгонялъ неумолимо гвозди въ наблуды надъ самой головою, умоляла только въ воскресенье, когда сапожники напивались пьянъ. За то удобства эти обходились Эвигу уже не въ 12, а всего въ семь съ четвертью цѣлевыхъ (четвертакъ прислугѣ), и Адамъ считалъ себя почти въ раю. Онъ надѣленъ былъ дарованіями, многими неизвѣстными: одежды не изнашивать, перчатокъ лайковыхъ не пачкать, для чего напяливалъ поверхъ ихъ вязанныя, — ситымъ быть неѣвши и служить года, не получая жалованья, да еще работать вмѣсто тѣхъ, кто получаетъ, и добиться наконецъ должности въ 600 цѣлевыхъ, съ свѣтлою надеждой на личную квартиру — съ видомъ на хвосты четверки мѣдныхъ лошадей на главномъ штабѣ, потому уже не портившихъ нѣсколько дѣлъ, что если даровому коню не смотреть въ зубы, то въ хвостъ и недавно...

«Мнѣ отецъ даетъ двѣ съ половиной тысячи на ассигнаціи и знать того не хочетъ, что это здѣсь 600! Адаму чистить сапоги квартирная чухонка, а у меня Платонъ—древній философъ»—пришла ему на умъ студенческая кличка, отъ которой онъ всегда смѣялся, но теперь вздохнулъ.

Задумчиво вернулся онъ къ пріятелю по дѣтству, Разноперову, гдѣ, впредь до отысканія себѣ квартиры, помѣстился съ Истуканомъ, на правахъ сосѣдства по имѣніямъ отцовъ и дружбы въ нѣсколькихъ колѣнахъ.

II.

Положеніе Разноперова было совсѣмъ другое. Судьба уготовила ему такое вѣдомство, въ которомъ человѣку оставалось только дѣлать то, что дѣлаетъ сыръ въ маслѣ. Правила этимъ вѣдомствомъ важныя старухи—да архіереи. Первые кормили Разноперова обѣдами, послѣднихъ онъ кормилъ. И всѣ, архіереи, Разноперовъ и старухи—благоденствовали. Также и квартира Разноперова ничѣмъ не походила на «покойчикъ» его гостя: это была настоящая, *своя* квартира, съ *своимъ* ходомъ, *своею* мебелью и даже *своимъ* фортепяно. Правда, за все это не были еще уплачены деньги, и неособенно желательныя посѣщенія разныхъ барышниковъ, обойщиковъ и столяровъ мало способствовали убѣжденію, что это—все свое. Но съ виду Разноперовъ жилъ какъ настоящій «генеральскій сынъ», по выраженію Истукана: «сейчасъ видать!» говорилъ старикъ и признавалъ отчасти справедливымъ, чтобы ремѣсла предоставляли безвозмездно низкія услуги своихъ недостойныхъ рукъ для услажденія жизни «генеральскаго сына».—«А что ежели они за деньгами ходятъ, такъ я бы ихъ по шеѣ, потому — они разбойники и хриstopродавцы».

Разноперовъ не усматривалъ съ ихъ стороны разбоя, и «хриstopродавцевъ» угощалъ сигарами и такъ-называемыми «завтраками», то-есть, обѣщалъ имъ заплатить завтра; если-жъ не платилъ, то совершенно по извинительной причинѣ: потому что платить было нечѣмъ. Но не это удивительно, а то, что, довольные при входѣ, люди эти выходили отъ него довольными и даже очарованными. Свойство очаровывать, созданное природою исключительно для женщинъ, было, не въ примѣръ прочимъ мужчинамъ, дано Разноперову. Онъ далеко не былъ красавцемъ, но въ его наружности все было привлекательно: и круглое, обыкновенно ясное лицо, и сѣро-голубые глаза, послушные любому выраженію, закрывавшіеся при улыбкѣ, какъ у балованнаго кота,

котораго щекотать за ушами; всѣ движенія, походка—мягкія и грациозныя; голосъ—ласково уступчивый. А выражался онъ такъ неуловимо, какъ будто слово у него было изъ пуху: вылетѣло—и поминай какъ звали!.. Невозможно было даже и представить, какъ-бы онъ повысилъ голосъ или вышелъ изъ себя. Все неприятное или шероховатое онъ умащаль смазывающими: «понимаете»?... «вы меня вѣдь понимаете»?.. «голубчикъ»!.. «душа моя» и т. п. Онъ сглаживалъ и затиравъ углы, а словъ рѣзкихъ не договаривалъ, закашливалъ, глоталъ ихъ и поперхивался ими. Непремѣнно что-нибудь всегда предпринималъ—хоть заказной обѣдъ,—съ безпечною дитяти забывая то, что слѣдовало забывать, и то, чего-бы забывать не слѣдовало,—напримѣръ, обѣщанья уплатить въ срокъ деньги, или быть къ обѣду дома, если пригласилъ гостей, и заказать обѣдъ.

Одно изъ множества забвеній Разноперова испытали на себѣ и архiereи, такъ что если бы гостившій на то время—а такого времени и не было, чтобъ кто-нибудь да не гостилъ у Разноперова—землякъ Кислятниковъ не догадался сбѣгать заказать обѣдъ, въ трактиръ, то духовныя особы напитались бы одной духовной пищею въ бесѣдѣ съ этимъ не совсѣмъ обыкновеннымъ землякомъ, который, вышедши изъ Х—аго университета, отправлялся собственно въ Берлинъ услышать Шеллинга, но въ Петербургѣ былъ плѣненъ конногвардейскими лосями другого земляка и находился въ нерѣшимости: чѣмъ ему быть—философомъ или вѣрассиромъ?—а покуда велъ пріятельскую переписку съ Х-скимъ протоіакономъ, провозглашавшимъ такъ, что стекла сыпались...

Насколько всесторонній юноша удовлетворилъ гостей, осталось неизвѣстнымъ; вѣрно то, что Разноперову пришлось «очаровывать» трактирщика, впредь до уплаты счета, который былъ нагляднымъ доказательствомъ, что на аппетитъ обѣдавшихъ отсутствіе хозяина не подѣйствовало вредно.

— Вы о чемъ же, голубчикъ, говорили съ ними? — допрашивалъ онъ Кислятникова.

— О философіи... коснулись и души... Только они иначе понимаютъ душу, я съ ними не могу согласиться. Душа, по Гегелю...

— Хорошо, мой другъ, хорошо! Я увѣренъ, что вы правы, —ласково прерывалъ Разноперовъ,—но не сердились ли они на меня? что они говорили, когда, понимаете, я опоздалъ немножко?

— Они... какъ вамъ сказать? были сконфужены, болѣе или менѣе,—одни болѣе, другіе менѣе...

Кислятниковъ имѣлъ несчастье выражаться путанно и оттого вообразилъ себя философомъ.

— Гмъ... Сконфужены, вы говорите? А вы, Кислятниковъ, не наговорили имъ по Гегелю, — понимаете, голубчикъ, по Гегелю — чего-нибудь обиднаго для нихъ?..

— Какъ можно! Нѣтъ, я только силился ихъ разубѣдить; я силился доказать, что ихъ точка отправления, или, выражаясь, иначе, ихъ уголъ зрѣнія на душу...

— Затѣмъ вы силились? Вы бы лучше не силились, душа моя... понимаете, вамъ бы ихъ хорошимъ обѣдомъ накормить — и только! — понимаете, мой другъ? а душа — ну, какое вамъ до нея дѣло?..

Но Кислятниковъ, отлично знавшій душу именно по Гегелю, не примирялся съ мыслью, чтобы до души ему могло не быть дѣла, и городилъ какую-то чушь на эту тему... Разноперовъ, разумѣется, его не слушалъ, только улыбался ласково, а самъ обдумывалъ планъ предстоящаго «очарованья» архіереевъ, которые на другой день и были очарованы всѣ поголовно...

Бухторминъ засталъ гостепріимнаго хозяина одѣтымъ во фракъ. Тончайшимъ запахомъ духовъ и мыла вѣяло отъ завитой барашкомъ головы и идеально выбритаго подбородка, — до рукъ, въ лайковыхъ, цвѣта свѣжаго масла, перчаткахъ. Онъ собирался на обѣдъ, готовъ былъ совершенно, и назначенный часъ подходилъ; но видно было, что какая-то преграда не давала ему переступить порогъ.

— Ты чего жъ не ѣдешь? спрашивалъ Бухторминъ. — Опять опоздаешь! Чего ты толчѣшься, скучный человѣкъ?

А самъ невольно любовался милымъ ему еще съ дѣтства Разноперовымъ. Его успѣхи на служебномъ поприщѣ не только въ немъ не возбуждали зависти, но были для него предметомъ гордости; они какъ будто говорили: «видишь ли, ты первый угадалъ ему цѣну, а теперь я всѣ оцѣнилъ»... Превосходство Разноперова, бывшаго притомъ и старше, представлялось ему просто законнымъ...

— Чтб я не ѣду? Гмъ... Ты говоришь, я не ѣду?..

И Разноперовъ поперхнулся.

«Плохо!» рѣшилъ Бухторминъ: «это дурной знакъ, — ему чего-нибудь недостаетъ...»

— Ты нибого тамъ не видѣлъ? Гмъ... вхъ... — закашлялся Разноперовъ.

— Гдѣ?

— Тамъ... понимаешь? гмъ... въ прихожей...

— Видѣлъ, какое-то чучело сидитъ на порогѣ...

— Гмъ... на порогѣ? такъ ты говоришь—на порогѣ? гмъ... и сидитъ? ты видѣлъ—сидитъ?

— Сидитъ. Ну, и пусть его сидитъ... а тебѣ-то что?

— Ты понимаешь... гмъ... это, понимаешь, непріятно... ты вѣдь понимаешь, мой другъ?

— Ничего я не понимаю. Чтожъ тутъ непріятнаго? Кто онъ такой?

— Управляющій домоу. Ты понимаешь, я тамъ за квартиру что-то долженъ... вотъ онъ и сидитъ—на порогѣ сидитъ!.. А мнѣ ѣхать надо...

— И побѣжай! А за квартиру заплатишь послѣ...

— Да, да, я и самъ говорю, что заплатить можно послѣ; только онъ говорить, понимаешь?.. Онъ олонецкій мѣщанинъ... говорятъ, даже разстриженный дьячокъ... вотъ онъ и сидитъ на порогѣ, чтобъ я не могъ выйти. Съ нимъ ничего не сдѣлаешь: онъ съ оберъ-полиціймейстеромъ зубъ-за-зубъ...

Бухтормину извѣстно было, что обѣдъ долженствовалъ служить ступенью въ повышеньи Разноперова; что старая и важная графиня имѣла показать его другой графинѣ, еще старѣе, а потому еще важнѣе; что изъ этого должна была произойти командировка въ города и веси по имперіи, а съ нею и возможность проявить его очаровательныя свойства и служебныя способности. И вдругъ все это разбивается о какого-то олонецкаго мѣщанина и разстригу!

— Знаешь что? ты съ нимъ переговоры. Я за тебя поручусь,—предложилъ Бухторминъ нерѣшительно.

Но Разноперовъ уже кинулся въ прихожую, вооруженный всѣми чарами данными ему для такихъ случаевъ.

— Сила Петровичъ! почтеннѣйшій Сила Петровичъ! Чтожъ вы тамъ сидите? Милости просимъ, сюда!.. Понимаете, я васъ желаю познакомить съ моимъ гостемъ... мой гость желаетъ познакомиться съ вами, достойнѣйшій Сила Петровичъ!

— Господину гостю вашему желаю много лѣтъ здравствовать; знакомство же ихнее, по обстоятельствамъ дѣла, не требуется,—отозвался изъ прихожей голосъ, не звучавшій что-то въ этотъ разъ надеждами:—вотъ ежели они по своему благородству уплотить зо мѣсто васъ желаютъ (олончанинъ сильно напиралъ на «о») —съ моимъ великимъ удовольствіемъ.

Разноперовъ поперхнулся.

— Я уплачу... гмъ... я самъ, понимаете, уплачу непремѣнно.

— Вотъ и благоволите уплотить, а иначе вы меня извинить извольте.

И онъ спиною прашеръ дверь, загородивши выходъ.

Положеніе становилось безвыходнымъ буквально. Уходилъ изъ рукъ обѣдъ, а съ нимъ и командировка. Преданное сердце Бухтормина не выдержало.

— Хорошо, я уплачу!—закричалъ онъ, чуть не съ отчаяніемъ:—а ею не держите—онъ ѣхать долженъ!

Принимая это смѣлое рѣшеніе, Бухторминъ зналъ, что платить всѣ послѣднія бумажки, набожно отложенныя на Рубины, фортепьяно, чтеніе нотъ и книгъ, которыя имѣли для него по крайней мѣрѣ столько же значенія, какъ для обжоры—устрицы; что Разноперовъ денегъ не отдастъ,—и все-таки увѣщевалъ себя не знать, что онъ ихъ не отдастъ. Но главное онъ зналъ, что не помочь уѣхать другу—было «подло»! Это слово первымъ, всегда приходитъ молодому чувству и толкаетъ его—въ морпущъ на покрыванье сквернаго повѣсы, въ университетѣ—на подписки или сходки, стоющія иногда карьеры цѣлой жизни, а въ полку—на поединки...

— Въ разсчѣтъ на благородство гостя вашего, извольте,—уступилъ Сила Петровичъ, рыцарски распахивая двери передъ Разноперовымъ, который вылетѣлъ изъ нихъ, какъ выпущенный снигирь изъ клѣтки...

III.

Между тѣмъ попавшій въ клѣтку «благородный гость» не могъ не призадуматься: какъ онъ раздѣляется съ грознымъ управляющимъ? Достанетъ ли еще денегъ? Ну, какъ тотъ потребуетъ больше, чѣмъ у него есть? При одной мысли о такомъ поворѣ онъ уже краснѣлъ... Но даже если и достанетъ,—какже послѣ-то безъ денегъ? Правда, Разноперовъ какъ-нибудь отдастъ, хоть у него ихъ нѣтъ, но онъ отдастъ. Когда ужъ очень надо, у него всегда найдутся деньги... Оттого ему и можно позволять себѣ, чего другимъ нельзя. Вотъ мнѣ бы, напримѣръ, нельзя... Ну какъ—нѣтъ денегъ, а я буду продолжать все дѣлать такъ, какъ будто онѣ у меня есть. Страшно просто и подумать. Вотъ мнѣ ужъ и теперь... (ему подумалось—«страшно», но онъ позволилъ себѣ думать только—«странно»). Нѣтъ, я спрошу его прямо: сколько уплатить? и если много, я признаюсь. Или нѣтъ, пусть онъ самъ платить... Нѣтъ, какъ можно! Ахъ, это ужасно!

И хоть бы выручилъ кто! Истуканъ бы пришелъ! И гдѣ этотъ веселосный старикъ вѣчно запропасться? Вѣдь пропадаетъ опять на какомъ-нибудь Благовѣщенскомъ мосту ¹⁾! Сума сходить уродъ, что понесетъ лѣдъ и мостъ угонить... Ну, не чудовище ли?.. Какъ разъ еще Борисъ Затоновъ будетъ... Онъ общалъ сегодня непременно показаться въ эполетахъ... И меня увидить... посторонній человѣкъ... порядочный человѣкъ... въ такомъ глупомъ положеніи... Нѣтъ, надо поскорѣе кончить!

— Сила Петровичъ! — закричалъ онъ отчаянно: — сколько вамъ денегъ? говорите!

— Семьдесятъ пять рублѣвъ за истекшій мѣсяцъ, да такихъ же за текущій, итого сто пятьдесятъ рублѣвъ въ уплатѣ предстоить, — вотъ сколько-съ, — произнесъ отчетливо и пуще прежняго на «о», управляющій; показываясь въ двери, онъ перекрестился на уголь и крикнулъ.

— Какъ! серебромъ?! — почти взвизгнулъ юноша.

— Осигнаціями, милостивый государь! бумажками. Я русскій человѣкъ — на серебро считать не обученъ.

Считать на серебро не одному Силѣ Петровичу казалось крайнимъ радикализмомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Рубли, тогда еще дѣйствительно серебряные, назывались цѣлевыми, и въ каждомъ было по четыре ассигнаціонныхъ.

Сумма, даже въ русскомъ переложеніи внушительная, а тѣмъ болѣе — наружность управляющаго, бросили въ жаръ Бухтормина, — даже лобъ зардѣлся.

Увидавъ передъ собою эту крѣпкую, точно изъ корня корельской березы вытесанную фигуру, о которую, какъ о чурбанъ, разбились стрѣлы обходительности Разноперова, онъ уразумѣлъ, до какой степени положеніе послѣдняго могло сдѣлаться, а его самого уже и сдѣлалось, безвыходнымъ. Широкая, съ какой-то шишкою на лысинѣ, большая голова; въ здоровыхъ крѣпкихъ складкахъ щеки; зоркіе, мелькающіе подъ рѣдкими бровями, глаза и короткія проворныя движенія, — все, вмѣстѣ съ беспокойными, словно обрубленными и готовыми сейчасъ же дѣйствовать руками, — обличало въ дѣтищѣ олонецкихъ трупобъ упрямство, очевидно способное не отступить и передъ нападеніемъ оберполицімейстера. Ну что же будетъ съ нимъ, простымъ коллежскимъ секретаремъ?

— Послушайте, Сила Петровичъ! — не твердо началъ Бух-

¹⁾ Такъ назывался еще неоткрытый Николаевскій мостъ въ началѣ сороковыхъ годовъ.

торминъ; но въ эту самую минуту загремѣлъ отчаянно и оборвался звонокъ въ прихожей.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! — прошепталъ Сила Петровичъ; Бухторминъ невольно вздрогнулъ.

Такъ только звонятъ люди, у которыхъ или все убило горе, или черезъ край перелило счастье. Когда въ комнату влетѣлъ, распространивъ сіяніе и блескъ, и эполетами съ иголочки, и яснымъ девятнадцатилѣтнимъ лицомъ, и черными счастливыми глазами, и всѣмъ своимъ счастливымъ существомъ, — прапорщикъ, какъ говорится, прямо съ пылу, блаженный, какъ бываютъ только прапорщики съ пылу, — стало ясно, что оборвало звонокъ въ прихожей. Это молодое безшабашное блаженство нанесло такъ много свѣта въ комнату, что озарило даже угрюмаго Силу Петровича. Онъ весь прояснился, выпрямился и покрылся доброю, хорошею улыбкою...

— Затоновъ! — закричалъ Бухторминъ и очутился въ тискахъ юноши, который обнималъ и цѣловалъ его, и хохоталъ отъ восторга. Потомъ онъ кинулся къ Силѣ Петровичу, и, обхвативши его толстый станъ, нѣсколько разъ перевернулъ вокругъ себя, причемъ-было уронилъ на полъ.

— Господину офицеру, Борису Павловичу, много лѣтъ здравствовать! — произнесъ старикъ, укрѣпившись на ногахъ. — Съ монаршей милостью проздравляю! И дядюшку вашего также, — вотъ что-съ!

Кромѣ дома, гдѣ жилъ Разноперовъ, Сила Петровичъ управлялъ еще и домомъ дяди Затонова, того самаго Федосья Федосѣича, у котораго служили Бухторминъ и Эвигъ.

— А знаете вы, Сила Петровичъ, что оберъ-полиціймейстеръ жаловался на васъ дядѣ? Хотѣлъ выслать изъ столицы, — «за отерытое, говорить, неповиновеніе законнымъ властямъ». Да ужъ дядя поручился, что это вы по глупости... Вы не обижайтесь, — онъ говорить, иначе нельзя было...

— Нечего мнѣ на его превосходительство вашего дядюшку, Борисъ-Павловичъ, обижаться. Умный онъ мужикъ, и я долженъ волѣнопреклоненно ему благодарность принести — вотъ что-съ!

Бухторминъ тѣмъ временемъ исподтишка пересчитывалъ свою казну, и это занятіе не придавало блѣдности его лбу. Должно быть, положеніе не становилось умнѣе.

— Чтѣ вы тамъ дѣлаете, Бухторминъ? Вы какой-то невеселый! Чтѣ съ вами? — приставалъ Затоновъ.

— Нѣтъ, ничего. Это я Силѣ Петровичу деньги готовлю.

— Какія? за кого? за Разноперова? Ха-ха-ха! Узнаю! ха-ха-ха! гостепріимный хозяинъ!.. «Понимаешь, у меня денегъ что-то нѣтъ», — передразнилъ онъ Разноперова.

— Это бы ничего—онъ отдастъ. Да только вотъ досада: у меня нѣтъ, сколько надо...

— И отлично! Такъ возьмите у меня! Мнѣ дядя сейчасъ цѣлый слоенный пирожекъ синенькихъ поднесъ... Обнялись, поцѣловались—этого я ожидалъ—ну, а пирожка, признаться, ужъ не ожидалъ. Берите сколько надо. Да смотрите—непремѣнно!

Пирожокъ шлепнулся на столъ, а онъ перевернулся на одной ногѣ и другою очертилъ кругъ, какъ циркулемъ,—это вышло весело (вообще, что онъ ни дѣлалъ, выходило весело, потому что въ немъ самомъ веселье било ключомъ); затѣмъ подошелъ къ зеркалу, взглянулъ на эполеты—прелесть! посмотрѣлъ на волосы, которые густой волной чернѣли надъ красивымъ лбомъ и, попирая самые священные законы формы, опускались низко по обѣимъ сторонамъ лица: и это хорошо! опасно, только хорошо, и перемѣнить нельзя! Еще разъ очертилъ кругъ, ухнулъ и наконецъ сѣлъ. А Бухторминъ смущенно отобралъ нѣсколько бумажекъ, остальные возвратилъ, и не выдержалъ—поцѣловалъ его въ затылокъ.

— Только, знайте, душенька, не раньше мѣсяца,—раньше отдать не могу. Какъ только пришлетъ отецъ... черезъ мѣсяцъ... въ два часа я получу на почтѣ, и тотчасъ къ вамъ...

— Господи, какая точность. Неужто мой братъ вамъ позволялъ это? Да перестаньте вы! какъ вамъ не стыдно? я на васъ сердитъ...

Но сердце тутъ же вылилось веселымъ смѣхомъ. Онъ изъ всей силы сжалъ и расцѣловалъ пріятеля.

— А вы послушайте!—вдругъ обратился онъ къ Силѣ Петровичу, успѣвшему уже потерять часть освѣщенія:—вамъ платятъ, только съ уговоромъ: вы расскажете, какъ отрывали неповиновеніе законнымъ властямъ... Слышите? непремѣнно, иначе не допускается...

Сила Петровичъ освѣтился снова,—ему видимо пріятно было напоминаніе о подвигахъ у оберъ-полиціймейстера; но рассказалъ не прежде, какъ пересчитавъ пронзительнѣйшимъ шепотомъ нѣсколько разъ бумажки и распыливъ каждую на свѣтъ.

— А ужъ теперь, выходитъ, надо розсказать? Инъ, быть по вашему, извольте, розскажу, какъ это господинъ оберполицімейстеръ меня, простого человѣка, изобидѣть захотѣлъ. Да лихъ, не на такого напалъ—кончено!

Онъ побѣдоносно краёнуль, передернуль лацканы и отступилъ въ стѣнѣ.

— Вхожу я этакимъ манеромъ въ концерялію (онъ показаль, какимъ манеромъ входитъ). А ужъ самъ тутъ. Розбираеть. Ладно. Жалуется, видите, жиличка, кульерна, зачѣмъ въ горницахъ окошки повывставлялъ зимою. Хорошо. А она, подлець ты этакой, жить-то живеть, а за квартиру не платитъ, да еще фуртупьянъ держитъ. Въ ея званіи такъ даже закономъ воспрещается. Ладно—хорошо-съ. Вошелъ, стою. Подходить ко мнѣ оберполицимѣстеръ.—«Это, говоритъ, чтѣ за чучело?» А я, надо вамъ сказать, содержу себя постоянно въ исправности, одѣжа, какъ видите, на мнѣ хорошая (при этомъ, онъ повернуль себя со всѣхъ сторонъ, обнаруживъ зеленые рукава и спинку, выкроенные изъ полъ одного сюртука и приставленные къ синимъ поламъ другого: одѣжа вышла пѣгая). Отлично! Вотъ я и говорю: «меня, ваше превосходительство, говорю, вовуть не чучелой, а Силою Петровымъ, и есмь я олонецкій мѣщанинъ». Тутъ онъ какъ подскочитъ ко мнѣ:—«ахъ, ты, кричить, такой-сякой!» да сигаркою... курилъ сигарку... прямо меня—тыкъ въ самое рыло.—«Позвольте, говорю, мѣсто сіе чистоты требуетъ!» Завернуль полу и оберся (онъ завертываетъ полу и обтирается). «Кововъ каналия?» кричить,—а самъ глазами кругомъ себя водить, озирается. Тутъ прислужиться кто-то захотѣлъ:—«Да онъ, ваше превосходительство, дьячокъ-розстрига» — говорятъ (эти слова Сила Петровичъ произнесъ дискантомъ). «Ро-бз-стри-гъ?... говорю,—я розстрига! Кто видѣлъ какъ меня розстригали! Кто видѣлъ какъ меня розстригали, выходи впередъ!»—«Это онъ, ваше превосходительство (опять дискантъ) кулёршу-то морозилъ, окна вынималъ...»

«Кто позволилъ?» приступаетъ оберполицимѣстеръ: «кто разрѣшилъ? а?»—Законъ,—говорю. «Какой законъ?»—Россійской Имперіи, говорю; ибо и закономъ воспрещается низкимъ людямъ фуртупьянъ держать...—Такъ даже разсмѣялся, ей-Богу! Видитъ, ничего со мною подѣлать нельзя, ну и разсмѣялся.—«Помешъ вонъ!!» говорить. — Съ моимъ, говорю, превеликимъ удовольствіемъ! повернулся, и былъ таковъ!

Воспоминанья ожили въ Силѣ Петровичѣ съ такою силою, что онъ встряхнулся всею своею коротенькою фигуркою, какъ дворняга, оттрепавшая породистаго пса.

— Это хорошо, что вы не дали себя въ обиду оберъ-полицимѣстеру, — сказалъ Бухторминъ, — но не хорошо, что вы обижаете Разноперова: онъ такой славный, ласковый...

— Одно слово — Сахаръ Медовичъ, да и конецъ — нашъ Олександръ Олександровичъ! Только ужъ я до пѣтокъ не пѣдоуъ, — съострилъ управляющій. — У меня есть тутъ жиличка такая-же: фить-фить подоломъ, а сама — пордонъ-мордонъ! «Нѣтъ, братъ, говорю, меня этими пордонами не проберешь!» — Вы къ кому другому, говорю, сударыня, съ сими пордонами подвертаться. благоволите, любкой-то кого другого заматайте; а мнѣ денежки выньте да подайте, — вотъ что! — Охъ, не одобряю, страсть, я женской половины рода: самая ненужная нація!

Тутъ смѣхъ, до сихъ поръ сдержанный какимъ-то цѣломудреннымъ чувствомъ молодости, наконецъ прорвался сокрушительнымъ потокомъ. Стояло Затонову взглянуть на Бухтормина, чтобъ тотчасъ же обоимъ покатыться. Хорошо покатывался Бухторминъ, — даже смотрѣть было пріятно. Мало кто умѣетъ такъ смѣяться и такъ ѣсть, чтобъ смотрѣть было пріятно.

— Ахъ, Сила Петровичъ! ха-ха-ха! — голосилъ Затоновъ, — ха-ха-ха! ой-ой-ой! Да какой же вы уморительный!..

— Вы миллионноуъ стоите, Сила Петровичъ! — стоналъ, отирая слезы, Бухторминъ.

Это въ свою очередь показалось такъ уморительно Силѣ Петровичу, что и его устойчивое туловище зашаталось отъ смѣха.

— Кабы по вашей-то оцѣнкѣ, — такъ сейчасъ вести бы меня на конную, — большія бы деньги взялъ за себя! Кончено бы на шльцовъ-то ходить: на звѣря да на птицу пошелъ бы, — въ своей бы сторонѣ птицеводствомъ да звѣроловствомъ тѣшиться сталъ, вотъ что! Только лихъ, коню копыта обломаны: вся-то и цѣна мнѣ-тутъ вотъ тридцать въ мѣсяцъ на осигнаціи, да у нихъ лядушки — двадцать пять... и горенка въ ихнемъ же домѣ готовая, — какъ можно-съ, готовая! и съ плиткою, совсѣмъ какъ слѣдуетъ быть... А за симъ, — присовокупилъ онъ, уже серьезно: — пожелавъ вамъ много лѣтъ здравствовать — отвѣсилъ каждому поклонъ и крѣпкимъ топотомъ вышелъ.

— Охъ, да какъ же послѣ этого ѣсть хочется! — спохватился вдругъ Затоновъ: — ну, идемте къ Излеру!

Ѣсть Бухтормину хотѣлось и до этого; но Излеръ значилъ полтора цѣловыхъ, а до двухъ часовъ на почтѣ оставался мѣсяцъ... Онъ солгалъ, что ужъ обѣдалъ.

— Для меня сегодня пообѣдайте два раза! — приставалъ Затоновъ: — Мы должны сегодня провести вечеръ вмѣстѣ. Теперь обѣдать, а тамъ въ оперу!

И затянулъ: — Allons enfants de la patrie!

— Въ оперу тоже не могу — у меня нѣтъ билета, — отказы-

вался Бухторминъ и досадовалъ, что долженъ отказываться. Ему такъ бы хотѣлось на все соглашаться; подхватить: «le jour de gloire est arrivé!» — а тутъ въ ушахъ звенить: «полтора цѣлювыхъ! полтора цѣлювыхъ!» Боже! какъ же это глупо!..

— И билетъ есть, и все!—рѣшилъ Затионовъ. Я взялъ для себя и для Разноперова. Только онъ не стѣбитъ. Пусть его обѣдаетъ у своихъ старухъ. Потомъ онѣ его заставятъ эфимонъ пѣть.

— Глупости вы говорите! Никакихъ теперь эфимоновъ нѣтъ.

— Ну, такъ каноны есть. Ужъ что-нибудь да есть всегда. Они найдутъ! У нихъ, говорятъ, какъ только обѣдъ кончится, такъ гости и начнутъ—кто за дьякона, кто за дьячка. Право...

Бухторминъ былъ набоженъ; онъ не любилъ шутить надъ этими вещами; но какъ ни старался, а не улыбнуться не могъ.

— Оставьте ихъ въ покоѣ!—проворчалъ онъ скороговоркою, чтобъ не позатиться.

— И то правда! Они пусть ихъ тамъ свои каноны или что хотятъ поютъ; а вѣдь намъ Люцію,—слышите вы это, — намъ Люцію будутъ пѣть! Рубини! Віардо!.. и мы рядомъ въ креслахъ! И я въ первый разъ въ креслахъ! Только съ условіемъ: и обѣдъ, и кресло—мой! Вѣдь день сегодня — мой! весь мой! Слышите? или я уже въ самомъ дѣлѣ разсержусь!

— Le jour de gloire est arrivé!—затянулъ онъ, увлекаая Бухтормина.

— «Инѣ, быть по вашему!»—передразнилъ тотъ Силу Петровича.

— Прелестный Сила Петровичъ!

И оба, размѣявшись, вышли.

IV.

День былъ, въ самомъ дѣлѣ, весь Затионова. Все точно для того только существовало, чтобы его замѣчать, предупреждать его желанія: солдаты передъ офицеромъ то-и-дѣло опрокидывались и цѣпенѣли (а вчера онъ самъ опрокидывался и цѣпенѣлъ передъ офицерами!); женщины оглядывались на хорошенькаго прапорщика; у входа въ ресторанъ Излера, куда онъ заходилъ еще кадетомъ лакомиться знаменитыми въ то время растегаями «со вздохомъ» и «алѣ Тальони»,—швейцаръ его называлъ «вашимъ благородіемъ», и самъ буфетчикъ велѣлъ отвезти комнату, «для господина офицера»; нѣсколько кадетъ, смиренно лакомив-

шихся растегаями на томъ же мѣстѣ, гдѣ и онъ когда-то лакомился, вытянулись передъ нимъ, какъ и онъ вытягивался... Это чуть-чуть даже смутило, но пріятно... Вообще много было пріятнаго на каждомъ шагѣ въ этотъ день...

«Хорошо на свѣтѣ! ахъ, какъ хорошо!» думалось Борису. «Можетъ ли быть еще лучше?»

Обѣдъ былъ обыкновенный—по цѣнѣ, которой убоился Бухторинъ, съ порядочно-таки жѣгшей горло рюмкою мадеры; но онъ показался лучше всѣхъ когда-нибудь ими сѣдненныхъ обѣдовъ. Подъ-конецъ Затоновъ вспомнилъ, что вѣдь надо бы шампанскаго, чтобы вспрыснуть эпoletы; но его пріятель закричалъ, что это надо предоставить вирассирамъ, а его эпoletы обойдутся и безъ вспрыскиванья. Такъ они и не были вспрыснуты. Юноши наши вообще предоставляли равнодушно всякому желающему чары дорогого ресторана, и, жуя сочную котлетку, или чувствуя какъ таяло во рту мороженое,—не пускались въ соображенія о томъ: алѣ-это, или алѣ-что это было; знали только, что оно вкусно, и что подъ это вкусное пріятно толковать о статьяхъ Бѣлинскаго, о «Думѣ» Лермонтова, «ударившей по сердцамъ съ невѣдомою силой»; вспоминать и рассказывать... Разсказали каждый о любимой матери, причемъ глаза Затонова увлажнились. Она не дождала, чтобъ съ ними дѣлить эту радость!.. Даже пролетѣлъ такъ-называемый тихій ангелъ, и въ ликующей симфоніи дня прозвучала плачущая нота... Прапорщикъ пересталъ быть прапорщикомъ; вспомнилъ, какъ онъ тосковалъ кадетомъ, въ доказательство чего прочелъ свои элегіи... Пріятель нашелъ, разумѣется, элегіи восхитительными, потому что ихъ авторъ былъ восхитителемъ... Не зная какъ, они ужъ перешли на *ты*.

Такіе «ты» являются вдругъ, какъ цвѣты весною. Переимѣняются и направленія, и положеніе въ обществѣ; будутъ новыя встрѣчи; многое уйдетъ и не воротится,—только это «ты» останется...

Разговорились о Мишелѣ. Послѣ матери онъ отдался университету—сдѣлался «дитатей университета», какъ бывають дѣти полковъ. Его честолюбіе—сдѣлаться профессоромъ этого университета. Но дядя говорить, что онъ обязанъ сдѣлаться какии-то тамъ «звеномъ», то-есть чиновникомъ, — а профессоръ—не звено... Выпили по чашкѣ кофе, и уже Борисъ сказалъ: «ну, а потихоньку и въ Большой театр!» — какъ вдругъ шумно ввалился рыхлый, мягкій и совсѣмъ бѣлый, какъ

папушникъ, человѣкъ, съ салфеткою за галстукомъ, въ жилетѣ на распахну и съ боваломъ шампанскаго въ рукѣ.

— Борисъ! Бора! Боринька! Бѣринечка!! душечка! миласечка! болталъ онъ, держа прямо на него, но постоянно сбиваясь въ сторону. Свѣтлые, почти бѣлые глаза, изъ-за золотыхъ очковъ, глядѣли невообразимо добродушно и вмѣстѣ такъ немогуще-слабо, какъ будто ихъ что-то заволакивало и заслоняло передъ ними предметы. Наконецъ, толстая достигъ-таки Затонова, — благодаря тому, что тотъ пошелъ ему на встрѣчу, — обнялъ и облилъ шампанскимъ.

— Милый Степанычъ! какъ это вы меня отерли?

— Боринька, другъ мой! радость моя! какъ же не отереть? я тутъ рядомъ... обѣдаемъ... знаешь, все добрые знакомые... иногда нельзя же... флаконъ другой распечатать — и «съ подъѣздомъ» (при этомъ онъ себя потрепалъ по животу коротенькою бѣлою и пухлою рукою)... Вотъ меня эти каналы-лакеи и знаютъ... (Польщенные каналы признательно ослаблись.) Ну, знаютъ, что я интересуюсь... люблю, ты знаешь, вспрыснуть монаршую милость... я иной разъ и чужому вспрысну: лестно, вѣдь, голубчикъ Боринька, первому поздравить, пріятно... А потомъ я и запишу, знаешь, супъ о-шу запишу (тутъ онъ разсмѣялся, какъ ребенокъ), — и запишу, что такой-то вотъ пожалованъ такого-то числа. Мнѣ это интересно, ты знаешь... Ну а ужъ коли это ты!.. Эй!! вы! уроды! обратился онъ къ лакеямъ: вы что смотрите? Шам-панскаго!!! бутылку! двѣ бутылки! полдюжины, чортъ возьми!!! Борю офицеромъ дождался! ай-да Боринька! ай-да миленькій!! красавчикъ-то какой, Господи!

Онъ цѣловалъ, гладилъ Затонова, какъ вынянчившая дитя мамка.

Это былъ день забавныхъ встрѣчъ. Затоновъ взглянулъ снова на пріятеля, тотъ на него — и смѣха удержать снова не было силъ. Вызвавшій смѣхъ смѣялся самъ чуть ли не больше ихъ. Казалось, и ему понятно было, что явился онъ на свѣтъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда природа производитъ чудаконъ. Все, начиная отъ наружности Милія Степаныча, гораздо менѣе похожей на мужскую, чѣмъ на бабью, съ мягкими бѣлесоватыми волосами и бровями, до послѣдняго движенія и походки — такой, какъ будто онъ былъ весь резинковый — его привычки, вкусы, — все было смѣшное. Отъ отца, который не давалъ ему копѣйки, онъ наслѣдовалъ такъ много денегъ, что не зналъ, какъ съ ними справиться. Завелъ отличныхъ лошадей, но боялся ихъ до смерти и платилъ исправно

сторожившимъ его лихачамъ по красненькой за сто шаговъ до Излера; цѣною тысячъ рублей, уплачиваемыхъ ежегодно на пріюты, добылъ уморительный чинъ провинціального секретаря; не пламенѣя даже честолюбіемъ губернскаго, жилъ честолюбіемъ людей, которые хватали звѣзды; зналъ безупречно сровн ихъ хватаній, и изъ-ряду выходящими гордился; слишкомъ продолжительныя повѣрять со вздохомъ; но со всѣми вообще носился, огорчаясь или радуясь за людей, которыхъ никогда и въ глаза не видѣлъ. Жизнь человѣческая представлялась ему рядомъ сроковъ полученія, въ установленномъ порядкѣ, награды, а смерть — досаднымъ нарушеніемъ этого порядка. Умеръ генералъ. — «Жаль! сокрушается Милій Степанычъ: ему Владиміръ 2-й степени слѣдовалъ!» За то возникни только споръ: на Пасху или къ новому году тайный совѣтникъ Билиндрасовъ получилъ Бѣлаго орла? старше или моложе производствомъ генералъ Врюховецкій генерала фонъ-деръ-Бауха, — тутъ авторитетъ Милія Степаныча рѣшалъ одинъ. Самъ Ѳеодосій Ѳеодосичъ передъ нимъ преклонялся.

— Ну, ужъ если ты говоришь! — уступалъ онъ, и споръ не шелъ далѣе...

Поилъ онъ и кормилъ всякаго, кто подвернется; скорбѣлъ о неподвертывавшихся и почиталъ врагами тѣхъ, кто не бралъ займы денегъ. — «Отдадите когда нибудь!» уговаривалъ онъ — и деньги у него брали, но никогда не отдавали. Правда, навязывали какія-то росписки, отъ которыхъ распухалъ его бумажникъ, и которыя въ его глазахъ давали ему видъ какъ будто дѣловаго человѣка... Собственно для этого онъ ихъ и бралъ и никогда не разставался съ ними...

— Милій Степанычъ Капотовъ, мой... родственникъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Милаго Степаныча, — отрекомендовалъ Борисъ; — попъ нарочно поберегъ для него самаго милаго святого... А это Бухторминъ, мой пріятель... и коллежскій секретарь! — прибавилъ онъ таинственно.

Капотовъ оцѣнилъ чинъ, привинувши его къ военному, и попытался застегнуться передъ такимъ молодымъ штабсъ-капитаномъ; но пальцы не послушались, и изъ этого ничего не вышло.

«Уроды» подали шампанское.

— Это значить, — замѣтилъ Затоновъ, — что и у насъ начинается «съ подѣздомъ».

— Съ подѣздомъ, душенька, съ подѣздомъ! — обрадовался Милій Степанычъ и забарабанилъ по животу.

«Съ подъѣдомъ», на языкѣ Милія Степаныча, означало: съ весельемъ, съ кутежомъ; но еще чаще это выражало посѣщеніе извѣстнаго въ то время учрежденія нѣкоторой Софьи Оедоровны—просто Софьи Оедоровны: называть такіа знаменитости по ихъ фамиліи столько же излишне, сколько прибавлять «господинъ» къ Шекспиру или Гёте.

Началось вспрыскиванье эпюлетъ. И надо было видѣть то значеніе, какое придавалъ «родственникъ» Затонова этому таинству вспрыскиванья, то благодушіе, какии сопровождалось съ его стороны посвященіе молодыхъ людей въ науку «распечатыванія флаконовъ», то наслажденіе, какое онъ испытывалъ отъ первыхъ робкихъ ихъ шаговъ на этомъ поприщѣ,—чтобы простить какой-нибудь десятокъ выпитыхъ обоими бокаловъ, чуть не по принужденію сначала, а затѣмъ ужъ просто по физическому закону притяженія капельножидкихъ тѣлъ. Однако, молодые головы ихъ помутились, щеки запыхали, и они поднявшись на ноги, узнали, что земли и въ самомъ дѣлѣ можно подъ собой не слышать. Надо было разобидѣть Милія Степаныча, чтобы вырваться скорѣй на вольный воздухъ и хоть какъ-нибудь да сдѣлать себя годными для оперы. Капотову казалось нарушеніемъ самыхъ простыхъ приличій то, что они прямо отъ Излера не ѣдутъ къ Софьѣ Оедоровнѣ, оставаясь безъ полнаго «подъѣзда» въ такой день, который цѣликомъ долженствовалъ-бы быть «съ подъѣдомъ!» Онъ стоялъ посреди корридора, объясняя проходившимъ мимо, какъ знакомымъ, такъ и незнакомымъ посѣтителамъ, даже лакеямъ, которые пробѣгали стремглавъ съ бутылками въ салфеткахъ,—все значеніе событія: производства Бори въ офицеры; горько жаловался на воздержность молодежи; прослонялся часъ, другой по комнатамъ, болтая всякій вздоръ и угощая встрѣчнаго и поперечнаго шампанскимъ. Только поздней ночью подхватилъ его лихачъ и свезъ, не спрашивая, прямо къ Софьѣ Оедоровнѣ. Здѣсь, какъ патріархъ сборной семьи, сядившейся за ужинъ, онъ былъ встрѣченъ и посаженъ на почетномъ мѣстѣ и, обиженный у Излера, обрѣлъ успокоеніе подъ этимъ истинно-гостепріимнымъ кровомъ...

А молодежь наша на улицѣ почувствовала себя, отъ потока свѣжаго вечерняго воздуха, сразу совсѣмъ свѣрсно: подъ ногами троттуаръ описывалъ круги, дома раскланивались, извозчики двоились... просто ни на что не похоже!.. Солдаты и кадеты уже не опрокидывались, но кувыркались передъ Затоновымъ, и такъ-же какъ ихъ эволюціи пріятны были утромъ, такъ теперъ стыдили и сердили. Онъ увѣренъ былъ, что они нарочно

не даютъ ему проходу, потому что видятъ, что онъ пьянъ... Какой-то генералъ, передъ которымъ онъ спустилъ шинель съ плеча, какъ это дѣлалось тогда, и приложился къ шляпѣ, по-смотрѣлъ съ уворомъ... Можетъ, этого и не было, но онъ чувствовалъ, что это должно было быть, и все потому, что онъ пьянъ... И какая это гадость! И какъ онъ войдетъ въ партеръ въ первый разъ пьяный? И зачѣмъ этотъ противный Милій Степанычъ имъ попался на пути? У нихъ такъ хорошо все шло, и они такъ отлично кончили-бы день въ оперѣ. И вдругъ...

Бухторминъ былъ сосредоточенъ и молчалъ. Онъ совѣстился смотрѣть на Затонова; Затонову стыдно было смотрѣть на Бухтормина. Мало-по-малу, однако, сильный вѣтеръ, дувшій разомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ умѣетъ дуть только петербургскій вѣтеръ,—началъ освѣжать ихъ, и когда пріятели достигли Театральной площади, то почувствовали уже совершенно ясно землю подъ собою. Это такъ обрадовало ихъ, какъ будто бы утраченная невинность была возвращена имъ снова. Осмотрѣвъ другъ друга, они бодро распахнули тяжеловѣсную входную дверь театра...

V.

У Разноперова обѣдъ прошелъ совсѣмъ иначе. Домъ графини, важной и старой, былъ тоже старъ и важенъ; съ церковью, и самъ похожъ былъ болѣе на церковь, чѣмъ на домъ. Все было съ поволокою, которая отъ времени успѣла потускнѣть; штофъ на стѣнахъ обширныхъ залъ темнѣлъ слѣдами праздничныхъ лампадокъ по угламъ; лакеи, въ башмакахъ, беззвучно двигались, какъ тѣни съ того свѣта; беззвучно проходили гости толами ковровъ, стараясь тишиною разговоровъ и движеній попадать въ общій тонъ установившейся здѣсь тишины. Тутъ и говорилось-то немного; но что говорилось, было, — говорившіе въ томъ не сомнѣвались,—полно значенія. Здѣсь осуждали даже, такъ сказать, прощая, какъ завѣщалъ Христосъ; скорбѣли, не кара; возносили очи горѣ о заблудившихся, не острили на ихъ счетъ (Боже упаси!), но никли головами и вздыхали... А заблудившимися были всѣ, или почти всѣ, не ищущіе счастья подходить къ ручей старой графини, тонуть въ ея коврахъ и никнуть головами въ разговорахъ... Послѣдній громкій звукъ голоса ушелъ изъ стѣнъ этого дома, вмѣстѣ съ послѣднимъ вышедшимъ настеровымъ. Все, и самое время, здѣсь остановилось. Многочи-

сленные часы силой въ звонѣ одни напоминали, что оно должно идти, и идетъ гдѣ-то, но куда только даетъ знать объ этомъ...

Обѣдъ былъ, разумеется, по дому: чинный и необычайно длинный,—скромный для всѣхъ, постный для немногихъ—для отрѣшившихся отъ свѣта и его тщеты подвижниковъ, обыкновенно лысыхъ, и которые развоятъ свое отрѣшеніе по гостиннымъ, въ назиданіе и удивленіе погрязшихъ. Людямъ, недостигшимъ лысинъ, открывало доступъ на обѣды только засвидѣтельствовавшее подвижниками благочестіе, превосходящее всякую мѣру, какъ-то: говѣніе во всѣ посты, постная пища по средамъ и пятницамъ, хожденіе къ заутренѣ и тому подобное. Разноперовъ, правда, не продѣлывалъ и половины всего этого, но за него ручались архіереи, а остальное долженствовало прійти само собою; словомъ, благочестію его былъ открытъ кредитъ, и не напрасно. Въ этотъ разъ, сидя рядомъ съ подвижникомъ, который хоть и носилъ имя нѣмецкое, Гимлишъ, а лицо имѣлъ сатира, но считался святымъ челоуѣкомъ и столпомъ благочестія,—Разноперовъ добровольно предпочелъ скромному столу постный. Это не прошло незамѣченнымъ: старая графиня сдѣлала глазами знакъ той, которая была еще старѣе, и обѣ одобрительно взглянули въ его сторону. Послѣ обѣда всѣ крестились, и Разноперовъ тоже; столпы шептали молитвы, и Разноперовъ попробовалъ — пошепталъ... Вечеромъ, если не совсѣмъ такъ, какъ говорилъ Борисъ, однако, въ томъ же родѣ, всѣ приглашены были къ вечернѣ, и нѣмецкій святой, съ искусствомъ лучшаго дьячка, прочелъ какое-то «шестипсалмье»; прочіе подтягивали крѣпостнымъ пѣвчимъ. Затѣмъ подали чай, и въ 10 часовъ всѣ разошлись такъ же неслышно, какъ и сошлись, по-очередно приложась къ ручкѣ графини. Во весь благочестивый вечеръ, ради только командировки Разноперова, и былъ допущенъ суетный разговоръ, да и то не вполне суетный, потому что онъ касался епархій: образцовый молодой чиновникъ долженъ былъ объѣхать старыя епархіи и привести ихъ въ образцовый видъ.—«Nos батюшки,—замѣтили старухи,—demandent à être secoués,—doucement, mais secoués».

Очаровательный «Сахаръ Медовичъ» одинъ способенъ былъ произвестъ съ успѣхомъ эту осторожную встряску «батюшкамъ».

Святой нѣмецъ, соблазнившій новичка грибами, вышелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ имѣлъ привычку посвящать на сонъ грядущій полчаса прогулкѣ по Невскому, — «для созерцанія», какъ выражался, «всемоущества Божія въ мерцающей ночи». Пошли. «Мерцающая ночь» успѣла выпустить на тротуары вереницы

гнать преувеличенно-румяныхъ женщинъ, для которыхъ жизнь только и начинается съ «мерцаньемъ»...

— «Дѣдушка! а дѣдушка! пойдемъ со мной!» то-и-дѣло приглашали онъ «соверщающаго» старца. Но онъ цѣломудренно «нималъ свое десное око», внутренне досадуя на Разноперова, который началъ понимать и самъ, что его присутствіе излишне... Надо было поправиться. Онъ и поправился: вдругъ вспомнилъ, что ему необходимо повернуть совѣтъ въ другую сторону, и сталъ прощаться; Гимлишъ, впрочемъ, тоже былъ не промахъ: отнесявшись на сей разъ отъ соверщанья, повернулъ за нимъ.

— Вы, Александръ Александровичъ, меня извините; но я въ васъ принимаю участіе, — заговорилъ онъ медовымъ голосомъ, — въ ваши молодые лѣта соблазны міра окружаютъ васъ. Домашній кровъ не служитъ спасеніемъ, доколѣ онъ не укрѣпленъ силою великаго таинства брака. Есть дѣвицы — ихъ крайне мало, — воспитанныя въ благочестіи. Я одну такую знаю... И состояніе прекрасное, въ рязанской губерніи, въ черноземной волости... Сколь ни суетны мысли эти, но человѣчеству обреченному суетной жизни въ юдоли земной... словомъ, я бы вамъ предложилъ познакомиться. Она посѣщаетъ, съ достойнѣйшею мгушкой своею, приходскую церковь — соборъ Пресвятыя Троицы, конечно, изволите знать?.. Буде угодно, въ воскресенье, послѣ крестнаго цѣлованія, я васъ познакомяю...

Александръ Александровичу оставалось только поблагодарить. Онъ о женитьбѣ никогда собственно не думалъ; но отчего-жъ и не жениться? Дѣла не предвидѣлось покуда никакого. Командировка кончится, а тамъ, пожалуй, можно и женитьбою заняться.

На прощанье онъ узналъ, что онъ и Гимлишъ — братья... «о Христѣ», — прибавилъ тотъ, осканивъ бѣлые свои вставные зубы.

VI.

Не такъ окончился вечеръ Затонова. Сначала, первое вступленіе въ партеръ доставило то чувство полного удовлетворенія, которое онъ такъ давно дѣлалъ въ помыслахъ. Онъ шелъ и мѣлалъ, что за нимъ слѣдили стекла маленькихъ биноклей, направляемые маленькими ручками изъ ложъ... Ему какъ будто было нѣсколько неловко, но опять-таки — пріятно. Онъ не посмѣивалъ отъ нихъ укрыться, онъ охотно находилъ причину замедлять свой шагъ: то рядъ былъ не его, то ноги не давали

проходить. Онъ ихъ переступалъ, и зналъ, что въ правѣ это дѣлать: онъ такой же офицеръ, такой же полноправный членъ партера, какъ и тѣ, которые протягивали ноги... Послѣ куртки это было все дѣйствительно пріятно. Сбѣвши въ рядъ, пріятно было протереть уже отлично вытертыя прежде стекла театальной трубки (она сегодня только была подарена теткой) и обвести ею ложи, — изъ партера онъ ихъ никогда еще не видѣлъ. Но пріятность, на которую онъ и не рассчитывалъ, была всѣхъ лучше: зрительныя стекла, въ полукругѣ бель-этажа, вдругъ остановились на знакомомъ, юномъ, непохожемъ вовсе на другихъ лицѣхъ — сегодня какъ и онъ вступавшемъ въ свѣтъ, — лицѣ вчерашней институтки — блѣдномъ, — не поблекшемъ, какъ балльные цвѣты, но блѣдномъ, какъ нарцисъ, раскрывшійся въ тѣни, еще недоумѣвающимъ и робкомъ, радующемся по-дѣтски и оглядывающемся не по-женски... То была недавно выпущенная институтка, сверстница его кузины, Зеленецкая. Форменная, сперва зеленая, потомъ коричневая ея юпочка, въ приемной института, и высокій, съ каждымъ воскресеньемъ складывавшійся лучше и стройнѣе, станъ; густая русая коса и каріе внимательныя къ его чернымъ глазамъ глазки; шепотъ институтокъ, угадывшихъ тайну «обожанья» Маши Зеленецкой... Маша краснѣющая, и онъ самъ краснѣвшій: въ этомъ состоялъ романъ нонука. А романъ рѣшенъ былъ цѣлымъ классомъ, въ немъ онъ самъ не очень сомнѣвался. Послѣ выпуска, гдѣ Маша царствовала въ пѣніи и въ танцахъ, и была всѣхъ выше цѣлой головою и стройнѣе, — уже не сомнѣвался вовсе. Обнаженные для всѣхъ ея дѣвичьи руки, плечи и лебяжьи грудь изъ ложи бель-этажа подсказали окончательно то, чего не договаривалъ онъ прежде: «я въ тебя влюбленъ, Маша!»

Эполеты съ своей стороны не лучше поступили съ Машею: она зардѣлась съ ушами вмѣстѣ — такъ зардѣться можетъ только «обожаящая» институтка — и не отрывалась отъ нихъ... Недремлющее око матери одно способно было водворить порядокъ и вернуть всю требуемую первымъ выѣздомъ невинность поведенія невинной дочери.

— Мари!

Исторгнутый изъ самой глубины нарушеннаго чувства приличія, вопль этотъ разомъ обратилъ каріе глаза на сцену, куда за ними перешли и черныя.

Тамъ Эдгаръ прощался съ обожасмой Лючіей, и Рубини допѣлывалъ послѣднія слова дуэта, тѣя еле-слышиною, но всѣми слышимую ноту... Віардо ворковала и дробилась трелями... Театръ

весь замерь... И вдруг ожилъ, заревѣлъ. Борисъ забылъ про Машу Зеленецкую, кричалъ, хлопалъ, стучалъ ногами... Передъ нимъ какой-то человѣкъ, — только потому не обезьяна, что одѣтъ былъ человѣкомъ, — завертѣлся не по-человѣчески на креслѣ, замахалъ руками, закричалъ: «такъ пѣть нельзя! да развѣ такъ пѣть можно?!» и опрокинулся лицомъ на спинку. Вслѣдъ за тѣмъ онъ набросился на двухъ безвинныхъ нѣмцевъ и потребовалъ, чтобъ тутъ же, не сходя съ мѣста, одинъ такъ написалъ, какъ Доницетти, а другой — пропѣлъ точь-въ-точь, какъ пѣлъ Рубини... Нѣмцы растерялись и не знали, что имъ дѣлать? Свѣжіе восторги нашихъ молодыхъ людей не ускользнули отъ неистоваго меломана, — и хотъ онъ ихъ видѣлъ въ первый разъ, но обратился прямо какъ къ знакомымъ, по-французски, такъ же чисто, какъ недавно распѣкъ чисто нѣмцевъ по-нѣмцки.

— Это я называю пѣть! — кричалъ онъ, не стѣсняясь, точно былъ у себя дома: — Вы дождитесь: *hai tradito il cielo!*.. (Это онъ даже пропѣлъ).

— Удивительно! Но вѣдь и Віардо прелестъ!..

— Везувій-барыня! огнедышцѣй, *messieurs!* — произнесъ приговоръ незнакомецъ. — А сколько въ ней того, что мы, турки, называемъ: *birgiol?*

Почему потребовалось итальянцевъ перекрестить въ турокъ — было не извѣстно, такъ же какъ и то: турокъ онъ самъ, или итальянецъ?

Начался антрактъ. Поднялись съ мѣстъ; шумѣли, вызывали, выходили и толкались... Обезьяна-человѣкъ сталъ въ проходѣ и производилъ смотръ: всѣ-ли на лицо? Онъ всѣхъ зналъ, или всѣхъ хотѣлъ знать, и всѣ его знали, хотя не всѣ хотѣли знать...

— «*Bonsoir, cher!* здоровы были! *Come sta? wie geht es?*... Пану добродію падамъ до ногъ!.. Здравія желаемъ!» Сипались привѣтствія на всѣхъ нарѣчіяхъ и языкахъ этого вертѣвшагося во всѣ стороны живого словаря.

— Здравствуй, Шмульканъ!.. *bonsoir, Шмульканъ!.. guten Abend, Шмульканъ!* — бросали ему, и спѣшили проходить.

Борисъ спѣшилъ всѣхъ больше. Ему не терпѣлось — пройти мимо ложи Зеленецкихъ, показать ее Буктормину. Но новый Меццофанти завладѣлъ уже новымъ его другомъ. Совершенно свѣжій человѣкъ былъ неизбежной его жертвой. На него онъ вылеталъ какъ ястребъ. Онъ давно успѣлъ пріѣсться; всѣ давно узнали и узнать, и выслушать все то, что онъ имѣлъ сказать, а приближеніе Шмулькана наводило страхъ. Дѣйствительно, онъ

былъ небезопасенъ: громко повѣряетъ и свои, и ваши тайны; или на гуляньѣ задумаетъ вдругъ провозгласить, что онъ и тѣ кто съ нимъ уже черезъ-чуръ умны (*décidément, messieurs, nous avons trop d'esprit pour notre siècle!*); поетъ въ театрѣ во все горло, и съ людьми, которыхъ встрѣтилъ въ первомъ актѣ, ужъ на «ты» въ послѣднемъ. Оттого-то у него друзей всѣхъ возрастовъ и званій, отъ семнадцати до семидесяти лѣтъ и отъ особъ первыхъ четырехъ классовъ до разночинцевъ, было видимо-невидимо, и непрестанно съ уменьшительными именами.

— «Петя мнѣ сегодня такихъ растегаевъ подалъ: охъ-охъ-охъ! Ты ихъ называй «со вздохомъ», говорю. Онъ ихъ такъ и называлъ (этотъ Петя былъ буфетчикъ Излера). Или: «Яша говорить...» (а Яша—высокопоставленный извѣстный всѣмъ савонникъ). Онъ изрѣдка считаетъ нужнымъ выпрадиться чучелой и идти мотаться подѣ ногами именно въ тотъ часъ, когда идутъ гулять по Невскому проспекту; влѣзаетъ въ страшную медвѣжью или волчью шубу и ужаснѣйшіе сапоги; напалить на голову капелюхи, да и подпоясается еще. Ему необходимо, чтобъ его замѣтили—ну, и замѣтятъ, разумѣется.

— Шмульканъ, куда ты это собрался? въ Камчатку, чтó ли?

— Въ Новгородъ, *mon cher*, — сына везу въ корпусъ. Яшенька мнѣ говоритъ: «хочешь, говорить, чтобъ человѣкъ вышелъ,—вези въ Новгородъ!» Я и везу.

Такъ онъ опять, какъ на смотру, пропуститъ всѣхъ знакомыхъ; въ незнакомыхъ же возбудитъ любопытство: что за необычайный путешественникъ показался вдругъ на Невскомъ? А до Новгорода ему собственно и дѣла нѣтъ. Да и сына пожалуй никакого нѣтъ...

Гдѣ-то онъ служилъ,—подозрѣвали даже, будто въ тайномъ вѣдомствѣ—хотя Шмульканъ и тайна плохо ладилися,—носилъ же явно вицъ-мундиръ съ огромною птицею на пуговицахъ, не то кормившею, не то клевавшею птенцовъ. Писалъ статьи о музыкѣ—о всякой: итальянской и цыганской, только не нѣмецкой,—той не признавалъ. Когда ее играли, думалъ, что обязанъ спать; при аплодисментахъ просыпался, протиралъ глаза и спрашивалъ съ испугомъ: чтó случилось? Потому-то отъ него досталось нѣмцамъ. Отъ статей своихъ онъ былъ въ восторгѣ.—«Хороша, *mon cher*, такая-то пѣвица, но статья моя о ней гораздо лучше! —Бѣстін цыгане неподобно пѣли, только далеко имъ до того, какъ объ этомъ у меня написано, *messieurs!*» и т. д. Рубини говорилъ, что пребываніе въ Россіи у него отравлено Шмульканомъ. Тотъ и усыплялъ, и пробуждалъ его, поилъ изъ соб-

ственныхъ рукъ шеколадомъ, варилъ яйца въ сметку и не давалъ покою.

Вотъ какому человѣку попалъ въ руки Бухторминъ! «Фальцетъ», «каватинны», разные «сморцанды», «сото-воче», «фіоритури»,—всѣ эти итальянизмы, тогда совсѣмъ новыя, жужжали около него, какъ пчелы, а на слушателей наводили ужасъ. Языки были перепробованы всѣ, и когда Затоновъ, послѣ нѣсколькихъ походовъ къ ложѣ, воротился, то испытывался уже—малороссійскій.

— Гѣрна-дѣвична?—привѣтствовалъ онъ ихъ громогласно и кивнулъ на ложу Зеленецкихъ.

— А вы ее знаете?—спросилъ Борисъ не очень-то любезно.

— Мнѣ не знать Машеньку? Вѣдь въ горлышкѣ у ней свернулась клубочкомъ цѣлая Віардо... Соловей-дѣвка, топ шег! и сколько того, что мы, нѣмцы, называемъ *feu-sacré!* Фью-фью! (тутъ онъ присвистнулъ даже). Нѣмцы вопросительно переглянулись: съ какихъ это поръ они вдругъ стали называть вещи по-французски, а Шмульканъ сталъ—нѣмцемъ?

Бухторминъ смотрѣлъ съ нарочитымъ вниманіемъ на «дѣвичну» съ Віардо клубочкомъ въ горлышкѣ и съ божественнымъ огнемъ, и хотъ она ему отнюдь не представлялась богиней, а скорѣе той самой русской дѣвушкой, чья «руссая коса—всему городу краса», въ по восторженно-допрашивающимъ взглядамъ друга и движению ея головки, какъ подсолнечникъ, вращавшейся за этимъ солнцемъ, догадался, что пожалуй «подло» въ дѣвушкѣ не усмотрѣтъ богиню. Онъ и усмотрѣлъ. Шмульканъ тѣмъ временемъ уже кричалъ кому-то: «чтожъ, топ шег, идемъ въ буфетъ!»

— Мадеру кить!—добавилъ этотъ кто-то: значить, на «моншера» возлагалось пить мадерою Шмулькана. Другіе должны были кормить мороженымъ, третьи растегаями, икрой и т. д. И всякій несъ безъ ропота свою повинность, зная, что, все равно, отъ Шмулькана не отдѣлается...

Маша видѣла, какъ на нее смотреть, жгла себя уши и только думала, что скажетъ мать? Мать, разумѣется, опять сказала: «Ма-ри!!» И это, выѣстъ съ новымъ актомъ оперы, опять все привело въ порядокъ... Ложы уѣхали, кресла наполнились. Къ Маріи невинность возвратилась. Молодежь утихла—ждетъ... даже Шмульканъ утихъ послѣ мадеры.

И вотъ, на свѣтломъ фонѣ музыки и свадебныхъ нарядовъ, въ своемъ классическомъ коричневомъ плащѣ, тамъ, въ самой глубинѣ сцены, темнымъ пятномъ рисуется Эдгаръ-Рубини... Онъ воротился къ ней, къ своей Лючіи... Но отчего же дрожить онъ въ такой мигъ?—«*Perche tremmo in tal momento?*»—спрашиваетъ

онъ себя точно потухшимъ рiано. (Театръ опять замеръ. Друзья невольно ухватились за руки, которыя вдругъ похолодѣли...) И пошелъ, и пошелъ: разгорался, разгорался, и опять потухъ... бросилъ далеко плащъ на полъ и, весь блѣдный, съ отдѣлившеюся отъ парика прядью волосъ на лбу, идетъ къ Лючiи, тотчасъ подписавшей брачный договоръ съ немилымъ.

— «Твои это буквы» (Son' tue cifri?)—вопрошаетъ онъ:— «gispondii» — шепотомъ, отъ котораго обдаетъ морозомъ, и вслѣдъ за ея полуживымъ, ужаснымъ *si!*—вдругъ наполняетъ сцену цѣлою грозой проклятiй!

— «Hai tradito il cielo!» — задыхается онъ... И потомъ вяръкъ: «maledetta! maledetta sia l' instantel» Олимпійское обычное спокойствiе пары телоровъ разражается ударами вѣстоваго грома... Все оцѣпенѣло.

— Страшный старикъ! — закричалъ первый Шмультанъ, и опрокинулся на спинку кресла.

Это разбудило нашу молодѣжь, которая только теперь увидѣла, что щеки у нея мокры.

Первымъ движенiемъ Бориса было подѣлiиться впечатлѣнiемъ съ Машей. Онъ оборотился: она плачетъ навзрыдъ, какъ плачутъ дѣти, зажимая ротъ платкомъ. Мать съ неудовольствiемъ что-то ей нашептываетъ; разумѣется: «Ма-ри! ну, кто-жъ, та chère, въ театрѣ плачетъ? mais ce n'est pas gesul!» А Марiи Борису дѣлается тѣмъ милѣе...

Опера течетъ, волнуется, и волнами увлекаетъ снова... Вотъ уже и безумную Лючiю встрѣтили и проводили криками безумнѣй, тѣмъ она сама, замучили букетами и отпустили... Пылкiй прапорщикъ тоже сбѣгалъ и купилъ цвѣтвъ; бросалъ ихъ, хлопалъ, оббивалъ ладони... Уже померанцовый плацъ-адъютантскiй веротникъ, какъ остужающая «душъ», не разъ показывался совсѣмъ близко; но воспламененный не по чину юноша его не видитъ... Наконецъ, Эдгаръ принесъ свое убiйственное горе на могилы предковъ; разаялся потоками отчаянiя и не хочетъ жить.. Ужъ и билижалъ воткнуть въ грудь, и Рубини умираетъ голосомъ и тѣломъ, при утирающейсѣ платками залѣ...

— Святой старикъ! — говоритъ Шмультанъ, и выходитъ изъ рядовъ.

Борисъ кидается къ оркестру; хлопаетъ, стучитъ и выываетъ. А померанцовая «душъ» тутъ какъ тутъ.

— Позвольте вашу фамилiю, господниъ прапорщикъ!

Но прапорщикъ не слышитъ ничего. Восторгъ отъ Рубини, восторгъ отъ Марiи, восторгъ отъ Вiардо, восторгъ отъ этихъ

исхитъ восторговъ... африканская жара театра и «флаконы» Милаго Степановича,—все вмѣстѣ завладѣло имъ и отняло сознание: гдѣ онъ? чего онъ хочетъ, и чего отъ него хотятъ?

— Я васъ прошу, господинъ прапорщикъ, сказать мнѣ вашу фамилію!—пристаётъ «померанецъ».

— А? что? чего вамъ отъ меня нужно? убирайтесь!

— Прекрасно-съ. Все это будетъ доведено по начальству... А вашу фамилію вы стало уклоняетесь открыть?..

— Стану я уклоняться! Затоновъ!—вотъ вамъ моя фамилія! отыжитесь!

Неожиданный дуэтъ, исполненный сверхъ программы, привлёкъ вниманіе окружающихъ и заставилъ померанцоваго офицера уподобиться цѣлкомъ лица своему воротнику. Онъ отошелъ, вынулъ бумажникъ и записалъ: «прапорщикъ Затоновъ, инженеръ».

Напрасно Бухторминъ лютѣмъ унималъ пріятеля,—имъ овладѣлъ азартъ, и онъ ужъ не владѣлъ собой. Онъ чувствовалъ, что голова горитъ, что зала ходитъ ходуномъ, какъ давеча дорога,—что въ ушахъ звенитъ, и надо отыскать во что бы то ни стало Зеленецкихъ, прежде чѣмъ онъ уѣдетъ...

Зеленецкіе и не уѣхали. Лакей, какъ водится, пошелъ за экипажемъ и пропалъ. Ужъ матушка сердилась на «*se dormeur de Jean*», когда Затоновъ вызвался сейчасъ найти карету. У подъѣзда онъ совсѣмъ по-офицерски обратился къ конному жандарму. Тотъ, бряцая саблей, поскакалъ по площади и вывелъ противузаконно изъ рядовъ «дормёра». Безъ шинели (будто было холодно?) Затоновъ проводилъ и усадилъ въ карету дамъ, за что и получилъ въ награду омончательно влюбленный взглядъ Маріи и очень ласковое «*grand merci*» отъ маменьки, съ прибавкой: «*vous viendrez nous voir, n'est-ce pas?*»,—поднявшимъ его на седьмое небо...

Не сведи его оттуда Бухторминъ вопросомъ о возможныхъ послѣдствіяхъ участія «померанца» къ его имени, онъ такъ и кончилъ-бы свой день въ раю. Но неумѣстное участіе,—это сознавалъ Борисъ, хоть смутно,—пахло нѣсколько гауптвахтой. Командантъ, плацъ-адъютантъ, гауптвахта—это какъ-то было черезъ чуръ военно; онъ же только по мундиру былъ военный, но по вкусу совершенно штатскій...

Весь остатокъ ночи проведенъ былъ въ той чудесно безалаберной и длинной болтовнѣ, за самоваромъ, юношей, которая вторгается бесстрашно въ область заключеній и рѣшеній, останавливающихъ въ страхъ зрѣлый умъ,—сужденій, то граничащихъ

съ безуміемъ, то съ откровеніемъ, чуть-чуть не геніальнымъ... Раздавались стихи или подхваченныя у Рубини ноты, и за ними фраза Силы Петровича или Капотова—и хохотъ; а тамъ вздохи, да глубокіе... Или поднимался споръ, горячій, безтолеовый; излагались мнѣнія, какихъ никто изъ нихъ не могъ имѣть, и не имѣлъ: они являлись вдругъ и исчезали также вдругъ, не оставляя по себѣ слѣда; они ихъ изумили-бы, если-бъ имъ напомнили о нихъ потомъ; а тутъ за эти мнѣнія чуть не полагались головы на плаху... Утренній сонъ подоспѣлъ очень кстати, поваливши объ—просто на диванъ... И тутъ уже пошла такая чепуха, какой не приходило даже въ эти возбужденныя головы, пока онѣ держались: загорѣвшаяся Маша, и экзаментъ изъ механики, на которомъ Борисъ мучительно опредѣляетъ паденіе свободной точки «во внутри земли», какъ произносили профессоръ, и Авсинья, шлепающая бѣльемъ и приговаривающая: «это мы, турки, называемъ бріо!» и она ужъ не Авсинья, но Шмульканъ—да еще съ померанцовымъ воротничкомъ... Нельзя пересказать всего, что глѣло и летало надъ уснувшими. Одинъ кричалъ: «foga! bravo!» а другой: «убирайся!»

И напрасно, сперва почтительно, какъ слѣдуетъ, а тамъ ужъ и какъ не слѣдуетъ, подталкивалъ Бориса его Тимофей, твердя на всѣ лады: «отъ коменданта къ вамъ, Борисъ Павловичъ! за вами, Борисъ Павловичъ, отъ коменданта офицеръ пріѣхавши!.. Офицеръ требуетъ, Борисъ Павловичъ!.. господинъ комендантъ офицера прислалъ!» Борисъ Павловичъ спалъ. Его успѣли даже мосадить, но разбудить такъ и не успѣли...

— Шпагу вашу спрашиваютъ, Борисъ Павловичъ! Только какъ вы прикажете, а я отдать не смѣю... продолжаетъ Тимофей:—шпага новая!

Оранжевый плацъ-адъютантъ, вчерашній, не выдерживаетъ.

— Да извольте-же проснуться, наконецъ, господинъ прапорщикъ!—кричитъ онъ повелительно.

Глаза прапорщика открываются, обводятъ комнату, лакея, офицера; но самъ господинъ прапорщикъ продолжаетъ спать...

VII.

Не прежде часу дрожжи изъ ордонансгауза привезли въ ордонансгаузъ шпагу, прапорщика и померанцеваго офицера. Старый комендантъ, совсѣмъ военный, съ бабенбардами, которыя отъ уха тонкими тесемками препоясываютъ щеки и соеди-

яются съ подстриженными, въ видѣ зубныхъ щеточекъ, усами; длинный черешневый чубукъ въ рукѣ, съ перышкомъ для губъ; военный караулъ у входа, съ крѣпкимъ запахомъ махорки,— все это ударяетъ по неуспокоеннымъ утреннимъ сномъ нервамъ мирнаго Затонова, и онъ съ досадою чувствуетъ, что его бьетъ лихорадка.

Комендантъ явился настоящимъ комендантомъ: глупымъ до строгости.

— Какіе волосы вы носите? а? — напустился онъ на Затонова: — такіе волосы итальянцы носятъ. Вотъ я намедни у Бальзака видѣлъ. (Огромная фигура романиста, съ гривомъ густыхъ волосъ, въ то время показавшаяся дѣйствительно въ театрахъ и на улицахъ нашей столицы). — Такъ съ него чего-жъ и спрашивать? А русскому офицеру неприлично! неприлично, господамъ прапорщикамъ! на гауптвахту, — на семь дней! въ ежовыя рукавицы — на Сѣнную! обратился онъ къ оранжевому офицеру.

— Какъ записать вину, ваше превосходительство? спросилъ, тоже военный, писарь: — за открытое неповиновеніе властямъ? тамъ придется...

— Да, за открытое! да! да! Ступайте, сударь! маршъ! да по дорогѣ остригитесь!

— Ихнему начальству отнискать бы надо. Ученаго вѣдомства, — по канту суда, — назидательно замѣтилъ писарь.

— Пини тамъ какъ знаешь, — я подпишу. Вотъ онъ ученный-то кантъ! охъ, ужъ эти мнѣ ученые! Безпорядокъ одинъ! — пробрюзжалъ старый воинъ и закидалъ изъ перышка.

Борисъ, которому не могло прийти въ голову, что онъ попадетъ въ одинъ разрядъ преступниковъ съ Силой Петровичемъ, а Бальзакъ — въ итальянцы, совершенно развеселился.

— То-то Бухторминъ заляется, — думалъ онъ.

А Бухторминъ пока ели и заливался, то скорѣй слезами. Похищеніе друга, да еще такое, какъ онъ говорилъ, трагическое, заточенье его (онъ тоже такъ-таки и говорилъ «заточенье») на гауптвахту, подъ военный караулъ, — ему казалось настоящимъ бѣдствіемъ. «И тамъ будутъ солдаты! и будетъ вонять махоркою! И тамъ этотъ вязанный Борисъ! И неужто его даже нельзя будетъ навѣстить? И сколько его на гауптвахтѣ продержатъ? и какъ узнать, на какой гауптвахтѣ?»

Послѣдняя изъ тайнъ, въ его великой радости, была открыта неожиданно «древнимъ философомъ», который, какъ новѣйшій еврей, посѣщалъ Сѣнную площадь, закупая тамъ дешевую гошину по указаніямъ Асены.

Бухторминъ лежалъ невесело въ знакомой уже «лодкѣ» и прислушивался къ шлепаянью бѣлыя за стѣной, когда философъ высунулся въ дверь и объявилъ «что молодого барина Затонова сейчасъ выдалъ»... Барина Бухтормина такъ и выбросило изъ «лодки».

— Гдѣ? закричалъ онъ.

— На Сѣнной...

— Какъ на Сѣнной? зачѣмъ на Сѣнной?

— Тамъ, изволите видѣть, сдѣланъ острогъ такой, и *самъ* сдѣлана, такая полосатая, — все равно какъ верста...

— Знаю я гауптвахту... Ну, чтожъ дальше?

— А по гапвахтѣ солдатъ съ ружьемъ скрозь ходить...

— Ну, и Борисъ Павловичъ тамъ, что-ли?

— Какъ есть тамъ-съ! а въ окошко такая желѣзная рѣшетка вставлена... Народъ, кто грохъ, а кто сколько владеть... Такъ они въ окошко-то и стучать...

— Да что ты врешь?

— Ну вотъ ей-Богу-же не вру! Какъ я могу врать? Да ежели они не стучали... да чтобъ мнѣ провалиться на этомъ мѣстѣ... да пусть мнѣ... Стучать, а сами смѣются: видать, я оторопѣвши совершенно... да сряду-же и на крыльцо выскочили.

— Здоровъ-ли, говорятъ, баринъ?

— Слава Богу, говорю; а вы какъ, Борисъ, говорю, Павловичъ? дурно вамъ, чай, въ острогѣ? — Нѣтъ, очень хорошо! смѣются. Проси Василья Маривонича скорѣе зайти; а его съ отличнымъ человѣкомъ познакомлю, — и показывають на офицера. А тотъ такой молоденькій - мелоденькій, бѣленькій - бѣленькій, въ мундирѣ и при шарфѣ — караульный это называется, — простудитесь, говорятъ Борису Павловичу. Пойдемъ, говорятъ, въ комнату. И пошли, ей-Богу!

Не взирая на желѣзную рѣшетку и острогъ, рассказъ въ общемъ успокоилъ Бухтормина, который, не теряя ни минуты, кинулся отыскивать гауптвахту...

Произвелъ не меньшее, хотя уже въ другомъ родѣ, впечатлѣніе арестъ Бориса въ домъ его дяди. Строгий Федосѣй казнилъ «молокососа». Вышло того, чтобъ «любить, какъ слѣдовало, свой предметъ», онъ любить оперу... (Самъ Федосѣй любилъ свой департаментъ). Онъ, дядя, говорилъ давно, что это до добра не доведетъ... Но кто виновница всему, такъ это тѣка: подарила театральную трубку! «Въ наше время, до сорока лѣтъ не знали, что значить ходить въ оперу (старикъ любилъ и департаментъ, и гиперболы); а онъ уже въ перахъ

день, только изъ скорлупы вылунился, бунтуетъ въ Каменномъ театрѣ (такъ называли старики Большой театр). Того гляди, еще въ солдаты угодить—родъ опозорить! Ну, теперь пусть насидится! Пускай его насидится! По-дѣлдимъ! И очень нужно было Степанидѣ Львовнѣ съ этою трубкою соваться... Я вѣдь говорилъ! И деньги!... Незачѣмъ и деньги давать было... Въ мое время...»

Степанида Львовна была сама кротость въ чепчикѣ. Ее не обвиненія мужа тяготили,—она знала, что должна быть виновата, если Федосѣй Федосѣичъ это говорить; что деньги она давала, а не она; ну, трубку, правда, она подарила; только ужъ никакъ того не думала, что съ нею вѣсть уготовала гибель для племянника;—но вотъ что наполняло ужасенъ ея воображеніе: черезъ недѣлю первый вечеръ (дочь изъ института вышла), а безъ Бориньки что будетъ! Ни такихъ навалеровъ, ни настоящихъ танцовъ, какъ у всѣхъ! Мелькнула-было мысль—употребить Милаго Степаныча, чтобъ розыскалъ Бориса (черезъ нее и родственникомъ Капотовъ доводился), да тутъ-же страшно стало: ну, какъ онъ шампанское затѣтъ, на гауптвахтѣ? А гауптвахта представлялась бѣдной женщинѣ еще страннѣе, тѣмъ Бухторкину: возможность Боринькѣ попасть въ солдаты—такъ и возставала передъ нею... Попросить Силу Петровича? Но, послѣ мужа, она больше всѣхъ его боялась, да вдобавокъ онъ-же и самъ бунтовщикъ... Проще всего было предаться волѣ Божіей: это она и сдѣлала.

Бузина—Лиза въ классѣ и Лилі въ гостиной, —даже поплакала: могутъ и танцы не удался, и «се раувге Boris» —ему тамъ, вѣрно, очень скучно!

Мама Зенешечная, съ утра не отходявшая отъ оконъ, загорась съ каждымъ стукомъ дрожжъ, вышла блѣдная къ обѣду. —«Отчето же онъ не ѣдетъ? хоть бы завтра-то пріѣхалъ! Боже!» Но и завтра дрожжи зажигаютъ ее, а Борисъ не ѣдетъ!

Словомъ, отлученіе отъ свѣта молодого прапорщика не было пропущено его маленькимъ свѣтомъ. Это онъ угадывалъ и сладко ушмался своимъ горемъ.

Упиваться было тѣмъ удобнѣе, что за открытое неповиновеніе властямъ онъ сданъ былъ апельсиннымъ офицеромъ караульному, тому «мелоденькому-мелоденькому и бѣленькому-бѣленькому», о которомъ повѣствовалъ Платонъ. Въ ежовыхъ рукавицахъ такой власти можно было смѣло усумниться. «Апельсинъ» едва успѣлъ ухватъ, какъ ужъ «бѣленькій», оставшись съ арестантомъ на рукахъ, смутился.

— Вотъ и наша арестантская, — на эти сутки общая, —заго-

ворилъ онъ, улыбаясь: — ваша по-неволѣ, а моя потому, что я въ нѣкоторомъ родѣ кровь долженъ проливать за отечество.

И очень мило разсмѣялся.

На столѣ лежала книжка «Отечественныхъ Записокъ», загнутая на страницѣ Бѣлинскаго. Этого уже довольно было, чтобы караульный офицеръ вдругъ пересталъ быть караульнымъ офицеромъ и сталъ милымъ человекомъ...

— Можете разоблачиться совершенно, — угождалъ онъ арестанту: — даже въ одномъ нижнемъ бѣлѣ проводить время. Сюда хоть и сажаютъ за безчинство, но здѣсь безчинство не воспрещается. Иные даже кутежи устраиваютъ... Только мы съ вами, кажется, не устроимъ.

— Нѣтъ, а вотъ Бѣлинскаго такъ почитаемъ. Извините меня, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе...

— Я Камеевъ; по крещенію Сергѣй, а по отцу Ивановъ. А вы какъ, позвольте...

Борисъ себя назвалъ. И оба по-пріятельски пожали одинъ другому руку.

Бѣдный комендантъ! гдѣ же ежовыя его рукавицы?

Черезъ часъ они уже почитывали и Бѣлинскаго, и перебрашивались въ перегонку изреченіями изъ «Мертвыхъ Душъ», безъ которыхъ тогда разговоръ не обходился, какъ обѣдъ безъ соли, и стихи декламировали: Борисъ Камееву — свои, а Камеевъ Борису свои; потому что милый караульный оказался сверхъ того и милымъ стихотворцемъ. Страшная гауптвахта къ вечеру преобразилась въ поэтическое доно, и «пустое вы» смѣнилось «сердечнымъ ты» между людьми, не знавшими въ глаза одинъ другого утромъ. Даже выбѣганье то-и-дѣло на платформу, съ обнаженіемъ меча, для ѣхавшаго мимо генерала, дѣлалось Камеевымъ такъ уморительно, что къ чтенію еще присоединялись смѣхъ и шутки.

Самый срокъ ареста сократился неожиданнымъ выѣздомъ «ученаго» начальства, «въ пику неучу военному», преступно посягнувшему на вѣренное не его попеченіямъ казенное добро...

Бухторминъ уже не нашелъ Бориса на Овнной и только могъ удостовѣриться въ одномъ, что на окно съ рѣшоткой точно клались гроши... Своимъ казначей увезъ Затонова къ своему генералу, который хоть и паниковался съ не-своимъ, потому что былъ обвиненъ «ученымъ кантомъ» по должности, но самъ былъ до того военный, что когда командовалъ полкомъ, то на энолеты устанавливалъ стаканъ воды и проходилъ передъ солдатами ти-

нимъ учебнымъ шагомъ, даже цаплею простаивать на одной ногѣ, поднося другую передъ самымъ носомъ, и не проливалъ при этомъ ни одной капли. Надъ ученымъ заведеніемъ его поставили за эти самые таланты. Прощѣли ли оттого науки, неизвестно, но разводы и парады прощѣли рѣшительно, и заведение попало на хорошій счетъ. Въ шагѣ явилось благородство; щегольство въ пригонкѣ амуниціи. Чтобы тесакъ не совращался съ разъ указанного мѣста, генералъ придумалъ собственный, дотѣлъ неизвѣстный ремешокъ. Кадеты, въ честь изобрѣтателя Култышкина, называли его «култышникомъ». На ученьи генералъ нерѣдко возвышался до лиризма: «тишина въ плечахъ! огонь въ носкахъ!» кричалъ онъ: — «огня мало! чтобъ прикладъ пицалъ въ рукахъ! орлами смотрѣть!» Какъ такой человекъ не сдѣлался фельдмаршаломъ, а оставался скромнымъ насадителемъ воинскихъ добродѣтелей въ техническомъ учебномъ заведеніи, понять нельзя. Легенда о какой-то будто-бы пощечинѣ, раздавшейся среди тишины построившагося полка и оказавшей вредное вліяніе на здоровье командира, такъ что только перемѣна полкового воздуха могла спасти его, — конечно кое-что и объясняетъ; но все же странно!

— Какъ ваша фамилія? — встрѣтилъ Бориса генералъ.

Фамилію его онъ зналъ отлично, но такой приступъ собственнo употребилъ въ видахъ устрашенія, нелипнаго, какъ полагалъ, въ настоящемъ случаѣ.

— Затоновъ.

— Хорошо-съ. А гдѣ вы служите?

Борису смерть хотѣлось смѣяться, потому что генералъ ходилъ индѣйскимъ пѣтухомъ и подбирался бовомъ, точно тотъ, когда распустилъ хвостъ.

— Въ такомъ-то корпусѣ.

— Гдѣ вы служите?

Фигуру повторенія, или усугубленія, генералъ употреблялъ все въ тѣхъ же видахъ.

Оставалось повторить отвѣтъ.

— Хорошо-съ. А откуда вы жалованье получаете?

— Изъ такого-то корпуса.

— А за что вы жалованье получаете?

— За службу въ корпусѣ.

— А за буйство въ театрѣ не получаете?

— Нѣтъ-съ, не получаю.

— Хорошо-съ. Такъ извольте оставить вашу шпагу.

Прапорщикъ вынулъ изъ португеза шпагу и поставилъ въ уголъ.

— Извольте оставить вашу шпагу!—усугубилъ генералъ.

Такъ какъ усугубить оставленія не было возможности, то Борися могъ только бездѣйствовать.

— На семь дней, г. прапорщикъ, подъ домашній арестъ! на семь дней!

Затоновъ поклонился и хотѣлъ выйти.

— Позвольте! на семь дней! — повторилъ Култышкинъ и бокомъ пустился вонъ изъ комнаты.

Арестъ Култышкинскій имѣлъ то преимущество передъ арестомъ комендантскимъ, что довольно было изъ окошка «офицерскаго отдѣленія» увидѣть поданныя въ генеральскому подъяду дрожки, чтобы безъ шпаги по его слѣдамъ пуститься — «въ городъ». (Корпусъ былъ, какъ водится, на краю свѣта—только слава, что въ Петербургѣ.)

Впрочемъ, дядя долженъ былъ поддерживаться въ убѣжденъ, что попавшійся племянникъ все еще «насиживается»...

VIII.

Приходилось ли вамъ быть когда-нибудь свидѣтелемъ перваго званнаго вечера въ домѣ, гдѣ никогда не бывало званыхъ вечеровъ?

Если судьба васъ обошла сестрою, дочерью или кузиною, то, разумѣется, не приходилось. Для тѣхъ, кому вечеръ готовится, онъ первая и истинная радость; а тѣмъ, кто готовитъ—сумее и не послѣднее большое горе. Точно ли необходима эта радость и неизбежно это горе? такъ вопросъ никѣмъ не ставится. «У всѣхъ бываютъ—все зовутъ!» О чемъ же еще спрашивать?... Зачѣмъ зовутъ? Нѣтъ тѣхъ родителей, которые не отвѣчали бы: «пусть ихъ повеселятся!» и въ тоже время не подумали бы: «надо-жъ дочкѣ жениховъ искать!»

Изъ всѣхъ хозяекъ, испивавшихъ чашу перваго устройства «вечера», едва ли Степанида Львовна испивала не горьчайшую. Она, помимо неизбежныхъ спутниковъ всякаго устраиваемаго кѣмъ бы то ни было веселья—бѣготни, хлопотъ и переворачиванья дома кверху ногами, натыкалась то-и-дѣлю на заставы, воздвигаемыя Оедосѣемъ Оедосѣвичемъ на пути осуществленія имъ же узаконеннаго торжества: то этого не надо было, то

того... А безъ «того и этого» не выходило ничего! «У всѣхъ» это и то «всегда» бываетъ,—самое неотразимое, по мнѣнію Степаниды Львовны доказательство,—но не по мнѣнію ея мужа:—«Мнѣ, матушка, другіе не указы!» отрѣзывалъ старикъ:—«*самиз* вечеръ (онъ же и ея!) вотъ гдѣ у меня сидитъ!» (Оказывалось, что вечеръ сидѣлъ у него въ горлѣ.)

Каждый день—совѣщанія съ поваромъ объ ужинѣ; поутру—съ мадамъ Сюперфлю («всѣхъ» одѣваетъ мадамъ Сюперфлю,—Лили должна быть одѣта, какъ всѣ): бантиками внизу отдѣлать, или буфочками будетъ свѣжее? а свѣжо должно быть непременно—Сюперфлю находить, «*que c'est là l'essentiel*»;—совѣщанія безконечныя, горячія, въ которыхъ представлялось столько вѣснхъ доводовъ сначала въ пользу бантиковъ, что буфочки терали всякую надежду на существованіе, и вслѣдъ за тѣмъ доказывалось также вѣско превосходство буфочекъ и жалкая судьба, готовящаяся бантикамъ... Пошли прицѣпиванья въ Кругломъ рынѣѣ, толки въ кондитерской о порціяхъ мороженаго, лимонадѣ и орѣадѣ... Задавались и рѣшались трудныя задачи: сколько принавать официантовъ? Какой оркестръ брать: полковой—или балный? Если звать Анну Александровну, то какъ же можно не позвать Александру Ивановну? а если будетъ Александра Ивановна, какъ же скрыть вечеръ отъ Поликсемы Степановны? Опять куда дѣтъ ихъ всѣхъ, и какая отъ нихъ польза? Дочки у нихъ такія, что ни одинъ кавалеръ «загажировать» не станетъ—вотъ и ссора! Очень было бы хорошо, еслибъ прѣѣхала Зинаида Эмельяновна, но Ѳедосѣй Ѳедосѣичъ не отдалъ мужу визита,—обидѣлись, пожалуй!.. Столъ для ужина можно кое-какъ разставить, только одна доска покорибилась... Но ужъ куда кавалеры будутъ выходить курить,—и вообразить невозможно! «У всѣхъ» курать въ кабинетѣ; только Ѳедосѣй Ѳедосѣичъ и слышать не хочетъ, говорить: «пускай ихъ на лѣстницу выходить»... Ну развѣ это можно? этого «нигдѣ» не дѣлаютъ!.. Словомъ, затрудненія и недоразумѣнія роємъ роились надъ головою Степаниды Львовны, такъ что она даже «съ тѣла спала», по замѣчанію Силы Петровича, ея суроваго помощника въ покупкахъ, требовавшихъ устойчивости и прочности, каковы столы, лоханки и т. п. Качества этихъ предметовъ онъ обыкновенно удостовѣрялъ ударами булавы и приглашалъ Степаниду Львовну дѣлать тоже. Она послушно дѣлала, а сама думала: сколько-то еще Борисъ наберетъ кавалеровъ? Ему, бѣдненькому, надо прятаться, не вездѣ даже и поблизъ можно... Да и тутъ бы онъ посоветовалъ...

У нея цѣлая гора свалилась съ сердца, когда за три дня

до вечера Борисъ явился въ штабъ и уже не тайно отъ Ѳедосѣи Ѳедосѣича. Сразу она даже испугалась, когда до ея слуха дошелъ громкій голосъ мужа; онъ наткнулся на племянника въ прихожей.

— Ты, стало быть, бѣжалъ?—настаивалъ по своей мнительности дядя:—вѣдь недѣли не прошло... стало быть, ты бѣжалъ!..

— Да съ какой стати мнѣ было бѣжать, Ѳедосѣй Ѳедосѣичъ? генералъ мнѣ отдалъ шпагу, я и пріѣхалъ. Спросите, наконецъ, его...

— Хорошо, я спрошу твоего генерала, я самъ его спрошу... Не знаю только, послано ли ему приглашеніе? Вы, Степанида Львовна, Кулышкину приглашеніе послали? — закричалъ онъ женѣ.

— Какъ же, послала,—отозвался изъ дѣли какой-то кладовой ея голосъ.

Что приглашеніе было послано, Борисъ зналъ твердо — онъ его самъ писалъ. Оно-то и выручило его. Кулышкинъ тотчасъ же позвалъ племянника, — такъ приглашеніе дядюшки казалось лестно.

— Давно вы сидите подъ арестомъ? — принялся генералъ снова подходить бочкомъ къ вопросу и къ арестанту.

— Третьи сутки, ваше превосходительство.

— Гдѣ вы сидите третьи сутки?

— Подъ арестомъ, ваше превосходительство.

— Такъ вы третьи сутки сидите подъ арестомъ? Хорошо-съ. А на сколько сутокъ вы посажены?

— На семь.

— На сколько сутокъ?

Борисъ повторилъ.

— Такъ извольте взять вашу шпагу.

Борисъ пошелъ въ уголъ и взялъ шпагу.

— Извольте взять вашу шпагу... А дядюшкѣ прошу передать мое низжайшее почтеніе.

— Слушаю-съ.

— Дядюшкѣ низжайшее почтеніе,—повторилъ онъ, уже въ видахъ усугубленія любезности, и опять пѣтушкомъ вышелъ...

Но вотъ насталъ и день ужаснаго для Степаниды Львовны вечера. Ей извѣстно было, что готово все и предусмотрено; и тѣмъ не менѣе она переживала чувства полководца передъ битвой... Точно ли все предусмотрено? точно ли въ самый разгаръ «вечера» не откроется какой-нибудь прорухи: вдругъ не хватить винограда, или Милый Степанъ доберется до шампан-

скаго и разрушить всё расчеты... Во-время ли отряды соберутся на мѣста и откроютъ дѣйствіе? Ну, какъ изъ приглашенныхъ многіе обмануть, или кавалеры не всё будутъ танцовать? пропасть опять весь планъ веселья. А ужъ если вечеръ выйдетъ скучный, лучше бы его и не затѣвать, не мучиться и не издерживаться. У другихъ *такъ* бываетъ весело!.. Буфочки Лили, впрочемъ, вышли очаровательныя и пропасть свѣжести! Это спасительно врачуешь сердце бѣдной матери.

Отецъ совсѣмъ сердитъ: все-молъ затѣвались пустяки; а главное — ничто не будетъ во-время готово. Онъ былъ одинъ изъ вѣчно одержимыхъ страхомъ опоздать людей, которые присутствуютъ въ театрѣ при зажиганьи люстры, а заказанное къ ужину мороженое хотятъ видѣть утромъ на столѣ... Хотя гостей и звали къ десяти часамъ, и значить, знали, что сѣзжаться будутъ около двѣнадцати; но онъ уже съ девяти отчаявался: и во-первыхъ — въ музыкантахъ (бестія надуютъ, не прійдутъ!); во-вторыхъ — въ Борисѣ (опоздаетъ непременно! явится послѣднимъ!); въ третьихъ — въ дочери (до сихъ поръ не одѣта!). Самъ онъ, во фрагѣ съ старшею звѣздой, какъ непришитый, треплется по комнатамъ, мѣшая всѣмъ и наводя уныніе на всѣхъ. Лили послали одѣваться въ семь часовъ. Когда пробило восемь, и онъ увидѣлъ, что платье не только не было на ней, но распростиралось на столѣ, а горничная съ ключницею, въ двѣ иголки, распинались надъ какими-то «выточками», — имъ овладѣла паника. Рѣшительно, всѣ и все опоздаютъ! Гости вотъ-вотъ начнутъ сѣзжаться, а тутъ выточки!.. И какъ на зло — звоночекъ!

— Я говорилъ! я вѣдь говорилъ! — кричитъ Федосѣй Федосичъ, и уничтоженная Степанида Львовна, чуть не съ утра одѣтая въ парадный чепчикъ и въ ужасно свистящее шелковое платье, — можетъ быть, въ первый разъ въ жизни проклиная отъ всей глубины добрейшей души своей раннаго гостя, — устремляется съ третьей иголкой къ «выточкамъ».

Вышло, къ счастью, что переполохъ надѣлалъ Милый Степанчикъ, который спозаранку забрался на давно предвкушаемое зрѣлище эполетъ и звѣздъ, чтобы не пропустить перваго ихъ появленія на горизонтѣ. Степанида Львовна поскорѣй перекрестилась — и отъ радости, что не гости, и отъ раскаянья, что предала проклятію близкаго родного.

Совидательный хаосъ въ полномъ ходу: лакеи и официанты бродятъ во всѣхъ направленіяхъ, толкаются, звенятъ посудой, роютъ ложки и ножи, двигаютъ столы, стулья, разстилаютъ скатерти, убираютъ подносы. Собравшіеся, наконецъ, музыканты

натирають канифолью смычки, продувають фаготы... скрипки повизгивають, порёвывають контрбасъ... Безчисленные атомы нарождающагося пира достигаютъ высшей степени броженія: сталкиваются, сливаются, входятъ въ химическое сродство, складываются въ очертанія, болѣе опредѣленные, и къ десяти часамъ выступаютъ въ ясныхъ формахъ настоящаго званнаго вечера, «какъ у всѣхъ». Какъ у всѣхъ, сбѣзжаются не раньше полуночи, и Ѳедосѣй Ѳедосѣвичъ успѣваетъ, какъ и всѣ хозяева, назваться до боли челюстей, а Степанида Львовна намучиться — отчего никто не ѣдетъ? Ѳедосѣй Ѳедосѣвичъ велѣлъ зажигать люстры Богъ-знаетъ когда, и свѣчей еще пожалуй неостанетъ... Лили, одѣтая двумя часами ранѣе, надула губки и скучаетъ... Но явился, сбѣжій и блестящій, Борисъ Павловичъ, котораго роль дѣлается ролью перваго тенора, — и кузина проясняется, да ужъ такъ и не отстаётъ отъ него: куда онъ, туда и она. Глазки ея, даже болѣе чѣмъ того требуютъ родственныя приличія, умильно-нѣжно смотрять на кузена.

Что до Степаниды Львовны, то всѣ упованія ея были отданы Борису. Даже Ѳедосѣй Ѳедосѣвичъ обошелся очень мило, почти приволокнулся за племянникомъ: «ужъ ты, братъ, Борисъ, того... выручай! ты на эти дѣла мастеръ!» О «предметѣ» и помину нѣтъ; значеніе его является весьма второстепеннымъ въ балльной залѣ. Музыканты встрѣтили Бориса, какъ должны встрѣчать войска — главнокомандующаго. Онъ съ своей стороны не безъ торжественнаго трепета внималъ настраиванью инструментовъ... Гости между тѣмъ сбѣзжались, сбѣзжались, наконецъ, и совсѣмъ сбѣхались: засинѣли, забѣлѣли, заалѣли, зашумѣли платья дамъ, — нарядныхъ и красивыхъ, ненарядныхъ и некрасивыхъ; дамъ красивыхъ, но не нарядныхъ; молодыхъ и уже старыхъ, старыхъ и еще молодыхъ, надутыхъ ангельски и улыбающихся дьявольски. Дѣвицы цвѣтникомъ изъ самыхъ сбѣжихъ буфочекъ и бантиковъ отъ Сюперфлю разсыпались по комнатамъ; совѣтники, дѣйствительные и тайные, офицеры, молодые чиновники и старые генералы, брэнча шпорами, шаркая ногами, пестрѣли, блестѣли эполетами и мундирами, чернѣлись фраками... Жѣны и дочери, пріѣхавшія первыми, враждебно, какъ вездѣ, окидывали залу и ворчали какъ вездѣ: «мы вѣчно первыя! c'est toujours ainsi!» танцоровъ представляли, какъ вездѣ, хозяевамъ, и, какъ вездѣ, хозяйка чуть ихъ не привѣтствовала криками: «осанна!» а хозяинъ — двумя пальцами едва протягиваемой руки: «экъ-молъ васъ сколько нанесло, а ни одинъ въ женихи не годится!» Это прапорщики, столоначальники, под-

поручики, — носители веселья и оживленія на вечерахъ, въ глазахъ Степаниды Львовны, — «легко-скоки», на языки Ѳеодосія Ѳеодосійча. Были тутъ и Бухторминъ, и ниспосланный гауптвахтою на Сѣнной другъ, Камеевъ, и Эвигъ, и Разноперовъ, и Кислятниковъ; всѣ, съ кѣмъ удалось Борису преломить пару растегасевъ у Излера; весь молодой департаментъ Ѳеодосія Ѳеодосійча и молодой гвардейскій полкъ Камеева; всѣ наименѣе преданные «предмету» товарищи Бориса, — все было на лицо... Если ихъ, скръбя сердце, кое-какъ переносилъ хозяинъ, — какъ лѣтомъ переносить комаровъ, потому что безъ комаровъ нѣтъ лѣта, а безъ прапорщиковъ бала, — то полковникамъ и начальникамъ отдѣленій онъ выражалъ вниманіе почти преувеличенное: только бы посватались; а ужъ женихи они самые настоящіе!

Закружился вальсъ, закрубились облакомъ юпеи, обвиваясь вокругъ ногъ кавалеровъ, покрывая стоявшихъ въ дверяхъ начальниковъ отдѣленій, задѣвая по лицамъ возсѣвшихъ вдоль стѣны матушекъ и въ сонмѣ ихъ, какъ Юнону въ сонмѣ богинь, Степаниду Львовну. Ѳеодосій Ѳеодосійчъ, болѣе похожій на Юпитера, для виста выбиралъ всегда боговъ покладистыхъ, въ числѣ ихъ и Кулышкина съ усугубленіями. Съ ними онъ чувствовалъ себя по душѣ и такъ же на распахку, что лакей могъ проносить передъ ихъ носомъ генеральскій портеръ, а тотъ могъ выпивать его, рекомендуя только прочимъ, какъ напитокъ одинаково пріятный и полезный. Боги оттого не менѣе усердно козыряли...

Милый Степанъчъ разъ было-попробовалъ пробраться какъ-нибудь къ шампанскому; но лысина и шишка страшнаго Сили Петровича, приставленнаго въ качествѣ цербера къ заповѣдному напитку, обратили его тотчасъ въ безпорядочное бѣгство... Въ утѣшеніе остались карточные столы, около которыхъ помѣщалось цѣлое звѣздное небо. Онъ лакомо похаживалъ кругомъ и съ умиленіемъ приговаривалъ: «Владимира второй, Бѣлаго орла, тайный совѣтникъ, генералъ-лейтенантъ»... и т. д.

Борисъ всѣхъ больше танцевалъ съ Зеленецкою. Кислятникову онъ сдалъ на руки самыхъ некрасивыхъ барышень, которыя потому были и самыя умныя (когда природа одѣлитъ женщину красотой, то люди непременно надѣлятъ умомъ). Наннекрасивѣйшая была вдобавокъ и ученая: она переводила Корнелія Непота и въ состояніи была понимать Кислятникова, когда онъ говорилъ о душѣ...

Бухторминъ готовъ былъ сразу отслужить Лили что-нибудь въ родѣ ефимона; но не далъ себѣ воли: «дочь начальника —

преглупое положеніе!» А находилъ, что ефимонъ даже умѣрен-ная жертва... Онъ удивлялся, какъ это Борисъ предпочиталъ ей Зеленецкую? И онъ ей бѣдненькой такъ нравится! Она сама невольно выдала себя въ кадрили. — «Неправда ли, м-сье Бухторминъ, что Зеленецкая всѣхъ лучше? вы не находите, что она царица бала? Борисъ, кажется, находитъ...» И при этомъ покраснѣла, и голосъ оборвался...

Тщетно Эвигъ, потому именно, что она дочь начальника, неукоснительно ухаживалъ за нею. Сверхъ того, невѣста во-сто тысячъ, хоть и на бумажкѣ, представлялась цѣлю, стоящему достиженія; и мысль — добиться, постараться и дожидаться даже тутъ упрямо шевельнулась въ его мозгу...

Не Бухторминъ, — онъ былъ черезъ-чуръ скромнѣе, и не высказалъ пріятелю того, что обнаружилось кадрилию, — этимъ занялась нѣкоторая Клеопатра Осиповна Лагъ — одна изъ тѣхъ барынь, для которыхъ вѣчно бабье лѣто: точно ли онѣ молоды, или только прикидываются молодыми, неизвѣстно; сами же онѣ даже представить себя когда-нибудь старыми не могутъ и неизмѣнно носятъ розы въ волосахъ. Она была какъ бы одержима зудомъ ухаживанья. Видъ человѣка неухаживающаго повергалъ ее въ уныніе: «не хочешь ты ухаживать за мною — очень жаль (казалось, думала она); ну, такъ ухаживай хоть за другою, только ухаживай!» Создать «пару», покровительствовать волокитству и влюбить, свести любящихся и окружить свиданья ихъ удобствами, — все это доставляло наслажденіе Клеопатрѣ Осиповнѣ, какъ страдающему несвареніемъ желудка — аппетитъ здороваго обжоры. Клеопатра была другомъ дома; у нея давно чесались руки на двоюродныхъ, которые все не умѣли догадаться, что самой природой призваны составить «пару» (*les cousins sont faits pour cela!*). Она охотнѣй, разумеется, сама вошла бы въ пару съ прапорщикомъ, что ей было-удалось, когда онъ былъ еще кадетомъ; но теперь на это не имѣлось болѣе надеждъ; а потому, танцуя съ нимъ кадрили, она пустилась безъ обвиняющихъ расписывать и какъ бы раздѣвать передъ нимъ прелести Лили.

— Вы посмотрите, м-сье Борисъ, какая у нея ножка — вѣдь это заглядѣніе!.. А плечи! *et voyez les bras!*.. а ручка!.. *et les yeux?* вы видѣли у другой такіе глазки?

По глазамъ она считала себя первою, и ее считали; но Борисъ, которому какъ будто вдругъ открыли совершенно новую Лили, такъ засмотрѣлся на кузину, что забылъ про это... Ба-

рыня, довольная тѣмъ, что «пара» клюетъ, отпустила ему такой грѣхъ... Желѣзо было горячо, — она его ковала.

— А что вы гораздо больше, чѣмъ кузень, для Лилочки, — я это знаю... Да и всѣ видятъ. Развѣ скрыть можно?.. Посмотрите, посмотрите! развѣ она слушаетъ своего кавалера? она вся у васъ!..

Она была и въ самомъ дѣлѣ у Бориса, и Адамъ старался понапрасну. Маша Зеленецкая, напротивъ, очаровываемая Разноперовымъ, склоняла русую головку въ его сторону милѣе, чѣмъ хотѣлось бы Борису, и когда кадрили окончилась, пошла и что-то пошептала матери. Та навела на Разноперова лорнетъ... Дѣла влюбленныхъ перепутались къ мазурѣ до того, что ужъ Борисъ и Маша, сидя въ парѣ, ходили нѣсколько на провинившихся другъ передъ другомъ.

Огонекъ въ сердцѣ Бориса колебался въ ту и въ другую сторону: Лили и Маша его колебали одинаково. Но первая ни для кого себѣ не позволяла отрываться отъ Бориса; а онъ слышалъ ясно, какъ про Разноперова старуха Зеленецкая сказала: «je suis charmée» — я рада, что онъ произвелъ впечатлѣнныя на Marie, — c'est un jeune homme très bien vu dans le monde! и графиня Апреснокова le protège... Конечно, Маша ему давно нравится, и Маша лучше, чѣмъ Лили. Онъ посмотрѣлъ на Машу: прелесть! и спокойная, отъ танцевъ чуть-чуть розоватая... такія онъ когда-то видѣлъ розы... Отыскалъ Лили: багровое лицо, вздымающаяся грудь и почти страдальчески вперенныя въ него глаза... Ему вдругъ стало непріятно и неловко... Въ это время подвели двухъ дамъ: «вокетство», или «скромность»? Онъ взялъ скромность и пустился вокругъ залы: вызовъ, брошенный Машѣ... Это, какъ бываетъ часто, подтолкнуло дальше — на дурачества сквозь слезы: набирать уродливыхъ, но умныхъ и ученыхъ барышень и подводить ихъ къ Милому Степанычу съ вопросами: «флаконъ, или подѣздъ!» чтобъ заставлять его сконфуженно и уморительно прокатываться мячикомъ по залѣ... или насылать на Разноперова дамъ и дѣвицъ, которыя его водили бы на Машу; или вдругъ выдумать фигуру, чтобы Клеопатра вошла въ пару съ пѣтухомъ Култышкинымъ. Юпитеръ Ѡедосѣй было нахмурился за похищеніе партнѣра; но мясистыя статьи, которыя предупредительно нагнула Клеопатра къ самому его лицу, прося прощенія, заставили смягчиться.

— Славная бабѣнка! — обратился онъ къ оставшимся.

А тотъ, кто былъ похищенъ, оттрепалъ мазурку по-старинному, зашелкалъ шпорами, на мѣстѣ завертѣлъ волчкомъ «слав-

ную бабенку» и сразмаху опустил на стулъ, такъ что ея подоломъ спеленалъ начальника отдѣленія съ штабъ-офицеромъ и самимъ Лакомъ, тутъ же подвернувшимся и блестящимъ въ самомъ дѣлѣ точно лажъ—щеками и затылкомъ.

— Генералъ прекрасно танцуетъ!—говорилъ съ восторгомъ лакированный супругъ:—пре-кра-сно!

Онъ имѣлъ счастливую способность говорить съ восторгомъ обо всемъ, даже о томъ, что этого, казалось, не заслуживало. Наняли они никуда негодную квартиру: — «прескверная квартира! сы-рая!» заливаясь онъ, какъ будто дѣло идетъ о хорошей...

Но спеленованъ былъ всѣхъ туже «бѣленькій» Камеевъ. Клеопатра съ самаго начала вечера его намѣтила. Набитый глазъ узналъ въ немъ жертву и рѣшилъ: не выпускать изъ рукъ! Бѣдный прапорщикъ сначала бился какъ въ силкахъ; но за мазуркою утихъ, а послѣ ужина, благодаря почти невѣроятной тѣснотѣ стульевъ, поступилъ и въ «пару».

Ночь проходила. Звѣзды, кончившія партіи, исчезали съ горизонта. Гости начинали уѣзжать; а ужинъ не былъ поданъ: партія у Федосѣя Федосѣевича затянулась. Степанида Львовна находилась въ положеніи полководца, когда войско начинаетъ де-релировать...

— Федосѣй Федосѣевичъ! я велю давать ужинать! Вѣдь этакъ же нельзя!—чуть не плача, шептала она ему на ухо. — И танцовать устали.

— Вздоръ! пускай танцуютъ!—отвѣчалъ онъ громко.

— Да вѣдь разъѣзжаются... Народу для ужина не останется... А сколько наготовлено.

— Пусть ихъ разъѣзжаются. Партія не кончена. Семь въ червахъ!..

Оставалось собственнымъ тѣломъ преградить отступление народа, для котораго такъ много было наготовлено. И Степанида Львовна помѣстилась въ дверяхъ, упрасивая слезно оставаться:

— Вѣдь сію минуту ужинъ... вотъ только Федосѣй Федосѣичъ кончитъ партію! сію минуточку! Ну, право, какъ же это можно?.. Борисъ, затѣй какой-нибудь танецъ! ради Бога, выдумай ты что-нибудь! Ахъ, Боже мой!

Но въ это время, къ счастью, раздается, хоть и сердитый, голосъ хозяина (партія окончилась проигрышемъ): ужинать! скорѣе ужинать! Чтожъ это не даютъ ужинать! Говорили: танцовать устали; а танцуютъ, когда надо ужинать! Степанида Львовна! чтожъ ужинъ? долго ли намъ ждать ужина?

Милостію Федосѣя Федосѣича ужинъ такимъ образомъ могъ

состояться къ утру. Не отпушенные гости были накормлены (всего достало, слава Богу), напоены (шампанское все до последней капли выпито), и въ душныхъ, съ потухавшими свѣчами комнатахъ не оставалось никого, кромѣ Капотова, который поколачивалъ себя по животу и былъ до такой степени «съ подѣздомъ», что никакъ не попадалъ въ прихожую, — да запроцавившись съ Лилі дольше обыкновеннаго Бориса. Вышло какъ-то такъ, что онъ совсѣмъ уже на порогѣ эполетомъ ей задѣлъ плечо. Никакъ нельзя было не пожалѣть и не поцѣловать плеча. А ей никакъ нельзя было не закрыться рукою, чтобы отстранить нескромный поцѣлуй; а поцѣлюю невозможно было не направиться на эту руку, которая тоже была отстранена, и потому поцѣловать пришлось «брѣ» открытое недавно обязательною Клеопатрой... Съ «брѣ» губамъ случилось нечаянно подняться выше и, по нечаянности, совершенно непредвидѣнной, натянуться на пугливый встрѣчный — первый поцѣлуй...

Мутный разсвѣтъ заглянулъ въ окна; и если ему суждено было привѣтствовать мирный сонъ и успокоеніе пережитыхъ Степанидо Львовною страховъ, то онъ же озарилъ бессонницу и народившіеся страхи бѣдненькой Лилі.

— Господи, что я сдѣлала! — вскрикнула она, когда осталась одна: — я поцѣловала мужчину!! И онъ меня поцѣловалъ! да еще въ губы!!

Поцѣлуй вообще было дѣло не хорошее, но поцѣлуй въ губы — даже страшное. Объ этомъ ей, еще въ институтѣ, очень подробно говорила ея горничная Дуня. Съ поцѣлуемъ вмѣстѣ женщина всю отдаетъ себя мужчинѣ, и ужъ ей не выйти изъ-подъ его власти... А вѣдь Борисъ ей кузень! «И чтббъ сказалъ папѣ, еслибъ узналъ!.. О, Господи! что я надѣлала!..»

Она бѣгомъ пустилась въ свою комнату; но какъ вкопанная стала на порогѣ... Какъ ей, такой, какою она сдѣлалась, переступить его? Какая здѣсь она была недавно вечеромъ, покуда ждала «вытачки», и какая она теперь!

Темный ликъ иконы глядѣлъ строго изъ угла на провинившуюся дѣвушку...

— Господи! прости меня! — могла она только произнести, и смочила слезами полъ, принявшею къ нему лицомъ.

Дуня вошла раздѣвать барышню, да такъ руками и всплеснула.

— Съ нами крестная сила! да нѣшто съ танцевъ плачуть?

Изумленіе Дуни перешло въ испугъ, когда на всѣ разспросы, утѣшенія и ласки ей удалось добиться одного: «ахъ, оставь меня! оставь! я гадеаа!..»

IX.

Въ соборѣ «Пресвятыя Троицы» происходило крестное цѣлованіе. Отецъ протоіерей вынулъ изъ подрясника большую просфору и, покрестивши ею воздухъ, подавъ приложившейся степенной прихожанкѣ въ чернобурой шубѣ, Шалоновой.

— Съ праздникомъ имѣю честь...—привѣтствовалъ онъ приложившуюся; а прочимъ продолжалъ совать крестъ какъ имъ попало—кому въ зубы, а кому и въ носъ.

За шубой слѣдовали: дочь—черноволосяя дѣвушка, съ свѣтлыми глазами, и долговязый тринадцатилѣтній мальчикъ, сынъ; за ними плылъ подвижникъ Гимлиштъ, ведя Разноперова на буксиръ.

Протопопская рука опять опустилась подъ ризу и опять достала просфору: Для истинныхъ чадъ церкви просфоры, повидимому, у нея не оскудѣвали.

Поздравленіе повторилось, и носы неважныхъ прихожанъ опять почувствовали крестъ. Затѣмъ радостно и умиленно поздравили—нѣмецъ прихожанку, а прихожанка нѣмца, и послѣдній ей представилъ «брата о Христѣ»—Разноперова. Она сказала, что ей это пріятно, и что такъ какъ они люди русскіе, простые, то и просить гости безъ чиновъ къ нимъ закусить. Квартира была близко,—иначе быть не могло со стороны благотивныхъ женщинъ, посѣщавшихъ всякія денныя и ночныя службы, не считая пополненія ихъ всенощными, молебными и панихидами у себя дома... Близость церкви имъ не помѣшала, впрочемъ, сѣсть въ высокую, старинную карету, съ старымъ кучеромъ на возлахъ и какимъ-то крѣпостнымъ орангутангомъ на запяткахъ, чтобъ довѣхать до дому.

Тамъ уже накрытъ былъ столъ, уставленный гостепріимно блюдами, тарелками, тарелочками и подносами, съ икрою, пирогами, пирожками и ватрушками; съ селедкой, съ семгой съ балыкомъ и ветчиною; съ саломъ и грибами; съ разными настоянками, наливками и всякою закусочною русской благодатью. Комнаты были большія, жарко натопленныя, съ воздухомъ жили, какъ подобаетъ настоящимъ русскимъ комнатамъ; убранство ихъ—тяжелое, старинное; дерево на всемъ красное; стулья и кресла чинно вытянувшіеся вдоль стѣнъ и по бокамъ дивановъ, съ твердыми рѣзными спинками, а не пухлыми, безпутно разбѣжавшіися издѣлья новыхъ мебельщиковъ... По угламъ блестятъ въ образахъ образа и теплятся лампадки крошечными огоньками. За-

спальные крѣпостные праздные лакеи, съ шустрымъ «казачкомъ», таскающимъ подносы больше самого себя... Невѣроятное количество Глафирокъ, Дашекъ, Машекъ и Парашекъ въ дѣвичьей, которыхъ все-таки оказывалось мало, чтобъ «ходить» за барынею и за барышнею, да еще «смотреть» и за долговазымъ барчукомъ; такъ, что когда «учитель» приказалъ барчонку остричь ногти, то не оказалось свободныхъ рукъ. Пришлось выписать еще одну Дуняшку, специально для ногтей.

— Вотъ, говорятъ—прислуги много!—жаловалась Дарья Романовна:—учитель велитъ ногти стричь дитяти, а стричь и некому.

Бывало приведутъ корову изъ имѣнія—и тутъ же непременно какую-нибудь Домну—ходить за этой коровой.

Слѣдомъ за хозяевами, начали стекаться приглашенные: Настась Настасьичъ, какъ звала хозяйка Гимлиша, и Разноперовъ съ нимъ; старый-престарый Еремѣй Ѳомичъ, пристроивавшій очень долго шубу, пальку и калоши въ передней, завѣщая ихъ нарочитой охранѣ казачка: «это мои калѣши,—произносилъ онъ мягко, какъ дитя, — а это палька», и потомъ уже вошелъ въ гостиную; перекрестился; шаркая ногами, приложился къ ручкѣ Дарьи Романовны, въ которой продолжалъ усматривать все ту же молодую женщину, какою тридцать лѣтъ назадъ усматривалъ. Затѣмъ поцѣловалъ и ручку бырышни Надежды Павловны, но уже шутя,—какъ бы игралъ съ младенцемъ, и поздравилъ всѣхъ... Про Разноперова онъ отозвался, что «имѣлъ одоволстоіе» (это послѣднее слово произносилъ твердо) видѣть его въ церкви. Вообще про то что бы онъ ни отзывался, все доставляло ему неизмѣнно удовольствіе: одинъ разъ даже онъ сказалъ, что «имѣлъ одоволстоіе получить недоволстоіе»... Пришелъ домашній докторъ, чуть ли не еврей, но оттого крестившійся не менѣе усердно на иконы и усердно поздравлявшій. Скромно, на цыпочкахъ, вступилъ второй Настась Настасьичъ, ѣвшій одно рыбное, похожій самъ на рыбу: глаза рыбы и лицо, двѣ капли воды, щучье. Онъ смиренно покрестился и расклавъ на всѣ четыре стороны и, неся свою не-человѣчью голову на жесткомъ галстукѣ, точно на блюдѣ, обошелъ всѣхъ, кого лобзая въ ручку, а кого и въ губы. Говорилъ онъ шепотомъ и текстами. Фамилію носилъ тоже соответственную—Трехсвятительскій. У стараго же Ѳомича она была совсѣмъ не-справедливая—Пострѣловъ.

До тѣхъ поръ, покуда не явился протопопъ, благочестивое собраніе не дотронулося до закуски. Только съ его появленіемъ двинулись въ столовую, и когда уже благословивши «яства и

питія», завернутый рукавъ широкой рясы потянулся къ пробочкамъ графинчиковъ, тогда только протянулись остальные руки. Отецъ-протопопъ потиралъ ладони и, руководимый Дарьею Романовною, дѣлалъ обходъ блюда, тарелокъ и тарелочекъ... За нимъ двигались остальные.

Разговоры были, разумѣется, благочестивые. Первою была обсуждена погода—очень обстоятельно, и вышло, что она хорошая, по снисхожденію къ роду человѣческому Промысла... Отстоянное бдѣніе Трехсвятительскимъ у митрополита въ Лаврѣ шло вторымъ. Отъ бдѣнія уже свернули въ сторону; коснулись дороговизны мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ—больше по почину батюшки, который въ цѣнахъ на говядину усматривалъ со стороны того же Промысла знаменіе — «яко бы перстъ» за оскудѣніе вѣры въ человѣкахъ. Трехсвятительскій, сверхъ ожиданія, обнаружилъ тутъ весьма разностороннія познанія по кулинарной части.

Разноперовъ призналъ обязательнымъ заняться собственно хозяйской дочкою. Надежда Павловна, хотя немножко вялая, какъ будто ей недоставало воздуха, была бы собою недурная дѣвушка, когда бы не была ужъ такъ запущена, одѣта неуклюже и какъ будто не причесана... Она оказывалась и читавшей, и не глупою, и даже образованною. Было видно, что Шалоновскія черноземныя имѣнія удачно помѣстили часть своихъ доходовъ на умѣнье и услуги съѣдающихъ людей, успѣвшихъ бросить въ молодой умъ такіа сѣмена, которыхъ даже плевели бесѣды воскресныхъ посѣтителей не заглушили...

Братъ ея Никифорушка обнаружилъ преимущественно аппетитъ. Шею этотъ мальчикъ имѣлъ вытянутую, на подобіе гусенка, голову несоразмѣрно малую и носъ гусиный, да еще носилъ на немъ какіе-то прыщи. Но чувствами онъ отличался очень нѣжными, и гувернеру приходилось извлекать его довольно часто изъ объятій Грушекъ и Глафирокъ, къ изумленію Дарьи Романовны, которая не могла понять, какъ можно мѣшать такимъ трогательнымъ проявленіямъ добраго сердца ребенка.

Сердце Надежды Павловны тоже оказалось не безчувственнымъ. Когда святоши спрашивали: какъ понравился ей гость,—она, краснѣя, отвѣчала: очень... Отецъ-протопопъ похвально отозвался стороною «о благочестіи во младости»; а мать вздохнула выразительно и повела глазами на икону.—«Никто какъ Богъ! на все Его святая воля!» Батюшка одобрилъ эту мысль,—и общество тихонько разошлось.

На Разноперова домъ у Святыя Троицы пахнуло немножко

заднимъ дворомъ дома старой графини. Роли посѣтителей мѣнились въ томъ же направленіи: оказывавшимъ поклоненіе тамъ, оно оказывалось и здѣсь; но послѣдніе тамъ, здѣсь становились первыми. Настасъ Настасьичъ, напримѣръ, былъ тутъ почти верховный жрецъ, а тамъ чуть-чуть не пономарь. Ему особо подавались кушанья, его слова считались манной, ниспадавшей съ неба... Разноперову предоставлялось видѣть въ себѣ Феба, испившаго между Трехсвятительскими и Еремѣями Ѳомичами. Какъ и зачѣмъ онъ очутился здѣсь? онъ совершенно по-забылъ. О томъ, что привезли женить, онъ вспомнилъ только послѣ, на досугѣ; но по непривычѣ останавливаться вообще на чемъ бы ни было, и это отложилъ до «разсмотрѣнія», а пока отправился съ визитомъ въ Зеленецкимъ.

X.

Тутъ декорація перемѣнилась мягомъ, въ родѣ того, какъ это бываетъ на сценѣ: сельскій видъ съ деревьями и хижинами вдругъ ушелъ куда-то, и на его мѣстѣ опустился городъ. Вслѣдъ за первобытностью, степенностью и черноземнымъ изобиліемъ Шалоновыхъ, — ничего степеннаго, ни изобильнаго или первобытнаго: всего одинъ лакей въ прихожей, зато въ бѣломъ галстухѣ и выснавшійся; комнаты хоть маленькія, но и миленькія; изъ убранство тоже миленькое; размѣщеніе мебели вполне безпутное. Въ гостиной Зеленецкая-*татап* одѣта молодою женщиной, съ такою увѣренностью въ свою молодость, что сомнѣніе въ этомъ представлялось невозможнымъ; между тѣмъ, какъ ма-тушка Шалонова, которая была не старше, съ равною увѣренностью одѣвалась старухой. Въ другой комнатѣ — уже самой маленькой, но и самой миленькой, съ балкономъ-барабаномъ, Маша, въ платицѣ загѣйливѣйшей простоты, смѣялась съ удивительнымъ брюнетомъ, — самымъ удивительнымъ, какіе только водятся; потому-что онъ былъ пѣвецъ и итальянецъ.

Жили Зеленецкіе, — какъ бы это объяснить? — именно необъяснимо. Всѣ знали, что у нихъ ни черноземнаго и никакого не было имѣнія; что Зеленецкій служить гдѣ-то представителемъ палаты, и несмотря на то, а можетъ быть и вслѣдствіе того, ведетъ себя марьянзомъ; вертитъ золотую табакерку кончиками бѣлыхъ длинныхъ пальцевъ, какъ у Маши, и по всей губерніи гремитъ обѣдами, какъ Сарданапалъ. Семейство въ Петербургѣ занимаетъ помѣщеніе игрушечку, ѣздитъ въ игру-

печей-каретъ и имѣть ложу въ «итальянскомъ»,—словомъ совершаетъ все, что требуетъ расходовъ и особенно доходовъ. Слухи о какомъ-то содержаніи по службѣ матушки въ какомъ-то тайномъ учрежденіи и о внимательномъ начальникѣ въ достойной подчиненной, можетъ-быть, и объяснили-бъ что-нибудь, когда бы Петербургъ не прибѣгалъ уже слишкомъ часто къ этому источнику при разрѣшеніи недоумѣній... Чтб бы ни было, но Зеленецкіе жили вполнѣ людьми «какъ слѣдуетъ»—comme des gens comme il faut. То, что у Зеленицкихъ дѣлалось и говорилось, что носилось или подавалось, что было принято,—узнавалось въ ихъ кругу. «Ихъ» кругъ, однако оказался, тѣснѣе. Маша создана была для вышшаго. Ея талантъ служилъ тѣмъ входнымъ билетомъ. «Партію» найти ей можно было только тамъ. Для этого-то и обрабатывался удивительный итальянецъ какъ учитель пѣнія въ высшемъ кругу и устроитель концерта «pour les paucres» у Апресноковой,—той самой, что «protège» мис. Разноперовъ. Потому и Разноперову досталась порція любви, равная той, какая отпускалась ему. Маша отдала дань на судъ: какую арію ей спѣть въ концертѣ? Разноперовъ, и готовившійся къ роли музыкальнаго Париса, поперхнулся; арію, однако, выбралъ, и ту самую, которую хотѣла пѣть Мари. Конечно, акціи его тотчасъ повысились. Мари подозвала его въ роялю и освѣдомилась: поетъ ли онъ? Когда стало извѣстно, что не поетъ—пожалѣла: по всѣмъ примѣтамъ, у него и голосъ долженъ быть, и ухо. Сейчасъ же произведено было испытаніе въ самомъ дѣлѣ, оказались: превосходный баритонъ и изумительное ухо. Надо было принять это къ свѣдѣнію, а совѣтъ—учиться у пѣвнятельнаго итальянца—и къ исполненію. Затѣмъ. Опять-таки за спѣшностью сообразить не удалось; первый же урокъ, какъ не терпѣвшій отлагательства, назначенъ былъ на завтра. Разноперовъ позабылъ, что завтра, можетъ быть, командировка прекратить его вокальную карьеру,—и уже когда полученъ былъ пакетъ за бурою печатью, выданы прогоны и подъемный, онъ—забывъ о пѣніи, о Зеленецкихъ, о Шалоновыхъ и тѣхъ, которые такъ долго ждали этихъ нужныхъ денегъ,—въ томъ числѣ и Бухторминъ, принесшій свои синенькія, за него ж отданныя; прямо съ почты, какъ и общалъ, Затинову, а себѣ оставилъ только ожиданіе,—перезабывъ всѣ эти мелочи, онъ поспѣшилъ купить дорожную карету. Но уѣхалъ въ ней недалеко. Благодаря каретѣ, уже съ подъемными нельзя было поѣхать; поспѣгнуть пришлось на прогоны. Но и тутъ едва-ли онъ уѣхалъ далѣе своей квартиры, еслибы на погубель ро-

человѣческаго свѣтъ могъ оставаться безъ сострадательныхъ ростовщиковъ. Капотовъ зналъ просто душу-ростовщика, Лиліенблюма, — лучшаго челоѣка на всей Малой-Мѣщанской. Милый Степанычъ былъ такимъ прибѣжищемъ всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ, такъ много утолялъ и накормлялъ, что наконецъ и самому пришлось прибѣгнуть за кормленіемъ и утоленіемъ. Вотъ то помогло ему открыть въ Малой-Мѣщанской «душу». Къ ней въ и отвезъ Александра Александровича.

Душа-Лиліенблюмъ, въ большихъ серебряныхъ очкахъ, походилъ на сову, сидѣлъ въ сараѣ задняго двора, со списками въ рукахъ, надъ цѣлымъ ворохомъ металла, большей частью даннаго на сохраненіе Капотовымъ. Лиліенблюмъ не давалъ въ займы, — онъ только сохранялъ что поцѣнилъ, за довѣріе снабжая въ малой степени деньжонками. Но обязательность его не ограничивалась этимъ: онъ готовъ былъ оставлять себѣ все то, за что владѣльцы затруднялись принести деньги въ срокъ. Капотовъ глубоко цѣнилъ такую деликатность Лиліенблюма и не безъ гордости указывалъ на половину собственныхъ, когда-то чужихъ предметовъ, перешедшихъ на такомъ основаніи въ собственность «души» и украшеніе Малой-Мѣщанской.

— Лиліенблюмъ! — отрекомендовалъ Милый Степанычъ: — мой добрый знакомый.

Добрый знакомый, приподнявъ очки, сказалъ: «Страститъ, каспатынъ Габодъ!» (къ произношенію русскихъ словъ онъ отношася отрицательно и исправлялъ его по собственному вкусу).

— Титулярный совѣтникъ Разноперовъ, Александръ Александровичъ... титулярный совѣтникъ — тотъ же капитанъ... Мой другъ... желаетъ тоже... какъ съ благороднымъ челоѣкомъ, какъ съ благороднымъ челоѣкомъ, познакомиться... Ѣдетъ въ командировку... (И, наклонившись къ уху, прошепталъ: воротится, вѣрно, коллежскимъ ассесоромъ, — das ist майоромъ...)

— Каспатынъ зафѣдникъ имѣтъ зерепренны или салатинъ?

Разноперовъ поперхнулся...

— Я собственно, мсьѣ Лиліен... мсьѣ...

— Плюмъ, — подсказалъ ростовщикъ.

— Я собственно вещей не имѣю, но, понимаете, я желаю бы имѣть денегъ... За проценты, вы понимаете, за хорошіе про...

— За кардшъ брадзентъ мѣшенъ; а фзе-же фештъ имѣтъ...

— Вещь, гм... вы говорите—вещь? Что-жь, можно и вещь... Карету, наприѣмъ? дорожную карету, гм...

— Епелъ карбштъ—мошенъ. Фзе мошенъ—хоть карѣтъ, хоть таракѣй шупъ... фзе мошенъ...

— Герръ Лиліенблюмъ—душа-человѣкъ!—растрогался Капотовъ:—онъ на все согласенъ...

И такимъ-то образомъ представилась возможность пустить немедленно въ оборотъ карету, купленную наканунѣ. Правда, куплена она была не для поѣздки въ Малую - Мѣщанскую, а гораздо дальше, и заплачена полторы тысячи бумагами; за сохраненіе же выдавалось триста - пятьдесятъ рублей, да удерживалось еще по два процента въ мѣсяцъ—за полгода; но за то явились деньги и возможность начинать командировку—до Москвы въ явившейся тогда новинкѣ—дилижансѣ, а оттуда уже какъ Богъ пошлетъ. Предвидѣлась неясная надежда: въ Бѣлокаменной перехватить у стараго товарища отца. Чудакъ давно впалъ въ дѣтство и не отходилъ отъ печки; станеть и качается какъ маятникъ.—Чего вы все качаетесь?—бывало спросать.—«Привычка-отвычка!»—отвѣтитъ и закачается. У этого и экипажъ, пожалуй, можно выпросить—старинный, правда, но хорошій; у него когда-то былъ варшавскій... Съ дуру, чего добраго, и дать... А главное, Разноперовъ выскочилъ изъ затрудненія сегодня. Что же будетъ завтра? Онъ не имѣлъ дурной привычки о томъ думать. Изъ всѣхъ притчъ, которыя, какъ начинающій подвижникъ, зналъ онъ превосходно, ни въ одной такъ не лежала у него душа, какъ въ притчѣ о птицахъ небесныхъ. И ужъ исполнять же онъ ее!

XI.

Прошелъ постъ, съ концертами и пикниками, съ дѣйственнымъ трибъ наѣздинцѣ въ циркѣ, безъ малѣйшаго грѣха комедій и соблазна драмъ. Къ страстной недѣлѣ души такимъ образомъ готовы были для спасенія совершенно... Драблая Нева успѣла сбросить грязныя лохмотья льда въ заливъ, и Ладожское озеро сплывило туда же крѣпкія свои бѣлѣющія льдины. Майскій снѣгъ и холодъ прогнали весну куда-то дальше, и въ іюлѣ, какъ всегда бываетъ, Петербургъ увидѣлъ разомъ духоту, пыль и бѣлыя—бѣлѣй своихъ красавицъ, ночи...

Машѣ Зеленецкой удалось взять въ концертѣ «*rouge les raucres*» такую удивительную ноту, что Шмульканъ на всю

залу крикнулъ: «браво, «Марі! брависсимо Зеленецкі!» (онъ на этотъ вечеръ былъ полякъ), и написалъ о ней статью еще удивительнѣе.

Степанидѣ Львовиѣ все еще и въ голову не приходило у двуродныхъ привязанность не по закону, и она на всякій только случай поощряла Боринькино воловство за Марі.

Но Разноперовъ окончательно предпринималъ походъ на «бабушекъ». Его гурьбою проводили изъ конторы дилижансовъ, вмѣстѣ съ Истуканомъ, встати захваченнымъ «при случаѣ». Безъ «случая», конечно, ни пріѣхать, ни уѣхать ему не удалось бы. А зачѣмъ то и другое дѣлалось—никто не спрашивалъ. На то и былъ онъ бѣдный дворянинъ, помѣщикъ разбѣжавшихся одиннадцати душъ, пригодный для расчетовъ мѣдными на станціяхъ, готовый за копѣйку сдачи воевать съ зрителемъ... Его и брали, и возили.

— Отчего, скажите, у васъ мужики бѣгаютъ, Истукарій Кузьмичъ?—прислали къ нему на прощанье молодые люди:—вы, признайтесь, ихъ сбѣчете?

— Подсѣваю—отвѣчалъ старикъ, блаженнѣйше понюхивая табачекъ:—да, подсѣваю... кто-жъ не подсѣваетъ?..

Всякіе отъѣзды расшевеливаютъ тѣхъ, кто остается; но особенно Кислятникова, уже другой годъ считавшагося на отъѣздѣ, подзадорилъ грузно покачившійся высокій желтый дилижансъ. Онъ принялся всѣхъ увѣрять, хотя никто не выражалъ сомнѣнія, что услышитъ Шеллинга, и громоздитъ грузикѣ дилижанса фразы.

— Всякое рѣшеніе, однажды принятое,—городилъ онъ,—можетъ, болѣе или менѣе, ближе или далѣе, отстоять — *entfernt sein*, — какъ говорятъ нѣмцы, — отъ пункта его достиженія... я могъ бы сказать—осуществленія, или правильнѣе—реализаціи; быть возможнымъ, даже абсолютно возможнымъ, или точнѣе—реальнымъ; скажу лучше—*thünlich*, — какъ нѣмцы... Но тѣ усложняющія и задерживающія функціи и факторы жизни...

— Говорите просто—кирассиры! — обрываетъ его Далматъ Ломовицовъ, новый членъ кружка, имѣвшій преимущественное право «обрывать».

Учился онъ съ Борисомъ въ корпусѣ; но, какъ и многіе способные и бойкіе ученики, пустился въ жизнь, безъ всякихъ правъ на то, чтобъ жить,—не выучилъ себѣ и чина. Но за то онъ собственно и не жилъ, а болтался. Числился «сверхштатникъ» гдѣ-то у начальствующаго важнаго родного и острилъ надъ всѣми, начиная съ него, перваго; читалъ все и скушалъ у

букинистовъ все; интересовался всѣмъ и волновался изъ-за всего. Не дѣлая въ дѣйствительности ровно ничего, онъ былъ занятъ съ ранняго утра до самой поздней ночи спорами и чтеніемъ, хожденіемъ вдоль и поперекъ комнатъ—у себя, у своихъ друзей и у родныхъ, и непремѣнно въ тучѣ разносимаго повсюду дыма трубки. Одинаково порывистый въ движеніяхъ и въ словахъ, онъ тербилъ, кусалъ чубукъ и говорилъ; самъ задыхался и закашливался,—но все говорилъ и все курилъ... Врожденные шероватости еще преувеличивалъ, чтобъ какъ нибудь не обнаруживать мягкости или чувства; а то и другое глубоко сидѣли гдѣ-то, спрятанные про особый случай... Въ корпусъ онъ былъ первѣйшимъ «приставалой»: не было прохода отъ него ни глупому учителю, ни глупому ученику. Теперь Кислятниковъ, или «герръ фонъ-Кислятниковофъ», даже герръ-фонъ, какъ окрестилъ его Дамать,—былъ очистительнымъ его возломъ.

Кислятниковъ его прозвалъ—*l'homme avisé*.

— На этотъ разъ вы—*l'homme mal avisé*, позволю себѣ такъ выразиться,—отгрызался онъ за «кирасиры».

— Вы, Ломовизовъ, съ кираcиpами поосторожнѣе, они въ министры прямо свачутъ,—ехидно заступился тоже новый членъ—Сорневъ, «Федоръ Семенычъ», какъ его обыкновенно звали. Право это онъ снискалъ себѣ не столько преимуществами возраста (ему было за тридцать), сколько доказательствомъ большого «вольнодумства», не совсѣмъ обыкновеннаго по времени, когда и «вольный воздухъ» былъ предосудителенъ для пирожковъ... Федоръ Семенычъ бросилъ службу съ жалованьемъ оттого, что мѣсто, ему слѣдовавшее, было, какъ и слѣдуетъ, дано кому не слѣдовало. Рѣзо обличилъ директора и не хотѣлъ служить. А не служить, или не вѣрить въ Бога—было тогда почти одно и то же... Но главное—Федоръ Семенычъ какъ бы свелъ въ мірозъ безвѣстной молодежи отблескъ тѣхъ именъ литературы, отъ которыхъ, какъ отъ солнца, оставались у нея круги въ глазахъ. Федоръ Семенычъ слышалъ Аполлона Майкова, читавшаго, еще въ студентскомъ синемъ воротникѣ, свою первую поему. Онъ указывалъ на проходившаго зимой по улицамъ, въ не очень вѣтрихъ сапогахъ и въ лѣтней шляпѣ Перепельскаго, и зналъ, что этотъ тощій, желтый юноша—Некрасовъ; говорилъ, что авторъ «Бѣдныхъ людей»—инженерный офицеръ, а «Обыкновенной исторіи»—чиновникъ; и наконецъ, онъ что-то напечаталъ самъ въ журналѣ, гдѣ печатался Бѣлинскій!.. Къ Сорневу ходилъ, тоже въ дырявой обуви, Кувалдовъ, тоже тощій, но уже сулившій сытаго со временемъ редактора, а пока стро-

тившій что угодно: водевили, «передѣланные» неизвѣстно какъ съ французскаго, потому что онъ французскаго и въ зубъ толкнуть не зналъ; и критики, и все... Досталъ себѣ на выучку въ пошты внука богача-купца, котораго «наказывалъ», какъ выражался самъ, по 25-ти цѣлковыхъ за урокъ...

На Ѳедора Семеныча наткнулся также у писателя — добрыйшаго хохла Потылицы, — Камеевъ. Онъ учился у него русской словесности кадетомъ. Сорневъ не учился у хохла, но зналъ его по прежней канцеляріи, куда тотъ нрѣдка ходилъ провѣдывать: не перепадаетъ ли малая толика наградишки за мирное вожденіе юныхъ марсовъ въ вертоградъ родного слова?

Надъ Ѳедоромъ Семенычемъ уже и Ломовизовъ не смѣялся. А о томъ, какое было его обаяніе для открытаго любому объявію Камеева, и говорить напрасно. Своро онъ и думалъ, и смотрѣлъ на все, какъ Сорневъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда не зналъ, какъ посмотрѣлъ бы или какъ подумалъ бы Ѳедоръ Семенычъ, — не смотрѣлъ никакъ и ничего не думалъ. Сорневъ полюбилъ его, какъ любить старшій братъ меньшого, и взыскательность свою къ другимъ какъ будто восполнялъ преувеличеніемъ достоинствъ своего Сережи... Разумѣется, Сережа не былъ передъ нимъ въ долгу. Когда геройски бросившему службу Ѳедору Семенычу было нѣ начто нанять квартиру, онъ ему ту же минуту далъ лучшій уголъ у себя въ казармахъ, гдѣ отъ деньщика Ивана и до самаго порога лѣстницы былъ во всемъ вѣдренъ солдатскій запахъ щей съ махоркой... Но когда и это благовонное пристанище было передано офицеріику «почище», то-есть попронырливѣй, то неизвѣстно уже куда-бъ они и дѣлись, если-бъ не было на свѣтѣ вѣрнаго пристанища для всѣхъ, кто безъ пристанища: квартиры Разнопэрова. Кстати, и хозяинъ самъ тогда уѣхалъ. Впрочемъ, если-бъ онъ и не уѣхалъ, гости помѣстились бы: молодость укладиста.

И вотъ, Силѣ Петровичу, уже не «Сахара Медовича», съ котораго, хоть не всегда съ успѣхомъ, можно было получать, но можно было требовать по крайней мѣрѣ деньги, — ему пришлось видѣть перваго числа Ѳедора Семеныча, и «опричь какъ смѣхоты одной», по выраженію олончанина, — не получать ужъ ровно ничего. Напрасно его шишка наливалась кровью: Сорневъ поддалъ еще...

— Вотъ такъ-то, мой великодушнѣйшій Сила Петровичъ, — дѣлалъ онъ, кружа безмятежно табакерку: — царство - то небесное вы, я полагаю такъ, получите; ну, а ужъ денежекъ - то

за квартиру — тю-тю! не получите. Птичка-то наша за тридцать земель улетѣла...

— Гмъ! топчится на мѣстѣ олончанинъ: — вѣдь вотъ, какъ затенеть! какъ затенеть! (При этомъ онъ тычетъ себя въ лобъ большимъ пальцемъ, точно долотомъ). Затенуло дурацкую башку — ну и выпустилъ!

— И прекрасно сдѣлали, милѣйшій! И въ священномъ писаніи говорится: «аще убо разрѣшиши...» или что-то въ этомъ родѣ — вы ужъ лучше знаете... Вотъ табачку вы не понюхаете ли, мой добрѣйшій? Это оттыкаетъ. У меня у самого былъ, а вамъ доложу, начальникъ, да еще со звѣздою, — а ужъ такъ-то былъ онъ глупъ, какъ колода, можете себѣ представить... что называется — во славу Божию глупъ, — а наколотить бывало въ носъ изъ табакерки, и ничего, — будто бы даже разумѣть началъ... Вы не огорчайтесь, достойный другъ! Квартира ваша все же занята; а что не платить за нее никто, бѣда не Богъ знаетъ какая! Можетъ, попадется какъ-нибудь такой, что и платить будетъ... Водятся вѣдь и такіе...

Скоро Сорневъ и Камеевъ, нисколько непохожіе, какъ только можно быть нисколько непохожими — какъ непохожи, на примѣръ, сатира и элегія — стали однимъ человѣкомъ. А непохожи они были поразительно: одинъ — какъ красная дѣвица, робкій, бѣлокудрый, съ короткими и очень свѣтлыми глазами юноша, съ минорно-тихимъ голосомъ и выраженіемъ какой-то постызанной неувѣренности; платонически влюбленный въ очень прованческихъ кокетокъ; съ отношеніемъ ко всему восторженнымъ. Другой — холодный, зрѣлый человѣкъ, съ прямыми черными на длинной шеѣ космами волосъ и тоже черными глазами, толстыми губами на желчномъ и худомъ лицѣ; съ насмѣшливымъ и вѣчно изумленнымъ глупостью людскою взглядомъ; съ вѣчною ироніей въ движеніяхъ и словахъ; и отношеніе отрицательное ко всему на свѣтѣ. Нѣтъ той неприглядной стороны, а въ женщинахъ смѣшной, которой онъ не поддѣпился бы на лету, того успѣха, той извѣстности, въ которыхъ не открылъ бы пятки, тѣхъ очарований, чтобъ не разочаровалъ!.. Но надо было ему отдать справедливость: въ качествѣ ли общаго Мефистофеля или только Ментора Камеева, — онъ оставался неизмѣнно юмористомъ и смѣшилъ до слезъ. Гдѣ былъ Сорневъ, тамъ и смѣхъ. Нерѣдко Телемаку приходилось самому кадить смѣхомъ своимъ божествамъ. И когда кругомъ все помирало, Сорневъ только обводилъ свой изумленный взоръ: «неужто-молъ вы этого не знали?» Были у него, однако, пѣлосы, когда отъ желчи все ему казалось желтымъ. И какими

же тогда рассказами неправды, позорнаго порабощенія, гнета, грубаго самоуправства, кражи и насилій, доводилъ онъ до негодованія тѣхъ, кто доходилъ чуть не до истерики отъ смѣха. И откуда что бралось! Изъ всѣхъ сферъ и изъ любого званія и состоянія, на всякій случай и на всякое случайно названное имя, у него готовы были приговоры... Тутъ не обходилось безъ помощи сокурсника Бухтормина, Пржедзецкаго, въ университетѣ прозваннаго «паномъ» и знавшаго, какъ вообще поляки, все, чего не знаютъ русскіе... Панъ былъ еще зрѣлѣе Сорнева: это былъ одинъ изъ тѣхъ Несторовъ университета, которые изъ голубого воротника выходили съ просьбою. Пржедецкій былъ по наружности и въ самомъ дѣлѣ панъ, или сатиръ, и сходствомъ, какъ и кличкою гордился. Тонкіе сарказмы Сорнева, съ циническою солью пана, дѣлались еще жгучѣе, и голубиновѣжному Камееву давали пищу непереваримую. Любить все — по природѣ, и все ненавидѣть — по Ѳеодору Семенычу — было въ самомъ дѣлѣ очень нелегко. Немудрено, что онъ ходилъ потеряннѣе и даже на ученьи разъ, вмѣсто «праваго плеча впередъ» сдѣлалъ что-то въ родѣ «на-лѣво кругомъ».

— Это что? вольнодумство! — закричалъ сраженный генералъ: — книжки читаете? Стыдились бы, господинъ офицеръ!

XII.

Опять прошелъ постъ, и льдины Ладожскаго озера прошли. Марі опять заставила кричать Шмультана, кажется, на этотъ разъ по-англійски; Кислятниковъ опять все уѣзжалъ въ Берлинъ, а Разноперовъ встряхивалъ «батьшекъ», и положительному Силѣ Петровичу все приходилось довольствоваться платоническимъ занятіемъ квартиры...

Въ залѣ перваго когда-то вечера, Лили, по прежнему влюбленная въ Бориса, — проходила цѣлый часъ, въ одно, быть можетъ, для другихъ прескверное, но для нея прекраснѣйшее утро, объ руку съ Борисомъ. Всякая опасность со стороны Ѳеодосія Ѳеодосійча была отражена заранѣе докладами, а Степаниды Львовны — счетами мясной и зеленой за мѣсяцъ.

— Сколько разъ мы здѣсь съ тобой мирились, — говорилъ Борисъ (уже поручикъ, сжегшій весело записки прикладной механики, и назначенный приказомъ на «дѣйствительную службу»). Неужели на прощаніе ты на меня будешь сердиться?

— Нѣтъ, Борисъ! я не могу, — у меня больше нѣтъ силъ

не сердиться... Вчера утромъ еще ты меня увѣрялъ—здѣсь, въ этой самой комнатѣ... и я тебя вѣрила... и даже сама просила папашу ѣхать въ этотъ ужасный концертъ... И чтожь? ты станешь увѣрять, что ты ее не любишь? Развѣ я не видѣла всего?..

То «все», что видѣла Лилі, не превышало отбиванія поручичьихъ ладоней всякій разъ, когда показывался кончикъ юбки Зеленецкой.

— Что ты за дитя, Лилі! ты развѣ не слыхала, какъ твоя папаша меня просила хлопать,—изворачивался онъ.

— А бросаться подавать салопъ? а застегивать ей воротникъ—тоже просила? Ахъ, я этого вспомнить не могу! И какъ она, противная, близко наклонилась къ тебѣ! и ты такъ долго держала руки около ее шеи; закутывалъ въ косынку... Нѣтъ, Борисъ, это жестоко!

Она заплакала. Онъ взялъ ее за тонкій станъ и, нѣжно прижавъ къ себѣ, поцѣловалъ.

— Прости, дитя! Ну, не сердись! Ну, право, этого не будетъ больше... Сердишься? отвѣть!..

Она отвѣтила—но только поцѣлуемъ...

Вдругъ шаги—и Степанида Львовна, блѣдная, направилась къ кабинету мужа.

— Мамаша все видѣла!—проговорила обмершая дѣвушка.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ показался Феодосій Феодосевичъ. Онъ только посмотрѣлъ въ ихъ сторону; но по тому—какъ посмотрѣлъ—они рѣшили, что пропали...

— Уходи! прощай! папѣ все знаетъ, — едва могла сказать Лилі.

— Прощай, дитя! Не сердись?

— Не знаю. Прощай... можетъ быть—совсѣмъ!..

Растерянная, но еще счастливая послѣднимъ поцѣлуемъ, блѣдная направилась въ ту сторону, куда ее загналъ когда-то первый поцѣлуй, и вынула изъ-подъ подушки дагерротипъ Бориса. Посмотрѣла на него, присѣла на постель и прижала къ сердцу. Мать ее застала въ этомъ положеніи, уже послѣ цѣлой бури въ кабинетѣ.

— Вы зачѣмъ, папаша, сказали?—встрѣтила ее Лилі.

Старуха посмотрѣла немощно на дочь и опустилась на стулъ.

— Я ничего не говорила, Лиза! Только когда я увидѣла, что вы съ Борисомъ... (у нея недоставало мужества произнести ужасное слово)... когда я это увидѣла, у меня и ноги подкосились... я успѣла только войти въ кабинетъ, да такъ и упала въ кресло... Онъ спрашиваетъ: что со мною?..—Ничего, говорю;

такъ Борисъ, говорю, съ Лилі... Больше я ничего не сказала. Онъ самъ догадался:—«вѣрно, говорить, цѣлуются?» и выскочилъ самъ въ залу... Послѣ на меня же сталъ сердиться: это видишь, я довела до этого! я позволяла вамъ Богъ-знаетъ что! Ты знаешь, что же я такое позволяла? я такъ старалась, чтобъ Борисъ влюбился въ Машу... и онъ общалъ! я вѣрила... Лилі, мой другъ! но вѣдь у васъ съ нимъ ничего не было? признайся матери, Лилі!—вѣдь ты не влюблена? вѣдь это грѣхъ—вы вѣдь родные...

— Я его люблю, маман, — рѣшительно призналась дѣвушка.

— Любишь?! Ахъ, Боже мой! Лилі, что ты говоришь, опомнись! Да подумала-ли ты, что сказала? Господи, до чего я дожила!

Она заплакала.

— Мнѣ думать нечего, маман... я его люблю и никого больше любить не буду...

Степанида Львовна пуще залилась.

— Да вѣдь за него ты замужъ выйти не можешь—вѣдь этого нельзя! Чего-жъ ты хочешь?

— Я ничего не хочу. Безъ него мнѣ ничего не надо. Безъ него я жить не могу!

И она залилась тоже. Слезы капали на дагерротипъ, какъ дождь. Мать посмотрѣла на красивое лицо Бориса, улыбавшееся изъ-подъ обмоченнаго стекла.

— Такъ-то онъ отблагодарилъ!—заговорила она:—я его какъ сына ласкала...

Но въ комнату вошелъ Федосѣй Федосѣичъ. Онъ отправилъ доклады въ департаментъ—всѣ оказались никуда негодными. Пришелъ начальникъ отдѣленія, имъ же вызванный; онъ закричалъ: что ему надо? и бумагъ не отдавъ, бросилъ на полъ. Тотъ началъ подбирать, да задѣлъ кресло—чуть не повалилъ начальника... Расположеніе духа только становилось еще соотвѣтственнѣе обстоятельствамъ.

Уже одно начало не сулило ничего хорошаго: онъ громко хлопнулъ дверью и повернулъ ключъ; дернулъ кушетку и велѣлъ Лилі сѣсть, а Степанидѣ Львовнѣ—не смѣть плакать.

— Ну-съ, Лизавета Федосѣевна,—заговорилъ онъ, будто и по свѣму, но только голосъ былъ совсѣмъ чужой:—ну-съ, я пришелъ вамъ объявить, что ваши шашни мнѣ теперь извѣстны, и вы напрасно станете божиться мнѣ и лгать... я не повѣрю. Нѣтъ, я не повѣрю! (онъ возбуждался тѣмъ, что дочь не лжетъ, не божится, а только смотритъ на него). Я не затѣмъ пришелъ,—совсѣмъ нѣтъ! я пришелъ вамъ объявить, что вы должны—

слышите ли, должны! что вы не смѣете мнѣ не признаться—до какихъ поръ дошли ваши отношенія?

Она по прежнему смотрѣла на отца.

— До какихъ поръ? спросите у папаша—она видѣла...

— Ха! папаша видѣла! Я спрашиваю не о томъ, что она видѣла—а о томъ чего никто не видалъ... кромѣ васъ двухъ...

— Больше ничего не было,—искренно и непорочно отвѣчала дѣвушка.

— Ничего? Какъ-бы не такъ! Такъ вотъ я сейчасъ вамъ и повѣрю! Ужъ если вы въ залѣ при всѣхъ цѣлуетесь...

Онъ очень хорошо зналъ, что въ залѣ потому именно и цѣловались, что тамъ никого не было, но сказать это тоже изъ-за возбужденія...

— Цѣловаться съ молодымъ человѣкомъ! съ родственникомъ! Это, вы знаете, какъ называется?.. И этотъ мальчишка, вмѣсто того, чтобъ любить свой предметъ, осмѣлился...

— Папаша!—жалобно произнесла дочь.

— Что папаша? Ты еще заступаться? Хорошо-же! ужъ я его запрячу, куда и Маваръ телятъ не гонялъ! Духу его не услышишь, матушка! А теперь изволь сейчасъ, сію минуту во всемъ повиниться.

— Мнѣ вѣниться не въ чемъ. Я его люблю и никого кромѣ его любить не буду...

— Какъ? а мужа? Я говорю тебѣ—ты должна выйти замужъ! если только отыщется такой дуракъ, что возьметъ тебя...

— Мнѣ и не надо. Я не пойду замужъ...

— Ну, объ этомъ тебя, еще можетъ, и не спросятъ! А ты вотъ отвѣчай, о чемъ спрашиваютъ...

И изъ повелительнаго его голосъ сдѣлался просительнымъ.

— Ну, Лилочка! Ну, я прошу тебя! вѣдь я не требую: признайся! Это все поправить можно—только отвѣчай...

Въ умѣ его пронесся Эвигъ. Онъ его назначилъ только-что секретаремъ.—«Сейчасъ же въ камеръ-юнкеры, а тамъ—правитель канцеляріи...»

Лили стояла молча.

— Ты мнѣ скажешь—какъ отцу! какъ другу!

Онъ схватилъ ее за обѣ руки и пытался ихъ поцѣловать. Она ихъ вырвала.

— Папаша! что вы дѣлаете.

— Скажи же, Лилочка!—подошла мать, которая хотя по настоящему не смѣла, но все время плакала:—ну, скажи ужъ лучше! скажи папѣ! видишь, онъ не сердится—онъ проситъ...

Въ первый разъ еще ей приходилось видѣть, что онъ просить, и она глазамъ своимъ не вѣрила.

Но бѣдная Лилі не знала, что ей дѣлать? И отца жаль: ну какъ? онъ—грозный, неприступный папѣ, руки цѣловать хотѣлъ! И хорошо еще, что она вырвала... Больно и за мать—мать тоже думаетъ, что между нею и Борисомъ было ужасное что-то... И чтобъ это могло быть?

Она припоминала все, что было, и старалась приискать, что именно должно тутъ быть «ужаснымъ»? но не находила ровно ничего. Они, конечно, цѣловались,—это было уже достаточно ужасно. Но объ этомъ знаютъ,—и однако спрашиваютъ! Значить, что-то еще могло быть?

— Я не знаю, чего вы отъ меня хотите?! Я во всемъ призналась вамъ!—съ отчаяніемъ проговорила дѣвушка.

— И божишься?—спросилъ отецъ съ какимъ-то страхомъ: «ну, какъ вдругъ не побожится?»

— Божусь, папѣ!

Онъ всталъ, поцѣловалъ дочь, перекрестился и, вздохнувши глубоко, какъ будто съ плечъ гора свалилась, отперъ дверь и вышелъ.

«Весьма экстренное» дѣло было имъ очищено; ничто не мѣшало возвратиться и къ «текущимъ». Кстати-же, Эвигъ ожидалъ съ портфелемъ...

Степанида Львовна въ свою очередь дала обѣтъ: немедля побывать на Петербургской сторонѣ, въ домикѣ Петра Великаго, и выпросить у Богородицы такого жениха, въ котораго Лилі влюбилась-бы: брюнета, какъ Борисъ. Она не мало видѣла невѣстъ, и даже бѣдныхъ, получившихъ безподобныхъ жениховъ этимъ путемъ...

XIII.

И главному виновнику переполоха онъ не прошелъ даромъ: штормъ въ его комнатѣ былъ опущенъ; пахло лекарствомъ. Департаментскій, онъ же и домашній лекарь, Фердинандъ Густавычъ Готеваръ (его фамилія, какъ кажется, была другая, но онъ прибѣгалъ такъ часто къ восклицанію: Gott bewahr! что его иначе самого не звали), признанный за золотого человѣка потому, что онъ всегда пріѣдетъ на извозикѣ и къ высунутому языку судомойки отнесется безъ предубѣжденія,—этотъ образецъ врачебнаго смиренія одной рукою долго щупалъ пульсъ Бориса, а въ другой держалъ часы, пока его не озарила мысль:

«скарѣе пасиловать за пьявки». Долго онъ потомъ скрипѣлъ перомъ и отрывалъ длинный рецептъ, какъ ленту.

— Маленьки есть инфлямаціонъ у каснадинъ Парисъ Пафловичъ,—объяснилъ онъ Бухтормину съ Камеевымъ, не отходящимъ отъ больного.

Захватило ли его въ «ужасномъ» концертѣ, гдѣ онъ куталъ Машу, но должно быть не себя; или въ распахъ захваченная ихъ любовь съ Лилі произвела «инфлямаціонъ», — а только пролежать ему пришлось нѣсколько дней.

Опасность опередить макаровыхъ телятъ была доведена до его свѣдѣнія маленькой записочкой Лилі, которая успѣла ее сунуть подъ горчичникъ Степаниды Львовны. Тайна разжигающихъ горчичниковъ, смягчающихъ припарокъ, разбивающихъ лепешекъ принадлежала Степанидѣ Львовнѣ, и она, по заповѣди Христовой, воздавала ими даже и врагамъ...

Записка созвала друзей въ нѣчто подобное военному совѣту. Положеніе было отчаянное—требовались и мѣры отчаянныя. Думали не долго, постановили: увести Лилі и, увезя, вѣнчать съ Борисомъ. Трудностей не представлялось никакихъ: они поставятъ свѣчу на окно; она сойдетъ во дворъ; Камеевъ на нее надѣнетъ офицерскую шинель и шляпу (какъ ей въ этомъ будетъ мило!). Дворникъ передъ ними сниметъ шапку—господа идутъ на Невскій... отопретъ калитку... За угломъ ждетъ тройка... Словомъ, какъ они читали много разъ въ романахъ. Обвиняетъ пьяный попъ-разстрига, гдѣ-то укрывающійся подъ мостомъ— правда, въ курской губерніи; но что же можетъ географія противъ любви? Разстригу знаетъ Бухторминъ—онъ прежній «собственный» ихъ батюшка... И какъ все это будетъ хорошо! и какъ оно необходимо! и какъ хорошо, что необходимо, и какъ безъ этого было бы нехорошо!.. Вѣдь, притѣсненія, угрозы, произволъ: значить, надо бороться, значить, нельзя покориться, и слѣдовательно надо увозить. Камеевъ горячился больше всѣхъ, потому что тутъ стоялъ принципъ. Горячился также Бухторминъ, но больше оттого, что это должно было осчастливить друга и Лилі. Самъ осчастлививаемый, къ удивленію, былъ сдержаннѣе. Мысль: «а честно-ль это будетъ? онъ живетъ въ ихъ домѣ... онъ и то не правъ: онъ обманулъ,—далъ теткѣ обѣщаніе ухаживать за Машей Зеленецкою!» — эта мысль ужасно охлаждала. — «А Мари, когда узнаетъ, что ея Борисъ женился, что подумаетъ? Да и вообще, какъ это такъ—онъ вдругъ женился?.. А однако, честно ли опять и оставлять Лилі въ рукахъ тирана?» (онъ такъ-таки и думалъ: «тирана»). Свѣршно и неясно было въ головѣ; въ ушахъ

всёгло; комната ходила ходуномъ... глаза слипались... И когда все было рѣшено, — осталось назначить только день и часть, — то выуженные члены совѣта услышали не мнѣнне ихъ презуса, но совершенно ясно сонное его дыханіе. Ихъ обдало холодною водой. Какъ? онъ готовится на такой подвигъ — и спитъ! Когда рѣшается вопросъ о счастья цѣлой жизни, онъ уснулъ? Невѣроятнo! Даже стало совѣстно...

— Это болѣзнь! — рѣшилъ смягчающій все Бухторминъ.

— Это, Сережа, — объяснилъ потомъ Камееву Федоръ Семеновъ: — «eine kleine Binne flog...» Ты вѣдь училъ въ корпусъ эту басню? Пчелка-то наша медкомъ не прочь полакомиться, ну а до горькаго, что-жъ дѣлать, не имѣетъ вкуса! und das Gift lass ich darin, — вотъ и все.

Больной глоталъ еще мнестуру, когда голосъ Федосѣя Федосѣича вдругъ послышался за дверью. Атмосфера сгустилась; ожидали взрыва... И съ какимъ лицомъ войдетъ онъ? какъ заговоритъ? ужъ вѣрно необыкновенно!

Но вошелъ совсѣмъ обыкновенно и совсѣмъ обыкновенный дядя, и заговорилъ, какъ обыкновенно дяди говорить съ племянниками.

— Здравствуй, братъ Борисъ! (произнесено это было почти весело). Что это тебѣ вздумалось хворать? Это нашему брату старику оставь; а вамъ молодымъ людямъ (онъ обвелъ глазами и далъ по два пальца лѣвой руки молодымъ Камееву и Бухтормину), — вамъ есть что дѣлать и получше.

Атмосфера вдругъ разрѣдилась. Всѣ вдохнули легче...

Но любезность Федосѣя Федосѣича на этотъ разъ не имѣла предѣловъ.

— Чтo вы скажете, мсье Бухторминъ, про эту вотъ работу? — протянулъ онъ дорогую, съ рѣзнымъ изъ слоновой кости набалдашникомъ, какую-то особенную палку: — вы, какъ знатокъ, способны оцѣнить. Здѣсь такихъ нѣту — мнѣ изъ-за границы привезли.

Знатокъ, не знавшій за собою этой спеціальности, волей-неволей долженъ былъ приняться за оцѣнку.

— Удивительная работа! да и палка тоже превосходная, — оцѣнилъ онъ.

— Нѣтъ, чтo палка? палка дрянъ! Работа — вотъ что удивительно! а палка самая обыкновенная, такихъ палокъ и здѣсь много. Палка просто никуда не годится (входить въ азартъ гостя). Вы говорите о работѣ! а чтo палка? палка — дрянъ!

Цѣнитель покраснѣлъ. Онъ думалъ угодить, а вмѣсто того раздосадовалъ.

— Да, ваше превосходительство, это совершенно справедливо, я теперь и самъ вижу: палка дѣйствительно нехороша...

— Не палка нехороша! (онъ ее отнялъ). Палка, я не знаю, чѣмъ вамъ не понравилась? Палка тоже превосходная... но, главное, работа набалдашника, — вотъ что!

— Работа рѣдкая; — поправилъ дѣло Камсеевъ, — особенно нось чего стоитъ! Ноздри!.. просто, настоящія ноздри! Поразительно.

— Вотъ именно, какъ вы совершенно правильно изволили замѣтить, ноздри всего поразительнѣе. А остальное — пустяки, остальное ничего не стоитъ! Все прочее — вздоръ, сущій вздоръ!

Вопросъ о палкѣ такимъ образомъ былъ исчерпанъ.

— Ну, а тебѣ, Борисъ, поправляться надо, да и на службу! Карьера, братъ, дѣло великое! маневрировать нельзя. Когда предполагаешь?

— Да какъ только докторъ... Впрочемъ, и назначеніе еще не вышло...

— Назначеніе — это важно! пока нѣтъ назначенія, нельзя! Назначеніе — главное, а не докторъ... чѣмъ докторъ? Ты плюнь на него, — какой онъ докторъ? Онъ дуракъ! Это Степанида Львовна только съ нимъ носится, — рада, что кому-нибудь языкъ можетъ показывать.

И довольный, что состригъ, дядя поднялся съ кресла: «оставлю дескать пріятное, даже игривое, впечатлѣніе въ молодыхъ людяхъ». Пальцы снова пошли въ ходъ; племянникъ же почувствовалъ, сверхъ ожиданія, и легкое прикосновеніе губъ Федосы Федосыча, какъ бы воздушный поцѣлуй.

Но впечатлѣніе дѣйствительно осталось игривое. Посреди хохота, уже объ «увожѣ» и помину не было: для этого не оказалось главного — тирана.

XIV.

Была увезена Лилі совершенно провантески — родителями на дачу въ Парголово.

Благодаря опять счастливой пикировкѣ двухъ начальствъ — столичнаго съ провинціальнымъ, — «назначеніе» Бориса затянулось. Подорожная на пару по казенной надобности не являлась облакомъ на свѣтломъ пока небѣ его жизни. Даже впечатлѣніе перваго по выздоровленіи свиданія съ Лилі, обставленное всѣми

строгостями больше не дремавшего ока Степаниды Львовны и какою-то самоотверженною неприступностью померкшей и прохворавшей нѣсколько недѣль дѣвушки, изгладилось. И свѣжесть къ ней воротилась. Родственный Милій Степанычъ предавался утѣшительной надеждѣ, что авось Лизочка опять повеселѣетъ съ братцемъ, чѣмъ и вызвалъ у Федосѣя Федосѣевича обращеніе къ женѣ: «вы бы ему сказали, — лучше пусть молчитъ, коли умѣетъ только глупости болтать!» Мало-по-малу повороты аллея парка вызвали сперва летучій поцѣлуй, а тамъ и ласки, отъ которыхъ перепуганно сперва, а послѣ съ новымъ счастьемъ вздрагивала Лизочка. Отъ ока, хотъ и не дремавшего, ихъ закрывали покровительствовавшія чащи...

Дѣятельность дяди въ состязаніи съ «Макаромъ» до сихъ поръ ничѣмъ не проявлялась. Мама Зеленецкая и Зеленецкая-*татан*, какъ прежде италянцу, отпускали Борису порціи внимательной любви, чтобы онъ устроилъ имъ спектакль на Каменномъ, на дачѣ. Ожидалась сама Апреснокова, такъ какъ спектакль устраивался «*pour les raucages*»; Борисъ еще въ кадетской курткѣ декламировалъ въ холодной залѣ маршировокъ, не топившейся въ расцѣтѣ на «огонь въ носкахъ», роль Чацкаго; Мари онъ учить играть Софью, и при этомъ ей случается иной разъ наклоняться еще ближе, чѣмъ когда-то для воянки... Можетъ-ли быть, чтобы это все разстроилось? Ну, гдѣ же тогда правда на землѣ? Да и Лилі какъ огорчилась бы, когда бы онъ уѣхалъ... Положительно, ужъ если что было дальше «телятъ», такъ это — отъѣздъ.

Между прочимъ, и лучъ свѣта, занесенный Сорневымъ изъ высшихъ областей литературы, не давалъ покойно спать поетамъ, признаннымъ давнимъ-давно друзьями, но пока мечтавшимъ только о признаніи ихъ литературой... Новыя элегіи Бориса и Камеева выводились въ печать Потылицей — «по гробъ вѣрнымъ Потылицей», какъ онъ расчерчивался подъ записочками, — или «путеводителемъ въ пустыни», какъ былъ прозванъ въ честь романа Купера.

Вотъ, по случаю элегій-то и было рѣшено: предаться въ руки путевода, который встаетъ и женился, да еще вдобавокъ былъ именнинникъ. Обнаружить равнодушіе къ стеченію столь чрезвычайныхъ обстоятельствъ предоставлялось предосудительнымъ. Поэтъ, въ эпюлетахъ на плечахъ и съ рюхами въ карманахъ, сдвигался въ путь.

Квартира скромнаго учителя была для «молодыхъ» отдѣлана изъ-ново и перевернута кверху-ногами. «Молодая» умудрилась выкроить изъ ничего Тришкинъ кафтанъ — съ гостиною,

столовою и даже «будуаромъ», не считая кабинета, призваннаго быть на высотѣ литературнаго значенія Потылицы. Въ прихожей встрѣтилъ ихъ лакей, по всему видно, взятый на прокатъ. Въ столовой былъ накрытъ столъ на четверыхъ; поставлены на вытижку бутылки, а закуска приготовлена особо. Въ комнатахъ накурено душистыми бумажками, и въ голубомъ ихъ дымѣ все «торжественно и чудно». Именинникъ ходитъ озабоченно, кого-то поджидаетъ и заглядываетъ въ двери, — даже безъ необходимости одергиваетъ на себя жилетъ, при подозрѣніи, что этотъ кто-то наконецъ пріѣхалъ... Въ такомъ положеніи его застали и путеводимые. Кого-то очевидно звали. Званными однако оказались не только не они, но они-то менѣе всего и были желанными...

Желали и усердно звали на пирогъ редактора журнала, возникшаго на крохи отъ щедротъ тогда еще живого опекунскаго совѣта за послѣднія заложенныя души, добраго Мотаева — писателя и человека со связями въ свѣтѣ. Онъ хотѣлъ привести, съ собою — и привезъ, сотрудника Кувалдова, которому и былъ обязанъ собственно счастливой мыслью: заложить наслѣдственное и поистинно раздавать его сотрудникамъ...

Если на сотрудникѣ, обутымъ щегольски французомъ и одѣтымъ наганутъ англичаниномъ, обувавшими и одѣвавшими его патрона, чувствовалось нѣсколько сѣдно на коровѣ, то ужъ на самомъ патронѣ все являлось модною картинкой въ лицахъ... У него подъ нижнею губой виднѣлась даже эспаньола, не безъ риска вывезенная изъ Парижа, вмѣстѣ съ разноцвѣтными шарфами, жилетами, перчатками и панталонами... Шарфъ на Кувалдовѣ былъ тоже изъ Парижа, но повязанный на тощей шеѣ чисто по-тамбовски; ненатянутые до конца перчатки представлялись на пальцахъ щупальцами; волосы торчали точно снопы соломы, непокорные фиксетуару... Все это, впрочемъ, не мѣшало ему имѣть видъ превосходства надъ причесаннымъ, подфиксетуареннымъ и обтянутымъ Мотаевымъ...

Жилетъ Потылицы навѣрно пострадалъ на швахъ отъ появленія такихъ особъ. Добрякъ засуетился и зашвырялся за жену, которая задолго истощала всѣ старанія, чтобы явиться въ должномъ свѣтѣ передъ великосвѣтскимъ и великимъ для нея Мотаевымъ, но еще не истощила.

— Жена въ будуарѣ... Скиндячки, знаете, та западски, — ломалъ хохла хозяинъ, чтобы скрыть смущенье.

Отворилась дверь. Вошла, однако, не жена, а дѣвочка лѣтъ четырехъ, пріемышъ; уморительно сложила ручки на животикѣ, сдѣлала книксенъ, какъ большая, и проговорила: «я пришла».

Мотаевъ закусилъ эспаньолку и митнулъ Кувалдову.

— Вы очень хорошо сдѣлали, душенька, что пришли. Здравствуйте! А гдѣ ваша маменька?—обратился онъ къ дитяти.

— *Въ бадуаль...*

Эспаньолка закусилась снова, а Кувалдовъ даже подхихивнулъ.

— Вотъ это такъ!—одобрилъ онъ:—а вы изъ «бадуала»?

— Я изъ кухни. *Бѣлая мамасю звать...*

— Значить, она не въ бадуаль?

— Она вѣтъя сказать, *сто въ бадуаль...*

— *Добре! буде-еже, юлубко,*—поспѣшилъ вмѣшаться окончательно смущенный малороссъ:—*ходь до мамы, кажи: юсти, маме, закусить прохаютъ...* хн-хн...

— Закусить невредно!—вновь одобрилъ молодой сотрудникъ.

Наши юноши, и по числу приборовъ, которое такъ и оставалось неумноженнымъ на число гостей, да и по страдальческимъ глазамъ Потѣлицы, блуждавшимъ то отъ нихъ къ столу, то отъ стола къ нимъ, замѣтили, что были лишніе. Бориса подмывало поскорѣй уйти. Когда-жъ хозяинъ даже не представилъ его передъ очей этихъ солнцъ литературы (а въ карманѣ имѣлось такое неотъемлемое на то право),—то толкнулъ Камеева и произнесъ рѣшительно: «уйдемъ! ты видишь, мы здѣсь лишніе!»

Камеева они встрѣчали съ Сорневымъ, и на поклонъ отвѣтили прикосновеньемъ пальцевъ до его руки; при этомъ отъ Кувалдова достались только щупальцы. Онъ ничего не видѣлъ, чувствуя одно неодолимое желаніе остаться и блеснуть талантомъ друга и своимъ; потрѣться, наконецъ, лучами этихъ солнцъ...

— Пустое! ну, останемся!—удерживалъ онъ.

Тѣмъ временемъ явилась «молодая», съ шорохомъ юпокъ, запахомъ пачули и съ улыбкой.

— Посмотри-ко, Мартъ, кто у насъ!—заговорилъ хозяинъ.

И назвалъ—кто.

Она будто и не знала.

— Ахъ, *quelle surprise agréable!*—пропѣла Мартъ, которую на кухнѣ сейчасъ звали Марей Демьяновной, и съ восторгомъ, какимъ вѣрно озарялись смертные при появленіи божества,—пока оно еще являлось смертнымъ,—устремилась къ Мотаеву, покачала крѣпко-на-крѣпко и потрясла ему облитую перчаткой руку, такъ что браслеты заввенѣли; послѣ повторила тоже и съ Кувалдовымъ. Но Кувалдовъ поддался охотѣ невредности закуски; а отъ «Мартъ» опять отдѣлался своими щупальцами...

Вдругъ зрѣлище несчитанныхъ двухъ ртовъ на завтракъ, который очень точно былъ рассчитанъ на четыре, омрачило ри-

совую пудру на лицѣ хозяйки. Многодневныя ея соображенія спутаны, торжественная кулебяка для великаго Мотаева низведена на степень кулебякъ обыкновенныхъ! Марѳа Демьяновна прозвизала неповиннаго ни въ чемъ Потылицу ужаснымъ взглядомъ. Тотъ бѣдный только жилетъ отянулъ.

— Прощай! я уйду! — проговорилъ Борисъ Камееву; раскланялся и вышелъ.

— Значить, вы уходите? — обрадовался именинникъ, да такъ искренно, что догадался прибавить: «жалко», когда уже гость шинель надѣлъ.

Камеевъ нѣхотя послѣдовалъ за нимъ. Хозяинъ заперъ дверь собственноручно, чтобы не дай-Богъ еще кого нелегкое не принесло; но прежде чѣмъ онъ это сдѣлалъ, до ушей Бориса ясно донеслось то, что говорилъ Кувалдовъ:

— А что, этотъ сердитый офицеръ, чего-добраго, тоже сочинитель?

— Какъ-же-съ! Стихи пишетъ, и весьма удовлетворительные! — отвѣчалъ Потылица.

— Чего-жъ онъ не печатаетъ? Или въ прокъ солить?

Смѣхъ остальной компаніи и стукъ тарелокъ и ножей покрыли его голосъ.

У подъѣзда красовался барскій экипажъ Мотаева. На его атласныхъ дорожныхъ подушкахъ привезенъ былъ, такъ еще недавно и на извозника взиравшій съ вожделѣніемъ — Кувалдовъ. Пара воронихъ красавцевъ, отливая выхоленною какъ шелкъ шерстью, вздрагивала, била о булыжники копытами и оглядывалась на измѣнническія движенія кнута — пузатаго, сидѣвшаго на козлахъ, какъ на тронѣ, кучера. Обтрепанный извозчикъ съ любопытствомъ наблюдалъ такое зрѣлище.

— Ишь вѣдь лукавыя лошади — кнута боятся! — разсуждалъ онъ.

Двугривенный напихъ друзей положилъ конецъ его наблюденіямъ.

XV.

Молодость склонна всякій пустякъ возвестъ на высоту неподобающую. Первый блинъ въ литературномъ мірѣ выросъ въ молодыхъ глазахъ изъ кома въ цѣлую большую гору. Имени Мотаева или Кувалдова было достаточно, чтобы влючомъ ударила кровь въ голову Бухтормина, который призывалъ перуны на

редакторовъ, неугадавшихъ литератора въ его несчастномъ другѣ. Это—правда, не имѣлось никакого основанія, чтобъ угадать; но можно было это сдѣлать и безъ всякаго основанія. Камеевъ утверждалъ, что еслибъ не ушли отъ пирога, то все бы кончилось не такъ, и все бы угадалось.

Веселѣй, совсѣмъ безъ пирога, отпраздновались именины въ холостомъ «покойникѣ». «Справляли ангела», какъ выражалась Аксинья, разомъ—и жилецъ, и долговязый мужъ ея Василій.

Справивши сначала въ прачешной, послѣдній перешелъ кончать къ философу въ «чуланчикъ».

— Я, положимъ, точно пью,—винился именинникъ:—только почему я пью? А потому, что у старухи во всякое время деньги выманить могу... Только чтó у насъ и за водка? Вы вотъ, Платонъ Дормидонтычъ, рассказываете, въ вашихъ мѣстахъ ведро рубль, а у насъ, значить, штофъ!

Платонъ вздыхаетъ.

— Манишекъ я тоже не ношу ни въ вѣкъ—затѣмъ, моя жена прачка: барскія рубашки ношенныя завсегда въ моей власти. А какія тамъ ношенныя? Онъ ее поутру надѣлъ, а ввечеру скинулъ. Развѣ онъ носить? Только церемонится! Вотъ я ее сегодня поносилъ, завтра поносилъ, а тамъ ужъ матушка и въ стирку. Имъ отъ этого отъ самаго ничего не дѣлается...

— Чтó имъ дѣлается!—философствуетъ Платонъ.

— А какое ваше будетъ разсужденіе хоть бы на счетъ носковъ, Платонъ Дормидонтычъ? (Василій видимо щеголялъ изысканнымъ языкомъ передъ деревенщиной). Носки господскіе вы носите?

— Чего-жъ ихъ не носить? обнаковенно ношу. Шинель тоже, — въ пальтѣ выйдетъ, надѣнешъ; тоже вотъ укрыться ею, какъ ежикъ зима—тепло. А ей чтó дѣлается? Все та же шинель остается: какъ была шинель, такъ шинель и будетъ.

— Это дѣйствительно... Я вотъ выѣзднымъ у князя два года выѣзжалъ. Такъ тамъ камельдинеръ французъ. Ну и все подъ замкомъ, и списокъ заведенъ такой: всякія брюки описаны и все по списку состоятъ... Тамъ нельзя... однако, лестно.

— Жалованье хорошее, значить, и продовольство?..

— Не то, — жалованье у другого и больше, да и харчить онъ лучше; а тутъ какъ дворецкій соизволить. Господа не мѣшаются. Главное дѣло—лестно, вотъ что...

Изъ «покойника» говоръ и смѣхъ доходили внятно.

— Платонъ!—кричалъ хозяинъ.

— Сейчасъ!—отвѣчалъ слуга и наливалъ изъ штофа гостю.

— Стало быть, лестно... Это все одно, какъ вотъ и мой... помѣщикъ, себѣ господинъ, а тутъ голоденъко поживаетъ... говорить нечего! Зато на службу съ графами въ одинъ департаментъ ходить; начальникомъ большого генерала имѣть, — ему значить и лестно...

— Пла-то-онъ!! — кричалъ по обыкновенію то басомъ, то дискантомъ помѣщикъ, пробуя, что лучше подѣйствуетъ; но ничто не дѣйствовало. Наконецъ, онъ выскочилъ изъ двери.

— Гдѣ ты? Самоваръ поставь! да скорѣе! слышишь?

— Чего тутъ не слышать? Слава Богу, не въ первой сегодня! Срамъ одна: ангела чаемъ справляетъ... Въ Бухторминовѣ отъ угощенья бы недѣлю не отходилъ... Кухляку надъ головою разрывала бы сама барыня... А здѣсь—тьфу!

Онъ плюнулъ, схватилъ самоваръ и, вливши въ него мутной канавной воды, принялся накалывать уголья...

Когда открылась дверь, мелькнули праздновавшіе именины гости—кто на стулѣ, на диванѣ, а кто и на кровати, на столѣ, — гдѣ только было мѣсто, всѣ безъ сюртуковъ: Кислятниковъ, Загоровъ, Ломовизовъ и Камеевъ. Именинникъ въ шлепающихъ туфляхъ и въ халатѣ.

— Принимая рѣшеніе, долженствующее быть болѣе или мѣнѣе, ближе или далѣе отстоящимъ... — доносилась путаница Кислятникова.

— Тебѣ не кажется, Борисъ, что мы у Карла Ивановича въ классѣ? — перебивалъ Ломовизовъ. «Переѣзжая über die Brücke, aber замѣчая, das die Tochter, любящая отца своего (передразнивалъ онъ корпуснаго учителя)... Дѣепричастія, составляющія красоту русскаго языка»... Герръ-фонъ, говорящій рогатые силлогизмы... Вѣдь это, я думаю, рогатые силлогизмы?

— Это мышленіе философское, — обиженно отвѣчаетъ Кислятниковъ.

— И философы всегда такъ мыслятъ?

— Всегда... по крайней мѣрѣ я смѣю такъ думать...

— Знаете, Кислятниковъ, — у меня есть тегушка. Спрашиваютъ ее про кого-то, что онъ за человѣкъ? — «Да какъ вамъ сказать?» говорить, «онъ философъ — дуракъ...»

Кислятниковъ окончательно обижается, и въ покойникѣ на минуту воцаряется тишина. За то возобновляется разговоръ въ чуланчикѣ.

— Кто патлатый-то, что вратъ горавдъ? — любопытствуетъ Аксининъ мужъ.

— Кислятниковыхъ господъ. Дада по всему уѣзду какъ есть

первый богатъ... Собаки однихъ... конскій заводъ... А окромя этого, Господи прости, надолбня—никого: все ему пойдетъ.

— Выпй ты! наслѣдникъ, значить? А говорить складно—не стбитъ и толковать... До страсти люблю слушать, что господа промежъ собой разговариваютъ. У князя одинъ такой-же былъ,—все поровитъ, бывало, ухо къ двери; сказывалъ, ему отъ полиціи за это особое жалованье идетъ...

— Развѣ что жалованье, а для меня — разговаривай они, нѣтъ-ли,—я одно знаю: стаканы за ними всячески мой...

— Въ полиціи, сказывалъ, ври что хочешь—а за это самое тебѣ деньги...

Но въ чуланѣ врывается Асинья, осыпая укорижами любознательнаго мужа: «Ободень ты этакой! опилъ меня, обѣлъ старуху всеѣ, сволочь ты, ей-Богу, ну эдакая! Куда запропастился? Корзинку съ бѣльемъ тащить надо... долбонъ хорошо звать,—а онъ до ужѣ ангела справляетъ... У, скотина,—и она туритъ его на лѣстницу и барабанитъ кулаками въ спину.

А философъ углубляется въ самоваръ, который начинаетъ хрипѣть и выбрасывать паръ подъ самый потолокъ...

— Вы, Кислятниковъ, не сердитесь; я вѣдь только такъ про тетушку вспомнилъ,—началъ первый Ломовиковъ.

— Тетушкѣ вашей мышленіе новѣйшихъ философовъ можетъ не быть извѣстно... по крайней мѣрѣ, я смѣю позволить себѣ допустить предположеніе, что оно извѣстно вашей тетушкѣ не во всемъ объемѣ... такъ сказать, болѣе аппроксимативно, или...

— Да, это вы можете себѣ смѣло позволить. Оно ей, могу васъ увѣрить, даже и аппроксимативно неизвѣстно.

— А между тѣмъ, философія выработала извѣстные, особые приемы мышленія, ей одной присущіе, и законы мышленія, которые, опять-таки, позволяю себѣ такъ выразиться, будучи болѣе или менѣе формулированы... философія-же все формулируетъ. Ея формулы непреложны. Она опредѣляетъ неопредѣлимое...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, знаете вы, какъ Гегель опредѣляетъ любовь? «Любовь есть идеальность въ реальности». И затѣмъ слѣдуетъ формула...

— Въ любви формула?—возопилъ Борисъ: — Кислятниковъ, вы сочиняете!

— Клянусь честию! хотите, сейчасъ напишу?

— Боже сохрани! валяйте безъ формулы...

— Любовь вообще означаетъ,—завелъ себя нашъ философъ, —сознаніе моего единства съ другимъ...

— Съ протодьякономъ, напрымѣръ,—вставилъ Далмать.

— Другимъ... такъ что я для меня не изолированъ, но мое самознаніе только черезъ отдачу... über Aufgebung... моего самосуществованія получаю...

— Über die Brücke переѣзжаю,—опять вставилъ Далмать.

Но заведенный философъ не останавливается.

— Любовь есть величайшее противорѣчіе изъ всѣхъ, какія разсудокъ разрѣшить не можетъ...

— Какъ все вообще, что говорить герръ-фонъ...

— Не можетъ... ибо то самое напточнѣйшее, или сама пунктуальность—Punctualität; какъ наше собственное самосознаніе, которое я, какъ положительное, имѣть долженъ... als affirmatif haben soll.

— Ясно, какъ день!—рѣшаетъ Борисъ.

— Еще-бы! торжествуетъ Кислятниковъ—это говоритъ Гель!

— Представьте, я думаю—вы.

— Почему вы такъ думали? позволю себѣ спросить.

— Да потому, что ужъ очень ясно!

— Разумѣется... это его берлинскія знаменитыя лекціи! А вы смѣтаетесь...

— Да какъ же не смѣяться, голубчикъ, когда смѣшно?

— Ты-то, Борисъ, вообще смѣешься надъ наукою,—вмѣшивается Бухторминъ.—Неужто-же знаніе, какое-бъ оно ни было смутное, не достойно уваженія?

— По мбему, нѣтъ. Я только уважаю то, что совершенно ясно. Чего я не понимаю, того не знаю и не уважаю. Вотъ, естественныя науки, напрымѣръ, уважаю; искусства... позволю себѣ такъ выразиться... (Кислятниковъ! вы видите, я тоже формулы вашего мышленія беру...) искусства—обожаю. А того, чему меня еще учили,—а чему только меня не учили? даже подумать страшно,—того, и вашего, господя, абстрактнаго (такъ вѣдь вы, кажется, называете эту чепуху?) того и знать не хочу... Пушкинъ мнѣ ясенъ, а вашъ Гофманъ—нѣтъ; потому что тамъ какой-то мракъ. Кислятникову, напротивъ, мракъ только и ясенъ.

— Тебѣ ясно наслажденіе, Борисъ! одно наслажденіе. Ты красивъ, интересенъ... твои таланты отгрызаютъ тебѣ дорогу вездѣ... Одни безмозглые Мотаевы ихъ не видятъ... Сердце женщинъ—твое. Чего тебѣ еще!—съ грустью говорилъ Бухторминъ.—Тебѣ бы во времена Перикла родиться...

— А что такое дѣлали во времена Перикла?

— Ты ужъ кокетничаешь своимъ невѣжествомъ. Дѣлали тоже что ты: наслаждались.

— И умно дѣлали. Вотъ этого ученаго я желалъ-бы прочесть. А за вашего Прудона, или Пьера-Леру—спасибо!

— Ты ихъ не читалъ, Борисъ!—отозвался Камеевъ, который все время копался въ книжномъ углу (шкапа не было—книги просто были свалены въ уголъ), а теперь ерошилъ себѣ волосы надъ Фурье.—Попробуй сперва, прочти—ну, хоть этого молодца!

И онъ выставилъ толстую-претолстую книгу, которую читали тогда съ опасностью жизни.

— Ну, нѣтъ, братъ! когда вся эта премудрость въ десять страничекъ сократится, пожалуй! А теперь читай самъ, мнѣ и такъ хорошо...

Камеевъ вздохнулъ.

— Какіе тебѣ горизонты откроются!.. Вѣдь такъ нельзя какъ теперь... все это должно измѣниться,—непремѣнно должно,—и слѣдуетъ быть готовыми... Новый міръ идетъ, а мы... Эхъ, да что и говорить! мерзко даже!...

— «Слышу умолкнувшій звукъ божественной Сорнева рѣчи; Федоръ-Семеныча тѣнь чую смущенной душой!» произнесъ торжественнымъ тономъ Борисъ.

— Эхъ! скажу и я въ свою очередь: выдумываете вы всѣ жизнь,—я одинъ только беру какая есть...

— А знаете, встати, господа,—заговорилъ Камеевъ:—Сорневъ совсѣмъ пропадаетъ. Познакомился съ этимъ Павлонецкимъ, и домой не приходитъ. Мой Иванъ жалуется, что Федоръ Семенычъ «одичал».

— Павлонецкій?—извѣстный социалистъ!—встрепенулся Ломизовъ.—Хотѣлось бы его видѣть...

— Хотите?—можно. Я самъ съ нимъ познакомился,—признается не безъ нѣкоторой гордости Камеевъ (вотъ молъ я какой отчаянный человекъ)...

— Пожалуйста, голубчикъ! Ахъ, какъ славно!

И Далмать съ судорожнымъ наслажденіемъ потеръ себѣ руки, потомъ провелъ ими порывисто по волосамъ, откинутымъ назадъ. Надежды новыхъ сильныхъ ощущеній, жаркихъ споровъ, крайнихъ взглядовъ, какъ морозъ по моржѣ пробѣжали по его душѣ.

Борисъ тѣмъ временемъ успѣлъ нарисовать карандашомъ голову, плечи и грудь женщины.

— Ахъ, какая прелестъ!—вскрикнулъ Бухторминъ:—Лили и Маша Зеленецкая—соединенныя... какъ у тебя въ сердцѣ...

— И какъ на именинныхъ кренделяхъ вензеля!—добавилъ Ломовиновъ.

Кислятникъ тоже вскочилъ и подбѣжалъ.

— Очаровательная женщина! очаровательная! Это та красота, которую нѣмцы называютъ...—суетился онъ.

— *Шёнест-медтенъ?*—подсказалъ Ломовиновъ.

— Ахъ, нѣтъ, какъ это можно! это та красота, которую они называютъ... они называютъ...

— Вы намъ изъ Берлина напишете, какъ они называютъ. Спросите у Шеллинга—онъ вѣрно знаетъ.

— Ну, ужъ какъ-бы тамъ ни называли, только хорошо!—рѣшается именинникъ.

— Лучше Пьера Леру?—спрашиваетъ Борисъ.

— Лучше! да и не одного его,—смѣется онъ.

— И Серапионовыхъ братьевъ? и всего Гофмана? А вѣдь это лицо—чисто гофманское!—передразнилъ онъ Бухтормина, который любилъ-таки отыскивать гофманскія лица...

Тотъ продолжалъ смѣяться.

— Глупости ты говоришь, Борисъ! что-жъ тутъ гофмановскаго? А за эти глупости я тебя люблю...

— А меня?—присталъ Далматъ:—любите? Вѣдь ужъ больше меня никто не говоритъ глупостей...

Камеевъ бросилъ молодца и тоже подошелъ.—«Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру, волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой...» задекларировалъ онъ знаменитое въ то время переложеніе въ русскіе стихи—«*enfant, si j'étais roi*» Гюго. А знаменито оно было тѣмъ, что послужило перелазгателью подорожною изъ петербургскаго департамента, гдѣ онъ состоялъ столоначальникомъ, прямо въ Вятку, гдѣ сталъ политическимъ преступникомъ. Русскіе стихи, разумѣется, не грѣшили и сотою долей неблагонамѣренныхъ гиперболъ французскаго поэта, но они были «запрещенные», и слѣдовательно хорошіе, и слѣдовательно всякій зналъ ихъ навзустъ. Камеевъ же, вдобавокъ, зналъ и переводчика, который былъ когда-то сослуживцемъ Сорнева, и вятскій ореолъ котораго какъ будто озарялъ и самого его немощно.

— «Когда-бъ я былъ царемъ всего земного міра,—не пожалѣлъ-бъ я и *новой мундыра*...»—спародировалъ не русскимъ, твердымъ выговоромъ это-то, и всѣ увидали вдругъ курчающую большую голову вонедпаша неслышно «пана»—точно уже гофмановскаго лица.—*Вѣрно*, на вашу Клеопатру *походитъ?*—обратился онъ къ Камееву.

— Отчего-жъ мою? — покраснѣлъ тотъ: — у нея есть свой лакъ...

— Те-те-те! свой лакъ? *Выходить* она себя *бережотъ* — подъ лакомъ... чтобъ не потерь кто... *Выходить*, васъ *держитъ* на хлѣбѣ на водѣ, а мясо для другого... Не хорошо!

— Перестаньте, панъ! вы лучше сюда смотрите! — волновался Бухторминъ, и его худощавое, утомленное лицо, съ шишковатымъ лбомъ, почти страдальчески склонилось къ рисунку.

— *Отто* мяса бы побольше только... *Отутъ* что потолще, той *лучше*, — облизывалъ панъ свои плотоядные губы.

А Бухторминъ вполголоса твердилъ Борису:

— Гофмана и всю мою науку, — все бы отдалъ я за твой успѣхъ у женщины!.. У тебя его ужъ даже слишкомъ много. Тебя любятъ равномъ нѣсколько, и самъ ты влюбленъ въ нѣсколькихъ... Меня до сихъ поръ, кромѣ матери, никто не любитъ! Что у меня въ жизни? книги? музыка? Правда, еще лямка. О ней твой дядя первый мнѣ сказалъ. Мнѣ надо биться и служить... тянуть лямку — выйти въ люди, — во что бы то ни стало, выйти! и тогда только приняться завоевывать хоть пядь одну въ томъ мірѣ наслажденія, гдѣ ты всѣмъ владѣешь!.. Не легко это: такъ хотѣть жить, и такъ не смѣть!!!

— Смотри, не проживи жизнь, не живши! не пропусти минуты наслажденія —

Часть упоенья,
Лови! лови!
Младая лѣта,
Отдай любви!

— вотъ, моя философія... Кислятниковъ! вѣдь это философія?

XVI.

Бѣлая ночь уже тускнѣла передъ утренней зарею, когда стали расходиться. Панъ влѣзъ на своего коня — «полицейскаго административъ», — у которой находился подъ надзоромъ, за то что былъ полякъ; представилъ всю ее — и даже пристяжную оберъ-полицеймейстера.

Ломовизовъ подбивалъ Кислятникова поступить въ полицію и завести такую пристяжную. Тотъ опредѣлялъ приемами новѣйшей философіи: что есть полиція? но его никто не слушалъ...

Бухторминъ вышелъ съ тѣмъ, чтобъ проводить пріятелей за ворота; но вслѣдъ за гофмановскою пристяжною пана, проводилъ и до угла, а отъ угла и до другого; далѣе да далѣе, онъ

незамѣтно очутились на той самой набережной, гдѣ предстали передъ нимъ когда-то соблазны жизни—у подъѣзда Зимняго дворца, и угрозы—въ черномъ зѣвѣ казематовъ по ту сторону рѣки...

Тѣ же часы играли, тѣ же четверти... Несомую безъ волнъ и зыби сонную Неву уже задѣвало розовымъ привосновеніемъ утро...

— Господа! поѣдьте на яликѣ! — придумалъ кто-то. — На острова! въ такое утро глупо идти домой. Эй, лодочникъ!!

И всѣ спустились на досчатый плотъ.

Но, и отчалить не успѣли, какъ Камеевъ закричалъ восторженно:—Федоръ Семенычъ! и Павлонецкій съ нимъ! Господа, Павлонецкій! (Это имя онъ произнесъ съ трепетомъ).

Дѣйствительно, вдоль набережной двигались двѣ тѣни: тощая фигура Сорнева съ прямыми, черными, лежавшими на шеѣ волосами, и широкоплечій, съ выпуклою грудью, Павлонецкій. Тоже черные, но легкіе, какъ будто взбитые и колыхавшіеся волосы, окладистые бакенбарды — почти борода (совсѣмъ бороды тогда нельзя было увидѣть ни на комъ: не было той смѣлости, которая взяла бы верхъ надъ запрещеніемъ; да не дали-бъ и отроosti—сбрили бы на первомъ барабанѣ); но особенно глаза—не то, чтобы блестящіе, а фосфорическіе, зажигающіе... (такіе бывають только у помѣшанныхъ, да у фанатиковъ); бѣлый галстухъ; на груди жабо, съ широкими полями шляпа, длинный черный плащъ,— все придавало этому невольно поражавшему собою человѣку видъ скорѣе проповѣдника-миссіонера гдѣ-нибудь на краю свѣта, чѣмъ титулярнаго или какого-то иного совѣтника, какимъ онъ по обязанности былъ... Въ то непривѣтливое время, для того, чтобы жить, необходимо было быть офицеромъ; чтобы только существовать—чиновникомъ...

— Не пригласить ли ихъ?—спросилъ Камеевъ.

— Да, пожалуйста!—заволновался Ломовиковъ.

Бухторминъ былъ не того мнѣнія.

— Они настроены навѣрное не такъ, какъ мы... а мы такъ хорошо настроены!

— Не надобно! не надо!—подхватили прочіе. Не подхватилъ одинъ Далмать. Ему казалось, что боялись пробаста, зажмуривались на опасномъ мѣстѣ...

«Опасные люди» пошли своей дорогой; молодые люди поплыли своею. Только «пана» уже съ ними не было. Къ двумъ темнымъ подвигавшимся тѣнямъ присоединилась третья...

Лодка не плыла—скользила, точно по стеклу... и подошла такъ близко къ крѣпости, что казематы устремили въ юношей

свои ужасные глаза... Часы играли четверти надъ самыми ихъ головами...

— Ахъ, не дай Богъ услышать ихъ надъ головою—тамъ!! невольно вырвалось у Камеева.

Всѣ переглянулись, молча: даже у Далмата не нашлось готовой шутки... И на это занимавшееся утро какъ бы нашло вдругъ облачко—одно изъ тѣхъ, что выступаютъ на лазури точно, а послѣ разрастаются въ грозу...

Дома Бориса ожидать пакетъ за бурою печатью, съ дорожною на пару, по казенной надобности, «съ будущимъ».

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ВЪ

ТЕОРІЯХЪ ЭКОНОМИСТОВЪ И СОЦІОЛОГОВЪ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

„Wissenschaft ist die enge Pforte, die zur Weisheitslehre führt“.

Kant.

Есть вопросы, надъ которыми лучшіе умы человѣчества останавливаются въ нерѣшительности, какъ передъ упорною преградой, которую нельзя ни обойти, ни устранить. Подвигаясь впередъ по всѣмъ направленіямъ, наука встрѣчается иногда съ неожиданнымъ препятствіемъ, — съ какимъ -нибудь неподвижнымъ пунктомъ, долго не поддающимся совокупной работѣ многихъ изслѣдователей.

Такія остановки вполне естественны въ области отвлеченныхъ научныхъ задачъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ иногда отъ гениальной находчивости отдѣльнаго лица; но — казалось бы — что можетъ быть непонятнаго или неразрѣшимаго для насъ въ окружающей сферѣ социальной жизни, въ которой мы сами играемъ роль непосредственныхъ участниковъ, или близко заинтересованныхъ зрителей? А между тѣмъ, это несомнѣнно такъ: социально-экономическій бытъ народовъ хранитъ въ себѣ не мало загадочнаго; цѣлыя поколѣнія писателей изощряютъ свое остроуміе для объясненія самыхъ заурядныхъ и повседневныхъ явленій, мимо которыхъ большинство людей проходитъ равнодушно, какъ проходитъ мимо старой мебели, въ которой привыкли съ ранняго дѣтства.

Казалось бы, можно ли придумать что-нибудь болѣе общезнаемое и наглядное, чѣмъ собственность? Однако вопросъ о собственности составляетъ по-нынѣ предметъ научнаго спора, несмотря на громадную литературу, посвященную его разработкѣ. «Невольно бросается въ глаза—говорить юристъ-философъ Аренсъ—тотъ фактъ, что учрежденіе, существующее у всѣхъ культурныхъ народовъ, какъ право собственности, не получило еще удовлетворительнаго научнаго опредѣленія, ни по своему основанію и существу, ни по понятію и объему». Особенно несчастна въ этомъ отношеніи судьба поземельной собственности: многие землевладѣльцы, вѣроятно, и не подозреваютъ, какъ шатко и трудно ихъ положеніе предъ лицомъ науки.

Философы, экономисты и юристы много разъ пытались установить общую теорію права собственности на землю; одно ученіе сменялось другимъ, и каждое изъ нихъ дѣлалось жертвою критики, оставляя вопросъ въ томъ же состояніи, въ какомъ его застало. Защитники и противники спорнаго принципа одинаково ссылались на требованія справедливости и цѣлесообразности. Тамъ, гдѣ землевладѣніе имѣетъ демократическій характеръ, и гдѣ ученые изслѣдователи, по общественному положенію, принадлежатъ къ тому же классу, какъ и собственники,—наприм., во Франціи,—тамъ и въ теоріяхъ землевладѣнія преобладаютъ оправдательные мотивы; а гдѣ поземельные владѣльцы образуютъ особое аристократическое сословіе, находящееся въ естественномъ антагонизмѣ съ среднимъ классомъ,—какъ то видимъ въ Англіи,—тамъ и въ специальной литературѣ господствуетъ склонность къ отрицанію частной поземельной собственности вообще. Въ числѣ отрицателей находятся такіе авторитетные мыслители, какъ Джонъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ: уже изъ этого одного можно заключить, что сущность спора коренится глубже, чѣмъ полагаютъ обыкновенно, и что общепринятые представленія о социализмѣ тутъ ни при чемъ.

Безъ сомнѣнія, практика жизни идетъ своимъ чередомъ, независимо отъ пререканій и разногласій теоретиковъ; но куда именно ведетъ эта практика, направляется ли она къ хорошему или къ дурному, и съ какой стороны нужно желать ея измѣненія—на это можетъ дать отвѣтъ только наука. Если опыты получаютъ пока неясные и противорѣчивые, то это далеко еще не значитъ, что теоретическія изслѣдованія въ данномъ случаѣ не имѣютъ практической важности. Не давая даже никакого положительнаго рѣшенія, теорія полезна уже тѣмъ,

что указываетъ намъ, какихъ рѣшеній надо избѣгать, какъ неправильныхъ или одностороннихъ.

Для всякаго, интересующагося общественными вопросами, въ высшей степени поучительно прослѣдить, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, разнообразный ходъ полемики о поземельной собственности въ европейской ученой литературѣ. Эта полемика служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что вопросы, кажушіеся съ перваго взгляда самыми простыми и легкими, могутъ въ дѣйствительности оказаться чрезвычайно сложными и запутанными, не допускающими вовсе общаго категорическаго рѣшенія. То же самое бываетъ нерѣдко съ другими серьезными задачами, которыя считаются давно рѣшенными въ извѣстномъ смыслѣ, тогда какъ наука едва только начинаетъ готовить ихъ истинную постановку.

Горячіе споры иностранныхъ писателей объ основаніяхъ частной поземельной собственности не представляютъ для насъ такого непосредственнаго жизненнаго интереса, какъ въ западной Европѣ, ибо въ массѣ русскаго народа землевлѣдніе держится не на личномъ, а на общественномъ началѣ. «Русскіе лорды, это — крестьянскія общины», по выраженію Гильфердинга. Поэтому и мы имѣемъ возможность относиться вполне безпристрастно къ различнымъ теоріямъ, имѣющимъ цѣлью оправданіе или критику личнаго исключительнаго права на землю въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ западно-европейскихъ государствахъ.

I.

Роль юриспруденціи и политической экономіи въ вопросѣ о собственности. — Теорія законности; взгляды Монтескье и Бентама. — Нѣмецкая юридическая метафизика, и ея запоздалый русскій послѣдователь.

Дѣи науки поочередно занимались вопросомъ о правѣ собственности, — сначала юриспруденція, а потомъ политическая экономія; первая считала вопросъ исключительно своимъ до появленія реформаторскихъ ученій экономистовъ, а вторая постепенно завладѣвала полемъ, покинутымъ юристами — философами. Съ теченіемъ времени роли перемѣнились: объ сосѣднія науки стали сваливать одна на другую неблагоприятный вопросъ, и каждая изъ нихъ предполагала, что онъ уже рѣшенъ другою. Экономическія теоріи, послѣ многихъ самостоятельныхъ опытовъ, начинаютъ вновь опираться на право; но самыя понятія о правѣ

вмѣняются подѣ вліяніемъ экономическихъ доктринъ, въ которыхъ идетъ уже на помощь исторія, въ сопровожденіи новой, едва народившейся науки—соціологіи.

Юристы были вообще невзыскательны въ своихъ философскихъ требованіяхъ. Большею частью они довольствовались положеніемъ, что право собственности создано закономъ и охраняется властью; при этомъ, упоминалось иногда о первоначальномъ соглашеніи между людьми, какъ источникѣ правильного общежитія.

«Когда люди отказались отъ своей природной независимости, чтобы жить подѣ вѣйствиемъ законовъ политическихъ,—говоритъ Монтескье, —они вмѣстѣ съ тѣмъ отреклись отъ естественной общности имуществъ, чтобы подчиняться законамъ гражданскимъ. Перваго рода законы доставили имъ свободу, а вторые — собственность». Общее благо заключается въ томъ, чтобы каждый сохранялъ собственность, которую даютъ ему гражданскіе законы (*De l'esprit des lois*, l. 26, ch. 15).

Этотъ взглядъ былъ наиболѣе обстоятельно развитъ Бентамомъ. Идея собственности, по Бентаму, состоитъ въ спокойномъ ожиданіи извѣстныхъ выгодъ отъ даннаго предмета, въ которому мы поставили себя въ особня отношенія, дающія намъ возможность называть себя его владѣльцами; мы увѣрены, что можемъ когда угодно воспользоваться качествами данной вещи для своей пользы или удовольствія. Это ожиданіе и эта увѣренность могутъ быть только дѣломъ закона. «Естественной собственности вовсе не существуетъ,—она есть исключительно дѣло законовъ. Собственность и законъ вмѣстѣ родились и вмѣстѣ умерли. До появленія закона, собственность не имѣетъ мѣста. Уничтожьте законы, и всякая собственность исчезнетъ».

Но если законъ установилъ и охраняетъ собственность, то онъ же способенъ ее нарушить или даже уничтожить. Противъ такой возможности выставляются Бентамомъ разныя утилитарныя и психологическія мотивы. «Люди увѣренно ждутъ плодовъ, и имъ неприятно было бы разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ. Если человѣкъ привыкъ считать что-либо своимъ, или вообще пользуется чѣмъ-либо какъ своею принадлежностью, то потому чрезвычайно трудно отдѣлаться отъ этого чувства. При неопредѣленности и небезпечности будущаго, положеніе всѣхъ печально. Торговля и промышленность падаютъ; — когда я не знаю, останутся ли за мною плоды моего труда, я не стану работать для завтрашняго дня. Нарушенія собственности разрушаютъ общежитіе». Съ другой стороны, нѣтъ никакого спра-

ведливаго основанія для насильственнаго перемѣщенія собственности изъ однихъ рукъ въ другія. Фактическому праву владѣльцевъ нельзя было бы противопоставить никакихъ другихъ равносильныхъ правъ. Владѣніе само по себѣ есть уже доводъ въ пользу собственности, ибо никто не можетъ заявлять притязаніе на вещь, имѣющую уже владѣльца.

Говоря о землѣ, какъ предметѣ частнаго обладанія, Бентамъ твердо стоитъ на почвѣ римскаго права. «Право собственности на землю,—говоритъ онъ,—обнимаетъ все, что земля въ себѣ содержитъ, и все что она производитъ. Подъ содержаниемъ разумѣется все находящееся подъ поверхностью, какъ рудники и копи; а подъ произведеніями — все принадлежащее въ растительному царству. Всѣ возможныя соображенія соединяются въ пользу такого широкаго пониманія поземельной собственности: безопасность, существованіе и умноженіе общаго богатства — благо мира»¹⁾. Послѣ этихъ общихъ разсужденій, Бентамъ воспроизводитъ римскія опредѣленія и правила, безъ дальнейшей критики.

Ученіе Бентама подкупаетъ читателя своею ясностью и простотою; но оно не проникаетъ далѣе виѣшней атмосферы, окружающей собственность. Чувства ожиданія и увѣренности могутъ имѣть несправедливую или невѣрную фактическую основу; они могутъ опираться на совершенно противоположные интересы, находящіеся между собою въ непрестанной борьбѣ. Земледѣльцы, сидящіе въ Англіи на своихъ наслѣдственныхъ участкахъ, твердо увѣрены въ прочности своего владѣнія; а лэндлорды также твердо увѣрены, что имъ однимъ принадлежитъ исключительное право на землю, и что въ силу этого права они могутъ, когда угодно, согнать крестьянъ съ ихъ участковъ. Чья увѣренность и чьи ожиданія должны пользоваться преимущественнымъ вниманіемъ законодателя? Законъ рѣшаетъ вопросъ такъ или иначе, руководствуясь очевидно чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ простой охраны чувствъ того или другого класса населенія. Теорія Бентама даетъ или слишкомъ много, или слишкомъ мало мѣста творческой силѣ законодателя: она объявляетъ собственность исключительно созданіемъ законовъ и въ то же время ограничиваетъ роль законодательства пассивнымъ признаніемъ существующихъ условій, привычекъ и воззрѣній. Какъ юристъ, Бентамъ склоненъ былъ держаться формально-юридическаго взгляда на установившійся порядокъ собственности; но какъ философъ, онъ

¹⁾ I. Bentham, *Traité de législation* (p. Dumont), v. II, ch. VIII, pp. 33 sq., 110—124.

хотѣлъ раскрыть логическій смыслъ явленія и оставилъ въ туманѣ самую сущность вопроса — политико-экономическую его подкладку.

Въ противоположность практическому направленію Бентама и его школы, нѣмецкіе юристы углубились въ метафизику и старались извлечь принципъ собственности изъ понятія о личной свободѣ и волѣ человѣка. Идея права логически выводилась изъ тайниковъ человѣческаго духа и облекалась въ стройныя діалектическія формы; разумъ являлся законодателемъ, а воля — его исполнительною силою. вмѣсто существующихъ людей, придуманы были идеальныя существа; вмѣсто исторической дѣйствительности, создавался красивый призракъ, безропотно движущійся по тремъ Гегелевскимъ ступенямъ, согласно предначертанному плану. Обладаніе предметами внѣшняго міра получило совершенно отвлеченный, безплотный характеръ, какъ безплотны были и тѣ субъекты и объекты, съ которыми имѣла дѣло эта философія. Въ человѣческихъ отношеніяхъ и въ ихъ историческомъ развитіи отыскивались абсолютныя, неизмѣнныя начала; та же идея абсолютнаго примѣнялась къ имущественнымъ правамъ и въ частности къ землевладѣнію. Реальныя, фактическія условія существованія исчезали подъ покровомъ абстрактной логики, для которой всѣ люди одинаково свободны и одинаково надѣлены «естественными правами».

Метафизика прошла блестящимъ метеоромъ по университетамъ Германіи, но затѣмъ сошла со сцены, подъ давленіемъ широко развившихся положительныхъ знаній. Удалились безвозвратно ея дѣхъ и абсолюты; отдѣльныя попытки возродить ихъ вновь не встрѣчаютъ уже прежняго довѣрія. Въ этой заоблачной метафизической сферѣ нельзя было, конечно, разсчитывать на разъясненіе такого реальнаго явленія, какъ право собственности на землю ¹⁾. Идея личной воли и свободы могла служить

¹⁾ Западный отголосокъ этой метафизики представляетъ у насъ вышедшее недавно сочиненіе г. Б. Чичерина: „Собственность и государство“ (Москва. 1882, часть первая, стр. I — XXI и 1 — 468). Авторъ строитъ свою теорію на понятіи личной свободы, а чтобы постигнуть сущность послѣдней, необходимо, по его словамъ, „повиснута въ сферѣ опытный міръ, перейти въ область метафизики, которая одна въ состояніи уяснить намъ нашу задачу“. Г. Чичеринъ твердо вѣритъ, что ему доступно „познаніе вѣчныхъ, абсолютныхъ началъ, управляющихъ вселенною“, но разумъ, какъ таковой, „содержитъ въ себѣ безконечное, способенъ отрѣшаться отъ всего, переходить свободно отъ безконечнаго къ конечному, и отъ конечнаго опять возмнаться къ безконечному“ и т. д. (стр. V, 3, 10—11, 328 и слѣд.). При всемъ остроуміи и талантѣ автора, подобныя разсужденія остаются по существу безплодными. Тогда какъ г. Чичеринъ выводитъ всякое право изъ

для самыхъ разнообразныхъ выводовъ; она одинаково годилась для строго-охранительной философіи Штала, какъ и для социалистическихъ разсужденій Лассалля. Нѣмецкіе юристы все болѣе посвящаютъ эту область умозрительной діалектики, очищая мѣсто для изученія исторической и экономической почвы права.

II.

Воззрѣнія англійской классической школы экономистовъ. — Оправдательная теорія Сая. — Защита поземельной собственности въ ученіяхъ Бастіа, Кари и ихъ послѣдователей; противорѣчія и софизмы.

Серьёзный анализъ принципа собственности могъ быть принятъ только на почвѣ экономической, и ученія экономистовъ должны были неизбежно затронуть именно то, что игнорировалось правовѣдѣніемъ. Въмѣсто догматическихъ формулъ права, выступили наружу сомнѣнія, оправданія и мотивы изъ обширной области фактовъ, лежащихъ въ основѣ хозяйственной жизни народовъ. Но и въ экономической литературѣ результаты были на первыхъ порахъ не особенно удачны; въ ней долго отсутствовало научное безпристрастіе, и споры вертѣлись около отвлеченностей, принимая нерѣдко чисто-схоластическій характеръ.

Экономисты долго не знали, куда отнести землевладѣніе; — для этого института не было мѣста въ доктринахъ, имѣвшей своимъ исходнымъ пунктомъ понятіе о трудѣ, какъ объ источникѣ промышленныхъ цѣнностей. Къ поземельному вопросу прилагается общая промышленная мѣрка, и природныя особенности землевладѣнія не находятъ еще самостоятельной научной оцѣнки. Землевладѣніе выдѣлялось изъ обычной сферы экономическихъ явленій, въ качествѣ голаго факта, отчасти несогласнаго съ общими интересами народнаго хозяйства.

«Съ тѣхъ поръ, — говоритъ Адамъ Смитъ, — какъ почва какой-либо страны обращена въ частную собственность, землевладѣльцы стали собирать тамъ, гдѣ не сѣяли, и требовать поземельную ренту даже за естественныя произведенія земли. Поземельный доходъ, въ смыслѣ уплаты за пользованіе землею, представляется естественнымъ образомъ — монополіею». Всякое улучшеніе въ

свободы, другой русскій философъ, г. Д. Глинка, доказывалъ, что право и свобода — не только не однородныя, а право противоположныя и враждебныя между собой идеи, взаимная борьба которыхъ составляетъ главное содержаніе исторіи («Наука о человѣческомъ обществѣ», перев. Вибикова, Сиб. 1870). Подобіе истинъ достигается въ метафизикѣ — самымъ угодно путемъ.

общественномъ благосостояніи стремится прямо или косвенно къ возвышенію дѣйствительнаго дохода съ земли и къ увеличенію дѣйствительнаго богатства поземельнаго собственника; другими словами, землевладѣльцы, собственно говоря, богатѣютъ насчетъ всего общества.— «Завладѣвши силами природы,—говорить одинъ изъ послѣдователей Смита, Сеніоръ,—поземельные собственники заставляютъ платить себѣ за пользованіе ими извѣстную ренту, которая получается ими безъ всякаго труда и издержекъ съ ихъ стороны. Роль ихъ ограничивается только тѣмъ, что они протягиваютъ руку за полученіемъ пожертвованій отъ остальнаго населенія». — «За вычетомъ заработной платы и прибыли, составляющихъ безусловную потребность всякаго труда,—прибавляетъ французскій переводчикъ Смита, Жерменъ Гарнье,—все остальное количество произведеній принадлежитъ исключительно землевладѣльцамъ, которые могутъ распоряжаться ими по произволу. Владѣльцы земли пользуются безграничною властью надъ чужимъ трудомъ; они захватили въ свои руки монополію надъ трудомъ всего общества» и т. д. (Ад. Смитъ, рус. перев. т. I, стр. 109, прим., 170 и др.).

Эти отзывы кажутся лишь отголосками пережитой феодальной эпохи, когда поземельные собственники обладали политическою властью, и когда остальные классы населенія могли не иначе пользоваться плодами рукъ своихъ, какъ ставъ въ тѣ или другія отношенія зависимости къ землевладѣльцамъ. Между новымъ торгово-промышленнымъ міромъ и старымъ порядкомъ землевладѣнія чувствовалось какое-то противорѣчіе, которое трудно было опредѣлить въ точности. Если на землевладѣльцевъ смотрѣли какъ на простыхъ производителей сырыхъ продуктовъ, то получалось представленіе, не соответствующее дѣйствительности; если же считать ихъ монополистами только потому, что въ ихъ рукахъ находится продовольствіе всего населенія, то на этомъ же основаніи можно бы приписывать значительную силу сапожникамъ и ворникамъ, такъ какъ отъ нихъ зависитъ снабженіе всего общества, включая и землевладѣльцевъ, необходимою для всѣхъ обувью и одеждою. Тутъ остается очевидно какой-то темный пунктъ, дающій поводъ къ недоразумѣніямъ.

Со времени Смита, взглядъ на поземельную собственность, какъ на несправедливую монополію, сдѣлался однимъ изъ догматовъ англійской экономической школы. Смитъ предвидѣлъ возраженіе относительно затратъ капитала и труда, соединенныхъ съ землевладѣніемъ; «повидимому, можно было бы подумать,—замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—что поземельный доходъ есть

часто не что иное какъ прибыль, или умѣренный процентъ на капиталъ, употребленный собственникомъ на улучшение почвы. Безъ сомнѣнія, могутъ встрѣтаться случаи, когда есть основаніе смотрѣть на ренту съ такой точки зрѣнія, но они никогда не могутъ быть приняты за общее правило» (т. I, стр. 317). Однако, такого «общаго правила» не существуетъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ сплошь и рядомъ доходъ капиталиста далеко превышаетъ обычную прибыль или умѣренный процентъ на затраченный въ дѣло капиталъ; значитъ, опять-таки затрудненіе тутъ въ чемъ-то другомъ.

Знаменитый продолжатель Смита, Рикардо, затронулъ болѣе существенныя черты землевладѣльческой монополіи; онъ видѣлъ главную пружину ея въ «обладаніи неразрушимыми естественными силами почвы», причемъ антагонизмъ между поземельными собственниками и остальными классами общества оказывается уже въ природѣ вещей. Рикардо выдѣляетъ подъ именемъ ренты только ту часть поземельнаго дохода, которая получается сверхъ прибыли и процента на затраченный капиталъ, единственно въ видѣ платы за пользованіе естественными качествами почвы; этимъ несомнѣнно ярче выдвигается монопольный характеръ землевладѣнія. Но когда Рикардо хочетъ объяснить причины упомянутаго антагонизма, онъ попадаетъ въ тотъ же закодированный кругъ, въ которомъ столько разъ терялась нить разсужденій о собственности. Все дѣло въ томъ, по мнѣнію Рикардо, что интересы землевладѣльцевъ требуютъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, тогда какъ для остальнаго населенія желательны возможно низкія цѣны ¹⁾, — соображеніе, имѣющее одинаковую силу относительно всякихъ вообще продуктовъ и товаровъ. Противоположность интересовъ сводится къ обыкновеннымъ отношеніямъ между продавцами и покупателями, между спросомъ и предложеніемъ. Вышло совсѣмъ не то, что хотѣлъ, вѣроятно, сказать Рикардо.

Первая попытка оправданія поземельной собственности съ экономической точки зрѣнія связывается съ именемъ Жана-Батиста Сэя, главы французскихъ экономистовъ. Сэй изводитъ землю на степень простого орудія сельско-хозяйственнаго производства, — орудія, которое, какъ всякое другое, имѣетъ своего собственника. «Первое и самое важное изъ всѣхъ естественныхъ орудій (instruments), — говоритъ Сэй, — есть обрабатываемая земля.

¹⁾ Ricardo, Principes de l'économie politique et de l'impôt, trad. par Fonteyraud (Par. 1847), p. 307—8.

Она дана была даромъ всѣмъ людямъ; но такъ какъ она не могла бы быть воздѣлываема безъ предварительныхъ затратъ труда и денегъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, то у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ чувствовалась необходимость признать исключительными собственниками земли тѣхъ, которые въ данное время владѣютъ ею безспорно». Владѣльцы исполняютъ производительную функцію, необходимую для всего общества: они доставляютъ землю для обработки и получаютъ справедливую плату за услуги почвы. «Поземельный собственникъ, — по словамъ Сэя, — производитъ черезъ посредство своего орудія, т.-е. своей земли. Рента, которая платится ему за землю, представляетъ собою цѣну произведеній, приходящихся на его долю въ производствѣ, въ которомъ онъ участвовалъ посредничествомъ своей земли... Изъ дѣателей природы не одна только земля имѣетъ производительную силу; но она одна доступна завладѣнію. Вѣтеръ и солнечные лучи также работаютъ для насъ, но къ счастью никто не могъ сказать: солнце и вѣтеръ принадлежать мнѣ, и потому я требую платы за оказываемыя ими услуги. Нѣкоторые люди завладѣли землею и обратили ее въ частную собственность; но удивительное дѣло, — захваченная такимъ образомъ привилегія оказалась не только безвредною, но даже полезною для остального населенія». Выгода поземельной собственности заключается, по мнѣнію Сэя, въ томъ, что земля не была бы вовсе обрабатываема, еслибы не имѣла собственниковъ ¹⁾.

Доводы Сэя, какъ увидимъ ниже, доставили Прудону возможность одержать блестящую побѣду надъ защитниками землевладѣльческихъ правъ. Нетрудно было опровергнуть аргументацію, составленную изъ сколькихъ и обоюдоострыхъ положеній; Сэй самъ даетъ оружіе въ руки противниковъ своимъ открытымъ признаніемъ, что землевладѣльцы получаютъ плату за работу земли, за дѣйствіе естественныхъ силъ, данныхъ даромъ всѣмъ людямъ. Разсужденія Сэя были уже слишкомъ просты и приводили неизбѣжно къ опаснымъ толкованіямъ; нужно было избрать другой болѣе цѣлесообразный способъ защиты поземельной собственности.

Новый путь открылся легко и свободно; его нашелъ талантливый писатель Фредерикъ Бастіа, слѣдуя указаніямъ американца Кэри. Стоило только отбросить «первобытныя силы почвы» и признать всю производительность земледѣлія результатомъ труда владѣльцевъ, и вопросъ утрачивалъ значительную часть своей

¹⁾ J. B. Say, *Oeuvres diverses*. Par. 1848, p. 28, 43, 303 и др.

трудности. Никакой поземельной ренты въ смыслѣ платы за «услуги земли» не существуетъ вовсе; это выдумка Рикардо и его послѣдователей. Всякій доходъ съ земли, какъ бы великъ онъ ни былъ, составляетъ лишь скудное вознагражденіе за громадныя издержки, употребленныя на развѣстку почвы и на предварительную обстановку земледѣльческаго производства. Такъ называемая рента дается собственнику за услуги его самого или его предковъ, а вовсе не за естественныя качества земли. Силы природы остаются для всѣхъ даровыми, и цѣнность принадлежитъ единственно продуктамъ труда. Напримѣръ, во многихъ городахъ рѣчная вода доставляется жителямъ за деньги; но плата получается водовозомъ не за самую воду, а только за трудъ доставленія ея въ извѣстное мѣсто. Такъ же точно и земля, по Бастіа, имѣетъ цѣнность только въ предѣлахъ положеннаго на нее человѣческаго труда, въ связи съ размѣрами спроса на сырые продукты.

Матеріалъ для этихъ выводовъ собранъ былъ въ сочиненіяхъ филадельфійскаго ученаго, Генри Кэри. Американскій авторъ старался обобщить многочисленныя факты изъ исторіи заселенія Соединенныхъ - Штатовъ, гдѣ образованіе частной поземельной собственности продолжается на далекомъ западѣ при энергической работѣ смѣлыхъ пионеровъ. По ученію Кэри, производительность земли непрерывно возрастаетъ вмѣстѣ съ успѣхами культуры; положеніе земледѣльцевъ становится все менѣе исключительнымъ, и благосостояніе рабочихъ классовъ все болѣе повышается. «Первый собственникъ, — говоритъ Кэри, — могъ, какъ монополистъ, заставить земледѣльцевъ довольствоваться четвертою частью своихъ произведеній; второй, сравнивая размѣръ своихъ сбереженій съ средствами окружающихъ людей, находитъ уже, что отношенія измѣнились; его собственная сила возрасла, но и ихъ сила увеличилась также. При помощи усовершенствованныхъ орудій, онъ можетъ устроить ферму въ 200 бушелей дохода съ меньшими издержками, чѣмъ первый собственникъ — ферму въ 100 бушелей; но и другіе могутъ это также. Вмѣсто того, чтобы требовать для себя $\frac{3}{4}$ всего количества произведеній, онъ потребуетъ только $\frac{3}{8}$. Третій собственникъ имѣетъ уже дѣло съ земледѣльцами, власть которыхъ возвысилась, и которые сами обладаютъ капиталомъ» и т. д.

Предположенія Кэри очевидно мало убѣдительны и отчасти совершенно произвольны. Непонятно, напримѣръ, какимъ образомъ первый собственникъ могъ считаться монополистомъ при обиліи незанятыхъ еще земель, и почему власть землевладѣльцевъ

относительно работников должна уменьшаться, а не увеличиваться, по мѣрѣ обращенія земель въ частную собственность. Самостоятельное занятіе поземельныхъ участков неизмѣримо легче для рабочаго въ эпоху первоначальнаго заселенія страны, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ промышленнаго прогресса: это ясно, какъ божій день. Кэри придаетъ громадное значеніе своей странной гипотезѣ о переходѣ земледѣльческой культуры отъ худшихъ участковъ къ лучшимъ, отъ открытыхъ горныхъ мѣстностей къ роскошнымъ лѣснымъ долинамъ и болотамъ; но слѣдуя этой теоріи, нельзя не заключить, что сила капиталистовъ-собственниковъ должна въ концѣ концовъ совершенно подавить собою конкуренцію простыхъ земледѣльцевъ. Когда начинается воздѣлываніе плодородныхъ земель, требующихъ значительныхъ денежныхъ затратъ (какъ-вы, напр., земля, покрытая лѣсами и болотами), то усиливается положеніе капиталистовъ, а никакъ не рабочихъ; возможность занимать новыя земли дѣлается привилегією капитала и закрывается для представителей труда. Кэри много разсуждаетъ о всеобщемъ прогрессѣ, обогащающемъ бѣдныхъ и облагораживающемъ богатыхъ. Земледѣльческое производство, по его мнѣнію, совершенствуется въ быстрой прогрессіи; съ каждаго участка количество добываемыхъ продуктовъ умножается, при постепенномъ уменьшеніи издержекъ. Сначала, — говоритъ Кэри, — получается съ известной фермы 100 бушелей пшеницы; потомъ, съ меньшими издержками — 200, еще съ меньшими — 300, и такъ далѣе до 1000 ¹⁾. Къ сожалѣнію, авторъ остановился на этой послѣдней цифрѣ и не высказалъ естественнаго дальнѣйшаго вывода, что когда-нибудь можно будетъ кормить все человѣчество произведеніями одного поземельнаго участка. Какъ далеки мы отъ этихъ невѣроятныхъ, теоретическихъ идиллій!

Доктрина Кэри пригодила французскимъ экономистамъ въ горячую пору сороковыхъ годовъ, для борьбы съ социализмомъ и коммунизмомъ во имя священной идеи собственности. Прославленіе экономическихъ успѣховъ, достигнутыхъ свободнымъ дѣйствіемъ капитала, должно было служить оправданіемъ для существующаго порядка, основаннаго на свободной конкуренціи имущихъ съ неимущими. Съ точки зрѣнія Кэри и Бастіа, личные успѣхи человѣка, прошлыхъ или настоящихъ услуги, оказанныя

¹⁾ H. G. Carey. *Principes de la science sociale* (франц. изд. 1861), t. I, 116—117, t. III, ch. XLII. У насъ ученіе Кэри было впервые изложено профессоромъ Н. Хр. Буше („Гармонія хозяйственныхъ отношеній“, Киевъ. 1860); впоследствии умнишавшій авторъ, нинѣ министръ финансовъ, отказался, конечно, отъ своего прежняго оптимизма.

другимъ людямъ, наконецъ, счастливыя обстоятельства, благопріятствовавшія производительности труда,—даютъ неизбежное основаніе праву частной собственности и не допускаютъ никакихъ сомнѣній въ справедливости этого права. Земледѣліе есть такая же отрасль промышленности, какъ и всякая другая; жаловаться на то, что земля обрабатывается только немногими, и кричать о монополіи—это все равно, какъ еслибъ мы стали негодовать, что не всѣ люди—плотники, портные, столяры и т. п. Ограниченное число производителей какъ въ земледѣліи, такъ и въ другихъ сферахъ производства, составляетъ только результатъ великаго историческаго закона раздѣленія и специализаціи труда.¹⁾ Въ дѣйствительности дѣло шло, конечно, вовсе не о томъ, что земля обрабатывается немногими, а о томъ, что она принадлежитъ немногимъ, и притомъ рѣдко тѣмъ, кто ее обрабатываетъ. Соціалисты нападали не на раздѣленіе занятій, а на распредѣленіе земли въ собственность,—что далеко не одно и то же. Шаткіе софизмы и натяжки могли только запутывать вопросъ, къ явной невыгодѣ защищаемаго дѣла. Защита касалась только правъ на сдѣланныя владѣльцемъ затраты, но не на самую землю; можно было привести многочисленные примѣры, въ которыхъ роль собственниковъ ограничивается полученіемъ ренты съ земель, обработанныхъ и обстроенныхъ другими (фермерами, наслѣдственными арендаторами въ Англіи). Полагая основаніе права собственности на землю въ личномъ трудѣ и усиліяхъ человека, французскіе экономисты думали побѣдить своихъ противниковъ ихъ же оружіемъ; а для большаго удобства въ достиженіи этой цѣли строгое понятіе труда было замѣнено болѣе эластичнымъ понятіемъ—*услуга*. Но, рассуждая о всевозможныхъ услугахъ, породившихъ въ прошедшемъ нынѣшнія права землевладѣльцевъ, необходимо также имѣть въ виду самыя осязательныя и типическія услуги,—а именно, настоящій трудъ, оплодотворяющій землю и производящій земледѣльческіе продукты. Если сводить все къ понятію услугъ, то едва ли можно оспаривать притязаніе работниковъ на плоды ихъ труда²⁾.

¹⁾ *R. de Fontenay*, въ „*Journal des Economistes*“, т. XXX.

²⁾ Одинъ изъ послѣдователей Бастіа, Гарди де Болюэ, обстоятельно разработалъ вопросъ о трудовомъ элементѣ въ поземельной собственности; онъ различаетъ три вида труда въ землевладѣніи—первоначальное открытіе, поддѣйное присоединеніе, и затѣмъ образованіе рынка для сбыта произведеній, а о земледѣльческомъ трудѣ въ собственномъ смыслѣ вовсе не упоминается при этомъ. (См. *Le Hardy de Beaumont, La propriété et sa rente dans leurs rapports avec l'économie politique et le droit public*, Paris, 1865).

Теорія очевидно хромала въ чемъ-то весьма существенномъ. Чтобы скрыть ея слабыя стороны, нужно было много остроумія и краснорѣчія. Фредерикъ Бастіа съ несомнѣннымъ блескомъ исполнилъ свою задачу: собственность нашла своего рыцаря, готоваго бороться съ Прудонъ. Вслѣдъ за Бастіа потянулись другіе авторы, уже не столько для участія въ борьбѣ, сколько для празднованія побѣды: большинство просвѣщенныхъ читателей, заинтересованныхъ въ охранѣ собственности, было напередъ согласено со всѣми доводами ея защитниковъ и рукоплескало полемическимъ приемамъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ наукою.

III.

Критика Прудона. — Два его отрицательные мемуара о собственности. — Прудонъ, какъ защитникъ частнаго землевладѣнія. — Неудачная посмертная книга.

Итакъ, твердыня собственности имѣла въ наукѣ плохихъ защитниковъ; ихъ оправдательныя рѣчи заключали въ себѣ много такого, что могло только подрѣплять и усиливать обвиненіе. Надъ вѣковыми вопросамъ, отъ рѣшенія котораго зависѣли судьбы народовъ, устранивались карточные домики, разлегавшіеся отъ пераго толчка. Не было ничего легче, какъ разоблачить это безсильіе научныхъ теорій и опровергнуть разсужденія, основанныя часто на простой игрѣ словами и понятіями. Въ трактатахъ юристовъ и экономистовъ Прудонъ имѣлъ готовый арсеналъ возраженій противъ собственности; онъ извлекалъ оттуда сильнѣйшіе свои доводы и самые блестящіе софизмы, опираясь уже прямо на авторитетъ официальныхъ ученыхъ.

Экономисты доказывали, что земля есть не что иное, какъ орудіе, служащее для производства и дающее владѣльцамъ право на вознагражденіе за пользованіе ею. «Прекрасно — говорятъ Прудонъ, — я согласенъ, что земля есть только орудіе; но кто сдѣлалъ это орудіе? Неужели землевладѣлецъ? Развѣ онъ сообщаетъ землѣ производительность и плодородіе? Въ томъ именно и состоитъ монополія собственника, что онъ заставляетъ платить себѣ за услуги такого орудія, котораго онъ не сдѣлалъ. Пусть явится творецъ земли и самъ потребуеъ въ свою пользу арендную плату; — мы охотно разсчитаемся съ нимъ; или, по крайней мѣрѣ, пусть поземельный собственникъ покажетъ намъ свое уполномочіе». «Кому слѣдуетъ платить за пользованіе землею? — спра-

шиваетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, — производителю земли безъ сомнѣнія. — Кто же произвелъ землю? — Богъ», и т. д. ¹⁾).

Первоначальное занятіе земли, — объясняетъ далѣе Прудонъ, — не могло превышать потребностей непосредственной обработки; оно порождаетъ фактъ владѣнія, но не право вѣчной собственности. «Видѣтъ съ приложеніемъ труда къ земледѣлію возникало право на вещь, — но на какую вещь? Очевидно, на продуктъ, а не на самую почву: такъ понимали это нѣкогда германцы, по свидѣтельству Цезаря и Тацита. Оправдывать можно только владѣніе, но для собственности нѣтъ никакихъ основаній; исключительное право на произведенія, если оно и признано, не влечетъ за собою права собственности на землю. Для человѣка, который родится и умираетъ, для этого сына земли, проходящаго по ней какъ мимоletная тѣнь, не существуетъ вовсе другихъ правъ относительно внѣшнихъ предметовъ, какъ только право владѣнія». «Иадавна люди владѣютъ землею, но давность оправдываетъ только охрану фактическаго владѣнія: съ какой же стати законъ превращаетъ владѣніе въ собственность? Право оккупациі одинаково для всѣхъ; а такъ какъ предѣлы занимаемаго участка зависятъ не отъ желанія, а отъ измѣнчивыхъ условій пространства свободныхъ земель и числа рабочихъ рукъ, то собственность не можетъ образоваться. Можно занимать лишь столько земли, сколько можно воздѣлывать въ данное время; поэтому право оккупациі препятствуетъ установленію собственности. Трудъ также не имѣетъ самъ по себѣ никакой пріобрѣтательной силы по отношенію къ предметамъ природы; если придавать такое значеніе труду, то нужно признать за рабочими неизвѣстную долю права собственности, независимо отъ рабочей платы». «Тѣ, которые владѣютъ въ настоящее время, имѣютъ такое же право на собственность, какъ и владѣнціе; но вмѣсто того, чтобы предложить раздѣлъ собственности между всѣми, требуется уничтожить ее для всѣхъ, въ видѣ мѣры общественной безопасности». Всеобщее признаніе права собственности не узаконитъ его, ибо по юридическимъ принципамъ фактъ не создаетъ права. «Законовѣды, съ точностью машинъ, полные упрямства, враги всякой философіи, углубленные въ буквальный смыслъ, считали всегда послѣднимъ словомъ науки то, что было лишь необдуманнѣйшѣмъ рѣшеніемъ людей благонамѣренныхъ, но мало предусмотрительныхъ. Не далеко то время, — думалъ пророчить

¹⁾ „Qu'est ce que la propriété?“ par Proudhon. Paris, 1849. Premier memoire. pp. 72, 139 и др.

Прудонъ, — когда прославленная сдержанность философовъ, эта золотая середина, столь усердно проповѣдуемая, будетъ разсматриваться какъ постыдная черта безпринципной науки. Жалкая гордость! Мы ничего не знаемъ о предметѣ, взваливаемъ на него гучу нашихъ собственныхъ противорѣчій и въ порывѣ наивнаго незнества восклицаемъ: истина заключается въ сомнѣніи; лучшее опредѣленіе — ничего не опредѣлять... Политическая экономія напоминаетъ схоластику; разсуждая о причинахъ и слѣдствіяхъ, она не знаетъ ничего, не объясняетъ ничего и не приходитъ ни къ какому заключенію. То, что украшается громкимъ именемъ экономическихъ законовъ, сводится къ нѣсколькимъ банальнымъ обобщеніямъ, которымъ думали придать видъ глубины при помощи туманнаго технического жаргона».

Прудонъ ѣдко осмѣиваетъ старанія экономистовъ подыскать правдоподобные мотивы для права собственности. Ссылаясь на политическую экономію, владѣльцы могутъ примѣнить къ себѣ известную басню Федра; они могутъ сказать: «какъ предприниматель, я беру первую часть добычи; какъ работникъ, я беру порцію; какъ капиталистъ, я беру третью; какъ собственникъ, я беру все». Прудонъ, какъ известно, отвергаетъ всякую вообще собственность, а не одну поземельную, хотя направляетъ свои главные удары противъ послѣдней. Капиталъ производится не личнымъ, а общественнымъ трудомъ; рабочая плата вознаграждаетъ работу отдельныхъ лицъ, а не общіе результаты, достигаемые совокупными усиліями многихъ работниковъ, ибо масса людей дѣлаетъ больше неизмѣримо больше, чѣмъ могли бы они сдѣлать въ отдельности. Увеличенная производительность, при соединеніи и раздѣленіи труда, составляетъ слѣдствіе социальныхъ условий, и потому результаты ея должны принадлежать обществу, а не отдельному лицу. При помощи отвлеченной діалектики, иногда довольно сбивчивой, авторъ выводитъ, что собственность невозможна по многимъ причинамъ; при этомъ достается также и социалистамъ, требующимъ организаціи собственности на новыхъ началахъ.

Во второмъ своемъ мемуарѣ о собственности, Прудонъ приводитъ множество цитатъ изъ сочиненій благонамѣренныхъ профессоровъ, для доказательства того, что въ сущности всѣ раздѣляютъ его взгляды, и что онъ только откровенно высказалъ общее научное убѣжденіе, которое другими облекается въ болѣе невинную форму. По словамъ автора, всѣ разсужденія, имѣвшія цѣлью защищать собственность, постоянно и необходимо приводятъ къ отрицанію собственности; это признакъ весьма утѣ-

пительный для Прудона, какъ объясняетъ онъ въ письмѣ къ Бланки ¹⁾).

Прудонъ, впрочемъ, не ограничился ролью разрушителя собственности; онъ захотѣлъ также возсоздать ее изъ развалинъ — и въ этомъ дѣлѣ самъ потерпѣлъ такое же фіаско, какъ и критикуемые имъ экономисты. Тогда какъ отрицательныя воззрѣнія Прудона всѣмъ извѣстны, очень немногіе, вѣроятно, знаютъ его *положительную* «теорію собственности», появившуюся уже послѣ его смерти ²⁾. Въ концѣ этой посмертной книги высказана увѣренность, что тайна собственности найдена, и что отнынѣ собственность можетъ считаться неразрушимой; «я имѣю гордое сознаніе, — заявляетъ авторъ, — что моя теорія устоитъ передъ всякими нападками». Тотъ же самый Прудонъ, который въ своихъ предыдущихъ двухъ мемуарахъ категорически требовалъ уничтоженія собственности, отзывается уже слѣдующимъ образомъ о послѣдствіяхъ такого совѣта для Франціи: «уничтоживъ собственность, Франція потеряла бы чувство свободы и сознаніе права; она сдѣлалась бы бичемъ народовъ, и было бы только справедливостью поступить съ нею такъ, какъ поступлено было съ Польшею въ концѣ восемнадцатаго вѣка» (р. 197). Безпощадный врагъ превратился въ усерднаго защитника; но прежніе враждебные удары производили поразительный эффектъ, а похвѣйшая защита, при всей ея талантливости, прошла почти незамѣченной. Между тѣмъ, попытка Прудона во всякомъ случаѣ заслуживала бы серьезнаго вниманія со стороны многочисленныхъ второстепенныхъ теоретиковъ собственности.

Въ своихъ первыхъ двухъ брошюрахъ, Прудонъ не отдѣлялъ землевладѣнія отъ другихъ видовъ собственности; онъ слишкомъ обобщалъ свои выводы и безразлично примѣнялъ ко всѣмъ разрядамъ владѣльцевъ такіа соображенія, которыя заимствованы были специально изъ области поземельныхъ отношеній. Эта основная ошибка повлекла за собою неизбежную путаницу, значительно ослабляющую впечатлѣніе всей аргументаціи Прудона. Въ своей положительной теоріи онъ уже особо рассматриваетъ землевладѣніе и разбираетъ его реальныя историческія черты. Главное мѣсто отводитъ онъ политической сторонѣ землевладѣнія; въ ней ищетъ и находитъ онъ разгадку дѣйствительнаго смысла поземельной собственности.

¹⁾ Deuxième memoire.—Lettre à Blanqui sur la propriété. Paris, 1848, p. 53 и др.

²⁾ Théorie de la propriété. Paris, 1866.

Если отдельные лица, — рассуждает Прудонъ, — владѣютъ землею только на ограниченномъ и зависимомъ правѣ, то они не могутъ чувствовать себя свободными по отношенію къ государству. Переходъ земли въ полную собственность частныхъ лицъ, бывшихъ только ея владѣльцами, есть переходъ къ нимъ абсолютной власти, принадлежавшей государству, и слѣдовательно составляетъ противовѣсъ правительственному абсолютизму, тогда какъ ограниченное владѣніе, зависящее въ своемъ корнѣ отъ государства, служило всегда высшимъ выраженіемъ этого абсолютизма. Въ Россіи, по мнѣнію Прудона, «абсолютизмъ развился только благодаря тому общинному владѣнію, которому реформы императора Александра II нанесли первый ударъ». Система владѣнія ведетъ къ неравномерности, а собственность, при полномъ правѣ распоряженія и раздробленія, ведетъ неминуемо къ равенству и справедливости. Сущность собственности заключается въ ея цѣляхъ, а не въ ея содержаніи. «Собственность не ставится а priori въ ряду правъ человека и гражданина, какъ думали до сихъ поръ и какъ полагали составители деклараціи 1789 года: всякое рассужденіе, имѣющее цѣлью установить а priori право собственности, вращается въ заколдованномъ кругѣ и связано съ массою противорѣчій. Собственность даже въ своихъ злоупотребленіяхъ проявляется въ качествѣ функціи; и именно потому, что она функція, къ которой призванъ каждый гражданинъ, она становится правомъ, причѣмъ право протистекаетъ здѣсь изъ назначенія собственности, а не назначеніе — изъ права. Съ наибольшою энергіею обнаруживается дѣйствіе собственности въ пользованіи избирательными правами: имѣть голосъ способенъ, конечно, всякій бѣднякъ, но реальную силу противъ власти можетъ имѣть только голосъ собственниковъ».

Прудонъ пускается далѣе въ туманныя пророчества о будущемъ. Земля должна пріобрѣсть подвижность капитала; это необходимо для развитія свободы и цивилизаціи. Недостатки и излишества не вредятъ самому принципу. Собственность сравнивается съ любовью и искусствомъ, которыя также допускаютъ злоупотребленія, но, однако, не подлежатъ легальному контролю; поэтому и собственность должна быть предоставлена самой себѣ, а устраненіе ея злоупотребленій достигается влияніемъ нравственности и умственного прогресса. «Если смотрѣть на собственность съ точки зрѣнія ея сущности, то она кажется самою несправедливою и безславною; по цѣли же и назначенію, она является идеаломъ всякой добродѣтели, общественной и частной. Если когда-либо эгоизмъ сдѣлается тождественнымъ съ справед-

ливостью и гармонія водворится въ человѣческомъ обществѣ, то этимъ чудомъ міръ будетъ обязанъ—собственности». Нужно только, чтобы собственники поняли лежащія на нихъ высокія обязанности,—условіе, удивительно звучащее въ устахъ такого скептика, какъ Прудонъ.

Землевладѣніе имѣетъ важную политическую сторону, и указать на нее—уже большая заслуга; но указанія Прудона не вѣрно освѣщаютъ эту сторону вопроса. Вездѣ въ Европѣ привилегированная поземельная собственность создавалась и поддерживалась государственнымъ абсолютизмомъ; поэтому она рѣдко могла служить ему противовѣсомъ, а скорѣе, напротивъ, была самою надежною опорою власти. Политическая независимость англійской аристократіи объясняется исключительными обстоятельствами, которыя не существуютъ въ другихъ государствахъ; притомъ, поземельные порядки Англіи никѣмъ не признаются нормальными. Но допуская даже вѣрность исходныхъ предположеній, мы наталкиваемся на логическое противорѣчіе. Теорія Прудона имѣетъ въ виду необходимость противодѣйствія абсолютизму; значить, она примѣнима только къ тѣмъ странамъ, гдѣ государство находится въ антагонизмъ съ народомъ. Если же абсолютизма вовсе нѣтъ и народъ свободно выбираетъ своихъ законодателей, какъ это происходитъ во Франціи и отчасти въ остальной конституціонной Европѣ, то специальная функція поземельной собственности лишается своего предмета, и весь вопросъ остается по прежнему открытымъ. Какимъ же образомъ можно признавать собственность неразрушимою, если назначеніе ея имѣетъ только временный и мѣстный характеръ, и стоитъ въ зависимости отъ даннаго политическаго строя?

Ученіе Прудона объясняетъ очень мало и не рѣшаетъ ничего; оно предполагаетъ вѣру въ чудеса—въ нравственное перерожденіе собственниковъ, въ готовность ихъ къ подвигамъ ради общаго блага, въ будущее господство справедливости, при неограниченныхъ правахъ землевладѣльцевъ. На подобномъ фундаментѣ нельзя строить научную теорію, и опытъ Прудона прибавилъ лишнюю неудачу ко многимъ другимъ, въ сферѣ поземельной проблемы.

IV.

Особенности научной полемики о поземельной собственности.—Разборъ ученія Милля.

Споры объ основаніяхъ права собственности на землю имѣютъ ту особенность, что обѣ стороны—возражающая и защищающая—важутся въ чемъ-то неправыми, и критика съ одинаковою легкостью разбиваетъ доказательства pro и contra. Пока научныя теоріи вырабатывались въ пылу страстнаго спора, подъ вліяніемъ жгучихъ интересовъ минуты, до тѣхъ поръ несостоятельность высказываемыхъ мнѣній могла быть приписываема временнымъ причинамъ,—недостатку полной объективности, желанію побороть противниковъ и стремленію провести во что бы то ни стало извѣстныя предвзятые идеи. Но эпоха борьбы миновала, и экономисты получили возможность разсуждать вполне безпристрастно; наука вступила въ свои права и могла уже разрѣшить всѣ сомнѣнія спорщиковъ. Однако, свѣтъ науки заставляетъ себя ждать, какъ бы скрываясь въ полутьмѣ. Повторяются прежнія противорѣчія и ошибки; отъ нихъ не свободенъ даже такой философъ, какъ Милль. Никто не могъ съ большимъ правомъ говорить отъ имени науки, чѣмъ этотъ авторитетный представитель англійской классической школы. Миллю совершенно чуждо узкое, партійное отношеніе къ предмету; онъ умѣетъ видѣть правду вездѣ, гдѣ она проявляется, хотя бы и у социалистовъ. Поэтому ученіе Милля о собственности представляетъ особый интересъ.

Милль полагаетъ, что зло, указываемое социалистами, коренится не въ самомъ правѣ собственности, а въ неправильномъ и непослѣдовательномъ развитіи этого права. Законы о собственности, по словамъ Милля, «никогда не сообразовались съ началами, на которыхъ основывается оправданіе этого института. Они обращали въ собственность предметы, которые никогда не должны были бы считаться подлежащими этому праву, и создавали полную собственность тамъ, гдѣ могла имѣть мѣсто только условная собственность. Они держали вѣсы неодинаково и несправедливо для человѣческихъ существъ; они накопили препятствія для однихъ, чтобы доставлять преимущества другимъ... Еслибъ направленіе законодательства благопріятствовало распространенію, а не сосредоточенію богатства, то принципъ собственности оказался-бы свободнымъ отъ приписываемой ему роковой связи съ бѣдствіями физическими и общественными. Частная собственность, когда рѣчь идетъ объ ея защитѣ, предполагается

всегда равносильною присвоенію людямъ плодовъ ихъ собственнаго труда и собственного воздержанія. Обеспеченіе кому-либо результатовъ чужого труда и чужого воздержанія, безъ всякихъ заслугъ или усилій со стороны владѣльца, не составляетъ сущности института, а есть только случайное послѣдствіе, которое, достигнувъ известной степени, не содѣйствуетъ, а противодѣйствуетъ цѣлямъ, дѣлающимъ личную собственность законною¹⁾. Другими словами, право на существованіе имѣетъ только идеальная собственность, а не дѣйствительно существующая, съ ея постоянными отступленіями отъ трудового начала.

«Такъ какъ принципъ собственности, — говоритъ Милль, — состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить каждому продуктъ его труда и сбереженія, то этотъ принципъ не можетъ быть примѣняемъ къ предметамъ, которые не произведены трудомъ, а именно къ первобытному матеріалу земли. Землевладѣльцы имѣютъ право на долю въ распредѣленіи продуктовъ только потому, что имъ присвоено обладаніе вещами, которыя не произведены ни ими, ни кѣмъ-либо другимъ. Съ перваго-же взгляда видно, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ монополіею... Когда говорятъ о священномъ характерѣ собственности, то всегда слѣдуетъ помнить, что этотъ характеръ не принадлежитъ землевладѣнію въ такой-же степени, какъ другимъ родамъ собственности. *Земля не создана ни кѣмъ изъ людей*; она — первоначальное наслѣдіе всего человѣческаго рода» (т. I, р. перев., стр. 280—285).

Этотъ доводъ относится, однако, не только къ землѣ, но и къ большинству предметовъ частнаго обладанія: съ одинаковымъ правомъ мы могли-бы сказать, что желѣзо, серебро, золото и драгоценныя камни «не созданы никѣмъ изъ людей», такъ какъ вообще въ мірѣ не существуетъ ни одной вещи, которая была бы *создана* человѣкомъ²⁾. Самъ Милль подробно объясняетъ это въ другомъ мѣстѣ своего трактата. «Разсматривая, — говоритъ онъ, — всевозможные случаи дѣйствія человѣка на природу, мы найдемъ, что силы природы или, говоря иначе, свойства тѣлъ исполняютъ все дѣло, когда эти тѣла разъ приведены въ нужное положеніе. Эта только единственная операція — приведеніе тѣлъ въ такое положеніе, чтобы они дѣйствовали своими собственными силами, присущими имъ относительно ихъ самихъ

¹⁾ Principes d'économie politique (франц. изд. Курсалль-Сенелла, 1873), I. II, ch. 1, § 3 (pp. 244 и др.).

²⁾ Этотъ аргументъ Милля былъ выраженъ несравненно сильнѣе Прудономъ въ его блестящемъ софизмѣ: „A qui est dû le fermage de la terre? Au producteur de la terre sans doute. Qui a fait la terre? Dieu. En ce cas, propriétaire, retire-toi“.

или относительно другихъ тѣлъ, — совершается или можетъ быть совершаема человекомъ: даже не идетъ власть человека надъ матеріею. Онъ можетъ только придвигать одно тѣло къ другому или удалять его; онъ вдвигаетъ зерно въ почву, и естественныя растительныя силы производятъ послѣдовательно корень, стволъ, листья, цвѣты, плоды. Онъ ударяетъ топоромъ по дереву, и дерево падаетъ силою тяжести» (Т. I, стр. 35). Другими словами, отношеніе человека къ предметамъ внѣшней природы оказывается уже одинаковымъ въ дѣлѣ производства, идетъ ли рѣчь о землѣ, или о какихъ либо другихъ вещахъ: какой же смыслъ имѣть тогда приведенный аргументъ Милля, выставленный имъ специально по поводу поземельной собственности?

Милль ставитъ начало поземельной собственности въ зависимость отъ соображенія общей пользы въ отдѣльныхъ случаяхъ; и принимаясь обсуждать самый этотъ институтъ вообще, онъ въ концѣ концовъ сводитъ всю свою теорію къ частнымъ условіямъ и ограниченіямъ, которыя не только неосуществимы сами по себѣ, но и не имѣютъ никакой связи съ сущностью спорнаго института. Указавъ на нѣсколько примѣровъ искусственной производительности, созданной трудомъ и капиталомъ, Милль въ этихъ улучшеніяхъ почвы находитъ главное оправданіе собственности. «Когда въ какой либо странѣ, — продолжаетъ онъ, — землевладельцы въ общей массѣ перестаютъ улучшать землю, то политическая экономія ничего не имѣетъ сказать въ защиту поземельной собственности, какъ она установлена въ данной странѣ. Ни въ какой правильно понимаемой теоріи собственности никогда не предполагалось, чтобы владѣлецъ земли былъ простымъ обладателемъ синекуры» (стр. 278). Если такимъ образомъ критеріемъ права собственности должно считаться такое или иное поведеніе владѣльцевъ относительно земли, то необходимо было бы предположить существованіе особаго общественнаго контроля или судилища для оцѣнки способа дѣйствій или бездѣйствія отдѣльныхъ собственниковъ; но вѣдь это касается только вопроса о лицахъ, владѣющихъ землею, а нисколько не вопроса о самомъ институтѣ землевладѣнія. Милль рассуждаетъ здѣсь подобно тому теоретику, который, выступая въ теоріи противъ невольничества, выдумалъ бы проповѣдывать оставленіе невольниковъ только за лицами, удовлетворяющими извѣстнымъ условіямъ, нравственнымъ и общественнымъ. Вмѣсто общаго теоретическаго опредѣленія, Милль предлагаетъ изслѣдованіе пользы и установленіе контроля въ каждомъ данномъ случаѣ, какъ будто дѣло теоріи — пускаться въ частности практическихъ, случайныхъ и тѣмъ болѣе личныхъ

элементовъ вопроса. Притомъ, подобныя же мѣры надзора за употребленіемъ собственности примѣнимы съ неменьшимъ основаніемъ и къ обладателямъ капитала, которыхъ Милль почему-то безусловно выгораживаетъ въ этомъ отношеніи, несмотря на свои неоднократныя упоминанія о крайней несоразмѣрности доходовъ капиталистовъ сравнительно съ скуднымъ вознагражденіемъ труда.

Поземельная собственность, по мѣнью Милля, должна быть всегда истолковываема въ ограничительномъ смыслѣ, и въ случаѣ сомнѣнія—нужно рѣшать противъ собственника; «совершенно обратное видимъ мы, когда дѣло идетъ о правѣ на предметы, произведенныя трудомъ: право собственника пользоваться ими и исключать всѣхъ другихъ людей отъ участія въ нихъ должно оставаться неограниченнымъ и безусловнымъ, за исключеніемъ случаевъ, когда отъ этого происходилъ бы какой либо положительный вредъ для общества.»... «Но относительно земли,—говоритъ даже Милль,—не слѣдуетъ предоставлять исключительнаго права никакому отдѣльному лицу, если не доказано, что эта уступка приноситъ положительную пользу... Обладаніе исключительнымъ правомъ на часть общаго наслѣдства, въ которомъ другіе не участвуютъ, есть уже спорная привилегія. Никакое количество движимаго богатства, которое можетъ приобрести отдѣльное лицо своимъ трудомъ, не въ состояніи мѣшать другимъ людямъ приобрести такое же богатство такими же способами; но по самой природѣ вещей тотъ, кто владѣетъ землею, мѣшаетъ другимъ пользоваться ею. Привилегію, или монополію, можно защищать только какъ необходимое зло; она становится несправедливостью, когда зло не вознаграждается вытекающимъ изъ нея благомъ». Изъ словъ Милля не видно, почему колоссальныя капиталы и доходы какого-нибудь Ротшильда составляютъ справедливый «продуктъ труда», дающій владѣльцу безусловное и непривоснованное право собственности, тогда какъ владѣніе какимъ-либо поземельнымъ участкомъ есть уже монополія, подлежащая спору. Если принадлежность данного участка извѣстному лицу устраняетъ другихъ людей отъ пользованія этимъ участкомъ, то также точно обладаніе какимъ либо движимымъ имуществомъ исключаетъ всѣхъ другихъ отъ пользованія этимъ же имуществомъ, состоитъ ли послѣднее въ деньгахъ, въ монетахъ, въ драгоценныхъ камняхъ или въ чемъ иномъ. Намопленіе массы золота въ рукахъ одного лица есть также изъятіе «части общаго наслѣдства» изъ сферы общественнаго обладанія, такъ какъ золото находится въ ограниченномъ количествѣ и составляетъ слѣдова-

тельно предметъ монополіи, подобно поземельнымъ участкамъ. Никакой логической разницы тутъ не оказывается; по крайней мѣрѣ никакой такой разницы не указываетъ Милль.

Свою полную противорѣчивъ теорію Милль завершаетъ неожиданнымъ низведеніемъ ея къ нулю, путемъ простого признанія того, что давно уже признано и существуетъ фактически: онъ требуетъ права экспроприаціи въ отдѣльныхъ случаяхъ по соображеніямъ общаго блага и политики. «Право владѣльцевъ на владѣніе землею, — говоритъ онъ, — вполне подчиняется общему направленію интересовъ государственныхъ. Принципъ собственности даетъ имъ право не на землю, а на вознагражденіе за всю часть ихъ интереса въ землѣ, которой они могутъ быть лишены для нуждъ государства: ихъ право на это вознагражденіе безусловно. Владѣльцы земли и всякой другой собственности, признанной таковою государствомъ, не могутъ быть лишены своихъ владѣній иначе, какъ только получивъ ихъ денежную цѣну или право на годичный доходъ, равный той прибыли, которую они имѣли съ земли. Это слѣдуетъ имъ по общимъ началамъ, на которыхъ основывается собственность. Если земля была приобретена продуктомъ труда и сбереженія самихъ владѣльцевъ или ихъ предковъ, то возмѣщеніе стоимости слѣдуетъ имъ по этой причинѣ; если же такихъ условій и не было, то оно слѣдуетъ имъ въ силу давности».

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ своихъ разсужденій объ «общемъ наслѣдствѣ», о несправедливой монополіи и т. п., — Милль извлекаетъ скромный выводъ о правѣ государства на принудительную покупку земель у частныхъ владѣльцевъ, хотя въ этомъ правѣ и безъ того нѣтъ сомнѣванія. Что касается массы людей, лишенныхъ участія въ «общемъ наслѣдствѣ», то ихъ, по мнѣнію Милля, необходимо убѣдить въ пользѣ частной поземельной собственности для всего человѣческаго рода, включая и ихъ самихъ. «Но въ этомъ, — прибавляетъ Милль, — нельзя было бы убѣдить человѣка съ здравымъ смысломъ, если бы отношенія между владѣльцами земли и людьми, ее обрабатывающими, были вездѣ такіе же, какъ въ Ирландіи». Все слѣдовательно сводится къ мѣстнымъ и частнымъ условіямъ, безъ всякаго отношенія къ общей природѣ разбираемаго института. вмѣсто цѣльнаго научнаго взгляда, является у Милля рядъ эмпирическихъ замѣчаній, не выдерживающихъ критики ни съ точки зрѣнія теоріи, ни съ точки зрѣнія практики. Милль не только не анализируетъ и не рѣшаетъ вопроса, но даже какъ бы сознательно обходитъ его. вмѣсто вопроса о землевладѣніи вообще, объ его естественныхъ

свойствахъ и предѣлахъ, — онъ незамѣтно выдвигаетъ на сцену вопросы объ образѣ дѣйствій и поведеніи владѣльцевъ, о ихъ похвальныхъ и непохвальныхъ наклонностяхъ, о злоупотребленіяхъ ихъ въ Ирландіи и о заслугахъ ихъ въ Англіи или въ другихъ странахъ. Въ результатѣ, Милль въ великомъ вопросѣ о повземельной собственности, примыкаетъ просто къ описательному способу, составляющему послѣднее убѣжище научнаго безсилія: онъ вдается въ подробныя описанія различныхъ фактическихъ видовъ владѣнія и пользованія землею, думая какъ будто замѣнить этимъ отсутствующую у него теорію.

IV.

Разсужденія Спенсера о правахъ на землю.

Гораздо яснѣе и послѣдовательнѣе Милля высказывается о повземельномъ вопросѣ другой англійскій философъ, Гербертъ Спенсеръ. Въ своей «Соціальной статикѣ» онъ рѣшительно и смѣло, не стѣсняясь никакими практическими соображеніями, дѣлаетъ всѣ логическіе выводы изъ того же основнаго принципа, около котораго блуждаетъ Милль. Онъ также ставитъ во главѣ своихъ разсужденій ту общую идею, что земля есть наслѣдіе всего человѣческаго рода, и что всѣ люди имѣютъ одинаковое право пользоваться ею; но онъ не допускаетъ въ теоріи никакихъ компромиссовъ съ этою идеею и рѣзко возстаетъ противъ распространенной между писателями привычки избѣгать точныхъ рѣшеній, говорить условнымъ и двучленнымъ языкомъ, постоянно колеблясь между *да* и *нѣтъ* ¹⁾.

«Въ вопросѣ о землевладѣніи, какъ и во всемъ остальномъ, — говоритъ Спенсеръ, — приговоръ морали долженъ быть точный — или да или нѣтъ. Или люди имѣютъ право объявлять землю своею частною собственностью, или не имѣютъ. Тутъ нѣтъ середины. Если они имѣютъ это право, тогда его свѣтлость герцогъ Лидсъ вполне справедливо не пускаетъ туристовъ въ свои владѣнія, герцогъ Атоль въ правѣ огораживать Гленъ-Шидль, герцогъ Буклей-Квинсберри — отказывать въ мѣстѣ для постройки англійской церкви, и герцогъ Сотерландъ — выгонять землевладѣльцевъ изъ ихъ жилищъ для очистки мѣста подъ пастбища для овецъ. Если они имѣютъ такое право, — тогда собственникъ

¹⁾ Social Statics, by Herbert Spencer, chap. IX—X, pp. 181—184.

какой-нибудь области могъ бы устанавливать для обитателей ея какія угодно правила, позволять имъ жить въ его владѣнiяхъ только подъ условiемъ исповѣдыванiя извѣстной религiи, навязывать имъ употребленiе извѣстнаго языка и ношенiе опредѣленной одежды, требовать себѣ внѣшняго почета и т. п. Если они имѣютъ это право, тогда основательны притязанiя ультра-торiевъ, заявляющихъ, что поземельные собственники суть единственные законные правители страны, что народъ вообще населяетъ землю только по соизволенiю владѣльцевъ и долженъ поэтому безусловно подчиняться ихъ режиму»... Изъ этого Спенсеръ заключаетъ, что личное исключительное землевладѣнiе несправедливо, какъ несогласное съ принципомъ равенства и свободы всѣхъ людей. Ибо, «если одна часть земной поверхности можетъ по праву сдѣлаться владѣнiемъ одного лица и употребляться имъ только для его личной пользы и выгоды, то и другiя части земли могутъ быть присвоены такимъ же образомъ, и вся земная поверхность попала бы въ руки отдѣльныхъ лицъ. Посмотрите теперь, какiя слѣдствiя произошли бы отсюда. Предположимъ, что вся обитаемая земля принадлежитъ извѣстному числу собственниковъ; если послѣднiе имѣютъ на нее дѣйствительное право, то всѣ остальные люди, не-собственники, не имѣютъ уже никакого права и могутъ существовать на землѣ только по снисхожденiю владѣльцевъ. Они всѣ—бродяги, незаконно гуляющiе по чужимъ землямъ. Безъ позволенiя поземельныхъ господъ они не могутъ имѣть мѣста на землѣ. Если бъ тѣ сочли нужнымъ отказать имъ въ пристанищѣ, то эти безземельные люди могутъ быть по праву изгнаны съ лица земли совершенно».

Переходя отъ возможнаго къ дѣйствительности, Спенсеръ находитъ дальнѣйшiя основанiя отрицать справедливость поземельной собственности. «Никогда нельзя было утверждать, что существующiя права на землю вполне законны. Загляните въ историческiя хроники. Насилiе, обманъ, превосходство силы, предательство, грубый произволъ, — вотъ первые источники, до которыхъ восходятъ поземельныя права. Первоначальные акты были писаны мечомъ; не законники, а солдаты были истолкователями права; удары были монетою, которою производилась плата, и для печатей употреблялась кровь, вмѣсто сургуча ¹⁾. Могутъ ли

¹⁾ Впрочемъ, какъ объясняетъ вполне серьезно одинъ изъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ „экономическихъ гармонiй“, Максъ Виртъ, — въ случаяхъ насильственного захвата „право собственности куплено самою дорогою цѣною — кровью“ и слѣдовательно оно давалось далеко не даромъ (*Max. Wirth, Grundzüge der National-ökonomie*, Bd. I, стр. 69). Но дѣло въ томъ, что завоеватели всегда имѣли, къ со-

на этомъ основываться законныя права? Едва-ли. А если нѣтъ, то что станетъ съ правами всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ имѣній, добытыхъ такимъ способомъ? Можетъ-ли продажа или передача по наслѣдству устанавливать право, котораго не существовало раньше? Справедливо-ли отвергать требованія обиженныхъ на томъ основаніи, что вещь, украденная у нихъ, перемѣнила уже владѣльцевъ? Конечно нѣтъ. А если одинъ актъ передачи не создаетъ права, то могутъ-ли это многіе? Нѣтъ: нуль, много разъ помноженный, не дастъ единицы. Законы также подтверждаютъ это начало. Современный владѣлецъ долженъ, если это потребуетъ, доказать права тѣхъ, отъ которыхъ онъ приобрѣлъ или унаслѣдовалъ свою собственность, и недействительность первоначальнаго документа уничтожаетъ его право, хотя бы вещь побывала уже въ рукахъ цѣлаго ряда владѣльцевъ. — «Но время, — говорятъ нѣкоторые, — есть великій узаконитель. Незапамятное владѣніе должно считаться достаточнымъ для установленія законнаго права. То, что изъ поколѣнія въ поколѣніе сохранялось какъ частная собственность, и покупалось и продавалось, какъ таковая, — то должно оставаться безвозвратно принадлежностью отдѣльныхъ лицъ». Съ этимъ не трудно было бы согласиться, — замѣчаетъ Спенсеръ, — но предварительно надо бы рѣшить вопросъ, какой срокъ времени нуженъ для превращенія неправды въ право, для признанія несправедливыхъ притязаній справедливыми. Удобно-ли допускать оспариваніе стариннаго владѣнія — это не касается теоретика. Мы не имѣемъ дѣла съ соображеніями законодательнаго удобства или условныхъ привилегій. Мы должны только опредѣлить, какое рѣшеніе дается чистою справедливостію въ данномъ вопросѣ. А это рѣшеніе предполагаетъ протестъ противъ всякаго существующаго притязанія на личную поземельную собственность и подтверждаетъ дѣйствительность исконнаго права всего человѣчества на землю, независимо отъ всякихъ актовъ, обычаевъ и законовъ».

Спенсеръ разбираетъ также общія экономическія объясненія, приводимыя въ пользу поземельной собственности, и находитъ ихъ одинаково неудовлетворительными. Обработка земли разсматривается обыкновенно какъ основаніе законнаго права на владѣніе ею. Кто вывелъ участокъ земли изъ его первобытнаго дикаго состоянія, тотъ сдѣлалъ его какъ-будто своимъ. Но если

жальнѣе, дурную привычку пускать кровь не себѣ, а другимъ, вслѣдствіе чего происходило и слѣдовательно право на оспариваемую землю рѣдко оставалось за тѣмъ, кто пролилъ больше крови.

такой владѣлец захочетъ логически объяснить свое право собственности, то ему могутъ отвѣчать слѣдующее: «Ранѣе появленія вашего въ этой мѣстности, земля производила извѣстную растительность, — быть можетъ, сахарный тростникъ, или была покрыта травой и кустарниками. Въмѣсто этихъ растений, вы посадили пшеницу, мансъ, табакъ. Какимъ же образомъ, истребивъ одинъ родъ продуктовъ и водворивъ другіе виды ихъ, вы сдѣлались собственникомъ земли на вѣчныя времена? Вы дѣйствовали по землѣ плугомъ или сохою на глубинѣ нѣсколькихъ дюймовъ; вы разбросали сѣмена на этой подготовленной почвѣ и вы получили въ свою пользу плоды, которые земля произвела при помощи солнца, дождя и воздуха. Какою же магическою силою могли эти дѣйствія превратить васъ въ единственнаго владѣльца всей этой громадной массы вещества, отъ поверхности до центра земли, которую вы хотите присвоить себѣ и своимъ преемникамъ? Ваши работы и такъ-называемыя улучшенія не могли устранить права всѣхъ другихъ людей. Вы можете пахать и боронить, сѣять и жать; вы можете сколько угодно вращать землю на ея поверхности, но всѣ ваши дѣйствія не сдѣлаютъ вашимъ того, что не принадлежало вамъ раньше. Приведемъ примѣръ. Въ дорогѣ вы нашли порошнй, никѣмъ не занятый домъ, который, несмотря на свой полуразрушенный видъ, понравился вамъ, и чтобы сдѣлать его своимъ жилищемъ вы тратите много времени и труда на его отдѣлку, красите его, ошпательваете обоями, и съ большими расходами приводите его въ состояніе, пригодное для жилья. Но въ одинъ прекрасный день является къ вамъ незнакомецъ, который оказывается законнымъ владѣтелемъ этого дома, и этотъ человекъ имѣетъ при себѣ всѣ доказательства своей личности и своихъ правъ. Что же помогутъ тогда ваши улучшенія? Даютъ ли они право на этотъ домъ и уничтожаютъ-ли права дѣйствительнаго собственника? Нѣтъ. Такъ же точно ваше воздѣлываніе земли не даетъ вамъ права на эту землю и не разрушаетъ первоначальныхъ правъ всѣхъ людей вообще. Если вы вздумаете присвоить себѣ въ частную собственность обработанный вами кусокъ земли, то въ каждый данный моментъ вы можете быть удалены законнымъ собственникомъ — обществомъ. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы вознаградить васъ, конечно, за сдѣланныя затраты. Какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ относительно дома вы имѣли бы право на вознагражденіе за улучшенія и пристройки, такъ же точно и здѣсь общество не можетъ вступить во владѣніе этою землею безъ отдачи вамъ всего того, что вы на нее потратили. Эта при-

бавочная цѣнность, произведенная вашимъ трудомъ, принадлежитъ безспорно вамъ, и общество возвратитъ ее по справедливости; но допустить это — совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ признать за вами право собственности на самую землю». Фактически, — продолжаетъ Спенсеръ, — такое право и не признается вполне; никто не вѣритъ въ лэндлордизмъ; законодательство постоянно нарушаетъ его биллями о проведеніи дорогъ черезъ частныя имѣнія, объ экспроприаціи для общественной пользы и пр. Всегда предполагается, что высшее право всей націи остается въ своей силѣ, и что частная собственность существуетъ только благодаря общему соглашенію.

Система общественнаго права собственности на землю, по мнѣнію Спенсера, совмѣстима съ самымъ высшимъ развитіемъ цивилизаціи и земледѣлія. Это была бы только переменна лэндлордовъ; вмѣсто того, чтобы нанимать землю у частныхъ собственниковъ, фермеры нанимали бы у общества; вмѣсто того чтобы платить ренту агентамъ его свѣтлости или сэра Джона, они платили бы ее представителямъ общества. Арендаторство было бы единственною формою землевладѣнія. Никто не имѣлъ бы основанія жаловаться; земля была бы доступна всякому за известную ежегодную плату; она была бы обрабатываема, закупаема и огораживаема, по взаимному согласію между отдѣльными лицами и обществомъ. Это не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ и коммунизмомъ, ибо воздѣлывающіе землю сохраняли бы несомнѣнное право личной собственности на продукты, остающіеся за уплатою условленной ренты обществу.

Конечно, восстановленіе правъ человѣчества на землю связано съ большими трудностями; вопросъ о вознагражденіи чрезвычайно сложенъ, тѣмъ болѣе что нынѣшніе владѣльцы болѣею частью законно и справедливо приобрѣли собственность. Но абстрактная теорія не останавливается передъ такими затрудненіями. «Надо имѣть въ виду еще другихъ, кромѣ поземельныхъ собственниковъ. Въ нѣжной заботливости объ интересахъ немногихъ, не забудемъ, что права большинства долго страдали и страдаютъ, пока земля монополизирована отдѣльными лицами. Вспомнимъ, что несправедливость, причиненная этимъ массѣмъ человѣчества, есть несправедливость самаго тяжкаго свойства. Тотъ фактъ, что она не считается таковою, не имѣетъ значенія. Въ раннія эпохи цивилизаціи даже убійство человѣка считалось легкимъ грѣхомъ. Лишать людей права пользоваться землею — значитъ совершать преступленіе немногимъ меньшее, чѣмъ отнимать у нихъ жизнь или личную свободу» (стр. 143).

Разсужденія Спенсера имѣютъ всѣ пренимущества и недостатки чисто-абстрактной доктрины. Напередъ ставится положеніе о правѣ всего человѣчества на владѣніе землею, и этимъ дѣлаются уже совершенно излишними всякія дальѣйшія возраженія противъ частной поземельной собственности. Разъ признано, что земля принадлежитъ одинаково всѣмъ людямъ, то само собою разумѣется, что присвоеніе ея отдѣльнымъ лицамъ незаконно. То, что требуется еще доказать, предполагается заранѣе доказаннымъ. Между тѣмъ, утверждаемое а priori «право человѣческаго рода» и назывъ «общества» (что вовсе не одно и то же)—представляетъ только смутное, неопредѣленное понятіе, ведущее къ логическимъ противорѣчіямъ. Вѣдь никакія поземельныя работы не въ состояніи создать права собственности на землю; какиимъ же способомъ могло возникнуть это право для всего человѣчества или общества? Безъ сомнѣнія, никакой земледѣлецъ, какъ бы онъ ни трудился, не можетъ присвоить себѣ вещество обрабатываемаго участка, отъ поверхности до центра; но этого не могутъ сдѣлать и всѣ люди въ совокупности, и слѣдовательно человѣчество вообще не можетъ имѣть права собственности на землю. Допустимъ, однако, что дѣйствительно земля есть собственность всего человѣчества;—тогда и арендную плату за пользованіе ею могло бы требовать только само человѣчество, а никакъ не общество, занимающее временно данную страну. Согласившись даже перенести на общество (въ смыслѣ націи) тѣ права, которыя приписываются всему человѣческому роду, мы должны были бы имѣть въ виду, что общество, въ настоящемъ значеніи этого слова, не совпадаетъ съ государствомъ, и что поэтому государственная власть не могла бы претендовать на собираніе ренты съ земель, отъ имени воображаемаго собственника, какъ это выводитъ Спенсеръ. Въ сущности, если всѣ люди имѣютъ равныя права на землю, то каждый въ отдѣльности имѣетъ право воздѣлывать ее безъ всякой платы кому бы то ни было;—некому было бы вносить арендныя деньги, ибо не было бы ни собственниковъ, ни арендаторовъ, и всѣ земледѣльцы находились бы въ одинаковомъ свободномъ положеніи, подъ властью справедливыхъ общественныхъ законовъ. Идиллія выходитъ гораздо ярче, чѣмъ думаетъ Спенсеръ,—если только принять за исходную точку нигдѣ еще не примѣнявшійся принципъ «одинаковой свободы и равенства всѣхъ людей».

Частная поземельная собственность является у Спенсера слишкомъ густо окрашенною въ спеціальныя цвѣты лэндлордизма. Для общихъ философскихъ заключеній нельзя брать одну какую-

нибудь группу фактовъ, безъ связи съ другими, однородными. Спенсеръ дѣлаетъ очевидную ошибку, утверждая, что личное землевладѣніе или существуетъ въ англійской формѣ, въ видѣ полного господства лордовъ, или не существуетъ вовсе, и что тутъ не можетъ быть никакой середины. Достаточно предположить, что характеръ землевладѣльцевъ измѣнился бы въ Англіи,—что земля перешла бы всецѣло въ собственность поселянъ и фермеровъ; институтъ частнаго землевладѣнія продолжалъ бы существовать въ другой формѣ, и большинство замѣчаній Спенсера было бы къ нему уже непримѣнимо, какъ непримѣнимо оно къ современному крестьянскому землевладѣнію другихъ странъ.

Между экономистами воззрѣнія Спенсера вообще мало популярны; но содержаніе приведенной его теоріи вполнѣ соответствуетъ общему направленію англійской экономической литературы въ поземельномъ вопросѣ.

V.

Неопредѣленное положеніе вопроса.—Замѣчанія Ротера и Тюнена.—Ошибочные выводы въ пользу „незаслуженной дани“.—Земля—капиталъ.—Игра словами и понятіями. Теорія Шеффле и г. Волкова.

Въ политической экономіи установилось какое-то неловкое, двусмысленное отношеніе къ вопросу о поземельной собственности: съ одной стороны, самый принципъ, какъ основанный на «несправедливой монополіи», осуждается съ отвлеченно-теоретической точки зрѣнія, а съ другой — фактическое его существованіе оправдывается разными утилитарными соображеніями, болѣе или менѣе доступными критикѣ. Но, если интересы общественной пользы призываются въ защиту какого-либо института, то они же могутъ служить опорой для нападенія. Отыскивая во всемъ полезное или необходимое, приходится сталкиваться также съ положительнымъ зломъ, и ничего нельзя сказать противъ требованій устранить это зло, насколько оно не связано неразрывно съ общественнымъ благомъ. То, что было полезнымъ когда-то, можетъ оказаться вреднымъ при измѣнившихся условіяхъ; полезное для одного класса общества можетъ быть вредно для остального населенія; наконецъ, польза можетъ вполнѣ сохраниться и даже усиливаться, если уничтожить вредныя стороны даннаго строя и принять его здоровое зерно въ основу другихъ болѣе цѣлесообразныхъ образованій. Такимъ образомъ, теорія собственности имѣетъ подъ собою весьма шаткую и измѣнчивую

ноту, если сила ея зависит исключительно отъ соображеній утилитарныхъ. Вопросъ о внутреннемъ оправданіи института выступаетъ все-таки на первый планъ.

Въ учебникахъ политической экономіи опредѣляется легко и просто источникъ частной собственности вообще: это есть «право работника на произведеніе своего труда». Прилагая эту мѣрку къ землевладѣнію, экономисты встрѣчаются съ элементомъ неподходящимъ и вынуждены говорить о привилегіи, хотя и полезной и даже необходимой. «Право нераздѣльно владѣть тѣмъ, что мною однимъ произведено и сбережено, ясно для всякаго, — говорить, напримѣръ, профессоръ Вильгельмъ Рошеръ: — напротивъ того, присвоеніе первоначальныхъ силъ природы, заключающихся въ землѣ, основывается не столько на началахъ права, сколько на мотивахъ общественной пользы». Не трудно видѣть, что исходная точка поставлена тутъ невѣрно. Принципъ собственности въ современномъ ея видѣ заключается вовсе не въ правѣ работника на плоды своего труда, — ибо въ дѣйствительности, какъ замѣтилъ еще фонъ-Тюненъ, такого «права работника» почти нигдѣ не существуетъ: «сущность капиталистическаго хозяйства коренится именно въ отдѣленіи продукта отъ произведшаго его работника» ¹⁾. Какъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности главная доля произведеній достается капиталу, а рабочій получаетъ лишь необходимыя средства къ жизни, — такъ и поземельная рента принадлежитъ землевладѣльцу, а воздѣлывающіе землю работники должны довольствоваться скуднымъ вознагражденіемъ за свой трудъ. Противопоставленіе, дѣлаемое Рошеромъ, падаетъ само собою, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляется смыслъ его указанія на особенную природу поземельной собственности.

По мнѣнію Рошера — одного изъ самыхъ солидныхъ и типичныхъ «оправдателей», — поземельная рента есть не что иное, какъ «налогъ, платимый землевладѣльцамъ остальными классами населенія». Чѣмъ же объясняется существованіе этого налога? «Мы такъ часто слышимъ, — говоритъ Рошеръ, — что поземельную ренту называютъ слѣдствіемъ монополіи, незаслуженною данью цѣлаго народа въ пользу землевладѣльцевъ, что пора обратить вниманіе и на общеполовную сторону ренты. При быстромъ возрастаніи населенія, можно было бы опасаться, что люди принуж-

¹⁾ Der isolirte Staat, Bd. I, Th. II, S. 207: „In der Trennung des Arbeiters von seinem Erzeugnisse liegt die Quelle des Uebels“.

денъ будутъ все болѣе и болѣе ограничиваться только насущными потребностями, что исчезнетъ слѣдовательно всякая благо-разумная роскошь, всякій досугъ, которые намъ только и устраи-ваютъ жизнь, только и составляютъ опору для высшей дѣятельности и постоянного стремленія къ совершенствованію. Поземельная рента образуетъ нѣчто въ родѣ запаснаго фонда, который обмѣновенно становится тѣмъ значительнѣе, тѣмъ ближе опасность отъ пониженія заработной платы и прибыли. Итакъ, въ оправданіе «незаслуженной дани цѣлаго народа въ пользу землевладѣльцевъ» приводится тотъ доводъ, что она даетъ имъ возможность наслаждаться жизнью, пользоваться досугомъ и т. п. Ка-кой убѣдительный аргументъ для голодныхъ пролетаріевъ и работниковъ! Очевидно, что если даже «смотреть на поземельную ренту какъ на запасный фондъ, обезпечивающій успѣхи цивилизаціи, то это еще нисколько не оправдываетъ исключительной принадлежности ренты немногимъ лицамъ, которыя, конечно, далеко не всегда употребляютъ ее съ тѣми похвальными цѣлями, какія имѣются въ виду эконоmistами. Важное общепольное назначеніе «запаснаго фонда», представляемаго поземельною рентою, говорить скорѣе въ пользу общественной, чѣмъ частной собственности на землю. А что возрастаніе землевладѣльческаго дохода можетъ считаться утѣшительнымъ противовѣсомъ пониженію заработной платы, т.-е. ухудшенію быта рабочаго класса,—это уже дѣло не логики, а личнаго вкуса.

Однако, Рошеръ уже не только теоретикъ, но и историкъ; оставаясь послѣдователемъ теорій, возникшихъ на почвѣ крупнаго промышленнаго хозяйства Англіи, онъ въ то же время стоитъ одной ногою на пути къ исторической школѣ, общающей въ будущемъ разяснить многое въ области социальныхъ явленій. Рошеръ собралъ не мало историческаго матеріала для доказательства того, что землевладѣніе имѣло въ разныя времена различныя формы, и что оно только постепенно принимало характеръ полной частной собственности; а такъ какъ историческіе факты возводятся обыкновенно на степень законовъ, то и фактъ послѣдовательнаго развитія индивидуальнаго капитализма кажется уже закономъ, обязательнымъ и для землевладѣнія. Отсюда является увѣренность, что права на землю должны неизбѣжно развиваться въ томъ же направленіи, какъ и права капитала; а если въ силу природныхъ или общественныхъ условій землевладѣніе сохраняетъ свои особыя черты, отличающія ее отъ промышленныхъ видовъ собственности, то экономисты-историки, подобные Рошеру,

залуются на отсталость и неподвижность ¹⁾, забывая свои собственные теоретическія указанія на коренное различіе между землею, какъ вмѣстилищемъ естественныхъ производительныхъ силъ, и прочими предметами частнаго обладанія. Между тѣмъ, если существуютъ различія въ природѣ явленій, то и формы послѣднихъ не могутъ быть одинаковы, и нельзя ихъ подгонять подъ одинъ и тотъ же шаблонъ.

Чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ затрудненій и противорѣчій, принята была другая система:—экономисты стали отрицать различія или игнорировать ихъ, отыскивая убѣжище въ общихъ понятіяхъ, способныхъ вмѣстить въ себя разнообразныя категоріи явленій. Для этой цѣли было между прочимъ расширено понятіе капитала настолько, чтобы оно могло обнимать собою и землевладѣніе; тогда вопросъ о поземельной собственности не требуетъ уже спеціальной оцѣнки, ибо онъ исчезаетъ въ общемъ ученіи о капиталѣ. «Земля, — объясняетъ откровенно одинъ изъ французскихъ ученыхъ, Амброазъ Клеманъ, — идентична съ капиталомъ и не должна быть отдѣляема отъ него при изслѣдованіи экономической жизни; вмѣсто трехъ факторовъ производства—природы (земли), труда и капитала, слѣдуетъ принять только два—трудъ и капиталъ, такъ какъ иначе выходятъ недоразумѣнія и разногласія» ²⁾. Задача изслѣдователя значительно упрощается такимъ способомъ: предметъ приноравливается къ потребностямъ и удобствамъ авторовъ, чѣмъ устраняются заранѣе всякія трудности его изученія. Рѣшено, что земля есть одинъ изъ видовъ капитала и ничего больше; слѣдовательно нѣтъ надобности останавливаться особо на сомнительныхъ свойствахъ землевладѣнія. Главная причина споровъ устранена, если самые факты, дававшіе поводъ къ полемикѣ, вычеркиваются изъ научныхъ трактатовъ или получаютъ новое, болѣе удобное назначеніе, подъ прикрытіемъ другихъ названій.

Разумѣется, мы крайне удивились бы астроному, который для избѣжанія трудностей въ опредѣленіи свойствъ какой-нибудь кометы вздумалъ бы принять за правило, что не нужно вовсе говорить отдѣльно о кометахъ, и что эти своеобразныя свѣтила должны быть просто причислены къ звѣздамъ вообще; но въ общественныхъ наукахъ такого рода предположенія дѣлаются очень часто. Множество теоретиковъ успокоилось на утвержденіи,

¹⁾ *Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte, von Wilhelm Roscher, 1861, стр. 99 и др.*

²⁾ *Journal des économistes, 1872, № 10, а также: „Essai sur la science sociale“ т. 1, стр. 200—1.*

что экономическое понятіе о землѣ входитъ уже въ понятіе капитала, и что поэтому всѣ разсужденія о капиталѣ прямѣются сами собою къ поземельной собственности. Извѣстный социологъ Шеффле проповѣдывалъ эту теорію; она была усвоена также всѣми приверженцами чисто-промышленнаго взгляда на социальную жизнь народовъ. Единомышленники Бастиа по части вослѣдованія хозяйственныхъ гармоній, Максъ Виртъ, Ресслеръ, Маклеодъ и другіе, возвели эту теорію на степень непреложной догмы. Въ нашей литературѣ подобныя же воззрѣнія проводилъ г. Евг. де-Роберти, предлагая называть землю, изъ вѣжливости, не просто капиталомъ, а «естественнымъ капиталомъ».

Игра въ понятія и названія идетъ еще дальше. Поземельный доходъ получается отчасти вслѣдствіе обладанія «природными силами почвы», чего нѣтъ при пользованіи капиталомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Куда же дѣвать эту особую черту землевладѣнія? «Дары внѣшней природы,—отвѣчаетъ Шеффле,—имѣютъ сходство съ личными дарованіями человѣка; какъ тѣ, такъ и другія находятся въ ограниченномъ количествѣ и одинаково даютъ исключительный доходъ своимъ обладателямъ. Столь же несправедливыми, какъ поземельная рента, можно бы считать всякіе чрезвычайные доходы, достающіеся таланту или искусству отдѣльныхъ лицъ». Если владѣніе первоначальными силами земли хотятъ называть монополіею, — замѣчаетъ Максъ Виртъ,—то и обладаніе высшею интеллигенціею можно назвать монополіею». Даже такой солидный писатель, какъ профессоръ Кёрнсъ, полагаетъ, что «владѣніе особенно плодородною землею тождественно въ экономическомъ смыслѣ съ обладаніемъ гениальными способностями, ибо въ обоихъ случаяхъ существуетъ монопольное господство надъ природными факторами» ¹⁾. Это сопоставленіе весьма лестно для землевладѣльцевъ и обидно для талантливыхъ людей; если первые имѣютъ свой талантъ въ землѣ и получаютъ съ него обильную ренту, то послѣдніе никакъ не могутъ слѣдовать ихъ примѣру и принуждены добывать свой доходъ личнымъ трудомъ. Плодородіе земли можетъ еще быть сравнимо съ производительностью даровитаго человѣка; но землевладѣльцы тутъ очевидно не при чемъ. А между тѣмъ невѣроятныя натяжки, въ родѣ приведенныхъ, наиболѣе вредятъ интересамъ защиты

¹⁾ Alb. v. Schöffle, Nationalökonomische Theorie etc., Tübing. 1867, стр. 69; Max Wirth, Grundzüge, Bd. I, s. 51; J. E. Cairnes, The character and logical method of Political Economy, стр. 11—12.

поземельной собственности, — не говоря уже о достоинствах науки, в которой эти натяжки практикуются.

Вмѣстѣ съ низведеніемъ земли на степень простого капитала, повторяются усилія стереть съ поземельной ренты всякіе слѣды тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ ее отъ обыкновеннаго промышленнаго дохода. Исключительное плодородіе почвы или благоприятное положеніе поземельнаго участка даютъ владѣльцу излишекъ продуктовъ, сверхъ процентовъ и прибыли съ затраченнаго капитала; этотъ излишекъ и называется рентою въ собственномъ смыслѣ, въ качествѣ особаго результата естественныхъ условій. Что дѣлать съ этимъ «даромъ природы» и какъ примирить его съ ученіемъ о землѣ-капиталѣ? Потребовалось доказать, что рента, въ смыслѣ исключительнаго дохода, составляетъ общее явленіе во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и что въ этомъ пунктѣ, какъ и въ остальныхъ, землевладѣніе ничѣмъ не отличается отъ прочихъ формъ производства. Такую общую теорію ренты построилъ Альбертъ фонъ-Шеффле. Удобство или трудность сообщеній, близость или отдаленность отъ главнаго рынка, положеніе въ центрѣ или на окраинахъ города, находчивость и энергія предпринимателей, — все это играетъ такую же роль въ промышленности, какъ различныя степени плодородія — въ земледѣліи. Вездѣ существуютъ элементы, дающіе начало исключительнымъ доходамъ, въ родѣ поземельной ренты. Владѣлецъ фабрики, находящейся близъ столицы, имѣетъ излишекъ дохода сравнительно съ владѣльцами заведеній, болѣе отдаленныхъ или хуже управляемыхъ. Рента есть какъ бы сознательная премія, раздаваемая въ интересахъ общества наиболѣе предпримчивымъ и изобрѣтательнымъ людямъ. Она является естественнымъ вознагражденіемъ заслугъ въ дѣлѣ экономическаго прогресса; она поддерживаетъ полезное соперничество между отдѣльными лицами, побуждаетъ ихъ стремиться къ возможно лучшему удовлетворенію хозяйственныхъ потребностей общества и устанавливаетъ ту общую гармонию, которую съ такимъ краснорѣчіемъ восхвалялъ Фредерикъ Бастіа. Шеффле подробно доказываетъ, что рента въ высшей степени благотворна для успѣховъ народнаго хозяйства, что она всегда справедливо вознаграждаетъ дѣйствительныя заслуги и служитъ вѣрнѣйшимъ регуляторомъ общаго хода социально-экономической жизни. Даже скупщикъ хлѣба во время дороговизны приноситъ свою долю пользы, по словамъ Шеффле, и смѣливый купецъ вполне заслуженно получаетъ премію, которою «публика безъ зависти награждаетъ счастливую мысль» (?!). Поземельная рента, какъ всякая другая, имѣетъ значеніе преміи

за выборъ, устройство и сохраненіе самыхъ полезныхъ для общества поземельныхъ участковъ ¹⁾.

Теорія Шеффле не устранила, конечно, того природнаго отличія, которое раздѣляетъ ренту поземельную отъ чисто-промышленной: рента поземельная связана неразрывно съ даннымъ участкомъ или мѣстомъ, независимо отъ переменчивой судьбы владѣльцевъ, тогда какъ промышленныя преміи имѣютъ по существу своему характеръ временный и личный. Самъ Шеффле утверждаетъ, что рента, въ смыслѣ вознагражденія услугъ, дѣйствуетъ только переходящимъ образомъ и быстро обращается на пользу общую, подѣ влияніемъ конкуренціи. Это положеніе очевидно непримѣнимо къ землевладѣтельской рентѣ, возрастающей все болѣе по мѣрѣ общаго экономическаго развитія страны. Умъ и энергія промышленника умираютъ вмѣстѣ съ нимъ, а цѣнность земли растетъ непрерывно, безъ всякаго вниманія къ тому, заслуживаютъ ли владѣльцы какой-нибудь преміи или нѣтъ.

Нѣкоторымъ экономистамъ показалось еще недостаточнымъ переименованіе земли въ капиталъ, а поземельной ренты — въ промышленную премію. Изъ подѣ капитала можетъ все-таки выглядывать по временамъ земля съ ея особенными силами и свойствами; не удобнѣе ли назвать землю какъ-нибудь иначе, чтобы не терялось изъ виду ея особое значеніе, и чтобы, однако, не приходилось говорить о ней подѣ настоящимъ именемъ? Нашъ соотечественникъ, французскій экономистъ г. Матвѣй Волковъ, разрѣшилъ эту оригинальную задачу: онъ предлагаетъ новый терминъ — «помѣщеніе» (*emplacement*), разумѣя подѣ этимъ общимъ понятіемъ всѣ необходимыя мѣстныя условія производства, въ томъ числѣ и самую землю. Покойный Волковъ былъ очень прилежнымъ истолкователемъ фонъ-Тюнена и Рикардо въ французской экономической литературѣ; но его самостоятельная теорія «помѣщенія» не могла имѣть успѣха. Эта квази-научная погоня за словами не далеко ушла отъ чистосердечнаго мнѣнія, высказаннаго когда-то г. Бутовскимъ въ засѣданіи французскаго общества экономистовъ, — что «поземельная рента обязана своимъ существованіемъ *щедрости Божіей*» ²⁾. Указаніе на «щедрость

¹⁾ *Schäffle*, National-Oekonomie, стр. 139—140; Theorie etc., стр. 36 и др. Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, особенно въ обширномъ трактатѣ: „*Bau und Leben des sozialen Körpers*“ (4 тома, 1875—78), Шеффле является уже болѣе объективнымъ исследователемъ и главнымъ образомъ проводитъ теорію органическаго развитія человѣческихъ обществъ, причемъ сильно злоупотребляетъ аналогіями между явленіями соціальной жизни и функциями животнаго организма.

²⁾ *Matthieu Wolkoff*, Lectures d'économie politique rationnelle, P. 1861, и его же: *Opuscules sur la rente foncière*, Par. 1854, chap. 18.

Божію» нисколько не хуже объясняет происхождение исключительного дохода землевладельцевъ, чѣмъ искусственныя понятія о заслугахъ, наградахъ и «помѣщеніяхъ».

VI.

Успіи экономистовъ противодействовать «опаснымъ мечтаніямъ». — Мишленъ Лабулэ и К. П. Побѣдоносцева. — Почему экономическія оправданія не достигали своей цѣли? — Историческая точка зрѣнія.

Огюсть Контъ видѣлъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ политической экономіи въ ея отрицательномъ направленіи, въ которомъ, по его словамъ, нашли пищу «опасныя мечтанія относительно фундаментальнаго принципа собственности». Экономисты, какъ мы видѣли, старались всѣми силами опровергнуть это обвиненіе. Не мало ученыхъ книгъ было написано съ спеціальною цѣлью доказать всеобщую справедливость, необходимость и полезность права частной собственности на землю. Мы не говоримъ уже о такихъ популярныхъ сочиненіяхъ, какъ извѣстный трактатъ Тьера, вышедшій въ 1848 году, въ самый разгаръ социальна-научной полемики. Официальные представители экономической науки дѣлали все возможное, чтобы противодействовать распространенію «опасныхъ мечтаній» на научной почвѣ. При этомъ неизбѣжно страдала научная логика, и съ обѣихъ сторонъ замѣчались излишества, увлеченія, промахи и ошибки. Писатели напередъ задавали себѣ тему—доказать то-то, провести такую-то идею, отрекаясь заранѣе отъ истиннаго безпристрастія, обязательнаго для всякаго изслѣдователя. Авторы забыли, что цѣль науки—истина; они заговорили о здравыхъ понятіяхъ, ложныхъ идеяхъ и предрасудкахъ, приписывая все здравое себѣ, а все лживое—противникамъ.

Около вопроса о собственности создавалась какая-то темная непроницаемая атмосфера, въ которую, повидимому, не могъ и не долженъ былъ проникнуть свѣтъ науки. Извѣстный ученый Эдуардъ Лабулэ въ своей «Исторіи поземельной собственности на Западѣ» прямо объявляетъ непозволительными какія-бы то ни было разсужденія о принципѣ, лежащемъ въ основѣ этого института; по его словамъ, подобныя разсужденія должны быть тщательно избѣгаемы, такъ какъ они подвергаютъ сомнѣнію коренные элементы общезитія ¹⁾. Такой же взглядъ высказанъ былъ въ нашей

¹⁾ Ed. Laboulaye, Histoire de la propriété foncière en Occident, P. 1899.

литературѣ К. П. Побѣдоносцевымъ. Говоря о поземельной собственности и о тѣхъ «нападкахъ которые дѣлались и дѣлаются на нее съ ложной экономической точки зрѣнія», г. Побѣдоносовъ замѣчаетъ, что «спекулятивные споры объ основаніяхъ этого права едва ли когда прекратятся, подобно спорамъ о безсмертіи души, о свободной волѣ и т. п.; но споры эти всегда будутъ казаться бесплодными и фантастичными тому, кто въ здоровомъ органическомъ чувствѣ имѣетъ ясное сознаніе существующей силы и ясное представленіе дѣйствительнаго явленія» ¹⁾. Безполезно, конечно, спорить о предметахъ, недоступныхъ нашему пониманію или не зависящихъ отъ нашей воли; но вопросъ общественно-экономическій, касающійся матеріальныхъ интересовъ человѣчества, невозможно сравнивать съ задачами умозрительной метафизики, стоящими дѣйствительно внѣ предѣловъ нашей компетентности. Видѣть въ какомъ-либо, хотя бы самомъ неприкосновенномъ человѣческомъ учрежденіи, какую-то недоступную нашему пониманію тайну, въ родѣ вопроса о безсмертіи души,—значить упускать изъ виду, что человѣческіе законы и порядки создаются и поддерживаются людьми, отъ которыхъ въ извѣстной степени зависитъ и измѣненіе этихъ законовъ; если же люди не всегда могутъ отдать себѣ отчетъ въ значеніи выработаннаго ими же или имъ подобными политико-экономическаго порядка, то имъ остается только пенять на себя, а никакъ не ссылаться на какія-то невѣдомыя причины, запрещающія будто бы наукѣ исполнять свое назначеніе относительно даннаго круга явленій.

Экономическія оправданія поземельной собственности оказались несостоятельными по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, экономисты, какъ и юристы, разсуждали слишкомъ отвлеченно, принимая за неизмѣнную норму существующій порядокъ землевладѣнія и придавая безусловное значеніе общимъ юридическимъ понятіямъ, унаслѣдованнымъ отъ римской юриспруденціи. Право собственности на землю разсматривалось какъ нѣчто само по себѣ ясное и разъ на всегда опредѣленное; споры касались только его сущности и основанія, а не его дѣйствительныхъ предѣловъ и историческихъ условій. Во-вторыхъ, теоретики задавались опредѣленіемъ внутреннихъ мотивовъ землевладѣнія, приписывая безсознательнымъ фактамъ исторіи непремѣнное стремленіе къ справедливости и къ общественной пользѣ. Предполагать во всемъ справедливость и общую пользу неосновательно уже потому, что въ человѣческихъ обществахъ люди достигаютъ своихъ

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданского права (изд. 2-е), т. I, стр. 121, прим.

цѣлей по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, а вовсе не сообразно высшимъ нравственнымъ интересамъ, которымъ почти нѣтъ мѣста въ промышленномъ развитіи народовъ.

Откуда взялась бы внутренняя справедливость тамъ, гдѣ никто ее не насаждаетъ, и гдѣ не существуетъ никакихъ органовъ для ея поддержанія? Къ системѣ свободного соперничества совершенно непримѣнимы такія требованія, которыя предполагаютъ стройное господство регулирующей правды. Борьба интересовъ ведетъ къ торжеству сильныхъ надъ слабыми; высшая справедливость при этомъ отсутствуетъ. Странно навязывать какія-то нравственныя побужденія бездушнымъ факторамъ экономической жизни; говорить о мотивахъ и цѣляхъ бесполезно тамъ, гдѣ дѣйствуютъ только матеріальныя причины, условія и послѣдствія. Экономистамъ не приходилось бы называть черное бѣлымъ и обратно, если бы они придерживались этой объективной точки зрѣнія.

Отвлеченно-теоретическія разсужденія о собственности исходили изъ того молчаливаго предположенія, что основныя понятія о правѣ зависятъ единственно отъ законовъ логики и потому столь же неизмѣнны, какъ и послѣдніе. Собственность обсуждалась какъ нѣчто абсолютное, неизмѣнное; о ней спорили, какъ о предметѣ умозрительно-философскомъ, не замѣчая вовсе, что дѣло идетъ о сложномъ историческомъ явленіи, составляющемъ результатъ измѣнчивыхъ соціально-политическихъ условій. Писатели, занимавшіеся этимъ предметомъ, долго полагали, что есть только два пути при оцѣнкѣ права собственности—или признать этотъ принципъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ у всѣхъ почти европейскихъ народовъ, или отвергнуть его совершенно, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ землѣ. Третій путь—ислѣдованіе той исторической почвы, на которой выросъ институтъ собственности, и тѣхъ разнообразныхъ метаморфозъ, которымъ онъ подвергался,—этотъ путь лежалъ далеко въ сторонѣ отъ обычныхъ задачъ политической экономіи и правовѣдѣнія.

Римскія понятія о неограниченномъ правѣ личной собственности, возведенныя законодательствами и юристами на степень непоколебимыхъ догматовъ, принимались также экономистами за исходную точку всѣхъ разсужденій и споровъ о правахъ на землю; между тѣмъ, какъ доказалъ извѣстный Рудольфъ фонъ-Іерингъ въ своемъ «Духѣ римскаго права», эти римскія понятія, выработанныя при условіяхъ рабства и военнаго хищничества, страдаютъ крайнею односторонностью и нуждаются въ существенныхъ поправкахъ даже въ логическомъ отношеніи.

Мало-по-малу укрѣпляется убѣжденіе, что римская форма поземельной собственности не можетъ быть обязательна для всѣхъ временъ и народовъ, что основанная на элементѣ власти надъ чужимъ трудомъ, она противорѣчитъ современному экономическому быту и представляетъ лишь историческій фактъ въ ряду другихъ образованій, фактически существовавшихъ и отчасти еще существующихъ въ нѣкоторыхъ государствахъ. Глубокія изысканія Маурера бросили свѣтъ на судьбы землевладѣнія въ современной Германіи; они наглядно показали, какъ первоначальное общинное устройство германской марии переродилось въ личную поземельную собственность, при содѣйствіи римскихъ юридическихъ началъ. Эрвинъ Нассе изслѣдовалъ общинный порядокъ владѣнія землею въ Англіи; сэръ Генри Менъ нашелъ въ поземельныхъ обычаяхъ Ост-Индіи много общаго съ древними европейскими общинами, остатки которыхъ еще нынѣ смущаютъ проповѣдниковъ односторонняго индивидуализма въ народномъ хозяйствѣ. Эмиль де-Лавелле собралъ обширный матеріалъ для доказательства того, что первобытные коренныя права на землю принадлежали вездѣ сельскимъ обществамъ и что личная поземельная собственность есть уже позднѣйшій искусственный продуктъ законодательства, далеко еще не получившій всеобщаго распространенія.

Историческая школа, дѣйствующая съ наибольшимъ успѣхомъ въ Германіи, окончательно подорвала старую вѣру въ «абсолютизмъ теорій», въ области социальныхъ наукъ. Что экономическія формы и начала, какъ и всякія вообще явленія исторіи, имѣютъ только относительное значеніе для данной эпохи и для даннаго народа — это сдѣлалось азбучною истиною для большинства новѣйшихъ теоретиковъ. Съ особенною энергіею и широтою взгляда поддерживалъ эту идею Карлъ Кнись, въ началѣ пятидесятихъ годовъ; около того же времени даровитый Родбертусъ, родоначальникъ нѣмецкаго катедеръ-соціализма, набросалъ въ общихъ чертахъ будущую научную программу Лас-сали и Маркса въ «Соціальныхъ письмахъ къ фонъ-Кирхману». Эти же воззрѣнія были впоследствии усвоены профессоромъ Адольфомъ Вагнеромъ, который переработалъ ихъ во вкусъ государственно-соціалистическихъ тенденцій князя Бисмарка. Принципъ относительности перешелъ въ противоположную крайность, — онъ расплылся въ совершенной безпринципности, въ отрицаніи всякихъ руководящихъ положительныхъ началъ, въ безпочвенныхъ колебаніяхъ между существующимъ и возможнымъ.

VII.

Сближения теоріи Вагнера и Замтера.—Государственный социализм.

Профессоръ Адольфъ Вагнеръ дѣлаетъ, повидимому, значительный шагъ впередъ, въ ученіи о собственности. Онъ рѣшительно отвергаетъ исключительное господство личнаго интереса въ народномъ хозяйствѣ и отводитъ обществу или государству главную творческую роль въ устройствѣ экономическаго быта ¹⁾. Собственность для него не имѣетъ въ себѣ ничего абсолютнаго или неприкосновеннаго; она является въ данной формѣ, какъ историческій фактъ, зависящій отъ опредѣленій законодательства, а не какъ логическое, нормальное явленіе вообще. Вагнеръ старается выдвинуть на первый планъ общественный, социално-политическій взглядъ на хозяйственную жизнь народа, вмѣсто прежняго индивидуалистическаго направленія, господствовавшаго главнымъ образомъ въ англійской школѣ. Точка зрѣнія частнаго хозяйства не совпадаетъ съ общественною и часто противоположается ей; между тѣмъ, экономисты постоянно смѣшивали одно съ другимъ, придавая интересамъ отдѣльныхъ лицъ рѣшающее значеніе, обязательное для всего общества. «Общество, народное хозяйство, государство и его право,—это высшее, предшествующее; отдѣльное лицо, его право — это низшее, послѣдующее». Какъ положеніе личности, такъ и содержаніе и предѣлы имущественныхъ правъ опредѣляются государствомъ; рабство, какъ и свобода, имѣетъ свое оправданіе въ общихъ потребностяхъ даннаго времени. Понятіе о полной собственности, въ примѣненіи къ землѣ, есть только ошибка римскихъ юристовъ. Повторяя въ этомъ отношеніи слова Геринга, Вагнеръ, отказывается отъ своихъ прежнихъ охранительныхъ воззрѣній, высказанныхъ въ брошюрѣ 1870 года ²⁾. Государство должно рѣшить, предоставить ли частнымъ лицамъ право собственности на самыя орудія производства—капиталъ и землю; существованіе такого права частной собственности, — говоритъ Вагнеръ—есть вопросъ не принципа, а цѣлесообразности. «Законодательство можетъ измѣнять или отчасти отмѣнять институты частной собственности,

¹⁾ Lehrbuch der politischen Oekonomie, I Bd., Grundlegung, 1879, 2-te Ausg. стр. 502—769.

²⁾ Die Abschaffung des privaten Grundeigenthums, von Adolph Wagner, Lpz. 1870; — брошюра довольно легковѣсная, вызванная рѣшеніями международнаго рабочаго конгресса въ Базелѣ.

имѣя на то верховную правообразующую силу. Различные способы первоначальнаго приобрѣтенія этого права получаютъ свою санкцію только отъ общаго правового сознанія, выражаемаго закономъ. Собственность можетъ быть ограничена известнымъ срокомъ, какъ въ желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ; многое зависитъ вообще отъ справедливаго усмотрѣнія государственной власти. Все находится, по Вагнеру, въ рукахъ государства, какъ верховнаго олицетворенія общественности. Но послѣ этихъ общихъ положеній, увлекающихъ социализмъ на службу сильнымъ міра сего, высказывается уже нѣчто другое, болѣе успокоительное для читателей.

Это вмѣстилище всякаго права и всякой организаціи въ человѣческомъ обществѣ—государство вдругъ ниводится авторомъ на степень слѣпнаго орудія исторіи, когда рѣчь заходитъ о возможности дѣйствительной реформы экономическаго строя сообразно интересамъ цѣлага. Оказывается, что для серьезной перемѣны «нужно долгое историческое развитіе», и «никакая власть не можетъ своими декретами предупреждать результаты процесса и измѣнять основы собственности»; законодатель «не можетъ и не долженъ рѣшать этотъ вопросъ внѣ историческаго порядка» и пр. (стр. 613, 621 и др.). Вагнеръ указываетъ всемогущему по его теоріи государству, что оно можетъ и чего не должно дѣлать,—но эти указанія явно противорѣчатъ представленію о творческой, организующей силѣ государственной власти. Право собственности все-таки стоитъ непоколебимо, ибо «безъ частнаго обладанія землею и капиталомъ невозможно было бы производство въ полной мѣрѣ, и никакимъ другимъ способомъ не могли бы быть удовлетворены потребности общества; по крайней мѣрѣ надо бы еще доказать осуществимость и безвредность отміны частной собственности». Капиталисты, владѣющіе результатами чужого труда (стр. 627), имѣютъ свою экономическую функцію; они—«должностныя лица народнаго хозяйства». Поземельная аристократія исполняетъ культурную миссію; рента имѣетъ характеръ платы или жалованья, если землевладѣльцы понимаютъ свои обязанности (стр. 741). Оригинально это *жалованье*, которое дается рожденіемъ и нигдѣ не провѣряется,—которое вознаграждаетъ идіота или развратника въ такой же мѣрѣ, какъ и талантливаго государственнаго человѣка!

Правда, масса поселянъ лишена своихъ земель въ пользу привилегированнаго сословія, имѣвшаго къ своимъ услугамъ не только грубую силу, но и утонченныя толкованія юристовъ. Но,

—объясняетъ Адольфъ Вагнеръ,—не слѣдуетъ обобщать; дальнѣйшее обезземеленіе крестьянъ можно предупредить (когда дѣло обезземеленія уже совершилось!); притомъ «оккупанты часто обрабатывали землю тяжелымъ трудомъ». Вагнеръ защищаетъ крестьянское землевладѣніе, котораго никто не оспариваетъ; онъ сомнѣвается въ возможности отмены крестьянской собственности и сожалеетъ только, что до сихъ поръ «обирали и отчасти обобрали крестьянъ». Между прочимъ, онъ не совѣтуетъ *Россіи* принимать за образецъ «западно-европейскій шаблонъ частной поземельной собственности» (стр. 719, прим. 50).

Въ концѣ-концовъ, по словамъ Вагнера, всѣ возраженія противъ права частной собственности на землю не касаются сущности этого права, а доказываютъ только необходимость реформъ (какихъ—неизвѣстно въ точности). Для такого скромнаго вывода не стоило, конечно, поднимать столько шума по поводу государственнаго социализма, способнаго будто бы пересоздать экономическіе порядки на новый ладъ. Къ теоріи Вагнера вполне применимо его собственное замѣчаніе о нѣмецкихъ экономистахъ-историкахъ, что «среди культа голой относительности они теряютъ способность придти къ какому-либо положительному заключенію, хотя бы для даннаго времени и народа, и изъ-за дереьевъ не видятъ лѣса».

Вѣрный послѣдователь Вагнера, Адольфъ Замтеръ, самостоятельно развиваетъ идеи своего учителя въ цѣломъ рядѣ разсужденій о собственности, соединенныхъ имъ въ толстую книгу¹⁾. Основная мысль этого многорѣчиваго автора можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ. Частная собственность ошибочно принималась за единственную, нормальную форму собственности вообще; въ дѣйствительности, рядомъ съ нею, существуетъ собственность общественная и государственная, роль которыхъ во многихъ отношеніяхъ гораздо важнѣе частной. Собственность представлялась не иначе, какъ въ видѣ частнаго права; общество и государство уравниваются съ отдѣльными лицами по отношенію къ имуществу,—тогда какъ они несомнѣнно суть самостоятельные, высшіе субъекты правъ. Частныя права подчиняются общественнымъ и ограничиваются ими. Голый интересъ владѣльца вреденъ тамъ, гдѣ замѣшаны интересы другихъ (напр., рабочихъ) или всего общества; въ такихъ случаяхъ предпочтителнѣе общественная собственность. Общественное благо владеть границу частной собственности. Даже при полномъ господствѣ личныхъ

¹⁾ Ad. Samter, Das Eigenthum in seiner socialen Bedeutung, 1879.

интересовъ является потребность въ промышленныхъ организаціяхъ съ чисто-общественнымъ характеромъ; таковы товарищества разнаго рода, корпораціи и учрежденія, съ обширнымъ кругомъ правъ и обязанностей. Тѣмъ болѣе необходимы и законны экономическія права общины и государства, какъ союзъ принудительныхъ и всеобъемлющихъ. Хозяйственная дѣятельность государства имѣетъ цѣлю не увеличеніе прибыли, а устраненіе социальныхъ бѣдствій, улучшеніе быта работниковъ и проч. Относительно землевладѣнія Замтеръ настаиваетъ, главнымъ образомъ, на признаніи того, что община и государство должны имѣть значительную поземельную собственность, для успѣшнаго противодѣйствія злоупотребленіямъ частныхъ владѣльцевъ. Въ Англіи, напримѣръ, громадныя пространства земли оставляются для охоты лэндлордовъ, въ ущербъ общему интересу; значеніе этого факта могло бы быть парализовано существованіемъ государственныхъ земель, достаточныхъ для обезпеченія продовольствія страны. Препятствовать же владѣльцамъ въ назначеніи земель для охоты или для чего другого—было бы неумѣстно, по мнѣнію Замтера. «Здѣсь одно изъ двухъ — надо или допустить частную собственность, или отвергнуть ее. Разъ собственность признана, распоряженіе ею должно быть предоставлено владѣльцу,—если не хотять отнять у его права всякое содержаніе» (стр. 436). Въ этомъ случаѣ, Замтеръ отстаиваетъ даже отъ англійскихъ экономистовъ, допускающихъ въ принципѣ вмѣшательство закона противъ всякаго вреднаго для общества употребленія земли. Замтеръ, какъ и Вагнеръ, колеблется еще между традиціонными абсолютными понятіями и смутнымъ принципомъ исторической относительности. Авторъ предвидитъ въ будущемъ «гармоническое совмѣстное дѣйствіе трехъ формъ собственности и производства—индивидуальной, общественной и государственной». Наука, конечно, мало выиграетъ отъ подобнаго ожиданія будущихъ гармоній, которыя должны сами собою свалиться на насъ съ неба.

Теоретики *государственной социализма* дѣлаютъ одну крупную ошибку: они смѣшиваютъ общественность съ государственностью и относятъ къ нынѣшнему государству все тѣ, что логически связано съ представленіемъ объ идеальномъ обществѣ. Несомнѣнно, требованія Платона и новѣйшихъ социалистовъ имѣли въ виду не тотъ политическій строй, который существуетъ въ современной Пруссіи. Если говорить о правахъ общества, какъ цѣлаго, по отношенію къ частнымъ правамъ и лицамъ, то при этомъ всего меньше разумѣютъ расширеніе полномочій военно-

аристократическаго режима, представляющаго собою государство въ современномъ его видѣ. Отдать социальную жизнь въ руки такихъ устроителей, какъ князь Бисмаркъ и графъ Мольтке, на томъ только основаніи, что они олицетворяютъ собою нынѣшнее государство, а идея государства считается высшимъ выраженіемъ общественности, о которой говорятъ социалисты, — это значило бы спутывать самыя разнородныя понятія и вводить подъ живымъ знаменемъ старинное хозяйничанье придворной бюрократіи надъ жизнью общества и народа. Понимаемый въ такомъ смыслѣ, «государственный социализмъ» становится орудіемъ власти и произвола, пригоднымъ скорѣе для подавленія, чѣмъ для оживленія народныхъ правъ и интересовъ. Требуется еще очень много усложній, прежде чѣмъ можно будетъ считать государство и общество синонимами; для этого необходима была бы новая организація, при которой общія нужды и средства не находились бы въ распоряженіи небольшого властвующаго класса (какъ въ Пруссіи или Англіи), сдерживаемаго лишь робкимъ и часто запоздалымъ контролемъ со стороны остальнаго населенія. Высшія функціи и теоретическія права идеально-справедливаго общественнаго устройства не могутъ быть присвоены Бисмарковскому государству; противоположное мнѣніе Вагнера есть или грубое недоразумѣніе, или смѣлый софизмъ.

VIII.

Видное безсиліе науки, и печальныя слѣдствія того въ ходѣ поземельныхъ дѣлъ. — Хроническіе кризисы и ихъ источникъ. — Слѣженіе политическаго владѣнія съ экономическимъ. — Какъ устранить недоразумѣніа?

Нѣмецкая школа экономистовъ-историковъ вывела вопросъ о собственности изъ сферъ абсолютнаго и перенесла его на почву неизмѣнчивыхъ фактическихъ условій, — но не установила цѣльной положительной теоріи, которою могъ бы удовлетвориться серьезный исследователь. Писатели большею частью успокоиваются на принципѣ относительности, возлагая все дальнѣйшее на «историческій порядокъ», который будто бы самъ собою приведетъ къ разрѣшенію поземельнаго спора. Различіе между землевладѣніемъ и другими правами на вещи все еще остается въ туманѣ; старинныя юридическія обобщенія, нерѣдко отвергнутыя на словахъ, продолжаютъ господствовать на дѣлѣ во мнѣхъ разсужденіяхъ о собственности.

Экономисты далеко еще не воспользовались указаніями Ру-

доля фонъ-Іеринга по этому предмету, или по крайней мѣрѣ не оцѣнили, какъ слѣдуетъ, ихъ теоретической важности. Одни и тѣ же правила примѣняются къ недвижимымъ и движимымъ имуществамъ, подведеннымъ подъ общее понятіе вещей, какъ предметовъ частнаго права, — несмотря на природное несходство обѣихъ категорій имуществъ. «На этомъ примѣрѣ, — замѣчаетъ Іерингъ, — подтверждается значеніе римской абстракціи. Черезъ естественныя различія вещей проникаетъ она до понятія вещи, и оперируя уже съ нимъ однимъ, она устраняетъ влияние естественнаго элемента; такимъ образомъ, не понятіе приспособляется къ предмету, а предметъ къ понятію». Такъ какъ къ праву на землю все-таки непримѣнны нѣкоторые существенныя свойства правъ на движимыя вещи, то принято говорить объ ограниченіяхъ поземельной собственности. Въ дѣйствительности, это — не ограниченія, а настоящія границы права собственности на землю. Видѣть въ нихъ ограниченія можетъ, по словамъ Іеринга, только тотъ, кто считаетъ мѣриломъ для поземельныхъ правъ способъ собственности надъ движимыми вещами ¹⁾. Если такъ говорить одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ представителей научной юриспруденціи, то политической экономіи остается только утилизировать это признаніе и отрѣшиться отъ традиционныхъ воззрѣній, столь долго застилавшихъ туманомъ фактическую сущность вопроса.

Чѣмъ же замѣнить эти воззрѣнія прошлаго? — Научная критика пошатнула старыя доктрины; исторія доставила богатый матеріалъ для новыхъ выводовъ и обобщеній, — однако, дѣло не подвигается впередъ, и безсиліе науки обнаруживается всякій разъ, когда выступаютъ предъ нами великія практическія задачи въ области поземельныхъ отношеній. Философы и экономисты не выработали еще тѣхъ теоретическихъ формулъ, которыя давали бы руководящую нить для рѣшенія сложныхъ проблемъ, вызываемыхъ болѣзненнымъ состояніемъ поземельной собственности то въ томъ, то въ другомъ государствѣ. Кривасы общаются слѣдаться хроническими въ сельскомъ хозяйствѣ и въ землевладѣніи, а ученые теоретики ходятъ кругомъ да оwoло, не умѣя ни объяснить происходящее, ни предвидѣть послѣдующее.

Случалось, что лекарства, предлагаемыя серьезнѣйшими специалистами, приводили къ неожиданнымъ болѣзнямъ. Напомнимъ здѣсь объ одномъ хорошо извѣстномъ у насъ примѣрѣ. Идеа

¹⁾ Ihering, Geist des römischen Rechts, Th. II, Abth. I, § 29 и др.; его же: „Zweck im Recht“, 1878, Bd. I.

объ «оплодотвореніи земли капиталомъ» посредствомъ широкаго поземельнаго кредита казалась всѣмъ какъ нельзя болѣе разумною; но на практикѣ она почти повсемѣстно привела къ безвыходной задолженности землевладѣнія, къ повальнымъ продажамъ имѣній съ публичнаго торга, къ водворенію кулачества въ эксплуатаціи земель и къ общему упадку сельскаго хозяйства.

Желанный союзъ съ капитализмомъ погубилъ массу землевладѣльцевъ; земля не вынесла приписанныхъ ей свойствъ «неподвижнаго капитала», способнаго будто бы отвѣчать чѣмъ-либо инымъ, кромѣ доходности. Кредитъ ошибочно давался самой землѣ, а не ея рентѣ,—тогда какъ вся цѣнность поземельныхъ имуществъ заключается въ ихъ производительности. Недостаточность или неправильность дохода сразу разрушила иллюзію тождества земли съ капиталомъ: капиталъ регулярно приноситъ обычный процентъ и можетъ аккуратно погашать свои долги, а земля сплошь и рядомъ неосправа, и съ нея нельзя получать накопившіеся проценты иначе какъ совершеннымъ разореніемъ хозяйства. Такъ мститъ за себя невѣрное обобщеніе, противъ котораго въ свое время энергически вставалъ Родбертусъ-Ягццовъ¹⁾.

Слабость теорій отражается на практическихъ судьбахъ вопроса; отсутствіе твердой научной основы даетъ себя чувствовать въ законодательствѣ и въ жизни, поддерживая сознание общей беспомощности въ виду ненормальнаго хода поземельныхъ дѣлъ. Не происходитъ ли это вслѣдствіе какого-нибудь внутренняго разлада въ самой организаціи землевладѣнія? Не виновато ли тутъ противорѣчіе между обычными понятіями о поземельной собственности и дѣйствительными фактами и потребностями?

Владѣніе землею можетъ имѣть двойной характеръ, — оно можетъ означать, во-первыхъ, власть надъ извѣстнымъ пространствомъ земли, какъ мѣстопребываніемъ людей и вещей, и во-вторыхъ, право извлекать доходы изъ хозяйственнаго употребле-

¹⁾ *Rodbertus-Jagetzow, Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, Iena, 1869, Bd. I—II.*—Современный обще-европейскій кризисъ землевладѣнія подробно описывается профессоромъ Лоренцомъ Штейномъ въ его послѣдней книгѣ: „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft“, von Dr. *Lorenz v. Stein*, Stuttgart. 1881. Авторъ не входитъ, однако, въ глубь вопроса и слишкомъ много занимается его внѣшней обстановкою; онъ также безъ видимаго основанія превозноситъ преимущества и заслуги „нѣмецкаго духа“ въ землевладѣніи; въ концѣ книги приведена выдержка изъ Тургеневской „Нова“ (разговоръ о переделѣ земель въ руки хитрыхъ промышленниковъ).

нія даннаго поземельнаго участка. Первый элементъ служить предметомъ общественнаго или политическаго права; а второй—входить въ кругъ частныхъ интересовъ и даетъ содержаніе экономическому праву на землю.

Смѣшеніе или неточное разграниченіе этихъ двухъ элементовъ было главною причиною недоразумѣній, указанныхъ нами выше. Принципъ частной собственности можетъ относиться только къ хозяйственной сторонѣ землевладѣнія; онъ не обнимаетъ собою общественнаго значенія земли, какъ мѣстопребыванія людей и вещей. Въ дѣйствительности, это принципиальное различіе между двумя категоріями поземельныхъ правъ создалось весьма смутно и часто совершенно ступсывалось. Какъ многія политическія функціи дѣлались предметомъ частной собственности, такъ и политическое значеніе земли было оторвано отъ своей природной общественной атмосферы и превращено въ предметъ частнаго права (таково было феодальное и помѣщичье владѣніе, соединенное съ властью надъ крестьянами). Нигдѣ не удалось, однако, осуществить это превращеніе вполне, безъ остатка, несмотря на всѣ усилія юриспруденціи растянуть понятіе частной поземельной собственности до предѣловъ всеобъемлющаго права на движимыя вещи. Всегда оставалось за обществомъ право, во-первыхъ, гарантировать для общаго пользованія свободный проходъ и проѣздъ черезъ частныя владѣнія, по отведеннымъ для этой цѣли дорогамъ, и во-вторыхъ, выкупать землю у частныхъ лицъ, когда того требуетъ общественная или государственная польза. Эти двѣ формы, въ которыхъ проявляется общественно-политическое право на землю, свидѣлствуютъ какъ нельзя яснѣе о специальномъ характерѣ землевладѣнія и о непримѣнности къ нему начала полной частной собственности.

Такъ какъ земля, по своему двойственному значенію—хозяйственному и политическому—не можетъ всецѣло поглощаться частнымъ правомъ, то послѣднее терлетъ свою предполагаемую полноту, которою надѣлила его юриспруденція, и возвращается въ свои настоящія границы, опредѣляемыя его положительнымъ содержаніемъ. Задача научной теоріи—установить истинные предѣлы частно-хозяйственнаго права на землю, отдѣливъ отъ него всю общественно-политическую часть, касающуюся интересовъ общины или государства. Пока этого не сдѣлано, до тѣхъ поръ недоразумѣнія и споры не прекратятся.

Полемика вращается часто около такихъ сторонъ предмета, которыя вовсе не связаны съ нимъ неразрывно и могутъ быть устранены безъ всякаго для него ущерба; а между тѣмъ, спорящіе

принимаютъ эти побочныя черты за непремѣнныя свойства, лежащія будто бы въ природѣ вещей. Когда критикуютъ или отвергаютъ частную поземельную собственность, то при этомъ имѣютъ въ виду ея *политическій* элементъ, а именно, важность земли, какъ «наслѣдія человѣческаго рода» и т. п.; а при оправданіи и защитѣ, выдвигается элементъ *экономическій*, — необходимость обработки, затратъ труда и капитала и пр. Съ обѣихъ сторонъ говорится тутъ о совершенно различныхъ вещахъ; поэтому и споръ можетъ длиться безконечно, безъ всякаго результата. Соглашеніе оказало бы вполне возможнымъ, еслибы предварительно рѣшено было, о какомъ землевладѣніи идетъ рѣчь — о политическомъ ли, или экономическомъ.

Земля, какъ территория, принадлежитъ несомнѣнно всему обществу, народу, человѣчеству; но какъ производительная почва, какъ основа для земледѣлія и какъ мѣсто для постройки жилищъ, — она принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ, ее обрабатывающимъ или обстраивающимъ. На землю существуютъ одновременно двоякаго рода права — политическія и экономическія; и весь вопросъ заключается въ правильномъ раздѣленіи этихъ правъ между обществомъ или государствомъ съ одной стороны, и земледѣльцами — съ другой. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Англіи, крупные землевладѣльцы суть мелкіе государи съ политической властью; въ другихъ государствахъ, частное владѣніе приближается уже къ хозяйственному типу, хотя почти вездѣ оно имѣетъ въ себѣ постороннія примѣси, мѣшающія вѣрной оцѣнкѣ фактовъ. Эти сохранившіеся остатки политическаго землевладѣнія составляютъ скрытый, непрерывно дѣйствующій источникъ хроническихъ кризисовъ земледѣлія въ Европѣ.

Критика можетъ и должна направляться противъ смѣшенія политическаго владѣнія съ частною собственностью; но всѣ нападки ея не затрагиваютъ экономическаго права на землю, совпадающаго съ правомъ труда, посвященнаго воздѣлыванію почвы и веденію сельскаго хозяйства. Въ строгомъ отличіи политическихъ правъ отъ экономическихъ лежитъ наиболѣе правдоподобная разгадка задачи поземельнаго вопроса въ его общей, теоретической постановкѣ.

Д. Слонимскій.

ТРИ ЗЯТЯ.

Изъ Широкомля.

I.

Былъ въ Литвѣ, надъ рѣкой,
Зáмокъ, съ крѣпкой стѣной,—
Отъ враждебныхъ сосѣдей ограда;
Онъ стоялъ съ давнихъ поръ,
Какъ надежный отпоръ,
Какъ набѣгамъ провазыть преграда.

Ряди буйныхъ провазъ,
Крестовосцы не разъ
Осаждали тотъ зáмокъ толпами;
Но литовской земли
Отобрать не могли:
Всюду умѣлъ тамъ справиться съ врагами.

Онъ былъ старъ ужъ и вдовъ,
Не имѣлъ и сыновъ,
Но три дочки росли у литвина,—
И, довольный судьбой,
Разсуждалъ онъ съ собой:
«Вѣдь три зятя мнѣ будутъ—три сына»...

«Первый—мечъ свой возьметъ,
Въ край балтійскій пойдетъ;
За родные лѣса проберется,—

Грянетъ въ рогъ, на конѣ;
И въ нѣмецкой странѣ
Страхъ и трепетъ вездѣ разнесется»...

«Въ Русь, къ сосѣдямъ—второй
Поведеть за собой
Боевыя потѣшить дружины;
Вступить въ Кіевъ затѣя
И червонцевъ мѣшокъ
Отсчитаютъ за миръ нмѣ русины»...

«Третій—Кракову, въ даръ,
Приготовить пожаръ,
И, кольчугой стальною покрытый,
Въ битвѣ съ ляхомъ свое
Переломить копье,
Тамъ, гдѣ Вавель стоитъ знаменитый!»...

«Вы же, дочки, межъ тѣмъ,
Не кручиньтесь ничѣмъ,
Словно розы въ тиши разцвѣтайте;
Пойте пѣсни звучнѣй,
Вы, надъ пралкой своей
И на старость меня утѣшайте!»...

Такъ литвинъ говорилъ,
Такъ онъ дни проводилъ,
Вслухъ грядущимъ себя утѣшая;
Но, старикъ, погоди:
Тьма и мракъ впереди,—
Воля неба, быть можетъ, иная!..

II.

Разъ, ужъ день дотерпѣлъ,
Съ башни данъ бѣгъ сигналъ,—
Смотрать: рыцарь какой-то явился;
Весь въ доспѣхахъ, въ броне,
На усталомъ конѣ,
На ночлегъ онъ къ нимъ въ замокъ просился.

Глянулъ вождь изъ окна,
 Сталъ бѣлѣй полотна,
 Закипѣла въ немъ злоба мгновенно:
 Плащъ съ широкимъ крестомъ
 Былъ на рыцарѣ томъ,
 Меченосецъ то былъ, несомнѣнно...

Но, обычай храма,
 Вождь велѣлъ взять коня,
 Отдыхъ также и рыцарю нуженъ:
 Гости въ замкѣхъ ведутъ
 Пиво, медъ подаютъ
 И радушно сажаютъ за ужины.

Выпивъ, разъ или два,
 Вдоволь меду сперва,
 Гость отвѣдалъ и рыбы, и птицы;
 И, ужъ сытъ и хмѣленъ,
 Сталъ рассказывать онъ
 О нѣмецкой землѣ необыцны...

Всѣмъ по вкусу, какъ разъ,
 Былъ хвастливый рассказъ,—
 Какъ дворцы тамъ и замки богаты;
 Какъ всѣ рыцари тамъ,
 На турнирахъ, въ честь дамъ,
 Свои копья ломаютъ и латы...

Недоволенъ одинъ
 Только старый литвинъ,
 Но прервать онъ рассказа не смѣетъ...
 И готова всю ночь
 Слушать старшая дочь,—
 То краснѣетъ она, то блѣднѣетъ...

Какъ посмотреть, порой,
 Словно, скажетъ: «Съ тобой,
 Вѣрь, согласна помынуть отца я»...
 И, безъ словъ, безъ рѣчей,
 Скоро съ гостемъ у ней
 Завязалась бесѣда нѣмая...

Что еще было тамъ,
Я не знаю и самъ;
Но все крѣпко вокругъ еще спало,
Всюду было темно,
Какъ ужъ въ замкѣ давно
Старшей дочки и гостя не стало...

Воевода, чуть-свѣтъ,
Шлетъ поговню во слѣдъ,
Но о бѣглыхъ—ни слуха, ни вѣсти.
«О, Перкунъ!—Отчего,
Не сразишь ты его,
Не накажешь губителя чести?»...

«Не по лѣтамъ ужъ мнѣ
Гарцовать на конѣ,
Тяжелы мнѣ доспѣхи стальные!
Но за горькій мой стыдъ
Нѣмецъ будетъ убить:
Мнѣ помогутъ два зятя другіе!»

«Вы-же, дочки, межъ тѣмъ,
Не кручиньтесь ничѣмъ,
Словно розы въ тиши разцвѣтайте;
Пойте пѣсни звучнѣй,
Вы, надъ прядкой своей
И скорѣе мнѣ мстителей дайте!»...

III.

Разъ, ужъ день догоралъ,
Съ башни данъ былъ сигналъ:
«Ужъ не врагъ-ли вблизи появился?» —
Молодой, полный силъ
Русскій витязь то былъ,
На ночлегъ онъ къ нимъ въ замокъ просился.

Вождь не скупъ и богатъ,
Видѣть гостя онъ радъ,
Рада также ему и дружина;

Столъ накрытъ—и равно
 Пьютъ всѣ медъ и вино
 За здоровье вождя и русина.

Тотъ, кто былъ тутъ не пюхъ,
 Съѣлъ и выпилъ за трехъ.
 Вотъ и вечеръ совсѣмъ ужъ проходить;
 Съѣлъ русинъ молодой
 И про Кіевъ родной
 Разговоръ онъ съ литвиномъ заводитъ.

Говорить, какъ народъ
 Тамъ богато живетъ;
 Какъ роскошенъ тамъ Днѣпръ подъ горою;
 Какъ надъ нимъ съ высоты
 Куполы и кресты
 Тамъ отдѣлкой блестятъ золотомъ.

Есть еще надъ рѣкой
 Монастырь тамъ святой,
 Гдѣ почилъ угодниковъ мощи.
 А красавицъ—не счесть,
 Такъ ихъ много тамъ есть,
 Только вѣдьмы встрѣчаются тѣщи...

И совсѣмъ не до сна
 Средней дочкѣ—она
 Глазъ съ русина того не спускаетъ;
 Онъ-же кончить рассказъ,
 Прихлебнетъ—и сейчасъ
 Безъ запинки другой начинается.

Гость, по правдѣ сказать,
 Мастеръ былъ и приврать,
 Всѣхъ до поздней поры занималъ онъ...
 Но едва первымъ сномъ
 Все заснуло кругомъ,—
 Со второю литвинкой бѣжалъ онъ...

Утромъ, нечего ждать:
 Въ Русь рукою подать—
 До границы трехъ миль не считали:

Въ мигъ былъ поданъ сигналъ,
 Вожь погоню пославъ,
 Но русина,—увы!—не догнали!..

И на землю старикъ,
 Опустившись, поникъ,
 Шлетъ проклятья имъ вслѣдъ, укоризны:
 «Такъ! на радость врагамъ
 Няньчить станешь ты тамъ,—
 Говорить онъ,—враговъ для отчизны!»...

«Къ счастью, прежде, чѣмъ твой
 Сынъ придетъ на разбой,
 Надъ святыней Литвы насмѣется,—
 Мой и пенегъ сгнѣтъ
 И градущихъ невзгодъ
 Никогда мнѣ видать не придется!»...

«Но пока, подъ землею,
 Прахъ уляжется мой,
 Безпощадно васъ всѣхъ прокляну я;
 А придетъ смертный часъ—
 За могилой на васъ
 Громъ небесный въ мольбахъ испрошу я!»...

«Дочь меньшая!—Одна
 Ты на радость дана
 И въ тебѣ все мое утѣшенье!
 Скоро-ль брачный обрядъ
 Надъ тобой совершатъ—
 За безчестье мнѣ нужно отмщенье!»...

IV.

Годъ за годомъ идетъ,
 Быстро дочка растетъ,
 Все пышнѣе она разцвѣтаетъ.
 Вдругъ, знакомый сигналъ
 Снова вожь услышалъ:
 Смотритъ—польскій отрядъ подъѣзжаетъ.

И одинъ за другимъ,
 Въ мѣдныхъ шлемахъ предъ нимъ
 Появились гусары-сарматы;
 Всѣ на добрыхъ коняхъ,
 Рысѣй мѣхъ на плечахъ,
 Всѣ въ стальные закованы латы.

Ужъ литвинъ привагалъ
 Боевой дать сигналъ,
 Ужъ готовы сѣкиры для боя;
 Вдругъ, ихъ вождь молодой
 Снялъ свой шлемъ золотой,
 Въ знавъ соглася съ Литвой и покоя...

Свой привѣтъ и поклонъ
 Воеводѣ шлетъ онъ:
 «Миръ и дружба межъ нами отнынѣ;
 Мы отъ нѣмцевъ идемъ,
 Лѣсъ и дебри кругомъ, —
 Дайте отдыхъ усталой дружинѣ»...

«И оружье все вамъ
 Мы положимъ къ ногамъ»...
 Тутъ подъемный имъ мостъ опустили;
 Вождь ихъ въ замокъ впустилъ,
 Только прежде спросилъ:
 «Много-ль нѣмцевъ вы тамъ изрубили?»

И, радушный ко всѣмъ,
 Онъ выходитъ затѣмъ,
 Принимаетъ гостей, суетится;
 Медъ и пиво опять
 Онъ велитъ подавать,
 А съ вождемъ ихъ отдѣльно садится...

Снова погребъ открыть,
 Тучный вепрь былъ убить,
 Такъ обильно ихъ вождь угощаетъ;
 И усердно гостямъ
 Въ кубки цѣнные самъ,
 То-и-дѣло, онъ медъ подливаетъ...

И когда, разъ-другой,
 Вождь и ляхъ молодой
 Вдоволь меду хмельного испили,—
 Простодушный старикъ
 Разсказалъ напрямикъ,
 Какъ двухъ дочекъ его погубили...

Ляхъ такъ весель и милъ,
 Вождь его полюбилъ, —
 «Тутъ бояться измѣны не надо», —
 Выпивъ, онъ разсуждалъ
 И за дочкой послалъ:
 «Гостю также она будетъ рада»...

И еще веселѣй,
 Гость смѣется при ней,
 Оживленнѣй вдругъ рѣчь его стала;
 Но, слегка смущена,
 Все краснѣетъ она,—
 Ну, понятно,—въ лѣсу выросла...

«Знаю, ты знаменитъ, —
 Ляхъ вождю говорить: —
 Вкусенъ медъ твой, безъ лести скажу я;
 Но прошу, не забудь
 Въ Краковъ къ намъ завернуть,
 Тамъ съ избыткомъ за все отслужу я...

«Пусть народъ вашъ богатъ,
 Мы богаче въ сто брать:
 Въ Польшѣ много и ржи, и пшеницы;
 Тамъ и медъ черезъ край,
 А столѣтнй токай
 Мы съ венгерской привозимъ границы.

«Князь вашъ ласковъ, но онъ
 Вѣдь сильнѣй, чѣмъ законъ;
 Въ Польшѣ судимъ и рядимъ мы сами.
 Тамъ, на сеймѣ, когда
 Мы заспоримъ—бѣда:

И король самъ не справится съ нами:

«Кстати: Поклюсь, вашъ богъ,
 Слишкомъ скупъ ужъ и строгъ:
 Ничего вамъ въ грядущемъ не дасть онъ.
 Нашъ Богъ—свѣтъ и любовь
 И за насъ свою кровь,
 Въ искупленье грѣха, проливаетъ Онъ...

«А Пречистая Мать?
 Вся Она—благодать,
 Вся небесной любовью сіяетъ;
 Всѣмъ къ Ней доступъ открытъ,
 Всѣхъ Она защититъ,
 Кто въ молитвахъ Ее призываетъ... —

И Маріи Святой
 Образокъ золотой
 Осторожно съ груди онъ снимаетъ: —
 «Падшихъ духомъ, вездѣ
 И въ бою, и въ нуждѣ
 Невзмѣнно Она укрѣпляетъ!»...

«Я бы чтить Ее сталъ, —
 Хмурясь вождемъ отвѣчалъ, —
 Покланяться-бъ Ей сталъ я, быть можетъ, —
 Пусть, за дочекъ моихъ,
 Соблазнитель ихъ
 Извести мнѣ скорѣе поможетъ!»..

Но въ раздумьи нѣмомъ
 Тутъ же, рядомъ съ отцомъ,
 Дочь на образъ тотъ долго смотрѣла;
 И, слегка наклонясь,
 Противъ воли, не разъ,
 То вздыхала, то снова краснѣла...

Слово за слово... Вотъ,
 И пѣтухъ ужъ поетъ,
 Но про сонъ здѣсь, казалось, забыли:
 Каждый слушать былъ радъ,
 Какъ тамъ Краковъ богатъ,
 Какъ тамъ ляхи на нѣмцевъ ходили...

Вождь, храня строгій видъ,
 За разговоръ слѣдитъ, —
 Какъ привольно и весело въ Польшѣ;
 Дочкѣ-жъ—все надо знать,
 Ей не хочется спать,
 И все слушать ей хочется дольше...

Такъ съ гусаромъ всю ночь
 Воевода и дочь
 Незамѣтно совсѣмъ проболтали;
 А когда предъ зарей
 Гость ушелъ на покой, —
 Только Краковъ во снѣ и видали...

День блеснулъ... но потомъ,
 Въ самый полдень, дождемъ
 Разразилась внезапно погода;
 Гостю ѣхать не въ срокъ
 И еще на денегъ
 Оставляеть его воевода...

Радъ и ляхъ, и литвинъ,
 Вновь затопленъ каминъ,
 Вновь до поздней сидятъ они ночью...
 Но едва мракъ ночной
 Сталъ рѣдѣть надъ землею —
 Въ замкѣ гостя не стало и дочки...

Золъ и страшенъ, и дикъ
 Былъ литвинъ въ первый мигъ,
 Но сейчасъ же собой овладѣлъ онъ:
 Присмирѣлъ вдругъ опять
 И гонцовъ ужъ послать
 Вслѣдъ за дочкой своей не хотѣлъ онъ.

Только сталъ онъ съ тѣхъ поръ
 И безсиленъ, и хворъ,
 Тяжкимъ горемъ въ немъ сердце убито;
 Бродитъ въ замкѣ, молчить,
 То Пергуну грозить,
 То на Знича посмотреть сердито...

Какъ безумный, порой,
 Вдругъ топоръ боевой,
 Словно, въ битву готовясь, хватаетъ;
 Наконецъ, вскорѣ онъ
 Все—и свой гарнизонъ,
 И свой замокъ совсѣмъ покидаетъ...

Молить старца Литва:
 «И не разъ, и не два
 Ты дрался здѣсь съ сосѣдами злыми;
 Но, по волѣ боговъ,
 Прогонялъ ты враговъ —
 Безъ тебя намъ не справиться съ ними!»...

«Дѣти!—вождь говоритъ:—
 Сталъ тяжелъ мнѣ мой щитъ,
 Не по силамъ сѣкира мнѣ тоже;
 Пусть оплотъ нашъ родной
 Охраняетъ другой,—
 Посильнѣе меня, помоложе...

«Кто отважнѣй всѣхъ—тотъ
 Пусть ужъ мечъ мой беретъ
 И послужитъ вамъ доблестью бранной;
 Вижу я, въ вышинѣ,
 Бродятъ тучи—онѣ
 Разразятся грозю неожиданной...

«Только въ звукахъ живыхъ
 Нашихъ пѣсень родныхъ
 Будемъ жить мы отнынѣ съ Литвою;
 И отнынѣ же я
 Отъ жилья до жилья
 Понесу ихъ повсюду съ собою»...

Всѣмъ странна и дивна
 Рѣчь была старика,
 Каждый только ему подивился;
 Онъ же, молча, межъ тѣмъ,
 Не простившись ни съ кѣмъ,
 Въ чащѣ лѣса сосѣдняго скрылся...

Слухъ потомъ пробѣжалъ:
Все онъ дочекъ искалъ,
Все отмстить онъ за нихъ собирався;
Исхудалый, больной,
То на Киевъ съ клюкой,
То на Краковъ старикъ пробирался...

Годъ прошелъ... На другой,
Трупъ литвина съ сумой
Возлѣ замка случайно открыли;
Странно онъ былъ одѣтъ:
Зипуна, шапки нѣтъ,
Сбому—чотки привязаны были...

И когда, говорятъ,
Погребенья обрядъ,
Предъ сожженьемъ, надъ нимъ совершали,—
Всѣ, собравшись кругомъ,
Мѣдный крестикъ на немъ
И лишь Дѣвы Святой увидали...

И. П. И.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ САТИРѢ

САЛТЫКОВА

Года полтора тому назадъ, небольшой литературный кружокъ праздновалъ въ Москвѣ двадцати-пятилѣтній юбилей Щедринской сатиры; въ мартѣ мѣсяцѣ этого года, минетъ тридцать-пять лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ повѣсти: «Запутанное дѣло», надолго оставившей авторскую дѣятельность М. Е. Салтыкова, но тѣсно связанной со всѣми позднѣйшими его трудами. Сначала рѣдкій гость въ журналистикѣ и литературѣ, г. Салтыковъ, вотъ уже пятнадцать лѣтъ, принадлежитъ имъ всецѣло, стоитъ на первомъ планѣ въ борьбѣ литературныхъ партій, откликается на всѣ вопросы современной жизни. Каждый новый томъ его сочиненій соответствуетъ новой страницѣ въ исторіи нашего общества. Нѣтъ писателя, у котораго въ болѣе живыхъ и яркихъ чертахъ отразилась бы пережитая нами эпоха, со всѣми главными ея типами, доступными изслѣдованію; нѣтъ писателя, у котораго можно было бы найти больше указаній на причины, задерживающія движеніе русской мысли и развитіе русскаго народа. Изучить, съ этой точки зрѣнія, длинный рядъ произведеній, охватывающихъ цѣлую четверть вѣка — задача крайне привлекательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне трудная. Критика до сихъ поръ почти не касалась г. Салтыкова; въ порицаніяхъ и похвалахъ ему не было недостатка, но, за немногими исключеніями, все это было богаче восклицательными знаками, чѣмъ мотивами, и сосредоточивалось, притомъ, на какой-нибудь отдѣльной сатирѣ или отдѣльномъ сборникѣ сатиръ. Для

всесторонняго анализа сочиненій г. Салтыкова, анализа свободнаго отъ умолчаній, безусловно откровеннаго какъ по отношенію къ автору, такъ и по отношенію къ затронутымъ имъ темамъ, не настало, да и не скоро еще настанетъ время; кое-что, однако, можно сдѣлать въ этомъ направленіи и теперь, хотя бы только для того, чтобы дать отпоръ все чаще и чаще повторяющимся попыткамъ унижить, умалить значеніе Щедринской сатиры. Достигнуть этой цѣли можно, до извѣстной степени, простымъ сопоставленіемъ разрозненнаго, простымъ напоминаніемъ о полу-забытомъ. Лучшимъ пробнымъ камнемъ для сатиры служить время. Если, по прошествіи немногихъ лѣтъ, ея блескъ оказывается потускнѣвшимъ, ея остріе—притупившимся, это значить, что она скользила по поверхности предмета, задѣвала скоропреходящую, второстепенную черту, а не глубоко коренящійся порокъ общественнаго строя; и наоборотъ, ея устойчивость, ея живучесть свидѣлствуютъ о мѣтвомъ выборѣ наковальни для сатирическаго молота. Мы надѣемся показать, что именно такимъ, въ большинствѣ случаевъ, былъ выборъ г. Салтыкова.

I.

Дореформенная Россія и эпоха первыхъ преобразованій.

Первые дебюты г. Салтыкова совпадаютъ съ однимъ изъ тѣхъ слѣдующихъ и слѣдующихъ короткихъ моментовъ, которые служатъ кулиминаціонными точками въ исторіи нашей литературы, а слѣдовательно и нашего общества. Это былъ 1847 годъ, когда влияние Бѣлинскаго достигло своего апогея, когда кругомъ него группировалась цѣлая плеяда свѣжихъ, много обѣщавшихъ — и болѣею частью много сдержавшихъ — дарованій, когда Гоголь еще не напечаталъ «Переписки съ друзьями», когда создавалась натуральная школа, появлялись первыя стихотворенія Некрасова, первыя разсказы Тургенева, первыя повѣсти Достоевскаго и Григорovichа, когда выходили въ свѣтъ такіе романы, какъ «Кто мновать» и «Обыкновенная исторія». Ненастью, уже близкому, предшествовало затишье; печать пользовалась сравнительнымъ просторомъ, пользовалась имъ широко, точно торопясь ловить каждую отсчитанную минуту. Еще сильнѣе дѣйствовало на умы все совершавшееся и готовившееся въ то время за границей, особенно во Франціи. «Изъ Франціи»,—говорить г. Салтыковъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій («За рубежомъ»,

стр. 164), — «разумѣется, не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сентъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда — лилась на насъ вѣра въ человечество; отсюда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ. Въ Россіи мы существовали лишь фактически, или, какъ въ то время говорилось, имѣли образ жизни; но духовно мы жили во Франціи. И Гизо, и Дюшатель, и Тьеръ — все это были какъ бы личные враги (правда, даже болѣе опасные, чѣмъ Л. В. Дуббельтъ), успѣхъ которыхъ огорчалъ, неуспѣхъ — радовалъ. Агитація въ пользу избирательной реформы, высокомерныя рѣчи Гизо, февральскіе банкеты — все это и теперь такъ живо встаетъ въ моей памяти, какъ будто происходило вчера». Такова была атмосфера, которую полною грудью вдыхалъ въ себя молодой, начинающій писатель ¹⁾. Недолго, однако, продолжалось въ немъ раздвоеніе между фактической и духовною жизнью. Французскія «вѣянія», во власть которыхъ онъ отдался, отличались отъ нѣмецкихъ — только-что потерявшихъ господство надъ русской интеллигенціей — именно тѣмъ, что они не позволяли мысли кочевать безъ конца въ времени и пространства. Чѣмъ больше свѣта и шири было въ создаваемыхъ ими идеалахъ, тѣмъ неизбежнѣе и скорѣе должна была броситься въ глаза русская дѣйствительность, темная, сдавленная, безотрадная. Въ «Запутанномъ дѣлѣ» мы видимъ автора опустившимся если не на самое дно этой дѣйствительности, то въ одинъ изъ наиболѣе мрачныхъ уголковъ ея.

Главное лицо повѣсти — одинъ изъ тѣхъ «забытыхъ людей», изъ тѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», которыхъ начинала выдвигать на первый планъ тогдашняя беллетристика. Иванъ Самойлычъ Мичулинъ — прямой потомокъ Акакія Акакіевича и близкій родственникъ Макара Алексѣевича Дѣдушкина. Протестъ беззащитнаго героя «Шинели» не идетъ дальше словъ: «оставьте меня, затѣмъ вы меня обижаете», — вызываемыхъ острымъ чувствомъ личной боли; въ героя «Бѣдныхъ людей», несмотря на всю его скромность, мысль работаетъ уже сильнѣе, приводится въ дѣйствіе зрѣлищемъ чужого горя, возвышается до обобщеній, до параллелей. Сквозь слезы чувствуется здѣсь уже негодование — негодование не только на отдѣльныхъ людей, эксплуатирующихъ слабость и беспомощность, но и на условія, благопріятствующія эксплуатаціи. При видѣ пышныхъ экипажей, съ разо-

¹⁾ Въ мартѣ 1848 г., когда была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» повѣсть г. Салтыкова: «Запутанное дѣло», автору было только двадцать-два года. Повѣсть эта вошла теперь въ составъ сборника, озаглавленнаго: «Немилые рассказы».

дѣтскими дамами, съ ласками «въ эполетахъ и при шпагѣ», Маргаръ Алексѣевичъ вспоминаетъ о Варенькѣ, забнувшей гдѣ-то въ бѣдномъ углу, изнуряющей себя работой; онъ ропщетъ на судьбу, пристрастную къ немногимъ, несправедливую къ массѣ. «Отчего это такъ все случается, — говорить онъ, — что вотъ хорошій-го человѣкъ въ запустѣнны находится, а къ другому кому счастье само напрашивается? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачекъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, таковой-савой, только обливывайся; ты, дескать, на то и годишься!» Такія же мысли насвистывалъ и Ивану Самойлычу холодный осенній вѣтеръ — мысли «черныя и неблагонамѣренныя, враждавшія около того пункта, что есть, дескать, въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ себѣ покойно въ театрахъ, или просто дома одинъ-на-одинъ съ нѣжною подругою». «Россія, — думалъ дальше господинъ Мичулинъ, — государство обширное, обильное и богатое; да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ». Отецъ Ивана Самойлыча снабдилъ его на прощанье напутственнымъ завѣтомъ: «Не прекословь, не спорь, смирайся — и будешь ты вознесенъ премного, ибо ласковое тѣло дѣв матки сосетъ». Этотъ завѣтъ — какъ разъ по плечу молодому человѣку, робкому, слабому, заранѣе согнутому въ три погибели; и тѣмъ не менѣе ему, по временамъ, приходитъ въ голову мысль, что «онъ обманывалъ себя на счетъ покорности, уклоненія и другихъ полезныхъ добродѣтелей, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требуетъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нужно наскакъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы». «Жизнь — лотерея», подсказываетъ ему привычное міросозерцаніе; «смирайся и терпи!» «Оно такъ, — отвѣчаетъ какой-то недоброжелательный голосъ, — но почему-жъ она лотерея, почему-жъ бы не быть ей просто жизнью?» Горькая, жалкая участь бѣдника, которому ничего не удается, передъ которымъ одна за другой захлопываются всѣ двери, принимаетъ въ его собственныхъ глазахъ размѣры какого-то общаго дѣла, какого-то общаго вопроса, и разростается наконецъ, подъ вліяніемъ горячечнаго бреда, въ громадную галлюцинацію. Ивану Самойлычу чудится бѣстленное множество колоннъ, принимающихъ въ верху все болѣе и болѣе наклонное положеніе и составляющихъ, такимъ образомъ, совершенно правильную пирамиду. Каждая колонна — масса живыхъ людей, насаженныхъ одинъ на другого; въ самомъ

низу необыкновенно объемистаго столба Иванъ Самойлычъ узнаётъ самого себя, «въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. Его голова была такъ изуродована тяготѣвшею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, обратилась даже въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Во всей фигурѣ этого страннаго, мистическаго Мичулина выражался такой умственный пауперизмъ, такое нравственное ничтожество, что настоящему Мичулину сдѣлалось и тѣсно, и тяжело, и онъ съ силою устремился, чтобы вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ, со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ, обратилъ взоръ свой выше. И тѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ оконченіе казались Ивану Самойлычу люди»...

По внутренней силѣ, по образности языка приведенная нами страница можетъ быть поставлена наряду съ лучшими произведеніями тогдашняго времени. Смутные намеки принимаютъ здѣсь осязательную форму; накупившее чувство льется черезъ край, едва прикрытое прозрачною аллегоріей. Если бы все остальное въ «Запутанномъ дѣлѣ» стояло на той же высотѣ, первая повѣсть г. Салтыкова представляла бы до сихъ поръ не одинъ только историческій интересъ. Теперь мы видимъ въ ней лишь «пробу пера», одинаково характеристичную для автора и для эпохи. Галлюцинація Ивана Самойлыча связана съ дѣйствіемъ бѣлыми нитками; бѣды, постигающія героя, такъ же мелки, какъ и его натура — ни то, ни другое не подготавливаетъ, не объясняетъ широкаго размаха мысли, создающаго фантастическую пирамиду. Господину Мичулину не удастся получить мѣста, не удастся сблизиться съ Наденькой; ни въ чемъ невинноватый, онъ попадаетъ въ часть, но скоро выпускается оттуда на всѣ четыре стороны. Сзади него, въ видѣ всегда открытаго убѣжища, рисуется родительскій домъ, неказистый, но по крайней мѣрѣ теплый и спокойный. Въ его прошедшемъ и настоящемъ, въ его будущемъ слишкомъ мало того глубокаго, хетя и будничнаго, заураднаго трагизма, которымъ запечатлѣна судьба Макара Алексѣевича, Вареньки, старика Покровскаго, который и до сихъ поръ придаетъ неотразимую силу «Бѣднымъ людямъ». Въ обрисовкѣ другихъ дѣйствующихъ лицъ «Запутаннаго дѣла» — Ивана Макарыча, Шарлотты Готлибовны, Беобахтера, Алексиса — замѣтны только первые проблески Щедринскаго юмора, еще не нашедшаго своей дороги, не выработавшаго своей оригинальной

формы. Будущій сатирикъ сказался только въ умѣннѣхъ подмѣтити комическое выраженіе тенденцій, по существу своему симпатичныхъ автору. Беобахтеръ — послѣдователь и пропагандистъ тѣхъ самыхъ французскихъ доктринъ, подъ властью которыхъ находился тогда г. Салтыковъ; но онъ усвоилъ себѣ, и то не вполне, только внѣшнюю ихъ сторону, съузилъ богатое содержаніе ихъ въ одну формулу, выражаемую простымъ жестомъ — и играетъ въ повѣсти, сообразно съ этимъ, роль безусловно смѣшную. Онъ даетъ Мичулину «крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами», и торжественно говоритъ ему: «прочтите и увидите... тутъ все!.. понимаете?» «Маленькій и привемистый Беобахтеръ быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатамъ, бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлалъ рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо нагнѣваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно колоссальной карательной машины». Ничуть не серьезнѣе Беобахтера и Алексисъ, несмотря на то, что онъ читаетъ Бруно Бауера и Фейербаха.

Пирамида, приснившаяся Ивану Самойлычу, не обрушилась бы, можетъ быть, на г. Салтыкова, если бы онъ показалъ ее читателямъ нѣсколькими мѣсяцами раньше; появясь на свѣтъ въ мартѣ 1848 года, она обратила на автора нежелательное для него вниманіе «бодрствующаго начальства». «Вслѣдъ за возникновеніемъ движенія во Франціи», — читаемъ мы въ цитированной уже нами главѣ: — «За рубежомъ» (стр. 167), — «произошло соответствующее движеніе и у насъ; учрежденъ былъ негласный комитетъ для разсмотрѣнія злокозненностей русской литературы. Въ мартѣ я написалъ повѣсть, а въ маѣ уже былъ зачисленъ въ штатъ вятскаго губернскаго правленія. Все это, конечно, сдѣлалось не такъ быстро какъ во Франціи, но зато основательно и прочно, потому что я вновь возвратился въ Петербургъ лишь черезъ семь съ половиною лѣтъ, когда не только французская республика сдѣлалась достояніемъ исторіи, но и у насъ мундирные фраки были замѣнены мундирными полукафтанами». Не свѣтелъ былъ тотъ міръ, въ которомъ созрѣла основная мысль «Запутаннаго дѣла»; но до него все-таки доходили отдаленные западные лучи, заставляя забывать отсутствіе собственнаго солнца. Въ провинціальной тьмѣ, окружившей изгнанника, ему осталось только воспоминаніе о свѣтѣ. Этого было достаточно, чтобы не сжиться съ тьмой, но слишкомъ мало, чтобы игнорировать ее. Глазъ по неволѣ сталъ присматриваться ко

всему ближайшему, подобно тому, какъ мы приучаемся различать среди ночного мрака окружающіе насъ предметы. Въ Петербургѣ можно было—до поры, до времени—забывать о Дуббельгъ изъ-за Гизо и ждать отставки Бароша съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ паденія Клейнмихеля; въ вятской глуши нельзя было не замѣтить даже становаго пристава, потому что слишкомъ ясно было его вліяніе на личное счастье, на личную безопасность обывателей. Крутогорскій чиновничій міръ слишкомъ назойливо былъ въ глаза своему новому члену—крутогорцу *malgré lui*,—чтобы онъ могъ сохранить свободу выбора художественныхъ задачъ и спокойствіе отвлеченной мысли. Врожденный сатирическій талантъ проснулся при видѣ громаднаго матеріала, затронутого, но далеко не исчерпаннаго великимъ сатирикомъ предыдущей эпохи. Подъ давленіемъ обстоятельствъ, «независѣвшихъ отъ воли» г. Салтыкова, онъ не только былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ этимъ матеріаломъ—онъ долженъ былъ касаться его своими руками, распутывать его узлы, проникать въ его изгибы. Русская общественная жизнь, въ своемъ официальномъ и неофициальномъ—и тамъ, и здѣсь одинаково неприкрашенномъ—видѣ, насильственно вторглась въ умственный міръ писателя и заняла въ немъ навсегда господствующее мѣсто.

Непосредственнымъ результатомъ «крутогорской» дѣятельности г. Салтыкова явились «Губернскіе Очерки», обнародованіе которыхъ совпало съ переименованіемъ «мундирныхъ фраговъ» на «мундирные полу-кафтаны». Для русскаго человѣка наступилъ тогда, въ самомъ дѣлѣ, моментъ переодѣванья, отчасти *par ordre*, отчасти по собственному побужденію. Изъ-подъ стараго костюма, сброшеннаго на половину, стало видѣться многое, бывшее до тѣхъ поръ незамѣтнымъ для глаза или недоступнымъ для обсуждения. «Губернскіе Очерки» нарисовали знакомую и вмѣстѣ съ тѣмъ новую картину—знакомую по частностямъ, съ которыми больше или меньше сталкивался каждый, новую по освѣщенію, по группировкѣ, по отдѣлкѣ фигуръ и общаго фона. Губернская администрація, изображенная въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ», была тѣмъ-то невиннымъ, розовымъ въ сравненіи съ тою, которая предстала передъ нами въ хроникѣ Крутогорска. Кто пережилъ сознательно 1856 годъ, тотъ, безъ сомнѣнія, не забылъ и никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведеннаго первыми сериями «Губернскихъ Очерковъ». Это было слово, сказанное во-время и встати, слово, котораго всѣ ожидали,

которое давало отвѣтъ—неполный, но поразительно яркій—на цѣлый рядъ наболѣвшихъ вопросовъ. Зло, обнаруженное только-что озвучившеюся войною, являлось здѣсь если не въ своемъ источникѣ, то въ одной изъ самыхъ главныхъ, самыхъ постоянныхъ своихъ формъ: продажность, испорченность, бездарность, изъ-за которыхъ голодали, мерзли, гибли наши войска на пути въ Крымъ и за севастопольскими стѣнами,—выступали на сцену, какъ нормальная принадлежность русскаго административнаго строя. Обличительное слово раздалось съ искренностью, давно небывалой, было выше и шире, чѣмъ прежде. Способствовало успѣху «Губернскихъ Очерковъ» и то обстоятельство, что они печатались въ журналѣ, быстро занявшемъ—и столь же быстро потерявшемъ—первое мѣсто въ тогдашней періодической литературѣ. 1856-ой годъ—годъ основанія «Русскаго Вѣстника»—былъ, вѣстѣ съ тѣмъ, и годомъ наибольшаго и наиболѣе заслуженнаго его успѣха. Идеалъ московскаго журнала, ясно намѣченный съ перваго раза, былъ въ это время идеаломъ почти всего западнаго лагеря; другой органъ, скоро привлечшій къ себѣ часть передового отряда, оживился и окрѣпъ только въ слѣдующемъ году. Указывая впередъ, въ лучшее будущее, «Русскій Вѣстникъ» долженъ былъ раскрыть, прежде всего, безнадежную несостоятельность прошедшаго, еще не потерявшаго своей силы надъ настоящимъ—и эту именно задачу исполнилъ «надворный совѣтникъ Щедринъ», сразу ставшій въ первые ряды воинствующей беллетристики.

Дорога, проложенная «Губернскими Очерками», немедленно покрылась цѣлой массой подражателей; обличительная литература нѣсколько лѣтъ сряду наводняла собою и газеты, и толстые журналы, пока ее наконецъ не уложило въ гробъ равнодушіе и утомленіе публики. Гробовую крышку заколотилъ надъ нею, какъ мы увидимъ, тотъ самый писатель, отъ котораго она вела свое существованіе. Изъ всѣхъ безчисленныхъ произведеній этой литературы едва-ли что-нибудь уцѣлѣло и уцѣлѣетъ; забыты, и справедливо, даже такія крупныя, сравнительно, вещи, какъ «Старые годы» Печерскаго, забыты самыя имена Селиванова, Елагина и др. Само собою разумѣется, что и въ «Губернскихъ Очеркахъ» многое устарѣло, многое интересно только изъ-за послѣдующей дѣятельности автора; рассматриваемые какъ цѣлое, они сохраняютъ, однако, большую жизненную силу. Дѣло въ томъ, что въ области обличительной литературы они стоятъ, такъ сказать, только одной ногою. Внешняя сторона міра клauзъ, взтокъ, злоупотребленій преобладаетъ только въ нѣкоторыхъ изъ

нихъ, (напр., въ обоихъ «Разсказахъ подъячаго», въ «Неприятномъ посѣщеніи», въ «Обманутомъ подпоручикѣ»); смѣсь анекдота съ былью авторъ ограничивается весьма рѣдко. На первый планъ выступаетъ психологія чиновничьяго быта, выступаютъ такія характерныя фигуры, какъ «озорникъ», какъ «надорванный», какъ Порфирій Петровичъ. «Человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій» — это родной братъ Чичикова, только усѣвшійся на «злачномъ, прохладномъ» мѣстѣ, промѣнявшій кочующую жизнь на семейный очагъ, рисованныя аферы — на систематическое пользованіе «безгрѣшными доходами». «Надорванный» и «озорникъ» — это экземпляры сравнительно новые, это переходныя ступени въ «ташкентцамъ» и «помпадурамъ» семидесятыхъ годовъ. Проницательный взглядъ г. Салтыкова сумѣлъ уловить процессъ зарожденія типовъ, изобразить которые во всей полнотѣ и во всемъ блескѣ суждено было ему же, въ другомъ періодѣ его жизни. «Je suis un homme comme il faut» — такъ опредѣляетъ себя самъ «озорникъ»: — «я хочу имѣть и хорошую сигару, и стаканъ добраго шатоликема; я *долженъ* быть прилично одѣтымъ, мнѣ *необходимо*, чтобы у меня въ домѣ было все комфортабельно — le gouvernement me doit tout cela... Говорятъ, будто необходимо изучить нужды и особенности края, чтобы умѣть имъ управлять съ пользой. Mon cher, je vous dirai franchement que tout ça c'est des utopies. Какія могутъ быть тутъ нужды? Ну, я спрашиваю васъ? Знаетъ-ли онъ, для чего ему дана жизнь? Можетъ-ли онъ понять, se faire une idée, о томъ, что такое назначеніе человѣка?» Не слышится ли въ этихъ словахъ прототипъ Петиньки, Ѳединьки и другихъ, прошедшихъ курсъ науки, по повиднѣйшему выраженію сатирика, въ ресторанахъ Бореля и Донона? У «озорника» есть и свои высшіе взгляды, своя теорія «истиннаго просвѣщенія», торжество котораго должно предшествовать распространенію грамотности; эта теорія не лучше и не хуже тѣхъ проектовъ «административной децентрализаціи», о которыхъ бесѣдуютъ, лѣтъ пятнадцать спустя, Петя Боконъ и Митинька Козелевъ ¹⁾. Въ Филоверитовѣ — «надорванномъ» — еще говорить совѣсть, еще не угасло чувство; онъ отличается этимъ отъ истыхъ ташкентцевъ, но и то скорѣе количественно, чѣмъ качественно, потому что и у ташкентца иногда «болѣзненно бьется и сжимается сердце». Начальникъ Филоверитова «искалъ для своихъ домашнихъ потреб-

¹⁾ См. «Она еще едва умѣетъ лепетать» въ «Помпадурахъ и Помпадурикахъ», стр. 108 (изд. 3-е, 1882 г.).

ностей такую собаку, которая сочла бы за удовольствие закусать до смерти других вредоносных собакъ. Чувствуешь-ли ты въ себѣ — спросилъ онъ Филоверитова, — столько силы, чтобы быть всегда озлобленнымъ, всегда готовымъ бодро и злобачественно слѣдовать указанію перста моего?». Вопрошаемый сошелъ въ самого себя — и убѣдился, что въ состояніи оправдать возлагаемыя на него надежды. «Я дошелъ до убѣжденія, — говоритъ Филоверитовъ, — что человѣкъ офиціальный, въ своей маленькой сферѣ, не имѣетъ права обладать ниоднимъ изъ пяти чувствъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность всякаго обыкновеннаго человѣка. Что я такое, и что значу въ этой громадѣ администраціи? Я не больше, какъ ничтожный атомъ, который ни на шагъ не можетъ выйти изъ очарованнаго круга, начертаннаго для него невидимою рукою». Девизъ Филоверитова — служебный долгъ, въ педантически-формальномъ смыслѣ этого слова. Какъ ни далеко отсюда до ташкентскаго девиза: *жрать, но неукоснительность исполненія*, свойственная «надорванному» наравнѣ съ «цивилизаторами», соединяетъ ихъ преемственною связью, узелъ которой — въ понятіи о «вредоносныхъ собакахъ» и о необходимости ихъ загрызенія. Пускай только раздвинется кругъ субъектовъ и объектовъ травли — и къ рѣдкимъ фанатикамъ долга непременно присоединятся цѣлыя стаи фанатиковъ практическаго эпикуреизма. Въ «Губернскихъ Очеркахъ» эта послѣдняя разновидность представлена множествомъ экземпляровъ (Иваны Петровичи, Фейеры, Живновскіе, Живоглоты); но они еще не призваны на службу въ разные внутренние Ташкенты — и упражняютъ свои способности и аппетиты на скромной аренѣ заурадныхъ дознаній, слѣдствій и всякихъ административныхъ мѣропріятій.

Связь между сочиненіями г. Салтыкова такъ велика, что иллюстрацію къ мысли, высказанной въ одной сатирѣ, часто можно найти въ другой, гораздо болѣе ранней или болѣе поздней. Помѣщикъ Перегоревскій, выведенный на сцену въ «Губернскихъ Очеркахъ» — живой представитель той корпораціи ябедниковъ, о которой, какъ о чемъ-то давно прошедшемъ, говоритъ безшабашный совѣтникъ Удавъ («За рубежемъ», стр. 146). «Въ древнія времена ябедникъ былъ сосудомъ, въ которомъ общественная скорбь находила единственное и всегда готовое убежище. За двугривенный человѣкъ рисковалъ, что его и въ бараний рогъ согнуть, и туда зашвырнуть, куда воронъ костей не завосылъ! И сколько было нужно презрѣнія къ житейскимъ благамъ. въ сердцахъ накопить, чтобы, несмотря ни на какія пре-

спективы, въ столь опасномъ ремеслѣ упражненіе имѣть! А сколько ихъ погибло... всачески погибло-сь! И подѣ бременемъ презрѣнія отъ своихъ, и подѣ начальственнымъ давленіемъ! Полки можно было бы изъ этихъ ревнителей поруганной общественной совѣсти сформировать! Сегодня десять ябедниковъ загублено—завтра, на ихъ мѣстѣ, новыхъ двадцать явилось!» Чиновникъ полновластіе, ограниченное ябедничествомъ—вѣдь это конституція своего рода, или если не конституція, то по крайней мѣрѣ «мерцаніе надеждъ»! Все сказанное Удавомъ мы можемъ повѣрить въ лицахъ, если раскроемъ въ «Губернскихъ Очеркахъ» рассказъ о пріѣздѣ ревизора въ уѣздный городъ («Непріятное посѣщеніе») или картины острожной жизни. Передъ Алексѣемъ Дмитричемъ трепещетъ городничій, трепещетъ исправникъ (самъ Живоглотъ!)—но не трепещетъ господинъ Перегоренскій. «Защиты! о защитѣ взываю я къ вашему высокородію! Защиты невиннымъ, защиты угнетеннымъ! Не доносъ... нѣтъ, роль доносчика далека отъ меня! Не съ доносомъ дерзнулъ я предстать предъ лицо вашего высокородія! Слова мои будутъ простымъ извѣщеніемъ, которое, по смыслу закона, обязательно для всякаго вѣрноподданнаго». Такъ выражается Перегоренскій въ началѣ своей бесѣды съ ревизоромъ; но въ концѣ послѣдній обращается уже въ «раба лукаваго и лѣниваго», въ «коварнаго царедворца», приѣмлющаго «дань плотоядности», и на горизонтѣ является грозный приракъ жалобы господину министру. Даже тюрьма безсильна смирить Перегоренскаго; не онъ боится смотрителя, а смотритель боится его; боится его и другіе, поставленные гораздо выше смотрителя. Онъ называетъ себя поклонникомъ правды и ненавистникомъ лжи — и какъ ни дики эти слова въ устахъ человѣка, создавшаго себѣ профессію изъ доносовъ, они не вовсе лишены основанія. Перегоренскіе говорили среди всеобщаго молчанія—вотъ въ чемъ заключалась ихъ сила; но хорошо то положеніе вещей, при которомъ слово было монополіей Перегоренскихъ!

Мы сказали уже, что «Губернскіе Очерки»—это психологія дореформеннаго чиновника. Передъ нами проходятъ не какіе-нибудь нравственные уроды, неизвѣстно чему обязанные своимъ происхожденіемъ; мы видимъ, болѣею частью, обыкновенныхъ людей, не совсѣмъ хорошихъ, но и не совсѣмъ дурныхъ—видимъ ихъ такими, какими сдѣлали ихъ обстоятельства, условія жизни. И Порфирій Петровичъ, и Демьянъ Ивановичъ—добрые мужья и отцы семейства; господинъ Желваковъ даетъ у себя пріютъ чуть не десяти родственницамъ-сироткамъ; самъ Фейеръ

любить свою Каролинхенъ и плачетъ вмѣстѣ съ нею, напѣвая нѣмецкіе романсы. Генезисъ взяточничества и всего связаннаго съ нимъ изображенъ особенно удачно въ двухъ этюдахъ: «Первый шагъ» и «Скука» — въ первомъ для мелкой чиновничьей рыбки, во второмъ для крупныхъ административныхъ щукъ. Нищета, приниженность, пьянство — вотъ, въ немногихъ словахъ, исторія паденія столоначальника или секретаря, въ родѣ героя «Перваго шага»; мертвящее однообразіе губернской или уѣздной жизни, отсутствіе умственныхъ интересовъ, жажда комфорта, глѣнь, товарищеское болото, та же приниженность, только въ слегка облагороженной формѣ — вотъ нѣсколько болѣе сложный маршрутъ, проходимый въ высшихъ сферахъ провинціального общества. «О, провинція! ты растлѣваешь людей, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать! Ибо можно ли называть желаніями тѣ мелкія вожделѣнія, исключительно направленные къ матеріальной сторонѣ жизни, которыя имѣютъ то неопѣненное достоинство, что устраняютъ всякій поводъ для тревогъ души и сердца? Какая возможность мыслить, когда кругомъ нѣтъ ничего вызывающаго на мысль!.. Жалко положеніе молодого человѣка, заброшеннаго въ провинцію! Незамѣтно, мало-по-малу, погружается онъ въ тину мелочей, и увлекаясь легкостью этой жизни, которая не имѣетъ ни вчерашняго, ни завтрашняго дня, самъ безсознательно дѣлается молчаливымъ поборникомъ ея». «Вокругъ меня мгла и туманъ» — такъ оканчивается монологъ, озаглавленный: «Скука», — «Порфирии Петровичи жадно простираютъ ко мнѣ голодныя руки и не даютъ мнѣдохнуть. Я самъ начинаю походить на Поприщина, тоска сосетъ мое бѣдное сердце, страшный кошмаръ давитъ мнѣ грудь... Гдѣ я, гдѣ я, Господи!» Это еще не послѣдній фазисъ «крутогорской» болѣзни; для такого больного еще возможно спасеніе. Безнадежнымъ положеніе становилось тогда, когда пациентъ переставалъ считать мглу — мглою, туманъ — туманомъ, и не только могъ дышать въ объятіяхъ Порфиріевъ Петровичей, но въ нихъ-то именно и чувствовалъ себя легко и свободно. Рано или поздно этотъ моментъ наступалъ для громаднаго большинства чиновныхъ крутогорцевъ.

Тяжелая, душная атмосфера, неподвижно, чуть не цѣлые вѣка, стоявшая надъ Крутогорскомъ, не могла освѣжиться сразу, какъ бы силенъ ни былъ внезапно подувшій вѣтеръ. Была, правда, короткая минута, когда невозможное казалось возможнымъ, когда надеждамъ на радикальное обновленіе поддавался

даже упрямый пессимизмъ. «Губернскіе Очерки» заканчиваются погребеніемъ «прошлыхъ временъ»; знаменательно, однако, что похоронную процессію авторъ видитъ во снѣ, и что въ голосѣ Буеракина, объясняющаго ей смыслъ, слышится «та же богѣ-венная иронія, которая и прежде такъ непріятно дѣйствовала на нервы». Скептицизмъ Буеракина скоро нашелъ себѣ полное оправданіе; «прошлыя времена» предъявили громкій протестъ противъ попытокъ уложить ихъ въ могилу. Завязалась борьба за существованіе, всегда идущая параллельно съ приспособленіемъ къ новымъ условіямъ. Ея прологомъ служили альтернативы страха и надежды, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока еще можно было сомнѣваться въ наступленіи новыхъ условій; затѣмъ слѣдуютъ уступки, компромиссы—потомъ часть уступокъ берется назадъ, и наконецъ устанавливается, впредь до новаго переполоха, *modus vivendi*, гораздо болѣе похожій на старину, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по важности преобразованій. Всѣ эти акты административной трагикомедіи проходятъ передъ нашими глазами, когда мы читаемъ г. Салтыкова. Преобладаніе надежды надъ страхомъ мы видимъ въ «Нашемъ дружескомъ хлѣбѣ» («Невинные рассказы»), преобладаніе страха надъ надеждой—въ «Нашемъ губернскомъ днѣ» («Сатиры въ прозѣ»). Генералъ Голубчиковъ только-что получилъ самыя благопріятныя свѣдѣнія на счетъ «этого» (т.-е. крестьянскаго) дѣла—свѣдѣнія въ самомъ *благонадежномъ* родѣ: опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ. «Мы всѣ легко и весело вздрагиваемъ; нѣкоторые изъ насъ крестятся. И не оттого совсѣмъ мы крестимся, чтобы отъ «этого» дѣла былъ для насъ ущербъ или посрамленіе, а оттого единственно, что спокойствіе и порядокъ любимъ. Сами по себѣ мы не землевладѣльцы; не корысть и не холодный эгоизмъ руководятъ нашими дѣйствіями, а собственно, такъ сказать, патріотизмъ. Сей послѣдній иныхъ побуждаетъ лѣзть на стѣну, иныхъ—стулья ломать, насъ же побуждаетъ стоять смирно. Мы до такой степени любимъ наше отечество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ издревле (*au naturel*), что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобы могли потребоваться въ фигурѣ его каки-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобы фестончикъ какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощничка, что ли, въ становаму прикнута, или даже и цѣлый департаментикъ, для пользы общей, сочинить. Но все это такъ, чтобы величія древняго не нарушить, чтобы гармонію-то прежнюю соблюсти, чтобы всякое дыханіе Бога хвалило, чтобы и травка—и та радовалась! Такой

образъ мыслей, но мнѣнію моему, есть самый благонадежный и основанный на истинномъ пониманіи вещей». Успокоившись на счетъ «этого» дѣла, патриоты своего отечества продолжаютъ наполнять книгу жизни страницами въ родѣ той, которою заканчивается «Нашъ дружескій хламъ»: «Такою-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ, гдѣ пользовался правами и преимуществами, предоставленными мнѣ закономъ и древними обычаями родины, обѣдалъ, послѣ обѣда отдыхалъ, вечеръ же провелъ въ безобидныхъ для ближняго разговорахъ и увеселеніяхъ». Измѣненіе въ «фигурѣ отечества» равносильно, для копителей хлама, нарушенію «правъ и преимуществъ, предоставленныхъ имъ древними обычаями родины»; inde ira, отсюда трогательный союзъ землевладѣльцевъ и чиновныхъ не-землевладѣльцевъ, отсюда тревога, поднимающаяся каждый разъ, когда до генерала Голубчикова доходятъ свѣдѣнія менѣе «благонадежнаго» свойства. Какъ на биржѣ, при слухѣ о войнѣ, быстро падаетъ курсъ и поднимается лажъ на золото, такъ сжимаются административныя сердца при громкой вѣсти о предстоящемъ уничтоженіи откуповъ или введеніи гласнаго судопроизводства. Чиновники не завтракаютъ, не обѣдаютъ и не ужинаютъ, даже не играютъ въ карты, въ ожиданіи того, какъ разрешится въ Петербургѣ процессъ между «нравственностью» и «казеннымъ интересомъ». Положимъ, что тяжущіяся стороны названы корреспондентомъ генерала (греческимъ человѣкомъ Лампурдосомъ) не совсѣмъ вѣрно; положимъ, что на самомъ дѣлѣ споръ не забирался такъ высоко—въ данную минуту господа чиновники не въ состояніи разобрать ошибку Лампурдоса, и одинъ отголосокъ страшнаго спора смущаетъ умы, нарушаетъ семейный миръ, пугаетъ жениховъ, устраиваетъ свадьбы.

Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ впередъ. «Все сіе»,—говоря словами глуповскаго обывателя,—«совершилось»; крестьяне освобождены, откупа уничтожены, «піонеры» перваго призыва (мировые посредники) выступили на сцену, «благодѣтельная гласность» еще не достучалась въ двери судовъ, но уже народилась на свѣтъ въ корреспонденціяхъ «литераторовъ-обывателей». Генераль Зубатовъ (см. «Невинные рассказы») задумываетъ устроить биржу, поощрить промышленность, усовершенствовать пути сообщенія; его супруга находитъ, что мы созрѣли, и что пора сдѣлать *ceci et cetera*; генераль Голубовицкій, по примѣру «озорника», возбуждаетъ вопросъ объ «истинномъ просвѣщеніи», не удрученномъ грамотностью; другіе, болѣе смѣлые, признаютъ нѣкоторую пользу даже за грамотностью, собственно въ видахъ

«облегченія полицейскихъ обязанностей». Въ головахъ поднимается жесточайшій сумбуръ, «для приведенія котораго въ порядокъ необходимо было бы учредить цѣлое временное отдѣленіе съ тремя столами, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ бы невинностью души, другой—довѣрчивостью и т. д.» («Пріѣздъ ревизора», въ «Невинныхъ разсказахъ»). По мѣрѣ того, какъ слабѣетъ первое впечатлѣніе, въ разногласномъ и нестройномъ хорѣ раздается все яснѣе и яснѣе словечко: *но*—или его синонимы: *тѣмъ не менее, однако* и т. п. Князь Оболюй-Таракановъ («Скрежетъ зубовой», въ «Сатирахъ въ прозѣ») выражаетъ свое сочувствіе «благодушной принципіи» свободного труда, которая «въ отвлеченіи не терпитъ возраженія»; *но*... готовъ ли онъ, т.-е. поселянинъ, къ трудностямъ своего новаго положенія? Вотъ мысль, заботящая князя и заставляющая его провозглашать «неторопливость и постепенность». Порфирій Петровичъ (не знаменательно ли здѣсь самое его имя?) доказываетъ необходимость гласности, *но*... «въ рукахъ неискусныхъ и употребляемая безъ осторожности, гласность можетъ произвести не умѣренное и благопотребное для любезнаго отечества освѣщеніе, а пагубный и мало потребный для онаго пожаръ». Генералъ Зубатовъ мечтаетъ объ устройствѣ биржи; *но*... на вопросъ: «а если купцы на биржу не станутъ ходить?»—даетъ отвѣтъ, достойный его прошлаго величія: «надобно на первое время сдѣлать для нихъ обязательнымъ, чтобы ходили». Колебанія между старыми привычками и новыми вѣяніями разрѣшаются, болѣею частью, тѣмъ путемъ, который всего нагляднѣе описанъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ очерковъ г. Салтыкова: «Сомнѣвающійся»¹⁾. «Вчера еще онъ былъ полонъ силъ и вѣры — и вдругъ усомнился. Изъ объясненій съ правителемъ канцеляріи онъ совершенно случайно узналъ, что существуетъ законъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшаетъ, въ другихъ связываетъ... На все—подробное правило, и за неисполненіе каждаго правила—угроза. Ему, ему—угроза! Да, и ему. И его жизнь предусмотрена и опредѣлена, и она обставлена многосложнѣйшими обязанностями и отношеніями... Первая ступень изумленія формулировалась такъ: отчего же я этого не зналъ? Во второй ступени формула уже усложнялась и представлялась въ такомъ видѣ: отчего же, несмотря на несомнѣнность изытій, я всегда дѣйствовалъ такъ, какъ бы ихъ не существовало, и никакого ущерба отъ того для себя не получалъ?» Въ такой постановкѣ

¹⁾ «Помпадуръ и Помпадурши», стр. 121—140.

вопроса заключается уже его разрѣшеніе; изъятія или законы, отъ нарушенія которыхъ никакого ущерба для нарушителя (если онъ — помпадуръ или помпадуровъ агентъ) не происходитъ, могутъ спокойно оставаться... въ надлежащихъ томахъ, на полкахъ надлежащаго шкафа. Неудивительно, что періодъ полемики «сомнѣвающегося» съ Прохоровымъ продолжается недолго, заканчиваясь благополучнымъ устраненіемъ «сомнѣній» и возвращеніемъ къ старому, привычному слову: «влѣпять»!

Къ числу унывавшихъ и сомнѣвавшихся, но вскорѣ успокоившихся, принадлежали, въ тѣ отдаленныя времена, должностныя лица еще одной категоріи, съ представителемъ которой мы знакомимся въ рассказѣ: «Послѣ обѣда въ гостяхъ» ¹⁾. Семенъ Михайлычъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуетъ, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія... Такого рода учрежденіе — истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смирно, миролюбиво, безъ разговоровъ — сколько тутъ одного сокращенія переписки!.. И вотъ, Семену Михайлычу пишутъ изъ Петербурга, что «изъ» больше не будетъ. Онъ задумывается надъ этимъ извѣстіемъ, но не долго. «Я питаю увѣренность, — говоритъ онъ пріятелю, — что мы возродимся. Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе какъ страшный сонъ. Мы возродимся — это вѣрно. Поэтому, ненатурально! Развѣ возможно существовать безъ системы?.. Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится — потеплится, да и восприметъ настоящимъ манеромъ!» Семенъ Михайлычъ не ошибся; безъ возрожденія, въ излюбленной имъ сферѣ, обошлось только то, что ни на минуту и не исчезало — все прочее потеплилось-потеплилось, да и восприняло настоящимъ манеромъ.

Мы не выходили до сихъ поръ за предѣлы административнаго міра; но вѣдь какъ ни широко было мѣсто, принадлежавшее ему въ до-реформенной Россіи, не сошло же клиномъ все остальное, было же рядомъ съ администраціей — общество, изъ среды котораго она пополнялась, былъ же подъ нею — народъ, на счетъ котораго она существовала. Фонъ картины, намѣченный уже въ «Губернскихъ Очеркахъ», выступаетъ все ярче и ярче въ слѣдующихъ отдѣлахъ Щедринской сатиры. Главная его часть — крѣпостное право, на все распространявшее свой мракъ, все заражавшее своимъ дыханіемъ. Его неистовствъ и злодѣйствъ г. Салтыковъ касается мало, вѣроятно потому, что оно было уже

¹⁾ «Нашиніе рассказы», стр. 192—202.

тогда присуждено въ смерти; рассказъ: «Миша и Ваня» («Невинные рассказы») стоитъ, съ этой точки зрѣнія, почти особнякомъ—но другихъ иллюстрацій и не нужно, дѣло слишкомъ громко говорить само за себя. Довольно того, что Катерина Аванасьевна, доводящая двухъ мальчиковъ до самоубійства, «была въ своемъ кругу барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разные одолженія»; довольно того, что «самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посылали лизать пылающую печь, самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь краснѣй и пыхтящій». Эти кроткіе люди (кроткіе въ буквальномъ, вовсе не въ ироническомъ смыслѣ слова) еще характеризуютъ, чѣмъ сама Катерина Аванасьевна; они показываютъ еще нагляднѣе, какіе общественные нравы создавались и поддерживались вѣрнопостничествомъ. Въ другихъ очеркахъ г. Сатыекова мы присутствуемъ при томъ психическомъ процессѣ, который переживался тысячами людей въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, со времени первыхъ слуховъ объ эманципаціи вплоть до великаго дня 19-го февраля. Вотъ госпожа Падейкова («Сатиры въ прозѣ»), въ которой простыя (повидимому!) слова лакея: «не извольте, сударыня, драться», производятъ цѣлую душевную бурю. Чтобы положить конецъ томительной невѣдѣнности, она ѣдетъ въ городъ въ старцу, не меньше ея дорожащему «древними правами и преимуществами» дворянскаго сословія. «Они сѣли другъ противъ друга и нѣсколько минутъ безмолвствовали, какъ бы боясь вымолвить тайное слово, обоимъ ихъ тяготившее. —Правда? произнесла, наконецъ, Прасковья Павловна. —Правда, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ, поникая головою. Снова послѣдовало нѣсколько минутъ безмолвія, въ теченіе которыхъ собесѣдники, казалось, съ усиленнымъ вниманіемъ прислушивались къ бою маятника, въ этотъ разъ какъ-то особенно назойливо шатавшегося изъ стороны въ сторону. Чтѣ слышалось имъ въ этомъ неслышимомъ, мѣрномъ до тошноты *тикъ-такъ*? Слышалось-ли, что каждый взмахъ маятника есть взмахъ, призывающій ихъ къ смерти? Чувствовалось-ли, что кровь какъ будто застываетъ въ ихъ жилахъ, что во всемъ организмѣ ощущается тупое безпокойство и недовольство?»—Вотъ Кондратій Трифоновъ («Деревенская тишь», въ «Невинныхъ рассказахъ»), у котораго также вырастаетъ мало-по-малу какой-то «антагонизмъ» съ прислугой. Агашка не является по первому призыву, Ванька, говоря съ баринкомъ, непочтительно отставляетъ ногу; одна надежда — на пріѣздъ станового, но и тотъ пріѣзжаетъ только для того, чтобы

описать имѣніе Кондратія Трифонича. Вотъ Флоръ Лаврентьичъ Ржаницевъ, дневникъ котораго составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ «Нашихъ глуповскихъ дѣлъ» («Сатиры въ провѣ»). «Каждую ночь посѣщаютъ меня видѣнія, а днемъ мучусь предчувствіями... Вечеромъ видѣтъ былъ огненный столпъ на небѣ... Утромъ выбиралъ новаго форрейтора, вмѣсто Андрюшки, который отъ старости сталъ сѣдъ и выросъ безобразно... Во снѣ видѣлъ птицу... По случаю разнесшихся слуховъ, размышлялъ о томъ, прилично-ли было бы, если-бы деревья и злаки одѣвались не зеленымъ, а красивымъ цвѣтомъ? Во снѣ опять видѣлъ птицу». Вотъ, наконецъ, цѣлый синклитъ дворянъ, съѣхавшихся къ предводителю для полученія достовѣрныхъ извѣстій объ «этомъ» дѣлѣ («Соглашеніе», тамъ же); какъ глубоко они падаютъ духомъ, узнавъ, что безъ «этого» нельзя обойтись, и какъ быстро утѣшаются мудрымъ изреченіемъ мудрѣйшаго изъ ихъ среды: «намъ прежде всего нужно поспѣшить заявленіемъ нашей готовности, а потомъ... а потомъ можно будетъ оставить все по прежнему-съ». Кто захочетъ написать правдивую повѣсть о «сочувствіи», встрѣченномъ крестьянскою реформой въ массѣ «душевладѣльцевъ», — тому нельзя будетъ пройти мимо упомянутыхъ нами и многихъ другихъ очерковъ г. Салтыкова. Это — «изнанка современной исторіи», безъ которой неполна и фальшива лицевая сторона ея. Люди и нравы являются здѣсь «въ натурѣ», безъ тѣхъ прикритій, дальше которыхъ не проникаетъ глазъ оффиціального лѣтописца.

Интересный экземпляръ изъ числа тѣхъ нравственно - искаженныхъ натуръ, которыя въ такомъ большомъ числѣ и въ такихъ разнообразныхъ формахъ вырабатывало крѣпостное право, введенъ на сцену еще въ «Губернскихъ Очеркахъ», въ лицѣ Владимира Константиновича Буеракина. Сынъ раскаявшагося вольтерьянца, способный и добрый по природѣ, онъ рано очутился владѣльцемъ богатаго помѣстья и старался сначала быть полезнымъ для своихъ крестьянъ — «но роль благодѣтельнаго и просвѣщеннаго помѣщика не далась ему; онъ достигъ только того, что обрюзгъ и страшно облѣнился, не выходя по цѣлымъ днямъ изъ халата». Онъ ведетъ съ заѣзжимъ чиновникомъ либеральную и умную бесѣду — а у него на конюшнѣ происходитъ въ это время обычная расправа; бразды правленія до такой степени выпущены имъ изъ рукъ, что онъ не можетъ остановить расходившагося пѣмца - управляющаго, не можетъ помѣшать ему добраться до спины самого старосты, долго считавшейся неприкосновенною. «Que voulez - vous que je fasse, — вос-

влицаетъ Буеракинъ, въ сознаніи своей безпомощности, — *се n'est pas un homme, c'est une conviction!*» Слегка фронтёръ, слегка вольнодумецъ, онъ пасуетъ при столкновеніи съ самымъ простымъ житейскимъ фактомъ, оказывается безсильнымъ воспользоваться своею властью, безсильнымъ отградить чужую личность. Это какой-то *roi fainéant*, осёдланный своего рода палатнымъ мѣромъ — но вѣдь у короля-тунеядца есть подданные, которыми ничуть не лучше отъ того, что вмѣсто Владиміра Константиновича ихъ таскаетъ за бороду Ѳеодоръ Карлычъ. Все дѣло въ томъ, что для Буеракина, какъ и для какой-нибудь Катерины Аванасьевны, крѣпостной человѣкъ — вовсе не человѣкъ; сознаніе внутренней съ нимъ связи, сознаніе обязанности передъ нимъ или принадлежащаго ему права утрачено и тамъ, и тутъ одинаково безповоротно. Когда давленіе привычки достигло такой высокой степени, когда противъ него не могутъ устоять ни добрыя намѣренія, ни образованіе, ни врожденная гуманность, тогда единственный исходъ — радикальное измѣненіе данныхъ отношеній. Аргументомъ въ пользу отмѣны крѣпостного права Буеракинъ, съ своимъ Ѳеодоромъ Карлычемъ, служилъ ничуть не меньше, чѣмъ Пѣночкинъ съ своимъ «бурмистромъ».

Изображеніе среды, созданной крѣпостнымъ правомъ, нигдѣ не достигаетъ такой страшной, потрясающей силы, какъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ, наиболѣе крупныхъ произведеній г. Салтыкова: «Господа Головлевы». Прямо и непосредственно о крѣпостныхъ порядкахъ и нравахъ говорится здѣсь немного, но они чувствуются всюду, какъ фатумъ, тяготящій надъ судьбой цѣлаго рода. Они исковеркали Арину Петровну, заколотили въ гробъ Степана и Павла Владимірычей, предрѣшили судьбу Анниньки, Любиньки, молодыхъ Головлятъ, уничтожили все человѣческое въ самомъ Іудушкѣ. «Головлево — это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вѣчно подстерегающая новую жертву. Двое дядей тутъ умерли; двое двоюродныхъ братьевъ здѣсь получили «особенно тяжкія» раны, послѣдствіемъ которыхъ была смерть; наконецъ, и Любинька... Хотя и кажется, что она умерла гдѣ-то въ Кречетовѣ, «по своимъ дѣламъ», но начало «особенно тяжелыхъ» ранъ несомнѣнно положено здѣсь, въ Головлевѣ. Всѣ смерти, всѣ отравы, всѣ язвы — все идетъ отсюда. Здѣсь происходило кормленіе протухлой солониной, здѣсь впервые раздались въ ухахъ сиротъ слова: постылыне, нищія, дармоѣды, ненасытныя утробы и проч.; здѣсь ничто не укрывалось отъ взора черствой и блаженной старухи: ни лишній кусокъ, ни изломанная грошовая булка, ни изорванная тряпка, ни стоп-

танный башмакъ. Всякое правонарушеніе немедленно возстановилось или укоривной, или плепкомъ... Отовсюду, изъ всѣхъ угловъ этого постылаго дома, казалось, выползали «умертвія». Буда ни пойдешь, вездѣ шевелятся сѣрые призраки—и все это хмѣльное, блудное, измученное, истекающее кровью». «Праздность, непригодность къ какому бы то ни было дѣлу и запой»—вотъ три характеристическія черты, проходившія черезъ исторію головлевской семьи; созрѣть и разростись до чудовищныхъ размѣровъ онѣ могли только въ той обстановкѣ, которую еще не такъ давно уготовляла «деревенская глушь», притонъ безправія и произвола, расадникъ забивающихъ и забиваемыхъ. Семейныя отношенія складывались, сплошь да рядомъ, по образцу крѣпостныхъ и производили дѣлныя вереницы Головлевыхъ, обреченныхъ на вырожденіе и вымираніе.

Расширяя все больше и больше рамки своего изслѣдованія; г. Салтыковъ перенесъ дѣйствіе его изъ Крутогорска въ Глуховъ. Крутогорскъ—это преимущественно обиталище чиновниковъ; онѣ имѣютъ нѣкоторыя мѣстныя, ему одному свойственныя черты («губернія дальняя, не дворянская, купчества настоящаго нѣтъ» и т. п.), хотя, конечно, это не мѣшаетъ ему быть до крайности похожимъ на всѣ вообще города російской имперіи. Глуховъ—это понятіе гораздо болѣе обширное; это тотъ типическій городъ, исторію котораго, нѣсколькими годами позже, написалъ г. Салтыковъ. Чиновники въ Глуховѣ—только первые между равными; объектомъ изученія является вообще глуловецъ, глуховскій гражданинъ или, правильнѣе сказать, обыватель ¹⁾. Въ Глуховѣ во всякое время, когда угодно, тишина и благодать воздуховъ. Рѣка Глуловица, на которой онѣ стоитъ, весной гудитъ, лѣтомъ журчитъ, осенью шлепается о берега—но всѣми этими звуками одинаково удачно усыпляетъ прибрежныхъ жителей; зимою они сладко спятъ подъ звуки собственного своего храпѣнья. Наѣзжала нѣкогда въ Глуховъ Минерва—богиня; «пожелала она, матушка, узнать, какую это думу мудреную думаетъ Глуховъ. Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуловцевъ: скажите-дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла? Но глуловцы кланялись и потѣли; самый, что называется, горланъ ихній хотѣлъ-было сказать, что глуловцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ

¹⁾ См. «Клевету» и «Наши глуховскія дѣла»,—въ «Сатирахъ въ прозѣ».

пуще прочихъ. Наконецъ, Богъ-вѣсть откуда раздался голосъ: лихо бы теперь соснуть было! Минерва милостиво улыбнулась. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами. Глуповское общество (конечно, высшее)—это именно то общество хорошихъ людей, о которыхъ сложилась русская пословица: «сальныхъ свѣчей не ждять, стекломъ не утираются». «Между хорошими людьми добраго стараго времени (old metty Glouppoff) много было плутовъ, забулдыгъ и мерзавцевъ pig sang. Почему они назывались хорошими людьми, а не канальями—это тайна глуповской почвы и глуповской природы. Но, разбирая дѣло внимательно, полагаю, что это происходило отъ того, что надъ упомянутыми выше качествами парило какое-то добродушіе, какая-то атласистость сердечная, при существованіи которыхъ какъ-то неловко думать о выѣняемости». Доброе старое время прошло; наступило *возрожденіе*. «Но что можетъ значить глуповское возрожденіе?.. Воля ваша, тутъ есть что-то непроходимое, что-то до такой степени несомвѣстное, что мысль самая дерзкая невольно цѣпенѣетъ передъ дремучимъ величіемъ этой задачи». Возрожденіе вызвало въ Глуповѣ новыя страсти и новыя понятія, но прежде всего вызвало ненависть къ самому возрожденію. Отсюда настоящая оргія сплетни и клеветы, этихъ исконныхъ, излюбленныхъ глуповскихъ времяпрепровожденій. Они наполняютъ пустоту глуповской жизни, скрадываютъ пустоту глуповской мысли. Міросоверпаніе глуповцевъ состоитъ въ отсутствіи всякаго міросоверпанія; предложите глуповцу вопросъ, какого онъ образа мыслей—онъ сначала не пойметъ, потомъ расхохочется, принявъ вопросъ за милую шутку. Суррогатомъ отсутствующаго міросоверпанія служатъ небольшая коллекція извѣстѣ полученныхъ и наизусть выученныхъ предписаній, въ родѣ знаменитыхъ правилъ: «цвѣтовъ не рвать, травы не мять, птицъ и рыбъ не пугать». Этими предписаніями продолжаютъ довольствоваться и *новоглуповцы*, новые «хорошіе люди»; различіе между ними и староглуповцами чисто наружное, глуповскій air fixe—атмосфера общая для тѣхъ и другихъ. «Новѣйшій хорошій человекъ въ карты ни-ни, исторій съ рылами, микитками и подсаласками удаляется, biceps употребляетъ лишь благороднымъ манеромъ, т.е. душить шампанское и презируетъ очищенную, и только къ аймонс обнаруживаетъ прежнее ехидное пристрастіе. За то прямъ какъ аршинъ, поджаръ какъ борзая собака, высокоумренъ какъ семинаристъ, дерзковъ какъ губернаторскій камердинеръ... Старый глуповецъ представлялся милымъ уже потому, что былъ не ужасно, а смѣшно отвратит-

жизнь. Новый глуповецъ продолжаетъ быть отвратительнымъ, и въ тоже время утратилъ способность быть милымъ... По прежнему, глуповцы оказываются бѣдными инициативой, шаткими и зависимыми въ убѣжденіяхъ; по прежнему гибко и недерзновенно пригибаются они то въ ту, то въ другую сторону, безпреступно слѣдуя направленію ледовитыхъ вѣтровъ, цѣпнящихъ родную ихъ равнину изъ одного края въ другой. По прежнему они наивно открываютъ рта при всякомъ вопросѣ, выработаннымъ жизнью, и не могутъ дать никакого отвѣта, не справившись напередъ въ многотомномъ и, къ сожалѣнію, еще не сдѣланномъ мышами архивѣ канцелярской рутинной мудрости... Старый глуповецъ видѣлъ слова «правиль» написанными на доскѣ—и выполнялъ ихъ не разсуждая. Новый глуповецъ не только выполняетъ, но и резонируетъ, не только резонируетъ, но и любитъ самымъ собою. Онъ возводитъ исполненіе правды въ принципъ, и въ этомъ принципѣ находитъ достаточно содержанія для наполненія всей своей жизни. И горе тому, кто затронетъ новоглуповца въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ; новоглуповецъ докажетъ міру, что и въ Глуповѣ могутъ зарождаться своего рода Робеспьеры, что и глуповская почва способна производить сорванцевъ исполнительности». Одно утѣшеніе—недолговѣчность новоглуповцевъ. «Въ ихъ лицѣ древлеглуповское міросозерцаніе празднуетъ свою послѣднюю, бессмысленную захватку; въ ихъ лицѣ оно истощиваетъ послѣднее свое содержаніе; въ ихъ лицѣ оно торжественно и окончательно заявляетъ міру о своей несостоятельности... Въ этомъ отношеніи», восклицаетъ сатирикъ, «я даже чувствую нѣкоторую симпатію къ новоглуповцу. Онъ мнѣ мѣлъ потому, что онъ — послѣдній изъ глуповцевъ».

Кому же уступать мѣсто новоглуповцы, что замѣнить собою глуповское міросозерцаніе? На этотъ вопросъ «Невинные рассказы» и «Сатиры въ прозѣ» не даютъ опредѣленнаго отвѣта. Поворотъ къ лучшему видѣется только вдаль — до такой степени вдаль, что нельзя различить его контуровъ. Въ ближайшемъ будущемъ, борьбѣ противъ Глупова предсказывается полный неуспѣхъ, все равно, будетъ ли она поведена съ подходомъ или нахрапомъ ¹⁾. Въ первомъ случаѣ, притворяющійся глуповцемъ рискуетъ сдѣлаться имъ на самомъ дѣлѣ; во второмъ случаѣ, реформатора выживутъ или заклюютъ — какъ святъ Богъ, заклюютъ. Напрасно сталъ бы онъ расчитывать на *Иванушекъ*: «Иванушки не смотрятъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все въ

¹⁾ См. введеніе къ „Сатирамъ въ прозѣ“, озаглавленное: „Къ читателю“.

землю и въ землю, справедливо разсуждая, что смотрѣть по сторонамъ и парить подъ облаками—дѣло не ихнее. Нельзя мыслить, нельзя развиваться и совершенствоваться, когда мыслительныя способности всецѣло сосредоточены на томъ, чтобы какъ-нибудь не лопнуть съ голоду, а будущее сулитъ только чищеніе сапоговъ и ношеніе подносовъ.... Толпа имѣетъ непреклонную вѣру въ роковую неизбѣжность силы; она живетъ не подъ вліяніемъ умозрѣній, но подъ вліяніемъ дѣйствія эмпириковъ и шарлатановъ, которые научили ее горькому житейскому опыту». Обычная дилемма—впередъ или назадъ—запутывается, такимъ образомъ, все больше и больше. Идти впередъ—трудно, нѣтъ точекъ опоры; идти назадъ—нельзя, прошедшее невозвратно. Просторъ, широкій просторъ открыть только для «конфуза». «Бываетъ конфузъ дѣйствительный, конфузъ разумный, заключающій въ себѣ сознательную попытку къ освобожденію жизни отъ одуряющаго попечительства непріязненныхъ ей началъ. Нашъ конфузъ—не такой; въ переводѣ на русскій языкъ онъ означаетъ неумѣнье»... Чтобы положить конецъ конфузу, нужно «умѣть различать либерализмъ, какъ результатъ цѣлой жизненной работы, отъ либерализма, не уходящаго въ глубь дальше окончностей языка,—убѣжденія искреннія отъ убѣжденій, вызванныхъ прихотью минуты и большимъ или меньшимъ желудочнымъ засореніемъ. Безсмысленныя фіоритуры либерализма, которыми, какъ дремле кашею, наполнены въ настоящее время рты россіянъ, мѣшаютъ разслушать простой и честный мотивъ его».

Картиной «конфуза», относящейся къ началу шестидесятихъ годовъ, заканчивается первый періодъ дѣятельности г. Салтыкова. Апогей таланта и силы, наступившій для него, какъ мы увидимъ, около половины семидесятихъ годовъ, еще далеко впереди; но главные черты его сатиры обрисовались уже съ достаточною ясностью. Ея мишенью являются съ самаго начала не отдѣльныя лица, даже не отдѣльныя злоупотребленія, а условія, управляющія общественною жизнью. Порфирій Петровичъ, князь Чебылкины, генералы Зубатовы и Голубовицкіе—все это имена собирательныя; моделями для нихъ послужили, безъ сомнѣнія, живые люди, но, повидимому, лишь въ такой же мѣрѣ, въ какой они бывають образцами и для романиста. На единичныхъ представителей широко распространеннаго недуга сатирикъ смотритъ безъ озлобленія; невольное отвращеніе къ нимъ сдерживается желаніемъ понять, а слѣдовательно, до извѣстной сте-

пени, и извинить, стремленіемъ найти настоящій источникъ зла, скрывающійся за случайной его формой. Нигдѣ это настроеніе не выразилось такъ ярко, какъ въ этюдѣ, посвященномъ «Литераторамъ-обывателямъ»¹⁾—этими пигмеямъ обличительной литературы, воображавшимъ себѣ, можетъ быть, что они идутъ по стопамъ автора «Губернскихъ Очерковъ». Не отрицая значенія ихъ, какъ скромныхъ лѣтописцевъ, г. Салтыковъ осмѣиваетъ претензію ихъ на освѣщеніе копѣчными свѣчами общественныхъ язвъ, на исцѣленіе тяжелой внутренней болѣзни прижиганіемъ ничтожныхъ наружныхъ болячекъ,—осмѣиваетъ тѣ трубные звуки, которыми они оглашаютъ вселенную по поводу неисправной пожарной команды или незначительнаго въ исполненіи своихъ обязанностей городничаго. Въ отношеніи г. Салтыкова къ Корытникову и К^о проглядываетъ даже, быть можетъ, чрезмѣрная строгость; съ точки зрѣнія *результата*, ихъ усилія действительно были похожи на трудъ пахущихъ мухъ—но вѣдь эти бѣдныя мухи въ человѣческомъ образѣ рисковали своими крыльями и ножками, вѣдь онѣ были искренно убѣждены, что проводятъ глубокую борозду по давно запущенному полю. Нельзя отвергать и того, что присутствіе въ городѣ литератора-обывателя служило хоть какою-нибудь уздою для субъектовъ, взятыхъ имъ подъ строжайшій присмотръ. Корытниковы играли одно время ту самую роль, которую нѣсколькими годами раньше не безъ успѣха исполняли господа Перегоренскіе.

Изучая людей какъ психологъ, а не какъ присяжный обличитель, г. Салтыковъ рано развилъ въ себѣ способность переноситься въ чужую жизнь—способность, далеко не всегда свойственную сатирику. Негодованіе—этотъ главный источникъ сатиры—сообщаетъ ей, болѣею частью, чисто-субъективный характеръ; черта, особенно поразительная или отталкивающая, разрабатывается въ ущербъ другимъ, которыя могли бы смягчить или усложнить впечатлѣніе. Удары, бьющіе безъ перерыва въ одну точку, встрѣчаются, безъ сомнѣнія, и у г. Салтыкова; отъ времени до времени, однако, личное чувство отступаетъ на второй планъ, и передъ нами открывается картина, нарисованная болѣе спокойною рукою. Въ завязаномъ крѣпостникѣ, въ неисправномъ взяточникѣ мы видимъ тогда просто человѣка; въ жалкой, мелкой душѣ усиленно, на нѣсколько минутъ, бьется жизнь, и

¹⁾ «Сатиры въ прозѣ», стр. 162—197.—Замѣтимъ мимоходомъ, что въ составѣ того тома «Русской Библіотеки», который посвященъ М. Е. Салтыкову, вошли изъ числа «Сатиръ въ прозѣ» два очерка—«Госпожа Падейкова» и «Литераторы-обыватели», а выборъ матеріала былъ сдѣланъ «по указанію самого автора».

въ комической аріи внезапно звучитъ почти трагическая нота. Припомнимъ, напримѣръ, то мѣсто въ «Госпожѣ Падейковой», когда Прасковья Павловна и Семенъ Иванычъ, пораженные одною и тою же мыслью, машинально прислушиваются къ бою маятника, точно призывающему ихъ къ смерти. Источникъ ихъ оцѣпенѣнія, ихъ отчаянія—самый антипатичный, но внутренняя ломка, которая въ нихъ происходитъ, невольно привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе. Когда рушится цѣлый душевный міръ, зрителю становится жутко, какова бы ни была причина разрушенія и цѣнность разрушаемаго. Въ первыхъ произведеніяхъ г. Салтыкова не одинъ разъ чувствуется уже та рука, которая создала «Господъ Головлевыхъ». Самый Глуповъ, съ своимъ *air fixe*, съ своей удушливой атмосферой, внушаетъ автору не одно только омерзѣніе. «Глуповъ, милый Глуповъ! отъ чего надъ рывается сердце, отъ чего болитъ душа, при одномъ упоминаніи твоего имени? Или есть невидимое, но вѣрное нѣкоторое звено, приковывающее мою судьбу къ твоей, или ты подбросилъ въ питье мое зелья, которое безвозвратно приворожило меня къ тебѣ? Кажется, не пригожъ ты и не слишкомъ уменъ: нѣтъ въ тебѣ ни природы могучей, ни воздуха вольнаго; ни щета, да убожество, да дикость, да насиліе... Отчего же несутся къ тебѣ сердца? Отъ чего же уста сами собой такъ складываются, что поютъ хвалу твою? А отъ того, милый Глуповъ, что мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ». Глуповцы, въ отдѣльности взятые, могутъ быть болѣе или менѣе отвратительны; Глуповъ, какъ цѣлое, прежде всего несчастливъ, и въ изливаемую на него желчь примѣшиваются тѣ «невидимыя слезы», сквозь которыя смотрѣли на русскую дѣйствительность и Гоголь, и Грибодовъ, и фонъ-Визинъ.

Но если Глуповъ не столько виновенъ, сколько заслуживаетъ снисхожденія, то не слишкомъ ли черными красками изображены «новоглуповцы», какъ хранители и продолжатели древнеглуповскихъ традицій? Съ этимъ вопросомъ, въ той или другой формѣ, намъ придется еще встрѣчаться много разъ; замѣтимъ только, покамѣстъ, что преувеличенность и односторонность, лишь бы онѣ не переступали извѣстной черты—не только право, но и необходимая принадлежность сатиры. Само собою разумѣется, что не всякій новоглуповецъ былъ «высокомѣренъ, какъ семинаристъ, дерзокъ какъ губернаторскій камердинеръ»; но вѣдь и семинаристъ высокомѣренъ далеко не всегда, даже губернаторскій камердинеръ не всегда дерзокъ,—а мѣткость

эпитетовъ, только-что приведенныхъ, все-таки никто отвергать не станетъ. Схватить выдающіяся черты типа—не значить еще распространить ихъ поголовно на всѣхъ тѣхъ, которые близко къ нему подходят. Новоглуповецъ, какъ типъ, имѣетъ въ нашихъ глазахъ другую слабую сторону, въ послѣдствіи времени крайне рѣдко встрѣчающуюся у г. Салтыкова; ему недостаетъ опредѣленности и ясности. Новоглуповцы приходятъ на смѣну староглуповцевъ, имя которымъ было легионъ, которыми были заполнены всѣ русскія веси и грады. Староглуповецъ—это человѣкъ патриархальный, со всѣми его несовершенствами и съ весьма немногими изъ числа его достоинствъ; это представитель соннаго царства, продуктъ прадѣдовскихъ обычаевъ, простодушный эксплуататоръ прадѣдовскихъ «правъ и преимуществъ». Безконечно тянувшаяся эпоха выкраивала его въ безконечномъ множествѣ экземпляровъ, почти не отступая отъ даннаго образца, слегка развѣ и поверхностно примѣняясь къ модѣ. Въ накопившейся, такимъ образомъ, однородной массѣ внезапно возникаетъ броженіе, влекущее за собою давно небывалое богатство химическихъ комбинацій. Новоглуповецъ—только одна изъ этихъ комбинацій; «Сатиры въ прозѣ» рисуютъ его такъ, какъ будто бы онъ былъ универсальнымъ наслѣдникомъ староглуповца, какъ будто бы Глуповъ наполнился новоглуповцами въ той же мѣрѣ, въ какой прежде кишѣлъ староглуповцами. Отсюда—двойственность впечатлѣнія, производимаго картиной. Новоглуповецъ является передъ нами то господиномъ положенія, все наводнившимъ и все забравшимъ въ свои руки, то занимающимъ одну спеціальную позицію, одинъ укрѣпленный пунктъ изъ числа многихъ. Когда намъ говорятъ о немъ, какъ о хранителѣ глуповскаго «air fixe», мы готовы воскликнуть: «староглуповецъ умеръ, да здравствуетъ новоглуповецъ!» Когда, наоборотъ, мы слышимъ, что новоглуповецъ «не только выполняетъ, но и резонируетъ, не только резонируетъ, но и любитъ самимъ собою» — мы невольно представляемъ себѣ въ его лицѣ «Новаго Нарцисса», рѣзко выдѣляющагося на сѣромъ фонѣ все еще не научившагося разсуждать глуповскаго общества. Новоглуповецъ въ одно и то же время и резонируетъ, и «наивно открываетъ ротъ при всякомъ вопросѣ, выработанномъ жизнью», — а резонированіе и наивное открываніе рта плохо вяжутся между собою. Не въ этомъ ли заключается причина, почему слово: «новоглуповецъ» не вошло въ ежедневный обиходъ, не сдѣлалось такимъ же техническимъ терминомъ, какъ «тапшентецъ» или «комшадуръ», какъ «столпъ» или «кандидатъ въ столпы»?

Въ связи съ двойственностью главнаго типа, созданнаго «Сатирами въ прозѣ», находятся, можетъ быть, и тѣ противорѣчія, которыхъ не чуждъ этотъ циклъ очерковъ и этюдовъ. «Эмбрионъ стыдливости», занесенный въ глуповскую атмосферу, производитъ въ душѣ глуповца *спасительный трепетъ*, который «не дозволяетъ ей наругаться надъ тѣмъ, что по общему вселенскому сознанию признается за добро» («Блевета»). «Конфузъ», читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ («Къ читателю»), «проводя, въ сущности, тѣ же принципы, которые проводило и древнее нахальство, даетъ имъ болѣе мягкія формы и, при помощи красивой вѣщности, совершенно заслоняетъ отъ глазъ постороннихъ наблюдателей ничтожество и даже гнусность своего содержанія». Въ составъ понятія о *конфузѣ*, безъ сомнѣнія, входятъ и *эмбрионъ стыдливости*; куда же дѣвался во второмъ случаѣ «спасительный трепетъ», оказывавшійся на лицо въ первомъ? Стыдиться—значить понимать; первые проблески стыдливости или «конфуза»—это первые проблески сознания, первый признакъ и необходимое условіе движенія. «Никогда не бываетъ зло такъ сильно»,—восклицаетъ самъ г. Салтыковъ въ одномъ изъ «Невинныхъ разсказовъ» («Миша и Ваня», стр. 102),—«какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ. Что это за зло? говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи; это не зло, а просто порядокъ вещей! И на этомъ успокоиваются!» Вотъ этому-то убійственному спокойствію и положила конецъ эпоха «конфуза»; еслибы она не сдѣлала ничего другого, она прошла бы не напрасно и не безслѣдно. Горечь, съ которою относится къ ней сатирикъ, для насъ вполне понятна; новоглуповцы внесли въ нее такую дозу гримасъ, кривлянья и фальши, что можно было иногда, съ досады, вздохнуть по утраченной откровенности и цѣльности староглуповскаго «хорошаго человѣка». Теперь, когда эпоха конфуза осталась далеко позади насъ, когда фигура новоглуповца раг excellence не мечется больше въ глаза, не раздражаетъ зрѣнія, мы можемъ предложить слѣдующую поправку къ тезису г. Салтыкова: новоглуповецъ былъ не одинъ, онъ дѣлился на нѣсколько категорій, и если въ одной категоріи господствовало лицемеріе, то въ другой преобладало искреннее, хотя и не вполне сознательное и неглубокое раскаяніе.

Пессимистическая нота, звучащая въ характеристикѣ «конфуза», раздается еще сильнѣе въ обращеніи автора къ противникамъ Глупова. Мы видѣли уже, что онъ сулитъ имъ неудачу, неудачу неминуемую, какой бы ни былъ избранъ ими способъ

дѣйствій. Въ одномъ мѣстѣ, правда, идетъ рѣчь объ агоніи новоглуповцевъ; энергія, съ которою они отстаиваютъ свою позицію, приписывается «конвульсивной силѣ, свойственной предсмертнымъ юртамъ». Окончаніе агоніи—вопросъ времени, и притомъ времени непродолжительнаго; о близости побѣды надъ Глуповымъ—тамъ, гдѣ разсматриваются шансы направленного противъ него похода—нѣтъ, однако, и рѣчи. Событія разрѣшили это противорѣчіе въ смыслѣ основного аккорда глуповской эпопеи, а не въ смыслѣ диссонанса, занесеннаго въ нее мимолетнымъ лучомъ надежды. Многія изъ глуповскихъ твердынь существуютъ и до сихъ поръ, въ новыхъ вариантахъ новоглуповцевъ до сихъ поръ нѣтъ недостатка. Разъ, что Глуповъ не отошелъ еще въ вѣчность, не безразлична для насъ и его исторія, начертанная г. Салтыковымъ; весьма важно знать, напримѣръ, вѣрно ли переданы обстоятельства посѣщенія Глупова Минервой-богиней? Если на всѣ вопросы Минервы глуповцы отвѣчали молчаніемъ или словами: «лихо бы теперь соснуть было»,—если имъ собственно оттого и перестали предлагать вопросы, то это, конечно, не предрѣшаетъ еще ихъ будущаго, не устраняетъ возможности новаго опроса со стороны тѣхъ или другихъ олимпійцевъ, но устанавливаетъ, говоря языкомъ юридическимъ, нѣкоторый прецедентъ, нѣкоторую презумпцію, невыгодную для глуповцевъ. Къ счастью для Глупова, списокъ лѣтописи, изъ котораго черпалъ свои свѣдѣнія его историкъ, оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ съ подининкомъ. Глуповцы отвѣчали на вопросы богини, отвѣчали даже иногда совсѣмъ не по-глуповски. Минервѣ просто надоѣло ихъ спрашивать; нельзя сказать, что ей захотѣлось «соснуть», но она нашла, что Олимпъ не нуждается въ помощи простыхъ смертныхъ. Ошибка, проскользнувшая такимъ образомъ въ первый, короткій рассказъ о глуповскомъ прошедшемъ, повторилась, въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, и въ «Исторіи одного города». Глуповцы являются здѣсь уже черезъ-чуръ соответствующими своему прозвищу и въ до-историческія, и въ историческія времена. Это какой-то сырой матеріалъ, вызывающій Брудастыхъ и Бородавкинныхъ на всевозможные эксперименты *in anima vili* и едва реагирующій даже на самыя жгучія кислоты, даже на огонь и раскаленное желѣзо. Намъ кажется, что источникъ ошибки, допущенной историкомъ Глупова, заключается отчасти въ невѣрномъ опредѣленіи, данномъ «глуповцамъ меньшимъ, извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ *Иванушекъ*». Несмотря на притягательную силу земли, несмотря на страхи, со всѣхъ концовъ надвигавшіеся на Иванушекъ, они обращали-таки свой

взоръ — конечно, по временамъ, а не постоянно — и вверхъ, и въ сторону; «вліяніе эмпириковъ и шарлатановъ», какъ оно ни было велико, не исключало «вліянія умозрѣній», благодаря которому Иванушки en masse никогда не были только «головотяпами». Характеристика Глухова и въ его прошедшемъ, и въ его новомъ видѣ, была бы полнѣе и вѣрнѣе, если бы сатирикъ отвелъ больше мѣста «изученію ледовитыхъ вѣтровъ, цѣпющихъ глуховскую равнину изъ одного края въ другой».

Сатира вообще не связана никакою опредѣленной формой; она можетъ создавать, наравнѣ съ поэзіей и беллетристикой, индивидуальныя образы, можетъ дѣлать набѣги въ область политики и исторіи, можетъ имѣть дѣло, наподобіе социологін, съ цѣлыми общественными группами. Г. Салтыковъ овладѣлъ съ самаго начала всѣми разновидностями сатиры. Если въ «Губернскихъ Очеркахъ» и «Невинныхъ разсказахъ» преобладаетъ повѣствовательная форма, выводятся на сцену болѣею частью отдѣльныя лица, то «Сатиры въ прозѣ» имѣютъ, если можно такъ выразиться, преимущественно безличный, публицистическій характеръ. Различію формъ соотвѣтствуетъ вполне различіе тона и манеры; добродушная насмѣшка смѣняется горькой ироніей, страстность то сдерживается, то прорывается наружу. Приводить образцовъ въ подтвержденіе этихъ словъ мы не будемъ; достаточнымъ доказательствомъ ихъ служатъ цитаты, сдѣланныя нами выше. Укажемъ только на такія страницы, какъ обращеніе къ смерти въ «Скрежетѣ зубовномъ», какъ разговоръ, которымъ заканчивается этюдъ о «Литераторахъ-обывателяхъ», какъ наставленія Гегемоніева вновь испеченному становому (первый изъ «Невинныхъ разсказовъ»). Въ первыхъ сочиненіяхъ г. Салтыкова чувствуется еще вліяніе Гоголя ¹⁾ — да и могло ли быть иначе, въ виду громаднаго переворота, только-что произведеннаго послѣднимъ въ нашей прозѣ, въ виду сходства задачъ автора «Мертвыхъ Душъ» и автора «Губернскихъ Очерковъ»? Чѣмъ болѣе растетъ въ глубь и ширь дарованіе г. Салтыкова,

¹⁾ Приведемъ для примѣра слѣдующій портретъ изъ «Невинныхъ разсказовъ» («Послѣ обѣда въ гостяхъ»): «Семень Михайлычъ чудный малый и славный въ губерніи завидный женихомъ. Онъ нѣсколько сухопаръ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ, строенъ и имѣетъ черты лица не только выразительныя, но даже азвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Баробожкина, а пристальнаго взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губерніискій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велѣно было великимъ образомъ допросить».

тѣмъ своеобразнѣе становится и языкъ его, тѣмъ болѣе колоритны его сравненія, тѣмъ болѣе непредвидѣнны сочетанія словъ, тѣмъ болѣе оригинальна самая ихъ разстановка. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько фразъ изъ инструкции Гегемоніева: «А порядокъ что такое? А порядокъ есть такое всѣхъ частей вертограда сего соотвѣтствіе, въ силу котораго всякому дѣйству человѣческому свой небуйственный ходъ заранѣе опредѣляется. А небуйственность что? А небуйственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человѣкъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешь, чтобы *перметте* не сказать. Въ этомъ-то *перметте* и заключается вся сущность и сила, такъ какъ оно простираетъ свое домогательство ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ безъ изъятія».

Средина шестидесятыхъ годовъ представляла богатую почву для сатиры. Къ этой эпохѣ относятся первыя вспышки ретроградныхъ страстей, первыя попытки побѣжденнаго крѣпостничества совершить «eine Rückwärtsconcentrirung» и возвратить себѣ вѣхомолку хоть часть поля битвы, первые вопли противъ равенства передъ судомъ, первые шаги «маленькой прессы», первые подвиги «Вѣсти» и «Московскихъ Вѣдомостей». Къ сожалѣнію, именно въ это время литературная производительность г. Салтыкова если не останавливается совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ замѣтно ослабѣваетъ. Серія произведеній, рассмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ, отдѣляются отъ слѣдующей промежуткомъ въ пять, или года въ четыре. Обстоятельства были благоприятны для сатиры, но не благопріятствовали сатирикамъ; пародируя извѣстные слова Ювенала, послѣдніе могли сказать: *difficile est satiram scribere*. Не даромъ же молчалъ тогда и Некрасовъ, хотя и не такъ долго, какъ г. Салтыковъ. Освобожденная, въ 1865 г., отъ предварительной цензуры, столичная печать скоро почувствовала себя менѣе свободной, *de facto*, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ—менѣе свободной особенно въ томъ направленіи, къ которому давно уже примкнулъ г. Салтыковъ. Литературная группа, къ которой онъ принадлежалъ, почти два года не имѣла даже своего журнала. Переходъ «Отечественныхъ Записокъ» въ руки новой редакціи (январь 1868 г.) положилъ начало новому періоду Щедринской сатиры, еще болѣе блестящему, чѣмъ первый.

Е. АРСЕНЬЕВЪ.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ

СЦЕНЫ И ХАРАКТЕРЫ

Изъ романа Роды Броутонъ: „Second Thoughts“, by Rhoda Broughton.

Рода Броутонъ, по самому характеру своего таланта, занимаетъ въ англійской литературѣ совершенно особое мѣсто. Она не рисуетъ яркихъ, бытовыхъ картинъ, не придумываетъ замысловатыхъ фабулъ, а замыкается исключительно въ интимной семейной жизни, картины которой, подъ ея перомъ, дышатъ поэзіей, правдой и теплотой. Интересъ ея произведеній, главнымъ образомъ, психологическій; мало кто изъ современныхъ романистовъ лучше ея умѣетъ нарисовать нравственный обликъ, особенно женскій; ея любимыя героини—существа крайне несовершенныя, но въ силу этихъ самыхъ несовершенствъ, тѣмъ еще болѣе живыя и реальныя. Миссъ Броутонъ не задается никакими широкими общественными задачами и идеалами, она, своей манерой, напоминаетъ живописцевъ-жанристовъ;—самыя обыденныя сцены ежедневной жизни не кажутся ей недостойными ея кисти, она съ любовью отдѣлываетъ детали, что и придаетъ ея произведеніямъ особенную симпатичность. Одна изъ ея любимыхъ темъ—переворотъ, какой производитъ любовь въ самой необузданной женской натурѣ; но никогда еще, насколько намъ помнится, она не изображала этого явленія подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ оно представляется въ «Second Thoughts»,—этомъ симпатичнѣйшемъ изъ ея романовъ. Джильяна—главная изъ героинь миссъ Броутонъ, полюбившая человека, который стоитъ выше ея въ нравственномъ отношеніи; при безграничной гордости этой, весьма талантливо очерченной, молодой

личности, подобный фактъ значительно усложняетъ вопросъ и даетъ возможность перу писательницы выказать всѣ тонкости ея анализа душевныхъ движеній во всемъ блескѣ.

I.

Романъ начинается очень оригинальною сценой; накануне новаго года все семейство почтеннаго сквайра Марло, съ чадами, домочадцами и гостями, въ числѣ которыхъ есть и личности очень полновѣсныя, занимается святочнымъ гаданьемъ, прыгая, лишь только часы пробили полночь, черезъ двѣнадцать зажженныхъ свѣчей; тотъ, кому удастся благополучно совершить такой прыжокъ, будетъ счастливъ въ теченіе цѣлаго года; тотъ, кто погаситъ одну изъ свѣчей, испытаетъ различныя невзгоды въ соотвѣтствующемъ ей мѣсяцѣ, если погасла первая—въ январѣ, вторая—въ февралѣ и т. д.

Всѣ присутствующіе могутъ льстить себя надеждой, — въ предстоящемъ году ихъ ожидаютъ однѣ радости, такъ какъ они побѣдоносно вышли изъ испытанія, — всѣ, кромѣ молодой племянницы сквайра, Джильяны Латимеръ: ея участь еще не рѣшена. Она стоитъ въ нерѣшимости, высоко приподнявъ шлейфъ бархатнаго платья и слегка наклонивъ впередъ свой стройный станъ. — Скорѣй! кричатъ ей со всѣхъ сторонъ. Она прыгаетъ и, о ужасъ! три первыя свѣчки гаснутъ. Со всѣхъ сторонъ сыплются выраженія сочувствія; Джильяна — любимица старика-дяди, въ домѣ котораго, со смерти его жены, играетъ роль хозяйки; дѣти его также ее обожаютъ и очень смущены такой неудачей.

— Январь, февраль, мартъ, — смѣясь считаетъ по пальцамъ красавица, — чтожъ! мои несчастія по крайней мѣрѣ скоро кончатся. — Но несмотря на свое кажущееся хладнокровіе, она предпочла бы, еслибъ прыжокъ совершился благополучно. На другой день все веселое общество, усердно работавшее надъ убранствомъ ѣлки, отдыхаетъ отъ трудовъ, — въ это время Джильяна подаетъ карточку.

— Докторъ Бернетъ! съ недоумѣніемъ читаетъ она. — Ничего не понимаю.

Пока они съ дядей думаютъ да гадаютъ, кто бы это могъ быть, — самъ незванный посѣтитель появляется въ комнатѣ и, окинувъ взглядомъ всю группу, обращается къ Джильянѣ съ вопросомъ:

— Я обращаюсь къ миссъ Латимеръ?

— Это мое имя,—съ удивленіемъ отвѣчаетъ она.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ просить васъ немедленно удѣлить мнѣ пять минутъ для бесѣды, съ глазу на глазъ, о важномъ дѣлѣ.

— Если вы по дѣлу, вамъ слѣдуетъ обратиться къ моему дядѣ, мистеру Марло, — замѣчаетъ она, горделивымъ движеніемъ руки указывая на хозяина дома.

— Извините, но дѣло мое касается васъ.

Тонъ его такъ рѣшительнъ, что приходится сдаться.

— Въ такомъ случаѣ неужто ли послѣдовать за мной,—съ натянутой вѣжливостью говоритъ Джильяна, переходя въ сосѣднюю гостиную. Она остается на ногахъ, желая этимъ дать понять непрощенному собесѣднику, что разговоръ долженъ быть непродолжителенъ; докторъ захопываетъ за собою дверь и, ставъ противъ нея, говоритъ:

— Вамъ, вѣроятно, совершенно неизвѣстно—кто я такой?

— Не имѣю этой чести,—съ леденящимъ и величавымъ поклономъ, отвѣчаетъ Джильяна.

— Понятно,—нетерпѣливо обрываетъ онъ, сердито сверкнувъ глазами.—Я докторъ вашего отца, и онъ послалъ меня за вами.

— За мной!—съ ужасомъ и уже безъ всякаго величія восклицаетъ она;—быть не можетъ!

— Отчего же?—холодно отзывается онъ;—казалось бы вполне естественно человѣку желать видѣть свое единственное дѣтище у своей постели.

Краска бросилась ей въ лицо отъ его укоризненного тона.

— Мнѣ кажется,—надменно замѣчаетъ она,—что пока человѣку неизвѣстны всѣ обстоятельства дѣла, онъ не долженъ позволять себѣ выражать своего мнѣнія.

— А если они ему извѣстны?

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, какъ отецъ могъ согласиться дать вамъ подобное порученіе.

— Для васъ должно имѣть значеніе само порученіе, а не побужденія пославшаго. Полноте,—продолжаетъ онъ болѣе примирительнымъ тономъ, — я только орудіе, фактъ остается въ своей силѣ—отецъ послалъ за вами, и такъ какъ вы несовершеннолѣтняя, вы должны ѣхать.

— Должна?—повторяетъ Джильяна, уязвленная повелительнымъ тономъ послѣднихъ словъ;—извините, если я не соглашусь съ вами; да позвольте еще спросить: какія полномочія привезли вы съ собою?

Не отвѣчая ничего, онъ опускаетъ руку въ боковой кар-

манъ, откуда вытаскиваетъ клочекъ бумаги, и передаетъ его Джильянѣ.

На этомъ клочкѣ знакомымъ ей, дрожащимъ, неровнымъ старческимъ почеркомъ написано:

«Исполни требованія подателя. — Отецъ твой Томасъ Латмеръ».

Она поднимаетъ глаза на доктора, и ея взглядъ, полный глубокой, вызывающей вражды, встрѣчается съ его взглядомъ. Джильяна вообще неохотно повинуется кому бы то ни было, но повиноваться безусловно этому грубому, дерзкому незнакомцу—ей невыносимо. Кровь ея кипитъ. Она то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

— Порученіе ваше, я полагаю, исполнено? спрашиваетъ она тихимъ голосомъ, съ дрожью въ губахъ, поспѣшно направляясь къ двери.

— Пойдите!—воскликаетъ онъ, безцеремонно становясь между нею и дверью. — Вечерній поѣздъ отходить изъ Карнфорта пять минутъ девятаго, будете ли вы... Но вы должны быть готовы выѣхать съ этимъ поѣздомъ.

— Благодарю васъ,—говоритъ она холоднымъ тономъ, съ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы;—но мнѣ нѣтъ надобности затруднять васъ моими сборами: это мое дѣло.

— И мое также,—грубо заявляетъ онъ, выведенный изъ терпѣнія ея тономъ и дерзкимъ выраженіемъ ея сѣрыхъ глазъ,—такъ какъ мы должны ѣхать вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ!—сердито повторяетъ она,—извините, я не вижу въ этомъ никакой необходимости.

— Отчего-бы вамъ, право, не быть болѣе благоразумной?—принимается онъ усовѣщивать ее. — Приятно-ли вамъ это или нѣтъ, а придется исполнить приказаніе единственнаго человѣка въ мірѣ, имѣющаго право вамъ привязывать. Не проще ли было бы сдѣлать это охотно, чѣмъ неохотно? Если,—продолжаетъ онъ строже, съ отбѣнкомъ сильнаго сарказма,—ни долгъ, ни привязанность для васъ ничего не значать, можетъ быть, вы послушаетесь голоса собственнаго интереса. Могу васъ увѣрить, что, упорствуя въ своемъ отказѣ, вы гораздо болѣе повредите себѣ и собственной будущности, чѣмъ кому-нибудь другому. Отецъ вашъ боленъ, и...

— Да боленъ ли онъ? — вся закраснѣвшись, спрашиваетъ Джильяна,—въ этомъ весь вопросъ. Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что онъ три раза въ моей жизни посылалъ за мной точно также, экспромтомъ. Разъ меня подняли среди ночи, а, приѣхавъ къ нему, я убѣдилась, что это была чистая фантазія, капризъ, вы-

званный желаніемъ показать свою власть надо мной. Онъ былъ такъ же здоровъ, какъ мы съ вами.

Она остановилась, еле переводя духъ.

— На этотъ разъ онъ не такъ же здоровъ, какъ мы съ вами, — спокойно возражаетъ Бернетъ, — не бойтесь!

Новое молчаніе, враждебное со стороны Джильяны, холодно выжидательное со стороны доктора.

— Поѣздъ, — заговорилъ докторъ, — отходить изъ Карнфорта пять минутъ девятаго; отсюда до станціи семь миль, такъ какъ дорога тяжелая, и намъ слѣдуетъ выѣхать не позже семи часовъ.

Онъ съ поклономъ открываетъ ей дверь, и она поспѣшно выходитъ, склонивъ голову на грудь. Она неузнаваема.

До отъѣзда остается еще полъ-часа. Джильяна сидитъ съ дядей въ его кабинетѣ, отдавая ему послѣднія инструкціи, голова ея покоится у него на плечѣ, слезы текутъ изъ глазъ. Погода ужасная, — вѣтеръ такъ и воетъ.

— Чѣмъ я заслужила путешествіе въ полтора миль, въ такую ночь и въ такомъ обществѣ?

— А можетъ быть, онъ окажется пріятнымъ малымъ? — утѣшаетъ ее дядя; но она ничему не внимлетъ.

Карета подана къ запорошенному снѣгомъ подъѣзду; Джильяна, расцѣловавъ всѣхъ своихъ подданныхъ, собирается сѣсть въ экипажъ какъ вдругъ замѣчаетъ отсутствіе горничной.

— Гдѣ Гриффитсъ? скажите, что я жду ее, — приказываетъ она слугѣ.

— Она отправилась впередъ, на извозикѣ, съ вещами, — докладываетъ тотъ. — Джильяна, рѣшившаяся было не обмѣняться со своимъ спутникомъ ни единымъ словомъ, обращается къ нему съ вопросомъ.

— Вы, вѣроятно, пожелаете курить? Человека намъ брать не захотѣлъ, а потому вы можете ѣхать на козлахъ.

— Благодарю васъ, — отвѣчаетъ докторъ, — я не курю, а такъ какъ уже схватилъ насморкъ, то, съ вашего позволенія, сяду въ карету.

На дворѣ бушуетъ метель; провожающіе кричатъ ей, чтобъ она скорѣй садилась; больше ничего не остается, какъ повиноваться. Сѣли, лошади подхватили, шестичасовой tête-à-tête начался. Одно и то же мѣховое одѣяло закрываетъ имъ колѣни; они оба твердо рѣшились причинять другъ другу какъ можно больше непріятностей. Джильяна забила въ уголъ, стараясь, чтобъ ни одна складка ея шубы не коснулась его. Они выѣхали на большую дорогу. Снѣгъ глубокъ, но лошади сильны, такъ что

бояться нечего, и Джиљяна спокойно предается своимъ мыслямъ. Передъ нею возникаютъ картины прошлаго, она заглядываетъ и въ будущее, мысленно останавливаясь на фигурѣ почти незнакомаго ей старика-отца, который, по годамъ, могъ бы быть ей дѣдомъ. Она никогда не жила съ нимъ, да и мать ея провела послѣдніе годы своей короткой и безупречной жизни вдали отъ него; съ дядей Марло отецъ тоже не знался. Движеніе спутника вывело нашу героиню изъ задумчивости. Послышалось чирканье спичкой, которую докторъ поднесъ къ свѣчѣ въ небольшомъ, каретномъ фонарикѣ.

— Вамъ свѣтъ не мѣшаетъ?—спросилъ онъ отрывисто, — если нѣтъ, мнѣ пріятно было бы почитать. Никто изъ насъ разговаривать не желаетъ, а для меня очень интересно спокойно почитать съ часокъ.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь, мнѣ совершенно все равно. Это неправда; тщетно старается Джиљяна возвратиться къ прерваннымъ размышленіямъ, лично ей огонь не мѣшаетъ, голова ея въ тѣни. Свѣтъ падаетъ только на книгу да на пальцы Бернета, переворачивающіе страницы; его фраза: «Никто изъ насъ разговаривать не желаетъ», неотвязно преслѣдуетъ ее: — какъ онъ смѣлъ это сказать? Вскорѣ ея начинаетъ мучить любопытство, ей смертельно хочется узнать, чтó читаетъ ея спутникъ; она понемногу придвигается и заглядываетъ черезъ его плечо, — оказывается статья о греческой антологіи. Проходятъ нѣсколько минутъ. Она прочла полторы страницы и забыла мятель, отца, Бернета, себя, глаза ея такъ и бѣгаютъ по строчкамъ; но посреди какой-то особенно заманчивой фразы неумолимая рука переворачиваетъ страницу...

— Что вы сказали?—спрашиваетъ Бернетъ, вскинувъ на нее глаза.

— Ни-и-чего, — бормочетъ она, — я только кашлянула.

Добрались, наконецъ, путники и до желѣзнодорожной станціи, гдѣ надо ждать прихода ночного поѣзда; оказывается, что ни горничной, ни вещей еще нѣтъ. Поѣздъ приходитъ, и Бернетъ проситъ Джиљяну садиться поскорѣй въ вагонъ; тщетно протестуетъ она, увѣряя, что не поѣдетъ безъ горничной; но попрежнему поѣзда остается за нимъ, благодаря его спокойной настойчивости. Наступаетъ вторая половина ненавистнаго tête-à-tête; теперь имъ легче только въ томъ отношеніи, что они могутъ сидѣть дальше другъ отъ друга. Погода стояла еще ужаснѣе. Съ той стороны, гдѣ усѣлась Джиљяна, спущено окно; Бернетъ подходитъ и, безъ дальнихъ разговоровъ, хочетъ поднять его. Она, въ

сущности, очень довольна, но какой-то бессмысленный капризъ заставлялъ ее воскликнуть.

— Пожалуйста не поднимайте.

— Не поднимать, — вы не шутите?

— Конечно, не шучу, я люблю воздухъ.

— Такъ наслаждайтесь имъ на здоровье; — съ этимъ онъ возвращается въ свой уголъ и надѣваетъ пальто.

Минуть черезъ пять рассказаніе овладѣваетъ Джилянкой: ледной вѣтеръ такъ и обдастъ ей лицо, въ ея жилахъ нѣтъ ни капли незастигнутой крови. Искоса посматриваетъ она на своего врага, который, опустивъ голову на грудь и наклонивъ шляпу на глаза, какъ будто спитъ глубокимъ сномъ, — и осторожно пробуетъ поднять злополучное окно. Окоченнѣвшія руки отказываются ей служить, окно не подается. Она перемѣняетъ мѣсто, вѣтеръ съ изморозью и тутъ настигаетъ ее, она садится спиной къ локомотиву — все тщетно, вагонъ превратился въ ледникъ. Она снова выглядываетъ на сосѣда — спитъ себѣ какъ младенецъ. На глазахъ ея навертываются слезы и тутъ-то, наконецъ, раздается его голосъ!

— Чтожъ! все продолжаете любить воздухъ, или съ васъ довольно?

Она молча указываетъ на окно, но онъ этимъ не довольствуется.

— Прикажете запереть? — спрашиваетъ онъ официальнымъ тономъ.

— Запереть, запереть! — шепчетъ она почти сѣвось сдвези, причемъ зубы ея стучатъ такъ сильно, что словъ почти разобрать нельзя. Въ минуту окно поднято; Бернетъ возвращается на свое мѣсто и чихаетъ нѣсколько разъ.

Медленно тянется время; бѣдная Джильяна такъ прозябла, что не можетъ думать ни о чемъ, кромѣ того, что ей холодно; усталый спутникъ продолжаетъ спать. Въ часъ ночи они приѣзжаютъ въ Лондонъ; въ самомъ мрачномъ настроеніи духа выходить «путешественница по-неволѣ» изъ экипажа у подъѣзда дома, занимаемаго отцомъ. Тутъ ее ожидаетъ радъ приятныхъ сюрпризовъ. Больной, въ минуту досады, распустилъ всю прислугу, — Джильяна приѣзжаетъ въ пустой домъ, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ сидѣлки и работницы; комната, которую Бернетъ приказалъ для нея приготовить, въ ужасномъ видѣ, даже огонь порядочно не разведенъ въ каминѣ. Но вотъ что всего хуже: тотчасъ по приѣздѣ, до ушей ея, пока она стояла на площадкѣ передъ комнатою отца, сѣвось неплотно притворенную дверь долетѣлъ слѣдующій разговоръ пациента съ докторомъ:

— Такъ вотъ вы наконецъ,—капризнымъ тономъ говоритъ старческий голосъ,—приятно думать, что вы не торопились.

— Я пріѣхалъ такъ скоро, какъ могъ,—послышался спокойный отвѣтъ.

— И привезли съ собой мою Корделию?

— Миссъ Латимеръ здѣсь; угодно вамъ видѣть ее сейчасъ?

— Господи, твоя воля!.. къ чему торопиться. Время терпѣть.

II.

Ночь, проведенная Джильяной почти безъ сна, наконецъ миновала. Кое-какъ сдѣлавъ свой туалетъ и наскоро напившись чаю, она для развлеченія бродитъ по незнакому, пустому дому. Въ этой квартирѣ она въ первый разъ,—въ послѣдній ея пріѣздъ отецъ занималъ другую. Молодая дѣвушка отворяетъ одну дверь за другою, съ упорствомъ жены Синей-Бороды. Вездѣ ее встрѣчаетъ одна и та же картина: свернутые ковры, сложенные занавѣски, мебель, канделябры, картины, статуи и бюсты въ чехлахъ. Ею наконецъ овладѣваетъ чувство, похожее на кошмаръ: долго ли придется жить здѣсь среди всѣхъ этихъ мѣшековъ? Она пробирается въ библіотеку, и только что погрузилась въ чтеніе заинтересовавшей ее книги, какъ сидѣлка приходитъ звать ее къ отцу. Въ комнатѣ полумракъ, постель стоитъ въ углубленіи, такъ-что, только подойдя къ ней вплотную, Джильяна ясно видитъ больного. Онъ молчитъ и не протягиваетъ ей даже руки; она наклоняется и робко его цѣлуетъ.

— Господи!—восклицаетъ онъ съ досадой, вытирая лицо тонкимъ платкомъ,—какъ холодна твоя щека! Я думаю, что мы отложимъ повтореніе этой церемоніи—безсрочно.

При этой истинно отеческой рѣчи щеки ея загораются яркимъ румянцемъ. Оскорбленная гордость и уязвленное чувство мѣшаютъ ей отвѣтить, она молча киваетъ головой.

— Долженъ извиниться, что не могъ принять тебя вчера вечеромъ,—продолжаетъ старикъ съ иронією, тономъ холодной, условной вѣжливости. — Надѣюсь, что путешествіе твое было пріятное.

— Пріятное!—трагически восклицаетъ она; но, опомнившись, продолжаетъ нѣсколько спокойнѣе: — Я и сама бы пріѣхала, незачѣмъ было посылать за мной, какъ за какимъ-нибудь капризнымъ ребенкомъ.

— Пріѣхала бы?—равнодушно повторяетъ онъ:—но все же

лучше было обезпечить себя, по крайней мѣрѣ, Бернетъ такъ говорилъ—это была его мысль.

— Его мысль!—съ досадою повторяетъ она;—а съ чего онъ выдумалъ имѣть какія бы то ни было мысли на этотъ счетъ?

— Спроси его,—капризно отвѣчаетъ больной.—Если желаешь кому-нибудь сдѣлать сцену по этому поводу, пожалуйста избери доктора. Какъ тебѣ кажется,—почти молящимъ голосомъ, продолжаетъ онъ,—въ предѣлахъ ли возможнаго, для тебя позабавить, развлечь старика?

— Считаю это дѣйствительно невѣроятнымъ,—тихимъ и не твердымъ голосомъ отвѣчаетъ она.—Но, хотя я не умѣю забавлять, а все же, можетъ быть, могу быть полезной. Позвольте попытаться?

— Боже милостивый! нѣтъ,—сказалъ онъ съ тономъ крайняго раздраженія,—позволь просить тебя и не пробовать. Ничто въ мірѣ не могло бы мнѣ быть непріятнѣе. Неужели ты вообразила, что я послалъ за тобой, чтобы ты дѣлала мнѣ постель и варила аррорутъ? Если это такъ, пожалуйста разочаруйся.

Она не отвѣчаетъ, да и что на это отвѣтить?

— Еслибъ ты могла разсѣшнить меня!—продолжаетъ онъ,—разсказавъ какой-нибудь оригинальный скандалчикъ, какое-нибудь «bon mot»! Ахъ,—обервалъ онъ себя и сердито отбросилъ голову на подушку:—вотъ, вотъ чѣмъ нехорошо долго жить, что тысячу разъ переслушаешь всѣ остроты, какія когда-либо были сказаны.

Блѣдный лучъ солнца прокрался сквозь полу-спущенныя занавѣсы и упалъ на его больное и капризное лицо. Сердце Джильяны переполнилось состраданіемъ.

— Боюсь, что не знаю никакихъ забавныхъ исторій,—кратко отвѣчаетъ она;—но если хотите, я могу вамъ почитать что-нибудь—серьезное.

Минутное молчаніе. Больной приподнялся и теперь сидитъ, подперши блѣдное лицо исхудалой рукой.

— Благодарю,—говоритъ онъ съ насмѣшливымъ поклономъ,—ты очень добрая дѣвушка, я чрезвычайно горжусь такой дочерью; но долженъ тебѣ признаться, что не особенный охотникъ до пасторовъ въ юбкахъ. Я слышалъ, что въ ближайшей церкви очень усердное духовенство: еслибъ мнѣ понадобились услуги этихъ господъ, можешь быть увѣрена, что я пошлю за ними. Умѣешь ты читать по-французски?

— Немножко.

— Попробуемъ,—съ нѣкоторымъ оживленіемъ проговорилъ

больной, указывая дочери на столъ, покрытый иностранными журналами, газетами, романами.

Чтеніе начинается. Познанія Джиљяны по части французскаго языка не превосходятъ познаній большинства молодыхъ англичанокъ; къ довершенію бѣды ей попался газетный фельетонъ, переполненный драматическимъ, артистическимъ и литературнымъ «argot» нашихъ дней, намеками на жизнь парижскихъ клубовъ и театровъ, совершенно непонятными для людей непосвященныхъ. Она прочла столбца полтора, точно понугай, и наконецъ рѣшилась спросить у своего безмолвнаго слушателя: какъ ему нравится ея чтеніе?

— Чрезвычайно, — отвѣчаетъ онъ съ иронической улыбкой; выговоръ у тебя несравненный, и ты, очевидно, ничего не понимаешь, но если не считать этихъ мелочей, лучшаго и желать нельзя.

Бѣдная импровизированная лектриса ожидала похвалъ. Она сердито кладетъ газету на столъ и покраснѣвъ, замѣчаетъ:

— Дома всегда находили, что у меня прекрасный выговоръ.

— Неужели? — отзывается отецъ, приподнявъ брови, съ холодной, цинической усмѣшкой.

— Фрейлейнъ Шварцъ, гувернантка моихъ кузинъ, всегда говорила, что приняла бы меня за француженку, не знай она, что я англичанка.

— Право? бѣдная фрейлейнъ.

— Продолжать? — довольно добродушно спрашиваетъ Джиљяна.

— Довольно на сегодня, — отвѣчаетъ больной съ легкимъ, злобнымъ смѣхомъ. — Хорошенькаго понемножку. Надо что-нибудь оставить и на завтра. А теперь извини откровенность больного: я буду очень радъ, если ты оставишь меня.

Съ этими словами онъ указываетъ рукою на дверь, и она, съ полными слезъ глазами и низко опущенной, бѣлокурой головкой, поспѣшно выходитъ изъ комнаты. Куда дѣвалось ея пресловутое вліяніе на всѣхъ окружающихъ?

Послѣ этого знаменательнаго свиданія прошло два дня. Джиљяну опять забыли, отецъ даже не требуетъ ее къ себѣ. Ни разу не выходила она изъ дому изъ боязни не быть налицо, когда ее позовутъ. Наконецъ, настаетъ желанная минута, за ней посылаютъ сидѣлку; но и на этотъ разъ она выноситъ мало отраднаго изъ свиданія съ отцомъ. Старикъ избралъ ее мишенью своихъ насмѣшекъ, онъ какъ будто усердно ищетъ случая оскорбить, унижить ее. Бернетъ, сжалившись надъ нею, совѣтуетъ ей

пойти прогуляться, она, какъ всегда, принимаетъ слова его очень недружелюбно, но нѣжный родитель, узнавъ въ чемъ дѣло, приказываетъ ей исполнить совѣтъ доктора, остроумно замѣчая, что сидя взаперти она можетъ испортить свой цвѣтъ лица, а женщина съ дурнымъ цвѣтомъ лица то же, что прошлогодній календарь. Нечего дѣлать, приходится сдѣлать видъ, будто пови-
нуешься. Бѣдная узница возвращается въ библіотеку и принимается за книгу, оставленную при появленіи сидѣлки. Но ей не читается, на душѣ слишкомъ тяжело, она ради развлечения смотреть въ окно; дверь быстро отворяется, и Бернетъ входит.

— Здѣсь и огня нѣтъ, что это значитъ?

— Мнѣ не холодно, — отвѣчаетъ она, хотя посинѣлое лицо говоритъ противное.

— Вы такъ и не выходили?

— Нѣтъ, не имѣла ни малѣйшаго намѣренія.

— Отчего? вамъ это было бы полезно.

— Не хотѣлось, — надменно отвѣчаетъ она, — да я и не признаю за вами права мнѣ приказывать.

— Какъ съ вами должно быть тяжело жить, — говоритъ онъ точно про себя, пристально и почти съ состраданіемъ глядя на нее.

— Никто никогда мнѣ этого не говорилъ! — восклицаетъ она въ ужасѣ. — Съ какого права вы, совершенно посторонній человѣкъ, выступаете противъ меня съ такимъ обвиненіемъ?

— Сужу о васъ потому, какой васъ видѣлъ, — невозмутимо отвѣчаетъ онъ, — всегда невѣжливой, совершенно неблагоприятной.

— Зачѣмъ привезли вы меня сюда? На что я вамъ? Какое могло быть у васъ побужденіе? было же оно, но какое?

Онъ задумчиво смотритъ на нее.

— Побужденіе у меня было, отвѣчаетъ онъ; — но вы, по причинамъ извѣстнымъ только вамъ, такъ сильно предубѣждены противъ меня, что не повѣрите, еслибъ я и сказалъ вамъ. Когда,нибудь узнаете.

— Полезна я, пріятна здѣсь кому-нибудь? — продолжаетъ она. — Ухаживаю я за нимъ, облегчаю хоть сколько-нибудь сидѣлку?

— Нисколько!

— Такъ отчего не отпустите вы меня домой? — настаиваетъ она, со слезами въ голосъ, — къ людямъ, которые находятъ возможнымъ жить со мной и труднымъ обходиться безъ меня.

Онъ слегка приподнимаетъ брови.

— Неужели вы такъ необходимы?

— Необходима, — горячо отвѣчаетъ она. — Все, что въ домѣ дѣлается — дѣлаю я, вспомнить не могу, какъ мнѣ тяжело безъ меня!

— Утѣштесь, вѣроятно вполнину не такъ, какъ вы воображаете.

Видя, что съ губъ ея готовъ сорваться негодующій отвѣтъ, онъ продолжаетъ:

— Я не хочу васъ оскорблять, но повѣрьте мнѣ, ничье отсутствіе особенно не замѣчается. Всякій разъ, какъ кто-нибудь выбудетъ изъ рядовъ, является десять человѣкъ на его мѣсто.

— Жалкое утѣшеніе.

— Обидное для нашего самолюбія; но тѣмъ не менѣе оно такъ; сто разъ, въ теченіе моей практики, я имѣлъ случаи въ этомъ убѣдиться. Въ вашей волѣ ѣхать или оставаться. Вы знаете, каковъ былъ бы мой совѣтъ, а я знаю, насколько онъ въ глазахъ вашихъ не имѣетъ никакого значенія. Добрый вечеръ!

Джилляна остается. Въ тѣхъ же безотрадныхъ условіяхъ проходить двѣ недѣли. По чьему-то распоряженію для нея прибрали одну изъ маленькихъ гостиныхъ; тамъ постоянно топится каминъ, красуются цвѣты, въ этой комнатѣ проводитъ молодая дѣвушка длинные январскіе дни за книгой, за работой. Иногда она просиживаетъ цѣлые часы у постели больного, читаетъ ему вслухъ на малознакомыхъ ей языкахъ, пока голосъ не измѣнится и глаза не разболются. Единственнымъ утѣшеніемъ служить ей письма изъ дому, жалобы дяди на безпорядокъ въ домѣ, изліянія кузины Эмили, царапанье шестилѣтняго Дика — бальзамъ для ея наболѣвшаго сердца; какъ бы ей хотѣлось показать эти посланія Бернету, который осмѣлился усомниться въ томъ, что она полезна. Изъ разговора съ отцомъ Джилляна наконецъ узнала, чему слѣдуетъ приписать сильное вліяніе доктора на пациента: десять лѣтъ тому назадъ старый кутила былъ приговоренъ къ смерти лондонскими медицинскими знаменитостями; Бернетъ его спасъ, за что старикъ и величаетъ его «единственнымъ честнымъ человѣкомъ».

Медленно тянутся скучные дни, больной все слабѣетъ. Правда, онъ еще заставляетъ читать себѣ вслухъ французскіе романы и поспѣивается про себя при воспоминаніи о своихъ похожденияхъ. Но съ каждымъ днемъ смѣхъ становится слабѣе, отрывокъ изъ Золя или Белло короче. При видѣ его безпомощности, даже нетерпѣливая Джилляна становится терпѣливой.

Отецъ теперь все чаще и чаще зоветъ ее, все неохотнѣе отпускаетъ; онъ убѣдился, что она двигается безъ шума, что

руки ея всегда холодны, что она сильна—словомъ, хорошая сидѣлка.

Онъ еще поддразниваетъ ее понемножку, но относится къ ней, какъ будто, теплѣе прежняго. Съ Бернетомъ у Джильяны невольное перемиріе; имъ часто приходится говорить глазами чтобы не раздражать больного шепотомъ, совѣщаться за дверью его комнаты, доктору давать, а ей покорно выносить приказанія. За этими, повидимому, добрыми отношеніями таится прежняя вражда.

Наступаетъ первое февраля, день теплый, говорящій о близости весны; но въ комнатѣ больного стоитъ душный, спертый воздухъ. Джильяна провела почти сутки на ногахъ, отцу все хуже и хуже. Настаетъ вечеръ, уже восемь часовъ, дѣвушка просто падаетъ отъ усталости и, выбравъ минуту, когда больной задремалъ, она пробралась къ себѣ въ комнату, сняла платье, накинула пеньюаръ и бросилась на постель, рассчитывая проснуться черезъ полчаса.

Среди ночи ее будить стукъ въ дверь, она вскакиваетъ, отворяетъ, передъ нею стоитъ Бернетъ съ лицомъ, еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Идемъ,—говоритъ онъ.

— Ему хуже?

— Да.

— Это—это конецъ?

— Да.

Она молча слѣдуетъ за нимъ. Всѣ три окна спальни—настежь, у кровати стоитъ сидѣлка и машетъ большимъ вѣеромъ, и всего этого воздуха недостаточно для бѣдныхъ, надрывающихся легкихъ. Умирающій почти сидитъ на постели, поддерживаемый со всѣхъ сторонъ подушками; взглядъ сознательный, пересохшія губы раскрыты. Джильяна стоитъ у него въ ногахъ и смотритъ на него широко раскрытыми, блестящими глазами. Отъ времени до времени она глубоко вздыхаетъ, какъ бы воображая, что это ему поможетъ. Она сама не сознаетъ, что крупныя слезы текутъ по ея щекамъ. Каково же ея изумленіе, когда она слышитъ голосъ отца.

— Пожалуйста... не плачь,—говоритъ онъ,—никто... никогда отъ меня... ничего... не добился... слезами. Улыбки, милая моя, улыбки...

Въ почти угасшемъ голосѣ слышится тонъ стараго фата. Она не въ силахъ этого вынести. Ей кажется, что сердце ея готово разорваться, она выбѣгаетъ изъ комнаты, садится на верхней ступенькѣ лѣстницы, закрываетъ лицо руками и рыдаетъ.

Когда она подняла голову, Бернетъ стоялъ возлѣ нея.

— Неужели вы ничего не можете сдѣлать?—почти гнѣвно спрашиваетъ она.

— Ничего.

— Вы совершенно безсильны?

— Совершенно.

— Чтожъ толку въ вашемъ искусствѣ? О, это жестоко! если оно такъ ужасно теперь, чтоже бываетъ, когда любишь человѣка? Вы знаете все,—это ваше ремесло, чѣмъ это кончится?

— Скоро все кончится,—отвѣчаетъ онъ.

— Неужели въ цѣломъ мірѣ нѣтъ человѣка, который любилъ бы его? О, какъ бы я была благодарна, еслибъ хоть собака о немъ пожалѣла!

Она почти съ мольбой заглядываетъ въ серьезные глаза своего собесѣдника, надѣясь, — онъ скажетъ, что огорченъ. Скажи онъ это, она вѣроятно назвала бы его лицемѣромъ, но ей досадно на его молчаніе.

Собравшись съ духомъ, она возвращается въ комнату больного, гдѣ и проводитъ всю ночь съ сидѣлкой и докторомъ. На разсвѣтъ слышится слабый шепотъ:

— Гдѣ... Бернетъ?

— Я здѣсь.

— Вѣроятно... представленіе... почти... кончено?

— Почти.

Небольшая пауза, исхудалая рука умирающаго ищетъ руки его единственнаго друга и слабо ее пожимаетъ.

— Не... будь... васъ... занавѣсь... бы... упалъ... десять... лѣтъ... тому... назадъ!

Бернетъ не отвѣчаетъ, но его рука ласково сжимаетъ безсильные пальцы.

— Еслибы... вы... подарили... мнѣ... еще десять!

Это были послѣднія слова Томаса Латимера.

III.

Все кончено, даже похороны. Дядюшка Марло пріѣхалъ изъ своего помѣстья, чтобъ проводить до могилы родственника, съ которымъ не имѣлъ никакихъ сношеній въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Отъ покойника не осталось ничего кромѣ завѣщанія, въ которомъ онъ сдѣлалъ распоряженія относительно двухъ-сотъ съ чѣмъ-то тысячъ фунтовъ, которыхъ, несмотря на все желаніе, не

могъ захватить съ собой. Распоряженія эти очень странны; добродушный свайръ увѣряетъ свою племянницу, что ни одинъ составъ присяжныхъ не затруднится признать завѣщателя сумасшедшимъ. Джильяна возражаетъ, утверждая, что «не отца слѣдуетъ винить». Дядя отправляется въ клубъ, она остается одна. На столѣ горитъ лампа, но Джильяни ничего дѣлать не хочется. Голова усиленно работаетъ, все на одну тему. Размышленія ея прерваны появленіемъ камердинера дяди, который докладываетъ:

— Докторъ Бернетъ желаетъ васъ видѣть.

— Скажите, что я занята.

— По очень важному дѣлу.

— Передайте, что я не желаю его принять.

— Но это ваша обязанность, — восклицаетъ другой голосъ, и Бернетъ врывается въ комнату, безъ всякихъ церемоній выталкивается лакея и запираетъ дверь.

— Какъ вы смѣете навязывать мнѣ свое общество, когда я не желаю васъ видѣть? — говоритъ она задыхаясь.

— Смѣю, — отвѣчаетъ онъ. — Добровольно, или нѣтъ, но вы выслушаете меня!

Вмѣсто отвѣта, она поспѣшно направляется къ двери, но онъ предупредилъ ее, преградивъ ей дорогу. Лицо его блѣдно, какъ смерть; обыкновенно спокойные и проницательные глаза горятъ.

— Вы, конечно, знаете, что я пришелъ говорить съ вами объ этомъ... завѣщаніи.

— Понятно!

— Содержаніе его вамъ извѣстно?

— Да.

— Мистеръ Латимеръ оставилъ все свое состояніе въ земляхъ, деньгахъ, домахъ и пр. — вамъ, подъ условіемъ, чтобы, по достиженіи совершеннолѣтія, вы вышли за меня; въ противномъ случаѣ, все состояніе достанется мнѣ. Все это вамъ извѣстно?

Онъ говорилъ очень быстро, точно стараясь какъ можно скорѣй съ этимъ покончить. Она отвѣтила однимъ, едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

— Если бы, съ другой стороны, — продолжаетъ онъ, — я отказался жениться на васъ, все состояніе достается вамъ, безъ всякихъ ограниченій, предоставляется въ ваше полное распоряженіе.

На это она отвѣчаетъ только легкой, презрительной улыбкой.

Онъ отошелъ отъ двери и приблизился къ ней шага на два.

— Вы, конечно, отдадите мнѣ справедливость, признавъ, что все это поразило меня не менѣе, чѣмъ васъ?

— Извините меня, но я отказываюсь отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Возможно ли? — говоритъ онъ, точно во снѣ, схватившись за спинку стула. — Если ваше мнѣніе обо мнѣ таково, позвольте мнѣ, не теряя ни секунды, успокоить васъ. Позвольте сказать вамъ, что я окончательно отказываюсь отъ всякаго участія въ этомъ безумномъ условіи, позвольте васъ увѣрить, не честно, такъ какъ вы не предполагаете, чтобы она у меня была, но вѣрьте, что для васъ священно — если что-нибудь подобное существуетъ — что я скорѣй готовъ позволить содрать съ себя кожу за-живо, чѣмъ жениться при такихъ условіяхъ.

Теперь онъ болѣе не нуждался въ стулѣ. Онъ сталъ передъ ней, выпрямившись, весь блѣдный.

Джилъяна не находитъ отвѣта, но смутно сознаетъ, что до настоящей минуты она не понимала этого человѣка.

— Такъ вотъ, чего вы боялись — продолжаетъ онъ, послѣ небольшой паузы, голосомъ выражающимъ только самое холодное, спокойное, безграничное презрѣніе. Конечно, съ такой опасностью шутить нельзя. Такъ вотъ разгадка поведенія, которое казалось мнѣ необъяснимымъ, и надъ чѣмъ я ломалъ себѣ голову!

Ея большіе глаза не отрываются отъ его лица.

— Если вы припомните, — продолжаетъ онъ въ томъ же тонѣ, — вы разъ спросили, что побудило меня привести васъ сюда? Тогда я не понялъ, къ чему клонился вашъ вопросъ. Теперь вижу. Дѣло очень просто. Я уже давно зналъ о равнодушіи отца вашего къ вамъ — равнодушіи, граничащемъ съ антипатіей, и началъ опасаться, какъ бы онъ не вздумалъ лишить васъ наслѣдства, завѣщавъ все свое состояніе какому-нибудь благотворительному учрежденію.

Онъ остановился на минуту, чтобы перевести духъ.

Джилъяна опустила на стулъ и по прежнему не сводила глазъ съ суроваго, блѣднаго лица доктора.

— Я слыхалъ, что вы хороши собой, — продолжаетъ онъ — красота, — какъ вамъ извѣстно, всегда имѣла надъ нимъ большую власть. Я подумалъ, что если онъ увидитъ васъ еще разъ, вамъ можетъ быть удастся, хотя бы въ послѣднюю минуту, заслужить его расположеніе.

— Довольно, — молить она; но докторъ не обращаетъ на ея слова никакого вниманія.

— Мнѣ было васъ жаль, да, въ сущности говоря, мнѣ и

до сихъ поръ васъ жалъ. Съ большимъ трудомъ добился я отъ него разрѣшенія послать за вами. Вы знаете, какъ вы меня встрѣтили. Вѣроятно, подозрѣнія ваши возникли въ первую же минуту нашего знакомства.

Джилъяна все ниже и ниже опускаетъ голову и закрываетъ лицо руками.

— Рано вамъ быть такой подозрительной, — продолжаетъ онъ тономъ, въ которомъ звучитъ почти состраданіе, — вы не должны были еще встрѣтить въ жизни много разочарованій. Неужели простая честность — такое рѣдкое качество въ вашихъ глазахъ, что вы не могли приписать ее даже совершенно незнакомому человѣку, который не сдѣлалъ вамъ никакого зла, и охотно былъ бы вамъ полезенъ по мѣрѣ силъ, если бы вы ему это позволили? Я вамъ дамъ добрый совѣтъ, не толкуйте въ неблагопріятную сторону всѣхъ самыхъ простыхъ, человѣческихъ поступковъ. Можетъ быть, васъ когда-нибудь и обманутъ; но, говоря вообще, вы будете счастливыѣе.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

На другой день, Джилъяна проснулась «новымъ человекомъ». Никогда еще никто не относился къ ней съ презрѣніемъ, а она прочла это чувство на суровомъ лицѣ Бернета и, что всего хуже, должна была сознаться, что заслужила его. Ей странно мучительно, стыдно. Всего тяжелѣе встрѣтиться съ дядей, сказать ему, что «интриганъ», о козняхъ котораго она такъ самоуверенно говорила ему наканунѣ, «отказался отъ нея». Какъ бы то ни было, приходится сойти въ столовую и пройти черезъ это испытаніе. Добрякъ мистеръ Марло въ восторгѣ отъ благопріятнаго оборота, какое приняло дѣло, и только изъ разговора съ нимъ племянница узнаетъ, что отецъ назначилъ Бернета ея опекуномъ на случай, если бы бракъ не состоялся, но не согласію съ его стороны. Изъ новаго разговора съ Бернетомъ, который является къ ней въ тотъ же день, она видитъ, что онъ вовсе не намѣренъ отказываться отъ исполненія обѣщанія, даннаго ея покойному отцу быть ея опекуномъ и пріютить ее у себя, до ея совершеннолѣтія. Впрочемъ, обѣщаніе это онъ далъ въ полной увѣренности, что Джилъяна одна на свѣтѣ; въ то время, докторъ не подозрѣвалъ о существованіи дядюшки Марло. Оказывается также, что съ нимъ живетъ сестра, старая дѣва, которая ведетъ его хозяйство. До совершеннолѣтія Джилъяны остается нять мѣсяцевъ, и этотъ срокъ имъ суждено прожить подъ одной кровлей.

IV.

— Что за личность его сестра? — спрашивает себя Джильяна, подбывая съ горничной и чемоданомъ къ дому своего опекуна. — Онъ говорилъ про нее, какъ про «незамужнюю особу среднихъ лѣтъ», но мало ли что можно понимать подъ этими словами. Очевидно, не молода, не хороша, но что она за женщина? Какъ отнесется ко мнѣ? не предубѣждена ли уже противъ меня заранѣе? Разрѣшить этихъ вопросовъ она не въ силахъ. Миссъ Бернетъ оказывается очень заурядной особой, всѣ заботы которой сосредоточиваются на томъ, какъ бы послаще поѣсть, да побольше поспать. Она вѣчно лечится отъ воображаемыхъ недуговъ и боится сквозного вѣтра. Привѣтствуетъ она Джильяну вѣжливо, но сухо, и почти съ первой минуты свиданія даетъ ей понять, что имъ незачѣмъ стѣснять другъ друга. Обстановка Бернетовъ довольно богатая, но совершенно безцвѣтная; убранство гостиной всѣми своими деталями говоритъ, что обобщикъ былъ тутъ совершенно предоставленъ самому себѣ; результатъ получился обыкновенный: торжество безвкусія и яркихъ, рѣзкихъ глазъ цвѣтовъ. Завтракъ, поданный тотчасъ по прїѣздѣ гостя, вкусенъ и изобиленъ, онъ доказываетъ, что ѣда занимаетъ первенствующее мѣсто среди помышлений старой дѣвы. Бернетъ встрѣчаетъ Джильяну очень сдержанно и даже не протягиваетъ ей руки къ великому изумленью его сестры, твердо увѣренной, что между молодыми людьми большая дружба. На душѣ у Джильяны какъ-то смутно тяжело; чтобы развлечься, она послѣ завтрака, во время котораго почти ни къ чему не прикоснулась, идетъ осмотрѣть свои комнаты; ихъ двѣ, спальня и будуаръ, убраны онѣ изящно, со вкусомъ, даже роскошно и довольно уютно, полны цвѣтовъ.

«Положительно миссъ Бернетъ добръе, чѣмъ кажется, — рѣшаетъ молодая дѣвушка, — позаботилась же она обо мнѣ! у нея самой въ гостиной торчатъ всего на все одно резиновое дерево, а здѣсь какая прелесть!»

«А что какъ это не она?» пронеслось въ ея головѣ.

Первый вечеръ своего пребыванія въ домѣ опекуна Джильяна провела съ глазу на глазъ съ его почтенной сестрицей, которая два раза посылала за братомъ, и оба раза получила въ отвѣтъ, что онъ занятъ и не можетъ придти. Даже къ чаю онъ не явился въ гостиную, попросивъ прислать ему чашку въ кабинетъ.

Миссъ Бернетъ была поражена.

— Странно, — проговорила она, — точно будто вы его испугали.

На слѣдующее утро, Джильяна, сойдя къ раннему завтраку, застаётъ брата съ сестрою за оживленнымъ споромъ. За ночь выпалъ сильный снѣгъ, которымъ занесло все кругомъ, надо смести его съ крыши.

— Я бы тебѣ совѣтовалъ взять работниковъ, — почтительно говоритъ докторъ.

— Я уже послала за старикомъ Джо, — рѣшительно возражаетъ его сестра.

— Если ты припомнишь, вѣдь въ послѣдній разъ онъ явился до такой степени пьянымъ, что былъ рѣшительно ни на что не годенъ.

— Помню одно, что врагамъ бѣднаго старика угодно было это говорить.

— Право, Ганна...

— Никогда не убѣдишь ты меня повернуться спиною къ старому другу въ несчастіи! — величаво отвѣчаетъ она; — и не говори! Я послала за старикомъ Джо.

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Часъ спустя, Джильяна и миссъ Бернетъ слышатъ страшный трескъ; онѣ бросаются внизъ и застаютъ всѣхъ своихъ домохозяевъ въ небольшомъ корридорчикѣ съ стеклянной крышей, ведущемъ въ комнату, гдѣ у Бернета устроена ванна. Осколки стекла лежатъ на полу; этотъ протѣже почтенной миссъ навалилъ груду снѣга да еще бросилъ лопату. Понятно, стеклянная крыша выдержать не могла.

— Не ушибся, бѣдняга? — кричитъ миссъ Бернетъ прерывающимся голосомъ.

— Слава Богу, совершенно невредимъ! — сухо отвѣчаетъ ей братъ. — Жаль, что не могу сказать того же о моей бѣдной крышѣ!

Это единственный упрекъ, какой онъ себѣ позволилъ; неудивительно, что Джильяна бросаетъ на него невольный взглядъ, полный состраданія и восхищенія его терпѣніемъ. Она уже до такой степени измѣнила свое первоначальное мнѣніе на его счетъ, правда, сама того не сознавая, что совершенно была изумлена, слыша изъ устъ своихъ пріятельницъ и деревенскихъ сосѣдокъ, сестеръ Тарльтонъ и ихъ родителей, свои же собственные, далеко не лестные отзывы о Бернетѣ, на которые она не скупилась при первомъ свиданіи съ ними, пока жила еще у отца.

Она пробуетъ защищать своего бывшего врага, но языкъ по-

чему-то отказывается служить ей. Своими недомолвками она только возбуждает въ Софѣ, старшей изъ сестеръ, сильнѣйшее желаніе взглянуть на «чудовище», какъ она еще въ шутку должна звать злополучнаго доктора. На вопросъ Софьи можно ли навѣстить ее, — Джиљяна отвѣчаетъ, что у нея есть своя маленькая гостиная, гдѣ она съ удовольствіемъ ее приметъ.

Бойкая миссъ совнается, что она имѣетъ другую цѣль и предпочла бы явиться къ завтраку, если только, прибавляетъ она, онъ дома въ это время.

— Иногда, — сквозъ зубы отвѣчаетъ Джиљяна.

— Такъ я приѣду; въ которомъ часу вы завтракаете, въ два?

Джиљяна на этотъ вопросъ ничего не отвѣчаетъ; Бернетъ завтракаетъ въ часъ, единственная ея надежда, что Софья опоздаетъ.

— Докторъ Бернетъ очень сожалѣетъ, миссъ, — онъ опять занятъ сегодня, и былъ бы вамъ чрезвычайно благодаренъ, если бы вамъ угодно было послать ему чаю въ кабинетъ, — такъ доложилъ слуга.

Чашки стоятъ вытянувшись въ рядъ, блестящій чайникъ весело расплываетъ на спиртовой лампѣ, занавѣски спущены, безобразіе яркаго ковра и дорогихъ стульевъ смягчается красноватымъ свѣтомъ огня въ каминѣ. Попугай спитъ, кошка спитъ, миссъ Бернетъ также спитъ или, по крайней мѣрѣ, спала, такъ какъ теперь снова несомнѣнно бодрствуетъ.

— Опять! — восклицаетъ она, — это непонятно. Скажите брату, что я прошу его придти.

Слуга исчезаетъ и долго не возвращается, Бернетъ также не появляется. Проходитъ десять минутъ.

— Не будете ли вы такъ добры позвонить? — спрашиваетъ хозяйка Джиљяну.

— Вы передали мое порученіе? — строго вопрошаетъ миссъ Бернетъ лавка, явившагося по звонку.

— Какже.

— Что сказалъ докторъ?

— Ничего не сказалъ, сударыня.

Пауза.

— Онъ не приказалъ заварить себѣ свѣжаго чаю?

— Нѣтъ, миссъ.

— Вы можете идти.

Новое молчаніе. Джиљяна беретъ за книгу. Проходитъ съ полчаса.

— Докторъ Бернетъ такъ и не пилъ чаю, — говоритъ молодая дѣвушка.

— Не умереть отъ этого, — грубо отвѣчаетъ его сестра, принимаетъ спокойную позу и собирается вздремнуть. Вскорѣ она погружается въ глубокий сонъ. Джильяна закрываетъ книгу. Взглядъ ея переходитъ отъ фигуры спящей къ чайнику и обратно.

— Этого быть не должно, — говоритъ она, наконецъ, шепотомъ; — какое безобразіе!

Съ этими словами она направляется къ двери, осторожно ее открываетъ, еще осторожнѣе затворяетъ за собой, и вотъ она на площадѣ. Джильяна отважилась на рѣшительный шагъ. Быстро сбѣгаетъ она съ лѣстницы и стучится въ дверь кабинета доктора. «Войдите», раздается оттуда.

Мужество тутъ ее и покидаетъ; самый звукъ голоса, разрешающаго ей войти лишаетъ ее возможности воспользоваться этимъ позволеніемъ. Она колеблется, ей хочется бѣжать, но уже поздно. Дверь открывается изнутри, и хозяинъ дома стоитъ передъ ней въ выжидательной позѣ.

— Миссъ Латимеръ! — восклицаетъ онъ съ удивленіемъ. — Войдите, пожалуйста, присядьте.

— Благодарю васъ, нѣтъ, — отвѣчаетъ она, стоя на порогѣ. — Я не задержу васъ и минуты.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Вы... вы не пили чаю, — нерѣшительно отвѣчаетъ она, тогда какъ глаза ея невольно заглядываютъ черезъ его плечо въ комнату, гдѣ стоитъ хорошій письменный столъ, весело пылаетъ огонь въ каминѣ, и раскрыты книги, говорящія о мирныхъ, научныхъ занятіяхъ.

— Не пилъ? — небрежно говоритъ онъ, пораженный этимъ неожиданнымъ доказательствомъ ея заботливости о немъ. — Да, дѣйствительно, но это ровно ничего не значить.

Джильяна живѣе прежняго чувствуетъ всю неловкость своей выходки и молчитъ въ смущеніи.

— Впрочемъ, я вижу въ чемъ дѣло, — говоритъ Бернетъ; — это все сестра. Право вамъ не слѣдуетъ позволять ей злоупотреблять вашей добротой и давать вамъ порученія.

— Ошибаетесь. Миссъ Бернетъ спитъ. Я пришла по собственному побужденію.

— Право! — сказалъ онъ все съ тѣмъ же вѣжливо-выжидательнымъ выраженіемъ.

— Я пришла сказать, что не намѣрена... не желаю лишать васъ всякихъ житейскихъ удобствъ.

— Увѣряю васъ, что вы ни въ чемъ подобномъ не повинны.

— Невозможно, вы сами поймете, что для меня невыносима мысль, что я изгоняю васъ изъ собственной гостиной.

— Это для меня не лишеніе. Мнѣ здѣсь прекрасно.

— Мнѣ казалось, — говоритъ Джильяна слегка обиженнымъ тономъ, — что прежде, до моего пріѣзда, вы всегда проводили вечера на верху.

Она едва замѣтно пожимаетъ плечами.

— Это просто потому, что сестра не любитъ сидѣть одна.

Минутная пауза.

— Во всякомъ случаѣ, — съ усиленіемъ продолжаетъ Джильяна, пытаюсь впасть въ прежній, самоувѣренный тонъ, отъ котораго она отвыкла за послѣднее время, — во всякомъ случаѣ, лучше было высказаться. Чтобъ упростить вопросъ, я теперь буду проводить вечера въ своей комнатѣ.

— Я долженъ просить васъ ничего подобнаго не дѣлать... Затѣмъ вы непременно хотите возобновить нашъ старый споръ? Развѣ мы не условились, что, съ цѣлью облегчить по возможности наше невозможное положеніе, будемъ тщательно избѣгать всякихъ лишнихъ встрѣчъ. Затѣмъ же, ради самого неба, теперь, когда духъ дней еще не прошло, намъ измѣнять порядокъ, который одинъ только и мыслимъ при настоящихъ обстоятельствахъ?

Она упрямо качаетъ головой и говоритъ крѣпко, но рѣши-
тельно:

— Несправедливо думать, что человѣкъ, разъ сдѣлавшій вамъ зло, вынужденъ сдѣлать его вамъ и въ другой. Неужели потому, что мое общество было, къ несчастію, навязано вамъ обстоятельствами, я вынуждена сознавать, что нарушаю порядокъ нашей ежедневной жизни?

— Ничего подобнаго нѣтъ, — обрываетъ она ее. — Позвольте повторить вамъ сказанное въ началѣ разговора: «мнѣ здѣсь прекрасно».

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается только извиниться, что напрасно задержала васъ, — говоритъ она съ легкимъ поклономъ, поворачивается и уходитъ быстрыми шагами.

Въ гостиной все по старому. Джильяна становится у каминна и прислоняется лбомъ къ мраморной доскѣ его; она не мѣняетъ своей позы, когда, спустя нѣсколько времени, отворилась дверь. Вѣрно, лакей пришелъ убирать со стола. Только при звукахъ голоса миссъ Бернетъ, Джильяна поднимаетъ голову.

— А! вотъ и вы, — ехидствуетъ старая дѣва. — Я знала, что рано или поздно мы вынудимъ васъ голодомъ придти къ намъ.

— И были правы, — спокойно отвѣчаетъ ей братъ.

— Пожалуйста, чтобъ такихъ дурачествъ больше не было, — сказавъ это, любезная сестрица поворачивается на другой бокъ и засыпаетъ.

Джилъяна съ удивленіемъ взглядываетъ черезъ плечо на опекуна, а онъ спокойно раскладываетъ на столѣ книги, принесенныя изъ кабинета. Черезъ нѣсколько минутъ она, безъ шума, отходитъ отъ камина и, взявъ свой брошенный романъ, спокойно усаживается неподалеку отъ него. Онъ не поднимаетъ глазъ. Легче было бы заговорить, еслибъ она могла встрѣтиться съ нимъ взглядомъ; какъ бы то ни было она рѣшается.

— Благодарю васъ, — говоритъ она тихимъ, робкимъ голосомъ. — Я вамъ очень благодарна.

Онъ отвѣчаетъ только легкимъ наклоненіемъ головы. У нея не хватаетъ болѣе мужества нарушить такое упорное молчаніе.

Холодно и скучно тянется жизнь Джилъяны Латимеръ, рѣкій контрастъ представляетъ она съ ея прежней дѣятельной жизнью въ домѣ дяди. Здѣсь никто не спрашиваетъ ея совѣта, слуги не ждутъ отъ нея приказаній, — все шло бы по заведенному порядку и безъ нея. Роль ея въ этомъ домѣ чисто пассивная. Жаловаться ей, собственно говоря, не на что. Ея роскошная маленькая гостиная, ярко освѣщенная и хорошо отопленная постоянно, какъ будто ожидаетъ посѣтителей. Собственный экипажъ всегда стоитъ у подъѣзда. Бывать она можетъ гдѣ хочетъ, у себя принимать кого пожелаетъ, стѣсненій никакихъ, но тоска такъ и гложетъ ее. Отношенія къ опекуну остаются прежнія, а между тѣмъ случаи даютъ ей возможность убѣдиться, что и этотъ медвѣдь, при случаѣ, можетъ быть любезенъ. Дѣвицы Тарлтонъ являются съ визитомъ къ Джилъянѣ, по просьбѣ миссъ Бернетъ остаются завтракать, знакомятся съ докторомъ, который относится къ нимъ чрезвычайно любезно, особенно къ старшей, живой и свѣтской дѣвушкѣ. Въ теченіе всего завтрака, они усердно поддерживаютъ легкій, но не лишенный остроумія разговоръ, и такъ имъ увлекаются, что Софья забываетъ добѣсть желе, а Бернетъ не слышитъ, что часы пробили половину перваго. Только замѣчаніе сестры, что онъ опоздаетъ въ больницу, заставляетъ его, наконецъ, скрѣпя сердце, оторваться отъ пріятнаго общества веселой миссъ, которая, въ свою очередь, отъ него въ восхищеніи.

— Да вы смѣялись надъ нами, — говоритъ она Джилъянѣ, — онъ истый джентльмэнъ.

— Развѣ я когда-нибудь говорила, что онъ не джентльмэнъ?
— восклицаетъ она.

Между тѣмъ, Бернетъ, со дня того достопамятнаго разговора на порогѣ кабинета, проводитъ всѣ вечера въ гостиной, что, впрочемъ, нисколько ихъ не оживляетъ, такъ какъ онъ ни на минуту не отрывается отъ книги. Вотъ, одинъ изъ многихъ такихъ вечеровъ. Докторъ прилежно читаетъ у стола, Джильяна, сидя противъ него, перебираетъ груду брошюръ. Видъ ея оживленнѣе обыкновеннаго. Миссъ Бернетъ, въ удивленіи присутствующихъ, не спитъ. Въ половинѣ десятаго она встаетъ и направляется въ двери. Тщетно братъ и гости убѣждаютъ ее посидѣть съ часомъ, старая эгоистка остается непреклонной. Съ минуту, Джильяна стоитъ въ нерѣшимости, не зная уходить ли ей, или оставаться. Наконецъ, возвращается на прежнее мѣсто: не ложиться же въ такую рань. Нѣсколько минутъ длится молчаніе, не нарушаемое даже храпѣніемъ, этимъ постояннымъ занятіемъ миссъ Бернетъ, когда она бодрствуетъ. Казалось все идетъ попрежнему, но по сознанію обоихъ нѣмыхъ актеровъ этой сцены положеніе радикально измѣнилось, съ исчезновеніемъ полусонной дуэньи. Чувствуется какая-то неловкость. Къ довершенію всего, докторъ поймавъ пристальный взглядъ Джильяны, устремленный на него, и въ свою очередь вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Извините, — говоритъ она не безъ смущенія, — но я задавала себѣ вопросъ, отчего вы тогда заткнули себѣ уши?

— Какъ? — говоритъ онъ испуганнымъ голосомъ. — Вы это замѣтили? А какъ вы думаете: «она» тоже замѣтила? — прибавилъ онъ, слегка кивая на стулъ, который за нѣсколько минутъ занимала сестра его.

— Не думаю, — отвѣчаетъ Джильяна.

— Она все время смотрѣла въ огонь. Впрочемъ, это было излишнею предосторожностью: разговоръ нашъ не помѣшалъ бы вамъ; мы почти цѣлый часъ не говорили ни слова.

— Вы ошибаетесь! — восклицаетъ докторъ. — Это нисколько къ вамъ не относилось, какъ могли вы вообразить что-нибудь подобное? Чѣмъ больше вы говорите, тѣмъ мнѣ пріятнѣе. Дѣло въ томъ, что у бѣдной сестры моей привычка... храпѣть; стыдно сказать, но звукъ этотъ страшно меня волнуетъ, если я читаю что-нибудь, требующее мало-мальски напряженнаго вниманія. Я не въ силахъ сосредоточиться, все прислушиваюсь и жду повторенія.

— Неужели? — прерываетъ его Джильяна. Какъ я рада! То же бываетъ и со мной.

Оба тихо смѣются.

— Право?— оживленно откликаетъ Бернетъ. Но вдругъ въ немъ происходитъ обычная перемѣна. Онъ отодвигаетъ свой стулъ дальше, точно будто холодный вѣтеръ ворвался въ комнату.

— Я долженъ васъ благодарить, — заговорилъ онъ прежнимъ тономъ, — за то, что вы обратили мое вниманіе на глупую привычку, слѣдуетъ попытаться отбѣлаться отъ нея.

Джилъяна не отвѣчаетъ, она совсѣмъ растерялась отъ этого рѣзкаго перехода въ прежній тонъ.

— Вы чѣмъ-то заняты, — говоритъ онъ, очевидно желая поддержать разговоръ, и указываетъ глазами на брошюры.

— Это изданія общества трезвости, — отвѣчаетъ Джилъяна, передавая ему нѣсколько штукъ черезъ столъ. — Не знаю, сочувствуете ли вы этому движенію?

Онъ пересматриваетъ заглавія.

— Не понимаю, — говоритъ онъ: — не читаете же вы ихъ для собственнаго удовольствія.

Легкая улыбка заиграла на ея свѣжихъ губахъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она, — я просматриваю ихъ, чтобъ выбрать самыя подходящія для чтенія вслухъ.

— Вслухъ! Кому?

— Мнѣ это дѣло привычное, я довольно имъ занималась.

Докторъ продолжаетъ смотрѣть на нее въ совершенномъ недоумѣніи.

— Я всегда, — начала она въ нѣсколько дидактическомъ тонѣ, — считала это движеніе первенствующимъ движеніемъ нашего вѣка, и содѣйствовать развитію его, по мѣрѣ силъ, составляетъ долгъ каждаго. Я твердо рѣшилась всѣми силами служить этому дѣлу въ Марло. У насъ была чайная, которая открывалась по базарнымъ днямъ, чтобъ отвлекать фермеровъ отъ кабаковъ; мы съ кузинами всегда лично наблюдали за порядкомъ, а у меня по воскресеньямъ еще бывали вечернія занятія съ отъявленными пьяницами. Отъ пятнадцати до двадцати молодыхъ людей посѣщали мой классъ; занималась я съ ними въ теченіе всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ, и за все это время ни одинъ не напился. Теперь, я думаю, всѣ они пошли опять по старой дорогѣ.

Бернетъ внимательно выслушалъ эту длинную тираду, а по окончаніи ея лицо его по прежнему выразило недоумѣніе.

— Но зачѣмъ же «теперь»? — спрашиваетъ онъ; — теперь у васъ нѣтъ класса для пьяницъ?

— Въ настоящую минуту нѣтъ, но будетъ. Черезъ посредство пріятельницы я наняла комнату въ Пай-Стритъ, гдѣ по

воскресеньемъ, въ восемь часовъ вечера, у меня будутъ такіе же классы для молодыхъ людей, какіе бывали дома. Трое отъявленныхъ пьяницъ общались намъ посѣщать ихъ; конечно, это только ядро, начало, но это несомнѣнно будетъ имѣть благотѣльные послѣдствія.

— Пай-Стритъ... отъявленные пьяницы... восемь часовъ, — повторяетъ онъ, съ удивленіемъ. — Да вы просто бредите?

— Брежу! — повторяетъ она обиженнымъ тономъ; — да развѣ возможно, чтобъ вы не сочувствовали такому дѣлу?

— Возможно ли, — горячо возражаетъ онъ, — чтобъ вы настолько не знали свѣта, и могли воображать, что я позволю вамъ такъ поздно оставаться среди этихъ животныхъ?

Она кусаетъ губы и слегка блѣднѣетъ.

— Такъ вы хотите сказать, — говоритъ она натянутымъ и надменнымъ тономъ, — что намѣрены мнѣ противодействовать?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Это мой прямой долгъ.

— А мнѣ казалось бы, — продолжаетъ она, — что когда дѣло идетъ о существенной пользѣ нашихъ собратій, то не слѣдуетъ позволять чисто личнымъ соображеніямъ усложнять вопросъ; впрочемъ, даже съ вашей точки зрѣнія, я думаю, что вы напрасно тревожитесь. Моя пріятельница работала въ этой самой мѣстности много лѣтъ, не встрѣтивъ ни одного изъ неудобствъ, которыхъ вы такъ напрасно опасаетесь для меня.

Онъ слегка приподнимаетъ брови.

— Право! А можно узнать: эта дама, приблизительно, вашихъ лѣтъ и вашей наружности?

— Нѣтъ, ей пятьдесятъ лѣтъ, и у нея небольшой горбъ, но дѣло не въ томъ.

— А по-моему, въ значительной степени въ этомъ, — сухо отвѣчаетъ онъ.

Позднѣе ея вздрагиваютъ.

— Я воображала, — продолжаетъ она, — что такой человѣкъ, какъ вы, который долженъ знать цѣну работы, могъ бы догадаться, какимъ тяжкимъ бременемъ должна быть вынужденная праздность, которую вы такъ небрежно налагаете на меня.

Онъ по-прежнему сидитъ у стола, подперевъ темноволосую голову рукой и внимательно глядя на нее довольно спокойными глазами.

— Вы несправедливы ко мнѣ, — продолжаетъ она дрожащимъ голосомъ, — вы всегда недовѣрчиво смотрѣли, когда я начинала на свою прежнюю полезность; но неужели даже вы не поймете, что должна чувствовать женщина съ головой, здо-

ровыми руками и сердцемъ, жаждущимъ добра, когда ее держать въ вынужденной праздности, въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, и при каждомъ усиліи съ ея стороны вырваться изъ узъ бездѣйствія, ихъ снова, съ насмѣшливой улыбкой, налагаютъ на нее.

— Неужели классы для пьяницъ представляютъ единственно возможный выходъ для васъ?

— Я думала, — надменно замѣчаетъ она, — что въ мои годы я имѣю право избрать ту сферу дѣятельности, какая мнѣ понравится. Вы когда-то сказали мнѣ, что контроль вашъ надъ моими дѣйствіями, вѣроятно, будетъ чисто номинальный. Теперь я вижу, сколько правды было въ этихъ словахъ.

— Я вынужденъ, въ силу власти, которую, какъ вамъ извѣстно, неохотно принялъ надъ вами, помѣшать вамъ стать въ условія, для которыхъ вы, по своему возрасту, положенію и по своей внѣшности, совершенно непригодны.

— Желала бы я знать, существуетъ ли дѣло, для котораго вы не считаете меня непригодной.

— До перваго августа, — твердо отвѣтилъ онъ; — оба встали другъ противъ друга; — отвѣтственность лежитъ на мнѣ; втораго числа вы можете, какъ говорите, избрать сферу дѣятельности; могу васъ увѣрить, что тогда вамъ нечего будетъ опасаться вмѣшательства съ моей стороны.

Съ этими словами онъ зажегъ ей свѣчку и, подавая ее съ холодно-вѣжливымъ поклономъ, тѣмъ самымъ прекратилъ споръ.

V.

Джилляна провела непріятную ночь. Самолюбіе ея было уязвлено при мысли, что ея воля, которой, до настоящей минуты, все покорялось, встрѣтила такой энергическій отпоръ со стороны другой, еще болѣе сильной. Единственнымъ утѣшеніемъ служить ей мысль, что онекутъ ея, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ, человекъ съ узкими взглядами, неспособный сочувствовать ея высоко-филантропическимъ задачамъ. Каково же ея изумленіе, когда изъ безсвязной болтовни старой миссъ она узнала потомъ, что брать ея — самъ членъ общества трезвости, принципы котораго усердно пропагандируетъ всюду, куда только забрасываетъ его судьба.

Между тѣмъ, настаетъ весна, довольно поздняя. Джиллянтъ уже казалось, что почки на деревьяхъ никогда не развернутся,

и рѣзкій восточный вѣтеръ никогда не перестанетъ дуть, — она ошибалась. Теперь воздухъ теплый, мягкій, сирень въ цвѣту, всѣхъ спущенныя жалюзи, въ паркѣ множество блестящихъ экипажей, у дверей большихъ магазиновъ цѣлыя шеренги скучающихъ лавсеевъ. Сезонъ въ полномъ разгарѣ. Джильяна, хотя она и не думала выѣзжать, получаетъ множество приглашеній. Вѣсть о полученномъ ею крупномъ наслѣдствѣ быстро разнеслась среди знакомыхъ; результаты обыкновенныя: матушки ей умильно улыбаются, дѣвочки съ ней нѣжныѣ прежняго, одни только молодые люди почти не измѣнили своего обращенія, хотя и ихъ любезность какъ-будто возрасла. Джильяна теперь почти не имѣетъ свободной минуты, и не одинъ вихрь удовольствій тому причиной. Бернетъ, наконецъ, нашелъ ей дѣло, и дѣло настоящее. Во время своихъ ежедневныхъ, даровыхъ консультацій отъ девяти до десяти часовъ онъ видитъ во-очію самую вопіющую бѣдность и предлагаетъ Джильянѣ заняться возможнымъ облегченіемъ положенія его несчастныхъ паціентовъ. Она радостно соглашается. Но это не все. Съ каждой почтой она получаетъ массу писемъ отъ представителей различныхъ, благотворительныхъ учреждений; при ея добротѣ и совершенномъ незнаніи цѣны деньгамъ она готова была бы отозваться на каждый изъ этихъ призывовъ, если бы Бернетъ не руководилъ ею и часто не налагалъ своего veto на ея затѣи. Приговорамъ его теперь она слѣпо подчиняется. Если онъ ей полезенъ, то и она, въ свою очередь, не бесполезна ему. Она возитъ цѣлыя больницы въ его палату, помогаетъ ему въ устройствѣ Шекспировскихъ чтеній для выздоравливающихъ, всегда ласково бесѣдуетъ съ студентами, о которыхъ онъ такъ печется и которыхъ такъ часто приглашаетъ къ себѣ обѣдать, словомъ — она, какъ онъ самъ однажды выразился, «его правая рука».

Но тѣмъ не менѣе у Джильяны съ опекуномъ по прежнему происходятъ стычки, поводомъ къ которымъ всего чаще служитъ стремленіе молодой особы къ эксцентрическимъ выходкамъ; ей ничего не стоитъ во время своихъ благотворительныхъ прогулокъ по городу сѣсть въ омнибусъ, проѣхать на дешевомъ пароходикѣ, добровольно подвергаться, въ простотѣ сердечной, непріятностямъ и опасностямъ, тогда какъ Бернетъ, болѣе ея искусственный опытомъ житейскимъ, всѣми силами старается заставить ее подчиниться принятымъ въ свѣтѣ обычаямъ. Отсюда — столкновенія. Впрочемъ, не изъ-за однѣхъ эксцентричностей молодой дѣвушки возникаютъ они. Въ теченіе настоящаго сезона миссъ Латимеръ было сдѣлано нѣсколько предложеній, на которыя она отвѣчала отказомъ; особенно надоѣдаетъ ей своими не-

прошенными вздыханіями нѣкій вѣчно-поющій поэтъ-живописецъ, мистеръ Чаллонеръ, картины котораго такъ же плохи, какъ стихотворенія его безцѣтны. Всѣ эти катастрофы Бернетъ приписываетъ ей одной, и она, въ глубинѣ души, съ прискорбіемъ сознаетъ, что суровый опекунъ считаетъ ее кокеткой.

Открытіе это стоило ей горькихъ слезъ. Часто, въ ночной тиши, допытываетъ она себя: не руководилась ли она желаніемъ заставить другихъ испытать муки отвергнутой любви,—муки, ей знакомыя. Джильяну постигла Немезида. Она сложила свое гордое сердце къ ногамъ человѣка, въ которому, какихъ нибудь пять мѣсяцевъ тому назадъ, относилась съ полнымъ презрѣніемъ. Она изучила его хорошія качества, а слабости его знаетъ лучше своихъ собственныхъ. Ежедневно была она свидѣтельницей его энергій, его разумной, великодушной любви къ людямъ, терпѣнія, съ какимъ онъ относился ко всѣмъ чудачествамъ, фантазіямъ и несноснымъ привычкамъ своей далеко не симпатичной сестры, въ особенности же къ ея своеобразной благотворительности, благодаря которой вокругъ нея постоянно толпится цѣлая армія обманщиковъ.

Джильянѣ въ этотъ періодъ ея жизни суждено было извѣдать и муки ревности; такъ, на большомъ литературно-музыкальномъ вечерѣ у Тарльтоновъ она все время слѣдитъ за оживленнымъ разговоромъ Бернета съ Софьей, и, узнавъ отъ послѣдней, что докторъ обѣщалъ ей завтра показать свою больницу во всѣхъ подробностяхъ, такъ какъ она этимъ дѣломъ очень интересуется, тутъ же, въ видѣ мести, принимаетъ приглашеніе Чаллонера, только-что тщетно ее умолявшаго посѣтить его студию, куда обѣщали прибыть и старушка мистриссъ Тарльтонъ съ младшей дочерью.

— Такъ рѣшено,—говоритъ Джильяна своему поклоннику,—завтра, въ пять часовъ.

На слѣдующее утро дѣвицы Тарльтонъ являются завтракать въ Бернетамъ; по окончаніи трапезы, докторъ съ Софьей отправляются въ больницу, а Анна Тарльтонъ—домой за матерью, чтобы ѣхать въ студию Чаллонера, куда, къ назначенному часу, должна пріѣхать и Джильяна. Къ величайшей досадѣ послѣдней, она не находитъ въ мастерской никого, кромѣ хозяина, который усердно показываешь ей свои рѣдкости и въ особенности хвастаетъ картинами, на которыхъ, въ различныхъ позахъ, изображена все одна и та же женщина съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ. Эти уроды носятъ имена всѣхъ богинь и красавицъ Греціи. Къ положительному ужасу Джильяны, владѣлецъ всѣхъ этихъ сокро-

видѣ, среди какой-то патетической тирады, опускается передъ нею на колѣни, и въ эту самую минуту въ дверяхъ показывается Бернетъ, ошибкой «попавшій въ одну» студию, вмѣсто другой. Онъ совершенно пораженъ при видѣ этой картины. Джильяна выражаетъ намѣреніе сейчасъ же вернуться домой, Бернетъ молча сажаетъ ее въ экипажъ, ѣдетъ за ней, и у нихъ происходитъ бурное объясненіе, такое бурное, что его положительно можно назвать ссорой. Онъ обвиняетъ ее въ полнѣйшемъ неумѣніи держать себя; она отвѣчаетъ рѣзко, почти дерзко, словомъ—струны ватынуты до послѣдней возможности.

Анна Тарльтонъ, явившаяся на слѣдующее утро съ извиненіями и объясненіями къ Джильянѣ, застаётъ ее лежащей на кушеткѣ въ гостиной, она совсѣмъ больна, совершенно на себя непохожа. Посѣтителница своей болтовней о сестрѣ и Бернетѣ приводитъ ее еще въ худшее настроеніе. Сегодня день, въ который Джильяна обыкновенно посѣщаетъ больницу; никогда не отправлялась она туда съ болѣе неохотой, тѣмъ не менѣе ѣхать надо, и она садится въ коляску, наполненную цвѣтами для больныхъ. Всю дорогу она сидитъ откинувшись на подушки коляски, съ тоской и досадой глядя передъ собой. Только когда темная масса больницы возстаетъ передъ ней, начинается она пробуждаться изъ апатіи.

А между тѣмъ, когда, минуты двѣ спустя, она проходитъ по длиннымъ палатамъ, въ высокія окна которыхъ свободно врывается майскій вѣтерокъ, съ руками полными розъ, въ дружескомъ разговорѣ съ одной изъ старшихъ сестеръ милосердія, — никто бы не сказалъ, чтобъ душа, обитающая въ этомъ цѣлующемъ тѣлѣ, могла сильно страдать.

Не останавливаясь, проходитъ она въ палату, гдѣ кровати, драпированныя бѣлымъ съ розовымъ, и вѣчно галлопирующая деревянная лошадь возвѣщаютъ всѣмъ и каждому, что здѣсь дѣтское отдѣленіе. Смирно и тихо лежатъ они. Не слышно ни плача, ни стоновъ, хотя тутъ есть и неизлѣчимыя. Одинъ мальчикъ, правда, лежитъ на спинѣ, съ полузакрытыми глазами, тяжело дыша. Ему только шесть лѣтъ. Родители отдали его акробатамъ, которые всячески ломали и коверкали его бѣдное тѣлце, пока болѣзнь и близость милосердой смерти не освободили его отъ нихъ.

Одна дѣвочка сидитъ въ постели въ какомъ-то панцирѣ изъ гипса. Она превеселенькая, а между тѣмъ дѣло ея плохо—искривленіе спинного хребта.

У другой малютки недавно отрѣзали ногу. Она уставилась

круглыми глазами на незнакомку, позабывъ на минуту и о маргариткахъ, которыми усѣяно ея одѣяло. У ближайшей отъ нея кровати Джильяна видитъ какого-то мужчину, стоящаго въ ней спиной. Это Бернетъ. Но чѣмъ онъ занятъ? онъ не щупаетъ пульса, не предлагаетъ вопросовъ. Онъ старается разставить нетвердыхъ на ноги обитателей игрушечнаго Ноева ковчега. Даже замѣтивъ посѣтительницъ, онъ не оставляетъ своего занятія. Можетъ быть, онъ радъ случаю нѣсколько скрыть свое лицо. Они не видались со вчерашней ссоры.

Сестру позвали, а миссъ Латимеръ стоитъ молча въ нерѣшимости у кровати, слѣдя за его эволюціями, въ которыхъ сама по немногу начинаетъ принимать сильное участіе. Вскорѣ онъ поднимаетъ на нее глаза съ довольно смущенной улыбкой и говоритъ:

— Симъ стоитъ, Хамъ стоитъ а Афетъ стоять не хочетъ.

Съ этими словами онъ выпрямляется и становится возлѣ нея, держа Афета въ одной рукѣ и гіену въ другой, Улыбка сочувствія освѣщаетъ все лицо ея точно лучъ солнца.

— Я заставляю ихъ всѣхъ стоять,—рѣшительно восклицаетъ она, опускаясь на колѣни,—не только ихъ, но и ихъ женъ, и всѣхъ животныхъ.

Оба молчатъ, пока дѣло не доведено до конца. Когда же всѣ животныя, какъ чистыя такъ и нечистыя, установились по парно по одѣялу, она поднимаетъ на него сіяющій взоръ и, протягивая ему руку, спрашиваетъ:

— Мы друзья?

— Это отъ васъ зависитъ,—отвѣчаетъ онъ не безъ волненія.

Она молчитъ съ минуту, еще не вставая съ колѣнъ, любуясь солнечными лучами, цѣлые снопы которыхъ врываются въ высокія окна.

— Хотѣлось-бы мнѣ, чтобъ мы не ссорились такъ часто, говорить она очень мягко;—непріятно ссориться.

— Но пріятно мириться, отвѣчаетъ онъ такимъ тономъ, будто слова эти вырвались у него помимо его воли.

Она не отвѣчаетъ, но остается въ прежней позѣ, продолжая смотрѣть на солнечный лучъ; внезапная радость вызываетъ слезы на ея глазахъ. Когда она оглядывается,—онъ уже исчезъ.

Настаетъ 1 августа—день рожденія Джильяны, ей исполнился двадцать-одинъ годъ, отнынѣ она полновластная владѣлица всего своего состоянія; когда-то ей казалось, что день этотъ будетъ счастливѣйшимъ днемъ ея жизни, теперь-же, когда онъ насталъ, она ровно никакого ликовавія не чувствуетъ. Сидя у окна своей

комнаты, въ пенуарѣ и съ распущенными по плечамъ волосами, она перебираетъ въ памяти событія послѣдняго мѣсяца, мысленно отдѣляя пшеницу отъ плевелъ. Плевелы преобладаютъ. Теперь она уже болѣе себя не обманываетъ, знаетъ, чѣмъ одна минута отличается для нея отъ другой. Бывали минуты, когда душа его словно раскрывалась передъ нею, когда полная гармонія царствовала между ними, но это были буквально минуты. Онѣ сѣнялись усиленной холодною. Ко всѣмъ ея мученіямъ присоединялась ревность: толки и гаданія младшей миссъ Тарльтонъ о томъ, согласится или нѣтъ отецъ на бракъ сестры ея съ молодымъ докторомъ—составляли для бѣдной Джильяны адскую пытку, которую она должна была выносить съ улыбкой. Черезъ нѣсколько минутъ она пойдетъ прощаться съ опекуномъ; до родного Марло неблизкій путь, выѣхать придется пораньше. Въ половинѣ девятаго она стучится въ дверь кабинета; Бернетъ встрѣчаетъ ее дружелюбно, чѣмъ она ожидала, въ его поздравленіяхъ по случаю дня ея рожденія звучитъ задушевная нота, что едва не лишаетъ бѣдняжку послѣдняго мужества. Передъ нимъ стоитъ уже не та Джильяна, которую онъ такъ холодно привѣтствовалъ подъ своей кровлей пять мѣсяцевъ тому назадъ. Слѣдовъ слезъ не замѣтно, но съ ея нѣжныхъ щекъ совершенно исчезъ прежній яркій румянецъ.

Она сегодня далеко не такъ хороша какъ обыкновенно, хотя одѣта также тщательно. Послѣ первыхъ привѣтствій Бернетъ тотчасъ впадаетъ въ чисто-дѣловой тонъ, сдаетъ ей съ рукъ на руки ея денежные бумаги, всѣ ея акціи, закладныя и пр. Она спокойно и толково выслушиваетъ его объясненія. Дѣловая часть бесѣды кончена, бывшимъ врагамъ больше ничего не остается какъ только проститься.

— Я не должна уѣхать,—говоритъ она опираясь о столъ дрожащей рукою,—не поблагодаривъ васъ за исполненіе тяжелой задачи, которую вы съ такой добросовѣстностью на себя приняли, не попросивъ у васъ прощенія за беспокойство, какое мое присутствіе и... и... мое упрямство и моя... неразсудительность... и мой несчастный характеръ причиняли вамъ.

Начала она довольно бойко, хотя съ нѣкоторымъ усиліемъ; но къ концу рыданья, съ которыми она тщетно борется, почти заглушаютъ ея рѣчь. Можетъ быть, и ему въ эту минуту говорить не легко, такъ какъ онъ отвѣчаетъ ей однимъ жестомъ отрицанія.

— Знаю,—продолжаетъ она нетвердымъ голосомъ,—что мои недостатки именно тѣ, которые вамъ всего антипатичнѣе;

часто выводила я васъ изъ терпѣнія. Радуюсь за васъ, что все это теперь кончено.

— Порадуйтесь также и за себя, — тихо отвѣчаетъ онъ, — по-моему есть чему.

Голова ея опускается на грудь.

— За себя я не рада, — отвѣчаетъ она почти неслышно.

Съ минуту онъ смотритъ на нее какимъ-то страннымъ взглядомъ и дѣлаетъ движеніе челоуѣка, готоваго раскрыть свои объятія; лицо его очень блѣдно, всѣ черты выражаютъ страданіе. Но прежде чѣмъ она успѣла провѣрить это минутное впечатлѣніе, онъ повернулся къ ней спиной и молча сталъ смотрѣть въ окно.

— Теперь, когда я уѣзжаю, — продолжаетъ она, — у меня къ вамъ небольшая просьба; можетъ быть, вы и не знаете, что вы никогда не протягивали мнѣ руки. Можетъ быть, это былъ случай, даже еслибъ это было преднамѣренно, я не имѣю права сердиться; но теперь, когда... я... уѣзжаю... навсегда... теперь, когда насталъ конецъ нашимъ несчастнымъ отношеніямъ, я была бы рада, еслибъ вы могли заставить себя дать мнѣ это доказательство прощенія и... и расположенія.

Значеніе послѣдней фразы онъ долженъ былъ угадать; неудержимыя слезы настолько заглушаютъ ее, что почти ничего не слышно. Онъ медленно, повидимому съ крайней неохотой, поворачивается къ ней лицомъ. Она по прежнему стоитъ у стола, только теперь слезы неудержимо текутъ по ея щекамъ, губы дрожатъ, и она робко протягиваетъ ему руку. Онъ беретъ эту руку обѣими руками и, посмотрѣвъ ей съ минуту въ глаза страстнымъ взглядомъ, наклоняетъ голову и почтительно цѣлуетъ эту хорошенькую ручку.

— Да благословитъ васъ Богъ, дорогая, — говоритъ онъ прерывающимся голосомъ.

VI.

Прощаніе съ миссъ Бернетъ взяло очень мало времени, благодаря значительному хладнокровію этой почтенной особы и крикамъ попугая, который почти задался мыслью по возможности сокращать эту церемонію. Джильяна садится не въ тотъ вагонъ, въ которомъ помѣщается ея горничная, — присутствіе этой почти-тальной шпіонки, въ ея настоящемъ настроеніи, для нея просто невыносимо. Воспоминанія, слезы, думы не даютъ путешествен-

ниці скучать дорогой, а когда поѣздъ наконецъ подходитъ къ знакомой станціи, изъ вагона выходитъ прежняя, спокойная, самоувѣренная, улыбающаяся Джильяна. Черезъ какихъ-нибудь полчаса она снова приметъ бразды домашнего правленія, войдетъ въ свою старую роль ангела-хранителя. Она окидываетъ глазами платформу, стараясь поскорѣй увидеть кого-нибудь изъ своихъ, никого не видно; правда, какая-то нарядная и очень развязная молодая особа расхаживаетъ взадъ и впередъ передъ вокзаломъ, но до нея Джильянѣ нѣтъ никакого дѣла; тѣмъ не менѣе, такъ какъ никто изъ ея домашнихъ не явился, она съ гора начинаетъ всматриваться въ незнакомку и, къ величайшему своему изумленію, узнаетъ въ ней свою старшую кузину Джэнь, которую оставила въ коротенькомъ платьѣ, съ распущенной косой, а застаетъ въ модномъ туалетѣ совершенно несоотвѣтствующемъ ея шестнадцати годамъ. Джэнь за послѣдніе шесть мѣсяцевъ выросла, возмужала, смотритъ совсѣмъ взрослой.

— Что за шляпа!—почти въ первую минуту свиданія восклицаетъ Джильяна.

— Очень жаль, что тебѣ не нравится,—бойко отвѣчаетъ оперившаяся миссъ,—всѣмъ не угодишь.

— А дядя не пріѣхалъ меня встрѣтить?

— Онъ было завелъ объ этомъ рѣчь, да я убѣдила его остаться дома. Онъ, какъ тебѣ извѣстно, плохо владѣетъ собой, пожалуй разыгралъ бы еще патетическую сцену на станціи.

Джильяна ищетъ глазами свой шарабанъ, запряженный парой пѣдихъ пони, который просила дядю выслать ей на станцію и не видитъ его; вмѣсто ея любимого экипажа ей преграждаетъ дорогу другой очень элегантный, запряженный парой пѣдихъ, въ нарядной сбруѣ, украшенной въ изобиліи мѣдными бляхами, съ бубенчиками на шеѣ, съ розами надъ ушами.

— Ничего не понимаю,—говоритъ миссъ Латимеръ.—Куда дѣвались мои пони?

— Они проданы,—отвѣчаетъ Джэнь,—надѣюсь, что это тебѣ все равно. Они были такіе старые, что ими править было скучно. Вмѣсто нихъ я убѣдила папѣ купить мнѣ эти.

— Они у тебя прыгаютъ черезъ обручи?—саркастически вопрошаетъ Джильяна.

Джэнь оставляетъ вопросъ этотъ безъ отвѣта.

— Надѣюсь, что ты позволишь мнѣ сѣсть первой,—говоритъ она, ставя ногу на подножку,—такъ какъ я правлю.

— Да ты умѣешь править?

— Я-то!—вотъ разсмѣшила.

Сбили, поѣхали. Джилянѣ кажется, что все это происходитъ во снѣ, она не можетъ опомниться, со страхомъ посматриваетъ она на ландшафтъ, неужели и онъ измѣнился? неужели холмы превратились въ высокія горы, а зеленые луга въ опаленныя солнцемъ пустыни? Нѣтъ, природа все та же, созерцаніе ея красотъ нѣсколько успокоиваетъ взволнованную Джилянину, и она заговариваетъ съ кузиной въ болѣе примирительномъ тонѣ.

— Вижу, что я была неправа, сомнѣваясь въ твоемъ искусствѣ править лошадьми, Джэнъ, ты сдѣлала удивительные успѣхи.

— Право? — небрежно отзывается Джэнъ. — Вѣроятно. Въ шесть мѣсяцевъ во многомъ успѣешь.

— Очень рада это слышать. Ты такіе же успѣхи сдѣлала и въ наукахъ?

— Въ наукахъ? — презрительно повторяетъ Джэнъ; — неужели ты воображаешь, что у меня на это есть время? Когда мнѣ пришлось тебя замѣнить, я, понятно, должна была совершенно посвятить себя папа. Среди заботъ о немъ, о домѣ, я, право, не имѣю ни минуты свободной. — Все это говорится съ такой важностью, что еслибъ не досада, Джиляна готова была бы расхохотаться. Все это, почти въ тѣхъ же словахъ, говорила она сама во время оно, но какая разница?

— А Эмилиа? — продолжаетъ она разспрашивать. — Воспитаніе ея также кончено?

— Я уговариваю папа отдать Эмилию въ пансіонъ. Ей это было бы очень полезно, а мнѣ, право, надобно возиться съ гувернантками. — Среди этихъ разговоровъ онѣ доѣхали до дому, у дверей котораго ихъ ожидаетъ старикъ Марло. Джиляна бросается ему на шею, онъ съ нею ласковъ по старому, но нѣтъ нѣтъ и оглянется на дочь.

— Пойду къ себѣ, — говоритъ Джиляна послѣ первыхъ привѣтствій, — хочется отдохнуть.

— Не показать ли тебѣ дорогу, — вызывается Джэнъ, — быстро слѣдуя за нею, — твою бывшую комнату занимаю я, папа желалъ, чтобъ я была поближе къ нему.

— И меня выгнали изъ моей комнаты!

— Очень жаль, если тебѣ это непріятно, но я не могла не исполнить желанія папа.

Съ каждымъ шагомъ въ этомъ домѣ, гдѣ она еще такъ недавно была полной хозяйкой, Джиляна убѣждается, что прошлаго не воротить. За обѣдомъ Джэнъ занимаетъ ея прежнее мѣсто, за утреннимъ чаемъ возсѣдаетъ за самоваромъ. Нѣкто-

рое утѣшеніе доставляетъ Джильянѣ радость Эмилиі и Дива при свиданіи съ нею, но въ своемъ маленькомъ кузеньѣ, своемъ любимцѣ, она находитъ большую перемѣну,—лексиконъ его обогащенъ разными выраженіями, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія; онъ сталъ менѣе послушенъ, приобрѣлъ нѣсколько несовѣстныхъ хорошихъ привычекъ, словомъ, измѣнился къ худшему. Джильяной овладѣваетъ сильное желаніе взглянуть на свои излюбленныя благотворительныя учрежденія, на школу для малолѣтнихъ, на знаменитую чайную. Она, въ первое утро послѣ своего возвращенія домой, надѣваетъ шляпу, беретъ зонтикъ и идетъ пройтись по деревнѣ; здѣсь ее ожидаетъ рядъ новыхъ разочарованій. И школа, и чайная закрыты по распоряженію миссъ Марло. Джильяна возвращается вѣдъ себя и, встрѣтивъ дядю въ саду, заводитъ съ нимъ серьезный разговоръ, убѣждаетъ его отдать Джэнъ въ пансіонъ, не позволять ей ворчить изъ себя взрослую. Какъ и слѣдовало ожидать, сэвайръ заступаетъ за дочь, увѣряя, что она уже не маленькая и отлично управляетъ со всѣми хозяйственными дѣлами. Джильяна вынуждена признать, что роль ея въ этомъ домѣ кончена. У нея съ Джэнъ происходитъ еще нѣсколько стычекъ, изъ которыхъ она выходитъ побѣжденной. Съ каждымъ днемъ убѣждается она, что всѣ ея любимыя коньки—ея общества для снабженія бѣдныхъ обувью, одеждой, каменнымъ углемъ и пр.—или рушились, или близки къ уничтоженію. Точно чья-то враждебная рука задалась задачей стереть всякіе слѣды ея трудовъ и заботъ на пользу общую. Иногда ей кажется, что она пробыла вдали отъ своего родного угла не шесть мѣсяцевъ, а шесть лѣтъ. Какъ бы то ни было, а приходится покориться неизбежному, жить на положеніи гостьи въ домѣ, въ которомъ была полной хозяйкой, такъ какъ очевидно что настоящая повелительница и не думаетъ объ отреченіи, а отецъ ея, по безхарактерности, самъ того не замѣчая и даже не желая, дѣйствуетъ совершенно въ ея духѣ. Каждый вечеръ Джильяна, опуская голову на подушку, задаетъ себѣ вопросъ:

— Зачѣмъ я еще здѣсь?

Она не принимаетъ никакого рѣшенія просто потому, что голова у нея идетъ кругомъ. Во всѣхъ ея планахъ все всегда вертѣлось на Марло, этомъ центрѣ ея будущей дѣятельности. Теперь приходится все перестраивать за-ново. На что же ей рѣшиться? Путешествовать? Но съ кѣмъ? зачѣмъ? Завести свое хозяйство, занять своимъ домомъ? Но она слишкомъ молода, чтобъ жить одной, а поселиться вдвоемъ съ какою-нибудь на-

скоро-пріисканной компаньонкой ей, привыкшей жить въ семьѣ, положительно не подѣ силу.

Даже ея состояніе—для нея тяжелое и мучительное бремя. Сильно желая сдѣлать изъ него возможно-лучшее употребленіе, она не болѣе любого ребенка знаетъ, какъ за это взяться. Кто будетъ ею руководить? Что, кромѣ ея собственнаго здраваго смысла, которому она за послѣднее время стала сильно не довѣрять, помѣшаетъ ей сдѣлаться жертвой обманщиковъ и шарлатановъ? Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ ея нерѣшительности есть и другая: смутная, неуловимая надежда, — надежда, основанная на нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ нетвердымъ голосомъ...

Августъ кончился въ вѣчность, насталъ сентябрь, а Джильяна не покинула Марло. Сегодня среда—базарный день; Джильяна провела его въ чайной, вновь открытой по ея настоянію, усердно угощая посѣтителей. Къ вечеру ей кажется, что единственный результатъ всѣхъ ея усилій — головная боль и усталость въ ногахъ; гостей было мало, очевидно чайной уже не конкурировать съ кабакомъ. Возвратясь вечеромъ домой, усталая Джильяна застаётъ Джэнь въ рукопашной съ Дикомъ. Сестра-воспитательница трясетъ мальчика за плечи, общается его вѣсь, посадить на хлѣбъ и на воду, отдать въ пансіонъ; онъ извивается у нея въ рукахъ, называетъ ее «старой тучелой» и, рыдая, выражаетъ надежду на ея преждевременную кончину. Джильяна, нервы которой и безъ того сильно возбуждены, беретъ сторону ребенка, у нихъ съ кузиной происходитъ уже крупное столкновеніе. Въ разгарѣ ссоры Джильяна не слышитъ доклада слуги, не видитъ, что въ дверяхъ стоятъ гости; щеки ея пылаютъ, голосъ дрожитъ; сѣрые глаза мечутъ молніи. Когда же она, всмотрѣвшись, узнаетъ въ неожиданномъ посѣтителѣ Бернета, ей становится такъ стыдно, такъ больно, что она бѣжитъ изъ комнаты, изъ дому, не поздоровавшись съ нимъ; ей смутно помнится, что онъ гоститъ у Тарльтоновъ, но даже въ этомъ она не увѣрена. Долго ли она бродитъ по саду, она сама не знаетъ. Ей кажется, что время тянется до безконечности. Наконецъ, онъ показывается въ аллеѣ и направляется прямо къ ней. Они обмѣниваются рукопожатіемъ. Въ первую минуту оба молчатъ.

— Я пришелъ съ вами проститься, — говоритъ онъ, съ видомъ крайняго смущенія. — Мнѣ пора ѣхать.

— Да? вечеръ прекрасный. Вы славно прокатитесь.

— Очевидно со мной ужиться невозможно, — говоритъ она съ слабой улыбкой, послѣ небольшого молчанія. — Помните, какъ

мы съ вами ссорились, а теперь видите въ какомъ положеніи я здѣсь:—На подобное замѣчаніе не легко найти отвѣтъ, онъ и не пытается, даже не смотритъ на нее. Онъ не сводитъ глазъ съ зеленыхъ полей, виднѣющихся сквозь вѣтви большой ясени.

— Не стану спрашивать, что вы думаете о моей правдивости, продолжаетъ она, — послѣ всѣхъ басней, какія я вамъ рассказывала на счетъ моего вліянія надъ домашними. Неправда ли, они отлично совпадаютъ съ тѣмъ, что вы сейчасъ видѣли? Но право, право, — прежде было не то. Я, конечно, преувеличивала собственное значеніе, но полезна я была, они меня любили, они меня уважали.

Она умоляетъ, задыхаясь отъ слезъ.

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, — отзывается онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Помните ли вы, — говоритъ она, вытирая глаза и напряженно улыбаясь, — какъ я вамъ разъ хвастала насчетъ того, какъ я здѣсь необходима, а вы совѣтовали мнѣ утѣшиться, увѣрая, что мои домашніе навѣрное отлично обходятся безъ меня?

— Неужели? — сухо отвѣчаетъ онъ. — Не думалъ я, не гадалъ быть пророкомъ, а хотѣлъ только сказать что-нибудь непріятное.

— Какъ видите, слова ваши оправдались.

Новое молчаніе. Становится поздно; видъ долины, разстилающейся за садомъ, измѣнился; по розовому отблеску на поверхности горъ, замыкающихъ ее, они догадываются, что солнце закатывается за этими горами.

— Какимъ закатомъ можно сегодня любоваться съ вершины той горы! — говоритъ она тихимъ голосомъ. — Не пойдемъ ли мы? Если поторопиться, еще поспѣемъ. Съ минуту онъ колеблется, вершинительно поглядывая то на нее, то на розовыя горы и наконецъ говоритъ:

— Идемъ.

Усердно карабкаются они въ гору, но добравшись наконецъ до вершины, видятъ, что смотрѣть не на что, все сѣро кругомъ, они опоздали.

— Я должна просить у васъ прощенія, — говоритъ она, опускаясь на траву, — я попусти васъ потревожила.

Онъ киваетъ въ знакъ согласія и садится возлѣ нея.

— Найдѣ вы въ себѣ силу оторваться пятью минутами раньше отъ очаровательнаго общества Джэнь..

— Моя ли вина, что меня оставили съ глазу на глазъ съ вами?

— Дядя Марло говоритъ, — начинаетъ Джильяна, искоса слѣдя

за впечатлѣніемъ, какое произведутъ ея слова,—что она сильно напоминаетъ ему меня.

— Васъ?—слегка приподнявъ брови;—неужели!

— Миссъ Тарлтонъ говоритъ, что она понимаетъ, что онъ хочетъ сказать; можетъ быть вы согласны съ ней, можетъ быть вы находите, что онъ правъ?

— Я могу только предположить, что онъ хочетъ дать понять, что вы объ любите поставить на своемъ.—Этого Джильяна вынести не въ силахъ.

— Объя!—воскликаетъ она, покраснѣвъ;—неужели вы насъ ставите на одну доску. Но какъ бы мы ни были похожи, одно вѣрно, это—что намъ не ужиться въ одномъ домѣ.

— Серьезно?

— Несомнѣнно. Какъ она ухитрилась—не знаю, но она заняла мое мѣсто, исполняетъ мои обязанности, пользуется моими правами!

— Вашими правами!—повторяетъ онъ, не глядя на нее,—какими? Я всегда изъ вашихъ же словъ заключалъ, что власть ваша временная, пока миссъ Марло не вырастетъ. Кажется, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что она теперь—взрослая.

— Взрослая!—повторяетъ Джильяна къ которой, при этомъ послѣднемъ ударѣ, возвратилось употребленіе языка;—она сущій ребенокъ! Всѣ вы почему-то стоворились считать ее взрослой, но въ дѣйствительности она ребенокъ, ей едва шестнадцать лѣтъ.

— Ей можно дать восемнадцать,—возражаетъ Бернетъ съ истинно-британскимъ упрямствомъ,—если не девятнадцать или двадцать.

— Вы, конечно, шутите, но довольно объ этомъ.

Бернетъ первый нарушаетъ молчаніе.

— Очень мнѣ васъ жаль,—говоритъ онъ,—знаю, что вы этого никакъ не ожидали, знаю, что въ Лондонѣ вы постоянно считали часы до вашего возвращенія сюда.

— Право? Во всякомъ случаѣ, я всегда рассчитывала, что здѣсь, по крайней мѣрѣ, стою твердой ногой, теперь—я совсѣмъ растерялась.

Онъ не отвѣчаетъ, но ей и не нужно отвѣта. Онъ сидитъ возлѣ нея на горѣ, никуда не торопится, не измученъ, лобъ его ясенъ, взглядъ спокоенъ, чего же больше?

Черезъ нѣсколько времени она оборачивается къ нему съ оживленнымъ видомъ.

— Въ сущности,—воскликаетъ она,—неужели это дѣло совершенно безнадежно? Какъ по вашему? Какихъ бы лѣтъ Джонъ

ни казалась, ей въ дѣйствительности только шестнадцать; должна же я умиѣть справиться съ шестнадцатилѣтней дѣвушкой!

— Я бы не пытался, — лаконически отвѣчаетъ онъ, качая головой.

— А я никакъ не могу согласиться, чтобы слѣдовало возвращаться вспять только потому, что на пути долга встрѣчаются препятствія.

— Да это совсѣмъ не путь долга; вы заблуждаетесь. Миссъ Марло занимаетъ мѣсто, по праву ей принадлежащее. Она довольна, отецъ ея доволенъ, всѣ довольны. Не вижу, чтобы ваше вмешательство было тутъ уместно.

— Возможно ли? — говоритъ она, глубоко обиженнымъ тономъ, — неужели и вы за нее и противъ меня?

— Дѣло не въ томъ! — восклицаетъ онъ нетерпѣливо, раздосадованный ея чисто-женской нелогичностью. — Насколько я помню, я никогда не видалъ ее до сегодняшняго дня, и не имѣю особаго желанія когда-нибудь видѣть. Это вопросъ отвлеченной справедливости. Если я вижу васъ готовой, благодаря ложному попятію о долгѣ, перессорить цѣлую семью, мнѣ кажется, что лучшей услуга, какую я могу оказать вамъ, это — разочаровать васъ.

Въ первую минуту ясно, что гнѣвное возраженіе было готово сорваться съ ея дрожащихъ губъ, но ей удается подавить его и она говоритъ почти смиренно:

— Вы, вѣроятно, правы. Не въ первый разъ, благодаря вамъ, спадаетъ съ глазъ моихъ повязка. Но если во мнѣ здѣсь не нуждаются, что вы посоветуете мнѣ дѣлать, куда дѣваться?

Она смотритъ на него такими печальными глазами, вся ея поза выражаетъ такую покорность, что самообладаніе суроваго ментора едва не измѣняетъ ему.

— Знаю, — продолжаетъ она, — что не имѣю никакого права надѣяться на ваши дѣла, но, вѣроятно, это сила привычки. Я привыкла просить вашихъ совѣтовъ и указаній.

— Я готовъ былъ бы помочь вамъ, но не могу принять на себя отвѣтственности въ такомъ серьезномъ дѣлѣ. Да у женщины въ вашихъ условіяхъ никогда не будетъ недостатка въ совѣтникахъ, а еслибъ и былъ, я считаю васъ способной жить самостоятельной жизнью.

— Вы думаете?

— Не думаю, а увѣренъ.

Молчаніе. Джилиана нарушаетъ его.

— Помните ли, — робко говоритъ она, — какъ я вамъ хвастала

моими благотворительными затѣями и ихъ процвѣтаніемъ. Позвольте доложить вамъ,—съ горькой улыбкой,—что все это рухнуло!

— Неужели?

— А потому,—устало, но съ отгѣнкомъ ироніи продолжаетъ она,—какого бы вы ни были высокаго мнѣнія о моей энергіи и самостоятельности, у меня право не хватаетъ духу начинать все съизнова, и вдобавокъ — одной!

При послѣднемъ словѣ, она слегка понижаетъ голосъ.

— Мнѣ, кажется, вамъ нѣтъ причины быть одной,—говорить онъ рѣзко.

— Конечно,—спокойно, но не безъ горечи отвѣчаетъ она,—я могла бы взять компаніонку.

— Я не то хотѣлъ сказать.

— Такъ вы, вѣроятно, намекаете на то, что я могу выйти замужъ?

— Понятно, почти грубо огвѣчаетъ онъ, лихорадочно обрывая травинки;—но что же больше?

Она качаетъ головой.

— Это возможно, но невѣроятно.

Новая пауза. Въ долину начинаетъ подниматься густой туманъ.

— Надѣюсь,—говоритъ онъ, тяжело и неровно дыша,—что вы не давали необдуманнаго обѣта, а если дали, то нарушите его какъ можно скорѣй.

— Обѣта я не давала,—отвѣчаетъ она, поднимаясь съ открытой росой травы.

— Не думаю, чтобъ перспектива не извѣдать того, что есть въ жизни лучшаго, улыбалась мнѣ больше, чѣмъ всякой другой дѣвушкѣ моихъ лѣтъ.

— Очень радъ это слышать,—говоритъ онъ, весь блѣдный.

— Но несмотря на это,—степенно продолжаетъ она, качая бѣлокурой головой,—мнѣ почему-то думается, что я останусь такой какъ есть, до послѣдняго дня моей жизни.

Кончивъ, она поднимаетъ на него глаза, взоры ихъ встрѣчаются, и, въ теченіе долгаго мгновенія, онъ съ невольной и безмолвной страстью заглядываетъ ей въ самую душу. Но страсть эта не находитъ словъ. Вскорѣ она отворачивается.

— Становится погодно, идемъ.

Они спускаются съ горы, не говоря ни слова.

Десять минутъ спустя она слѣдила за нимъ изъ окна, пока экипажъ его не скрылся среди сгущавшихся сумерекъ.

— О, гордость противная!—воскликнула она, сжавъ руки въ порывѣ безсильнаго страданія;—одна, одна ты между нами!

VII.

Проходит много времени, Бернетъ не показывается въ Марло, хотя продолжаетъ гостить у Тарльтоновъ; обѣ сестры навѣщаютъ Джильяну, но докторъ тщательно избѣгаетъ ея общества. Тяжело ложится ей на сердце мысль о его равнодушіи. Судьба, въ другихъ отношеніяхъ, къ ней очень милостива: она лишилась еще дальней родственницы, которая оставила ей довольно значительное наслѣдство въ земляхъ, домахъ, акціяхъ одного банка, но къ этому благополучію она совершенно холодна — что въ немъ толку, когда главнаго нѣтъ.

За день до возвращенія Бернетовъ въ Лондонъ — день рожденія Софьи Тарльтонъ, ей вздумалось ознаменовать его увеселительной поѣздкой въ одну изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей ихъ вообще живописнаго графства. Джильяна, съ чисто дѣтскимъ нетерпѣніемъ, ждетъ этого желаннаго дня; къ ея великому огорченію погода за послѣднее время испортилась, дождь льетъ по цѣлымъ днямъ, рѣка разлилась, грязь страшная, того и гледи знаменитая *partie de plaisir* не состоится. Наконецъ, настаетъ и давно-жданый день, погода прекрасная, солнце свѣтитъ ярко, но для Джильяны ничего этого не существуетъ, у нея такая адская мигрень, что она не въ силахъ поднять головы съ подушки.

Сквайръ, съ младшими дѣтьми, снаряжается въ путь, Джэнтъ величественно отказалась отъ всякаго участія въ поѣздкѣ, главный недостатокъ которой заключается въ томъ, что затѣяла ее не она. Къ вечеру Джильяна чувствуетъ облегченіе, встаетъ съ постели, подходитъ къ окну, откидываетъ занавѣску. Погода опять измѣнилась, черныя туги заволокли все небо, вѣтеръ завываетъ, дождь льетъ какъ изъ ведра, слышатся раскаты грома, блещутъ молніи. Джильяна наскоро одѣвается и сходитъ въ гостиную, гдѣ застаетъ встревоженную Джэнтъ. «Идеальная дочь» безпокоится, боясь какъ бы папа не утонулъ, рѣка въ разливѣ, и эти сумасшедшіе чего добраго пустятся вбродъ, тогда они, безъ всякаго сомнѣнія, утонутъ. Ея утѣшительнымъ предчувствіемъ не суждено оправдаться, всѣ участвовавшіе въ поѣздкѣ возвращаются цѣлыми и невредимыми, а сквайръ съ Софьей, вдобавокъ, въ отличнѣйшемъ расположеніи духа, всѣ кромѣ Бернета.

— Куда вы доктора-то дѣвали? — спрашиваетъ старикъ Марло.

— Онъ сказалъ, что не боится дождя, — отзывается Анна Тарльтонъ.

— Предупредилъ его кто-нибудь, что слѣдуетъ избѣгать брода?

— Его собственный здравый смыслъ долженъ сказать ему, что переѣзжать рѣку въ бродъ въ такую ночь—не мыслимо,—основательно замѣчаетъ Софья.

На этомъ всѣ успокоиваются и садятся за столъ. Джильяна, которой ея недавняя головная боль даетъ право не участвовать въ семейной трапезѣ, выходитъ на крыльцо. Даже отсюда она ясно различаетъ сердитый вой рѣки. У нея стынеть кровь отъ ужаса. Проходитъ полчаса. Вскорѣ воображеніе начинаетъ рисовать ей такіа мрачныя картины, что ожиданіе становится невыносимымъ. Она схватываетъ ватерпруфъ, надѣваетъ первыя попавшіяся, огромныя калоши, выходитъ на террасу, съ которой спускается въ аллею. Она идетъ скоро, почти бѣжитъ. Буря стихла, тучи начинаютъ разсѣиваться, отъ времени до времени среди нихъ проглядываетъ полная луна.

Грязь невылазная, особенно на большой дорогѣ. Джильяна останавливается и прислушивается. Ни звука, кромѣ шума дождевыхъ капель, падающихъ съ деревь, да воя рѣки. Почти безсознательно направляется она въ ту сторону, откуда слышенъ этотъ вой, сначала по дорогѣ, потомъ черезъ поле и, наконецъ, достигаетъ брода или, вѣрнѣе, того мѣста, гдѣ когда-то былъ бродъ.

Она руководилась смутной, но сильной потребностью своими глазами убѣдиться, что съ нимъ случилось. Стоя на берегу и видя бурное теченіе обыкновенно спокойной рѣки, она вздрагиваетъ, но въ то же время и успокоивается. Опасность слишкомъ очевидна, никто не рискнетъ переѣзжать въ бродъ.

Она возвращается и на большой дорогѣ встрѣчаетъ того, изъ-за кого потерпѣлась такого страха. Она тотчасъ узнаетъ его, такъ какъ луна свѣтитъ ему прямо въ лицо.

— Это вы!—радостно кричитъ она.

При звукѣ ея голоса онъ сильно вздрагиваетъ и смотритъ на нее съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Да, это я, — отвѣчаетъ онъ тихо и растерянно; — не вы ли это?

— Я... я встревожилась, — говоритъ она запинаясь. — Я боялась за... нашихъ.

— Возможно ли, чтобъ они еще не вернулись домой? Изъ слѣдовало быть дома нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Они теперь вернулись... всѣ... кромѣ...

— Всѣ кромѣ меня? — досказываетъ онъ тономъ глубочайшаго изумленія.

— Я боялась... что не зная мѣстности... вы пожалуй вздумаете переправляться въ бродъ.

— Сегодня?—кому бы это могло взбрести на умъ, кромѣ сумасшедшаго?

Молчаніе.

— Такъ ли я васъ понялъ?—говорить онъ съ дрожью въ голосъ, отъ которой забилося гордое, но смиренное любовью сердце красавицы и богатой невесты. — Возможно ли, что тревога за меня вызвала васъ изъ дому въ такую ночь?

— Я не желала, чтобъ вы утонули,—шепчетъ она, опустя голову.

Хотя она на него не смотритъ, но знаетъ, что Бернетъ нѣсколько разъ тщетно пытался заговорить; наконецъ онъ выговорилъ, дрожащимъ и неровнымъ голосомъ, противорѣчащимъ его холодно-вѣжливымъ словамъ:

— Я вамъ чрезвычайно благодаренъ, болѣе чѣмъ сумѣю то выразить, но вы ошиблись, полагая, что была какая-нибудь опасность.

— Кажется, что такъ, — отвѣчаетъ она, совсѣмъ уничтоженная.

— Я не проѣхалъ и четверти мили, — продолжалъ онъ, — какъ лошадь потеряла подкову. Пришлось довести ее до Киреби и, оставивъ тамъ, идти пѣшкомъ.

— Не я одна испугалась... дядя... всѣ они...

— Право? Вы хотите сказать, что всѣ они теперь меня ищутъ.

— Нѣтъ... они сѣли обѣдать.

На минуту все лицо его освѣщается улыбкой, улыбкой, если вѣрить обманчивому лунному свѣту, болѣе нѣжной, чѣмъ веселой.

— Вы простудитесь, — говоритъ онъ нетвердымъ голосомъ, дѣлая къ ней шагъ.

— У меня плащъ и калоши, — при этихъ словахъ она поднимаетъ ногу. Калоша, при лунномъ свѣтѣ, кажется еще волосальѣе.

Оба смѣются и быстрыми шагами направляются въ дому. Они приближаются къ домику привратника. Джильяна говоритъ:

— Вы дѣйствительно уѣзжаете завтра?

— Да, наконецъ.

— Изъ этого нельзя заключить, чтобъ вы особенно наслаждались своими ваникулами, — говоритъ она, неестественно смѣясь.

— Я ими не наслаждался.

— А между тѣмъ вы когда-то любили горы, вспомните, только на этомъ мы всегда сходились.

— Неужели я любилъ ихъ? Въ такомъ случаѣ вкусъ мой измѣнился. Мнѣ кажется, я теперь ихъ ненавижу. Да, я ненавижу эти горы, эту рѣку, эту долину, онѣ называли мнѣ сны...

— Мнѣ кажется, что есть сны, которые лучше всякаго бодрствованія, — мягко замѣчаетъ она.

Съ минуту онъ молча и нерѣшительно смотритъ на нее, береть ее за обѣ руки и говоритъ тономъ человѣка, слова котораго идутъ прямо отъ сердца:

— Иногда какіе-то голоса нашептываютъ человѣку много такого, что если въ немъ есть искра самоуваженія, ему гораздо легче умереть, чѣмъ послушаться ихъ. Такіе голоса теперь нашептываютъ мнѣ свою пѣсню; послушайся я ихъ, я былъ бы почти такимъ негодяемъ, за какого вы когда-то сочли меня. Вотъ почему я радъ, что ѣду туда, гдѣ они будутъ заглушены. Если вы питаете ко мнѣ сколько-нибудь искреннюю дружбу, вы также порадуетесь за меня.

Съ этими словами онъ сильно пожалъ ей руки, выпустилъ ихъ и исчезъ.

Она осталась одна на освѣщенной луною дорогѣ, какъ оглушенная.

Джилляна воображаетъ, что ничто уже не можетъ огорчить ее теперь; такъ человѣкъ пораженный на-смерть думаетъ, что застрахованъ отъ булавочныхъ уколовъ.

Оба ошибаются. На другой же день послѣ рокового объясненія, Джилляна, за завтракомъ, замѣчаетъ въ дядѣ какое-то смущеніе. Выходя изъ-за стола, онъ приглашаетъ ее пройти съ нимъ въ кабинетъ и тамъ, послѣ различныхъ предисловій, сообщаетъ ей удивительную новость: онъ женится на Софьѣ Тарльтонъ. Завѣщеніе это поражаетъ Джилляну какъ ударъ грома; теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, ей необходимо на что-нибудь рѣшиться.

Софья — не Джэнъ, она окончательно заберетъ въ руки престрѣлаго супруга. Миссъ Тарльтонъ уже давно и искусно раставляла сѣти сквайру, вѣроятно съ той минуты, какъ убѣдилась, что Бернетъ о ней не думаетъ; но Джиллянъ ничего подобнаго въ голову не приходило, несмотря на частые и прозрачные намеки Анны Тарльтонъ, сестры и врага Софьи. Въ виду такого крупнаго событія, которое неизбежно должно измѣнить весь складъ ихъ ежедневной жизни, Джилляна рѣшается предпринять продолжительное путешествіе, рассчитывая, что масса новыхъ впечатлѣ-

ни помочь ей одолѣть свое личное, сердечное горе; она думаетъ провести зиму въ Египтѣ, весну въ Италиі, лѣто въ Швейцаріи, и благодарить судьбу за свое независимое состояніе, которое даетъ ей возможность прибѣгнуть въ этому дорогому, но безусловно спасительному леченію.

Она всецѣло погружается въ сборы и приготовленія къ отъѣзду; но, среди этихъ пріятныхъ заботъ, надъ нею разражается новая бѣда. Банкъ, въ которомъ помѣщены капиталы завѣщаніе ей недавно - умершей дальней родственницей, прекращаетъ платежи; предпріятіе это построено на такихъ началахъ, что акціонеры отвѣчаютъ за него не только всей, помѣщенной ими въ него суммой, но и цѣлымъ своимъ состояніемъ, полностью. Дядюшка Марло, узнавшій объ этой катастрофѣ изъ газетъ, ѣдетъ въ Лондонъ навести справки. Опасенія его оправдываются, въ числѣ лицъ окончательно разоренныхъ крахомъ оказывается и Джильяна Латимеръ. Дядюшка въ отчаяніи; невѣста его относится къ Джильяну съ самымъ теплымъ участіемъ; сама развѣнчанная, а потому и негодующая Джэнъ обращается съ ней ласково, всѣ они предлагаютъ ей остаться жить съ ними; но Джильяна едва находитъ въ себѣ силы сдерживать какую-то непопытную ей самой радость.

Когда родственники, какъ настоящіе, такъ и будущіе, наговорились всласть о ея несчастіяхъ и о своемъ великодушіи, она ускользнула отъ нихъ, по ихъ мнѣнію, чтобы бороться съ своимъ горемъ въ тиши своей комнаты, въ дѣйствительности же, чтобы жодышать горнымъ воздухомъ.

Ею овладѣла жажда уединенія. Усердно взбирается она на крутую гору, которая составляетъ цѣль ея прогулки. Она достигла вершины и вся раскрасѣвшись, еле переводя духъ, опустилась на обломокъ скалы отдыхать. Кругомъ не видно живой души. Ее охватываетъ благодатное безмолвіе природы, рука ея лѣниво срываетъ вѣточки вереска, она окидываетъ взглядомъ горизонтъ, съ того мѣста, гдѣ море образуетъ бухту, до того, гдѣ рисуются блестящіе силуэты прекрасныхъ горъ. Это одинъ изъ чудныхъ, осеннихъ дней; тронутые морозомъ папоротники отливаютъ бронзой, все сіяетъ.

Пока она возсѣдаетъ тутъ какъ царица, одна на вершинѣ горы, легкая улыбка мелькаетъ на ея лицѣ. Радуются ли съ нею солнце, вѣтерокъ, горы, радуются ли тому что золотое время свалилось съ ея плечъ, что стѣна, воздвигнутая между нею и міромъ рухнула, что теперь ничто ему не мѣшаетъ протянуть ей руку черезъ развалины ея?

Время летить, солнце близится къ заката. Ночь, быстро наступающая въ эти короткіе дни, приближается: пора идти.

Съ невольнымъ, прощальнымъ вздохомъ, обращеннымъ къ прекраснымъ видѣніямъ, встаетъ она и собирается спускаться. Въ эту самую минуту взглядъ ея останавливается на одинокой фигурѣ взбирающейся на гору, какъ сама она взбиралась два часа тому назадъ. При видѣ ея у нея захватываетъ духъ, крѣпко стиснувъ руки и широко раскрывъ глаза, ожидаетъ она ея приближенія.

Быстро поднимается эта фигура вдоль темнаго лѣса, ступаетъ по скаламъ, по рѣдкой, горной травѣ. Она теперь совсѣмъ близко — можно различить черты ея лица. Джильяна видитъ ее озаренною лучами заката, она ее узнаетъ! Въ сущности она не удивлена. Она какъ будто знала, что онъ придетъ; но чтобъ этотъ день, этотъ самый день былъ вѣнцомъ ея жизни — она не думала. По мѣрѣ того, какъ докторъ приближается къ ней, она дѣлаетъ усиліе, чтобъ пойти ему навстрѣчу; но радость лишаетъ всегда нашихъ жалкихъ силъ настолько-же какъ и горе. Поневолѣ должна она отказаться отъ своей попытки и снова опуститься, вся дрожа, на свой скалистый тронъ.

Онъ уже близко отъ нея — онъ возлѣ нея — и она смотритъ съ восторгомъ въ его преобразенное лицо.

— Вы пришли выразить мнѣ собоуѣзнованіе? говоритъ она, протягивая ему дрожащую руку.

Въ первую минуту онъ не отвѣчаетъ. Можетъ быть, благодаря ея трону, онъ признаетъ въ ней царяцу. Какъ-бы то ни было, онъ бросается передъ ней на колѣни...

— Что вы дѣлаете? — восклицаетъ она, едва слышно. Тогда онъ поднимаетъ свое сіяющее лицо — сіяющее сквозь рѣдкія и драгоцѣнныя слезы.

— Вы дорожили своей гордостью больше, чѣмъ мною, продолжаетъ она.

— Почему вы знаете, что я дорожу своей гордостью больше чѣмъ вами?

Не ожидая отвѣта, онъ окружаетъ ея стройный станъ своими мощными объятіями; а она, отдаваясь этой желанной ласкѣ, рыдая падаетъ ему на грудь.

— Вы когда-то говорили, что предпочли-бы, чтобъ съ васъ содрали ко... — шепчетъ она; но послѣднее слово фразы заглушаетъ ей поцѣлуй.

О. П.

НОВѢЙШІЯ СЕЛЬСКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ

Усиленіе общаго вниманія къ нашимъ сельскимъ экономическимъ вопросамъ въ послѣдніе годы стало очень ощутительнымъ. Видимо распространяется и крѣпнеть сознаніе, что экономическія явленія, относящіяся къ сельскому быту, имѣютъ преимущественное предъ другими экономическими явленіями право на вниманіе уже потому, что они затрогиваютъ интересы огромнаго большинства населенія, слишкомъ долго несправедливо забывавшіеся. Но продолжительность небрежнаго отношенія къ означеннымъ интересамъ не осталась безслѣдною, и одинъ изъ видовъ расплаты за нее представляется теперь въ томъ, что мы еще очень недостаточно подвинулись въ знаніи нашего сельскаго быта. Противъ многихъ существенныхъ вопросовъ послѣдняго у насъ еще ставятъ вопросительные знаки. Недоразумѣнія и разнорѣчія встрѣчаются даже у людей искреннихъ, не говоря уже о тенденціозныхъ. Поэтому работа изученія явленій сельскаго быта должна бы пойти теперь усиленнымъ ходомъ.

Мы недостаточно изучили условія, сложившіяся уже лѣтъ десять тому назадъ, а между тѣмъ жизнь продолжаетъ свое дѣло и порождаетъ новыя явленія; условія сельской жизни мѣняются даже въ относительно короткіе періоды, и здѣсь иногда много значатъ годъ два, что въ особенности слѣдуетъ сказать относительно самаго послѣдняго времени, ознаменовавшагося вообще не малыми экономическими потрясеніями. Къ необходимости дослѣдовать старое, присоединяется задача своевременнаго уловленія новѣйшихъ явленій. Усиливается надобность въ умноженіи и улучшеніи своего рода сельскихъ обсерваторій. А покуда намъ приходится довольствоваться отрывками, случайными уголками картинъ и т. под., что съ одной

стороны образуетъ въ нашемъ знаніи крупныя пробѣлы, а съ другой — открываетъ просторъ различному фантазерству.

Въ первыя десять лѣтъ послѣ крестьянской реформы, когда только начали складываться основныя черты новой, относительно свободной сельской экономической жизни, изученіе послѣдней почти совершенно было пренебрежено. Господствовало основанное на вѣрѣ убѣжденіе, что все идетъ „хорошо“, — потому что теперь дѣло „должно“ идти хорошо; но въ какое именно положеніе становится трудъ, какую именно силу пріобрѣтаетъ землевладѣніе, какую роль восполняетъ капиталъ и т. п. — это оставалось и оставалось неяснымъ. Правда, дѣлались попытки подобныхъ опредѣленій въ печати, но представители послѣдней были стѣснены многими условіями и въ особенности — невозможностью собирать данныя по сколько-нибудь широкимъ мѣстностямъ. Тѣ же, кто по своему положенію имѣли возможность дѣлать наблюденія подобнаго рода, вовсе не интересовались дѣломъ. Поэтому, хотя нерѣдко и выплывали наружу очень характерныя экономическія данныя, но отсутствовала возможность правильнаго опредѣленія ихъ цѣны, возможность отграниченія явленій общаго характера отъ узко-мѣстныхъ, случайныхъ.

Первый серьезный и широкій опытъ изученія сельскихъ условій одѣланъ былъ, какъ извѣстно, въ 1872 году вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ и выразился въ извѣстномъ „докладѣ комиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи“, обыкновенно называемомъ коротче „Трудами Валуевской комиссіи“. Тогда не только въ общественныхъ, но и въ официальныхъ сферахъ почувствовалась нѣкоторая необходимость заглянуть въ сельскую жизнь немного поглубже и построить заключенія о ней не на одной только вѣрѣ, но и на почвѣ конкретныхъ фактовъ. Изслѣдованіе Валуевской комиссіи, разумѣется, было не чуждо недостатковъ, но главное достоинство его было въ томъ, что оно сдѣлано въ довольно широкихъ размѣрахъ. Опрошена была масса разнородныхъ наблюдателей, и собрано не мало свѣдѣній изъ дѣловыхъ источниковъ. Были тутъ невѣрности, сказывались пристрастія, тенденціозности, большая часть собраннаго имѣла отрывочный характеръ, но „масса“ все-таки брала свое, и „количество“ во многомъ вознаграждало за „качество“. Выводовъ появилось такъ много, что перечислять ихъ здѣсь нѣтъ никакой возможности. Тутъ не только подтвердился фактъ сильнаго превышенія доходности крестьянской земли выкупными платежами во многихъ мѣстностяхъ, но даже приблизительно были обозначены предѣлы этихъ мѣстностей и степени означеннаго превышенія. Выяснилось вліяніе недостатка надѣльной земли у массы крестьянъ, какъ одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ

нашего сельскаго быта. Выяснился необыкновенно быстрый ростъ земельной ренты, начавшійся сейчасъ же послѣ крестьянской реформы. Обрисовалось гибельное вліяніе дѣйствующей податной системы, при которой податной рубль обходится населенію въ три и въ четыре рубля, такъ какъ изъ-за уплаты податей масса крестьянъ запродаваетъ будущій трудъ по сильно пониженной цѣнѣ; явленіе подобныхъ разорительныхъ запродажъ труда уже отмѣчалось печатію и прежде, но примѣры его все еще считались болѣе или менѣе случайными, — трудъ же Валуевской комиссіи констатировалъ очень широкое распространеніе этой системы. Обрисовались существенныя черты вопроса о переселеніяхъ, стѣсненіе которыхъ, вмѣстѣ съ паспортною и податною системою, создаетъ закабаленіе труда. Мы не перечисляемъ здѣсь всѣхъ главныхъ выводовъ изъ труда Валуевской комиссіи, но довольно и того, что благодаря ему многое, считавшееся *мѣстнымъ*, выступило въ качествѣ *общаго*, и повысилось значеніе серьезныхъ вопросовъ сельскаго быта.

Разумѣется, этотъ трудъ не повліялъ сразу на отношеніе законодательства къ вопросамъ сельскаго быта, вліятельныя сферы отнеслись къ нему скептически или равнодушно, но, во всякомъ случаѣ, съ тѣхъ поръ стали серьезнѣе задумываться надъ сельскими вопросами; на нихъ останоилось, наконецъ, общее вниманіе.

Трудъ Валуевской комиссіи требовалъ систематическаго продолженія и расширенія программъ изслѣдованія. Легкимъ, поверхностнымъ освѣщеніемъ положенія, бывшаго въ 1872 году, довольствоваться было нельзя. Коль скоро интересное экономическое явленіе замѣчено—надо за нимъ слѣдить и отмѣчать его дальнѣйшіе фазисы. Но этого-то и не было. Словно испугавшись полученной картины, или какъ бы въ сознаніи достаточности совершеннаго „подвига“, у насъ надолго почили отъ изслѣдовательскаго дѣла, и только въ самые послѣдніе годы начинаютъ возобновляться подобныя попытки.

Живѣе относились къ дѣлу частные изслѣдователи, при нихъ несравненно слабѣйшихъ средствахъ. Вѣрно, или не всегда вѣрно, относились къ дѣлу представители печати, но у нихъ несомнѣнно сказывалось живое *чутье* дѣйствительности, способность откликаться живымъ экономическимъ нуждамъ страны. Кто что ни говори, а въ этой области заслуги печати очень значительны, и ихъ никто не въ состояніи изгладить. Общественная инициатива тутъ дала себя чувствовать. Можно ворчать, коситься на печать, можно оспаривать сдѣланное ею голословными и притязательными сентенціями, но это не измѣняетъ сущности дѣла и не подѣйствуетъ на умственно-самостоятельныхъ людей.

Какъ бы то ни было, сила вещей должна была подвинуть нау-

ченіе сельскаго быта, и съ конца семидесятыхъ годовъ мы опять видимъ officialныя изслѣдовательскія попытки. Начинаютъ выступать серьезныя опыты правительственныхъ органовъ. Укажемъ, на примѣръ, на солидную работу центральнаго статистическаго комитета — „Статистику поземельной собственности“, изданную нынѣ уже по 21 губерніямъ. Далѣе, можно указать на ежегодныя изданія вѣдомства государственныхъ имуществъ, заключающія въ себѣ матеріалы, относящіяся къ положенію сельскаго хозяйства ¹⁾; положимъ, эти послѣдніе сильно отличаются отрывочнымъ характеромъ и требуютъ очень многого для своего улучшенія, однако, все же мы встрѣчаемъ въ нихъ не мало современныхъ данныхъ о цѣнахъ на земли, о способахъ хозяйства, о рабочей платѣ, и т. под., и хотя съ трудомъ, но можемъ, при помощи ихъ, отмѣчать болѣе или менѣе интересныя измѣненія въ сельскихъ условіяхъ. Надо думать, что, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, трудъ, о которомъ идетъ рѣчь, станетъ постепенно совершенствоваться и въ изданіяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ станетъ увеличиваться число данныхъ обо всѣхъ мѣстностяхъ, вмѣстѣ съ улучшеніемъ ихъ качества, главнымъ образомъ — достовѣрности. Что здѣсь особенно обращаетъ на себя вниманіе—это *современность* данныхъ и *постоянство* ихъ собранія. Мы узнаемъ не то, что было пять-шесть лѣтъ тому назадъ, а то—что было въ ближайшее къ намъ время—за полгода или за годъ—и притомъ знакомимся съ каждымъ отдѣльнымъ годомъ, безъ перерывовъ.

Хотя многого еще приходится желать, но и тотъ матеріалъ, который у насъ уже есть, даетъ намъ возможность не только обозначать положеніе дѣлъ въ данное время, но и дѣлать *сравненія* за болѣе или менѣе продолжительные періоды—а это особенно интересно. Сравнивая то, что было, съ тѣмъ, что есть, мы можемъ замѣчать—въ какомъ *направленіи* идетъ у насъ дѣло; если бы выводы при этомъ получились даже тѣ самыя, которые у насъ уже высказывались—наше знаніе выигрываетъ тѣмъ, что эти выводы становятся на болѣе твердую почву, и получается большая, чѣмъ прежде, возможность отличать случайное отъ имѣющаго болѣе общее и постоянное значеніе.

Въ ряду экономическихъ данныхъ, относящихся къ сельскому быту, особенный интересъ представляютъ измѣненія цѣнъ: земли, средствъ *протитанія* и *труда*. Сильно ли измѣняются эти цѣны въ послѣднее время, а главное, если онѣ измѣняются, то измѣняются ли сколько-нибудь равномерно, или же между измѣненіями ихъ скрывается рѣзкая разнь? Быстрѣе ли дорожаютъ хлѣбъ и земля, или,

¹⁾ „Сборникъ свѣдѣній по департаменту земледѣлія и сельской промышленности“, „1881 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи“, „1882 года и т. д.“.

наоборотъ, сильнѣе дорожаетъ трудъ? Подобныя измѣненія способны производить очень чувствительныя экономическія послѣдствія. Выясненіе ихъ могло бы обрисовывать сравнительную выгодность положенія разныхъ группъ сельскаго населенія и освѣщать нѣкоторые важные внутренніе вопросы. Тутъ виднѣе станеть—какіе интересы, съ ходомъ времени, выигрываютъ, и какіе теряютъ, какія нужды ставятся на напряженіе, какія мѣры—необходимѣе.

Если окажется, что дорожаетъ земля, а трудъ не дорожаетъ, или дорожаетъ въ слабѣйшей степени—значить для каждаго безземельнаго или малоземельнаго работника съ каждымъ годомъ уменьшаются шансы достиженія самостоятельнаго хозяйственнаго устройства, батрачество упрочивается и развивается быстрѣе прежняго. Вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ становится еще болѣе жгучимъ, чѣмъ прежде. Если у рабочаго единственный способъ приобрѣтенія клочка земли—трудъ, то онъ на приобрѣтеніе каждой десятины долженъ затрачивать гораздо больше труда, чѣмъ прежде, стало быть земля становится для него болѣе и болѣе недоступною.

Если хлѣбъ дорожаетъ быстрѣе труда—это также ведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ для огромной массы сельскаго люда. Такъ какъ земельная собственность у большой массы крестьянъ недостаточна для доставленія своимъ хозяевамъ полнаго количества нужнаго имъ для собственнаго прокормленія хлѣба, то этотъ хлѣбъ приходится прикупать и за каждый пудъ отдавать большее количество труда, чѣмъ прежде. А что крестьянамъ нужно покупать хлѣбъ—это едва ли требуется доказывать. Тутъ ничего не значать примѣры осеннихъ продажъ хлѣба малоземельными крестьянами, такъ какъ подобная продажа часто бываетъ вынуждаема временною необходимостью (въ родѣ наримѣръ уплаты податей) и всегда ведетъ за собою усиленные покупки въ будущемъ, даже при болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Продають,—чтобъ послѣ въ три-дорога купить. Покупая прежнимъ количествомъ труда меньшее количество хлѣба, рабочій впадаетъ въ большую нужду; онъ вынуждается въ болѣе напряженному предложенію труда, которое опять роняетъ его цѣну, и т. д. Извѣстно, что во времена нужды рабочая плата упадетъ. А пониженіе цѣны труда возвышаетъ цѣну земли, такъ какъ обработка ея наймомъ становится дешевле, слѣдовательно—выше ея чистый доходъ.

Кромѣ ухудшенія положенія большой массы крестьянства, неравномѣрность измѣненія цѣнъ хлѣба и труда создаетъ еще другое явленіе—экономическій *расколъ* въ земледѣльческой массѣ. При подобныхъ условіяхъ особенно важное значеніе приобрѣтаетъ раздѣръ земельнаго владѣнія. У кого земли довольно—тотъ съи^мтъ своимъ хлѣбомъ и еще продаетъ избытокъ; онъ—„продавецъ“ хлѣба и, въ этомъ

качествѣ, выигрываетъ на его дорожаніи; но у кого земли только небольшой клочекъ—тотъ не можетъ отъ него прокормиться, слѣдовательно онъ—„покупатель“ хлѣба, и дорожаніе послѣдняго приноситъ ему очень чувствительный убытокъ. Итакъ, въ средѣ земледѣльцевъ отъ неравномѣрнаго измѣненія цѣнъ хлѣба и труда явно образуется экономическій *расколъ*; однимъ эта неравномѣрность идетъ въ прокъ, а другимъ въ убытокъ, имущему „дается и приумножается“, а у нищихъ берется и то, что у нихъ было прежде. Отъ подобной неравномѣрности богатѣетъ колонистъ, поправляется значительная часть государственныхъ крестьянъ, получившихъ большіе надѣлы, выпадаетъ барышъ на небольшую долю бывшихъ крѣпостныхъ, устроенныхъ лучше другихъ—а остальная масса обездоливается. Эту сторону дѣла особенно необходимо имѣть въ виду, но она-то большею частію совсѣмъ оставляется безъ вниманія, не смотря на свой важный интересъ.

Интересъ этотъ не только отвлеченный, но и практический, особенно въ настоящее время, когда чувствуется сильное потрясеніе цѣнъ, даже противъ очень недавняго времени, какъ вслѣдствіе общаго хода экономическихъ условій, такъ и вслѣдствіе рѣзкаго упадка денежной цѣнности послѣ громадныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Однако, сколько смутныхъ понятій держится у насъ о фактическихъ послѣдствіяхъ этого потрясенія цѣнъ! Кому, напримѣръ, не случается встрѣчать разсужденія въ такомъ родѣ:—ну, да! конечно, хлѣбъ вздорожалъ, но кто же отъ этого въ барышѣ? Разумѣется, мужикъ, потому что онъ самъ *производитъ* хлѣбъ! Мужику теперь гораздо легче поправить свое состояніе и зажить; прежде онъ продавалъ четверть хлѣба—и получалъ пять рублей; а теперь продастъ ту же четверть, да получить уже восемь рублей!—Другіе выражаютъ полную увѣренность, что если вздорожалъ хлѣбъ, то непремѣнно вздорожалъ на столько же и трудъ, но такъ ли это выходитъ на самомъ дѣлѣ—провѣрять это считаютъ лишнимъ.

А то разсуждаютъ еще и на подобную тему: несомнѣнно, что нынче деньги стали дешевле: упадокъ ихъ слишкомъ очевиденъ; но это идетъ въ пользу не кому иному, какъ—мужику, потому что онъ теперь платитъ подати болѣе дешевыми деньгами, чѣмъ прежде. Словомъ, куда ни взглянуть—вездѣ выводить мужицкую пользу: и дороговизна мужику—благо, и упадокъ денегъ—благодать. Разсуждающимъ въ голову не приходитъ фактическое раздѣленіе земледѣльцевъ на „продавцевъ“ и „покупателей“ хлѣба и вся рѣзкость различія положенія тѣхъ и другихъ въ дѣлѣ измѣненія хлѣбной цѣны; они не замѣчаютъ того экономическаго „раскола“ отъ потрясенія цѣнъ, о которомъ мы говорили выше. Не задаются и вопросомъ—для кого,

главнымъ образомъ, стали дешевы деньги? въ отношеніи къ чему деньги подешевѣли—къ хлѣбу, или къ труду? А между тѣмъ, очень возможно, что представителю труда податной рубль обходится почти во столько же, какъ и прежде (при слабомъ подъемѣ рабочей платы), но только у казны, получающей податные рубли, или у крупнаго хозяина—рубль дѣлается уже дешевымъ, такъ какъ онъ имѣетъ меньшую покупательную силу въ отношеніи къ большинству приобретаемыхъ имъ предметовъ. Главное же—никто не берется сдѣлать основательную фактическую провѣрку послѣдствій совершившагося потрясенія цѣнъ, не берется за собраніе вѣрныхъ данныхъ, въ какой именно степени равномерно или неравномерно измѣняются цѣны?

Неясность представленія о томъ, что у насъ происходитъ, встрѣчается и у людей, имѣющихъ полную возможность наблюдать условія сельскаго быта, и даже у такихъ, которые подаютъ свой голосъ въ качествѣ экспертовъ сельской жизни. Для большей наглядности, остановимся на примѣрѣ прошлогоднихъ разсужденій „свѣдущихъ людей“ о переселенческомъ вопросѣ, какъ эти разсужденія представлены въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

Въ засѣданіи 14 октября, зашла рѣчь о причинахъ стремленій крестьянъ къ переселеніямъ, и объ экономическихъ явленіяхъ, находящихся въ связи съ ними. Одинъ изъ „свѣдущихъ“, г. Марковъ, замѣтилъ, между прочимъ, что „огромныя цѣны на землю, вызванныя паденіемъ кредитнаго рубля и малоземельемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, также являются одною изъ причинъ переселенія“. Другой „свѣдущій человекъ“, г. Вагановъ, нашелъ, что *мааюю* причиною является „несоотвѣтствіе между условіями труда и вознагражденія“, получаемого за этотъ трудъ. „Рабочая плата,—сказалъ онъ,—почти та же, которая была до паденія кредитнаго рубля, и цѣны на работу поднялись меньше арендныхъ цѣнъ на землю; въ черноземной же полосѣ рабочая плата вовсе „не возвысилась“. Г. Кислинскій сдѣлалъ къ словамъ г. Ваганова лишь небольшое добавленіе: цѣна за обработку крестьянами цѣлой десятины, по словамъ его, точно, не возрасла, но цѣна на поденный трудъ—увеличилась. Далѣе, г. Хвостовъ выразилъ, что „крестьяне *нердко* принуждены прикупать хлѣбъ, и въ такомъ случаѣ несомнѣнно терпятъ отъ поднятія на него цѣнъ“. Всѣ эти рѣчи не только констатировали фактъ неравномѣрности измѣненія цѣнъ земли и труда, но и выставляли его какъ одно изъ такихъ тяжелыхъ для крестьянства условій, которыя вынуждаютъ людей съ давней осѣдлости и заставляютъ ихъ искать счастья въ дальней сторонѣ, наобумъ. Но вдругъ послышалось рѣзкое возраженіе со стороны г. Морокина:—нѣтъ!—говоритъ онъ,—паденіе кредитнаго рубля и вздорожаніе хлѣба вовсе не *отзывается* тяжело

на крестьянинѣ, который, въ качествѣ земледѣльца, является самъ *производителемъ хлѣба*. — Еще своеобразнѣе было возраженіе со стороны г. Самарина: по его мнѣнію, „упадокъ кредитнаго рубля не имѣлъ особеннаго вліянія на подъемъ цѣнъ на землю, который произошелъ отъ другихъ явленій (въ родѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ и т. п.)“ Паденіе цѣнности кредитнаго рубля имѣло для крестьянъ даже „благотворное“ вліяніе, такъ какъ оно „понижило самыя крестьянскія повинности“. Выходить, что г. Самаринъ отвергъ самый фактъ рѣзкаго вздорожанія земли *послѣ* недавняго паденія кредитнаго рубля, такъ какъ нельзя же понять его въ томъ смыслѣ, будто рѣзкій подъемъ цѣнъ въ 1879 и 1880 годахъ послѣдовалъ отъ вліянія тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя опоясали внутренность Россіи и главнымъ образомъ черноземныя мѣстности еще въ концѣ шестидесятихъ и началѣ семидесятихъ годовъ: не дѣйствовали-молъ дороги 8—10 лѣтъ—и вдругъ разомъ подѣйствовали. Онъ видитъ вздорожаніе земли отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, но отрицаетъ повидѣйшее вздорожаніе. — Въ итогѣ подобныхъ разнорѣчій ничего опредѣленнаго не явилось.

Итакъ, вотъ какія крупныя разнорѣчія выступили предъ нами: земли и сильно вздорожали послѣ упадка цѣнности денегъ, и вовсе не вздорожали; дороговизна и упадокъ денегъ—и разоряютъ сельское населеніе, и вовсе „не отзываются тяжело“ на мужикѣ, и даже оказываютъ на мужика „благотворное“ дѣйствіе! Извольте тутъ разбраться, извольте примирить подобныя показанія.

Слушая подобныя вещи, можно было бы не удивляться, если бы онѣ исходили отъ какихъ-нибудь записныхъ теоретиковъ, вовсе не выдавшихъ деревни, у которыхъ часто расходится результаты фантастическихъ построеній. Но вѣдь предъ нами собраніе, составленное изъ людей, призванныхъ для нашего просвѣщенія, патентованныхъ знатоковъ сельскаго быта и не даромъ числившихся въ званіи „свѣдущихъ“! Какъ же тутъ не впасть въ недоумѣніе? И худо, что все стало дорого, и—хорошо, что все стало дорого; и хуже стало мужику, и въ то же самое время—лучше стало мужику! Да такія рѣчи можно услышать и въ кружкѣ чиновниковъ, и отъ кабинетныхъ сочинителей, и вообще въ самыхъ „не-свѣдущихъ“ сферахъ. Люди спорятъ о самыхъ элементарныхъ вещахъ, они расходятся въ мнѣніяхъ не только относительно причинъ извѣстныхъ явленій, но даже относительно существованія или несуществованія *фактовъ*, проходящихъ предъ ихъ глазами. Все это, разумѣется, могло не столько „научить“ насъ, сколько убѣдить въ распространенности у насъ самыхъ существенныхъ недоразумѣній относительно наиболѣе важныхъ явленій нашего сельскаго экономическаго быта.

Въ виду такихъ недоразумѣній, никакъ не лишнимъ будетъ прослѣдить измѣненія цѣнъ за послѣднія девять-десять лѣтъ, хотя бы даже по неполному матеріалу, какой можетъ, напримѣръ, дать сравненіе данныхъ Валуевской комиссіи съ сельскохозяйственными данными новѣйшихъ изданій вѣдомства государственныхъ имуществъ. Пора взглянуть серьезнѣе въ дѣло равномѣрности и неравномѣрности измѣненія цѣнъ, и если нѣтъ у насъ болѣе совершеннаго матеріала — надо утилизировать тотъ, какой уже есть, потому что и онъ даетъ возможность строить выводы не на однихъ гаданіяхъ, фразахъ и случайныхъ единичныхъ отзывкахъ, а на болѣе положительномъ основаніи. Обращаясь къ упомянутому матеріалу, мы, разумѣется, не претендуемъ на полную точность, но въ данномъ положеніи важны и приблизительные выводы. На замѣчанія же о неполнотѣ матеріала всего лучше будетъ отвѣтить: улучшайте матеріалъ! Дѣлайте его болѣе обильнымъ, приспособляйте его къ тому, чтобы онъ могъ какъ можно лучше отвѣчать на вопросъ о соразмѣрности возрастанія цѣнъ — на эту важную сторону сельской экономической исторіи.

Склоненія неравномѣрности измѣненія цѣнъ въ невыгоду представителей труда можно было ожидать заранѣе не только по практическимъ наблюденіямъ, но и по теоретическимъ соображеніямъ. Земельная рента вообще имѣетъ такую же естественную наклонность къ повышенію, какъ рабочая плата — къ пониженію. Земельное пространство, не увеличивается, а число рабочихъ рукъ умножается, слѣдовательно, при неразвитіи у насъ другихъ производствъ, одно это уже должно невыгодно измѣнять цѣну труда. Во многихъ мѣстностяхъ распахано уже все, что только можно было распахать, почему тамъ нѣтъ основанія рассчитывать на увеличеніе спроса на земледѣльческій трудъ путемъ распашки новинныхъ полей, лѣсовъ и т. п. А далѣе идетъ цѣлый рядъ искусственныхъ неблагопріятныхъ вліяній: задержка отлива рабочаго населенія изъ тѣсныхъ губерній въ просторныя — извѣстными стѣсненіями переселеній и паспортною системою, затрудняющею даже продолжительныя отлучки; незначительность надѣловъ у большой массы земледѣльцевъ, заставляющая ихъ усиленно нанимать постороннія земли; податная система, поддерживающая и развивающая запродажу труда впередъ за сильно повышенную цѣну, даже противъ той, какая бы могла держаться при валичныхъ условіяхъ спроса и предложенія; отсутствіе дешеваго кредита для сельскаго населенія, который могъ бы отстранять подобныя разорительныя сдѣлки и при всякой невзгодѣ открывать земледѣльцу возможность исхода, помимо ростовщичества, въ формѣ займа или въ формѣ удешевленной продажи будущаго труда; способы взысканія недоимокъ, напоминающіе старую басню о зарѣ-

занной курницѣ, носившей золотыя лѣща; крайній недостатокъ средствъ народнаго образованія, поддерживающій общую безграмотность, которая дѣлаетъ мужа безсильнымъ въ защитѣ отъ всѣхъ неблагопріятныхъ вліяній и въ отысканіи какого-нибудь выхода изъ труднаго положенія, нагляднымъ примѣромъ чему служатъ хоть бы тотъ огромный рискъ, которому подвергаетъ себя земледѣлецъ въ своихъ скитальческихъ поискахъ за обѣтованною землею, не представилъ себѣ ясно—куда онъ идетъ и что именно можетъ найти вдали отъ родины? Предоставленный самому себѣ, не встрѣчающій специальной заботы о себѣ, затягивающійся въ долгъ, связанный путами невѣжества,—но въ то же время сильно размножающійся людъ, разумѣется, не можетъ достигать выгодныхъ цѣнъ на свой трудъ, между тѣмъ какъ тѣ же самыя условія выгодно отражаются для земельной ренты. Такимъ образомъ, измѣненіе цѣнъ къ невыгодѣ труда должно было совершаться даже помимо какихъ либо случайныхъ вліяній. Но въ послѣдніе годы, къ постояннымъ вліяніямъ присоединились еще новый важный факторъ — потрясеніе цѣнъ денегъ, выразившееся въ дороговизнѣ предметовъ первой необходимости для населенія.

Эта дороговизна, какъ извѣстно, стала сильно обнаруживаться съ 1879 года, росла очень быстро и создала общее экономическое потрясеніе, отразившееся на всѣхъ интересахъ: относительно на не многихъ—благопріятно, на большинство—очень неблагопріятно. Понятно, что на хлѣбъ она должна была отразиться всего скорѣе, какъ это и оказалось. Иностранецъ, платившій за извѣстное количество нашего хлѣба фунтъ стерлинговъ, готовъ—при сохраненіи прежнихъ условій спроса и предложенія—платить за него тотъ же фунтъ стерлинговъ, но этотъ фунтъ, въ переводѣ на упавшіе кредитные рубли, составляетъ уже не прежнее число рублей, а процентовъ на тридцать большее. А такъ какъ мѣрило нашихъ цѣнностей—кредитный рубль, то нашъ хлѣбъ видимо поднялся въ денежной цѣнѣ.—Какъ только подорожалъ хлѣбъ—сейчасъ должна была вздорожать и земля, родящая этотъ хлѣбъ. И дѣйствительно, съ 1879 года мы получили массы извѣстій о рѣзкомъ подъемѣ земельныхъ цѣнъ.—Если бы немедленно перестроились и всѣ остальные цѣны — включительно съ цѣною труда—бѣда была бы еще не особенно велика: потерпѣли бы денежные капиталисты, держащіе свои капиталы въ процентныхъ бумагахъ кредитной валюты, потерпѣли бы разные пенсіонеры, доходъ которыхъ опредѣляется точно опредѣленною цифрою рублей и т. п.; у всѣхъ этихъ людей капиталы или доходы точно усвоили бы меньшую противъ прежняго покупательную силу. Но въ отношеніи къ большинству, къ классамъ производящимъ, этого бы не случилось. Вообще, тутъ измѣнился бы только *аршинъ*, которымъ измѣряютъ

цѣнности, но не измѣнились бы относительныя величины самихъ цѣнностей, т.-е. не измѣнились бы реальныя выгоды отдѣльныхъ классовъ: землевладѣлецъ доходомъ прежняго числа десятинъ покупалъ бы прежнее количество труда, представитель труда прежнимъ количествомъ послѣдняго пріобрѣталъ бы прежнее же количество средствъ пропитанія и т. д. Но въ томъ то и вопросъ—*есть* ли цѣны перестроились и—*одинаково* ли онѣ перестроились? А на такой вопросъ всего краснорѣчивѣе отвѣчаютъ факты; они лучше всего покажутъ—кто дѣйствительно выигралъ, и кто дѣйствительно теряетъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что причины совершившагося измѣненія цѣнъ сводятся къ двумъ главнымъ: 1) къ общему ходу экономическихъ условий нашихъ, дѣйствующихъ медленно, но постоянно (равноженіе населенія, стѣсненія переселеній, податная система и т. п.); и 2) къ упадку цѣны кредитныхъ билетовъ, повліявшему вдругъ и очень рѣзко. Въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя обнаружатся изъ сравненія цѣнъ 1872 и 1881 годовъ, участвуютъ обѣ эти причины; точно разграничить ихъ вліянія, конечно, невозможно, но несомнѣнно, что послѣдняя причина дала гораздо большіе результаты. Это отчасти и выяснится изъ приводимыхъ ниже данныхъ.

Для нашей цѣли мы попытаемся утилизировать, главнымъ образомъ, труды Валуевской комиссіи и новѣйшее изданіе вѣдомства государственныхъ имуществъ: „1881-ый годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“,—прибѣгая, по мѣрѣ надобности, и къ нѣкоторымъ другимъ источникамъ. Два названные выше источника обрисовываютъ намъ двѣ эпохи: 1872 и 1881 годы. 1872-ой годъ имѣетъ значеніе потому, что тогда въ первый разъ были собраны обильныя свѣдѣнія о нашихъ деревенскихъ условіяхъ, а 1881-ый годъ—годъ, во первыхъ, къ намъ очень близкій, а во вторыхъ—болѣе нормальный, чѣмъ предшествующіе ему, такъ какъ къ этому времени болѣе успѣли опредѣлиться результаты упадка денегъ, и притомъ въ этомъ году не было неурожая, какъ въ 1880, принесшемъ значительной части русскихъ мѣстностей—голодъ.

Переходимъ къ фактамъ и прежде всего—къ земельнымъ цѣнамъ. Чтобы по возможности избѣгать случайныхъ явленій и сравненія не вполне однородныхъ предметовъ, остановимъ главное вниманіе на мѣстностяхъ, отличающихся сравнительно ровнымъ достоянствомъ земли, и гдѣ земледѣльческая промышленность имѣетъ наибольшее значеніе, именно—къ черноземнымъ губерніямъ южной половины Россіи. Земельныя цѣны выражаются въ продажныхъ и арендныхъ, но намъ придется имѣть дѣло только съ послѣдними, такъ какъ первыя подвержены болѣе зависимости отъ случайностей, и данныя о нихъ менѣе обильны, да притомъ и всякія эконо-

мическія вліянія скорѣе отражаются на арендной цѣнѣ, чѣмъ на продажной. Къ тому же вынуждаетъ насъ и свойство матеріала: относительно 1881 года—въ нашемъ источникѣ все только арендные цѣны.

Начнемъ съ внутреннихъ черноземныхъ губерній.

	Въ 1872 г.	Въ 1881 г.
Въ курской губ., Щигровскомъ уѣздѣ наемъ десятины	руб.	руб.
подъ озимый посѣвъ стоить	14—20	20—30
Наемъ яровой десятины	10—12	10—22
Въ другихъ уѣздахъ:		
Рильскомъ, озимая десятина	8—18	15—25
Путявльскомъ, озим. >	18	25
> яров. >	6—10	6—11
Львовскомъ, озимая >	14—15	17—25
> яровая >	10—11	10—16

Воздержимся отъ приведенія слишкомъ большого числа примѣровъ, не только во избѣжаніе загроможденія настоящей статьи цифрами, но главнымъ образомъ потому, что насъ къ этому вынуждаетъ свойство матеріала. Приходится выбирать такіе уѣзды и такого рода наймы, о которыхъ опредѣленные цифровыя данныя встрѣчаются въ *обоихъ* нашихъ источникахъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ по курской губерніи обращаетъ на себя вниманіе сходство нормъ вздорожанія земли въ теченіе десятилѣтняго періода. Уклоненія отъ средней нормы этого вздорожанія незначительны. Въ среднемъ же выводѣ по всѣмъ примѣрамъ получается вздорожаніе земли въ *полтора раза*.

Станемъ теперь постепенно переходить отъ одной губерніи къ другой.

Орловская губернія:		1872 г.	1881 г.
уѣзды:		руб.	руб.
Малоархангельскій, озим. дес.	>	14—17	20—27
> яров. >	>	8—12	12—25
Ливенскій, озим. >	>	12—16	20—30
> яров. >	>	10—12	15—25
Орловскій, озим. >	>	12—14	15—25
> яров. >	>	6—7	7—12

Здѣсь обнаруживается тоже, что и въ курской губерніи, только процентъ вздорожанія немого выше. Въ среднемъ выводѣ поднятіе цѣны выходитъ нѣсколько больше, чѣмъ въ полтора раза; въ отдѣльных случаяхъ оно встрѣчается и почти вдвое.

Тамбовская губернія:		1872 г.	1881 г.
уѣзды:		руб.	руб.
Кирсановскій, озим. дес.		6—12	12—17
» яров. »		6—11	12—15
Тамбовскій, озим. »		8—15	15—25
» яров. »		6—13	10—18
Усманскій, озим. »		20	18—30
» яров. »		15—18	12—25
Козловскій, озим. »		10—17	16—25
» яров. »		6—15	10—20

Общій выводъ—вздорожаніе въ *полтора* раза.

Пензенская губернія:		1872 г.	1881 г.
уѣзды:		руб.	руб.
Нижнеомовскій, озим. дес. . . .		6—9	12—25
» яров. »		5—8	10—16
Чембарскій, озим. »		5	10—16
» яров. »		5—6	10—15

Тутъ уже выходитъ поднятіе цѣны болѣе чѣмъ *вдвое*. Охотно допускаемъ, что здѣсь могутъ сказываться какія-нибудь особенныя случайныя вліянія, или даже результатъ невѣрности показаній. Впрочемъ, если даже вовсе выбросить изъ счета примѣры пензенской губерніи, общіе выводы почти не измѣнятся.

Рязанская губернія:		1872 г.	1881 г.
уѣзды:		руб.	руб.
Саложковскій, озим. дес.		8—10	10—25
» яров. »		6—8	10—23
Рязскій, озим. »		12	13—25
» яров. »		10	12—20

Здѣсь—вздорожаніе въ *одинъ и три четверти* раза.

Тульская губернія:		1872 г.	1881 г.
уѣзды:		руб.	руб.
Чернскій, озим. дес.		7—12	12—20
» яров. »		6—8	8—15
Крапивненскій, озим. »		6—12	9—20
» яров. »		6—10	8—15
Тульскій, озим. »		5—8	6—12
» яров. »		4—9	4—8

Опять выводъ—*полтора* же раза.

Воронежская губернія:		1872 г.	1881 г.
уѣзды:		руб.	руб.
Земляевскій, озим. дес.		12—14	15—30
» яров. »		9—12	12—18
Валуйскій, озим. »		5—8	5—12
» яров. »		3—5	4—11

Выводъ—такой же.

Перейдемъ къ Малороссіи и остановимся на *полтавской губерніи*:

	Уѣзды:	1872 г.	1881 г.
	руб.	руб.	
Кобеляскій, десят.	вообще	4	6—12
Дубенскій, озим.	дес.	4	4—8
»	аров. »	3½	5—10
Кременчугскій, озим.	»	6—7	10
»	аров. »	5—6	10
Полтавскій, озим.	»	6—7	8—15
»	аров. »	4	6—10

Здѣсь выводъ—болѣе чѣмъ въ 1½/4 раза.

Относительно новороссійскихъ губерній, наши свѣдѣнія отличаются болѣею стрывочностью, и потому менѣе могутъ быть пригодны для пользованія въ видахъ нашей цѣли. Притомъ же они и менѣе точны. Напримѣръ, по Александровскому уѣзду, екатеринославской губерніи, относительно 1872 года показана цѣна отъ 3 до 5 р. съ десятины кругомъ, а относительно 1881 года встрѣчаются цѣны на озимую десятину и въ 2 р., и въ 5—10 р., такъ что отсюда можно вывести, что угодно: и вздорожаніе, и удешевленіе. Поэтому мы ограничимся относительно Новороссійскаго края лишь очень немногими цифрами, болѣе опредѣленными:

	1872 г.	1881 г.
	руб.	руб.
Верхнеднѣпровскій уѣздъ, екатер. губ. за дес. вообще	2½	5—10
Славяносербскій » » » » »	3	3—6½
Елисаветградскій уѣздъ, херсонск. губ. » »	3—5	4—10
Александрійскій » » » » »	4—6	8—12

Сколько нибудь точные выводы изъ этихъ цифръ дѣлать трудно; видно только, что вздорожаніе значительно. Осторожность въ пользованіи поуѣздными данными о Новороссійскомъ краѣ тѣмъ болѣе необходима, что въ подобныхъ степныхъ мѣстностяхъ колебанія цѣнъ въ однихъ и тѣхъ же уѣздахъ производятся и различіемъ въ степени заселенности, и существованіемъ еще значительнаго количества новинныхъ земель, цѣны на которыя выше цѣнъ сосѣднихъ пашень, и болѣеимъ вліяніемъ предшествовавшихъ урожаевъ и неурожаевъ. Вообще, тутъ вліяніе случайностей сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ еще нѣсколько данныхъ о двухъ плодороднѣйшихъ юго-западныхъ губерніяхъ:

	1872 г.	1881 г.
	руб.	руб.
Кіевская губернія:		
Черкасскій и Чигиринскій уѣзды, озим. дес. . .	5—9	12—20
» » » аров. » . .	3—6	10—18

Въ подольской губерніи около 1872 года годовая арендная плата за десятину стояла отъ 6—7 руб., а относительно 1881 года, мы встрѣчаемъ нѣсколько цѣнъ, изъ которыхъ преобладающая—10 р. Недостатокъ подробныхъ данныхъ по уѣздамъ особенно неудобенъ относительно этой губерніи, отличающейся большею частью одинаковымъ качествомъ земли. Впрочемъ, и наши недостаточныя свѣдѣнія по юго-западному краю приводятъ къ получавшемуся уже выводу по другимъ губерніямъ о вздорожаніи земли въ полтора раза.

Итакъ, пройдя цѣлый рядъ наиболѣе плодородныхъ русскихъ губерній, мы вездѣ нашли сильное поднятіе цѣнъ за послѣднее десятилѣтіе, несмотря на то, что и цѣны 1872 года выражали, въ свою очередь, огромное вздорожаніе противъ шестидесятихъ годовъ. И при этомъ преобладающею нормою вздорожанія во всѣхъ выше приведенныхъ примѣрахъ оказывается—*полтора* раза. Эта норма, впрочемъ, не только преобладающая, но и средняя. Можно допустить случайность въ каждомъ отдѣльномъ примѣрѣ, можно относиться скептически къ отдѣльнымъ цифрамъ, но когда масса примѣровъ сводится почти къ одному и тому же выводу—это уже не случайность, а нѣчто болѣе положительное, болѣе прочное, дающее право дѣлать серьезныя заключенія.

Не можемъ не пожалѣть о томъ, что недостатокъ данныхъ мѣшаетъ опредѣлить самый ходъ вздорожанія земель въ теченіе десятилѣтія, т.-е., когда это вздорожаніе шло тихо, и когда оно дѣлало рѣзкіе скачки. Выясненіе этой стороны дѣла могло бы пособить разграниченію вліянія общихъ сельско-экономическихъ условий и вліянія упадка денегъ. Но здѣсь отчасти помогутъ данныя о хлѣбныхъ цѣнахъ, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

Обращаемся къ тѣмъ же источникамъ, что и относительно земельныхъ цѣнъ, а изъ хлѣбовъ остановимся на ржи, пшеницѣ и гречихѣ, какъ идущихъ на главные предметы народнаго питанія—хлѣбъ и кашу.

Въ курской губерніи преобладающая цѣна четверти пшеницы была въ 1872 году—8½ руб., а въ 1881 г.—12¾ руб., а прочихъ хлѣбовъ:

	1872 г.	1881 г.
	руб.	руб.
Ржи	3½	7½
Гречихи	4	6¼

То-есть, за десять лѣтъ пшеница и гречиха вздорожали въ *полтора* раза, а рожь (главный предметъ продовольствія) даже болѣе, чѣмъ *вдвое*.

Въ другихъ губерніяхъ:

	1872 г.	1881 г.
	руб.	руб.
тамоховской, рожь	4 ¹ / ₄	7 ¹ / ₂
» пшеница	9	12
» гречиха	4 ¹ / ₄	6 ³ / ₄
орловской, рожь	4 ¹ / ₄	9
» пшеница	9	18
» гречиха	8	6 ¹ / ₂
ризанской, рожь	5	8 ¹ / ₂
» пшеница	7	12
» гречиха	4	6 ¹ / ₂
тульской, рожь	5 ³ / ₄	8 ¹ / ₂
» пшеница	9	18
» гречиха	5	7

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ замѣчается нѣкоторое разнообразіе повышенія цѣнъ разныхъ хлѣбовъ, но повышеніе пшеницы и гречихи содержитсяъ около полутора раза, а рожь почти вездѣ вздорожала сильнѣе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—вдвое.

Въ полтавской губерніи пшеница поднялась въ цѣнѣ съ 6¹/₂ р. до 11 р., гречиха—съ 2³/₄ р. до 4¹/₂ р., а рожь—съ 3 р. до 6¹/₂ р. Слѣдовательно, выводъ почти тотъ же, что и относительно пониженныхъ выше губерній.

Въ юго-западныхъ губерніяхъ: въ кievской—рожь поднялась съ 4 р. до 8 р., въ подольской—съ 4¹/₂ до 8 р., а въ волынской—съ 5¹/₂ до 8 р.; пшеница, въ кievской—съ 6¹/₂ до 10 р., а въ волынской—съ 7¹/₂ до 12 р.; гречиха, въ кievской—съ 4 до 5 р., а въ волынской—съ 4 до 6 р. То-есть, опять пшеница и гречиха вздорожали почти въ полтора раза, а рожь—почти вдвое.

Въ новороссійскихъ губерніяхъ, рожь поднялась до 8 р., въ херсонской—съ 5 р., а въ екатеринославской—съ 4¹/₂ р.; пшеница же—съ 8¹/₂ и 10 р. до 12 и 12¹/₂.

Случайно или нѣтъ, но вездѣ оказывается, что главный предметъ народнаго потребленія, рожь, поднялся въ цѣнѣ болѣе, чѣмъ прочіе хлѣба, и что преобладающая норма его—около 1³/₄ раза.

Конечно, принимать въ расчетъ хлѣбныя цѣны слѣдуетъ съ большою осторожностью и осмотрительностью. Не говоря уже о томъ, что принятое въ таблицахъ изданія вѣдомства государственныхъ имуществъ опредѣленіе цѣнъ кругомъ по цѣлымъ губерніямъ можетъ имѣть нѣсколько шаткѣ основанія, и что здѣсь большую роль можетъ играть полученіе сравнительно большаго числа свѣдѣній изъ мѣстностей болѣе или менѣе дороговизны—нельзя упускать изъ виду, что хлѣбныя цѣны подвержены несравненно сильнѣйшимъ колебаніямъ, чѣмъ, напримѣръ, земельныя цѣны. Случился голодъ,

увеличился или уменьшился заграничный спрос на русскій хлѣбъ, былъ ли обильный урожай, и цѣны вдругъ поднимаются или вдругъ падаютъ. Тогда какъ земельныя цѣны постоянно измѣняются въ одну сторону—къ вздорожанію—цѣны на хлѣбъ то сильно поднимаются, то значительно падаютъ, хотя въ послѣднее время паденія были и рѣже, и незначительнѣе, такъ-что въ общемъ ходѣ дѣла слишкомъ явно выдается *прочный подъемъ*, около уровня котораго и держатся всѣ колебанія. Для приблизительнаго обозначенія этого уровня „прочнаго подъема“, данныя одного года, разумѣется, недостаточны; нужно брать два-три года, подчинявшихся разнообразнымъ вліяніямъ, и изъ нихъ выводить нѣчто среднее. Такъ какъ въ ряду приведенныхъ цифръ однимъ изъ первыхъ возникаетъ вопросъ—насколько въ состоявшемся возвышеніи цѣнъ имѣли значенія случайныя вліянія, и насколько—болѣе прочно сложившіяся условія, то къ приведеннымъ цифрамъ необходимы еще нѣкоторыя объясненія.

Мы брали 1872 и 1881 годы, но не былъ ли каждый изъ этихъ годовъ исключительнымъ? Вѣдь если сравнивать болѣе ранній дешевый годъ съ болѣе позднимъ неурожайнымъ—вздорожаніе окажется преувеличеннымъ, и наоборотъ, при сравненіи стараго дорогаго съ новымъ дешевымъ годомъ—оно выйдетъ преуменьшеннымъ. Что же такое были эти 1872 и 1881 годы?

1872-й годъ не былъ годомъ дешевымъ для своей эпохи. Гдѣ мы встрѣчаемъ въ трудахъ Валуевской комиссіи рядъ свѣдѣній за нѣсколько лѣтъ, болѣею частью оказывается, что цѣны 1872 года были или не ниже, или даже значительно выше, чѣмъ въ ближайшіе предшествовавшіе годы. Въ значительной части страны въ 1872 году былъ неурожай. Тогдашнія цѣны оказываются даже высшими противъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ годовъ, какъ, напримѣръ, 1874 г. Съ другой стороны, 1881 годъ представляется, наоборотъ, болѣе благоприятнымъ годомъ. Слишкомъ свѣжъ въ нашей памяти прекрасный урожай этого года, дававшій населенію выдти изъ крайне труднаго положенія, оставленнаго въ наслѣдство 1880 годомъ, когда продовольственный вопросъ былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ государственныхъ вопросовъ. Стало быть, случайныя, преходящія вліянія въ 1881 году склоняли цѣны не къ повышенію, а къ пониженію, и изъ сравненія 1872 года съ 1881 скорѣе можетъ выдти умаленіе, чѣмъ преувеличеніе вывода о степени вздорожанія хлѣба.

Мы имѣемъ возможность провѣрить выводы о хлѣбѣ еще по другому источнику—по XII выпуску „Ежегодника министерства финансовъ“, гдѣ приведены цѣны пуда ржи за десять лѣтъ, по показаніямъ акцизныхъ управленій. Здѣсь мы знакомимся не съ общими

только итогами за десять лѣтъ, но и съ каждымъ годомъ въ отдѣльности, что даетъ намъ возможность прослѣдить, когда цѣны измѣнялись тихо, и когда онѣ дѣлали крупныя скачки. Обратимся къ тѣмъ же губерніямъ, которыя разсматривались выше, и приведемъ относительно ихъ не одинъ годъ, а пять лѣтъ. Дѣлаемъ это потому, что почти вездѣ съ 1872 года по 1878 цѣны измѣнялись тихо, то слабо понижаясь, то немного повышаясь, и въ 1878 году были довольно близки къ цѣнамъ 1872 года. Но въ 1879 году обнаруживается рѣзкій скачекъ къ повышенію, въ 1880—дороговизна еще болѣе увеличивается, а въ 1881—уменьшается. Отсюда-то и видно, что вздорожаніе хлѣба почти вполнѣ должно быть отнесено на счетъ упадка цѣны денегъ, вызваннаго сильными выпусками кредитныхъ билетовъ и прочно обозначившагося предъ 1879 годомъ. До войны—на хлѣбныя цѣны вліяли только условія урожая, значнаго спроса и т. п.; во время войны и вслѣдъ за нею—хотя денежный курсъ и былъ плохъ, но еще не ясно было, насколько удержится такое состояніе; а потомъ, когда норма этого упадка обозначалась тверже—пошла расти хлѣбная цѣна.

Итакъ, приведемъ декабрьскія цѣны 1872, 1878, 1879, 1880 и 1881 годовъ. Средній же выводъ за три послѣдніе года примемъ за тотъ новый уровень хлѣбной цѣны, около котораго колеблются цѣны отъ случайныхъ вліяній урожая и т. п.

Губерніи:	Цѣна за пудъ ржи въ декабрѣ:					Средняя за три посл. года.
	1872 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	
	к.	к.	р. к.	р. к.	к.	р. к.
Курская	44	44	— 78	1 26	78	— 94
Орловская	—	56	— 87	1 21	82	— 97
Пензенская	41	48	— 66	1 24	71	— 87
Воронежская . . .	49	43	— 78	1 9	81	— 90
Рязанская	52	52	— 75	1 22	79	— 92
Полтавская	43	41	— 81	1 7	72	— 87
Волинская	85	61	1 7	1 19	84	1 3
Херсонская	61	56	— 84	1 14	85	— 92
Екатеринославск.	—	64	1 —	1 29	82	1 4

Итакъ, цѣны 1881 года вездѣ оказываются ниже среднихъ цѣнъ за послѣднее трехлѣтіе. При сравненіи же съ ними цѣнъ 1872 года, вездѣ, за исключеніемъ волинской губерніи, вздорожаніе оказывается болѣе чѣмъ въ полтора раза, и лишь въ херсонской оно немного менѣе, чѣмъ въ полтора раза.

Возьмемъ еще среднія цѣны по всѣмъ приведеннымъ губерніямъ, и тогда у насъ получится слѣдующій рядъ цифръ:

		Цѣна пуда ржи:	
		РУБ.	КОП.
Въ 1872 году		—	53
" 1878 "		—	52
" 1879 "		—	84
" 1880 "		1	19
" 1881 "		—	79

Поднятіе цѣны не только за весь періодъ, но даже съ 1878 года, выходитъ въ полтора раза; а если взять среднюю цѣну за три послѣдніе года (1879 — съ неважнымъ урожаемъ, 1880 — голодный, и 1881 — обильный), да принять во вниманіе, что и 1872 годъ былъ не изъ дешевыхъ, — то вздорожаніе омажется почти въ $1\frac{3}{4}$ раза, какъ выходило уже изъ данныхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Словомъ, къ какимъ источникамъ мы ни обращались — выводы получились одинаковые. Хлѣбъ вздорожалъ больше, чѣмъ въ полтора раза, и земля вздорожала въ полтора раза. Нормы обонхъ вздорожаній очень близки между собою; тѣсная взаимная связь обонхъ явленій очевидна и изъ близости этихъ нормъ, и по времени ихъ обнаруженія; вѣдь извѣстія о рѣзкомъ подъемѣ арендной платы на землю стали появляться въ 1880 и особенно въ 1881 году, когда прочное вздорожаніе хлѣба стало уже яснымъ. Одно является послѣдствіемъ другого.

Если же земельныя цѣны немного отстали отъ хлѣбныхъ, то потому, что онѣ вообще не могутъ измѣняться съ такою быстротою, какъ хлѣбныя; снимающій землю все же беретъ въ расчетъ и шансы урожая, и возможность удешевленія продукта въ будущемъ. Хлѣбную цѣну дѣлають день, недѣля или мѣсяцъ, а земельную — годъ. Можно было бы даже ожидать большаго отставанія земельныхъ цѣнъ, чѣмъ какое обнаруживается, если бы спросъ на земли не возрасталъ отъ малости надѣловъ и стѣсненія народныхъ передвиженій.

Намъ остается перейти къ цѣнамъ на трудъ.

Но здѣсь приходится встрѣчаться съ нѣскольکو бѣльшими затрудненіями, чѣмъ прежде. Первое затрудненіе — качество матеріала. Трудъ Валуевской комиссіи довольно обилень свѣдѣніями о платѣ рабочимъ. Мы находимъ въ немъ массу данныхъ и о стоимости годовыхъ рабочихъ, и о платѣ за сезонные сроки (лѣтніе и зимніе), и о помѣсячной платѣ, и о подневной платѣ коннымъ и нѣшнымъ работникамъ и женщинамъ въ разное время года и специально во время „уборки хлѣба“, то-есть въ страдную пору. Данные эти приводятся не только обобщенныя по крупнымъ мѣстностямъ, но и по отдѣльнымъ уѣздамъ. Будъ у насъ что нибудъ подобное относительно послѣднѣяго времени — наша задача была бы вовсе не трудна. Но,

къ сожалѣнiю, въ новѣйшемъ изданiи вѣдомства государственныхъ имуществъ очень мало удѣлено вниманiя такому важному предмету, какъ уровень рабочей платы по мѣстностямъ. Отъ того одна изъ интереснѣйшихъ сторонъ сельской экономической жизни настоящаго времени остается мало освѣщенной. Въ упомянутомъ изданiи мы встрѣчаемъ отрывочныя свѣдѣнiя о поденной платѣ, почти исключительно въ страдную пору, и о платѣ за подесятинную уборку хлѣба, а о стоимости годовыхъ рабочихъ нѣтъ ничего. Между тѣмъ, для вывода степени соразмѣрности или несоразмѣрности дорожанiя труда и хлѣба особенно важна именно годовая плата, какъ находящаяся въ меньшей зависимости отъ случайныхъ условiй, и опредѣляющаяся болѣе постоянными условiями даннаго времени, тогда какъ поденную часто создаютъ обстоятельства нѣсколькихъ дней: обилеиъ урожаи, а наличныхъ рабочихъ случилось мало — вотъ и поднимаются цѣны съ каждымъ днемъ; выпогодилось послѣ продолжительнаго ненастья, сократился періодъ уборки — и хозяева готовы платить что угодно, — лишь бы успѣть убрать хлѣбъ въ-время, не дождавшись новыхъ дождей. Въ ту пору, когда по пословицѣ „день кормить годъ“, дорожать каждымъ моментомъ и тутъ не удобно спорить о пятакахъ или гривенникахъ.

Обращаясь къ сличенiю поденныхъ платъ во время уборки хлѣба въ 1872 и 1881 годахъ, мы, по прежнему, должны ограничиться примѣрами только тѣхъ мѣстностей, о которыхъ имѣются свѣдѣнiя въ обоихъ нашихъ источникахъ — трудахъ Валуевской комиссiи и брошюрѣ: „1881-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношенiи“. Сравнить данныя одного уѣзда за одинъ годъ съ данными другого уѣзда за другой годъ возможно развѣ съ крайнею осторожностью. И здѣсь необходимо сдѣлать оговорку о характерѣ погрѣшностей, возможныхъ въ выводахъ изъ такого сличенiя. Что такое былъ 1881 годъ въ отношенiи къ рабочей платѣ? Лѣто этого года было особенно благопрiятно для подъема уровня послѣдней въ разсматриваемыхъ нами мѣстностяхъ; урожай былъ обилеиъ — следовательно, требовалась большая, чѣмъ обыкновенно, масса рабочихъ рукъ; частые дожди, на которые слѣдствовали общiя жалобы, сокращали удобный для уборки періодъ, дѣлая тѣмъ спросъ на рабочихъ болѣе интенсивнымъ; наконецъ, подобное же влiяніе, хотя въ какойнибудь степени, долженъ былъ имѣть отливъ рабочей воли въ степи, выразившійся въ усиленномъ переселенческомъ движенiи 1881 года. Всѣ эти кратковременныя условiя поднимали рабочую плату и почти у всѣхъ корреспондентовъ „департамента земледѣлiя“, изъ показанiй которыхъ составлена брошюра: „1881 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношенiи“, встрѣчаются отзымы въ такомъ родѣ:

„во время уборки хлѣбовъ цѣны на рабочія руки стояли вообще высокія“; „цѣны на рабочія руки были чрезвычайно высоки“; „сравнительно высокія цѣны на рабочихъ при уборкѣ и посѣвѣ объясняются тѣмъ, что хлѣбъ приходилось убирать въ весьма короткій промежутокъ времени—въ ясную погоду“ и т. д. Вообще выходитъ, что намъ придется сравнивать цѣны 1872 года съ ненормально возвышенными для своего времени цѣнами 1881 года.

Посмотримъ теперь, что покажетъ это сличеніе. Вотъ, что мы находимъ въ нашихъ источникахъ:

Курская губернія:	1872 г.	1881 г.
Поденная плата, въ рыльскомъ уѣздѣ	30—40 к.	50 к.
„ „ „ старооскольскомъ	50—70 „	50 „
„ „ „ новооскольскомъ	25—30 „	40 „
Уборка озимой десятины въ губерніи (средн. числ.)	3 руб.	8 р. 25 к.

Итакъ, при сравненіи среднихъ поденныхъ платъ (1872 г.—41 к., а 1881 г.—47 к.) выходитъ повышеніе на 15%, а при сравненіи платы за уборку десятины—8%.

Орловская губернія:

Поденная плата въ орловскомъ уѣздѣ	70 к.	60 к.

Тутъ повышенія не видно.

Воронежская губернія:

Уборка десятины ржи въ воронежскомъ и коростовскомъ уѣздахъ	2 р. 50 к.	3 р.

Выходитъ повышеніе на 20%.

Харьковская губернія:

Поденная плата въ харьковскомъ уѣздѣ	75—90 к.	Отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 30 к.
„ „ „ въ 1871 г.)	(въ 1871 г.)	
„ „ „ въ 1871 г.)	(въ 1871 г.)	

Цѣны выходятъ почти прежнія.

Полтавская губернія:

Поденная плата зеньковскаго уѣзда	70 к.	70 к.—1 р.
„ „ „ зебелявскаго „	1 р. 50 к.	1 р. 50 к.—
„ „ „ константиногр. „	1 р. 20 к.	1 р. 75 к.

Среднее повышеніе около 20%.

Кіевская губернія:

Поденная плата тараш., васильк. и бердич. уѣздовъ	40—70 к.	60 к.

Повышеніе около 10%.

Тульская губернія:

Средняя поденная плата	60 к.—1 р.	50 к.—1 р.

Рязанская губернія:

Средняя поденная плата по губерніи	55 к.	85—55 к.

Вотъ, 14 сравнительныхъ данныхъ—по 8 губерніямъ. Изъ нихъ получается среднее повышеніе по всемъ губерніямъ—8%. Конечно,

это очень немного, если принять во вниманіе выше объясненныя условія лѣта 1881 года.

Попробуемъ еще сдѣлать проверку другими данными, относящимися къ работамъ при менѣе случайныхъ вліяніяхъ, обратившись къ поденнымъ платамъ во время сѣнокоса 1882 года („1882-й годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“). Здѣсь мы опять стѣснены выборомъ данныхъ, такъ какъ хотя за 1882 годъ ихъ много, но за то относительно 1872 года очень мало имѣется свѣдѣній о платѣ во время сѣнокоса. Воспользуемся однако и немногими данными.

	Пішему рабочему, безъ харчей, платили:	
	Въ 1872 г.	Въ 1882 г.
Въ полтавской губерніи.	50 к.	40—56 к.
„ кіевской	40—70 к.	40—65 к.
„ волынскій: (заслав., нов.-волынск. и житомирскіе уѣзды)	40—50 к.	45—50 к.
„ тульской: (веневск. и крапивн. уѣзды)	60 к.	50—60 к.
Въ екатеринославской:		
бахмутскій уѣздъ	80 к.	80 к.
новомосковскій	70 к.	60 к.

Здѣсь повышенія почти не замѣтно.

Случайно ли собрались въ нашихъ источникахъ такія данныя или нѣтъ (а слышимъ много взваливать на случайности при такомъ числѣ данныхъ по разнымъ мѣстностямъ невозможно), но во всякомъ случаѣ выходитъ, что если и можно допустить подъемъ рабочей платы, то преобладающую норму его нельзя положить болѣе 10%. Это согласуется и съ общими впечатлѣніями многихъ наблюдателей, и съ тѣмъ, что никто не утверждаетъ, чтобы рабочая плата измѣнилась въ той же мѣрѣ, какъ земельныя и хлѣбныя цѣны. Конечно, мы ясно видимъ неполноту нашихъ данныхъ, но пусть же она, въ виду важности вопроса о равномерности или неравномерности измѣненія цѣнъ, хотя послужитъ поводомъ къ усиленію вниманія къ этому предмету и во включенію въ программу постоянно собираемыхъ данныхъ—параллельныхъ свѣдѣній о цѣнахъ на трудъ, землю и хлѣбъ. А пока мы остаемся при тѣхъ выводахъ, какіе у насъ получились.

Итакъ, цѣна хлѣба поднялась въ одинъ и три четверти раза; цѣна земли—въ полтора раза; цѣна труда—на 10%,—что же вытекаетъ изъ подобнаго положенія? Тѣ ли выводы, какіе у насъ обращаются въ свѣдущихъ и не свѣдущихъ кругахъ?

Для промышленника, для арендующаго землю съ расчетомъ на продажу производимыхъ ею продуктовъ, а не для собственного про-

питаѣя, такое положеніе не представляетъ никакой невыгоды и скорѣе благопріятствуетъ барышѣ, особенно, когда подъѣмъ хлѣбной цѣны нѣсколько выше подъема поземельной. Дорого нанялъ землю, — дорого продалъ и хлѣбъ, нѣсколько больше прежняго будетъ и самая разниа между доходомъ и расходомъ операціи, т.-е. является чистый барышъ промышленника. Земля для него представляетъ извѣстную *цѣну*, и хлѣбъ — тоже *цѣну*, и все сводится къ цифровому разсчету. Невольно припоминается намъ разговоръ съ однимъ изъ такихъ промышленниковъ въ одной изъ внутреннихъ черноморскихъ губерній лѣтомъ 1881 года. Промышленникъ рассказывалъ о томъ, какъ нынче земли вздорожали противъ самаго даже недавняго времени. — И не убыточно вамъ платить такіа высокіа цѣны? — спросили мы. — Какъ бы не такъ — отвѣчалъ онъ; — было бы убыточно, кабы хлѣбъ продавали по старому, по 45 коп. за пудъ ржи; а когда я за него возьму теперь рубль или рубль двадцать копѣекъ, отчего мнѣ не заплатить за землю хоть вдвое? дорого купилъ — дорого продалъ; тутъ чистый барышъ, а не обѣда.

Но совсѣмъ другое выходитъ для мужика, который хлѣбъ не продаетъ, а самъ ѣстъ.

Говорятъ также, что мужику стало гораздо легче платить подати отъ обесцѣнѣнія нашихъ денегъ, — но перейдемъ отъ этого общаго теоретическаго вывода къ конкретнымъ видамъ того, чтó у насъ совершается. Чтобы добыть денегъ на подати, мужику долженъ: или продать продуктъ своей земли, или продать свой трудъ. Здѣсь мы прежде всего попадаемъ на вопросъ — у всѣхъ ли крестьянъ есть столько *своей* земли, чтобы за собственнымъ прокормленіемъ имѣть значительный хлѣбный „избытокъ“ для продажи? А на это дать утвердительнаго отвѣта никакъ нельзя. У кого же земли мало — тому надо обратиться къ продажѣ труда. Но трудъ или вовсе не вздорожалъ, или вздорожалъ на 10%. Стало быть, за подати надо отдать такое же или почти такое же количество труда, какъ и прежде. Стало быть, мужику податной рубль такъ же или почти такъ же *дорогъ*, какъ и прежде. Это у казны, полученный ею податной рубль станетъ уже дешевле, потому что она за него меньше прежняго купитъ и хлѣба для войска, и сукна, и разныхъ другихъ вещей, и меньшую чѣмъ прежде часть заимать своего долга. Такимъ образомъ, выходитъ любопытное явленіе, что одинъ и тотъ же рубль, для казны имѣетъ одну цѣну, а для мужика — другую; послѣднему онъ дорогъ, а у первой — дешевъ; этотъ странный, капризный рубль на пути отъ одного хозяина къ другому вдругъ сталъ утрачивать процентъ на сорокъ своей цѣнности. Интересное явленіе!

На, однако, дѣйствительно ли великъ мужику тотъ барышъ отъ

„упадка цѣнности кредитнаго рубля“, о которомъ серьезно разговариваютъ иные мыслители, все еще немогущіе отдѣлаться отъ представленія о большихъ „избыткахъ“ хлѣба у всего русскаго крестьянства?

Вѣдь мужикъ не только податной плательщикъ, — онъ также существо, поглощающее хлѣбъ и наниматель посторонней земли. Хорошо, когда у него изрядный земельный участокъ, при которомъ онъ не нуждается ни въ прикупкѣ сторонняго хлѣба, ни въ сѣмекѣ чужой земли; тогда онъ дѣйствительно прокормится, продаетъ „избытокъ“ дороже, заплатитъ подати и будетъ въ чистомъ барышѣ. Но число крестьянъ всякаго размѣра надѣла теперь болѣе или менѣе извѣстно, и мы уже знаемъ, что огромная масса вовсе не имѣетъ достаточнаго для собственнаго пропитанія количества земли. Стало быть, для одной части крестьянъ выходитъ одинъ результатъ, а для всей остальной массы — совсѣмъ противоположный.

О положеніи многоземельнаго мы уже сказали выше, и оно не нуждается въ особенныхъ поясненіяхъ. Возьмемъ теперь малоземельнаго — что выходитъ для него?

Возьмемъ такой примѣръ: въ хозяйствѣ мужика черноземной губерніи — двѣ ревизскія души, четыре десятины земли, дающія (отъ озимой смѣны, разумѣется) 10 четвертей ржи, и такое число требующихъ прокормленія ртовъ, что ему надо имѣть въ годъ не меньше пятнадцати четвертей ржи. Однихъ казенныхъ и земскихъ податей на такое хозяйство придется не менѣе 20 рублей, которые, положимъ, выплачиваются продажей труда. Мы дѣлаемъ примѣрный расчетъ, но недалекий отъ дѣйствительныхъ жизненныхъ примѣровъ. Положимъ, мужикъ будетъ имѣть возможность продать достаточное количество труда на оплату повинностей, то-есть — на 20 рублей. Но при объясненныхъ условіяхъ понятно, что онъ станетъ прикупать для прокормленія семьи хлѣбъ; понятно также, что онъ и сниметъ десятины двѣ посторонней земли. Что же тутъ будетъ? Допустимъ, что трудъ дѣйствительно вздорожалъ на 10%, слѣдовательно на продажѣ его мужикъ выгадаетъ въ свою пользу двухрублевою цѣнность. Но какъ только онъ былъ вынужденъ прикупить пять четвертей ржи, то, заплативъ за четверть вмѣсто прежнихъ четырехъ рублей — восемь, онъ потерпѣлъ убытка двадцать рублей. Далѣе, какъ только онъ снялъ двѣ десятины земли, то, заплативъ за десятину — вмѣсто прежнихъ пятнадцати рублей — двадцать пять, онъ опять потерялъ двадцать рублей. Стало быть два рубля барыша на трудѣ и по двадцати рублей потери на покупкѣ хлѣба и на сѣмекѣ земли! Вотъ вамъ и благотѣльное вліяніе упадка кредитнаго рубля!... Что же, легче ли стало платить по-

дати тому, кто въ общемъ хозяйственномъ оборотѣ сталъ переплачивать нѣсколько десятковъ рублей? Мы сумѣли замѣтить теоретическій барьеръ на удешевленіи податей и забыли о необходимости для массы снимать земли и покупать хлѣбъ и о рѣзко бросающемся въ глаза подъемѣ цѣнъ на то и другое! Мы прогладѣли, что при совершившихся пертурбаціяхъ цѣнъ, вопросъ о размѣрѣ крестьянскаго землевладѣнія приобрѣлъ еще большее значеніе, чѣмъ прежде. Иначе сказать, мы, по старому обычаю, отиѣтили букашекъ и прогѣвали слона, „отцѣдили комара“ и „проглотили верблюда“. А затѣмъ и удивляемся: чтѣ за притча, что не сидится мужику на мѣстѣ и онъ все просится куда-то въ невѣдомыя степи, поискать новаго счастья въ переселеніи!

Вотъ до чего наивны встрѣчающіеся у насъ толки о значеніи удешевленія крестьянскихъ повинностей отъ упадка денегъ, о благотѣльномъ вліяніи для крестьянства дороговизны на хлѣбъ и „возвышенія цѣнности“ земли. А между тѣмъ, какъ часто слышатся подобныя толки! Недавно газеты пустили въ ходъ подобное же разсужденіе, приписанное ими даже ревизовавшему губерніи сенатору: вотъ-молъ удивительная вещь: и хлѣбъ дорожаетъ, и бумажный рубль упалъ, и „цѣнность земли“ возвышается,—а упрямый мужикъ все не богатѣетъ! Да отчего же тутъ богатѣть-то, когда мы просто принимаемъ „минусы“ за „плюсы!“ Если и есть чему удивляться, то никакъ не упрямству мужика, а скорѣе—тѣмъ оптическимъ инструментамъ, которые на него направляютъ.

Въ дѣйствительности, условія, которыхъ мы коснулись въ настоящей статьѣ, если къ чему направляютъ дѣло, то къ нѣкоторому *раздвоенію* въ средѣ сельскаго населенія: у кого земли довольно — тому и дороговизна, и упадокъ денегъ — все впрокъ; а для малоземельнаго и колымъ паче безземельнаго — дѣло сводится къ прогрессивному ухудшенію быта. Отъ этихъ условій, какъ уже сказано выше, одни богатѣютъ, и — обездоливается вся малоземельная масса. Имущему дается и приумножается, а неимущій лишается части того, что имѣлъ. Тутъ сельско-экономическій расколъ.

Хотя причины совершившихся пертурбацій цѣнъ и не лишены сложности, но слишкомъ очевидно, что между ними главнѣйшая — удешевленіе денегъ, которое какъ только установилось—сейчасъ же и рѣзко подняло цѣны на хлѣбъ и землю. Трудъ же и на этотъ разъ обнаружилъ свою способность далеко отставать отъ другихъ предметовъ во вздорожаніи. Такимъ образомъ, находившее себѣ вознагражденіе умноженіе кредитныхъ билетовъ оплатилось уже очень дорого сельскимъ населеніемъ и довело многихъ до разоренія. Пожалуй, нынѣ пообѣщаютъ, что со временемъ цѣны выравниваются, и

трудъ, хотя и медленно, но все-таки догонитъ другіе предметы въ отношеніи въ цѣнѣ; однако, если бы подобныя пророчества въ будущемъ даже оправдались—до сихъ поръ удешевленію денегъ принесены уже огромныя жертвы, притомъ бѣднѣйшимъ классомъ, и большую часть этихъ жертвъ вознаградить невозможно.

На эту сторону вліянія упадка денегъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Мы все считали только казенныя потери отъ упадка денегъ: труднѣе стало платитъ долги, содержать армію, и т. д., а потому необходимы новыя налоги, и т. п. Но надо вспомнить и о потерѣ самого населенія; надо помнить, что налогъ, налагающій на рабочее населеніе, теперь беретъ съ него *болыше*, чѣмъ даетъ казнѣ.

Мы не имѣемъ въ виду предлагать адѣсь какія-либо новыя мѣры относительно практическаго исхода. Мы только ждали выяснитъ, что существовавшія прежде нужды стали еще болѣе напряженными, и что нѣкоторые, предполагавшіеся существующими, коррективы сельскаго быта—никогда. Повторять же о необходимости ускоренія и развитія экономическихъ мѣръ, о которыхъ уже много говорилось въ печати—едва ли нужно. Развѣ прибавить, что эти мѣры слѣдуетъ отпускать не золотниками, не въ затажку,—но вѣдь и тутъ не будетъ ничего новаго. Мы видимъ, что многія нужды уже и признаны, нѣкоторые изъ игнорировавшихся или отрицавшихся прежде вопросовъ—узаконены; но важно, чтобы признаніе нуждъ и вопросовъ вело теперь къ болѣе дѣйствительнымъ и болѣе скорымъ результатамъ.

Въ заключеніе, выразимъ еще разъ желаніе, чтобы у насъ установилось постоянное собраніе параллельныхъ свѣдѣній о цѣнахъ, нѣтъ-нибудь наиболѣе важное значеніе для всесторонняго и точнаго опредѣленія измѣняющихся сельско-экономическихъ условій.

В. Воропеховъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое января, 1888.

Настроenie общества на рубежѣ двухъ годовъ. — Вопросы о самобытности и либерализмѣ; необходимость другой ихъ постановки. — Характеристическія событія прошедшаго года, въ связи съ видами на будущее. — Сессія губернскихъ земскихъ собраній. — Еще нѣсколько словъ о проектѣ уголовного уложенія.

Характеристическая черта настоящей минуты — или, лучше сказать, положенія вещей, продолжающагося уже болѣе полугода — это трудность опредѣлить ея характеръ. Никто не знаетъ, чего ожидать, на что надѣяться; напрашиваются сами собою только догадки о томъ, чего слѣдуетъ опасаться. Девизомъ предъидущаго, короткаго періода нашей государственной жизни могли служить извѣстныя слова: „tout pour le peuple, rien par le peuple“, — въ слѣдующемъ вольномъ переложеніи на русскій языкъ: „ничего для общества, кое-что для народа, но не черезъ посредство народа“; на девизъ новой эпохи нѣтъ еще до сихъ поръ достаточно ясныхъ указаній. Всѣ крупныя правительственныя мѣры, помѣченныя 1882 годомъ, были задуманы „диктатурой сердца“, исполнены „народной политикой“; сюда относятся: и пониженіе выкупныхъ платежей, и обращеніе послѣднихъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ, и учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, и новыя правила о вольныхъ людяхъ, и регламентация фабричной работы малолѣтнихъ, и финансовыя реформы, направленныя къ облегченію народной массы. Пересмотръ уголовного уложенія, составленіе гражданскаго кодекса, подготовка административной реформы — все это также входитъ въ составъ насѣдства, полученнаго настоящимъ отъ ближайшаго прошлаго. Остается, какъ мы уже разъ замѣтили, неизвѣстными результаты прежнихъ предположеній относительно облегченія быта старовѣровъ. Настоящему принадлежатъ пока только новыя правила о печати; о значеніи ихъ, какъ признака времени, мы говорили въ одномъ изъ предъ-

идущихъ обзорѣній. Случаи большей строгости по отношенію къ печати сдѣлялись болѣе частыми только въ самое послѣднее время. Что готовить для насъ ближайшее будущее, объ этомъ можно судить лишь по слухамъ—но и слуховъ, въ послѣднее время, какъ-то меньше обыкновеннаго; съ нѣкоторою достовѣрностію они касаются только области начальнаго обученія и университетскаго вопроса.

Съ затишьемъ въ правительственныхъ сферахъ не гармонируетъ, на этотъ разъ, настроеніе нашего общества; къ спокойствію и бездѣйствію оно расположено меньше, чѣмъ когда бы то ни было. Вездѣ, въ самыхъ различныхъ общественныхъ группахъ, идетъ напряженная внутренняя работа. Партіи, болѣе или менѣе обрѣтающіяся въ авантажѣ, спѣшатъ пользоваться выгодами своего положенія, переходятъ въ наступленіе, заранѣе провозглашаютъ себя побѣдителями; защищая свое право на существованіе; партіи другого рода яснѣе и полнѣе—насколько это для нихъ возможно—набѣгаютъ свои программы, опредѣляютъ свои задачи, отмежевываются другъ отъ друга. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на первый планъ, въ теченіе минувшаго года, выдвинулись преимущественно два вопроса: одинъ—старый, о національной самобытности русскаго народа, другой—сравнительно новый, но тѣсно связанный съ первымъ, о значеніи и будущности русскаго либерализма. Вопросъ о самобытности мы называли старымъ—и это названіе принадлежитъ ему по праву, если припомнить, что славянофильство, какъ организованное ученіе, существуетъ уже болѣе тридцати лѣтъ, а корни его восходятъ чуть ли не до семнадцатаго вѣка; но въ составъ стараго вопроса вошли, въ послѣднее время, новые элементы, усложнившіе его, существенно измѣнившіе его значеніе. Апеллируютъ теперь къ самобытности не только болѣе или менѣе законные наследники Кирѣевскихъ и Хомякова, не только сбродъ, влачащійся по ихъ стопамъ, какъ мародеры за арміей,—но и представители теченій, не имѣвшихъ еще недавно ничего общаго съ славянофильствомъ. Крайніе ретрограды противопоставляютъ антинациональной партіи—*національную*, какъ оплотъ могущества и благосостоянія Россіи; слова: *національность*, *самобытность*—мы читаемъ, виждѣмъ съ тѣмъ, и на знамени такой группы, которая лѣтъ шесть или семь тому назадъ причислялась и сама причисляла себя къ „либеральной“ партіи. Когда однимъ и тѣмъ же выраженіемъ начинаютъ означать нѣсколько различныхъ понятій, когда однимъ и тѣмъ же флагомъ покрываются разные товары, тогда наступаетъ пора анализировать привычный терминъ, точнѣе установить настоящій его смыслъ. Недоразумѣній такой анализъ, конечно, не устранитъ—особенно недоразумѣній сознательныхъ и добровольныхъ,—но онъ можетъ хотъ

сколько-нибудь уменьшить ихъ область, предупредить дальнѣйшее ихъ распространѣніе.

Уже самый фактъ противорѣчія между выводами, извлекаемыми изъ общей послылки, свидѣтельствуетъ о томъ, что эта послылка слишкомъ широка, или недостаточно опредѣлена. Національная самобытность — это съ одной стороны совокупность особенностей и свойствъ, образующихъ, въ данную минуту, такъ-называемую народную душу, съ другой стороны — право народа на такое устройство и развитіе своей жизни, которое всего больше гармонизировало бы съ этими особенностями и свойствами. Очевидно, что и въ томъ, и въ другомъ отношеніи народная самобытность можетъ быть понята весьма различно. Можно спорить о самой наличности извѣстнаго свойства, какъ отличительной черты народнаго характера; можно признавать это свойство измѣнчивымъ, случайнымъ, или, наоборотъ, утверждать, что оно коренится въ самой глубинѣ народной жизни; можно возводить все существующее въ перлѣ созданія или относиться къ нему критически, добиваться той или другой въ немъ перемѣны; можно, наконецъ, расхотѣться въ установленіи того, что соответствуетъ несомнѣнно даннымъ условіямъ, что вытекаетъ изъ нихъ не опровергаемыхъ фактовъ. Объявить себя приверженцемъ народной самобытности, значитъ, такимъ образомъ, сказать фразу, ничего въ сущности не предрѣшающую. Она была понятна лишь до тѣхъ поръ, пока о самобытности говорила только одна, замкнутая группа. Программа этой группы была хорошо всѣмъ знакома, слова: „національная самобытность“ — были не чѣмъ другимъ, какъ квинтъ-эссенціей славянофильской доктрины. Совсѣмъ не то мы видимъ теперь, послѣ того какъ явились новыя категоріи „самобытниковъ“. На большую дорогу борьба между нашими партіями выйдетъ только тогда, когда онѣ перестанутъ тѣшить себя устарѣлыми кличками, когда вопросъ о самобытности превратится въ вопросъ о потребностяхъ и интересахъ народа. Менѣе спорнымъ онъ отъ этого не сдѣлается, но противники станутъ, по крайней мѣрѣ, лицомъ къ лицу; меньше будетъ и ненормальныхъ союзовъ, и ненормальныхъ столкновений.

На почвѣ интересовъ и потребностей народа можетъ найти болѣе правильную постановку и другой вопросъ, до крайности запутавшійся въ послѣднее время — вопросъ о либерализмѣ. И здѣсь одно и то же слово часто означаетъ существенно различныя понятія, прилагается къ различнымъ направленіямъ политической мысли. Чѣмъ сложнее становится государственная жизнь, чѣмъ больше выдвигаетъ она на сцену новыхъ вопросовъ, тѣмъ недостаточнѣе становится старая программа, съ ея немногими основными тезисами. Эти тезисы

не потеряли своей силы, желанія, выраженные въ нихъ, продолжаютъ быть вполне законными и вмѣстѣ съ тѣмъ—у насъ, въ Россіи—далеко неисполненными; но они не отвѣчаютъ и не могутъ отвѣчать на такія требованія, которыхъ, въ моментъ установленія программы вовсе еще не существовало. Къ прежнимъ статьямъ ея должны быть присоединены другія — и здѣсь начинается неизбежное разногласіе. Группа такъ-называемыхъ „либераловъ“ такъ же мало составляетъ нѣчто цѣльное, единодушное, какъ и группа такъ-называемыхъ „самобытниковъ“; и тамъ, и тутъ, господствуетъ такое разнообразіе стремленій, въ силу котораго разстояніе между отгнѣнками мнѣнія часто ничуть не меньше, чѣмъ разстояніе между самими мнѣніями.

Если все сказанное нами до сихъ поръ не лишено основанія, то нетрудно понять, въ какой степени серьезны раздающіеся съ разныхъ сторонъ побѣдные клики о торжествѣ „національных“ началъ, объ упадкѣ „либерализма“. Какія разумѣются здѣсь національныя начала, какой либерализмъ? — вотъ первый вопросъ, съ которымъ можно обратиться къ „ликующимъ и правдо болтающимъ“. Они говорятъ, очевидно, не о внѣшнемъ торжествѣ, не о внѣшнемъ упадкѣ, а о внутренней перемѣнѣ, происшедшей въ настроеніи общества. Чтò же, увѣровало ли общество въ свою незрѣлость, въ свою неразвитость? Признало ли оно себя неспособнымъ принимать какое бы то ни было участіе въ распоряженіи собственною своею судьбою? Убѣдилось ли оно, что для него достаточно одного права—„не разсуждать“, одной обязанности—„повиноваться“? Перестало ли оно цѣнить свободу личности, свободу слова, свободу вѣрованія и мысли? Если—да, то въ такомъ случаѣ дѣло „либерализма“ безспорно можно считать похороненнымъ, по крайней мѣрѣ на время; если—нѣтъ, то оно сохраняетъ прежнее значеніе, прежнюю силу. Старая либеральная программа неполна, мы уже констатировали это выше; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы ее нужно было отложить въ сторону, объявить несвоевременной и устарѣвшей. До тѣхъ поръ, пока обществу и народу недостаетъ свѣта и простора, „либерализмъ“ можетъ быть только искусственно устраненъ, но отнюдь не упраздненъ за неважною. Убѣдилось ли общество, съ другой стороны, что Россія не должна имѣть ничего общаго съ Европой, что старую пословицу нужно перевернуть на изнанку и признать „здоровое для нѣмца — смертью для русскаго“? Укрѣпилась ли въ сознаніи большинства идея о такихъ прирожденныхъ особенностяхъ русскаго народа, которыя не могутъ быть ни измѣнены, ни дополнены, и сами въ себѣ заключаютъ всю будущность Россіи? Намъ кажется, наоборотъ, что недавній опытъ долженъ былъ подорвать довѣріе къ пророкамъ и жрецамъ „самобытности“, какъ чего-то существующаго

„an sich“ и всегда равнаго самому себѣ, какъ сокровищницы, давно наполненной до края и нуждающейся только въ бережной, ревливой охранѣ. Обстоятельства долго благопріятствовали атому ученію, благопріятствовали ему какъ никогда прежде; ничто не мѣшало ему высказаться вполнѣ, создать, по крайней мѣрѣ въ теоріи, строго законченное цѣлое. Ничего подобнаго оно не сдѣлало; оно не сумѣло даже различить враговъ отъ друзей и на нѣкоторыхъ пунктахъ прямо совналось въ своемъ безсиліи.

Остановимся нѣсколько дольше на тѣхъ событіяхъ минувшаго года, въ которыхъ всего ярче отразился, будто бы, поворотъ общественнаго мнѣнія отъ „либерализма“ къ „самобытности“. До крайности странно, даже смѣшно встрѣтить между ними — успѣхъ московской всероссійской выставки, какъ признакъ освобожденія отъ „двухсвѣтной вѣры въ безусловное превосходство всего иностраннаго“. Допустимъ, что успѣхъ этотъ на самомъ дѣлѣ такъ великъ, какимыъ выставляютъ его наши націоналы; нѣкоторую — весьма небольшую — доказательную силу онъ могъ бы имѣть, съ занимающей насъ точки зрѣнія, въ такомъ лишь случаѣ, если бы прогрессъ русской промышленности былъ чѣмъ-то уже давнишнимъ и давно высказавшимся съ полною ясностью, но только теперь признаннымъ и одѣненнымъ, въслѣдствіе паденія старыхъ предрасудковъ. Этого никто не утверждаетъ; самые крайніе панегиристы выставки видятъ въ ней доказательство завоеваній, сдѣланныхъ русскою промышленностью именно въ послѣднее десятилѣтіе. Не очевидно ли, что при такой постановкѣ вопроса разница впечатлѣній отъ прежнихъ выставокъ и отъ нынѣшней не говоритъ ровню ничего въ пользу воспослѣдовавшаго „обрушенія“ русскихъ людей, въ пользу укрѣпленія національнаго чувства? Прежде не было причины восхищаться, не было и восхищенія; теперь, съ появленіемъ первой, появилось и послѣднее. Изъ того, что русская промышленность *теперь* кое въ чемъ сравнялась съ иностранною, кое въ чемъ даже превзошла ее, еще не слѣдуетъ, что *прежняя* вѣра въ превосходство иностранной промышленности надъ русскою была результатомъ недостаточности развитія русскаго чувства. *Безусловно* эта вѣра, впрочемъ, никогда не была; тѣ немногія русскія издѣлія (напр., коженныя), которыя давно уже доведены до высокой степени совершенства, цѣнились по достоинству и въ тѣ времена, когда никому, кромѣ квасныхъ патріотовъ, не приходило въ голову связывать одобреніе или неодобреніе русскихъ товаровъ съ вопросомъ о національной самобытности. Процвѣтаніе тѣхъ или другихъ отраслей промышленности возможно при самыхъ различныхъ политическихъ и общественныхъ порядкахъ, при самыхъ различныхъ свойствахъ національности; можно признавать его — и

все-таки находить, что для счастья и силы народа нужно еще много другихъ, несравненно болѣе важныхъ условий. Московская выставка—этого никто не отвергаетъ—показала еще разъ, какъ богатъ способностями и дарованіями русскій народъ; она доказала, слѣдовательно, что нѣтъ причины держать его въ вѣчной опеки. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ области промышленности Россія многому научилась отъ западной Европы и именно ей обязана, отчасти, тѣмъ движеніемъ впередъ, которое обнаружила московская выставка; почему же нѣчто подобное невозможно въ другой, болѣе обширной сферѣ? Почему чужой примѣръ, благотворный въ одномъ случаѣ, непремѣнно долженъ быть пагубнымъ въ другомъ? Если русскіе промышленники счумѣли остаться свободными отъ рабскаго подражанія Европѣ, почему не предположить такого же умѣнья въ русскихъ государственныхъ людяхъ и политическихъ дѣятеляхъ? Попытка „самобытниковъ“ эксплуатировать въ свою пользу результаты московской выставки обрушивается, такимъ образомъ, на собственную ихъ голову; если успѣхъ московской выставки можетъ дать поводъ къ заключеніямъ политическаго свойства, то заключенія эти прямо противоположны обычнымъ взглядамъ нашихъ націоналовъ.

Другое событіе, комментируемое въ смыслѣ торжества „самобытности“—это смерть Скобелева, т.-е. отношеніе къ ней общественнаго мнѣнія и народнаго чувства. Народъ оплакивалъ въ Скобелевѣ героя послѣдней войны, надежду на случай будущей бури; насъ хотѣтъ увѣрить, что Скобелевъ былъ дорогъ Россіи, какъ авторъ двухъ-трехъ рѣчей, какъ неопитъ славянофильства. Болѣе смѣлаго извращенія истины трудно себѣ представить. Среди многотысячной толпы, шедшей за гробомъ Скобелева, среди миллионѣвъ, пораженныхъ вѣстью о его кончинѣ, много ли было людей, знавшихъ саміи фактъ произнесенія имъ рѣчей въ Парижѣ или на обѣдѣ въ память взятія Геокъ-Тепе? Меньше ли было бы народное горе, если бы Скобелевъ умеръ полугодомъ раньше, вовсе не выступивъ на политическую сцену? Агитація, поднятая надъ могилой Скобелева, несомнѣнно характеристична—но характеристична только для тѣхъ, кто ее полагалъ. Небольшимъ запасомъ внутренней силы должна обладать та партія, которая, въ минуту всеобщей печали, рѣшается выдвигать на сцену свои личныя страсти, прикрывать себя именемъ знаменитаго покойника, монополизировать его популярность, обращать его изъ всенароднаго героя въ орудіе небольшого кружка, въ проповѣдника узкой доктрины. Впечатлѣніе, произведенное смертью Скобелева, доказываетъ только одно—что русскій народъ высоко цѣнитъ и хорошо помнитъ всякую доступную и понятную для него славу. Торжествомъ „самобытности“ эта черта не можетъ считаться уже

потому, что мы находимъ ее и въ прошедшемъ русскаго народа, и въ исторіи всѣхъ народовъ западной Европы.

Нужно ли говорить о мелкихъ фактахъ, приводимыхъ въ подтвержденіе все той же тѣмы о необыкновенныхъ успѣхахъ „самобытности“ и національности? Скажетъ ли кто-нибудь на прощальномъ обѣдѣ нѣсколько фразъ о значеніи Москвы въ жизни русскаго народа; признаетъ ли официальный ораторъ необходимость считаться съ народными обычаями при новой кодификаціи гражданскихъ законовъ—все это сейчасъ же заносится въ списки „доказательствъ“, доказывающихъ, въ сущности, только одно: крайній недостатокъ въ дѣйствительныхъ, солидныхъ доказательствахъ. О явленіяхъ противоположнаго характера умалчивается при этомъ совершенно, какова бы ни была ихъ доказательная сила. На какую чашку вѣсовъ, напримѣръ, слѣдуетъ положить тотъ длинный рядъ постановленій земскихъ собраній, который наполняетъ собою всю зиму 1881—82 г.? Ограничилось ли земство тою тѣсною областью, въ которую хотѣли заключить преобразовательную работу доктринеры самобытности—областью *уѣзда*, уѣздной реформы? Положило ли оно въ основаніе своихъ трудовъ мысль о „показателяхъ пути“ и о „властной заботѣ“? Какая программа—либеральная или не-либеральная—нашла болѣе отголосковъ въ средѣ земства? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы слишкомъ ясенъ—и вотъ почему они не ставятся вовсе въ ретроспективныхъ обзорѣніяхъ, написанныхъ *ad majorem gloriam* народной политики. Мы далеки отъ мысли видѣть въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ нѣчто въ родѣ представительства страны, считать ихъ рѣшенія лучшимъ выраженіемъ народныхъ взглядовъ; нельзя отрицать, однако, что за отсутствіемъ другихъ органовъ, болѣе авторитетныхъ, земскія собранія имѣютъ право на нѣкоторое вниманіе и не могутъ быть просто скидываемы со счетовъ. Какую бы роль ни играли въ земствахъ „заѣзжіе либералы“ (статистика этого племени еще не составлена, но численность его едва ли оказалась бы большою), рядомъ съ ними сидятъ же люди, знающіе провинцію и смотрящіе на нее не сквозь призму предвзятаго мнѣнія. Коллективные заявленія такихъ людей—довольно вѣрный, сравнительно, барометръ общественной атмосферы, во всякомъ случаѣ болѣе вѣрный, чѣмъ единичныя застольныя рѣчи. Если мысль о мелкой земской единицѣ, управляемой высшимъ общественнымъ слоемъ, нашла такъ мало защитниковъ въ губернскихъ собраніяхъ, переполненныхъ представителями именно этого слоя, если всесословная самоуправляющаяся волость сдѣлалась общей программой большинства земствъ и „либеральной“ печати, если десять—или еще болѣе—губернскихъ собраній высказалось за такой, а не другой способъ обсужденія обще-

государственныхъ вопросовъ, то съ такимъ „упадкомъ либерализма“ послѣднему нетрудно примириться, точно такъ же какъ и съ „побѣдою самобытности“, доказываемою успѣхомъ мануфактурной выставки и всеобщимъ сожалѣніемъ о смерти Скобелева.

Вопросъ о всесословной волости, только что затронутый нами мимоходомъ, важенъ именно какъ пробный камень русскаго „либерализма“, какъ критерій для оцѣнки обвиненій, вводимыхъ на него мало разборчивыми противниками. Между „либералами“ въ обширномъ, неопредѣленномъ смыслѣ этого слова были, безъ сомнѣнія, и противники всесословной волости, и защитники такого ея устройства, которое привело бы къ преобладанію меньшинства надъ массою; но мы едва ли ошибемся, если установимъ внутреннюю связь между „либерализмомъ“ и такой формой мѣстнаго самоуправленія, передъ которой дѣйствительно сглаживались бы всѣ сословныя и имущественныя различія, которая доставляла бы меньшинству возможность служить массѣ, но не владѣть ею. Если бы русскій „либерализмъ“ былъ только копіей съ западно-европейскаго буржуазнаго доктринерства, его роль по отношенію къ административной реформѣ была бы чрезвычайно проста и ясна. Завѣдывать общественнымъ дѣломъ—такова была бы его исходная точка—должны лишь тѣ, которые въ немъ достаточно заинтересованы; достаточно заинтересованы въ немъ лишь тѣ, которые несутъ немалую долю обусловливаемыхъ имъ расходовъ—слѣдовательно, нужно установить извѣстный, не слишкомъ низкій имущественный цензъ и дать право голоса, право избирать и быть избираемымъ, однимъ обладателямъ этого ценза. Если бы для приверженцевъ „либерализма“ существовала лишь „интеллигенція“, призванная къ господству надъ толпою, они замѣнили бы имущественный цензъ образовательнымъ—и пришли бы къ той же олигархіи, только на другой подкладѣ. Въ значительной части земскихъ и журнальныхъ проектовъ мы не видимъ ни того, ни другого; наряду съ цензомъ имущественнымъ и цензомъ образовательнымъ, какъ возможными, но не единственными основаніями избирательнаго права, они отводятъ широкое мѣсто общинному владѣнію землею, и заботятся не о томъ, чтобы подчинить массу немногимъ, а о томъ, чтобы оградить самостоятельность массы и активное участіе ея въ самоуправленіи. Вполнѣ произвольнымъ, вполнѣ независимымъ отъ условій, завѣщанныхъ прошедшимъ и существующихъ въ настоящемъ, выборъ пути въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, безъ сомнѣнія, не былъ. Имущественный цензъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ и отчасти существуетъ въ западной Европѣ, пересталъ быть возможнымъ въ Россіи еще со времени крестьянской и земской реформы. Положеніе 19-го февраля, предоставивъ право голоса въ сельскомъ обществѣ—всѣмъ домохозяевамъ его, а въ волости—уполномо-

ченными отъ всѣхъ домохозяевъ, предпрѣшило, до известной степени, дальнѣйшую судьбу избирательнаго права—предпрѣшило ее въ томъ смыслѣ, что у насъ не можетъ быть большинства, оставленнаго за флагомъ, не можетъ быть маленькой „легальной страны“, сосредоточивающей въ себѣ всю полноту политической жизни. Земское положеніе закрѣпило совершившійся фактъ, призвавъ въ уѣздныя собранія представителей отъ сельскихъ обществъ. Логически, послѣдовательно эти основныя начала могутъ развиваться только въ одну сторону; но когда логику фактовъ не хотятъ или не умѣютъ видѣть, заслугой становится и простое признаніе ея. Такова именно, въ данномъ случаѣ, заслуга „либерализма“, разсматриваемаго въ смыслѣ прогрессивной доктрины. Нисколько не претендуя на какую-то особую самобытность, считая крестьянское самоуправленіе не мистическимъ достояніемъ русскаго народа, а естественнымъ продуктомъ историческихъ условий, онъ положилъ это самоуправленіе въ основаніе своей постройки, а „самобытники“, въ то же самое время, предложили замѣнить самоуправляющуюся волость волостью управляемою. Не правы ли мы были, требуя перенесенія спора съ почвы туманныхъ общихъ мѣстъ на почву конкретныхъ потребностей и интересовъ?

Вопросъ о всесословной волости—только одинъ изъ многихъ, по которымъ выяснилась, въ послѣднее время, истинная сущность „либерализма“. Нужно быть слѣпымъ или намеренно закрывать себѣ глаза, чтобы отождествлять либерализмъ—какъ это дѣлается еще слишкомъ часто—съ служеніемъ имущему классу, съ защитой экономическихъ привилегій. Говорятъ, напримѣръ, что въ средѣ „либераловъ“ равнодушно встрѣчена вѣсть о подоходномъ налогѣ. Приходить въ восторгъ отъ одного слуха, что въ министерствѣ финансовъ приведена или приводится къ концу работа по составленію устава о подоходномъ налогѣ, было бы по меньшей мѣрѣ странно; нужно узнать сначала содержаніе этого устава, нужно убѣдиться въ томъ, что его не постигнетъ судьба, слишкомъ часто выпадавшая на долю коренныхъ финансовыхъ преобразованій. Заранѣе опредѣлить отношеніе нашихъ партій ко всякой серьезной реформѣ, имѣющей въ виду облегченіе народной массы, весьма нетрудно; стоитъ только припомнить, какъ были встрѣчены ими недавнія правительственныя мѣры въ родѣ учрежденія крестьянскаго поземельнаго банка, обложенія наслѣдствъ и т. п. Не „либералы“ предлагали принять на государственный счетъ убытки капиталистовъ, обманувшихся въ своихъ расчетахъ на скопинскій банкъ; не „либералы“ печаловались о судьбѣ хлѣбныхъ торговцевъ, „заработки“ которыхъ уменьшились въ нынѣшнемъ году, сравнительно съ годами всеобщей голодовки.

Не радостно то чувство, съ которымъ мы вспоминаемъ недавнее прошлое и глядимъ впередъ на ближайшее будущее; но въ составѣ

этого чувства не входитъ сознание почвы, ускользающей изъ-подъ ногъ, сознание возрастающей, если можно такъ выразиться, изолированности „либерализма“. Либеральную программу легко положить подъ сукно, но не такъ легко замѣнить другою. Ея сила заключается не только въ пробуждающемся все больше и больше стремленіи общества къ самостоятельности, но и въ положительныхъ задачахъ, которыхъ недостаетъ ея противникамъ. Всѣ реформы 1880—82 г. входили въ составъ этой программы; возвращеніе къ ней и продолженіе преобразований—въ сущности одно и то же, а продолженіе преобразований—только вопросъ времени. Въ возобновленіи прерванной работы народъ заинтересованъ еще больше, нежели общество—заинтересовать не только въ томъ, что прямо касается массы, но и въ томъ, что важно, повидимому, только для меньшинства. Народъ не имѣетъ пока своихъ газетъ и журналовъ, но значительная часть его обладаетъ литературой, судьба которой неразрывно связана съ общимъ вопросомъ о свободѣ печати. Свобода совѣсти ни для кого не нужна въ такой мѣрѣ, какъ для нѣсколькихъ милліоновъ изъ среды народа. Личная свобода крестьянина обезпечена, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже меньше, чѣмъ личные права другихъ классовъ общества. Формальная сторона либеральной программы построена, такимъ образомъ, на основѣ столь же широкой, какъ и та сторона ея, которая касается матеріальныхъ условій народнаго быта.

Сессія губернскихъ земскихъ собраній, открывшаяся въ истекшемъ мѣсяцѣ, представляетъ пока мало интереснаго. Въ прошедшемъ году дѣятельность земства была оживлена вопросомъ объ устройствѣ мелкой земской единицы; въ нынѣшнемъ году слѣдовало бы выдвинуть на очередь вопросъ о переустройствѣ самихъ земскихъ учреждений, такъ какъ его неминуемо должна коснуться коммиссія М. С. Каханова. Земству ближе чѣмъ кому бы то ни было извѣстны слабыя стороны дѣйствующаго земскаго положенія; пересмотръ его, безъ предварительнаго выслушанія земскихъ собраній и безъ участія уполномоченныхъ отъ земства, не можетъ привести къ желанной цѣли. Если задача, напрашивающаяся сама собою, нигдѣ, покажѣтъ, не поставлена земствомъ, то причиной этому служить, по всей вѣроятности, недостатокъ вѣры въ быстрый и успѣшный ходъ административной или земской реформы. Источникъ этого невѣрія для насъ вполне понятенъ; мы думаемъ, однако, что оно не должно было помѣшать самостоятельной работѣ земства надъ земскимъ положеніемъ. Совершенно безплодной эта работа не осталась бы ни въ какомъ случаѣ; помимо деталей и фактическихъ данныхъ, которыми можно было бы воспользоваться при составленіи новаго закона, она заявила бы убѣжденіе земства въ необходимости кореннаго преобра-

занія, сняла бы съ земскихъ собраній всякую отвѣтственность за сохраненіе status quo, крайне неудовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ ожиданіи общаго пересмотра земскаго положенія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ законовъ, ничто не мѣшало бы устранять самыя чувствительныя ихъ недостатки, пополнять самыя замѣтныя ихъ пробѣлы. Ходатайства земскихъ собраній, направленные къ этой цѣли, слѣшкомъ рѣдко бывають успѣшны. Составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ вызываетъ, напримѣръ, уже давно самыя основательныя жалобы со стороны земства. Оплачивая содержаніе болѣе части сельскихъ начальныхъ школъ, земство имѣетъ въ училищномъ совѣтѣ только двухъ представителей—число очевидно недостаточное для постояннаго наблюденія за школами, раскинутыми иногда на огромномъ пространствѣ. Московское и тверское губернскія земства ходатайствовали недавно о включеніи въ число членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта предсѣдателя уѣздной земской управы, по самому положенію своему стоящаго весьма близко къ школьному дѣлу и имѣющаго полное право на участіе въ завѣдываніи школами. Получивъ отказъ, губернскія собранія рѣшили, въ нынѣшнемъ году, повторить свои ходатайства. Мы не знаемъ причинъ отказа; если онъ основанъ на неприкосновенности устройства, даннаго училищнымъ совѣтамъ Положеніемъ 25 мая 1874 г., то это признакъ неблагопріятный для ближайшей будущности земскаго дѣла; если онъ мотивированъ предстоящей земской реформой, то можно только пожалѣть объ отсрочкѣ, на неопредѣленное время, такой перемѣны, которая вполнѣ совмѣстна и съ существующимъ порядкомъ.

Проектъ уголовного уложенія, о которомъ мы говорили въ предыдущемъ обзорѣ, обсуждается въ настоящее время с.-петербургскимъ юридическимъ обществомъ. Въ засѣданіи 11-го декабря оно остановилось на вопросѣ о смертной казни и высказалось, большинствомъ голосовъ, противъ включенія ея въ число наказаній, опредѣляемыхъ новымъ кодексомъ. Мы видѣли уже, что редакціонная коммиссія пришла къ такому же заключенію, и если не исключила смертную казнь изъ лѣстницы наказаній, то только въ виду политической стороны вопроса, подлежащей разрѣшенію высшихъ государственныхъ установленій. Вполнѣ послѣдовательнымъ такой образъ дѣйствій признать нельзя; политическое значеніе имѣетъ не одна только смертная казнь, оно, безъ сомнѣнія, нечуждо и заточенію, и каторгѣ, и лишенію правъ—и однако во всѣхъ этихъ случаяхъ текстъ проекта согласованъ съ мотивами, выражаетъ собою окончательное убѣжденіе коммиссіи. Слѣющимъ прибавить, что существеннаго разногласія противурѣчіе между объяснительной запиской и редак-

ціей проекта, въ нашихъ глазахъ, не имѣть. Одно изъ двухъ: или доводы комиссіи будутъ найдены убѣдительными—и въ такомъ случаѣ смертная казнь, согласно мнѣнію комиссіи, будетъ исключена изъ проекта; или удержаніе смертной казни будетъ признано необходимымъ—а въ такомъ случаѣ, что помѣшало бы включить въ уложеніе нѣсколько лишнихъ словъ, хотя бы они и не были произнесены комиссіею? Центръ тяжести лежитъ не въ текстѣ проекта, а въ его мотивахъ—и съ этой точки зрѣнія комиссія исполнила свою обязанность, высказавшись рѣшительно и опредѣленно противъ смертной казни. Комиссія не сдѣлала той ошибки, въ которую впадаютъ нѣкоторые противники ея; она не нашла, что лучше включить смертную казнь въ общее уложеніе, чѣмъ оставлять для нея открытымъ только окольный ходъ, только боковую дверь. Запрещать общимъ судамъ примѣненіе смертной казни—такъ разсуждаютъ тѣ, которымъ мы теперь возражаемъ,—значить расширять сферу дѣятельности военнаго суда, значить вызывать обращеніе къ нему во всѣхъ случаяхъ особенно важныхъ, особенно опасныхъ. Но развѣ существованіе смертной казни въ лѣстницѣ наказаній, установленной дѣйствующимъ уложеніемъ, мѣшало до сихъ поръ подчинять военному суду значительную часть дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ? Расширеніе круга дѣйствій военнаго суда зависать, очевидно, не отъ болѣе или менѣе строгости наказаній, опредѣляемыхъ общими законами, а отъ совершенно другихъ обстоятельствъ. Далеко не одно и то же, притомъ, признавать смертную казнь явленіемъ нормальнымъ, отводить ей мѣсто наравнѣ съ остальными наказаніями, или допускать ее лишь въ тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, на которыя распространяются законы военнаго времени. Осужденіе смертной казни, торжественно выразившееся въ исключеніи ея изъ общаго уголовного уложенія—это первый шагъ къ безусловной ея отмініи. Вотъ почему мы надѣемся, что мнѣніе комиссіи не пройдетъ безслѣдно, и что въ текстъ уложенія будетъ внесена та поправка, необходимостъ которой столь убѣдительно доказана его мотивами.

Исходной точкой для вмѣненія преступленій проектъ, какъ и дѣйствующее уложеніе, принимаетъ десятилѣтній возрастъ; но дальнѣйшее раздѣленіе малолѣтства на два періода—отъ десяти до четырнадцати и отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ—проектомъ отвергнуто, и для всѣхъ безъ различія малолѣтнихъ (въ возрастѣ отъ десяти до семнадцати лѣтъ) установлено одно общее правило, въ силу котораго малолѣтній, признанный дѣйствовавшимъ безъ разумія, никакому наказанію не подлежитъ. Этому постановленію проекта мы сочувствуемъ вполне, но не можемъ признать правильной замѣну наказаній, устанавливаемую для малолѣтнихъ, дѣйствующимъ

нихъ съ разумѣніемъ. Отдачей въ исправительно-воспитательное заведеніе замѣняются для малолѣтнихъ только наказанія менѣе тяжкія—тюрьма, исправительный домъ, заточеніе на срокъ менѣе шести лѣтъ; въ другихъ случаяхъ, болѣе важныхъ, малолѣтнимъ угрожаетъ тюрьма на время отъ трехъ до десяти лѣтъ. Намъ кажется, что заключеніе малолѣтнихъ въ тюрьму можетъ быть допущено только по необходимости, т.-е. при отсутствіи въ данной мѣстности исправительно-воспитательнаго заведенія; разъ, что оно существуетъ, никакой другой формы наказанія—за однимъ только исключеніемъ, которое мы сейчасъ укажемъ—для малолѣтнихъ допускать не слѣдуетъ. Малолѣтній, совершившій убійство, грабежъ, поджогъ, точно такъ же нуждается въ воспитаніи и точно такъ же способенъ къ исправленію, какъ и малолѣтній, виновный въ мошенничествѣ или кражѣ; заключеніе въ тюрьму какъ тамъ, такъ и тутъ одинаково нецѣлесообразно. Основанія къ отдачѣ малолѣтняго въ исправительно-воспитательное заведеніе мы не видимъ только для тѣхъ случаевъ, когда за совершенное имъ преступленіе законъ угрожаетъ заточеніемъ. Нравственной испорченности преступленія этого рода не предполагаютъ; не зачѣмъ, слѣдовательно, и принимать мѣры къ исправленію виновнаго. Положимъ, напримѣръ, что мальчикъ шестнадцати лѣтъ слегка замѣшанъ въ политическомъ дѣлѣ; справедливо ли карать его за это отдачей въ исправительно-воспитательное заведеніе, въ которомъ онъ очутится рядомъ съ преступниками совершенно другого типа? Мы невидимъ причины, по которой малолѣтніе не могли бы быть подвергаемы заточенію, наравнѣ со взрослыми, съ сокращеніемъ конечно срока заключенія; достаточно было бы принять мѣры, чтобы наказаніе не мѣшало ихъ воспитанію. Заточеніе, по своему свойству, не можетъ быть признано несовмѣстнымъ даже съ посѣщеніемъ учебнаго заведенія, лишь бы только все свободное отъ занятій время осужденный проводилъ въ мѣстѣ заключенія. Еще менѣе желательной представляется, въ нашихъ глазахъ, замѣна заточенія для малолѣтнихъ тюрьмой, опредѣляемая проектомъ въ случаяхъ болѣе важныхъ—безусловно, въ случаяхъ менѣе важныхъ—факультативно. Заточеніе и тюрьма—наказанія до такой степени различны по своему характеру и тяжести, что одно изъ нихъ никогда не должно быть замѣняемо другимъ.

Не вполнѣ удачной кажется намъ редакція ст. 40-й проекта: „Не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное во исполненіе закона или приказа по службѣ, буде сей приказъ былъ данъ подлежащею властью съ соблюденіемъ установленныхъ на то правилъ и не предписывалъ дѣянія явно преступнаго“. „Для обязательности приказа“, сказано въ объясненіи къ этой статьѣ, „необходимо, чтобы исполнитель въ моментъ исполненія приказа не сознавалъ его явной

противозаконности, такъ какъ интересы не только частныхъ лицъ, но общества и государства одинаково требуютъ, чтобы подчиненный, исполняя въ точности возложенное на него порученіе, не былъ бы только физическимъ орудіемъ въ рукахъ начальника". Именно изъ того, что исполнитель не долженъ быть только орудіемъ въ рукахъ начальника, слѣдуетъ заключить, что онъ безусловно не въ правѣ исполнять противозаконный приказъ и подлежить отвѣтственности за его исполненіе. Конечно, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ судъ можетъ оправдать подчиненнаго, установивъ, что онъ не сознавалъ противозаконность даннаго ему приказа; но заранее признавать наказуемымъ только исполненіе приказанія *явно преступнаго*, значило бы поощрять подчиненныхъ къ неразборчивости въ исполненіи приказаній. Мы думаемъ, что вполне достаточно было бы удержать первыя слова 40-й статьи: „не почитается преступнымъ дѣяніе, учиненное во исполненіе закона“; они обнимаютъ собою и дѣйствія, совершенныя на основаніи правильнаго по формѣ и не противозаконнаго по содержанію приказа.

Переходъ отъ одного наказанія къ другому, низшему, допускается проектомъ (ст. 53)—въ случаѣ признанія обстоятельствъ, уменьшающихъ вину—только тогда, когда за судимое дѣяніе не опредѣленъ въ законѣ низшій предѣлъ наказанія; въ противномъ случаѣ отъ суда зависить только уменьшить наказаніе до установленнаго закономъ низшаго предѣла. Это ограниченіе правъ суда кажется намъ не вполне справедливымъ уже потому, что низшій предѣлъ наказанія можетъ быть назначенъ судомъ и при отсутствіи обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, если именно онъ соотвѣтствуетъ характеру и важности преступленія. Признаніе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, не будетъ имѣть, въ такихъ случаяхъ, ровно никакого значенія. Не лишнимъ было бы, съ другой стороны, установить minimum пониженія, обязательнаго для суда въ случаѣ признанія присяжными обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго. Положимъ, что за извѣстное преступленіе назначена каторга на срокъ отъ семи до пятнадцати лѣтъ. Несмотря на признаніе обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, судъ, по смыслу проекта, будетъ имѣть право присудить обвиненнаго къ тринадцати или четырнадцати годамъ каторги, т.е. понизитъ наказаніе въ меньшей степени, чѣмъ это было бы для него обязательно по нынѣ дѣйствующему закону.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

САРАТОВЪ.—Декабрь, 1882.

Не далеко еще то время, когда нашъ волжанинъ гражданскую доблесть и весь патриотизмъ выражалъ „кулачнымъ боемъ“. Праздничнымъ днемъ, послѣ ранняго обѣда, собирались въ извѣстныхъ мѣстахъ „молодцы“, составляли двѣ арміи, шли „стѣной-на-стѣну“ и проливали потоки крови до наступленія темноты. Съ мѣста побойща подбирались увѣчные и искалѣченные на всю жизнь, что, однако, никого не печалило; напротивъ—приводило въ несказанный восторгъ, ибо вполне совпадало съ развитіемъ и нравственнымъ складомъ толпы, наслаждавшейся созерцаніемъ этихъ боевъ. Зрители, въ числѣ которыхъ не мало встрѣчалось лисьихъ шубъ, енотовъ, бобровъ, куницы и соболей, приѣзжавшихъ на тысячныхъ рысакахъ,— всегда поощряли побѣдителей, щедро награждая ихъ подвиги; побѣжденные же претерпѣвали насмѣшки, свистки и уканые. Уканье—это едва ли не особенность Поволжья.—У-у-у!!! реветъ масса, словно разбушевавшаяся Волга, прогоняя сквозь себя по одиночкѣ, сквозь строй „зеленой улицы“, побѣжденных и награждая ихъ подзатыльниками и пинками... На побоищахъ публика „билась объ закладъ“, т.-е. держала пари (по мѣстному—парѣ), ибо каждая партія имѣла своего излюбленнаго героя-кулачника, содержала его, на свой „коштъ“, отпашала, откармливала и приготавливала къ состязанію, словно скотину на убой. Нерѣдко бывали и такіе случаи, что извѣстныхъ по Волгѣ бойцовъ переправляли изъ города въ городъ, съ триумфомъ, на курьерскихъ, чтобы поспѣть ко дню боя.

Среди такихъ забавъ и невинныхъ удовольствій выросли и воспитались цѣлыя поколѣнія; но времена переменились, и кулачные бои воспрещены. Измѣнились ли отъ этого нравы? Нисколько! Духъ и побужденія—тѣ же самые, только выражаются въ нѣсколько измѣненной формѣ. Въ мѣстныхъ газетахъ, напримѣръ, то-и-дѣло встрѣчаются извѣстія—какъ „мадамъ“ избива швею, мастеръ изуродовалъ ученика, торгашъ „своротилъ скулы“ прикащику. Многихъ ли возмущаетъ такое звѣрство? Едва ли. Если большинство смотритъ на это какъ на врожденную, отъ предковъ унаслѣдованную доблесть, то понятно, ни возмущаться, ни осуждать ее оно не можетъ. Обличенія печати въ этомъ случаѣ безсильны и скорѣе производятъ обратное дѣйствіе. Вотъ примѣры:

Одна изъ мѣстныхъ газетъ обличила нѣкую „мадамъ“ въ жестокое обращеніи съ мастерицами и швеями, а вечеромъ того же дня господа эта явилась на бульваръ съ дѣтьми и встрѣчала своихъ знакомыхъ словами:

— Читали обо мнѣ въ газетѣ?

— Нѣтъ. Что такое?

— Ха-ха-ха! Прочтите, пожалуйста, № 170; ужасно смѣшно!

И все это умышленно громко, чтобы слышали всѣ гуляющіе.

О-божъ со мною живетъ бѣдная старушка, пріютившая сироту племянника. Мальчикъ 14 лѣтъ кончилъ ученіе въ трехклассномъ училищѣ съ хорошимъ аттестатомъ. Пошла она „пристроить его къ мѣсту“. Выискался благодѣтель-торговецъ и взялъ его къ себѣ въ „мальчики“, пока безъ жалованья, изъ хлѣба, а на другой день послѣ того избилъ мальчугана. Посовѣтовали ему обратиться къ суду. Куда тутъ! Вступилась тетка: „Развѣ это можно,—говорить:—Куда я пойду съ нимъ послѣ суда? Его нигдѣ не примутъ“.

Можетъ быть, это мелочи, но вѣдь ихъ неисчислимое множество, и въ цѣломъ они составляютъ не что иное, какъ выраженіе той косности, о которой сказано раньше.

Въ чемъ же заключаются причины ея живучести? Судя потому, что мы наблюдаемъ, едва ли можно ошибиться, сказавъ, что означенные герои усматриваютъ себѣ поддержку и оправданіе въ отзывчивости ихъ традиціямъ со стороны толковъ о нашей самобытности и народности: во всемъ этомъ они видятъ то, что имъ естественно видѣть: оправданіе дикости своихъ нравовъ. Какъ бы то ни было, но съ этими героями приходится считаться, ибо они все-таки сила,—они составляютъ въ народѣ самый состоятельный, самый бойкій и самый беззащитный элементъ. Послѣдствіемъ сознанія такой силы явились поправленіе гражданственности, пренебреженіе закона, поспѣшныя суды. Вотъ опять факты:

Саратовская дума издала обязательное постановленіе, воспрещающее торговлю въ извѣстные часы праздничныхъ дней. Гражданинъ торгуетъ. Его привлекаютъ къ суду, который наказываетъ за нарушеніе закона денежнымъ штрафомъ.

— Г-нъ судья! — говоритъ гражданинъ, выслушавъ рѣшеніе: — чтобы вамъ не беспокоиться въ другой разъ, получите съ меня штрафы за годъ впередъ.

Другой былъ подвергнутъ денежному штрафу за нарушеніе патентнаго устава. Получилъ отъ судьи копію рѣшенія, вставилъ въ рамку и повѣсилъ въ винномъ складѣ на мѣстѣ патента.

А контракты, совершаемые арендаторами крупныхъ земельныхъ участковъ съ мелкими посѣвщиками, по существу которыхъ этотъ

послѣдній не имѣеть права коснуться къ своему хлѣбу впредь до уплаты за землю денегъ сполна; а безпрестанныя банкротства, а вся индустриальная,—что они какъ не цѣлый и безконечный рядъ правонарушеній и обходовъ закона? и отъ этой-то среды беззаконія чають „спасеніе дому израилеву“, опираясь на историческій примѣръ Мишна и забывая, что онъ жилъ 250 лѣтъ тому назадъ, когда не было ни вексельнаго устава, ни городскихъ банковъ, и забывая при этомъ, что тогда дѣло шло о борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ.

„Охотные ряды“ есть вездѣ, во всѣхъ градахъ и весяхъ; они даже нынче грамотны и—читаютъ. Прежде владѣльцы ихъ по цѣлымъ днямъ сидѣли у пороговъ своихъ лавокъ и лабазовъ, играли въ пашки и вязали шерстяные чулки, а нынѣ они читаютъ „въ газету“ и читаютъ не иначе какъ въ слухъ, такъ сказать, самоуслаждаются процессомъ чтенія, потому что безпрестанно встрѣчаются съ фразами того базарнаго и площаднаго жаргона, съ которымъ такъ усиленно, хотя и безрезультатно борется школа. Любезна эта печать потому, что избавляетъ читателя отъ необходимости обдумывать и размышлять, она бьетъ прямо на его похоть, и читающій сразу усвоиваетъ такую побрякушку. Можно поэтому представить, какое воздѣйствіе имѣетъ такая печать и что выносить изъ нея читающій.

— Охъ, какъ онъ его садануль!—говорить прикащикъ, читая фельетонъ.

— Здорово!

— Ха-ха-ха!

— А ты читай дальше, може и еще кого смѣзалъ, и т. д.

Сужденія тѣ же, какія происходили при кулачныхъ бояхъ, и не мудрено, потому что печать, въ своемъ большинствѣ, идетъ на проломъ такъ же, какъ на кулачномъ бою, одна „стѣна“ шла на другую. Не осталось лица, достоинства, убѣжденія, чувства, которыя не были бы поруганы и затоптаны въ грязь, и все въ такой грубой, возбуждающей брезгливость формѣ; — именно это-то и нравится краснорядцу, это-то его и услаждаетъ, и вотъ прочтетъ онъ такой величій листъ, а потомъ и самъ „сдакаетъ“ прикащика и выбьетъ ему два зуба. Иные, впрочемъ, находятъ, что „въ нашъ развращенный вѣкъ“ такая печать составляетъ существенную необходимость: она яко бы способствуетъ развитію доблести и патріотизма.

Народъ состоитъ, однако, не изъ однихъ краснорядцевъ и лозинниковъ, есть въ немъ и другіе элементы, на которые наша господствующая печать производитъ удручающее впечатлѣніе... Но все же дичь „шкурный инстинктъ“ дѣйствительно царитъ надъ всѣмъ. Общественная жизнь разрушилась, не оставивъ даже слѣда, и замѣнилась жизнью уличною, клубною, трактирною. Обыватель напустилъ

на себя какую-то неестественную веселость и безпечность, и хихикает кстати и не кстати. Искренній, задушевный смѣхъ пропасть, и вмѣсто его появилось какое-то дѣланое, принужденное хихиканье, возбуждающее чувство омерзѣнія. Еслибы меня спросили: чѣмъ теперь занята провинція? — я, право, затруднился бы подыскать такое опредѣленіе, которымъ можно было бы опредѣлить настоящее наше бытіе.

Замѣчательнѣе всего при этомъ то, что печать обѣихъ столицъ выражаетъ свой интересъ къ провинціи только тѣмъ, что горько упрекаетъ провинціальныя газеты въ безсодержательности, какъ бы не вѣдая вѣдшихъ и внутреннихъ условий, при которыхъ онѣ издаются и выходятъ въ свѣтъ, и какъ бы считая содержаніе столичныхъ газетъ—особенно интереснымъ.

Перейду къ дѣламъ общественнымъ и припомню, что волновало въ истекающемъ году гг. гласныхъ нашей думы, а, вмѣстѣ съ ними, и большинство обывателей. Предметъ, съ горячностью обсуждаемый думою пятый годъ, дѣйствительно и важенъ, и интересенъ, и составляетъ не что иное какъ „Радищевскій музей“, пожертвованный Саратову А. Н. Боголюбовымъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“, за прошлый годъ, была посвящена ему статья, и потому для васъ, вѣроятно, не безынтересно знать продолженіе этого дѣла.

Въ 1881-мъ году, когда, послѣ множества переговоровъ и переписокъ, окончательно рѣшено было думою построить зданіе для музея на счетъ города и изысканы для того денежные средства,—составленныя изъ плановъ выкопировки трехъ мѣстъ, на которыхъ всего удобнѣе было бы возвести зданіе (на бульварѣ, въ саду Александровскаго ремесленнаго училища и на Театральной площади), были представлены въ Петербургъ, причемъ дума высказалась въ пользу мѣста на Театральной площади, какъ самой удобнѣйшей и центральной для постройки музея; но въ Петербургѣ избрали мѣсто для музея на бульварѣ, и сообразно съ этимъ уполномоченный А. П. Боголюбова, архитекторъ Штромъ, составилъ планы. Выборъ этотъ не мало удивилъ саратовцевъ, ибо неудачнѣе его ничего нельзя было сдѣлать, тѣмъ болѣе, что жертвователю поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при музеумѣ были построены магазины, доходы съ которыхъ обезпечивали бы существованіе рисовальной школы при музеумѣ, а между тѣмъ, на бульварѣ никогда никакой торговли не было и быть не можетъ. Высочайше утвержденный планъ полученъ городскимъ управленіемъ осенью прошлаго года, вслѣдствіе чего мѣстному технику поручили составить смѣты и затѣмъ—дѣло опять затихло. Въ прошломъ февралѣ отъ жертвователя вновь получены письма (трудно сказать—которые по счету) на имя

г. губернатора и городского головы, въ которыхъ А. П. вновь просилъ дать окончательное движеніе дѣлу. Созвали думу, выслушали письма, докладъ управы и—заговорили. Заговорили, разумеется, на коммерческій ладъ, въ родѣ того, что „не мы-де одни будемъ пользоваться музеемъ, а и другіе прочіе, поэтому нельзя ли привлечь къ расходамъ на постройку и земство. Кромѣ того, не мѣшало бы нѣтъ въ рукахъ документовъ отъ жертвователя, а то—кто же знаетъ—въ животѣ и смерти—Богъ воленъ“ и т. п. Такой разговоръ повели послѣ того, какъ даръ былъ принятъ, жертвователю поднесено званіе почетнаго гражданина и рѣшено было зданіе музея во всякомъ случаѣ построить. Какъ бы ни было, но докладъ управы принять и смѣта на постройку (100 тыс. руб.) утверждена. Но какъ по нѣкоторымъ отдѣламъ послѣдней возникли технические вопросы, то рѣшили обратиться къ г. Штрому, который выразилъ желаніе лично наблюсти за постройкой зданія, и дума выразила ему по этому случаю благодарность. Получивъ извѣщеніе отъ думы, г. Штромъ не замедлилъ пріѣхать въ Саратовъ, лично осмотрѣлъ всѣ мѣста и самымъ удобнѣйшимъ изъ нихъ призналъ Театральную площадь. По случаю болѣзни городского головы, совѣщательныя собранія гг. гласныхъ, въ присутствіи г. Штрома, происходили у него на дому. Дѣло считалось улаженнымъ окончательно, и г. Штромъ уѣхалъ съ убѣжденіемъ, что официальное засѣданіе думы будетъ созвано немедленно и состоявшееся, въ извѣстномъ смыслѣ, постановленіе ея отправятъ въ Петербургъ въ слѣдъ за нимъ. Засѣданіе происходило, дѣйствительно, 9-го апрѣля, и къ не малому изумленію многихъ, раздается вдругъ протестъ противъ постройки музея на Театральной площади. Протестуютъ гласные, владельцы магазиновъ гостиннаго двора, находящагося то же на Театральной площади, противъ котораго предполагается возвести зданіе музея.

Музеумъ передъ гостиннымъ дворомъ—бѣльмо на глазу! Магазины въ этомъ дворѣ—полутемные, что способствуетъ сбыту всякой гнили, а 14 магазиновъ при музеумѣ будутъ свѣтлые, и, само собою, въ случаѣ открытія въ нихъ торговли, покупатели пойдутъ не въ темноту, а на свѣтъ,—вотъ это то что называется шкурный инстинктъ.

Возникло недоумѣніе, слышались возраженія:

— Какъ же это? Штромъ осматривалъ мѣста при васъ, при васъ была высказана мысль о преимуществахъ площади, наконецъ, это же самое подтверждено и на совѣщаніяхъ у головы, а теперь вы начинаете протестовать противъ того, съ чѣмъ соглашались сами?

— Да вѣдь это дѣло-то какое?!—восклицаютъ протестанты...—Мы всегда такъ-то: свертнемъ на скорую руку, а тамъ—хватъ-похватъ, а въ умѣ уже; не вернешь!.. Нѣ-ѣтъ! по нашему, такіа дѣла нельзя дѣлать на-скорѣ; подумать надо, вотъ что!

— Кажется, и такъ четыре года думаемъ.

— Что за бѣда! Хотя теперь и выбрали мѣсто и порѣшили, а все равно, нельзя еще не подумать... Городъ великъ, мѣстъ разныхъ много...

— Гдѣ эти мѣста—укажите!

Указываютъ на мѣсто, уступленное крѣпостнымъ порядкомъ министерству юстиціи для постройки судебныхъ зданий; рекомендуютъ частные дома, одинъ предлагаетъ свой домъ, другой—мѣсто, третій кричить: „на Полтавской площади построить“ (пустынная площадь на окраинѣ города!). Кто-то крикнулъ: „На горахъ!“ (предмѣстье Саратова съ сѣверной стороны; по правамъ, именуемое Кавказомъ) и т. д. Словомъ—шумъ поднялся невообразимый, кончившійся, однако, тѣмъ, что по баллотировкѣ, большинствомъ голосовъ, утверждено мѣсто на Театральной площади, съ тѣмъ при томъ, чтобы на планъ нанесены были и магазины при музеѣ. На этотъ разъ кончили, и большинство вышло изъ собранія съ сознаніемъ, что оно отстояло немаловажное дѣло. Но 22 апрѣля назначается новое засѣданіе думы для обсужденія нѣкоторыхъ дѣлъ, а въ томъ числѣ и заявленія 18-ти гласныхъ, „о пересмотрѣ постановленія думы 9 апрѣля, о назначеніи мѣста для постройки Раднщ. музея на Театральной площади“. На засѣданіи, при обсужденіи этого протеста, прежде всего обнаружилось, что копія постановленія 9 апрѣля въ Петербургъ еще не отослана.

— Почему?—обращаются къ городскому головѣ.

— Да вотъ, въ виду настоящаго заявленія.

— А если и на сегодняшнемъ засѣданіи вопросъ будетъ рѣшенъ тоже въ пользу Театральной площади, тогда какъ? Ожидать новыхъ заявленій и новыхъ пересмотровъ?

— Да, и ихъ будемъ разсматривать и обсуждать,—отвѣчаетъ голова.

Мало-по-малу, начинаются пренія, которыя, чѣмъ дальше, становятся азартнѣе.

— Ахъ, и какъ же это можно такъ торопиться,—толкуетъ одинъ изъ протестантовъ:—да и площадь у насъ эта какая—краса всему граду. Приѣдетъ кто въ Саратовъ—куда идти? Первымъ дѣломъ на Театральную площадь! Зданій на ней никакихъ нѣтъ, кромѣ театра и гостиннаго двора: чисто, свободно! Застройте ее музеемъ—безобразіе выйдетъ и больше ничего!

И опять повторяются прежнія предложенія домовъ, мѣстъ и пр.

Дальнѣйшими сужденіями ни сколько дѣло не подвигается, и протестанты остаются при желаніи—музея на Театральной площади не строить. „Кто-де захочетъ рѣдкости смотрѣть—дойдетъ и до другого мѣста“.

— Хорошо!—говорить одинъ гласный:—предположимъ, что для музея найдется другое мѣсто; но магазины во всякомъ случаѣ должны быть построены на Театральной площади—на ней центръ торговли.

Какъ только высказалось это предложеніе, такъ протестанты прямо сознались, чѣмъ болѣны:

— Стройте музей, такъ и быть! Ну, а на счетъ магазиновъ... того...

Одному гласному приходитъ на мысль справиться съ закономъ: имѣли ли право гласные, оставшіеся въ меньшинствѣ при рѣшеніи вопроса 9 апрѣля, подавать такое заявленіе, и подлежало ли оно доводу думѣ. Прочитанное разъясненіе сената оказалось не въ пользу протестантовъ. Это обстоятельство вызвало еще болѣе горячія пренія; но протестанты заговорили уже въ другомъ тонѣ, на тому, что „мы-молъ говорить красно не умѣемъ, законовъ не читаемъ“ и т. п. Наконецъ, опять баллотировка вопроса о мѣстѣ, и опять большинство за Театральную площадь.

Однако, все это еще притяжка; сказка впереди.

Побѣжденные протестанты не уgomонились: подавали, кажется, жалобу въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, собирали депутацію съ такой же жалобой въ Петербургъ, но оттуда вдругъ утвержденіе: строить музей на Театральной площади.

Базалось бы, теперь дѣло кончено,—не тутъ-то было! Назначаются въ городской управѣ торги на постройку зданія для музея — не состоялись, вторые, третьи,—тоже. Наконецъ, въ октябрѣ вновь домыдывалось дѣло о постройкѣ музея, и замѣчательно то, что вопросъ о немъ публиковался гораздо ранѣе, но на бывшихъ засѣданіяхъ до него „не доходила очередь“. На этотъ разъ засѣданіе велъ заступающій мѣсто городского головы.

„На четвертыхъ торгахъ,—сказано въ отчетѣ, — происходившихъ 16 сентября, подрядъ постройки взялъ нѣкто куп. Рѣпинъ и представилъ слѣдовавшій съ него залогъ. 29 сентября торги утверждены дуною, и потому предполагалось, что г. Рѣпинъ воспользуется не большимъ остаткомъ осени и немедленно приступитъ къ началу земныхъ работъ и къ заготовкѣ необходимыхъ матеріаловъ. Однако, предположенія не сбылись. Г. Рѣпинъ вдругъ подалъ заявленіе, въ которомъ отказался отъ подряда, уступая въ пользу города залогъ“.

По выслушаніи объ этомъ доклада управы, гласный г. Салько, онъ же и городской архитекторъ (смѣту на постройку зданія составлялъ онъ же), прочелъ обширную записку, въ которой, основываясь на предположеніи, что рисовальная школа для Саратова излишня и содержаніе ея будетъ непосильно для города, — между прочимъ,

проектировалъ построить зданіе для одного только музеума, безъ училища, что будетъ стоить вполонину дешевле, и кромѣ того отъ этого измѣненія зданіе выиграетъ въ архитектурномъ отношеніи. Онъ полагалъ, что на обязанности думы лежитъ забота о сохраненіи интересовъ города, рисковать которыми не совсѣмъ удобно, въ виду особенно того, что жертвователю сокровищъ для музея, профессоръ А. П. Боголюбовъ, уступаетъ городу только тѣ драгоценности, которыя хранятся въ его московскомъ домѣ,—не больше, а самый домъ этотъ, бывший тоже въ числѣ пожертвованій городу Саратову, оставляетъ за собой, равно какъ и всѣ сокровища, находящіяся у жертвователя въ Парижѣ.

Странное впечатлѣніе произвела эта неожиданность на большинство гласныхъ. Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: „Какъ, что такое, почему?“ Но никто ничего не зналъ и объяснить не могъ. Обратились опять къ г. Салько съ просьбою сообщить: откуда онъ получилъ такіа свѣдѣнія? Г. Салько отвѣчалъ, что—изъ письма г. Боголюбова къ городскому головѣ, котораго онъ самъ хотя и не читалъ, но слышалъ, какъ читалъ голова.

Всѣ были поражены и сидѣли въ какомъ-то недоумѣніи. Первый нашелся гласный А. Н. Елифановъ и настоятельно потребовалъ, чтобы письмо было показано и прочитано думѣ. Членъ управы И. Я. Славинъ принесъ все дѣло о музеѣ и отыскалъ въ немъ послѣднее письмо, писанное А. П. Боголюбовымъ собственноручно къ городскому головѣ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ. Письмо было прочитано и оказалось совершенно обратнаго содержанія. Впрочемъ, въ концѣ письма добавлено, что если къ назначенному сроку зданіе музея не будетъ готово, онъ, г. Боголюбовъ, сочтетъ себя свободнымъ отъ даннаго имъ слова... Гласные нѣсколько успокоились. „Но почему же о содержаніи этого письма не было доведено до свѣдѣнія думы?“—послышались вопросы. Еще дальше выяснилось, что на письмо это г. головою посланъ былъ отвѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ А. П. Боголюбовъ прислалъ въ управу каталогъ пожертвованій для музея. Но и отвѣтъ, и каталогъ извѣстны думѣ тоже не были!

По прочтеніи письма г. Боголюбова и отвѣта на него головы, г. Салько взялъ назадъ свое заявленіе, объяснивъ, что о существованіи такого письма онъ тоже не зналъ, и что теперь уже не можетъ быть рѣчи о какихъ бы то ни было измѣненіяхъ въ проектированномъ планѣ зданія музея. Тѣмъ не менѣе ему, г. Салько, была выражена искренняя благодарность за то, что неточность его записки помогла выясненію дѣла и способствовала оглашенію такихъ бумагъ, о содержаніи которыхъ дума ничего не знала.

За тѣмъ, дума единогласно постановила начать постройку хозлі-

ственнымъ способомъ, поручивъ ее вѣдѣнію особой комиссіи. Членовъ этой комиссіи предположено избрать посредствомъ баллотировки, но пока писали предварительныя записки, трое гласныхъ ушли, и засѣданіе, какъ немѣвшее достаточнаго числа голосовъ, закрыто...

Послѣ того, засѣданія думы не было, а между тѣмъ выпалъ снѣгъ, наступила гололедица, и земляныя работы — невозможны. Слѣдовательно, дѣло чуть не отложилось опять на неопредѣленное время.

Если бы нашей думѣ предстояло разрѣшить, напримѣръ, вопросъ о постройкѣ амфитеатра для боя гладіаторовъ, то, несомнѣнно, судьба его была бы иная.

Какихъ громаднѣйшихъ усилій стоило это дѣло противоположной партіи гласныхъ! Четыре года боролись они, а въ результатъ — нуль. Между тѣмъ, полномочія гласныхъ оканчиваются; въ концѣ декабря начнутся выборы всего состава думы и, судя по нѣкоторымъ прикѣтамъ, а также, благодаря нашему избирательному закону, нельзя рассчитывать, чтобы новый составъ былъ особенно благопріятенъ для процвѣтанія города...

Вотъ, въ чемъ сказываются эти патріоты своего отечества и помыслники развитія самобытности Руси! — во вкусѣ Аксаковской „Руси“.

Одинъ механикъ, съ которымъ я встрѣтился на пароходѣ, опредѣлилъ это такъ: „жукъ сколько ни летаетъ по свѣту, а почевать все-таки прилетитъ въ навозную кучу!..“ И больно, и обидно за родной городъ!..

Впрочемъ, думѣ стараго состава удалось, наконецъ, въ ноябрѣ избрать комиссію для завѣдыванія постройкою зданія; но и послѣ того, 18 гласныхъ, преимущественно краснорядцы, подали новый протестъ, ссылаясь на близость избранія новыхъ членовъ думы; этотъ протестъ, однако, не былъ уваженъ — и 29 ноября было приступлено къ землянымъ работамъ по постройкѣ Боголюбовскаго музея.

Городовое Положеніе, конечно, имѣло въ виду вовсе не то, чтобы въ новой думѣ повторялась вышеприведенная истерія „жука“; но все же, видно, противъ такого его возвращенія приняты далеко еще не всѣ мѣры, и потому нересмотръ избирательнаго закона въ Городовомъ Положеніи является теперь такою же настоятельною потребностью, какою десять лѣтъ тому назадъ была необходимость замѣны древнихъ городскихъ порядковъ — новыми.

Н. И.

СЛѢДСТВІЕ И СУДЪ

НАДЪ ПОЛЬСКИМИ ПОВСТАНЦАМИ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ,
ВЪ 1863—1864 ГОДАХЪ.

По официальнымъ документамъ.

Редакція „Русской Старины“, помѣстивъ въ ноябрьской книжкѣ своего журнала (1882) „Записку М. Н. Муравьева“, оказала несомнѣнную и большую услугу исторіи и русскому обществу. Эта „Записка“ неизбежно должна вызвать дополненія, возраженія и комментаріи, которыя, въ концѣ-концовъ, не могутъ не выяснить истиннаго тогдашняго положенія дѣлъ въ Сѣверозападномъ краѣ, въ 1863—1864 годахъ,—положенія, до сихъ поръ, въ сущности, малоизвѣстнаго, и не могутъ не приподнять уголъ занавѣси, скрывающей за собою истину.

Очень интересна и важна „Записка М. Н. Муравьева“, между прочимъ, еще и въ томъ отношеніи, что указываетъ на одинъ изъ очень любопытныхъ мотивовъ особенной его „энергіи“: онъ внесъ неслыханный терроръ въ несчастный край, между прочимъ, „въ пику“ своимъ *петербургскимъ* антагонистамъ, которыхъ онъ обвиняетъ еще въ преступномъ послабленіи „враголъ“ и почти въ прямой измѣнѣ.

Мы сказали, что эта „Записка“ можетъ вызвать появленіе въ печати неоспоримыхъ и подлинныхъ документовъ, служащихъ къ вѣрной характеристикѣ и правильной оцѣнкѣ дѣятельности ея автора въ Сѣверозападномъ краѣ. Мы располагаемъ именно однимъ изъ такихъ документовъ, съ которымъ будетъ весьма кстати познакомиться вслѣдъ за обнародованіемъ „Записки“ гр. Муравьева.

Прежде, однако, мы должны коснуться нѣкоторыхъ личныхъ воспоминаній, которыя, характеризуя мѣстныя условія даннаго времени, могутъ рельефнѣе отбѣсить значеніе этого документа. Признаемся, что обращаясь къ личнымъ воспоминаніямъ, мы совершаемъ подвигъ своего рода. Мы хотѣли бы забыть навсегда впечатлѣнія того времени и совершенно выгладить изъ памяти всѣ тѣ сцены... Онѣ опять возстаютъ въ нашемъ смущенномъ воображеніи, сливаясь въ образы безпримѣрныхъ человѣческихъ бѣдствій и страданій, являясь страшнымъ кошмаромъ, кровавымъ призракомъ, который потрясающею грозой своею леденитъ умъ и останавливаетъ бѣженіе сердца... Въ

качествѣ очевидца и свидѣтеля событій въ краѣ, куда занесли насъ тогда служебныя обязанности, мы имѣемъ возможность представить правдивую, но общую только картину положенія дѣлъ до и послѣ прибытія ген. Муравьева въ Вильну. Время для обстоятельной и подробной исторіи еще не настало.

Ген. Муравьевъ прибылъ въ Вильну въ половинѣ мая мѣсяца 1863 года и смѣнилъ собою ген.-адъют. Назимова. Исторія, прежде всего, возстановить тотъ несомнѣнный фактъ, что „вооруженное“ возстаніе было тогда почти уже подавлено. Жалкіе остатки разбитыхъ повстанскихъ бандъ скрывались еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ преслѣдованій и соединяясь иногда въ болѣе значительныя шайки для собственной защиты, но не для нападенія. Такова была, напр., шайка католическаго священника Мацкевича, скрывавшаяся въ лѣсахъ ковенской губерніи. Многие вожаки и предводители шайекъ успѣли бѣжать за границу, многіе повстанцы сами являлись съ повинною и предавали себя въ руки властямъ, многіе гибли въ лѣсахъ отъ голода и болѣзней, многіе оканчивали жизнь самоубійствомъ. Придуманъ былъ для этого особенный приѣмъ: стоя другъ противъ друга, со взведенными у ружей курками, повстанцы спускали по данному знаку курки и поражали другъ друга въ упоръ. О полномъ прекращеніи возстанія можно убѣдиться даже изъ самой „Записки М. Н. Муравьева“, изъ собственныхъ словъ его о приѣмѣ, сдѣланномъ ему ген.-адъют. Назимовымъ, о спокойствіи послѣдняго и нежеланіи даже вѣдаться въ разсужденія о повстаніи, какъ о дѣлѣ конченномъ; это видно также изъ показаній другихъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ передъ ген. Муравьевымъ о безсиліи и полномъ прекращеніи возстанія. Тѣмъ не менѣе, съ прибытіемъ ген. Муравьева, возстаніе признано было не только не подавленнымъ, но требующимъ исключительной энергіи для своего подавленія и, слѣдовательно, исключительныхъ полномочій... Для военныхъ дѣйствій вовсе не нужны были эти полномочія,—но они сдѣлались нужными послѣ, для внесенія въ страну неслыханнаго террора и разгрома, на которые она обречена была уже въ умѣ ген. Муравьева еще тогда, когда этотъ „великій патріотъ“, отправляясь въ Вильну, молился въ Казанскомъ соборѣ...

Съ первыхъ же дней, по прибытіи ген. Муравьева въ Литву, терроръ почувствовался, такъ сказать, въ воздухѣ. Всѣ ждали грозы и несчастій, но никто не предчувствовалъ всего того, что должно было вскорѣ произойти въ краѣ. Дрогнули всѣ—виновные и безвинные ¹⁾. Главные виновники и участники мятежа давно благополучно бѣжали,

¹⁾ Имя М. Н. Муравьева извѣстно было въ краѣ съ 1881 года, когда онъ былъ назначенъ въ Гродно губернаторомъ, тоже послѣ окончательнаго подавленія возстанія и послѣ взятія Варшавы Паскевичемъ. Муравьевъ былъ тогда еще въ чинѣ

скрылись или погибли. Но невозможно, чтобы даже и самые благонадежные или кажущіеся таковыми не были виновны,—они только не уличены! Безуспѣшность домовыхъ обысковъ, производившихся у служащихъ и не служащихъ во всякое время дня и ночи, не удовлетворяла ген. Муравьева: „я знаю ихъ, это народъ хитрый“,—твердилъ онъ. Въ одинъ день, раннимъ утромъ, по полученному ночью изъ Вильны по телеграфу приказанію, всѣ присутственныя мѣста, во всѣхъ шести губерніяхъ—виленской, гродненской, ковенской, минской, могилевской и витебской, заняты были военными караулами, подъ командою офицеровъ, съ прикомандированіемъ гражданскихъ чиновниковъ—для производства обыска. Искали улики противъ чиновниковъ „польскаго происхожденія“, искали доказательствъ ихъ участія или сочувствія къ матежу, рылись въ архивахъ и библіотекахъ, осматривали присутствія, заглядывали въ „зеркала“ и подъ „зеркала“, заходили въ классы и перелистывали книги и тетради учащихся... Нигдѣ ничего не нашли. И къ чему нужно было все это, когда судьба чиновниковъ и преподавателей учебныхъ заведеній католическаго исповѣданія была и безъ того рѣшена: всѣ они вскорѣ были уволены отъ должности. За то характеръ и дѣли террора вполне опредѣлились: виновать не только тотъ, кто участвовалъ или сочувствовалъ матежу, но виновать всякій католикъ и полякъ. Началось преслѣдованіе за вѣру и происхожденіе,—преслѣдованіе, превратившееся затѣмъ въ фанатическую борьбу и ненависть—не политическую, а культурную и племенную.

Повальнымъ изгнаніемъ католиковъ изъ службы дѣло не ограничилось: приказано было губернскимъ властямъ составить списки лицъ, пользующихся вліяніемъ и уваженіемъ въ мѣстномъ обществѣ, и всѣхъ такихъ „преступниковъ“ выслать изъ края административ-

„статскаго совѣтника“. Преданіе сохранило, между прочимъ, такую подробность: собравъ представителей города, по прибытіи въ Гродно, оъ обратился къ нимъ съ рѣчью, которая начиналась слѣдующимъ ораторскимъ оборотомъ: „Паны, адвокаты, ксендзы и прочіе подлецы!..“ Первымъ дѣломъ, онъ взывалъ въ Гродно всѣхъ помѣщиковъ, заперъ ихъ въ городѣ, а потомъ разогналъ. Тогда дѣйствовалъ въ край „литовскій статутъ“, а Муравьевъ особенно ненавидѣлъ адвокатовъ. Особенную же извѣстность онъ пріобрѣлъ повѣшеніемъ помѣщика Валловича, наканунѣ полученія всемілостивѣйшаго ему прощенія, высланнаго изъ Петербурга съ фельдгегеромъ, о чемъ Муравьевъ былъ заранѣе уведомленъ. Къ тому же времени относится и извѣстная, сдѣланная имъ собственная характеристика: „Я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, —я тотъ Муравьевъ, который самъ вѣшаетъ другихъ“. Все это не помѣшало ему послѣ воскликнуть: „Когда же будетъ предѣлъ этому произволу правительства!“—а воскликнулъ онъ такъ вслѣдствіе того, что получилъ приказъ о перенѣщенія его губернаторомъ въ Могилевъ. Ему крайне не хотѣлось почему-то уѣзжать изъ Гродно. Факты—исторически вѣрны.

нимъ порядкомъ въ Сибирь и въ отдаленныя губервіи восточной Россіи. Въ силу этого распоряженія—лучшіе, честнѣйшіе и совершенно невинные люди этапнымъ путемъ сосланы были съ семьями въ изгнаніе, даже безъ „муравьевскаго“ слѣдствія и суда. Были въ числѣ ихъ люди, искренне преданные правительству, вѣрные его слуги, всегда и всѣми силами протестовавшіе противъ всякихъ безпорядковъ въ краѣ. Многіе изъ нихъ были возвращены потомъ изъ ссылки (по извѣстному „Вержоловскому“ манифесту) съ условіемъ избрать себѣ мѣстожительство въ губерніяхъ царства Польскаго. Иные, по возвращеніи изъ ссылки, обращались въ сенатъ съ просьбами о признаніи имъ права на пенсію за прежнюю безпорочную службу, и пенсія была имъ назначена, какъ невиннымъ ни въ какомъ преступленіи. Мы могли бы назвать нѣкоторые имена, но не считаемъ себя въ правѣ нарушать скромность людей, ищущихъ теперь только „мира и забвенія“. Горечь обиды и незаслуженно перенесенныхъ страданій нѣкоторые унесли уже съ собою въ могилу.

Въ первое же время, по прибытіи въ Вильну, выказана была генер. Муравьевымъ особенная неутомимость въ назначеніи и взиманіи контрибуцій и всякаго рода поборовъ. Контрибуціи слѣдовали непрерывно одна за другою, кромѣ разнаго рода иныхъ поборовъ, составлявшихъ отдѣльныя отъ контрибуцій статьи. Всѣ поборы и контрибуціи раздѣлены были на извѣстныя категоріи и вносимы были частью въ казначейства, а частью отсылаемы были, для чего-то, со всего края въ Вильну, въ генераль-губернаторскую канцелярію. Никто не въ состояніи былъ бы опредѣлить теперь вѣрную цифру,—и даже приблизительную,—всѣхъ контрибуцій и поборовъ, взысканныхъ въ непродолжительное сравнительно управленіе краемъ гр. Муравьева: никто ихъ не считалъ, не контролировалъ и не могъ контролировать.

Но изгнаніе католиковъ изъ службы, административныя ссылки, контрибуціи и поборы были еще только слабымъ предвѣстіемъ и прологомъ настоящаго и истиннаго террора, страшнымъ ураганомъ развившагося вскорѣ надъ безгласною, онѣмѣвшею отъ ужаса странюю, не ждавшею ни откуда ни сочувствія, ни сожалѣнія. Рядомъ съ терроромъ развилась невообразимая деморализація, а вмѣстѣ съ нею—весьма хитрая система шпіонства и доносовъ. Иные прибѣгали къ доносамъ просто изъ чувства самосохраненія. Люди одичали и обезумѣли отъ ужаса: отецъ боялся сына, сынъ отца, братъ брата... Ложные доносы были такъ часты и поступали въ такомъ громадномъ количествѣ, что нѣкоторые губернаторы и уѣздные начальники вынуждены были подвергать взысканіямъ ложныхъ доносчиковъ, какъ

это отчасти видно изъ предлагаемаго ниже официальнаго документа. Наполняли людьми тюрьмы уже не за фактическое участіе въ мятежѣ, а по обвиненіямъ въ „сочувствіи“ мятежу, въ „принадлежности къ крамолѣ“ и въ „принадлежности къ матежнической организации“. Никто не могъ считать себя безопаснымъ отъ доносовъ. Кто могъ, спасался бѣгствомъ, бросая родину и семью. Нѣкоторые искали спасенія въ городахъ, гдѣ высшія власти все-таки представляли кое-какую гарантію безопасности; но гр. Муравьевъ приказалъ гнать „укрывающихся“ обратно въ деревни, откуда они попадали прямо въ тюрьму. Даже многіе изъ насъ, русскихъ, служившіе еще до мятежа въ край и имѣвшіе знакомыхъ между полками, не считали себя безопасными. Многіе стали страдать галлюцинаціями, и мы знали такихъ соотечественниковъ, которые, состоя даже сами членами военно-слѣдственныхъ комиссій, не могли спать по ночамъ, ожидая ежеминутно, что къ нимъ ворвутся солдаты и уведутъ ихъ въ острогъ. Знакомые при встрѣчѣ старались не узнавать другъ друга, каждый боялся другихъ, самого себя и даже собственной тѣни. Все это представляется намъ теперь какъ какой-то страшный и невозможный сонъ. Цѣлыя деревни, обвиненныя въ пособничествѣ мятежу, потому только, что черезъ нихъ проходили повстанскія шайки или располагались по близости ихъ для отдыха,—были сожжены и сравнены съ землею, а жители брошены въ тюрьму и потомъ высланы. Нѣкоторые русскіе люди, прибывшіе въ край на службу и проникнутые истиннымъ патріотизмомъ, ужаснулись: они не воображали ничего подобнаго тому, что увидѣли, они просто не могли быть свидѣтелями неслыханныхъ насилій и злодѣяній, не могли свыкнуться съ мыслью объ отсутствіи въ странѣ всякаго права и закона и—спасались бѣгствомъ. Мы не считаемъ себя въ правѣ называть здѣсь честными и благородными именами нашихъ соотечественниковъ; довольно указать на тотъ фактъ, что неожиданно, ночью, удалился даже одинъ губернаторъ, пробывъ на должности лишь нѣсколько недѣль... Фактъ неслыханный, но истинный.

Наконецъ, некуда было дѣвать „неблагонадежные элементы“, находившіеся подъ арестомъ. Нужно было ежедневно „очищать“ тюрьмы и остроги, чтобы наполнять ихъ ежедневно же новыми жертвами. Для слѣдствія и суда надъ ними учрежденъ былъ въ Вильнѣ „временной полевой аудиторіатъ“, а въ провинціяхъ—„слѣдственные“ и „военно-судныя комиссіи“. Какъ производились слѣдствіе и судъ, отъ которыхъ зависѣли свобода, имущество и жизнь человѣческая,—объ этомъ-то и свидѣтельствуетъ слѣдующій officialный документъ, который не нуждается ни въ какомъ комментаріи,

и стоитъ выше всякаго сомнѣнія, по своему авторитету; наконецъ, это—документъ офиціальный ¹⁾:

Полевой аудиторіатъ, усматривая изъ поступившихъ на конфирмацію г. главнаго начальника края (ген. Кауфмана) военно-судныхъ дѣлъ о политическихъ преступникахъ, что въ производствѣ этихъ дѣлъ (при ген. Муравьевѣ) допускались разныя упущенія, устраненіе коихъ желательно въ видахъ точнаго исполненія постановленій закона и полнаго достиженія цѣлей правосудія, имѣлъ честь представить на благоусмотрѣніе его превосходительства свои соображенія о замѣченныхъ упущеніяхъ въ производствѣ политическихъ дѣлъ и необходимыхъ распоряженіяхъ къ устраненію ихъ на будущее время.

Въ семъ отношеніи полевой аудиторіатъ прежде всего обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что начальниками губерній предавались иногда военному суду по полемому уголовному уложенію лица, подлежащія оному ни по политическому значенію дѣлъ, ни по силѣ высочайшаго повелѣнія объ объявленіи края на военномъ положеніи, коимъ вѣлѣно судить военнымъ судомъ и за нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ преступленій. Такъ, бывали случаи преданія суду за имогательство денегъ подъ угрозою обвиненія въ политическомъ преступленіи, а также за кощунство или оскорбленіе православной церкви. Иногда также предавались суду по обвиненію въ ложныхъ доносахъ лица, дѣлавшія на кого-либо извѣтъ въ политическомъ преступленіи, на томъ лишь основаніи, что извѣтъ этотъ не подтвердился разслѣдованіемъ, тогда какъ по прямому смыслу 605 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, каждый долженъ доносить начальству объ имѣемыхъ свѣдѣніяхъ по государственнымъ преступленіямъ безъ отвѣственности за достовѣрность этихъ свѣдѣній. Несмотря на такое прямое постановленіе закона, случаи преданія суду за ложныя будто бы обвиненія въ политическихъ преступленіяхъ стали возобновляться въ послѣднее время чаще и чаще, и нельзя не сознаться, что такого рода неправильныя распоряженія должны принести своего рода вредъ въ дѣлѣ полнѣйшаго разоблаченія участниковъ бывшаго мятежа. Точно также замѣчено, что при преданіи суду главныхъ виновныхъ, военно-суднымъ комиссіямъ вѣнялось въ обязанность постановлять заключеніе о такихъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицахъ, преимущественно простаго сословія, которые или вовсе не оказывались виновными, или могли быть подвергнуты административному взысканію при самомъ разсмотрѣніи слѣдственныхъ дѣлъ.

Что же касается политическихъ дѣлъ, дѣйствительно подлежа-

¹⁾ Этотъ любопытный и представляющій серьезную важность документъ доставилъ намъ А. А. Муренчъ, бывший совѣтникомъ гродненскаго губерн. правленія и состоявшимъ при гродненскомъ губернаторѣ И. Н. Скворцовѣ чиновникомъ по разслѣдованію дѣлъ о повстанцахъ; оригиналъ документа помѣченъ № 3145, отъ 14 октября 1865 г.,—г. Вильна. Онъ былъ разосланъ циркулярно губернаторамъ вилenskому, новосибирскому, гродненскому, минскому, могилевскому и витебскому—временнымъ полевымъ аудиторіатомъ въ г. Вильнѣ.

щихъ военному суду, то при разсмотрѣніи оныхъ въ полевомъ аудиторіатѣ *постоянно замѣчалось*, что въ производствѣ этихъ дѣлъ слѣдственными и судебнымъ порядкомъ, особенно при изысканіи по нимъ доказательствъ къ изобличенію обвиняемыхъ лицъ, слѣдственные и военно-судныя комиссіи весьма часто отступаютъ отъ предписанныхъ закономъ правилъ для производства слѣдствія и суда и допускаютъ разныя упущенія, которыя *бывали* иногда *столь важными*, что, препятствуя постановленію правильнаго заключенія о степени виновности подсудимыхъ, *требовали* новыхъ дополнительныхъ изслѣдованій, а такъ какъ по исключительному положенію края и громадному числу арестантовъ, генералъ-отъ-инфантеріи графъ Муравьевъ 2, только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ признавалъ возможнымъ разрѣшать возвращеніе дѣлъ для дополнительныхъ разслѣдованій, то аудиторіатъ часто былъ поставленъ въ необходимость постановлять заключенія по имѣющимся доказательствамъ.

„Замѣченныя аудиторіатомъ упущенія въ производствѣ дѣлъ слѣдственными и военно-судными комиссіями заключаются въ слѣдующемъ:

1) „Многія дѣла вовсе не заключали въ себѣ свѣдѣній о первоначальныхъ поводахъ къ арестованію обвиняемыхъ лицъ, а начинались допросомъ самыхъ арестованныхъ, за что они подвергнуты аресту, не представляли также указаній, по какому поводу допрашивались означенные по дѣлу свидѣтели, и несоставляютъ ли заявленія этихъ свидѣтелей самаго доноса, послужившаго къ возникновенію дѣла, чрезъ что встрѣчалось затрудненіе въ оцѣнкѣ достовѣрности и законности этихъ свидѣтельствъ.

2) „Допросы обвиняемыхъ, вопреки 161 и 168 ст. 2 книги военно-уголовнаго устава, производились поверхностно и небрежно, такъ что показанія ихъ иногда касались только нѣкоторыхъ частей обвиненія, иногда же вовсе не соответствовали существу дѣла. Также поверхностно производились и допросы свидѣтелей, которые не спрашивались при томъ, были ли они очевидцами преступленія, или отъ кого и какимъ образомъ имъ сдѣлались извѣстны обстоятельства преступленія. Отъ небрежности въ семъ случаѣ происходило и то, что свидѣтели, называясь въ однихъ показаніяхъ настоящими фамиліями, впоследствии при передопросахъ именовались только по отчеству, чрезъ что возникалъ вопросъ, не новыя ли это лица и не составляютъ ли показанія, изложенныя въ передопросахъ, новыхъ уликъ противъ обвиняемыхъ.

3) „Часто вовсе оставались безъ допроса такія лица, на которыхъ ссылались обвинители и обвиняемые, и свидѣтельство коихъ могло существенно способствовать къ разъясненію дѣла; иногда даже вовсе не подвергались допросу сами обвиняемые въ какихъ-либо проступкахъ лица, если только они не предавались суду, а считались прикосновенными къ дѣлу, и чрезъ это оказывалось невозможнымъ постановить заключеніе объ ихъ отвѣтственности.

4) „Равнымъ образомъ, часто встрѣчалась въ допросахъ другая крайность. Какъ обвиняемые, такъ и свидѣтели, и въ особенности послѣдніе, вмѣсто отобранія отъ нихъ одного полнаго и опредѣленнаго показанія по обстоятельствамъ дѣла, иногда безъ всякой надоб-

ности передопрашивались по нѣскольку разъ, вслѣдствіе чего показанія, въ началѣ опредѣленные и полныя, дѣлались впослѣдствіи отъ передопросовъ разнорѣчивыми, неясными и сбивчивыми, и служили поводомъ къ тому, что свидѣтели по нѣскольку разъ то обвиняли, то отказывались отъ обвиненій.

5) „Свидѣтели, вопреки ст. 225 книги 2 военно-уголовнаго устава, часто допрашивались не порознь, а по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, въ формѣ одного акта, и весьма часто безъ присяги, не смотря ни на отсутствіе основательныхъ причинъ къ тому, ни на то, что показанія такихъ свидѣтелей представлялись весьма важными по влиянію, которое они должны были имѣть на приговоръ; если же напротивъ иногда свидѣтели допрашивались подъ присягою, то безъ соблюденія предписанныхъ въ 212, 215, 220 и 231 ст. той же книги правилъ, т.-е. безъ дачи свидѣтелямъ предварительно очной ставки съ обвиняемыми, для опредѣленія, дѣйствительно ли обвиняемые тѣ самыя лица, о которыхъ намѣрены показывать свидѣтели, вслѣдствіе чего иногда происходило то, что свидѣтели отзывались впослѣдствіи, что они вовсе не знаютъ обвиняемыхъ и что показанія ихъ относились къ другимъ лицамъ; безъ спроса обвиняемыхъ на означенныхъ очныхъ ставкахъ, допускаютъ ли они поставленныхъ противъ нихъ свидѣтелей къ свидѣтельству подъ присягою; безъ собранія предварительно свѣдѣній, не имѣютъ ли свидѣтели сами по себѣ какихъ-либо пороковъ, препятствующихъ спросу подъ присягою, и, наконецъ, безъ присутствія при приводѣ къ присягѣ обвинителя, если есть; и обвиняемаго.

6) „Свидѣтельскія показанія иногда, вопреки закону, оставались безъ рукоприкладства показателей, а вмѣсто того правильность ихъ удостовѣрялась только подписью допрашивавшаго лица.

7) „Въ тѣхъ частыхъ случаяхъ, когда лица, заявленія коихъ послужили основаніемъ къ обвиненію подсудимыхъ, впослѣдствіи при производствѣ формальнаго слѣдствія или вовсе отказывались отъ первоначальныхъ своихъ показаній, объявляя, что такихъ показаній не давали, или дали ихъ по желанію и требованію допрашивавшихъ, или совершенно измѣняли ихъ въ существѣ, придавая объявленнымъ прежде обвиненіямъ совсѣмъ другое значеніе; обыкновенно не производилось никакой поправки для опредѣленія справедливости послѣдующихъ заявленій и чрезъ то подрывалось значеніе первоначальныхъ обвиненій, тогда какъ достовѣрность ихъ могла быть удобоустановлена допросомъ лицъ, производившихъ первоначальныя допросы, или присутствовавшихъ при томъ.

8) „Въ ущербъ справедливости, оставались безъ всякаго разслѣдованія иногда такія объясненія обвиняемыхъ лицъ, въ которыхъ они, утверждая о лживости сдѣланныхъ противъ нихъ обвиненій, приводили къ своему оправданію весьма важныя, по своей вѣроятности и значенію для рѣшенія о виновности, обстоятельства. Въ этомъ отношеніи весьма часто встрѣчали отказъ просьбы обвиняемыхъ дать имъ очную ставку съ обвинителями, тогда какъ очныя ставки въ нѣкоторыхъ случаяхъ представлялись единственнымъ средствомъ къ разъясненію обвиненія.

9) „Вообще, очныя ставки были весьма рѣдко употребляемы, не

смотря на постоянныя противорѣчія какъ обвиняемыхъ съ свидѣтелями, такъ и послѣднихъ между собою, тогда какъ 254 ст. 2 книги военно-уголовнаго устава требуетъ посредствомъ очныхъ ставокъ разъяснять встрѣчающіяся по дѣлу неясности и противурѣчія.

10) „По нѣкоторымъ дѣламъ, слѣдствіе ограничивалось недостаточно опредѣленными обвинительными заявленіями и оправданіями подсудимыхъ, и вопреки 111 и 112 ст. 2 книги военно-уголовнаго устава вовсе не собирались свѣдѣнія, которыя, вытекаая изъ существа дѣла, представлялись необходимыми какъ для разъясненія его, такъ и для опредѣленія съ точностію виновности обвиняемыхъ лицъ, а иногда и свойства совершеннаго преступленія. Въ семъ отношеніи иногда встрѣчался недостатокъ въ полномъ разслѣдованіи на мѣстахъ обстоятельствъ взведеннаго на подсудимыхъ обвиненія, а вмѣсто того слѣдователи ограничивались повальнымъ обыскомъ о поведеніи обвиняемыхъ, тогда какъ обыскъ этотъ по сущности политическихъ дѣлъ всегда представляется бесполезнымъ, а иногда даже вреднымъ.

11) „Такой же недостатокъ встрѣчался и въ свѣдѣніяхъ, которыя необходимы для опредѣленія рода наказанія обвиняемыхъ, каковы свѣдѣнія о званіи, лѣтахъ, образованіи и имуществѣ обвиняемыхъ¹⁾. Обстоятельныя свѣдѣнія по всѣмъ этимъ предметамъ можно было встрѣтить въ весьма не многихъ дѣлахъ, да и тѣ почти исключительно основывались на объясненіяхъ самихъ подсудимыхъ, тогда какъ по существу высочайше утвержденныхъ правилъ о сужденіи польскихъ мятежниковъ, точныя свѣдѣнія по всѣмъ изложеннымъ предметамъ, а равно о доходахъ, приносимыхъ имѣніями обвиняемыхъ, существенно необходимы для опредѣленія имъ мѣры наказанія за совершенныя преступленія.

12) „Огнositельно формальной стороны дѣлопроизводства постоянно замѣчалось, что слѣдственныя комиссіи не составляли по дѣламъ постановленій о причинахъ, по которымъ при дальѣйшемъ производствѣ признаваемы были необходимыми тѣ или другія мѣры, и не объяснялось по дѣлу, почему именно допрашивался тотъ или другой свидѣтель, и чрезъ это все производствѣ представлялось неяснымъ и безсвязнымъ и давало обвиняемымъ право жаловаться на произволъ въ веденіи дѣла.

13) „Военно-судныя комиссіи въ приговорахъ не излагали обстоятельствъ дѣла и не объясняли съ достаточною подробностію основаній, по которымъ подсудимый обвиненъ или оправданъ, вслѣдствіе чего приговоры оказывались часто несогласными ни съ законами, ни съ обстоятельствами дѣла.

14) „На ревизію дѣла часто представлялись съ канцелярскими беспорядками, безъ описей, безъ прошнурованія и безъ надлежащей скрѣпы по листамъ, вслѣдствіе чего не было никакого ручательства о полнотѣ доставленнаго дѣла.

15) „Начальники губерній и военныхъ отдѣловъ, къ которымъ поступали дѣла для распоряженія о преданіи суду или дальѣйшаго представленія начальству, съ своей стороны не принимали никакихъ мѣръ для дополненія первоначальныхъ слѣдствій, не смотря на то

¹⁾ Т.-е. судили людей, о которыхъ не знали даже, кто они такіе.

что дослѣдованіе неполныхъ дѣлъ на мѣстѣ не представляло особыхъ затрудненій, и всегда представляли дѣла на ревизію съ тѣми недостатками, съ которыми таковыя въ нимъ поступили, а безъ установленныхъ 424 ст. 2 книги военно-уголовнаго устава извлеченій изъ дѣлъ.

Наконецъ, 16) изъ поступающихъ въ аудиторіатъ прошеній политическихъ преступниковъ видно, что окончательныя конфирмаціи объявляются подсудимымъ не въ военно-судныхъ комиссіяхъ, которыя вслѣдствіе того не могутъ слѣдить за правильностію постановленныхъ ими и обреченныхъ высшимъ начальствомъ приговоровъ, и что во время производства дѣлъ подсудимымъ воспрещается приносить жалобы, тогда какъ подобное воспрещеніе противно законному порядку (414 ст. 2 кн. воен. уголов. устав.), а дозволеніе приносить всевозможныя объясненія можетъ служить только къ разъясненію дѣлъ и обнаруженію ихъ недостатковъ.

Изложивъ вышеизложенные упущенія и недостатки въ производствѣ политическихъ дѣлъ и принявъ затѣмъ во вниманіе, что если эти упущенія и недостатки до сего времени обуславливались въ значительной степени самымъ свойствомъ изслѣдованій по политическимъ преступленіямъ, а также исключительнымъ положеніемъ края и многочисленностію арестантовъ, то въ настоящее время число дѣлъ по политическимъ обвиненіямъ весьма замѣтно уменьшилось и даетъ полную возможность производить ихъ съ большею внимательностію, полнотой и законностію, полевой аудиторіатъ ходатайствовалъ предъ г. главнымъ начальникомъ края о предложеніи начальникамъ губерній и чрезъ нихъ военно-суднымъ и губернскимъ слѣдственнымъ комиссіямъ по политическимъ дѣламъ и военно-уѣзднымъ начальникамъ, чтобы съ настоящаго времени въ производствѣ политическихъ дѣлъ были устранены всѣ объясненные выше упущенія и недостатки, и затѣмъ: чтобы политическія дѣла, и въ особенности слѣдственныя, производились во всемъ согласно съ изложенными выше основанными на законѣ указаніями; чтобы производство слѣдствій, какъ и прежде, было указываемо при закрытіи слѣдственныхъ политическихъ комиссій въ уѣздахъ, поручалось бы непременно судебнымъ слѣдователямъ, или только лицамъ, опытнымъ въ слѣдственной части, съ соблюденіемъ притомъ ими всѣхъ правилъ, установленныхъ въ наказѣ судебнымъ слѣдователямъ, обязательнымъ и для военнаго вѣдомства, а предварительныя дознанія полицейскихъ властей ограничивались однимъ только собраніемъ предварительныхъ свидѣній къ объясненію сущности обвиненія, подавшихъ поводъ къ оному обстоятельствъ и предполагаемыхъ доказательствъ; чтобы военно-судныя комиссіи не уклонялись отъ внимательнаго разсмотрѣнія поручаемыхъ ихъ сужденію дѣлъ и въ случаѣ обнаруженія недостатковъ, препятствующихъ правильному рѣшенію, или сами дополняли дѣла, если это представится возможнымъ, или представляли ихъ къ губернскому началству для распоряженія о производствѣ дополненія, и чтобы затѣмъ какъ губернскія слѣдственныя, такъ военно-судныя комиссіи, а равно и ревизующее начальство несли на себѣ отвѣтственность за представляемыя на конфирмацію его превосходительству неполно произведенныя дѣла; самыя же дѣла представлялись

бы на конфирмацію: слѣдственные съ установленною въ 263 ст 2 книги военно-уголовнаго устава подробною запискою, а военно-судныя съ извлеченіями изъ оныхъ по формѣ, указанной въ 424 ст 2 кн. военно-уголовнаго устава.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, аудиторіатъ представлялъ на благоусмотрѣніи г. генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, что высочайше утвержденнымъ 12 іюля 1863 г. положеніемъ объ учрежденіи временнаго полевого аудиторіата въ здѣшнемъ краѣ постановлено, что къ обязанности его относится разсмотрѣніе какъ судебныхъ, такъ и слѣдственныхъ дѣлъ по политическимъ преступленіямъ; между тѣмъ вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ края и совершенной невозможности разрѣшать всѣ слѣдственные и военно-судныя политическія дѣла въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, по распоряженію генерала отъ инфантеріи графа Муравьева 2-го, слѣдственные дѣла были сосредоточены въ политическомъ отдѣленіи генералъ-губернаторской канцеляріи ¹⁾. Нынѣ, съ значительнымъ уменьшеніемъ дѣлъ, полевой аудиторіатъ признавалъ возможнымъ сосредоточить въ ономъ разсмотрѣніе, вмѣстѣ съ военно-судными, и слѣдственныхъ политическихъ дѣлъ, что, по мнѣнію аудиторіата, дастъ больше способовъ къ единообразной оцѣнкѣ обнаруживаемыхъ по тѣмъ дѣламъ обстоятельствъ и къ точному единообразію возникающихъ по нимъ распоряженій.

„Сверхъ того для сужденія политическихъ преступниковъ въ здѣшнемъ краѣ, независимо отъ обыкновенныхъ военныхъ судовъ, были учреждены особыя военно-судныя комиссіи, занимавшіяся исключительно политическими дѣлами. Нѣкоторыя изъ этихъ комиссій уже закрыты, комиссіи же, учрежденныя въ гг. Ковно и Гродно, занимаются производствомъ дѣлъ и по настоящее время. Но изъ представляемой въ полевой аудиторіатъ отчетности о движеніи дѣлъ за послѣднее время оказывается, что число дѣлъ, состоящихъ въ производствѣ поименованныхъ комиссій, весьма незначительно, такъ что въ дальнѣйшемъ оставленіи этихъ комиссій не предстоитъ надобности, и потому полевой аудиторіатъ полагалъ всѣ эти комиссіи теперь же закрыть и затѣмъ всѣ вновь возникающія военно-судныя политическія дѣла передавать для сужденія въ военно-судныя комиссіи, учрежденныя при управленіи мѣстныхъ губернскихъ воинскихъ начальниковъ; сіи же комиссіи обязать ежемѣсячнымъ представленіемъ начальнику губерніи, для доставленія въ полевой аудиторіатъ, особой по такимъ дѣламъ статистической и перечневой ведомости, а самыя дѣла, по постановленіи приговоровъ, представлять къ начальникамъ губерніи для положенія ими мнѣній и для дальнѣйшаго представленія дѣлъ на ревізію.

5-го сего октября, по докладѣ полевого аудиторіата по изложеннымъ соображеніямъ, г. главный начальникъ края, изъявивъ свое согласіе съ сказанными соображеніями, изволилъ приказать привести ихъ нынѣ же въ исполненіе, о чемъ полевой аудиторіатъ честь имѣетъ

¹⁾ Это сдѣлано было гр. Муравьевымъ съ тою цѣлю, чтобы произволъ его въ осужденіи на казнь и на поголовную ссылку въ Сибирь и въ каторгу многихъ невинныхъ людей не былъ стѣсненъ даже полевымъ аудиторіатомъ.

сообщить вашему превосходительству (т.-е. губернатору) къ руководству и исполненію“.

Таковы были слѣдствіе и судъ при гр. Муравьевѣ, рѣшавшіе вопросы жизни и смерти для цѣлыхъ тысячъ народа. Можно утверждать положительно, что большинство сосланныхъ составляли люди, не только не принимавшіе непосредственнаго участія въ мятежѣ, но и совершенно невинные; да оно иначе и не могло быть, если вѣрить вышеприведенному циркуляру, послѣдовавшему при ген. ф.-Кауфманѣ, — а не вѣрить ему нельзя. Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ гр. Муравьеву „осмѣливались“, какъ говорили намъ, обращать его вниманіе на то, что ссылается много такихъ людей, виновность которыхъ вовсе не доказана. „Быть можетъ,—отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ,—не всѣ они принимали участіе въ мятежѣ, но это все равно: *всѣ они не могли не сочувствовать мятежу*“... Въ этихъ словахъ—вся политика Муравьева.

Замѣтимъ въ заключеніе, что напрасно почитатели гр. М. Н. Муравьева, нападая съ такою яростью на его преемниковъ, выдѣляютъ изъ числа ихъ съ особеннымъ почетомъ ген. Кауфмана. Онъ-то именно и нанесъ первый рѣшительный ударъ, приведеннымъ выше документомъ, произволу и беззаконію Муравьевскаго управленія краемъ. Напрасно, впрочемъ, было бы убѣждать этихъ поклонниковъ и почитателей въ томъ, что преемники гр. Муравьева обязаны были возстановить силу права и закона въ странѣ, потрясенной неслыханнымъ терроромъ, что это былъ прямой ихъ долгъ по отношенію къ Верховной власти—напрасно было бы потому, что поклонники и почитатели сами это очень хорошо понимаютъ. Но они съ упорствомъ нападаютъ на преемниковъ гр. Муравьева именно потому, что понятіе „патріотизма“ и понятіе права, закона и справедливости—они признаютъ несомнѣстными, хотя и не имѣютъ смѣлости прямо сознаться въ этомъ.

Е. Л.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е январь, 1882.

Особенности и послѣдствія вооруженнаго мира.—Внутренняя политика въ европейскихъ государствахъ.—Полемика въ нѣмецкой печати и дипломатическія разоблаченія.—Отношенія между Россією и Германією.—Германскія дѣла.—Законъ о социалистахъ, и республиканцы въ парламентѣ.—Аристократическій социализмъ въ Австріи.—Колоніальная политика Франціи и французскіе финансы.—Рѣчь лорда Дерби и египетскій вопросъ.—Письмо Араби-паши.—Министерская комедія въ Константинополѣ и ея печальныя причины.

Въ конституціонной Европѣ настало затишье, — парламентскія сессіи закрыты по случаю праздниковъ, государственные бюджеты разсмотрѣны и утверждены, и министерства могутъ спокойно подводить итоги своей дѣятельности за истекшій годъ, подъ свѣжымъ впечатлѣніемъ разностороннихъ указаній палатъ и свободной печати.

Внутреннія дѣла въ Европѣ почти вездѣ сводятся къ вопросамъ экономическимъ и социальнымъ, — ибо элементарныя потребности политической жизни тамъ уже рѣдко служатъ предметомъ отрицанія или спора. Не существуетъ уже такихъ государственныхъ людей, которые считали бы возможнымъ разрѣшать общественныя задачи помимо участія самого общества, безъ полнаго публичнаго контроля, въ секретныхъ совѣщаніяхъ канцелярій. Мало найдется теперь предпочитающихъ дѣйствовать въ потемкахъ, не зная истиннаго народнаго настроенія и не провѣряя своихъ предположеній фактическими нуждами и желаніями заинтересованныхъ классовъ населенія. Европейскіе министры не уклоняются отъ критики и не боятся ея; опираясь на общественное мнѣніе, они не имѣютъ ни повода, ни возможности заглушать голоса возражающихъ и желать общаго пассивнаго молчанія. Даже такой исключительный дѣятель, какъ князь Бисмаркъ, которому испытанная гениальность даетъ особые права, стремится лишь къ тому, чтобы убѣдить нѣмецкое общество въ пользѣ его проектовъ и предпріятій, путемъ честнаго и открытаго спора съ противниками. Ни печать, ни парламентская оппозиція — ни въ чемъ не стѣснены въ Германіи, несмотря на всѣми признанное личное могущество канцлера. Борьба изъ-за правъ политическихъ и общественныхъ отошла уже отчасти въ область исторіи, въ западной Европѣ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время она отодвинута въ сторону другими заботами, касающимися матеріальнаго быта народовъ.

Вездѣ, за исключеніемъ Англіи, на первомъ планѣ стоитъ необходимость—смягчать хозяйственные недуги, вызываемые непродуцительнымъ содержаніемъ колоссальныхъ армій. Правительствамъ приходится придумывать лекарства противъ результатовъ своей собственной системы „вооруженнаго мира“, — приходится одною рукою заглаживать то, что разстроено другою. Интересы военного соперничества становятся все болѣе ненасытными и требуютъ все болѣе жертвъ отъ мирныхъ населеній, во имя сохраненія дружбы между державами; а между тѣмъ, налоговъ и доходовъ не хватаетъ на покрытие издержекъ, новыя средства лобываются туго, дефициты нарастаютъ изъ года въ годъ, и недовольство народныхъ массъ усиливается непрерывно.

Самъ собою возбуждается вопросъ: долго ли можетъ продолжаться такое положеніе, и куда приведетъ оно въ концѣ концовъ? Несомнѣнно, что три милліона штыковъ, готовые по первому сигналу начать побѣдоносную рѣзню, составляютъ весьма плохую гарантію спокойствія для Европы. Только совѣмъ наивные люди могутъ еще серьезно повторять старое правило: *„если хочешь мира, будь готовъ къ войнѣ“*. Это правило имѣло смыслъ въ тѣ времена, когда война составляла постоянное ремесло извѣстныхъ государствъ, и когда нужно было всегда стоять на стражѣ противъ внезапныхъ разбойничьихъ нападеній. Всегдашняя готовность къ отпору была тогда единственнымъ условіемъ безопасности извнѣ. Теперь нельзя себѣ даже представить, чтобы какой-нибудь изъ европейскихъ народовъ почувствовалъ въ себѣ вдругъ разбойническіе инстинкты по отношенію къ мирнымъ сосѣдямъ и сталъ бы нападать на нихъ съ цѣлю грабежа или завоеванія. Разладъ, охлажденіе и глухая вражда должны имѣть весьма вѣскія реальныя причины для того, чтобы вліять на образъ дѣйствій современныхъ государствъ; но въ большинствѣ случаевъ эти чувства или навѣяны искусственно, въ видѣ особаго рода обязательнаго патріотизма, или принадлежать всецѣло самимъ правителямъ, составляя дѣло такъ-называемой высшей политики, непонятной обыкновеннымъ смертнымъ.

Одною изъ главныхъ причинъ разлада и вражды является именно та готовность къ войнѣ, которою будто бы обеспечивается миръ. Если люди приготавливаются къ битвѣ и постоянно думаютъ о ней, то столкновеніе дѣлается напередъ неизбежнымъ. Можно сказать положительно, что въ тотъ день, когда правительство великой державы убѣждено въ полной боевой готовности своихъ армій, международный миръ подвергается наибольшей опасности. Сознаніе готовности представляетъ неодолимый соблазнъ для честолюбивыхъ министровъ и полководцевъ, толкая ихъ на путь военной славы безъ вся-

каго отношенія къ истиннымъ интересамъ государства. Наполеонъ III предпринялъ роковую для него войну съ Пруссіею только въ силу убѣжденія, что французскія вооруженія и войска приведены въ самое совершенное состояніе, какое можетъ быть достигнуто въ видахъ одержанія побѣды. И по всей вѣроятности, нынѣшняя французская республика также не замедлитъ утилизировать свою армію въ грандіозныхъ размѣрахъ, когда признано будетъ, что долголѣтнія приготовленія окончены, и что можно уже приступить къ „охранѣ мира“. Въ дѣйствительности, приведенный выше устарѣлый принципъ долженъ быть понимаемъ въ обратномъ смыслѣ, и его слѣдуетъ замѣнить другимъ, болѣе основательнымъ положеніемъ, а именно: „если хочешь войны, говори, что вооружаешься для мира“.

Приготовленія, имѣющія даже чисто-оборонительный характеръ, даютъ поводъ къ взаимному недовѣрію и нерѣдко вызываютъ войну, вмѣсто того, чтобы предотвратить ее. Австро-прусская война 1866 года началась съ того, что обѣ стороны принимали мѣры предосторожности на случай разрыва и требовали одна отъ другой прекращенія этихъ мѣръ, пока, наконецъ, обѣ не почувствовали себя готовыми къ кровавому дѣлу на поляхъ Кенігсгреца. Извѣстно, что весною 1875 года Германія была едва удержана отъ новаго похода на Францію, и что основаніемъ къ разладу были французскія вооруженія, казавшіяся князю Бисмарку угрожающими. Если бы всѣ были исполнѣ готовы къ войнѣ, то миръ былъ бы невозможенъ: малѣйшая искра возбудитъ общій пожаръ. Арміи и ихъ вожди не устояли бы на мѣстѣ; желаніе отличиться созрѣло бы у начальниковъ, страсть къ подвигамъ проявилась бы у политиковъ, и пошла бы борьба безсмысленная; одни жаждавшіе побѣды патріоты оставались бы въ сторонѣ, въ качествѣ ликующихъ или озабоченныхъ зрителей. Къ счастью, степень готовности къ войнѣ не вездѣ одинакова: у однихъ финансы плохи, у другихъ вооруженія не въ порядкѣ, а у третьихъ полководцы ненадежны. Эти обстоятельства отчасти предохраняютъ насъ отъ варьва, несмотря на обиліе горючихъ матеріаловъ, накопленныхъ во имя сохраненія мира. Но долгое напряженное состояніе истощаетъ народы, и передъ правительствами возникаетъ дилемма—или приняться за обширныя соціальныя реформы, проведеніе которыхъ облегчило бы существованіе милитаризма, или же броситься въ омутъ внѣшнихъ столкновеній, для избѣжанія банкротства или какой-нибудь другой внутренней катастрофы. Первый путь выбранъ правительствомъ Германіи, а за нею идетъ уже Австро-Венгрія, и въ этомъ же направленіи пойдутъ другія могущественныя державы, чтобы укрѣпить свои силы для дальнѣйшаго ожиданія будущихъ плодовъ „боевой готовности“. Вѣчная перспектива войны не исчезаетъ, а только от-

дается; она можетъ приблизиться въ каждую данную минуту, — тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ, кромѣ Англіи, не входитъ въ кругъ предметовъ общенароднаго контроля и обсуждения: въ Англіи для войны нужно испросить у палаты денегъ.

Съ какою легкостью вызывается призракъ войны при настоящихъ обстоятельствахъ, вопреки безусловному миролюбію народовъ, — это можно видѣть изъ воинственнаго шума, поднятаго недавно нѣкоторыми нѣмецкими газетами, по поводу отношеній Россіи къ Германіи. Любопытно прослѣдить постепенное развитіе этой полемики, имѣвшей несомнѣнную связь съ желаніями извѣстныхъ высшихъ сферъ. Сначала „Кельнская газета“ помѣстила небольшую замѣтку изъ Берлина, въ которой указывалось на запутанныя будто бы дѣла Франціи, нѣвольно обращающія на себя вниманіе европейской (т.-е. берлинской) дипломатіи и могущія даже возбудить мысль о вмѣшательствѣ. Но эта странная выходка была встрѣчена лишь общимъ недоумѣніемъ и не произвела предполагаемаго эффекта, несмотря на поддержку со стороны „Крестовой газеты“, наиболѣе читаемой при дворѣ. Тогда, оставивъ Францію, взяли за Россію.

Въ одной польской газетѣ, издаваемой въ Познани, указано было на неминуемость близкой войны между Россією и Германією, о чемъ будто бы свидѣлствуютъ энергическія усилія русскаго правительства окончить сооруженіе пограничныхъ желѣзныхъ дорогъ. Оффиціозная „Сѣверо-германская газета“ насмѣшливо отнеслась къ этому предсказанію, замѣтивъ только, что „всѣ желаютъ мира, потому что всѣ нуждаются въ мирѣ, — но поляки, повидимому, мечтаютъ о войнѣ — и что особенно характеристично — о такой войнѣ, театромъ которой были бы польскія провинціи“. Объ отношеніяхъ съ Россією, въ связи съ недавнею поѣздкою русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, газета выразилась въ обычномъ дружескомъ тонѣ.

Но тутъ разсужденія приняли неожиданный оборотъ. Лейпцигскій „Grenzboten“, пользующійся также репутаціею оффиціознаго органа, заявилъ, что попытка Россіи вновь сблизиться съ Германією могла бы имѣть успѣхъ только въ случаѣ положительнаго отказа русскаго правительства отъ политики, которая приписывалась ему за послѣдніе годы; однако, это сближеніе, если бы оно и состоялось, не могло бы ни въ чемъ измѣнить характеръ двойственнаго союза между Германією и Австро-Венгрією, — союза, заключеннаго формальнымъ образомъ и скрѣпленнаго подписами обоихъ императоровъ. Это послѣднее сообщеніе, высказанное какъ бы мимоходомъ, сразу завладѣло общественнымъ вниманіемъ. „Кельнская газета“ успѣшила разъяснить, что союзный договоръ подписанъ 15 октября 1879 года, и что дѣйствіе его ограничено пятилѣтнимъ срокомъ. Это союзъ оборонительный,

главное содержаніе котораго заключается въ томъ, что каждая изъ двухъ державъ обязана помочь другой, въ случаѣ если послѣдняя подвергнется нападенію съ двухъ сторонъ. „Это, конечно, сильнѣйшая преграда, какую можно противопоставить русско-французскимъ заигрываніямъ, — говоритъ „Кельнская газета“: — ибо при этомъ не устраняется возможность взаимной помощи и въ томъ случаѣ, когда нападеніе произошло только съ одной стороны, — это зависитъ отъ обстоятельствъ“. Князю Бисмарку, — какъ разсказывается далѣе, — стоило большого труда побудить императора Вильгельма подписать этотъ договоръ. Канцлеръ, во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, условился съ графомъ Андраши и барономъ Геймерле относительно всѣхъ подробностей соглашенія, но не могъ ручаться за согласіе своего государя. Въ Ваденъ-Ваденъ, гдѣ находился тогда германскій императоръ, посланъ былъ графъ Штольбергъ-Вернигероде для убѣжденія его въ необходимости предложеннаго шага; о томъ же немедленно писалъ туда князь Бисмаркъ, выражая рѣшимость выйти въ отставку, если подпись не будетъ дана. Императоръ долго колебался подписать документъ, значеніе котораго направлено отчасти противъ Россіи; онъ согласился только съ тѣмъ, чтобы о новомъ союзѣ сообщено было въ Петербургъ, съ объясненіемъ его исключительно-мирной цѣли. Точное содержаніе договора не было, однако, передано русскому правительству.

Вся европейская печать заговорила о важномъ разоблаченіи, смыслъ котораго былъ для многихъ неясенъ. Почему о договорѣ 1879 года вспомнили именно теперь, послѣ свиданія русскаго министра съ княземъ Бисмаркомъ въ Варцинѣ? Почему союзъ заключенъ только на короткій срокъ, до октября 1884 года? На эти и подобныя вопросы не было отвѣта. „Извѣстная система, — какъ замѣтила „Національная газета“, — лежитъ въ основѣ этихъ разоблаченій: они, очевидно, вызваны какимъ-то движеніемъ въ европейской дипломатіи, не получившимъ еще, быть можетъ, опредѣленной формы. Распространяется опасеніе, что въ отношеніяхъ руководящихъ сферъ Европы не все обстоитъ благополучно“. — Вслѣдъ за тѣмъ появилась въ „Кельнской газетѣ“ статья, помѣченная изъ Берлина, подъ заглавіемъ: „Русскія вооруженія“. Въ ней разсказывается сжато, официальнымъ тономъ, о минимыхъ или дѣйствительныхъ военныхъ приготвленіяхъ Россіи вдоль западныхъ ея границъ, о послѣднемъ устройствѣ стратегическихъ желѣзно-дорожныхъ путей, о новыхъ крѣпостныхъ работахъ и т. н. Въ заключеніе говорилось, что „мѣры, могущія одинаково служить для цѣлей нападенія, какъ и для обороны, принуждаютъ сосѣдей къ соответственнымъ дѣйствіямъ, и правительство, которое упустило бы предпри-

нать эти дѣйствія, взяло бы на себя тяжелую отвѣтственность". Эта статья нашла сильный отголосокъ въ остальной нѣмецкой прессѣ и дала корреспондентамъ богатый матеріалъ для интересныхъ сообщеній: одни видѣли уже нѣсколько сотъ тысячъ русскаго войска въ пограничныхъ русскіихъ областяхъ, другіе догадывались о возвращеніи графа Игнатьева съ новыми политическими планами, третьи дѣлали любопытныя открытія насчетъ значенія русскіихъ крѣпостей. Непосредственной войны съ Россією не имѣется, однако, въ виду, — успокаивали болѣе осторожные публицисты, — но дѣло идетъ о томъ, чтобы приготовиться къ будущему".

Разсужденія извѣстной части русской печати, щеголяющей своимъ международнымъ патріотизмомъ, подлили масла въ огонь. „Крестомъ газета" стала объяснять необходимость противодействовать какому-то честолюбивымъ русскимъ притязаніямъ, которыя несомнѣнно отражаются будто бы въ смѣлыхъ статьяхъ несчастныхъ русскіихъ газетъ. Въ полемикѣ вмѣшался признанный органъ князя Бисмарка, „Северо-германская газета". Въ Россіи, по ея словамъ, „обнаружилось недовольство Германією со времени берлинскаго конгресса, причемъ совершенно забывается, что берлинскій кабинетъ не только поддерживалъ, но фактически провелъ всѣ тогдашнія русскія предложенія; нападки на нѣмецкую политику того времени, продолжающіяся до сихъ поръ, оказываются поэтому несправедливыми". Гораздо рѣшительнѣе высказалась австрійская пресса. „Нужно прямо признать ту истину, — говоритъ „Пештскій Ллойдъ", — что мы не имѣемъ ничего общаго съ Россією, — признать столь же твердо и открыто, какъ сдѣлала это Германія, когда князь Бисмаркъ предпринималъ свою поездку въ Вѣну въ 1879 году. Если мы разъ навсегда покончили съ этимъ вопросомъ, то никакимъ русскимъ усиліямъ не удастся уже отравить нашъ союзъ съ Германією. Ибо ни въ какомъ случаѣ нельзя опасаться, чтобы Германія, принужденная сдѣлать выборъ между нами и Россією, избрала когда-нибудь послѣднюю". Россія, по словамъ другой газеты, „съ горечью чувствовала свое одиночество во время событій настоящаго лѣта и значительно усилила свои старанія сойтись опять съ Германією". Съ русской стороны было предложено даже будто бы, взаимныя дружбы, сильное пониженіе таможенныхъ пошлинъ на нѣмецкіе товары; объ этомъ знаетъ положительно вѣнскій корреспондентъ берлинской „Національной газеты". Та же берлинская газета, — одна изъ серьезнѣйшихъ въ Германіи, — напечатала въ отдѣлѣ краткихъ сообщеній слѣдующую замѣтку объ отъѣздѣ графа Герберта Бисмарка въ Вѣну: „объ его миссіи хранится понятное молчаніе, но многіе полагаютъ, что главнѣйшимъ предметомъ ея служить обсужденіе совокупныхъ мѣръ, которыя

должны быть приняты обоими державами въ виду русскихъ вооруженій^а.

Такъ растетъ и укрѣпляется въ нѣмецкомъ народѣ идея о неизбежной будто бы борьбѣ съ Россією. Исходнымъ пунктомъ является представленіе о честолюбивыхъ русскихъ планахъ, раскрываемыхъ русскими патриотами въ застольныхъ спичахъ и на столбцахъ газетъ, за неимѣніемъ матеріала, болѣе близкаго къ жизни. А въ результатъ—возможность усложненій и кровопролитій, не имѣющихъ ни смысла, ни цѣли. Нельзя претендовать на иностранцевъ, если они каждую газетную статью, печатаемую въ Россіи, принимаютъ за выраженіе русскаго общественнаго мнѣнія,—ибо никакихъ другихъ способовъ узнать настроеніе русскаго общества по вопросамъ подобнаго рода не существуетъ. Въ дѣлахъ же, касающихся отношеній между народами, европейскіе государственные люди привыкли руководствоваться не только взглядами правительствъ и министровъ, но и главнымъ образомъ господствующими въ данное время чувствами и желаніями народовъ. Относительно Россіи нѣтъ этого обычнаго и удобнаго мѣрила; отъ ея имени говорятъ смѣлѣе всѣхъ именно тѣ элементы, которые наименѣе солидарны съ интересами большинства, и ихъ голосъ получаетъ за-границею особенное значеніе только благодаря установившемуся въ Европѣ мнѣнію, что газетныя статьи, допущенныя у насъ къ печати, должны считаться согласными съ видами правительства, ибо въ противномъ случаѣ онѣ не были бы дозволены цензурою. Русскія общественныя стремленія покрыты для запада непроницаемымъ туманомъ, а недостатокъ свѣта даетъ просторъ какому угодно догадкамъ и опасеніямъ, поддерживая хроническое безпокойство, которое можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, привести къ дѣйствительному столеновенію. Недавняя полемика кажется намъ печальнымъ симптомомъ; она есть именно слѣдствіе того полумрака, подъ прикрытіемъ котораго можетъ неожиданно подрастаться къ намъ война, вызванная незнакоміемъ русскихъ дѣлъ и заботъ.

Россія не имѣетъ никакого интереса искать союзниковъ за рѣдками своей громадной территоріи, ибо ни въ какихъ вѣнскихъ предпріятіяхъ она не нуждается, и ей нечего добывать отъ чужихъ народовъ цѣною крови. На случай нападенія пришлось бы искать средствъ у себя дома,—да и плохо было бы рассчитывать на помощь постороннихъ друзей въ дѣлѣ обороны. Поэтому и союзъ Германіи съ Австро-Венгрією, по существу своему оборонительный, оставляетъ насъ совершенно индифферентными; онъ можетъ имѣть значеніе только для Франціи и Италіи, отдавая для первой возможность возмездія, а для второй—приобрѣтеніе итальянскихъ земель, подласт

ныхъ австрійцамъ. Но и это значеніе союза едва ли надежно,—ибо въ международной политикѣ формальные договоры соблюдаются только до тѣхъ поръ, пока они удобны и соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ. Предположеніе иностранныхъ политиковъ, что русскій министръ ѣздилъ въ Италію для составленія какой-то новой коалиціи или для возстановленія прежняго союза съ Германією, — основано на очевидной ошибкѣ. А между тѣмъ, это ошибочное предположеніе возбудило цѣлый журнальный походъ противъ Россіи и заставило берлинскихъ офицеровъ разоблачить дипломатическую тайну, которая, по выраженію одной вѣнской газеты, должна была подѣйствовать на насъ „ошеломляющимъ образомъ“. Подобныя воззрѣнія, со всѣми ихъ вредными послѣдствіями, находятъ себѣ, впрочемъ, нѣкоторое оправданіе въ традиціяхъ прежней русской политики, выѣшивавшейся безъ нужды во всякія европейскія комбинаціи и запускаяшей дѣла родной страны до степени полного ихъ забвенія.

II.

Очень можетъ быть, что газетная тревога, исходящая изъ Берлина, предназначена лишь наполнить время парламентскихъ ваканцій, или отвлечь умы отъ скучныхъ внутреннихъ вопросовъ.

Германское правительство потерпѣло серьезную неудачу въ имперскомъ парламентѣ: предложеніе о разсмотрѣніи бюджета на два года впередъ было отвергнуто большинствомъ 224 противъ 48 голосовъ. Князь Бисмаркъ давно добивается права располагать утвержденною смѣтою расходовъ въ теченіе болѣе продолжительнаго срока, чѣмъ годовой, установленный конституціею; для этой цѣли онъ предлагалъ въ 1881 году измѣнить существующій законъ, но безуспѣшно. Утвержденіе бюджета есть одна изъ важнѣйшихъ функцій народнаго представительства; въ то же время оно—главное оружіе противъ министерства, желающаго дѣйствовать самовластно, наперекоръ общественному мнѣнію. Имѣть бюджетъ на лишній годъ — это значить быть свободнымъ отъ давленія палатъ на извѣстное время; понятно поэтому, что парламентъ не выпускаетъ изъ рукъ этого оружія и не даетъ желанной свободы правительству, чтобы не уменьшать законной доли общественнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Разсужденія о бюджетѣ освѣтили съ непріятной стороны экономическій бытъ народа. Бродяжничество приняло въ Пруссіи огромныя размѣры; по официальнымъ свѣдѣніямъ, около двухсотъ тысячъ человѣкъ принадлежатъ къ этой бездомной, блуждающей арміи, потерявшей уже всякую надежду на трудовые заработки. Одинъ изъ

членовъ консервативной партіи доказывалъ пользу тѣлесныхъ наказаній для неисправимыхъ бродягъ; министръ фонъ-Путцкаммеръ ссылаясь на недостаточное число жандармовъ, а предводитель католическаго центра, Виндгорстъ, справедливо замѣтилъ, что общественное зло не поправляется одною физическою силою. Министръ юстиціи, Фридбергъ, сообщилъ, между прочимъ, что съ 1874 года—число содержащихся въ тюрьмахъ увеличилось ровно вдвое.

Законъ о социалистахъ также не имѣлъ ожидаемаго результата: социалистическое движеніе нисколько не ослабѣло, а только приняло болѣе скрытыя формы и слѣдовательно сдѣлалось болѣе опаснымъ и неуловимымъ. Имперскому парламенту представленъ правительствомъ обычный отчетъ о примѣненіи этого закона за истекшій годъ, и выводы, изложенные въ официальной запискѣ, весьма поучительны. „Состояніе социальнаго-демократическаго движенія въ Германіи,—говорится въ отчетѣ,—къ сожалѣнію вовсе не таково, чтобы можно было заключить объ его уменьшеніи. Внутренняя сила и значеніе агитаціи остались прежнія. Не исполнилась также надежда на то, что социальнаго-политическіе законопроекты приведутъ демократію на болѣе спокойный путь“. Строгія, репрессивныя мѣры не помѣшали сильному распространенію социалистическихъ журналовъ. Несмотря на бдительный таможенный надзоръ, масса этихъ изданій провозится разными путями въ Германію; въ одну четверть года конфисковано было около 12,000 экземпляровъ газеты „Social-Demokrat“. Число приверженцевъ крайняго направленія Моста и его газеты „Freiheit“,—по словамъ той же записки,—все болѣе увеличивается въ Германіи. Признаваемый повинѣ органомъ умѣренной части социалистовъ, „Social-Demokrat“, постепенно входитъ въ рамки революціонной программы и этимъ подтверждаетъ предположеніе, что между обоими направленіями нѣтъ уже прежняго кореннаго различія. Въ Берлинѣ разошлось болѣе 20,000 экземпляровъ запрещеннаго воззванія „къ берлинскимъ рабочимъ“, въ которомъ азвительно отвергается „надувательскій социализмъ государства“. Лейпцигъ сдѣлался мѣстомъ собраній выдающихся дѣятелей пропаганды; по этому поводу выслано изъ города въ теченіе года 80 человекъ. Конечно, въ запискѣ упоминается также о пользѣ примѣнявшихся мѣръ, но это указаніе находится въ видномъ противорѣчіи съ фактическимъ содержаніемъ отчета.

Еще яснѣе обнаружилась несостоятельность закона при обсужденіи въ палатѣ внесеннаго социалистами предложенія объ отиѣнѣ „малаго осаднаго положенія“, объявленнаго въ извѣстныхъ городахъ Германіи. Въ засѣданіи 14 декабря, прогрессистъ Генель упрекалъ правительство, что оно берется проводить ту часть социалистической программы, которая расширяетъ права государственной власти, и

ведетъ борьбу противъ другой демократической части той же программы. Министръ фонъ-Путкаммеръ призналъ, что въ вопросахъ хозяйственныхъ точка зрѣнія правительства не такъ далеко отстоитъ отъ социаль-демократіи, какъ въ отношеніи политическомъ и національномъ. „Существуютъ извѣстные пункты соприкосновенія съ социализмомъ, хотя и въ ограниченномъ размѣрѣ; цѣль и способъ дѣйствія совершенно различны. Правительство не отрицаетъ, что есть социальные недуги, которые могутъ быть разрѣшены только законодательствомъ и государствомъ; для этого и предложены проекты, которые тщательно обсуждаются палатою“. Относительно репрессивныхъ мѣръ министръ старался доказать, что онѣ достаточно оправдываются характеромъ возмутительныхъ и безнравственныхъ ученій, проповѣдуемыхъ въ социаль-демократическихъ органахъ. Представитель Гамбурга, Вендтъ, замѣтилъ на это, что нѣмецкіе социалисты не могутъ отвѣчать за выходки газеты „Freiheit“, издаваемой Мостомъ въ Лондонѣ, но что политика правительства отгѣсняетъ партію противъ воли въ лагерь революціонный. „Если вы серьезно хотите, — продолжалъ Вендтъ, — чтобы эмансипація четвертаго сословія совершилась законнымъ путемъ, то прежде всего уничтожьте этотъ исключительный законъ. Пусть лучше произносится предъ нами революціонная рѣчь, или пусть даже дѣйствуетъ иногда кулакъ, — это еще не такъ страшно, какъ подготовляющійся во тьмѣ ударъ кинжала. Тяжело сознавать, что на нашей общественной почвѣ съ ужасающею послѣдовательностью, и именно подъ вліяніемъ закона о социалистахъ, вырабатывается матеріалъ для опасной революціи“. Такъ говорилъ членъ прогрессистской партіи, который въ то же время, въ концѣ своей рѣчи, объявилъ себя республиканцемъ, къ великому удивленію палаты. Социалистъ Грилленбергеръ прибавилъ съ своей стороны, что „каждый нѣмецкій социаль-демократъ есть республиканецъ; но можно быть республиканцемъ и не дѣлать революціи“.

Появленіе республиканцевъ въ германскомъ имперскомъ парламентѣ — фактъ чрезвычайно характеристическій и серьезный. Постановленіе виѣ закона, социаль-демократы изъ мирныхъ доктринеровъ превратились въ революціонеровъ. Консервативныя партіи въ Германіи умѣли только нападать на оппозицію и заподозривать ея благонамѣренность; „евангеліе ихъ, — какъ выразился депутатъ Рихтеръ, — заключается въ томъ, чтобы было побольше полиціи и побольше налоговъ“. Близорукая политика начинаетъ приносить горькіе плоды.

Социальные реформы стоятъ на очереди не только въ Германіи, но и въ союзной ей Австріи: духъ „государственного социализма“ проникъ и въ либеральную Вѣну, — онъ овладѣваетъ постепенно нѣмецкими либеральными дѣятелями и гордыми аристократами, охра-

нителами по призванію. Въ этомъ отношеніи замѣтно даже какое-то соперничество между двумя противоположными партіями—консервативною и либеральною; но по силѣ и смѣлости рѣчей превосходство остается пока за консерваторами.

Въ началѣ декабря, въ австрійскую палату депутатовъ внесено, отъ имени „соединенной лѣвой“, предложеніе о разработкѣ цѣлаго ряда экономическихъ реформъ. Постоянная коммиссія изъ 36 членовъ должна приготовить проекты законовъ о способахъ поощренія и поддержки ассоціацій между мелкими промышленниками, объ ограниченіи числа рабочихъ часовъ для несовершеннолѣтнихъ и для женщинъ, объ обезпеченіи гигиеническихъ условій на фабрикахъ и въ мастерскихъ, объ организаціи государственнаго надзора чрезъ фабричныхъ и промышленныхъ инспекторовъ, объ обязательномъ страхованіи рабочихъ на случай болѣзни и несчастій, объ устройствѣ особыхъ мѣстныхъ союзовъ для помощи бѣднымъ, и наконецъ о производствѣ обширнаго парламентскаго изслѣдованія крестьянскихъ поземельныхъ отношеній и потребностей, для выработки соответственныхъ преобразовательныхъ мѣръ.

Австрійскіе либералы, очевидно, сразу выгрузили весь запасъ социально-хозяйственныхъ вопросовъ, возбуждавшихся въ другихъ странахъ въ разное время и съ большими трудностями. Предлагать обсужденіе всѣхъ этихъ многосложныхъ задачъ, такъ сказать гуртомъ, за одинъ разъ,—пріемъ весьма остроумный и оригинальный, хотя, быть можетъ, и не практичный. Какъ бы удаченъ ни былъ составъ предположенной коммиссіи, но она физически не въ состояніи будетъ взята въ одно время за выполненіе порученныхъ ей работъ, относящихся къ разнообразнымъ областямъ экономической жизни. Каждый отдѣльный пунктъ программы могъ бы самъ по себѣ на долго занять цѣлую коммиссію. Еще одно соображеніе имѣетъ вѣсъ въ этомъ случаѣ: для широкихъ реформъ, въ родѣ перечисленныхъ выше, нужны, между прочимъ, значительныя денежныя средства, которыми не располагаетъ Австрія, обремененная громаднымъ долгомъ и ежегоднымъ дефицитомъ, составляющимъ на 1883 годъ, уже при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, крупную сумму въ 32 милліона гульденовъ. Придумать новыя налоги тоже едва ли удастся.

Невольно возникаетъ подозрѣніе, что эти многообѣщающіе проекты имѣютъ лишь смыслъ ловкаго политическаго маневра со стороны партій, стремящейся освѣжить свою поблекшую популярность и поборотъ ненавистное министерство графа Таафе. Это подозрѣніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что составители щедрой программы, Гербстъ, Хлумецкій и другіе, не думали вовсе о подобныхъ реформахъ, пока

обладали властью и имѣли за себя большинство въ палатахъ. При томъ вопросъ о хозяйственныхъ улучшеніяхъ годится также для временнаго прикрытія племенного и политическаго антагонизма между отдѣльными составными частями австрійской монархіи, какъ и между разрозненными элементами парламентскихъ партій.

Оказалось, однако, что австрійскіе либералы отстали все-таки отъ своихъ противниковъ, консерваторовъ. Графъ Белькреди, докладчикъ комиссіи по пересмотру промышленнаго устава, объяснилъ въ палатѣ, что въ предложеніи соединенной лѣвой слѣдуетъ видѣть „радостный симптомъ“ рѣшимости дѣйствовать согласно съ правою стороною въ соціально-политической области, но что самое содержаніе предложенія представляется безцѣльнымъ, такъ какъ всѣ выѣченные вопросы уже обсуждаются правительствомъ и членами правой. Затѣмъ почтенный графъ заговорилъ совсѣмъ въ родѣ Лун-Влана. „Мы стоимъ теперь,—заявляетъ онъ,—передъ великою задачею *оптимизации труда*; но еще раньше придется намъ выдержать трудную борьбу съ движимымъ капиталомъ, который въ прошедшіе годы успѣлъ твердо укрѣпиться, оказывая свое разрушающее дѣйствіе во всѣхъ концахъ страны. Конкуренція нигдѣ не признавалась заблужденіемъ, но ничѣмъ не ограниченная конкуренція, господство силы, ничего не принимающей во вниманіе, становится опустошающею стихіею, если она не регулируется благоразумно,—точно такъ же какъ широкій потокъ, могущій оплодотворять окрестныя земли и возвышать ихъ производительность при помощи надлежащей системы орошенія... Въ землевладѣніи перемѣна собственности—въ полномъ, разгарѣ. Семейства, сидѣвшія на одномъ мѣстѣ съ незапамятныхъ временъ, принуждены покидать свои земли. Шестъ съ половиною тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ отрываются отъ земли, насиченной въ теченіе многихъ поколѣній, — выбрасываются ростовщичествомъ изъ наслѣдій отцовъ. Задолженность землевладѣнія возрастаетъ на 108 милліоновъ ежегодно,—цифра ужасающая, и настоятельно необходимо положить конецъ такому состоянію дѣлъ... Подати все болѣе увеличиваются, и всеобщая бѣдность народа доходитъ до такой степени, что государство безсильно уже оказать помощь. Въ самоубійственномъ ослѣпленіи, либеральное государство обрело на бездѣйствіе всѣ общественные факторы, корпораціи, на которыя можно было бы опереться при соціальномъ преобразованіи: оно же должно разрѣшить теперь этотъ великій вопросъ“...

Соціализмъ графа Белькреди былъ еще подробнѣе и краснорѣчивѣе развитъ другимъ магнатомъ, княземъ Лихтенштейномъ. Онъ смотритъ на трудъ не какъ на частное дѣло каждаго человѣка, а какъ на „должность, коллективно возложенную обществомъ на чле-

новъ данной профессіи". Этотъ принципъ, по его мнѣнію, справедливъ и плодотворенъ, ибо онъ облагораживаетъ самую низшую работу, возводя ее изъ сферы простой заботы о хлѣбѣ на степень настоящей общественной службы. „Какъ ничтожны и пошлы сравнительно съ этимъ обычныя воззрѣнія, по которымъ трудъ есть товаръ, который одинъ продаетъ, а другой—покупаетъ. Эти понятія вышли изъ лавокъ и не идутъ далѣе узкаго кругозора какого-нибудь мелкаго биржевого зайца... Дурные признаки, которыхъ нѣтъ надобности перечислять, потому что они всѣмъ извѣстны, предвѣщаютъ перевороты, на встрѣчу которымъ идетъ, колеблясь, современное общество. Потрясенія анархическія не пощадятъ и Австрію. Когда въ государствѣ и обществѣ важныя учрежденія перестанутъ исполнять свое первоначальное назначеніе, когда обширная пронасть образуется между теорією и практикою, между формою и содержаніемъ, между словами и ихъ значеніемъ, — когда котелъ нагрѣтъ слишкомъ сильно и паръ не имѣетъ выхода, то происходитъ взрывъ... Почему произошла французская революція? Потому что необходимыя реформы откладывались такъ долго, что уставшій ждать народъ принужденъ былъ брать ихъ съ бою. Сдѣлаемъ же и мы нужныя реформы, пока еще не прошло время, и пока насъ никто еще не насилуетъ... Личная свобода у насъ полная, политическія права самыя широкія, о религіозныхъ и говорить нечего,—можно даже небу заявлять свое недовѣріе и признавать себя не имѣющими никакого вѣроисповѣданія. Но на практикѣ эти хорошіе принципы отражаются своеобразно на жизни миллионовъ людей. Если они крестьяне, ихъ сгоняютъ съ земли свободное кулачество; если они ремесленники, свободная конкуренція отнимаетъ у нихъ покупателей, заработки и, наконецъ, орудія труда; и наконецъ, если они рабочіе, понападающіе, какъ осадокъ, въ глубину разложившагося свободного общества, то они не имѣютъ уже что потерять или выиграть. Такимъ образомъ, и въ нашемъ обществѣ существуетъ разладъ въ социальныхъ учрежденіяхъ,—разладъ, дающій основаніе предвидѣть катастрофу, если мы во-время не примемся за дѣло реформъ“.

Замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ рѣчи графа Белькреди и князя Лихтенштейна, въ связи съ заявленіями нѣмецкихъ представителей государственнаго и „христіанскаго“ социализма, позволяютъ заключить, что въ значительной части Европы нѣтъ уже прежняго социалистическаго пугала: краснѣйшій призракъ пересталъ быть страшнымъ съ той минуты, какъ попалъ въ надежныя руки аристократіи и консервативныхъ правительствъ.

III.

Во Франціи политическая дѣятельность сосредоточилась теперь главнымъ образомъ на трехъ предметахъ—на вопросѣ финансовомъ, на колоніальной предпримчивости и на переговорахъ съ Англіею объ устройствѣ Египта. Въ послѣдніе годы государственные люди республики относились безучастно къ дѣламъ внѣшней политики. Единственный министр, желавшій возстановить традиціи французскаго вліянія въ совѣтахъ европейской дипломатіи, не могъ удержаться на мѣстѣ, отчасти вслѣдствіе общаго недовѣрія къ международнымъ предпріятіямъ, могущимъ затронуть или измѣнить отношенія къ какой-либо изъ великихъ державъ. Фрейсина былъ также свергнутъ потому, что хотѣлъ принять участіе въ вопросѣ, который слишкомъ близко сопривнается съ интересами Англіи и другихъ государствъ, и который поэтому способенъ былъ запутать Францію въ рискованныя усложненія.

Нынѣшняя Франція далеко ушла отъ той безпокойной, честолюбивой, лихорадочной системы, которая рассчитана была на то, чтобы ни одинъ выстрѣлъ не раздавался въ Европѣ безъ дозволенія изъ Парижа. Многое переѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ высказана была знаменитая фраза, что „Франція достаточно богата, чтобы платить за свою славу“; самъ авторъ этого изреченія, публицистъ Джонъ Лемуанъ, отрекся отъ своихъ злополучныхъ словъ. Понятіе о славѣ переработалось и стало совсѣмъ другимъ; вмѣсто погони за внѣшнимъ мишурнымъ блескомъ, французы основательно занялись своими жизненными интересами и стали направлять свою энергію только на реальныя, осязательныя и достижимыя задачи. Не имѣя шансовъ пріобрѣсть что-либо въ Европѣ, Франція отвернулась отъ неблагоприятныхъ ей политическихъ обстоятельствъ материка и обратила свое главное вниманіе на колонизацію отдаленныхъ земель, представляющихъ непосредственныя выгоды для французской торговли и для французскаго вліянія въ разныхъ краяхъ свѣта. Этотъ поворотъ въ политикѣ Франціи установился со времени тунисской экспедиціи и дѣлается все болѣе рѣшительнымъ, по мѣрѣ достигнутыхъ успѣховъ. Кромѣ Конго и Мадагаскара, готовится еще занятіе Тонкина (части Аннамской имперіи), граничащаго съ французскими владѣніями въ Кохинхинѣ;—это вѣроятно только первый шагъ къ захвату богатѣйшей страны Индо-Китаю. Въ короткое время сдѣлано столько пріобрѣтеній, что скоро можно будетъ считать ихъ вполне достаточнымъ вознагражденіемъ за потерю Эльзаса и Лотарингіи. Тѣмъ не менѣе затраты на увеличеніе арміи и на усовер-

шенствованіе военнаго дѣла доходить до баснословныхъ цифръ, какъ и вездѣ въ континентальной Европѣ; французскій военный бюджетъ на 100 милліоновъ выше германскаго; на разныя военныя сооруженія назначено было израсходовать болѣе двухъ милліардовъ, въ теченіе опредѣленнаго срока, — изъ нихъ еще триста милліоновъ находится въ распоряженіи правительства. Но надъ французскими финансами таготеютъ не столько военные расходы, сколько публичныя работы, начатыя по плану Фрейсина и которыя потребуютъ не болѣе ни менѣе какъ 9 милліардовъ и 150 тысячъ франковъ, а именно $6\frac{1}{2}$ милліардовъ на желѣзныя дороги, и остальное на каналы и гавани. Ежегодный расходъ по этому предмету опредѣляется въ 800 милліоновъ. Эти грандіозныя цифры возбуждали понятныя возраженія въ палатѣ депутатовъ и въ финансовомъ мирѣ Парижа. Но желѣзно-дорожныя и прочія сооруженія не могутъ остаться не оконченными, и пришлось по-неволѣ утвердить колоссальный бюджетъ, причемъ замѣтную роль играть мотивъ военно-политическій, въ виду стратегическаго характера нѣкоторыхъ новыхъ дорогъ. Такимъ образомъ, основная политическая идея Франціи въ сферѣ внѣшнихъ отношеній по прежнему связана съ судьбою потерянныхъ провинцій, старательно отмѣчиваемыхъ теперь прусскою администраціею, — а дѣятельная колоніальная политика имѣетъ все-таки только временное, отвлекающее значеніе.

Для французской республики считалось до сихъ поръ необходимымъ поддерживать, во что бы то ни стало, близкую дружбу съ Англіею и даже добиваться союза съ нею, въ видѣ естественнаго противовѣса государствамъ центральной Европы. Гамбетта и Фрейсина стремились къ этой цѣли; но египетскія событія разстроили комбинацію, казавшуюся столь близкою къ осуществленію. Между Франціею и Англіею проявилось нѣкоторое охлажденіе, продолжавшееся, впрочемъ, не долго. Министерство Дюлерка обѣщалось нѣсколькими нотами съ лондонскимъ кабинетомъ по поводу Египта и Мадагаскара, — и хотя полнаго соглашенія не состоялось, но съ обѣихъ сторонъ выразилась готовность къ искреннему согласію, цѣною извѣстныхъ уступокъ. Въ составъ англійскаго правительства вступилъ, между тѣмъ, новый членъ, извѣстный своими симпатіями къ Франціи, графъ Дерби, бывший сотрудникъ лорда Виконсфилда, а нынѣ солидарный съ Гладстономъ либеральный министръ колоній. Лордъ Дерби внесъ мягкость и сочувственный тонъ въ разсужденія объ англо-французскихъ пререканіяхъ. Наканунѣ принатія officialнаго поста, онъ промолвилъ въ Манчестерѣ политическую рѣчь, которая произвела весьма благопріятное впечатлѣніе во Франціи. Лордъ Дерби высказалъ относительно Египта такія необычайно

скромныя пожеланія, что трудно было принять ихъ серьезно; но самое стремленіе къ дружескому миролюбію было оцѣнено французскою дипломатіею. „Говорятъ теперь о присоединеніи, называемомъ, однако, другимъ именемъ, а именно, о протекторатѣ, означаемъ въ сущности то же самое. Эта политика, — объяснялъ графъ Дерби, — предлагается тою партіею — немногочисленною, но шумною — которая убѣждена, что владѣнія Англіи никогда не могутъ быть достаточны и что чѣмъ большее количество провинцій требуетъ нашей защиты, тѣмъ сильнѣе мы будемъ на дѣлѣ. Такой взглядъ навязывается намъ нерѣдко людьми, для которыхъ было бы желательно разорвать хорошие отношенія между Англіею и Франціею. Для сторонниковъ абсолютизма и реакціи въ Европѣ было бы истиннымъ триумфомъ, еслибъ двѣ свободнѣйшія европейскія націи стали враждовать между собою“. Мадагаскаръ, какъ и Египетъ, не можетъ служить предметомъ раздора между обѣими державами. „Насколько это касается англійскихъ интересовъ, — продолжалъ лордъ Дерби, — было бы большою ошибкою возражать противъ намѣренія Франціи создать себѣ колониальную имперію. Если мы даже будемъ смотрѣть на французовъ, какъ на соперниковъ, — чего я не дѣлаю, ибо не могу себѣ представить причину, почему мы могли бы ссориться съ ними, — то во всякомъ случаѣ они не выигрываютъ въ наступательной силѣ, владѣя отдаленными колоніями, а скорѣе напротивъ. Колоніи нуждаются въ гарнизонахъ, и ихъ безопасность всегда зависитъ отъ государства, сильнѣйшаго на моряхъ. Народы могутъ выиграть многое, распространяясь по всему свѣту, подобно намъ, англичанамъ, особенно, если у нихъ есть свободный избытокъ населенія, котораго нѣтъ у французовъ; но для наступательныхъ и даже оборонительныхъ дѣлей такое расселеніе есть источникъ слабости, а не могущества“. Что касается вопроса о томъ, какъ поступить съ Египтомъ, то по мнѣнію лорда Дерби эта страна должна по праву оставаться подъ преобладающимъ вліяніемъ Англіи, на основаніи всего совершившагося; но „вліяніе это не будетъ исключать тѣхъ дружескихъ совѣщаній съ французскими сосѣдями, которыя ведутся уже въ настоящее время“.

Примирительное настроеніе повѣяло изъ Англіи еще и потому, что надежды на скорое устройство дѣлъ въ Египтѣ не сбылись и что вопросъ оказался гораздо труднѣе, чѣмъ можно было думать на первыхъ порахъ. Безсильный хедивъ существуетъ только благодаря присутствію англичанъ; удаленіе англійскихъ войскъ вызвало бы еще худшую анархію, чѣмъ та, которая устранена была недавнимъ кровопролитіемъ. Предоставить Египетъ самимъ египтянамъ было бы также не легко, особенно, если предположить, что туземное насе-

ніе относится враждебно къ европейцамъ вообще и къ англичанамъ въ особенности. Ни одно государство въ положеніи Англіи не отказалось бы отъ плодовъ побѣды, и такого отказа никто не ждетъ даже отъ либеральнаго правительства Гладстона. Элементовъ для прочнаго самоуправленія, подъ главенствомъ хедива, также не найдено; а тѣ, которые имѣются налицо, принадлежать болѣею частью къ старому режиму и не годятся для обновленія. При недостаткѣ людей, нельзя предпринимать и обѣщанныя реформы. Неопредѣленность положенія заставляеть англичанъ допускать уже возможность какой-нибудь сдѣлки съ Франціею или даже созванія европейской конференціи для рѣшенія судьбы Египта. Забрать Египетъ въ полное свое распоряженіе Англія не рѣшается и не можетъ, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ съ существующими международными обязательствами и встрѣтило бы энергическое противодѣйствіе всѣхъ заинтересованныхъ державъ. Притомъ прямыя присоединенія не въ обычаѣ англичанъ; для избѣжанія излишнихъ издержекъ удобнѣе владѣть ковенно и управлять черезъ посредство туземныхъ князей, какъ это практикуется еще въ Индіи. Постоянная военная оккупация въ такомъ случаѣ неизбежна, а ее думать избѣгнуть Гладстонъ.

Не оправдались еще предположенія Араби-паши, высказанными имъ въ любопытномъ прощальномъ письмѣ въ газету „Times“, передъ самымъ отправленіемъ его въ ссылку на островъ Цейлонъ. Это письмо подробно указывало на программу, которую англичанамъ придется осуществить въ Египтѣ. „Я оставляю Египетъ совершенно спокойно и съ вѣрою въ будущее,—писалъ Араби,—ибо я знаю, что Англія не можетъ долго откладывать преобразованія, ради которыхъ мы боролись. Англо-французскій финансовый контроль уничтожается. Египетъ не будетъ болѣе въ рукахъ безчисленной массы иностранныхъ чиновниковъ, наполняющихъ собою все хорошія мѣста, съ устраненіемъ египтянъ; наши туземные суды будутъ очищены отъ злоупотребленій; законы будутъ приведены въ порядокъ и собраны въ кодексы; палата нотаблей будетъ учреждена, съ правомъ голоса и участія въ дѣлахъ египетскаго народа; поселянамъ оказана будетъ помощь противъ ростовщиковъ. Сынъ египетскаго феллаха, я старался всеми силами доставить эти хорошія условія дорогому краю, которому принадлежу; но несчастная судьба не позволила мнѣ достигнуть цѣли. Надѣюсь, что англійскій народъ довершитъ начатое мною дѣло. Когда Англія исполнитъ задачу и дѣйствительно дастъ Египетъ египтянамъ, то она этимъ покажетъ свѣту истинное значеніе возстанія Араби“. Надежды Араби-паши звучатъ ѣдкою ироніею, хотя онѣ высказаны, вѣроятно, съ полною искренностью; онѣ могли бы осуществиться отчасти при установле-

ни настоящаго англійскаго протектората, отвергаемаго лордомъ Дерби.

IV.

Министерскіе кризисы, столь часто случающіеся въ каждомъ просвѣщенномъ государствѣ, бывають и въ турецкой имперіи. Но въротно нигдѣ еще не было такого оригинальнаго и высоко-поучительнаго кризиса, какъ недавно въ Константинополѣ.

Султанъ Абдуль-Гамидъ прогналъ однихъ министровъ и замѣнилъ другими; но черезъ день онъ призвалъ обратно прежній составъ министерства, а новыхъ—отослалъ въ мѣста не столь отдаленныя и отчасти даже очень близкія. Однодневное министерство призвано было весьма лестнымъ рескриптомъ, возлагавшимъ на него много важныхъ государственныхъ задачъ; а на слѣдующій день обнародованъ былъ другой рескриптъ, еще болѣе милостивый, на имя прежняго премьера, съ восстановленіемъ его въ прежнемъ званіи и достоинствахъ. Подданные не успѣли еще вдуматься въ глубокой политической смыслъ совершившейся министерской перемѣны, какъ вдругъ объявлено было, что сдѣланный шагъ берется назадъ, и что все возвращается въ старое положеніе. Въ пятницу, 1-го декабря, султанъ былъ убѣжденъ, что необходимы важныя реформы въ управленіи, и что провести ихъ можетъ Ахмедъ Вефикъ-паша, а въ воскресенье, 3-го декабря, султанъ полагалъ, что реформы не нужны, и Самъ-паша, признанный двумя днями раньше опаснымъ человѣкомъ, оказался вновь полезнымъ министромъ.

Весьма интересны обстоятельства, при которыхъ произведена была эта внезапная перетасовка въ составѣ правительства. Губернаторъ Брусы, Ахмедъ-Вефикъ-паша, обвинялся въ различныхъ злоупотребленіяхъ, и по его дѣлу назначено было формальное слѣдствіе; между прочимъ, его вызвали въ Константинополь для объясненій. Султанъ спросилъ его, почему онъ все свое время посвящалъ театру, устроенному имъ въ Брусѣ, и почти вовсе не занимался исполненіемъ своихъ настоящихъ административныхъ обязанностей. „Потому,—отвѣчалъ будто-бы Ахмедъ-Вефикъ,—что нужно развлекать народъ и отдалять его отъ политики; это дѣлается вездѣ въ Европѣ, а у насъ дѣла такъ плохи, что это положительно необходимо“. На вопросъ, по какому праву смѣнялъ онъ чиновниковъ, назначенныхъ самимъ султаномъ, онъ заявилъ, что хотѣлъ дать своему государю поводъ спросить его объ этомъ,—ибо „тѣ чиновники нигда не годятся,—они обязаны своимъ назначеніемъ исключительно протекціи того или другого придворнаго лица“. Отвѣты

будто бы такъ понравился султану, что онъ пожелалъ освободить его отъ преслѣдованія; но министръ Сайдъ возражалъ противъ такого отступленія отъ обычнаго порядка и за это попалъ въ немилость. Сайдъ-паша былъ смѣщенъ, и естественнымъ преемникомъ его явился подсудимый Ахмедъ-Вефикъ-паша, къ которому султанъ относился всегда благосклонно. Такъ какъ этотъ сановникъ былъ когда-то президентомъ несуществующей турецкой палаты депутатовъ, то назначеніе его породило толки о возстановленіи конституціи 1876 года, отиѣненной фактически вслѣдъ за ея обнародованіемъ. Непріятные слухи переданы были султану, и онъ тотчасъ же послалъ за свергнутымъ Сайдомъ; на это рѣшеніе вліяли также посланники европейскихъ державъ.

Между тѣмъ, во всѣхъ турецкихъ и иностранныхъ газетахъ обсуждались политическіе мотивы „кризиса“,—мотивы, которыхъ вовсе не было; это было единственно дѣло личныхъ впечатлѣній падишаха, не стѣсненнаго никакими законами и порядками. Попытки ввести правильную законную организацію встрѣчали всегда неодолимый отпоръ со стороны многочисленныхъ приверженцевъ народнаго турецкаго духа, которому противны будто-бы извѣстнаго рода реформы, особенно касающіяся общественнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ. Положеніе султана, неограниченнаго и самовластнаго по имени, является крайне опаснымъ на дѣлѣ; постоянная боязнь заговоромъ и покушеній довела подозрительность Абдуль-Гаида до болѣзненности, и нельзя поэтому удивляться такимъ событіямъ, какъ министерское приключеніе Ахмедъ-Вефика. Множество интригъ окружаетъ придворную жизнь султана, благодаря существованію гарема, этого обильнѣйшаго расадника секретныхъ махинацій, подозрѣній и смеленствъ. Еще императоръ Діоклетіанъ жаловался, что всегда „четыре или пять человѣкъ сговариваются обмануть правителя и закрываютъ ему глаза на дѣйствительность; заключенный въ своемъ дворцѣ, онъ не знаетъ истины; онъ принужденъ знать только то, что говорятъ ему окружающіе“. Въ такомъ именно трудномъ состояніи находится султанъ Абдуль-Гаидъ. Помня исторію Абдуль-Азиса, онъ окружаетъ себя всевозможными предосторожностями, выѣзжаетъ изъ дворца только въ торжественныхъ случаяхъ и проводитъ большую часть времени въ добровольномъ затворничествѣ. Корреспондентъ „Daily News“ рассказываетъ, что султанъ заказалъ себѣ въ Вѣнѣ броненосную карету, безопасную отъ дѣйствія ружейныхъ и даже пушечныхъ выстрѣловъ. Прежде чѣмъ сѣсть въ эту карету, онъ велѣлъ ее разобрать на части и тщательно изслѣдовалъ самъ, не положенъ ли гдѣ динамитъ. При подобномъ душевномъ настроеніи онъ поддается вліянію минуты и готовъ повѣрить измѣнѣ самыхъ ближайшихъ къ

нему людей, даже такихъ испытанныхъ, какъ Сандъ-паша и герой Плевны, Османъ-паша.

Комическая исторія, приведенная выше, имѣетъ, такимъ образомъ, весьма грустные мотивы. Несмотря на полное разстройство турецкой имперіи, важнѣйшіе интересы государства зависятъ отъ чисто-личныхъ и случайныхъ вліяній, такъ что никакія прочныя улучшенія невозможны,—а безъ улучшеній все зданіе постепенно разваливается само собою. Много смѣялись надъ турецкою конституціею, и она дѣйствительно смѣшна,—потому что не соблюдалась и не могла соблюдаться на практикѣ, ибо составлена была не серьезно, по готовымъ заграничнымъ образцамъ, безъ вниманія къ особеннымъ племеннымъ, религіознымъ и политическимъ условіямъ распадающейся имперіи. Никакая конституція не можетъ создать жизнь тамъ, гдѣ нѣтъ основныхъ для нея элементовъ, а въ европейской Турціи нѣтъ перваго условія правильнаго государственнаго быта—нѣтъ турецкаго народа, въ смыслѣ преобладающей и цѣльной національной силы. Конституціонный порядокъ предполагалъ бы предварительное отреченіе турокъ отъ господства надъ остальнымъ населеніемъ; въ палатахъ большинство должно было-бы состоять изъ христіанъ, еслибъ только избирательная система не была насмѣшкою надъ здравымъ смысломъ. Дать политическое самоуправленіе турецкимъ подданнымъ—значило бы уничтожить привилегіи турокъ и передать власть ихъ природнымъ врагамъ, составляющимъ большинство. Представительство могло бы быть организовано только въ отдѣльныхъ областяхъ, гдѣ существуетъ компактная масса, принадлежащая къ какой-нибудь одной національности. Общая же конституція, обнимающая всю имперію, была бы мыслима только на началахъ федеральныхъ, при помощи извѣстныхъ компромиссовъ и комбинацій, требующихъ по меньшей мѣрѣ отсутствія вѣковой вражды между племенами или существованія нѣкотораго довѣрія къ общей системѣ управленія или къ царствующей фамиліи; ничего этого не оказывается въ Турціи, и потому-то проектъ Митхада-паши, утвержденный 23 декабря 1876 года, остался мертворожденнымъ, уродливымъ дѣтищемъ, рассчитаннымъ какъ бы специально на то, чтобы компрометтировать почтенныя въ другихъ странахъ названія „конституція“ и „парламентаризма“.

ЛИБЕРАЛЫ И ЛИБЕРАЛИЗМЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ НАШИХЪ НЕДОРАЗУМѢНІЙ.

I.

Очень немногія изрѣченія имѣли такой долгій и упорный успѣхъ, какъ знаменитая фраза, написанная Мерсьеръ де-ла Ривьеромъ, больше ста лѣтъ тому назадъ: „laissez aller et laissez passer—le monde va de lui même“. Изъ этой фразы сдѣланъ былъ извѣстный девизъ, приписываемый либераламъ вообще и принадлежащій въ дѣйствительности только приверженцамъ свободной торговли: „laissez faire — laissez passer“. Девизъ давно гуляетъ по свѣту, но источникъ его отчасти забытъ, и первоначальный смыслъ его затерялся среди новыхъ понятій и интересовъ. Фраза осталась какъ бы пригвожденною къ либерализму; она неотступно слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, и нерѣдко выдается даже за самую сущность его, за его душу.

Многіе вводятъ этимъ въ заблужденіе, а одна ошибка влечетъ за собою дальнѣйшія, еще болѣе важныя. Если-могъ либеральный принципы требуютъ пассивнаго невмѣшательства въ жизнь народную, то они, значитъ, враждебны всякимъ экономическимъ реформамъ и направлены только къ легальному поработенію народа; они, слѣдовательно, хуже и вреднѣе консерватизма, который все-таки не исключаетъ положительныхъ заботъ о благосостояніи населенія. Въ государственныхъ дѣлахъ, правило: „laissez faire“, это—прямое поощреніе хищныхъ инстинктовъ, всеобщаго кулачества и безпорядка; значитъ, либералы втайнѣ солидарны съ самыми мрачными элементами общества. Даже въ лучшемъ случаѣ, при полной чистотѣ либеральныхъ побужденій, отъ нихъ, говорятъ, нельзя ожидать никакой пользы уже потому, что въ основѣ ихъ лежитъ то же злополучное „laissez faire“ — символъ сознательнаго безсилія и безплодія. Къ чему же могутъ стремиться либералы? Очевидно,—восклицаютъ въ отвѣтъ на это,—либералы хотятъ подчинить себѣ низшіе классы и заправлять ими по своему усмотрѣнію, при помощи искусственныхъ политическихъ формъ, способныхъ обезпечить господство буржуазіи.

Такіе изумительные выводы приходится сплошь и рядомъ встрѣчать именно въ нашей современной печати. Они основаны на явныхъ

недоразумѣннѣхъ и указываютъ на непониманіе истиннаго значенія либерализма въ Европѣ.

Либерализмъ, какъ показываетъ самое названіе, означаетъ направленіе *освободительное*—liberage. Когда въ прошедшемъ столѣтіи, въ эпоху „просвѣщеннаго деспотизма“, народы въ Европѣ истощались арміями чиновниковъ и солдатъ, когда всемогущая и безконтрольная администрація считала тамъ обязанностью устранивать по своему жизнь и дѣятельность гражданъ, когда правительство дѣйствовало за всѣхъ и каждого, опасаясь, что безъ его повсемѣстнаго присутствія рѣки перестанутъ течь въ море, хлѣбъ перестанетъ расти на поляхъ, крестьяне забудутъ работу и граждане не будутъ знать, что дѣлать, — тогда имѣло важный практическій смыслъ предложеніе „оставить миръ въ покоѣ“ и не мѣшать естественному ходу жизни слишкомъ усердною, назойливою опекою. Противъ удушливаго административнаго всевластія выставлено было тогда въ Европѣ разумное требованіе: „laissez faire“, т. е. освободить народъ отъ излишней заботливости, позволить ему жить, какъ онъ хочетъ, не навязывать ему своихъ плановъ и поменьше вмѣшиваться въ его дѣла. Другихъ желаній и не могло быть при взглядѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ на государство, какъ на вотчину, управляемую въ интересахъ управляющихъ. Ограничить произволъ и злоупотребленія западной бюрократіи, сократить по возможности всепоглощающую дѣятельность ея, — это была первая насущная задача того времени; это было первою ступенью движенія освободительнаго, т. е. либеральнаго.

Вторая ступень либерализма въ Европѣ выражалась стремленіемъ установить для населенія прочныя, законныя гарантіи противъ произвольныхъ поборовъ и насилій. Признано было за правило, что налоги не могутъ быть собираемы безъ согласія выборныхъ представителей народа; а такъ какъ деньги необходимы для каждаго шага администраціи и законодательства, то всѣ правительственныя дѣла вошли постепенно въ кругъ публичнаго контроля и обсуждения. Эти права гражданъ были официально освящены въ Англіи извѣстнымъ „биллемъ правъ“, послѣ переворота 1688 года.

Оба эти фазиса въ развитіи либеральныхъ идей и учрежденій въ Европѣ имѣли еще оборонительный характеръ: бюрократія ограничивалась въ томъ смыслѣ, что она обставлялась извѣстными условіями, подвергалась контролю. Но затѣмъ и самая бюрократія измѣнилась, утратила свои сверхъ-естественныя черты и сблизилась съ потребностями народными; вотчинное государство изъ области отвлеченнаго права низшло на землю и переродилось мало-по-малу въ самоуправляющуюся націю. Это — третій фазисъ, завершающій собою историческую миссію либерализма въ западной Европѣ.

Гдѣ освободительное движеніе совершило свой полный кругъ, тамъ та старая формула либерализма сходитъ со сцены, или по крайней мѣрѣ утрачиваетъ свое настоящее значеніе. Политическія средства, употреблявшіяся противъ средневѣковаго варварства, не имѣютъ уже смысла въ примѣненіи къ власти самого народа, свободно распоряжающагося своими судьбами. Сами собою отпадаютъ тогда такіе принципы, какъ „laissez passer“, и разныя ограниченія, суживающія рамки государственной дѣятельности въ тѣхъ или другихъ сферахъ народной жизни. Если правительство пополняется лучшими умственными силами страны, если оно безукоризненно честно и устроено такимъ образомъ, что дѣйствія его всегда находятся въ гармоніи съ желаніями и интересами большинства населенія, то никто, разумѣется, не станетъ придумывать какія-либо искусственныя границы и стѣсненія для дѣятельности органовъ государства. Англійскій парламентъ и выходящіе изъ его среды министры обладаютъ самыми широкими и неограниченными полномочіями, какими когда-либо пользовались самыя неограниченныя правительства; однако, англійскіе либералы не только не спорятъ противъ такого порядка вещей, но требуютъ еще большаго разширенія государственныхъ задачъ для надлежащаго рѣшенія поземельныхъ и экономическихъ вопросовъ. Англійскій либерализмъ направляется уже не противъ власти (такъ какъ послѣдняя принадлежитъ фактически общественному мнѣнію), а противъ аристократіи, сохранившей старинныя свои привилегіи и продолжающей понынѣ оказывать руководящее вліяніе на дѣла государства. Въ Англіи либералы, въ смыслѣ особой партіи, являются сторонниками внутреннихъ реформъ и улучшеній, какъ политическихъ, такъ и социальныхъ. Оттого и слово „либераль“ не исполнилось еще въ этой странѣ и выражаетъ по прежнему идею освобожденія отъ старыхъ сословныхъ преградъ, — хотя въ дѣйствительности оно обозначаетъ уже не то направленіе, которое принято считать либеральнымъ въ континентальной Европѣ. Въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, политическій либерализмъ кончаетъ свою задачу съ установленіемъ гарантій хорошаго управленія на началахъ личной и общественной свободы; если онъ не идетъ потомъ дальше, въ область положительныхъ социальныхъ задачъ, и если онъ не получаетъ прогрессистскаго или радикальнаго отгѣнка, то онъ естественно сливается съ консерватизмомъ и теряетъ свой самостоятельный *raison d'être*.

Въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ либеральныя партіи, послѣ первыхъ серьезныхъ завоеваній, дѣйствительно, и остановились въ своемъ развитіи и даже извратили коренныя принципы либерализма подъ вліяніемъ борьбы съ рабочимъ классомъ и съ социализ-

жизнѣ. Въ этомъ извращенномъ или недоразвившемся видѣ, либерализмъ во имени — оказался своекорыстнымъ и эгоистическимъ на дѣлѣ, и козлитная непопулярность его переносится уже на все направленіе, отъ котораго родилось это странное дѣтище. Оттуда дурная слава „либераловъ“ перекочевала въ нашу печать и ошибочно принята была за обобщеніе, относящееся будто бы къ самому къ либерализму въ широкомъ смыслѣ этого слова.

II.

Достаточно напомнить лишь нѣкоторые историческіе факты, чтобы доказать ошибочность высказываемыхъ часто сужденій о непремѣнной связи либерализма съ тенденціями узко-буржуазными.

Въ 1614 году, въ торжественномъ собраніи земскихъ представителей Франціи, въ присутствіи короля Людовика XIII, ораторъ третьяго сословія краснорѣчиво и рѣзко изобразилъ страданія и нужды сельскаго населенія. „Бѣдный народъ,—говорилъ онъ,—работаетъ неустанно и кормитъ все королевство своимъ тяжелымъ трудомъ; но ему самому отъ его работы не остается ничего, кромѣ пота и нищеты. Заработокъ поселянина уходитъ цѣликомъ на уплату податей и повинностей, и въ случаѣ неурожая люди ѣдятъ траву, какъ животныя. А между тѣмъ, кто содержитъ государство, какъ не этотъ забитый поселянинъ? Безъ крестьянскаго труда, что дѣлали бы благородные владѣльцы съ своими землями, духовенство — съ своими бенефиціями, буржуазія — съ своими рентами и капиталами?.. Не насѣвонія, не червячки вызываютъ къ справедливости и состраданію короля,—нѣтъ, это вашъ добрый народъ, это существа разумныя и чувствующія... Если ваше величество не примете мѣръ, то можно опасаться, что отчаяніе напомнитъ народу, что солдатъ есть не что иное какъ крестьянинъ, носящій оружіе, и что земледѣлецъ, взявъ въ руки ружье, можетъ изъ наковальни сдѣлать молотъ“¹⁾... Депутатъ, говорившій о крестьянахъ въ такомъ духѣ, былъ и считался тогда либераломъ.

Еще въ концѣ XV вѣка, послѣ смерти Людовика XI, французская буржуазія выставила смѣлый принципъ, что „королевская власть — это должность, а не наслѣдство“. Генеральныя штаты,—какъ сказано было въ 1484 году на собраніи въ Турѣ,—„выражаютъ собою волю народа, и имъ однимъ принадлежитъ верховенство“. Люди:

¹⁾ *Bonnetière, Histoire des paysans, v. II. pp. 14—15.*

выражавшіе такого рода взгляды, принадлежали опять къ числу либераловъ тогдашняго времени.

Въ блестящую извѣстную эпоху Людовика XIV, повсюду раздавались жалобы, что „губернаторы и интенданты, всѣ большіе воры, тиранизируютъ и грабятъ землю, ввѣренную ихъ управленію“. Кто высказывалъ эти жалобы открыто и публично, тотъ былъ несомнѣннымъ либераломъ. Либераломъ былъ и Вобанъ, доказывавшій вопіющую несправедливость налоговъ, падающихъ исключительно на неимущихъ поселянъ. Либераломъ былъ и епископъ Фенелонъ, писавшій королю-солнцу во время наибольшей его политической славы: „Ваши народы умираютъ съ голода. Обработка земли покинута, города обезлюдѣли, ремесла не даютъ пропитанія рабочимъ. Въмѣсто того, чтобы вытягивать деньги изъ этого народа, надо дать ему милостиню и предоставить ему возможность существованія“. Либераломъ называли герцога Орлеанскаго за то, что онъ однажды принесъ въ совѣтъ министровъ кусокъ чернаго хлѣба изъ древесной коры и мякны, положилъ этотъ хлѣбъ на столъ передъ королемъ и сказалъ: „вотъ хлѣбъ, которымъ питаются ваши подданные“. Либераломъ былъ Тюргб, когда онъ требовалъ освобожденія крестьянъ отъ повинностей, плодами которыхъ пользуются лишь высшіе и средніе классы населенія. Либералами назывались всѣ тѣ, которые позволяли себѣ указывать на безвыходное положеніе народа, въ то время какъ officialный придворный міръ предавался роскошнымъ забавамъ, не вида и не слыша ничего, кромѣ льстивыхъ восторговъ и ликованій. Званіемъ либераловъ клеймились всѣ тѣ, которые осмѣливались протестовать противъ баснословныхъ раздачъ казенныхъ денегъ и иппеществъ фаворитамъ и фавориткамъ, при Людовикахъ XIV и XV. Либералами были люди, находившіе тяжелымъ такой порядокъ вещей, при которомъ три четверти доходовъ всей страны принадлежали дворянству и духовенству, а четвертая доля оставалась для остальныхъ 26 милліоновъ населенія, которые несли на себѣ всю тяжесть налоговъ и платежей ¹⁾).

То же самое было и въ другихъ западныхъ странахъ. Вездѣ либерализмъ означалъ оппозицію противъ злоупотребленій и произвола, противъ недостатковъ и слабостей стараго режима, противъ несправедливаго господства привилегированныхъ сословій, противъ всѣхъ вообще традиціонныхъ золъ политической жизни. Освободительное движеніе принимало различныя формы; оно проявлялось то энергическими протестами мѣстныхъ парламентовъ, то негодующими рѣчами публицистовъ и ораторовъ третьяго сословія, то, наконецъ, грозными

¹⁾ Histoire du prolétariat, par Villard, Par. 1882, pp. 247—400.

вспышками и вервями, въ родѣ неудавшейся попытки Этьена Марса отстоять самоуправленіе Парижа. Истинные либералы вездѣ стояли за народъ, за его права и интересы, за его жизнь и свободу, — возмущались его угнетеніемъ и побуждали власть снисходить къ его бѣдствіямъ. Естественное различіе въ воззрѣніяхъ и потребностяхъ не мѣшало тѣсному союзу буржуазіи съ крестьянствомъ въ общей борьбѣ противъ феодальнаго деспотизма, поддерживаемаго государствомъ.

Консерваторы прошлаго столѣтія ссылались на пятисотлѣтнюю давность, которою закрѣплены были феодальныя привилегіи. „Могли ли дворяне, — спрашивали по этому поводу либералы, — приобрести по давности право грабить по большой дорогѣ и передавать это право наслѣдникамъ, какъ монополію? Сорокъ тысячъ лѣтъ волки пожираютъ овецъ, и, однако, мы не признаемъ за ними этого права по давности и не стѣсняемся истреблять ихъ, какъ вредныхъ звѣрей“. Либеральная часть французскаго общества сдѣлалась революціонною и добилась освобожденія народа отъ гнета феодальныхъ владѣльцевъ, въ ночь 4 августа 1789 года. Крестьяне были освобождены не только съ принадлежавшею имъ землею, но и безъ выкупа. Французское національное собраніе, состоявшее изъ рѣшительныхъ либераловъ, уничтожило не только личныя и поземельныя повинности крестьянъ относительно помѣщиковъ, но и всякіе денежные и натуральные платежи за пользованіе владѣльческою землею, такъ что поселенцы остались полными собственниками тѣхъ участковъ, которые издавна находились въ ихъ фактическомъ владѣніи и за которые они прежде платили оброкъ сеньору. Критикъ великой революціи, Тэнъ, негодуетъ по поводу такого нарушенія права собственности дѣятелими 1789 года: безъ всякаго основанія, говоритъ онъ, 123 милліона ежегоднаго дохода отняты у владѣльцевъ и переданы поселенцамъ ¹⁾. Предполагалось, правда, вознагражденіе владѣльцевъ за отошедшія отъ нихъ оброчныя земли; но предположеніе не исполнилось, и дѣло обошлось даже безъ нашихъ выкупныхъ операцій, что, впрочемъ, не мѣшаетъ нашимъ славянофиламъ и народолюбцамъ восклицать: „мы дали такой примѣръ освобожденія крестьянъ, какого не видала Европа“, т. е. съ землею, и что „если на Западѣ дѣлалось иначе, то вѣдь намъ это не указъ: мы вѣдь и крестьянъ освободили не по западному образцу, а по своему“ ²⁾. Поземельное устройство крестьянъ на условіяхъ выкупа участковъ, при содѣйствіи государственнаго казначейства, состоялось въ Пруссіи (при Гарденбергѣ), въ Ба-

¹⁾ *H. Taine, Les origines de la France contemporaine, T. I, p., 198—201.*

²⁾ Эти отзывы мы встречаемъ даже въ такой, повидимому, серьезной книгѣ, какъ „Основы народничества“ г. Юзова (Сиб. 1882, стр. 22, 26).

варіи, отчасти въ Австріи и Германіи, за исключеніемъ Мекленбурга. Такія же попытки превращенія поселянъ въ собственниковъ дѣлаются либералами въ Ирландіи: въ земельныхъ билляхъ 1870 и 1881 года отводятся много мѣста правиламъ объ образованіи прочнаго крестьянскаго землевладѣнія при помощи средствъ государства.

Изъ этого можно видѣть, насколько основательны обвиненія либерализма въ отрицаніи экономическихъ требованій народа. У насъ эти обвиненія кажутся тѣмъ страннѣе, что наша крестьянская реформа, которою мы такъ привыкли гордиться, совершена была несомнѣнно при участіи либераловъ, какъ стоявшихъ тогда у кормила правленія, такъ и пользовавшихся авторитетомъ въ обществѣ.

III.

Такимъ образомъ, въ Европѣ историческая задача либерализма заключалась въ томъ, чтобы уничтожить нагроможденныя вѣками политическія надстройки, не дававшія жить народу, и подготовить новый порядокъ, основанный на свободномъ существованіи и развитіи общественныхъ силъ, могущихъ сознательно удовлетворить интересы большинства населенія.

Но либералы и либерализмъ—не одно и то же. Достигнувъ своей главной цѣли—освобожденія отъ грубаго феодальнаго режима, либералы на материкѣ Европы пожелаали господствовать въ свою очередь и стали отдавать предпочтеніе своимъ специальнымъ интересамъ въ ряду общенародными. Сохраняя свое популярное названіе, они дѣйствовали уже какъ консерваторы и усвоили себѣ политическіе приемы, совершенно несогласные съ логическими основами либерализма. Устранивъ насилие и стѣсненія свыше, они сами, взобравшись на арену власти, пошли по тому же пути легальнаго произвола по отношенію въ низшимъ классамъ. Государственныя учрежденія были устроены такимъ образомъ, чтобы преобладающая роль принадлежала обезпеченной буржуазіи и чтобы немущая народная масса не имѣла права голоса въ общенародныхъ дѣлахъ. Тогда противъ стараго *ci-devant* либеральнаго слоя, измѣнившаго своимъ собственнымъ принципамъ, поднимался новый общественный слой, представители котораго брали на себя ту же освободительную миссію относительно властвующей буржуазіи, какую послѣдняя исполняла въ свое время относительно феодализма. Новые поборники народныхъ правъ, оставаясь въ существѣ чистыми либералами, обозначались уже другими названіями — радикаловъ и прогрессистовъ, ибо они выступали на дѣлѣ противъ того класса, который всѣ привыкли по старой памяти

считать либеральнымъ по преимуществу. Отсюда вышло странное смѣшеніе понятій: узкія стремленія и самопротиворѣчія бывшихъ либераловъ были спутаны съ либерализмомъ вообще; слово „либералъ“ сдѣлалось синонимомъ самодовольной пассивности и голаго отрицанія реформъ въ пользу сельскаго и городскаго пролетаріата.

Французскіе доктринеры тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на долго подорвали въ народѣ репутацію либераловъ, именемъ которыхъ они прикрывали свои консервативныя цѣли и тенденціи. Отвѣтомъ на эти охранительныя усилія привилегированной части „третьяго сословія“ послужила февральская революція; это былъ вполнѣ заслуженный урокъ забывшимся представителямъ матеріальнаго и умственнаго ценза. На знамени главныхъ виновниковъ переворота 1848 года стояли тѣ же принципы, которыми воодушевлялись дѣятели „великой революціи“ — освобожденіе отъ исключительнаго хозяйничанья одного сословія или класса, предоставленіе всей массѣ народа одинаковаго участія въ государственныхъ дѣлахъ и подготовленіе обширныхъ государственныхъ преобразованій. Буржуазія заплатила за свои грѣхи утратою общественной свободы. Въ концѣ концовъ, программа либерализма осуществилась во Франціи: всѣ преграды, поставленныя общественнымъ потребностямъ народа, вновь разрушены, и политической жизни дано плавное, свободное, просторное теченіе. Либераламъ опять приходится не освобождать, а охранять добытое, — они уже призваны играть роль консерваторовъ. Либеральная партія въ политическомъ смыслѣ исполнила тамъ свое назначеніе; она слѣлась съ правительствомъ, ибо тамъ уже не отъ чего освобождаться, при республикѣ. Для радикаловъ и социалистовъ, установившійся либерализмъ опять оказывается отжившимъ, враждебнымъ направленіемъ, задерживающимъ желательное вмѣшательство государства въ область экономическихъ нуждъ рабочаго населенія. Но при этомъ забывается, однако, что о такомъ вмѣшательствѣ можетъ быть рѣчь именно вслѣдствіе того, что, благодаря усиліямъ этихъ же самыхъ либераловъ, государство является уже не виѣшнею, сдѣлывающею народъ силою, а воплощеніемъ народной воли и народнаго сознанія.

Въ Германіи не осуществилось даже это послѣднее условіе; а давать новыя задачи и полномочія правительству, руководимому личною волею одного человѣка или кружка, справедливо считается весьма рискованнымъ. Либералы Пруссіи дѣйствовали слабо и непослѣдовательно, жертвуя своимъ нравственнымъ достоинствомъ ради временныхъ ближайшихъ цѣлей. Мы не говоримъ уже объ Австріи, гдѣ давно уже подъ либеральнымъ флагомъ фигурируютъ привер-

женныя подавленія народностей, враги равноправности и самоуправленія, продажныя дѣльцы политики и журналистики.

Такимъ образомъ, наши представленія объ европейскихъ либералахъ будутъ совершенно невѣрны, если мы возьмемъ положеніе и репутацію этой партіи въ настоящее время въ той или другой странѣ Европы. Въ различныхъ государствахъ либерализмъ находится не на одинаковой ступени своего развитія: въ одномъ мѣстѣ онъ сдѣлалъ уже многое и бодро готовится къ дальнѣйшей работѣ; въ другомъ — успѣлъ зачахнуть, „свершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное“; въ третьемъ — переродился въ мирное кулачество, злоупотребляя произвольно почтеннымъ историческимъ знаменемъ. Съ какой же стати будемъ мы принимать за норму либерализмъ тѣхъ странъ, гдѣ онъ сохранилъ только имя свободы и растерялъ уже главнѣйшую часть своихъ заветныхъ идеаловъ?

У насъ же нѣтъ и элементовъ для созданія могущественной интеллигентной буржуазіи, способной поставить себя на мѣсто цѣлаго народа. Для насъ нѣтъ ни повода, ни, надобности — смѣшивать либеральное движеніе съ тѣми неудачными формами, въ которыя оно облекается въ иныхъ странахъ Европы. Важенъ лишь вопросъ о томъ, существуетъ ли у насъ потребность въ простомъ освободительномъ, реформаторскомъ движеніи, и имѣются ли такіе историческіе и общественные наросы, которые необходимо устранять. Если эти признаки оказываются на лицо, если предъ нами стоитъ еще масса традиціонныхъ недуговъ, въ видѣ систематическихъ хищеній, безконтрольности, произвола и тѣмъ, — то либерализмъ имѣетъ предъ собою еще слишкомъ обширное поле дѣйствія для того, чтобы начать сливаться съ консерватизмомъ или перерождаться, а потому онъ и стоитъ неизбѣжно впереди общественныхъ стремленій. Онъ можетъ измѣнять свои названія, но сущность его остается та же. Самоозданіе еще какъ бы не докончено; оно не достаточно защищаетъ обитателей отъ дождя и вѣтра; трещины видны въ стѣнахъ и на крышѣ; — необходимо сдѣлать домъ пригоднымъ для жилья, прежде чѣмъ устраивать внутри надлежащую обстановку. Въ противномъ случаѣ, обстановка испортится, придется обновлять ее постоянно, подобно тому какъ портились плоды крестьянской реформы, вслѣдствіе неблагоприятныхъ перемѣнъ погоды. Быть можетъ, для многихъ незамѣтны будутъ причины, почему происходитъ порча; они, пожалуй, станутъ думать, что трещины въ домѣ — сами по себѣ, а сырость и болѣзни происходятъ только вслѣдствіе пагубнаго подражанія иностранцамъ. Но интеллигенція на то и обладаетъ познаніями и опытомъ, чтобы разяснять нелѣпость подобныхъ предположеній.

Недоразумѣнія возникаютъ часто и съ такой стороны, съ которой

меньше всего можно было ожидать ихъ. Либерализмъ обвиняется въ желаніи „навязать“ что-то народу. Между тѣмъ историческая миссія либерализма вездѣ состоитъ именно въ томъ, чтобы *развязывать*, а не *навязывать*, — освобождать, а не порабощать, — снимать старія пути, а не накладывать новыя, — облегчать и вылечивать недуги, а не вгонять ихъ внутрь. Люди предлагаютъ устранить то, что было когда-то навязано другими; а имъ отвѣчаютъ обвиненіемъ ихъ самихъ въ навязчивости. Если, напримѣръ, вся тяжесть налоговъ лежитъ на бѣднѣйшей части населенія, поглощая часто дѣлюмъ трудовые его заработки, — задача либерализма состоитъ тогда въ достиженіи равномѣрнаго распредѣленія этого бремени между болѣе достаточными классами общества. И вдругъ это уменьшеніе крестьянскихъ платежей отвергалось бы, какъ нѣчто чуждое народу, несогласное съ его духомъ! Или возбуждается вопросъ объ отиѣвѣ паспортной системы, столь разорительной для народа, и т. п. Неужели это значило бы навязывать народу несвойственное ему желаніе не разоряться? По здравому смыслу казалось бы смѣшнымъ толковать о томъ, что человѣкъ, быть можетъ, самъ желаетъ остаться связаннымъ и стѣсненнымъ, и что поэтому нечего придумывать для него выходъ изъ затрудненій. Возможно также, что долгая привычка къ тягостнымъ узамъ уменьшила ихъ чувствительность; но слѣдуетъ ли отсюда, что облегчительныя мѣры уже не нужны? Крестьянство свыклось и съ крѣпостнымъ правомъ; было, вѣроятно, не мало такихъ, которые не чувствовали влеченія къ свободѣ, и, однако, это не помѣшало властному освобожденію ихъ.

Но, можетъ быть, лекарства, предлагаемыя либерализмомъ, неправильны или произвольны; или они непопулярны просто потому, что медицина — наука заграничная? Тогда вопросъ идетъ уже не о дѣлахъ и желаніяхъ, а о способахъ ихъ достиженія. Если разногласія касаются формы, а не сущности, то они не могутъ быть выставлены какъ доводы противъ принциповъ. А принципы эти очень просты, и возражать противъ нихъ мудрено, съ точки зрѣнія народной. Они, правда, тоже признаются иногда заимствованными извнѣ; но въ дѣйствительности они такъ же мало зависятъ отъ подражанія, какъ и потребность жить и работать, укрываться отъ холода и венастья, искать все лучшихъ и лучшихъ условій матеріальнаго и нравственнаго существованія. Трудно предполагать, что могутъ быть изобрѣтены какіе-либо специально-русскіе суррогаты свободнаго публичнаго слова, твердой честности и справедливости, свободы личной, общественной и т. д. И у насъ, какъ и вездѣ, эти требованія будутъ существовать вѣчно, пока живы человѣческіе идеалы и характеры.

Слова проходятъ, и настоящій смыслъ ихъ забывается; названія и клички отрываются отъ обозначаемыхъ ими идей, становятся пустыми звуками и примѣняются къ самымъ разнороднымъ явленіямъ, то дурнымъ, то хорошимъ, — но логическое содержаніе, обнимаемое словомъ „либерализмъ“, сохраняетъ свое полное значеніе, хотя бы самое слово отвергалось и замѣнялось другими.

Л. С.

ЛУИ-БЛАНЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

24-го ноября (6-го декабря) истекшаго года скончался въ Каннѣ одинъ изъ рѣдкихъ въ наше время представителей того непреклоннаго и свѣтлаго типа, который не знаетъ различія между теоріею и практикою, между идеею и жизнью, между принципомъ и его примѣненіемъ, — которому чужды всякія сдѣлки съ совѣстью или съ окружающею дѣйствительностію, и который до поздней могилы хранитъ въ себѣ юношескую вѣру и юношескіе идеалы.

Какъ политическій дѣятель, Луи-Бланъ давно уже сошелъ со сцены; его социальныя стремленія принадлежатъ исторіи и почти совсѣмъ забыты современниками, — но симпатичный образъ этого глубоко убѣжденнаго и непоколебимаго даже въ своихъ заблужденіяхъ идеалиста французскихъ сороковыхъ годовъ оставался постоянно живымъ укоромъ для новаго поколѣнія податливыхъ и переменчивыхъ политиковъ Франціи. Какъ писатель и историкъ, Луи-Бланъ занимаетъ видное мѣсто въ европейской литературѣ, и это литературное значеніе его еще рельефнѣе отдѣляетъ его своеобразный политическій характеръ.

Жанъ-Жозефъ Луи-Бланъ родился въ Мадридѣ, въ октябрѣ 1811 года. Его отецъ былъ генеральнымъ инспекторомъ финансовъ въ Испаніи, при эфемерномъ правительствѣ Іосифа Бонапарта; онъ эмигрировалъ туда во время террора, жертвою котораго сдѣлался глава фамиліи, обвиненный въ аристократизмъ. Семейство принадлежало къ старинной буржуазіи и имѣло дворянскія связи. Мать Луи-Блана была корсиканка, урожденная Поццо ди-Борго; она приходилась сестрой извѣстному дипломату, занимавшему постъ посланника Россіи въ Парижѣ. Молодой Луи прибылъ въ Парижъ 19 лѣтъ отъ

роду, по окончаніи курса въ провинціальномъ коллегѣ. Онъ долженъ былъ самъ добывать себѣ средства къ жизни, такъ какъ семья, послѣ испанскаго разгрома, находилась въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ давалъ уроки математики, служилъ писцомъ у адвоката, получилъ мѣсто репетитора въ одномъ частномъ пансіонѣ и затѣмъ переѣхалъ въ Арра, въ качествѣ домашняго учителя въ домѣ одного богатаго коммерсанта. Тамъ онъ пробылъ два года, занимаясь, между прочимъ, сотрудничествомъ въ газетѣ „Progrès du Pas de Calais“, гдѣ напечаталъ свои двѣ поэмы—о Мирабо и домѣ Инвалидовъ, а также „Похвальное слово депутату Манюэлю“. Эти произведенія были увѣнчаны мѣстной академіею. Онъ не увлекся, однако своими успѣхами въ поэтическомъ творчествѣ и обратился къ болѣе серьезнымъ занятіямъ. Вернувшись въ Парижъ въ 1834 году, онъ принималъ дѣятельное участіе въ оппозиціонной прессѣ. Онъ писалъ много въ газетѣ „National“ и въ „Revue Républicaine“.

Оригинальная наружность его невольно обращала на себя вниманіе: маленькій ростъ, дѣтское улыбающееся лицо, тонкій пискливый голосъ, длинные густые волосы и нѣжное тѣлосложеніе, — все это придавало ему видъ совершеннаго мальчика. Но этотъ „мальчикъ“, какъ его называли часто въ редакціяхъ, обнаруживалъ уже львиные когти. Его разсужденія отличались логическою силою, энергіею и смѣлостью. Онъ ставилъ себѣ въ образецъ Руссо, котораго признавалъ настоящимъ защитникомъ народныхъ правъ и истиннымъ пророкомъ социализма. Онъ рѣзко нападалъ на господствующую буржуазію и находилъ правду только въ простомъ народѣ. Послѣ покушенія Фіески на жизнь Луи-Филиппа, на печать посыпались обыкновенныя въ такихъ случаяхъ мѣропріятія, и изданіе „Revue Républicaine“, въ которомъ работалъ Луи-Бланъ, было приостановлено. Онъ былъ уже тогда настолько популяренъ, что рѣшился основать свой собственный журналъ, подъ названіемъ „Bon Sens“,—название, подавшее Тьеру поводъ съострить, что весь здравый смыслъ газеты заключается въ ея заголовкѣ. Въ 1838 году онъ оставилъ редакцію „Bon Sens“ и предпринялъ изданіе „Revue de progrès“, гдѣ помѣстилъ свои знаменитыя разсужденія объ „Организаціи труда“, вышедшія впоследствии отдѣльною книгою. Около этого времени появился его разборъ „Наполеоновскихъ идей“, а на слѣдующій же день произошло загадочное нападеніе, которое такъ и осталось неразъясненнымъ: вечеромъ, при возвращеніи домой, онъ былъ раненъ неизвестнымъ человѣкомъ и брошенъ на улицѣ замертво. Это былъ, повидимому, отвѣтъ на ѣдкую критику бонапартизма. Исторія эта надѣлала много шума и окружила его ореоломъ мученичества.

Книга объ „Организаціи труда“ имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Въ

ней ясно и краснорѣчиво изложены были главнѣйшія возраженія противъ системы свободной конкуренціи, отдающей бѣдныя народныя массы на произволъ капитала. Черствому индивидуализму противопоставляется обязательная солидарность интересовъ; предлагается новая организація промышленности, подъ руководствомъ и при участіи государства, съ равномернымъ распределеніемъ прибылей между трудящимися. „Каждый трудится по своимъ способностямъ и получаетъ по своимъ потребностямъ“, — таково заманчивый принципъ, положенный Луи-Бланомъ въ основу переустройства экономическаго быта рабочихъ классовъ. Имя Луи-Блана сдѣлалось знаменемъ для парижскаго пролетаріата; оно стало синонимомъ самой широкой социальной реформы, какую когда-либо могли желать немущіе.

Въ то же время возросла и упрочилась слава Луи-Блана, какъ историка. Его „Исторія десяти лѣтъ“ (1830—40), первые томы которой появились въ 1841 году, произвела настоящій фуроръ; это былъ убійственный, неотразимый обвинительный актъ противъ империальной монархіи. Множество документовъ и свѣдѣній, собранныхъ авторомъ изъ первыхъ рукъ, пролило новый свѣтъ на закулисныя пружины и особенности управленія Луи-Филиппа. Сильное негодованіе возбудили неизвѣстныя дотогѣ подробности по дѣлу герцогини Беррійской, подвергнутой постыднымъ освидѣтельствованіямъ для констатированія ея „паденія“, съ цѣлью нанести ударъ партіи легитимистовъ. Бездушная мелочность, жадность, сухой фамиліальный эгоизмъ и прочіе недостатки установившагося режима обрисованы были съ художественною полнотою. Сравнительно меньшій успѣхъ имѣла на первыхъ порахъ его „Исторія французской революціи“, переработанная впоследствии при помощи матеріаловъ Британскаго музея, во время вынужденнаго пребыванія автора въ Англіи. Первые два тома, вышедшіе въ 1847 году, успѣли, однако, утвердить окончательно авторитетъ Луи-Блана, какъ апостола народной свободы и лучшаго выразителя принциповъ неограниченнаго народовластія.

Луи-Бланъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ руководителей движенія, приведшаго къ февральской революціи. Онъ горячо поддерживалъ требованія оппозиціи; его рѣчь на банкетѣ въ Дижонѣ, въ концѣ декабря 1847 года, казалась зловѣщимъ пророчествомъ для правительства. „Власть, считавшаяся столь сильною, — говорилъ онъ, — падаетъ отъ своей собственной тяжести, безъ всякаго нападенія съ чьей-либо стороны. Какаѣ-то невидимая воля бросаетъ въ высшія сферы сѣмена унижительныхъ катастрофъ. Общество съ безпокойствомъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе скрытаго яда, разливающагося по его членамъ. Каждый спрашиваетъ себя: возможно ли, чтобы дѣла такъ продолжались? И что принесетъ намъ завтрашній

день? Достаточно только небольшого вѣтра, чтобы гнилой плодъ оторвался отъ дерева и упалъ на землю“.

Правительство, между тѣмъ, хотѣло показать свою твердость и рѣшилось подавить враждебную часть общественнаго мнѣнія. Судьба монархін была поставлена на карту изъ-за вопроса о томъ, быть ли не быть назначенному банкету въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ Парижа. Министерство закрыло для оппозиціи этотъ мирный способъ выраженія желаній населенія, и общественное недовольство, не имѣя законнаго выхода, проявилось другимъ путемъ. Изъ парламента и печати борьба перешла на улицу. Случайный выстрѣлъ разрушилъ все зданіе „твердаго“ правительства, и переворотъ совершился быстрѣе, чѣмъ ожидали республиканцы. Въ то время какъ пролитая кровь уже пошатнула тронъ Луи-Филиппа, Луи-Бланъ составилъ манифестъ, въ которомъ заявлялось требованіе, чтобы разъ навсегда запрещено было употреблять армию противъ внутреннихъ возмущеній. Это предложеніе запоздало на нѣсколько часовъ: революція сдѣлала его излишнимъ.

Въ числѣ членовъ временнаго правительства, Луи-Бланъ былъ естественнымъ представителемъ рабочаго населенія Парижа. Его роль была намѣчена заранее; громадная популярность и личное мнѣніе его побуждали парламентскихъ вождей республики принимать нѣкоторыя мѣры для удовлетворенія неимущаго класса. Положеніе Луи-Блана было чрезвычайно трудно и двусмысленно: съ одной стороны, восторженные народныя массы ждали отъ него разрѣшенія всѣхъ соціальныхъ задачъ, а съ другой—товарищи по управленію относились къ нему съ недовѣріемъ, подозрѣвая его въ честолюбивыхъ планахъ и считая его отвѣтственнымъ за всякія уличныя возмущенія. Въ концѣ февраля шумная процессія рабочихъ заняла площадь передъ ратушею, съ многочисленными знаменами, на которыхъ стояли слова: „организация труда“, „министерство труда“. Луи-Бланъ доказывалъ своимъ коллегамъ необходимость исполнить желаніе народа и учредить особое министерство для устройства быта рабочихъ на новыхъ началахъ; но мысль эта была рѣшительно отвергнута Ламаргиномъ и другими. Отставка Луи-Блана не могла быть, однако, допущена; его уговорили остаться, и рѣшено было сформировать подъ его предсѣдательствомъ, „правительственную комиссію для рабочихъ“, призванную обсудить и выработать требуемыя формы. Мѣстомъ засѣданій этой комиссіи назначенъ былъ Люксембургскій дворецъ, гдѣ недавно еще находилась палата пэровъ.

Пятнадцатью годами раньше, въ этомъ же дворцѣ Луи-Бланъ былъ представленъ герцогу Деказу, который ласково потрепалъ его по щекамъ, сказавъ: „посмотримъ, что можно сдѣлать для этого маль-

чика". Этотъ пріемъ и эти слова, — какъ писалъ онъ впоследствии въ своихъ „*Révélationes historiques*", — живо вспомнились ему въ тотъ день, когда онъ вступилъ хозяиномъ въ роскошное помѣщеніе паровъ Франціи. Простые рабочіе въ блузахъ занимали мѣста, приготовленныя для аристократовъ, и расхаживали по заламъ Маріи Медичи. Комиссія превратилась въ рабочій парламентъ; всѣ корпорации парижскія прислали своихъ представителей, по предложенію Луи-Блана. Несмотря на противодѣйствіе большей части членовъ правительства, Люксембургъ оказался весьма полезнымъ не только для самихъ рабочихъ, но и для буржуазіи, — ибо онъ внесъ извѣстную систему въ стремленія трудящихся, выяснилъ ихъ нужды и потребности, содѣйствовалъ образованію крупныхъ рабочихъ товариществъ и отчасти разсѣялъ преувеличенный страхъ социализма, указавъ на практическую осуществимость нѣкоторыхъ его положеній. Правда, обширные проекты комиссіи раздѣлили судьбу предположеннаго „министерства труда"; но и то немногое, что было сдѣлано, отчасти успокоило тревожныя массы рабочихъ.

Съ дѣятельностью Луи-Блана и рабочаго парламента не слѣдуетъ смѣшивать учрежденія „національных мастерскихъ", устроенныхъ министромъ публичныхъ работъ, Мари, въ видахъ противоявіа чрезмѣрному вліянію Люксембурга. Эти мастерскія служили просто убѣжищемъ для пролетаріевъ, которые получали плату за никому не нужный трудъ; тутъ не было ни разумной производительности работы, ни начала солидарности, ни правильнаго раздѣленія занятій. Между тѣмъ, вредное дѣйствіе „національных мастерскихъ", организованныхъ врагами Луи-Блана, взывалось на него же и создавало ему множество безпощадныхъ недоброжелателей. Сходство названій подкрѣпляло недоразумѣніе: въ книгѣ объ „Организаціи труда" дѣйствительно говорилось о „соціальныхъ мастерскихъ", но только въ смыслѣ самостоятельныхъ продуктивныхъ корпорацій, обнимающихъ отдѣльныя отрасли промышленности и основанныхъ на равномерномъ распредѣленіи прибылей между всѣми работниками.

Недовольные уклончивою политикою правительства, парижскіе рабочіе высказывали рѣшимость передать всю власть въ руки Луи-Блана. Такой именно характеръ имѣла грандіозная манифестація 17 марта. Болѣе двухсотъ тысячъ человекъ собралось передъ ратушею; отъ нихъ явились депутаты въ залу совѣщаній, съ изложеніемъ своихъ требованій. Въмѣсто поддержки, на которую они рассчитывали, Луи-Бланъ предложилъ имъ усюконтельную рѣчь и просилъ не мѣшать занятіямъ временнаго правительства, поглощеннаго заботами объ ихъ благѣ. Только благодаря его энергическимъ совѣтамъ, толпа ограничилась внушительною прогулкою по улицамъ Парижа.

Поворотнымъ пунктомъ его могущества былъ знаменитый день 15 мая—предвѣстникъ кровавыхъ іюньскихъ дней. Выбранное подъ вліяніемъ общей тревоги, національное собраніе положило конецъ надеждамъ пролетаріата и прямо вычеркнуло рабочій вопросъ изъ круга своихъ задачъ. Полномочія бывшаго временнаго правительства были переданы исполнительной комиссіи, въ составъ которой не вошли только Луи - Бланъ и его товарищъ, рабочій Альберъ. Но въ предлогахъ заявленія сочувствія Польшѣ, 15 мая произошла демонстрація, едва не имѣвшая рокового исхода. Палату не удалось защитить отъ нашествія: народъ ворвался въ зданіе и наполнилъ залу національнаго собранія. Изъ толпы раздались крики, вызывавшіе Луи-Блана. Послѣдній оставался на своемъ мѣстѣ. Послѣ настоятельныхъ просьбъ другихъ депутатовъ и съ разрѣшенія президента, онъ заговорилъ къ толпѣ, затѣмъ долженъ былъ вторично говорить, изъ окна, къ народу, собравшемуся во дворѣ, и наконецъ былъ совсѣмъ увлеченъ куда-то группою людей, бросавшихъ его какъ мячикъ съ восторженными возгласами. Тщетно выбивался онъ изъ захватившихъ его рукъ; его несли впередъ, обнимали и про-свѣляли; какой-то широкоплечій рабочій нѣжно шепнулъ ему: „ахъ ты малый, если бы ты хотѣлъ!..“

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ этотъ моментъ дѣло республики находилось вполне въ рукахъ Луи-Блана: „если бы онъ хотѣлъ“, — т.-е. еслибы онъ принадлежалъ къ разряду честолюбивыхъ интригановъ и узурпаторовъ, онъ легко могъ бы сдѣлаться фактически диктаторомъ соціальной революціи. Въ подобныхъ намѣреніяхъ его потомъ и обвиняли, хотя и безъ основанія. Ему было неважно всякое насиліе, чѣмъ бы оно ни прикрывалось; онъ способенъ былъ во имя пролетаріата сдѣлать то, что нѣсколько лѣтъ спустя совершенно было во имя спасенія буржуазіи.

Измученный и усталый, онъ выбрался, наконецъ, изъ толпы; изъ состраданія позволили ему взять фіакръ и уѣхать домой. Засѣданіе палаты тѣмъ временемъ возобновилось. Луи-Бланъ также поспѣшилъ туда; но у входа былъ встрѣченъ національными гвардейцами, которые расправились съ нимъ самымъ жестокимъ образомъ; только съ трудомъ могли освободить его подоспѣвшіе депутаты. Войдя въ палату, весь въ крови, въ разорванномъ платьѣ, онъ не вызвалъ къ себѣ сочувствія: повидимому, большинство смотрѣло на него, какъ на истиннаго виновника безпорядковъ. Его политическая роль была сыграна.

Въ дѣйствительности, Луи-Бланъ былъ все тѣмъ же мирнымъ политикомъ; революціонная буря ни въ чемъ не измѣнила ни его нравственныхъ правилъ, ни его политическихъ принциповъ. Вѣрный

идеямъ полнаго равенства, отъ подавалъ голосъ противъ изгнанія Орлеанской фамиліи и въ пользу допущенія Луи-Наполеона въ члены національнаго собранія. „Сила деспотизма; — говорилъ онъ, — заключается въ насилиі; сила конституціонной власти — въ подкупѣ, а сила республики — въ справедливости“. Луи-Бланъ не былъ практическимъ политикомъ; интересы правды и логической послѣдовательности были для него важнѣе всякихъ политическихъ соображеній и обстоятельствъ. Болѣе ловкіе и гибкіе характеры выступили на сцену и вскорѣ завладѣли ею совершенно. Надъ республикою показалась тѣнь бонапартизма, принимавшая все болѣе явственныя очертанія.

Закрытіе „національныхъ мастерскихъ“ и упорное стремленіе генерала Кавеньяка возстановить честь военнаго мундира, опозоренную будто бы февральскимъ отступленіемъ, — ускорили трагическую развязку. Армія одержала блестящую побѣду надъ населеніемъ Парижа. Національное собраніе занялось разысканіемъ виновныхъ въ іюньскихъ и майскихъ событіяхъ. Возобновлено было предложеніе преслѣдовать Луи-Блана по дѣлу 15 мая; его преслѣдовали и частнымъ порядкомъ, — нѣсколько разъ покушались убить его, и только случайность спасла его отъ ярости невѣдомыхъ враговъ. Официальное преслѣдованіе было рѣшено. По убѣжденію друзей и при содѣйствіи одного роялиста, Луи-Бланъ въ августѣ покинулъ Парижъ и поселился въ Лондонѣ. Такъ окончилась главнѣйшая эпоха въ жизни Луи-Блана и въ то же время одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ всемірной исторіи.

Осужденный заочно къ ссылке, Луи-Бланъ, въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ, прожилъ почти безвыѣздно въ Англіи. Онъ издавалъ тамъ нѣкоторое время ежемѣсячный журналъ „Nouveau Monde“, въ которомъ, между прочимъ, защищался отъ различныхъ обвиненій исходившихъ не только отъ умѣренныхъ партій, но и отъ недавнихъ его поклонниковъ-соціалистовъ. Въ отвѣтъ на книгу бывшаго англійскаго посланника въ Парижѣ, лорда Норменби, о февральской революціи, онъ написалъ свои „Révélations historiques“, въ двухъ томахъ, гдѣ подробно изобразилъ дѣйствительный ходъ дѣлъ и свое участіе въ нихъ (изъ этого источника заимствованы нами приведенныя выше свѣдѣнія, неодинаково передаваемыя въ другихъ сочиненіяхъ по исторіи той эпохи). Впослѣдствіи онъ дополнилъ и переработалъ этотъ трудъ, подъ болѣе общимъ заглавіемъ: „Исторія революціи 1848 года“. Онъ окончилъ также исторію великой революціи, начатую въ Парижѣ и составившую двѣнадцать томовъ. Сверхъ того онъ корреспондировалъ въ нѣкоторыя газеты и помѣстилъ въ „Temps“ извѣстныя письма изъ Англіи, вышедшія потомъ

отдѣльнымъ изданіемъ. Особныя статьи по разнымъ вопросамъ со-
бранны были подъ заглавіемъ: „Questions d'aujourd'hui et de demain“.

Паденіе второй имперіи побудило Луи-Блана посѣтить въ Па-
рижъ. Во время осады онъ держался въ сторонѣ отъ политики. Онъ
стоялъ за энергическое веденіе народной обороны. Выбранный депу-
татомъ въ національное собраніе, онъ занялъ мѣсто на крайней
лѣвой сторонѣ. Онъ оплакивалъ волненія коммуны, высказывался
противъ организаціи сената и произнесъ много рѣчей во время кон-
ституціонныхъ дебатовъ. Краснорѣчіе его было совѣмъ особаго рода;
онъ говорилъ слогомъ писателя, сдержанно и мягко, никогда не
давался въ личныя пререканія, держался строго логической основы,
избѣгалъ эффектныхъ фразъ и употреблялъ часто картинныя упо-
добленія и изящныя обороты. Литературныя достоинства его рѣчей
были выше ораторскихъ; но убѣдительный, душевный тонъ и
ясность разсужденія невольно увлекали слушателей. Не имѣя ника-
кихъ внѣшнихъ данныхъ для роли народнаго трибуна, онъ былъ
однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ и блестящихъ ораторовъ въ смут-
ный періодъ февральскаго движенія. Повидѣе онъ не производилъ
уже рѣшающаго впечатлѣнія и принадлежалъ къ числу тѣхъ при-
знанныхъ всѣми знаменитостей, значеніе которыхъ относится къ про-
шедшему. Онъ дѣйствовалъ еще своимъ именемъ и авторитетомъ,
пока существованіе республики не было упрочено вполне; но онъ
все рѣже выступалъ публично, предоставляя открытое поле болѣе
молодымъ и сильнымъ бойцамъ. Въ 1876 году онъ имѣлъ неосто-
рожность приняться за изданіе новой газеты „*Homme libre*“, на
средства, доставленные однимъ нашимъ соотечественникомъ, мечтав-
шимъ о проведеніи славянофильскихъ идей въ союзѣ съ знамени-
тымъ дѣятелемъ французской демократіи. Газета продержалась не
долго, а связь ея съ русскимъ капиталистомъ подала поводъ къ без-
плодному процессу. Въ палатѣ Луи-Бланъ говорилъ только тогда,
когда возбуждался вопросъ объ амнистіи и объ отиѣнѣ смертной
казни. Въ послѣдніе годы онъ не могъ уже регулярно посѣщать
парламентскія засѣданія и принимать многочисленныя приглашенія
къ предсѣдательству на публичныхъ сходкахъ; но по важнѣйшимъ
текущимъ вопросамъ онъ излагалъ свои мысли въ письмахъ къ изби-
рателямъ.

Луи-Бланъ былъ женатъ, съ 1865 года, на англичанкѣ Христинѣ
Гро, которая умерла въ Парижѣ восемь лѣтъ тому назадъ. Недав-
ная смерть его любимаго брата, академика Шарля Блана, извѣст-
наго художественнаго критика и историка, окончательно надломила
его здоровье. По совѣту врачей онъ отправился на югъ Франціи и
спокойно ждалъ кончины; небольшое имущество свое онъ завѣщалъ

на благотворительныя цѣли. Тѣло его было съ обычными церемоніями перевезено въ Парижъ, гдѣ 30-го ноября (12-го декабря) состоялось гражданское погребеніе, при участіи множества рабочихъ корпорацій и безчисленной массы народа. Палата депутатовъ ассигновала десять тысячъ франковъ на устройство похоронъ на счетъ государства. Засѣданіе на этотъ день было закрыто. Въ числѣ лицъ, несшихъ гробъ до могилы, находился единственный оставшійся въ живыхъ изъ членовъ временнаго правительства 1848 года, ближайшій сотрудникъ Луи-Блана въ Люксембургской комиссіи, рабочий Альберъ.

Нѣсколько рѣчей произнесено было надъ гробомъ; изъ нихъ одна была прочитана отъ имени Виктора Гюгô. При жизни покойнаго, знаменитый поэтъ такъ опредѣлялъ его: „Луи-Бланъ — апостолъ идеала; это философъ, вмѣщающій въ себѣ трибуна; это честный человѣкъ, ведущій борьбу; это историкъ, который въ прошедшемъ проводитъ борозду будущаго“. Теперь Викторъ Гюгô, стоящій уже самъ одною ногою въ гробу, посвятилъ памяти своего друга краснорѣчивыя строки о безсмертіи. „Смерть человѣка есть исчезновеніе, — говоритъ поэтъ, — это свѣтъ, который потухъ. Свѣточъ потушенъ, но источникъ свѣта не гаснетъ. Люди, какъ Луи-Бланъ, необходимы; они появляются снова, когда это нужно. Ихъ дѣло не можетъ быть прервано; оно есть жизнь самого человѣчества. Онъ дѣлалъ добро. Какъ историкъ, онъ училъ; какъ ораторъ, онъ убѣждалъ; какъ мыслитель, онъ принесть свѣтъ. Такія существа, какъ Луи-Бланъ, представляютъ высшую совѣсть; они имѣютъ только одно занятіе — исполнять двойную обязанность: передъ исторіею, событіями, катастрофами, революціями — служить народамъ, а передъ Богомъ — любить ихъ“.

Имѣнія о дѣятельности Луи-Блана могутъ быть различны; они выразились во французской печати съ полною откровенностью. Умѣренныя органы вспоминаютъ объ его опасныхъ утопіяхъ, направленныхъ противъ буржуазіи; многіе изъ рабочихъ и социалистовъ видѣли въ немъ чуть ли не измѣнника; — но всѣ безъ исключенія преклоняются передъ талантомъ писателя и достоинствами человѣка. Личность его имѣла въ себѣ нѣчто чарующее и привлекающее, по признанію даже его враговъ. Онъ былъ великій работникъ, не знавшій того малодушнаго унынія, которое парализуетъ мысль и дѣлаетъ жизнь безцѣльною. Страстное стремленіе къ правдѣ, какъ онъ понималъ ее, уживалось съ правильнымъ, неуклоннымъ трудомъ. Онъ былъ свободенъ отъ буржуазнаго честолюбія, соблазнявшаго многихъ позднѣйшихъ республиканцевъ перспективою карьеры, выгодныхъ должностей и легкихъ заработковъ. Когда еще юношею онъ обратился къ своему дядѣ Поццо ди-Борго для полученія на-

или-либо занятій, и тотъ пожелалъ ему помочь деньгами, — маленький Луи-Бланъ выпрямился, отклонилъ предложенную сумму и проговорилъ съ улыбкою: „не этого просилъ я у васъ, а работы!“ Достигнувъ славы, какъ писатель, онъ былъ чуждъ самолюбія, столь обыкновеннаго между видными дѣятелями литературы. Рукопись одного изъ чисто-литературныхъ трудовъ его — „Histoire des Salons du XVIII siècle“, — сгорѣла во время пожаровъ парижской коммуны, вмѣстѣ съ книгами, съ письмами Жоржъ-Занда, и др. На сожалѣнія друзей объ уtratѣ драгоцѣнной рукописи, составлявшей по слухамъ истинно-художественное произведеніе, Луи-Бланъ замѣчалъ только: „пропала книга, — что же мнѣ дѣлать?“

Луи-Бланъ не былъ человѣкомъ партіи въ узкомъ смыслѣ этого слова. Во всякомъ онъ цѣнилъ силу убѣжденія и искренность; онъ не чуждался даже принца Луи - Наполеона, пока послѣдній былъ изгнанникомъ и предметомъ общихъ насмѣшекъ. По просьбѣ принца, онъ посѣтилъ его въ крѣпости Гамъ, гдѣ, между прочимъ, убѣждалъ его отречься отъ напрасныхъ иллюзій и смѣло применить къ республикѣ; относительно соціальнаго вопроса они были во многомъ согласны. Когда Луи-Бланъ въ свою очередь очутился въ изгнаніи въ Лондонѣ, первый визитъ былъ сдѣланъ ему Луи - Наполеономъ, выбраннымъ уже въ депутаты національнаго собранія; но республиканецъ вѣжливо отстранился отъ претендента, не скрывавшаго своихъ цѣлей, и на этомъ сношенія ихъ прекратились. Впослѣдствіи принцъ, выступивъ кандидатомъ на постъ президента республики, обнародовалъ, въ видѣ рекомендаціи, давнишнее частное письмо Луи-Блана, безъ вѣдома и позволенія его; очень можетъ быть, что этотъ неожиданный аттестатъ доставилъ Луи-Наполеону голоса значительной части рабочихъ. Въ награду за эту невольную услугу, правительство принца-президента конфисковало государственныя процентныя бумаги, принадлежавшія Луи - Блану и составлявшія весь его небольшой капиталъ, накопленный литературнымъ заработкомъ.

Съ годами, социализмъ Луи - Блана все болѣе превращался въ отвлеченную идею, въ традицію. Онъ мало писалъ объ экономическихъ вопросахъ и постепенно приближался къ чисто-политическому радикализму, считая, повидимому, неосуществимыми свои прежнія соціальныя теоріи. Долгое пребываніе въ Англіи не осталось на него безъ вліянія въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были заблужденія и ошибки его, съ именемъ Луи - Блана на всегда будетъ связано представленіе объ энергическомъ, неутомимомъ, талантливымъ бойцѣ человѣчности и справедливости.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1883.

— *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ съ его поэзіи. Первый и второй періоды жизни и дѣятельности (1799 — 1826). Сочиненіе А. Незеленова. Спб. 1882.*

Масса матеріала для біографіи Пушкина такъ поразительно разрастается у насъ въ послѣднее время, изданіе его сочиненій, одно поле другое, такъ часто появляются, что не трудно понять, почему изслѣдователи новой литературы начинаютъ съ особой любовью останавливаться на замыслѣ сгруппировать весь обнародованный матеріалъ и создать, наконецъ, полную и правдивую біографію поэта. Въ короткій промежутокъ времени послѣ книги г. Стоюнина, появляется начало новаго біографическаго изслѣдованія г. Незеленова, выступающее подъ знаменемъ „безпристрастія“, не желающее служить „ни одному изъ направленій нашей критики“, но готовое выѣсить и оцѣнить по достоинству „всякую умную мысль“.

Для безпристрастнаго сужденія о жизни и дѣятельности Пушкина дѣйствительно настаетъ уже время. Почти полъ-вѣка отдѣляетъ насъ отъ года его смерти, и необходимое для вѣрной оцѣнки условіе—извѣстное историческое отдаленіе отъ событія—уже выполнено. Мы узнали много скрытыхъ, тонкихъ чертъ характера поэта, придающихъ его дѣйствіямъ совсѣмъ иной смыслъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ весь гнетъ среды и отдѣльных всемогущихъ личностей, негласныя терзанія, которымъ подвергался Пушкинъ, съ виду явившіяся бѣловнемъ судьбы, но часто считавшія себя однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей. Видя, какъ эти разнородныя условія тяготѣли надъ его далеко не сильнымъ характеромъ и порождали постоянный внутренний разладъ, мы научились глубоко сочувствовать и *жалеть* тамъ, гдѣ еще недавно находили возможнымъ лишь глумиться и сурово порицать. Въ наше время біографія Пушкина немислима безъ правдиваго изображенія всей его общественной и политической обстановки.

ювки; она постоянно кладетъ свой отпечатокъ на нашего поэта, являющагося, быть можетъ, болѣе многихъ изъ своихъ сверстниковъ, спичемъ своей эпохи. Прежнія личныя усмотрѣнія, руководившія часто оцѣнкою его жизни и направленія, должны поэтому уступить, наконецъ, мѣсто историческому безпристрастію.

Но и этого свойства еще недостаточно для удовлетворительнаго жизнеописанія Пушкина. Его натура не изъ тѣхъ, которыя легко поддаются анализу; его интимная жизнь не течетъ такъ плавно, широко и свободно, какъ величавая старость Гёте, не окрашена такъ одноцвѣтнымъ колоритомъ, какъ, напр., личная судьба любого изъ нѣмецкихъ романтиковъ. Здѣсь недостаточно группировки фактовъ и мотивированія ихъ опредѣленными и несомнѣнными чертами изученнаго однажды характера. Натура Пушкина, наряду съ Байрономъ, Шелли и др., — одна изъ тѣхъ необыкновенно сложныхъ, ярко порывистыхъ натуръ, полныхъ крайностей и противорѣчій, невразумительныхъ для людей, спокойно плетущихся по своей жизненной дорожкѣ. Увлеченія смѣняются быстро, и ихъ выборъ не всегда удаченъ; давящій силмиъ иной разъ подвинетъ на такую выходку, которую и самъ человѣкъ не можетъ потомъ объяснить, — а затѣмъ послѣдуетъ порывъ чистѣйшаго энтузіазма въ честь великой идеи. Оттого-то у Байрона столько критиковъ и цѣнителей, и ни одного истиннаго біографа. Пушкинъ совершенно въ такомъ же положеніи. Пушкинъ — вѣтренный дуэлистъ, другъ картежника Нащокина, авторъ разбора Радищевского путешествія, — и творецъ „Онѣгина“, „Каменнаго Гостя“, „Русалки“ — одно и то же лицо; какъ согласить всѣ эти черты и дать имъ соотвѣтствующее мѣсто въ характеристикѣ! На дѣлѣ оказывается, что съ однимъ безпристрастіемъ обойтись невозможно, и что на каждомъ шагѣ является спросъ на тонкое психологическое чутье, которое провело бы біографа между подводными камнями прагматовской морали. Конечно, нельзя требовать въ этихъ случаяхъ, чтобы біографъ былъ въ состояніи переноситься вполне въ бурную жизнь своего героя; забавно было бы представить себѣ критика, желающаго увѣрить насъ, что и онъ украшенъ гусарскими шпорами. Но съ другой стороны, каково же будетъ наше впечатлѣніе, если увидимъ его съ трудомъ пробирающимся сквозь описываемыя имъ бурныя тревоженія и отчаянные скачки, съ смущеннымъ и негодующимъ видомъ наставника практической нравственности, покачивая головою и приговаривая при каждой шалости: „дурно, — ахъ, какъ дурно!“

Г. Незеленовъ желалъ выполнить оба намѣченные нами условія; онъ не захотѣлъ склоняться ни на ту, ни на другую сторону въ своихъ приговорахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно стремится объ-

яснять изгибы натуры своего героя. Но его безпристрастіе совершенно особое и вполне безобидное для тажущихся сторонъ; каждая получаетъ свою долю воздаянія, и сужденіе біографа такъ и остается обоюдоострымъ. Сторонники Пушкина мягко относятся къ его шалостямъ, а баронъ М. Корфъ изображаетъ его развратникомъ, — первое мнѣніе кажется біографу слишкомъ снисходительнымъ, второе слишкомъ суровымъ, впрочемъ не лишеннымъ основанія. Якушкинъ утверждалъ въ своихъ запискахъ, что Пушкинъ присутствовалъ на совѣщаніяхъ южныхъ заговорщиковъ, но не былъ принятъ въ число членовъ къ своему великому горю, а Липранди свидѣтельствуеъ, что правила Пушкина не позволяли ему стать дѣятелемъ. „Трудно согласить съ разсказомъ Якушкина мнѣніе Липранди о поэтѣ—говорить авторъ,—но его нельзя и отвергнуть. По всей вѣроятности истина на серединѣ“. Но наиболѣе сильная проба безпристрастія видна въ различныхъ случаяхъ, гдѣ приходится высказываться о стихахъ народной въ противоположность западно-европейской стихіи. По славянофильскимъ симпатіямъ автора, трудно было ожидать хорошаго аттестата для послѣдняго элемента; между тѣмъ, онъ снабженъ иногда очень лестными эпитетами („блестящіе и могучіе западно-европейскіе идеалы“), но въ концѣ книги,—уже „тревожныя и страстныя начала“. Нужно было, однако, согласить двѣ крайности, и потому обѣ стихіи получаютъ различныя предназначенія: на долю Запада выпадаетъ страстность, беспорядочность, неуравновѣшенность, отсутствіе гармоническаго связующаго принципа, — русскія же начала „простыя, смиренныя, добрыя“¹⁾; въ противоположность Макбету, Годуновъ—„человѣкъ вполне русскій и потому сдержанный и спокойный. Самый драматизмъ его личности состоитъ въ противорѣчии тревожныхъ властолюбивыхъ стремленій съ общимъ гармоническимъ и мирнымъ строемъ души, съ ея жаждою тишины и покоя“. Байронъ былъ неудачникомъ потому, что англійская жизнь не дала ему идеала, изъ-за котораго онъ могъ бы бороться, и потому онъ на зло отвѣчалъ зломъ. „Русскій народъ имѣетъ такой идеалъ, и если Пушкинъ грѣшилъ въ своихъ байроническихъ поэмахъ, то не по недостатку въ русской жизни идеаловъ, а вслѣдствіе узкой подражательности“. На долю Запада отведена также страсть къ фантастическому,

¹⁾ Страсть къ антитезамъ національныхъ началъ доводитъ иногда г. Невзлецовъ до забавныхъ недосмотровъ. Замѣчалъ, что большинство нашихъ писателей славянаго происхожденія—предки Фонвизина вышли изъ Германіи, Державинъ потомокъ татарскаго мурзы, Жуковскій сынъ турчанки, Пушкинъ африканскаго происхожденія,—авторъ находитъ, что это явленіе параллельно съ происхожденіемъ нашей новой цивилизаціи: она представляетъ соединеніе началъ древне-русскихъ съ чужими, „западно-европейскими“.

и отличительною чертой поэзіи Жуковского признается инстинктивное *отчужденіе* отъ сверхъестественнаго и стремленіе къ изображенію собственно чувства, — „въ этомъ сказалась, быть можетъ, его славянская природа“ (это не помѣшало, впрочемъ, автору черезъ двѣ страницы послѣ того назвать особенностью Жуковского — *наклонность къ сверхъестественному*...). Наконецъ, то же безпристрастіе заставляетъ г. Незеленова призывать къ себѣ на помощь, при оцѣнѣ романтизма и байроновскаго вліянія, и русскаго и западнаго критика. Одна сторона выставляетъ Тэна, другая Аполлона Григорьева; русскій человекъ побиваетъ европейца и, разъясняя основы романтизма, причисляетъ къ числу нашихъ доморожденныхъ романтиковъ — и Любима Торцова.

Столько же усилій потрачено на изображеніе Пушкинскаго характера, затемненнаго бурными увлеченіями. Авторъ выказываетъ образцовую суровость въ своихъ приговорахъ и выговорахъ легкомысленному поэту по поводу каждой шалости. Житіе Пушкина въ Петербургѣ до высылки на югъ изображаетъ онъ вполне циническимъ; оно произвело только „неблагопріятное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе“ (не тогда ли, познакомился онъ съ Грибоѣдовымъ, Чаадаевымъ, Рылѣевымъ? спросимъ мы); онъ привыкъ къ распущенности, лѣни, чувственному образу жизни. Время, проведенное въ Кишиневѣ, полно низкихъ увлеченій; шутовское стихотвореніе въ честь молодой еврейки (красавицы іудейскаго племени), ради которой поэтъ готовъ будто бы переимѣнить вѣру, называется „легкомысленнымъ въ религіозномъ смыслѣ“. Капризная забава Пушкина, захотѣвшаго побѣдить кишиневскую кокетку Балашъ ухаживаньемъ за ея 12-ти лѣтней дочерью, вызываетъ у автора, несмотря на положительныя увѣренія Липранди, скептическое и многозначительное восклицаніе: „дѣйствительно ли невинны были эти ухаживанія — *Богъ вѣсть*“. Невозмутимая храбрость Пушкина на дуэляхъ имѣла „что-то дурное и безнравственное“, такъ какъ не измѣнялась даже при сознаніи своей виновности; „въ немъ было нѣчто демоническое и злое“. Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, авторъ мало-помалу привыкаетъ призывать поэта къ своему суду; вѣроятно, избравъ себѣ руководителемъ Ап. Григорьева, который изъ одной изъ приводимыхъ въ книгѣ цитатъ, доказывалъ, что Байронъ можетъ быть судимъ лишь съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда и т. д., — г. Незеленовъ старается также судить разные поступки Пушкина. Онъ полюбилъ, наприм., г-жу Кернъ (и, какъ ему казалось, вполне искренно), тогда какъ въ его душѣ не изгладилась еще привязанность къ другой женщинѣ. „Винить ли Пушкина за эти отношенія?“ спрашиваетъ біографъ, и послѣ многихъ соображеній рѣшаетъ, что

винить слѣдуетъ, такъ какъ эта любовь была недостойна его; „въ его чувствѣ, кромѣ романтизма, было еще холодное увлеченіе вѣшной красотой, было даже и нѣчто мутное, нечистое, была доля чувственности“.

Строгость къ своему герою г. Незеленовъ какъ бы мотивируетъ предосудительнымъ его отношеніемъ къ богатымъ силамъ его духа, которыя долго не могутъ вырваться наружу, задавленныя съ одной стороны подражательностью, съ другой—легкомысліемъ и цинизмомъ. Дурныя инстинкты въ немъ развивали чужеземные его учителя — поэты, Вольтеръ, Байронъ; его излечила окончательно русская деревня; въ *Цыганахъ* онъ покончилъ съ байронизмомъ и вышелъ на свободу *самобытнаго* творчества (не совсѣмъ, должно быть, самобытнаго, замѣтимъ мы, такъ какъ авторъ многими выписками доказываетъ вслѣдъ за тѣмъ вліаніе Шекспира и Гёте); „онъ поборолъ, послѣ Байрона, и Гёте, вступилъ съ нимъ въ состязаніе въ своемъ отрывкѣ изъ Фауста; взглядъ русскаго поэта оказался нравственно выше міросозерцанія германскаго гиганта поэзіи“, — и въ этомъ огромную роль играла опять *русская деревня* ¹⁾. Когда Пушкинъ черпалъ изъ тайниковъ своей души, нетронутыхъ вредными сторонними вліаніями, онъ выказывалъ замѣчательную силу и мысли, и проницательности; оказывается, что онъ еще въ Кишиневѣ высказалъ одинъ изъ догматовъ будущаго славянофильства. Пребываніе въ Михайловскомъ, заканчивающее собой настоящую книгу, изображено истиннымъ прозрѣніемъ послѣ тяжелаго сна; онъ сознаетъ свое предназначеніе, прощается съ юностью и хлопочетъ объ освобожденіи своемъ. Судя по предисловію, это предназначеніе должно было развить и усилить у Пушкина *всегда* жившую въ немъ религіозность и возвести его „въ высшую область общечеловѣческаго религіознаго міросозерцанія“.

Таковы основныя взгляды новаго біографа на разсматриваемые имъ вопросы, такова его психологія и критика; читатель спроситъ, быть можетъ, каково же фактическое изложеніе обыкновенныхъ біографическихъ свѣдѣній въ книгѣ г. Незеленова? На это придется отвѣтить, что она представляетъ съ этой стороны пересказъ тѣхъ данныхъ, которыя въ свое время добыты были г. Анненковымъ, чьи

¹⁾ Изображеніе русской деревни имѣетъ въ глазахъ автора что-то необыкновенно заунывное. Ради него онъ многое можетъ простить Пушкину. Такъ онъ встрѣчаетъ въ *Русланѣ* сравненіе похищенія Людмилы Черноморомъ съ налетомъ коршуна на курицу въ то время, когда „пѣтухъ обнималъ ее сладострастнымъ крыломъ“. Это сравненіе, замѣчаетъ нашъ авторъ, будучи съ одной стороны не совсѣмъ приличнымъ, представляетъ въ то же время, съ другой стороны, *простое изображеніе обиходной русской действительности*“!!

„Матеріалы“ до сихъ поръ остаются очень цѣннымъ источникомъ; остальное дополнено изъ разныхъ писемъ и воспоминаній, появлявшихся въ послѣднее время въ „Русской Старинѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Рус. Архивѣ“. Фактической стороной (кромя развѣ любопытныхъ сближеній Годунова съ Ричардомъ III и Макбетомъ)) новая книга г. Незеленова не можетъ выдѣлиться изъ ряду вонъ. Ея преимущество въ критическихъ приѣмахъ и новыхъ общихъ взглядахъ. Мы познакомили съ ними читателя;—пусть онъ самъ сдѣлаетъ соотвѣтствующій выводъ.—В.

— *Кіевская Старина*, ежемѣсячный историческій журналъ. Кіевъ, 1882. 12 книгъ.

„Кіевская Старина“, начавшаяся съ прошлаго года, завершила свое годовое изданіе, и мы считаемъ долгомъ обратить на него вниманіе читателей,—хотя обыкновенно въ литературномъ обзорѣ не касаемся журнальной литературы. Историческіе журналы въ послѣдніе годы имѣютъ у насъ положительный успѣхъ; онъ очень понятенъ, потому что общество наше было слишкомъ долго лишено исторической пищи: не только новѣйшая и недавняя, но даже и очень давняя, лѣтъ за сто назадъ, исторія не находила мѣста въ литературѣ, и когда, наконецъ, открылась возможность получить болѣе или менѣе правдивые рассказы о прошломъ, общество съ естественнымъ любопытствомъ обратилось къ нимъ. Правда, исторія, которую давали журналы, была болѣею частію отрывочна, иногда дурно, даже фальшиво освѣщена, но читатель все-таки находилъ массу фактовъ, чрезвычайно поучительныхъ, которые, наконецъ, могъ и самъ истолковать. Кромѣ новыхъ историческихъ сочиненій о прошломъ, историческіе журналы наполнялись множествомъ старыхъ сочиненій, мемуаровъ, переписки, которые доселѣ осуждены были лежать подъ спудомъ и являлись, наконецъ, „свидѣтельствами современниковъ“. Но эти изданія, при всемъ ихъ интересѣ, не могли охватить всего матеріала, необходимаго историку; за исторіей государства въ его политическомъ центрѣ, требовала вниманія исторія внутренней Россіи, исторія мѣстная.

Важность ея давно понята учеными. Академія наукъ задавала темы по мѣстной исторіи древнихъ русскихъ княжествъ; нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ этого рода есть уже въ нашей литературѣ, напримѣръ, труды г. Иловайскаго о Рязанскомъ княжествѣ, Корса-

¹⁾ Странно, что при этомъ упущено слишкомъ очевидное вліяніе шекспировскаго *Генриха IV* на „Вориса Годунова“, особенно въ совѣтахъ царя сыну.

кова о Ростовѣ, Борзаконскаго о Твери, даѣе гг. Фирсова, Соколовскаго, Перетятковича и т. д. Древняя исторія Малороссіи есть исторія самой Россіи: здѣсь начатки русскаго государства, русскаго православія, русской національности. Отдѣленная потомъ отъ Россіи, она ведетъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свою особую историческую жизнь, полную бѣдствіями, но и героическими подвигами, и положившую на ея народный бытъ и характеръ своеобразный отпечатокъ, несходный съ типомъ великорусскимъ. Соединившись снова съ Россіей, своими собственными усилиями и инициативой, она теряетъ свою политическую особность, но сохраняетъ особность народную, этнографическую. Такимъ образомъ интересъ изученія Малороссіи и ея старины есть и общій, и мѣстный; и въ томъ, и въ другомъ отношеніи онъ долженъ быть близокъ для общей русской исторіи и для общественнаго самосознанія. Исполненная движенія и драматизма исторія, оригинальный народный характеръ, поэтическія богатства племени, отражавшіяся не однажды въ русской литературѣ—все это важно не только для малорусса, но и для всякаго русскаго.

Понятія извѣстной доли нашего общества такъ извращены, однако, что самая привязанность малорусса къ своей старинѣ казалась и еще кажется подозрительной людямъ, приписывающимъ себѣ исключительную привилегію любви къ отечеству: по ихъ мнѣнію, эта привязанность можетъ означать только сепаратизмъ и неблагонадежность. Къ сожалѣнію, новѣйшей малорусской литературѣ пришлось не мало потерпѣть отъ этихъ мнѣній, въ которыхъ надо удивляться потерѣ самыхъ элементарныхъ понятій—какъ будто любовь къ родинѣ мѣшаетъ любви къ отечеству, а не составляетъ, напротивъ, ея перваго источника.—На этотъ разъ мѣстный патріотизмъ направлялся на старину, которая есть основаніе исторіи цѣлаго государства, и съ другой стороны—на народность, соединенную съ великорусской, какъ братья-близнецы, и которая своими этнографическими отличіями не обѣдняетъ, а только обогащаетъ достоинство русской народной природы.

Необходимость изданія, посвященнаго изученію южнаго края, должна была чувствоваться не только въ малорусской, но и въ общерусской литературѣ. Развивающаяся наука все больше требуетъ данныхъ этнографическихъ и историческихъ. „Кіевская Старина“ и поставила себѣ задачей изслѣдованіе южной русской исторіи и народности. Въ ея программу вошли самостоятельныя изысканія о южно-русской старинѣ и разнообразныя матеріалы къ ней, какъ записки, дневники, воспоминанія, особенно цѣнные документы, описанія вещественныхъ памятниковъ старины, собраніе и объяс-

нѣе памятниковъ народно-поэтическихъ и бытовыхъ, какъ обычаи, незаписанныя пѣсни, легенды, напѣвы и т. д.; библиографическія и критическія замѣчанія о новыхъ книгахъ, выходящихъ у насъ и за границей по исторіи южной Россіи; наконецъ, въ журналѣ должны были печататься протоколы и отчеты кievскаго историческаго общества лѣтописца Нестора.

Теперь закончился годъ „Кіевской Старины“, и надо отдать справедливость редакціи, что она умѣла соединить въ своемъ изданіи серьезный историческій интересъ и занимательное чтеніе. Въ журналѣ собрались труды многихъ изъ лучшихъ знатоковъ и изыскателей по южно-русской исторіи и народности.

Общій взглядъ на историческое значеніе Кіева высказанъ въ статьѣ „Тысячелѣтіе Кіева“ (мартъ): въ 882 году по лѣтописи Олегъ сѣлъ на княженіе въ Кіевѣ и сказалъ: это будетъ мать городамъ русскимъ. Редакція полагала и надѣялась, что будетъ чѣмъ-нибудь ознаменованъ тысячелѣтній юбилей Кіева какъ первой столицы русскаго государства, какъ матери русскихъ городовъ, колыбели русскаго православія, Іерусалима русской земли. Въ сентябрѣ бываетъ храмовой праздникъ св. Софіи Кіевской, „древнѣйшей кievской и всероссійской святыни“,—редакція полагала, что „къ тому времени со всякими приготовленіями посвятить можно“. Но ожиданія были напрасны: тысячелѣтній юбилей отпразднованъ не былъ, да никого и не заинтересовалъ, какъ трехсотлѣтіе завоеванія Сибири, „прошедшее неприлично скромно“ по отзыву такой газеты, какъ „Современныя Извѣстія“, и оставившій втунѣ всѣ ожиданія мѣстныхъ сибирскихъ патріотовъ.

Изъ изслѣдованій о старыхъ временахъ отмѣтимъ въ особенности статьи г. В. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.“, и „Паны Ходьки, воротилы городского самоуправленія въ Кіевѣ“ того же времени. Эпоха послѣ-татарская составляетъ самый темный пунктъ въ судьбахъ Кіева и южной Руси, и статьи г. Антоновича, по обыкновенію очень обстоятельныя, составляютъ важный вкладъ въ исторію Южной Руси. Больше статей посвящено XVI—XVII вѣкамъ, послѣ древняго періода наиболѣе дѣятельной порѣ южно-русской исторіи. Г. Ф. Терновскому принадлежитъ біографія знаменитаго кievскаго митрополита Петра Могилы; О. Левицкому интересная статья: „Соцініанство въ Польшѣ и юго-западной Руси“ и „Южно-русскіе архіереи XVI—XVII вѣка; отмѣтимъ далѣе—Записки кievскаго мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ 1612 года; извлеченіе изъ Дневника Освѣцима, писаннаго въ половинѣ XVII вѣка; переписку Теофана Прокоповича съ Яковомъ Марковичемъ; далѣе, рядъ статей о казачествѣ въ XVIII вѣкѣ, о запорожцахъ,

объ уманьской рѣзні 1768 года и судьбѣ Желѣзняка; исторія землевладѣнія въ Харьковской губерніи, г. Шимонова; учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ, г. Крыжановскаго; Люди старой Малороссіи, г. Лазаревскаго и пр.; нѣсколько статей по исторіи бытовой. По языку и литературѣ укажемъ статьи г. Житецкаго: „Старыя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ“ и предисловіе къ любопытной статьѣ г. Галагана о старинномъ малороссійскомъ „вертепѣ“, т.-е. народной рождественской драмѣ, гдѣ напечатаны тексты и приложена коллекція нотъ къ кантамъ и танцамъ. Г. Петровъ, въ послѣдніе годы много работающій надъ малорусской литературой прошлаго столѣтія, дополнилъ свѣдѣнія о „вертепѣ“ статьей: „Старинный южно-русскій театръ и въ особенности вертепъ“; и напечаталъ „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ второй половины восемнадцатаго вѣка. Далѣе отиѣтитъ матеріалы для исторіи кievской духовной академіи; „Начало книгопечатанія въ Кіевѣ“ г. С. Голубева; воспоминанія Н. Вѣлозерскаго о Шевченкѣ и др. По народной поэзіи укажемъ „Матеріалы и замѣтки“ г. Т—ова; „Южно-русскую пѣсню о (мнимомъ) событіи XI вѣка“ въ объясненіяхъ г. Стоянова и Ив. Новицкаго; новыя свѣдѣнія о кобзарѣ Остапѣ Вересаѣ, и о музыкѣ его думъ и пѣснѣхъ; о бандуристѣ Иванѣ Крюковскомъ; запорожскую пѣсню о разрушеніи Сѣчи. Наконецъ, въ отдѣлѣ библіографіи ведется очень обстоятельный отчетъ о новыхъ книгахъ по изученію южной Руси. Въ „Извѣстіяхъ и замѣткахъ“ собрано множество разныхъ любопытныхъ частныхъ подробностей и указаній.

Изъ приведеннаго короткаго обзора содержанія „Кievской Старины“ можно видѣть, что это изданіе должно занять видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ, и поддерживаемое почти исключительно мѣстными учеными силами, даетъ образчикъ того, какъ могли бы развиваться мѣстные литературные интересы при условіяхъ, болѣе благоприятныхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ эти интересы были поставлены въ послѣднее время.

Юбилейныя изданія Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музей.

Недавно Публичный и Румянцовскій музей въ Москвѣ праздновалъ свой юбилей, считая пятьдесятъ лѣтъ своего существованія съ тѣхъ поръ, какъ по завѣщанію знаменитаго канцлера Румянцева предоставленъ былъ для публики его музей (и домъ его)—въ Петербургѣ. Почти на половинѣ этого пятидесятилѣтія Румянцовскій Музей былъ перенесенъ въ Москву, гдѣ въ соединеніи съ московскими

коллекціями открытъ былъ вновь подъ названіемъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея.

Пожертвованіе канцлера Румянцова есть въ своемъ родѣ единственный фактъ въ исторіи нашего общественнаго образованія, какъ по цѣнности дара „на благое просвѣщеніе“, такъ и по сознательной дѣлѣ жертвователя. Румянцовъ оказалъ чрезвычайно важныя заслуги русской исторіографіи своими изданіями и поощреніемъ историческихъ трудовъ: его музей, главнымъ образомъ рукописное собраніе, вполне отвѣчалъ его научнымъ стремленіямъ. Какъ первая, раціонально и съ богатымъ научнымъ аппаратомъ описанная библіотека рукописей, Румянцовскій Музей, особенно въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, много послужилъ для новыхъ, начинавшихся тогда исследованийъ русской старины, какъ служилъ въ болѣе тѣсномъ кругѣ ученыхъ при Румянцовѣ. Пожертвованіе Румянцова приносило плоды и находило свою историческую награду, и потому, когда возникла мысль о закрытіи Румянцовскаго Музея въ Петербургѣ и переносѣ его, со всѣми его разнообразными коллекціями въ Москву, гдѣ онъ долженъ былъ войти въ составъ другого музея, этотъ планъ встрѣтилъ не мало порицаній. Общество наше упрекало въ забвеніи преданій, а Румянцовскій Музей, существовавшій въ Петербургѣ въ самомъ домѣ Румянцова, былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ преданій, имѣвшихъ право на уваженіе. Уничтоженіе завѣщанія Румянцова не внушало довѣрія къ обезпеченности жертвованій съ опредѣленной цѣлью, и въ этомъ отношеніи не могло имѣть полезнаго дѣйствія. Но справедливость требуетъ сказать, что были вѣскія основанія и за перенесеніе музея. Петербургъ и безъ того былъ богатъ коллекціями—въ публичной библіотекѣ, въ академіи наукъ и другихъ учрежденіяхъ, въ сравненіи съ которыми, напримѣръ, естественнонаучныя коллекціи Румянцова не были незамѣнимы; библіотека и рукописи не могли равняться съ собраніями Публичной Библіотеки (хотя, впрочемъ, всякое собраніе рукописей есть *unicum*) и не могли пополняться далѣе; между тѣмъ, въ Москвѣ музей, въ соединеніи съ другими коллекціями, сдѣлался бы единственнымъ учрежденіемъ этого рода для публики и имѣлъ перспективу дальнѣйшаго размноженія и большаго научнаго употребленія. Мы не богаты библіотеками, музеями и собраніями рукописей, и когда можно, надо распредѣлить этотъ капиталъ въ расчетъ наибольшаго пользованія. Другого Румянцова мы не дождались и до сихъ поръ, а Москвѣ нужна публичная библіотека. Присоединялись, наконецъ, матеріальныя соображенія, говорившія въ пользу перенесенія музея.

Наконецъ, перенесеніе Музея состоялось; имя Румянцовскаго присоединено къ названію Московскаго Музея. Теперь прошло уже двад-

цать лѣтъ существованія Музея въ Москвѣ, и можно судить о практическихъ результатахъ, достигнутыхъ новымъ учрежденіемъ. Эти результаты должны, кажется, оправдать принятую мѣру. Въ новой обстановкѣ музей Румянцова (подъ управленіемъ сначала Н. В. Исакова, теперь В. А. Дашкова) послужилъ центромъ, около котораго стали собираться новыя научныя богатства. Цѣлый рядъ частныхъ библіотекъ и собраній рукописей былъ отчасти пожертвованъ Музею, отчасти имъ купленъ, и тѣмъ спасенъ отъ безсмысленной гибели, которой нерѣдко подвергаются у насъ собранія, составленные съ любовью знатоками дѣла и по смерти ихъ погибающія въ рукахъ невѣжественныхъ наслѣдниковъ. Такъ, въ Московскомъ Музее къ рукописнымъ и старопечатнымъ богатствамъ Румянцова присоединились собранія Норова, Ундольскаго, Григоровича, Пискарева, Севастьянова, Бѣляева, цѣлый масонскій архивъ и т. д. Основаніе подобнаго книжнаго центра привлекало массу мелкихъ пожертвованій, которыя теперь находили себѣ помѣщеніе. Наконецъ, расширилось научное и учебное пользованіе богатствами Музея, осмотрами публикой и занятіями въ читальнѣ.—Музей началъ расширяться и въ другомъ направленіи: въ него поступали собранія картинъ (напр. Прянишникова), собраніе церковныхъ древностей, наконецъ, этнографическій музей. Въ этомъ развитіи Музея большая заслуга принадлежитъ особенно его нынѣшнему директору, В. А. Дашкову.

Празднованіе юбилея подобнаго учрежденія всего лучше можетъ выражаться изданіями, посвященными его исторіи и описанію его коллекцій. Такъ и поступило управленіе Музея. По поводу юбилея, оно сдѣлало слѣдующія пять изданій:

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцовскаго Музея. Выпускъ первый. М. 1882.

— Матеріалы для историческаго описанія Румянцовскаго Музеума. Сочиненіе бывшаго библіотекаря Музеума, К. И. Кестнера. М. 1882.

— Собраніе рукописей П. И. Севастьянова. А. Викторова. М. 1882.

— Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева. А. Викторова. М. 1881.

— Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева. Д. Лебедева. М. 1881.

Книжка Кестнера была составлена еще въ 1848 году, по мысли кн. Одоевскаго, управлявшаго тогда Румянцовскимъ Музеемъ въ Петербургѣ, но осталась почему-то неизданною. „Сборникъ матеріаловъ“ весь посвященъ Румянцову и его Музею, и составляетъ прекрасную дань памяти просвѣщеннаго патріота. Здѣсь находимъ двѣ любопытныя статьи Е. Ѳ. Корша: „Опытъ нравственной характеристики Румянцова“ и „Румянцовъ—собиратель книжныхъ пособій“; г. Гердъ опи-

сываетъ вкратцѣ нумизматическій кабинетъ гр. Румянцова; г. Траутшольдъ—минералогическое собраніе; г. Е. Барсовъ опредѣляетъ значеніе Румянцова въ этнографической наукѣ; г. Ренаръ описываетъ этнографическое отдѣленіе музея; г. Филимоновъ характеризуетъ Румянцова какъ археолога-собираателя; наконецъ, г. Викторовъ излагаетъ по официальнымъ документамъ дѣло о передачѣ Румянцовскаго Музея въ министерство народнаго просвѣщенія.

Описанія рукописей будутъ весьма оцѣнены специалистами, въ особенности описаніе собраній Севастьянова, извѣстнаго изслѣдователя аеонской древности.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е января, 1883.

Новый годъ и старые вопросы.—Толки въ печати о старообрядцахъ.—„Везьобрядство“ и старообрядство.—Процессъ на югѣ Россіи по преступленіямъ въ дѣлахъ вѣры.—Слово прессы. Амвросія о любви и о стремленіяхъ нашего времени.—Премія въ петербургской думѣ о городскихъ налогахъ.—Замѣтка на замѣткѣ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Мы вступаемъ въ новый годъ,—по старому, впрочемъ, обычаю,—съ полными „вопросовъ“ руками; тутъ собственно нѣтъ ничего и удивительнаго: жизнь не признаетъ никакихъ искусственныхъ періодовъ, какихъ-нибудь началъ, какихъ-нибудь концовъ, и вопросъ можетъ идти развѣ только о качествѣ нашихъ „вопросовъ“, а главное, о возрастѣ ихъ: порождены ли они вѣчнымъ стремленіемъ къ самоулучшенію со стороны общечеловѣческой жизни, не признающей надъ собою силу поговорки: „le mieuх est l'ennemi du bien“, или, это вопросы—старые вопросы, и вопросы только для однихъ насъ, а въ общей исторіи чело-вѣчества они давно уже перестали быть вопросами и давно всѣми сданы въ архивъ. Насколько выгодно для общественной жизни быть проникнутой вопросами перваго рода, и затрудняться только однимъ тѣмъ, что затрудняетъ и всѣхъ,—настолько тяжело мучиться надъ разрѣшеніемъ того, что давно перестало быть вопросомъ для другихъ. Не тутъ ли заключается причина, почему наша печать ознаменовала послѣднее время истекшаго года оригинальною жалобою на то, что она чувствуетъ сама, какъ ея самою наводится тоска на

читателя. „Дни идутъ за днями,—говорилось недавно въ одной изъ столичныхъ газетъ,—но день-на-день не походятъ; такъ бывало когда-то (не припомнимъ—когда именно? вѣрно—давно!); теперь же дни удивительно стали походить другъ на друга: все тѣ же явленія неуѣшительныя, все та же апатія, однообразная и утомительная скука; при такомъ положеніи дѣлъ, русской печати, занимающейся веденіемъ дневника общественной жизни, приходится отмѣчать и такія явленія, на которыя въ обыкновенное время никто, конечно, и не обратилъ бы вниманія“. Дѣйствительно, газета, какъ бы въ доказательство своего полного отчаянія, тутъ же и посвятила цѣлую передовую статью совершенно праздному и вмѣстѣ какъ бы музыкальному вопросу: „въ какомъ тонѣ настроены „Московскія Вѣдомости“—при переходѣ ихъ изъ ноября мѣсяца въ декабрь! Мы охотно признаемъ, что подобная тема можетъ придти на мысль по той же причинѣ, по которой утопающій хватается за соломенку. Сомнительнымъ намъ кажется тутъ одно оправданіе газеты, въ формѣ намека, близкаго къ обвиненію общества въ томъ, что оно само пребываетъ въ „однообразной апатіи и утомительной скукѣ“, да еще потому сердится на то, что газеты скучны. По нашему мнѣнію, общество тутъ не при чемъ, да и едва ли справедливо обращаться къ обществу, какъ къ какому-нибудь конкретному лицу, съ подобнаго рода упреками, какъ упрекъ въ апатіи и скукѣ. Другая жалоба со стороны печати и литературы на то, что какъ нарочно самыя-то интересныя вопросы вмѣстѣ съ тѣмъ и неудобны, потому что отвѣтъ на нихъ могъ бы вызвать, какъ говоритъ та же газета, „разные, очень непріятные вопросы“,—представляется болѣе основательною; но и тутъ многое зависитъ отъ многого: вѣдь, въ свое время, напримѣръ, „Записки Охотника“, или критика Бѣлинскаго—очень мало соотвѣтствовали тогдашнимъ наличнымъ условіямъ печати и литературы, да и тогдашняя общественная жизнь также не обнаруживала сангвиническаго, живого темперамента. Намъ кажется, что нѣкоторая скука въ печати происходитъ, главнымъ образомъ, отъ сознанія необходимости трудиться серьезно надъ разрѣшеніемъ задачъ, давно уже разрѣшенныхъ другими, и такимъ образомъ, иногда убѣждать убѣжденных, что всегда скучно, и для того, кто убѣждается, и для тѣхъ, кого убѣждаютъ,—такъ что у публициста невольно должны подчасъ опускаться руки, особенно, если онъ вспомнитъ изреченіе Некрасова: „дураковъ на Руси не убавишь, а на умныхъ тоску наведешь!“ Каждая такъ-называемая передовая статья газеты, внимательно разрѣшающая въ тысячный разъ давно разрѣшенные вопросы, могла бы смѣло начинаться всегда одною и тою же фразою: „Ужъ сколько разъ твердили міру,“ и т. д.; причемъ авторъ статьи не имѣлъ бы

даже утѣшенія сравнивать печать хотя бы съ свойствомъ ничтожной водяной капли, которая все-таки—*cauat lapidem non vi, sed saepe cadendo*. Вотъ совсѣмъ другое дѣло—печать, взявшая на себя трудъ доказывать пользу того, что всѣми отвергнуто и признано вреднымъ: этого рода печать дѣйствительно, какъ болѣе оригинальная, если не возбуждаетъ особеннаго удовольствія, то, во всякомъ случаѣ, обнаруживаетъ и больше энергій, больше оригинальности и изобрѣтательности, такъ какъ первое условіе въ успѣшной борьбѣ съ здравымъ смысломъ — признаніе себя независимымъ въ выборѣ средствъ.

Впрочемъ, прошедшій годъ ознаменовался, однако, признаніемъ, со стороны г. Аксакова,—конечно, не больше—одного изъ важныхъ вопросовъ не только нашей общественной, но и государственной жизни, рѣшеннымъ: это—именно вопросъ объ отношеніяхъ нашихъ старообрядцевъ къ господствующей церкви. По поводу уже извѣстныхъ читателямъ журнала статей г. Соловьева (второй серіи), напечатанныхъ въ „Руси“, г. Аксаковъ, мы видѣли, воскликнулъ: „Во всякомъ случаѣ, вопросъ (старообрядческій) поставленъ гласно, и повелительно (?) стучится къ нимъ (къ старообрядцамъ) въ дверь, требуя отвѣта, отъ котораго совѣсть ихъ уклониться не можетъ; не знаменуетъ ли самъ Господь, ниспосылаемыми нашей землѣ испытаніями, время благопотребно для устраненія нашей братской розни, для возстановленія нашего единства церковнаго?“ Очень возможно, что г. Соловьевъ и ошибся дверью; но вѣрно одно, что гласнаго отвѣта, сколько намъ извѣстно, отъ старообрядцевъ онъ не получилъ, да едва ли и получить, по той простой причинѣ, что если бы они могли давать такіе отвѣты, то тогда бы имъ и жаловаться было бы не на что, такъ какъ ихъ отвѣтъ равнялся бы гласному исповѣданію ихъ убѣжденій—а въ этомъ-то и весь вопросъ.

Становясь, впрочемъ, на практическую почву, мы прибавили бы къ сказанному нами еще то, что подобные первостепенной важности вопросы не могутъ рѣшаться также и одними частными „послабленіями“; конечно, и частное послабленіе производитъ въ угнетенномъ естественное и понятное чувство довольства; зато оно ставитъ послабляющаго въ безысходный кругъ:—не принесло угнетеніе счастливыхъ результатовъ, даже усилило зло,—и вотъ сдѣлалось необходимымъ послабленіе; послабленіе произвело на первое время выгодныя послѣдствія, какъ и всякая смягчившаяся боль,—но затѣмъ, послабленіе превращается для угнетеннаго въ средство расширить предѣлы своей дѣятельности, — и тогда опять дѣлается необходимымъ угнетеніе; повторяется прежняя исторія прилива и отлива мѣропріятій, съ тѣмъ, чтобы послѣ того снова повториться безконечное число разъ. Вотъ почему такіе во-

просы могутъ разрѣшаться въ окончательной формѣ, безъ опасенія смѣны прилива и отлива мѣропріятій, только тогда, когда въ основаніе рѣшенія положенъ вѣрный и справедливый принципъ, который не замедлитъ обнаружить свое вліяніе повсюду, куда только онъ проникнетъ. Реформа нашего церковнаго законодательства и уголовного, — тамъ, гдѣ оно касается преступленій по дѣламъ вѣры, — въ смыслѣ, если не полного утвержденія, то по крайней мѣрѣ — приближенія къ началамъ свободы совѣсти, — сдѣлаетъ гораздо больше, нежели одна послабленія, а главное, не введетъ насъ въ вышеупомянутый безысходный кругъ; такая реформа не ограничилась бы, напримѣръ, тѣмъ, что тотъ или другой фактъ, доселѣ запрещаемый, оказался бы вдругъ разрѣшеннымъ, — такая реформа измѣнила бы самые права людей, какъ тѣхъ, которые преслѣдуются, такъ и тѣхъ, которые преслѣдуютъ, и такимъ образомъ мало-по-малу сблизила бы между собою оба враждующіе лагеря. Государство вездѣ заинтересовано въ одномъ точномъ соблюденіи законовъ; и доказательствомъ тому служить современное и вполне просвѣщенное отношеніе правительства, — не къ старообрядцамъ, — а къ членамъ своей же собственной господствующей православной церкви. Вовсе не такъ еще далеко то время, когда насъ обвинили бы въ вольнодумствѣ, если бы мы вздумали утверждать, что правительство не обязано слѣдить за членами православной церкви, ходятъ ли они, напримѣръ, каждое воскресенье въ церковь, постятся ли они по средамъ и пятницамъ и въ указанные церковные посты, исповѣдуются и приобщаются ли св. Тайнъ, по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, и вообще исполняютъ ли строго всѣ предписанія церкви, — а еще менѣе преслѣдовать за то. Въ прежнее время, доносъ по вышеупомянутымъ пунктамъ могъ имѣть плачевное послѣдствіе для такихъ, если можно выразиться, „безъобразцевъ“. Но теперь, когда убѣдились въ томъ, что воръ, не крадущій только потому, что онъ находится въ заключеніи, не есть еще истинно честный человѣкъ, и что исполняющій церковные обряды по-неволѣ, — далеко еще не религіозный человѣкъ, — никому и въ голову не придетъ усматривать, въ новыхъ отношеніяхъ свѣтскаго правительства къ такимъ вопросамъ, знакъ какого-нибудь индифферентизма его къ дѣламъ вѣры. Достаточно было даже, не уничтожая старыхъ церковныхъ законовъ, не пользоваться ими, чтобы для членовъ православной церкви установилась фактическая свобода совѣсти. Между тѣмъ, старообрядцы, напримѣръ, даже и не ищутъ такого права, какимъ пользуются на дѣлѣ православные, а именно: не ходить въ церковь, не соблюдать постовъ, если того не желаютъ сами, и т. д.; они только предпочитаютъ молиться по-своему, ходить въ свою церковь, вмѣсто того, чтобы совсѣмъ не молиться и не ходить ни въ какую

церковь; за послѣднее—свѣтское правительство не преслѣдуетъ никого, да и церковное правительство имѣетъ право только обращаться съ увѣщаніями, но не призывать на помощь себѣ свѣтскій мечъ. И надобно отдать полную справедливость нашему духовенству: мы на своемъ вѣку не припомнимъ и одного случая преслѣдованій съ его стороны своей паствы за явное, такъ-сказать, „безъобрядство“, т.-е. неисполненіе обрядовъ, предписанныхъ церковью. Но все измѣняется тотчасъ, лишь только дѣло пойдетъ о „старообрядствѣ“; тутъ является необходимымъ и содѣйствіе свѣтской власти, и понужденіе, и ограниченіе. Мы не беремъ на себя разъясненія подобныхъ фактовъ, но мы только удостоверяемъ существованіе того, что совершается на глазахъ всѣхъ. Для всѣхъ очевидно, что политика наша свѣтскаго правительства по отношенію членовъ православной церкви, пользующихся на фактѣ изрядною личною свободою совѣсти въ вопросахъ обрядныхъ, особенно если это сравнить съ прежними временами,—въ отношеніи старообрядцевъ дѣйствовала до сихъ поръ нѣсколько въ иномъ духѣ, менѣе примирительномъ, и постоянно переходила отъ преслѣдованія сектантовъ къ ослабленію имъ, и обратно, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, приводило опять къ прежней системѣ. Вотъ почему мы и высказали выше мысль, что частныя послабленія могутъ быть весьма симпатичны въ данную минуту, но окончательнаго рѣшенія этого тяжелаго вопроса нужно ждать отъ общихъ законодательныхъ мѣръ. Опытъ нѣкоторой, не болѣе какъ фактической свободы совѣсти для членовъ православной церкви можетъ только убѣдить въ томъ, что не могло бы послѣдовать никакой опасности отъ подобнаго же отношенія къ „старообрядцамъ“, какое существуетъ на практикѣ для тѣхъ, кого мы называли „безъобрядцами“.

Говорятъ, правда, что въ наше время ослабло религіозное чувство. Мы вовсе не были бы расположены отнестись благодушно къ такому явленію, если бы оно было удостоверяемо чѣмъ-нибудь осязательнымъ; но мы не можемъ, во-первыхъ, не замѣтить, что такое это всегда уравнивается ослабленіемъ другого, еще большаго зла, а именно, ипокризиса, фарисейства, ханжества; а во-вторыхъ, исторія человѣческихъ обществъ свидѣтельствуетъ намъ несомнѣнно, что укрѣпленіе или ослабленіе религіознаго чувства всегда находится въ тѣсной зависимости отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ религіею. Какой надобно имѣть исключительный характеръ, какую силу воли и какое высокое развитіе ума, чтобы не впасть въ отчаяніе, когда, съ одной стороны, религія рисуетъ вамъ высокіе идеалы добра и правды, а дѣйствительная жизнь на каждомъ шагѣ отрицаетъ ихъ. Вотъ почему и слѣдуетъ искать причинъ паденія религіознаго чув-

ства не въ такъ-называемомъ религіозномъ свободомысліи, а въ ослабленіи вообще чувства законности и уваженія къ личности въ ежедневной практикѣ жизни.

Но возвратимся къ г. Соловьеву. Пока онъ „стучалъ въ дверь“, — въ одной изъ провинціальныхъ газетъ „Севастопольскій Листокъ“, случайно попавшейся намъ въ руки, печаталось любопытное описаніе суда надъ раскольниковомъ, освѣщающее многое въ судьбѣ того вопроса, который занимаетъ не однихъ насъ.

...На скамьѣ подсудимыхъ одного изъ окружныхъ судовъ южнаго края Россіи, — такъ начинается авторъ упомянутой статьи, — сидѣлъ крестьянинъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ арестантскій армякъ. Лицо его, землистаго острожнаго цвѣта, прилипшіе къ блѣдному лбу волосы и весь онъ, окутанный пеленами сѣраго сукна, напоминали одну изъ фигуръ на фрескахъ кладбищенской церкви въ Севастополѣ, изображающихъ возстаніе изъ гробовъ въ день Страшнаго суда. Одни только глаза не соответствовали общему впечатлѣнію истощенія и безпомощности; темные, ввалившіеся, они глядѣли изъ-подъ бровныхъ дугъ смѣло, спокойно, какъ бы съ сознаніемъ правоты дѣла, за которое пришлось „отвѣтъ держать“. Эти глаза, да еще загнутые книзу углы рта, нервно подергивавшіеся, выдѣляли подсудимаго изъ массы другихъ путниковъ, часто отдыхающихъ на первой сибирской станціи, именуемой скамьей подсудимыхъ — рскаго окружнаго суда...

— Подсудимый! — по окончаніи обвинительнаго акта, возгласилъ предсѣдательствующій: — вы обвиняетесь въ томъ, что въ апрѣлѣ 1870 г., въ здѣшней губерніи и въ мѣстномъ уѣздѣ, въ деревнѣ, къ которой приписаны, на первый день праздника Свѣтлаго Христова Воскресенья, до начала обѣдни, принесли въ приходскую церковь всѣ ваши домашнія иконы и, передавая ихъ священнику, сказали, что въ иконы эти вы не вѣруете и просите поставить ихъ въ церкви для вѣрующихъ, что затѣмъ вы и семья ваша перестали ходить въ церковь и принимать въ вашъ домъ церковный причтъ, когда онъ, по обыкновенію, обходилъ селеніе по большимъ праздникамъ. Главнѣйшимъ же образомъ, вы обвиняетесь въ превратномъ толкованіи священнаго писанія вашимъ односельцамъ, т.-е. въ заведеніи и распространеніи ереси и раскола, повреждающихъ ученіе православной церкви. Признаете ли вы себя виновнымъ въ сихъ преступленіяхъ?...

Тотъ молчитъ. Глаза его раскрылись шире, углы рта слегка подергивались.

— Вы имѣете право не отвѣчать на мой вопросъ, — продолжалъ предсѣдательствующій; — въ такомъ случаѣ заявите объ этомъ нежеланіи.

— Быть можетъ, вы не поняли состава того преступленія, въ которомъ обвиняетесь? — Предсѣдатель еще разъ повторилъ краткѣйшую сущность обвиненія.

— Что же вы скажете? виновны вы или нѣтъ?

Молчаніе.

— Говорите же!

— Ты глаголеши!—вырвалось изъ впадой груди, и все свѣтло-желтое лицо подсудимаго подернулось выраженіемъ тоски и усталости.

Въ судѣ пронесся шепотъ. Шептались судьи, шепталъ священникъ, съ улыбкой объясняя что-то судебному приставу, шептались дамы, поднимая лорнеты. Прокуроръ, нахмурилъ брови, разсматривалъ давшего необычный отвѣтъ арестанта со вниманіемъ, на сей разъ неофициальнымъ...

— Подсудимый, садитесь! Судъ приступить къ производству судебного слѣдствія. Г. приставъ, введите свидѣтелей!—распоряжался председательствующій.

Подсудимый сѣлъ и все время судебного слѣдствія не сказалъ ни слова. При обращеніяхъ къ нему онъ только шире раскрывалъ глаза, подергивалъ загнутыми внизъ углами рта и туше запахивался своими сѣрыми пеленами.

Только когда допрашивались его жена и съ нею дѣти, трое мальчугановъ, его землистый цвѣтъ лица перешелъ въ зеленовато-мертвенный, губы усиленно дрожали и онъ попросилъ „водицы испить“.

Судебное слѣдствіе подтвердило всѣ пункты обвиненія и прибавило нѣсколько новыхъ: иконы въ церковь вынесъ, причта не принималъ; Евангеліе читалъ всенародно и обличалъ пьющихъ, свержившыхъ, ненавидящихъ и гонящихъ. Работалъ отъ зари до зари, даже въ праздники, водки не пилъ и другимъ запрещалъ. Впрочемъ, былъ мужикъ добрый, кроткій и зажиточный. Двухлѣтнее содержаніе въ острогѣ разорило его хозяйство, но семья по прежнему въ церковь не ходитъ, причта не принимаетъ, иконъ не держитъ, живетъ особнякомъ.

На перекрестномъ допросѣ прокуроръ любопытствовалъ:—охотно ли платилъ подсудимый подати? Не отвергалъ ли властей, не подговаривалъ ли другихъ вынести иконы? У всѣхъ односельцевъ былъ одинъ отвѣтъ: „платилъ, не слыхали, не вѣдаемъ“.

Жена на вопросъ о ея вѣроисповѣданіи, отвѣчала:—Божьяго!

Старшій сынъ на вопросъ обвинителя:—умѣете ли вы креститься?—отвѣчалъ:

— Чего не умѣть-то?

— А перекрестись.

— Креститься не слѣдъ!—отвѣчалъ мальчуганъ, встряхнувъ русской головой и смѣло взглянувъ въ сторону допрашивавшаго.

Прокуроръ, привставъ, попросилъ присяжныхъ засѣдателей обратить на этотъ „фактъ“ особенное вниманіе.

Послѣднимъ спрошенъ былъ экспертъ отъ духовнаго вѣдомства, тощій молодой монахъ, съ магистерскимъ крестомъ на черной рясѣ.

Этотъ читалъ точно на лекціи. Помянулъ Юліана отступника, періодъ иконоборства, говорилъ упирая на о; ссылался на постановленія святыхъ апостольскія церкви и вселенскихъ соборовъ, цитировалъ преподобныхъ отцовъ, и, не укоряя никого, обличалъ ересь. Закончилъ онъ мнѣніемъ, что причиной распространенія и частаго въ послѣднее время возникновенія новыхъ сектъ и толковъ служатъ

нерадѣные и недостаточная подготовка самихъ пастырей стада духовнаго. На вопросъ прокурора о степени противогосударственности разбираемаго ученія, экспертъ уклончиво сослался на молчаніе подсудимаго о своемъ вѣрованіи и на недостаточность данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ.

— Судебное слѣдствіе окончено. Судъ приступитъ къ заключительнымъ преніямъ. Слово за вами, г. прокуроръ!

Ряды публики заколыхались, и глава всѣхъ устремились на обвинителя. Многіе откашливались, какъ будто имъ самимъ приходится говорить, а не слушать.

Прокуроръ всталъ, оперся согнутыми пальцами рукъ о красную клеенку и заговорилъ о значеніи вѣры, какъ основы семьи, общества и государства. Потокъ общихъ мѣстъ полился гладко, ровно и бесодержательно. Публика слушала съ большимъ вниманіемъ; председательствующій записывалъ что-то карандашомъ... А потокъ все лился, неся отрывки знаній о послѣдствіяхъ безвѣрія, о реформаціи, отвергающей почитаніе иконъ и знаменованіе крестомъ, о великой французской революціи. Наконецъ, переходя отъ общаго къ частному, обвинитель сталъ громить подсудимаго.

— „Вы не смотрите, — обращался онъ къ присяжнымъ, — что этотъ искатель вѣры такъ смиренъ и кротокъ здѣсь, въ этомъ торжественномъ засѣданіи суда, за рѣшеткой обвинительной скамьи, подъ надзоромъ двухъ вооруженныхъ стражей. Вы не вѣрите этому лицемерию — оно вынуждено безвыходностью положенія; дерзость этого исследователя неслѣдующаго укрощена продолжительнымъ одиночнымъ заключеніемъ. Но дайте свободу этимъ толковникамъ, начечикамъ, и они подкопаются подъ основы общественнаго благосостоянія, подъ все, чѣмъ держится государственный строй. Предъ вами не релігіозный фанатикъ, ищущій мученическаго вѣнца ради сохраненія двухперстнаго креста и богослуженія, по сторонечатымъ книгамъ; нѣтъ, въ данномъ случаѣ, предъ вами отрицанье всякаго креста, новшество изъ новшествъ, отъ котораго съ ужасомъ отшатнулся бы ожесточеннѣйшій изувѣръ Рогожскаго кладбища. Это, какъ вы видите и слышите здѣсь на судѣ, упорный глашатай какого-то новаго толка, заразившій уже собственную семью своимъ лжеученіемъ. При разрѣшеніи вопроса о преступности даннаго дѣяствія вы употребите тотъ приемъ, который никогда не обманываетъ: если преступность даннаго дѣяствія не вполне выражена въ одиночномъ случаѣ, то задайтесь вопросомъ: что было бы, если бы масса людей сдѣлала тоже, что и обвиняемый? Возьмемъ частный примѣръ: если допустимъ, что кто-либо сталъ носить на одной рукѣ бѣлую, а на другой — черную перчатку, преступно ли это въ одиночномъ случаѣ? — нѣтъ. А въ массѣ? — страшно, но не преступно. Вамъ скажутъ сдача иконъ въ церковь, уклоненіе отъ посѣщеній причта, даже толкованіе Евангелія въ данномъ одиночномъ случаѣ безвредно и потому не преступно. А въ массѣ — страшно и подумать! Сколько головъ, столько и толковниковъ. Сколько толковниковъ, столько и сектъ. Далѣе: дискредитированіе цѣлага государственнаго сословія — духовенства; загроможденіе церквей иконами — даже болѣе — упраздненіе церквей, потому что *они* въ церковь не ходятъ; *они* — сами цер-

ювы! Видите ли, что таится подъ этимъ: „ты глаголеши!“—подъ этимъ лицемѣрнымъ смиреніемъ, напускною трезвостью, матежной исправностью въ податяхъ и повинностяхъ, на первый взглядъ весьма похвальныхъ и достойныхъ подражанія. Нѣтъ, вы не обманетесь этимъ фарисействомъ! Вы вырвете съ корнемъ злоученіе и ради собственныхъ вашихъ интересовъ спасете—

Разумное, доброе, вѣчное:
И спасибо сердечное
Слазетъ вамъ русскій народъ!

— Впрочемъ, я долженъ предупредить васъ,—заклучилъ прокуроръ, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ:—какой бы приговоръ вы ни вынесли, для судьбы подсудимаго онъ будетъ безразличенъ,—въ случаѣ оправданія, онъ будетъ высланъ административнымъ порядкомъ“.

Послѣ рѣчи защитника, предсѣдательскаго резюме и постановки вопросовъ, присяжные удалились и вскорѣ вынесли приговоръ:

— Да, виновент!

— На основаніи и пр., и пр., лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылки на поселеніе въ Закавказскій край.

Сколько мы догадываемся, это—не стенографическій отчетъ судебного засѣданія, а его, такъ сказать, фотографическое изображеніе въ миниатюрѣ; но подобная фотографія даетъ еще болѣе живую и цѣлостную характеристику всѣхъ подобныхъ дѣлъ, а вмѣстѣ и тѣхъ условій при которыхъ весьма послѣдовательно вырастаютъ сами собою подобныя дѣла. Предъ нами человекъ, судимый судомъ официальнымъ и приговоренный судомъ присяжныхъ, т.-е. судомъ общественной совѣсти; судъ былъ вполне правъ, поддержавъ преслѣдованіе: пока въ законѣ есть статьи, осуждающія по дѣламъ вѣры, судъ обязанъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ; присяжные могли бы, конечно, тѣмъ не менѣе оправдать подсудимаго, но прокуроръ предупредилъ присяжныхъ, что если они оправдаютъ, то участь подсудимаго можетъ сдѣлаться пожалуй хуже, такъ какъ онъ будетъ сосланъ не по суду, а административнымъ порядкомъ,— и вотъ, присяжные обвинили, съ цѣлью хоть тѣмъ спасти подсудимаго отъ административнаго произвола.

Читая исторію вышеупомянутаго процесса, мы невольно вспомнили слово преосвященнаго Амвросія, бывшаго московскаго викарія, а нынѣ епископа харьковскаго. Вступая въ управленіе новою епархіею, въ послѣднихъ мѣсяцахъ истекшаго года, преосвященный произнесъ слово, обращаясь впервые къ своей новой паствѣ и, между прочимъ, превосходно анализировалъ и стремленія нашего времени, и причину слабости и безрезультатности этихъ стремленій; онъ обнару-

жилъ при этомъ и глубокой, проникательный умъ, и чувство, вполне достойное архипастыря церкви. Какое неизмѣримое разстояніе отдѣляетъ эти слова преосвященнаго отъ практики жизни!

Не отрицая нинѣ важности науки, не осуждая никого за любовь къ ней, преосвящ. Амвросій говоритъ: „Мы любимъ науку, мы ищемъ истины;—только любовь надлежащимъ образомъ уравниваетъ путь къ истинѣ. Она не дозволяетъ ученымъ людямъ раздѣляться на разные лагеря, взаимно другъ другу враждебные и потому другъ другу вредящіе въ великомъ дѣлѣ познанія истины. Она нигдѣ не пренебрегаетъ, на всѣхъ смотритъ внимательно и ко всему прислушивается, такъ какъ она одна, чуткая къ жизни, способна питать въ людяхъ убѣжденіе, что гдѣ есть хотя капля правильной жизни, тамъ есть и доли истины, потому что совершенная утрата истины есть разрушеніе жизни“; а нѣсколько ниже, высокопочтенный ораторъ прибавляетъ: „только любовь дѣлаетъ *начальствующиѣхъ привѣтливыми, снисходительными и долготерпеливыми*, подчиненныхъ—благопокорливыми и исполнительными, равныхъ—безкорыстными и благожелательными въ отношеніи другъ къ другу“. Эти превосходныя слова заключаются у цитатора изъ ап. Павла (Рим. XII, 9—17): „Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, не мечтайте о себѣ; любовь (ваша) да будетъ непритворна; будьте братолюбивы другъ къ другу съ нѣжностью, въ почтительности другъ друга предупреждайте; никому не воздавайте зломъ за зло, но пекитесь о добромъ предъ всѣми людьми“. Но вѣдь этими принципами должны руководствоваться обѣ стороны, при каждомъ случаѣ разногласія; о преслѣдованіи своего противника при помощи свѣтской власти апостолъ и не упоминаетъ и совѣтуетъ только „въ почтительности другъ друга предупреждать“, „никому не воздавать зломъ за зло“. Конечно, для частнаго лица такіе принципы часто бываютъ не подъ силу, но общественная жизнь, ея законы—должны и могутъ положить ихъ себѣ въ основаніе. Безъ сомнѣнія, „любовь“ есть колоссальный двигатель въ жизни человѣчества, но и она не есть какая-нибудь абсолютная сила: она нуждается для своего осуществленія въ извѣстныхъ условіяхъ, а потому и проповѣдь о любви до тѣхъ поръ не принесетъ дѣйствительныхъ плодовъ, пока она, эта проповѣдь, не направится предварительно противъ тѣхъ условій, которыя изгоняютъ любовь изъ общественной жизни.

Самъ архипастырь свидѣтельствуетъ въ томъ же словѣ, что „въ наше время особенно живо сознается *потребность въ привлеченіи къ одному дѣлу многихъ силъ*, или учрежденій обществъ, для достиженія высокихъ цѣлей и осуществленія великихъ предпріятій; но, можно сказать, никогда въ такой степени не обнаруживалось взаимное не-

доверіе людей другъ къ другу, какъ нынѣ"... „Никогда до нашего времени не было употреблено такихъ напряженныхъ усилій къ устройству и переустройству жизни общественной и государственной и улучшенію быта различныхъ сословій и отдельныхъ лицъ", и т. д. — Все это какъ нельзя болѣе вѣрно,—но гдѣ же причина того, что результаты такихъ „напряженныхъ усилій" почти обратно пропорціональны имъ? На это получаемъ въ отвѣтъ: „Вездѣ мы (?) *требуемъ* цѣлесообразности, законности, права, справедливости, — но нигдѣ не видимъ ни указаній, ни требованій на взаимную любовь другъ къ другу согражданъ и членовъ общинъ". Во-первыхъ, нельзя сказать: „нигдѣ",—такъ какъ церковь тысячами устъ ежедневно, и даже по нѣскольку разъ въ день, въ присутствіи народныхъ массъ, ни на что другое не указываетъ и ничего такъ не требуетъ, какъ взаимной любви; слѣдовательно, въ указаніяхъ и требованіяхъ нѣтъ недостатка, а потому и вопросъ долженъ быть перемѣщенъ: почему всѣ такіа многочисленныя указанія остаются безплодными? Во-вторыхъ, если, дѣйствительно, „мы" требуемъ, т.-е. просто говоримъ въ пользу необходимости „права, законности, справедливости",—то по этому поводу, „Московскія Вѣдомости" и ихъ *consortes* называютъ этихъ „мы"—уже либералами, а „Русь" усматриваетъ тутъ еще западныя выдумки, непригодныя для самобытнаго русскаго народа. Мы были крайне удивлены, прочтя слово преосвященнаго на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 309): архипастырь, повидимому, и себя причисляетъ къ тѣмъ, которые вездѣ требуютъ „цѣлесообразности, законности, права, справедливости", такъ какъ говоритъ: „мы требуемъ"; а г. Катковъ не только пропустилъ это мѣсто въ рѣчи, но и оставилъ его безъ возраженій,—онъ, который находитъ возможнымъ держать цензуру надъ объявленіями въ своей газетѣ, не указавъ на то, впрочемъ, какъ бы то слѣдовало, въ условіяхъ приема объявленій—на такой приемъ ¹⁾.

¹⁾ Мы познакомились съ этимъ „приемомъ" редакціи „Московскихъ Вѣдомостей" въ первый разъ изъ обращенія къ намъ нашей московской конторы, отъ 2-го декабря, 1882 г.:—„М. г. Спѣшимъ уведомить васъ, что объявленіе о выходѣ декабрьской книги „Вѣстника Европы" не можетъ быть напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", такъ какъ г. редакторъ Катковъ предположилъ по заглавіямъ нѣкоторыхъ статей въ „Общественной хроникѣ" этой книги (а именно: „Сужденіе объ университетскихъ безпорядкахъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" на основаніи нидерландской брошюры, и собственныя соображенія; власти предъ судомъ г. Каткова; новая его теорія о тождествѣ службы и печати, и тѣмъ о субсидіяхъ")—что эти статьи должны быть направлены лично противъ него. Мы видѣли, что наборъ нашего объявленія былъ уже вставленъ въ полосу и даже отпечатано нѣсколько листовъ; но когда редакторъ увидѣлъ текстъ объявленія, то собственноручно затерпѣвъ его и велѣлъ выпустить—какъ намъ то объяснили. Редакція „Московскихъ

Высокопочтенный ораторъ, быть можетъ, даже согласится съ нами, что упоминаемыя имъ „требованія“ законности, справедливости и т. д.—если и могутъ чѣмъ-нибудь быть внушены человѣку, то только любовью къ людямъ; а слѣдовательно, если существуютъ у насъ такіа требованія, то это значитъ, что существуетъ и любовь къ людямъ; развѣ можно себя представить, чтобъ эгоистъ, человѣко-ненавистникъ могъ требовать другимъ лицамъ, себя подобнымъ — правъ, законности и справедливости. Это—немыслимо. Итакъ, если справедливы слова архипастыря, что въ наше время возросли подобныя требованія, то мы изъ этого можемъ безошибочно заключить, опираясь на его авторитетъ, что въ наше время возросла и взаимная любовь другъ къ другу. Этому можно только радоваться и желать притога, чтобы мы преуспѣвали въ такой любви къ ближнему, подавляя въ себѣ унаслѣдованную вѣками рознь и стремленіе строить все на томъ, что „Московскія Вѣдомости“ называютъ „твердостью“, не добрыя любви столько, сколько великодушно въ нее вѣрять преосвященный Амвросій.

Возвращаясь къ прежнему своему предмету, заключимъ небольшою отпѣткою, свидѣтельствующею о томъ, что въ наше время и со стороны такихъ специальныхъ органовъ, какъ „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, начинаютъ высказываться нѣсколько иные воззрѣнія на причину раскола: въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ истекшаго года, эта газета помѣстила рядъ статей, подъ заглавіемъ: „Философская діагноза раскола“, гдѣ между прочимъ сказано: „Исторія русскаго раскола свидѣлствуетъ, что коренного источника его *прежде всего надобно искать въ духъ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа, въ тотъ періодъ времени, когда расколъ зачался, развился и распространился* ...А,—по словамъ той же газеты,—церковная жизнь проявлялась въ то время преимущественно въ приверженности къ обрядовой формѣ религіи“. Если все это вѣрно—сомнѣваться же въ томъ мы не видимъ никакихъ оснований—то, вонечно, всякое продолженіе и поддержа „духа и направленія“ церковной жизни той эпохи никакъ не могутъ быть признаны средствомъ къ примиренію съ раскольниками.

Вѣдомостей“ на будущее время предлагаетъ вамъ печатать въ ея газетѣ объявленія объ одномъ выходѣ книгъ журнала въ свѣтъ, но безъ подробнаго ихъ содержанія; а по полученіи ею самой книги журнала, редакция „Московскихъ Вѣдомостей“, по просмотрѣ самихъ статей, вычеркнетъ въ содержаніи тѣ статьи, которыя найдетъ нужнымъ вычеркнуть. Мы не могли согласиться ни на одно изъ этихъ предложеній, и только доводимъ о томъ до вашего свѣдѣнія“.—Ред.

Наша петербургская городская дума была въ теченіе декабря мѣсяца предметомъ особеннаго вниманія петербургскихъ жителей—и не даромъ. Дѣло шло объ отмѣнѣ адресснаго сбора и о замѣнѣ его квартирнымъ налогомъ; существо дѣла состояло въ томъ, что и практикуемый адрессный сборъ (отъ 3 до 4 сотъ тысячъ въ годъ) и проектируемый квартирный налогъ—взяли бы съ города Петербурга одну и ту же цифру, т.-е. новаго обремененія для цѣлаго города не послѣдовало бы; но основаніе того и другого сбора столь существенно отличны другъ отъ друга, что, дѣйствительно, личный составъ плательщиковъ и отношеніе ихъ къ суммѣ платежа, съ отмѣною адресснаго сбора, измѣнились бы въ значительной степени. Адрессный сборъ, какъ и всякій личный налогъ не на капиталъ лица, а на одну его способность къ наживанію капитала, еще не нажитого,—такъ сказать, на самую душу плательщика, волею-неволею вынужденъ падать неравномѣрно, ибо измѣрить способность человека къ труду нельзя съ такимъ удобствомъ, съ какимъ, напримѣръ, исчисляется капиталъ и получаемый доходъ съ него. Всѣ такіе личные налоги были продуктомъ старой податной политики и государства, и городовъ, когда казна заботилась исключительно о своихъ фисковыхъ цѣляхъ, казенныхъ,—а о томъ, какъ ложится налогъ на платежную силу—никто не думалъ, да и не могъ думать: подобныя заботы могутъ осуществляться только при помощи подробнѣйшихъ статистическихъ и экономическихъ свѣдѣній, которыя начали собираться только въ недавнее время, а у насъ они и теперь находятся въ такомъ состояніи, что, какъ мы слышали отъ самаго компетентнаго лица, наша городская дума и теперь не знаетъ съ точностію, какое именно пространство занято городомъ Петербургомъ, т.-е. границы его еще не вездѣ проложены въ дѣйствительности, а только нарисованы на картѣ—болѣе для красоты. Какъ послѣднее ни удивительно, но мы имѣемъ причины думать, что самъ г. предсѣдатель статистическаго отдѣленія нашей городской управы, пр. Янсонъ, не откажется подтвердить нашего замѣчанія, сдѣланнаго мимоходомъ. Можно себѣ представить, какія данныя могла давать наука для заглавы, такъ сказать, „слѣпыхъ“ личныхъ налоговъ—налогами сколько-нибудь „зрячими“, т.-е. имѣющими въ своемъ основаніи какое-нибудь фактическое указаніе не на голую способность получать, какъ-то дѣлаетъ адрессный сборъ, доходъ, но на дѣйствительный доходъ лица, выражающійся, напримѣръ, въ его затратахъ на наемъ квартиры. Старая податная политика можетъ быть сравниваема съ старою юстиціею, которая, при невозможности открыть въ бушевавшей толпѣ виновнаго, опредѣляла высѣчь десятаго,—и тѣмъ вполне удовлетворялась. Почти такова же была и старая податная политика: она усмат-

ривала свое фисковое удовлетвореніе уже въ томъ, что деньги лежали въ кассѣ на лицо, а съ того-ли они взяты, съ кого слѣдуетъ взять, это—вопросъ хотя и интересный, но встрѣчалъ въ прежнее время большія затрудненія, а потому этимъ вопросомъ и не озабочивались.

И наша дума, благодаря полнѣйшей невозможности среди бѣлаго дня, — а такимъ представляется и наука, и современное общественное сознаніе, — не рѣшилась защищать безусловно адресный сборъ 1838 года; въ думѣ не нашлось ни одного защитника въ его пользу; двое-трое выразили мысль, что налогъ нужно не отиѣнить, а только видоизмѣнить, имѣя, вѣроятно, при этомъ заднюю мысль, а именно, что такое видоизмѣненіе, быть можетъ, ограничится однимъ упрощеніемъ формы сбора: плательщикъ употребить послѣ на полученіе билета не болѣе пяти минутъ; да, можетъ быть, окажется еще возможнымъ на будущее время писать слово: „адресный“ при помощи одного с, что дастъ значительное сбереженіе времени: на каждые 100,000 билетовъ выгадается 100,000 секундъ, или 1666 минутъ, т.-е. 27 часовъ экономіи — почти три рабочихъ дня въ годъ. О, мы увѣрены, что новая работа „видоизмѣненной“ адреснаго сбора будетъ сдѣлана тщательно; но вопросъ состоитъ въ томъ, ограничится ли дѣло вышеприведенными видоизмѣненіями, или оно будетъ взято глубже. По нашему мнѣнію, и сохраняя адресный сборъ, все-таки необходимо:

1) измѣнить его названіе, такъ какъ оно въ обществѣ считается унизительнымъ: съ адреснымъ билетомъ, хотя это и несправедливо, связывается представленіе о личной службѣ, прислугѣ; во всякомъ случаѣ, необходимо это иностранное слово перевести: „adresse“ — жительство, квартира;

2) обосновать адресный сборъ такъ, чтобы онъ утратилъ характеръ произвола (съчъ десятого!) и какъ можно ближе подошелъ къ опредѣленію дѣйствительнаго дохода того лица, на которое на даетъ налогъ; думская коммиссія такимъ, болѣе вѣрнымъ признакомъ состоятельности считала квартиру; быть можетъ, будетъ найдено что-нибудь другое — это все равно, лишь бы было непременно найдено;

3) соединить съ видоизмѣненнымъ такимъ образомъ адреснымъ сборомъ — право представительства, по крайней мѣрѣ на высоту той цѣнзы, который до сихъ поръ считался достаточнымъ для приобретения такого права посредствомъ уплаты сбора за мелочной торгъ — около 3 рублей.

Вотъ, такой „видоизмѣненный“ адресный сборъ можно будетъ назвать весьма уже приблизившимся къ правильному налогу, какинъ былъ бы, напримѣръ, проектированный думскою коммиссіею квартирный налогъ.

Изъ-за чего, спросить насъ читатель, наша дума, вмѣсто того, чтобы прямо войти въ дверь того дома, куда она шла, взяла сначала въ противоположную сторону, обошла кругомъ весь земной шаръ, и все это лишь для того, чтобы такимъ образомъ подойти къ двери опять того же дома. Да вѣдь адресный сборъ и безъ того былъ всегда квартирнымъ налогомъ, только построеннымъ на фальшивыхъ началахъ; каждый адресный вѣдь былъ вмѣстѣ и квартирантъ;—ночующихъ подъ крестами очень немного, да притомъ тѣ никогда сами не платятъ сборовъ, а напротивъ—другихъ облагаютъ таковымъ. Правда, по вышнему сбору, и тотъ, кто нанималъ ночлежный уголъ за 30 рублей въ годъ, и тотъ, кто платилъ за квартиру 200, 300, а иногда и до 500 рублей,—все они одинаково платили въ адресный сборъ по 3 рубля; но между адресниками (1-го разряда) есть и такіе, которые вносятъ въ думу 7 рублей, а квартиру уже нанимаютъ отъ 1.000 и пожалуй до 3.000, если не выше. Теперь сами подумайте, въ какой степени справедливо взять 3 рубля съ того, кто платитъ за квартиру отъ 30 до 500 рублей—и тутъ уже большая несправедливости!—и только 7 рублей съ того, кто платитъ за квартиру 1.000—3.000 рублей; такое ли разстояніе отъ 30 рублей до 3.000, какое отъ 3 до 7 рублей? Кажется—ясно!—Но ясно думать—не всякому выгодно; а другіе изображаютъ собою Мольеровскаго героя, который только передъ смертью узналъ, что онъ говорилъ всю жизнь прозой; такъ и они: только теперь они видятъ, что ратуютъ противъ правильнаго квартирнаго налога, и въ то же время защищаютъ адресный сборъ, т.-е. тотъ же квартирный налогъ, но въ самомъ безобразномъ его видѣ.

Хотя наше городское общество не можетъ сказать: „не подъ дождемъ, и подождемъ“,—но все же приходится подождать—какова-то будетъ программа „видоизмѣненія“ адреснаго сбора, и какъ ее выполнить новая коммиссія? Въ ожиданіи же того, отдаемъ на судъ публики вышеприведенную программу такихъ видоизмѣненій, безъ которыхъ, намъ кажется, вмѣсто: *bonnet blanc*, предоставлено будетъ плательщикамъ говорить: *blanc bonnet*.

Въ Тургеневскихъ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“ есть, между прочимъ, одно, озаглавленное такъ: „Житейское правило“, и составлено это правило лицомъ весьма типическимъ, названнымъ „пройдохой“:—„Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику,—говорилъ мнѣ одинъ старый пройдоха, то упрекайте его въ томъ самомъ недостаткѣ или пороѣ, который вы за собою чувствуете;—негодуйте и упрекайте!“ Мы позволили бы себѣ, на основаніи наблюденій надъ подобными приѣмами, прибавить: „а иногда

покажите видъ, что вы сибѣтаете отъ души надъ нашимъ противникомъ, почти жалѣете его". Это послѣднее пришло намъ на мысль, по поводу „Замѣтки для Вѣстника Европы", посвященной намъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". „Замѣтка" подписана буквою „фортъ" и вываана сказаннымъ нами въ послѣдней „Общественной Хроникѣ" объ обсужденіи „Московскими Вѣдомостями" университетскихъ беспорядковъ, на основаніи одной итальянской брошюры „la Russia sotterranea". „Со словъ этой книги, изданной недавно на итальянскомъ языкѣ",—говорилось въ передовой статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей" (авторомъ которой теперь оказался г-нъ Ф.—онъ же авторъ и „Замѣтки"), составлена была „интересная" статья въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Послѣ этой похвалы статьѣ „Русскаго Вѣстника", г. ф. непосредственно за тѣмъ говорить, какъ бы извлечая оттуда, объ отношеніи русской учащейся молодежи въ „высшей школѣ" (такъ называются въ Италіи университеты) къ революционерамъ. Все это, очевидно, инспирировано тою „интересною" статью, написанною „со словъ" итальянской брошюры, гдѣ, между прочимъ, дѣйствительно сказано, что „всѣ русскіе студенты—болѣе или менѣе нигилисты". Вотъ, фактическое содержаніе нашей статьи, излагающей, какъ у насъ сказано, „сужденія объ университетскихъ беспорядкахъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", на основаніи итальянской брошюры". Повидимому, что тутъ можно возразить, или привести въ свое оправданіе, если только разсматривать сужденіе русской газеты объ университетскихъ беспорядкахъ на основаніи итальянской брошюры, какъ упрекъ. Очевидно, г-ну Ф., автору той передовой статьи и нѣтъ никакой „Замѣтки", слѣдовало бы доказать, что въ той передовой статьѣ вовсе и не упоминалось объ итальянской брошюрѣ или, что то же, о статьѣ „Русскаго Вѣстника"; что сужденія передовой статьи о беспорядкахъ были произнесены не на основаніи итальянской брошюры. Но это—факты, и нѣтъ возможности ихъ отвергать. Вотъ, г-нъ Ф. и вспомнилъ потому „житейское правило" Тургеневскаго „старого прѣдочи"! Его замѣтка и начинается прямо, по рецепту этого героя:

„Ложь и передержка, передержка и ложь—вотъ, въ концѣ концовъ, къ чему сводится вся полемическая система нашихъ честныхъ либераловъ. Не успѣешь уличить одного лгуна, уже готовъ новый перлъ изолтавашагося пера. Но приемы подобнаго рода (превосходно знакомые г-ну Ф!), несмотря на возбуждаемое ими чувство гадливости, способны вызывать иногда улыбку. Я смѣялся отъ души, когда читалъ измышленія хроникера послѣдней книжки „Вѣстника Европы". Да и какъ было не расхохотаться? Судите сами!"

Г-нъ Ф. забылъ, вѣроятно, пословицу; „gira mieux qui gira le dernier"; но за то онъ поступилъ по „житейскому правилу": если-

ногъ самъ постоянно занимаешься ложью и передержкой, то упрекай поскорѣе въ томъ самомъ недостаткѣ своего противника! Отъ себя г. Ф. прибавилъ еще совѣтъ—улыбаться при этомъ и смѣяться отъ души—это будетъ еще эффектибѣе! Изъ „Замѣтки“ оказывается, что, во-первыхъ, мы погрѣшили тѣмъ, что „не читали статьи „Русскаго Вѣстника“, а во-вторыхъ, забыли „надѣть очки“, при прочтеніи передовой статьи „Московскихъ Вѣдомостей“. Пока, слава-Богу, насъ никто не обязывалъ читать статей „Русскаго Вѣстника“, да и въ настоящемъ случаѣ читать ее слѣдовало не намъ, а автору передовой статьи, который, заинтересовался ею—съ тѣмъ, чтобы на ея основаніи судить объ университетскихъ безпорядкахъ. Читалъ ли онъ дѣйствительно эту статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, или нѣтъ, это до насъ и не касается; мы вѣримъ ему на слово: онъ говоритъ, что читалъ. Затѣмъ, если бы мы читали передовую статью „Моск. Вѣд.“ не только при помощи очковъ, но и рассматривали бы ее въ лупу, то и тогда мы не могли бы вычитать въ ней ничего другого, кромѣ того, что прочли. Авторъ ея самъ выдалъ свои измышленія за вымышленное итальянскую брошюру, и цитируя его рѣчь дословно, мы не могли напечатать ее иначе, какъ въ кавчыкахъ. Что же касается до самаго содержанія сдѣланной нами выдержки изъ „Моск. Вѣд.“, то оно, дѣйствительно, до того бессмысленно и нелѣпо, что еще какъ-нибудь можно было обвинить все это малосвѣдущему иностранцу, — но приписать это русскому автору можно было не иначе, какъ обвинивъ его въ той же и передержкѣ, въ которыхъ слишкомъ скоро поспѣшили г. Ф. обвинить другихъ. За совѣтъ намъ прибѣгнуть къ помощи очковъ—мы благодаримъ; жаль, что не можемъ посоветовать и г. Ф. надѣть очки на свою совѣсть: такой совѣтъ оказался бы непрактичнымъ, какъ потому, что такихъ очковъ еще нѣтъ, а также и по другимъ причинамъ.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

рожденія В. А. Жуковского, 29 января 1883 г.

Двадцать-девятого января 1783 года, въ селѣ Мишенскомъ (тульской губерніи, близъ города Бѣлена), принадлежавшемъ въ то время—Аѳанасію Ивановичу Бунину, родился во флигелѣ господскаго дома отъ плѣнной турчанки изъ Бендеръ, Сальхи, мальчикъ „Вася“; семейство Буниныхъ какъ бы усыновило его и воспитало вмѣстѣ съ другими дѣтьми Аѳанасія Ивановича, а свою фамилію и отчество онъ получилъ отъ крестнаго отца Андрея Григорьевича Жуковского, кievскаго уроженца, проживавшаго въ ту пору у Буниныхъ, въ качествѣ ихъ домашняго друга. Впослѣдствіи, талантъ крестника, его высокая образованность и любовь къ литературному труду сдѣлали это безвѣстное имя—историческимъ; а высокія личныя качества окружили Жуковского съ молодыхъ лѣтъ глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ,—онъ встрѣчалъ его въ теченіе всей своей жизни на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ, начиная отъ царскихъ палатъ до убогаго жилища сколько-нибудь грамотныхъ людей. Въ свое время, въ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годахъ, онъ былъ центромъ и душою всего, что было лучшаго между дѣятелями нашей литературы; до самой смерти, въ 1852 г., Жуковский оставался патріархомъ своей многочисленной литературной семьи; имена его такихъ почитателей, какъ Пушкинъ, Гоголь, служатъ преемственною связью между Жуковскимъ и тѣми, кто и теперь считаетъ себя ихъ учениками и последователями въ области литературнаго творчества: онъ, по справедливости, можетъ быть названъ дѣдомъ русской литературы нашего вѣка. Высокое положеніе Жуковского при дворѣ вдовствовавшей тогда императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ качествѣ друга царской семьи и воспитателя ея внука, покойнаго императора Александра II, было употреблено имъ впослѣдствіи исключительно на покровительство появлявшихся литературныхъ талантовъ,—которое доходило иногда до того, что принимало характеръ настоящаго спасенія ихъ отъ неминуемой гибели. Кто не знаетъ, чѣмъ обязанъ былъ Жуковскому Пушкинъ, или, вѣрнѣе сказать,—чѣмъ мы обязаны Жуковскому за Пушкина, въ тяжелую годину конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ?—что онъ дѣлалъ послѣ для поддержанія Гоголя?—какъ онъ вырвалъ изъ узъ крѣпостнаго права поэта Шевченко?—какъ онъ съ

собственнымъ рискомъ ходатайствовалъ, и иногда удачно, о смягченіи участи декабристовъ?—Все это крупные факты, и ихъ не мало,—но сколько Жуковский сдѣлалъ добра, оставшагося неизвѣстнымъ! Мы не знаемъ, въ этомъ отношеніи, ничего характернѣе письма Жуковского къ своимъ „арзамасскимъ“ друзьямъ, въ 1816 г., по поводу его же успій помочь Мещевскому, автору поэмы: „Наташѣ боярская дочь“, сосланному въ Сибирь;—тутъ выразился весь Жуковский, какъ человѣкъ:

„Вы хвастаете своимъ Арзамасомъ!—пишетъ онъ имъ изъ Дерпта въ Петербургъ:—хвастайте, хвастайте, голубчики. Правда, вы запамятали *Рейномъ* ¹⁾, пожива славная! Но, милые друзья, надобно помнить и о томъ, что ближе къ Арзамасу (т.-е. не къ обществу этого имени, а къ настоящему городу): Мещевскій въ Сибири,—а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ. Если вы не собрались еще о немъ вспомнить отъ развѣянности, то это срамъ и ребячество! Если-жъ отъ холодности къ его судьбѣ, то это—что это?! Я не знаю, какъ назвать это? На что же намъ толковать о добрѣ, объ общей пользѣ, о хорошихъ, возвышающихъ душу стихахъ? На что же сибѣяться надъ Шаховскими и Rivaго! Ни на то, ни на другое не имѣемъ мы права, если способны быть столь безпечными, когда дѣло идетъ о судьбѣ, можетъ-быть, о жизни, а можетъ-быть (что еще важнѣе) о нравственномъ спасеніи человѣка, который намъ себя вѣряетъ. Признаться, мнѣ больно быть хлопотуномъ за Мещевского, безсильнымъ его орудіемъ! Своихъ способовъ нѣтъ, а вы не помогаете! Еслибъ у меня была сила въ рукахъ, я бы вамъ не поклонился. Пошлю письмо Вагнерскаго, чтобы пристыдить васъ и поддѣть вамъ, если можно, жару. Онъ не безпеченъ, когда *надобно* дѣйствовать“.

Біографъ Жуковского, перечитывая такіа письма — а ихъ много — долженъ чувствовать себя въ большемъ затрудненіи: что въ немъ поставить на первое мѣсто — человѣка или поэта? Вѣрно одно, что Жуковский-поэтъ вышелъ цѣликомъ изъ Жуковского-человѣка. „Все въ жизни къ прекрасному средство“ — этотъ его же стихъ былъ девизомъ всей его жизни, и въ письмахъ къ друзьямъ онъ любилъ повторять его часто.

Жуковский, при всемъ его внѣшнемъ счастьи, прошелъ тяжелую внутреннюю школу, — и въ этой-то школѣ онъ научился сострадать всякому несчастію, и освободилъ себя отъ различныхъ общественныхъ предразсудковъ, неправдъ и эгоизма, которыя онъ всегда считалъ главнымъ источникомъ страданій людскихъ. Сдѣлавшись самъ жертвою горькой несправедливости людей, Жуковский такъ писалъ, въ 1814 г., о людяхъ, называвшихся прежде его друзьями:

1) *Рейномъ* назывался въ арзамасскомъ кружкѣ—М. Ѳ. Орловъ.

„И эти люди называютъ себя христіанами? Что это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ души всякое состраданіе? Эти люди эгоисты, подъ святымъ именемъ христіанъ, смотрятъ на людей съ высока. „Однимъ несчастнымъ богѣ или менѣ въ порядкѣ созданія—какое дѣло! Ръжь во имя Бога и будь спокоенъ!“ Я презираю ихъ отъ всей души, и съ тою религіей, которую они такъ пышно выдаютъ за истинную!“¹⁾.

Вопросъ о годѣ рожденія Жуковскаго былъ поставленъ 30 лѣтъ тому назадъ проф. Шевыревичъ, 12 января 1863 г., на университетскомъ актѣ въ Москвѣ, въ его рѣчи; по нашему мнѣнію, уже тогда этотъ вопросъ былъ рѣшенъ безповоротно: „Біографы Жуковскаго,—говорилъ Шевыревъ,—предлагаютъ три различные года: 1782, 1783 и 1784 г. Но всѣ недоумѣнія разрѣшаются собственноручной запиской Жуковскаго, которая была доставлена мнѣ А. И. Кемелевичъ. Этою запискою, въ 1851 г., поэтъ приглашалъ въ Ваденъ-Ваденъ любезнаго ему гостя въ день его рожденія. Вотъ слова изъ нея, относящіяся къ вопросу, насъ занимающему: „За 68 лѣтъ передъ симъ, т.-е. въ 1783 г. 29 января, случилось, что я родился; ничто я праздную этотъ день съ моими родными,—прошу васъ у насъ отобѣдать и быть за моими семейнымъ столомъ представителемъ Россіи“. Шевыревъ замѣтилъ также, что, при жизни Жуковскаго, Гречъ, въ своей „Исторіи рус. словесности“, обозначилъ тѣмъ же годомъ время рожденія Жуковскаго—и послѣдній никогда не протестовалъ противъ того. Въ пользу этого еще говорить и то, что лица и мнѣнія въ своихъ рукахъ молитвенникъ жены А. И. Бунина, гдѣ она записывала время рожденія дѣтей, видѣли тамъ, что она отиѣтала днемъ рожденія Жуковскаго 29-ое января 1783 года. Въ своемъ дневникѣ, подъ 25 февраля 1813 г., Жуковский писалъ: „Вотъ мнѣ тридцать лѣтъ“. Въ стихахъ, написанныхъ въ 1803 г., онъ даетъ себѣ 20 лѣтъ. Въ другихъ письмахъ, правда, Жуковский выражается такъ, какъ будто бы онъ считаетъ 1784 годъ—временемъ рожденія; но такіа мимолетнія упоминовенія своего возраста въ письмахъ часто сопровождаются ошибками или неточностями. Кто родился, напримеръ, въ концѣ января, тотъ всегда можетъ въ январѣ сказать, что ему и 30 лѣтъ, и 31 годъ,—вмѣсто того, чтобы сказать вполнѣ правильно, а именно, что ему 30 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, или: что ему 31 годъ, безъ нѣсколькихъ дней. Вотъ, почему мы должны отдать преимущество такимъ показаніямъ, какъ вышеприведенныя, гдѣ Жу-

¹⁾ См. „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.“, 1869 г., ч. CXLI, отд. 2, стр. 422 „Развитіе поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго“, К. К. Зейдлица.

ковскій, напริมѣръ, приглашая на обѣдъ, въ самый день рожденія, долженъ былъ выразиться съ точностью, чтобы обозначить цифру годовщины. Во всякомъ случаѣ, тѣ, которые предлагаютъ принять 29-го января 1883 года днемъ столѣтняго юбилея Жуковскаго, ошибаются не болѣе, чѣмъ ошибался самъ поэтъ, приглашая гостей въ 1851 г. на день рожденія и называя его своею 68-ю годовщиною.

Одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей В. А. Жуковскаго, здравствующій и понынѣ въ Дерптѣ, К. К. Зейдлицъ (род. 1798 г.) еще въ концѣ 60-хъ годовъ нависалъ единственную полную біографію поэта, по богатѣмъ документамъ, какіе находились въ его распоряженіи, и по личнымъ воспоминаніямъ. Этотъ трудъ съ нѣкоторыми сокращеніями былъ напечатанъ въ „Ж. М. Н. Просвѣщ.“, 1869 г., подъ заглавіемъ мало соотвѣтствующимъ его содержанію: „Очеркъ развитія поэтической дѣятельности В. А. Жуковскаго“. Отдѣльнаго изданія эти статьи не имѣли, и авторъ потомъ перевелъ свой трудъ прямо съ рукописи, т.-е. безъ сокращеній, на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: „W. A. Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben, v. Seidlitz. 1870“. Въ 1872 г. вышло второе изданіе перевода; но русскій оригиналъ такъ и оставался до сихъ поръ неизданнымъ особо. Вспомнивъ о приближеніи столѣтія рожденія своего друга, почтенный К. К. Зейдлицъ взялъ на себя трудъ пересмотрѣть ко дню юбилея оригиналъ, мѣстами исправить, дополнить, что уже и успѣлъ сдѣлать при помощи проф. дерптскаго университета П. А. Висковатова. Еще въ ноябрѣ истекшаго года онъ обратился въ редакцію „Вѣстника Европы“, редакторомъ котораго былъ нѣкогда и самъ Жуковский (1808—1810 г.), съ предложеніемъ взять на себя изданіе его труда ко дню юбилея, что мы съ своей стороны и поспѣшили исполнить: въ половинѣ января біографія Жуковскаго появится въ свѣтъ. К. К. Зейдлицъ поручилъ намъ вмѣстѣ обратить всю чистую прибыль отъ продажи этого изданія на образованіе фонда для сооруженія въ Петербургѣ памятника В. А. Жуковскому. Его почтенное желаніе будетъ, конечно, сыто исполнено нами, и при этомъ мы позволимъ себѣ выразить надежду, что и наше общество не откажется съ своей стороны потѣть такимъ же достойнымъ образомъ одного изъ знаменитыхъ нашихъ поэтовъ и вмѣстѣ человека, который умѣлъ, какъ никто, посвящать свою дружбу съ сильными земли на теплое и безкорыстное служеніе слабымъ и притѣсненнымъ. Въ памятный для нашей исторіи 1812 годъ Жуковский, можно сказать, былъ настоящимъ народнымъ „пѣвцомъ“. Это—онъ же сказалъ, въ 1818 г., въ день рожденія покойнаго государя Александра Николаевича, какъ бы обращаясь къ его—тогда еще далекому будущему:

Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: челоука!
 Жить для вѣковъ въ величїи народномъ,
 Для блага *отчизны*—свое позабывать,
 Лишь въ голосъ отчества свободномъ
 Съ смиренїемъ дѣла свои читать.

Мысль К. К. Зейдлица случайно совпадаетъ съ однимъ изъ проектированныхъ въ нашей думѣ планомъ — по мѣрѣ возможности и средствъ имѣть въ виду украшеніе нашихъ площадей и парковъ памятниками лицъ, оказавшихъ услугу отечеству. Садъ, названный въ честь августѣйшаго питомца Жуковского, Александровскій садъ, былъ бы для того мѣстомъ, по нашему мнѣнію, самымъ удобнымъ. Имѣя въ виду вышеупомянутое намѣреніе думы, мы представляемъ отчетъ о сборѣ съ изданія К. К. Зейдлицу, а вырученную сумму сдадимъ въ нашу городскую управу, указавъ на ея специальное назначеніе. Если кто пожелаетъ принять участіе въ матеріальномъ содѣйствїи къ постановкѣ памятника Жуковскому и доставить деньги въ редакцію, — мы извѣстимъ о полученїи ихъ въ ближайшей нумеру журнала.

М. С.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ВЪСТѢЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 2-я.

ФЕВРАЛЬ, 1883.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1883.

Слр

I.—ИТОГИ ЖИЗНИ.—Повѣсть.—Книга первая: Опасные люди.—Вторая часть.— Н. М. Ковалевскаго.	473
II.—НОВѢЙШИМЪ ИССЛѢДОВАНІЯ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ.—I. Этнографиче- скіе элементы въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ.—А. В. Пыпина.	509
III.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Мечтатель.—II. Сердце больное.—Д. Летошенко.	640
IV.—НЕМОЛЯКИ.—Очерки изъ области русскаго народнаго сектанства.—А. С. Пру- гавина.	643
V.—ИЗЪ А. МЮССЕ.—Не забывай.—Ф. Ч—скаго.	672
VI.—НАША СКУЛЬПТУРА за послѣдніи 25 лѣтъ.—В. Д. Стахова.	674
VII.—РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ САТИРѢ САЛТЫКОВА.—II.— Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ.—К. К. Арсеньева.	707
VIII.—СИМВОЛИЗМЪ ВЪ ПРАВѢ.—Изъ сравнительной исторіи культуры.—М. Кули- шера.	747
IX.—ПОВѢСТИ-ПАРОДИИ БРЕТЬ-ГАРТА.—Съ англійскаго.—I-VII.—Е. А.	773
X.—НЕИЗДАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО.—Сообщ. П. А. Висковатый.	808
XI.—ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ.—1783—1883.—Я. П. Полонскаго.	813
XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Общая характеристика нашего фи- нансоваго положенія и виды въ ближайшемъ будущемъ.—Отчетъ главно- го тюремнаго управленія, въ его связи съ проектомъ новаго уголовного уложе- нія.—Смита города С.-Петербурга.—Сотрудничество чиновниковъ въ периоди- ческихъ изданіяхъ.—Абсентизмъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.	814
XIII.—НАШЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ И ЕГО БАЛАНСЪ.—Г.	833
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Французская, англійская и нѣмецкая печать о Гамбеттѣ.—Г. Аксаковъ и его разоблаченіи относительно Гамбетты.—Роль Гамбетты во французской и европейской политикѣ.—Его жизни и дѣятельности при второй имперіи.—Эпоха національной обороны и важность ея для рес- публики.—Образъ дѣйствій Гамбетты въ послѣдніе годы.—Значеніе его смерти для Франціи.—Манифестъ принца Наполеона и министерскій кризисъ.	846
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Пушкина, изд. восьмое.—Н.— Эммануэля Вель-Сюна, Еврен-реформаторы.—М. Филиппова, Русско-еврейскій вопросъ. Ч. I.—Autoemancipation, von einem russ. Juden.—К.	846
XVI.—ЗАМѢТКА.—Новѣйшая судьба санитарнаго вопроса учебныхъ заве- деній въ Россіи.—А. М.	874
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Толки въ печати по поводу слуховъ о проектѣ университетскаго устава.—Противорѣчіе въ нихъ мотивовъ съ резуль- татами.—Двойная задача университетскаго преподаванія, по предположенію газетъ.—"Татьянинъ день" въ Москвѣ, и внутреннее противорѣчіе въ рѣчи г. Чичерина.—Слово его въ пользу значенія устава 1863 г., и противъ такого бы то ни было значенія уставовъ вообще.—Пятидесятилѣтіе литературной дѣ- тельности И. А. Гончарова.—Центральное училище техническаго рисованія бар. Штиглица.—По поводу столѣтняго юбилея Жуковскаго, и его письма къ покойному государю.	883
XVIII.—ОТЪ РЕДАКЦІИ.—Списокъ лицъ, жертвующихъ въ пользу женскихъ лечеб- ныхъ курсовъ.	902
XIX.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и поэзія Жуковскаго, К. К. Зей- лица.—Русско-еврейскій Архивъ, изд. С. Бершадскій.—Ферменты и болѣзни, Е. Дюкло, пер. Шмидлевичъ.—Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми, Гетца, пер. Н. Воронихинъ.—Третье прибавленіе къ росписи книгъ магазина Н. Н. Глазунова, состав. В. Межовъ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала "Вѣстникъ Европы" въ 1883 г., см. ниже, на оберткѣ.

ИТОГИ ЖИЗНИ

ПОВѢСТЬ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ *).

I.

Въ звѣздную лѣтнюю ночь, посеребренною степною гладью, она перекладная — съ офицеромъ на кожанной подушѣ и «лучшимъ» на облукѣ; подскакала къ бѣлой станціи подъ набуханной соломенной крышей; нагремѣла колокольчикомъ и ввалилась въ ночной тишинѣ. Молчало все. Только пофыркали, отряхавшись, лошади, да топтался ямщикъ и распускалъ поводья. Скоро и лошадей увели, и шагъ ихъ заглохъ подъ набуханной крышей... осталась одна тишина — та полная тишина степи, которая слышится въ ушахъ. Будто струна, вдругъ загудитъ хоръ звуковъ гдѣ-то, и опять все стихнетъ...

Офицеръ вышелъ на дорогу. «Будущій» пошелъ въ избу — прислушивать подорожную.

Темносинее глубокое небо, точно тысячами алмазныхъ глазъ, смотрѣло на блаженный сонъ земли. Проѣзжіи подняли голову, отыскавъ полярную звѣзду, смотрѣли на сѣверъ. Кромѣ той свѣтлой глади, тамъ ничего не было; но для него, казалось, было: была тоже ночь, — но не таинственнаго полусвѣта, которымъ все на половину скрыто, все неуловимо и загадочно, а бѣлая, какъ день. Далеко стелется широкая рѣка въ синихъ берегахъ и скользитъ лодка мимо казематовъ, приоткрытыхъ черные, огромные глаза, которые все умень-

шаются, по мѣрѣ того какъ убѣгаетъ назадъ городъ и плывутъ зеленые острова и дачи на-встрѣчу... Въ одной изъ нихъ опущена бѣлая штора въ окнѣ, и вся она видна—до самаго шнура, закинувагося петлей на раму! Трое молодыхъ людей ее встрѣчаютъ дружескимъ привѣтомъ...

— Спи, еще зарею
Холодно и рано!

произносить съ нѣжностью одинъ...

А вотъ и еще разсвѣтъ — печальный, но такой же ясный. За угломъ стоитъ коляска. Онъ выходитъ осторожно, чтобъ не увидалъ дворникъ и не раскланялся; бросается въ коляску и велитъ гнать, чтобъ до утра быть въ Парголово. Но солнце обдало ужъ на Поклонной горѣ и дорогу, и сосновую рощу... Все проснулось. Даже экипажъ катитъ на-встрѣчу... — «Ну, Ѳедосѣй Ѳедосѣичъ!» мерещится со страха, — «все пропало! Пошелъ!» толкается онъ извозчика, хоть тотъ работаетъ старательно руками и кнутомъ, и даже собственными ногами подаетъ примѣръ лошадинымъ... Вотъ парголовскій лѣсъ. Онъ надушился смолою и не шелохнется — ждать... Вотъ и Дуняша сдала «барышню» съ рукъ на руки («не приведи Богъ, страсти какія!» жалуется)... Вотъ и прощанье,—для Дуняши слишкомъ длинное, а имъ минутное... И мокрыя отъ слезъ лица... и чуть не силой вырванная изъ объятій дѣвушка... и скрывшійся за стройными стволами ея очеркъ...

— Борисъ Павловичъ! извольте подорожную. Готово-съ.

Онъ опоминается и видитъ: Тимошей, бѣлая хата подъ налюбученною крышей, сине-серебрянная степь и заложенная перекиданная.

— Только вотъ Истукарій Кузьмичъ безпремѣнно желаетъ васъ повидать,—продолжаетъ Тимошей...

— Истукарій Кузьмичъ? Какой Истукарій Кузьмичъ? гдѣ онъ?

— А здѣсь, на станціи. Они, значить, эту самую станцію сняли—гономъ занимаются.

И въ самомъ дѣлѣ, появляется сперва изъ низкой двери голова, потомъ нога изъ-за высокаго порога, и выходитъ Истукаръ.

— Какими судьбами, батюшка Борисъ Павловичъ! Къ намъ, выходить?—радуется старикъ:—въ Степнянскъ, небось, на службу? Ну, и превосходно-съ, доложу я! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ. Сплю себѣ здѣсь—слышу, писарь подорожную прописываетъ. «Кто?» любопытствую.—Поручикъ, говоритъ, Затоновъ, съ

будущимъ. «Господи, владыко живота!» говорю... «неужто?» думаю... А тутъ ужъ и Тимошеечку призналъ... Ахъ ты, Боже мой, радость-то какая!

Борисъ обнялъ почти нѣжно старика: отъ него какъ будто вѣяло тѣмъ, чего ужъ не было, частью чего былъ когда-то этотъ старикъ—*того* кружка, *той* жизни...

— Здравствуйте! Здравствуйте, Истукарій Кузьмичъ! Угадали, —ѣду въ Степнянскъ... Да вы-то сами какъ тутъ очутились, — на этой поѣтической станціи?

— Очутился я на Подтычинской станціи, батюшка Борисъ Павловичъ, такъ, что снялъ ее, да и держу—гономъ промышляю. Генералъ Разноперовъ, дай Богъ ихъ превосходительству на сто лѣтъ здоровья и вождельнiя, мнѣ пособили.—«Сними, говорятъ, Истуканушка, а я тебѣ лошадами пособлю. Съ людишекъ, говорятъ, проку не было,—попробуй съ лошадьми; эти, если будутъ бѣгать, такъ того и надо»—шутятъ.

— Ну и что-жъ, бѣгаютъ?

— Бѣгаютъ, ничего! слава тебѣ Господи, бѣгаютъ, Борисъ Павловичъ! да вотъ сами увидите...

— Ты, хлопче, якихъ коней пану поручику запрягъ? — обратился онъ къ хохлу на облучѣ.

— Та билоножку Разноперовску, пане, у корень впрягъ, а у пристажку—Карнаухаго,—отвѣтилъ тотъ.

— Кони добрые! До Степнянска добѣжите, не спохватитесь. Мичипоръ постарается—добѣжить.

Борисъ слушалъ и улыбался, но не этому.

— Чтѣ, онъ тоже изъ подсѣкаемыхъ?—указалъ онъ глазами на Мичипора.

— Случается, Борисъ Павловичъ, случается и съ нимъ. Съ кѣмъ же не случается? А вы не позабыли?

— Какъ это забыть? Ну, а благовѣщенскій мостъ-то вѣдь стоитъ, Истукарій Кузьмичъ! и ѣздить по немъ. Я самъ нѣсколько разъ ѣздилъ...

— Стоитъ вѣдь? Ну подите же, угадайте!—думалъ, унесетъ! Воля ваша, а ужъ тутъ не безъ чудотворной Казанской Божіей Матери: ея пречистой заступничествомъ стоитъ... Ыздили сами? Да. А мнѣ такъ не довелось! нѣтъ, не довелось!

— Прощайте, Истукарій Кузьмичъ! Что-жъ, видѣться будемъ?

— Да гдѣ ужъ! До васъ, господа, въ Степнянскѣ не достанешь! Положимъ, мое дворянское званіе, но вѣдь станцію держу! Боже сохрани! У васъ тамъ образованіе! гдѣ намъ?

И онъ перемѣнилъ непріятный разговоръ.

— Къ братцу въ Крутиковку заѣзжали?

— Заѣзжали. Двѣ недѣли съ нимъ пробылъ. Говорили о васъ...

— Уже будто-бъ и говорили? Ну, а наши петербургскіе: Василій Ларивоничъ? а этотъ офицеръ... какъ бышь ихъ нмѣ-отчество? запамятовалъ сейчасъ! и Кислятниковъ Лука Ильичъ?.. что, какъ они всѣ въ своемъ здоровѣи находятся изволятъ? Да-ромъ, что образованные, а обходительные! Прекрасѣйшіе молодые люди!

Борису вдругъ сдѣлалось такъ грустно отъ этихъ именъ, что онъ только могъ закричать: «всѣ здоровы! пошелъ!» и наскоро простился съ Истуканомъ.

Колокольчикъ звякнулъ. Бѣлоножка понесла съ достоинствомъ свою гнѣдую голову подъ толстою дугой, а карнаухій загнулъ на бокъ шею, и подхватили оба такъ, что только степь загремѣла. Мичипоръ видимо старался—бѣжалъ.

Добѣжали въ самомъ дѣлѣ скоро; добѣжали-бъ и еще скорѣе, если-бъ за нѣсколько верстъ до мѣста не выскочила чекъ и не свалилось колесо. Тимофея выбросило на дорогу, но не разбудило, и понадобилось тоже время, чтобы растолкать его и привести къ сознанію, что нужно отыскать чеку; другой, конечно, не было (кто-жъ ее зналъ, что она выскочить?), и оставалось затыкать ось чуть не пальцемъ, а колесо поднимать чуть не поминутно... Кое-какъ, однако, вѣхали-таки въ улицы Спешнянска, съ домиками тоже бѣлыми, подъ соломенными и тростниковыми, тоже нахлобученными, крышами, а изрѣдка подъ гонтомъ, съ церковью на выгонѣ и площадью, съ домомъ начальника и лавками, безбрежною какъ море. Общій видъ гнѣздъ, печально снятыхъ по приказу на печальныхъ пустыряхъ Россіи...

«И вотъ гдѣ суждено мнѣ похоронить себя! — думалъ Борисъ, и всматривался въ темноту:—авось-либо тамъ чего-нибудь не скрыто ли?» Но кромѣ глуши казеннаго гнѣзда ничего не было...

И онъ просидѣлъ для этого восемь лѣтъ въ корпусѣ, мучился, учился, экзаменовался, готовился? Къ чему? къ тому, чтобы все это привезть сюда?

Горько стало на молодомъ сердцѣ: горечь эта остановилась въ горлѣ и гнала на глаза слезы.

Разумѣется, трактировъ не было. Пришлось достукиваться въ обывательскихъ домахъ, гдѣ, по соображеніямъ Мичипора, водились «горныцы для паньвъ». Соображенія эти не всегда оправдывались, а достукиваться всегда приходилось долго, и Борису только къ утру удалось вкусить отъ сладости ночлега, наградивъ

шаго, за нѣсколько ночей на перекладной, периной въ выбѣленной мѣломъ комнатѣ какой-то гостепріимной мѣщанки Перевѣнность.

II.

Поздно всталъ пріѣзжій, и когда, напившись чаю, вышелъ по начальству, то петербургскій покрій его мундира, бѣлые перчатки и блестящіе эполеты уже были встрѣчены всѣмъ готовымъ любопытствомъ пообѣдавшихъ степнянцевъ и особенно степнянковъ. На него выглядывали, передъ нимъ разѣвали рты, даже снимали шапки. И какъ не у мѣста здѣсь показались ему — и онъ самъ, и все, что на немъ было. Такимъ онъ дѣлалъ прощальные визиты. Въ карманѣ еще уцѣлѣла карточка съ буквами *p. p. c.* и отъ нея еще пахло духами... И вдругъ со всѣмъ этимъ онъ идетъ по немощенымъ, сорнымъ улицамъ Степнянска (объ извозчикахъ и помину не было), къ какому-нибудь пузатому полковнику, который теперь его начальникъ, такъ же точно, какъ и всѣхъ этихъ зѣвающихъ и раскланивающихся людей...

Поручикъ угадалъ: полковникъ былъ дѣйствительно пузатый. Очертанье туловища, впрочемъ, не мѣшало ему быть начальникомъ пріятнымъ. Онъ не только не распекъ поручика (а не распечь поручика, хотя бы распекать рѣшительно не представлялось повода, со стороны начальника ужъ было послабленіемъ), но даже подаль руку, и когда Борисъ завелъ затверженное «честь имѣю...», то немножко грубовато перебилъ, что «честь тутъ не много; лучше вотъ по просту садитесь, да скажите намъ, что новенькаго: какія книги вышли? что подѣлываютъ умные люди въ Петербургѣ? мы отъ всего отъ этого хоть и далеко, только все же не всѣмъ успѣли порости травой забвенья...» Далѣе онъ разспросилъ о многихъ, всѣмъ извѣстныхъ тогда людяхъ; любопытствовалъ: охотникъ ли читать Борисъ Павловичъ (про имя-отчество освѣдомился), и сказалъ, что вмѣстѣ будутъ коротать зиму чтеніемъ...

— Журналы мы выписываемъ всѣмъ міромъ—да по очереди и читаемъ... Будемте читать, будемъ. А сегодня будемте вмѣстѣ обѣдать—безъ чиновъ. Мундиръ, вамъ должно знать, укладывается тутъ въ сундукъ, да хорошенечко пересыпается отъ моли...

Надъ Затоновымъ прояснило.

— Когда прикажете на службу?—спросилъ онъ, уже почти всесо.

— На службу? да какая же тутъ служба? — заволовался полковникъ отъ смѣха, и животъ его заволовался: — вонъ изъ Петербурга тоже пишутъ: занимать службой офицеровъ! Только службы-то здѣсь нѣтъ. Ну, да авось-либо и безъ нея проживете, не умрете. А квартиру выбирайте сами, по своему вкусу. Вамъ отвѣдутъ любую — всѣ прескверныя. Домишки-то строены при царѣ Горохѣ. Да и строили еще нѣмцы. Тутъ, видите, по книгамъ югъ, они-то и повѣрили — надѣлали павильоновъ...

Отъ начальника Борисъ отправился къ помощнику. Хотя помощникъ былъ покуда подполковникъ, но животъ ужъ предѣщаль полковника. Хотя всего былъ часъ, но былъ онъ сильно заспанъ: пообѣдалъ и успѣлъ всхрапнуть. Привѣтливъ онъ былъ или нѣтъ, поручикъ разобрать не могъ: помощникъ болше что-то все насвистывалъ и нюхалъ изъ тавлинки, подогнувши одну ногу; говорилъ же какъ-то неожиданно. Подлѣ него лежала флейта.

— Вотъ вѣдь вы Рубини слышали, — скажете, и выразить удивленіе: какъ это-таки человекъ поетъ, чего и не сыграть. Поплюетъ въ флейту, посвиститъ и броситъ.

— Чортъ знаетъ что! А Шмульканъ же пишетъ, что тотъ голосомъ всѣ эти дьявольскія трели продѣлываетъ, — да еще на самыхъ на дѣвахъ... Чудеса!

И снова нюхаетъ, опять насвистываетъ что-то...

За стѣной ведется оживленный женскій разговоръ. Помощникъ только головой качаетъ.

— Вамъ случалось ли сообразить, — спрашиваетъ онъ: — зачѣмъ говорить женщина? Боже мой милостивый! чтобъ потрясать воздухъ! высказать ей нечего; но воздухъ потрясень, и ова довольна.

Далѣе молчаніе, понюшка табаку и опять свистъ.

Борисъ сталъ откланиваться.

— Ну, до свиданья. Поболтали, покалякали, и довольно. Милости просимъ безъ церемоній. У насъ понедѣльники, — прибавилъ онъ почти съ грустью: — такъ ужъ здѣсь заведено, — у одного одинъ день, у другого другой. Что дѣлать! Поиграемъ, попоемъ.

Борисъ не пѣлъ и не игралъ, но подполковникъ тѣмъ грустѣе наставлялъ на этомъ.

— Какъ-нибудь! Боже ты мой милостивый! вѣдь и мы-то какъ же ужъ умѣемъ? Общими силами... какъ-нибудь...

Переодѣвшись въ сюртукъ, Борисъ отправился къ начальнику. Тутъ онъ увидѣлъ, какъ и слѣдовало ожидать, начальницу,

но только не такую, какъ ожидать слѣдовало. Это была нѣжная и очень бѣлая, съ рыжевато-золотыми волосами женщина, которая надменно шурляла, осаживая сразу человѣка на почтительное разстояніе...

Когда начальникъ ввелъ Затонова, начальница ваялась очень мило и лѣниво на кушеткѣ, слыша и не слыша молодившагося, въ отставномъ военномъ сюртукѣ, съ пѣтушьимъ хохолкомъ на лбу, чтеца, который декламировалъ восторженно стихотвореніе Бенедиктова. Поэтъ предполагалъ опутать шаръ земной косою своей возлюбленной. Отъ неумѣренности ли поэтическихъ духовъ, или отъ неумѣренного ихъ поднесенія, только слушательница не отнимала пузырька съ уксусомъ отъ носа.

— Эдокс! вотъ тебѣ новый подчиненный! — отрекомендовалъ начальникъ. — Прошу любить и жаловать.

Эдокси было посморгла, по привычкѣ, своимъ прищуреннымъ надменнымъ взглядомъ; но скорѣй раскрыла голубые, очень интересные глаза, и видимо довольная такимъ неожиданнымъ подчиненнымъ, благосклонно протянула ему руку рѣдкой красоты.

— *Charmée!* очень рада — только не за васъ: здѣсь сущая могила — *une vraie tombe!* — произнесла она такимъ контръ-альто, отъ котораго мурашки пробѣжали по спинѣ.

Доволенъ былъ начальницей и подчиненный: нѣжное лицо, подъ золотымъ загаромъ, хорошо согласовалось съ золотыми волосами; бѣлизна чудесныхъ плечъ заманчиво севозила изъ-подъ легкой тѣани платья; оно улеглось такъ прихотливо-пышно около нея, какъ ложатся только платья около красивыхъ, избалованныхъ и граціозныхъ женщинъ... Словомъ, на ловца и тутъ какъ будто звѣрь бѣжалъ...

Хохлатый старикъ съ восторгомъ продолжалъ опутывать косою шаръ земной.

— Вы за Бенедиктова, или противъ? — обратилась начальница къ Борису.

— Я? противъ.

— Слѣдовательно, вы за Бѣлинскаго, — необыкновенно вѣжливо пояснилъ чтецъ.

— *Votre opposé!* — сказала хозяйка и отрекомендовала гостя Свєдловитовымъ — *le plus charmant des voisins*, великимъ знатокомъ въ литературѣ... *comme en toute chose*.

Знатокъ *en toute chose* достойно поддержалъ рекомендацію, отвѣтивъ на нее сейчасъ же поцѣлуемъ чудной ручки Авдотьи Алексѣевны.

Возможно ли было ожидать подобной встрѣчи? Онъ ожидаетъ степную барыню, любительницу овецъ или пшеницы...

Но хозяинъ крякнулъ и напомнилъ, что пора обѣдать: дескать нашли время «ферлакурить»!

За обѣдомъ разговоръ склеился сразу. Гордая хозяйка обошлась, сдѣлалась проста, мила... И юношу какъ будто отогрѣло. Онъ пошелъ острить — изъ Гоголя, изъ Грибоѣдова, рассказывать забавно и ловилъ хозяйку на словахъ, подсмѣивался, что ее сначала даже удивило (ее ловить, съ нею шутать!); но потомъ она сама смѣялась пріятнымъ груднымъ смѣхомъ. Вообще все выходило какъ-то встати; всѣ смѣялись, не исключая живота начальника; такимъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ отъ свѣжаго человѣка. Пузырекъ Авдотьи Алексѣевны лежалъ безъ употребленія.

Послѣ обѣда вышли на террасу. Тутъ пахло цвѣтами, и лежали тѣни отъ высокихъ ясеней и липъ.

Знатокъ въ литературѣ оказался знаткомъ и множества прелюбопытнаго изъ времени занятія Парижа русскими, гдѣ состоялъ при генеральномъ штабѣ; но особенно — отличился онъ обиліемъ старинныхъ, совершенно неизвѣстныхъ у насъ *буриме* и *мадригаловъ*. Ихъ онъ обращалъ къ хозяйкѣ съ утонченною любезностью версальскаго двора, которую въ казенномъ домѣ у степняскаго начальника принять бы можно за насмѣшку, еслибы почти набожное отношеніе къ женщинѣ не ставило любезнаго сосѣда вѣдъ всякаго подозрѣнія... Чашку кофе изъ ея прелестныхъ рукъ онъ принималъ уже на колѣняхъ.

Вслѣдъ затѣмъ начальникъ свиснулъ деньщика, и этотъ мадригалъ, послѣ версальскихъ, покоробилъ нѣсколько Бориса, а начальницу заставилъ ужъ совсѣмъ зажмуриться на мужа. Свиснутый явился съ шахматами и уголькомъ для трубки въ голыхъ пальцахъ.

Пожилые углубились въ своихъ слоновъ, а молодые объ-руку сошли съ террасы въ садъ.

— Я предлагаю себя въ ваши путеводители въ пустынь, — сказала она мило. — Это вотъ *наши* садъ, для насъ однихъ; за нимъ, черезъ заводскую плотину, еще два сада — для всѣхъ. Я тамъ никогда не бываю, но дѣлаю исключеніе сегодня... Вообще я здѣсь нигдѣ не бываю...

Впрочемъ только *ихъ* садъ и обошли съ однимъ путеводителемъ; для остальныхъ потребовалась подмога.

— Амалия Францовна! Фрейлейнъ Амалия! — позвала начальница, и съ крыльца сбѣжала долговязая сухая нѣмка въ

локонахъ, съ высокимъ гребнемъ надъ косой, — одна изъ тѣхъ «фрейлейнъ» до гроба, безъ которыхъ нѣтъ въ домахъ съ хозяйками лѣтними и молодыми, ни десертовъ, ни варений, ни разливанья кофею и чаю, ни прогулокъ, гдѣ наперсница необходима какъ въ трагедіи, чтобы героинѣ обращать къ ней монологи...

Долговязая наперсница была, повидимому, тверда въ роли; она, не говоря ни слова, тотчасъ же послѣдовала въ должномъ разстояніи за героинею.

Дуплистыя поникнувшія вербы въ два ряда стояли вдоль плотины и купали узкіе свои листы въ пруду... Темный разсѣвшійся заводъ, съ высокою трубою, дымилъ поодаль. Сады курчавились яблонями и грушами, и цѣлыя рощи сливъ и вишенъ облегали ихъ кругомъ... Все это наполняло углубленіе базки, золотилось, алѣло и синѣло, пахло зрѣлыми плодами на вечернемъ солнцѣ... Въ сторонѣ далеко разстиралась степь...

Борисъ почувствовалъ себя какъ будто дома. Это что-то вдругъ напомнило — тоже далекое, хорошее, простое, — чего ужъ не было давно, но что онъ такъ любилъ когда-то и оплакивалъ, — что увидалъ опять проѣздомъ на минуту: вдругъ пахнуло и деревнею и дѣтствомъ...

— Нравится вамъ? — какъ бы угадала его спутница.

— Очень. Даже мнѣ кажется, что здѣсь мнѣ будетъ хорошо, — отвѣтилъ онъ, съ довольствомъ и увѣренностью, какъ ребенокъ.

Но начальница иначе поняла его слова. Ей будто наступили на ногу. Она вдругъ замолчала; понемножку высвободила руку и отстала до Амаліи Францовны, съ которою, наконецъ, заговорила по-нѣмецки. Юноша не зналъ, что думать; но рѣшилъ, что начальница, однако, престранная.

— И Богъ съ нею! — говорилъ онъ, возвращаясь къ Перебій-ности: — что мнѣ до нея и до всего здѣсь? Мнѣ дорога Лили! я буду жить одной Лили!

И образъ дѣвушки, которая была *его*, и одного его (тогда онъ этому не зналъ цѣны!), впервые выступилъ впередъ; все прочее ушло на задній планъ...

Всю ночь онъ проскрипѣлъ перомъ, прося Камеева и Бух-термина — писать о ней, все писать; потому что убѣдился окончательно, что жить можетъ только этимъ; а ни ей писать, ни получать отъ нея писемъ не можетъ: онъ далъ слово Федосѣю Федосѣвичу. Дядя хлопнулъ крѣпко по его ладони: — «ну, смотри жъ, братъ, я тебѣ вѣдь вѣрю! помни!» Было бъ «подло» обмануть...

III.

Утромъ поручику былъ отведенъ одинъ изъ домиковъ, похожихъ какъ родные братья другъ на друга и разставленныхъ на совершенно одинаковомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ передъ начальническимъ домомъ, какъ передъ отцомъ. Тутъ сосредоточивались свѣтъ и власть Степнянска. Тутъ жили одни вѣрные, а оглашенные мѣстились по улицамъ въ сторонкѣ. Жизнь не могла поэтому здѣсь отличаться слишкомъ много отъ той жизни въ корпусѣ, откуда она вышла. Какъ жилось въ корпусѣ, скучалось, веселилось, чувствовалось гуртомъ, также и здѣсь; какъ въ корпусѣ каждый кадетъ былъ на глазахъ цѣлой одинаково одѣтой, одинаково запертой и остриженной семьи, такъ каждый здѣсь былъ на глазахъ той маленькой горсти людей, которую загнала судьба въ заколдованный кругъ безъ выхода. Да и людей этихъ было такъ мало, что способныхъ носить свѣтское оружіе насилу набиралось на кадрили. Мужчинъ было не много, женщинъ еще меньше, — начальница отъ всякой повинности уклонилась; оставались: помощница, «управляющіиха», по мѣстному выраженію, да дочь аптекаря, само собою — нѣмца, пополнявшая, при общихъ поощреніяхъ, со страхомъ эту троицу, безъ которой домъ не строится, но съ которою не строится кадрили. А перепадающія кадрили, въ засухѣ подобной жизни, были нужны, какъ и дожди для степи. Настоящій ливень танцевальнаго большого вечера разражался надъ Степнянскомъ только разъ въ году — въ день ангела начальницы. За то и приносилъ онъ урожай воспоминаній, пересудовъ, ссоръ и сближеній на цѣле мѣсяцы и на десятки верстъ въ окрестности!.. Казенный, цѣлый годъ не подававшій голоса, оркестръ вдругъ выходилъ изъ «мрака неизвѣстности» на свѣтъ; пилилъ, свистѣлъ валсы и кадрили, польки и мазурки, чтобы снова погрузиться въ тотъ же мракъ до слѣдующаго года. Молодые, изъ окрестныхъ деревень и городовъ помѣщики, кто съ женами, кто съ сестрами, и старые — съ племянницами и дочерьми, приумножали общество до десяти танцующихъ паръ. Но въ тѣ назначенные вечера, о которыхъ съ грустью упомянулъ «помощникъ», и когда оказывалось, что воздухъ потрясенъ довольно, это дѣлалось проще: флейта помощника одна справлялась за оркестръ, и подъ ея чинканье кружились въ валсы и скакали въ польки; даже, при содѣйствіи аптеки, становились въ кадрили. При этомъ всякій зналъ заранее, кто съ кѣмъ пойдетъ вертѣться и

подскакивать или стоять въ кадрили. Каждая изъ дамъ имѣла своего, однажды навсегда назначеннаго ассистента, или «состоящаго», и должность эта признавалась какъ бы штатной; въ рѣдкихъ случаяхъ могла быть «исправляема» — даже, въ видѣ исключенія, всегда прискорбнаго, конторскими чиновниками изъ неокончившихъ курсъ въ корпусѣ, — но никогда не оставалась праздною. Она была ничѣмъ не хуже прочихъ штатныхъ должностей Степнянска вообще, и, какъ онѣ, такая-жъ платоническая. Разница въ томъ, что платонически начальствовать тамъ помогать помощникъ, а помощнику еще управляющій, съ котораго въ свою очередь, снималъ бремя управленія помощникъ; состоящіе же взнемогали сами безо всякаго содѣйствія, подъ ношей платонизма. Мужья первые и покровительствовали, и подсмѣивались.

Вообще подсмѣиванье царствовало въ этой товарищеской кучкѣ, гдѣ и клички сохранились товарищескія. Подсмѣивались другъ надъ другомъ и надъ женами (но не надъ Авдотьей Алексѣевною), и надъ своимъ домомъ, и надъ домомъ сосѣда; надъ каждымъ въ отдѣльности и надъ всѣми въ совокупности; острили надъ своими вечерами; прозвали ихъ раутами, когда зажигалось больше четырехъ свѣчей, и балами, если былъ зажженъ десятокъ. Сами называли себя аристократіей, а остальныхъ — «бурбонами», позволяя себѣ съ ними шутки, при другихъ условіяхъ совсѣмъ непозволительныя. Затѣвались онѣ тѣми шалунами, отъ которыхъ въ курткѣ не было покоя ихъ начальникамъ, а въ эполетахъ — подчиненнымъ...

Вечеромъ, положимъ, видятъ, что въ одномъ изъ домиковъ, куда входитъ одинаково удобно и въ окно и въ двери, ужинаетъ полиціймейстеръ.

— Господа! въ окно!

И полѣзли другъ за другомъ.

А полиціймейстеру безъ малаго сто лѣтъ; онъ ужъ давно оглохъ и выжилъ даже изъ того ума, какой ему отпущенъ былъ скупой природою на прожитіе. Онъ полщентъ невѣроятной честию; вскакиваетъ, суетится и застегивается, извиняется и тащитъ стулъ... но посѣтитель неожиданно явился, и неожиданно исчезъ; на его мѣстѣ уже другой. Недоумѣніе и суета хозяина, исчезающій опять и появляющійся гость... И такъ повуда не пройдутъ всѣ до одного... И общій хохотъ.

А не-то начать дурачить невозможнаго «военнаго пріемщика», капитана съ сердоликомъ на указательномъ «перстѣ» (такъ онъ называлъ палецъ), съ напомаженнымъ московскою помадою холмомъ и эполетами какъ крылышки. Онъ деньщика «ѣздилъ

по рождеству»; «бывалъ въ морсу», но не въ поту и «входилъ въ купоросъ», а не въ азартъ; не говорилъ—такимъ образомъ, но «такимъ хоботомъ»; пилъ одинъ во всемъ Степнянскѣ пившъ и пѣлъ романсы — въ носъ, провознося слова необыкновенно мягко:

«Я помню чудное мгновеніе—
«Переда мной эвилась ти...»

Единственнымъ честолюбіемъ пріемщика было — попасть въ ассистенты къ начальницѣ, и такъ какъ это ему не удавалось, то онъ находилъ утѣшеніе въ томъ, что сознавалъ себя опаснымъ, и подмигивалъ злодѣйски. Одѣвался онъ всегда съ иголочки и не терпѣлъ на платьѣ ни пылинки. Вотъ и надо было его непременно выпачкать. Для этого употреблялся медвѣдь Собакевичъ, пользовавшійся правами гражданина въ улицахъ Степнянска, гдѣ онъ и гулялъ, и заходилъ въ дома; протягивалъ любезно лапу всѣмъ порядочнымъ или пріятнымъ людямъ; непріятнымъ уличнымъ мальчишкамъ раздавалъ затрепанный и былъ зимой прибѣжищемъ на съѣзжей арестантовъ, грѣвшихся у его шубы. Собакевичъ долженъ былъ, при видѣ капитана, прямо отправляться въ лужу или въ кучу сора и протягивать ему скорѣе лапу. Капитанъ, конечно, уклоняется, за что и получаетъ отъ медвѣдя прегрозившую затрепину.

Нельзя сказать, чтобы Борису улыбнулось это повторенье куртки, хоть и въ офицерскомъ чинѣ. Онъ и самой куртки-то служилъ не очень вѣрно. Онъ попалъ въ нее ужъ съ цѣлою маленькою жизнью позади — съ міркомъ домашнего родного крова и понятій толстыхъ книгъ въ сафьянныхъ красныхъ переплетахъ изъ отцовской библіотеки. Державинъ, Карамзинъ, Фонъ-Визинъ и Жуковскій, да въ придачу небольшая книжечка стиховъ, съ курчавой головою еще безбородатаго поэта, стали съ нимъ въ ряды, гдѣ Юрій Милославскій Загоскина соперничалъ съ путешествіемъ ко святымъ мѣстамъ Муравьева... Онъ писалъ элегіи, когда другіе не умѣли написать спраженій...

И ему подносятъ эту жизнь опять, да послѣ той, которая успѣла лечь между кадетской курткой и подорожной по казенной надобности.

А вѣдь всѣ они учились очень многому и много видѣли; одинъ жилъ долго въ Англіи и не иначе звалъ другихъ, какъ джентельмѣнами, не исключая полиціимейстера, къ которому влѣзалъ въ окошко первый. Былъ такой, что изъ Парижа воротился парижаниномъ; но нечаянно избилъ до полусмерти мѣщанина. Мѣщанинъ на другой день умеръ, разумеется, отъ ане-

время. Не уразумѣлъ такой простой причины только братъ умершаго, и на маневрахъ подавъ Государю жалобу. Примчался флигель-адъютантъ, разобралъ дѣло и, полюбезничавъ съ начальникомъ, убѣдился, что такъ какъ бывшій—человѣкъ вполне порядочный (*un homme tout à fait comme il faut*), а битый—сволочь, то и жалобу его нельзя отнести иначе, какъ къ непослушанію; а жаловавшагося слѣдуетъ сослать въ Иркутскъ...

Къ Степнянску эти люди тоже подѣзжали свѣжими; потомъ, хотя и поспѣвши отречься отъ этого начальникъ, поростали сплошь травой забвенья... Переживала ихъ или скука, или воля вышшаго начальства, у котораго вдовицы-матери и старики-отцы искали на ихъ донъ-жуанство... Цѣль или причина ихъ изгнанія—заводъ, построенный въ расчетъ дѣйствовать водою, былъ построенъ посреди безводной степи, и хотя прудъ и вырыли, но все-таки воды на дѣйствіе завода не хватало,—вполнѣ дѣйствовали только штаты... Какъ же тутъ не порости травкою? Не было громоотвода, даже скучнаго дѣла отъ скучнаго бездѣлья...

Еслибъ почта не сходила силоамскимъ ангеломъ и не возмущала застоявшейся воды Степнянска по субботамъ—письмами, а помѣсячно—журналами, степнянцевъ бы косой не выкосить! Но записки субботній колокольчикъ—и засуетились: деньщики бѣгутъ въ контору, офицеры ждутъ... Прошелъ мѣсяцъ—книжки разрѣзаются, читаются врозь и гуртомъ, пересылаются, обсуживаются и растолоковываются... Только почта тоже приходила неисправно—а случалось, и совсѣмъ не приходила: или рѣчка разольется, или занесетъ мятелью, и надо посылать откапывать. Какая-то такъ проходила, что ее перенималъ нарочный съ сумкой. Но нарочный запивалъ и сумка пропадала, съ ней и силоамскій ангель. Ждутъ, бывало, день, ждутъ два; на-встрѣчу плюютъ другого; если этотъ не запыетъ, узнаютъ, что пропала сумка. Общее уныніе. Помощникъ перестанетъ свистѣть на флейгъ, но за то свиститъ сквозь зубы еще пуще и уже не говоритъ ни одного слова. У начальника ежеминутно гаснетъ трубка и деньщикъ ежеминутно отвѣчаетъ угольками на свистки. Начальница, замуравшись, проводитъ время съ пузырькомъ...

Даже степнянская статистика проступковъ и возмездій обнаруживала въ такіе дни прирость людей на съѣзжей, согрѣвавшихъ около медвѣдя свое наказанное тѣло.

IV.

Когда ищешь или ждешь чего-нибудь, то какъ бы оно ни было ничтожно, а сдѣлается сейчасъ же самымъ важнымъ. Въ вѣска, которой не находишь, пыль, которая должна подняться по дорогѣ и не подымается, способны поглотить вниманіе, желанія и заботы...

Что такое былъ Борису тотъ придавленный домишко съ полосатою верстою у крыльца и надписью: «Отъ Санктпетербурга 2,000 верстъ, отъ Москвы 1,250?» А его къ нему только и тянуло. Развѣ не Гекуба этотъ старичекъ-почтмейстеръ, съ трубами на пуговкахъ, тоже придавленный, который выйдетъ на крылечко и посмотреть вдаль изъ-подъ ладони, или высунется въ окнышко? А между тѣмъ, глаза только его и ищутъ.

— Почта есть?

— Нѣту почты! нема! — пояснить старикъ и разставить руки.

— Въ ту субботу будетъ, — успокоить юркій почтальонъ, безъ всякой видимой причины постоянно соблюдающій движеніе всѣхъ частей тѣла, какъ заведенные часы: — почта будетъ въ ту субботу! въ ту субботу будетъ почта...

Но вотъ и суббота. Съ самаго утра Борисъ на караулѣ — въ томъ саду, откуда на него пахнуло дѣтствомъ и откуда было видно, какъ спускается почтовая дорога по отлогости къ степнянской балкѣ. Прислонясь къ старой яблони, съ Жоржъ-Зандомъ или Куперомъ въ рукахъ, онъ ни за что не перевернетъ страницы безъ того, чтобъ не взглянуть туда. Все пусто. Гдѣ-то жужжить пчела. Отъ вѣтки отдѣлилось яблоко и глухо бухнуло въ траву. Спорхнула птичка, свиснувъ крылышками; повертѣла хвостикомъ; трусливо оглянулась; клюнула и улетѣла... А тамъ ужъ ни пчелы, ни птички не слышать; плоды висятъ на вѣткахъ, какъ прикованные, только пахнуть... Тянутся часы... Терпѣніе переходитъ въ нетерпѣніе: онъ закрываетъ книгу и, минова улицы, взбирается на первый же курганъ. Какъ обняло его отсюда степью! Вся зеленая, цвѣтущая вблизи, она подъ серебромъ струящагося воздуха, какъ будто таетъ дальше и становится, какъ онъ, серебряною... Только кой-гдѣ, на скатеряхъ золотыхъ нивъ, бѣлѣютъ точки хуторовъ. Глазъ достигаетъ тѣхъ предѣловъ, отъ которыхъ не доносится уже звукъ. Вонъ мужичекъ молотить, маленькій какъ муха. Видѣть каждый взмахъ его цѣпа, но кажется, что онъ по воздуху молотить... Неподвижною извилистой чертою представляется обозъ чуть видныхъ чума-

вотъ... Какое-то пятно далеко подняло облачко пыли и стоитъ... Вотъ поползло; вотъ надвигается... опередило чумаковъ и вдругъ чуть внятнымъ колебаніемъ звука, точно зыбью, потревожило степную тишину: казалось зажурчалъ ручей... И только наводстренный слухъ могъ угадать, что это колокольчикъ. Едвали у Бориса сердце билось больше отъ Рубини... Темное пятно ро-стетъ, растетъ и гонитъ свой журчащій звонъ сильнѣе и сильнѣе. Вотъ ужъ видно, какъ загнули шеи пристяжныя, и работаетъ ногами и головою коренная... Вотъ ужъ тройка мчится съ горы въ балку; колокольчикъ изъ журчанья перешелъ въ захлебыванье и наполнилъ звономъ весь Степнянскъ...

— Есть почта! е! — привѣтствуетъ старикъ съ трубами: — а письма — нема!

И руки съ соболязнованіемъ разставилъ.

— Въ ту субботу, можетъ, будетъ, — подбѣгаетъ заведенный почтальонъ: — будетъ, можетъ, въ ту субботу.

И, вращаясь всѣмъ тѣломъ, устремляется съ письмомъ къ начальнику, который непремѣнно обругаетъ его бѣсомъ, вертящимся передъ заутреней.

Первое «е почта — и письмо е», съ радостно разставленными руками, довелось услышать именно, когда не ожидалъ, и получить, съ какого-то побочнаго пути, пакетъ съ пятью печатами, со вложеніемъ. Его принесъ ужъ не вращающійся молодецъ, а самъ придавленный почтмейстеръ съ трубами...

— Гроши дуже большіе! — говорилъ онъ: — дай, кажу, самъ понесу.

Стижавшіе такую честь «большіе гроши» были сто рублей бумажками отъ брата изъ деревни.

Въ Петербургѣ, разумѣется, они имѣли-бъ цѣну; но тутъ съ ними дѣлать было нечего; Борису показалось бы цѣннѣй письмо не изъ Крутиловки, и за одной печатью (одна печать была во всякомъ случаѣ обязательна, просто заклеенное приняли-бъ за вольнодумство, и совсѣмъ не приняли-бъ на почту).

Тѣмъ не менѣе, письму Мишеля онъ обрадовался. Двѣ недѣли, проведенныя въ мѣстахъ, гдѣ дѣтство улыбалось еще изъ каждаго угла, выглядывало изъ каждаго предмета, гдѣ оно мельзало и въ запущенномъ саду, и около приземистой, задумавшейся церкви, — вновь стаяли между братьями ослабшій было узелъ дружбы за восемь лѣтъ разлуки... Одинокій старшій братъ почувствовалъ, что онъ уже не одинокъ, что есть ему, чѣмъ жить, — что жизнь меньшого такъ была богата, что ея должно было хватить на нихъ обоихъ. Самъ онъ оставался тѣмъ же

кандидатомъ, съ правомъ на жизнь и на чинъ, и ни тѣмъ, ни другимъ до сихъ поръ не воспользовался. Но восторженные рассказы брата унесли его въ тотъ міръ, гдѣ дружба и любовь, поэзія и наслажденіе бились живыя,—не глядѣли тупо съ книжныхъ полокъ, какъ глядѣли у него... И вотъ онъ теперь пишетъ, что рѣшается бѣжать туда; что хочетъ жить и служить; что дядя Федосѣй Федосѣичъ пуще прежняго зоветъ его сдѣлаться звеномъ, и что уже какой-то важный Патріарховъ держитъ наготовѣ для него это звено («да прямо въ восьмомъ классѣ соблазняетъ дядя»). Въ Петербургѣ сверхъ того, онъ могъ издать достойно сочиненіе умершаго профессора, котораго онъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ курсомъ, выносилъ когда-то на рукахъ изъ аудиторіи. Изданіе предназначалось для прославленія профессора, и съ нимъ университета... Мишель разсмотритъ безпристрастными глазами и Лилі; точно ли стоило изъ-за нея Борису оставаться въ захолустѣ? «Но такъ какъ ужъ судьба тебя забросила изъ Степнянскъ (писалъ онъ), постарайся взять у глуши все, что она въ состояніи дать: меня она, кажется, сдѣлала человекомъ, тебя должна сдѣлать писателемъ. Природа тебѣ надавала полными пригоршнями сокровищъ, которыхъ мнѣ не добыть потомя всей жизни. Мнѣ никогда не испытать той невидимой силы, которая водитъ твоей рукою, когда ты пишешь стихи, того истиннаго горделиваго восторга, съ какимъ ты уносишься въ свое *мучезарное* прошлое (это слово, кажется, я у тебя укралъ). Да, не испытать мнѣ этого, какъ и многого такого, что порядочные люди испытываютъ!..»

Бориса словно оварило это письмо. Прежде всего оно его вернуло самому себѣ.

— Да, отчего я не пишу? стану писать! я чувствую въ себѣ цѣлый родникъ поэзіи... я напишу поэму...

Ему даже показалось, что онъ очень много жилъ, и слѣдовало благословить отдыхъ. Онъ рѣшился, не теряя времени, приняться... Уже внутри его какъ будто закипало что-то; сердце ныло и морозъ ходилъ подъ волосами, когда дверь внезапно распахнулась и влетѣлъ пріемщикъ, бросилъ фуражку такъ, что она юлою завертѣлась на столѣ, и расхохотался:

— Ха-ха-ха-ха!! перепугалъ воображеніе!—кричалъ онъ.— А знаю даже, о комъ и думали. Хотите, скажу? О начальницѣ вспоминали! Правда вѣдь, о начальницѣ? «Я помню чудное мгновенье—переда мной эвилась ты!» такъ, что ли? Однако же бѣлуга она—могу судить объ этомъ! И горда—просто придется Бѣлугина! Только вѣдь и вы «Малекъ-адель»! И чернявый, какъ

онъ! Охъ, Малекъ-адель! Малекъ-адель! — погрозилъ онъ пальцемъ. А въ заключеніе спектакля!..

И въ заключеніе спектакля высунулъ голову въ прихожую и крикнулъ:

— Чэкъ! а, че-экъ! па-аслушай, братецъ, трубку!

Показался «чэкъ», въ одной рукѣ съ краснымъ уголькомъ, въ другой съ трубкою, набитою *жуковымъ*, котораго пріемщикъ раскурилъ угломъ рта, поглядывая искоса, когда онъ зашпишитъ.

— Сегодня жарко, кажется? — сказала хозяйня, вспомнивши, что съ гостемъ надо говорить.

— Тепло! — рѣшительно отвѣтилъ гость и шлепнулся съ размаху самъ на столъ, какъ шлепаются въ сѣдло кавалеристы; потомъ разгладилъ чубукомъ усы и запыхтѣлъ изъ губъ, изъ носу, изъ ушей; мгновенно нанизалъ цѣлое ожерелье дымящихъ колецъ и, наконецъ, прибавилъ: «а сверхъ того!» и, не прибавивъ ничего сверхъ того, подошелъ къ зеркалу, чтобы еще выпнуть свои и безъ того нещадно выгнутые эполеты.

— Чисто гофмановское лицо, этотъ капитанъ! — передразнивъ мысленно Бухтормина Борисъ.

А гофмановское лицо, прохаживаясь по комнатѣ, только любовалось и собою, и всѣмъ, что подвертывалось по дорогѣ.

— А!!—ревѣло оно передъ портретами пѣвцовъ, какъ будто встрѣтило старыхъ знакомыхъ. Но удачный приступъ былъ испорченъ невозможностью прочесть по-итальянски подписи.

— Чьи это портреты? (Вопросъ дѣлается какъ бы мимоходомъ.)

— Рубини и Тамбурины...

Капитанъ киваетъ головою одобрительно.

— Я такъ и полагалъ. А впрочемъ, знаете ли, я считалъ, они лучше! Глупѣйшія, скажу вамъ, рождества! Не понимаю, за что только ваши петербургскіе имъ деньги платять?! право! ничего такого—ну, рѣшительно таки ничего. (Пріемщикъ былъ склоненъ отрицать многое, что «петербургскіе» признавали). А подумаешь, получаютъ больше нашего брата офицера! и за что? а васъ спрашиваю (вопросъ обращенъ уже непосредственно къ портретамъ). За что? Такъ вотъ—ни за что! Чэкъ! трубку!

И опять раскуриванье угломъ рта и поглядыванье искоса на зашпипающаго жукова.

— Это, Борисъ Павловичъ, я не знаю, какъ вамъ, а мнѣ такъ даже обидно! Поѣдетъ онъ, шельмецъ этакой, въ Парижъ, или чортъ его знаетъ куда, гдѣ, можетъ, прежде, свинья, нѣмцемъ съ шарманкою ходилъ; выстроить себѣ домъ въ три этажа, да

и надпишетъ въ заключеніе спектакля: «сей домъ состроенъ по глупости русскихъ». Ей-Богу! что мнѣ! мнѣ вѣдь все равно! Я мѣдной бы копѣйки не далъ, вотъ что-съ! мнѣ до нихъ и дѣла-то по настоящему нѣту! ни-ималѣйшаго!

И отходить ссвѣтъ разстроенный отъ тѣхъ, до кого ему не было ни малѣйшаго дѣла.

Борись тѣмъ временемъ собрался въ степь: взялъ записную книжку, карандашъ и надѣлъ фуражку.

— На прогулку? — догадался капитанъ. — Очаровательно! пойдете прогуляться!

Но очарованіе мигомъ прошло, когда онъ увидѣлъ, что спутникъ, обходя улицы, черезъ сады, идетъ куда-же? — въ степь!..

— Да вы какимъ же это манеромъ? Вы это, выходить, не того... не въ городъ на прогулку?

Капитанъ крѣпко стоялъ за то, что Степнянскъ — городъ.

— Я за-городъ! прощайте, капитанъ!

— Гмъ! за-городъ? Не по-офицерски поступаете! — рѣшилъ тотъ, и поступая вполнѣ по-офицерски, свихнувши на ухо фуражку, пошелъ заглядывать по окнамъ «городскихъ» чиновницъ и мѣщанокъ.

А Борись испытывалъ какъ будто новую отраду въ охватившей его шири... Безконечный круговоръ казался жизнью, разостлавшеюся во всѣ стороны, и видно было такъ далеко, что онъ различалъ все до самаго дѣтства.

Пока жизнь несется, вспоминать некогда. Надо, чтобъ она остановилась хоть на минуту, дала время вспомнить... И онъ вспомнилъ — вспомнилъ все, — какъ только вспоминають то, что ужъ давно забыто... И морозъ опять бѣжитъ подъ волосами, и такъ захотѣлось сердцу нить, нить, нить...

Только подкватившееся клубомъ подъ ноги *перекати-поле* и возвратило его къ настоящему. Онъ оглянулся: солнце нивко; паутины оплетаютъ золотыми нитями землю, а сверху обдаетъ синѣющее тепло... Степнянскъ въ своей глубокой балкѣ кажется такою точкою, что и приѣмщикъ затруднился бы признать ее за городъ...

Степь по-немногу стала страстью молодого человѣка. Гулъ ея вѣтра отзывался ему музыкой, тишина — лаской. Онъ не высматривать почту поднимался теперь на курганы — нѣтъ: высматривалась мирная пустынная даль, а за нею и милое былое, уже утомоненное этимъ миромъ пустыни... Завалывшаяся карточка, запахъ духовъ уже не вызывали грусти... Чувства складыва-

лись въ мысли, мысли—въ строки, строки въ стихи... Свѣтскій человѣкъ Петербурга дѣлался поэтомъ степи...

«И въ тихій зной, средь степи разноцвѣтной
Любилъ теряться точкой незамѣтной».

Этимъ двустипшіемъ онъ обновилъ записную книжку и рѣшилъ воспользоваться для будущей поэмы...

V.

Оглянувшись на свое прошлое, нашъ юноша самъ согласился, что оно было лучезарное. Одной сплошной улыбкою смогрѣло дѣтство. Начать съ того, что все оно почти прошло у бабушки. А ужъ у бабушки ли можетъ пройти нехорошо дѣтство?

Бориньки у бабушки въ самомъ дѣлѣ очень хорошо. Она такая добрая, маленькая, въ чепчикѣ съ широкою оборкою, которая подсказывала, когда бабушка ходила. Дѣдушка въ тулупчикѣ, напротивъ, такой длинный, что на него Боря смотритъ какъ на колокольню...

За обѣдомъ Боря сидитъ подлѣ бабушки и получаетъ лучшіе кусочки: пупокъ курицы, уши и хвостикъ поросенка, или мозги; бабушка гладитъ его по головѣ и приговариваетъ: «кушай, душечка, мозжечокъ—умнѣй будешь». Боря кушаетъ, и увѣренъ, что будетъ умнѣе. Дѣдушка тоже гладитъ его по головѣ и закрываетъ полой тулупчика. Въ случаяхъ сомнительныхъ онъ такъ ужъ прямо и бѣжитъ подъ тулупчикъ: тамъ его никто не тронетъ.

Боря въ комнатахъ ѣздитъ верхомъ на дѣдушкиной палькѣ, или бѣгаетъ въ лошади по двору, продѣвъ отъ синихъ сахарныхъ головъ веревочку лакеямъ въ ротъ, причемъ Сенька прекрасно представляетъ пристяжную.

Только-что онъ выбѣжалъ на дворъ, ужъ все готово къ его развлеченію. Старая собака, лыска, шевелитъ хвостомъ и подставляетъ спину, чтобъ онъ сѣлъ. Боря можетъ загнать палкою, куда ему захочется, свинью и колотить, сколько угодно по носу, пока ей не удастся проскочить между его ногъ. И осмѣлся только свинья это сдѣлать такъ, чтобъ уронить «дѣтя»,—ее же изобьетъ первый дворовый, чѣмъ ни попало; а когда свинья мужицкая, то еще и мужику достанется. Попробовалъ бы кто-нибудь отнять у Бори коромысло или кочергу, когда ему заблагоразсудится проватиться на нихъ по двору или по комнатамъ.

Единственная власть надъ Борей, не признающимъ никакой власти,—старый «дѣдъ», который стережетъ садъ и въ свою очередь не признаетъ даже боринькиной власти. Не безъ робости входитъ онъ въ курень могущественнаго дѣда, гдѣ подъ соломою лежатъ и пахнутъ яблоки. Дѣдъ неумолимъ и его боятся вся дворня. Онъ видѣлъ не разъ, какъ дѣдъ колотилъ дрючкомъ лакеевъ за то, что они сбивали съ вѣтокъ яблоки. Дѣду было слишкомъ сто лѣтъ, и онъ дѣдушку съ бабушкой считалъ молодыми. Тѣтеньки брали яблоки спросомъ у дѣда, который при этомъ ворчалъ и выбиралъ не самыя лучшія. Сама бабушка, когда посылала лакея за яблоками, говорила: «поди, болванъ, попроси у дѣда мѣшокъ, да смотри у меня, не трескай, а не-то попрошу, чтобъ хорошенько тебѣ спину наkostenялъ».

Но плоды поспѣвали, и царство дѣда кончалось. Къ деревьямъ приставлены лѣстницы; и дѣвки, лакеи, самъ Боря, трясуть яблоки и груши: градъ плодовъ сыплется на траву, подсканываетъ, разбѣгается, скатывается на дорожки и, описывая полукруги, останавливается. Боря гонится, выбираетъ самыя краснѣе... И вдругъ новый градъ загудитъ надъ головою и запрыгаетъ у ногъ...

Изъ сада, гдѣ такъ жарко и свѣтло, вбѣжать въ холодный ледникъ, гдѣ Уляшка ключница солить и квасить, а изъ ледника опять въ садъ,—что за наслажденіе!

Набѣгался Боринька и вечеромъ сидитъ усталый на крыльцѣ подлѣ бабушки, и смотреть ей слипающимися глазами въ лицо, пока приказчикъ, съ плѣткою за поясомъ и заложивъ руки за спину, докладываетъ. Передъ кухней ужинаетъ дворня; слышенъ голоса—Сенькинъ слышнѣе всѣхъ... Проѣхалъ по двору и проскрипѣлъ возъ... запахло дегтемъ... мужикъ снялъ шапку, кланяется. На деревнѣ баба созываетъ свиней: «паць-паць-пацюуу!» Крикнула лягушка за садомъ, другая, третья—и звенитъ непрерывающій хоръ... У Бори въ ушахъ тоже звенить...

— Ты душечка, Борюшка, спишь совсѣмъ!—говоритъ бабушка, и уводитъ его въ комнаты...

Вспомнилось печальное или таинственное дѣтской жизни... Какъ углыный столикъ въ залѣ накрывался чистою салфеткою и ставилась икона; зажигалась свѣча передъ иконою; дычокъ въ прихожей раздувалъ кадилницу, и начинало пахнуть ладаномъ... Священникъ жалобно протягиваетъ: «болярина Павла!» и Боринькѣ наклоняютъ голову и приказываютъ власть поклономъ.

за папеньку; онъ стучаетъ лобикомъ объ полъ и, выглядывая съ полу, дожидается, когда прикажутъ встать...

Привозили разъ въ годъ изъ города на подводѣ необъяснимаго Ивана Тимоѣенча; у него была такая точно шишка на щекѣ, какъ у Силы Петровича на головѣ, и его даже такъ и звали *шишкой*. Шишку привозили пьянаго, — за что бабушка всегда бранила кучера, тоже пьянаго, — и сейчасъ укладывали спать. На другой день Иванъ Тимоѣенчъ поднималъ крышку фортепьянъ, бренталъ по клавишамъ и заводилъ ключомъ струны, которыя лопались съ продолжительнымъ гуломъ. Цѣлый годъ закрытая внутренность фортепьянъ представляла таинственный міръ чудесъ: натянутыя мѣдныя нити между рядами колышекъ; подскакивающіе замшевые солдатики; блестящая лысина, шишка и ключъ Ивана Тимоѣенча, который распоряжался въ этомъ очарованномъ царствѣ какъ у себя дома, — все наполняло изумленіемъ и тревогой дѣтскій умъ... Къ обѣду Иванъ Тимоѣенчъ кончалъ брентанье, опускалъ крышку, пряталъ ключъ и, набивши себѣ перевернутымъ концомъ большого пальца табакъ въ ноздри, проигрывалъ что-то веселенькое, подбрасывая пальцы. Приходили тетеньки, тоже проигрывали что-то веселенькое и тоже подбрасывали пальцы. Выйдетъ дѣдушка, постыдитъ шишку, что онъ всегда прійдетъ пьяный, и шишка скроется до будущаго года, на подводѣ, куда уже поставленъ боченокъ водки — за труды.

Но вотъ и дѣдушка пересталъ выходить, и въ спальнѣ опущены шторы. Борю привели къ дѣдушкѣ. Въ кіотѣ горитъ лампада; образа блестятъ... Дѣдушка лежитъ, отвернувшись къ стѣнѣ и тяжело дышетъ.

— Пришелъ Борюшка, — говорить, наклоняясь къ нему, бабушка.

Онъ поискалъ рукою, перекрестилъ Борюшку... Бабушка заплакала...

Потомъ ужъ не было ни дѣдушки, ни темной спальни. Въ комнатѣ опять свѣтло, и Борина кроватка стала подъ кіотомъ, противъ бабушкиной. Только зеленѣетъ въ саду новая дѣдушкина могила; кругомъ роютъ черныя ямы и сажаютъ тополи. Бабушка показываетъ кучеру Ромашкѣ, гдѣ надо рыть; Ромашка крестится, плюетъ въ руки и ногою давить вступъ, который блеститъ на солнцѣ...

Блючница Ульяшка, съ большимъ животомъ, въ дѣвичьей рассказываетъ, какъ она видѣла, когда еще былъ здоровъ дѣ-

душка, что онъ открылъ футляръ и заводилъ часы, а Сенъка видѣлъ въ то же время, что онъ шелъ изъ сада.

— Это смерть шла за бариномъ, — говоритъ ключница: — а въ тотъ день, когда умереть барину, пришла и за футляромъ стала...

Устя вспомнила, какъ Лыска рыла яму подъ крыльцомъ. — Бывало, гонишь, кипяткомъ обдашь, нейдетъ поганая собака; а сама-то воетъ-воетъ...

— Лазилъ Боря тайно подъ крыльцо, и стучался о бревно; но зловѣщую лыскину яму открывалъ дѣйствительно...

И про себя онъ слышалъ, какъ когда-то Устя, когда онъ былъ совсѣмъ маленькій, пошла съ нимъ въ садъ, и какъ сама полѣзла трясти грушу, а дитя на травкѣ посадила; но какъ только начала трясти — слышитъ, Боринька заплакалъ. Посмотрѣла — а противъ Бориньки другой Боря сидитъ и танется къ нему; и какъ она уже не слѣзла, — по просту связать сватилась съ дерева, схватила на руки дитя (*которое, ужъ и не знаетъ!*), да ну бѣжать! На цѣтникахъ слышитъ дѣвки поютъ... Она туда, — а тамъ ни душеньки нѣту!

Къ вечеру Борѣ дѣлается страшно. Черный садъ чуть видно; а ужъ что въ саду — не видно ничего... глаза вперяются со страхомъ въ темноту. И вдругъ раздастся жалобный-жалобный стонъ, и пройдетъ по саду; а тамъ опять тихо... Подъ волосками дѣлается холодно у Бориньки. Онъ прижимается крѣпче къ Устѣ.

— Что это, Устя? — спрашиваетъ онъ.

— Это душа дѣдушкина ходить, — говоритъ Устя: — объ васъ жалѣетъ.

Напугался Боря за день и боится ночью у себя въ кроваткѣ. Бабушка спитъ; дѣвки храпятъ въ дѣвичьей, и всѣхъ громче храпятъ Устя на порогѣ. Чокаетъ маятникъ въ футлярѣ; по стѣнѣ и потолку движается свѣтъ отъ ночника. Длинная тѣнь футляра, за которымъ стояла дѣдушкина смерть, лежитъ чрезъ всю комнату и тоже движается... Вдругъ затрепещитъ ночникъ — и сдѣлается еще страшнѣе... Зашипятъ часы; ударятъ разъ, другой, третій... и утихнутъ, только маятникъ: чикъ-чикъ чикъ-чикъ... За печкой закричитъ сверчокъ — сдѣлается легче; даже страшно, что вотъ перестанетъ... Пересталъ сверчокъ, и уже нѣтъ мочи улежать въ кроваткѣ. Онъ идетъ къ Устѣ, жалуется, что страшно. Устя все храпитъ. Онъ принимается ее толкать; а самъ тихонько плачетъ: громко, нельзя — бабушка услышитъ и побранитъ Устю, отчего дитя не спитъ. Наконецъ Устя принимается сквозь сонъ

успокоивать; кладетъ Борю подлѣ себя и, укрывъ тулупомъ, засыпаетъ. Жарко Борѣ; но за то видно, какъ улеглись дѣвки по всему полу и Ульяшка ключница спать на сундукѣ, въ который бабушка ходитъ брать мѣдные деньги; какъ на столѣ стоятъ тарелки совершенно красныя изъ-подъ смородины. Однако, дѣлается жарко отъ тулупа и отъ Устиного тѣла; онъ выкарабкивается, и успокоенный уходитъ на кровать, гдѣ засыпаетъ крѣпко до утра...

Попутру болитъ голова; Боря хнычетъ, вода пальчикомъ по азбукѣ и повторяя вслѣдъ за тетенькой головоломныя *еры, дры, зры* и другія тонкости науки, до тѣхъ поръ, пока на выручку не придетъ бабушка.

— Будетъ мучить ребенка!—говоритъ она:—пойди, дружокъ, поиграй въ лошадки съ Сенькою.

И Сенька, внузданный веревочкой, уже изображаетъ при-
стѣжную...

Зима. Проснулся Боринька. Въ печахъ трещать и гудать дрова. Вбѣгаетъ Устя въ комнату, холодная и раскраснѣвшаяся, съ комкомъ снѣгу, котораго еще вчера не было, и пугаетъ, что положить Боринькѣ снѣжокъ за пазуху... Боря закрывается отъ Усти и хохочетъ... А снѣгъ таетъ въ Устиной рукѣ и течетъ по каплѣ на полъ.

Встанетъ Боринька; напьется чаю съ бабушкой; его закутаютъ въ тулупчикъ, и онъ бѣгаетъ, выдаетъ снѣжками въ дворовыхъ бабъ, въ дѣтей и въ лыску. Дѣти съ бабами визжать, а лыска только скалитъ зубы... Съ замираніемъ въ сердцѣ катится стрѣлой съ горы до черной кузницы, немножко подбѣленной снѣгомъ; стучается объ колодезь, весь обледенѣлый, и чуть не вскакиваетъ въ него вмѣстѣ съ санями... А ноги и руки такъ и рѣжутъ... Его ведутъ въ комнаты, и оттираютъ ручки и ножки; онѣ начинаютъ горѣть, какъ въ огнѣ...

На другой день закладываются сани, покрываются ковромъ изъ комнатъ, и Боря съ тетеньками ѣдетъ къ маменькѣ въ Крутиловку, черезъ пруды и камышами, гдѣ обыкновенно проваливаются, гдѣ боятся ѣздить и гдѣ все-таки ѣздить... Съ прудовъ поворачиваютъ въ лѣсъ. Лѣсъ стоитъ пушистый и бѣлый. Лошадь задѣнетъ постромкою за дерево, и посыпятся хлопья на Боринькины рѣсницы, на коверъ и на тетенежъ... Кучеръ Ромашка свѣсилъ ногу, загребаешь носкомъ снѣгъ и поддерживаетъ сани на закатахъ. Иной разъ сани на закатахъ перекинутся и всѣ упадутъ въ снѣгъ, какъ въ пуховикъ. Одинъ Ро-

машка на ногахъ. Его бранять, а онъ бранить Кудлашку, пристяжную: на закатъ тянуть было не зачѣмъ. Ромашка ссорится потомъ съ Кудлашкой всю дорогу, дергаетъ ее и притѣсняетъ. Лошадь фыркаетъ, забрасываетъ снѣгомъ сани и опять ихъ опрокидываетъ. Тетеньки жалуются бабушкѣ, что «этотъ извергъ покаялся имъ свернуть шею».

— Вѣрно ужъ залилъ себѣ бѣльми! — говоритъ успокоительно бабушка; велитъ позвать изверга и осыпаетъ упреками за намѣреніе убить барышень съ ребенкомъ.

Въ Крутиловкѣ Боря видитъ мать, высокую, красивую, но печальную и всю въ черномъ; крестъ на церкви и сѣрую колокольню; памятники въ саду; брата Мишеля, блѣднаго и тихаго, котораго пускаютъ рѣдко бѣгать по двору зимою; гувернантку нѣмку съ длиннымъ носомъ, чтобы учить Мишеля по-французски... и охотнѣ возвращается прудами къ бабушкѣ...

Тамъ ужъ вся передняя и дѣвичья готовы въ жмуркамъ. Пальцы толстые лакейскіе и тонкіе дѣвичьи укладываются въ кругъ; маленькій—боринъ помѣщается тутъ же; другимъ онъ дотрогивается до каждаго по очереди и произноситъ непонятныя, но знаменательныя: «одеянъ, двоянъ, троянъ, на четыре локотанъ, пятьсотъ, судья, пономаръ Юрья, Катерина, костка, на море пала, шишелъ вышелъ». На чей палецъ пришелся шишелъ, тому ловить. И все побѣжало изъ комнаты въ комнату, цѣпили стулья, столы, забиваясь подъ диваны, подъ кровати, въ шкапы, чтобы только отыскивать и гонялся Боря. Разгорѣвшись, напрягая зрѣніе и грудь, онъ бойко носится и вздрагиваетъ при малѣйшемъ шорохѣ; хохочетъ судорожно и громко, когда словить толстую полу лакея или выбойчатое платье дѣвки... Фыркнувшій въ потемкахъ Сенька или Степка, прозванный въ прихожей «вислоухимъ», выдаетъ себя, но не сдается... Боринька сбаваетъ ключницу Уляшку съ соусникомъ или и саму бабушку. Иной разъ вислоухій, разогнавшись, обнимаетъ бабушку на перепутьѣ, за что и отпускается ему пощечина; бѣгущей за нимъ дѣвкѣ достается по спинѣ ключиками, привязанными къ кончику платка, а въ заключеніе—приказывается уняться и Боринькѣ. Случалось, что игры прекращало «Семейство Холискихъ»¹⁾. Когда тетеньки его читали вслухъ, то ненавистное семейство мигомъ водворяло тишину въ домѣ; даже бабушка ругалась съ ключницею шопотомъ, и дѣвку, пробирающуюся изъ передней, ужъ не била ключиками, чтобы не зазвенѣли,—только

¹⁾ Любимый романъ тридцатыхъ годовъ.

тнѣла табакеркою въ плечо... Тетеньки плакали и утирали слезы...

Боря насмѣялъ себя икоту и, соскучась тѣмъ, что надобно удерживаться, шелъ въ переднюю, гдѣ на короточкахъ у вытопленной печки лакеи жарили сало, и смотрѣлъ на ихъ малиновые лица... Сюда заходилъ, съ доской и деревяннымъ молоткомъ, Демуща сторожъ, въ большихъ варежкахъ и шапкѣ, занесенной снѣгомъ. Неустрашимое существо это, для котораго ни ночь, ни митель, ни дворовыя собаки, наводившія по вечерамъ страхъ на Борю своимъ воємъ и лаемъ, ничего не значили, влекло его. Онъ подходилъ къ нему съ невольнымъ уваженьемъ, даже съ робостью; осматривалъ его доспѣхи—молотокъ и доску, и когда за ужиномъ раздавался мѣрный стукъ около дома и пропадалъ вдали, —геройская фигура въ варежкахъ и занесенной снѣгомъ шапкѣ, презиравшая мятель, ночь и дворовыя собакъ, —таинственно представляла передъ Боринькой...

Лакеи подаютъ блюда и стоятъ за стульями, держа на выверту тарелки.

— Вишь, ланищи какія!—говорить бабушка Сенькѣ, круглый и черный палецъ котораго купается въ кушаньѣ.

— Хоть бы ты, разбойникъ, кирпичемъ ихъ тѣрь, когда самоваръ-то чистишь!—совѣтуетъ она.

Сенька продолжаетъ чистить самоваръ, но рукъ кирпичемъ не треть; бабушка продолжаетъ совѣтовать.

Но все меркнеть передъ прїѣздомъ изъ Петербурга бабушкина брата, важнаго дѣдушки, который ревизовалъ самого губернатора.

Уже задолго до этого событія различныя предзнаменованія возвѣщали, что быть дѣдушкѣ: кувыркались передъ крыльцомъ собаки; въ картахъ выходилъ пиковый король и отъ него ложилась къ трефовой дамѣ шестѣрка; или бабушка, или которая-нибудь изъ тетенокъ, или ключница Уляшкѣ видѣли сны и каждое утро ихъ толковали. Бабушка самые трудные сны хорошо толковала.

— Это къ прїѣзду Никтопольона Савича,—говорила она обыкновенно.

Если сны такіе, что и сама бабушка въ нихъ затруднялась, призывали ключницу Уляшку. Ключница при этомъ и свой сонъ рассказывала. Выходило все-таки къ прїѣзду. Но когда случалась на эту пору старая Наумовна, ходившая въ Іерусалимъ, «бы-

вавшая и подъ червесомъ», какъ говорила, — то ужъ лучше никто не могъ сказать, какъ и что будетъ. Подопрется она, бывало, локтемъ объ ладонь, а другой ладонью за щеку возьмется.

— Энта вы, мои блаждѣтельницацы... — И пойдеть, и пойдеть.

Каждое лѣто приходила Наумовна гостить къ бабушкѣ, и спала безъ рубахи на сундукѣ съ мѣдными деньгами, съ котораго по этому случаю ключница Уляшка переходила на полъ.

— Моченьки моей нѣту-ти, — оправдывалась она: — такъ помню и палить, такъ и палить — жарница этакая!

На разспросы про Іерусалимъ, Наумовна, бывало, скажетъ только: «бладать Господня!» и глаза закроетъ.

Выйдетъ по сну дѣдушка — и сама Наумовна перепугается: «Охъ, блаждѣтельницацы вы мои, быть бѣдѣ — Никтопольонъ Савичу быть надѣтъ! Быка, мои позолоченныя, видѣла — заводскаго. Пришелъ вотъ выдакъ-то заводскій быкъ, да шарахъ прямо на крыльцо; а шенца у него толстая-претолстая... Вся ваша воля, а только ужъ быть ему нашему государю, — какъ Богъ святъ!

Тутъ пристанутъ къ Наумовнѣ: въ какой день быть? а она и дня даже не знаетъ — про другихъ про всѣхъ знаетъ, а про него нѣтъ: важенъ ужъ очень Никтопольонъ Савичъ, и сонъ на него не властенъ.

То-то тревога подымется! Весь домъ, всѣ до одного, какъ не свои; встаютъ ранехонько, ходятъ растрепами; у тетевекъ косы торчатъ хвостиками изъ-за гребеноекъ и выпадаютъ. Бабушка всѣхъ больше суетится, чуть не бѣгаетъ изъ угла въ уголъ; раздаетъ толчки встрѣчнымъ дѣвкамъ и бранить ихъ, что онѣ мѣшаютъ, да еще въ добавокъ смѣются и спятъ. Дѣвки не смѣлись и не спали, но видались съ перепуганными лицами во всѣ стороны и дѣйствительно мѣшали. Все мѣняло мѣсто: стулья, столы, диваны; даже большой сундукъ, и тотъ передвигался. Цѣлый потопъ мыльной воды, шлепанье босыхъ ногъ и тряпокъ наполняли домъ. Треснетъ диванъ, или задребезжитъ и разлетится въ дребезги тарелка, — бабушка, неумолимая въ подобныхъ случаяхъ, ужъ пойдетъ и съ ключиками на расправу, — только закричитъ: «бей, извергъ! ломай! мало набито!»

Каждый день высылаютъ дѣвокъ и лакеевъ на крыльцо смотреть, не ѣдетъ ли? Съ крыльца была видна большая дорога, даже слышно, когда звенѣлъ колокольчикъ. Дѣвки смотрятъ, прикрывшись ладонями, толкаются и въ этотъ разъ дѣйствительно смѣются. Боря держится за юпку которой-нибудь изъ нихъ, приподнимается на цыпочки, и тоже смотреть. Вдругъ на горку под-

илась карета, за ней другая; колокольчики чуть-чуть позваниваютъ.

— Ёдутъ!—закричать всѣ, и побѣгутъ въ комнаты.

— Ёдутъ, сударыня! Ёдутъ, бабушка! Ёдутъ!—кричать.— Ёдутъ!—повторяетъ бабушка и кричитъ тетенькамъ:—Ёдутъ! и всѣ высыпаютъ на крыльцо.

Кареты направляются не то по столбовой дорогѣ, не то поворачиваютъ на плотину.

— Они!—говоритъ бабушка и крестится.

Кареты проѣзжаютъ какъ будто мимо...

— Не сюда,—произносятъ громкимъ шопотомъ вислоухій Степа.

— Конечно, не сюда!—говорятъ тетеньки.

Кареты, показнувшись, поворачиваютъ; колокольчики позваниваютъ громче... даже слышно, какъ стучать колеса и ямщики покрикиваютъ...

— Сюда! конечно, сюда!—кричатъ тетеньки.

— Тебѣ ли, дураку, смыслить! Поди-ко лучше палы причеши, чудовище!

— Точно сюда!—кратко подтверждаетъ бабушка.—Только бы да! Господь благополучно къ мостику спуститься... Ромашка! чего стоишь, бездѣльникъ! Бѣги на плотину, посмотри, чтобъ, не дай Боже, чего не случилось!

И опять крестится, и даже крестить дорогу, гдѣ что-то можетъ случиться и по которой бѣжитъ Ромашка. Но, спустившись къ мостику, кареты вдругъ исчезли, даже колокольчиковъ не слышно...

— «Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наши!»—шепчетъ бабушка и все крестится.

— Степа! бѣги, дуралей! что уши развѣсиль!.. «Вольная же и невольная, аже словомъ, аже дѣломъ...» Бѣги, узнай, какъ на мостикѣ?... «Аже въ умѣ помышленіемъ, аже во дни или ночи»...

Степа бѣжитъ, откидывая ноги.

Но уже и Степанныхъ ногъ не видно, а кареты все на мостикѣ. Бабушка порывается идти сама.

Вдругъ звякнулъ колокольчикъ, за нимъ другой... «Но-но-но, голубчикъ!»—раздалось близко. Пыль облакомъ поднялась надъ селомъ...

Изъ вѣбъ на встрѣчу выходили мужчины и кланялись въ землю. Дѣти съ ревомъ разбѣгались и прятались...

На дворъ въѣзжала шестимѣстная тяжелая карета восьмери-

комъ, съ двумя подсказывающими форрейторами. За ней катилась другая. Бабушка и тетеньки спускались съ крыльца и всё наперерывъ бросались открывать дверцы. Но изъ другой кареты выскакивалъ съ крестомъ чиновникъ, открывать, откидывать подножки, и по этой лѣстницѣ спускался дѣдушка, въ звѣздахъ и съ алмазнымъ крестомъ на шеѣ; за нимъ бабушка приземистая, старенькая, но ужасно важная, въ шелковомъ капотѣ. Вслѣдъ за ними вылѣзалъ чиновникъ, ужъ другой, и выносилъ въ корзиночкѣ болонку... Изъ второй кареты еще вылѣзали чиновники, кто съ кошками, кто съ собаками... Спустившись, дѣдушка цѣловался съ бабушкой и перепцѣловывалъ въ лобъ тетеньку, которыя прикладывались къ его плечу. Пріѣзжей бабушкѣ онъ по очереди цѣловали ручки, а она ихъ трепала по щекамъ и цѣловала въ губы. Боринька забьется, бывало, за лакеевъ и изъ всей мочи держится за полу Сеньки, моля Бога, чтобы не заставили здороваться съ дѣдушкою. Въ суматохѣ его такъ и не замѣтить.

По пріѣздѣ дѣдушка переодѣвался въ термаламовый халатъ, на которомъ тоже были звѣзды, и такъ въ немъ и оставался.

На другой день катили дворяне и чиновники въ мундирахъ являться; пріѣзжалъ самъ губернаторъ, котораго ревизовалъ дѣдушка. Бывалъ и архіерей; и когда уѣзжалъ, то бабушка и тетеньки выдвигались на перерывъ присѣсть на кресло, гдѣ онъ сидѣлъ, чтобы освятиться...

Страшный мостикъ на плотинѣ разъ не выдержалъ всей этой передраги—провалился. Городской попъ прикусилъ себѣ языкъ и не могъ служить молебна. Важный дѣдушка много смѣялся и трунилъ надъ бабушкою. Бабушка твердила только: «смѣйтесь, братецъ! на здоровье смѣйтесь! Я благодарю только Бога, что не подъ вами провалился. Какой бы я отвѣтъ моему государю дала за васъ?..»

И сгоняють всю дворню чинить мостикъ.

Боря видитъ, что его не трогаютъ, и успокоивается; обѣгаетъ пріѣзжихъ лошадей и задираетъ прутикомъ, испытывая каждый разъ пріятный ужасъ, когда лошади лягались и подковы ихъ блесгли въ темныхъ стойлахъ. Онъ весь перепачкался, и весело вскарабкавшись на возлы, барабанилъ ножками,—когда прибѣжала Устя—звать въ гостиную! Отмыли, причесали Бору жесткой щеткой, и ведутъ въ гостиную.

Дорбгой тетенька показываетъ, какъ онъ шаркнетъ передъ дѣдушкою, поцѣлуетъ ему ручку; какъ шаркнетъ точно также передъ чужой бабушкой и тоже поцѣлуетъ ручку; какъ шаркнетъ слѣдуетъ гостямъ и быть не глупенькимъ, но умнымъ мальчи-

комъ. Онъ и слышалъ, и не слышалъ, только ножками передвигалъ.

Въ гостиной на диванѣ бабушка, прѣвжая, сидѣла подлѣ своей бабушки, обложенная собачонками; болонка въ маленькой корзиночкѣ лежала на колѣняхъ и на всякаго, кто входилъ, ворчала. На креслѣ сидѣлъ дѣдушка, «въ звѣздахъ и брилліантахъ», и держалъ кота, которому щекоталъ уши. Котъ жмурился и облизывался. Губернаторъ, тоже въ звѣздахъ, былъ подлѣ дѣдушки. Кругомъ, у стѣнъ, сидѣли гости въ мундирахъ...

Подобнаго зрѣлища Боря себѣ и представить не могъ; оставался, не шаркнулъ никому и началъ ковырять стѣну.

— А! вотъ онъ, нашъ баловень!—проговорила на распѣвъ важная бабушка и поднесла къ глазамъ стѣкла. Боря и этого никогда не видѣлъ. Его повели за ручку и поставили прямо передъ стеклами. Болонка залилась и вскочила. Боря вздрогнулъ.

— Шарени, Боричка!—шептали ему кто-то:—шарени, душевка.—Стыдъ какой! Умный мальчикъ, ножкой не умѣетъ шаркнуть! Хотя одинъ разочекъ шарени—такъ вотъ, такъ...

И Боринька, не зная самъ, что дѣлаетъ, шаркалъ.

— Умница какой,—говорила важная бабушка.—А ну-ка, покажи, какіе у тебя глазки... Посмотри на меня, Борюшка!

При этомъ кто-то бралъ за подбородокъ и высоко поднималъ головку, такъ что онъ смотрѣлъ невольно въ стѣкла бабушки.

— Какіе черные!—говорила бабушка:—что ты ихъ не моешь? вишь, какіе они у тебя черные... Надо мыть—мыльцомъ надо мыть глазки, чтобъ не были черные...

Всѣ смѣялись словамъ бабушки, а Боря послѣ долго мучился, что оскрамился глазками. Надо будетъ ихъ непременно мыть.

Дѣдушка клалъ только на голову Бори свою руку и подставлялъ потомъ, чтобъ онъ цѣловалъ.

Губернаторъ спрашивалъ: желаетъ ли онъ, чтобъ у него такіе были звѣзды, какъ у дѣдушки? Онъ изъявлялъ согласіе, и поскорѣе удиралъ во всѣ лопатки въ садъ—въ продушенный плодами курень дѣда... И какое ему вознагражденіе приносило отдѣлившееся вдругъ отъ вѣтки и имъ самимъ поднятое, съ дѣдовскаго разрѣшенія, желтое и теплое яблоко, которое онъ сперва вертѣлъ въ рукѣ, прежде чѣмъ рѣшался укусить...

Прѣвзкій дѣдушка гостилъ два дня и уѣзжалъ тѣмъ же порядкомъ, съ бабушкой, собаками, форрейторами и чиновниками... Бутеръ Ромашка верхомъ и половина дворни были высланы впередъ на вычищенный мостикъ, чтобъ, не дай Богъ, опять чего не случилось...

— А молодца-то нашего давайте въ корпусъ!—говорилъ дѣдушка:—какъ прїѣду, скажу Ѳедосѣю—пусть его запишетъ. Лобъ ему забрѣмъ—и будетъ солдатъ.

Страшныя слова пугаютъ Борю не надолго. Вотъ опять пришла зима; деревья стоятъ всѣ мохнатыя въ саду... Прошла,—а онъ, все не солдатомъ, скачетъ по проталинкамъ. Весенній снѣгъ расходится и таетъ подъ ногою; маленькій слѣдъ ложится въ черной и дымящейся землѣ... Присядетъ Боринька къ зеленой, первой травкѣ, сыщеть голубой подснѣжникъ и бѣжитъ съ нимъ къ бабушкѣ,—насилу Устя поспѣваетъ; а онъ все бѣжитъ, хохочетъ звонко, и вдругъ остановится, и кинется на шею Устѣ—начнетъ цѣловать... Вонъ бѣлый «пролисокъ»—какой восторгъ! бѣлые—рѣдкость! Онъ срываетъ осторожно нѣжныя молочныя цвѣтоты...

— Это вы понесите тетенькѣ,—говоритъ Устя:—бѣлый—счастье!

А весенній воздухъ такъ чудесно пахнетъ. Пахнутъ тополи вокругъ могилы дѣдушки, и почки ихъ склеиваютъ пальцы...

— Скоро зацвѣтетъ черемуха!—скажетъ Устя.

Боря поднимаетъ вверхъ голову и съ надеждой смотритъ на черемуху.

— Я и черемухи понесу бабушкѣ—говоритъ онъ.

— Понесете, душенька! Я нарву, а вы понесете!

— Ты мнѣ много, много нарвешь, Устя!

— Много, душенька! сколько захотите...

Вотъ крѣпостной художникъ Никтопольона Савича пишетъ бабушку—въ креслѣ, въ чепчикѣ съ оборкою и съ чистымъ платкомъ въ рукѣ, сложеннымъ книжечкой. Чепчикъ, платокъ и кресла вышли удивительные—настоящія бабушкины. Живописца запираютъ сперва въ погребъ, чтобы протрезвился, а потомъ уже ведутъ писать бабушку...

Но только-что онъ кончилъ, слегла бабушка, какъ дѣдушка, и въ спальнѣ сдѣлалось опять темно... Уляшка знала это: портретъ писался не въ добру.

Прїѣхалъ дяденька изъ Петербурга, Ѳедосѣй Ѳедосѣичъ, не такой важный какъ дѣдушка, однако, все же важный, съ молодою тетенькою Степанидой Львовной, у которой свои тетеньки показывали Боринькѣ такія-жъ панталончики подъ платьемъ, какъ и у него. У своихъ тетенокъ ихъ не было...

Для Петербурга выбирали на деревнѣ самыхъ лучшихъ дѣ-

вочекъ. Когда атаманъ пригонялъ ихъ въ крыльцу, онѣ жались въ кучу, какъ овечки... Слѣдомъ шли и голосили матери. Тѣ, у которыхъ дочекъ отбирали, были и валялись, ѣли землю. Остальные уводили бѣгомъ своихъ за руки...

Но ужъ нѣтъ и бабушки, и Бориньку отвозятъ, хоть не въ корпусъ, все-таки въ Крутиловку, гдѣ гувернантка съ длиннымъ носомъ начинаетъ его учить по-французски.

Въ мрачномъ домѣ матери и крыша черная—не бабушкина красная. Не видать большой дороги; въ окна изъ-за густыхъ липъ глядятъ желѣзными рѣшетками окошекъ церковь и дохотитъ пѣніе и ладанъ. А надъ памятниками темнѣетъ елка и повисла тонкими какъ ниточки вѣтвями ива...

Каждое утро мать идетъ туда, гдѣ памятники; нарыываетъ розъ; самыя полныя кладетъ на памятникъ отца, и падаетъ лицомъ на землю... долго говорить съ вѣмъ-то и плачетъ... Дѣти тихо крестятся, кладутъ поклоны и идутъ пить чай...

Разспросамъ объ отцѣ всегда одинъ конецъ: «вотъ вырастите, узнаете». Только старая кормилица Мишеля, Танька, по секрету рассказала имъ, что папенька въ болѣзни изъ ружья въ себя выпалили. «Барыня вже отъ нихъ не отходили. Та вы вшибитесь зволили, заплакали... Онѣ высочили; а баринъ какъ выпалъ!.. Я такъ и затряслась... Какъ прибѣгли, посмотримъ,—на полу мертвенькій лежитъ»...

Дѣти съ ужасомъ смотрѣли на заколоченную дверь въ комнату, гдѣ это случилось, и вечеромъ опрометью бѣжали мимо...

Дикая малина разрослась какъ роща вдоль забора, и большой прудъ лежалъ подъ горкою, которая темнѣла лѣсомъ... Дальше еще прудъ и еще лѣса... На плотинѣ стучитъ мельница чернымъ колесомъ; надъ водой дрожитъ мостикъ; бѣгаютъ сѣдые крысы между свай... Бѣлый мельникъ бродитъ, словно чародѣй, въ стучащей и трясущейся волшебной мельницѣ... А рядомъ вѣчно дымитъ винокурня, и винокуръ-жидъ высовываетъ изъ дверей голову въ пейзажахъ...

Боря стоитъ и думаетъ: все не такъ, какъ у бабушки!

Церковь вся въ иконахъ; колокольня со скрипучей лѣстницею, по которой Боря съ замираньемъ сердца крадется въ большому треснувшему колоколу, глухо гудящему, когда онъ тронетъ его желѣзнымъ языкомъ... Вечерня лѣтнимъ вечеромъ; юсные лучи солнца падаютъ снопами въ окна, и въ лучахъ клубится ладанъ; а дьячокъ поетъ такъ сладко: «Свѣте тихій!» Мать стоитъ въ углу, кладетъ поклоны, и они съ Мишелемъ кланяются въ землю... Влетитъ птичка, зачирикаетъ, взвоется

въ самый куполь и, махая крылышками, вылетить въ садъ... Дьячокъ пропѣлъ и идетъ помолотить жито; пономарь звоню и проворно, такъ что ни слова разобрать нельзя, читаетъ на клиросѣ... Удары по убитой землѣ раздаются въ церкви... И опять пришелъ дьячокъ и запѣлъ... Солнце спустилось къ пруду, который блеститъ какъ стекло; блеститъ залитой янтарнымъ свѣтомъ садъ и памятникъ отца въ утреннихъ розахъ...

Боринька стоитъ и смотреть, и все это дѣйствуетъ на него не такъ, какъ то, что было у бабушки...

Придетъ великій постъ... Страстная. Колоколъ гудитъ протажно изъ-за бурныхъ липъ... Ручьи несутся въ прудъ, журчатъ и пѣются. Домъ полонъ говѣющими сосѣдками, которыя читаютъ на кофѣнкахъ псалтырь, зѣваютъ громко, даже стонутъ и велитъ будить себя къ заутренѣ... Мишель и Боринька говѣютъ тоже, но съ усиліями достигаютъ, чтобъ и ихъ будили... Въ церкви темно и холодно, только свѣчи блестятъ передъ иконами, да малиновыми огоньками теплятся лампадки, съ бисернымъ яйцомъ вверху... «Се женихъ грядетъ во полунощи!» танетъ дьячокъ... И дѣти крестятся, и съ трепетомъ оглядываются. Глухо валился на землю и встаетъ толпа въ тулупахъ...

На кухнѣ цѣлая возня... Кухарки и сама мать мѣсятъ куличи; вырѣзываютъ изъ бумаги колпаки и надставляютъ формы... Для двора мѣсится такой куличъ, что въ печку влѣзетъ только бокомъ. Мать ходитъ озабоченная—что-то еще будетъ? Ну если вдругъ провалится?

Но вотъ бѣжитъ кухарка,—куличъ назадъ не лѣзетъ—надо звать Панаса—ломать печь. Въ домѣ радость: это знакъ урожая и благоденствія... Если куличъ лѣзетъ свободно и не надо трогать печки—хуже; но ужъ если провалится середина—неурожай и бѣдствія неотвратимы...

Горячіе, душистые куличи несутся въ комнаты сохранно и укладываются на пуховникахъ въ спальнѣ до тѣхъ поръ, пока не остынутъ. Воздухъ наполняется соблазнами, передъ которыми галушки на водѣ и вареники съ зеленымъ масломъ все теряютъ...

Надъ прудомъ смолать въ соломѣ кабана... Панасъ, за минуту разломавшій печку, возится съ бараномъ: хватается за рога, садится на него верхомъ и намѣревается рѣзать горло. Но баранъ не поддается: поднимаетъ на спинѣ Панаса и носится съ нимъ по двору, при хохотѣ довольной дворни... Тѣмъ не менѣе Панасъ перерѣзываетъ таки бунтовщику горло; баранъ хрипитъ, смиряется и падаетъ, захлебываясь кровью...

Вот и свѣтлый праздникъ. Ночь. Темно. Вокругъ церкви обносится плащаница, которая бьется на свѣжемъ вѣтрѣ и выпрыгивается изъ рукъ... Боря, какъ помѣщикъ, держитъ вмѣстѣ съ Мишей за одинъ уголокъ; за другой держатъ почётные сосѣди и майоръ Будагъ, какой-то почти непонятный дядя, въ золотыхъ эполетахъ... Несутъ Миша съ Борей; держатъ, сколько силы есть, свой уголокъ... Обошли разъ, и другой, и третій, и остановились передъ высокою затворенною дверью. Тамъ, за нею, происходитъ что-то необыкновенное: воскресаетъ Христосъ!

— «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!» затянулъ дребезжащимъ голосомъ отецъ Іона, и за нимъ сладковозвучный дьячокъ, и бѣдка-шинкарь, бась, и еще пріѣзжій коноваль Пуць. Колокола ударили и заглушили все... Церковная дверь отворилась. Дѣти смотрятъ поскорѣе на иконостасъ, по которому только-что поднялся Христосъ...

На другой день приходитъ вся деревня христосоваться съ господами, обтирается полою и мѣняется яйцами съ «паньчѣми и съ панею». Послѣ «паньчи» непременно побѣгутъ дразнить жида винокура въ пейсилахъ:

— Жидъ! жидъ! Христосъ воскресъ!

— Я-ве не жидъ, я евлей!—огрызается тотъ.

— Христосъ воскресъ! говорятъ тебѣ! слышишь?

— А я-ве ничего не шлису! Я васей гапшазѣ маменькѣ загѣться буду.

Но они довольны: разсердили жида и убѣгаютъ...

Впрочемъ, церковь не совсѣмъ покорила себѣ дѣтей. Ея молебный голосъ, трепеть наводящая тишина и свѣтъ мѣсяца на золотомъ крестѣ; самый дьячокъ и отецъ Іона въ ризахъ,—дѣйствовали только на воображеніе, какъ когда-то сказки няни; сердце оставалось для всего прочаго: для лѣсовъ,—весной, когда, какъ въ молокѣ, стояли всѣ въ цвѣту дикія групи и яблони; для золотыхъ нивъ и пестрыхъ сѣнокосовъ, куда они лѣтнею зарей ѣзжали съ матерью на длинныхъ дрожкахъ, а на возлахъ правилъ Яшка...

Самый Яшка былъ заманчивъ тоже. Это было существо по-своему необычайное: онъ и лошадьми правилъ, и карасей ловилъ въ прудѣ, разѣзжая въ лодѣ съ однимъ весломъ, и сливы щепилъ, и подрѣзавъ медъ на пасѣкѣ, послѣ чего долго ходилъ съ искусаннымъ пчелами лицомъ; стрѣлялъ волковъ и готовилъ обѣдъ за кухарокъ, даже сѣлъ дворовыхъ, когда встрѣчалась надобность.

Дрожжи пощелкиваютъ и звенятъ по вогористой дорогѣ.

Яшка пощелкиваетъ лошадей. Солнце начинаетъ грѣть, точно обливать жаромъ. Въѣдутъ въ лѣсъ—въ лѣсу темно и холодно, и все гудитъ: каждое слово, и кнутъ Яшки, и треснувшій суточекъ подъ колесомъ... Изъ лѣса выѣзжаютъ опять въ свѣтлое и жаркое, какъ печка, поле... Бабы, въ бѣлыхъ рубахахъ и цвѣтныхъ запасахъ, жнутъ и высоко вскидываютъ надъ головою золотое жито... Вереница бѣлыхъ косарей дружно машетъ косами, которыя блестятъ на солнцѣ... трава ложится градами... приказчикъ Рубецъ съ палкой ходитъ по рядамъ... Дрожки подѣхали, и бабы перестали жать, кланяются; косари снимаютъ шапки, тоже кланяются; косы уже не блестятъ... Но вотъ немножко позвенѣли о бруски, и опять заблестѣли... И поздно-поздно, когда Боринька уже напьется чаю съ маменькой, не видно, только слышно за прудомъ, какъ возвращаются съ поля и поютъ.

Лѣто завершалось тѣмъ, что цѣлый домъ отправлялся верстъ за двадцать въ монастырь пѣшкомъ на богомолье. Обыкновенно выходили очень рано. Подъ навѣсами соломенныхъ крышъ и подъ заборами еще тянулся темный холодокъ. Хотя всѣ отъ мала до велика непременно доходили на собственныхъ ногахъ, однако, ноги четверни, заложеной въ коляску, слѣдовали по пятамъ; и Яшка, въ качествѣ, на этотъ разъ, повара, обогналъ въ телѣгѣ съ наготовленными наканунѣ кушаньями, чтобы успѣть на полпути, въ большомъ селѣ Песочинѣ, сварить куринный супъ.

Привалы у ключей (криницъ), съ хрустальною студеною водою, въ тѣнистыхъ оврагахъ, подъ терновникомъ и дубиномъ, давали силы добираться накаленными песками около полууды до Песочина... Тутъ подъ навѣсомъ свѣжаго амбара отдыхали и обѣдали, а къ вечеру пускались дальше въ путь. Едва таяли ноги, но рѣшили скорѣе похоронить себя въ этихъ пескахъ, чѣмъ сѣсть въ коляску... Заунывный монастырскій звонъ поддерживалъ легѣлъ навстрѣчу. Въ сумерки показывался наконецъ и самъ таинственно-блѣбующій изъ-за дубовой рощи монастырь... Черный монахъ, съ ведромъ въ рукѣ, спускается къ ключу, гдѣ подъ пониженою вербой стоитъ въ часовенкѣ образъ. У святаго тѣло, въѣсто одежды, покрыто бороною до колѣнъ, и у двери прибита кружка съ дырочкой. Всѣ крестятся и опускаютъ гроши въ дырочку; гроши звенятъ... Предупредившій снова пѣшеходовъ, Яшка встрѣчаетъ у часовни и ведетъ къ бѣленькому домику со ставнями, съ крылечкомъ подъ навѣсикомъ и съ ужиномъ, готовымъ на крылечкѣ. Послѣ ужина онъ отправляется къ духовнику, отцу Викентію, прикормъ полой боченомъ воды.

Разъ онъ встрѣтилъ съ горестнымъ извѣстіемъ: отецъ Викентій, сказывали, померъ. Сказывали, правда, люди «ти що усе брешуть», по его словамъ, и нечего бы обращать на нихъ вниманья, еслибъ не свалилось колесо какъ разъ у самаго монастыря. Но это совершенно измѣнило дѣло...

— Ты сходи сейчасъ же, разузнай, да повѣри! — тревожился мать.

Яшка сходилъ и разузналъ. Вѣри! самого умершаго онъ основательно не могъ никого найти.

— Ну что, узналъ? — спрашиваетъ мать.

— Узналъ. Самихъ спросилъ. Вижу, сидятъ, пуншъ кушаютъ. Я — такъ-молъ и такъ: барыня кланяться-молъ приказали; слышали, что будто помереть изволили; спрашиваютъ, *чи правда?* — «Нѣтъ, скажи, неправда!» — говорятъ: — «и не собирався, помирять! Съ благословеніемъ прійду, скажи». Кланяются и благодарятъ.

Утромъ черная фигура блѣднаго монаха, только съ чуть-чуть румянымъ носомъ, въ клобуѣ и съ чотками въ рукахъ, уже всходила на крылечко... И какое дѣло, что Мишелю съ Борей пришлось быть свидѣтелями, какъ все тотъ же Яшка велъ совсѣмъ уже румянаго отца Викентія, какъ водятъ маленькихъ дѣтей, — подъ мышку: молодая память заерѣшила только эту близну монастыря въ дремучей рощѣ, блѣдность, чотки и клобукъ монаха; заунывный, непохожій на другой, звонъ монастырскихъ колоколовъ и вереницы черныхъ иноковъ съ ихъ глухимъ пѣніемъ подъ сводами прохладной, даже въ зной, и темной церкви, съ каменнымъ холоднымъ поломъ, до котораго касались ихъ горячія головы...

Зимою по ночамъ въ Крутиловкѣ бывало страшно: забирались въ овчарню волки; поднимался ревъ... Собаки выли и лаяли. Яшка съ храбростью почти невѣроятною бралъ ружье и отправился стрѣлять волка. Онъ грозился непременно принести его; однако же, не приносилъ.

— Убѣгъ, собачій сынъ! — говорилъ Яшка: — *постригай!* завтра не убѣжишь!

Завтра волкъ убѣгалъ тоже, предварительно задравши нѣсколько овецъ.

Волчьи глаза горѣли, какъ двѣ свѣчки, одинъ разъ въ сѣняхъ самого дома; но случилось это подъ рожденіе Бори, и по этому рѣшили, что оно даже хорошо — въ здоровью...!

Изъ Крутиловки воспоминанье переносить въ городъ, въ скучную квартиру, нанятую у какой-то глухой Кавардачки.

Здѣсь у нихъ уже учитель—добрый, бѣлый, съ голубыми воротникомъ студентъ, который учить «любить» во всѣхъ видахъ и наклоненіяхъ по-латыни. Боря далеко не такъ успѣшно любить по-латыни, какъ потомъ любилъ по-русски; лучше это дѣлаетъ Мишель.

Бѣлый студентъ задаетъ писать на тему «восходъ солнца» и «гражданское чувство», чѣмъ ставитъ въ совершенный тупикъ маленькихъ гражданъ, не видѣвшихъ отъ роду, какъ восходитъ солнце, потому что онъ же въ это время приказываетъ спать, и слышавшихъ, что есть гражданскіе чиновники, но про гражданскія чувства ничего не слышавшихъ...

Домовая хозяйка за стѣной ругается съ Тимошкою, котораго они, соскучившись учиться, то-и-дѣло посылаютъ узнавать: который часъ?

— *А имъ на що?*—кричитъ глухая Кавардачка.

— Можеть, имъ учиться будетъ!—кричитъ тоже и Тимошка.

— *Скажи, нехай учутся, поки не выучутся...*

Трепетъ отъ пустой церкви, отъ ея молитвеннаго голоса смѣненъ трепетомъ отъ залы театра, отъ спущенной и волнуемой занавѣси, отъ Гамлета, принца датскаго, въ черномъ плащѣ, съ черепомъ Іорика въ рукахъ, и отъ Офеліи, въ которую они влюбились...

Вспомнилось и приключеніе въ театрѣ. Оно казалось тогда такимъ трагическимъ.

По причинѣ тѣсноты въ ложѣ, большіе велятъ дѣтямъ перелѣзать въ сосѣднюю—пустую. Дѣти долго противятся, наконецъ, уступаютъ. Тѣмъ временемъ, на сценѣ задорный принцъ датскій реветъ благимъ матомъ. Король, толстый и съ краснымъ лицомъ, въ коронѣ, гудитъ, какъ изъ бочки: «Гнитесь вы, колѣни не преклонныя!» а самъ глазами по театру водить... И такъ какъ онъ не просто король, но еще и содержатель театра, то продолка молодежи отъ него не ускользаетъ. Покуда принцъ оралъ свое, король всталъ, вышелъ за кулисы и показываетъ на ту ложу, куда только-что успѣли перекинуться четыре непріятельскихъ ноги. Ложа очищена, и нарушители порядка со стыдомъ водворены въ своихъ владѣніяхъ. А король сдѣлалъ дѣло и опять идетъ на сцену гнуть колѣни не преклонныя.

Бѣгутъ, бѣгутъ воспоминанія,—чѣмъ ближе, тѣмъ быстрее, и мелькая точно версты по дорогѣ...

Вотъ ужъ и проводы изъ города, и слёзы, и махающіе мокрые платки... мать, ухватившаяся за плечи Бориньки и повисшая съ рыданіемъ, и плачущій оставшійся Мишель... и отошедшій назадъ полосатый плагбаумъ, и длинная дорога—въ пошевняхъ, съ попутнымъ возвращавшимся чиновникомъ изъ отпуска въ Петербургъ... пьяный ямщикъ, котораго чиновникъ бьетъ кнутомъ, поваливши посреди дороги, и привязываетъ потомъ къ облучку... ухабы и паденіе въ глубокой снѣгъ, и карабканье въ снѣгу... Москва съ церквами, галками на крышахъ и крестахъ, такая пестрая и длинная, что въ глазахъ рябитъ... Гладь и лёса подь Петербургомъ — и въ сѣдомъ туманѣ золотыя иглы крѣпости и адмиралтейства. Кислый воздухъ, навозныя улицы, визгъ саней по камнямъ, встрѣчные возки, кареты; разноцвѣтные шары въ окнахъ аптекъ... набережная, выѣски, мосты. И въѣздъ подь ворота большого дома... Лѣстница вонючая и темная... квартира, продушенная лѣстницей, чей-то портретъ со звѣздою на стѣнѣ и портретъ Тальони... И переселенье къ дядѣ Федосѣю Федосѣичу. Курьеръ на лѣстницѣ; чиновникъ на порогѣ; Степанида Львовна въ траурѣ по Никтопольонъ-Савитѣ, въ гостиной; дядя въ кабинетѣ... и робость, охватившая невольно.

— Пора, брать! давно пора!—встрѣчаетъ дядя, прикасаясь воздушнымъ троекратнымъ подѣлуемъ до его щекъ:—нагулялся ты довольно! Я ужъ, такъ и быть, тебя самъ отвезу въ корпусъ.

И отвезъ въ большомъ возкѣ, который поворачивалъ по улицамъ, по площадямъ, мимо скачущаго въ бѣломъ инеѣ Петра, мимо мелочныхъ и всякихъ лавокъ,—и покачивался на ухабахъ...

— Вотъ, прошу, примите подь свое крылышко! — вошелъ дядя къ Култышкину, который выбѣжалъ бочкомъ на лѣстницу:—мой рекрутъ заслужить...

И уѣхалъ. Култышкинъ рекрута отвелъ въ роту и велѣлъ остричь по формѣ.

Стригутъ его, одѣваютъ; уже остриженная его голова слилась съ цѣлымъ моремъ остриженныхъ головъ, и Боря пригнанъ подь ростъ мальчиговъ ему чужихъ; онъ замѣшался между смѣлыми и пристающими кадетами, которыхъ забавляетъ его южный выговоръ...

По утру разбудилъ трескучій барабанъ и крикъ дежурнаго: «вставать! вставать!» онъ же уложилъ вечеромъ, только съ измѣненіемъ: «спать! спать! спать!» И всѣ заснули по командѣ, по командѣ встали.

Но не спитъ на твердомъ тюфякѣ новичокъ подъ своимъ номеромъ. Онъ обливается горячими слезами, даже страстно проситъ смерти и раздумываетъ только: удариться ли головой объ каменную лѣстницу, или высочить на мостовую изъ окна? Впрочемъ составляетъ, между прочимъ, и планъ бѣгства... въ Америку—на кораблѣ, который стоитъ передъ корпусомъ. А самъ рыдаетъ, заглушая рыданія въ подушкѣ.

Только къ утреннему барабану онъ заснулъ крѣпко и увидѣлъ милую Крутиловку и бѣлаго студента за урокомъ, и услышалъ голосъ: «нехай учатся, поки не вывчатся!»... а вслѣдъ за нимъ: «вставать! вставать! вставать!» и барабанъ...

Въ палатахъ холодно; онъ дрогнетъ, и перепаточенный събитъ съ кислой булкою плохо подкрѣпляетъ на длинные томительные классы и «ученье» у фельдфебеля гвардейскаго полка, вмѣсто отдыха послѣ классовъ. Ротные, безъ всякой видимой причины, одергиваютъ куртку и прикрываютъ: «выше голову! голову выше!» Учителю русскаго языка отчего-то представляется, что знать имя и отчество Греча по крайней мѣрѣ такъ же обязательно, какъ и его грамматику...

— Николай Ивановичъ Гречъ, негодяй! — кричитъ онъ тонкимъ голосомъ и въ носъ.—Поди, стань въ такое положеніе, чтобы носъ твой составлялъ перпендикуляръ, опущенный къ точкѣ соединенія двухъ стѣнъ; то-есть по-просту: стань въ уголъ.—Подоплехсину, разсѣянному малому, которому Николай Ивановичъ почему-то представлялся не иначе, какъ Иваномъ Николаичемъ, приходится ежеминутно составлять перпендикуляръ. Но Газенговеръ, самый глупый въ классѣ, сочиняющій такіе же глупые стихи, стяжаетъ полныя отмѣтки, потому что не составляетъ не только въ имени и отчествѣ, но даже въ чинѣ автора грамматики. Учитель исторіи и географіи кладетъ передъ собой Байданова и съ удареніемъ вычитываетъ: «причѣ-ны паде-нѣя за-падной ри-мской им-періи...», а на вопросы отвѣчаетъ большей частью: «это, я тебѣ скажу, братецъ ты мой, покрыто мракомъ неизвѣстности». Указывая города Франціи, положить руку на карту (а рука у него больше Франціи) и говорить: «тутъ, господа, гдѣ-нибудь долженъ быть этотъ самый городъ». Онъ училъ когда-то танцамъ, но по причинѣ ревматизма въ ногахъ и многочисленной семьи, учить исторіи и географіи. Задорный нѣмецъ Карлъ Ивановичъ задаетъ для упражненія: «перезжая über die Brücke, aber замѣчая, dass die Tochter, любящая отца своего».. и горе тому, кто забудетъ, что «причастія и дѣепричастія составляютъ красоту русскаго языка!»

— Я не Карлъ Ивановичъ, я тигръ! я левъ!—освирѣпѣть нѣмецъ.

— Просто оселъ!—постарается успокоить Ломовизовъ.

— Кто сказалъ, что я оселъ?

— Всѣ! всѣ!—раздается хоръ.

Тогда онъ начинаетъ свирѣпѣть ужъ по-нѣмцки; и ужъ въ самомъ дѣлѣ не какъ Карлъ Ивановичъ, но какъ Карлъ Моръ восклицаетъ: «О, Menschen, Menschen, Krokodillen!»

«Батька» корпусный ужасный реалистъ: онъ въ толкованьи интургин спрашиваетъ: «а что-жъ ангелы-то дѣлаютъ? вашу ѣдятъ что ли?» и самъ отвѣчаетъ скороговоркой: «ангелы славословятъ Господа влирами небесными...» Бѣда, если онъ словить съ книгою: — «рѣманы читаешь? — закричитъ:—погублю! никого не побояся: ни Бога, ни государя, ни самого генерала!»

Разъ въ году ждутъ такую высокую особу, что на всемъ видимомъ пространствѣ разставлены махальные; «самъ генералъ» свидѣтельствуеть носки кадетъ и осязаетъ ихъ подметки.

— Ъдеть!!!—раздается крикъ, почти вопль! и все вытягивается. «Генералъ» выставляетъ себя на морозъ безъ шляпы и въ одномъ мундирѣ; схватываетъ шубу съ всемогущихъ плечъ и дрожить, какъ листъ,—гораздо меньше отъ мороза, чѣмъ отъ страха. Нѣсколько сотъ неподвижныхъ учениковъ превращаются въ одну сплошную стѣну новыхъ куртокъ и неужоризненно остриженныхъ головъ, передъ которою проходитъ мѣрнымъ шагомъ, съ носка, дѣйствительно высокая особа, выгнувъ грудь и обдавая съ ногъ до головы сокрушительнымъ взглядомъ, какъ кипяткомъ, ни живыхъ ни мертвыхъ мальчиговъ...

— Чего надулся? сычомъ смотришь! (вдругъ скажетъ). Полякъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше...—дребезжить окончательно передрогнувшій Култышенинъ.

— То-то-же! надѣюсь у тебя поляковъ нѣтъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше... Богъ миловалъ.

— Это хорошо! А все-жъ улыбка не мѣшается.

Удѣтъ—и начнутъ учить улыбки.... Но такъ какъ улыбка, какъ и всему, должна быть мѣра, то изобрѣтательный Култышенинъ принимаетъ мѣрою мизинецъ, полагаемый между двухъ губъ—тогда выходитъ именно та самая улыбка, которая не мѣшается...

Время бѣжить и рекрутъ успѣваетъ обдержаться, даже пріобрѣсть вниманіе и любовь. Надъ нимъ уже не насмѣхаются—

съ нимъ знакомятся старшіе классы, до которыхъ достигаютъ въ корпусномъ журналѣ, переписываемомъ и разрисовываемомъ лучшими по каллиграфіи и рисованью учениками, его стихи. Онъ увлекается и Ломовизова, который пишетъ уморительныя повѣстухи, за что окрещивается въ Гоголи; унылый Подоплекинъ за унылыя куплеты—въ Шиллеры... Литературное движеніе достигаетъ такихъ размѣровъ, что благоразумное начальство основательно кладетъ ему коонецъ, рассадивъ литературу по карцерамъ...

Изъ карцера Бориса ждетъ цѣлое торжество на самомъ «офицерскомъ отдѣленіи», куда его зоветъ на чай самъ поручикъ Нѣжнобабинъ, напечатавшій элегію въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» и вдобавокъ, вопреки недозволенію начальства, тайно помолвленнѣйшій, — значить, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необычайный. Имя Нѣжнобабина, крупно напечатанное, порождаетъ въ молодомъ умѣ мечты почти непозволительныя: «ну что, когда бы также точно было напечатано его имя?» И вотъ за чаемъ Нѣжнобабинъ вынимаетъ номеръ «Прибавленій», съ крупно напечатаннымъ *Затоновъ*, да еще Б. Затоновъ! Въ стриженныхъ вискахъ кадета застучало; буквы вытянулись, выросли почти до потолка... А если это только показалось, и ихъ совсѣмъ нѣтъ? Но Нѣжнобабинъ на лицо, и улыбается. Ну, значить, въ самомъ дѣлѣ есть! И точно есть, и очень крупныя, такія же, какими печатается *Несморгинъ*—одно изъ величайшихъ, въ его глазахъ, именъ своего времени... Онъ литераторъ,—уже не переписываемый каллиграфически кадетами,—но *печатный*, настоящій! Это его окрыляетъ до того, что онъ въ недѣлю сочиняетъ историческую драму въ стихахъ, за что и признается прямо корпуснымъ Шекспиромъ.

А вотъ и тучка на прояснившемся было небѣ отрочества. Съ обочинностями и намеками, какъ всегда, такими тонкими, что сквозъ нихъ все видно, дядя готовится къ какой-то вѣсти изъ Крутиловки.

— Ты, братъ Борисъ, ужъ не того—не ребенокъ; надо, братъ, умѣть быть мужемъ... Изъ Крутиловки есть письмо... Несчастья должны постигать человѣка... безъ несчастій не того...

— Отъ кого письмо?—съ замираніемъ спрашиваетъ Борисъ.

— Отъ Мишеля, братъ,—отъ брата твоего Мишеля... матушка ваша простудилась... Надо, Борисъ, быть мужемъ, говорю...

— Сильно простудилась? Умерла?!— дико закричалъ сирота, и окаменѣлъ.

Да, эта чудная, сильная, здоровая женщина, вынесшая на своихъ плечахъ безнадежную болѣзнь и трагическую смерть мужа, управление имѣніемъ, плутни и грубости приказчика, атамана, дворни, жиды винокура, вѣчный недостатокъ въ деньгахъ при расплатахъ за ариеметику, исторію, французскій языкъ, за городскую квартиру,—эта неуспѣшная мать, изворачивавшаяся съ крѣпостнымъ портнымъ Оедькою, выкраивать изъ неприкосновенныхъ долго, какъ святныя, старыхъ платьевъ покойнаго мужа курточки и панталонцы Мишенькѣ и Борѣ, — та, которая съ шести часовъ утра уже бывала на ногахъ, и въ двадцатиградусный морозъ сама присутствовала при «заторѣ» и выпускѣ воды—единственномъ источникѣ денегъ,—она умерла отъ какой-нибудь простуды! Наканунѣ, въ первый разъ въ жизни не встала въ 6 часовъ съ постели, а на другой день ужъ не узнала Миши и исчезла... И теперь, когда спустя такъ много лѣтъ, далекій этотъ образъ вновь предсталъ во всемъ величїи своей простоты, онъ понялъ истинное значеніе той скромной деревенской женщины, которую онъ называлъ матерью и подобной которой никогда не видѣлъ послѣ... Не любовь ея и ласки (она нѣжничала мало), — ему представились святая сила той правдивой, честной души, которую боготворили всѣ, отъ старой бабушки и вѣчно ссорившихся тетенежъ, только съ нею одною не ссорившихся, до стараго ключника Гордія, который расточалъ почти отеческое попеченіе «молодой пѣни» въ заботахъ объ амбарахъ и подвалахъ. Передъ нимъ выступилъ тотъ неурожайный годъ, когда Гордій вымелъ всѣ закрома, а люди изъ чужихъ деревень приходили и падали на дворѣ отъ голода, и мать снимала свой ломоть хлѣба съ прибора и несла... Онъ живо увидалъ передъ собою, какъ она, въ исходѣ мѣсяца, бывало повторяетъ: «что я скажу вашему французу, дѣти?» или: «какими глазами смотрѣть мнѣ на студента?» и, наконецъ, ѣдетъ, срывая сердце, къ бабушкѣ, которая и выручаетъ лабанчиками (червонцами) изъ заветнаго сундуца...

— Богъ дастъ, продашь водку, отдашь,—успокаиваетъ свою Оленьку старушка.

И лабанчики, развѣнянные на цѣлковые, идутъ на француза, на студента, на ариеметику, на все, кромѣ того, что ей самой нужно...

Не позабылъ онъ и того ужаснаго событія, когда задѣлъ на выросъ спитымъ плащикомъ и повалилъ цѣлый ворохъ сте-

коль въ лавкѣ, куда, въ сопровожденіи Оедьки, пошелъ вырывать стеклышко для рисунка, приготовленнаго къ именинамъ матери... Онъ и теперь помнитъ, какъ страдалъ, возвращаясь домой подъ конвоемъ купца; какъ тотъ потребовалъ безсовѣстную сумму въ нѣсколько цѣлковыхъ и какъ мать, истощившая увѣщанія и угрозы, бросила ему на столъ эти дорогіе цѣлковыя! И что ему было особенно больно, такъ это то, что видя его отчаяніе, она даже не побранила его...

Святая тѣнь! клоню передъ тобой колѣни,
Которыхъ не клонилъ еще ни передъ кѣмъ!

записываетъ онъ сквозь слезы умиленія въ свою записную книжку, и черезъ полчаса стихотвореніе: «Мать», готово...

Кончилъ, и ни съ того ни съ сего, ему вдругъ представляется послѣдній вечеръ на Каменномъ Острову, и Маша Зеленецкая на колѣняхъ, прижимающая къ груди обретенную имъ перчатку на терассѣ. Бѣлая ночь обливаетъ ея бѣлую лебяжью шею и до локтя обнажившіяся руки... Онъ вошелъ неслышно, поднялъ ее за руки и, положивъ себѣ на плечи эти соблазнительныя руки, смотрѣлъ долго въ каріе и грустные глаза...

— Марі, гдѣ ты? — раздался голосъ матери, и Марі, въ какомъ-то вдохновеніи разлуки, ухватила его за голову и быстро-быстро поцѣловала въ лобъ и въ губы... «Марі! гдѣ ты, Марі?» — звала мать... И они вернулись въ комнаты.

VI.

Субботы стали приходить уже скорѣе для Бориса. Когда не ждешь, все приходитъ скоро.

— Пришла почта! почта пришла! — заводилъ себя почтальонъ и подавалъ Борису два пакета. На одномъ былъ почеркъ милаго Камеева, на другомъ — надежнаго Бухтормина. Онъ принялся разомъ отыскивать въ обоихъ то, что всегда находится, когда хорошенько знаешь, чего искать.

«Я былъ вчера у нихъ (отыскалъ онъ у Камеева). Какъ тамъ стало грустно, Борисъ! будто похоронили кого-то. Оедосіи Оедосѣичъ какъ ни старался всѣми силами устранить мысль о твоёмъ отсутствіи, она такъ и тяготѣла надъ всѣми... Наконецъ, онъ увидѣлъ, что самое лучшее — самому заговорить о тебѣ. Онъ такъ жалѣетъ о твоёмъ удаленіи! (которое самъ же обработалъ!) Доброта въ этихъ людяхъ...»

— Ну, Богъ съ нею, съ добротою! А вотъ и о ней!

«Она была грустна. Глаза ея были красны. Мнѣ удалось съ нею перебросить два слова. Она сказала мнѣ: «посмотрите, какъ я кашляю! а сколько я плакала!» — Полноте, Лизавета Федосѣвна! — сказалъ я, — будьте тверды! берегите себя... авось, все измѣнится... — «Да, хорошо вамъ говорить, а каково мнѣ!» Она убѣжала, и я слышалъ, какъ она плакала. Я спросилъ еще у нея: что писать тебѣ? Она отвѣчала: «пусть онъ только помнить меня... пусть любить... я буду и тѣмъ счастлива!»

Въ припискѣ глаза натенулись на слѣдующее: «Маша Зеленецкая тебѣ кланяется. Я ее встрѣтилъ на англійской набережной. Повѣришь ли, я даже удивился, — она не скрываетъ отъ меня вашего послѣдняго прощанья... Она взяла съ меня слово, что я ей доставлю твой миниатюръ. — «Я готова буду тому броситься на шею, кто это для меня сдѣлаетъ!» Мнѣ показалось при этомъ, что голосъ ея дрожалъ. Ты лучше всѣхъ знаешь этотъ голосъ»...

— «Писать тебѣ о ней? Да о чемъ же можно еще писать мнѣ къ тебѣ, бѣдный другъ мой (начиналъ Бухторминъ)... Въ воскресенье я и Камеевъ были по обыкновенію у нихъ. Вошли въ залу: по ней какъ и прежде ходила она, но... не съ тобою! съ какою-то институтскою подругой, коренастой и приземистой, какъ битюцкая лошадь... При первомъ шагѣ въ эту такъ знакомую комнату, грустные воспоминанія зародились во мнѣ... Перекинувшись нѣсколькими словами, банальными, какъ и всѣ фразы при незнакомыхъ, мы отправились въ гостиную на поклоненіе къ Федосѣю, засѣдавшему со Степанидой Львовной, Лакомъ, вернувшимся изъ какой-то командировки со Станиславомъ съ тарелку на шеѣ, и господиномъ съ лицомъ, на которомъ все обстоитъ благополучно...

«Костюмъ Лили такъ живо возродилъ во мнѣ твои восторги: она была въ бѣломъ платьѣ и черной бархатной курточкѣ. Она такъ чудесно обрисовываетъ станъ ея: — *O'est ainsi que Boris vous aime!* — шепнулъ я ей при входѣ... Она дѣлаетъ глупости: пьетъ ложками уксусъ, въ доказательство, что ужъ нѣ для кого теперь беречься. Я сказалъ, что объ этомъ напишу тебѣ, и она дала слово больше этого не дѣлать... О, какъ любить тебя эта женщина! сколько младенческой грусти слышалось въ пеняхъ ея: «ко всѣмъ пишешь, ко мнѣ одной хоть бы слово!» Это было такъ сказано, что я не имѣлъ духу представлять ей всю безразсудность такого желанія...

«Господинъ съ благополучнымъ лицомъ оказался Дубиновичъ

—одинъ изъ жениховъ. Но, владыко мой, что это за осель! она страдаетъ, какъ только случится быть ей близко возлѣ этого чада безмолвія. Оедосѣя коробить при одномъ взглядѣ на него: «Степанида Львовна, что-жъ онъ все молчитъ?» Нѣтъ! это ужъ черзчуръ! Я вынудилъ у нея слово, что за него она не пойдетъ. Бѣдное созданье! какъ глубоко равнодушна она къ тому, за кѣмъ ей быть!.. Послѣ обѣда играли въ «secrétaire» — игра, предложенная мною не безъ намѣренія: въ ней высказалась феноменальная глупость претендента на руку нашего «дитяти»... До конца вечера этотъ дуракъ, съ своей глупо-доброю рожею, преслѣдовалъ ее буквально, какъ тѣнь. Что бы ни дѣлала, съ кѣмъ бы ни говорила бѣдняжка, голова этого шута выпросталась, какъ бы волшебствомъ, у нея за плечами. Но смѣшнѣе всего то, что во все это неотступное слѣдованіе за Лилі, онъ не сказалъ ни одного слова—говорю безъ метафоръ!»

Перевернувъ листокъ кверху ногами, Борисъ прочиталъ на самомъ краюшкѣ поля: «на дняхъ иду по Невскому и наткнулся на Милаго Степаннча, который караулилъ за угломъ какого-то *отрпано* должника. Въ доказательство вытащилъ изъ кармана свой чемоданъ съ росписками и принялся что-то показывать; но я ему посоветовалъ лучше быть «съ подѣядомъ».

На другомъ краюшкѣ: «Разноперовъ, наконецъ, вернулся и будетъ представленъ въ камеръ-юнкеры. Сила Петровичъ ему обрадовался какъ отцу родному, и такъ ужъ и живетъ у него на порогѣ».

Письма не произвели, однако, того дѣйствія, какого могли ожидать писавшіе: упоминаніе о курточкѣ все испортило. «Она такъ чудесно обрисовываетъ станъ ея!» Да, и потому-то надѣвать ее для Дубиновича какого-то непозволительно! Она не только обрисовываетъ станъ, но открываетъ грудь гораздо болѣе, чѣмъ Дубиновичу то вѣдать слѣдуетъ! Лилі больна: болѣзнь ея колнула въ сердце; но слова: «Ко всѣмъ писать, только ко мнѣ ни слова...» раздражили, — знаетъ вѣдь, что я обѣщалъ, какъ честный человѣкъ и не могу писать. *Ее* жалѣютъ, и оно естественно, — конечно, ей нехорошо! но отчего же не жалѣютъ и сю? развѣ ему хорошо? Отчего не пишутъ часто, безпрестанно — каждый день?

Бабушкинъ баловень, кумиръ влюбленныхъ дѣвушекъ и друзей требовалъ жертвоприношеній...

Онъ написалъ рѣзкіе отвѣты. Бухторминъ обидѣлся и написалъ въ свою очередь, что видно нельзя быть Затоновымъ безъ наказанно: надо непременно понести свою долю Оедосѣя... Осталь-

ние писали, что онъ перемѣнился... А на самомъ-то дѣлѣ перемѣнился не онъ—перемѣнилась обстановка. Недоставало чувства раздѣленнаго, любви во всякое время подъ рукою, какъ онъ привыкъ; и эта безплотная, неосязаемая страсть уже не утоляла, только возбуждала сердце. А оно требовало утоленія, и онъ съ горечью ощущалъ, что оно, вопреки его воли—

Вновь болить и любить...

Кого? онъ и самъ хорошенько не зналъ: собственно никого... или, пожалуй, первую женщину, которую оно встрѣтило послѣ Лили, — рыжую Авдотью Алексѣвну! И это вовсе не потому, что она рыжая, или что она Авдотья Алексѣвна: какая бы она тамъ ни была—сердце ее полюбило бы:

Оттого,

Что не любить оно не можетъ!

Уже послѣ первой странной ея выходки въ саду, ему, быть можетъ, оттого и сдѣлалась особенно чувствительна потеря Лили, что онъ увидѣлъ, какъ перестало любить легко; что онъ не будетъ повседневнымъ идоломъ женщины, что онъ, значить, пересталъ быть счастливъ! Въ первое же воскресенье (у начальника мужчины обѣдали по воскресеньямъ), когда неприступная Авдотья Алексѣвна, которая шурилась на всѣхъ и только на него глядѣла,—указала ему подлѣ себя за столомъ мѣсто хохлатого Свекловичова, уѣхавшаго въ Петербургъ—посмотрѣть новую знаменитость французскаго театра и взять дочку изъ X. института; когда возбуждающій ея контраalto звучалъ такъ близко, а масляные глаза смотрѣли такъ снисходительно,—онъ уже пришелъ домой съ частицей этой боли въ сердцѣ, не давалъ себѣ сознаться въ ней и пока еще переносилъ на далекую отсутствующую то, что ужъ навѣвала близость новой женщины... И какъ ни глупъ былъ намекъ пріемщика, онъ первый назвалъ по имени эту женщину...

Покуда грѣлъ сентябрь, и ясные, хотя студёные дни октября стояли надъ степью, а по садамъ были разостланы ковры сухихъ листьевъ и въ вослыхъ лучахъ солнца роились мошки,—словомъ, пока еще жила природа, жить было можно. Время кое-какъ отсчитывалось субботаами—отъ одной почты до другой, и отъ воскресенья у начальника до воскресенья... Ожиданіе того, какъ сядешь рядомъ съ Авдотьей Алексѣвной, которая послѣ обѣда возьметъ подъ руку и пойдетъ по саду, иногда на плотину къ пруду, — занимало еще мало мѣста въ безпредѣльной пустотѣ одиночества. Но все перемѣнилось, когда пришла осень съ грязью

до того непроходимую, что даже у пріемщика не оставалось прогулки. Хворая природа чахла и ждала покорно смерти; наконецъ, и вовсе умерла. Зима ее запеленала въ саванъ... По субботамъ ужъ и не спрашивалось о томъ, пришла ли почта? но—гдѣ завязала или утонула? гдѣ ее замело?

— *Заязла!*—отвѣчалъ, разставляя руки старикъ почтмейстеръ. Или: «втонула! нѣмѣ!»

Письма перестали радовать; да и приходили они въ родѣ горчичны послѣ обѣда—мѣсяцъ спустя. Бухторминъ читалъ между строкъ охлажденіе къ Лилі и, что было особенно досадно, великодушно прощалъ, вмѣсто того, чтобы нещадно ругать! «Она несчастна (писалъ онъ), но ты не виноватъ: любилъ, пока любилося... любишь, можетъ быть, и теперь, но ея ли любовью?»

Мишель, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, такъ и простудился; кашляетъ и хандрить... Тѣ, къ кому онъ стремился и думалъ применить, жили до того плотно сомкнутою жизнью, чувствовали, мыслили, даже говорили такимъ согласнымъ хоромъ, что попасть, какъ ему казалось, ни въ эту жизнь, ни въ этотъ хоръ ужъ не было возможности... А тутъ еще и изданная имъ книга профессора подвернулась подъ руку веселой памяти барона Брамбеуса, который въ одну изъ игривыхъ минутъ своей баронской фантазіи заставилъ автора наговорить пропасть уморительныхъ глупостей. Тому, разумѣется, никогда и во снѣ не снилось ничего подобнаго; но статья вышла смѣшная, а справляться съ книгою никому не было охоты; вмѣсто славы, уважаемое имя увѣнчалось представленіемъ о чемъ-то шутовскомъ!

Съ отчаянья Мишель ударился въ службу, какъ когда-то въ науку, и изъ чада университета рисковалъ превратиться въ чадо департамента... Деньги изъ Крутиловки не высылались, а отчетность разнообразнѣйшаго Яшки, уже приказчика, изобилула больше анекдотическою, чѣмъ цифровою стороною: то дѣвка Гапка разрѣшалась тройнями, то майоръ Будякъ,—тотъ самый, который носилъ плащаницу,—запрягалъ въ пристяжку «жидыня» (жиденка), да еще приказывалъ «завиваться»:—«а воно молодѣ, воно неопытне: завивалось-завивалось, пока не вмерло»... Или сообщалось о томъ, что горѣлки (водки) стало выкуриваться мало,—что, впрочемъ, и быть не могло иначе при жидѣ-винокурѣ, несомнѣнно участвовавшемъ въ распятіи Христа. Волки свирѣпствовали въ овчарняхъ, крысы въ амбарахъ... Словомъ, послѣ Годунова не было правителя злосчастнѣй Яшки.

«Хоть ты плута этого и находишь «мольтеровскимъ» (писалъ Мишель Борису),—въ чемъ и я согласенъ—по сходству его со

Скромность,—но вѣрять ему имѣнія дальше не хочу. Пожалуй-ста, добудь хоть Истукана—онъ гдѣ-то у тебя тамъ подъ рукою. Разумѣется, онъ долженъ забыть подсѣканье,—такъ ему и скажи, да построже!»

Про Лилі Мишель писать: «Ужъ если это не любовь, то, значитъ, я ничего въ любви не смыслю! Да только какого чорта ты изъ нея дѣлать будешь?» прибавлялъ онъ жолчно: «вѣдь ты на ней не женишься? А ей и духу перевести не дають—жениховъ чуть не за фалды тащить! правда, ни одна собака не сватается. Дубиновичу за особенную глупость отказали, а кто не плуъ и самъ не хочетъ (Лачиха-то вѣдь по всему городу ваптъ романъ развозила). Старикъ просто изъ себя выходитъ:—И чего эти канальи не сватаются?—сердится».

Хлюпоты отца о дочери не мѣшали и дядѣ помышлять о племянникѣ. Онъ написалъ Борису «родственное письмо» о томъ, какъ былъ у него Свежловитовъ; какъ онъ отъ Бориса безъ ума и какъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ имѣлъ такого зятя... А за дочерью дастъ 200 тысячъ чистоганомъ. При этомъ дядя обращалъ серьезное вниманіе племянника на косу фортуны, которая, какъ ему было хорошо извѣстно, растеть у нея спереди, —отвернется, не за что будетъ ухватить: тамъ fortuna будто бы лиса.

Это раздосадовало Бориса. Какъ, чтобъ онъ только оттого, что у кого-то тамъ 200 тысячъ и что кто-то безъ ума отъ него —женился? Еслибъ это было ужъ такъ нужно, онъ женился-бъ на Мари—та сама отъ него безъ ума... При этомъ шея, руки, обнаженные до локтя, и поцѣлуй въ губы предстали во всемъ своемъ соблазнѣ...

Незамѣтно кончилась сама собою легкая поэзія почты. Начиналась другая строгая, сосредоточенная поэзія книжныхъ полокъ, отъ которыхъ убѣжалъ Мишель. Великіе чужіе и свои волшебники въ истасканной одеждѣ старыхъ переплетовъ и растрепанныхъ обертковъ принялись волшебствовать, кто сколько могъ; обманывать подобіемъ жизни и счастья, которыхъ теперь не было... Собственное перо скрипѣло часто до утра и бѣлая бумага заплеталась короткими и длинными дорожками; но онъ пока не вводили ни въ то счастье, ни въ ту жизнь, и на другой же день рвались на мелкіе кусочки... А Степнянскъ былъ тутъ же передъ носомъ, съ своею жизнью и обѣдами по воскресеньямъ. Это тоже не было пока счастье; однако, что-то въ родѣ той свѣтшейся точки на концѣ недѣли, какую видно въ концѣ подзе-мья... Онъ по крайней мѣрѣ сидеть рядомъ съ женщиною,

не воображаемою — настоящею; складен ея платья лягутъ у его ногъ; густой звукъ ея голоса будетъ раздражать пріятно нервы... онъ почувствуетъ теплоту ея тѣла, когда возьметъ подъ руку...

Смѣшной пріемщикъ будетъ, какъ воть, поводить усами и уморительно произносить: «Малекъ-адель! Малекъ-адель!»

VII.

Если осень увела прогулки надъ прудомъ съ Авдотьею Алексѣевной, за то зима привела длинныя хожденія съ ней по загнъ и вечернія чтенія вслухъ. Начальникъ сидитъ, потягиваетъ изъ трубки и то слегка похрахтываетъ, то смѣется всѣмъ животоу. Баронъ Брамбеусъ дѣйствуетъ въ этомъ направленіи особенно успѣшно. Онъ его любимецъ. Пушкинъ и Лермонтовъ дѣйствуютъ въ направленіи обратномъ: они выгоняютъ его куда-нибудь на очередной вистъ. Тогда, какъ по волшебному свисту (не по свисту начальника однако), является необходимая Амалия Францовна и водворяется каріатидау съ вѣзаньемъ въ рукахъ.

— Вы чудо какъ читаете! — говоритъ Авдотья Алексѣевна: — положительно я вами завладѣю для русской литературы...

Чтецъ воодушевляется и въ самомъ дѣлѣ читаетъ хорошо. Иногда, при новой строкѣ, онъ поднимаетъ глаза отъ книги и встрѣчаетъ устремленные на него глаза слушательницы. Какъ знатокъ, онъ ловитъ въ нихъ не одно вниманье къ чтенію; пробуетъ останавливаться дольше, нежели новая строка того требуетъ; но вразумительное «что вы на меня такъ смотрите? читайте!» возвращаетъ его къ книгѣ. Одинъ разъ монологъ изъ писемъ Онѣгина:

Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томится жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови!
Желать обнять у васъ колѣни... и т. д.,

произнесенный навзрусть, прямо въ глаза, заставилъ ее даже потупиться и покраснѣть.

— Вы очень хорошо изображаете влюбленного, — оправдась она.

— Отчегожъ вы думаете, что я только изображаю?

— Да оттого, что я не знала васъ влюбленнымъ... Амалия Францовна, велите давать чай!

Каріатида снимается съ мѣста и исчезаетъ, а хозяйка подаетъ руку — и идетъ въ столовую.

Одинъ разъ читали при полковникѣ начало только-что напечатаннаго романа «Кто виновать». За окнами визжала метель. Вниманіе все безъ остатка было поглощено незнакомою еще сіюю сарказма и почти дерзостью идей новаго произведенія. Вдругъ звякнуло стекло, и камень, пролетѣвши надъ головою Бориса, упалъ передъ начальникомъ, который сидѣлъ противъ окна. Ворвались серебряныя снѣжинки и закружились въ комнатѣ... Всѣ вздрогнули, кромѣ того, кому предназначался камень; онъ только крикнулъ и свиснулъ деньщика, чтобы послать за полицейскимъ урядникомъ.

— А здѣсь дуетъ, перейдемте въ гостиную, — сказалъ онъ. Но Авдотья Алексѣевна больше читать не хотѣла.

— Походите лучше по залѣ, — предложила она; взяла подъ руку Бориса и шепнула: «я испугалась, чтобъ не задрѣло васъ».

Борисъ прижался къ ея локтю плотнѣе обыкновеннаго — она не отстраняетъ. Въ залѣ почти темно: Амалия Францовна не успѣла распорядиться свѣчами. Полковникъ отдаетъ покойнымъ голосомъ приказанія въ прихожей.

— Такая жизнь ужасна! — заговорила дрогнувшимъ, какъ струна, голосомъ Авдотья Алексѣевна: — каждый день можетъ что-нибудь случиться... Вы не знаете, — говорятъ, на дняхъ назвали кого-то?..

— Я вѣдь ничего не знаю, что здѣсь происходитъ... я здѣсь чужой... и ничто меня не занимаетъ...

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь... Pardon!

Она потянула локоть; но онъ придержалъ и взялъ ее за кисть руки.

— Пойдите! я не договорилъ: ничто — кромѣ... вы знаете кою?

— Ничего я не знаю — пустите!

И она пошла торопить свѣчи.

— Вы не удивитесь, если не застанете вашего деньщика сегодня! Я, знаете, ихъ всѣхъ велѣлъ забрать въ полицію и пересѣчь, — обратился къ Борису вернувшійся изъ прихожей начальникъ, съ добродушіемъ, которое странно ладилось съ такимъ распоряженіемъ: — всѣхъ безъ исключенія, и моего тоже, чтобъ ему не было обидно. Передъ розгами всѣ должны быть равны — знаете, какъ въ конституціи передъ закономъ...

Отъ этого добродушія Борису сдѣлалось холодно.

— Развѣ это они сдѣлали? — спросилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ! Только такъ какъ это сдѣлано у нихъ передъ носомъ, такъ чтобъ памятно было. Виноватаго-то мнѣ изъ-подъ земли вырывать! (это ужъ онъ произнесъ такъ, что все согласовалось, и кривнуль, какъ еще не крививалъ).

Хозяйка вернулась съ пузырькомъ и прищуренными глазами.

Борису пришлось сдѣлать надъ собой усиліе на другой день, при встрѣчѣ съ хозяиномъ.

А тотъ еще, какъ нарочно, привѣтствовалъ его у входа своимъ смѣющимся животомъ, по поводу того, что стоявшій тутъ же глухой полиціймейстеръ «разодошлилъ», какъ онъ выразился: представьте, не только всѣхъ рабочихъ перепорогъ—тѣхъ такъ и слѣдовало, виноватый-то ужъ тамъ!.. но еще изъ мѣщанъ штукъ десять прихватилъ; и что всего забавнѣе (хотѣлъ начальникъ)—изъ тѣхъ, которые были въ городѣ на базарѣ, и только на другой день вернулись. Поусердствовалъ, братъ глухарь! довольно, можешь и во-свосяси!

Польщенный шутками начальства, глухарь съ низкими поклонами вышелъ.

— Просто хотъ для Брамбеуса! — продолжалъ веселиться полковникъ:—ну, а теперь, пожалуй, и за Искандера принять можно.

Начальница и Борисъ посмотрѣли другъ на друга, и имъ сдѣлалось ясно, что они оба здѣсь чужіе. Это ихъ вдругъ сблизило, и она во весь вечеръ первый разъ держала себя съ нимъ совершенно непринужденно; но съ мужемъ не сказала ни слова и смотрѣла грустно.

Съ этихъ поръ они стали встрѣчаться чаще: были допущены исключенія даже для очередныхъ вечеровъ, которые обогатились цѣлою парюю въ кадрилихъ, а штатъ ассистентовъ — цѣлымъ «Малекаделемъ», къ злобной радости пріемщика.

— Бѣлуга-то наша! принцесса Бѣлугина!!—волновался онъ и, по обыкновенію, играя съ начальникомъ за болвана, ризился глупѣе обыкновеннаго.

Барыни, бывшія всѣ мѣстныя Донны-Анны, тоже металась—внутренно, а внаружу выпускали только радость при видѣ дорогой гостьи. И въ самомъ дѣлѣ было чему радоваться: предкушалось большое развлеченіе, а принявъ во вниманіе крутой нравъ начальника, можетъ быть, и трагическое потрясеніе.

Но высокопарныя ожиданія развѣшались самымъ мѣщанскимъ образомъ: начальница сама отрекомендовала Бориса своимъ ассистентомъ и будущимъ сыномъ, потому что онъ, разумеется, не откажетъ пригласить ее въ посаженные матери, когда

женится на Милѣ Свекловитовой. Намѣренія старика были ей давно извѣстны. Начальникъ то-и-дѣло вызывалъ Бориса на остроты и разные милыя выходки,—какъ бы выставляя съ прилежательной стороны своего нареченнаго соперника, и искренно веселилъ свой животъ. Всѣ увидѣли, что на трагедію расчеты плохи, и повѣсили носы.

Но одинокій молодой человѣкъ сталъ менѣе одинокъ. Выходивъ нѣсколько часовъ въ сѣдлыхъ отъ инея, занесенныхъ выше заборовъ садахъ, не встрѣтивъ другого слѣда, кромѣ путанныхъ заячьихъ слѣдовъ на звѣдавшемся на солнцѣ снѣгѣ, онъ отправлялся вечеромъ къ начальницѣ, и читалъ, читалъ до упаду, пока Амалія Францовна не вызывала къ чаю; или старался разгадать загадочную Авдотью Алексѣевну, ходя съ нею цѣлые часы по залѣ... А что въ ней была загадка, онъ не сомнѣвался, и это сообщало разговорамъ особенную прелесть: что-то подозрѣвается, недосказывается, заставляетъ желать узнать... Нѣтъ хуже разговора, за которымъ ничего не остается, книги, дальше конца которой ничего не требуется,—говорять, даже обѣда, послѣ котораго ѣсть больше не хочется...

Правда, Истуканъ, вызванный править Крутиловкою, какъ нѣкогда варяги Русью, привезъ со своего перепутья, куда новости и слухи приходили со всѣхъ сторонъ на почтовыхъ, что-то въ родѣ разгадки, которую и передалъ оглушительнымъ шопотомъ, хотя покрывавшій его храпъ деньщика изъ прихожей, вмѣстѣ съ трелью тимоеевыхъ ножей на кухнѣ, достаточно свидѣтельствовали о полной безопасности отъ постороннихъ ушей.

Авдотья Алексѣевна была, по его словамъ, дочь «важнѣйшаго лица—на цѣлыхъ три губерніи».

— Генераль-губернатора?—подсказалъ Борисъ.

— Во-во-во!—обрадовался старикъ:—его самого...

И затѣмъ сообщилъ, какъ не только-что полковники, даже генералы ее сватали. Сваталъ и нынѣшній мужъ, тогда еще капитанъ. А она—всѣмъ отказъ,—покуда не влюбилась въ пріѣзжаго «ремонтѣра», какъ онъ называлъ ремонтѣра.

— У ремонтѣра развѣ есть Богъ? Посватался и кольцомъ обмѣнялся. Ну, а какъ подъ вѣнецъ идти—неблагороднымъ образомъ и скрылся! Сказываютъ, женатый былъ! Вѣдь ремонтѣры безъ Бога дѣйствуютъ. Было-ль промежъ нихъ что, нѣтъ-ли, только отъ Авдотьи Алексѣевны всѣ отступились. Теперешній вашъ начальникъ одинъ не отступился: «прежнее, говорить, желаніе сохраняю». А она: «не пойду, говорить, ни за кого! Но ужъ смели, говорить, пойду—то, уважаячи ваше благородство, за

васъ однихъ, говорить. Однако, подождите!» И какъ вы полагаете? вѣдь ждалъ! ни много, ни мало, десять годовъ выждалъ! Въ чинѣ полковника ужъ дождался!

Послѣ этого Борисъ сталъ уважать скрытность начальницы. Но, какъ это часто случается, въ пылу разговора о прочитанномъ, какъ-то разъ забылся и вдругъ сказалъ:—да вѣдь вы любили-же?

— Затѣмъ вамъ это?—встрепенулась она:—развѣ съ васъ мало? Или ужъ и вамъ наговорили?

Потомъ остановилась противъ зеркала, въ которое видно было всякаго, прежде, чѣмъ онъ войдетъ въ залу, взяла въ обѣ руки его руку и крѣпко пожала.

— Дадимте слово: не говорить никогда объ этомъ...

Онъ поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ въ первый разъ эти красивыя руки. Она ничего,—въ другой, въ третій разъ—не отнимается... Наконецъ засмѣялась и вырвала.

— Да будетъ же вамъ! Амалія Францовна идетъ. Чай готовъ.

Въ зеркалѣ дѣйствительно отразилась знакомая каріатида нѣмки.

VIII.

Былъ канунъ новаго года, который Борисъ встрѣчалъ одиноко и грустно, зная, что онъ не принесетъ ничего изъ того, что унесъ старый. Онъ и забылъ бы, пожалуй, что происходитъ какая-то встрѣча, если бы такая неправдоподобность, какъ рѣзкій выстрѣлъ ночью въ Степнянскѣ, не заставилъ его вздрогнуть. Оказалось, что неправдоподобность выдумалъ пріемщикъ, поминавшій ружьемъ петербургскую пушку. Было-ль ему еще что поминать при этомъ, неизвѣстно, только нашъ герой помянулъ далеко не ее одну. Прежде всего ему представились стѣнные часы бабушки съ гириями, въ узкомъ деревянномъ футлярѣ, въ которомъ бывало что-то непременно хрустнетъ передъ тѣмъ, какъ бить полуночи: это переломится годъ... Потомъ живо вспомнилась послѣдняя встрѣча новаго года у Ѳеодосія Ѳеодосійча. Онъ шелъ изъ театра съ Бухторминымъ. Ночь стояла морозная. На душѣ было хорошо. Вдругъ онъ видитъ: сидитъ на снѣгу мужичокъ въ лаптахъ и жуегъ черную корку хлѣба. Ему стало жалко, что есть человѣкъ, которому не такъ хорошо, какъ ему.. Онъ вернулся, досталъ изъ кошелька единственный серебряный

рубль, долженствовавший пойти завтра извозчику за визиты. Мужичокъ снялъ шапку, размахисто перекрестился и объяснилъ, что онъ «не тутошній», но къ празднику въ деревню не пошелъ, потому что не на что было, а теперь поидеть. На душѣ стало еще лучше. На воску и оловѣ выходили удивительно хорошія вещи, а вдобавокъ обо всемъ узнала Лили и поцѣловала его удивительно нѣжно.

— Что-то мнѣ выйдетъ теперь?—подумалъ онъ, и открылъ томъ Шекспира. Къ такому способу разрѣшенія вопросовъ онъ часто прибѣгалъ въ Степнянскѣ, и изреченія великаго писателя, при особенной охотѣ подгонять ихъ къ тому, чего хочется, иногда престранно совпадали съ тѣмъ, чего хотѣлось. Теперь предстояло изречь: долго ли ему здѣсь оставаться? Но оракулъ на этотъ разъ, должно быть, не разслушалъ и отвѣчалъ околесную:

Что-жъ Римъ за дрянъ, за плеваха, когда
Подтопкой служишь онъ, чтобъ освѣщать
Такую тварь ничтожную, какъ Цезарь?

Это ужъ, очевидно, не шло къ дѣлу. Попробовалъ Пушкина: тотъ отдѣлывается «Сказкою о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ» —еще хуже!

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снаряжился...

Ну, какъ водится! Однако дальше лучше:

Девять мѣсяцевъ проходить,
Съ поля глазъ она не сводить...
Рано утромъ гость желанный
Идалеча наконецъ
Воротился...

— Отлично! это отвѣтъ! Девять мѣсяцевъ!—Теперь прошло шесть... неужто въ самомъ дѣлѣ черезъ три? Да, и передъ отъѣдомъ изъ Петербурга ему сказала извѣстная Александра Филипповна тоже! Странно! разумѣется, вадоръ... а все же странно! У Александры Филипповны кадеты всегда справлялись: какой вопросъ придется на экзаменѣ? Онъ объ этомъ не справлялся, но о томъ, когда вернется въ Петербургъ—справлялся, и узналъ, что вернется къ веснѣ... и хотя старуха была похожа на индѣйскаго нѣгуса—съ висюльбой на носу и отвислою сморщенной кожей на шеѣ, какъ у него, но показалась ему очень милою старухой. Стриженная чухонка на Козьемъ болотѣ, которой Говенгозенъ прямо считалъ себя обязаннымъ эполетами, обоглась менѣе любовно: угостила табаконъ изъ круглой таба-

верки и наговоривши пропасть совершенно непонятнаго чухонскаго вздора, вытолкала въ шею. Гозенговенъ находилъ, что это превосходно и что не всякому выпадала на долю такая честь. Отъ другого отвернется и кукишъ покажетъ: вотъ ужъ это скверно—значить, не сбудется!

Бухторминъ ворчалъ: «въ Бога не вѣришь, а молиться ходишь какимъ-то чудотворнымъ чухонкамъ на Козье болото!»

Уснувъ Борисъ только по утру и увидѣвъ во снѣ матъ: это всегда случалось передъ чѣмъ-нибудь хорошимъ.

Собственно новый годъ начался для него черезъ мѣсяцъ. Короткая зима собралась и ушла такъ же внезапно, какъ и пришла. Въ февралѣ уже звенѣли ручьи; прудъ отражалъ опущенныя вербы, а черныя проталинны дымились на солнцѣ и синѣи *пролисками* (подснѣжниками). Кусты стояли багровые. Почки налились и готовились брызнуть лоснающею листвою. Отъ вербъ разносился бѣлый пухъ по воздуху. Неприглядная глушь похорошѣла, какъ женщина послѣ болѣзни.

Онъ обходилъ сады и степь, проваливаясь въ рыхломъ снѣгу, который голубыми языками, то тамъ, то здѣсь, еще пестрилъ землю; впиваясь въ яркую, близко надвинутую весеннюю даль, и уже безъ чувства боли—съ тихимъ замираніемъ сердца, переносилъ такую жизнь. Жить изо дня въ день, ничего не ждать и довольствоваться книгой или перомъ, да нѣсколькими часами съ единственною какою была женщиною,—сдѣлалось привычкою. Жизнь какъ-будто пошла независимо отъ того, была ли она и около, или только въ немъ одномъ?

Глушью складывался человѣкъ.

Стихи уже не походили на прежніе, мысли—на юношескія; обороты, выраженія крѣпли въ работѣ одинъ-на-одинъ съ собою: глушью складывался писатель. Ужъ онъ забылъ и Александру Филиповну, и мертвую царевну, когда возвращающійся почтальонъ принесъ письмо изъ Петербурга, которое наговорило вещей еще болѣе удивительныхъ, чѣмъ онѣ.

«Сообщаю тебѣ неожиданную для тебя, чудесную новость (писалъ Мишель): ты посылаешься за-границу, во Францію, Бельгію, Германію и Англію, для изученія тамъ твоего дѣла и отягчаешься совѣмъ въ военное вѣдомство, съ перемѣной мундира (Боже мой! вѣдь я Александра Филиповна говорила о перемѣнѣ мундира! А это-то ужъ казалось совершеннѣйшею чепухою). Князь Чернухинъ не захотѣлъ имѣть прикомандированнаго, а своего собственнаго инженера. Это сдѣлалось въ одинъ день. Я узналъ, что Федосѣя Федосѣича спрашиваютъ

живеть ли онъ этого; но такъ какъ онъ хотѣлъ еще спрашивать тебя, то я взялъ на свою отвѣтственность сказать, что ты-то желаешь несомѣнно. Вслѣдъ за этимъ ты получишь и предписание. Мнѣ все кажется—это сонъ!»

Конечъ письма показался-бъ очень мрачнымъ, еслибы сіяющее начало не залило его своимъ свѣтомъ.

«Больше не въ состояніи писать, — оканчивалъ Мишель:— Мое здоровье хуже: пароксизмы лихорадки каждый день, кашель большой и я слабъ до нелзя...»

Однако же Борисъ, подъ дѣйствіемъ изумленія, не ощутилъ ни той горести, какую должны были вызвать эти строки, ни даже такой радости, которой стоило письмо: послѣднюю, какъ ушибъ, онъ почувствовалъ уже позже... Сразу у него даже сталося сердце: и такъ, всего этого скоро не будетъ—ни степи, ни садовъ, ни тихаго одиночества, въ которому онъ привязался какъ къ другу... ни наконецъ этой загадочной женщины, которой онъ затруднялся передать вѣсть о близкомъ отъѣздѣ. Можетъ быть, ей покажется, что онъ ужъ очень радъ; а это непріятно оскорбляло уваженіе къ тому хорошему чувству, какое къ ближнему. Однакожъ сказать все-таки ей первой, и какъ разъ такъ радостно, какъ не хотѣлъ. Пока онъ собирался, ушибъ далъ себя почувствовать вполнѣ, и радость вышла изъ береговъ—затопила всѣ остальные чувства.

— Опять одна!—произнесла Авдотья Алексѣевна почти про себя, но ему въ этихъ словахъ послышался укоръ: радъ-моль, что вырвался; до меня какое дѣло! Однако сейчасъ же овладѣла собой и прибавила: «я за васъ рада! уѣзжайте съ Богомъ! будьте счастливы! спасибо вамъ за все...»

Онъ крѣпко пожалъ ея руки и поцѣловалъ. Она отвѣтила какимъ-то признательнымъ пожатіемъ и жгучимъ поцѣлуемъ прямо въ щеку. Борисъ въ первый разъ испыталъ, что поцѣлуи могутъ быть въ самомъ дѣлѣ жгучіе—его такъ и обожгло.

Начальникъ усиленно врякнулъ при вѣсти объ отъѣздѣ своего подчиненнаго, и заплаканные жиромъ глаза его выразили что-то въ родѣ удовольствія, при встрѣчѣ прищуренныхъ глазъ жены.

На другой день изъ дверей Подтычинской станціи выѣзжалъ, вмѣсто Истукана, жидъ въ ерможѣ и гнусащимъ голосомъ приказывалъ *Миципору: закласть пану парущику коній...* А черезъ дѣй недели забрызганный грязью мальпость, трубя, подкатилъ къ воротамъ петербургскаго почтамта, и пріѣзжіе расправляли озабоченные члены въ ожиданіи чемодановъ. Не ожидалъ только

поручикъ; онъ оставилъ Тимофея, а самъ весело вскочилъ на первого ночного извозчика...

Бурое утро давило городъ непрогляднымъ, продымленнымъ туманомъ. Въ улицахъ, похожихъ на навозное поле, было трудно и дышать и ѣхать. Все свидѣтельствоvalo о приходѣ помальныхъ болѣзней и весны. Дома въ сырыхъ пятнахъ темнѣли угрюмо, а запертыя окна магазиновъ казались закрытыми глазами этого соннаго города. Приѣзжій осматривался кругомъ, какъ бы повѣряя: все-ли находить, что девять мѣсяцевъ назадъ оставилъ? И невольно повторялъ изъ письма брата: «миѣ жжется,—это сонъ!»

— Да, девять мѣсяцевъ! «Рано утромъ гость желанный...» Даже и рано утромъ! Удивительно! А вотъ и портной Роев-блатъ. То-то удивится, что надо мѣнять кантивъ на мундиръ!

Сѣдокъ говорилъ вслухъ, такъ что мужичокъ-кучеръ придерживалъ даже косматую лошадепку и спросилъ: «да ты жж, что-ль, баринъ?»

А вотъ и знакомый домъ, и такое знакомое крайнее окошко: это комната Лили. Глаза поднались къ нему и смущенно опустились—точно чего-то было стыдно; а сердце защемило, какъ незажившее мѣсто. Вотъ и лѣстница, и дверь, когда-то его, а теперь Мишеля, и крутиловскій заспанный Серѣга, кинувшійся къ ручкѣ съ такою стремительностью, что ей никакого не было спасенія отъ поцѣлуя, и удушливый глухой стонъ, выходящій изъ комнаты.

— Что это?—спрашиваетъ пораженный Борисъ.

— Братецъ кашлять изволятъ,—отвѣчаетъ Серѣга, тоже пораженный, что можетъ еще быть человѣкъ, который не прислушался къ этому неугомонному кашлю.

Всю веселость какъ рукой сняло.

— Кто-о-о тамъ?—протянулъ немощный голосъ.

Борисъ кинулся на цыпочкахъ въ комнату, гдѣ его обдало воздухомъ испарины, лекарствъ и укуса—этимъ спеціальнымъ воздухомъ тяжело-больного,—и, вмѣсто радостныхъ привѣтствій, облилъ слезами исхудалое, горѣвшее сухимъ жаромъ лицо брата.

IX.

Послушать только при любой встрѣчѣ, какъ человѣкъ пере-мѣнился, такъ выйдетъ, что отъ него ничего не осталось. Борись, напримѣръ, до того возмужалъ, сдѣлался такой степенный, что его просто узнать нельзя было.

— Остепенился! — острить Ломовизовъ: — недаромъ въ степи побывать!

— Даже какъ-будто выше сталъ!

— Выросъ въ нашихъ глазахъ! — подбавляетъ онъ же.

— А глаза какъ будто стали меньше!

— Ротъ совсѣмъ другой!.. или это, можетъ быть, усы?

— Перебѣнили прическу!

— Зато какъ идетъ бѣлый султанъ на каскѣ къ его волосамъ!

— Совсѣмъ не идетъ! султанъ-то именно и не идетъ! — вмешивается дядя: — да и носить его ты едвали въ правѣ? Бѣлые султаны только у адъютантовъ...

Но вѣчныя его сомнѣнія на этотъ разъ разсѣиваются такимъ обстоятельнымъ исчисленіемъ вѣдомствъ, освѣщенныхъ бѣлыми султанами, какое способенъ былъ представить одинъ случившійся тутъ Милый Степанычъ.

— Ну, ужъ если ты говоришь, — покоряется Ѳеодосій Ѳеодосійчъ, и успокоивается. — А все-жъ, по моему къ Борису не идетъ...

— Душенька Лизочка! ты какъ думаешь? — обращается къ экспертизѣ Лили Милый Степанычъ. — Тебѣ лучше знать...

Блѣдная до тѣхъ поръ дѣвушка покрывается багровыми пятнами и перервавшимся голосомъ отвѣчаетъ, что она не знаетъ, но что, вѣроятно, идетъ.

— Степанида Львовна! — скажите ему, пусть молчитъ... чѣмъ глупости говорить, — разстраивается Ѳеодосій Ѳеодосійчъ. И новыя сомнѣнія, которыхъ не разогнать нивому, омрачаютъ его душу: Борисъ за-границей не будетъ заниматься предметомъ, а въ «Journal des Débats» объ этомъ напечатаютъ, — такъ-таки прямо и скажутъ: поручикъ Затоновъ предметомъ не занимается! Карьера испорчена, да и родъ опозоренъ!

Встрѣча двоюродныхъ была безупречна и холодна, какъ законъ: пожатіе руки и только.

Какъ-будто не прошло недѣли,
Какъ-будто бы вчера вдвоемъ
И мочи нѣтъ другъ другу надобли...

Она взглянула на него уже послѣ, когда онъ отошелъ: съ усамъ, и не тотъ... и мундиръ не тотъ, — можетъ быть, и лучше, да не тотъ! Онъ еще при входѣ напелъ, что она не та. Дѣтскость его «дитяти» прошла вмѣстѣ съ чувствомъ имъ вызваннымъ. Прическа модная, и стало быть глупая, не могла срав-

ниться съ наивноcтью прежнихъ кудрей... Что было, стерлось и снаружи... Потомъ они заговорили, но при всѣхъ, и тоже не то:—говорили, чтобъ только говорить, а не то, чего не говорить значило когда-то не жить. Борисъ не могъ не замѣтить, что приближеніе его къ Лили было въ глазахъ родителей огнемъ, подносимымъ къ пороховому складу, и сторонился. Слова брата: «вѣдь ты на ней не женишься»—постоянно отзывались въ его совѣсти...

Бухторминъ съ Камеевымъ нѣжно цѣловали и разсматривали своего друга. Первый даже подводилъ ближе къ свѣту, чтобъ лучше рассмотреть, и съ навертывающимися слезами умиленія каялся въ томъ, за что обвинялъ прежде...

— Ты сердился на насъ, Борисъ, что мы писали рѣдко, и былъ совершенно правъ! Натуры, какъ наши, не умѣютъ себя принудить ни къ чему... У нихъ не хватаетъ силы и на то, чтобъ одолѣть гадкую лѣнь, написать письмо къ далекому другу... А тотъ его ждетъ—да и какъ ждетъ! Пишутъ, когда пишется, а чаще, когда досада на все, и главное на самихъ себя, пересилить эту лѣнь, и надо высказаться...

Мишель, который и прежде не переваривалъ изысканныхъ фразъ, а теперь кривился и отъ самыхъ обыденныхъ, оцѣтничалъ...

— Да ну его къ чорту—то все!—мы опять вмѣстѣ—и хорошо! Пусть намъ Борисъ лучше расскажетъ что-нибудь...

— Про пріемщика!—заморгалъ Бухторминъ, что всегда было примѣтой совершенно готоваго смѣха.

— И про начальницу! про начальницу!—подхватили прочіе.

— Чисто гофмановскій, этотъ пріемщикъ! А начальница—ничего...—увертывался Борисъ. Вы мнѣ лучше, господа, скажите: что Зеленецкая?

— Ну, эта ужъ чисто гоголевская Солоха!—заговорили всѣ.
—Послѣ тебя у десятаго виситъ на шеѣ.

— Теперь у кого-же?—смѣялся притворно Борисъ, хоть въ самомъ это вызывало и брезгливость, и обиду.

— Теперь у князя Принишнаго. Матушка оцѣпила самое мѣсто его жительства: наняла дачу рядомъ съ его великозвѣной дачей,—ты знаешь, на островахъ,—да такую, чтобъ онъ, куда ни повернется, видѣлъ Машу, и во всѣхъ видахъ: одѣтую, раздѣтую, и когда голову чесать, и когда умывается, и спать ложится, и встаетъ... словомъ, всегда и вездѣ. Поѣдешь, самъ увидишь...

— Увидишь принишнаго князя,—прибавлялъ Домовиковъ:—до сихъ поръ ты видѣлъ только приничныхъ коньковъ.

— Я едва ли поѣду.

— Ой, поѣдешь! похорошѣла вѣдь еще, злодѣйка! — вздыхалъ Бухторминъ.

— Ужъ я право не знаю, чѣмъ она лучше нашей Крутиловской Гапки? — ворчалъ Мишель. — Бухторминъ, чего добраго, восторгался бъ и ею...

Борисъ смѣялся, а самъ представлялъ себѣ эту еще похорошѣвшую злодѣйку совсѣмъ не Гапкой.

Видя, что разговора о Лилии избѣгаютъ, точно какой-то опасности, онъ считалъ за лучшее самъ пойти ей на-встрѣчу.

— Ну, а Лилия... подурнѣла, — прованесъ онъ съ усиленіемъ и покраснѣлъ, какъ будто онъ былъ виноватъ въ этомъ.

— Подурнѣла, и очень! — отрѣзалъ Бухторминъ рѣшительнѣе, чѣмъ сдѣлалъ бы это при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, и покраснѣлъ до лба влѣчательно.

Предметъ неистощимыхъ разговоровъ когда-то, связавшій ихъ неразрывной дружбой, сдѣлался камнемъ претѣновенія, который лучше было обходить. Они такъ и сдѣлали, и заговорили о Парижѣ. Бухторминъ зналъ его по книгамъ отлично и путешествовалъ по немъ своего друга, обаяывая напередъ восторгами къ тому, чѣмъ давно самъ восторгался...

Больной съ пріѣзда брата началъ оживать. Хандра уступала задумчивымъ бесѣдамъ и чтеніямъ, которыя увелъ было недугъ. Опершись на руку Бориса, онъ прохаживался по комнатамъ; охотно окружалъ постель смѣхомъ и спорами его друзей, иногда примѣшивая собственный потухшій голосъ и нетвердый смѣхъ къ ихъ здоровому хору, и только изрѣдка вскидываясь на своего университетскаго товарища... (Никто такъ не бываетъ виноватъ передъ больными, какъ близкіе имъ люди).

— Ну можно ли такъ смѣяться? — жалобно протягивалъ онъ: — и какъ, право, у тебя силъ на это стаить?

Или: «Господи! да чѣмъ тутъ восторгаться? Ну, можно ли всю жизнь восторгаться?» И удручающій кашель разомъ тушилъ веселость. Крѣпкая молодость покорялась власти недуга, но значенія его не понимала: цѣлые дни свѣтлаго расположенія духа Мишеля сбивали съ толку. Онъ просто мнителенъ; онъ шпихондрилъ, въ отца; капризничаетъ, а близкіе отдувайся! Борисъ не долженъ торчать при немъ неотлучно: онъ изъ одного расположенія попалъ въ другое, и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжіи только и видѣли пока въ Петербургѣ, что свое новое начальство: разрисованнаго самими яркими красками внязя, въ корсетѣ и парикѣ такого устройства,

что въ него уходили всѣ морщины съ семидесятилѣтняго лица Чернухина, да директора его канцеляріи—французившаго молодого генераль-адъютанта, который, какъ гласила молва, обязанъ былъ карьерою тому обстоятельству, что попался на глаза князю именно въ такую минуту, когда угрожала гибель всякому, кто попадался: старикъ не былъ ни выглаженъ, ни раскрашенъ. Ловкій подчиненный, однако, нашелся: не узналъ начальника.

— Невѣдомо вамъ, всталъ его сіятельство?—обратился онъ къ нему, какъ къ совершенно незнакомому человѣку.

— Онъ еще въ постелѣ,—отвѣчалъ тотъ.

И карьера директора была сдѣлана.

Къ Борису генераль-адъютантъ обращался не иначе, какъ «мой любезнѣйшій поручикъ!» и простеръ до такого преувеличенія важность его побѣдки за-границу, что сказалъ даже, будто на него смотреть Россія. Этого ужъ никакъ ожидать несли было! Маша Зеленецкая точно смотрѣла, когда любезнѣйшій поручикъ, проѣхавъ мимо, но чтобъ Россія?.. просто невѣроятно!

Откуда-жъ, однако, забрела въ эти военные головы мысль о значеніи чисто-технической командировки? Князь Чернухинъ, на млечныхъ путяхъ своей приемной залы, при раскрытыхъ ртахъ цѣлаго сонма людей въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, удостоенныхъ одного безмолвнаго помазанія головою,—обратилъ къ темной точкѣ инженернаго оберъ-офицера цѣлый монологъ о величіи Россіи и собственнаго вѣдоства, а также государя императора, изъ чего вытекало, что для вѣдшаго увеличенія всего этого, оберъ-офицеръ долженствовалъ ѣхать... И опять: «на васъ смотреть Россія!»

— Касторъ Васильичъ, впрочемъ, вамъ объяснить подробно,—закончилъ министръ.

Дѣйствительно, объясненіе было въ Касторѣ Васильичѣ (безъ фамиліи).

Что же такое былъ Касторъ Васильичъ, и почему всякій обязанъ былъ знать, что такое Касторъ Васильевичъ и не было надобности называть его по фамиліи?

А потому, что не выходило афиши, объявленія о журналѣ, альманахѣ, чтеніи,—гдѣ бы не провозглашалось участіе «нашего маститаго поэта и драматурга Кастора Васильевича Несторкина». Безъ Кастора Васильевича фамилія Несторкина никогда не показывалась; при немъ она дѣлалась лишнею: есть ужъ такіе счастливыя имена. А показываться, надо ему отдать справедливость, Несторкинъ не заставлялъ себя просить. Ни одна исторія,

и одинъ вѣкъ и никакая страна не избѣжали его рукъ: Соренто и олонепецкая губернія, Версаль и Царевкокинскъ—

Ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отзывался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта...

И если ему не была «звѣздная книга ясна, и съ нимъ не говорила морская волна», такъ единственно потому, что этого не требовалъ книгопродавецъ Ольхинъ, скакавшій всю жизнь министерскимъ курьеромъ и доскакавшійся до насадителя отечественной литературы. Языкомъ Несторкина говорили признанные великіе поэты, художники Италіи и непризнанные нѣмцы; его рукою всевышній и русскіе актеры, тряся кулаками, отечество спасали, Петръ Великій ворочалъ дубинкою неповоротливыхъ бояръ, а дворъ Людовика XIV или Екатерины, въ шелкахъ и кружевѣ, совершалъ свои шалости, похожія на славныя дѣла, и дѣла, похожія на шалости... Композитору писались, между двухъ становъ, на музыку романсовъ и арій, стихи, которые онъ самъ прозвалъ «аглицкими», то-есть фабричными. Въ Касторѣ Васильчѣ издатель, редакторъ и актеръ видѣли каменную гору, на которую во всякое время могли положиться: къ бенефису ли, къ книжкѣ, или къ подпискѣ на журналъ—всегда выручить. Нуженъ черезъ недѣлю романъ—напишете! къ вечеру рассказъ—расскажете! хорошо бы патріотическую пьесу черезъ двадцать четыре часа по полученіи реляціи—разгорится патріотическимъ жаромъ, какъ разъ на пять дѣйствій; элегію бы, покуда трубку выкуришь—будетъ и элегія! Правда, все это будетъ «аглицкое», но будетъ въ срокъ, а въ томъ только и штука! Баронъ Брамбеусъ поднесъ Несторкину титулъ «русскаго Шиллера», а русскіе читатели—имя «Кастора Васильича».

Въ настоящее время Несторкинъ отзывался на штатный кладъ князя Чернухина, который, по какому-то недоразумѣнію, покровительствовалъ отечественной литературѣ. Въ его канцеляріи молодые писатели состояли помощниками столоначальниковъ, а старыя—въ четвертомъ классѣ. Литература имѣла, благодаря этому, какъ бы свой ночлежный пріютъ.

Борисъ засталъ его превосходительство дома, за письменнымъ столомъ, въ халатѣ и ермолеѣ. Громоздкое туловище и текшее лицо русскаго Шиллера совершенно расходилось съ юртретомъ, писаннымъ когда-то знаменитымъ художникомъ—то собутыльникомъ и другомъ. Въмѣсто пѣвца Торквато сидѣлъ

чиновникъ военнаго министерства и говорилъ о командировкѣ; но, надо ему отдать справедливость, говорилъ съ ясностью, поразившею Бориса. Только теперь понялъ онъ ея цѣль и значеніе. Она входила тоже въ число созданій неисчерпаемой фантазіи Несторкина, хоть онъ и призналъ нужнымъ воздать кесарево кесареви и похвалить князя гораздо болѣе, чѣмъ нужно... На столѣ лежали исписанные монологами листы бумаги. Значить, четвертый классъ не уговорилъ пятиактныхъ трагедій... Тутъ же валялись корректурные оттиски недавно затѣяннаго иллюстрированнаго журнала, который состоялъ большею частью изъ приношеній. Федоръ Сорневъ и Камеевъ уже принесли (Потылица бѣгалъ, высунувши языкъ, по всѣмъ знакомымъ); Борису еще предстояло принести. Хозяинъ показавъ и похваливъ рисунки, тоже принесенные... Потомъ пречелъ, хохоча всѣмъ туловищемъ, свою грызню съ Ѳаддеемъ Булгариннымъ, который на то время былъ непремѣнною литературною собакою, издающеюся на всякую кость, не ему брошенную, и донощикомъ на издателей: на Несторкина онъ донесъ, что тотъ не говѣетъ и въ посту ѣстъ скоромное... Несторкинъ напоминалъ ему картинку, приложенную къ какому-то разсказу Булгарина, гдѣ великодушный авторъ даетъ извозчику синенькую, и спрашивалъ: не ошибка ли это? ужъ не вы ли молъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, ее берете у извозчика?

Борисъ старался тоже смѣяться, но ему было такъ гадко, что Несторкинъ это замѣтилъ.

— Тина жизни отъ васъ далече! — сказалъ онъ съ грустью: — и благодареніе Всевышнему! Она на днѣ житейскаго моря — вы плаваете пока на поверхности! Погрузитесь на дно... у-у, какъ тяжело!

— А кстати, — оправился онъ, — мнѣ Потылица сказывалъ, вы еще въ корпусѣ писать начали. Доброе дѣло! Почему бы не печатать? Мой журналецъ — арена для молодыхъ талантовъ. Милости просимъ!

Затѣмъ онъ произнесъ какое-то незнакомое Борису четверостишіе Державина, старческій портретъ котораго въ колпакѣ, висѣлъ надъ диваномъ. Къ старику (онъ такъ его называлъ) Касторъ Васильичъ обращался съ набожнымъ благоговѣніемъ, къ Пушкину снисходилъ, Гоголя не одобрялъ, а Бѣлинскаго «разносилъ на мелкіе клочки» въ своемъ журнальцѣ: «отзывъ о критикѣ вашей (писалъ онъ), какъ о концепціи самой бizarрой и дементивной, долженъ быть изолированъ и плизированъ въ трансцендентальномъ пунктѣ журнала». Такую пародію на пріемъ

лучшаго человека своего времени онъ находилъ восхитительною и читать съ особеннымъ наслажденіемъ. Борисъ невольно повторялъ въ умѣ: «пускай тебя бранить и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ!» Приглашенный приходитъ по вечерамъ, — потому что днемъ хозяинъ «мозгъ мозолить и только вечеромъ отдыхаетъ въ кругу друзей и домочадцевъ», — онъ вышелъ съ разрозненными мыслями. Первый разъ въ жизни видѣлъ онъ такъ близко знаменитаго писателя, прикасался къ его знаменитости. Многое ему казалось неяснымъ, почти все не такимъ, какъ онъ представлялъ себѣ... Онъ рѣшился попробовать все это привести въ порядокъ, уложить и проверить, для чего, не откладывая долго, и забрался на другой день, въ седьмомъ часу вечера къ Несторкину. Касторъ Васильичъ только-что поднялся отъ послѣбѣденнаго сна. Мальчикъ Сашка натягивалъ на него сапоги и пресерььзно произносилъ: «прилетѣли мухи!» а баринъ, кривля и отдуваясь, подхватывалъ: «мухи!» Слѣдовало еще стихъ Сашки, и еще подхватыванье барина: «вострухи!»

— А! Прощу пожаловать! — привѣтствовалъ онъ. — Ну, Сашенька, такъ какъ же дальше-то?

И Сашенька невозмутимо продолжалъ о мухахъ.

Хозяинъ разсмѣялся. Смѣхъ у него былъ какой-то жалобный: глаза слезили, а губы складывались воронкой, какъ у дѣтей, когда они плачутъ.

— Васъ это удивляетъ? Это нашъ *ordre du jour*! Какъ только я проснулся: «Сашенька! Державина — шутивые!» И Сашенька обязанъ начать! «Квасу!» и Сашенька несетъ.

Дѣйствительно, Сашенька принесъ квасъ, который Касторъ Васильичъ выпилъ, въ перемежку съ какими-то еще стихами... чуть ли не Княжнина.

У Бориса въ рукахъ онъ замѣтилъ рукопись; потянулся къ ней, присѣдая по-женски; взялъ и прижалъ къ сердцу, съ прибауткою: «откровенно и партикулярно!»

Это были слова, выдуманныя имъ для языка петровскаго времени.

Вслѣдствіи, Борису, за его приношеніе, выпала честь уподобиться американскому писателю Уашигтону Ирвингу, котораго, кромѣ Несторкина, мало кто и зналъ, причемъ данъ томишь этого юмориста (во французскомъ переводѣ), вмѣстѣ съ благимъ совѣтомъ — позабыть совершенно, что на свѣтѣ есть неблагопристойный Гоголь, къ имени котораго Касторъ Васильичъ постоянно прибавлялъ — Яновскій.

Скоро гость успѣлъ убѣдиться, что вообще много было та-

кого, чего, кромѣ его хозяина, мало кто знаетъ. Любопытныя характеристики, историческія и современныя; мысли по живописи, ваянію (онъ былъ другъ и собутыльникъ знаменитыхъ художниковъ), по музыкѣ (величайшій русскій композиторъ былъ для него просто «Мишенька»); анекдоты, опредѣленія и изреченія, своеобразныя, часто мѣткія, лились потокомъ съ толстыхъ губъ этого заспаннаго человѣка, и не прошло часу, какъ передъ очарованнымъ мечтателемъ уже сидѣлъ не чиновникъ военнаго министерства, но почти идолъ его юныхъ лѣтъ, которымъ «ничто не оставлено подъ солнцемъ живымъ безъ отвѣта».

— Боже! еслибъ онъ писалъ, какъ говоритъ!—такая онъ. Одно его обезкураживало: Несторкинъ признавалъ превосходство музыки надъ поэзіей. Этого онъ никакъ допустить не могъ. Тотъ всталъ, раскрылъ фортепьяно и воочию показалъ это превосходство. «Не о томъ скорблю, подруженьки, я горюю не о томъ»,—заигралъ онъ пѣсню дочери, у которой враги убили отца, и когда кончилъ и увидѣлъ понурившихся друзей и домашнихъ, обратился къ гостю: «теперь нуте-жо, произнесите, Борисъ Павловичъ, стихи! попробуйте—уничтожьте это впечатлѣніе!»

Борисъ согласился уступить первенство музыкѣ для выраженія грусти...

— Позвольте! а неужто ли не грусти?

И большіе пальцы Несторкина, съ увлекательною силой прогремѣли мстительные аккорды Нормы: «in mio mal' alfin tu sei!»—Кончивши, онъ даже развеселился.

— Я вамъ вотъ-что расскажу по этому случаю: сыгралъ я одинъ разъ эту самую штуку знакомому архіерею: «что, сирашиваю, хорошо, преосвященнѣйшій владыко?»—«Лучше и въ книгахъ святыхъ отецъ не написано!» говоритъ; заворотилъ рукавъ и даже клавиши благословилъ.

На плаксивый смѣхъ его отозвались присутствующіе: домашцы—жена, Августина Карловна, или «Гуголка»—«вѣтъ съ Выборгъ», какъ себя величаютъ выборгскія чухонки,—бѣлая отъ пудры и бѣлокурая отъ Выборга, да неунынно хлопотавшая у самовара и гремѣвшая ключами, когда ихъ не искала (а она ихъ искала поминутно), бабушка, которую хозяинъ звалъ «емигельскою Марею, или бабушкою безъ ключей»; затѣмъ друзья—зрѣлый не по чину штабсъ-капитанъ, въ памятникъ Загонову померанцевомъ воротникѣ, состоявшій членомъ эротической коммисіи по учрежденіямъ Софьи Ѳеодоровны, и прозванный по этому «султаномъ», да совсѣмъ черный, точно изъ желѣза вы-

юванный, казакъ. Намоволенный мозгъ Кастора Васильича кинулся, прямо отъ Глинки и Беллини, въ объятія этихъ людей... Раскрыли ломберный столъ и разобрали карты. Борисъ остался сиротою... Но сиротство его еще усугубилось шутками «султана» и тяжелыми, какъ молоть, выходами казака, произведеннаго въ «атаманы». Атаманъ не понималъ рѣшительно ничего, и въ него надо было вбивать каждое понятіе, какъ сваю. Хозяинъ вбивалъ съ особеннымъ вкусомъ: — «я лк блю первобытныхъ людей», говорилъ онъ. Гугочка визжала, охала и приговаривала: «ахъ фу! какой смичиной!», призывая на помощь «Кастѳрхена» всякій разъ, когда не въ мѣру русская соль присутствующихъ становилась не подъ силу ея филологіи. *Кастѳрхенъ* благодушно разъяснялъ, и маленькіе глазки его слезили отъ смѣха. Борису сдѣлалось за него совѣстно. Онъ взялъ каску. Хозяинъ его проводилъ въ прихожую.

— Глухие люди въ обиходѣ нужны, — оправдывался онъ: — голова только съ ними вполне отдыхаетъ. Вѣрите мнѣ, глупость — одинъ изъ полезныхъ реагентовъ въ жизни...

Х.

Заточенію Бориса наступалъ конецъ. Откуда-то попали въ Петербургъ такіе дни въ апрѣлѣ, что Готтеваръ позволилъ Мишелю «поѣзжать катантъ», а тамъ готовиться и «нахъ Кримъ ѣхать — винакратъ кушайтъ». Ѣздить за-границу тогда позволялось только умирать, да и то за поручительствомъ въ исправной смерти цѣлаго физиката и съ уплатой за это невообразимой денежной пени въ паспортномъ столѣ.

Сила Петровичъ уже оболачивалъ по всѣмъ направленіямъ кулакомъ поддержанный покойный тарантасъ — «самый настоящій сибирскій, — ужъ и такой-то тарантасъ, что просто коляски не требовалось — какъ есть настоящій сибирякъ!»

— Да точно ли покоенъ? — сомнѣвался больной.

— Ужъ и такой-то покойный — просто покой одинъ! какъ есть люлька, а не тарантасъ. Качаетъ, просто ну качаетъ, да и конецъ! Взялъ я эдакимъ манеромъ въ середку-то всталъ, да какъ подскокну, — даже продавецъ спужался, — а онъ ничего — только почалъ качать... Качаетъ, Михайло Павловичъ, шибко качаетъ, толико валко — просто страсть! одно слово — сибирякъ!

Въ окно заглянуло солнце и въ душу надежда. Поля, лѣса, Крутиловка и «зеленѣющая влага вокругъ утесовъ Аю-Дага»,

здоровье и возвращеніе въ Петербургъ, куда съ другой стороны подѣдетъ Борисъ, и жизнь вдвоемъ... даже мельчайшія заботы: гдѣ станеть кровать, куда передвинуть письменный столъ, — все это толпилось свѣтлыми снами въ умѣ вынадравливающаго.

Въ день покупки тарантаса ему было особенно хорошо.

— Знаешь, Борисъ! покуда *Journal des Débats* за тобою не смотреть (шутяль онъ), развлекись, ступай въ театр! завтра расскажешь. А то мы одичали совсѣмъ...

Совершенно покойный за брата, вышелъ Борисъ вечеромъ изъ дому. Посѣщеніе партера, въ первый разъ по возобновленіи, напомнило ему живо первое посѣщеніе: въ одной изъ ложъ красовалась и подсолнечникомъ поворачивалась за нимъ, точь-въ-точь какъ тогда, русая головка въ самомъ дѣлѣ еще похорошѣвшей Маши Зеленецкой; точь-въ-точь какъ тогда, на проходѣ стоялъ заставою Шмульканъ, оглашая вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ залу.

— Далекій другъ! — закричалъ онъ и разверзъ объятія; потомъ запѣлъ изъ Пуританъ: «*vieni, vieni fra queste braccia!*» Когда-жъ Борисъ проговорился, куда онъ ѣдетъ и кто его новый начальникъ, то полились такія рѣки тайнъ Чернухина, его еорсета, красокъ лица и прочаго; выступило на общее позорище столько бывшихъ и настоящихъ друзей Шмулькана, а будущихъ Бориса — въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, что бѣдный молодой человекъ радъ былъ съвозъ землю провалиться... Мимоходомъ онъ былъ отрекомендованъ тутъ же кому-то совершенно незнакомому, — и, повидимому, не знающему самому Шмулькану, — какъ изобрѣтатель своего предмета. Затѣмъ дана была такая куча порученій, завѣщено столько поклоновъ первымъ знаменитостямъ вѣка — и всѣмъ съ уменьшительными именами, — Францискъ Листу, Ефимъ Россини и т. д., — что еслибъ изобрѣтатель предмета рѣшился исполнить ихъ хотя десятую долю, то привелъ бы въ отчаяніе не одинъ *Journal des Débats*.

— Обо всемъ этомъ ты будешь писать, а я буду печатать. Умнымъ людямъ, *mon cher*, довольно открыть ротъ, чтобы дураки учились.

— Да о чемъ же мы будемъ ротъ-то открывать?

— О томъ, что мы умны, мой другъ!

— Это въ родѣ того, какъ въ Степнянскѣ одинъ стоитъ и смотритъ на пустую улицу. — Ты на что смотришь-то? — спрашиваютъ его. — А такъ, говорить, на воздухъ смотрю...

— Ну вотъ видишь ли, какъ ты уменъ! *Je te dis que nous*

avons trop d'esprit pour notre siècle, — кричалъ Шмультанъ. Намъ дѣвать некуда!.. пусть дураки берутъ!..

И пришелъ въ такой восторгъ, что кинулся тискать въ объятіяхъ какого-то подвернушагося подъ руку старичка, который только охалъ. Когда старичку удалось вырваться, онъ занялся осмотромъ ложъ.

— Bravo! Мама Зеленецкая нынче праники кушаетъ! Посмотри: князекъ-то Пранишный подносить ей себя какъ на тарелочкѣ — грызите-моль, барышня, на здоровье! Questo fa bene! Essen sie Kohl, leben sie wohl!

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за ея прелестной шейки зачернѣли завитые усики и заболтался аксельбантъ, мигомъ повернувъ подсолнечникъ въ свою сторону.

И при всемъ томъ не войти въ ложу было невозможно: онъ уже и такъ проѣхалъ мимо оконъ и на просьбенно прижатыхъ въ груди руки Маши только приложился къ каскѣ. Князь былъ отомщенъ достаточно. Теперь онъ войдетъ холодно и прилично... А у самого въ груди такъ и бьется...

Всѣ были «въ восторгѣ его видѣть» и въ отчаяніи, что видятъ: матушка — потому что на пути князя не должно было попадаться ни одной песчинки; Мама потому, что при всѣхъ видитъ се beau et cher Boris! Князь, потому что эта ненужная песчинка, — un petit officier du génie... И притомъ какое-то глупое стѣсненіе. Онъ поскорѣ вышелъ. Мама еще скорѣ встала и углубилась въ ложу.

— Это вамъ не грѣшно? или вы все забыли? — шепнула она, загоняя въ уголъ Бориса.

— Я-то ничего не забылъ—вы забыли!

Она съ досадою наступила ему на кончикъ носка.

— Не смѣйте! Вы знаете, что не правда! То я *должна* дѣлать: маманъ требуетъ... А васъ... а тебя я люблю, ты это знаешь...

— Мари, on vous salue! ты ничего не видишь! Du nouveau! (ворчала мать). И что ты забила! Богъ знаетъ куда! Viens ici!

Мари повиновалась, но, отпуская Бориса, такъ больно пожала ему руку, что весь вечеръ прошелъ въ ощущеніи этой цѣлебной боли...

Дѣла все спало сномъ, который въ первый разъ еще не возмущалъ кашель. Мишель не звалъ Сереги съ той самой минуты, какъ тотъ унесъ вечеромъ самоваръ... Чуть не полуденное уже солнце разбудило этотъ міръ отдохавшаго наконецъ уголка...

— Не просыпался?—спрашиваетъ Борисъ.

— Почиваютъ,—отвѣчалъ Серега.

— Это кризисъ! онъ встанетъ совсѣмъ здоровый...

Однако прошло еще полчаса — не встаетъ... Хотя бы позвалъ! Даже хотя бы кашлянулъ: было бы все-таки не такъ почему-то страшно! Борисъ осторожно открылъ дверь и тихонько позвалъ: не отвѣчаетъ. Вошелъ на цыпочкахъ, заглянулъ через спинку кровати и остолбенѣлъ: передъ нимъ лежалъ не братъ, но страшная его тѣнь! Простертый навзничъ, онъ вперилъ неподвижно открытые, какіе-то стеклянные, не свои глаза въ стѣну; голова, какъ свинцовая, углубилась въ подушку и изъ груди выходитъ чуть слышное хрипѣніе...

— Братъ! Мишель!!—закричалъ дикимъ голосомъ Борисъ:—братъ! тебѣ дурно? братъ!! очнись!.. Боже! онъ въ обморокъ! Серега! Братъ!!

Но крикъ этотъ не вызвалъ ни малѣйшаго движенія; глаза не шевельнулись. Только хрипѣніе умялось...

Ничего не понимая, не зная, что дѣлаетъ и что надо дѣлать, Борисъ расталкивалъ неподвижное тѣло и звалъ брата громче и громче. Его необходимо было разбудить, вырвать изъ рукъ той роковой силы, которая цѣпила. Серега смотрѣлъ съ недоумѣніемъ.

— Къ доктору! скорѣй за докторомъ! — кричалъ Борисъ, и опрометью бѣжалъ съ лѣстницы. Серега уже на дворѣ подаль ему шинель и каску.

— Доктора, Борисъ Павловичъ, не надо бы... — говорилъ онъ нерѣшительно. Но тотъ не слушалъ.

Какъ водится, доктора не оказалось дома. Борисъ погналъ извозчика въ корпусъ: тамъ непремѣнно былъ дежурный въ лазаретѣ. Но на пути перехватилъ Серега съ извѣстіемъ, что братецъ скончался.

Не видѣвши ни разу смерти, Борисъ считалъ все-таки невѣроятнымъ, чтобы это была смерть, чтобы она могла придти въ то время, когда жизнь начала вступать въ свои права, и въ одну ночь выгнать ее изъ тѣла! чтобы не было ни борьбы, ни сопротивленія!.. Нѣтъ, этого быть не могло! Это летаргія, обморокъ, но не смерть!

Онъ посадилъ на дрожки Серегу и ѣхалъ не сознавая, куда его везутъ. Слезы какого-то бессмысленнаго сожалѣнія, а о чемъ же?—о томъ, что не нашелъ доктора, который навѣрное спасъ бы еще брата, сыпались дождемъ на его шинель и застилали свѣтъ и движеніе города... Онъ не слышалъ грохота

ѣды, не видѣлъ сидѣвшаго рядомъ Сереги; онъ видѣлъ только страшно устремленный въ стѣну стеклянный взоръ, да слышалъ хрипѣніе, которое вдругъ превратилось, когда онъ закричалъ... Неужто жъ онъ убилъ брата? Можетъ быть, тотъ не умеръ бы, еслибы онъ не закричалъ! Бѣдный, бѣдный Мишель! зачѣмъ онъ сюда прѣѣзжалъ? чѣмъ заплатили ему за милый ему университетъ, который онъ промѣнялъ на Петербургъ? хотѣли его сдѣлать звеномъ? Вотъ и сдѣлали — звеномъ въ ряду могилъ Смоленскаго кладбища!..

Къ дрожкамъ привязалась какая-то собаченка, прыгала, забѣгала то справа, то слѣва и рѣзкимъ лаемъ, какъ молоткомъ, ударила по нервамъ... Дорогѣ, казалось, конца не будетъ... Насилу-то завидѣли домъ. На ходу еще Борисъ соскочилъ съ подножки; въ нѣсколько приѣмовъ одолѣлъ лѣстницу и вбѣжалъ къ брату. Тотъ лежалъ такой же точно и такъ же точно, какъ онъ его оставилъ. Только голова еще глубже погрузилась въ подушку. Онъ упалъ передъ нимъ на колѣни и губы его встрѣтили холодное, какъ мраморъ, лицо покойника...

Тѣмъ временемъ собрались Степанида Львовна съ Лилі и Милымъ Степанычемъ. Первая осталась недовольна, что глазъ Мишелю не закрыли и не завѣсили зеркала: когда покойникъ глядитъ и его видно въ зеркалѣ — онъ высматриваетъ другого покойника въ домѣ... А тутъ еще у Ѳедосѣя Ѳедосѣича безсонница съ тѣхъ поръ, какъ онъ ждалъ звѣзды въ праздникъ и не получилъ; да онъ и ушибся, потому что на ночь ему велѣли пить шампанское и ходить босикомъ по комнатамъ, для возбужденія сна. Онъ выпилъ и пошелъ; но босой поскользнулся на паркетѣ и упалъ. Его и задержалъ-то теперь лечившій по такой опасной методѣ старый пріятель, извѣстный нѣкогда докторъ, свободный мыслитель и даже самую малость декабристъ, а въ настоящее время одному Милому Степанычу извѣстный тайный совѣтникъ. Борисъ винулся за нимъ. Этотъ необыкновенный человекъ лучше другихъ могъ рѣшить: въ самомъ-ли дѣлѣ его братъ умеръ? А вдругъ онъ скажетъ: летаргическій сонъ! Вѣдь мало-ли примѣровъ?

На лѣстницѣ онъ столкнулся съ дядей и тайнымъ совѣтникомъ. Оба, степенно бесѣдуя, ставили медленно ногу за ногой на ступени.

Борису показалось невозможнымъ дожидаться, покуда они поднимутся. Онъ подхватилъ декабриста подъ руку и почти понесъ наверхъ. Но тотъ отбился брезгливо:

— Ахъ, прошу васъ, не беспокойте меня! Я вѣдь ужъ и такъ иду...

— Умоляю васъ! каждая минута дорога! скорѣе! пожалуйста скорѣе!!

— Да чтожъ, значитъ, все еще не совсѣмъ умеръ?—проткнулъ тотъ въ носъ и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ на такую неисправность умирающаго.

— Я увѣренъ, что онъ не умеръ!

— Ну, а не умеръ, тѣмъ лучше! Подождеть... Фу, да какъ же высоко!

И остановился.

Борисъ сталъ его подсаживать сзади.

— Прошу васъ, молодой человѣкъ, оставьте меня! я и самъ войду...

Наконецъ добрался до первой комнаты и сѣлъ.

— Фу-фу-фу-фу!! а гдѣ же покойникъ-то? Еще не тутъ?

— Представьте, ваше превосходительство,—почелъ долгомъ Милый Степанычъ занять важнаго посѣтителя:—вчера былъ совсѣмъ здоровъ, въ Крымъ собирался...

— Хорошая смерть! могу только вамъ пожелать такой же...

Онъ всталъ, заглянулъ черезъ спинку кровати, тронулъ лобъ кончиками пальцевъ и воротился.

— Вы можете успокоиться, вашъ братъ умеръ! совсѣмъ какъ слѣдуетъ... Фу-у!!

И усѣлся покойно въ кресло.

Рыданія Бориса заставили его скривиться.

— Ой-ой-ой! Чтожъ это еще? Ой, какъ это непріятно! Человѣкъ умеръ! чего жъ тутъ плакать? — это такъ обыкновенно. Или онъ остался совсѣмъ одинъ?

— Совсѣмъ одинъ!!—отчаянно откликнулся оставшійся.

— Нѣтъ, не одинъ!—раздался голосъ Лилі, которая до тѣхъ поръ сидѣла неподвижно. Она бросилась къ Борису и, обнявъ шею обѣими руками, нагнула голову къ себѣ на грудь и нѣжно поцѣловала.

Никто не рѣшился остановить ее ни словомъ, ни движеніемъ: всѣ будто покорялись силѣ такого чувства, признали его право въ эту минуту.

Первый заговорилъ тайный совѣтникъ.

— Ну, мы и прежде тутъ были не нужны, а теперь ужъ и вовсе лишніе,—прогнулъ онъ и вышелъ.

Федосѣй Федосѣичъ, признавая такое заключеніе правильнымъ, вышелъ тоже.

— Добрая сестрица Лизочка, ей-Богу!—умилялся провожав-
шій ихъ до двери Милый Степанычъ.

— Уже и черезъ-чуръ даже добрая!—разсмѣялся свободный
мыслитель, и спустился съ лѣстницы въ такомъ пріятномъ рас-
положеніи духа, какъ будто по крайней мѣрѣ человѣка спасъ
отъ смерти.

XI.

Разноперовъ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Онъ не
улыбался, но задумывался. Нужны были чрезвычайныя обстоя-
тельства, чтобы мелкій шагъ Александра Александровича превра-
тить въ большой, а улыбку—въ задумчивость. Обстоятельства на
этотъ разъ точно были не изъ обыкновенныхъ. Въ результатѣ
двухлѣтней командировки, предположенной для встряски, а осу-
ществленной повальнымъ кормленіемъ батюшекъ обѣдами—«отъ
финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды»—оказалась
только окончательная встряска его кредита денежнаго и начи-
нающагося — служебнаго. Старая графиня была недовольна: «le
jeune homme n'était pas à la hauteur de sa vocation!» А тутъ
еще не въ мѣру внимательный штабъ-офицеръ въ мундирѣ не-
беснаго цѣбѣ замѣтилъ, да и начальству поспѣшилъ дать замѣ-
тить, что, съ разрѣшенія командированнаго чиновника, гдѣ-то
былъ взятъ изъ церкви образъ на домъ нѣкоторой губернской
Розы Бонѣрь, для копіи... Пришелъ купецъ пригласить свѣчку
святителю, святителя не нашелъ—и соблазнился. За нимъ со-
блазнилась графиня; чиновника, стоявшаго не на высотѣ при-
званія, приняла съ высоты величія, — и вотъ камеръ-юнкерское
шитье, уже пестрѣвшее передъ носомъ, разлетѣлось мечтою, а
Сила Петровичъ утѣлся дѣйствительностью на самомъ носу.

Федоръ Сорневъ, отъ котораго истинная причина невзгодъ
была скрыта, видѣлъ тутъ оди́нъ свойственный всякому начальству
несправедливости и, нюхая табакъ, утѣшалъ, какъ могъ, своего
любезнаго хозяина.

— Я знавалъ такихъ: ничего не было, да еще вдобавокъ
была жена; а у васъ нѣту—значитъ, цѣлымъ несчастьемъ меньше!
Одного моего сослуживца такъ жена даже отъ службы отста-
вила! Можете себѣ представить? Поссорились: «вотъ я-жъ тебѣ
покажу! (расходялась бабища) отъ службы отрѣшу!» Пошла и
нажаловалась начальству—ни мало ни много, въ воровствѣ обви-
чила... А онъ если и укралъ, такъ развѣ грошъ, потому что

съ голоду потомъ умирали... За то себя показала—отрѣшила!.. А васъ такъ даже начальство не отрѣшаетъ... Тряхните только воображеніемъ, милѣйшій Александръ Александровичъ, и все явится. При воображеніи можно чудеса продѣлывать. Вы вонъ, шутя, батюшекъ выдумали. А что если не удались они — такъ не клиномъ же на полахъ земля-то сошлась! Удадутся, напримѣръ, военныя поселенія. Тамъ, можете себѣ представить, какъ встряхнуть-то можно! И цѣлаго землетрясенія мало! Я зналъ ротмистра, напримѣръ, который поселенцами поле пахалъ. И вѣдь очень набожный ротмистръ былъ: «обо всемъ, бывало, говорить, допускаю — о балытѣ? изволь! о желудочной, о мадерѣ? прекрасно! и о начальствѣ терплю; о Богѣ — ни полслова!» А мужиковъ въ соху запрыгаетъ!.. Или вотъ тоже въ институтахъ благородныхъ дѣвицъ — хорошій столъ ввести, или благочестіе, что-ли, — право недурно! Дурно одно — жениться!

Разноперовъ все ходитъ большими шагами, но слова пріятеля наводятъ его на мысли, какъ разъ противоположныя: закинутый когда-то якорь въ приходѣ пресвятыя Троицы является теперь именно якоремъ спасенія.

— Гм... имѣніе въ черноземной полосѣ, — заманчиво звучатъ ему слова Настась-Настасьяча... — А Надежду Ивановну переселить можно. Бухторминъ этимъ займется... Гм... старухѣ я скажу все... то-есть все, что долженъ... А долги я могъ надѣлать для успѣха командировки... Это несомнѣнно! Она это пойметъ — сердцемъ женщины и матери, наконецъ христіанки... Да, я долги надѣлалъ съ благою цѣлью — это положительно! И она ихъ уплатитъ. Иначе нельзя. Потомъ я только немножко съѣзжу въ Варшаву... гм... (въ Варшавѣ онъ взялся кого-то развести съ кѣмъ-то, хоть ему рѣшительно никакого не было дѣла до тѣхъ, за чье дѣло онъ брался). Гм... съѣзжу, а тамъ и женюсь...

Но принявъ такое рѣшеніе, онъ попытался тутъ же отъ него отдѣлаться.

— Военныя поселенія... Гм... Ѳеодоръ Семенычъ говоритъ про военныя поселенія. Да, и это тоже мысль! Вводить благочестіе въ военныхъ поселеніяхъ... дѣйствовать на умы кротостію.. Ихъ въ плугъ запрыгаютъ — нужно утѣшеніе... утѣшеніе вѣри... Да, это точно мысль! Ну и прогоны, гм... подземныя... Тутъ въ Чернухина надо повліять... черезъ Несторкина. Ему Ѳеодоръ Семенычъ скажетъ... Князь литераторовъ любить... Жаль однако, что я не литераторъ... Впрочемъ, ему можно сказать, что я гм... что я буду литераторомъ. Я возьму Кувалдова — учить же онъ купца стихи писать... Непремѣнно возьму. Только съѣзжу,

разведу, и возьму... Институты благородныхъ дѣвицъ, конечно, можно развивать, напимѣръ, музыкой... И это мысль! Устроить концерты... Зеленецкая, Клеопатра Лажъ придутъ на помощь...

Онъ ласково посмотрѣлъ на Сорнева и поблагодарилъ за добрые совѣты.

— Я вижу, что вы меня истинно любите. Я поступлю, какъ вы говорите. Военныя поселенія точно всего лучше... и институты... Можно дѣйствовать посредствомъ музыки. Я даже, понимаете, много думалъ о томъ: не попробовать ли дѣйствовать на народъ музыкой? Вы понимаете, для смягченія нравовъ. Вообще въ этомъ смыслъ... вы меня вѣдь, конечно, понимаете, хорошо бы что-нибудь сдѣлать. Не знаю только, чѣмъ вѣрнѣе достигнуть цѣли: музыкой или поэзіей? или, можетъ быть, религіей? Вы какъ думаете, голубчикъ?

— Я думаю, что ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ.

— А чѣмъ же, вы думаете? чѣмъ?

— Хлѣбомъ, мыломъ и водою. Человѣкъ голоденъ и немощъ, а вы ему хотите въ уши бречать или стихи тараторить, или тамъ шестивиннижемъ кормить. Баснями и соловья-то не кормятъ, а мужика и подавно!

— Гм... такъ вы полагаете—хлѣбомъ? Это дѣйствительно свѣтлая мысль! Позаймствоваться въ провіантскихъ магазинахъ...

— Гнилымъ-то?—вставилъ Сорневъ.

— Чернухинъ велитъ отпустить не гнилого, мой дорогой Федоръ Семенычъ. Онъ литераторовъ любить—черезъ васъ, понимаете... Ну, а потомъ восполнить подряднымъ способомъ...

— Еще лучше!—бормоталъ Сорневъ, потягивая носомъ изъ табакерки и улыбаясь изъ-подъ своихъ нависшихъ усовъ.

О якорѣ въ приходѣ святыхъ Троицы было благоразумно умолчано. Но въ первое же воскресенье, у вѣстнаго цѣлованія уже происходило привѣтствованіе степенной матушкой съ покраснѣвшею до ушей дочкой и получалось приглашеніе—безъ церемоній закусить.

Уже и соборный батюшка и святоши, закусивъ безъ церемоніи, а старшій Еремей Ѳомичъ и съ непокидавшимъ его во всѣхъ случаяхъ жизни «вдовольствіемъ», разошлись, и Александръ Александровичъ остался одинъ. Но одинъ онъ наполнилъ собою весь день; а такъ какъ день у благочестивыхъ людей особенно точно обозначается «обѣдомъ, ужиномъ и чаемъ», то и пообедалъ, и чаю напился, и поужиналъ. При этомъ обѣдъ ему доставилъ возможность очаровать, чай—усугубить очарованіе, а

ужинъ—довершить и закружить. Все въ гостѣ было признано очаровательнымъ. Въ кормленіи батюшекъ обѣдами усмотрѣны были Дарьей Романовною явные признаки истиннаго сына церкви. Эпизодъ съ образомъ, впрочемъ, не получилъ гласности, какъ сомнительный: придавалъ или не придавалъ онъ новый блескъ его сыновнимъ подвигамъ? онъ не брался рѣшить, и подвигъ пребылъ тайной.

На прощанье добрая женщина до того растрогалась, что послѣ цѣлованья ея ручки гостемъ, прямо сказала ему, что видѣть въ немъ родного и просить быть съ нею, какъ съ родною, во всякое время откровеннымъ. Молодой человѣкъ имѣлъ похвальную привычку барышень—оставлять для *постъ-скрипума* то, для чего собственно написано письмо: уже уходя, онъ приступилъ къ изложенію того, зачѣмъ пришелъ. А тутъ еще изложеніе вышло такое путанное, въ узлахъ разныхъ частицъ и звукоподражаній, поперхиваній, закашливаній, затираній и смягченій, что новая родная, мало приученная къ распутыванію этого рода клубковъ, должна была выдержать болѣе одного пота, пока добралась до смысла, что путавшій желалъ бы и на самомъ дѣлѣ вступить въ родство, съ благословенія святыя православныя церкви (оборотъ, похищенный у Гимлиша), но что у него «гм... понимаете... вы вѣдь, разумѣется, понимаете любвеобильною душою матери, ничего нѣтъ... то есть есть, знаете... гм... собственно долги, много долговъ... вы какъ мать, благочестивая Дарья Романовна...» и т. д.

— Сколько же, мой дорогой Александръ Александровичъ? —спрашиваетъ умиленная такою сыновнею откровенностью старушка. —Вы мнѣ ужъ пожалуйста все скажите, какъ на духу, ничего не скройте! Такъ сколько же?

— Сколько? Гм... вамъ угодно знать, сколько? Какъ на духу?...

И онъ остановился; но не оттого, что боялся быть на духу, а просто потому, что вопросъ: сколько онъ долженъ? впервые былъ поставленъ. До сихъ поръ, ни на духу, нигдѣ онъ никогда ему не представлялся. Онъ твердо зналъ одно—что долженъ, а сколько? объ этомъ не думалъ.

— Гм... сколько?—началъ онъ теперь только думать; попробовалъ смекнуть и, казалось, уже смекнулъ. Но какъ только рѣшался заключить сложеніе, новыя слагаемыя выползали справа, слѣва—изъ лавокъ, изъ трактировъ, изъ счетовъ портного, сапожника, парикмахера, изъ кармановъ пріятелей и ростовщиковъ Мѣщанской всѣхъ размѣровъ—Средней, Большой и Малой, изъ

подъ рясъ архіереевъ и поповъ, которыхъ онъ кормилъ, съ превъшеніемъ правъ казенной командировки... Наконецъ онъ рѣшился взять легучую цифру: десять тысячъ.

— Бумажками, я полагаю?— робко спросила разсчитливая комѣщица, и вѣки ея пугливо заморгали.

— Гм... я тоже полагаю... вѣроятно бумажками... Но впрочемъ, если вы требуете, какъ на духу... то я полагаю, вы вѣдь меня понимаете?...

— Не поняла я, извините, хорошенько! не поняла: на бумажки, или на серебро?

— Гм... на серебро...

И онъ поперхнулся.

— Такъ, выходитъ, на серебро?— еще испуганнѣе заморгала Дарья Романовна.— А впрочемъ, вѣдь это ничего—это все равно. Вы не думайте, пожалуйста, Александръ Александровичъ! мнѣ вѣдь не жалко. Это совершенно все равно. Я только такъ сразу не поняла. Женщина я простая! Въ вашемъ положеніи, конечно, меньше нельзя. Притомъ же, безъ руководителя: ни кому наставить, ни указать... Будете семьяниномъ, съ божьею помощію, все пойдетъ иначе... (Будущему семьянину это предсказаніе не особенно улыбнулось). А Надинькѣ я поговорю, извольте...

И перекрестилась на образъ. Потомъ перекрестила Разноперова и на почтительное его прикладыванье къ ручкѣ отвѣтила вѣжливымъ поцѣлуемъ въ щеку.

Надинька сперва испугалась; но тотчасъ же заговорила, что, значить, Александръ Александровичъ теперь не будетъ только приходить, а ужъ совсѣмъ останется жить съ ними, и такимъ тоновымъ голоскомъ, какой изъ нея исторгали однѣ минуты большой радости. Извѣстіе о поѣздѣ въ Варшаву, сообщенное ей женихомъ, подъ сердечнымъ секретомъ (вы понимаете—le secret de coeur), чтобъ Дарья Романовна, не дай Богъ, не узнала покуда,—омрачило нѣсколько эту радость и голосъ опустило до низкихъ нотъ, однакожь не согласиться было невозможно: дѣло было совершенно необходимое. Притомъ же онъ вернется прежде, чѣмъ сошьютъ приданое, а за этимъ скучнымъ приданнымъ, которымъ наполняются сундуки почти со дня ея рожденія и котораго все-таки, по увѣренію Дарьи Романовны, не успѣютъ приготовить такъ скоро, какъ Надинькѣ вдругъ захотѣлось,—придется разлѣзжать цѣлые дни по лавкамъ и модисткамъ... Ей же хочется цѣлые дни оставаться съ женихомъ, что даже для молодой дѣвицы и неприлично.

— Ты всякій стыдъ потеряла! и въ кого такъ, Нада?—журить ее мать.

Никифорушка очень обрадовался, когда ему объяснили въ дѣвичьей, что онъ можетъ разсчитывать теперь сдѣлаться дядюшкой, и тѣмъ явилъ новое доказательство трогательной доброты своего сердца...

А счастливый женихъ накупилъ на-скоро дорогихъ подарковъ невѣстѣ, на ея же деньги, на-скоро уплатилъ долги тѣмъ, кто приставилъ ножъ въ горлу, даже по добровольному чувству сердечной доброты возвратилъ давнишнія «синенькія» Бухтормину, на которыя тотъ пересталъ и разсчитывать, и уже катилъ въ малюпость въ Варшаву, расплачиваясь замаслянными рваными бумажками, отъ которыхъ отдавало тулупомъ и голенищемъ неистощимаго, какъ его черноземъ, рязанскаго мужика...

ХІІ.

Лѣто. По узкимъ тротуарамъ Берлина, орошаемымъ ручейками помоевъ, толкуются по одиночкѣ и скопомъ люди, наканувъ высаженные парохомъ на нѣмецкую землю. Они останавливаются у магазиновъ, накупая вещи совершенно ненужныя, съ такою стремительностью, какъ будто боятся опомниться и разсудить, что онѣ не нужны. У женщинъ щеки раскраснѣлись, а глаза такъ и горятъ—ихъ преслѣдуетъ ужась, что онѣ не успѣютъ достаточно опорожнить свои кошелеки... Въ кофейняхъ робко раздается русскій говоръ: извѣстно, что мы очень храбры на Невскомъ Проспектѣ и на Тверской, но большіе трусы на Итальянскомъ бульварѣ и даже *подъ Липами*.

Въ одну изъ подъ-липскихъ кофейенъ, уставленную столиками и усаженную нѣмцами въ шляпахъ и шапкахъ, всѣхъ возможныхъ и даже невозможныхъ видовъ, съ галунчиками, кисточками, вышивками, съ козырьками и безъ козырьковъ, лазоревыми, алыми, зелеными, желтыми, тавными, какихъ и вообразить нельзя, а только можно видѣть на студентахъ въ Германіи,—вошелъ молодой, черноволосый, не нѣмецъ и снялъ при входѣ шляпу. Лицо его было грустно тою грустью, которая говоритъ о свѣжей утратѣ. Облюбовавшись на столъ, онъ безучастно глядѣлъ на колыхавшуюся и пеструю, какъ маковая грядка, толпу головъ, между которыми мелькала, поминутно мѣняя мѣсто, появляясь то у того, то у другого столика, подсказывая къ стойкѣ съ толстыми кружками пива и тонкими бутылками «молока богоматери» (либфрауэн-

милыхъ) ¹⁾, патлатая голова, тоже въ не совсѣмъ возможной шапочкѣ, съ красиво двоявшеюся, едва отросшею русою бородкой—*крисктопфъ*, какъ говорятъ нѣмцы.

Вешедшій вспомнилъ, что надо чего-нибудь спросить, и спросилъ какъ разъ чего не надо было спрашивать: чаю. Подали какое то недоразумѣніе,—не то гвоздику, не то корицу, только не чай. Онъ догадался потребовать зельтерской воды съ сахаромъ, и эта искристая, холодная влага, въ запотѣлой глиняной кружкѣ, дала знать, съ своей стороны, какое недоразумѣніе тотъ самый и прѣсный напитокъ, который подается у насъ за зельтерскую воду...

Семеняшій *крисктопфъ* осилилъ наконецъ разсѣянность молодого человѣка: онъ привлекъ его вниманіе. Это былъ тоже очевидно не нѣмецъ, хоть и выбивавшійся изъ силъ, чтобы казаться нѣмцемъ. Семена, онъ не пропустилъ русскаго: чай и снятая шляпа выдали.

— Могу ли я себѣ позволить думать или, правильнѣе, полагать,—заговорилъ онъ:—или еще точнѣе—предполагать, принимая во вниманіе, и допускать возможность...

— Переѣзжая über die Brücke, aber—замѣчалъ?.. воскликнулъ русскій.

И радушная улыбка освѣтила его задумчивое лицо.

— Герръ фонъ Козлеткофъ!—раздалось одновременно у столиковъ,—и молодой философъ, во всей своей несомнѣнности и съ открытымъ отъ изумленія ртомъ, предсталъ передъ глазами неузнаннаго имъ въ штатскомъ платьѣ Затонова.

— Боже мой! Но позволительно ли было думать? Степнянскъ, сколько мнѣ извѣстно, лежа на юго-востокъ отъ Берлина, находится, если не ошибаюсь, на разстояніи нѣсколькихъ градусовъ географической широты... и вдругъ!

— Не ошибаетесь, милѣйшій Лука Ильичъ! и широты и долготы, и чего хотите—и вдругъ! Да, это все случилось такъ вдругъ, что и опомниться не успѣли... Ну, а вы какъ? довольны?

Онъ оказался вполне довольнымъ. Избранное имъ поприще, состоявшее преимущественно въ угощеніи всего философскаго факультета пивомъ и «молокомъ богоматери», а профессора—русскою игрою, было ему совершенно по душѣ. Безпокойно немножко равнодушіе послѣдняго къ рѣдкому произведенію далекой родины, но онъ не отчаивался, путемъ рогатыхъ и всякихъ силлогизмовъ, втравить великаго человѣка сначала въ пакусную, а

¹⁾ Одинъ изъ высшихъ сортовъ рейнскаго вина.

современемъ и въ зернистую—ächter russischer Kaviar... Независимо отъ этого онъ успѣлъ плѣниться штуками фокусника Боско, и новая дружба съ великимъ итальянцемъ положила конецъ старой—съ голосистымъ протодьякономъ...

Вошли еще двое; обнажили головы не по-нѣмцки и спросили чаю. Борисъ узналъ въ нихъ пароходныхъ спутниковъ: петербургскаго водевилиста, подвизавшагося въ удивительномъ отдѣлѣ «финтифлюшекъ» одного удивительнаго журнала и заряженнаго каламбурами до такой степени, что спасался ими даже отъ морской болѣзни, и московскаго славянофила, до того молчавшаго, что даже ѣсть не спрашивалъ, а только пальцемъ тыкалъ. Не будь выпущена поверхъ шароваръ кумачная рубаша подъ нѣмецкимъ сюртукомъ, трудно было-бъ и угадать, что онъ такое? Но это знамя крамолы, съ которымъ люди уходили въ Болу, объясняло все... Москвичъ ѣхалъ смотрѣть, какъ западъ гниетъ, «финтифлюшки» — какъ цвѣтеть.

Кислятниковъ опрометью бросился къ соотечественникамъ, а отъ нихъ къ стойкѣ.

Соотечественники подозрительно спросили (даже москвичъ спросилъ!) Бориса: не знаетъ ли онъ, что за человѣкъ такой этотъ Кислятниковъ?

— А что? — улыбнулся тотъ.

— Да мы, признаться, его приняли-было за шпиона, — объяснилъ водевилистъ: — съ оника предлагаетъ свои услуги, какіе-то билеты достаетъ, говоритъ какъ-то загадочно, угощаетъ... вонъ, смотрите-ко, ужъ шампанское несетъ; а тамъ понесетъ околесну, — скаламбурилъ онъ по ремеслу.

— Опасный человѣкъ! — выдавилъ изъ себя москвичъ.

— Напишу въ Петербургъ! — думалъ Борисъ: — то-то хохоту будетъ: Кислятниковъ — опасный человѣкъ и шпионъ!

Маленькій городъ, съ большою развалиною, на Рейнѣ. Въ гостиницѣ подъ высокою черепичной крышей нѣмцы за «табельдо» шумно говорятъ и шумно жуютъ вареную фасоль съ сосисками, а послѣ *табельдо* безконечно наливаютъ себя пивомъ изъ безнадежныхъ кружекъ и тонутъ въ дыму безнадежныхъ трубокъ. Не говорить, не жуется громко, не тонетъ и не наливается только одинъ russischer Offizier, котораго хозяинка съ засученными рукавами привѣтствуетъ каждый день неизмѣннымъ: «hat es ihnen gut (по-рейнски *ютз*) geschmeckt?»

— Какое ужъ тамъ *ютз*? — думаетъ про себя офицеръ; го-

ворить на-скоро «ich danke» и спѣшить, съ крошечнымъ Шенъе въ карманѣ и огромнымъ Шиллеромъ подъ мышкой, на гору, гдѣ своими пробоями, точно огромными глазами, смотритъ ишпистая, вся оплетенная плющомъ развалина замка. Тамъ ему награда за *табелло* и за его «предметъ»: за щели темныхъ рудниковъ, въ которыхъ часто не пройти, а только ничкомъ проползти—*прополыть*, по выраженію вѣмцевъ, и гдѣ люди, какъ гномы, долбятъ неповорный камень, при тощемъ мерцаньи и обильномъ дымѣ лампъ, подъ ливнемъ подземныхъ водъ, при роковомъ звукѣ гремучаго газа, готоваго каждый мигъ взорвать и уничтожить все... Тамъ отдыхъ отъ грома, стука, подсакивания, пиления, визга станковъ, паровыхъ молотовъ, клокотанья котловъ, вращанья огромныхъ маховыхъ колесъ; убѣжище отъ огней вагранокъ, доменныхъ и всякихъ печей, потныхъ, закопченныхъ, тяжело переводящихъ дыханіе людей,—всего того ада, который называется заводомъ... Тамъ—веселое солнце надъ головою, живительный воздухъ въ груди и тихій Рейнъ въ виноградникахъ подъ ногами...

Часто и Шиллеръ, и Шенъе забываются,—просто лежится и смотрится, — только смотрится... И видится: сначала Рейнъ съ виноградниками, потомъ степь съ чумацкимъ обозомъ... потомъ — стеклянные глаза умирающаго брата... «И зачѣмъ доктора не было дома? Можетъ быть, онъ не умеръ бы»; — «Теперь онъ одинъ? — Совсѣмъ одинъ! — Нѣтъ, не совсѣмъ!» Голосъ Лили и ея объятія, и горячая грудь то поднимается, то опускается подъ склоненнымъ на нее лицомъ... и старческій противный смѣхъ тайнаго совѣтника... и грустный вечеръ того дня въ «комнатѣ отъ жалцовъ» у пращи Алексини; разбитое фортепьяно подъ-стать съ разбитыми сердцами, гудящее аккордами молитвы изъ Моисея... Играетъ Бухторминъ, Камеевъ поетъ, а остальные убито молчатъ, даже Ломовизовъ молчитъ... Да и тѣ, кто играетъ и поетъ, охотѣе бы молчали, еслибъ не думали, что заглушать этимъ голосъ укора, за то, что изъ какого-то страха ночи и мертвеца, оставленъ ими въ холодной комнатѣ бѣдный другъ, гдѣ онъ вчера еще былъ окруженъ и лелѣемъ, и гдѣ теперь мѣрное чтеніе дьячка одно ударяетъ въ звучные углы опустѣлыхъ стѣнъ...

А Рейнъ медлительно льется, зеленоватый, какъ море... Такое оно было, когда штетинскій пароходъ шипѣлъ въ Кронштадтѣ и хлопалъ колесами, точно огромная птица крыльями, собираясь улетѣть... петербургскій поворачивалъ въ Петербургъ, чуть-чуть мерцавшій Исаіемъ... Платки махали... Бухторминъ, на кормѣ, съ глазами влажными отъ прощанья и отъ мысли, что ему плыть

не туда, гдѣ все влечетъ и манитъ, а назадъ, гдѣ все отталкиваетъ: въ своей канцеляріи, къ прачкѣ Аксинѣ,—этотъ мині Бухторминъ съ каждой минутой уменьшается и, наконецъ, сталъ точкой; Исаіи погасъ—и все утонуло. Большой пароходъ одинъ разводитъ волненіе и плыву на ровной поверхности этой водяной степи, охватившей, какъ та когда-то...

А чувство отчужденія, то чувство, которое испытать всѣи русскій, въ первый разъ переступающій границу и которое французы, подъ стать «морской болѣзни», прозвали «болѣзнью родного края», взяло за горло и душило, и нѣтъ отъ него спасенія, покуда нѣтъ родного края, какъ нѣтъ спасенія отъ «морской болѣзни, покуда нѣтъ земли...

Нашъ путешественникъ болѣлъ обѣими болѣзнями разомъ. Берегъ излечилъ отъ морской, но сухопутную оставилъ, какъ лихорадку... И вотъ онъ носится съ нею по купелямъ сіюмскимъ скучной Германіи; вздрагиваетъ отъ русской рѣчи въ курзалахъ и отъ русскихъ именъ въ курлистахъ, гдѣ натывается, наконецъ, на священное имя Гоголя и гонится за нимъ до самаго океана, чтобъ увидѣть худого, одичалаго, пробирающагося краешкомъ берега бѣлокураго человѣка, къ которому только и рѣшаются подойти два свѣтскихъ старичка—братья Слѣпневы, признающіе себя и признанные въ своемъ кругу за литераторовъ, потому что въ молодости плавали надъ «Бѣдной Лизой» Каравина...

Носится онъ со своею болѣзнью по трудолюбивымъ нѣмецкимъ городкамъ, безучастный къ веселому звону ихъ воскреснаго колокола, къ птичьему щебетанью ребятъ, сбивающихъ орѣхи съ дуплистыхъ деревьевъ чистенькаго шоссе и къ чинчивому шествію умытыхъ и въ шляпахъ гномовъ цѣлой недѣли, подъ ручку съ женами безъ засученныхъ рукавовъ и съ тѣмъ особеннымъ довольствомъ, котораго не существовало бы на свѣтѣ, еслибъ не существовало нѣмцевъ и праздниковъ въ трудолюбивыхъ городкахъ Германіи... Изъ Германіи черезъ Бельгію, которая вся одинъ заводъ и рудникъ, черезъ зеленый южный Валисъ, съ моремъ, омывающимъ паркѣ баронетовъ и лордовъ, гдѣ напудренные лакеи подавали ему, какъ почетному гостю и *рѣшёнз-джентльмену*, исполнины-ростбифы для разрѣзыванія, а свѣтлоудрыя, съ лебедиными шеями, открытыми плечами и руками лѣдя, миссисы и миссы—свои обнаженные руки, для слѣдованія къ столу, или осмотру птичьей, свинарени и коровниковъ—настоящихъ дворцовъ, сравнительно съ избою русскаго мужика; черезъ Мэнчестеръ, гремѣющій машинами, какъ огромная мастерская, черный отъ каменнаго угля Нью-

касть, до насупившагося Лондона и улыбающагося Парижа, — всюду пронесъ онъ свою лихорадку и сбросилъ только въ томъ же Кронштадтѣ, спустя годъ, разбуженный перебранкою родного края и комиссіей, которая изслѣдовала прїѣзжихъ не только со стороны ихъ паспортовъ, бородъ и волосъ, но и сокровеннѣйшихъ намѣреній и помышленій...

А тутъ еще ужасное «на васъ Россія смотритъ» преслѣдуетъ по пятамъ: и въ подземельяхъ рудниковъ, и въ облакахъ заводскаго дыма, и передъ мадоннами галлерей Дрездена, и въ гулдеи органомъ полутымъ антверпенскаго собора, съ блѣднымъ тѣломъ распятаго Христа, и передъ Венерою милосской въ Луврѣ, — вездѣ преслѣдуетъ его и твердить: «а что-то ты привезешь изъ всего этого той, которая на тебя такъ смотритъ?» Онъ чувствуетъ, что привезетъ цѣлыя сокровища мадоннъ съ венерами и очень мало рудниковъ и заводовъ; что къ поэту Степнянскя приростаеъ художникъ Европы, а къ художнику человѣкъ запада; что не даромъ прошла передъ нимъ панорама иного строя общества, иной жизни; не мимоходомъ взглянулъ онъ на рабочаго, на фабричнаго, на земледѣльца, слугу, трактирщика, купца: маленькіе городки и ихъ муравьиная промышленность дали всмотрѣться во все это глубже, прикоснуться ко всему ближе, чѣмъ даютъ столицы... А въ столицахъ? Не напрасно англійскій фермеръ въ театрѣ потребовалъ изъ райка королеву (Queen! queen!); онъ ея никогда не видѣлъ, и она должна была приподняться въ ложѣ, чтобъ показать себя... Въ Парижѣ не безслѣдно пронеслась мимо освистанная карета Людовика Филиппа (король ѣхалъ съ жандармами открывать палаты) тѣми самыми улицами, гдѣ, годъ спустя, спасался онъ сбитыми бакенбардами отъ революціи...

Великъ былъ трепеть Евы передъ извѣстнымъ яблокомъ, если вѣрить Мильтону; однакожъ трепеть русскаго передъ Парижемъ сороковыхъ годовъ былъ гораздо больше. Запретная столица даже посланника нашего не имѣла, — конституціонную развратницу называли простымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, и повѣрили-то ему собственно одно дѣло: препровождать въ благочестивое отечество изъятыхъ изъ парижской геенны закутившихъ барынь и промотавшихся господъ. Но человѣкъ онъ былъ добрый и, спасибо ему, препровожденіями злоупотреблялъ умѣренно.

— Честъ имѣю явиться! — рапортовались обыкновенно трепетавшіе. Отрапортовался и Борисъ: «на самое, говорить, короткое время, мимоѣздомъ»... А самому и совѣстно, и обидно. Неужто онъ и въ Парижѣ — кадетъ Кулышкина, и его могутъ сейчасъ

схватить и отправить подъ арестъ? *Здѣсь* такая возможность представлялась особенно унижительною...

Добрый повѣренный, впрочемъ, не схватилъ и не отправилъ, — напротивъ милостиво успокоилъ.

— Оставайтесь себѣ съ Богомъ хоть и долгое время, — мнѣ это рѣшительно все равно. Только зачѣмъ вы являетесь? Я собственно, пожалуй, и радъ васъ видѣть, только видѣть-то не долженъ. Вы меня понимаете? И я васъ не видѣлъ — просто-таки въ глаза не видѣлъ! Вы меня поняли? Да помните, что въ Парижѣ не были — такъ-таки совсѣмъ не были! Хорошенько это помните! Затѣмъ веселитесь, — но не мотайте — одно условіе! Иначе извините!

Борису живо представился случай съ его товарищемъ, записаннымъ за отличныя познанія на золотую доску и разжалованнымъ за промотанные за-границей прогоны въ штатскій чинъ (наказаніе почти позорящее!), причемъ даже его имя было стерто съ золотой доски, какъ будто съ деньгами онъ промоталъ и познанія...

Борисъ не моталъ, и хотя не веселился, а только, по выраженію Бухтормина, какъ дикій Сквозъ, удивлялся театрамъ и галереямъ Парижа (о чемъ исправно посылалъ письма, не Шмуклану, хоть Шмукланъ и исправно ихъ печаталъ), тѣмъ не менѣе зима прошла себѣ благополучно. Даже «*Journal des Débats*» ничего не замѣтилъ. Въ Кронштадтѣ онъ твердо помнилъ, что въ Парижѣ не былъ, и потому дымъ отечества понюхалъ тоже благополучно. Однако, чувство униженія и обиды, уязвившее тамъ, еще больнѣе отзывалось здѣсь. Самый мундиръ, послѣ свободной гражданской одежды, напоминалъ своими крючками о неволѣ; а горькій приѣмъ родного края вылечилъ разомъ и показалъ, что не стоило болѣть имъ такъ долго...

XIII.

— Да вы чего же, матушка, смотрите-то? Нѣтъ, вы мнѣ скажите, чего вы смотрите? Онъ того и гляди воротится, а у васъ женихи гдѣ? а? Нѣтъ, вы не противорѣчайте — вы скажите: гдѣ у васъ женихи?

Такъ чуть ли не каждый день угнеталъ Федосѣй Федосѣичъ недумавшую противорѣчить Степаниду Львовну, не менѣе его трепетавшую при мысли, что вотъ-вотъ онъ нагрѣнетъ, а жениховъ у нея нѣтъ! Ужъ она ли, кажется, не хлопотала: и молебны

въ домикѣ Петра Великаго, и важная сенаторша Дутая, болѣе извѣстная подъ именемъ Дутихи, по рожденію даже княжна За-зубрина, съ губами оттопыренными какъ паруса, большая спеціалистка по части степенныхъ жениховъ, и Клеопатра Лакъ — по части свѣтскихъ, наконецъ, Милый Степанычъ — тонкій знатокъ по части чиновныхъ жениховъ — все было пущено въ ходъ, — ничто не помогало! «Ужъ не попробовать ли Силы Петровича?» приходило въ голову бѣдной женщинѣ: «онъ умѣетъ такъ хорошо находить, что нужно»... Каждое воскресенье показывался за обѣдомъ новый аргонавтъ стотысячнаго руна Лили: то со-сѣбъ вытертый генераль, до такой степени почтенный, что еще могло, пожалуй, прийти въ голову поцѣловать у него ручку, какъ у дѣдушки, но ужъ никакъ не губы, какъ у жениха; то обѣдалъ начальникъ отдѣленія, у котораго глаза расходились въ разныя стороны, точно стулья на косомъ полу, и который обстоятельно обѣдалъ да разспрашивалъ о какихъ-то «средствахъ», ко всему же остальному относился поверхностно... Или вдругъ, оттапывался, неизвѣстно кѣмъ (надо полагать, Милымъ Степанычемъ), камергеръ, намазанный чернымъ фиксауаромъ («Лизочкѣ нравятся брюнеты, — оттого и Боринька правился!»), но что гораздо хуже — оказывавшійся побитымъ за шулерство, вслѣдствіе чего долженъ былъ лишиться даже чаръ своего придворнаго питья. Короче, Эдгаръ грозно приближался, а Люція еще и не думала подписывать «sue cîgri».

Ни одно неочищенное дѣло такъ не сердило Феодосія Феодосіяча. Оно сидѣло гвоздемъ въ его упрямомъ умѣ, и секретарь Эвигъ не разъ проносился тамъ Эвигомъ-затемъ. Будь у этого примѣрнаго секретаря хоть что-нибудь кромѣ вицъ-мундира, онъ давно получилъ бы порученіе — изготовить докладъ по этому предмету. Но кромѣ вицъ-мундира, правда, всегда отлично вычищеннаго, у него ничего не было, и на «дѣлѣ» оставалась неопредѣленная резолюція «имѣть въ виду».

Ужъ Лондонъ выглянулъ привѣтливо изъ своего шестимѣсячнаго тумана (насколько Лондонъ вообще способенъ выглядывать привѣтливо), а ниже плечъ обнаженные миссы, миссисы и леди южнаго Валиса глядѣли изъ глубокихъ ложъ Геймаркета, точно изъ ваннъ; весеннее солнце облило зеленыя какъ изумрудъ поляны парковъ, съ бѣлыми барашками и рыжими джентльменами; полярный медвѣдь «джоолодживеръ-гардена» принялся не на шутку поматывать головою среди тающихъ кусковъ льда, — когда поворотный кругъ лондонскаго почтамта выбросилъ Эдгару письмо изъ Петербурга. Отдавшись тому люд-

скому потоку, который поднимаетъ все, что ни встрѣтитъ на пути своемъ изъ Сити вдоль всего Странда, между четырьмя и шестью часами дня, и буквально несетъ человѣка,—онъ безъ малѣйшей помѣхи прочиталъ на ходу цѣлый убористо исписанный листокъ.

«Годъ тому назадъ, — писалъ Бухторминъ, — съ какимъ бы страхомъ начиналъ я теперешнее письмо мое, другъ милый! а теперь? теперь начинаю его только развѣ съ грустью — тяжелымъ слѣдствіемъ каждой глупости въ существахъ почему-либо намъ близкихъ. А сдѣлана она, смѣшная глупость эта, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, невозвратно легла уже въ общій итогъ глупостей человѣческихъ. Лили выдаютъ замужъ, и за кого, Боже мой! за кого выдаютъ они ее! Стоило ли начинать свою молодость такимъ прекраснымъ эпизодомъ любви; отдаться чувству всей, полно и беззаветно; такъ свѣтло улыбаться, завидѣвъ милый образъ, и разставаясь такъ «жудри наклонять и плакать» — плакать дѣтски, всхлипывая и съ ручьями слезъ, сквозь которыя уже свѣтится улыбка, вызываемая надеждой, которой такъ вѣришь!.. И все это, чтобы завершить ту же молодость выходомъ за Эмиа, котораго всѣ мы и она выѣстъ съ нами называла овцою! Онъ овцеобразенъ по-прежнему, но получилъ деревянный домъ отъ какого-то дяди гдѣ-то въ Фурштадтской, что, по повятію Степаниды Львовны, и дало ему право на руку дочери ея. Развязка, ей-Богу, слишкомъ глупа! — Расскажу все по порядку. Это было на масляной. Танцевали у Лаковъ. Еще въ передней Сергій (Камеевъ) предупреждаетъ меня, чтобы я всю семью поздравлялъ съ этимъ несчастьемъ. Они привели овцу съ собою и рекомендовали уже какъ жениха; марьяжъ этотъ былъ рѣшенъ въ утро того же дня. Идемъ: въ кабинетѣ первая встрѣча — Оедосій за картами. Поздравляю; въ отвѣтъ — конвульсивное пожатіе руки и поклонъ ниже ручки кресла, на которомъ сидѣлъ. Далѣе — Степанида Львовна въ чепцѣ, дышащемъ счастьемъ, и съ улыбкой небожителей; съ обѣихъ сторонъ — по дамѣ въ платьяхъ изъ шитаго воздуха, и опять поздравленіе, на которое отвѣчаютъ вопросомъ: «vous devez être étonné!» Хорошо, видно, матушка, и сама ты цѣнишь его! Я отвѣчалъ, что удивительно это потому только развѣ, что Эмиа рѣдко видали у нихъ какъ знакомаго. Еще дальше Лили, за стуломъ которой довольно неловко виситъ овца и возлѣ — Клеопатра. Здѣсь я не успѣлъ еще поклониться, какъ уже летитъ вопросъ: «pourquoi ne me félicitez-vous pas?» Ей хотѣлось видно, бѣдняжкѣ, скорѣе вытерпѣть эту муку! — Танцуя со мною, она нѣсколько разъ повторила: «я буду съ нимъ счастлива!» Говорилось это тономъ вопроса, на который

отвѣчать у меня не стало духу. И что же бы я могъ отвѣчать ей? Лгать въ такую минуту было бы подло; банальностей я не говорю, а потому и отмалчивался упорно. Какую перспективу указать могъ я ей? Огородно-безмятежное счастье съ будущимъ директоромъ департамента, когда у обонхъ зубовъ не будетъ?.. Черезъ три дня ихъ обручили. Всѣ мы обѣдали у нихъ. Она съ нимъ говорить много и, кажется, охотно. О чемъ они говорятъ, Богъ мой! Или, въ самомъ дѣлѣ, она до того измелъчала, что видитъ въ немъ что-нибудь, кромѣ вѣшалки для камеръ-инженерскаго мундира, къ которому онъ и представленъ будущимъ тестемъ и который уже заказанъ тещею... Обарышнилась она окончательно и хочется ей просто за-мужъ? Или бѣдному «дяти» стали не подъ силу стоны и жалобы купцовъ, сердитыхъ на залежалый товаръ — и сердце ея, не находя отвѣта ни въ суровой груди отца, ни въ пустой груди матери, прильнуло, сиротливое, къ первому теплему предмету, брошенному случаемъ на пустынномъ пути ея? Случилось, что предметъ этотъ воплотился тѣмъ-то въ родѣ Ивана Федоровича Шпоньки, приващавшагося къ такой съ неба слетѣвшей къ нему женщинѣ, на сколько хватило скуднаго сердца его... Ахъ, да какъ же это однако глупо! Или счастье дураковъ не такъ бѣдно, какъ ечливо привыкли судить мы о немъ? Хотя покоемъ богаты они — у насъ и того нѣтъ!..»

Послѣднее письмо ожидало возвращавшагося домой друга въ Голландіи, которая показала ему, что кромѣ петербургскихъ острововъ есть еще на свѣтѣ земля, совершенно окунувшаяся въ воду, и что собираясь удивляться (а удивляться онъ собирался Рембрантамъ и Вандейкамъ гаагской галлерей), иной разъ неожиданно станешь самъ удивлять, какъ это съ нимъ случилось въ Гаагѣ: невѣроятно бѣлыя голландки, съ серебряными и золотыми бляхами подъ чепчиками, такъ и открыли рты на черно-волосаго брюнета, показавшагося на ихъ пустыхъ улицахъ, опять съ письмомъ Бухтормина, которое онъ читалъ тутъ же.

«Вчера, въ девять часовъ вечера, въ модной церкви кантонистовъ, умащонной сытнымъ запахомъ борща, дружно снесеннаго съ лица земли кантонистами за полчаса передъ тѣмъ, — Лизавета Федосѣевна была обвѣнчана съ Эвигомъ (досказывалось послѣднее дѣйствіе драмы, кончившейся водевилемъ), обвѣнчана въ присутствіи гомерическаго количества людей въ звѣздахъ и лентахъ, барышенъ и барынь въ цвѣтахъ и брилліантахъ, въ томъ числѣ Солохи Зеленецкой, которая никакъ не можетъ рѣшиться: кѣмъ ей быть? Женою ли сѣдого генерала, командира

какого-то гвардейскаго коннаго полка, самого очень похожаго на долговязую лошадь; но титулованнаго, или махнуть рукой на незадавшіеся титулы (князь Праничный выскользнулъ, какъ ершъ, изъ сѣти, черезъ-чуръ хитро сплетенной матушкой) и идти просто за сына московскаго миллионера-скряги, закрывши глаза на то, что онъ Точиловъ, да еще Асинкритъ и вдобавокъ Асинкритовичъ... Все обошлось какъ слѣдуетъ: она плакала, во слѣдъ Степанидѣ Львовнѣ, Эвигъ ходилъ козыремъ вокругъ налож, разпшитый спереди и сзади милостями новыхъ *папа* и *маманз*; Бамеевъ, Говенгозенъ и еще какой-то очень пестрый гусаръ держали попеременно вѣнецъ надъ монументальною прическою невѣсты... Когда ихъ водили, она была покойна и не плакала, хотя глаза еще были красны отъ недавнихъ слезъ. Была ли хотя одна минута отдана далекому прежнему другу? Промельнуло ли хотя одно воспоминаніе о милой порѣ любви, такой полной, такой недавней? очнулась ли она трепетно и грустно послѣ минуты той передъ глупо-смѣшною существенностью? про то знаетъ изголовье ея, на которомъ возлѣ «ручки и плеча» ея рисуется теперь, когда я пишу эти строки, вовсе не «строгий профиль» овцы!.. Приѣхали изъ церкви, пили очень много шампанскаго, равносимаго и разливаемаго шаферами; милый Степанычъ былъ «съ подъѣздомъ» болѣе обыкновеннаго и только горько скорбѣлъ о твоёмъ отсутствіи: «Боря такъ любитъ Лизочку, и не привелось быть на ея свадьбѣ!» Этотъ миллионъ стоитъ! Патриарховъ, къ которому новый мужъ переходитъ на отличное мѣсто, и который приѣхалъ вѣроятно «въ прекрасной каретѣ», «очаровывалъ всѣхъ своимъ обращеніемъ». Благословилъ молодыхъ образомъ, какъ настоящій патриархъ, и, поцѣловавши благословленную въ лобъ, такъ вошелъ во вкусъ, что пошелъ да и перецѣловалъ за одно ужъ всѣ лбы, которые были помоложе... Клеопатра, конечно, успѣшила подставить свой... Въ полночь отвели молодыхъ въ комнаты, отдѣлка которыхъ стоила восемь тысячъ рублей... Снова шампанское, уже слезы совсѣмъ пьянаго Милаго Степаныча по поводу твоего отсутствія; намеки и полуслова, приличные обстоятельству со стороны мужей; хохотъ и затыканье ушей со стороны женъ; распашные разговоры Клеопатры и помутившіеся отъ шампанскаго глаза твоей Солохи — «чу-удной женщины», какъ провозглашалъ блестящій болѣе обыкновеннаго Лакъ... а что было послѣ — про то знаютъ вставшіе отъ сна вѣрные супруги во второмъ часу дня...

—Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

произнесъ свѣжее еще тогда изреченіе поэта Борисъ, и отправился смотрѣть «лекцію анатоміи» Рембранта.

XIV.

Родное лѣто прошло для Бориса большею частью въ тарантасѣ, томъ самомъ «сибирякѣ», которому не довелось качать бѣднаго его брата и въ которомъ теперь качались онъ и Бухторминъ, уносимые изъ Петербурга—одинъ по казенной надобности—показываться неспускавшей съ него глазъ Россіи, другой по своей—чтобъ дать взглянуть на себя матеря, невидавшей его нѣсколько лѣтъ. Друзья ѣхали и говорили день и ночь, засыпая на полусловѣ, и то отъ передразсвѣтной дрожи, пробуждаясь отъ жаркаго солнца, и ни доѣхать, ни наговориться не могли. Бухторминъ былъ очень доволенъ крещеніемъ, принятымъ его другомъ изъ рукъ Европы.

— Теперь не будешь ты, съ высоты своего эпикурейскаго спокойствія, смѣяться надъ нашею жаждой знанія, надъ любовью къ интересамъ общечеловѣческимъ! (говорилъ онъ). Ты теперь самъ членъ той огромной семьи, которой все человѣческое не чуждо!

— А лучше ли мнѣ отъ этого? Быть недовольну всѣмъ, что окружаетъ, что будетъ окружать и душить, покуда не задушитъ смерть, какъ покойнаго Мишеля, — развѣ это не во сто кратъ хуже? Вѣдь это разочарованіе! не то разочарованіе, которое я воспѣвалъ въ кадетской курткѣ, — «что я, шута, твердилъ доселѣ», — а разочарованіе въ любимой женщинѣ: это Лили подъ ручку съ Эвигомъ!..

— Разочарованіе, да! Но совсѣмъ въ другомъ родѣ. Такихъ Лили на твоёмъ пути, что этихъ цвѣтовъ въ полѣ: сорвалъ одинъ — бросилъ, сорвешь другой, третій, а ихъ все-таки будетъ такая же пропасть! Нѣтъ, это разочарованіе глубже: на *этомъ* пути цвѣтовъ намъ съ тобою не рвать... тутъ одни тернія! Плохо, братъ! Одно утѣшеніе: надежда, что тѣмъ, которые придутъ послѣ насъ, будетъ лучше...

— Затѣмъ же намъ именно суждено выносить это на себѣ, да еще въ такомъ северномъ мѣстѣ, какъ эта святая Русь, гдѣ даже съ человѣкомъ нельзя быть до сихъ поръ человѣкомъ!.. Ну посмотри, пожалуйста: оттого что мы не кричимъ и не деремся, такъ намъ и лошадей не запрягаютъ!

— Эй, вы! скоты! лошадей!! — загремѣлъ онъ по возможности безчеловѣчно.

— Мѣсто неприглядно, слова нѣтъ (продолжалъ Бухторминъ), за то по мѣсту и дѣатели. Чѣмъ богато наше молодое поколѣніе? Сознаніемъ, что все не такъ, какъ должно быть! А какъ оно должно быть,—знаетъ ли это? Едва ли, хоть и всѣ мы стремимся къ реформѣ... стремимся, разумѣется, одними порывами, нигуда не доводящими, теоріями, никогда не осуществимыми... Всѣ мы Фаусты и то очень мало, а очень много—Маниловы! Самъ Павлонецкій—Маниловъ, повѣрь мнѣ! Я его не разъ видѣлъ и слышалъ. Его утопіи прекрасны... святыя утопіи равенства, братства... Боже мой! а развѣ онѣ приложимы къ тому, чтѣ мы видимъ, къ тѣмъ, кого ты сейчасъ такъ картинно обозвалъ скотами? И, можетъ быть, слава Богу, что не приложимы! Стань только онѣ дѣломъ, было бы навѣрное хуже!

— Ну, ужъ этого я не понимаю! Одно изъ двухъ: или онѣ сами по себѣ дурны, или на дѣлѣ отъ нихъ было бы хорошо! Вотъ, братъ Василій, отчего я и не въ состояніи слѣдовать за вами: вы чему-то поклоняетесь и тутъ же говорите, что это что-то—богъ, только его къ жизни привлекать не надо,—жизнь сама по себѣ—гнусная, скверная, а онъ самъ по себѣ—прекрасный, удивительный, высокій, только совсѣмъ не для того, чтобъ взять да и сдѣлать эту подлую жизнь благородною, а для того, чтобъ витать тамъ гдѣ-то—чортъ его знаетъ гдѣ!—и только нюхать онѣмѣмъ. *Мой богъ*—то, безъ чего жизнь скверна, безъ чего она не жизнь; а вотъ эта дрянь, которую тащимъ мы всѣ съ отвращеніемъ... *Такому* богу и онѣмѣмъ въ руки, а вашему... да я его и знать-то не желаю!

Бухторминъ хмурится и скороговоркою что-то противорѣчитъ; но уснувшій Тимошей подъ разговоры раскачался такимъ маятникомъ, что съ головы слетѣла шапка.

Надо останавливаться и добуживаться, посылать за шапкой. Разговоръ прерванъ...

Въ такомъ препровожденнѣи времени прошла недѣля. Какъ до Бухторминовки доѣхали, но договориться ни до чего не договорились, и расстались. «Сибирякъ» понесъ дальнѣе одного Бориса съ маятникомъ. Промелькнула опустѣлая Крутиловка, съ развѣнчаннымъ и посѣдѣлымъ Яшкою, попробовавшимъ было слегка победничать на Истукана; съ Истуканомъ, словно маринованнымъ, точь-въ-точь такимъ, какимъ онъ удивлялся благоушченскому—теперь ужъ николаевскому мосту, какимъ выходилъ на станціи; Крутиловка съ посохшими въ садахъ яблонями, вырубленными липами и домомъ, покривившимся, какъ старецъ... съ лопухами и репейникомъ повсюду, даже на могилахъ матери

и отца... Послѣ бессонной ночи въ нѣмыхъ комнатахъ, гдѣ какъ бы еще ходила тѣнь умершаго Мишеля; найдя груду кирпичей и гнилыхъ бревенъ тамъ, гдѣ стоялъ бабушкинъ домъ, — Борисъ на-срочу отпустилъ на волю Серегу со всей семьей, къ открытому неудовольствію маіора Будяка и явному восторгу Истукана, объявившаго, что это «даже трогательно», — и, чувъ, что прощается съ деревней навсегда, направился къ Степнянску, еще дальше...

Время ужъ и тамъ успѣло стереть кое-что: начальникъ получилъ чинъ и повышение; въ его кабинетѣ уже сидѣлъ другой начальникъ — нѣмецъ, съ жаждой дѣятельности до того неугомонной, что затѣвалъ даже службу на заводѣ; пріемщика заставлялъ въ самомъ дѣлѣ принимать, а играть за болвана не заставлялъ; прудъ вычистилъ и помышлялъ уже въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ о вывозѣ уличнаго сора, въ которомъ вываливался Собакевичъ для затрещинъ. Бориса онъ проэкзаменовалъ очень обстоятельно изъ его «предмета»; о литературѣ же и о прочемъ, какъ Сорневскій ротмистръ о Богѣ — ни полъ-слова! Въмѣсто прелестной ручки Авдотьи Алексѣевны, подана была костлявая рука очень некрасивой и тѣмъ болѣе умной Палагеи Даниловны, опять-таки проэкзаменовавшей пріѣзжаго, но уже изъ «за-границы». Она пила когда-то въ Киссингентъ *ракоци*, и потому считала «за-границу» своимъ предметомъ.

Не осталось и старѣйшаго гражданина Степнянска — медвѣдя Собакевича. Добрякъ поплатился-таки за свои затрещины: онъ одною изъ нихъ спровадилъ человѣка въ прудъ, куда и былъ спроваженъ самъ, съ камнемъ на шеѣ, въ примѣръ и назиданіе другимъ... За то Степнянскъ пополнился разсказами о недоступной дочкѣ Свежловитова, горячкѣ и красавицѣ. Она и щурилась-то, какъ Авдотья Алексѣевна, и, по словамъ пріемщика, была такая же принцесса, какъ и та. Борису убѣдиться въ этомъ не случилось: гордая красавица, какъ выражались, «вожировала за-гранницею», и только возбужденному его воображенію мелькнуло бѣлое платье, когда онъ проѣзжалъ мимо стараго свежловитовскаго сада, стоявшаго какъ огромный букетъ зелени посреди голой степи... Зато воочию предсталъ въ Степнянскѣ Несторыкинъ, котораго возили изъ села въ село, изъ одного города въ другой; передавали изъ рукъ въ руки, какъ чудотворную икону, и Степнянску уступили чуть не съ бою. За нимъ выѣзжали изъ помѣстій на большую дорогу, въ коляскахъ, тарантасахъ, бричкахъ, и ожидали день и два, — только бы перехватить и завезти къ себѣ. Перехвативши, и завезя, кор-

мили и повли до положенія ризъ; потомъ укладывали бережно въ брячу, повуда новые поклонники не вынимали оттуда, чтобы, по принесеніи новыхъ жертвъ, уложить опять до слѣдующаго поклоненія и слѣдующихъ жертвоприношеній... Касторъ Васильевичъ такимъ образомъ посѣтилъ всю степь и окропилъ дождемъ «аглицкихъ» стиховъ обѣды, ужины и именинныя кулебаки цѣлой южной копинцы нашей.

Нѣмецъ начальникъ — русскій, какъ бываетъ всякій штатный нѣмецъ, — называлъ его пѣвцомъ отечественной славы. И Баронъ Брамбеусъ, волновавшій нѣкогда животъ, подвергся (такова превратность всего существующаго!) въ тѣхъ же самыхъ комнатахъ заслуженному порицанію!

— Непохвально есть, — говорилъ нѣмецъ, — надъ своимъ отечествомъ насмѣшки дѣлать!

Изъ Степнянска «сибирякъ» спустился еще ближе къ югу; утонулъ въ степномъ морѣ еще глубже; колокольникомъ своимъ пугалъ одни стада недоумѣвающихъ дрофъ въ высокой и густой травѣ, не вѣдавшей косы, да издавшіе восторону табуны дикихъ лошадей; встрѣчалъ на узкой колеѣ скрипучую арбу, землянку станціи совсѣмъ невидную, пока къ ней не подъѣдешь, проскакавши вихремъ тридцать верстъ... и наконецъ принесъ за полъ-недѣли однихъ самоваровъ, роскошь жаренаго бараньяго бека у зрителя въ Ногайскѣ, съ мѣстными духами кизяка (навозъ съ соломой)... На кизякъ-то собственно и былъ направленъ весь походъ, съ прогонами на пару. Надлежало, въ прославление Чернухина, стереть слишкомъ извѣстное душистое горючее съ лица земли, а въ ея нѣдрахъ открыть невѣдомое другое. Онъ и открылъ — прескверное, но все-же лучше, чѣмъ навозъ, и предъявилъ образчики своей Америки очень чиновному начальнику военныхъ поселеній.

Вышелъ громоздкій большой старикъ, съ остриженной подъ гребенку, точно выкошенной, сѣдою головою, грубымъ и большимъ лицомъ и тоже громоздкими эполетами, каковыхъ ужъ больше не носили.

— Чтó это у васъ, голубчикъ? Не глина-ли? а? — встрѣтилъ онъ съ тѣмъ запанибратствомъ, отъ котораго несетъ человѣкомъ, выльзшимъ изъ грязи: — ну-ко, порадуйте, утѣшите старика: глинка-то мнѣ для черепички до зарѣзу надо! (И при этомъ перерѣзалъ себя пальцемъ горло). Батюшкѣ-царю дагъ слово — поселенія крыть черепичкою... Соломка — та идетъ къ навозу, на кизячокъ, душечка, на кизячо-окъ!

— Это, ваше высокопр... уголь.

— А на что онъ, уголь-то? самоваръ, что ли, ставить?

— Топить.

— Топи-ить? На что имъ топить-то? Любезнѣе навозца вѣдь не будетъ. Нѣтъ, слава тебѣ Создателю: и родились мы, и выросли; въ чины, по милости царской, вышли (я вѣдь изъ адѣйшихъ кантонистовъ, слѣдуетъ вамъ знать)—все на навозцѣ, —а тутъ вдругъ уголь! Нѣтъ, государикъ мой, я этимъ новостямъ заморскимъ не потворщикъ, съ княземъ Чернухинымъ не сговорщакъ. Я батюшкѣ-царю самому скажу, —такъ-таки помужички и бракну. Кроенъ я стариннымъ покровомъ: инженеры, ужъ извините, у меня философиями считаются, единственно для штата состоятъ, а настоящій мой инженеръ Митайка —тоже кантонистъ и пьяница горчайшій; но ужъ по строительной части и вообще, гдѣ наука требуется, первый человекъ! Онъ вашего угля тоже не захочетъ —нѣ-этъ, и не думайте! А безъ него и я ничего...

Затѣмъ, онъ взялъ куски угля, вливалъ вѣстового и приказалъ выбросить.

— Такъ-то будетъ чище. А щецъ похлебать, да кашницы помять, такъ милости просимъ, не побрезгайте, —въ двѣнадцать часиковъ ровно. День-то мой, по-божьему раанешенько начинается, —такъ въ полудню-то ужъ брюхо сиекурсу просить...

День по-божьему у генерала начинался точно рано: съ пяти часовъ утра онъ ужъ обходилъ въ истрепанной шинели рынокъ и выслушивалъ сплетни отъ торговыхъ и кухарокъ, принимая ихъ къ свѣдѣнію при оцѣнѣ благонадежности обывателей. Топорность рыночнаго Гаруна-Аль-Рашида такъ искусно заслоняла кантонистскую его пронырливость, что не только помогла отважиться на ратоборство со всемогущимъ и сіятельнымъ Чернухинымъ, но даже на закатѣ своего слишкомъ полувѣкового служенія въ офицерскихъ чинахъ и самому просіять графствомъ.

Похлебавъ несолоно (а можетъ быть щей съ кашей и солоно), нашъ непризнанный Колумбъ поворотилъ оглобли въ Петербургъ и не особенно жалѣлъ о бисерѣ заморской мудрости, который разметалъ здѣсь...

Въ Петербургѣ шла зима своимъ заведеннымъ ходомъ: крѣпкими морозами на улицахъ и жаркими восторгами въ театрахъ; разводами съ церемоніей въ манежахъ и службою безъ всякой церемоніи въ департаментахъ; собраніями для преферанса и сходками для споровъ, совершенно безплодныхъ, но «черезчуръ умныхъ для нашего вѣка», —покуда не ударилъ громъ февральской революціи и, прокатясь отъ Сены до Шпре, не

отозвался въ «Сѣверной Пчелѣ» фельетономъ Ѳаддея Булгарина (который назвалъ Барбеса «барбосомъ»), а въ рядахъ свѣдущихъ людей—строгимъ наблюденіемъ, чтобы въ печати являлись только совершенно добродѣтельные штабъ-офицеры; генералы и дѣйствительные статскіе совѣтники не упоминались всуе, и разѣ какой-нибудь коллежскій секретарь или подпоручикъ, изрѣдка по малому своему чину, проявляли нѣкоторыя несовершенства... Очень высокое лицо объявило на балѣ кавалергардамъ, чтобы они теперь танцовали, а потомъ готовились сѣсть на лошадей: французъ-дескать дурить,—унять пора. Своихъ, —хоть они и не дурили,—унимали тоже: длина волосъ была приведена во всей имперіи къ наименьшему знаменателю; въ университетахъ искоренялась вредная философія, и взаимнѣ ея насаждалось полезное маршированье. Противузаконное поднятіе мѣхового воротника до уровня ушей, съ неоправданной цѣлью—спасти ихъ отъ отмороженія, наказывалось переводомъ изъ гвардіи въ армію... Осторожные люди рѣшили не читать ничего, кромѣ «Сѣверной Пчелы» и поскорѣе забыть все, кромѣ преферанса; не собираться ни для чего, кромѣ преферанса. За то неосторожные вспоминали пуще прежняго то, что знали; сходились говорить о немъ горячѣй, нежели говаривали и предосудительно набрасывались на выкройки парижскихъ газетъ, которыя выходили изъ-подъ ножицъ петербургскаго почтамта иногда лентами, въ ширину одного столбца...

Молодежь наша принадлежала къ неосторожнымъ. Она не только читала французскія ленты, но передавала изъ рукъ въ руки, подъ покровомъ непроницаемой тайны, знаменитое письмо Бѣлинскаго къ автору «Переписки съ друзьями» («апостолъ кнута! проповѣдникъ мракобѣсія! опомнитесь, куда вы идете?») и носила въ умѣ преступный идеалъ литографическихъ его оттисковъ, для распространенія. Разобрали вечера: собирались у Бухтормина, который изъ жильцовъ прачки Аксиньи сзвалъ и сверхштатныхъ чиновниковъ безъ жалованья въ департаментъ Ѳедосѣя Ѳедосѣича перешолъ на чистый дворъ, въ квартиру съ своимъ ходомъ и штатное мѣсто въ 750 цѣлковыхъ, добытое у начальственнаго родственника Ломовизовымъ, которымъ предвѣрительно былъ обруганъ, за одно предположеніе, что вздумаетъ благодарить...

— Я вамъ пришелъ сказать... только, послушайте, вѣдь это будетъ ужасное свинство, если вы вздумаете...

Сходились у Ломовизова, въ казенномъ помѣщеніи родственника; у Бориса Затонова—въ купленномъ, за проданную Ѳедо-

сю Федосвичу Крутиловку, собственномъ домѣ, обколотенномъ пенилосердо кулаками Силы Петровича, который сверхъ того на четверенькахъ выползалъ всѣ чердаки, отыскивая какіе-то «свищи» въ крышѣ.

— Свищъ самъ скажется!—говорилъ онъ, распростираясь и вознося очи горѣ.

У Сорнева съ Камеевымъ собранья отличались нѣкоторыми особенностями. Разноперовъ другой годъ все пріѣзжалъ «завтра» изъ Варшавы, и все еще не пріѣхалъ; а пріатели все еще оставались заложниками Силы Петровича, который каждое утро садился на разсвѣтъ у входа караулить «сахара-медовича». Такъ какъ, по какой-то странной прихоти природы, печи не грѣли, когда ихъ не топили,—не топили же потому, что не было дровъ; дровъ же не было оттого, что не было денегъ, то собиравшіеся приглашались не снимать ни шубъ, ни валопъ. (Сами хозяева жили не раздѣваясь). Была еще и та особенность, что подъ ногами у большихъ шныряли двое бѣдныхъ маленькихъ дворянъ, подобранныхъ Александромъ Александровичемъ гдѣ-то по дорогѣ, и доставленныхъ при случаѣ для полученія столичнаго образованія. Покуда они только получали возможность играть въ бабки на дворѣ съ столичными мальчишками, да продовольствіе, какъ можно полагать, не очень обременительное отъ долговязаго мужа Акинѣи. (Онъ приставленъ былъ къ нимъ Менторомъ впредь до того, какъ станетъ выѣзднымъ: «вы понимаете, онъ былъ выѣзднымъ у князя; а мнѣ, вы вѣдь меня понимаете, хорошій выѣздной будетъ нуженъ для жены, гм... Ихній выѣздной вѣроятно очень хорошій человекъ, только онъ, знаете, похожъ гм... на орангутанга»...) Одно то, что бѣдные дворяне совершали не разъ пѣшіе походы въ Царское Село, въ надеждѣ у какаго-то дяди подкрѣпить свои оскудѣлые желудки, говорило объ ихъ легкости. На сходкахъ они потихоньку затыгивались изъ чубуковъ и заряжали себя на недѣлю булками и чаемъ, которымъ гости согрѣвались до разсвѣта...

Наконецъ, по пятницамъ были собранія у Павлонецкаго, въ просторномъ помѣщеніи въ Коломнѣ...

Въ то же время мракъ какъ будто плылъ со всѣхъ сторонъ и только пуще толкалъ къ свѣту тѣхъ —

Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша, и т. д.

Спѣшили, впрочемъ, собственно у Павлонецкаго; у прочихъ болѣе упорствовали и волновались.

— Это невозможно! Сознать и чувствовать, что невыносимо! знать, что мы обречены все это выносить — и ничего не можемъ сдѣлать!—вотъ чѣмъ кончались волненія и упорства.

— Да, невыносимо! и потому именно, что оно невыносимо, его выносить не должно—и можно все сдѣлать, и мы должны! мы призваны это сдѣлать!—такъ проявлялась у Павлонецкаго поспѣшность.

Такимъ образомъ, одни пятничные вечера могли считаться вечерами дѣйствія... помысловъ; всѣ прочіе были собственно вечерами дѣйствія... языковъ. Но и такого невиннаго дѣйствія было довольно, чтобы наводить страхъ на осторожныхъ. Попавшій какъ-то разъ неосторожно на вечеръ Бориса Эвигъ очутился какъ на угольяхъ и выскочилъ въ поту, съ зарокотомъ: обходить на будущее время самую квартиру «родственниковъ». Оедосѣя Оедосѣича, при одномъ извѣстїи, что у племянника назначенъ вечеръ «въ такое время», объялъ ужасъ: «ты, Борисъ, рискуешь! Вотъ и людей ты отпустилъ на волю... Это женерозно—я не спорю, — даже очень женерозно; однакожъ, братъ, въ такое время... Словомъ, я бы тебѣ не совѣтовалъ»...

Возвышенный полетъ опасной молодежи наткнулся тогда на горячіе вопросы жизни, обжигая на нихъ крылья какъ бабочка на свѣчкѣ. Такъ, дѣйствуя съ неутомимостью и искренностью языкомъ противъ «оттапливающаго» торговаго народа, Затоновъ не сумѣлъ иначе дѣйствовать, какъ поспѣшить продать своихъ крутиловскихъ людей, — чуть только дядя вызвался его избавить отъ чуждости имѣть ихъ. Радость, что такимъ нехитрымъ средствомъ разсѣкается тотъ узелъ, развязать который онъ не видѣлъ никакого средства (потому что если отпустить на волю и одну семью ужъ было рискованно, то чтожъ было бы съ отпускомъ цѣлыхъ ста душъ?), облегчила душу, волновавшуюся помыслами... Не взглянувъ на записку Оедосѣя Оедосѣича: «десятина земли... по 55 р.; лѣсу... по 100 р.; крестьянъ сто, по 200 р. за душу; рогатаго скота, овецъ и лошадей... по... итого...», — онъ согласился опретью на «итого» и предоставилъ кулакамъ Силы Петровича стѣны, а колѣнникамъ чердаки торговаго дома, со свѣщами или безъ свѣщей, онъ къ этому былъ совершенно равнодушенъ, — и купилъ домъ. Уже гораздо позже, въ померкающую пору жизни, когда только и остается свѣта позади, — онъ пожалѣлъ объ этихъ чащахъ вѣковыхъ дубовъ и дикихъ грушъ и яблонь, облитыхъ по вѣснамъ цвѣтомъ, какъ молокомъ; о дорогихъ прудахъ, необозримыхъ пашняхъ, поэтическихъ садахъ и пасѣвахъ, промѣнянныхъ на вѣсело

сотъ сажень тины подь какимъ-то домомъ на Васильевскомъ острову.

XV.

Зима прошла, и въ свой чередъ пришла другая. Медовый мѣсяцъ помысловъ, волненій и упорствъ кончался. Розы ихъ, когда къ нимъ прикоснулись ближе, обнаружили шипы, и уколовшіеся отнимали руки. Упоение отъ рѣчей противъ крѣпостного права, анаемы вкнуту, битью солдата по зубамъ; отъ поруганія безгласнаго суда, глумленья надъ безмозголою цензурою: все это, совершенно безкорыстное сначала, — потому что большинству и въ голову не приходило, что, однако, надо бы не только говорить, но дѣлать что-нибудь, чтобъ этого не дѣлалось, — начало смѣняться именно тревогой: что, однако, надо дѣлать?

— Какъ? — затруднялись одни.

— Да всячески, какъ только можно и гдѣ можно, — рѣшаль Павлонецкій, для котораго не существовало затрудненій: — на площадяхъ (я это беру на себя); въ казармахъ (пусть беретъ Камеевъ); въ департаментахъ (Бухторминъ); въ корпусахъ (возьмемъ Потылицу!); а Сорневъ съ паномъ — гдѣ хотятъ: въ костелахъ и церквахъ... вездѣ! И пусть недовольные, какъ мы, идутъ за нами! Тогда увидимъ!

— Насъ такъ мало недовольныхъ! И пойдутъ ли еще съ нами? — сомнѣвались другіе.

— Всѣ пойдутъ! всѣ недовольны! — опять ручался Павлонецкій, зная не знавшій, что такое сомнѣваться.

Третьи ничего не говорили, но отчаливали по-немногу... Хоръ, тянувшій дружно, какъ одинъ, разстраивался. Отъ напора постороннихъ тѣсный кругъ раздался, обнаружилъ трещины.

Ужъ кой-о-чемъ стали умалчивать, шептались въ разныхъ комнатахъ... Всѣ уже не понимали каждого и каждый не понималъ всѣхъ...

Гости Павлонецкаго дѣлились на кружки, на комнаты; куда одни входили, прочіе едва заглядывали и шли прочь; о чемъ тамъ говорилось, не вѣдалось другими; незнакомыхъ появлялось съ каждымъ разомъ больше; съ ними даже не считали нужнымъ и знакомить. Между ними иногда проскакивали невозможные: такіе, напримѣръ, которые крестили себѣ ротъ, зѣвая... И какъ только они сюда попадали? Одинъ разъ даже заболталась ряса дьякона, да еще армянскаго, съ необычайнымъ теноромъ. Должно быть, его тоже надлежало совратить съ пути довольства отъ при-

хода и направить на путь недовольства отъ всего существующаго. Гаденькій чиновникъ съ итальянскою фамиліею такъ и смотрѣлъ нѣвѣстнымъ отдѣленіемъ... Хозяинъ былъ не переборчивъ: одного простого заявленія недовольства было для него достаточно, чтобъ распахнуть двери. Написалъ кто-то брошюрку противъ простодушной *кожицы* (V),—онъ и его туда же: пишетъ *противъ*, значитъ недоволенъ! И вотъ, недовольный одной буквой въ азбукѣ уже дѣлается недовольнымъ всѣмъ на свѣтѣ...

Набралось, наконецъ, такое множество, что для разливанья и разноски чаю пришлось учредить особенныя должности, и первую отдать знакомому намъ Истукану, вызванному Оедосѣемъ Оедосѣичемъ для разработки новыхъ отраслей естественныхъ богатствъ Крутиловки (чуть ли не золотыхъ россыпей въ той самой рѣчкѣ, гдѣ ловились караси Яшею) да такъ и позабытому, по случаю возникшихъ непріятностей съ министромъ у помѣщика, окончившихся для послѣдняго сенаторствомъ съ разлитіемъ желчи. На вторую должность взять былъ долговязый мужъ Алены, ожидавшій терпѣливо, какъ ждуть будущей жизни, будущаго жалованья у Разноперова, пока не подскочило настоящее у Павлонецкаго.

Пожалуй, Истуканъ, самъ того не подозревая, представлялъ собой для незнакомыхъ недовольнаго дворянина... Чѣмъ недовольнаго? Да вѣроятно, всѣмъ! И если этотъ недовольный дворянинъ, но предовольный разливатель чаю, только и умѣлъ сидѣть развѣся уши, то другой ихъ наострялъ изъ-всѣхъ силъ, разнося подносы. Конечно, никогда еще не находили его вкусъ удовлетворенія такого полного: слушай-себѣ во всю свою волюшку, сколько влѣзетъ!

А послушать было что: требовались вещи самыя предосудительныя, которымъ надлежало пройти черезъ горнило какаго-нибудь графа Виктора Никитича, чтобъ сдѣлаться законными.

Дождались мирныя стогны Коломны, до тѣхъ поръ видѣшіе однихъ склонявшихся на алебарды сонныхъ будочниковъ, того, что увидали вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ треугольную шляпу квартальнаго въ окрестностяхъ дома Павлонецкаго.

— Знаешь ли, за нами, кажется, слѣдять, — хвалился Камеевъ Затонову, котораго уже гораздо рѣже можно было встрѣтить гдѣ-нибудь на сходкахъ, чѣмъ въ его уединенномъ домѣ, за конторкою, съ перомъ въ рукѣ...

— Изъ чего жъ ты заключаешь, что слѣдять за вами?

— Уже полиція была въ послѣдній разъ. Такъ-таки безъ церемоніи въ лицо и заглядываетъ.

— Да ей чего же перемониться? Переберетъ васъ всѣхъ, какъ куропатокъ! и умно сдѣлаетъ: сами лѣзете! Я давно уви-
дѣлъ, что такъ лѣзть глупо! и пересталъ...

— Ахъ, мой другъ! Неужто жъ оттого, что тамъ какой-ни-
будь квартирный тебѣ въ рожу смотреть, бросать дѣло! Это
малодушно! Это, наконецъ, подло! — декламировалъ Сережа — «Ге-
дора Семеныча».

— Что подло-то? и какое такое дѣло у васъ, скажи на
милость? Или вы скрываете, можетъ быть, — тогда я его не знаю...
А я дѣла-то и не видѣлъ... Говори, скрываете? а?

Камеевъ замаялся.

— Нѣтъ... то-есть, пожалуй... А впрочемъ... Ну, да, однимъ
словомъ, другъ, оставимъ это, — пробовалъ шутить Камеевъ...

Только другъ обидѣлся; скрываютъ, — значитъ признаютъ,
что недостойны...

— Если хочешь, оставимъ! Гдѣ ужъ мнѣ! А только по-
падетесь вы, помини мое слово! Ни за что и попадетесь! и
пропадете! У меня, братъ, есть предчувствіе, какой-то нюхъ на
эти вещи... да!

— Ну, еще мы попадемся ли, нѣтъ ли... А пропадать все
одно: такъ или иначе! Лучше *такъ* по-моему, — хоть за что-ни-
будь, по крайней мѣрѣ...

Онъ подошелъ къ окну и приложился лбомъ къ холодному
стеклу.

— А у тебя какъ тихо... все спитъ, — проивнесъ онъ почти
съ завистью.

— И пропадете тоже ни за что! — продолжалъ свою мысль
Борисъ: — потому что я не вѣрю, — я не въ состояніи вѣрить,
чтобы тотъ сбродъ, который набирается у Павлонцева... вѣдь
вы сами собственно и дюжины не насчитаете... все остальное сбродъ, —
чтобы весь этотъ сбродъ на что-нибудь годился. Хорошо еще,
если они не шпионы...

— Это немножко-таки есть! — вздохнулъ Камеевъ: — мы ужъ
не разъ говорили Павлонцевоу. Да что съ нимъ станешь дѣ-
лать? Совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ: «для меня, говоритъ,
шпионы не существуютъ! Шпионство, говоритъ, въ сводѣ зако-
новъ не предусмотрено!» Эхъ, Борисъ, Борисъ! ты, пожалуйста,
не думай, что я съ тобой несогласенъ, — я совершенно согласенъ:
пропадемъ мы всѣ! и ни за что пропадемъ (говорилъ ужъ
истинный, ненастаганый Сережа). А все же мнѣ назадъ нельзя, —
я слишкомъ далеко зашелъ! Ну, да ужъ что дѣлать — видно, на
роду написано. Прощай!

Онъ наскоро простился; наскоро надѣлъ шинель безъ помощи храпѣвшаго въ прихожей Тимофея и ушелъ мрачный.

— Да-бишь, — отозвался его голосъ уже на лестницѣ: — совсѣмъ-было забылъ: тебѣ Лили... Лизавета Ѳеодосѣевна... передаетъ черезъ Клеопатру Лагъ, чтобъ ты былъ непременно завтра въ маскарадѣ. Она хочетъ съ тобою о чемъ-то говорить. Смотри же, *непретѣнно*, — такъ и сказано! — Прощай!

Борисъ слѣдилъ за нимъ въ окно.

Просторный дворъ, серебряный отъ мѣсяца, былъ перерѣзанъ синеватыми тѣнями сада, забора и мирно спавшаго всѣмъ небольшимъ населеніемъ дома... По нимъ быстро прошла длинная тѣнь Камеева... Слова Силы Петровича: «рай, у васъ, Борисъ Павловичъ, сушій рай: ребята на дворѣ, какъ поросля изъ травъ валяются» (хотя они теперь и не валялись), — пришли ему на память.

— Да, а мы вонъ волнуемся! То-есть собственно они, — мнѣ это волненіе безъ цѣли, съ убѣжденіемъ, что пропадешь безъ пользы, — мнѣ это сумасшедшее волненіе перестало быть по душѣ. Она хочетъ мира, — Бухторминъ говоритъ, — наслажденія... Можетъ быть! Но я не понимаю ничего безъ наслажденія. Погибнуть, достигнувъ цѣли — наслажденіе. И такъ я не прочь погибнуть. Но погибать, зная, что погибашь даромъ, просто глупо! Сергѣй это чувствуетъ; но онъ малодушенъ — онъ не смѣетъ сказать себѣ и имъ, что глупо!.. А скверно у него на душѣ — ухъ, какъ скверно! Жаль мнѣ его, бѣднягу! жаль! Поэтъ и художникъ онъ, какъ я; а вонъ въ какую труппу затесался! Хотѣлось бы мнѣ, однако, знать, во что онъ именно затесался? Скрываютъ... Гм... Ну, скрываютъ, чортъ съ вами!

— А въ маскарадъ я, пожалуй, пойду!.. О чемъ она можетъ со мною говорить? Ну, да все равно, о чемъ бы ни было, я пойду...

— Ахъ, какъ тутъ тихо... будто въ Степинскѣ. А у нихъ-то!..

Съ улицы завизжала и стукнула калитка. Опять вытанулась чья-то тѣнь, прошла по двору, укоротилась и утонула во входной двери. Тимофеею пришлось-таки проснуться.

Это былъ Ѳеодоръ Семеновъ.

Если Камеевъ ушелъ мрачный, то Сорневъ вошелъ еще мрачнѣе. Онъ едва поздоровался и, не садясь, заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Какая у васъ, однако, благодатная глушь, — заговорилъ онъ, наконецъ, — хоть фальшивыя бумажки дѣлай...

И опять замолчалъ, и все ходить.

— Отъ меня только-что Камеевъ вышелъ, — отозвался хозяинъ.

— Сережа? Давно я его не вижу — съ пятницы.

— Да развѣ вы ужъ не вмѣстѣ живете?

— Вмѣстѣ. Только я рѣдко домой захожу...

— Одичали?

— Да, Иванъ очень беспокоится... А глухо у васъ, чудо какъ глухо...

И онъ выглянулъ въ окно.

— Всѣ квартиры заняты?

— Всѣ.

— Жалею. А очень бы нужно... Вонъ тамъ въ уголѣ — въ садикѣ, безподобно!

— Если очень нужно, можно отказать — тамъ городской живетъ.

— Городовой?! — почти испугался Сорневъ, — и это было до того необыкновенно въ такомъ человѣкѣ, какъ онъ, что Борисъ даже не скрылъ своего удивленія. Но природная иронія сейчасъ же вызволила гостя.

— Вы такихъ важныхъ жильцовъ имѣете, что нельзя не испугаться... Городовой! Шутка ли? Этакая, можете себѣ представить, власть, и вдругъ въ самомъ домѣ... Нашъ братъ на нихъ только издали, да и то со страхомъ и трепетомъ взираетъ...

— Ну, а все-таки эту страшную власть, если хотите, выгнать можно...

— Боже упаси и помилуй! Дары ей принести согласенъ, а выгнать?..

— О Богъ — ни полъ-слова!

— Разумѣется. Это одно и то же...

И онъ понюхалъ табачекъ по прежнему.

— Чтò у васъ тамъ по пятницамъ новаго? Я давно не ходилъ, — перебилъ разговоръ Борисъ.

— Много новаго. Сережа отличается. Въ послѣднй разъ такъ увлекся, что даже Павлонецкій сказалъ: *аминь*... Есть пріобрѣтенія серьезныя: есть гвардейскіе офицеры... это для насъ важно...

— Да что жъ вы воевать, что ли, собираетесь?

Сорневъ помолчалъ.

— Воевать не воевать, а все жъ если вмѣсто маршировки, въ сласть себѣ, да въ услажденіе тѣхъ, кто повыше, они узнаютъ сладость чего-нибудь другого, — лучше будетъ!.. Впрочемъ я этого

ничего не знаю,—я собственно знаю, что литографія нужна, и вашъ домикъ, такъ сказать, созданъ для этого...

— Если нужно... что-жъ? я не противлюсь, — не особенно предупредительно предложилъ домовладѣлецъ.

— Ахъ, да нѣтъ! Не надо!—вдругъ закричалъ озлобленно Федоръ Семенычъ. Волосы его нависли черными пасмами по обѣимъ сторонамъ еще больше исхудавшаго темнаго лица. Глаза засверкали.

— Ради Бога, ничего не надо! На что, зачѣмъ портить мнѣ вашу счастливую долю! Ничего не надо! *Намъ* терять нечего, искать тоже нечего,—такъ *намъ* и пропадать! А вамъ?.. Нѣтъ, родной, вы меня даже простите за то, что я васъ потревожилъ... Право!—заговорилъ онъ неожиданно нѣжно, обнявъ и поцѣловалъ его сухими, горячими губами.

— Право, какъ-то глупо съ толку сбился... Бродишь вотъ такъ-то, бродишь—и ночь прошла, смотришь, а ты не спишь... а спать все-таки не хочется... Домой не хочется, въ люди не хочется... Чортъ знаетъ, что съ тобою дѣлается...

Онъ разставилъ руки и оглянулъ себя, точно самому хотѣлось убѣдиться, что наконецъ съ нимъ дѣлается...

— Губите вы себя,—заговорилъ-было Борисъ, но тотъ строго остановилъ его.

— *Наше* дѣло; Борисъ Павловичъ! Въ этомъ мы хозяева, какъ вы въ *вашемъ* домѣ: хотите—гоните городского, хотимъ—губимъ себя... А зачѣмъ, прощайте!

Но тутъ же, какъ бы раскаявшись въ своей рѣзкости, онъ крѣпко пожалъ руку Затинова и прибавилъ: «у меня на шей воть въ этомъ пузырькѣ есть и спасеніе. Въ свое время сослужить службу... Прощайте, мой хорошій!»

Мимо окна опять прошла тѣнь; шаги стали утихать; утихла — и кроткій миръ глуши, на который посягала озлобленная рука, остался ненарушеннымъ... Все спало также безмятежно... Легъ спать и Борисъ; но долго еще проходили тѣ двѣ тѣни по его тревожному забытью, такими, какъ онѣ прошли по сонному двору его дома...

XVI.

Въ залахъ дворянскаго собранія было тѣсно, свѣтло и жарко. Въ еле-двигающейся волнѣ касокъ, шляпъ, домино, мундировъ и фраковъ пищали маски... Оркестръ игралъ громко танцы. На самой серединѣ главной залы, на небольшомъ свободномъ

пространствѣ, какъ на островѣ посреди этого люднаго моря, неудобно танцовали.

— Ну какъ тутъ ее встрѣтить? — подумалъ Борисъ, и прислонился къ одной изъ толстыхъ бѣлыхъ колоннъ на возвышеннѣй колоннадѣ. Такимъ образомъ онъ себя какъ бы выставилъ, и она могла найти его, если хотѣла.

Четы одна за другою прибывали какъ волны прилива и гудѣли какъ приливъ. А веселья все-таки не было! Люди отправляли веселую повинность, но не веселились. Тѣ же стяннутые лица и наглухо застегнутые мундиры... Женщины, подъ складками ихъ черныхъ домино, гораздо болѣе похожія на тѣни съ кладбища, чѣмъ на живыя существа, собравшіяся покружить головы... Онъ вспомнилъ маскарады въ Оперѣ, въ Парижѣ, гдѣ человѣкъ сбрасываетъ все и одѣвается въ одно веселье... женщины даже сбрасываютъ одежду почти до пояса...

Ужъ онъ досадовалъ, зачѣмъ пріѣхалъ? точно не могла Лили поговорить и дома? — какъ вдругъ сильная женская рука порывисто схватила его за руку... Изъ узкихъ щелей маски на него смотрѣли страстные глаза —

И улыбался лукавыя уста...

Однако, ни то, ни другое не могло принадлежать Лили.

— Ты? Наконецъ это ты? — говорила маска, и такъ громко, что проплывавшій мимо съ какимъ-то порывчатымъ домино зѣвующій Шмульканъ слышалъ и пропѣлъ въ поясненіе: «in mio sap al'fin tu sei!», потѣмъ послалъ безцеремонное: «bonne chance, mon brave!» и поплылъ дальше.

Женская рука между тѣмъ увлекала съ такою стремительностью и силой, что Борисъ опомнился только на лѣстницѣ, которая вела на хоры.

— Уйдемъ дальше... дальше... Здѣсь опасно... Онъ меня съ глазъ не слускаетъ... Я отпросилась въ уборную... Въ залѣ онъ какъ разъ найдетъ...

Ростъ, движенія, что-то неопредѣлимое, но ощущаемое; вѣяніе чего-то уже испытаннаго; голосъ, хоть еще немножко маскарадный — не вполне свой — все говорило, что не въ первый разъ такъ близко отъ него та женщина, съ которою онъ шелъ...

Но вотъ они и на хорахъ, въ полутемномъ углубленіи окна. Она быстро приподнимаетъ кружево маски надъ губами и вливается горячимъ поцѣлуемъ въ его губы.

Эти губы и этотъ поцѣлуй досказали остальное.

— Мари! Марья Михайловна!—прошепталъ онъ радостно и обвился обѣими руками подѣ широкимъ домино около милаго ея стана...

— Вотъ-то не ждалъ! — говорилъ онъ: — точно вижу сонъ!

— А ужъ я-то какъ ждала! Больше года я тебя жду! Больше двухъ лѣтъ не видала, не держала вотъ такъ...

Она прижималась къ нему всѣмъ тѣломъ, жадно цѣловала въ глаза, въ губы, въ лицо...

Набившаяся на хоры толпа была до того занята собою (сюда уже не приходили зѣвать); каждая пара такъ плотно шла рука объ руку; поцѣлуй былъ здѣсь такимъ естественнымъ звукомъ, что нѣжная встрѣча въ окнѣ не привлекла особенно ничьего вниманія.

— Гдѣ ты былъ? куда пропалъ? отчего не ѣдешь ко мнѣ?.. Отвѣчай! говори! признавайся!..

Все это было выброшено въ такомъ быстромъ темпѣ и насыпано такими поцѣлуями въ губы, что отвѣтъ не могъ и состояться.

— Я тебя познакомлю съ мужемъ сегодня же. Ты долженъ съ нимъ сойтись... Слышишь, *долженъ*! Ты его долженъ очаровать... вѣдь меня очаровалъ же... мой очаровательный! мой милый! мой гадкій! мой! мой! мой! мой!!!

И опять поцѣлуй, даже шалости: она тормошила за руку, дергала за эполеты, за усы... Эта свѣтская замуженная женщина отъ радости сдѣлалась опять дѣвочкой—Марья Михайловна Точилова преобразилась въ институтскую Машу Зеленецкую...

— Я другой годъ замужемъ. Мужъ мой ничего... онъ добрый мальчишъ. Только ужасно влюбленъ и ревнивъ. Ты смотри, онъ не долженъ ревновать къ *тебѣ*. Слышишь? Ты кузенъ моей подруги и всѣ мы друзья дѣтства—играли вмѣстѣ... больше ничего! Понялъ? Да чтожъ ты молчишь? что ты на меня такъ смотришь? Ты вѣрно думаешь: вотъ-то сумасшедшая! Правда, я сумасшедшая отъ радости... Теперь мы можемъ любить другъ друга, Борисъ! Или ты, можетъ быть, не хочешь? Говори!

— Хочу! очень хочу!—произнесъ онъ съ тою охватывающею силой, съ какою въ эту минуту охватила его самого потребность любви.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ добровольнаго удаленія отъ этого міра женскихъ прелестей, женскихъ ласкъ,—его вдругъ обдало женщиной: точно свѣтъ хлынулъ въ темноту. И ему вдругъ стало такъ хорошо!

Маша поняла это.

— Завтра ты *будешь* у насъ—вижу по глазамъ. Довольно. Теперь оставь меня, я пойду внизъ. А при раз'ѣздѣ представлю мужу...

И она затерялась въ толпѣ, поцѣловавши еще разъ на ходу.

А онъ только и чувствовалъ, что весь горитъ, и голова идетъ кругомъ; что натывается на встрѣчныхъ; вызываетъ ронотъ, даже легкіе удары вѣеромъ по эпюлетамъ...

— *Eh voilà lui à qui on a tourné la tête!* Ахъ, какой рас'янный! *Mais revenez donc à vous, monsieur!* — пищали миски.

Наконецъ онъ выбрался на лѣстницу, спустился въ залу и наткнулся прямо на Адама Эвига, съ маской подъ руку. Шепнувъ ему что-то на ухо, та не совсѣмъ рѣшительно потянулась рукой къ Борису.

— Насилу я тебя дождалась, Борисъ! мы ужъ хотѣли уйти... А я съ тобою хотѣла... поговорить, — услышалъ онъ дрогнувшій голосъ Лили. Рука ея тоже слегка дрожала.

— Мерси, что ты сдѣлала, какъ я просила...

— Извини, я виновата, не сразу отыскала, — тоже нѣсколько смущенно оправдывался онъ: — ну что жъ ты мнѣ скажешь, Лили? какъ ты — счастлива ты?

— Да, Борисъ... Увѣряю тебя... Ну, повѣрь мнѣ, что счастлива, — почти умоляла она: — ты на меня не сердись? Мнѣ надо, чтобъ ты мнѣ сказалъ это...

— За что жъ, помилуй! да если вдобавокъ ты счастлива? Нисколько!

— Ты вотъ не вѣришь! Ты моего мужа считаешь за... дурака. Ну, или считаешь... Ты смѣялся надъ нимъ... Вы всѣ смѣялись...

Ему хотѣлось поправить: «мы всѣ смѣялись»; но воспоминаніе о той порѣ какъ будто не позволило напомнить, что смѣялась и она...

— А онъ такъ добръ ко мнѣ! Онъ меня бережетъ... ухаживаетъ *ужасно* какъ! (проскочило институтское словцо, котораго она не смѣла бы употребить въ ту пору, и смутило ее). Я право буду съ нимъ счастлива... Мнѣ *это* хотѣлось сказать тебѣ, чтобъ ты зналъ, Борисъ... Я тоже хотѣла просить тебя...

— О чемъ?

— Я хотѣла тебя просить: думай о немъ хорошо! онъ очень тебя любитъ.

— Ты съ нимъ счастлива—этого довольно, чтобъ я о немъ хорошо думалъ.

Разговаривая, они проходили хорошо извѣстную тогда всѣмъ изысканно, по всѣмъ приличіямъ увлекшимся, малиновую залу. Навостренныя глаза Бориса въ потаеннѣйшемъ углу нашли Мари Точилову и рядомъ одного изъ тѣхъ до такой степени высоко поставленныхъ людей, что къ нимъ мужья подсаживаютъ сами своихъ женъ... Лили ее узнала тоже.

— А! вотъ отчего тебя такъ долго не было! — заговорила она голосомъ когда-то такъ знакомой ему ревности: — я, можетъ быть, васъ разлучила? Ты меня прости, Борисъ!

— Нѣтъ, мы кончили... ты, то-есть, насъ не разлучала ни сколько, — смутился и онъ въ свою очередь, съ досадою ощущая въ себѣ ревность, — только не къ Лили.

Въ молчаніи не совсѣмъ любовно (онъ думалъ: какъ бы не упустить Мари; она думала: какъ бы не раскислѣться?) достигли они мѣста, гдѣ ихъ ожидалъ слегка подрѣмывавшій Эвигръ... Онъ въ каретѣ и совсѣмъ задремалъ; она и совсѣмъ раскислѣлась. И если хоть какое-нибудь еще могло въ ней сохраниться сомнѣніе на счетъ того — совсѣмъ ли ужъ она чужая тому человѣку, который былъ когда-то ближе всѣхъ, то этой встрѣчей разрѣшалось все; и если въ ней еще могла явиться жалость и къ самой себѣ, и къ своему новому положенію, рядомъ съ этимъ спящимъ Эвигромъ, — то она хлынула именно теперь — этимъ потокомъ слезъ...

XVII.

Что до Точиловой, она, конечно, не ошиблась: на другой день Борисъ уже былъ у нея, и Асинирить Асиниритовичъ, введенный самымъ смѣлымъ сокращеніемъ до Ати, даже Атички, уже творилъ признанья, до которыхъ вообще былъ падокъ, своему новому, а жены своей старому другу.

— Такая, знаете, скука съ этими важными знакомыми Мари, чтобъ ихъ чортъ всѣхъ подобралъ! Приглашетъ тамъ какой-нибудь испанскій посланникъ, или директоръ пѣвческой капеллы. Ну, какъ есть глухой тетеревъ — ничего съ нимъ не подѣлаешь! хотъ стрѣлай, не слышитъ. А она ему пей. Только сверлетъ надонъ, да къ уху ее, къ уху... Вотъ и сейчасъ ждемъ графа Толкучина. Въ маскарадѣ объявилъ старый хрѣнь: завтракать, говорить, ша bonne amie, въ вамъ буду. Ну, да нѣтъ этого хотъ по крайней мѣрѣ что-нибудь выжать можно. Мари вотъ фю-фю какъ аксельбанта для меня хотѣлась, — черевъ него вѣдь достала.

Атчека присвиснулъ такъ, что Мари услышала черезъ дѣй комнаты и дала предостереженіе: «ты смотри еще при Толкучинѣ не вздумай!»

Онъ занялся предобродушнымъ смѣхомъ, и забавный видъ его наглядно объяснилъ хотѣніе жены хотѣ аксельбантомъ довершить ея недоконченного «добраго мальчика». Украсивъ мужа аксельбантомъ, Марья Михайловна украшала его кабинетъ собою.

Съ откровенностью, которая такъ шла въ хозяйну, письменный столъ былъ исключенъ вовсе, какъ предметъ ни для чего ненужный; здѣсь принимались «пріятные знакомые» жены. Не столъ пріятные, но нужные, обыкновенно принимались въ небольшомъ, изящномъ будуарѣ. На фонѣ его розоваго ситца, очаровательная хозяйка представлялась еще очаровательнѣе важнымъ старичкамъ, посланникамъ и прочимъ. Для Толкучина и завтракъ накрывался въ будуарѣ, на уютномъ столикѣ и съ простотою обстановки, стоющею большихъ денегъ; потому что графъ былъ не просто нужный, — онъ былъ самонужнѣйшій: изъ него предвидѣлось, кромѣ аксельбанта, выжать еще представленіе ко двору, гдѣ Толкучинъ занималъ должность почти безпримѣрную по своему значенію: заводилъ самыя маленькіе часы самой большой особы женскаго пола во дворцѣ... Широкое, съ узенькими глазами, татарское лицо его было выкрашено, какъ у Чернухина, подчеркнено, подтянуто и выглажено гдѣ надо.

Марья Михайловна, одѣтая со всевозможнымъ тщаніемъ въ возможно тщательную утреннюю needъ, хоть и была бы рада ни на шагъ не отходить отъ друга дѣтства; хоть распоряженіе завтракомъ и находилось въ опытныхъ рукахъ шапап, — однако не могла не отрываться съ видимой тревогой отъ пріятнаго изъ-за полезаго: то выходила, то прислушивалась, то переставляла то или другое и мимоходомъ взглядывала въ зеркало. А тутъ еще и этотъ «мальчикъ» съ его выходами: «ѣдутъ! батюшки, ѣдутъ! пріѣхалъ! пропали мы!» и т. п.

Но вотъ и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ.

— Ахъ, малая скука! — притворилась хозяйка въ кабинетѣ, выступая плавной лебедью въ гостиную, гдѣ черезъ минуту притворилась уже почти игривой козочкой, что при ея сложеніи и ростѣ было даже не совсѣмъ удобно.

— Bonjour, ma bonne amie! bonjour ravissant! — раздался сильный голосъ Толкучина, вмѣстѣ съ звукомъ шпоръ. Затѣмъ голосъ и шпоры утонули въ опустившихся розовыхъ портьерахъ

ситцеваго святника... А Атичка полѣзъ проворно подъ кусты и достала какую-то бутылку.

— Завѣтная-сь! — произнесъ онъ, похлопывая по ней ладонью: — восемь целкачей, батюшка! Съ острова Мадеры, бестя!

И на цыпочкахъ, хоть это было совершенно лишнее, пробрался въ двери, у которой уже ждалъ «завѣтную» лакей, напряженный въ штиблеты. Потомъ, на цыпочкахъ же, подошелъ къ прихожей. Тамъ какъ вареный ракъ алѣлъ придворный ви-ѣздой графа.

— Важно! — произнесъ Атя и сморкнулъ носомъ отъ удовольствія.

Въ подобныхъ случаяхъ онъ и близко къ будюару не подпускался; самое существованіе его едва подозрѣвалось.

— Теперь все ладно! — успокоился онъ и пустился въ новые откровенія: признался, что Борисъ ему пуще всего тѣмъ нравился, что въ немъ онъ первый разъ въ жизни видитъ такъ близко человека, который сочиняетъ стихи («до сихъ поръ, еі Богу, не видѣлъ!» божился онъ); сообщилъ затѣмъ самыя дружескія подробности объ ихъ времяпровожденіи. Оказалось, что днемъ еще туда-сюда — время кое-какъ убиваютъ.

— Велишь, знаете, заложить Бичка (а Бычокъ — сѣрый въ яблокахъ рысакъ, съ цѣлой родословной и блестящимъ прошлымъ; имя его записано на скрижаляхъ рысистыхъ бѣговъ и выбѣганные имъ призы чтятся, какъ трофеи Атичкой); дернешь по Нескому такъ, что только держись! всѣ повади остались! А Мѣникъ (уменьшительное жены) отъ удовольствія пищитъ и щиплетъ... Въ другой разъ визиты дѣлаемъ... Ну, это ужъ въ каретѣ — это не то... Вечеромъ — вотъ когда бѣда: ежали ни театра, ни бала нѣту, просто не знаешь, что и дѣлать! пропадаетъ! Кто выручить — придетъ, какъ отцу родному рады, батюшка! Смотрите-жъ, приходите, выручайте! поваляиваетъ; Мѣникъ попоетъ... вы слышали новый романсъ — со вздохомъ-то?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Фю-фю-фю! — засвисталъ онъ, какъ разъ по предсказанію жены, да и струсилъ, — оторопѣлъ и обѣими ладонями зажалъ ротъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше прощайте! — рѣшилъ онъ безперомно, — съ вами еще грѣха наберешься... Да смотрите, выручайте!

И забывши опять необходимое воздержаніе, высоко поднялъ руку, да такъ хлопнулъ гостя по ладони и стиснулъ ему пальцы, что тотъ вскрикнулъ. Носъ опять сморкнулъ, и новые пріятель разстались.

Съ этихъ поръ не проходило дня, чтобы скрипучая калитка не закрывалась за уходившимъ вечеромъ и возвращавшимся лишь поздно ночью молодымъ хозяиномъ дома на Васильевскомъ острову. Случилось такъ, что не одни вечера незнавѣя Точиловыхъ, что съ собой дѣлать, но и ихъ выѣзды ужъ онъ раздѣлялъ съ ними. Тамъ, гдѣ танцевала Марья Михайловна, и онъ танцевалъ. Кругъ совершенно чуждый предлагалъ съ радостью ему свое крещенье при такой воспріимницѣ, какъ «la délicieuse madame Totchiloff». Всякій разъ въ театрѣ его кресло приходилось съ той стороны, гдѣ ихъ ложа. Словомъ, трудно было и представить, чтобы, встрѣтивши Точилову, глаза могли не встрѣтить тутъ же гдѣ-нибудь Затонова. Старуха Зеленецкая, въ его присутствіи, съ нипѣніемъ заводила рѣчь о молодыхъ людяхъ, способныхъ разрушать счастье любящихся супруговъ. Любящая супруга обращала въ ея сторону умоляющіе взоры, а супругъ только носомъ дергалъ, не соображая, къ чему это клонится.

Случалось проводить и цѣлые дни у Точиловыхъ. Заѣдетъ утромъ. Вздумаютъ на острова—кататься съ горъ или смотрѣть камеліи въ оранжереяхъ; иной разъ Марья Михайловна откомандируетъ его одного за камеліями къ балу, и онъ привозится сохранно подъ шинелью, съ опасностью ознобить самого себя. Воротятся домой къ обѣду. У татаи внезапно разболится голова, а у всѣхъ развяжутся языки... Послѣ обѣда любящіеся супруги помѣщаются на знакомой намъ кушеткѣ, и счастливое хлѣбніе супруга скоро подаетъ знакъ любящимся друзьямъ дѣтства къ переходу на ты... Тутъ всякая опасность отъ звонковъ съ лѣстницы устранена. Домъ предается послѣ-обѣденному отдыху.

Непообѣдавшая матушка одна рыщетъ волкомъ въ темнотѣ гостиной; но и та не входитъ... Много масла подлили въ огонь молодого сердца эти тайные часы, съ чарующими взглядами и головой, склоненной на плечо; съ глухими поцѣлуями, пожатіями рукъ и ласками летучими, но страстными и общающимися...

Наконецъ, супругъ проснется; несразу прійдетъ въ себя и, осмотрѣвшись, выразитъ предположеніе, что «должно быть часокъ-другой откватазь».

— «Ата!—ухоризненно замѣтитъ нѣжная супруга, и рукою, только что сжимавшей руку у Бориса, примется приглаживать аттентну возбужденную голову.

Отъ этого порядочно коробитъ нравственное чувство юноши; но «la délicieuse» въ самомъ дѣлѣ до того délicieuse, что оторваться отъ нея нѣтъ силы.

Къ десяти часамъ пойдутъ сходиться: очень милый и поющій

милѣ басомъ чей-то адъютантъ, лишенный своимъ чиномъ права пѣть въ концертахъ (онъ полковникъ), вымѣщавшій это на знаемыхъ, у которыхъ пѣлъ не закрывая рта; аккомпанирующій Марья Михайловнѣ, знакомый уже красивый итальянецъ; былъ бы онъ еще красивѣе, когда бы русскіе хлѣба не такъ пошли ему въ прокъ. Этому хозяйка прямо въ глаза говорить: «est-il beau, est-il gros, se cher Nerril!». Непремѣнно будетъ композиторъ новаго романа «со вздохомъ», являющійся рѣдко безъ чего-нибудь новенькаго и прелестнаго, не посвященнаго прелестной же хозяйкѣ и не спѣтаго ею первую. Часто она пѣла иначе — не такъ какъ онъ задумалъ, выходило еще лучше, и онъ тутъ же передѣлывалъ. Невзрачный, маленькій маэстро былъ похожъ немного на котенка, да вдобавокъ заспаннаго; но когда бывало вдохновительная Марья Михайловна его усадить передъ фортепьяномъ, а сама подмостится за нимъ на табуретъ и, ероша рѣденькіе его волосы, начнетъ пѣть, — тогда его глаза засвѣтятся; вся маленькая, тощая фигурка вырастетъ — заспанный котенокъ просыпается орломъ...

Это лицевая сторона вечернихъ посѣщеній. Вслѣдъ за нею шла изнанка: корпусный товарищ Атичка, какой-то Сидоровъ, или, какъ его звали, *Сидоре*, — насквозь прокуренный москвичъ, необычайно рѣзавшій *жолтаю* въ среднюю лузу, съ карамболомъ по обѣимъ *краснымъ*; непременно хотъ одинъ свѣтскій офицерикъ, непременно прехорошенькій и всегда глупенькій. Хозяйка щелкаетъ Сидорѣ по носу и по одутловатымъ губамъ, а съ офицерикомъ кокетничаетъ. Атичка ревнуетъ. Но зато съ Борисомъ онъ покоенъ. Съ Борисомъ можно спать спокойно, — и онъ спитъ. Иной разъ ввалится аляповатый, съ бѣленькимъ крестомъ въ петличкѣ, съ краснымъ и рябымъ лицомъ, какъ слива, сизымъ носомъ и съ рукой на черной перевязи, отставной штабсъ-капитанъ Ананьевъ. По природѣ онъ соперникъ любого вахмистра, однакожъ полагаетъ, что — Бетховена, и потому пишетъ симфонію... На карточкахъ онъ прибавляетъ снизу: «другъ Россини», да еще по итальянски — «amico di Rossini». Появленіе Ананьева всегда исторгнетъ сокрушительный вздохъ изъ груди у собравшихся; а Атичка провозгласитъ: «се Ананія грядетъ во полночь!». Пока поютъ, Ананіи не позволено рта открывать; но перестали пѣть — онъ выступаетъ тотчасъ же на сцену и принимается рассказывать о своихъ успѣхахъ — музыкальныхъ, при дворѣ абиссинскаго императора, любовныхъ — на Кавказѣ, гдѣ увовить изъ гаремовъ жонъ, и вызывается передъ главнокомандующимъ — взять при ихъ посредствѣ въ плѣнъ Шамиля; вообще

творить большія чудеса; наконецъ, заврется такъ, что самъ хозяинъ, взявши его за воротъ, возопіетъ: «Ананіе! гряди вонъ!»

Тутъ онъ начнетъ отпрашиваться, обѣщать и клясться.

— Да за что-жъ такъ, Асинкрить Асинкритовичъ, ей-Богу! Уже очень это строго, Асинкрить Асинкритовичъ! Что-жъ я, ей-Богу, вамъ сдѣлалъ? Ну, право, больше не буду! ей-Богу же, не буду!

— Ананіе! гряди вонъ! — повторяетъ непреклонный Атичка — и Ананьевъ выпроваживается, при общемъ вздохѣ, уже облегчительномъ, присутствующихъ...

Пѣніе возобновляется съ удвоенною силой и оканчивается, когда хозяинъ, хлопая ладонями, провозгласитъ: «закусить, ребята! водочки! икорочки, селедки!»

Всѣ выдаются къ икорочкѣ и водочкѣ, кромѣ композитора съ Борисомъ, если и готовыхъ кинуться, то единственно къ ногамъ хозяйки.

— *Поэтъ, злодѣйка!* — пищитъ своимъ тоненькимъ голоскомъ маэстро и котенкомъ жмуритъ свои глазки. Слухъ его устроенъ былъ такимъ образомъ, что ноты даже и фальшивыя изъ глубокой женщины хорошенькой туда доходили вѣрными: «э, полноте, какъ можетъ она пѣть фальшиво — она прехорошенькая!» говорилъ онъ. Такъ какими-жъ должны были доходить неукоризненные ноты сокрушающей Марьи Михайловны?

Но никогда прелестная хозяйка такъ не сокрушала, какъ вернувшись домой съ концертовъ, гдѣ ей приходилось пѣть.

Разгоряченная еще успѣхомъ, только-что успѣвшая распѣться тамъ, она въ домашней блузѣ, съ наскоро закрученной кольцомъ роскошною косой, выливала тутъ такія вдохновляющія волны звуковъ, что два въ этихъ случаяхъ единственные слушателя уходили окончательно влюбленными.

— *Поэтъ!* пропади, да и полно, какъ поетъ, — пищалъ одинъ.

— Божественно! недосыгаемо!! — кричалъ неистово другой.

А завтра онъ танцуетъ съ ней на балѣ; соблазнительно развившіяся плечи, руки и лебединая шея заволакиваютъ зрѣніе, какъ пьяное вино.

— Ахъ, какъ у тебя слюнки текутъ! — подзадориваетъ она и опирается покрѣпче этою заманчивой рукою на его плечо, и прижимается грудью въ вальсѣ къ его груди... А то затѣетъ чтеніе въ слухъ, — это впрочемъ рѣдко, — только для того, чтобъ рядомъ съѣсть и подъ салфеткою, которая спустилась на полъ со стола, сильнѣе вызвать слюнки...

Мудрено ли, что единомышленникамъ и друзьямъ плѣнненнаго буквально юноши пришлось забыть, когда они его видали?

XVIII.

Послѣдній маскарадъ вѣнчалъ зиму сорокъ-девятого года. Ему же предстояло увѣнчать и страсть Бориса, доведенную до степени бѣлаго каленья. Теперь ужъ онъ переходилъ въ наступленіе: или имѣть все, или отказаться совсѣмъ, — а *такъ* продолжать нельзя! Онъ раздражался: сама вырвала его изъ міра «помысловъ» и поэтическихъ мечтаній, сразу *почти* отдалась ему — и вотъ зима проходитъ, а «почти» такъ и осталось, какъ было... Даже пробовалъ по нѣсколько дней сряду не бывать у нихъ, къ едва переносимой собственной мукъ, къ искреннему огорченію Атички, который даже заѣзжалъ «ругаться» и къ недоумѣнію Мазина, который посылалъ записку за запиской, одну слаще другой, ввѣряя ихъ заботѣ почтоваго ящика англійскаго магазина — этой голубиной почтѣ любящихся «порядочныхъ людей» того времени. Онъ на записки отвѣчалъ стихами. Это было страстно, до того страстно, что дѣлалось страшно; за то, подъ сѣнью померанцовыхъ деревьевъ оранжереи, при содѣйствіи какой-то институтской классной дамы, съ локонами и горбомъ, которой были ввѣрены Атичкой супружескіе интересы, — кончилось сдачей разцѣлованной прекрасной крѣпости: Марья Михайловна обѣщала выйти на пять минутъ изъ маскарада.

— Ты будешь стоять у той самой колонны... Помнишь ты эту колонну?

— Еще бы не помнить! Проклятая колонна!

— Ухъ, какой страшный!

Она лукаво засмѣялась.

— Ты надѣваешь домино и маску. На плечѣ у тебя будетъ бантъ — вотъ этотъ.

Она сняла съ своей чудесной шеи бантъ и отдала.

— Смотри-жъ, Марі, если ты обманешь!.. — почти злобно проговорилъ онъ.

— Если будешь такой страшный, обману! — смѣялась она: — выйдемъ въ боковой подъѣздъ... на главномъ будетъ нашъ Иванъ съ шубами... Да помни, вѣдь какой-нибудь салопъ надо и сапожки...

Она къ нему прильнула близко-близко и задумалась.

— Все будетъ, только выходи! — развѣжился Борисъ.

— На пять минут! Дольше съ тобой опасно! — уже смѣялась она опять, скрываясь между цвѣтовъ.

А дома на столѣ лежала карточка, съ заломленнымъ энергически угломъ и краткою припиской: «ждемъ *непрерывно* въ пятницу. Будетъ нѣчто въ родѣ общей повѣренности. Отсутствовать *нельзя*»... На оборотѣ: «Павлонецкій».

Въ пятницу былъ маскарадъ.

— Послѣ маскарада! — рѣшилъ онъ, и углубился въ соображенія о салопѣ и сапожкахъ...

Въ то же время Разноперовъ, про котораго кричали, какъ про волка въ баснѣ, что онъ ѣдетъ, напонецъ, пріѣхалъ, и также какъ волкъ, — когда ужъ перестали вѣрить, что пріѣдетъ. Но своей квартиры остерегся («тамъ, понимаете, этотъ олоонецкій иѣщаникъ сидитъ!»); и присталъ сначала у Бухтормина. Онъ даже собственно и не пріѣхалъ, а былъ затащенъ новымъ другомъ изъ Варшавы, композиторомъ, — тѣмъ самымъ Несторенинымъ «Мишенькой», передъ которымъ заспанный котенокъ Марьи Михайловны мерцалъ какъ звѣздочка при солнцѣ, и сама Марья Михайловна пасовала; о грѣшникахъ по части нотъ и говорить нечего: не родилось той красоты (хоть онъ любилъ хорошенькихъ не менѣе котенка), чтобъ замолить неправильную нотку... Послѣ смерти такимъ людямъ ставятъ монументы, а при жизни творятъ пакости невероятныя: калѣчатъ ихъ произведенія на сценѣ; убиваютъ вѣру въ ихъ призваніе, и устраиваютъ тамъ паденіе, гдѣ ихъ истинная сила... Онъ отъ этихъ-то шиповъ таланта и бѣжалъ въ Варшаву. Тамъ онъ отводилъ душу, восхищаясь польками и ихъ «мазурѣчками», какъ выражался.

Старые, не по одному сроку друзья, друзья обносились въ своихъ понятіяхъ, и новыхъ его откровеній ужъ не разумѣли.

— Mon cher, c'est un oeuvre manqué! — недавно осудили они какъ разъ то изъ всѣхъ его твореній, за которое ему поставятъ монументъ.

На смѣну этимъ обвиняемымъ духомъ подошло другое поколѣніе, и молодымъ своимъ восторгомъ оварило его геній.

Больной нервами, неговорявшій ни о чемъ другомъ, какъ только все объ этихъ нервахъ: «посмотрите, какъ они у меня болятъ — видите? неужто вы не видите? Я такъ вижу ясно» — онъ хандрилъ, не пѣлъ и не игралъ, особенно — не сочинялъ.

— C'est un génie manqué! — отпѣли его тѣ же свѣтскіе поны искусства.

Но не отпѣла молодежь. И съ ней онъ забывалъ хандрить; не такъ ужъ ясно видѣлъ, какъ болѣли нервы; снова пѣлъ, игралъ,

и даже фантазировалъ; а тамъ мало-по-малу принялся и сочинять... Стаканъ лафита на роялѣ; молодя, вѣрующія лица кругомъ; какая-нибудь женщина подлѣ, — вотъ обстановка, возвращавшая свѣтъ его померкшей осени...

— Я съ вами снова молодѣ, господа! — говаривалъ онъ: — вы, что ли, приносите съ собою это? Даже силу мускуловъ ощущаю...

И при этомъ принимался убѣждаться въ силѣ ощущенныхъ мускуловъ на Разноперовѣ, тузя его нещадно.

Наканунѣ роковой пятницы, онъ захотѣлъ, по собственному выраженію, «получить порцію удовольствія» отъ молодыхъ друзей. Взяли инструментъ — отличный, и сошлись къ Бухтормину.

Квартирная хозяйка согласилась открыть дверь въ другую комнату. Но великодушіе ея не ограничилось и этимъ: она согласилась постоять передъ роялемъ, когда именитый гость начнетъ играть. А такъ какъ она была женщина довольно привлекательная (послѣ каждой встрѣчи съ нею, Бухторминъ долго и нѣжно вздыхалъ, за что она и была прозвана «капитаншей» въ честь его чина — титулярнаго совѣтника, переведеннаго на военный), и такъ какъ вдобавокъ была полна — то все и устроивалось какъ нельзя лучше... Красное вино, которое досталъ Разноперовъ въ долгъ, было тоже хорошее... Сами опасные люди въ Коломнѣ здѣсь являлись людьми эстетическими, и завтрашнее наслажденіе повѣрки силъ значительно терпало передъ наслажденіемъ, которое ждало сегодня.

Въ первый разъ еще Борису приходилось предстать передъ лицомъ великаго свѣтила музыки, и легкій трепетъ ожиданія сопутствовалъ ему во всю дорогу.

Въ комнатѣ ужъ было людно и накурено, когда вошелъ Затоновъ. Прямо противъ двери, за раскрытымъ всею крышкою роялемъ онъ увидѣлъ небольшого, плотнаго, съ высокой грудью чловѣка за сорокъ лѣтъ, безъ сюртука. Полоска темныхъ бакенбардъ какъ бы обвязывала его слегка одутловатое лицо, съ пренебрежительными или кислыми губами, надъ которыми нависли жидкіе усы. Глаза, прикрытые на-половину вѣками, свѣтились огоньками, прорывавшимися поминутно... Голова въ густыхъ и длинныхъ гладкихъ темныхъ волосахъ, на короткой и открытой шеѣ, была нѣсколько закинута назадъ... Отъ быстрого движенія короткихъ крѣпкихъ рукъ по клавишамъ мелькали рукава рубашки... Недопитое вино и привлекательная капитанша были тутъ же.

Юноша остановился на порогѣ и притихъ: вѣдь это, наконецъ, онъ!

Онъ кончилъ и дохлебнулъ стаканъ, который ту-жъ минуту долился; потомъ обвелъ кругомъ почти совсѣмъ прикрытыми глазами и замѣтилъ новое лицо.

— Какой милый образъ! — произнесъ онъ, и направился, разставивъ руки, прямо на него:—позвольте васъ облобызвать!

Потомъ онъ обратился къ прочимъ:

— Полагать такъ надо, что чинить изъязыны нашимъ барынямъ немаловажные. Какъ оно по наукѣ-то выходитъ, Разноперовъ?

— По наукѣ, — подхватилъ тотъ (на немъ лежала непремѣнная обязанность давать отвѣты на вопросы въ этомъ родѣ), — по наукѣ, я полагаю, непремѣнно чинить... А Колмыковъ, что говорить по этому случаю?

— «Говорю (тутъ «Мишенька» заморгалъ глазами и заговорилъ на о, за Колмыкова, точно выжималъ изъ себя каждое слово. А. Колмыковъ былъ его школьный учитель, и долженъ былъ произносить сужденія по всѣмъ предметамъ), говорю и повторю: се есть бичъ, ниспосланный небомъ на мужи людстїи. Сказалъ—довольно!..»

— А такъ ли это по вашей наукѣ, милостивый государь Бухторминъ,—обратился онъ уже самъ, и опять заставилъ прибавить Колмыкова: «по-священной»?

— Должно быть такъ, ужъ если Колмыковъ говорить, — вывернулся тотъ.

— «Говорю, лѣ-каво сказано. Довольно!» Егозка нашъ капитанъ—вывернулся!

И, вздернувъ плечи, заложивъ большіе пальцы рукъ за подтяжки, съ закинутой назадъ головою, козыремъ пошелъ по комнатѣ. Потомъ хлебнулъ немного изъ стакана, взялъ хорошенькую руку капитанши, въ кольцахъ, ласково погладилъ—и опять за фортепьяно.

— Это будетъ для васъ, — шепнулъ онъ ей и сладко закатилъ глаза:—вашего Мицкевича.

Капитанша пожеманилась, поблагодарила и стала какъ разъ передъ нимъ:

Когда въ часъ веселый отроешь ты губки...

запѣлъ онъ... и кончилъ:

Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать!..

— да такъ выразительно, что полъка даже струсила: вотъ какъ

затѣтъ въ самомъ дѣлѣ, и еще при всѣхъ! Это уже выходило изъ предѣловъ ея самоотверженія.

— Ой, что-то яки комплименты, пане композиторы!—сторожилась она; а онъ нарочно наступалъ и наконецъ бросилъ.

— Еще порція удовольствія! хорошенькая женщина, когда боится—прелесть! А вы Листа не слышали, «моя пьщотка»?

— Язвю Листа?

— «Говорю, того Листа, который лицомъ худъ, волосомъ длиненъ... сѣлъ,—въ одной рукѣ жуфель, въ другой дрѣ-валы взй-гралъ: зала потряслась и многія беременныя женщины выкидывали...» —То-то вы бы струсили, коханка!

Опять хлебокъ вина. Шопенъ и Глюкъ—его любимцы, выступаютъ на клавиши. За ними уже что-то неопредѣленное, неуловимое, но прихотливо-вдохновенное, отчего такъ и занялся духъ у присутствующихъ... Пальцы словно бредятъ, мечтаютъ... и импровизація льется, пока руки не упадутъ съ клавишей и не повиснутъ...

На бѣду, польщенная одними комплиментами, хозяйка принимаетъ эти тоже на свой счетъ, и рассыпается въ благодарности. Онъ кисло кривится—и капитаншу подъ благимъ предлогомъ убираютъ.

Ставанъ опорожненъ, долить. Опять козырнулъ по комнатѣ, и черезъ пять минутъ опять поетъ—для отдыха.

— Двадцать лѣтъ у меня съ плечъ сегодня!—радуется онъ,—батюшка Разноперовъ! что докладываютъ мускулы?

— Гм... мускулы? Не знаю, какъ было двадцать лѣтъ, а теперь, понимаете... гм...

— Понимаю, душенька! очень понимаю,—«говорю и повторяю!..» А потому испробовать намѣреваюсь...

Испробовавши, онъ остается и мускулами доволенъ.

— Теперь развѣ такого, чтобы чухляндіей невозможно запахло?..

И затанулъ:

Есть пустынный край, безотрадный брегъ,
Тамъ на сѣверѣ, далеко,—

строфы, запрещенныя въ оперѣ, за то, что были посвящены Пушкину, который осмѣлился умереть отъ дуэли...

— Каково это «далеко»? — вздыхаетъ Бухторминъ почти также нѣжно, какъ отъ своей капитанши.

Въ самомъ дѣлѣ, звукъ рисовалъ ту безотрадную даль, казав-

бываетъ только на сѣверѣ и тянется, тянется какъ этотъ звукъ, которому, казалось, конца нѣтъ.

Всѣ безсмертныя въ не-бесахъ!

Кончая, поднялся тотъ же звукъ чуть не до небесъ, и вдругъ упалъ на землю...

Этотъ носовой возлиный голосъ, за который не взяли бы въ хористы, рассыпалъ такія чары выраженія, послѣ которыхъ самыя сладковзвучныя пѣвцы не смѣли пѣть того, что онъ пѣлъ.

Любови роскошная звѣзда,
Ты закатилась навсегда!

почти возопилъ онъ съ отчаяніемъ.

Про эту арію онъ говорилъ: «это моя тоска!» и хоть она была написана на женскій голосъ, послѣ него не было возможности слышать ее ни отъ одной пѣвицы.

— Когда нашъ «милый образъ», господа, учинивъ достаточный изъяснъ барынькѣ Точиловой, отвергнетъ оную,—она споетъ это получше моего «сквозного вѣтра»!

«Сквознымъ вѣтромъ» называлъ онъ оперную примадонну, съ голосомъ такимъ же неприятнымъ, какъ былъ для него неприятенъ сквозной вѣтеръ.

Ночь близилась къ утру... Онъ простился романсомъ:

Прощайте, добрые друзья,
Нашъ жизнь раскинетъ въ разсыпную...

и когда кончилъ:

Я той семьѣ (семьѣ друзей) не измѣню,
На дѣтскій сонъ не промѣняю;
Еѣ пѣснь послѣднюю пою,
И струны лиры обрѣва-а-ю!

съ одурающимъ взрывомъ на послѣднемъ словѣ и оборвалъ аккордомъ въ обѣихъ рукахъ,—то встрѣтилъ уже слезы на глазахъ у всѣхъ, не исключая Ломозизова и Сорнева; а у Камеева такъ и на щекахъ... Правда, они какъ только опомнились, поскорѣй ихъ вытерли.

Такихъ ночей не дается по нѣсколько разъ въ жизни.

Борисъ подвозилъ до полъ-дороги Камеева, когда уже свѣтало.

— Замѣтилъ ты, Сергѣй, эти слова:

Я той семьѣ не измѣню,
На дѣтскій сонъ не промѣняю...

Послѣднюю строку Борисъ выговорилъ съ особымъ удивленіемъ.

— Замѣтилъ, — убито отвѣчалъ тотъ, — но замѣтилъ и другія:

Ея пѣснь послѣднюю пою,
И струны лиры обрываютъ..

Голосъ его тоже оборвался съ какимъ-то острымъ отчаяніемъ...

— Прощай! прощай, Борисъ! — обнялъ онъ его изо всей силы.

— Да мы вечеромъ увидимся! ты прощаешься точно на годъ! До свиданія!

— Прощай! — настойчиво повторилъ Камеевъ, и сошелъ съ дрожжью.

XIX.

Вечеромъ Тимофеей спалъ на боковомъ подъѣздѣ дворянскаго собранія, обнявъ салопъ и сапожки. Баринъ бодрствовалъ у колонны, съ бантомъ... Прошелъ всего часъ; но ему казалось, что такого длиннаго часа еще не бывало на свѣтѣ.

«Ну, какъ обманеть?» начало вползать сомнѣніе; «а вонъ и Асинерить! Какъ пристально всматривается! Остановился и носомъ дернулъ... Подозрѣваетъ! Смотритъ на бантъ... Ахъ, это невыносимо!.. И вѣдь то, что я дѣлаю — нечестно!.. Нѣтъ, я уйду! И чего наконецъ ждать? Надувается — ясно! Уйду!

А тутъ еще эта маскарадная свобода замѣчаній, шуточекъ, остротъ.

— Вотъ счастливецъ, который ждетъ вѣнца! Нѣтъ, ревнивый супругъ! Это шпионъ! Ахъ, это онъ! Да нѣтъ же, совсѣмъ не онъ! beau masque, je te connais! — пищать, говорить, смѣются кругомъ.

Асинерить уже прямо идетъ на него и становится рядомъ. Дерганье носомъ переходитъ почти въ вызовъ. Онъ кого-то ищетъ.

— Уйду! (рѣшаетъ Борисъ). Сброшу эту глупую маску и съ нею прахъ этого глупаго свѣта, куда меня затанула эта глупая страсть! Вернусь къ нимъ. Сейчасъ, прямо отсюда... Тамъ всѣ въ сборѣ. Тамъ мысли, тамъ стремленія... И пусть тамъ опасно! Та опасность возвышенна, а эта?.. Вѣдь и тутъ опасность: догадается, вызоветъ — и убьетъ! а не убьетъ — все равно ранецъ и Кавказъ!

Онъ почти готовъ протянуть руку бѣдному Асинериту, у котораго, повидимому, тоже не безъ кошекъ на сердцѣ; сказать: «я васъ хотѣлъ обмануть... я васъ даже обманулъ, но еще не до конца. Дайте руку, я дамъ слово быть достойнымъ вашего довѣрія»...

Онъ уже смотритъ ему прямо въ глаза: онъ преступникъ, который пришелъ самъ отдать себя въ руки правосудія, и ему стыдиться нечего... Но Атичка отерылъ *Сидоре* съ Мазикомъ подъ руку и устремляется въ ихъ сторону. Сзади подергивается маленькое горбатое домино.

— Идите за мною!—говоритъ знакомый голосъ институтскаго дромадера:—*Сидоре* поведетъ его ужинать, а мы съ нею откажемся,—мы идемъ отдыхать въ малиновую залу...

У бокового входа, на этотъ разъ довольно трепетная рука Мари беретъ его подъ руку, и минуту спустя изъ объятій Тимофея исчезаютъ салопъ и сапожки, чего онъ, однако, не замѣчаетъ.

— Только для тебя! Ахъ, какой ужасъ! И сапоги не лѣзутъ! Не могъ подумать даже объ этомъ! Ну пойдемъ ужъ такъ!..

Нѣсколько десятковъ шаговъ по мералому тротуару, и они спускаются въ кофейню благотворившаго маскараднымъ походомъ неаполитанца. Благотворитель, въ колпакѣ, съ темно-сѣрыми бровями въ палецъ и глазами точно огоньки, торжественно ихъ вводитъ въ комнату со сводами, развязно произносить «ессо!» и, не взирая на всѣ увѣщанія, не успокоивается до тѣхъ поръ, покуда не являются дымящіяся макароны, съ рыжею подливкою на блюдѣ.

— Ora buon appetito e molto piacere! Покивалъ пальцами передъ губами и наконецъ ушелъ.

И странное дѣло: что такъ ждалось, что добывалось цѣною такихъ настояній и уступокъ совѣсти, почти опасностей; чѣмъ должно было увѣнчаться пламенное чувство,—то самое теперь, когда оно достигалось, расхолаживало и точно развѣнчивало чувство... Этотъ погребъ, эта наглая фигура итальянца, даже эти узкіе ботинки (не могъ подумать!); наконецъ, страхъ—именно страхъ Мари передъ мужемъ («Боже! если онъ узнаетъ! ну, какъ онъ слѣдитъ за нами»),—все будто холодною водою плеснуло на любовное свиданіе. Поэзія его была разрушена: любовница являлась струсившей женой... А для него безъ поэзіи не было любовницы; безъ вольно возносящейся потребности не существовало наслажденія. Лакомая интрижка была противна его вкусамъ, какъ и лакомый обѣдъ...

Она поняла это и поспѣшила воспользоваться, — это ужъ онъ понялъ.

— Зачѣмъ мы пришли сюда, Борисъ! Уйдемъ, Бога-ради! Здѣсь такъ противно! Уйдемъ! Останемся какъ мы были... чистыми! чтобъ мы могли смотрѣть одинъ другому въ глаза... и ему тоже! чтобъ уважали себя... чтобъ ты меня уважалъ, главное! Вѣдь ты ужъ не будешь уважать меня, если мы не уйдемъ сію минуту... я это чувствую... я боюсь этого... Вѣдь ты моя первая, идеальная любовь! пусть она будетъ такая же невинная, какъ я была невинной дѣвочкой, когда въ тебя влюбилась... Послушай, Борисъ! такъ меня всѣ хотятъ, — оставь это имъ! Тебѣ, благородному, поэтическому, это не идетъ, Борисъ!

Она спрятала лицо на его груди и ждала.

За стѣною раздались пьяные крики и женскіе голоса. Она вздрогнула и довѣрчиво, всѣмъ тѣломъ, прильнула къ нему, какъ къ вѣрной защитѣ и оборонѣ.

Это его тронуло.

— Уйдемъ! — сказалъ онъ рѣшительно; закуталъ ее въ шаль и бросился цѣловать ноги.

— Бѣдненькія! имъ было холодно... и опять будетъ!.. Дуракъ я! даже сапожекъ не умѣлъ выбрать!

— Бѣдненькій ты! — ласкала она его волосы: — милый! онъ не могъ вообразить себѣ, чтобъ у его Мари ножка не была меньше всѣхъ женщинъ на свѣтѣ... Прости, что я такъ тогда сказала!.. Ну что-жъ, ты согласишься? мы идемъ?

Хорошо, что она такъ кончила: влюбленный хмѣль опять началъ было завлакивать глаза... въ вискахъ уже стучало...

— Идемъ!

Она обвила руками около его шеи и повисла.

— Дивный мой! непохожій ни на кого!

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Она! — прошептала она и закрыла лицо мѣхомъ.

— Итальянецъ, — успокоилъ Борисъ, приотворяя дверь.

— Что вамъ нужно?

— Э! мнѣ, синьорія, ничего не нужно, — улыбался тотъ: — а другимъ вотъ нужно... lei carishe? Ждутъ. Такъ если у вашей синьорія готово — *se tutto e pronto*, — пояснилъ онъ.

Это окончательно развѣнчало свиданіе. Оставалось опростеть увести Мари, что онъ и сдѣлалъ. Держа изъ всѣхъ силъ и оберегая, какъ сокровище, которое за минуту еще могло принадлежать ему все, — онъ почти пронесъ ее на рукахъ и не давая

«бѣдненькимъ ножкамъ» касаться до холодныхъ плитъ. Въ боковомъ подъѣздѣ она проворно сбросила салонъ.

— Теперь ужъ я тебя не боюсь!—шепнула опять шаловливо и юрнула въ жаркую какъ баня залу...

Звонили къ заутрени, когда сани ночного извозчика, который то-и-дѣло вслакивалъ съ облучка и трусилъ рысцой за пристававшею на булыжники клячей, притащили барина и лакея съ салономъ на Васильевскій островъ.

Объ общей повѣркѣ силъ такъ и было забыто... не всѣми однако: благочестивые люди, по дорогѣ въ церковь, видѣли, какъ отъ Цѣпного моста потянулась вереница извозничьихъ каретъ съ конными жандармами по бокамъ, и рассыпалась въ разныхъ направленіяхъ...

XX.

Утренній сонъ еще тревожилъ воображеніе влюбленнаго картинами вчерашняго свиданія, когда вошелъ тихонько въ спальню Бухторминъ. Хотя онъ и не забылъ, но на повѣркѣ тоже не присутствовалъ. Помѣшала и ему любовь женщины,—той единственной, кромѣ которой не любилъ его еще никто... Онъ наканунѣ получилъ письмо отъ матери. Любящая душа ея изливалась въ такихъ горькихъ предчувствіяхъ бѣды для сына, такъ горячо молила его поберегъ (онъ не скрылъ, потому что не имѣлъ привычки скрывать что-либо отъ нея, своихъ сношеній съ Павлонецкимъ). «Она ждала чего-то страшнаго; она сама бы къ нему прилетѣла, еслибъ отъ нея зависѣло; она легла бы на порогъ дома «этого человѣка» и не дала бы ему переступить его»...

— Я не устоялъ,—признался Бухторминъ: сердце матери—вѣшуня! Я увидѣлъ перстъ промысла въ этомъ письмѣ... Я поинтересовался горячо... надѣюсь, эта молитва у тебя не вызоветъ улыбки... и остался. Всю ночь я писалъ къ ней. И мнѣ показалось, что мое отсутствіе оправдано...

Неистовый звонокъ. Какъ буря, ворвался Ломовизовъ.

— Северно!—произнесъ онъ отрывисто:— Камеева и Сорнева ночью взяли...

Друзья переглянулись.

— «Перстъ!»—подумалъ убѣжденно одинъ.

— «Судьба!» мелькнуло въ умѣ другого.

— Сейчасъ прибѣгалъ Иванъ. Какъ только вернулись, го-

ворить, домой, легли спать, — слышу, стучать въ дверь. Онъ отперъ: жандармскій офицеръ и плацъ-адъютантъ! Вопли, вѣглы одѣваться... Тѣмъ временемъ все осмотрѣли и опечатали... Потомъ увезли... Старая наша нянька, когда шла отъ заутрени, видѣла, какъ ѣхали кареты къ Цѣпному мосту и по бокамъ жандармы... Всѣхъ, значить, забрали... Я прибѣжалъ васъ предупредить, господа. А самъ пойду домой — тамъ ужъ пожалуй пріѣхали.

Онъ откинулъ нетерпѣливѣй обыкновеннаго волосы, точно они чему-то мѣшали и, закусивши зубами чубукъ, разомъ вытянулъ дымъ изъ трубки.

— Ну, и прощайте! Можетъ, не скоро увидимся...

— Постойте! постой! — удерживали его: — ну, а не говорили-ль они чего-нибудь Ивану?

— Да вѣдь онъ глупъ, вы знаете. — «Какъ же, говорятъ: Федоръ Семенычъ говорили». — Что, спрашиваю. — «Подай, говорятъ, Иванъ, носки!» Больше ничего не добился! Твердить одно: «подай, говорятъ, носки!» Прощайте! жгите все. Ваши письма я сжегъ.

Борисъ кинулся обнять его, но онъ вырвался.

— Полно, глупости! вогъ еще разнѣжился! велика бѣда!

И такъ, то облачею на утренней зарѣ и эта тьма, надвигавшаяся отовсюду, разлились-таки грозюю. Многихъ ли она побила — знаютъ побитые!

Всѣ присутствовавшіе на повѣрѣхъ у Павлонецкаго были забраны ночью; Ломовизова оставили до утра, подъ занѣтою инсоваго чина его родственника. Забирали, впрочемъ, и не присутствовавшихъ, а встати ужъ и тѣхъ, кто по дорогѣ попадалъ подъ руку. Такъ былъ взятъ Сила Петровичъ, караулившій по своему обыкновенію на порогѣ Разноперова; взяти маленькіе дворяне, высѣчены при этомъ удобномъ случаѣ и отосланы къ родителямъ; взяты на всякій случай, вмѣсто одного, по нѣскольку однофамильцевъ, и счастливы Ивановы — ихъ же аки песку морскаго — что ни одному Иванову не пришло въ голову сдѣлаться опаснымъ человѣкомъ! Истуканъ, само собой, попался, — ну, тому и по дѣломъ: не разливай чаю для такихъ людей! Понахватали женщинъ, — обездолили даже пріютъ Софьи Федоровны и огорчили Милаго Степаныча, который благонадежность ихъ зналъ съ самой похвальной стороны. Словомъ, брали, сколько брались... За что берутъ? никто не зналъ, — знали только, что надо жеть и уничтожать — и жгли и уничтожали все, что попадалось подъ руку: книги, письма, портреты... кто-то уничтожилъ кресло, на которомъ у него сидѣлъ Павлонецкій... Невзятые жили въ по-

минутномъ ожиданіи, что будутъ взяты. Паника охватила умы; люди подозрѣвали другъ друга, цѣпенѣли при каждомъ звонѣ, вскакивали при малѣйшемъ скрипѣ двери; появленіе лакея налагало печать молчанія на уста. Пошли, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, легенды: рассказывали о тѣни недавно умершаго коменданта, которая по ночамъ бродила около дворца, охраняя его отъ заговорщиковъ Коломны. Оадей Булгаринъ объяснялъ все «натуральною шкелюю» (Гоголь) и социализмомъ «Отечественныхъ Записокъ» (Бѣлинскій). Онъ давно зналъ, что это должно случиться и говорилъ, только его не хотѣли слушать... И лгалъ, потому что—знай онъ хоть что-нибудь, то, конечно, не сказавши ни слова, донесъ бы куда надо.

Шопотомъ передавались совершенно неправдоподобныя подробности о тайномъ обществѣ, грозившемъ ниспровергнуть существующій порядокъ и не успѣвшемъ сдѣлать этого только благодаря особенной самоотверженности и дальновидности вѣдомства, которое, не будучи даже обязано доносить, донесло единственно изъ любви къ искусству; что вѣдомство, по самой природѣ своей исключительно доносящее, было этимъ задѣто за живое, и вслѣдствіе того начальникъ его—лицо необыкновенно вліятельное—объявлялъ свернуть въ бараній рогъ всякаго, кто раздуеъ въ важное дѣло, долженствовавшее быть совершенно ничтожнымъ, потому что было открыто не имъ. Такъ какъ никто не чувствовалъ охоты испробовать столь неудобнаго положенія, то дѣла и не раздували. Этому обстоятельству обязаны были, между прочимъ, Бухторминъ и Затоновъ, что ихъ не взяли; иначе они едвали оказались бы менѣе заговорщиками, чѣмъ Сила Петровичъ и Истуканъ. Можетъ быть, тѣмъ же слѣдуетъ объяснить и ту достойную похвалъ предупредительность, съ какою перехватанныхъ понли чаемъ и кормили завтраками подъ гостепріимнымъ кровомъ задѣтаго важное учрежденія у Цѣпного моста, а спустя нѣкоторое время многихъ и выпускали, не наказавъ даже за то, что взяли по ошибкѣ. Много добра дѣлали тутъ чиновникъ съ итальянской фамиліей и долговязый Алесининъ мужъ, явившіеся экспертами. Кого они признаютъ правыми, тѣ и будутъ правы, а ужъ кого виноватыми, тѣмъ придется плохо, переѣдутъ на ту сторону Невы... и завтраковъ больше не будетъ! Первый былъ авторъ списка, по которому брали, второй—собиратель визитныхъ карточекъ пятничныхъ гостей и сообщитель ихъ полиціи. При этомъ, разумѣется, сводились и личные счеты: Сила Петровичъ, въ качествѣ квартирнаго аргуса у Разноперова, а Истуканъ—чайнаго министра у Павлонцева, давно

сидѣли на душѣ Алексѣяна мужа, и не будь личнаго ручательства Федосѣя Федосѣича за ихъ несомнѣнную глупость, то имъ пришлось бы не только ѣсть завтракъ у Цѣпного моста, но и прогуляться на ту сторону... Благонадежныя дѣвицы Софьи Федоровны были возвращены по первому же ея слову къ мѣсту ихъ служенія, благодаря связямъ почтенной женщины въ комиссіи, гдѣ состоялъ знакомый намъ «султанъ», назначенный, въ числѣ другихъ, для раскрытія преступныхъ цѣлей заговорщицкоу. Попробовали-было, для порядка, депросить и заговорщицъ; но совершенно непредвидѣнное хихиканье при первомъ заданномъ вопросѣ: въ чемъ заключались ихъ сношенія съ заговорщиками? и законическій отвѣтъ: «занимались съ ними»,—заставилъ допустить въ ихъ пользу исключеніе.

Сила Петровичъ и Истуканъ были благополучно допрошены,—Истуканъ, какъ дворянинъ, первымъ.

— Вы чѣмъ недовольны?

— Я то-съ? Я всѣмъ доволенъ, помилуйте! Какимъ же поводомъ быть недовольнымъ-съ?

— И крѣпостнымъ правомъ?

— То-есть, какъ это-съ? Ежелибъ я не въ правѣ былъ крѣпостного высѣчь, напимѣръ? Помилуйте, да вѣдь я же въ правѣ...

О допрашиваемомъ водворяется выгодное мнѣніе: онъ дѣйствительно глупъ, и очередной вопросъ: «тѣлесными наказаніями недовольны?» снимается съ очереди, какъ достаточно разрѣшенный предыдущимъ.

— Соціалистъ вы, или коммунистъ?—перескакиваютъ прямо на самое рѣшительное.

Недоумѣніе со стороны допрашиваемаго.

— Я-то-съ? Какъ сказать-съ? Въ точности отвѣчать не могу: я португей-юнкеръ въ отставкѣ, въ этомъ признаться долженъ; другого чина не выслужилъ... А къ тѣмъ званіямъ можетъ и состоялъ когда, только не припомню—можетъ статься, ихъ прежде не такъ звали, какъ-нибудь по-просту... Въ этомъ ужъ вы сами назините...

— Это не званія,—это идеи, мысли, опасныя и зловерныя!—строго назидаетъ членъ-генералъ.

— А ежели это, ваше превосходительство, суть мысли, такъ иной разъ точно приходило въ голову, разливавочи-то чай у Петра Петровича...

— Кто это Петръ Петровичъ?

— Господинъ Павлонецкій—они-съ.

— Какой онъ Петръ Петровичъ и господинъ? Онъ иже-

никъ! Говорите, Павлонецкій просто—это еще допустить можно... А то Петръ Петровичъ!..

— Ахъ, ты Мати Пресвятая Богородица! — перекрестился Истуканъ: — матежники! ну вотъ подите-же! и полагать даже не могъ...

— Хорошо. Какія же мысли вамъ приходили?

— Приходили, примѣрно, что гостей у нихъ бываетъ много; опиваютъ его, объѣдаютъ, а сами одно — галдятъ. Ни они въ преферансъ, ни въ напши или же на бильярдѣ. Одни разговоры... о чемъ, такъ даже въ точности понять невозможно; а всю ночь разговариваютъ. Пустое, — приходилось такъ подумать, — собраніе это, а денегъ оно стоитъ.

Аттестатъ глупости оправданъ, и дворянинъ на свободѣ.

Наступила очередь мѣщанина.

— Ты чѣмъ не доволенъ?

— Какъ есть всѣмъ, вотъ что-съ. — («Ага-а!» — въ средѣ коммиссіи).

— Какое-жъ я, ваше *превосходительство*, могу удовольствіе имѣть, какъ ежели подлець жилецъ тебѣ денегъ не платитъ, а ты караулъ его дѣнно и ночью, да еще тебя же за это за самое отъ дѣла оторвуть? въ праздности пребыть *должонъ*, коли дѣловъ-то и не приведи Господи!

— Ты кто такой: социалистъ или коммунистъ?

— Я олонецкій мѣщанинъ, Сила, а по отцу Петровъ, вотъ кто-съ.

— Тѣмъ хуже. Какъ же это ты, мѣщанинъ, а съ коммунистами связался? а?

— Знать никакихъ контонистовъ не знаю и ввязаться съ ними отродясь не ввязался. *Осlobонитъ* прошу. У меня хозяйское добро на отчетѣ, дѣловъ не перечесть!

— Кажется, однако, глупъ, — сматывается коммиссія.

— Правъ собственности не признаешь? — завелъ опять допрошеникъ.

— Ась?! — рѣзко вскрикиваетъ Сила Петровичъ.

— Собственность признаешь, или нѣтъ?

— Признаю, что домъ у моего хозяина собственный — вотъ что-съ, а я *должонъ* ему деньги отобрать по жильцамъ и при-
нестъ...

— Домоситель! — позовавъ генералъ.

Вошелъ долгровязый Василій.

— А его знаешь?

— Какъ не знать? Онъ, собачій сынъ, и съ барининомъ-то со своимъ прежнимъ, у меня на загнвѣ сидятъ...

— Выражайся съ большимъ уваженіемъ, ты! мѣщанинъ! Не видишь, передъ кѣмъ?..

— Вы съ меня, ваше *превосходительство*, ужъ не взыщите,—мужикъ я какъ есть: этому самому уваженію не обученъ. А что ежели какъ онъ паскудникъ и пьяница...

— Довольно!

— Доказано ли соучастіе мѣщанина Силы Петрова съ зомышленниками Камеевымъ и Сорневымъ, у коихъ на квартирѣ взяли?—(обращеніе къ экспертизѣ долговязого).

— Да чего же, помилуйте, еще не доказано, когда онъ отъ порога, собака этакая, не отходитъ? Гонимъ его, бывало, не идетъ, и неблагородными словами ругается...

— Ахъ ты, такой-сякой! (пошелъ наступать, оскорбленный словомъ *собака*, старикъ):—собака? а со-ба-ака?

— Пошелъ вонъ!—крикнулъ генералъ:—отпустить его!

Но тѣмъ не менѣе, «за дерзкое поведеніе передъ комиссіей», олонецкій мѣщанинъ Сила Петровъ высланъ былъ изъ родину. Такимъ образомъ мечты его о звѣроловствѣ и рыболовствѣ осуществились прежде, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Тамъ, въ родныхъ дебряхъ, ждалъ его и преждевременный конецъ: онъ какъ-то легендарно погибъ, обобранный представительницею той половины рода человѣческаго, которую хотъ и признавалъ не-нужною, но, по немощи человѣческой все-таки держалъ при себѣ въ качествѣ вухаря...

Остальные соучастники были перевезены на ту сторону Невы, и бой вѣрнопостныхъ часовъ раздавался надъ ихъ головами съ конца одной и до начала другой зимы...

XXI.

Въ непроглядномъ мерзломъ туманѣ ранняго декабрьскаго утра таялись кареты съ жандармами изъ воротъ крѣпости, черезъ весь городъ, на Семеновскій плацъ. Нѣсколько столбовъ съ возвышеніями тускнѣло на пустомъ пространствѣ, которое мало-по-малу стали заливать волны стекавшагося народа. Пришелъ отрядъ солдатъ съ ружьями, заряженными боевыми патронами... Въ толпѣ говорили, что «будутъ стрѣлять господъ».

Кареты придвинулись, остановились, и изъ нихъ начали выходить люди въ военныхъ шинеляхъ, штатскихъ пальто, оди-

или два въ полушубкахъ; но всё съ наперсниками въ голубыхъ мундирахъ...

— Царскіе измѣнники! — подсказывала полиція: — все русскіе, только одинъ полякъ.

Наѣхало адъютантовъ въ каскахъ съ бѣлыми султанами. Изъ козиски вышелъ генералъ. Ударили въ барабаны. Съ «царскихъ измѣнниковъ» сняли теплую одежду; натянули на нихъ длинныя бѣлыя рубахи... Солдаты взяли на карауль... Холодная острая мгла посыпала изъ сѣраго какъ будочникъ неба... Медленно и невнятно прочитали приговоръ... потомъ бѣлыхъ людей въ рубашкахъ стали привязывать къ столбамъ... Солдаты, по командѣ, звякнули ружьями и взвели курки... Священникъ въ черной ризѣ подошелъ съ крестомъ къ Павлонецкому. Послышались слова: «Часъ насталъ! вспомните, чему училъ Христосъ!» и отвѣтъ на то...

— Сейчасъ стрѣлять почнуть! только генералъ, значить, прикажетъ — и почнуть... Вона починають! — пронеслось въ толпѣ.

Однако, генералъ не приказываетъ; онъ и адъютанты ждутъ чего-то и все оглядываются въ одну сторону, откуда наконецъ выскакиваетъ фельдгегерская телѣжка и останавливается на серединѣ плаца... Генералу подають паветъ... Новый трескъ барабановъ и команда: «отставь!» «на карауль!» Новое чтеніе...

— Царъ милуетъ! стрѣлять не стануть! вишь добрый-то! вонъ онъ, батюшко-то нашъ милосливый! ужъ на что: супротивъ него родного измѣнника, такъ и тѣхъ милуетъ!.. Полякъ даже, связывали городовые, одинъ есть, и тому милость — и тому животъ оставленъ...

— Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй!.. — повторяють, крестясь, старухи.

Помилованные отвязываются; рубахи съ нихъ снимаются; шинели и пальто опять надѣваются...

— И зачѣмъ это? — ужъ лучше бы конецъ! — вырываются съ ихъ стороны возгласы... Голоса Сорнева и Пана слышны внятно.

Потомъ прежнимъ порядкомъ разсаживаютъ по каретамъ.

На одного Павлонецкаго надѣвають тутъ же нагольный тулупъ; кузнецъ набиваетъ кандалы. Его сажаютъ въ сани между двухъ жандармовъ съ обнаженными палашами, и почтовая тройка скачетъ...

— Прощайте, люди добрые! — раздается его голосъ: — если не теперъ, такъ послѣ, а будетъ вамъ лучше!

На другой день въ Затонову вбѣжалъ Камеевъ, исхудалый и смущенный, счастливый и несчастный разомъ: его наказали переводомъ въ армію тѣмъ же чиномъ, тогда какъ Сорнева и Пана, за мечты о литографіи, — цѣпами съ каторгою... Вышло это, какъ и должно было выйти: слабый, по природѣ любившій все существующее, онъ, въ осмысленной тѣмъ каземата, долженъ былъ тѣмъ же искреннимъ порывомъ разорвать негодованіе, которымъ былъ опутанъ. Эта сторона преступника была сослѣжена и тщательно поддержана комендантомъ, бывшимъ поручикомъ его начальникомъ (изъ-подъ моего-дескать крыла заговорщиковъ не выходить!) Снисходительно предоставленные бумага и перо сдѣлали остальное... Но изливался исповѣдью душа осталась чиста отъ всякой тѣни нареканія или намеренія на другихъ. Притомъ другіе такъ себя губили искренно сами, что это было бы и не опасно, — даже членамъ комиссіи подчасъ ихъ становилось жалко...

У Ломовизова на совѣсти и литографіи не было; потому и погубить себя ему не удалось: наказанный казематомъ, онъ получилъ вознагражденіе въ полной свободѣ — подъ надзоромъ полиціи...

— Борисъ! другъ! ахъ, Боже! Боже!! — въ состояніи былъ только выговорить бѣдный Камеевъ, и, рыдая, повалился лицомъ на кушетку.

Плакалъ и Иванъ: «прощай, теперича, наша гвардія! — говорилъ онъ, отдавая въ передѣлку расшитый мундиръ своего поручика. А самъ перепросился тоже за нимъ въ армію...

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

I.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ ОТЪ ПУШКИНА ДО ПЯТИДЕСЯТИХЪ ГОДОВЪ.

Первая истинно научная постановка вопроса народности принадлежитъ новѣйшему времени — послѣднимъ десятилѣтіямъ. Много труда поднято было и раньше для основанія научнаго изслѣдованія народности, но въ прежнемъ обзорѣніи ¹⁾ мы видѣли, какъ большею частію были слабы эти попытки, и по приѣмамъ изслѣдованія, и по основной точкѣ зрѣнія и свойству побужденій; даже труды, по богатству матеріала монументальные, каковы напр. собранія Дала, не избѣгли этого общаго недостатка. Доходило до того, что въ національной формулѣ тридцатыхъ годовъ, подъ словомъ «народность» разумѣлось учрежденіе, которое было униженіемъ народа, которое осуждало его на рабскую подавленность, нравственную и матеріальную. Для болѣе разумнаго пониманія дѣла и въ научномъ и въ общественномъ смыслѣ, нужна была большая работа общественнаго сознанія, и болѣе совершенныя средства изслѣдованія, которые даны были теперь европейской наукой.

Прежде чѣмъ перейти къ спеціальнымъ вопросамъ, необходимо остановиться на одномъ изъ проявленій общественной мысли, игравшемъ здѣсь существенно важную роль. Понятіе о

¹⁾ См. статьи объ изученіи народности въ „В. Евр.“ 1831—1832.

народности, и вмѣстѣ извѣстное отношеніе общества къ дѣйствительному народу, для массы общества разъяснялись гораздо меньше въ специальныхъ изслѣдованіяхъ, чѣмъ въ поэтической литературѣ.

Мы видѣли раньше, какъ недостаточно было представленіе народности въ школѣ карамзинской и романтической. Съ двадцатыхъ годовъ слово «народность» все чаще повторяется въ литературѣ; народность ставится цѣлью и достоинствомъ литературы, но для большинства самихъ писателей она все еще остается вещью мало понятной и мало достигнутой. Великій поворотъ сдѣланъ былъ только поэзіей Пушкина.

Наша критика давно признала поэзію Пушкина фактомъ величайшаго значенія въ развитіи нашей литературы. Для Бѣлинскаго, взглядъ котораго былъ высшей ступенью критическихъ понятій съ тридцатыхъ и до пятидесятыхъ годовъ, предыдущая литература была только приготовленіе Пушкина, послѣдующая — только исполненіе программы, которая была широко намѣчена его дѣятельностью. Въ какомъ же отношеніи Пушкинъ стоитъ къ «народности»?

У насъ велось много споровъ о томъ, какъ опредѣлить это отношеніе. Было бы очень любопытной работой — подробно прослѣдить мнѣнія нашей критики объ этомъ предметѣ. Эти мнѣнія, исходящія изъ той или другой категоріи общественныхъ понятій и образовательнаго уровня, были чрезвычайно разнообразны, иногда прямо противоположны. Мы коснемся вкратцѣ лишь нѣкоторыхъ.

Былъ ли Пушкинъ національнымъ, народнымъ поэтомъ? Если да, это означало бы, что литература, если не разрѣшилась, то была близка къ разрѣшенію вопроса о самой народности, вопроса о будущемъ литературы. Великая слава, какой не имѣлъ еще ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ, слава, встрѣтившая еще юношескую дѣятельность Пушкина, указывала въ немъ избранника, который сумѣлъ затронуть какую-то живую струну общества, отвѣтить на какую-то исторически созрѣвшую потребность; позднѣйшій приговоръ исторіи ставитъ его главой и начинателемъ самостоятельной русской литературы. Но черезъ какое странное разногласіе и противорѣчіе долженъ былъ пройти этотъ выводъ! И это разногласіе оказывалось не только при жизни поэта, въ ту пору, когда онъ выѣшивался въ спорные вопросы и литературную вражду, но и послѣ, когда его дѣятельность была закончена, когда можно было уже дѣлать болѣе полные и безпристрастные выводы. Въ началѣ дѣятельности, Пушкинъ

былъ идоломъ молодыхъ поколѣній и союзникомъ прогрессивнаго направленія,—противъ него были задеревѣвшіе классики и полицейскіе консерваторы; къ концу, его горячіе поклонники не были удовлетворены и, не зная его послѣднихъ произведеній, при жизни его еще неизданныхъ, думали и говорили объ упадкѣ или ослабленіи его таланта. Смерть поэта возбудила снова глубокія сочувствія, и посмертное появленіе его послѣднихъ произведеній показало его впервые во весь ростъ могущественнаго таланта; забыто было прежнее недовольство, отпали прежнія требованія, и дѣятельность Пушкина явилась въ новомъ свѣтѣ и въ болѣе правильной оцѣнкѣ—какъ величайшаго поэта-художника, каковаго имѣла русская литература.

Побужденія, по которымъ составлялись сочувствіе, антипатія, недовольство были двоякаго рода: или чисто литературныя, или общественно-тенденціонныя, иногда тѣ и другія вмѣстѣ. Такъ, старымъ классикамъ казалось нарушеніемъ всѣхъ правилъ и приличій самая форма пушкинской поэзіи, а съ ней вмѣстѣ легкомысленное содержаніе; съ другой стороны, новое литературное поколѣніе справедливо восторгалось этой формой, потому что въ самомъ дѣлѣ это былъ еще невиданный примѣръ изящества, и вмѣстѣ сочувствовало романтическимъ порывамъ, эпиграмматическому либерализму, за которымъ ожидала найти цѣлое общественное воззрѣніе, а позднѣе охладѣвало къ поэту, когда эти ожиданія ни мало не оправдывались. Съ другой стороны, власти никакъ не могли забыть «либеральной» юности Пушкина и, несмотря на меценатство императора Николая (вѣроятно, не-свободное отъ недовѣрчивости), для Бенкендорфа ¹⁾ Пушкинъ былъ не поэтъ, а человѣкъ политическій, либераль, глава оппозиціи! На этомъ основаніи Бенкендорфъ давалъ меценатству совсѣмъ другой оборотъ и своими назойливыми придирками среди мнимой любезности отравлялъ послѣдніе годы жизни поэта. По смерти Пушкина, его имя, сочиненія продолжали оставаться въ глазахъ высшей полицейской власти (правившей и судьбами литературы) подозрительными, и это отражалось въ литературѣ, въ писаніяхъ «надежныхъ», «благонамѣренныхъ» людей. Мы видѣли, какъ говорилъ о Пушкинѣ «Маякъ», — и не слѣдуетъ думать, чтобы это были только безсильныя ругательства круглаго невѣжества, не стоящія вниманія: «Маякъ» представлялъ мнѣнія большой доли общества, съ точки зрѣнія архимандрита Фотія, т.-е. невѣжественнаго и вмѣстѣ лицемѣрнаго изу-

¹⁾ Какъ справедливо замѣчалъ г. Стоюнинъ: „Пушкинъ“, Спб. 1881, стр. 437.

вѣрства, отъ котораго русское общество далеко не избавилось и которое оказываетъ донынѣ весьма дѣйствительное вліяніе на судьбы русскаго просвѣщенія. По мнѣнію «Маяка», Россія погибла бы, если бы у нея народились еще Пушкины; съ этимъ, безъ сомнѣнія, соглашалась и точка зрѣнія Бенкендорфа. Въ 1880 году, благочестиво-ретроградный взглядъ «Маяка» былъ отвергнутъ въ рѣчи митрополита Макарія, пожеланіями и молитвою, чтобы Господь послалъ Россіи и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей какъ Пушкинъ, а въ 1882 г. въ духовной академіи (петербургской) читалась торжественно рѣчь ¹⁾, доказывающая, что идеалы Пушкина, очищенные отъ временныхъ заблужденій, отвѣчали именно самымъ консервативнымъ и благонамѣреннымъ воззрѣніямъ на государство, народъ, религію и нравственность, — словомъ, почти-что отвѣчали программѣ официальной народности тридцатыхъ годовъ. На подобный консерватизмъ Пушкина давно указывалось и совсѣмъ съ другой стороны, критиками иного направленія, которые искали въ новѣи Пушкина возбужденій къ общественному совершенствованію—

Народамъ милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать ихъ мысли не даетъ;

которые думали, по словамъ самого поэта, что —

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать,

и оставались неудовлетворенными и огорченными за самого поэта, находя, что онъ, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, самъ попадалъ или давалъ увлечь себя на путь, гдѣ не предвидѣлось общественнаго усовершенствованія. Не иной смыслъ имѣли и извѣстныя статьи Писарева, который комментировалъ Пушкина, какъ онъ могъ быть понятъ въ настоящую минуту, по прямому смыслу его сочиненій ²⁾.

Приведенные примѣры можно было бы чрезвычайно умножить, прослѣдивши подробнѣе впечатлѣніе произведенное поэзіей Пушкина на современное ему общество, и мнѣнія поддѣиной критики отъ конца тридцатыхъ годовъ и до настоящаго времени. Довольно сказать, что исключивъ даже враждебные отзывы, какіе диктовались личнымъ раздраженіемъ противъ Пушкина при эго жизни, или преувеличенныя восхваленія, нерѣдко подложенныя тенденціей, мы найдемъ большое разнообразіе мнѣній, источникомъ которыхъ было разнообразіе умственныхъ

¹⁾ „Идеалы Пушкина“, В. Н. (Напечатано въ „Христ. Чтеніи“ 1882, № 3—4).

²⁾ Ср. „Взномъ на замѣтки Пушкину“, Спб. 1880, стр. 122—123.

своемъ, преданій и степеней сознанія въ русскомъ обществѣ пушкинскихъ временъ и позднѣйшихъ. «Маякъ» не даромъ ненавидѣлъ Пушкина, потому что поэзія Пушкина возбуждала мысли и чувства, непохожія на тотъ грубый обиходъ, который былъ защищаемъ «Маякомъ». Бенкендорфъ также не даромъ смотрѣлъ на Пушкина съ недружелюбнымъ подозрѣніемъ: свободное движеніе гениальнаго дарованія было ненавистно ему, какъ представителю крайней реакціонной, мало образованной и бездушной бюрократіи, — и очень памятенъ былъ эпиграмматическій задоръ молодого Пушкина. Своему кружку Пушкинъ былъ любезенъ легкой эротической поэзіей, либеральной эпиграммой, недостижимо изящной формой. Кружокъ Надеждина, занимавшій въ литературѣ независимое, слегка оппозиціонное положеніе, осуждалъ въ немъ легкое употребленіе великаго таланта, который могъ бы найти себѣ болѣе достойныя задачи, чѣмъ многое, на что Пушкинъ употреблялъ его въ первые годы. Бѣлинскій восторгался въ немъ великимъ художникомъ, который впервые далъ русской литературѣ истинную поэзію съ свойственнымъ ей глубокимъ нравственнымъ содержаніемъ, но также относился не совсѣмъ сочувственно къ нѣкоторымъ его общественнымъ взглядамъ. Болѣе поздняя критика, съ одной стороны, высоко цѣнила Пушкина какъ поэта, особливо въ историческомъ сопоставленіи съ его предшественниками и современниками, но съ другой снова ставила требованія кружка Надеждина. Последнее обращеніе къ Пушкину — въ 1880 — была настоящая апофеоза: люди противоположныхъ мнѣній сошлись на рѣдкомъ, небываломъ литературномъ праздникѣ и, отложивъ раздоры, отдавали уваженіе великому историческому дѣятелю — съ своихъ отдѣльных точекъ зрѣнія: въ то время какъ одни, въ историческомъ возбужденіи, провозглашали въ Пушкинѣ пророка, «всечеловѣка» (или, собственно говоря, желали выдать его за славянофила позднѣйшей формациі), другіе смотрѣли на него съ исторической точки зрѣнія, и, напримѣръ, не усумнились одну долю его содержанія назвать — «общественной или нравственной археологіей»¹⁾.

Итакъ, общество было раздѣлено относительно Пушкина и въ теченіе его дѣятельности и донинѣ. Новѣйшіе комментаторы приходятъ къ убѣжденію, что это раздѣленіе, а именно, тупая вражда или равнодушіе къ трудамъ, которыми онъ самъ дорожилъ, внушало Пушкину то презрѣніе къ толпѣ («Поэтъ, не

¹⁾ Рѣчь В. О. Ключевского.

дорожи любовію народной»), которое приписывали прежде эстетической теоріи (по однимъ — возвышенной, по другимъ — фальшивой). Пушкинъ ошибался въ своемъ отчаяніи — былъ уголокъ общества, гдѣ питались къ нему самыя пламенныя сочувствія; и, съ другой стороны, онъ самъ иногда помѣщалъ невѣрно свои идеальныя влеченія и поэтическіе восторги.

Если это раздѣленіе мнѣній отвѣчало разнымъ элементамъ и направленіямъ общества, то и самъ Пушкинъ, богатой личности котораго приходилось развиваться и дѣйствовать въ чрезвычайно сложныхъ и трудныхъ условіяхъ, — представляетъ множество видоизмѣненій своего содержанія, которыя происходили не изъ одного только естественнаго и свободнаго развитія его поэтическаго творчества, но также изъ многоразличныхъ внѣшнихъ условій, вліявшихъ на складъ его мысли и общественнаго направленія. Обыкновенно, противопоставляютъ два главные періода его жизни и дѣятельности, раздѣляемые 1824 — 1826 годами (переходной порой пребыванія въ Михайловскомъ), видъ въ первомъ — пору кипучей молодости, неясныхъ порывовъ таланта, теоретическихъ заблужденій, и во второмъ — полную зрѣлость характера, ясность мысли, всю силу творчества. И, дѣйствительно, есть рѣзкія противоположности; самъ Пушкинъ впоследствии не однажды отрицался отъ заблужденій своей первой поры; но въ дѣйствительности, многіе взгляды его первой поры вовсе не были ошибкой, и позднѣйшія мнѣнія не всегда были поправкой. Критики Пушкина давно отмѣтили основную черту его характера — что это былъ человѣкъ преданія; но Пушкинъ все-таки не былъ и такой приверженецъ консерватизма, какъ желаютъ представить новѣйшіе консервативные писатели, напротивъ, поэзія его на тему преданія въ частности все-таки не сходилась съ господствовавшимъ порядкомъ вещей, и внимательное наблюденіе обнаруживаетъ ихъ несоотвѣтствіе.

Вообще, Пушкинъ дѣйствовалъ среди общества, очень сложнаго, исполненнаго противорѣчій, и въ большой мѣрѣ соприкасался съ обоими теченіями общественно-политическихъ идей, съ однимъ, безусловно господствующимъ въ практикѣ жизни — тѣмъ консервативнымъ (къ которому примыкалъ иногда и въ его несимпатичныхъ формахъ), и съ другимъ, выроставшимъ почти тайкомъ въ глубинѣ общественнаго сознанія — консервативнымъ и прогрессивнымъ. Въ обществѣ шла внутренняя работа, состояніе умовъ было переходное, и, наконецъ, въ самомъ пониманіи «народности» готовились весьма несходныя точки зрѣнія.

Возвращаемся теперь къ вопросу о народности его поэзіи.

Билинскій, безъ сомнѣнія внимательно всѣхъ другихъ критиковъ изучавшій Пушкина, затруднялся присоединиться къ выводу, изъывавшему Пушкина нашимъ «народнымъ», «національнымъ» поэтомъ¹⁾. Онъ приводитъ разсужденіе Гоголя объ этомъ предметѣ, и, соглашавсь съ его опредѣленіемъ, что поэтъ можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно чужеродный міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, — замѣчаетъ: «Если хотите, съ этой точки зрѣнія, Пушкинъ *болѣе* національно-русскій поэтъ, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что нельзя *опредѣлить*, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ²⁾, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Но какъ же чувствуютъ и говорятъ они? Чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй?.. Вотъ вопросы, на которые не можетъ дать отвѣта настоящее, ибо Россія, по преимуществу, — страна будущаго»...

¹⁾ Напомнимъ его слова:

„Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ, какъ она русскую природу, или русскіе характеры: на этомъ основаніи, общій голосъ жаретъ его русскимъ, національнымъ, народнымъ поэтомъ... Намъ кажется это только въ половину вѣрнымъ. *Народный поэтъ* — тотъ, котораго весь народъ знаетъ, какъ, напримѣръ, знаетъ Франція своего Беранже; *національный поэтъ* — тотъ, котораго знаютъ всѣ сколько-нибудь образованные классы, какъ, напримѣръ, нѣмцы знаютъ Гете и Шиллера. Намъ народъ не знаетъ ни одного своего поэта; онъ поетъ себѣ песенъ „Не бѣли то снѣжки“, не подозревая даже того, что поетъ стихи, а не прозу... Слѣдовательно, съ этой стороны, смѣшно было бы и говорить объ эпитетѣ народный въ примѣненіи къ Пушкину, или къ какому бы то ни было поэту русскому. Слово „національный“ еще обширнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ „народный“. Подъ „народомъ“ всегда разумѣютъ массу народонаселенія, самый низшій и основной слой государства. Подъ „націею“ разумѣютъ весь народъ, всѣ сословія, отъ низшаго до высшаго, составляющія государственное тѣло. Національный поэтъ выражаетъ, въ своихъ твореніяхъ, и основную, безразличную, неуловимую для опредѣленія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываетъ масса народа, и опредѣленное значеніе этой субстанціальной стихіи, разнѣвшейся въ жизни образованныхъ сословій націй. Національный поэтъ — великое дѣло! Обращаясь къ Пушкину, мы скажемъ, по поводу вопроса о его національности, что онъ не могъ не выразить въ себѣ географически и физиологически народной жизни, ибо былъ не только русскій, но притомъ русскій, надѣленный отъ природы гениальными силами; однако жъ въ томъ, что называлъ народностью или національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно великій художническій тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника“ и т. д.

Сочин. Бѣл., т. VIII, изд. 2, стр. 386—387.

²⁾ По словамъ Гоголя.

Итакъ, Бѣлинскій отказывался положительно назвать Пушкина народнымъ и національнымъ поэтомъ, и опредѣлить, въ чемъ состоитъ національность. Мы увидимъ дальше, что самъ Бѣлинскій считалъ Пушкина глубоко національнымъ поэтомъ — въ извѣстныхъ особыхъ темахъ его поэзій; но въ общемъ выводѣ этого рода Бѣлинскій справедливо затруднялся. — Дѣйствительно, опредѣленіе содержанія національности самой по себѣ и ея предполагаемаго полнаго отраженія въ поэтѣ есть задача очень сложная, какъ сложна цѣлая народная жизнь и характеръ. Разнообразныя явленія этой жизни не легко сводятся въ сколько-нибудь точныя обобщенія: въ данную историческую минуту можно назвать національнымъ непосредственно господствующее преданіе и состояніе быта (какъ, въ тридцатыхъ годахъ, «народность» представляли въ видѣ крѣпостного права), но, если преданіе отживаетъ свою историческую пору и стѣсняетъ свободу развитія народныхъ силъ, то конечно, еще болѣе національнымъ дѣломъ надо было бы назвать усилія освободиться отъ этого преданія, — хотя бы на первое время эти усилія были дѣломъ только меньшинства, болѣе образованнаго класса; въ общемъ объемѣ своихъ особенностей національность не есть нѣчто неизмѣнное, и народные «свойства» могутъ быть справедливо оценены лишь тогда, когда народные массы въ состояніи будутъ раскрыть ихъ, владея извѣстной долей просвѣщенія и свободы дѣйствія. Иначе, мы рискуемъ впасть въ грубѣйшія ошибки, напр., изъ дурныхъ учрежденій, оставшихся отъ старины, народу ненавистныхъ, имъ по необходимости терпимыхъ и могущихъ быть улучшенными, — заключать, что эти учрежденія народу свойственны и ему нравятся; такъ, во времена крѣпостного права дѣйствительно и говорили, что нашъ народъ библейски патріархаленъ и кротокъ, что онъ любитъ отеческую власть, т.-е. барщину, бурмистровъ, вонюшню и т. п., — забывали только, что этотъ же народъ производилъ Пугачевщину. Когда народъ невѣжественъ — не по недостатку способностей, и безправенъ — по наслѣдію тяжелой исторіи, судить о немъ по одной настоящей минутѣ можетъ быть грубой ошибкой и оскорбленіемъ. При отсутствіи свободнаго и нѣсколько просвѣщеннаго народа, за «націю» отвѣчаютъ обыкновенно классы привилегированные и болѣе образованные, съ ихъ комментариемъ народнаго характера, — комментариемъ, настолько разнообразнымъ, сколько различныхъ тенденцій образовалось въ этихъ классахъ.

Какъ извѣстно, Пушкинъ въ своихъ общественныхъ взглядахъ не только дѣлилъ возрѣнія своего класса, вообще тогда

полагавшаго себя опекуномъ народа, но имѣлъ притомъ и свою особую тенденціозную теорію. «Художническій тактъ» воздерживалъ его отъ прямого внесенія теоріи въ свои произведенія, но обычныя мнѣнія, которыхъ онъ держался упорно, не могли не отражаться на его отношеніи къ народности. Дѣйствительно, «народность» была понимаема имъ тѣмъ частичнымъ образомъ, о которомъ мы упоминали, — съ извѣстною неполнотою и одно-сторонностію. Поэтому Бѣлинскій и затруднялся назвать его безусловно національнымъ поэтомъ и предпочиталъ другое объясненіе: Пушкинъ владѣлъ такимъ могущественнымъ талантомъ и такимъ сильнымъ чувствомъ художественной правды, что достигалъ чрезвычайно вѣрнаго изображенія русской дѣйствительности. Эти-то вѣрныя картины русской дѣйствительности (насколько Пушкинъ ее затрогивалъ), невиданная раньше прелесть поэтическаго исполненія, и, наконецъ, мягкое гуманное чувство, проникающее всѣ его лучшія созданія, сдѣлали Пушкина первымъ русскимъ поэтомъ, идиоломъ и любимцемъ общества, и въ этомъ заключается его «національность». — Поэтомъ «народнымъ» Пушкинъ не былъ, и еще до сихъ поръ не сталъ — по простой причинѣ: народъ, не имѣвшій школы, не зналъ его, и (за очень небольшимъ исключеніемъ людей, узнавшихъ о немъ въ школѣ) до сихъ поръ не знаетъ — это можно было наглядно видѣть во время открытія памятника, въ 1880 г.; но Пушкинъ еще могъ бы стать и народнымъ поэтомъ, если бы народъ былъ приготовленъ школою къ чтенію и уразумѣнію его поэзіи.

Не всѣ, однако, соглашались съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Гоголь уже называлъ Пушкина поэтомъ «національнымъ» — изъ высокаго почтенія къ его личности и произведеніямъ. Болѣе поздніе судьи безусловно объявляли Пушкина поэтомъ національнымъ, и такъ какъ нужно было, наконецъ, объяснить, въ чемъ заключалась національность, они давали эти объясненія — правда, или очень недостаточныя, или совсѣмъ странныя. Укажемъ, напр., на толкованіе Аполлона Григорьева, а въ послѣднее время Достоевскаго ¹⁾. Григорьевъ указывалъ примѣры того, какъ вѣрно рисовалъ Пушкинъ различныя стороны русской жизни, новой и старой, — что давно указывалъ Бѣлинскій, — видѣть въ этомъ не силу художественнаго творчества, а именно «непосредственное чутье *народной сущности*»: Пушкинъ — «единственный полный человѣкъ, единствен-

¹⁾ См. статьи въ журналѣ „Время“, 1861 (Сочиненія Аполлона Григорьева. Сб. 1876, т. I) и отвѣтъ на нихъ въ „Отеч. Зап.“ 1861, т. СXXXV; Достоевскаго, рѣчь о Пушкинѣ, въ „Дневникѣ Писателя“, 1880.

ный всесторонній представитель нашей народной фizioноміи», это — «представитель всего нашего *душевнаго, особеннаго, такого*, что остается нашимъ *душевыми, особенными* послѣ всѣхъ столкновеній съ чужими, съ другими мірами». Но «народная сущность» такъ и остается неопредѣлена, и дѣйствующая сила личности Пушкина опредѣляется такъ: Пушкинъ — «прежде всего художникъ, т.-е. великая, на половину сознательная, на половину бессознательная сила жизни, герой въ карлейлевскомъ значеніи героизма»; въ изображеніяхъ народа его спасала отъ крайностей и ошибокъ, въ какія впадали другіе писатели, «художественная добросовѣстность», «высоко артистическое чувство правды», — то-есть, повторяется мнѣніе Бѣлинскаго ¹⁾. Достоевскій основное національное свойство Пушкина указалъ въ извѣстной «всечеловѣчности». Опять еще Бѣлинскимъ была достаточно истолкована эта сторона пушкинскаго таланта — способность глубоко проникать въ жизнь чуждыхъ обществъ и давнихъ временъ, и воссоздавать ее въ характерныхъ художественныхъ картинахъ. Критики Достоевскаго указали, что это есть обычное свойство сильнаго таланта, а въ литературѣ этимъ свойствомъ, гораздо въ болѣе сильной степени, владѣютъ, напр., нѣмцы, литература которыхъ представляетъ, конечно, больше чѣмъ гдѣ-либо, массу произведеній чужихъ литературъ, усвоенныхъ нерѣдко въ замѣчательныхъ художественныхъ передачахъ. Страннѣе всего было то, что эту «всечеловѣчность» выставляли, какъ высочайшее исключительное достоинство русской народности, люди, которые, гордясь этой мыслью, какъ открытіемъ своей шлои, и считая свою шлоу самой русской, самой національной, сами отличались и отличаются грубѣйшей, злобной нетерпимостью ко всему не русскому человѣчеству, даже къ частнымъ племенамъ собственной русской народности. — Наконецъ, у нѣкоторыхъ критиковъ «народность» Пушкина, какъ мы упоминали, представляется чуть не въ смыслѣ официальной программы тридцатыхъ годовъ.

Оставимъ, впрочемъ, этотъ вопросъ, споръ о которомъ былъ до сихъ поръ очень безплоденъ, и служилъ больше для полемическихъ цѣлей. Въ «национальности» Пушкина не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ и въ «национальности» всѣхъ первостепенныхъ дѣателей нашей литературы, — всѣ они люди своего народа и общества, связаны съ ними нерасторжимой связью жизненныхъ вліаній, развитія и дѣятельности, носить ихъ отра-

¹⁾ „Художническая добросовѣстность“ есть именно его терминъ. Сочин. VIII, стр. 408, 410.

женіе въ своемъ характерѣ. По поводу Пушкина этотъ вопросъ ставится съ особымъ удареніемъ потому, что, во-первыхъ, это былъ величайшій поэтический талантъ нашей литературы, и, во-вторыхъ, потому, что онъ своею дѣятельностью вывелъ русскую литературу впервые на самостоятельную дорогу и достигъ цѣли, къ которой литература стремилась уже задолго и до него. Но тѣ мнѣнія, которыя говорятъ о безусловной, неограниченной національности Пушкина и даютъ его значенію мистическій объемъ, составляютъ патриотическое увлеченіе: какъ ни велико значеніе Пушкина, оно имѣетъ свои историческіе предѣлы, и самое проникновеніе въ «народную сущность» было ограничено отсутствіемъ многихъ историческихъ, общественно-бытовыхъ и этнографическихъ средствъ и свѣдѣній. Онъ — «пророкъ», говорятъ энтузіастическіе поклонники; онъ самъ, въ глубокомъ сознаніи нравственно возвышающаго значенія поэзіи, приравнивалъ идеальное служеніе поэта съ служеніемъ древняго пророка; онъ считалъ условіемъ этого служенія свободу творчества, думалъ, что обладаетъ ею, — но господствующая практика жизни и не думала давать ему этой свободы, искажала его дѣятельность и иногда самого вводила въ заблужденіе... Съ полною ясностью опредѣлится вопросъ о національномъ значеніи Пушкина только съ подробнымъ изученіемъ его литературнаго содержанія сравнительно съ предшествовавшей эпохой, общественными понятіями, литературнымъ движеніемъ его времени и съ ихъ историческими результатами въ дальнѣйшемъ ходѣ общества и литературы.

Подобнымъ образомъ рѣшается и нашъ частный вопросъ о вліяніяхъ поэтической литературы на развитіе интереса къ народу и этнографическаго знанія. Вліяніе Пушкина въ этомъ отношеніи было очень сильное. Не было и донинѣ нѣтъ писателя, который бы, въ области поэзіи и беллетристики, оказалъ столько прямого и косвеннаго вліянія на распространеніе этихъ интересовъ. — Остановимся на нѣсколькихъ указаніяхъ.

Во-первыхъ, историческое пониманіе прошедшаго. Пушкинъ не былъ историкомъ, и хотя желалъ имъ сдѣлаться, было бы жалъ увидѣть его время потраченнымъ на ту массу чисто механическаго, сухого, приготовительнаго труда, безъ котораго неминуемо изученіе исторіи. И заслугу его въ этомъ отношеніи составляютъ вовсе не тѣ труды его, гдѣ онъ считалъ себя историкомъ — не исторія Пугачевского бунта, не приготовленія къ исторіи Петра Великаго, — а именно рядъ его поэтическихъ произведеній... Въ своихъ общихъ историческихъ представленіяхъ Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, горячимъ приверженцемъ Карамзина. «Ка-

рамзинъ, — говоритъ Бѣлинскій, — не одного Пушкина, а нѣсколько поколѣній увлекъ окончательно своею «Исторіею государства Россійскаго», которая имѣла на нихъ сильное вліяніе не однимъ своимъ слогомъ, какъ думаютъ, но гораздо больше своимъ духомъ, направленіемъ, принципами. Пушкинъ до того вошелъ въ ея духъ, до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не просто какъ исторію, но какъ политическій и государственный вѣстникъ, долженствующій быть пригоднымъ какъ нѣльзя лучше и для нашего времени, и остаться такимъ навсегда¹⁾. Это совершенно вѣрно указываетъ взглядъ Пушкина. При появленіи «Исторіи» (или немного спустя) Пушкинъ написалъ извѣстныя эпиграммы, гдѣ въ рѣзкой насмѣшливой формѣ повторяется мнѣніе тогдашняго либеральнаго кружка, съ которымъ Пушкинъ былъ близокъ. Впослѣдствіи, когда либерализмъ кружка друзей петербургскихъ и въ «южной арміи» испарился въ Пушкинѣ, онъ казался въ своихъ эпиграммахъ, и «Исторія» Карамзина стала его авторитетомъ; взгляды Пушкина, историческіе и общественные, формируются въ тотъ политическій консерватизмъ, программу котораго давалъ Карамзинъ, и въ смыслъ котораго Пушкинъ считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать; «Исторія» стала и источникомъ вдохновенія²⁾. Онъ отступалъ отъ Карамзина въ одномъ — въ поклоненіи Петру Великому. Пушкинъ думалъ, что поэзія должна воссоздавать исторію; нѣкогда онъ ждалъ отъ Гнѣдича, окончившаго «Иліаду», эпической поэмы изъ русской исторіи: «тѣнь Святослава свѣтается не воспѣтая, — писали вы мнѣ когда-то, — говоритъ онъ въ письмѣ къ Гнѣдичу (1825). — «А Владимиръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту». Съ этимъ побужденіемъ онъ задумалъ историческую драму, для которой придумывалъ и внѣшнюю старинную форму³⁾, и посвятилъ ее памяти Карамзина. Біографы Пушкина относятъ къ пребыванію въ Михайловскомъ періодъ особеннаго воспріятія старины и народности: здѣсь Пушкинъ читаетъ лѣтописи и четь-миненъ, соприкасается съ живою народностью въ лицѣ няни, и т. п. Но въ «Борисѣ» принято готовое карамзинское представленіе объ основномъ характерѣ драмы, и знаменитый монологъ Пимена, прелестный какъ поэтический образъ, построенъ не на изученіи подлинной лѣтописи,

¹⁾ Сочиненія, VIII, стр. 640.

²⁾ Ср. его отзывъ о Карамзинѣ въ Сочиненіяхъ (изд. 8-е, подъ редакціей П. А. Ефремова, М. 1882), т. V, стр. 37—89, 57, 79—80; т. VII, стр. 43, 142.

³⁾ „Комедія о царѣ Борисѣ“.

а гораздо больше, если не исключительно, опять на сентиментальныхъ изображеніяхъ Карамзина, какъ это было уже давно замѣчено ¹⁾. Важнѣйшая заслуга Пушкина для нашего историческаго сознанія заключается не въ «Борисъ Годуновъ» и не въ «Полтавѣ», гдѣ преобладаетъ повѣстическій интересъ, а въ тѣхъ историческо-бытовыхъ повѣстяхъ, начиная съ «Арапа Петра Великаго», въ которыхъ онъ проводитъ передъ нами типы и нравы прошлаго столѣтія. Пушкинъ любилъ собирать рассказы о прошлыхъ временахъ; устное преданіе имѣло для него особую привлекательность, — конечно, по тому живому отголоску старины, каковой не можетъ сохраниться въ книжномъ свѣдѣніи, — да притомъ въ тѣ времена часто и нельзя было знать недавней исторіи иначе, какъ по устному преданію. Повѣсти Пушкина остались въ нашей литературѣ единственными въ своемъ родѣ произведеніями, по этому рѣдкому соединенію повѣстическаго творчества съ историческою достовѣрностью, которая дана была преданіемъ. Въ повѣстяхъ Пушкинъ проводитъ передъ нами цѣлый рядъ представителей того класса, въ которомъ собственно происходило преобразование русскаго общества, — въ разныхъ ступеняхъ и видахъ прививавшейся къ нему европейской образованности, отъ времени Петра до Екатерины II, и, наконецъ, до Александровской эпохи, потому что Евгений Онегинъ есть новый потомокъ этого типа послѣ-петровской дворянской культуры. Это значеніе историческихъ повѣстей было прекрасно объяснено въ юбилейной рѣчи г. Ключевского ²⁾. Указавъ главные типы, изображенные Пушкинымъ въ этихъ повѣстяхъ, г. Ключевскій замѣчаетъ: «Такъ у Пушкина находимъ довольно связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ за 100 лѣтъ слишкомъ. Когда эти лица рисовались, масса мемуаровъ XVIII вѣка и начала XIX в. *лежала подъ студомъ*. Въ наши дни они выходятъ на свѣтъ. Читая ихъ, можно дивиться вѣрности глаза Пушкина. Мы узнаемъ здѣсь ближе людей того времени; но эти люди — знакомыя уже намъ фигуры. «Вотъ Гаврила Аванасьевичъ, восклицаемъ мы, перелистывая эти мемуары, а вотъ Троекуровъ, вн. Верейскій» и т. д. до Онегина включительно. Пушкинъ — не мемуаристъ и не историкъ; но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристомъ онъ встрѣчаетъ — художника. Въ этомъ значеніе Пушкина для нашей исторіографіи, по крайней мѣрѣ главное и ближайшее значеніе».

¹⁾ Ср. статью С. Д.: „Пушкинъ — народный поэтъ“, въ Отеч. Зап. 1860, т. СХХІХ, стр. 57—74.

²⁾ Р. Мысль, 1880.

Припомнимъ, наконецъ, знаменитую «Лѣтопись» или, какъ она называлась въ рукописи самого Пушкина, «Исторію села Горохина». Бѣлинскій видѣлъ въ ней остроумную шутку, — не не опредѣлялъ, надъ чѣмъ она шутила; по толкованію Аполлона Григорьева, это — «тончайшая и вмѣстѣ добродушно-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковою полосою нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностію, изъ которой мы вынесли взглядъ, совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности» и т. д.¹⁾ Ясно, что это толкованіе слишкомъ широко, а потому и не опредѣляетъ произведенія. Гораздо ближе объясненіе, что «Исторія» села Горохина намекаетъ именно на историческую манеру Карамзина. Пристрастіе къ Карамзину, нами выше указанное, имѣло у Пушкина двойной характеръ: съ одной стороны это было искреннее увлеченіе искусно написанной картиной, раскрывавшей мало извѣстную старую исторію; съ другой — здѣсь была несомнѣнная примѣсь тенденціозности. Пушкинъ чувствовалъ потребность выиснить себѣ политическія основанія русской жизни, — въ его сохранившихся личныхъ и интимныхъ замѣткахъ постоянно возвращается эта забота — и Карамзинъ, по его мнѣнію, давалъ ту политическую формулу, которой искалъ онъ самъ, когда отказался отъ прежняго либерализма и, какъ бываетъ при такихъ отказахъ, впадалъ, иной разъ, въ другую крайность. Но насколько бывали иногда невыдержаны его теоретическія представленія, настолько онъ владѣлъ способностью проницать реальную жизнь, — ошибки теорій онъ самъ исправляетъ въ поэтическихъ произведеніяхъ или отдѣльныхъ замѣткахъ, поражающихъ своею вѣрностью. Такова и «Исторія села Горохина»: предисловіе — картина изъ жизни новѣйшихъ Митрофановъ, полуобразованныхъ дворянскихъ поколѣній; самая «Исторія» есть видимо поправка къ прежнимъ мнѣніямъ о Карамзинѣ, къ которому Пушкинъ могъ уже относиться съ большей критикой: «Исторія села Горохина» написана со всѣми приемами историческаго изслѣдованія, съ перечисленіемъ и критикой источниковъ, съ выписками изъ лѣтописцевъ, съ народными преданіями, подвергаемыми снисходительному сомнѣнію — въ то время, 1830, Карамзинъ былъ еще единственнымъ образчикомъ, который могла имѣть въ виду эта «шутка»; замѣкъ несомнѣнно повторяетъ вычурно-реторическія фразы Карамзина.

Назовемъ, наконецъ, еще историческія замѣтки Пушкина, результатъ его размышленій, направлявшихся опять на движущіе

¹⁾ Сочин. Григор., стр. 253.

политическіе принципы нашей исторіи. Замѣтки нерѣдко также тенденціозны, односторонни, но иногда поразительны по своей истинѣ, напр., тѣ въ которыхъ относится отзывъ г. Ключевского: «Наша исторіографія,—говорилъ онъ въ той же рѣчи,—ничего не выиграла ни въ *правдивости*, ни въ занимательности, долго развивая взглядъ на нашъ XVIII вѣкъ, противоположный высказанному Пушкинымъ въ одной кишиневской замѣткѣ 1821 г.»¹⁾ Правда, эта замѣтка, какъ и очень многое другое въ *нынѣшнемъ* текстѣ Пушкина, не была, и по тогдашнимъ цензурнымъ правамъ, не могла быть извѣстна въ печати и дѣйствовать въ литературѣ въ свое время; но это нынѣ являющееся пушкинское наслѣдство чрезвычайно любопытно и важно какъ фактъ его собственнаго развитія. Замѣтка 1822 г. стоитъ въ явномъ противорѣчій съ господствующимъ славословіемъ и заключаетъ много вѣрныхъ сужденій объ историческихъ герояхъ и героиняхъ нашего XVIII-го вѣка, сужденій особливо цѣнныхъ, если вспомнить, что фальшивый панегирикъ процвѣтаетъ въ нашей исторической литературѣ и до сихъ поръ. Относительно самого Пушкина кишиневская замѣтка еще мало оцѣнена какъ свидѣтельство объ его взглядахъ въ раннюю пору. Первый періодъ его развитія теперь обыкновенно принято осуждать какъ время либеральнаго легкомыслія, и настоящей идеей Пушкина считается поодиѣйшій консерватизмъ (который въ дѣйствительности бывалъ иногда заблужденіемъ великаго поэта): оказывается, что въ пору «легкомыслія» Пушкинъ способенъ былъ къ такимъ наблюденіямъ и выводамъ (несомнѣнно въ либеральномъ духѣ), которые очень высоко оцѣняются авторитетнымъ историкомъ нашего времени.

Если, по разсказу біографовъ, Пушкинъ былъ «мало приготовленъ» въ исторіи, то еще меньше онъ могъ быть приготовленъ въ этнографіи. Но какъ тамъ это не помѣшало ему внести важный вкладъ въ наше историческое сознаніе, такъ въ вопросахъ чистой этнографіи Пушкинъ оказалъ литературѣ великія услуги, прямыя и косвенныя. Ни у кого изъ русскихъ писателей раньше и послѣ (кромѣ спеціалистовъ или записныхъ любителей) не было такого вниманія къ народному преданію, поэзіи, языку; никто такъ не любилъ наслаждаться ихъ оригинальностью и мѣткостью. Біографы любятъ говорить со словъ самого Пушкина объ Аринѣ Родіоновнѣ, и не задумываются приписывать ей посвященіе Пушкина въ тайны народности. Понятно, что

¹⁾ См. эту замѣтку въ Сочин. Пушкина, т. V, стр. 9—14; но годъ замѣтки не 1821, а 1822.

Пушкинъ съ любовью говорилъ о нянѣ, дорогой ему особенно въ деревенской ссылкѣ, гдѣ онъ короталъ съ ней время, не занятое друзьями, — но довольно странно приписывать буквально ей и пребыванію въ Михайловскомъ вкусъ Пушкина къ народности. Няня Пушкина была типическая старинная няня, богатая народной премудростью, сказками, примѣтами, присловьями. Одна черта, сообщаемая Пушкинымъ, до чрезвычайности характерна. Вернувшись въ деревню въ ноябрѣ 1826 изъ Москвы, куда онъ былъ вытребованъ императоромъ Николаемъ, Пушкинъ описываетъ въ письмѣ къ Вяземскому прїѣздъ свой въ деревню: «Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моею дворни, лаковъ и моею няни — ей-Богу прїятнѣе щекотить сердце, чѣмъ слава, наслажденіе самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила навзусь новую молитву *о умиленіи сердца владыки и укрощеніи дуга ея свирьности*, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ» ¹⁾. «Владыка» былъ, разумѣется, императоръ Николай Павловичъ, а няня совсѣмъ годилась въ XVI столѣтіе. — Няня доставляла Пушкину матеріалъ, и судя по тому, что было Пушкинымъ употреблено изъ него, матеріалъ стародавній (слѣдовательно, тѣмъ болѣе цѣнный), — таковы, напр., сказки, идущіе изъ этого источника, — но это былъ только матеріалъ, и если Пушкинъ обращался къ источникамъ народности, то основаніемъ этому была не случайность, какъ пребываніе въ Михайловскомъ, а весь историческій ходъ его литературнаго развитія. Бѣлинскій съ большою точностью указалъ, какимъ образомъ Пушкинъ въ «годы ученья» пережилъ въ себѣ весь ближайшій періодъ литературы, ему предшествовавшій, и, завершая его въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, отрывалъ своими самостоятельными трудами новую ступень литературныхъ идей. Въ этомъ предшествующемъ періодѣ, еще съ прошлаго вѣка, были съ разныхъ сторонъ затронуты элементы народности, и въ смыслѣ общественномъ, и историческомъ, и литературно-этнографическомъ. Начавъ дома съ французскихъ стиховъ, онъ скоро потомъ затѣваетъ «Бову» (1815), и этимъ юношескимъ опытомъ уже кончается вліяніе карамзинской стихотворной манеры. Въ «Вадимѣ» (1822) можно еще замѣтить манеру Жуковскаго, съ славянами на Осіановскій образецъ; но въ томъ же году «Пѣсня о вѣщѣ Олегѣ» уже самостоятельна въ поэтическомъ отношеніи, и если еще отзывается Карамзинымъ, то уже Карамзинымъ-историкомъ.

¹⁾ Сочин., т. VII, стр. 45.

Первая самостоятельная «поэма» беретъ народно-сказочную тему, хотя развиваетъ ее еще на романтическій ладъ; въ 1822 онъ начинаетъ «Евгенія Онѣгина», гдѣ между прочимъ должны были явиться безъ старыхъ сантиментальныхъ и романтическихъ прикрасъ картины деревенскія. Въ Михайловскомъ написанъ «Борисъ Годуновъ», «вдохновенный» Карамзинымъ и слѣдующій его историческимъ взглядамъ, а своей драматической формой свидѣтельствующій объ изученіи Шекспира. «Сношенія съ няней» въ Михайловскомъ отразились, правда, и нѣсколькими произведеніями на народныя темы, какъ «начало сказки» (о медвѣдихѣ), «Женить» и пр.; но подобныя темы вовсе не спеціально овладѣвали имъ въ Михайловскомъ и, напр., поэтическія изложенія сказокъ, безъ сомнѣнія слышанныхъ именно отъ няни, написаны уже долго спустя, въ тридцатыхъ годахъ. Словомъ, влеченіе Пушкина къ народнымъ темамъ происходило вовсе не изъ такихъ случайныхъ «прикосновеній» къ народу, которыя біографы Пушкина объясняютъ отношеніями къ нянѣ, а изъ болѣе глубокаго исторически унаслѣдованнаго возбужденія, которое и дѣйствительно своимъ влияніемъ далеко превышало эти отношенія. Ссылки на няню, конечно, чувствительны, но одно такое объясненіе не было бы достаточно въ историческомъ смыслѣ и напрасно умалю бы содержаніе поэтической мысли Пушкина.

Михайловское отвлекло Пушкина отъ разсѣянной жизни, даю ему—хотя подневольное—уединеніе, когда онъ могъ сосредоточиться и спокойно исполнять планы, давно назрѣвавшіе. Деревенская обстановка только помогла тому, что, конечно, и безъ того привлекло бы его вниманіе и поэтическія силы. Пушкинъ пишетъ къ брату въ 1824: «по вечерамъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма»... Этимъ словомъ давно придавали большое значеніе—видя въ нихъ рѣшительное признаніе «народности», какъ дѣлаго принципа; въ позднѣйшее время истолковываютъ ихъ въ смыслѣ новѣйшаго мистическаго народничества. Но они имѣютъ гораздо болѣе близкій и тѣсный смыслъ: воспитаніе, которое дома шло на французскомъ языкѣ и вслѣдствіе котораго Пушкинъ не разъ называетъ французскій языкъ болѣе ему близкимъ, чѣмъ русскій ¹⁾—не давало ему возможности раньше усвоить себѣ технику народ-

¹⁾ Напр. въ письмѣ къ Жуковскому, 1824: французскій языкъ—„мнѣ болѣе по сердцу“; въ письмѣ къ Чаадаеву, 1831: *je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la notre.* Сочин. т. VII, стр. 198, 341.

наго языка и сказочные сюжеты. Но это вовсе не была кака-нибудь теорія народности, а только одинъ изъ ея разнообразныхъ литературныхъ интересовъ. Какъ извѣстно, онъ дѣйствительно занялся записываніемъ пѣсенъ и сказокъ, и, по словамъ П. В. Кирѣвскаго, составилъ замѣчательный пѣсенный сборникъ¹⁾. Но «недостатки воспитанія» — не только домашняго, но уже и лицейскаго — Пушкинъ вознаграждалъ тогда и другими средствами: чтеніемъ Карамзина и лѣтописей, изученіемъ Шекспира. Интересъ къ сказкамъ имѣлъ своимъ результатомъ рядъ поэтическихъ воспроизведеній сказочныхъ сюжетовъ, которые не удовлетворяли уже Бѣлинскаго. По его мнѣнію, не лишнему основанію, сказки Пушкина были «плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности» (онъ исключалъ только «Сказку о рыбацѣ и рыбѣ», гдѣ народу принадлежитъ только мысль, а весь рассказъ принадлежитъ поэту). Народныя сказки по словамъ Бѣлинскаго, «хороши и интересны такъ, какъ создала ихъ фантазія народа, безъ перемѣнъ, украшеній и передѣлокъ»²⁾. Для спеціалиста этнографа подобные пересказы вообще не имѣютъ значенія³⁾. Теперь эти произведенія Пушкина (и подобныя — Жуковскаго) служатъ только для цѣлей преподаванія, и, какъ отрывокъ о медвѣдихѣ, остаются образчикомъ технической виртуозности. Гораздо важнѣе и въ художественномъ отношеніи и по литературному вліянію были самостоятельныя произведенія Пушкина на народныя темы, — именно онѣ и составляли главный результатъ народныхъ стремленій Пушкина, особенно въ ряду съ другими произведеніями, эпизодически касающимися народной жизни (Евгеній Онегинъ, Борисъ Годуновъ, Исторія села Горохина, историческія повѣсти и пр. и пр.).

Такимъ образомъ Пушкинъ вносилъ свой вкладъ и въ чистую этнографію, распространяя интересъ къ прямому изученію народнаго быта и поэзіи, собирая сказки и пѣсни, поддерживая своимъ мнѣніемъ и авторитетомъ начинавшіяся изученія, напр. изученіе пѣсенъ — Кирѣвскимъ, народнаго языка — Далемъ; но гораздо болѣе онъ сдѣлалъ для этого въ области собственно

¹⁾ См. сказки Арины Родіоновны, въ Сочин. VII, стр. 409—414; любопытная сказка о Георгіи Храбромъ и о волкѣ, со словъ Пушкина пересказана Далемъ (Соч. Дала, 1861, томъ IV); пѣсни, записанныя Пушкинымъ, въ Сочин. II, стр. 380, 390. Но гдѣ „сборникъ“?

²⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, стр. 700. До Бѣлинскаго подобнымъ образомъ относились къ сказкамъ Пушкина и Надеждинъ.

³⁾ Такъ, между прочимъ, пропадаетъ для этнографинъ сказка о Георгіи Храбромъ и о волкѣ, которая была бы чрезвычайно интересна въ подлинной народной одеждѣ.

этнографіи—тѣми произведеніями, гдѣ касался народнаго быта. У Пушкина въ первый разъ народъ являлся безъ сантиментальныхъ и романтическихъ ходулъ ¹⁾, съ самыми подлинными чертами быта и языка, и это было чрезвычайно важно. Въ литературѣ заурядной еще долго тянулось прежнее фальшивое отношеніе къ народности, карамзинская чувствительность, въ соединеніи съ лицемѣріемъ официальной народности, но у большихъ писателей, продолжавшихъ дѣло Пушкина, оно стало уже невозможно. Самъ Пушкинъ далеко еще не совершилъ всего дѣла; нужно было еще много изученій и художественнаго труда, чтобы идея «народности» утвердилась въ литературѣ, но поэзія Пушкина давала настроеніе, тонъ этому труду. Подъ внушеніями этой поэзіи—которыя даже горячему панегиристу Пушкина, какъ Ап. Григорьевъ, представлялись отчасти сознательными, но отчасти и бессознательными, правдиво-реальное отношеніе къ «народности» было завоевано, и у преемниковъ Пушкина развились въ широкія и уже сознательныя примѣненія. Это отразилось и на работахъ историко-этнографическихъ, гдѣ—въ параллель съ указаніями новыхъ научныхъ изслѣдованій—народъ сталъ болѣе и болѣе разсматриваться, какъ организмъ, на который сосредоточивается историческое развитіе государства и народности.

Что не все было сдѣлано Пушкинымъ, особенно видно на его общественныхъ понятіяхъ; онѣ выясняются теперь съ значительной точностью. Въ нихъ было нѣсколько разныхъ теченій, отчасти смѣнявшихъ другъ друга, отчасти одновременно существовавшихъ, иногда примираемыхъ, иногда оставляемыхъ въ ихъ противорѣчій. Первая эпоха, какъ извѣстно, отличена либеральными наклонностями, которыя отзываются съ одной стороны отголосками вольтеріанства, съ другой исходили изъ новѣйшаго либерализма: то и другое было довольно поверхностно и, какъ система мнѣній, въ послѣдствіи отпало, тѣмъ болѣе, что въ самомъ характерѣ Пушкина была чисто консервативная складка, — но тѣмъ не менѣе, либерализмъ произвелъ на него и такое дѣйствіе, отъ котораго онъ никогда не освобождался и не отказывался. Въ ученіяхъ этого либерализма («европейничанья», по нынѣшнему пошлomu способу выраженія) были свои серьезныя и глубокія понятія—какъ понятія о свободѣ мысли, о необходимости, когда-нибудь, свободы гражданской и прежде всего освобожденія крестьянъ: это были вещи, которыхъ требовало че-

¹⁾ И безъ ходулъ псевдо-классическихъ, какъ верѣдко у Крылова.

ловѣческое достоинство, и съ свободой мысли для Пушкина соединялось требованіе свободы художественнаго творчества. Сколько послѣ оны ни умѣрялъ свои общественныя требованія, оны никогда не могъ примириться съ цензурными насиліями, — какъ никогда не отказывался отъ мысли о необходимости отъѣна крѣпостного права.

За этимъ началомъ слѣдовали взгляды другого рода. Въ различныхъ переходахъ его мнѣній участвовали весьма разнообразныя мотивы: и общій тонъ дружескаго круга, и литературныя вліянія, и собственная работа мысли, и, наконецъ, личное положеніе и внѣшнія обстоятельства жизни. Либерализмъ придается ко временамъ императора Александра, когда Пушкину пришлось испытать «гоненіе», вслѣдствіе котораго Пушкинъ до конца царствованія Александра I ему «подсвистывалъ», между тѣмъ какъ общія мысли Пушкина уже переставали отвѣчать этому подсвистыванью. Выѣстъ съ тѣмъ, какъ въ концѣ ссими начиналась зрѣлая пора поѣтической дѣятельности, совершалась перемѣна и въ общественныхъ взглядахъ Пушкина: оны сознаетъ, что императоръ Александръ поступалъ съ нимъ «справедливо»; изученіе Карамзина (въ томъ числѣ и Записки о древней и новой Россіи) дѣлало его окончательно мирнымъ консерваторомъ, и его мнѣнія окрашиваются новымъ направленіемъ до настоящей тенденціозности. Эта тенденціозность развивается особенно съ 1826 года. Произошла страшная катастрофа; она не коснулась Пушкина — оны считалъ дѣло чужимъ для себя, — но не могла не произвести впечатлѣнія, и именно, укрѣпила въ немъ начавшуюся раньше консервативную реакцію. Вскорѣ затѣмъ, Пушкинъ былъ еще подкупленъ высокимъ вниманіемъ; съ него не только снята опала, но оказано довѣріе и покровительство (мы видѣли выше, во что они были превращаемы посредничествомъ Бенкендорфа). Приближенный къ средоточію власти, разубѣдившись въ старомъ либерализмѣ, Пушкинъ думалъ, что нашелъ настоящій путь для своихъ гражданскихъ мнѣній и пошелъ по немъ съ усердіемъ неофита, полагающаго, что долженъ искупить прошедшія ошибки. Отсюда происходили разные факты его дѣятельности въ послѣднемъ періодѣ его жизни: таково происхожденіе записки о воспитаніи; таково участіе въ запискѣ кн. Вяземскаго ¹⁾; отзывъ о «якобинизмѣ» Полевого ²⁾; предложеніе правительству своего журнала ³⁾; отзывъ о Радищевѣ, 1836 г.,

¹⁾ Полное собр. сочин. кн. Вяземскаго, т. II, стр. 211—226.

²⁾ Сочин., т. V, стр. 233.

³⁾ Тамъ-же, стр. 180.

свѣтъ противоположный его прежнимъ мнѣніямъ объ этомъ писателѣ; отсюда также происходило желаніе быть не только поэтомъ, но историкомъ, что (могъ онъ думать) показалось бы болѣе дѣйствительной «службой» отечеству въ глазахъ его судей и покровителей; этотъ тонъ слышится въ его официальныхъ письмахъ, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ какъ «Клеветникамъ Россіи» и т. д.

Точка зрѣнія была консервативная. Подъ стать къ ней были взгляды, собственно Пушкину принадлежавшіе, на особенную роль дворянства. Не повторяя подробностей, собранныхъ въ статьѣ г. Анненкова ¹⁾, ограничимся нѣсколькими общими замѣчаніями. Давно были замѣчены «генеалогическіе предрасудки» Пушкина; теперь, съ изданіемъ значительнаго количества новаго біографическаго матеріала, писемъ и замѣтокъ самого Пушкина, стало ясно, что эти предрасудки не были только личнымъ его пристрастіемъ къ старинѣ своего дворянскаго рода, дѣломъ обыкновеннаго тщеславія, а, напротивъ, были принадлежностью цѣлой общественно-исторической теоріи. Основная мысль ея заключалась въ необходимости въ государственномъ строѣ вліятельной наслѣдственной аристократіи, которая заключаетъ въ себѣ ручательство государственнаго благосостоянія, прочности учрежденій и заботы о народѣ. Въ старину такъ и было: «аристократія была наслѣдственная—отсель мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Θεодоръ, а Языковъ и меньшее дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Θεодора и Петра начинается *революція* въ Россіи, которая продолжается и до сего дня» ²⁾. Въ любопытныхъ французскихъ замѣткахъ, относящихся къ тому же сюжету, ясно выражается мысль Пушкина, что старая аристократія пала по своей низости и трусости, что позднѣйшая оппозиція Долгорукихъ и Панина была ничтожная (*niaise*); Петръ Великій, по мнѣнію Пушкина, былъ «вмѣстѣ Робеспьеръ и Наполеонъ (воплощенная революція)» ³⁾. Далѣе:

«Если (на дѣлѣ) высшая аристократія не наслѣдственна, то она становится пожизненной. Средства окружить деспотизмъ

¹⁾ Общественные идеалы Пушкина, „Вѣстн. Евр.“, 1880, июнь.

²⁾ Сочин. V, стр. 87 (1830 г.).

³⁾ Очевидно, въ связи съ этимъ находятся слова Пушкина къ вел. кн. Михаилу Царевичу (Вѣстн. Евр. 1880, июнь; Сочин., т. V, стр. 241): „je connaissais bien votre famille. Les R. ont été de tout temps révolutionnaires“. Великій князь засмѣялся на это, какъ на шутку; но, какъ видимъ, мысль была совершенно серьезна.

преданными наемниками и задушить всякую оппозицію и высокую независимость.

«Наслѣдственность высшей аристократіи есть гарантія ея независимости. Противное есть по необходимости средство тиранин или скорѣе низкаго (lâche) деспотизма и пр. Мой деспотизмъ: жестокіе законы, мягкіе нравы».

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «прочная неподвижность (stabilité) — первое условіе общественнаго благополучія. Какъ соглашается она съ безконечной усовершенствомъ?..» ¹⁾

Такимъ образомъ, общее положеніе объ уваженіи къ предкамъ у Пушкина не оставалось платоническимъ правоученіемъ, а развивалось въ специальное примѣненіе, — весьма похожее именно на ту англосаксонскую теорію, которая (будучи вмѣстѣ и болѣе или менѣе крѣпостническою) всплыла у насъ послѣ освобожденія крестьянъ въ средѣ «крупныхъ землевладѣльцевъ» и существуетъ до сихъ поръ у славянофиловъ новой формации. Только съ этой точки зрѣнія стараго боярства (или также дворянства) Петръ I могъ казаться «Робеспьеромъ»: казалось, что Петръ намѣренъ убиваетъ родовое боярство (по крайней мѣрѣ наиболѣе энергически проводить это убиваніе, если оно задумано раньше его) и таблицю о рангахъ образуетъ новое, то-есть уничтожаетъ «независимую (??) аристократію» и создаетъ «преданныхъ наемниковъ».

Исторія (насколько она извѣстна была и во время Пушкина) говоритъ иное. Наше старое боярство не было похоже на ту независимую аристократію, покровительницу народа, какою она представлялась Пушкину; мѣстничество, въ которомъ онъ видитъ проявленіе принциповъ наслѣдственной аристократіи, правду сказать, было страннымъ проявленіемъ и къ защитѣ народныхъ правъ не имѣло никакого видимаго отношенія; проявленіе было ничтожно и какъ защита боярствомъ своихъ собственныхъ правъ; Пушкинъ самъ замѣчаетъ, что для уничтоженія мѣстничества, т.-е. традиціи боярства, достаточно было Теодора и Языкова, и не требовалось такой силы, какъ Петръ. Послѣдній принялъ какъ фактъ разрушенное старое боярство и просто былъ къ нему равнодушенъ; подлѣ него, его преданными помощниками стояли и старые родовитые бояре, Голицыны, Долгорукіе, Апраксины, Шереметевы, Ромодановскіе и т. д., и люди новые съ Меншиковымъ во главѣ. Высшая аристократія убита была, въ сущности, еще Иваномъ Грознымъ.

¹⁾ Сочин., т. V, стр. 87—88.

Итакъ, Пушкинъ увлекался здѣсь въ теоріи, которыя не оправдывали распространяемаго теперь представленія объ его пророческомъ проникновеніи въ народныя русскія начала: теорія была глубоко невѣрна исторически, потому что у насъ именно не было, да едва ли уже и можетъ быть такая наследственная и властвующая аристократія, о какой мечталъ Пушкинъ, и если бы она даже устроилась, едва ли была бы особымъ благомъ для Россіи и чѣмъ-нибудь сочувственнымъ для народа. Тѣ образчики ея, какіе могли представляться Пушкину въ прошедшемъ, были плохимъ примѣромъ независимости: они ничѣмъ не отличались отъ «преданныхъ наемниковъ»... Недавно, въ статьѣ г. Кавелина, — которому едва ли откажутъ въ знаніи русской исторіи, — мы читали какъ будто намѣренный отвѣтъ на вышеприведенныя слова Пушкина (только съ прошлаго года явившіяся въ печати и едва ли бывшія въ виду у автора): «мысль, будто реформа Петра и петровскій періодъ представляютъ какой-то переломъ въ русской жизни, неожиданный, безпричинный, какъ будто съ неба упавшій, — ни на чемъ не основана... Взглядъ на Петра Великаго, какъ на какого-то чуть-чуть не *Робеспьера*, также обличаетъ глубокое непониманіе русской исторіи и великаго царствованія, какъ и упреки въ томъ, что онъ былъ антихристъ, заклятый иностранецъ и нестерпимый тиранъ» ¹⁾.

Извѣстно, какъ эти генеалогическіе взгляды отражались на произведеніяхъ Пушкина, гдѣ онъ то заявляетъ о древности своего рода, то колеблется между требованіемъ уваженія къ знатности рода и похвалою личной заслугѣ. Въ житейскихъ сужденіяхъ его не покидала мысль о древности его собственнаго имени, и видно пренебреженіе въ его отзывѣхъ о людяхъ, лишенныхъ этой привилегіи. Напримѣръ: «*Speransky, popovitch turbulent et ignorant*» ²⁾, хотя сужденіе о невѣжествѣ Сперанскаго, быть можетъ, здѣсь нѣсколько рискованно; Надеждинъ показавшій ему — «весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія»... «критики его были очень глупо написаны» и пр. ³⁾, — хотя опять, Надеждина мудрено упрекнуть въ глупости. Извѣстно, какъ выше своей литературной профессіи Пушкинъ ставилъ свое старинное дворянство. Рассказывая Бестужеву, въ письмѣ 1825 г., свои отношенія съ Воронцовымъ, Пушкинъ говоритъ: «онъ воображаетъ, что русскій поэтъ

¹⁾ Вѣсти. Евр. 1882, дек., стр. 938.

²⁾ Сочин., V, стр. 87.

³⁾ Тамъ же, стр. 320.

явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шести-сотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!..» ¹⁾ Да; но не было виной Воронцова, что въ нашихъ официальныхъ нравахъ одно шестисотлѣтнее дворянство значить очень мало, а много значить чиновное и должностное положеніе, которое у Пушкина было весьма скромно. Для цѣлаго общества, между этими вещами была также «дьявольская разница», только совсѣмъ въ другую сторону. Бѣлинскій писалъ уже по поводу «Родословной моего героя» (1833): «Какъ потомка старинной фамиліи, Пушкина зналъ бы только его кругъ знакомыхъ, а не Россія, для которой въ этомъ обстоятельстве не было ничего интереснаго; но какъ поэта, Пушкина узнала вся Россія и теперь гордится имъ, какъ сыномъ, дѣлающимъ честь своей матери... Кому нужно знать, что бѣдный дворянинъ, существующій своими литературными трудами, богатъ длиннымъ рядомъ предковъ, мало извѣстныхъ въ исторіи? Гораздо интереснѣе было знать, что напишетъ новаго этотъ гениальный поэтъ?» ²⁾ Неужели Пушкинъ въ самомъ дѣлѣ могъ думать, чтобы *кто-нибудь* дорожилъ въ немъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, а не великимъ поэтомъ?

Возвращаясь къ кишиневской запискѣ 1822 года, мы опять находимъ, что въ ту пору Пушкинъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе на вопросъ о «высшей аристократіи». Неудача плановъ этой аристократіи захватить въ свои руки власть — по тогдашнему мнѣнію Пушкина, гораздо болѣе вѣрному — была благодѣтельна для Россіи. «Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось *столько* чертою отъ существованія дворянъ. Еслибы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили-бъ или даже вовсе уничтожили способъ освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили-бъ число дворянъ и заградили-бъ для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ» ³⁾. Совершенно справедливо.

Въ тѣ годы, онъ иначе смотрѣлъ на Радищева ⁴⁾, котораго

¹⁾ Сочин., т. VII, стр. 176.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго, VIII, стр. 654 и далѣе, разборъ «Родословной».

³⁾ Сочин. V, стр. 10.

⁴⁾ Мнѣнія Пушкина о Радищевѣ упоминались нѣсколько разъ, параллельно съ тѣмъ, какъ мѣнялись его общественно-политическіе взгляды. Такъ, въ первое время,

ноздѣе, въ статьѣ 1836 г. осуждалъ такъ несправедливо, забывая характеръ эпохи. Къ этимъ же раннимъ годамъ относятся и восторженные ожиданія освобожденія крестьянъ, какъ въ пьесѣ «Уединеніе» 1819 г., когда вопросъ объ освобожденіи крестьянъ одно время занялъ извѣстную долю общества и даже литературы...

Современникамъ Пушкина (и непринадлежавшимъ къ его кругу) не остались неизвѣстны эти его взгляды. У нихъ не было, для точнаго сужденія объ этихъ взглядахъ, того матеріала, который становится извѣстенъ теперь въ письмахъ и замѣткахъ Пушкина; но личность поэта была предметомъ величайшаго интереса, въ литературныхъ кругахъ его сочиненія изучались внимательнѣйшимъ образомъ; намеки не пропадали и комментировались, а, наконецъ, были живыя свѣдѣнія и рассказы объ его мнѣніяхъ по тому или другому предмету. Бѣлинскій по поводу «Бориса Годунова» говорилъ о Пушкинѣ весьма категорически слѣдующее: «Вообще, надобно замѣтить, что чѣмъ больше понималъ Пушкинъ тайну русскаго духа и русской жизни, тѣмъ больше иногда и заблуждался въ этомъ отношеніи. Пушкинъ былъ слишкомъ русскій человекъ, и потому не всегда вѣрно судилъ обо всемъ русскомъ: чтобы что-нибудь вѣрно оцѣнить разсудкомъ, необходимо это что-нибудь отдѣлать отъ себя и хладнокровно посмотреть на него какъ на что-то чуждое себѣ, внѣ себя находящееся, а Пушкинъ не всегда могъ дѣлать это, потому именно, что все русское слишкомъ сплослось съ нимъ. Такъ, напр., онъ въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта» ¹⁾...

Если была возможность чувствовать въ поэтѣ помѣщика по поводу даже такого произведенія какъ «Борисъ Годуновъ», то тѣмъ болѣе могла чувствоваться въ современныхъ темахъ извѣстная односторонность... Поэтому, какъ мы видимъ, Бѣлинскій и затруднился безусловно назвать Пушкина поэтомъ національ-

въ либеральный періодъ, онъ говоритъ въ письмѣ къ Бестужеву, 1823 г. «О взглядѣ (на старую и новую словесность, въ Полярной Звѣздѣ 1823 г.) можно бы намъ поспорить на досугѣ... Покаместъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть *Радищева*? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно»... Сочин. VII, стр. 162. Въ статьѣ 1833 г. (Сочин., т. V, стр. 192—227) Пушкинъ относится къ Радищеву все еще спокойно; въ 1836 г. въ статьѣ «Александръ Радищевъ», приготовленной для «Современника», но тогда не замечательной (Сочин. т. V, стр. 344—357, 493), онъ относится къ Радищеву съ явной враждой, въ духѣ своей тогдашней тенденціозности. Но замѣчательно, что подъ конецъ Пушкинъ опять вернулся въ прежней оцѣнкѣ Радищева—въ стихотвореніи «Памятникъ» 1836, о которомъ далѣе.

¹⁾ Сочин. Бѣл. VIII, стр. 638.

нымъ: обществу и критикѣ приходилось иногда видѣть въ немъ не полное выраженіе своихъ лучшихъ идеаловъ, а только панегирикъ одной эпохи, одного порядка вещей, видѣть тенденцію одного извѣстнаго круга. Исторія, какъ извѣстно, не подтвердила этого панегирика... Въ этой же односторонности надо искать и причину того, что къ концу жизни Пушкина (когда—замѣтимъ—не были извѣстны многія изъ лучшихъ его произведеній, явившіяся только въ посмертномъ изданіи) публика начинала охлаждать къ поэту. Въ иныхъ случаяхъ, это охлажденіе было дѣломъ непониманія, легкомыслія; но въ другихъ, имѣло свои основанія. Бѣлинскій самъ объясняетъ его главнымъ образомъ тѣмъ, что Пушкинъ въ послѣдніе годы удалился въ область чистаго искусства. «И тѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созданій. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина). Взглядъ Пушкина на жизнь былъ болѣе созерцательный, нежели рефлектирующий; его поэзія, глубоко проникнутая гуманностью, воспримчива къ страданіямъ и противорѣчіямъ жизни, но онъ смотритъ на нихъ съ какимъ-то самоотрицаніемъ—«какъ бы признавая ихъ роковую неизбежность и не нося въ душѣ своей идеала лучшей дѣйствительности и вѣры въ возможность его осуществленія». Такова была натура Пушкина: этому взгляду Пушкинъ обязанъ изящною мягкостью, глубиной и возвышенностью своей поэзіи, но въ этомъ и ея недостатки. «Какъ бы то ни было, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время определило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго». Пушкинъ нѣсколько разъ выказывалъ свой взглядъ на призваніе поэта какъ на служеніе искусству, полное самоотреченія и глухое къ голосу толпы, ея хвалѣ и порицанію («Чернь» 1828, «Поэту» 1830 и др.). Бѣлинскій видитъ по-

бужденія поэта, признаетъ его творческое право: поэтъ не обязанъ идти за духовно-малолѣтними, — «но каждый умный человекъ въ правѣ требовать, чтобъ поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или по крайней мѣрѣ исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поэтъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній»... ¹⁾ Къ этому присоединялось то, что созерцательная поэзія, какъ мы упоминали, идеализировала иногда такіе предметы, къ которымъ общество начинало уже относиться съ критическимъ анализомъ. Пушкинъ дѣлался потому *status quo*, и здѣсь была новая причина охлажденія, которое еще усилилось въ позднѣйшихъ литературныхъ поколѣніяхъ, и въ наше время многіе хотѣли прославлять Пушкина какъ національнаго поэта, именно въ смыслѣ общественно-политическаго консерватора.

Упоминая о взглядахъ Пушкина на «высшую аристократію», мы видѣли, что съ этими ссылками на его консервативныя идеи надо быть, однако, осторожнымъ, потому что можно рисковать зайти слишкомъ далеко. — Къ счастью, теоретическія ошибки не могли возобладавать совсѣмъ надъ поэзіей Пушкина; поэтическая проницаемость и «художественная добросовѣстность», мягкое гуманное чувство, наконецъ, сознаніе собственной силы и художественнаго достоинства шли глубже теорій, дали произведенія болѣе глубокія, чѣмъ онъ могъ бы дать какъ представитель узкой тенденціи. — Его глаза не были закрыты на то, что дѣлалось въ отечествѣ, какъ могъ чувствовать себя въ немъ независимый писатель. Не мудрено, что въ годы изгнанія у него вырывались желчныя слова объ «отечествѣ» ²⁾; но въ самомъ концѣ жизни, когда онъ началъ журналъ, когда онъ былъ оплетенъ Ш-отдѣленскими наставленіями и угрозами, у него вырывались слова горечи и раздраженія. Онъ думалъ предложить свой журналъ къ услугамъ правительства, писалъ уже тенденціозныя статьи, — но тутъ же онъ пугался: «У меня душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человекомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: *vous avez trompé* и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ ³⁾ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Оаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпиона: *chortz*

¹⁾ Сочин. Бѣлинскаго, VIII, стр. 402—408.

²⁾ См. напр. Сочин., VII, стр. 42, 96, 190, 283 и др., въ письмахъ 1824—26 гг.

³⁾ Извѣстный государственный человѣкъ, котораго онъ очень уважалъ.

дождалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!»¹⁾ Въ послѣднему году его поэтической дѣятельности относится стихотвореніе: «Не дорого цѣню я громкія права»,—гдѣ самому себѣ онъ ищетъ права—

...для власти, для ливрен
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи,—

и стихотвореніе: «Я памятникъ себѣ воздвигъ не рукотворный», которое роковымъ образомъ являлось въ 1836 г. какъ завершеніе его поэтическаго поприща и гдѣ мы только теперь читаемъ въ предпоследней строфѣ подлинныя стихи самого Пушкина²⁾:

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Прибавимъ еще одну черту. Въ письмѣ къ Бестужеву, 1825 г., Пушкинъ говоритъ объ его сравненіи «сатиры» Байрона и Пушкина (въ «Онѣгинѣ»):—«гдѣ у меня сатира? О ней и поминать въ Евгениі Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, еслибъ вознудся я сатиры»³⁾...

Разнообразныя воспоминанія о Пушкинѣ въ 1880 г. собирали изъ его произведеній множество мыслей и образовъ, рисующихъ возвышенный тонъ его поэзіи и проникнутыхъ глубокою любовью къ родной странѣ и народу: онъ дорожитъ славными дѣяніями ихъ прошедшаго, страстно желаетъ широкаго просвѣщенія, ждетъ освобожденія народныхъ массъ; онъ первый правдиво постигаетъ народную жизнь и изображаетъ ее со всѣмъ богатствомъ языка, изученнаго въ народномъ источникѣ. Его провозглашали національнымъ поэтомъ, и многимъ казалось, что основной источникъ его національности таится въ «присновеніи» къ народу, въ позднѣйшемъ періодѣ его развитія; но историческое изученіе должно убѣдить, что именно ранній

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1879.

²⁾ Сочин. III, стр. 411—412, 471. Любопытно, что третій стихъ этой цитаты попалъ въ рѣчи „Идеалы Пушкина“, В. Н., стр. 46.

Въ черновомъ наброскѣ этой строфы третій стихъ былъ написанъ первоначально такъ: „что *вслѣдъ Радищеву* возславилъ я свободу“. Окончательная поправка лунѣ; но очень знаменательно, что имя Радищева встало предъ его мыслью въ стихотвореніи, гдѣ онъ сводилъ итогъ своей поэтической дѣятельности. При послѣднемъ пересмотрѣ стихотворенія ему могло представиться вопіющее противорѣчіе имени Радищева со статьей, написанной для „Современника“.

³⁾ Тамъ же, VII, стр. 174.

періодъ его внутренней жизни, — когда въ послѣдніе годы Александровскихъ временъ въ обществѣ, хотя не безъ увлеченій и фантазій, носилось много благороднѣйшихъ общественныхъ стремленій, — этотъ періодъ оставилъ въ немъ вліянія, не изгладившіяся во всю остальную жизнь, при всѣхъ позднѣйшихъ его колебаніяхъ и большихъ теоретическихъ ошибкахъ. Новѣйшіе комментаторы не замѣчали, что многія лучшія цитаты, ими приведенныя и говоряція о народномъ благѣ, просвѣщеніи и свободѣ, принадлежатъ этому первому періоду жизни Пушкина, періоду либеральныхъ, въ европейскомъ смыслѣ, идеаловъ. Михайловское уединеніе дало Пушкину сосредоточиться, убѣдило, что онъ призванъ не къ какой-нибудь активной, а именно только къ художественной дѣятельности. Событія 1826 г. увлекли его въ тенденціозный консерватизмъ, въ отношенія, которыя онъ идеализировалъ, но которыя временами его страшно угнетали; и онъ возвращался къ инымъ свѣтлымъ свободнымъ взглядамъ своего прошлаго. «Художественскій тавръ дѣятельности» предохранилъ его отъ литературныхъ ошибокъ, въ которыя могли ввести его ошибки теоретическія, и на переکورъ тому, что онъ придумывалъ теоретически относительно русской исторіи, въ своихъ произведеніяхъ прославлялъ то, что составляетъ ея истинное величіе. Таково возвеличеніе Петра, на переکورъ превозносимому Пушкинымъ Карамзину, на переکورъ его собственнымъ представленіямъ Петра въ видѣ Робеспьера. «Петръ великій, — говоритъ Бѣлинскій, — не только творецъ бывшаго и настоящаго величія Россіи, но и всегда останется путеводною звѣздою русскаго народа, благодаря которой Россія будетъ всегда идти своею настоящею дорогою къ высокой цѣли нравственнаго, человѣческаго и политическаго совершенства. И Пушкинъ *никогда* не является ни столько высокимъ, ни столько *національнымъ* постомъ, какъ въ тѣхъ вдохновеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени творца Россіи» ¹⁾).

О томъ, чѣмъ могла бы быть дѣятельность Пушкина въ условіяхъ тенденціознаго консерватизма, еслибъ она продолжалась, мы вполне согласны съ заключительными страницами книги г. Стоюнина ²⁾.

Исключительный и разнообразный талантъ сдѣлалъ Пушкина величайшимъ именемъ русской литературы; больше чѣмъ какой-

¹⁾ Сочин. Бѣл., т. VІІІ, стр. 406.

²⁾ „Пушкинъ“. Спб. 1881, стр. 439—440.

нибудь русскій поэтъ, онъ можетъ быть названъ русскимъ національнымъ поэтомъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человекъ и поэтъ своего времени, съ его приемами и вкусами, съ теоретическими понятіями, иногда ошибочными и для своего времени. Дѣятельность его припала въ «жестокій вѣкъ», который безъ сомнѣнія не далъ ему сдѣлать столько, сколько онъ могъ бы по своимъ рѣдкимъ силамъ. Его нельзя назвать поэтомъ народнымъ, — такъ какъ по недостатку просвѣщенія народъ и донныя его не знаетъ, за рѣдкими исключеніями; національнымъ онъ можетъ быть названъ какъ величайшій русскій писатель, наиболѣе популярный въ образованной части общества, наконецъ, какъ начинатель того направленія въ литературѣ, которое вело къ самостоятельному реальному изображенію русской жизни и народа. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ занимаетъ высое мѣсто и въ спеціальной исторіи народныхъ изученій.

Генетическая связь послѣдующей литературы съ Пушкиннымъ почувствована была въ первые же годы послѣ того, какъ его дѣятельность стала достояніемъ исторіи. Poetae minores, современные Пушкину, и такъ-называемая пушкинская школа, состоявшая отчасти изъ его близкихъ пріятелей, — Рылѣевъ, Баратынскій, Дельвигъ, Кюхельбекеръ и пр., произведеніями которыхъ онъ иногда восхищался и которые имѣли свою долю заслуги, какъ спутники предводителя, были такъ заслонены Пушкиннымъ, что ихъ зачастую совсѣмъ обходитъ исторія литературы. Они остановились на романтическомъ періодѣ пушкинской поэзіи и не пошли дальше. Историческій романъ, появляющійся въ тридцатыхъ годахъ и представляемый Загоскинымъ и Лажечниковымъ, также носитъ чисто романтискій складъ. Загоскинъ (1789 — 1852; его историческіе романы 1829 — 1848) былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей того времени и одинъ изъ тѣхъ, которые всего больше подходили къ официальной народности. Мысль объ историческомъ романѣ была у него явнымъ слѣдствіемъ чтенія Вальтеръ-Скотта, у котораго заимствована и виѣшняя манера; историческія понятія составлены всецѣло по Карамзину, общественныя — были искренныя и напыннымъ консерватизмомъ, не задававшимъ себѣ никакихъ вопросовъ. На первыхъ порахъ «Юрій Милославскій» вызвалъ большія похвалы, въ которыхъ участвовалъ и Пушкинъ; но критика вскорѣ уже увидѣла настоящую цѣну произведеній Загоскина, которая и отступила въ литературѣ на второй или на третій планъ. Въ нихъ была легкость разсказа, одушевленіе, — но отсутствіе историческаго колорита, избытокъ приторной сантимен-

тельности, которую романисты одинаково вносили и въ X-е, и въ XVII, и въ XIX столѣтіе, патриотизмъ, слишкомъ часто состоящій въ самохвальствѣ и ненависти ко всякой иноземщинѣ: они стали достояніемъ своей особой публики и ни мало не послужили объясненію старины для читателей, которые ищутъ въ романѣ историческаго интереса. Какая подкладка лежала въ основѣ взглядовъ Загоскина, онъ объяснилъ самъ въ письмѣ къ издателямъ «Маяка» ¹⁾: появленіе этого журнала очень порадовало Загоскина, — это было именно то, чего онъ дожидался, и онъ тотчасъ обратился къ журналу съ привѣтствіями и нѣкоторыми замѣчаніями. Это былъ искренній обскурантизмъ, обезоруживающій своей простодушной откровенностью. — Совсѣмъ иной силы таланта и ума былъ Лажечниковъ (1794 — 1869; его историческіе романы 1831—1838). Его романы принадлежатъ также романтической манерѣ, которая въ нихъ, пожалуй, еще болѣе преувеличена; Лажечниковъ строитъ свои романы болѣе сложно, съ запутанной интригой, эффектами, съ романтическими страстями; — но ихъ достоинство несравненно выше: больше историческаго пониманія, разнообразія картинъ, оригинальности языка. Историческая тема берется имъ гораздо серьезнѣе, съ внимательнымъ изученіемъ источниковъ, и не смотря на иные вопіющіе анахронизмы новѣйшихъ чувствъ и понятій, переносимыхъ въ XVI и XVII столѣтіе, его романы глубже переносятъ въ выбранную эпоху, чѣмъ когда-нибудь удавалось Загоскину. — Не будемъ перечислять еще другихъ тогдашнихъ произведеній этого рода — довольно привести слова Бѣлинскаго, по поводу «Арапа Петра Великаго», что «эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы гг. Загоскина и Лажечникова ²⁾, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, поровнѣ взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Передъ ними, передъ этими семью главами неоконченнаго романа, бѣдны и жалки повѣсти г. Кукольника, содержаніе которыхъ взято изъ эпохи Петра Великаго и которыя все-таки не лишены достоинства» ³⁾.

Столь же мало двинула народныя изученія обильная литература правоописательныхъ романовъ, нравственно сатирическихъ

¹⁾ См. Маякъ, 1840, ч. VII, стр. 101 — 105. Ап. Григорьевъ такъ поразился стрѣтнѣ въ „Маякѣ“ это письмо, что перепечаталъ его цѣликомъ въ одной изъ своихъ статей; см. Сочин. Ап. Григорьева, стр. 581—586.

²⁾ Отрывокъ изъ „Арапа“ вошелъ въ первый разъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ въ 1829 году.

³⁾ Сочин. Бѣл. VIII, стр. 701.

повѣстей, романтическихъ поэмъ, драмъ, трагедій и комедій. Были, разумѣется, и здѣсь проблески живого содержанія, но господствовала романтическая ходульность, поверхностное отношеніе къ жизни общества и народа.

Какъ писатель изъ народнаго быта, въ пушкинскую эпоху имѣетъ значеніе въ особенности, почти исключительно, Даль, дѣятельность котораго продолжается потомъ и въ эпоху Гоголя и его преемниковъ. Мы говорили о немъ какъ объ этнографѣ. Въ пушкинское время Даль приобрѣталъ уже великую славу какъ первостепенный знатокъ народнаго быта ¹⁾. Эта слава въ сороковыхъ годахъ установилась; Бѣлинскій былъ очень высокаго мнѣнія о талантѣ Даля и ставилъ его на второе мѣсто послѣ Гоголя ²⁾. Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ рассказы Даля считались украшеніемъ журнальныхъ книжекъ. Въ настоящее время онъ, если не забыть, то уже далеко не такъ популяренъ. Время дѣлаетъ свое; въ чемъ же оно ушло впередъ?

Бѣлинскій, при всемъ высокомъ понятіи о дарованіи Даля, замѣтилъ, однако, что это талантъ частныхъ, отдѣльныхъ типовъ, бытовыхъ подробностей, что онъ не идетъ дальше опредѣленной границы. Сравнивая Даля съ послѣдующимъ ходомъ литературы, изображавшей народный бытъ, легко увидѣть, что Даль по своему отношенію къ народности остается писателемъ старой школы. Въ тридцатыхъ годахъ понятіе «народнаго» было далеко не тѣмъ, чѣмъ оно стало впослѣдствіи. Привязанность къ народности, у тогдашнихъ партизановъ ея, была инстинктивная и неясная; они восхищались народной пѣсней, обычаемъ, преданіемъ, въ народномъ языкѣ видѣли верхъ литературнаго совершенства. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ ³⁾, что современники Даля догадывались, что между жизнью образованнаго класса и жизнью народа есть какой-то разладъ, и думали, что онъ можетъ быть покрытъ и сглаженъ культомъ народности, но они совсѣмъ не понимали, какъ это можетъ сдѣлаться. Имъ казалось, что стоитъ сблизиться съ вѣншимъ народнымъ бытомъ, принять нѣкоторые изъ брошенныхъ обычаевъ, покинуть «иноземщину» и заговорить народнымъ языкомъ;—но имъ не приходило въ голову, что такіи поверхностными и придуманными, а не выходящими изъ жизни

¹⁾ Первые сочиненія Даля въ этой области появились въ 1881 году.

²⁾ Сочин. Бѣл. I, стр. 384; II, 426; III, 87, 117; VII, 42, 203—205; VIII (по 2-му изд.), 28, 84; IX, 299, 302; X, 294; XI, 58, 109—115, 419, 253. Любопытно, однако, что Бѣлинскій никогда не посвятилъ сочиненіямъ Даля большой критической статьи, т.-е. не нашелъ въ его сочиненіяхъ элементовъ важнаго историческаго значенія.

³⁾ Вѣстн. Евр. 1873, дек., стр. 886 и слѣд.

средствами нельзя сдѣлать совершенно ничего; что такое виѣшнее, безъ измѣненія существенныхъ отношеній, принятіе обычая (напр., платья) будетъ смѣшнымъ маскарадомъ и насмѣшкой надъ народомъ (или смѣхомъ для него); что въ «иностранщинѣ» заключается между прочимъ вся наука; что народный языкъ, какъ ни прекрасенъ, крайне бѣденъ для выраженія понятій высшей категоріи. Но у нихъ не было совсѣмъ, или было очень мало, критическаго взгляда на общественное положеніе народности; большею частью они удовлетворялись тогдашнимъ ея положеніемъ, даже восторгались имъ; этнографы и писатели этой школы, на словахъ великіе любители народа, на дѣлѣ становились къ нему въ ненавистное отношеніе соглядатаевъ и полицейскихъ сыщиковъ (въ дѣлахъ по расколу). Такіе были между друзьями Даля; не всѣ, конечно, доходили до этого, но вообще критической или просто человѣчной мысли о народѣ не было; люди этой школы думали, что отдаленіе общества отъ народа можетъ быть исправлено однимъ сантиментальнымъ романтизмомъ, поддѣлкой (которая не могла даже быть искренней) подъ народные обычаи и языкъ, а самый народъ—пусть остается крѣпостнымъ; или же они, не мудрствуя лукаво, просто придерживались взглядовъ «Маяка», какъ Загоскинъ.

Сочиненія Даля состоятъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ повѣстей, множества мелкихъ очерковъ, пересказа народныхъ преданій, сказокъ и, наконецъ, специально рассказовъ, рассчитанныхъ на читателей изъ простонароднаго класса («Солдатскіе» и «Матросскіе досуги» и т. п.). Повѣсти его даютъ не столько типы, сколько біографическія исторіи, переплетенныя съ бытовыми картинками—изъ жизни военной, морской, помѣщичьей, купеческой, крестьянской, заводской. При этомъ нерѣдки и автобіографическія черты ¹⁾; въ рассказѣ «Савелій Грабъ или Двойникъ» герою приданы этнографическіе вкусы и народолюбіе самого автора ²⁾, и есть, быть можетъ, портреты (напр., купецъ-библіофилъ Ахтубинцевъ, въ «Небываломъ»). Бытовые описанія отличаются вообще большимъ знаніемъ нравовъ, обычаевъ, языка; вездѣ виденъ бывалый человѣкъ, много повидавшій, и умѣлый рассказ-

¹⁾ Напр., въ повѣстяхъ: „П. А. Игривый“, „Мичманъ Поцѣлуйевъ“, „Болгарка“, „Подоланка“, „Небывалое въ Вилотъ“ и проч.

²⁾ Напр., ему прямо приписаны разсужденія о народныхъ суевѣріяхъ и прикѣрахъ, находящіяся въ предисловіи къ книжкѣ Даля объ этомъ предметѣ; приписаны упомянуты нами раньше сравненія литературнаго изложенія съ козацкимъ, какія онъ предлагалъ Жуковскому.—Объ этомъ сравненіи см. замѣчаніе Бѣлинскаго, Сочин. VII, стр. 204.

чикъ; нѣкоторыя описанія сдѣланы почти съ этнографическою точностью, напримѣръ, прекрасное сравнительное описаніе деревни великорусской и малорусской ¹⁾. Но сказались и тѣ недостатки, какіе должны были проистекать изъ общаго склада взгляда на «народность». Направленіе Дала осталось до конца народно-романтическимъ; его рассказы, живые, легкіе, скрашенные юморомъ, были занимательны, но читатель въ концѣ-концовъ оставался безъ всякаго опредѣленнаго впечатлѣнія о той жизни, какую ему изображали. Ихъ содержаніе было слишкомъ анекдотическое. Наблюдательности автора не миновали многія жизненные явленія, — онъ умѣетъ нарисовать самодур-вупчину, картины помѣщичьяго быта, и т. д., — но не умѣетъ возвести ихъ къ общему началу; подмѣтилъ однажды и типъ недовольнаго, негодующаго на несправедливости ²⁾, но, по его собственному сужденію, это только — сумасшедшій человѣкъ... Что касается собственныхъ взглядовъ автора, то уже Бѣлинскій, хотя находилъ въ нихъ много ума и оригинальности, но и такія странности, съ которыми считалъ излишнимъ спорить ³⁾. Въ рассказахъ народныхъ, долженствовавшихъ дать образчики живой народной рѣчи, народность языка выражается прибаутчностью, которая въ большомъ количествѣ является вещью нестерпимой, — народъ не говоритъ же одними прибаутками, — и становится чѣмъ-то скоморошескимъ и поддѣльнымъ. — Но при всемъ знаніи подробностей быта, при всемъ обиліи внѣшней народности языка, тотъ существенный вопросъ, по которому только и можетъ быть важенъ интересъ къ «народности», вопросъ о нравственно-общественномъ положеніи народа остался у Дала совсѣмъ нетронутымъ. Этимъ и объясняется, почему успѣхъ той манеры, которой Далъ былъ главнымъ представителемъ, былъ невозможенъ, когда въ литературѣ стало приобрѣтать все большую силу вліяніе Гоголя, и когда подъ этимъ вліяніемъ народность начали понимать и изображать въ ея общественномъ и нравственно-человѣчномъ смыслѣ. За Далемъ осталась и въ области беллетристики большая заслуга въ томъ, что онъ ввелъ въ нее обильный запасъ этнографическаго матеріала, послѣ котораго была очень облегчена задача внѣшняго изображенія народной жизни. «Записки

¹⁾ Въ „Небываломъ“. Сочиненія Дала. Спб. 1860—1861, т. VII, стр. 326—330

²⁾ Сулейкинъ, въ рассказѣ „Отецъ съ сыномъ“, — предшественникъ извѣстнаго резонера у г. Г. Успенскаго.

³⁾ „Даже самыя странности и парадоксы автора носятъ на себѣ отпечатокъ такой достолюбезности, что доставляютъ въ чтеніи и удовольствіе“, — говорилъ Бѣлинскій, но серьезно разбирать ихъ не считалъ нужнымъ.

Охотника» окончательно заслонили прежнюю народоописательную литературу, въ томъ числѣ и Дала.

Какъ мало прежняя литература сходилась съ новыми понятіями объ интересахъ народности, это обнаружилось въ началѣ прошлаго царствованія, когда ея дѣатели во многихъ случаяхъ выступали противниками новаго движенія общества. Въ ряду противниковъ оказался и Далъ въ статьяхъ, надѣлавшихъ нѣкогда много шума, гдѣ этотъ писатель, всю жизнь посвятившій культу народности, высказалъ мнѣніе о вредѣ для народа грамотности (по мнѣнію Дала, грамотность должна была распространить въ народѣ развѣ только крючкотворство и писаніе фальшивыхъ паспортовъ). Люди, питавшіе въ Далю уваженіе, находили тогда, что онъ «имѣлъ несчастіе» высказать странныя мысли объ этомъ предметѣ ¹⁾.

О тонѣ мыслей Дала по этому предмету можетъ дать понятіе небольшой образчикъ. Когда съ началомъ прошлаго царствованія русское общество, было полно лучшими ожиданіями, когда уже мелькала надежда на освобожденіе крестьянъ и одной изъ первыхъ мыслей пробудившагося общественнаго мнѣнія была мысль о народной грамотности, какъ первой ступени къ нѣкоторому образованію, Далъ отозвался на это только такими недоброжелательными, да и не правдивыми словами: «Нѣкоторые изъ образователей (?) нашихъ ввели въ обычай (?) кричать и вопить (!) о грамотности народа и требуютъ (?) напередъ всего, во что бы ни стало (?), одного этого (!); указывая на грамотность другихъ просвѣщенныхъ народовъ, они безъ умолку (?) приговариваютъ: просвѣщеніе, просвѣщеніе!» и т. д. Далъ наставительно объясняетъ, что грамотность и просвѣщеніе не одно и то же, — хотя никто ихъ не смѣшивалъ, а говорилось о народной школѣ, какъ первомъ началѣ какого-нибудь просвѣщенія, какого можно было по обстоятельствамъ надѣяться для народа, до тѣхъ поръ абсолютно заброшеннаго. Весь споръ былъ веденъ со стороны Дала очень странно; у него не нашлось добраго слова въ пользу народной школы, и на днѣ разсужденій трудно было не найти

¹⁾ Статьи Дала о вредѣ грамотности: Русская Бесѣда, 1856, кн. III, Смѣсь, стр. 1—16, „Письмо къ издателю А. И. Кошелеву“; Отечеств. Записки, 1857, февраль, литер. и журн. замѣтки, стр. 133, „Приписка къ письму А. И. Кошелеву, по поводу возраженій на него“; Спб. Вѣдомости, 1857, № 245.—Изъ статей противъ Дала довольно отнѣтитъ статьи г. Карновича въ Современникѣ 1857, № 10, стр. 123—138, „Нужно ли распространять грамотность въ русскомъ народѣ?“ и № 12, стр. 167—176, „Отвѣтъ г. Далю на замѣтку „о грамотности“, помѣщенную въ 245 № Спб. Вѣдомостей“; и тамъ же въ Соврем. обозрѣвіи, стр. 296—298.

чиновнической мысли, что народу нечего дѣлать со школой, а надо пахать землю и плотничать, и—знать сверчку свой шестокъ ¹⁾...

Настоящими преемниками Пушкина въ общемъ развитіи литературы были два гениальные таланта новаго поколѣнія — Лермонтовъ и особенно Гоголь. Какъ вообще историческое развитіе не есть повтореніе предыдущаго содержанія и формы, такъ и историческіе преемники Пушкина не повторяли его и не подражали ему, а именно только восприняли основную нить его дѣятельности и повели ее далѣе. Этою нитью было самостоятельное художественное творчество, освобожденное отъ связывающихъ чужихъ вліяній въ содержаніи и формѣ, и какъ приемъ его — правдивое реальное отношеніе къ жизни. Въ результатѣ получилось съ одной стороны — глубокое отрицаніе господствующей общественной дѣйствительности, и съ другой — приступы къ изображенію народа. Относительно Лермонтова нельзя забывать, что въ его произведеніяхъ мы имѣемъ дѣло только съ начавшейся дѣятельностью, прерванной на первыхъ опытахъ созрѣвающаго таланта; онъ еще только выходилъ изъ той поры юношескаго броженія, какая была завершаема Пушкинымъ около тѣхъ же лѣтъ; онъ еще не выработалъ себѣ опредѣленнаго взгляда на вопросы общественной и народной жизни, но ясно было, что въ Лермонтовѣ сказывалось тоже, давно созрѣвавшее въ обществѣ стремленіе къ освобожденію личности, необходимое для того, чтобы самому обществу стало возможно достиженіе новыхъ болѣе свободныхъ формъ его внутренней и вѣшной жизни. Лермонтовъ не успѣлъ выработать этого инстинкта въ ясный идеалъ, но онъ съ нимъ носился цѣлую жизнь, отъ «Демона» до Печорина и до «Пророка». Затѣмъ, кромѣ яркихъ примѣровъ этого отрицанія, мы имѣемъ у Лермонтова великодушныя, самымъ Пушкинымъ недостигнутыя образцы воспроизведенія народныхъ темъ — какъ пѣсни объ опричникахъ и купца Калашниковѣ. Эта пѣсня давно была высоко оценена какъ знаменательный фактъ въ нашемъ литературномъ развитіи. Это — не манера Пушкина, а свой самостоятельный подступъ къ народно-поэтическому міру, неожиданный и блестящій. Но къ реальной народной жизни Лермонтовъ, какъ и Пушкинъ, еще не подошелъ. У Пушкина, чисто народная, крестьянская жизнь, кромѣ «Исторіи села Горохина», гдѣ господствуетъ сатирическій планъ, отражается только эпизоди-

¹⁾ Въ біографіи Дала, Р. Вѣст. 1873, и этотъ эпизодъ о народной грамотности переданъ негѣрно.

ческими жанровыми картинками (въ «Онѣгинѣ», «Капризѣ», въ повѣстяхъ Бѣлкина и проч., въ народныхъ балладахъ), и мысль объ освобожденіи крестьянъ остается отвлеченной, безъ другого ближайшаго представленія народной жизни и личности ¹⁾,—такъ и у Лермонтова. Характеристическимъ произведеніемъ является у него знаменитая «Родина»: поэтъ любить ее «странною любовью», которой «не побѣдить *разсудокъ*»; онъ сознается, что его чувства не трогаютъ ни купленная кровью слава, ни попой (государства), полный гордаго довѣрія, ни завѣтные преданія темной старины,—но онъ любить—самъ не знаетъ за что—широкую природу родины и простую картину «печальныхъ» деревень и, въ праздникъ, шумъ народнаго веселья. Очевидно, что поэта не влечетъ народность официальная, въ ея тогдашней формѣ, гдѣ слава записывалась въ официальныхъ реляціяхъ, завѣтные преданія старины внесены были въ панегирическую холодную исторію; и напротивъ глубокій инстинктъ, для самого поэта еще непонятный, влечетъ его въ этому скудному народному быту, въ утѣсенной народной личности, въ порывамъ ея свободной жизни и одушевленія. Эта любовь была «странна» (и разсудокъ какъ будто долженъ былъ побѣждать ее), потому что протворѣчала тону всей окружающей массы общества; но чувство поэта было вѣрно: оно внушалось тѣмъ могущественнымъ народно-историческимъ инстинктомъ, какой посѣщаетъ національнаго поэта; это былъ тотъ же результатъ, въ которому другіе приходили путемъ научнаго и общественнаго сознанія. Переведенная на простой языкъ и растолкованная, эта пѣса становилась недовозможительнымъ свободомысліемъ и отрицаніемъ. Люди стараго порядка это чувствовали; и извѣстные слова: «туда ему и дорога», сказанныя по смерти Лермонтова, были характеристичны.

Гораздо продолжительнѣе, плодovitѣе, доступнѣе и, быть можетъ, потому вліятельнѣе была дѣятельность Гоголя. Не лишено важнаго историческаго смысла то, что въ лицѣ Гоголя въ русской литературѣ могущественнымъ дѣятелемъ явился малороссъ, не утратившій своихъ племенныхъ свойствъ и сочувствій,—какъ

¹⁾ Описывая кн. Вяземскому возвращеніе въ деревню изъ Москвы, 1826, послѣ представленія имп. Николаю, Пушкинъ пишетъ: „Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корту чувствительность, но встрѣча моей дворян, *хамовъ* и моей паніи—ей Богу пріятнѣе целовать сердце, чѣмъ слава, наслажденіе самолюбія, разсѣянности и пр.“ (Сочин. VII, 45). По этой терминологіи, знаменитая паня также должна была причисляться къ разряду „хамовъ“.

будто для цѣльнаго развитія русской литературы требовалось равносильное участіе обѣихъ основныхъ частей русскаго племени, соединенныхъ въ общемъ возвышенномъ идеалѣ; какъ будто для утвержденія истинной «народности» нужно было участіе писателя, въ собственной скромной литературѣ котораго «народность» по самому существу дѣла была уже живымъ, неизбѣжнымъ элементомъ. Гоголь, послѣ перваго чисто романтическаго опыта, начинаетъ съ рассказовъ на малорусскія народныя темы, и ими завоевываетъ свое мѣсто въ литературѣ. Затѣмъ слѣдуетъ историческій романъ—опять изъ прошлаго Малороссіи, съ чисто эпическими событіями и героями на сюжетъ, именно сродный народному эпосу,—романъ, который по художественному достоинству могъ смѣло равняться съ историческими повѣстями Пушкина; далѣе рядъ повѣстей, гдѣ гуманное чувство пушкинской поэзіи смѣняется глубокимъ юморомъ и картинами вѣдѣтъ психологическаго и общественнаго интереса, потрясающими читателя; затѣмъ тотъ же общественный интересъ выступаетъ въ гениальной комедіи и «поэмѣ» на темы, указанные или одобренныя еще Пушкинымъ,—но которыя онъ самъ едва ли могъ трактовать въ томъ духѣ, какъ это явилось у Гоголя. Все это новое содержаніе находится въ тѣсномъ родствѣ съ дѣятельностью Пушкина,—но вмѣстѣ носить свои особыя черты, и составляетъ новую ступень въ развитіи общественно-народнаго характера литературы. И вѣнскимъ образомъ Гоголь тѣсно примыкаетъ въ Пушкинскому кругу; здѣсь, и въ кругѣ Бѣлинскаго, Гоголь нашелъ первыя сочувствія и опору противъ рутинны, противъ вражды старѣвшаго романтизма, противъ лицемѣрной «благонравности» и обскурантизма; въ журналѣ Пушкина Гоголь высказывалъ свои литературныя идеи, вѣдѣлся въ полемическую борьбу. Пушкинъ навсегда остался для Гоголя предметомъ величайшаго поклоненія.

Съ оборотной стороны преданій пушкинскаго круга связано и послѣднее направленіе Гоголя,—о чемъ мы имѣли уже случай говорить въ другомъ мѣстѣ.

Кромѣ малорусскихъ рассказовъ, Гоголь нигдѣ не изображалъ народнаго русскаго быта прямо, а только косвенно затрогивалъ его въ исторіи «мертвыхъ душъ» и эпизодическихъ подробностяхъ. Тѣмъ не менѣе, его вліяніе есть одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ въ исторіи народныхъ изученій. Мы видѣли, какой поворотъ былъ сдѣланъ въ этомъ отношеніи Пушкинымъ; но полное дѣйствіе художественнаго реализма Пушкина явилось только съ его истолкованіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ у Го-

голи. Послѣ Гоголя, романтическая точка зрѣнія съ ея ложью, художественной и общественной, стала невозможна; жизнь выступала въ его произведеніяхъ съ такою силой дѣйствительности, что прежнія изображенія общества и народа, или грубо малеванныя или сентиментально подслащенные, потеряли кредитъ; послѣ Гоголя возможно было идти только путемъ правдиваго изображенія дѣйствительности, и такъ какъ дѣйствительность была слишкомъ далека отъ той картины благополучнаго состоянія, какую рисовала система официальной народности и лицемерившая, или не понимавшая, доля литературы, то новое направленіе, выросшее подъ влияніемъ Гоголя, уже вскорѣ совпало съ тѣмъ критическимъ анализомъ, который въ то же время все сильнѣе развивался въ публицистической дѣятельности круга Бѣлинскаго. Для Бѣлинскаго, — котораго мы опять упомянемъ здѣсь, такъ какъ въ то время не было болѣе чуткаго критика и чловека, болѣе преданно и ревниво искавшаго успѣховъ русской литературѣ, — Гоголь былъ предметомъ величайшихъ надеждъ. Трудно сказать, кого Бѣлинскій цѣнилъ больше — Пушкина или Гоголя: первый былъ для него образцомъ эстетическаго совершенства, второй — сильнымъ, и дорогимъ союзникомъ въ защитѣ его общественныхъ идей. Литературный вопросъ принялъ чисто общественное значеніе: начиная съ «Ревизора» и въ особенности послѣ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь сталъ предметомъ ожесточеннаго литературнаго спора, гдѣ противъ него выступили ретрограды, за него вооружались всѣ свѣжія прогрессивныя силы. — Гоголь, въ которомъ уже совершался болѣзненный душевный процессъ, увидѣвъ результаты своего дѣла, поторопился категорически отречься отъ него въ известной книгѣ.

Самъ Гоголь былъ потерянъ для дѣла, которому послужилъ своими лучшими произведеніями, но изъ-за его отреченія дѣло не остановилось; напротивъ, оно шло очень быстро, и, въ связи съ другими сторонами литературы и идеями, бродившими въ обществѣ, выразилось яснымъ стремленіемъ къ изученію народа общественно-политическому.

Хронологическія цифры этого движенія были таковы:

1837 — Смерть Пушкина (передъ тѣмъ, 1836 — появленіе «Ревизора»).

1838 — Сочиненія Пушкина, т. I—VIII.

1841 — Тома IX—XI. Смерть Лермонтова.

1842 — «Мертвыя Души».

1845 — Валуевскій «Сборникъ».

1846 — Первый «Московский Сборникъ» и полемика славянофиловъ и западниковъ.

1847 — «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Письмо къ Гоголю, Бѣлинскаго. Перьяе «Разказы Охотника», Тургенева.

1848 — «Запутанное дѣло», Салтыкова.

Если обратить вниманіе на то, что только въ 1841 г. закончилось первое нѣсколько полное изданіе Пушкина, и въ 1842 — явились «Мертвыя Души», то нельзя не признать чрезвычайно быстрымъ движеніе, которое въ такое короткое время перешло отъ Пушкина и «Мертвыхъ Душъ» къ «Запискамъ Охотника». Какимъ многозначительнымъ событіемъ въ исторіи нашей литературы и общественности были «Записки Охотника», это достаточно извѣстно. Сдѣланъ былъ большой шагъ не только въ области художества, но и въ понятіяхъ общественныхъ: Гоголь далъ поражающую картину бытовыхъ условій и вызывалъ къ ихъ дальнѣйшему изслѣдованію; Тургеневъ направилъ это изслѣдованіе прямо на крѣпостной бытъ, и указалъ съ одной стороны развращающее вліяніе крѣпостного права на рабовладѣльцевъ, съ другой — гнусное насиліе надъ человѣческой личностью, испытываемое рабами, на сторонѣ которыхъ остается нравственное достоинство. Какъ появленіе Гоголя раскрывало весь смыслъ Пушкина, нравственно-общественные задатки его поэзіи, такъ значеніе Гоголя становится вполнѣ понятнымъ въ группѣ его преемниковъ, съ сороковыхъ годовъ. Стремленія литературы изменились. Народная стихія, которая являлась у Пушкина какъ инстинктъ, какъ художественное средство для утвержденія національнаго характера русской поэзіи, а въ общественномъ его пониманіи окрашивалась сословнымъ консерватизмомъ, затѣмъ у Гоголя укрѣпляется въ могущественномъ реализмѣ, — у преемниковъ его выражается въ любящемъ изображеніи свѣтлыхъ сторонъ народнаго характера и въ протестѣ противъ народнаго угнетенія: для этихъ изображеній поэзіи была уже вооружена знаніемъ народнаго быта и языка.

Тургеневъ указать нами какъ основной представитель этого періода. Цѣлый рядъ писателей, съ различными оттѣнками главнаго направленія, болѣе или менѣе воспитавшимися въ школѣ Гоголя, открываютъ новую полосу реального изображенія русской жизни. — въ быту помѣщика, чиновника, купца, крестьянина. Некрасовъ съ своими стихотвореніями, Григоровичъ съ «Деревней» и «Антономъ Горемыкой», Писемскій, Потѣхинъ, Печерскій, Островскій съ комедіей купеческой и драмой изъ народнаго быта, и другіе служили этому дѣлу общественнаго самосознанія, высказывая народные сочувствія, созрѣвшія въ образованнѣйшей

части общества и воспитывая его массу для лучшаго пониманія гражданскаго быта и національнаго достоинства.

Какъ для историка, по словамъ г. Ключевскаго, большая находка, если между собой и непосредственнымъ историческимъ матеріаломъ онъ встрѣчаетъ художника, такъ для русскаго этнографа не лишено было важности—между собой и предметомъ этнографическаго наблюденія встрѣтить писателей какъ Пушкинъ, Гоголь и Тургеневъ. Одно школьное изслѣдованіе было бы сухо и безстрастно; народъ, предметъ наблюденія, былъ безправенъ и угнетенъ, и не легко доступенъ для пониманія; нормальность его быта была нарушена учрежденіями. Чтобы получилась для этнографіи первая правильная исходная точка, нужно было, чтобы изъ-подъ гнета тягостныхъ условій современнаго быта, искажавшихъ народную природу, выдѣлилась и прояснилась основная, идеальная личность народа, чтобы наблюдатель, приступая къ ея изученію, освободился отъ господствовавшаго сословнаго и административнаго предрасудка и притязанія. Для этого-то раскрытія народной личности и поработала много поэтическая литература. Задолго до правительственнаго плана освобожденія крестьянъ, она заявила необходимость этой государственной и общественной реформы и впервые отнеслась къ народу съ уваженіемъ, какъ дѣйствительной основѣ націи, и съ сочувствіемъ къ его необходимой и призываемой гражданской равноправности.

Литературное развитіе идетъ вообще сложными путями; одинъ фактъ складывается изъ нѣсколькихъ источниковъ, и въ свою очередь оказываетъ вліяніе въ разныхъ направленіяхъ. Художественное творчество дѣйствуетъ не по однимъ эстетическимъ возбужденіямъ, но и подѣ вліяніемъ разнообразныхъ условій общественности; и рядомъ съ нимъ, подѣ такимъ же дѣйствіемъ цѣлаго хода вещей, совершалась однородная работа въ другихъ областяхъ литературы: исторія, археологія, языкованіе, изученія экономическія и т. д. вели къ тому же изслѣдованію народнаго быта въ его историческихъ источникахъ, и въ его этнографическомъ и социальномъ настоящемъ. Общественная мысль съ разныхъ сторонъ подготовлялась къ его уразумѣнію, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ художественная литература овладѣваетъ реально-правдивымъ изображеніемъ народной жизни, этнографія впервые вступаетъ на правильную научную дорогу.

А. Пипинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

МЕЧТАТЕЛЮ.

Поблекнуть безъ зими надеждъ твоихъ цвѣты,
Замѣнить грусть отвагу вѣры,
Когда, взглянувъ вокругъ, вездѣ увидишь ты
Судебъ печальные примѣры.
Вотъ, смѣлостью дыша, въ безбрежный шумный лѣсъ
Земныхъ тревогъ вступаетъ странникъ;
Въ немъ тайно зрѣетъ мысль, что въ жребіи небесъ
Завидной доли онъ избранникъ.
Тернистою тропой безсмертнаго пути,
Гоня позорное сомнѣнье,
Онъ въ жизненную брань безтрепетно идти
Легѣтъ гордое рѣшенье.
Предъ нимъ мерцанье думъ божественно-святыхъ
Горитъ звѣздою путеводной,
И пламенный полетъ стремлений молодыхъ
Направленъ къ цѣли благородной.

Но злѣкъ его души разцвѣта не даетъ
Въ пустынь міра безотрадной; —
Безвременный укоръ какъ змѣй его сосетъ
И къ сердцу льнетъ тоскою жадной.
Въ борьбѣ увяла жизнь... Лишь память, гдѣ царитъ
Потерь рыдающая драма,
Таинственно хранить на днѣ угрюмый видъ
Руинъ торжественнаго храма.

Тотъ храмъ когда-то былъ вмѣстилищемъ чудесъ:
 Незримые тамъ хоры пѣли,
 И взоры голубыхъ блистающихъ небесъ
 Привѣтно въ глубь его глядѣли.
 И съ пышныхъ алтарей, сквозъ славы чудный дымъ,
 Сквозъ блескъ и трепеть обаянья,
 Видѣлись въ немъ, грозясь величьемъ неземнымъ,
 Живыхъ кумировъ изваянья...

Куда же онъ исчезъ—тѣхъ дней волшебный мигъ?
 Затѣмъ какъ гробъ—добычу тлѣнья—
 Обвѣялъ мракъ густой гордыни стѣнъ нѣмыхъ
 Могилой мглою запустѣнья...
 Ихъ утренней зари смѣющійся привѣтъ
 Не грѣетъ розовымъ сіяньемъ;
 Бросаетъ лишь на нихъ ненастье влажный слѣдъ
 Холодныхъ устъ своихъ лобзаньемъ.
 Гдѣ сладостный зѣвръ струился, напоенъ
 Дыханьемъ мирры благовонной,
 Тамъ, бурю годовъ отсюду нанесенъ,
 Кружится прахъ игрою сонной;
 Гдѣ таинства чредой текли, озарены
 Огнемъ молитвъ и жертвъ великихъ,
 Тамъ въ сумракѣ нѣмомъ давно погребены
 Боговъ развѣчанные лики.

И жрецъ, что въ бны дни имъ преданно служилъ,
 По мертвецамъ не править тризны:
 Въ смущеньи проходя близъ дружескихъ могилъ,
 Онъ въ тайнѣ шлетъ имъ укоризны...
 Случается,—порой въ немъ все еще кипятъ
 Былыя страсти и желанья,
 И въ дремлющемъ умѣ ихъ звуки шевелятъ
 Погибшей юности преданья.
 И какъ онъ изумленъ, узнавъ, что межъ ступень
 Въ забвенью преданной руинѣ
 Низверженныхъ боговъ тоскующая тѣнь
 Печально странствуетъ и нынѣ.
 Но сердце леденить ихъ жалобная пѣснь,
 Какъ зимнихъ вьюгъ ночное пѣнье;
 И тягостно уму, какъ трудная болѣзнь,—
 Страстей безцѣльное кипѣнье.

* * *

Сердце больное, о чемъ ты тоскуешь?
Что тебя точить какъ червь гробовой?
Недугъ ли тайный, иль близкую чуешь
Съ міромъ разлуку—могильный покой?

Пусть онъ смежитъ мнѣ усталыя вѣжды!
Что мнѣ златое сіяніе дня,
Если вѣрялся я солнцу надежды
И обмануло то солнце меня?..

Много ты, бѣдное сердце, томилось,
Много болѣло въ неравной борьбѣ,
Но вѣдь судьбѣ ты давно покорилось:
Сердце, чего-жъ еще надо тебѣ?

Д. ЛИТОШЕНКО.

НЕМОЛЯКИ

ОЧЕРКИ ИЗЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО НАРОДНАГО СЕКТАНТСТВА.

Настоящіе очерки изъ области русскаго народнаго сектантства составлены изъ свѣдѣній, частью собранныхъ авторомъ и сообщенныхъ разными лицами, частью извлеченныхъ имъ изъ мѣстныхъ архивовъ, и изъ литературы предмета. Эта литература немногочисленна. Свѣдѣнія о немоякахъ Земли войска донскаго заключаются въ статьѣ В. С. Толстого, въ «Чтеніяхъ» Москов. Общества исторіи и древностей (1864, № 4). Статья эта, написанная, къ сожалѣнію, очень тяжелымъ, устарѣвшимъ языкомъ, является пока единственнымъ трудомъ, знакомящимъ съ сектою немояковъ въ Землѣ донскаго войска. О сектахъ аналогичнаго характера, возникшихъ въ тверской и нижегородской губерніяхъ, можно найти свѣдѣнія въ статьяхъ мѣстныхъ изслѣдователей, главнымъ образомъ отца Беллюстина и г. Гацисскаго. Свѣдѣнія о современномъ состояніи этой секты въ вятской губерніи получены нами при посредствѣ дѣйствительнаго члена императорскаго русскаго географическаго общества Н. Н. Блинова и секретаря вятскаго губернскаго статистическаго комитета Н. А. Спасскаго, за что и свидѣтельствуемъ этимъ лицамъ свою искреннюю признательность. Данные о немоякахъ пермской губерніи извлечены нами изъ подлинныхъ дѣлъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ.

I. КАЗАКИ-РАЦИОНАЛИСТЫ.

Секта «немоляковъ» первоначально возникла въ Землѣ войска донскаго. Это было въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, стало быть какъ разъ въ то время, когда разнаго рода преслѣдованія, стѣсненія и гоненія противъ уклонившихся изъ лона православной церкви были въ полномъ ходу и практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Основателемъ этой секты считается казакъ донскаго войска Гавріилъ Зиминъ, житель Федосѣевской станицы. Въ молодые годы Зиминъ участвовалъ въ походахъ противъ французовъ, откуда вернулся домой съ георгіевскимъ крестомъ. Нужно думать, однако, что война съ ея кровавыми сценами насилія произвела тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе на воспримчивую душу молодого казака. Далѣе мы увидимъ, что безусловное отрицаніе войны сдѣлалось вполнѣ естественнымъ однимъ изъ видныхъ положеній ученія, созданнаго Зиминимъ.

Съ малолѣтства Зиминъ былъ старообрядцемъ и принадлежалъ къ поповщинской сектѣ; но затѣмъ онъ оставилъ эту секту и перешелъ въ беспоповщину, представляющую, какъ извѣстно, гораздо болѣе широкій просторъ для пытливей, критической мысли. Къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ, къ какому именно толку беспоповщины примкнулъ Зиминъ. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что ученіе беспоповщины также не въ состояніи было дать ему того нравственнаго удовлетворенія, каковаго искала его пытливая, страстная натура. Тогда онъ отказывается и отъ беспоповщины и начинаетъ уже самъ изыскивать правую вѣру по старо-печатнымъ книгамъ и всевозможнымъ рукописямъ, которыя во множествѣ ходили на Дону среди старообрядческаго населенія.

Результатомъ этой усиленной работы явилось новое «совершенно неслыханное ученіе, которое хотя и основано на священномъ писаніи, но такой секты еще нигдѣ не было». Выработавъ такимъ образомъ болѣе или менѣе цѣльное ученіе и разрѣшивъ себѣ всѣ мучившія его сомнѣнія, Зиминъ не могъ, разумѣется, не дѣлиться своими выводами съ окружающими его людьми. Онъ началъ учить, началъ проповѣдовать; а это, конечно, не могло пройти для него безнаказанно.

«За странныя толкованія Зимина, мѣстное начальство, сошн его беспоповцемъ», привлекло къ суду; это было въ 1837 году; Зиминъ былъ уже «старъ лѣтами». Явившись на судъ, онъ снялъ съ груди георгіевскій крестъ, пожалованный ему за фран-

дузскую войну, и отдалъ его начальству. Приговоренный судомъ къ ссылке въ Закавказскій край, Зиминъ былъ поселенъ въ шемахинской губерніи.

Между Землей войска донского и Кавказомъ постоянно существовали извѣстные сношенія и связи; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что вскорѣ послѣ ссылки Зимина, донскіе казаки, посѣтивъ Тифлисъ, увидались съ опальнымъ проповѣдникомъ новой вѣры. Зиминъ счумѣлъ воспользоваться этимъ свиданіемъ, чтобы убѣдить земляковъ въ правотѣ своего ученія. Вернувшись на родину, земляки, въ свою очередь, начали проповѣдовать, что только одна немоляцкая вѣра можетъ привести человѣка ко спасенію. Ихъ проповѣдь имѣла большой успѣхъ, вслѣдствіе чего «правительство, видя быстрое умноженіе, приняло мѣры: часть фанатиковъ была выслана за Кавказъ, часть вразумлена увѣщаніями»; остальные отданы были подъ надзоръ полиціи.

Въ чемъ же собственно состояло это новое ученіе, получившее среди православнаго населенія названіе секты немоляковъ?

Исходнымъ пунктомъ, основой всего міросозерцанія немоляковъ является понятіе «о временахъ вѣка». Такихъ «временъ вѣка» по ученію немоляковъ, четыре, а именно: отъ сотворенія міра до Моисея—*Весна* или вѣкъ праотчeskій; отъ Моисея до Рождества Христова—*Лѣто* или вѣкъ отеческій; отъ Рождества Христова до 1666 года—*Осень*, вѣкъ сыновній, а съ 1666 года—*Зима*, вѣкъ Святого Духа.

Истина погасла,—учать немоляки,—вѣра скрылась и такъ какъ уже насталъ вѣкъ Св. Духа, то поэтому «осталась только одна надежда на спасеніе души въ исполненіи тѣхъ предметовъ, кои приказано совершать въ духѣ, но ничуть не плотью или какими вещественными обрядами». Усвоивъ себѣ мысль, что они существуютъ въ вѣкѣ Духа, немоляки считаютъ долгомъ все священное писаніе, безъ исключенія, толковать и понимать не иначе какъ въ духовномъ смыслѣ; не даромъ, думаютъ они, сказано въ писаніи: «отверзу уста моя *въ притчахъ*».

Слѣдую этому правилу, немоляки дошли, наконецъ, до того, что даже Рождество І. Христа, его страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе превратили въ духовный смыслъ, толкуя такъ: Дѣва Марія есть благое дѣло, отъ котораго родилось слово Божіе, т. е. І. Христосъ, сынъ Божій; тѣлеснаго же пришествія Христа они не признаютъ. Далѣе немоляки толкуютъ, что Богъ-Отецъ означаетъ отеческое правило, бывшее до Р. Христова, Богъ-Сынъ—сыновнее правило, имѣвшее силу отъ Р. Христова

до 1666 года и, наконецъ, Св. Духъ означаетъ существующее нынѣ правило на послѣднія нынѣшнія времена.

По ученію немоляковъ, со времени окончанія 7-ой тысячи лѣтъ духовныя власти и церковное богослуженіе съ разными наружными обрядами потеряли всякую силу и значеніе. Поэтому они отрицаютъ священство и церковную іерархію; самого патріарха они «считаютъ наравнѣ съ простолюдиномъ». Церкви и храмы православныя немоляки признаютъ за простые дома.

Таинства церковныя, по ученію немоляковъ, совершались въ угодность Богу только до 7-ой тысячи лѣтъ; въ подтвержденіе такого взгляда они приводятъ изреченіе св. писанія: «премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмь», т. е. что все утвержденное семью вселенскими соборами существовало въ надлежащей силѣ только до окончанія 7-ой тысячи лѣтъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, немоляки отрицаютъ таинства Бракный союзъ, напримѣръ, у нихъ заключается «безъ всякихъ чиноположеній и молитвъ, а по одному только обоюдному согласію жениха съ невѣстою и родителями». Мужъ и жена «безъ явныхъ причинъ, нарушающихъ вѣрность супружества, не должны оставлять другъ друга».

Крещенія у немоляковъ нѣтъ, точно также нѣтъ и никакихъ обрядовъ, которые бы замѣнили собою крещеніе. По этому поводу немоляки говорятъ, что крещеніе водою существовало до 7-ой тысячи лѣтъ, а теперь крещеніе должно совершаться духомъ. Имена дѣтямъ немоляки даютъ по общему обыкновенію, на восьмой день по святцамъ.

Умершихъ немоляки погребаютъ «безъ всякихъ пѣній и молитвословій, но сколь возможно въ самомъ простѣйшемъ видѣ, толкая, что трупъ есть земля и въ землю идетъ». На этомъ основаніи они отвергаютъ все совершаемое надъ умершими и никакого поминовенія объ нихъ не дѣлаютъ.

Точно также немоляки отвергаютъ и священство. У нихъ нѣтъ даже выборныхъ старѣйшинъ или пресвитеровъ, какіе существуютъ, напримѣръ, у молоканъ, штундистовъ и т. п. Немоляки «уважаютъ только тѣхъ, которые искусно каждый текстъ священнаго писанія объясняютъ духовно, въ одной цѣли ихъ толка». При моленіи Богу немоляки не употребляютъ ни поклоновъ, ни молитвъ; они говорятъ, что Богу слѣдуетъ «возсылать не ту молитву, которая написана въ книгахъ, но исходящую отъ собственныхъ чувствъ, произносимую духомъ ума». При этомъ они ссылаются на тѣ мѣста священнаго писанія, въ которыхъ упоминается о «поклоненіи духомъ и истиною», а также перепо-

жививаютъ по своему разнымъ евангельскимъ изреченіямъ. Такъ, напримеръ, слова: «вниди въ кѣлье твою, затвори двери твоя и помолися въ тайнѣ» — немояки объясняютъ слѣдующимъ образомъ: «войти въ кѣлье», говорятъ они, значитъ умолкнуть, а «затворить двери» значитъ закрыть уста.

Кромѣ евангелія, немояки въ дѣлѣ отрицанія поклоновъ и молитвъ опираются также на книгу «Альфа и Омега», а именно на слѣдующее мѣсто этой книги: «оную быти молитву разумѣмъ, яже не престающе отъ души весь день и ночь, яже не въ протяженіи рукъ и предстояніи тѣлеси и языкомъ гласѣ зрящимъ видѣти, но во умномъ поученьѣ и ума дѣланіи, Божіей памяти, прилежнымъ умиленіемъ видящимъ разумѣвается».

«Крестъ, который православные христіане носятъ на себѣ, немояки совершенно отвергаютъ, толкуя, что видимое или вещественное—безполезно, особенно въ нынѣшнія времена духа».

По ученію немояковъ, второе пришествіе Христа уже было; объ этомъ знаютъ только они, немояки, вслѣдствіе особаго откровенія Божія. «Судный день они не признаютъ, а говорятъ, что писано есть: «Отецъ даде судъ свой Сынови», а Сынъ есть слово, и слово судъ свой произнесло уже въ свое время, т.е. до окончанія 7-ой тысячи лѣтъ; далѣе же никакого пришествія Христова и суда его страшнаго не ожидаютъ».

Посты и праздники немояки отвергаютъ, и «различія никакимъ днямъ не полагаютъ, вкушаютъ пищу произвольную во всякое время, хотя бы и скоромную, толкуя, что посты и праздники есть одно только прознаменованіе вѣка, дабы изъ онаго тѣ люди, кои поступать въ немояцкую секту, извлекали одно разумнѣе и тѣмъ болѣе утверждались въ познаніи временъ, прошедшихъ и настоящихъ».

Что касается мощей, то немояки признаютъ только тѣ изъ нихъ, которыя явились до 7-ой тысячи лѣтъ; мощи же болѣе поздняго періода самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаются ими. Немояки толкуютъ, что съ наступленіемъ вѣка Духа не только не должны появляться мощи, но и прежнія утратили уже всякую силу чудодѣйствія Божія, ибо «время плотское миновалось».

Наконецъ, немояки учатъ, что все изложенное въ священномъ писаніи относится лишь до здѣшней, т.е. земной жизни; что же касается до будущей, загробной жизни, то о ней немояки толкуютъ такъ: «этого никто познать не въ силахъ, ибо это есть непостижимость».

Всѣ исправленія, сдѣланныя въ церковныхъ книгахъ патріархомъ Никономъ, немояки признаютъ поврежденіемъ истины, а

самого Никона считаютъ «предъутюзовителемъ того пути развращенія (предъ наступленіемъ вѣка Духа), по которому почти всѣ русскіе народы нынѣ шествуютъ».

Кромѣ книгъ ветхаго и новаго заветовъ немояки признаютъ также книги, написанныя святыми отцами церкви; затѣмъ между ними пользуются уваженіемъ нѣкоторые рукописи, составленныя старообрядцами, какъ, напримѣръ, «Григоріево видѣніе» и друг. Но все это они перетолковываютъ по своему, «въ духовномъ смыслѣ» и сообразно съ основными началами своего ученія. Такъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ св. писанія, въ которыхъ говорится о «семи дняхъ», о «семи свѣтильникахъ», о «семи очесахъ» и т. п. — они видятъ указанія на ту седьмую тысячу лѣтъ, съ окончаніемъ которой духовныя власти и церковное богослуженіе потеряли, по ихъ мнѣнію, всякую силу и значеніе.

Относительно взгляда немояковъ на политическое устройство Россіи извѣстно слѣдующее: «Государа императора и все правительство съ гражданскими законами немояки, хотя по необходимости, уважаютъ, но въ самой сущности судятъ, что всѣ власти и учрежденія, какъ основанныя на незнаніи о временахъ вѣка, не могутъ быть дѣйствительными и правосудными, почему и уклоняются отъ надлежащаго повиновенія. Будучи исполнены такимъ понятіемъ, немояки и присягу, выполненную на какой-либо предметъ, отвергаютъ, въ особенности считая таковую не только бессильною, но даже и ничтожною, потому болѣе, что при приводѣ къ присягѣ участвуетъ духовное лицо».

Вслѣдствіе такихъ мнѣній, немояки уклоняются отъ прямого исполненія правилъ православной церкви и гражданскихъ законовъ. По ихъ мнѣнію, «въ государственную службу, каково бы она рода ни была, можно поступать только при неизбѣжныхъ обстоятельствахъ», т.-е. лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда «правительство побудительными мѣрами къ тому опредѣлитъ».

Войну немояки категорически отрицаютъ. Если бы даже случилось немояку стать противъ непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ отнюдь не долженъ сражаться, помни евангельскія слова: «всѣ, поднявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ» (Мат. 26, 52). Христолюбивымъ же воинствомъ немояки называютъ только тѣхъ, которые имѣютъ брань съ невѣрными, подразумѣвая подъ этимъ названіемъ всѣхъ тѣхъ, кои не вѣруютъ одинаково съ ними и не вѣдаютъ о наступившемъ уже вѣкѣ Духа. Но въ чемъ именно должна состоять эта «брань», — въ источникѣ, изъ котораго мы черпаемъ эти свѣдѣнія, въ сожалѣнію, не выяснено.

Вотъ и все, что извѣстно о сектѣ немояковъ, возникшей въ

Землѣ войска донскаго. Всѣ эти свѣдѣнія относятся лишь до ученія секты. Что же касается до вопросовъ о томъ, какъ именно мѣло это ученіе на жизнь его послѣдователей, на ихъ взаимныя отношенія, какъ отражалось оно на семейномъ бытѣ немоляковъ, на положеніи женщины въ ихъ средѣ, насколько это ученіе вліяло на бытовые и экономическія формы ихъ жизни, на ихъ отношенія къ православному населенію и т. п.,—обо всемъ этомъ мы не находимъ никакихъ свѣдѣній въ статьѣ В. С. Толстого, представляющей, какъ мы уже замѣтили выше, единственный трудъ по вопросу о состояніи этой секты въ Землѣ войска донскаго.

Во всей статьѣ мы встрѣчаемъ лишь одно указаніе на то, какъ относятся немоляки ко всѣмъ неприникающимъ къ ихъ сектѣ. По словамъ Толстого, немоляки, считая себя единственными носителями правды, смотрятъ на всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, какъ на погибшихъ, пропащихъ людей, обреченныхъ въ будущей жизни на вѣчную погибель. При встрѣчѣ со своими единовѣрцами немоляки, на вопросъ: «здоровъ ли?» отвѣчаютъ: «слава Богу!» Всѣмъ же, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ, на тотъ же вопросъ говорятъ просто: «здоровъ!». Этотъ признакъ, который «содержится немоляками въ тайнѣ», можетъ указывать, на стремленіе ихъ обособиться, выдѣлиться отъ остального населенія; но съ другой стороны, подобный пароль могъ быть усвоенъ ими просто съ цѣлю узнавать другъ друга при первой встрѣчѣ.

Достойно замѣчанія, что въ секту немоляковъ всего скорѣе и легче склонялись старообрядцы; православные же, хотя также свращались въ эту секту, но уже не въ такомъ числѣ, какъ старообрядцы. Къ сожалѣнію, не имѣется даже приблизительныхъ данныхъ о числѣ послѣдователей немоляцкой секты. Точно также въ нашей печати намъ не встрѣчалось свѣдѣній о томъ, что стало съ этой сектою послѣ мѣръ, принятыхъ противъ нея правительствомъ. Существуетъ ли, наконецъ, эта секта въ настоящее время въ мѣстахъ своего первоначальнаго появленія — также остается неизвѣстнымъ. За то находимъ указаніе на появленіе немоляковъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ южной Россіи. Такъ, по словамъ г. Андреева, немоляки появились въ Одессѣ въ 1845 году и учили, что «устная молитва совершенно ненужна тому, кто молится въ мысляхъ» ¹⁾.

¹⁾ „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи“. Слб. 1870 г. стр. 260.

На этомъ мы и покончимъ съ южно-русскимъ отдѣломъ секты и перейдемъ на сѣверъ, гдѣ встрѣтимся съ явленіями, представляющими аналогію съ фактомъ, только-что нами рассмотрѣннымъ.

II. Ученіе «о христовѣ совершенствѣ».

Значительную часть населенія калявинскаго и ворчевского уѣздовъ тверской губерніи составляютъ послѣдователи различныхъ согласій поповщины, имѣющей свой центръ въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ. Изъ этого центра, какъ прежде, такъ и теперь, рассылаются попы и другіе чины старообрядческой іерархіи во всѣ концы и углы Россіи, гдѣ только имѣются послѣдователи поповщинской секты.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по свидѣтельству извѣстнаго священника-писателя отца Беллюстина, въ средѣ часовниковъ (поповцевъ) названныхъ двухъ уѣздовъ тверской губерніи царилъ сильная безурядица. Она вызывалась главнымъ образомъ дѣйствіями поповъ-старцевъ, присылаемыхъ туда изъ Москвы. Лица эти, по своему нравственному развитію, стояли на чрезвычайно низкомъ уровнѣ: пьянство, буйство, грубый развратъ, притязательность и тому подобные пороки составляли обычное явленіе въ ихъ средѣ.

Льстя населенію, потворствуя дурнымъ страстямъ его, эти старцы вносили деморализацію въ народные нравы, прикрываясь при этомъ проповѣдью «о свободѣ чадъ Божіихъ». Въ сущности же эта свобода означала не что иное, какъ «разрѣшеніе на вся» и сводилась къ открытому, грубому разврату. Въ этой дѣятельности старцы нашли себѣ ревностныхъ помощниковъ въ лицѣ разныхъ келейницъ и иныхъ деревенскихъ пропагандистовъ, которыя своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ давно уже вызвали неудовольствія среди разсудительной части крестьянства.

Прямымъ результатомъ этой безурядицы, этой нравственной распущенности въ средѣ часовниковъ «было появленіе между ними пропагандистовъ ученія, какого, сколько намъ извѣстно, — замѣчаетъ отецъ Беллюстинъ, — еще не было въ этой средѣ, которое, по крайней мѣрѣ, не разносилось прежде такъ быстро и не принималось такъ жадно крестьянами, даже тѣми, которые считались и считаются принадлежащими къ православной церкви».

Съ особенною силою ученіе это пошло въ ходъ съ 1862 г. Пропагандисты и исповѣдники этого ученія называли себя «Христовыми учениками вѣры Христовой католической». Они, какъ

и немояки Земли войска донского, отрицали всю внѣшность религіи, считая эту внѣшность необходимою только для христіанъ «еще въ младенчествѣ сущихъ», и безусловно ненужною для христіанъ «совершенныхъ». Совершеннымъ же христіаниномъ долженъ стремиться сдѣлаться каждый, согласно словамъ Спасителя: «будете совершенны». Для такихъ совершенныхъ христіанъ нужны лишь: евангеліе, молитва духомъ и «удаленіе отъ всякой скверны житейской».

По этому поводу, отецъ Беллюстинъ говорить, что сначала онъ отнесся недоувѣрчиво къ подобной проповѣди, зная хорошо, что старцы-развратители нерѣдко прикрываются подобными же фразами объ «удаленіи отъ скверны житейской». «Но когда,— пишетъ онъ,— о нѣкоторыхъ изъ этихъ пропагандистовъ было сдѣлано по нѣскольку полицейскихъ дознаній и слѣдствій, когда, кромѣ того, мы имѣли возможность на мѣстѣ повѣрить точность полицейскихъ изслѣдованій, тогда не могли не убѣдиться, что тутъ «удаленіе отъ всякой скверны житейской» — вовсе не та двусмысленная «свобода чадъ Божіихъ», на которую быють пропагандистки «отъ старцевъ», а дѣйствительность, оправдываемая ихъ собственною жизнью».

Въ числѣ проповѣдниковъ новаго ученія видное мѣсто занималъ крестьянинъ деревни Затулы калазинскаго уѣзда, Алексѣй Артемьевъ. За усердіе свое въ дѣлѣ проповѣди онъ былъ арестованъ и заключенъ въ калазинскій тюремный замокъ, откуда впоследствии былъ переведенъ въ тверской острогъ, гдѣ и умеръ. Приведемъ здѣсь тѣ немногія свѣдѣнія, какія сообщаетъ о немъ о. Беллюстинъ.

Исправный крестьянинъ, безукоризненнаго поведенія, Артемьевъ велъ жизнь совершенно аскетическую, къ чему убѣдилъ и жену и взятую на воспитаніе племянницу, дѣвушку 16 лѣтъ. «Сначала вся эта семья принадлежала къ православной церкви, но ее оттолкнули отъ нея какія-то *неловкости священника*».

Оставивъ церковь, Алексѣй Артемьевъ не применилъ, однако, ни къ одному изъ «согласій», но обратился къ учителямъ «о Христовомъ совершенствѣ». Прежде чѣмъ сдѣлаться адептомъ этого ученія, онъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ продолженіе пяти лѣтъ, въ свободное отъ работъ время, ходилъ по монастырямъ, «ища духовнаго просвѣщенія»; но эти хожденія привели къ тому, что онъ весь отдался ученію «о Христовѣ совершенствѣ», помимо всѣхъ формъ, обрядовъ и внѣшностей, не выходя, впрочемъ, изъ своей крестьянской коленъ.

Рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ Алексѣя Артемьева имѣли жестокости помѣщика какъ съ нимъ, такъ и съ лицами, близкими ему; эти жестокости окончательно выбили его изъ крестьянской колен. Онъ бросилъ все и началъ проповѣдовать ученіе о «Христовѣ совершенствѣ» съ твердою рѣшимостью ради этого «нести на семъ свѣтѣ всѣ мученія терпѣливо, не щадя своего тѣла, съ надеждою въ будущей жизни получить прощеніе во грѣхахъ и вѣнецъ небесный». Самые подробныя и точныя свѣдѣнія, собранныя о немъ, поставили вѣ сомнѣнія, что онъ, какъ говорилъ, такъ и жилъ».

Въ движеніи этомъ принимали участіе не одни мужчины, но также и женщины. «Мы могли бы указать, — говоритъ отецъ Белиустинъ, — на семъ пропагандистовъ этого ученія, заарестованныхъ въ прошломъ (1864) году калачинскимъ полицейскимъ управленіемъ, которыя не только повторяли слышанное нами отъ Алексѣя Артемьева и иныхъ, но шли еще дальше, развивая ту мысль, что «для всего народа требуется обновленіе по заповѣдямъ Христовымъ, что для этого настала самая пора» и т. п.; но не имѣя еще подъ руками всѣхъ нужныхъ данныхъ о ихъ жизни, мы отлагаемъ подробнѣйшія свѣдѣнія о нихъ до другого времени» ¹⁾.

По свидѣтельству автора цитуемой нами статьи къ ученію о «Христовѣ совершенствѣ» жадно прислушивается все, что есть толковаго, дѣльнаго и не развращеннаго въ концѣ «согласіи» въ крестьянствѣ: всегдашнія стремленія народа слышать «отъ божества» тутъ, какъ видно, удовлетворяются. Если есть селенія, въ которыхъ «старцы-развратители» съ своими послѣдовательницами находятъ всегда готовый пріютъ, то и для проповѣдниковъ «Христова совершенства» тамъ и здѣсь формируются надежныя пристанища, съ тѣмъ лишь существеннымъ различіемъ, что первые, забравшись въ данное мѣсто, начинаютъ «отъ божества», а оканчиваютъ извѣстнымъ безобразіемъ, а вторые свою суровую и строгую проповѣдь непременно заключаютъ какими-нибудь суровымъ и тяжелымъ трудомъ на пользу принявшаго ихъ.

Такъ въ селѣ Стоянцѣ, корчевскаго уѣзда, отецъ Белиустинъ зналъ старика, у котораго, по его собственнымъ словамъ, всѣ работы отбывали «ангелы небесные».

— Да что, старикъ, всѣ поубрались, а твоя полоса стоитъ не сжатая?

¹⁾ Сколько намъ извѣстно, почтенный авторъ до сихъ поръ еще не исполнилъ своего обѣщанія; нельзя не пожалѣть объ этомъ.

— А вотъ явятся ангелы небесные и пожнутъ.

И дѣйствительно, въ одну какую-нибудь ночь и пожнутъ и въ гумно уберутъ. А привѣтаютъ эти ангелы въ двухъ сторожкахъ, построенныхъ на пустоши у старика, и проповѣдуютъ, что «погибъ народъ, коли не оставитъ сквернъ житейскихъ и плотскихъ и не устремится по пути духовному, въ совершенству Христову».

Со времени появленія этого ученія прошло ровно двадцать лѣтъ; но каковы были дальнѣйшіе результаты этого ученія и что именно произошло съ нимъ за этотъ періодъ времени — остается неизвѣстно. Поэтому оставимъ тверскую губернію и перейдемъ далѣе на востокъ, въ предѣлы нижегородской губерніи.

Здѣсь, по словамъ извѣстнаго мѣстнаго нѣслѣдователя, г. Гацисскаго, около 1869—1870 года появилась новая секта, имѣющая большое сходство съ ученіемъ духовныхъ христіанъ или молоканъ. Замѣчательно, что секта эта, носящая несомнѣнно рационалистическій характеръ, такъ же, какъ и первые два ученія, рассмотрѣнные нами, возникла среди населенія, издавна пропитаннаго идеями старообрядчества. Первые послѣдователи новой секты появились въ деревняхъ, расположенныхъ по р. Керженцу, гдѣ населеніе съ самыхъ давнихъ временъ «болѣе всего склонно въ стародавней обрядности».

Народъ прозвалъ послѣдователей новой секты «немоленными». Разница между «немоленными» и духовными христіанами (молоканами) по словамъ г. Гацисскаго, состоитъ въ томъ, что первые «признаютъ нѣкоторую обрядность¹⁾. Такъ, напримеръ, при обращеніи въ нихъ вѣру новаго лица, «съ него торжественно снимаютъ крестъ, причемъ новообращенный оближается водою»... Идетъ сильный говоръ, что «кому хоть четверть часа удастся побыть въ вѣрѣ немоленныхъ, тому всѣ грѣхи простятся, тотъ прямо въ царствіе небесное угодитъ».

Г. Гацисскому удалось однажды присутствовать при спорѣ о вѣрѣ, который вели немоленные съ православными и послѣдователями разныхъ старообрядческихъ сектъ. Дѣло происходило на одномъ изъ сельскихъ праздниковъ, на Керженцѣ; диспутъ велся въ лѣсу, на открытомъ воздухѣ. Приведемъ здѣсь описаніе этого диспута, какъ оно изложено г. Гацисскимъ.

«Немоленный безпощадно громитъ своихъ противниковъ од-

¹⁾ Подобное опредѣленіе страдаетъ, конечно, нѣкоторой неточностью, такъ какъ извѣстнаго рода обрядность существуетъ также и у «духовныхъ христіанъ».

нимъ евангеліемъ. Становясь въ тупикъ, противники выдаютъ подъ защиту Златоустаго, а немоленный прямо имъ рѣзаетъ:

— Не знаю, не мое дѣло... Книгъ много, всѣхъ не узнаешь. Я одну книгу знаю, больше мнѣ не надо...

— Да и вѣрь много!—вставляетъ кто-то нехстати.

— Какъ много? — привязывается молодой парень изъ немоленныхъ.

— Вѣстимо много: истинная, никоніанская, лютерская, астрицкая, поморская...

— Врешь. Всего двѣ вѣры.

— Извѣстно двѣ, это онъ правильно: одна правая, отъ Бога, другая неправая, отъ дьявола.

— Да хрестъ-отъ на тебѣ есть али нѣту? — пристаётъ къ немоленному поморецъ.

— А на что онъ мнѣ? Гдѣ про него въ евангеліи писано?..

— И неонъ, значить, не признаешь?

— И доски ваши не признаемъ!..

«Во многихъ селеніяхъ, — замѣчаетъ г. Гацисскій, — почва для новой вѣры совсѣмъ расчищена и люди сдерживаются только приросшей къ нимъ привычкой да разными случайными причинами. Такъ одно большое селеніе готово было сплошь расцепать свои неоны и пустить ихъ по Керженцу (первое дѣйствіе новообращеннаго), но случился въ селеніи пожаръ и горсточка, еще твердо стоявшихъ на старинѣ, пугнула этимъ остальныхъ и отклонила ихъ отъ немоленщиковъ... Болѣе твердые въ новыхъ ученіи устояли и въ числѣ четырехъ дворовъ окончили съ неонами; пойдутъ за ними и другіе, конечно»¹⁾.

Но сбылось ли это предсказаніе и пошли ли другіе вслѣдъ за немоленными—мы не знаемъ, такъ какъ въ печати, сколько намъ извѣстно, за все послѣднее время не появлялось никакихъ извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ этой секты въ нижегородской губерніи. Есть, однако, основанія предполагать, что ученіе немоленныхъ не только не заглохло, но даже распространилось по другимъ мѣстамъ. Такъ имѣется указаніе о появленіи немоленныхъ въ варнавинскомъ уѣздѣ костромской губерніи.

Слѣдуетъ замѣтить, что населеніе варнавинскаго уѣзда чуть не наполовину состоитъ изъ разнаго рода «раскольниковъ»; какъ было въ старину, такъ и теперь, уѣздъ этотъ «служитъ пристанищемъ расколо-учителей и сектантовъ». «Въ настоящее время, — писалъ изъ варнавинскаго уѣзда въ 1879 году одинъ

¹⁾ „Древняя и Новая Россія“ 1877 г. № 11.

изъ мѣстныхъ изслѣдователей, — не только не уменьшилось число послѣдователей поповской и беспоповской сектъ, но даже возникаютъ новыя; напримѣръ, въ деревнѣ Веденинѣ и другихъ распространилась недавно секта «*немолящихъ или новой вѣры*», ученіе которой состоитъ въ томъ, что она отвергаетъ иконы, кресты и религіозные обряды» ¹⁾.

III. Уставныя грамоты и овета немоляковъ.

Въ 1868 году въ газетѣ г. Аксакова «Москва» была напечатана изъ города Саранска корреспонденція, въ которой впервые сообщалось о появленіи секты немоляковъ въ вятской губерніи. Къ сожалѣнію, корреспонденція эта, не смотря на несомнѣнный интересъ, который она представляла, прошла незамѣченной, — какъ это нерѣдко у насъ случается. Чисто случайно, широчень, нѣсколько строкъ изъ этой корреспонденціи попало въ одну грубо-лубочную, спекулятивнаго характера книжонку, носящую заглавіе: «Тайны раскольниковъ, старообрядцевъ, скопцовъ, и другихъ сектаторовъ»; отсюда извѣстіе о саранскихъ немолякахъ перешло въ статьи и книжки нѣкоторыхъ изслѣдователей раскола (между прочимъ г. Юзова). Разыскавши самую корреспонденцію, мы считаемъ не лишнимъ привести изъ нея тѣ мѣста, гдѣ говорится о немолякахъ; считаемъ это не лишнимъ, во-первыхъ, потому, что газета «Москва» можетъ считаться теперь библиографической рѣдкостью, во-вторыхъ, корреспонденція эта полна фактическихъ данныхъ, хотя ей не мало вредитъ назойливо-обличительный тонъ, которымъ она изложена.

«Бывшіе удѣльные крестьяне саранскаго уѣзда, мостовинской волости, при составленіи уставной грамоты, отказались отъ назначеннаго имъ надѣла, признавая его слишкомъ неудобнымъ. Сейчасъ же, долго не думая, сочинили уставную грамоту безъ участія крестьянъ, а нежеланіе ихъ платить выкупныя деньги тутъ же признали «упорствомъ»; за подобное же качество дается извѣстно чтб... эзевуція. Явилась военная команда: благо ей у насъ положительно нечего дѣлать, а тутъ вдругъ нашлось занятіе. Съ ея помощью ввели сперва тишь, а потомъ и гладъ: начали выискивать выкупную сумму, стали продавать скотъ и нежилыя строенія. Стало по всей волости такъ гладко и такъ тихо, что ни одинъ теленокъ не возмутитъ тишины своимъ ревомъ: ревѣтъ некому — всѣхъ распродаютъ.

¹⁾ „Изъ прошлаго“ ст. П. Катичина въ „Др. и Нов. Рос.“ за 1879 г. № 5.

«Но вотъ опять новое безпокойство начальству, да еще какое! Между крестьянами той волости зародилось послѣ сказаннаго происшествія какое-то странное неудовольствіе, перешедшее въ еще болѣе странное безвѣріе; по официальному выраженію, между ними проявилось «отпаденіе отъ церкви». Крестьяне перестали ходить въ церкви, перестали молиться, уничтожили у себя въ избахъ всѣ образа и на увѣщанія начальства и духовенства отвѣчали одно: «Мы никого не признаемъ, кромѣ Отца Небеснаго; никому изъ васъ не вѣримъ, кромѣ Его; ни отъ кого здѣсь не ждемъ ничего, только отъ Него; только Онъ за насъ заступится, а вы насъ...» и т. п.

«Образовалась секта, названная «немоляки». Къ ней стали примыкать многія селенія. Начальство, наконецъ, рѣшилось прибѣгнуть къ самому сильному средству убѣжденія: стало сажать въ острогъ главныхъ отступниковъ... Тутъ-то и проявилось непростительное упорство крестьянъ: за главными отступниками, всѣ остальные толпами стали требовать, чтобы посадили и ихъ... «Отложившихся отъ церкви» нашлось столько, что въ концѣ октября прошлаго (1867) года болѣе 170 человекъ сидѣли въ острогѣ, а многимъ еще отказывали за недостаткомъ помѣщеній».

Наконецъ, получено было приказаніе образовать комиссію изъ духовныхъ лицъ, для убѣжденія и вразумленія отпадшихъ. Этотъ миссіонерскій трудъ былъ возложенъ между прочимъ на мѣстнаго благочиннаго. «Вразумлялъ онъ, — ехидно прибавляетъ корреспондентъ, — очень *сильно*, убѣждалъ онъ очень *чуждою* *темно* (курсивы въ подлинникѣ), но ничего не могъ сдѣлать съ упорствующими. Между тѣмъ отъ тѣсноты люди стали умирать въ острогѣ. Узнали объ этомъ въ «губерніи» и прислали отсюда въ январѣ настоящаго (1868) года приказаніе выпустить изъ острога болѣе ста человекъ, оставивъ въ немъ только главныхъ коноводовъ.

«Наше попечительное мѣстное начальство, — продолжаетъ корреспондентъ, — и еще болѣе заботливое о совѣсти духовенство рассчитывали такъ: не выполнить приказанія даннаго «изъ губерніи» — нельзя, можетъ достаться: «губернія» энергична и слуху не даетъ. Но выпустить необуѣжденных опасно: совратить другихъ. Надо выпустить, но надо непременно и убѣдить... И выпустили крестьянъ, да вслѣдъ за ними помощники исправника и высшая мѣстная духовная особа отправились къ нимъ въ селеніе убѣждать и вразумлять.

«Здѣсь отпадшихъ призывали по-одиночкѣ и, не слыша ничьей совѣсти, дѣлали каждому, какъ рассказываютъ, весьма

убѣдительное и чувствительное внушеніе... Ну и убѣдили: всѣ выпущенные изъ тюрьмы, принявъ убѣжденіе, покаяться и возвратились въ лоно церкви. Донесли объ этомъ по начальству, — начальство очень благодарило.

«Остальные же коноводы (около пятидесяти человѣкъ) сидятъ въ острогѣ и по сю-пору: упорствуютъ, не убѣждаются и ждутъ рѣшенія своей участи» ¹⁾. Корреспонденція эта писалась, повидимому, въ августѣ мѣсяцѣ 1868 г. Съ тѣхъ поръ въ печати не появлялось никакихъ извѣстій о немоякахъ вятской губерніи.

Теперь, благодаря любезному содѣйствію Н. Н. Блинова и Н. А. Спасскаго нами полученъ изъ сарапульскаго уѣзда рядъ отвѣтовъ на вопросы нашей «Программы для собиранія свѣдѣній о русскомъ сектанствѣ». Отвѣты эти заключаютъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ о причинахъ, вызвавшихъ появленіе секты немояковъ въ сарапульскомъ уѣздѣ, а также знакомятъ съ современнымъ состояніемъ этой секты.

Судя по этимъ свѣдѣніямъ, секта немояковъ въ сарапульскомъ уѣздѣ возникла лѣтомъ 1865 года среди крестьянъ удѣльнаго вѣдомства «по случаю отрѣзки у нихъ лишней земли и введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ и выкупной системы». «Первой побудительною причиною въ уклоненію крестьянъ въ ересь было глубокое ихъ озлобленіе на дѣйствія властей по нарѣзкѣ имъ земли, согласно положенія 23 іюня 1863 года»: дѣло въ томъ, что до введенія этого положенія удѣльные крестьяне сарапульскаго уѣзда владѣли значительно большимъ количествомъ земли сравнительно съ тѣмъ надѣломъ, какой былъ опредѣленъ положеніемъ 23 іюня 1863 года. Лѣтомъ 1865 г. вся излишняя противъ надѣла земля была отрѣзана отъ крестьянъ и поступила въ собственность удѣла.

Обстоятельство это вызвало волненія въ четырехъ волостяхъ сарапульскаго уѣзда: въ мостовинской, галановской, мазунинской и арзамасцевской. Значительная часть крестьянъ этихъ волостей «отказалась отъ принятія поземельнаго надѣла и отъ платежа за оный выкупа». «За возмущеніе противъ правительственныхъ распоряженій, въ августѣ мѣсяцѣ 1865 года произведена была начальствомъ экзекуція чрезъ военную команду. Несмотря на эти и другія подобныя мѣры начальства, нѣкоторые изъ крестьянъ еще болѣе ожесточились противъ власти». Въ это же самое время между строптивыми крестьянами «началось уклоненіе въ немояйство». Вслѣдствіе этого особая коммиссія,

¹⁾ „Москва“ 1868 г. № 124.

бывшая въ ноябрѣ 1867 года «таковыхъ сектантовъ заключи въ сарапульскій острогъ».

Первыми и наиболѣе энергическими пропагандистами учени немолдавъ явились крестьяне Константинъ Самаринъ (гагановской волости), Ѳома Пономаревъ (арзамасцевской волости), Дмитрій Андреевъ Рѣшетниковъ, Аѳанасій Григорьевъ Мельниковъ и Иванъ Самаринъ (мостовинской волости). Теперь никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Рѣшетниковъ, Мельниковъ и Иванъ Самаринъ умерли въ 1870 году въ малинжскомъ тюремномъ замкѣ.

Въ январѣ 1868 года епархіальное начальство нарядило особую комиссію «для увѣщанія заблудившихся и увлечившихся въ расколъ». Комиссія эта состояла изъ слѣдующихъ членовъ: протоіерея кафедральнаго собора Каменскаго, протоіерея сарапульской покровской церкви Павла Бѣляева, священника елбужскаго спасскаго собора Николая Клабукова и мѣстнаго священника изъ села Мостовинскаго Александра Никольскаго.

Стараніями членовъ этой духовной комиссіи сто пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ изъ разныхъ приходовъ «приведены были въ повиновеніе и оставили свои заблужденія». Надъ болѣе же упорными сектантами «свѣтская комиссія произвела слѣдствіе и за возмущеніе ихъ противъ гражданской власти, и за уклоненіе изъ православія предала ихъ суду вятской палаты уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ».

По приговору, состоявшемуся по этому дѣлу въ вятской палатѣ уголовного и гражданского суда, сорокъ человѣкъ крестьянъ изъ разныхъ селеній мостовинской волости были обвинены и подвергнуты разнаго рода наказаніямъ. Такъ крестьяне Дмитрій Зиновьевъ Ныровъ, Василій Даниловъ, Егоръ Ивановъ Самаринъ, Козьма Петровъ Чухланцевъ, Иванъ Козьмичъ Глуховъ, Данила Аѳанасьевъ Алабушевъ, еще Иванъ Глуховъ, Лаврентій Алексѣевъ Мельниковъ и Симонъ Ермолаевъ Биковъ были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ или въ смирательномъ домѣ на четыре мѣсяца или же къ наказанію розгами 50-ю ударами.

Далѣе, двадцать-три крестьянина мостовинской волости были приговорены къ аресту на три недѣли или же наказанію розгами 20-ю ударами и, наконецъ, восемь человѣкъ денежному штрафу въ размѣрѣ по пяти рублей съ каждаго. Что же касалось крестьянъ остальныхъ трехъ волостей, то изъ нашихъ слѣдствій не видно, къ какому именно наказанію они были приговорены судомъ, хотя извѣстно, что весьма многіе изъ этихъ крестьянъ долгое время содержались въ сарапульскомъ и малинжскомъ тюремныхъ замкахъ.

«Такимъ образомъ,—пишутъ намъ изъ мостовинской волости,—первый, главный поводъ въ появленію немоляевъ находимъ вовсе не со стороны области религіозныхъ вѣрованій крестьянина, а со стороны его житейскихъ нуждъ и потребностей. Когда, согласно высочайше утвержденному положенію о выкупѣ, приступлено было къ нарѣзкѣ земли, тогда были задѣты за живо важнѣйшіе и самые существенные интересы крестьянъ-земледѣльцевъ». И вотъ «болѣе пыліе изъ нихъ и съ упрямымъ характеромъ, желая отстоять свои интересы, стали составлять сходки и возбуждать односельцевъ къ противодействию, думая этимъ пособить дѣлу».

«Когда же, не смотря на это, отрѣзка излишней земли шла своимъ чередомъ, тогда они обратили вниманіе на своихъ пастырей духовныхъ, ожидая помощи отъ нихъ, какъ болѣе другихъ стоящихъ къ нимъ близко лицъ, обязанныхъ и по долгу службы, и по тѣсной нравственной связи съ паствою принимать къ сердцу и защищать интересы своихъ пасомыхъ». Но здѣсь ихъ ждало разочарованіе.

«Положительное и твердое слово пастырей, убѣждающее ихъ подчиниться распоряженіямъ, исходящимъ отъ высшей власти, обмануло надежды крестьянъ и повергло ихъ въ отчаяніе. И вотъ злоба и ненависть овладѣваютъ душею непокорныхъ». Они начинаютъ оказывать явное неповиновеніе «гражданскимъ властямъ», рассчитывая, что «быть можетъ, еще этимъ удастся отстоять свои интересы».

«Но быстрые и энергическія мѣры начальства сломили ихъ упрямство и заставили крестьянъ покориться всѣмъ распоряженіямъ власти. Къ духовенству же, не имѣющему въ рукахъ знаменій земной власти, крестьяне отнеслись уже вполне безцеремонно и совершенно незаслуженно возненавидѣли духовенство за его будто бы равнодушное и холодное отношеніе къ нимъ. Здѣсь-то и получило свое начало такъ называемое немоляйство».

«Нужно отмстить духовенству за его равнодушіе,—но какъ и чѣмъ? Не имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, лишить его зависящихъ отъ нихъ средствъ содержанія, а для этого должно не ходить вовсе въ церковь, не молиться и не принимать священниковъ съ иконами въ свои дома,—словомъ, ни въ какомъ случаѣ не обращаться къ духовенству и не исправлять у него никакихъ требъ».

Но такъ какъ «объяснять свое уклоненіе отъ церкви и духовенства одной ненавистью къ церковному причту, разумѣется, нельзя и неразумно, то повтому немоляи дѣлаютъ видъ (?), что

уклоненіе ихъ произошло будто бы по убѣжденію и что они нашли теперь новую истинную вѣру». Ненависть, питаемую ими къ духовенству, немолыи переносятъ и на православныхъ за то, что тѣ принимаютъ духовенство въ свои дома, одѣляютъ ихъ и доставляютъ имъ средства содержанія.

Подобное явленіе, впрочемъ, замѣчалось только въ первое время развитія секты. «Теперь же, когда страсти улеглись, когда новый порядокъ, созданный Положеніемъ 1863 года болѣе или менѣе усвоенъ крестьянами и проникъ въ ихъ бытъ и сознаніе, — ненависть немолыевъ къ духовенству смягчилась, а съ православными у нихъ возстановились почти прежнія дружескія отношенія».

IV. УПОРНИКИ.

На вопросъ: въ какомъ положеніи находится секта немолыевъ въ настоящее время въ этомъ край? — нами получены слѣдующіе отвѣты.

Изъ мостовинской волости сообщаютъ, что секта, извѣстная подъ именемъ «немолыевъ», въ настоящее время уменьшается, хотя болѣе упорные изъ сектантовъ и до сего времени косятъ въ своемъ заблужденіи въ ожиданіи какого-то рѣшенія высшаго правительства.

Въ арзамасцевской волости «секта немолыевъ въ настоящее время не усиливается и не уменьшается».

Въ галановской волости «немолыиство, какъ замѣтно по его ходу, не увеличивается, а поддерживается его поклонниками въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оно образовалось первоначально».

Въ мазунинской волости къ немолыиству въ началѣ прикнула почти *третья часть* всего наличнаго числа жителей; но затѣмъ многіе начали отпадать отъ севты и переходить въ православіе, такъ что въ настоящее время въ этой волости считается лишь 98 душъ немолыевъ, муж. и женск. пола.

Въ 1882 году число немолыевъ, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, опредѣлялось слѣдующими цифрами:

Въ мостовинской волости 30 домовъ 72 челов.

« Галановской	«	—	«	63	«
« Мазунинской	«	28	«	98	«
« Арзамасцевской	«	5	«	31	«

Всего 264 челов.

Кромѣ того, немояки есть въ самомъ городѣ Сарапулѣ; къ сожалѣнію, намъ не удалось узнать числа ихъ.

Что касается ученія немояковъ, то въ отвѣтахъ, полученныхъ нами по этому поводу, находимъ слѣдующія данныя. Изъ галаховской волости сообщаютъ:

«Немояки вообще не признаютъ ничего священнаго, отрицаютъ православную церковь и святыхъ иконы и ничему не вѣруютъ (?). Богу они никогда не молятся и дѣтей своихъ ничему не учатъ. Женятся немояки гражданскимъ бракомъ или, просто сказать, сводомъ, дѣтей они не крестятъ, а умершихъ безъ всякаго обряда зарываютъ въ землю; однимъ словомъ немояки совершенно ничему не вѣруютъ, правительства не признаютъ и никакихъ ученій не исповѣдаютъ, какъ животные».

Болѣе мягкій и въ то же время болѣе близкій къ истинѣ отзывъ о немоякахъ и ученіи ихъ полученъ нами изъ арзамасцевской волости.

«Немояки или духовные и истинные христіане, — какъ они себя называютъ, — святыхъ иконъ не признаютъ, никакихъ постовъ не соблюдаютъ, ѣдятъ постоянно скоромную пищу и говядину; святыми иконами считаютъ библію и евангеліе. Бога и Спасителя немояки признаютъ, но молятся духомъ, а не крестнымъ знаменіемъ, въ домахъ ихъ вовсе нѣтъ иконъ. Праздниковъ немояки не признаютъ и во время ихъ производятъ всякія работы по домохозяйству; грамотные изъ нихъ въ праздничные дни читаютъ книги священнаго писанія. Церковныхъ таинствъ и обрядовъ православной церкви немояки не признаютъ, въ церковь никогда не ходятъ и священниковъ къ себѣ въ дома вовсе не принимаютъ».

Изъ мазунинской волости пишутъ: «Бога немояки признаютъ, называютъ Его истиннымъ и вѣруютъ въ Него; но они не чтутъ св. иконъ и не поклоняются имъ. Точно также они не признаютъ православныхъ церквей и называютъ ихъ простыми зданіями. Женъ у себя немояки имѣютъ незаконныхъ, т.-е. невѣнчанныхъ законнымъ православнымъ бракомъ; прижитыхъ съ ними дѣтей они никогда не приводятъ къ святому крещенію и миропомазанію, а нарекаютъ имъ сами имена, какія вздумаютъ; точно также и умершихъ они не отпѣваютъ».

Наконецъ, изъ мостовинской волости полученъ такой отзывъ. «Немояки, признавая одну внутреннюю молитву, отвергаютъ всякую внѣшнюю обрядность; поэтому ихъ можно отнести къ числу послѣдователей молоканской секты, сущность вѣрованія которой состоитъ въ духовномъ поклоненіи Богу. Но вникая глубже въ

отрывочныя фразы, срывающіяся у нихъ при разговорѣ о вѣрѣ, несомнѣнно можно придти къ тому заключенію, что всѣ ихъ заблужденія суть не что иное, какъ самая безалаберная смѣсь молоканской и жидовской сектъ. Немоляи не признаютъ Иисуса Христа за божественное лицо и отвергаютъ совершенное Имъ искупленіе; святые иконы они называютъ рукотворными идолами, храмы Божіи уподобляютъ конюшнямъ и т. п. Но въ то же время немояи, въ противность іудейскому закону, не чтутъ субботы и не имѣютъ у себя никакихъ обрядовъ».

Къ увѣщаніямъ духовныхъ лицъ немояи относятся безучастно и вообще не любятъ слушать никакихъ наставленій о вѣрѣ. Съ духовенствомъ они не имѣютъ никакихъ сношеній и относятся къ нему съ скрытою злобою.

Среди немояевъ мостовинской волости, — если вѣрить такому же корреспонденту, — въ послѣднее время можно наблюдать весьма интересное явленіе, а именно, крайнее развитіе отрицательнаго направленія въ области религіозныхъ вѣрованій. Къ сожалѣнію, нашъ корреспондентъ ничего не упоминаетъ о тѣхъ положительныхъ началахъ, на которыхъ останавливается современное немояйство. Но пусть лучше говорить онъ самъ.

«Не имѣя никакихъ (?) началъ и положеній, на которыхъ бы хотя ложно секта эта могла развиваться, основываясь единственно (?) на одномъ отрицаніи и отверженіи всего, что носитъ на себѣ печать религіозности, секта немояевъ естественнымъ образомъ должна была довести своихъ членовъ до полного невѣрія и до отрицанія своего собственнаго ученія. Такъ на дѣлѣ теперь и проявляется. Многіе немояи какъ въ началѣ съ озлобленіемъ и яростію отвергали все церковное, всѣ обряды, таинства и даже самое христіанское ученіе (?), такъ теперь съ твердымъ убѣжденіемъ стали отвергать самое немояйство, говоря: «что это за вѣра? мы давно бы бросили ее, еслибы намъ не было стыдно отъ сосѣдей». Этотъ-то ложный стыдъ и удерживаетъ пока въ сектѣ нѣкоторыхъ членовъ ея».

Объ отношеніяхъ немояевъ къ властямъ и правительству мы имѣемъ слѣдующія свидѣтельства.

Немояи мостовинской волости «къ свѣтскому начальству почтительны и подати и прочіе сборы отбываютъ исправно». Въ арзамасцевской волости немояи «къ правительству почтительны и всѣ требованія начальства въ настоящее время выполняютъ въ точности». Однако вслѣдъ за этимъ отзывомъ тутъ же рядомъ приводятся факты, невольно заставляющіе усумниться въ его справедливости.

Такъ оказывается, что нѣкоторые изъ немоляевъ до сихъ поръ не принимаютъ назначеннаго имъ земельного надѣла. Затѣмъ бывають случаи уклоненія немоляевъ отъ «общественной» службы; не дальше какъ въ нынѣшнемъ 1882 году одинъ изъ немоляевъ на отрывъ отказался отъ обязанности полицейскаго десятника, вслѣдствіе чего общество принуждено было избрать на эту должность другое лицо изъ числа православныхъ.

Объ отношеніяхъ къ власти со стороны немоляевъ галановской воюсти въ нашихъ свѣдѣніяхъ коротко значитъ: «правительства не признають», безъ дальнѣйшихъ разясненій.

Немоляи мазунинской волости—«правительству покорны, но только въ платежу казенныхъ и другихъ податей и сборовъ упорны и добровольно таковыхъ не платятъ, говоря, что они освобождены государемъ императоромъ отъ платежа всѣхъ податей и сборовъ. Волостному и сельскому начальствамъ немоляи не повинуются и не исполняютъ ихъ законныхъ требованій». Отсюда и произошло названіе «упорщиковъ», которое обыкновенно примѣняется здѣсь къ немоляямъ.

По сообщенію сарапульскаго корреспондента, лично намъ извѣстнаго и заслуживающаго полнаго довѣрія, «немоляи обыкновенно отказываются отъ добровольнаго взноса податей; все, что съ нихъ слѣдуетъ, отбирается начальствомъ и продается съ торговъ; сельское общество вынуждено это сдѣлать, будучи связано круговой порукой... Лично мнѣ, — пишетъ корреспондентъ, — пришлось узнать объ «упорщикахъ» въ осинскомъ уѣздѣ ¹⁾ (пермской губерніи); но я не знаю, соединяется ли тамъ упорство съ немольствомъ. Упорщики встрѣчаются въ заводахъ: Биварскомъ, Южнауфскомъ и въ особенности въ Бымовскомъ. По списку, имѣющемуся у меня, въ Южнауфскомъ заводѣ показано двадцать два дома «упорщиковъ», а въ Бымовскомъ значительно больше».

«Всѣ эти упорщики не вносятъ сами буквально ни одной копейки въ подать; все, что можно взять у нихъ — отбирается; противъ этого они не возстають; но отъ земли упорщики не отказываются и обрабатываютъ ее наравнѣ съ православными. Когда они узнають, что къ нимъ идетъ сельское начальство для сбора податей, то семьи упорщиковъ стараются скрыть свое имущество: скотъ угоняють въ лѣсъ, все, что есть цѣннаго изъ одежды и т. п., уносятъ къ сосѣдямъ и пр. Противъ нихъ прежде принимались весьма жестокія мѣры: садили въ тюрьмы,

¹⁾ Осинскій уѣздъ смеженъ съ сарапульскимъ.

сѣкли... но ничего не помогло... Вагляды упорщиковъ на указы и т. п. крайне своеобразны».

Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ, что, «по увѣренію нѣкоторыхъ, начало упорству, немоляйству и вообще отрицанію всего положили солдатъ, возвратившіяся со службы». Онъ доказывалъ, что земля должна принадлежать крестьянамъ и отнюдь не составлять собственности удѣльнаго вѣдомства¹⁾.

Другой же корреспондентъ, изъ мостовинской волости, высказываетъ слѣдующее мнѣніе о причинахъ возникновенія секты немоляевъ. «Немоляйство не заимствовано изъ чужихъ краевъ, не принесено какимъ нибудь сумасброднымъ фанатикомъ, но оно зародилось на мѣстѣ и есть, такъ сказать, отпоръ новымъ порядкамъ, выработаннымъ Положеніемъ (о крестьянахъ). Руководствуясь горячимъ желаніемъ сохранить за собою прежній строй своего быта, немоляи болѣе другихъ крестьянъ упорствовали сначала и теперь продолжаютъ упорствовать въ принятіи новыхъ порядковъ, къ чему возбуждали и своихъ единомышленниковъ».

V. Немоляи въ осинскомъ уѣздѣ.

Лѣтомъ 1872 года до пристава 1-го стана осинскаго уѣзда (пермской губерніи) «дошелъ слухъ», что въ селѣ Рябкахъ появилась между жителями какая-то новая секта. Приставъ немедленно отправляется въ Рябки.

Здѣсь онъ «узнаетъ подъ рукою», что послѣдователи появившейся секты называются «немоляями» и что самая секта существуетъ въ селѣ уже около трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ появленіе немоляевъ въ осинскомъ уѣздѣ должно быть отнесено къ 1869 году. Въ началѣ эта секта,—какъ дозналъ становой приставъ,—распространялась чрезвычайно секретно, но затѣмъ, послѣдователи ея начали распространять свое ученіе болѣе открыто и смѣло. О существованіи секты зналъ и мѣстный священникъ Колокольниковъ, но что именно было предпринято имъ по этому поводу—приставъ «не могъ дознать».

Ученіе новой секты, по отзыву пристава, состоитъ въ томъ, что «сектаторы не признаютъ святыхъ иконъ, не носятъ на себѣ креста, не молятся, хотя иногда и бываютъ въ церкви, но ни-

¹⁾ На первыхъ порахъ не только немоляевъ, но и всѣхъ крестьянъ, отказавшихся подписаться подъ уставными грамотами, жестоко драли. Порка эта главнымъ образомъ происходила въ селѣ Кибавскомъ, сарапульскаго уѣзда.

когда не крестятся, постовъ не соблюдаютъ и не признають святыхъ».

Священникъ села Рябовскаго, Колокольниковъ, полагалъ, что секта «немоляевъ» есть секта молоканская. Главными распространителями секты немоляевъ являются крестьяне села Рябовскаго.

Отсюда секта немоляевъ перешла въ сосѣднія деревни и починокъ. По словамъ священника Колокольникова эти новые послѣдователи секты находятся въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ съ первыми ея распространителями.

У одного изъ этихъ крестьянъ, священникъ нашелъ однажды язву съ выколотыми глазами и поврежденіями по краямъ; «названія иконы, по загорѣлости отъ дыма» нельзя было опредѣлить. На вопросъ священника: кто именно совершилъ такое кощунство надъ св. иконой? — сноха хозяйина отвѣчала, что это сдѣлалъ ребенокъ.

«Крестьянская дѣвка» деревни Нижняго-Козмаша, придя въ домъ священника Колокольникова, рассказывала, что крестьяне такіе-то прѣзжали къ крестьянину такому-то и говорили ей, дѣвкѣ, что они прѣехали ловить рыбу въ мутной водѣ, причемъ «хулили церковь православную и восхваляли немоляеву вѣру».

Сообщая объ этихъ фактахъ становому приставу, священникъ Колокольниковъ пояснялъ при этомъ, что указанные имъ крестьяне христіанскія обязанности исполняютъ, ходятъ въ церковь, исповѣдываются, хотя и не ежегодно, крестятъ младенцевъ и приносятъ ихъ къ св. дарамъ. При посѣщеніи ихъ домовъ, священникъ всегда находилъ у нихъ иконы на мѣстахъ (за исключеніемъ указаннаго выше случая; когда священникъ начиналъ въ ихъ присутствіи обличать молоканскую секту, то они отзывались незнаніемъ ея. Священникъ, однако, совсѣмъ не вѣрилъ въ искренность подобныхъ заявленій и объясняетъ такіе отвѣты «запирательствомъ» со стороны лицъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ сектѣ.

Главные изъ руководителей немоляевъ были представлены въ 1871 году къ мѣстному благочинному для увѣщанія. Но при этомъ всѣ они отовзались, что не знаютъ никакой другой вѣры, кромѣ православной.

Обо всемъ этомъ становой приставъ подробно рапортовалъ оренскому уѣздному полицейскому управленію, причемъ просилъ распоряженія о принятіи полицейскихъ мѣръ къ прекращенію лжеученія и «о преданіи виновныхъ суду по закону». Оренское полицейское управленіе, получивъ рапортъ станового

пристава, вошло въ свою очередь съ представленіемъ по этому поводу къ пермскому губернатору. Это было въ іюнь 1872 года. Губернаторъ, получивши рапортъ осинскаго полицейскаго управленія, препроводилъ его къ пермскому архіерею, прося его сдѣлать заключеніе о вредности секты «немоляевъ».

Но губернатору пришлось почти цѣлые два года ждать этого «заключенія». Только въ маѣ 1874 года получила отъ пермскаго архіепископа Антонія бумага, въ которой сообщались слѣдующія свѣдѣнія по поводу появившейся секты.

«Миссіонеръ протоіерей Костаревъ, — писалъ Антоній, — доносить, что секта немоляевъ — молоканская, появилась въ Рябовскомъ приходѣ въ началѣ 1871 года». Мы уже видѣли, что появленіе немоляевъ въ осинскомъ уѣздѣ должно быть отнесено къ 1869 году; въ 1871 году нѣкоторые изъ немоляевъ были уже вызываемы къ мѣстному благочинному для увѣщанія. Вѣроятно, что послѣднее обстоятельство и подало поводъ миссіонеру Костареву приурочить къ 1871 году появленіе немоляевой секты.

Основателемъ и распространителемъ этой секты, по донесенію миссіонера, былъ одинъ сосланный въ Сибирь крестьянинъ тамбовской губерніи (имя и фамилія котораго духовенству неизвѣстны), возвращавшійся на родину черезъ приходъ Рябовской. Онъ останавливался въ этомъ приходѣ подъ предлогомъ болѣзни его жены. Еще въ бытность его здѣсь носились слухи о появленіи секты «немоляевъ»; слухи эти дошли до полиціи, которая рѣшилась задержать основателя секты, но онъ ловко скрылся и успѣлъ, ниѣмъ незамѣченный, уѣхать неизвѣстно куда. Вскорѣ по его отъѣздѣ, въ распространеніи секты немоляевъ были замѣчены нѣсколько крестьянъ села Рябовскаго.

Мы не беремся судить насколько соотвѣтствуютъ дѣйствительности сообщаемыя миссіонеромъ свѣдѣнія относительно вліянія молоканства на появленіе секты немоляевъ въ осинскомъ уѣздѣ, хотя не можемъ не замѣтить, что въ предположеніи этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Извѣстно, что многіе молокане, какъ тамбовской, такъ и другихъ губерній ссылались въ Сибирь — одни на постоянное житье, другіе на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Наконецъ, есть указанія, что нѣкоторые изъ молоканъ высылались въ разные уѣздные города пермской губерніи.

Такъ, одинъ изъ родныхъ внуковъ основателя молоканства Семена Уклеина — Яковъ Уклеинъ былъ сосланъ въ городъ Оханскъ пермской губерніи... Но вернемся къ сообщенію миссіонера Костарева.

«Характеръ ученія этой молоканской секты, называемой не-

моляевою, — пишетъ миссіонеръ Костаревъ — по чрезвычайной скрытности послѣдователей, опредѣлить въ точности невозможно. Повидимому всѣ немолыи исполняютъ христіанскія обязанности: ходятъ въ церковь, крестятъ младенцевъ, исповѣдываются, принимаютъ священниковъ со святыми иконами, сами имѣютъ въ своихъ домахъ иконы и т. п. Въ тайнѣ же между своими единомышленниками они проповѣдываютъ, что не слѣдуетъ молиться крестомъ, которымъ, если молишься, говорятъ они, то все равно, что гвоздишь Христа, что не нужно носить крестъ на груди, какъ ничего не значущее вещество; что не должно имѣть въ домахъ иконъ, не должно молиться передъ ними, какъ бездушными и простыми досками».

Отсюда они и получили названіе немолыевъ. Въ обыденной жизни послѣдователей этой секты замѣчено, что всѣ они не ѣдятъ свиного мяса и ходятъ (т.-е. водятъ знакомство) только между собою, не принимая въ свое общество тѣхъ, кои не раздѣляютъ ихъ мыслей.

По опредѣленію миссіонера, число послѣдователей секты немолыевъ не превышаетъ шестнадцати семействъ, изъ которыхъ десять находятся въ селѣ Рябовскомъ и шесть въ сосѣднихъ деревняхъ; дальнѣйшаго распространенія этой секты не замѣтно.

При посѣщеніяхъ своихъ Рябовскаго прихода по дѣламъ миссія и при собесѣдованіи съ немолыями, миссіонеръ нашелъ въ нихъ одно главное заблужденіе, это именно — неправильное пониманіе второй заповѣди и тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ воспрещается поклоненіе кумирамъ. Немолыи высказывались, что они изъ боязни боготворить вещество избѣгаютъ почитанія иконъ, считая достаточнымъ одно поклоненіе единому истинному Богу.

Но когда миссіонеръ объяснилъ имъ смыслъ второй заповѣди и всѣхъ тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, гдѣ говорится о кумирахъ и затѣмъ показалъ имъ правило седьмого вселенскаго собора относительно иконопочитанія, тогда немолыи сдѣлались уступчивѣе въ своихъ мнѣніяхъ; мало того, нѣкоторые изъ нихъ, по увѣренію миссіонера, «подаютъ даже благія надежды въ обращенію отъ своихъ заблужденій».

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, пермская духовная консисторія отказалась «дать положительное заключеніе относительно вредности секты немолыевъ»; но отвѣтъ ея какъ видно, не удовлетворилъ пермскаго губернатора, и онъ снова просилъ архіепископа Антонія «сообщить свое мнѣніе: подлежатъ ли крестьяне такіе-то судебному преслѣдованію за распространеніе секты немолыевъ».

Въ отвѣтъ на этотъ новый запросъ, архіепископъ Антоній отвѣчалъ губернатору, что до полученія новыхъ свѣдѣній отъ миссіонера епархіальное начальство не имѣетъ основанія возбуждать судебное преслѣдованіе противъ этихъ крестьянъ, такъ какъ заблуждающіеся, по мнѣнію миссіонера, подають надежду къ обращенію. При этомъ пр. Антоній пояснялъ, что «въ случаѣ оказательства немояями или молоканами своихъ заблужденій, судебное преслѣдованіе ихъ, по силѣ 1,007 ст. устава уголов. судопр. 1864 года, можетъ быть начато и безъ требованія духовнаго начальства».

Этимъ и кончается дѣло о немояяхъ осинскаго уѣзда. Слѣдуетъ думать, что губернская администрація, въ виду вышеприведеннаго отзыва епархіальнаго начальства, не сочла нужнымъ возбуждать преслѣдованіе противъ послѣдователей новой секты. Но что именно случилось впослѣдствіи съ этою сектою въ осинскомъ уѣздѣ—изъ дѣлъ не видно.

VI. СИБИРСКІЕ НЕМОЯКИ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1873 года шадринскій миссіонеръ, протоіерей Кузовниковъ, донесъ пермской духовной консисторіи, что крестьянинъ тобольской губерніи курганскаго уѣзда чимсевской волости деревни Савиной Іосифъ Крюковъ вмѣстѣ со своимъ пріемнымъ сыномъ Филаретомъ тайно вторгаются въ приходы шадринскаго уѣзда и стараются распространить новую секту «немояй».

Съ цѣлью привлечь въ эту секту послѣдователей, Крюковы дарятъ деньги и вещи. Такъ крестьянину села Мехонскаго Дьячкову они дали пять рублей денегъ, а проживающему въ томъ же селѣ отставному рядовому Мурзину—дубленный тулупъ. Дьяковъ и Мурзинъ сами пришли къ священнику и все объяснили, причемъ, по требованію священника, дали письменное показаніе въ присутствіи сельскаго старосты Анчугова.

Мурзинъ и Дьяковъ показали, что Іосифъ Крюковъ училъ ихъ оставить православную церковь и вступить въ секту «немояй». При этомъ Крюковъ требовалъ отъ Дьяčkова, въ случаѣ, если онъ согласится вступить въ ихъ секту, выдать ему росписку кровью, добытою изъ его пальца. Изъ ученія Крюковыхъ Дьяковъ вынесъ только то, что они воспрещаютъ молиться при выходѣ въ домъ, предъ выходомъ, предъ обѣдомъ или ужиномъ и по выходѣ изъ-за стола. Когда Дьяковъ и Мурзинъ выразили свое согласіе вступить въ секту «немояй», то Крюковы дали Мурзину тулупъ, а Дьячкову пять рублей денегъ.

По полученіи отъ миссіонера Кузовникова всѣхъ этихъ свѣдѣній, пермскій архіепископъ обратился къ губернатору съ просьбою «учредить надзоръ полиціи за дѣйствіями Крюковыхъ». По поводу этого ходатайства состоялось слѣдующее постановленіе пермскаго губернскаго правленія: 1) Такъ какъ виновные въ распространеніи ересей и расколовъ, на основаніи 196 ст. уложенія о наказ. подлежатъ наказаніямъ, налагаемымъ судебнымъ мѣстомъ, то поэтому переписку о Крюковыхъ сообщить шадринскому уѣздному суду на его распоряженіе, и 2) Предписать шадринскому полицейскому управленію имѣть строгое наблюденіе за дѣйствіями Крюковыхъ, причемъ удостовѣриться, имѣютъ ли они письменные виды, и если не имѣютъ, то поступить съ ними по установленному порядку.

Прежде чѣмъ постановленіе это было приведено въ исполненіе, отъ шадринскаго исправника Бородаевского получился на имя губернатора рапортъ, въ которомъ исторія съ Крюковымъ излагалась нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ донесеніяхъ протоіерея Кузовникова.

«10-го декабря 1872 года,—писалъ исправникъ,—староста села Мехонскаго Анчуговъ былъ позванъ въ домъ священника Кузовникова, гдѣ онъ засталъ неизвѣстнаго ему старика (Крюкова) и трехъ крестьянъ, между которыми былъ Дьячковъ. Последний уличалъ Крюкова въ томъ, что онъ совращалъ его, Дьячкова, въ расколъ въ секту немоляевъ, причемъ далъ ему три рубля. Крюковъ во всемъ заперся. Священникъ убѣждалъ его показать всю правду, но Крюковъ продолжалъ упорствовать. Тогда его арестуютъ при волостномъ правленіи, но вскорѣ снова освобождаютъ».

Далѣе староста Анчуговъ сообщалъ исправнику, что Крюковъ часто прѣзжалъ въ село Мехонское, причемъ останавливался обыкновенно у крестьянина Попова, гдѣ Анчуговъ и встрѣчался съ нимъ. Ранѣе Крюкова у Попова появлялся какой-то неизвѣстный человѣкъ, судя по догадкамъ, сынъ Крюкова Филаретъ. Онъ помалъ хозяина, Попова, виномъ и говорилъ, что не слѣдуетъ молиться и имѣть дѣло со священниками. При этомъ Филаретъ читалъ «какіе-то стихи возмутительнаго содержанія въ религіозномъ отношеніи».

О дѣйствіяхъ Крюковыхъ исправникъ поручилъ становому приставу произвести дознаніе. «При рассмотрѣніи этого дознанія,—пишетъ исправникъ,—я пришелъ къ крайнему недоумѣнію: раскольникъ распространяетъ расколъ и совращаетъ православныхъ, священнику удается лично видѣться съ нимъ и говорить, онъ допрашиваетъ его, наконецъ арестовываетъ его при

волостномъ правленіи, но затѣмъ—по чувству ли христіанскому къ заключенному или по другому какому поводу—освобождаетъ его, не предавъ въ руки правосудія». Въ объясненіе этого священникъ Кузовниковъ говоритъ, что «Крюковъ былъ арестованъ за безписьменность, но такъ какъ по дознанію его, священника, личность Крюкова была обнаружена, то онъ и уволилъ его изъ подъ ареста». «Подобныя дѣйствія,—замѣчаетъ по этому поводу исправникъ,—принадлежатъ только полиціи».

Губернаторъ, по полученіи рапорта исправника, считъя долгомъ сообщить о дѣйствіяхъ миссіонера Кузовникова архіерею. На это послѣдній вскорѣ увѣдомилъ губернатора, что «священникъ Кузовниковъ не арестовывалъ Крюкова», но что «находясь при увѣщаніи сельскій староста могъ и долженъ былъ задержать Крюкова и отправить его въ волостное правленіе».

О дальнѣйшей судьбѣ Крюкова и его сына мы не встречаемъ болѣе въ дѣлахъ никакихъ указаній. Такимъ образомъ неизвѣстно, были ли они преданы суду на основаніи приведеннаго нами постановленія пермскаго губернскаго правленія или же имъ удалось избѣжать всякаго рода преслѣдованій.

И такъ, пропагандистами секты немоляевъ въ шадринскомъ уѣздѣ явились крестьяне тобольской губерніи, курганскаго уѣзда, Крюковы. Есть основанія предполагать, что немоляйство распространено не въ одномъ только курганскомъ уѣздѣ, но и въ другихъ уѣздахъ тобольской губерніи. Въ подтвержденіе этого приведемъ свидѣнія, сообщенныя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ корреспондентомъ «Русскаго Курьера» изъ города Ялуторовска, тобольской губерніи.

По рѣкамъ Исети и Тоболу, — пишетъ корреспондентъ, — встрѣчаются очень большія села, населенныя исключительно раскольниками или «двоеданами» (двоеданами ихъ называютъ потому, что ранѣе они должны были платить двойную дань, т.-е. двойной оброкъ въ качествѣ раскольниковъ). Не такъ давно среди нихъ выдѣлилась довольно своеобразная группа, которая извѣстна здѣсь подъ именемъ «немоляковъ».

По мнѣнію корреспондента, происхожденіе немоляковъ совершенно самобытно и не находится въ связи съ какимъ-нибудь внѣшнимъ пришлымъ вліяніемъ. Официальный міръ полагалъ сначала, что это послѣдователи молоканъ, случайно занесенныхъ въ Сибирь; но предположеніе это, по разслѣдованію, не оправдалось. По словамъ крестьянъ, «немоляки читали священнаго писанія и нашли, что молиться не надо».

Свои толкованія немоляки основываютъ на какомъ-то выскатномъ ими стихѣ въ св. писаніи, гдѣ, будто бы, сказано, что

«въ восьмое тысячелѣтіе нѣтъ спасенія»... «Если же нѣтъ спасенія,—разсуждаютъ немояки,—то зачѣмъ молиться, зачѣмъ обряды, иконы и т. п.?» Изъ этого же стиха они выводятъ, что власть Бога на землѣ съ началомъ «восьмого тысячелѣтія» уже кончилась, такъ какъ «спасенія нѣтъ». Насколько эти мысли проведены ими въ ихъ религіозныхъ и общественныхъ понятіяхъ, опредѣленно неизвѣстно.

Одно только не подлежитъ сомнѣнію, что немояки стали въ рѣшительное положеніе относительно обрядовой стороны религіи не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что у нихъ въ домахъ нѣтъ иконъ, что подало поводъ мѣстнымъ жителямъ, мало съ ними знакомымъ, считать ихъ едва ли не атеистами—«Бога у нихъ нѣтъ».

Подобный взглядъ, однако, совершенно не вѣренъ, такъ какъ немояки отнюдь не отрицаютъ Бога, или молитвы ему. Они говорятъ: «что проку въ томъ, что ты стоишь да молишься, когда на умѣ у тебя совсѣмъ другое; а я и на поле выйду, все о Богѣ думаю». Слѣдовательно «немоякъ» всегда въ душѣ Бога имѣетъ, всегда ему молится.

Что касается экономическаго положенія немояковъ, то они по большей части люди зажиточные, всегда готовы помочь бѣднымъ; своихъ рабочихъ они не угнетаютъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ другіе. «Придешь къ немояку,—говорятъ про нихъ крестьяне,—попросишь денегъ подъ обработку—онъ тебѣ все равно уплатитъ, какъ если бы ты сейчасъ пришелъ наниматься въ работники» («Русскій Курьеръ», 1882).

Кромѣ тобольской губерніи, немояки—по свѣдѣніямъ извѣстнаго этнографа г. Потанина (переданнымъ намъ въ личной бесѣдѣ)—встрѣчаются около города Бійска, томской губерніи. Очень вѣроятно, что и въ другихъ мѣстахъ Сибири можно встрѣтить не мало представителей немоячества.

Этимъ мы и закончимъ свои очерки немоячества. Просимъ читателей извинить насъ за неполноту и отрывочность приводимыхъ нами свѣдѣній. Если не смотря на эту отрывочность, мы рѣшились подѣлиться своими свѣдѣніями съ читателями, то сдѣлали это главнымъ образомъ въ надеждѣ на то, что сообщенныя нами данныя вызовутъ болѣе подробныя изслѣдованія со стороны лицъ, имѣвшихъ возможность ближе ознакомиться съ этимъ чрезвычайно характернымъ и весьма поучительнымъ движеніемъ въ области русской народной мысли.

АЛЕКСАНДРЪ ПРУГАВИНЪ.

НЕ ЗАБЫВАЙ

Изъ А. Мюссе.

Rappelle-toi, quand l'Aurore craintive
Ouvre au Soleil son palais enchanté...
A. de Musset.

Когда заря свой замокъ пышный
Откроет солнцу, — иль толпой,
Неуловимой и неслышной, —
Сны будутъ рѣять надъ землею;
Когда въ твоей душѣ лучи отрады сладкой
Смѣняются тоской и плачешь ты украдкой —
Въ тиши-ль полей, въ глуши-ль лѣсовъ
Ты звуку робкому внимай —
Чуть слышныхъ словъ
Не забывай!

Когда на вѣчный мракъ разлуки
Суровый рокъ осудитъ насъ,
Когда источать желчь и муки
Послѣднихъ юныхъ силъ запасъ, —
О, вспомни обо мнѣ, о горечи свиданья,
О жгучемъ трепетѣ блаженнаго свиданья,
Прислушайся къ нѣмой тиши —
И воплю робкому внимай,
Моей души
Не забывай!

Когда незримой пеленою
Покроетъ смерть мои глаза
И въ сердцѣ смолкнетъ подлѣ землею
Тревогъ и жгучихъ мукъ гроза, —
Въ безмолвіи ночномъ, въ туманномъ сновидѣньи
Душа моя влетитъ къ тебѣ знакомой тѣнью...
О, не пугайся смутныхъ сновъ
И звуку робкому внимай —
Молящихъ словъ
Не забывай!

Ө. Ч—скій.

НАША СКУЛЬПТУРА

31

ПОСЛѢДНІЯ 25 ЛѢТЪ

I.

Если принимать въ соображеніе только внѣшній видъ скульптурныхъ собраній на большихъ выставкахъ, всего болѣе на выставкахъ всемірныхъ, и вѣрить всему тому, что пишутъ въ многочисленныхъ томахъ своихъ художественные критики и писатели объ искусствѣ,—то непремѣнно пришлось бы подумать, что скульптура представляетъ собою одно изъ самыхъ цѣлѣуспѣшнѣйшихъ искусствъ нашего времени. И дѣйствительно, масса статуй, бюстовъ и всяческихъ рельефовъ вездѣ громадна, и съ каждымъ днемъ все болѣе растетъ по количеству. На ежегодныхъ парижскихъ выставкахъ, всегда столь многочисленныхъ, бываетъ на лицо цѣлый лѣсъ большихъ глыбъ, мраморныхъ и бронзовыхъ, изображающихъ мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей, древняго, средняго и новаго времени, то съ крыльями и въ античныхъ плащахъ и прическахъ, то въ новѣйшихъ юбкахъ и мушкетерахъ. Какая повсюду масса мифологическихъ и историческихъ именъ, сколько героевъ съ громкими именами, сколько фигуръ безъ всякихъ громкихъ именъ, а только съ обозначеніемъ той линии, которую эти люди тянутъ въ жизни: «Жнецъ», «Рыбачокъ», «Прахъ», «Нищій»,—сколько остроумныхъ или чувствительныхъ аллегорій,—и, въ pendant ко всѣмъ этимъ каменнымъ или мѣднымъ батальонамъ, какая масса бумажныхъ стопъ, написанныхъ и отпеча-

таньки во славу тѣхъ созданій! Все тутъ разобрано: какой именно стиль въ скульптурѣ у той націи, какая особенность и преимущество у этой, и какъ онѣ всѣ выстѣ благоденствуютъ и процвѣтаютъ. А почему процвѣтаютъ? Потому, что не хотятъ знать истинной правды природы, держатся добрыхъ старыхъ традицій, условныхъ правилъ, и не отступаютъ отъ того, что давно уже установлено тѣми, кто получше нашего былъ, и къ кому мы должны стремиться всѣмъ сердцемъ, всей душой и всѣмъ помышленіемъ. Известный Шарль Бланъ говоритъ: «Самая превосходная скульптура производится во Франціи, а почему? Потому, что скульптура—искусство формалистическое, живущее преданіемъ и могущее процвѣтать только тамъ, гдѣ хорошо его передаютъ. Необходимо прилежное ученье, результаты котораго передавались бы въ рода въ родъ; необходимо то постепенное и долгое очищеніе вкуса, которое дозволяетъ подняться отъ непосредственнаго воспроизведенія природы (натурализма) мало-по-малу къ идеалу»... (Les artistes de mon temps). Другой, тоже очень известный французскій художественный критикъ, Шенб (Chesneau), отдавая отчетъ о всемірной выставкѣ 1867 года, говоритъ: «Если есть на свѣтѣ искусство, которому слѣдуетъ отдѣляться отъ узкой реальности,—это всего болѣе скульптура. Некрасивости и тѣлесные недостатки человѣка могутъ имѣть свою живописность и нищество; старая испанская школа не брезгала ими, но скульптура энергично ненавидитъ все безобразное: мраморъ пригоденъ только для безусловной красоты. Притомъ, эта красота находитъ свое высшее выраженіе только въ нагомъ тѣлѣ»... (Rapports du jury international). Еще одинъ очень известный французскій писатель о искусствѣ, Монтеглонъ, говоритъ о скульптурѣ, по поводу всемірной выставки 1878 года: «Она у насъ идетъ изъ древности, она стоитъ твердо, она постоянна, она долговѣчна. У ней всегда были мастера и истинныя созданія (не то что въ нашей живописи), никогда не было ни пробѣловъ, ни паденій; она идетъ непрерывной цѣпью, она и измѣняется-то лишь въ смыслѣ своихъ же преданій»... (L'art moderne à l'exposition de 1878). Тутъ же, насмѣхаясь надъ новѣйшими попытками реализма въ скульптурѣ у итальянцевъ, онъ говоритъ, что все это либо «ничтожныя мелочи» (puérilités), либо «непристойности»; что тутъ проявляется лишь временная мода, и такая болѣзнь, которая «убьетъ своихъ адептовъ, если они будутъ продолжать культиваніе этой зловерной анисовки». Этой модѣ не надо даже придавать серьезнаго значенія: «сама пройдетъ». Такихъ примѣровъ изъ писателей французскихъ и нѣмецкихъ я могу при-

вести очень много. Всѣ эти писатели твердятъ, что скульптура процѣвствуетъ нынѣ въ Европѣ, и именно потому, что не мѣняется старинному, классическому направленію. Если же гдѣ отъ него отходитъ въ сторону — то есть только вредъ и заблужденіе.

По моему, напротивъ, дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Я думаю, что скульптура — самое отсталое искусство нашего времени. Я уже не разъ высказывалъ это въ печати, и нынче, обобравъ нашу собственную скульптуру за цѣлую четверть столѣтія, не нахожу причинъ измѣнить старинное свое мнѣніе. При этомъ мнѣ кажется, что отсталость скульптуры прямо происходитъ отъ тѣхъ качествъ, которыя всего болѣе въ ней хвалятъ: отъ ея консерватизма и упорнаго рабства передъ законами и привычками старинныхъ эпохъ. Нечего хорошаго ожидать тамъ, гдѣ жизнь давнымъ-давно перемѣнилась, а формы для ея выраженія будутъ оставаться старинныя, соответствующія совсѣмъ иному образу мыслей, совсѣмъ иному складу понятій, совсѣмъ иному уму и степени образованности. Кто способенъ держаться старыхъ формъ, явно ничего не разумѣетъ въ томъ, что дѣлается новаго на свѣтѣ, и одинаково слѣпъ и глухъ къ тому, что кругомъ насъ происходитъ. Художникъ съ такимъ непониманіемъ и равнодушіемъ ровно ничего не стоитъ, какою бы виртуозностью онъ ни сверкалъ намъ въ глаза — а что сказать про не-виртуозовъ, которыхъ всегда и вездѣ тѣмъ тѣмущая, и которые составляютъ главный контингентъ художественныхъ дѣятелей! Мало есть на свѣтѣ вещей скучнѣе и несноснѣе, какъ хожденіе, нынче, по заламъ со статуями и бюстами. Тамъ-называемыя у скульпторовъ «красота», «грація», высокія и нѣжныя «чувства» совсѣмъ не то, что красота, грація и чувство у прочихъ смертныхъ. Нѣтъ, это снадобья совершенно особеннаго склада и устройства. Скульпторъ состоитъ подъ начальствомъ множества уголовныхъ статей особеннаго свода законовъ: того не смѣй, и этого не смѣй, этого не трогай, о томъ не помышляй, не то ты не скульпторъ и не истинный достойный сынъ своего искусства. Полицейскихъ милбаумовъ для скульптора — на каждомъ шагу миллионъ, и онъ весь свой вѣкъ ходитъ какъ шальной, со спутанной головой и руками. Большинство, между ними, однакоже, довольно скоро привыкаютъ къ своей горемычной долѣ, даже ухитряются довольно расторопно бѣгать въ кандалахъ, и вѣруютъ отъ всей души, что такъ оно и быть должно, и иначе быть не слѣдуетъ. Войско скульпторовъ — самое дисциплинированное, самое вымуштрованное войско, твердая опора консерватизма, люди, лишенные всякаго

здоровой мысли и смѣлой интеллектуальной инициативы. Можетъ быть, это все отъ того, что они весь свой вѣкъ какіе-то вѣрнопостынные: имъ вѣчно что-то заказываютъ и приказываютъ, они вѣчно должны хлопотать, чтобъ кому-нибудь угодить, на кого-то потрафить, и отъ этого-то они и выходятъ тѣми печальными субъектами, какими почти всегда мы ихъ видимъ. Кто имѣетъ несчастіе быть скульпторомъ, тотъ одного только и ждетъ, когда самъ не сочиняетъ велѣнныхъ Психей и вакханокъ: чтобъ ему что-нибудь поскорѣй заказали, либо статуй для триумфальныхъ воротъ и памятниковъ, либо какія-то старинныя выцѣпшія аллегоріи и мифологіи, въ которыхъ нѣтъ здраваго человѣческаго смысла ни на копѣйку, либо бюсты живыхъ, либо надгробные памятники мертвыхъ. Но что же это все такое? Прославленіе, прославленіе и прославленіе—и никакой другой ноты! Много-ли тутъ будетъ истинности на лицо? Бѣдный скульпторъ — вертись, поворачивайся какъ знаешь, вытискивай изъ своего мозга какую хочешь чепуху, только было-бы «прославлено», только бы ласкало глаза, какъ леденецъ ласкаетъ нѣбо. Ни смысла, ни правды, ни глубокаго вниканія въ натуру, въ человѣка, ничуть отъ него не требуется. «Прославляй» — и баста. Нужды нѣтъ, что покойничекъ былъ ахти какой звѣрь, волея или лисица, невѣжда или ничтожество, негодяй или сама фальшь — «прославляй» его, «прославляй» на кладбищѣ, въ дому, или на площади. И чтобъ непременно было это твое прославленіе «красиво» и «благородно» — не то ступай вонъ, и никакихъ другихъ заказовъ, «монументальныхъ», тебѣ уже болѣе не будетъ. На то ты скульпторъ. Какая разница въ сравненіи съ живописцемъ! Съ того кто же нынче станетъ требовать «прославленія» и «благородства» во что бы то ни стало? Тотъ не въ примѣръ свободнѣе. Портретъ написать онъ напишетъ, правда, хоть съ кого угодно, но въ торжественномъ и прославительномъ смыслѣ — не очень-то, а торжественную и прославительную картину на какой ни попало сюжетъ писать — уже и вовсе не станетъ. У скульпторовъ иначе. У нихъ никакой совѣсти, никакого убѣжденія, никакого образа мыслей не полагается. На нихъ что хочешь вали! Съ нихъ даже вообще мыслей никакихъ не спрашивается. Имъ все одно. Какая странность! Вѣдь, кажется, и скульпторы, и живописцы сидѣли на одной и той же скамейкѣ, когда учились, одни уроки слушали, передъ одними и тѣми же «великими» оригиналами карандаши чинили — но потомъ какая громадная разница вышла, просто непостижимо. Что значить по вѣрнопостной дорогѣ пойти. Еще отроду, кажется, не видано скульптора, который бы отъ ка-

кого-то заказа и задачи отказался, потому что они ему антипатичны. Скульптору все хорошо!

Этотъ порядокъ ведется на свѣтѣ уже очень давно, онъ вездѣ одинъ и тотъ же многія столѣтія. Не намъ, конечно, было нарушать его. Мы вѣдь почти всегда только «покорные» были, въ скульптурѣ еще болѣе чѣмъ въ чемъ бы то ни было. Наша скульптура вѣчно волочилась по старымъ дорожкамъ; чтó въ Европѣ дѣлалось, то и у насъ повторялось. Отъ этого-то нашу скульптуру въ Европѣ никогда до сихъ поръ ни въ гронъ не ставили, и по дѣломъ. Какая имъ тамъ всѣмъ надобность была смотрѣть на посредственныя или плохія коніи и подражанія, когда этого самаго добра у нихъ и у самихъ выше головы было? Мы разводили у себя категоріи, иногда доказывали разные сорта и вышину русскихъ скульпторовъ, но ихъ всѣхъ гуртомъ считали ни во что всѣ западные сосѣди, и просто такъ-таки и говорили, что русской скульптуры на свѣтѣ вовсе нѣтъ. Съ насъ, больше чѣмъ съ кого бы то ни было въ цѣломъ свѣтѣ, прежде всего требуютъ «національности», своеобразности и оригинальности. Гдѣ всего этого у насъ на лицо нѣтъ, тамъ прощай все остальное — намъ ставить нуль. Чтó другимъ зачастую прощается, то намъ никогда. И мы можемъ, послѣ того, сколько угодно улавливать на то, что мы всѣхъ этихъ нашихъ художниковъ носили на долго за-границу, что съ большими тратами продержали ихъ столько-то лѣтъ въ Римѣ, Флоренціи, Парижѣ — ничто не помогаетъ, и мы со своей скульптурой бывали всегда начисто вычеркнуты изъ почетныхъ списковъ. Достойное наказаніе рабства и подслуживанья.

У себя дома, среди массы народной, дѣло шло не лучше. Всѣ чувствовали слишкомъ мало почтенія къ такимъ художникамъ, у которыхъ ремесло — быть «прославителями», которые равнодушны и апатичны къ чему угодно на свѣтѣ, которые добровольно вытравливали изъ себя, еще съ юности, всякую мысль, чувство, душевное движеніе и порывъ.

Мнѣ, пожалуй, скажутъ, что я не правъ: тутъ-молъ все дѣло только въ маломъ талантѣ явившихся до сихъ поръ у насъ скульпторовъ. Будь они подаровитѣе, и все было бы иначе. Какой бы тамъ ни былъ образъ мыслей у этихъ людей, они больше бы значили при талантѣ, и ихъ гораздо больше бы цѣнили и въ Европѣ, и у насъ дома, и т. д. Я съ этимъ никогда не соглашусь. Не въ одномъ только талантѣ все дѣло въ искусствѣ. Для него есть что-то такое, чего не заставитъ забыть, чего не замѣнить никакой талантъ, никакое мастерство, никакая виртуоз-

ность, — что-то такое, безъ чего всё они мертвы и ничтожны будутъ; это — здоровое, свѣтлое, прямое чувство, мысль, понятіе жизни. Посмотрите на многое множество нашихъ живописцевъ послѣдней четверти столѣтія: сколько есть между ними художниковъ съ талантомъ умѣреннымъ, вовсе не особенно великимъ и глубокимъ, но они были самостоятельны, ни на какихъ они баръ не работали, дѣлали чтó сами хотѣли, потому что вотъ то и это чувствовали, вотъ тѣмъ и этимъ были наполнены, и ихъ картины, даже картинки, всегда имѣли и будутъ имѣть значеніе, притягательную силу, прелесть. Сколько человекъ, изъ нашихъ скульпторовъ, за цѣлыхъ лѣтъ сто, могли бы сдѣлаться чѣмъ-то важнымъ, интереснымъ и значительнымъ, еслибъ у нихъ была своя мысль, свое чувство, свое настроеніе, и еслибъ они не были заражены тѣмъ злокачественнымъ скульптурнымъ повѣтріемъ, которое такъ давно свирѣпствуетъ въ Европѣ!

Лучшій изъ скульпторовъ Николаевского царствованія, Стассеръ, не пошелъ дальше «Русалки» и другихъ подобныхъ же мнелогическихъ сюжетовъ, гдѣ, конечно, проявилась его граціозность и способность къ формальной красивости, даже нѣкоторая талантливость, но гдѣ настоящей жизни, ея правды, задачъ и требованій не было и тѣни.

Когда въ 1855 году началось новое царствованіе, положеніе русской скульптуры было самое плачевное. Она вся только состояла изъ заказныхъ памятниковъ или изъ академическихъ программъ. Художники сами собою ровно ничего не предпринимали. Имъ и въ голову не приходило никакой своей задачи. Одни изъ нихъ были уже профессора, другіе готовились профессорами быть, поскорѣе получать монументальные заказы, какъ ихъ старшіе, учителя и предшественники. Казалось бы, что можетъ быть лучше, какъ «монументальные заказы»? Вѣдь на нихъ всё надежды вездѣ возлагаются, а когда ихъ нѣтъ, то всегда говорятъ: «вотъ отъ этого-то искусство и не можетъ идти!» — а на повѣрчу однакоже выходитъ, что сколько угодно давайте самыхъ монументальныхъ заказовъ, ничего путнаго все-таки не выйдетъ и искусство все-таки ни съ мѣста. Витали, Пименовъ, графъ Толстой, баронъ Клодтъ, эти ли еще всё могли бы на что-нибудь жаловаться, ссылаться на отсутствіе крупныхъ заказовъ? И все-таки ничего изъ этихъ заказовъ не вышло.

Витали, прежде дѣлавшій прилизанныхъ и преглуныхъ Вереръ, не нашелъ ничего лучшаго какъ применить къ Брюллову, когда ему дали дѣлать множество статуй апостоловъ, множество разныхъ барельефовъ и цѣлыхъ два громадныхъ фронтона для

Исаакиевскаго собора. Онъ выгнѣнилъ, прямо подѣ диктовку Брюллова, свои многосаженные бронзовые треугольники, со всегдашнюю его смазливостью въ линіяхъ и складкахъ, но также и съ его отсутствіемъ натуры, чувства и выраженія; выгнѣстъ съ тѣмъ, по всегдашней манерѣ своего учителя, не упустилъ случая соорудить бронзовый комплиментъ современнымъ властямъ: византійскому императору Θεοδοσίю и его жентѣ, императрицѣ, онъ далъ черты лица императора Николая I и императрицы Александры Ѳеодоровны, святому Исаакию Далматскому — черты лица митрополита Серафима, византійскимъ царедворцамъ Сатуринну и Викторію — черты лица министра двора князя Волконскаго и президента академіи художествъ Оленина, византійскому архитектору — черты лица француза Монферрана. Такія подобострастныя замашки никого тогда не удивляли, хотя всѣ насмѣхались надъ Византіей и византійствомъ. Брюлловъ былъ профессоръ на такіхъ подслуживаніяхъ.

Графъ Толстой, прежде когда-то рисовавшій исторію «Душеньки» (т.-е. Психеи) точь-въ-точь на манеръ Флаксмана, и представившій всю войну 1812 года въ видѣ сухихъ и несносныхъ классическихъ барельефовъ на античный манеръ, только въ русскихъ кольчугахъ и шлемахъ, теперь вылилъ изъ бронзы двери и разные будто бы «историческіе» изъ русской исторіи барельефы для того же Исаакиевскаго собора, фигуры которыхъ были колоссальны по размѣрамъ (здѣсь двери, говорятъ, самыя громадныя по размѣрамъ двери въ мірѣ), но все это было ничтожно по мысли и творчеству, разслабленно-сладкія по выраженію.

Пименовъ всегда считался у насъ великимъ талантомъ. Еще при самомъ дебютѣ своемъ, еще ученикомъ, онъ въ 1836 году выгнѣнилъ статую «Русскій паренъ, играющій въ бабки», которая разомъ стала знаменитостью и считалась тогда верхомъ національности и талантливости, такъ что даже удостоилась престонаго четверостишія Пушкина, но въ которой, тѣмъ не менѣе, все было условно-академично и ни на одну іоту не національно. Въ продолженіе долгаго житія въ Италіи онъ только и служилъ создать, что «Мальчика, кормящаго птичку» и «Мальчика, просящаго милостыню», въ которыхъ опять ничего не было, кромѣ изученія модели. Чтѣ это за мальчики просятъ милостыню и кормятъ птичку голые, гдѣ это люди являются такими «обще-арміскими» типами, не приуроченными ни въ какому времени, ни къ какому народу, ни къ какому мѣсту, ни даже ни къ какому дѣйствительному чувству — чистыми алгебраическими отвѣченными величинами, безъ вкуса, цвѣта и запаха, безъ какой бы то ни

было истинной жизни и правды? Последнія созданія Пименова, уже профессора, въ царствованіе императора Николая I, были въ самомъ дѣлѣ русскія профессорскія, т.-е. въ извѣстной степени умѣли по техникѣ, но итальянскія по манеру, и равняющіяся нулю по творчеству и по содержанию. Это были колоссальные рельефы изъ бронзы надъ боковыми придѣлами въ Исаакиевскомъ соборѣ: «Преображеніе» и «Воскресеніе». Смотри на нихъ, вы навѣрное могли воображать себѣ, что вы стоите въ одной изъ римскихъ церквей іезуитской эпохи, и въ стилѣ рококо. Формальность, безвкусіе и казенщина созданія — вотъ главные качества этихъ бронзовыхъ гигантскихъ отливокъ, стоявшихъ русской крестьянской спиной страшныхъ денегъ. Но Пименовъ глубоко гордился ими, считалъ, что надѣлилъ тутъ русское искусство капитальными, вѣковыми произведеніями, и я помню, какъ въ нашихъ тогдашнихъ бесѣдахъ онъ съ особеннымъ самоудовольствіемъ указывалъ мнѣ, на гипсовыхъ слѣпкахъ, въ залахъ академіи художествъ, на жестѣ апостола Іоанна, проснувагося и прислушивающагося къ неизвѣстному ему шороху, пока у него за спиной возносится на небо Господь Іисусъ Христосъ, совершенно по итальянскому риторическому рецепту.

Увы! Россія не раздѣляла ни восторговъ, ни удивленія бѣднаго Пименова: тогда, четверть вѣка тому назадъ, никто у насъ не обращалъ вниманія на эти итальянскія издѣлія, а теперь никто, кажется, болѣе и не знаетъ, что есть эти скульптуры на свѣтѣ.

Съ этими произведеніями Пименовъ перевалилъ изъ одного царствованія въ другое. Ему, какъ капитальному русскому скульптору, поручено было вылѣпить конную, огромныхъ размѣровъ, статую императора Николая I для николаевской залы Зимняго дворца. Онъ его представилъ въ видѣ св. Георгія, въ римскихъ латахъ, въ племѣ, съ голыми руками и ногами, но съ чертами лица императора Николая, скачущимъ на конѣ и возносящимъ длинное копьё въ распростертаго на землѣ дракона. Когда я спрашивалъ въ то время Пименова, кого именно онъ разумѣетъ подъ этой крылатой, но повидимому довольно слабой и безвредной гадinou, онъ отвѣчалъ, что это «крамола европейская вообще, и въ особенности крамола Венгріи противъ своего законнаго государя», которую, по счастью, императоръ Николай раздавилъ съ такою энергіею и геніальностью. Вообще группа не лишена была нѣкоторой внѣшней благовидности, но все вмѣстѣ было ординарно, какъ магазинный прессъ папѣ, конь былъ коро-

токъ, драконъ ничтоженъ и мизеренъ, самъ всадникъ—авантюристиченъ.

Въ это же самое время Пименовъ затѣвалъ другой еще проектъ памятника, опять въ честь императора Николая I, котораго онъ особенно любилъ и уважалъ. Это памятникъ на площади передъ Исаакіевскимъ соборомъ. Онъ хотѣлъ представить его верхомъ, въ конногвардейскомъ мундирѣ, скатущимъ какъ бы по направленію въ соборъ и снимающимъ передъ нимъ каску съ головы. Когда онъ спрашивалъ моего мнѣнія объ этомъ проектѣ, я отвѣчалъ, что, конечно, благочестіе и религіозность всегда составляютъ капитальнѣйшія качества, но нельзя же русскаго императора, на его вѣковѣчномъ памятникѣ, представить состоящимъ изъ одного этого качества. Тогда Пименовъ рассердился на меня и объявилъ, что никакой другой моментъ такъ не подходитъ для памятника императору, какъ тотъ, гдѣ самая высокая земная власть отдаетъ почтеніе той власти, которая еще выше. Впрочемъ этотъ проектъ не былъ принятъ, и памятникъ исполненъ по проекту скульптора барона Клодта и архитектора Монферрана.

Монферранъ былъ вообще зачинщикомъ этого памятника. Онъ первый его предложилъ. Исаакіевскій соборъ только-что былъ имъ конченъ, и ему надо было предпринять другое тоже не мелкое созданіе. Онъ составилъ проектъ памятника въ томъ же бездарномъ стилѣ, времени упадка европейскаго искусства, въ какомъ выстроилъ свой соборъ, по угламъ поставилъ четыре женскія фигуры, аллегоріи въ классическихъ драпировкахъ, изображающія разныя великія добродѣтели: «правосудіе», «силу», «вѣру», «мудрость», и придумалъ этимъ фигурамъ дать лица императрицы Александры Федоровны и трехъ ея дочерей, великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевны. Въ промежуткахъ между этими фигурами помѣщены барельефы московскаго скульптора Рамазанова, лишеннаго всякаго дарованія и конечно ничуть не способнаго справляться съ задачами изъ реальной грозной дѣйствительности, каковы: «Сцена на сенатской площади 14 декабря 1825 года», или «Сцена народнаго волненія, на Сѣнной, во время холеры, въ 1831 году», послѣ того, какъ онъ весь свой вѣкъ лѣпилъ въ Римѣ и въ Москвѣ только какихъ-то «фавновъ съ козлятами» и тому подобное. Главная фигура на вершинѣ памятника, самъ императоръ Николай I былъ вылѣпленъ Клодтомъ такъ, какъ только способенъ былъ этотъ добродушный, аккуратный труженикъ, ни одной чертой своего существа не художникъ-создатель.

Настоящее дѣло Клодта было лѣпить лошадей, и онъ всю жизнь выполнялъ это отлично. Четыре довольно красивыхъ коня на дыбахъ на Аничкиномъ мосту, и сотни всякихъ другихъ коней, бѣгущихъ, скачущихъ и идущихъ шагомъ, но не применутыхъ ни къ какому особенному событію, ни сценѣ, наполнили долгіе годы его скромнаго творчества. И вдругъ ему выходитъ порученіе: дѣлать памятникъ Крылову. Полагалось, что въ памятникъ Крылову главное — изображеніе вслѣдствіе животныхъ, слоновъ, медвѣдей, львовъ, барановъ и ословъ, лягушекъ, обезьянъ и аистовъ, а баронъ Клодтъ умѣетъ-молъ кромѣ лошадей, лѣпить также и ихъ всѣхъ. Значитъ, ему и дѣлать памятникъ Крылову. Самъ Крыловъ — на придачу. Притомъ же вѣдь Клодтъ вылѣпилъ четырехъ натурщиковъ, въ идеальномъ видѣ, при своихъ коняхъ на дыбахъ. Но несмотря на все это, памятникъ, доведенный и открытый уже въ началѣ царствованія Александра II, вышелъ недурень, звѣри были вылѣплены съ большой правдой, въ самомъ дѣлѣ съ природы, съ очень ловкой передачей ихъ позъ, привычекъ и движеній, и всѣ выстѣ составляли какой-то оригинальный мохнатый копошащійся сундукъ. Барельефы-медальоны, вставленные между ними (человѣческія фигуры) были очень плохи, самая главная фигура, конечно, была тоже не особенно художественна по созданію, но проста и естественна. Великая заслуга Клодта состояла въ томъ, что онъ *первымъ* у насъ представилъ своего героя во всей естественности дѣйствительной будничной жизни. До Клодта, императоры, полководцы, писатели являлись у насъ на памятникахъ все только въ классическомъ лже-античномъ видѣ, въ латахъ и тогахъ, которыхъ они никогда и не нашивали, пока были живы; когда же, въ послѣднее время, имъ рѣшились надѣть дѣйствительный мундиръ и платье (какъ, наприм., на памятникахъ Барклая-де-Толли и Кутузова, передъ Казанскимъ соборомъ), то наброшенные сверху шинели играли роль античныхъ плащей и тогъ, и должны были скрыть все недостойство и презрѣнность новаго костюма и превратить фигуру въ нѣчто, все-таки приближающееся къ античнымъ преданіямъ. Не нужно говорить, что при этихъ маскарадныхъ эволюціяхъ, позы, жесты, движенія, строго удерживали ту самую театральность, балетность и неправду, которая царствовала еще въ скульптурахъ Екатерининскаго и Александровскаго времени — въ «Суворовѣ» роково, Козловскаго (у Троицкаго моста, въ Петербургѣ) или въ академическихъ «Мининъ и Пожарскій», Мартоса (на Красной площади, въ Москвѣ). Клодтъ попробовалъ что-то совсѣмъ иное. Его Крыловъ сидитъ передъ нами, на камушѣ, въ ежедневномъ своемъ сюртукѣ и

панталонахъ, отяжелѣвшимъ, добродушнымъ разгильдяемъ, какинъ онъ въ самомъ дѣлѣ подъ конецъ жизни былъ, безъ всякихъ прикрасъ и безъ малѣйшей идеализаціи. Положимъ, что не самъ Клодтъ выдумалъ такую правдивую реальность въ скульптурѣ: у него уже были передъ глазами знаменитые примѣры: греческій тогда вдоль и поперекъ всей Европы памятникъ Фридриху Великому въ Берлинѣ, Рауха, открытый въ 1851 году, и многочисленныя подражанія его стилю. Нашъ баронъ Клодтъ только ловко подхватилъ заданный тонъ, уже пропагандируемый тогда по всей Европѣ,—но и за то ему великая честь и спасибо; наши прочіе скульпторы и столько не умѣли и не хотѣли сдѣлать, и продолжали свои греческіе и римскіе классическіе маскарады,—свидѣтель тому св. Георгій Пименова, даже много лѣтъ спустя, и разныя другія созданія 50-хъ и 60-хъ годовъ. Фигуру Николая I баронъ Клодтъ представилъ на Монферранскомъ монументѣ съ такою же правдою и реальностью, какъ прежде Крылова. Онъ изобразилъ императора на красивомъ и рѣзвомъ конѣ, въ блестящей конногвардейской формѣ, эффектно скачущимъ словно на одномъ изъ тѣхъ торжественныхъ майскихъ парадовъ на Царицыномъ лугу, которые онъ такъ любилъ. Идеальной монументальности и творческаго таланта тутъ было мало, но за то много искренней дѣйствительности, и эта статуя, независимо отъ плохого пьедестала, гораздо болѣе характерна и гораздо болѣе значить въ исторически-портретномъ отношеніи, чѣмъ скульптуры всѣхъ Виталиевъ, графовъ Толстыхъ и Пименовыхъ въ цѣломъ Исаакіевскомъ соборѣ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ антракта, гдѣ скульптура замолкла и какъ будто совсѣмъ ступевалась, явился у насъ художникъ, который вдругъ придалъ ей особое оживленіе, и заставилъ о ней много говорить. Это былъ Микѣшинъ. Онъ былъ, въ теченіе 50-хъ годовъ, живописцемъ-баталистомъ, и, точно также какъ баронъ Клодтъ, въ юности своей не помышлялъ ни о какихъ памятникахъ: какъ у того вся забота была о лошадяхъ, такъ у Микѣшина вся забота была единственно только о «конныхъ гренадерахъ въ деревнѣ», «лейбъ-гусарахъ на водопоѣ», и тому подобныхъ картинахъ баталическаго рода, на которыя былъ тогда большой спросъ. Въ 1855 году онъ написалъ картину изъ времени крымской кампаніи «Дѣло при Башкедыларѣ» (впрочемъ, по привычкѣ всѣхъ тогдашнихъ баталистовъ написалъ, не видѣвъ собственными глазами), за что получилъ 2-ю золотую медаль; послѣ этого онъ сталъ мало-по-малу переходить къ «историческому» роду живописи и написалъ въ 1857 году «Па-

деніе литовской крѣпости Пиллоны». Въ 1858 году академія дала ему уже 1-ю золотую медаль за картину «Тили въ Магдебургѣ», конечно за ея цѣтистое и размашистое письмо, за оживленность группъ (впрочемъ, довольно вычурныхъ и мелодраматичныхъ). И вотъ, послѣ этого, Миеѣшина круто повернулъ и внезапно сдѣлался скульпторомъ.

Это произошло въ ту самую минуту, когда всѣ у насъ сильно были заняты идеей о памятникѣ тысячелѣтію Россіи. Проектовъ было представлено на конкурсъ, по всегдашнему, множество, и всѣ они, тоже по всегдашнему, были банальны или бездарны. Проектъ Миеѣшина выгодно отличался отъ нихъ нѣкоторою новизною и свѣжестію. Все тогдашнее академическое начальство пришло въ великое восхищеніе, и, сочтя Миеѣшина громаднымъ талантомъ, родившимся прославить Россію, поспѣшило дать ему многотысячный заказъ. Памятникъ стоитъ вотъ уже 20 лѣтъ на мѣстѣ. Но на что онъ? Кому онъ нуженъ? Даже видѣть ли его кто-нибудь, въ его углу, въ Новгородѣ? Кромѣ напрасно потраченныхъ денегъ тутъ ничего не вышло — печальное подражаніе мюнхенской затѣѣ, статуѣ «Баварія». Эта тоже понапрасну стояла пропасть денегъ и никого въ цѣломъ мірѣ не оставила довольнымъ. Но только нашъ памятникъ задумать перещеголять нѣмецкій памятникъ и глубокомысліемъ, и великимъ значеніемъ. Въ чемъ же состояли тутъ глубокомысліе и великое значеніе? Въ томъ, что общій контуръ памятника представляетъ видъ «колокола», а главный его пунктъ, вершина, состоитъ изъ «державы», вокругъ которой стоятъ разные наши историческія фигуры. Чтѣ же хорошаго, чтѣ умнаго во всѣхъ этихъ загадкахъ, аллегоріяхъ и таинственныхъ отвлеченностяхъ? Если не рассказать ихъ заблаговременно зрителю, онъ ихъ никакъ самъ собою не возьметъ въ толкъ. А если и отгадаетъ, то что же въ этомъ будетъ проку? «Праздная, праздная игрушка!», будетъ онъ сначала говорить, обходя со всѣхъ сторонъ памятникъ. «Да еще и мало художественная игрушка!» — скажетъ онъ потомъ, взглянувъшися попристальнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, встаетъ ли нинѣшнему искуству мѣшать въ одно тѣсто исторію выѣстъ со сказками и выдумками? Къ лицу ли ему теперь представлять, напримѣръ, Петра Великаго, въ историческомъ, дѣйствительномъ его костюмѣ, кафтанѣ и ботфортахъ, и тутъ же съ какимъ-то мифологическимъ старомоднымъ «геніемъ» за плечами, который толкаетъ его въ спину и показываетъ перстомъ, куда ему идти и что дѣлать? Неудобно ли эту школьную париковскую завитушку растолковать кому-нибудь изъ народа, для котораго,

какъ всегда говорится, прежде всего и сотворенъ монументъ! Но что за каррикатура и что за бессмысленная несообразительность представлять, что великій человѣкъ идетъ и дѣйствуетъ не самъ по себѣ, не по собственному рѣшенію, задуманію и мысли, а по указанію какаго-то прилетѣвшаго невѣсть откуда на птичьихъ крыльяхъ книжнаго божества. И все это, въ добавокъ, въ двухъ шагахъ отъ христіанскаго ангела, держащаго крестъ, и аллегорической «Россіи», стоящей на колѣнахъ съ какинъ-то щитомъ. Какая пестрая каша изъ старинныхъ учебниковъ, какое точное воображеніе бабешинныхъ временъ! И что это за Петръ, по-балетному положившій себѣ руку на грудь? Ливонецъ въ лапахъ лежитъ на полу, подлѣ Ивана III, въ самой изысканной, придуманной позѣ; прочіе русскіе владѣи, впрямъ и влѣво отъ Петра, интересныя развѣ только по историческимъ своимъ живописнымъ халатамъ, вытянулись ничтожныя и безцвѣтныя, никому ни одной своей чертой неинтересныя, и (какъ я, при самомъ же началѣ конкурса, говорилъ въ «Современной Лѣтописи») только стоятъ около «державы», будто около самовара, задохъ и грѣются. Нѣкоторые ученые (наприм., Буслаевъ, въ «Нашемъ Времени» 1862) съ негодованіемъ нападали также на полную «ненародность», односторонность памятника и на совершенную неудовлетворительность въ выборѣ его дѣйствующихъ лицъ. Но какихъ денегъ стоила Россіи эта пестрая игрушка!

Памятникъ императрицѣ Екатерины II Микѣшина есть въ нѣкоторомъ родѣ повтореніе памятника тысячелѣтія. Та же общая форма «колокола» (такъ особенно, почему-то, ласкающая воображеніе Микѣшина), только съ тою разницею, что колоколъ на этотъ разъ не большой и широкій, а узенькій и длинный, скорѣе «воловоличикъ»; по счастью, ни аллегорій, ни классическихъ божествъ никакихъ на лицо нѣтъ. Впрочемъ, фигура Екатерины II столько же мало даетъ понятія объ оригиналѣ, какъ фигура Петра I предыдущаго памятника объ истинномъ оригиналѣ: тамъ, великій императоръ представленъ съ какинъ-то плохимъ риторическимъ жестомъ, совершенно чуждымъ его простой, правдивой и русской натурѣ, съ какою-то театральностью и напыщенностью во всей позѣ; здѣсь, императрица, въ дѣйствительности маленькая и толстенная, изображена громадною гигантшей, аффектированной и позырующей, словно плохая модель. Скипетръ она держитъ въ высшей степени безобразно и нескладно, а если съ боку смотрѣть, вся фигура точно падаетъ впередъ. Историческія личности, разсѣвшіяся подъ фигурой императрицы Екатерины, сидятъ вовсе не какъ живые тяжелые старики, а какъ вынѣтки

изъ модной иллюстраціи. Державинъ вытягивается сбоку точно палка, Суворовъ баррикатурно согнулъ колѣно, и все это спиною кругомъ пьедестала, имѣющаго видъ «стакана», который замѣняетъ здѣсь «державу» изъ памятника тысячелѣтія.

Нѣтъ, художникъ Миеѣшинъ не оправдалъ восторженныхъ ожиданій совѣта академіи художествъ, съ ея вице президентомъ во главѣ, и не двинулъ нашу скульптуру на новые пути. Онъ минуту проблестѣлъ искусственнымъ свѣтомъ, и потухъ безвозвратно. Онъ только понапрасну казался чѣмъ-то новымъ и современнымъ: онъ былъ, въ сущности, точь-въ-точь такой же «классикъ», какъ десятки и сотни его предшественниковъ.

На Миеѣшинъ, съ его помощниками, работавшими на него при лѣпкѣ статуй и рельефовъ для исполняемыхъ имъ громадныхъ памятниковъ, кончается періодъ старой нашей скульптуры. Этотъ періодъ продолжался у насъ почти сто лѣтъ. Изученіе людей и событій, судъ надъ ними, вниканіе въ ихъ истинную, равностороннюю фізіономію, въ индивидуальности—все это была полнѣйшая *terra incognita* для нашихъ скульпторовъ. Одно оправданіе нашей шлоу—то, что какъ она дѣлала, такъ дѣлалъ тогда и весь Западъ. За что же съ нея выскрывать больше, чѣмъ съ другихъ?

II.

Съ самаго начала царствованія Александра II, на русскую скульптуру повѣяло тѣмъ же духомъ свѣжей жизни, тѣмъ же пробудившимся здравымъ смысломъ, которые такъ высоко подняли тогда всѣ проявленія русскаго творчества и интеллекта, въ томъ числѣ и новыя созданія русской живописи. Только вліянія эти подѣйствовали на скульптуру гораздо слабѣе, чѣмъ на живопись. Съ живописью произошелъ переворотъ коренной, рѣшительный, со скульптурою—лишь частный. Живопись покончила съ прежними привычками и преданіями, она ступила на совершенно новый путь, съ котораго она уже и заглядывать-то болѣе не хочетъ на прежній. Она считаетъ это дѣло уже конченнымъ, а себя—отрѣзаннымъ навіски отъ прежней краяхи контента. Со скульптурою не совсѣмъ такъ. Она рѣшилась на многое новое, но не покончила со многимъ изъ стараго. Съ этимъ старымъ она еще не такъ рѣшительно врозь глядитъ, какъ ея смѣлая и горячая сестрица. Она однимъ глазкомъ все еще любовно назадъ поворачивается.

Первый шагъ впередъ и въ сторону сдѣлалъ—Каменскій, молодой человѣкъ, сначала ученикъ Пименова, а потомъ одинъ изъ сотрудниковъ Микѣшина въ памятникѣ тысячелѣтія Россіи. Во всемъ этомъ новаго еще нельзя было набраться. «Ахиллесъ увозить тѣло Патрокла», «Цинциннатъ, получающій вѣсть объ его избраніи въ диктаторы», «Возвращеніе Регула въ Кареагенъ» — вотъ что долженъ былъ дѣлать, какъ всѣ тогда, Каменскій въ академіи съ 1857 по 1860, вотъ за что онъ получалъ свои медали, серебряныя и золотыя. Голова еще спала, мысль не дѣйствовала. У Микѣшина онъ лѣпилъ, что приказывали. И такой-то человѣкъ вдругъ присылаетъ изъ Италіи, въ 1863 году, своего «Мальчика-скульптора». «Гы! Это уже нѣчто!», сказали себѣ тогда всѣ у насъ. Эта милая статуя значительно отстунаетъ отъ прежнихъ «Бабочниковъ», «Сваечниковъ», «Мальчиковъ, обливающихся въ банѣ» и проч. Всѣ эти объявляли претензію изображать настоящую жизнь и даже быть чѣмъ-то русскимъ—но только это вовсе не исполнилось въ дѣйствительности, и заглавіе оставалось только пустымъ звукомъ. Въ своемъ «Мальчикѣ-скульпторѣ» Каменскій выступилъ гораздо храбрѣе и новѣе, всего только на волосъ, правда, но и это было слава Богу. Этотъ милый ребеночекъ явился не только граціозною статуею, но еще чѣмъ-то, гораздо болѣе важнымъ: онъ явился менѣе другихъ академическою отвлеченностью, не принадлежащею никакому времени, ни мѣсту, ни лицу, ни характеру, онъ былъ уже до извѣстной степени въ самомъ дѣлѣ крестьянскимъ мальчикомъ, русскимъ крестьянскимъ мальчикомъ, столько же по костюму, сколько и по типу лица и прическѣ, онъ не былъ безличенъ, у него было нѣкоторое выраженіе, онъ весь ушелъ въ занимающее его дѣло, старательное лѣпленіе птички, онъ пристально уперъ глазами въ свою работу, и еще неогрубѣлыя его ручки мило хлопотутъ около своей задачи.

Еще гораздо больше эффекта произвела въ нашей публикѣ статуя Каменскаго: «Вдова съ ребенкомъ» (1868). Эта статуя несравненно болѣе прежней значила въ скульптурномъ отношеніи, но еще болѣе значила, какъ попытка реализма. Многіе даже близъ у насъ обижены, возопили сердито объ униженіи искусства, о непозволительности представлять въ гипсѣ и мраморѣ какихъ-то ничего не значущихъ «титularныхъ совѣтниковъ», въ бѣдномъ шерстяномъ платкѣ, застегнутомъ брошью на груди, какъ у несчастной какой-нибудь Акулины Сидоровны. При этомъ блестятели настоящаго искусства не хотѣли обращать никакого вниманія

ни на простоту и правдивость выраженія, на сходство съ дѣйствительной жизнью — это до нихъ не касается. За то публика была въ великомъ восхищеніи, и сама академія съ симпатіей произвела Каменскаго въ академики. Это было справедливо и хорошо, хотя все-таки нельзя не замѣтить (теперь) нѣкоторой искусственности и прибранности въ иныхъ деталяхъ, напримѣръ, въ томъ, какъ платье матери тщательно складками разложено по полу, и т. д.

Годъ спустя, Каменскій выставилъ другую группу свою: «Первый шагъ». Простота, грація, нѣкоторая правдивость были тѣ же, что въ «Вдовѣ». Молодая мать, одѣтая въ нынѣшнее платье, заботливо разставляла руки вокругъ своего маленькаго мальчуга, въ рубашенѣ, въ первый разъ пробующаго ходить и пошатывающагося на своихъ маленькихъ ножкахъ. Все это было очень далеко отъ «Русалокъ», «Венеры», «Нимфы», тутъ жизнью пахло, тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ есть на свѣтѣ и что всякій знаетъ. Но Каменскій немного испортилъ свое дѣло, во-первыхъ, нѣкоторою сладостью и манерностью, а главное претензіей на глубокомысліе: сзади юбки молодой матери, раскинувшейся складками по полу, стояла и игрушка этого ребеночка, — маленький паровозикъ, и на немъ было надписано по-итальянски: «Progresso». А, такъ вотъ какъ! Тутъ не простой ребенокъ, тутъ не простая мать, тутъ рѣчь идетъ объ аллегоріи. Этотъ первый шагъ — это первый шагъ не какого-то Минни или Пети, а нынѣшняго человѣчества, нынѣшней Европы, и вотъ отчего у ребеночка такой не ребячій видъ, а видъ какого-то Наполеона въ зародкѣ, вотъ отчего у него и такое насмѣнное, придуманное выраженіе!

Послѣдняя статуя Каменскаго: «Дѣвочка, замочившая себѣ въ ручѣ рубашечку и выжимающая изъ подола воду» (1872) оказалась слабѣ всего предыдущаго, и по фактурѣ, и по намѣренію. Что за ничтожный сюжетъ, и стоило ли на него тратить нѣсколько лѣтъ жизни? Слегка набросать его карандашомъ, въ родѣ милыхъ дѣтскихъ спенъ г-жи Бемъ, отчего нѣтъ? Но дватри-четыре года работы, да мраморъ, вотъ-то ужъ рѣшительно не стоило начинать. Интересъ въ статуѣ — никакого.

Въ общемъ итогъ, Каменскій представляетъ, среди нашей скульптуры, явленіе, до нѣкоторой степени интересное. Онъ пробоваѣтъ натуральность, современность, онъ пытался отойти отъ классицизма и академичности, изображать нѣчто дѣйствительное и живое. Но это было еще слабѣ и далеко не вполне рѣшительно. Онъ дѣйствовалъ не столько подъ вліяніемъ новаго духа

времени, тогда проявлявшася въ Россіи, сколько подъ вліяніемъ новыхъ реалистическихъ тенденцій Италіи, и только слегка пристроивалъ ихъ ко всему тогдашнему русскому. Мы всѣ тогда, не бывавшіе въ ту минуту въ Италіи, навивно вѣровали, что это самъ Каменскій начинаетъ нѣчто новое, свое, что онъ примыкаетъ къ тогдашней русской литературѣ и живописи, которые уже ни на всѣхъ парахъ, и оттого всѣ радостно аплодировали ему. Но мы тогда не знали, что Каменскій гораздо менѣе начиналъ что-то свое собственное, чѣмъ повторялъ то, что дѣлала тогда Италія, только Италія не старая, а новая. Дѣтей, ребятъ, матерей, въ нынѣшнемъ платьѣ и въ разныхъ нынѣшнихъ сценахъ и позахъ — на всѣхъ новѣйшихъ итальянскихъ выставкахъ можно всегда теперь найти множество. Остается индивидуальный талантъ Каменскаго: онъ былъ милъ, граціозенъ, стоялъ выше таланта многихъ современныхъ ему итальянскихъ скульпторовъ, но все былъ направленъ къ одному только сладкому, граціозному, чувствительному и алегическому. Каменскій только и умѣлъ глѣбѣ, что молодыхъ граціозныхъ женщинъ и дѣтей. Все остальное было для него, кажется, закрыто. Съ такимъ однако запасомъ нельзя даже уйти.

Товарищъ Каменскаго, Румянцевъ, также ученикъ Пименова, также участвовавшій въ работахъ памятника тысячелѣтію Россіи, также получавшій медали за «Ахиллесовъ», не лишентъ былъ дарованія. Его «Мальчикъ съ удочкой» (1859), его «Дѣвчана-путница» (1860) могутъ идти въ pendant въ «Мальчику-скульптору» Каменскаго, только таланта и инициативы у него было гораздо менѣе, чѣмъ у Каменскаго. Притомъ онъ очень рано совершенно сошелъ со сцены.

III.

Пока происходили эти добрыя, но слабыя попытки чего-то болѣе новаго и разумнаго въ скульптурѣ, пока остальные наши скульпторы утопали въ давнишнемъ привычномъ классицизмѣ, явился у насъ, внезапно, художникъ, который сказалъ на всю Европу новое, неслыханное слово. Случилось это около середины царствованія Александра II, а художникъ этотъ — Антокольскій. Его первенство въ Европѣ торжественно признано на всемірной выставкѣ 1878 года, гдѣ международный жюри, составленный изъ художниковъ-делегатовъ отъ всѣхъ націй, присудилъ ему первую, высшую награду за скульптуру въ цѣломъ свѣтѣ, а

потомъ, вообще въ продолженіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ, сотни статей въ журналахъ итальянскихъ, французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ, послѣ появленія «Ивана Грознаго» и «Христа» въ Римѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Парижѣ, не переставали говорить о высокомъ значеніи Антокольскаго. Еще недавно, по поводу московской всероссійской выставки, «Revue des deux mondes» (ноябрь, 1882) объявляла, что Антокольскій не только первый, но даже «единственный русскій скульпторъ» за все время существованія скульптуры въ Россіи. Другіе иностранные журналы давали въ послѣднее время еще болѣе широкія опредѣленія: парижскій корреспондентъ лондонскаго «Times», по поводу русской художественной выставки въ Парижѣ, въ началѣ 1882 года, говорилъ (номеръ 21 февраля), что надо надѣяться, «французскіе скульпторы будутъ учиться на Антокольскомъ, и узнаютъ, какъ громадно вдохновеніе, почерпнутое изъ искренняго изученія живой природы»; въ то же время парижская «Presse» провозглашала (номеръ 24 февраля), что «Антокольскій далеко превосходитъ и вѣнца Драке, и итальянца Монтеверде, и француза Барриаса» — а это все признанныя вершины современной скульптуры. Подобныхъ отзывовъ иностранной печати объ Антокольскомъ можно указать великое множество.

Но это дѣло еще очень второстепенное для насъ, какъ и тѣмъ Европа признаетъ Антокольскаго. Гораздо важнѣе, конечно, то, тѣмъ именно онъ намъ самимъ приходится. А приходится онъ самымъ крупнымъ скульпторомъ нашего вѣка. Что онъ представляетъ своею личностью нѣчто совершенно отдѣляющееся отъ всѣхъ остальныхъ нашихъ скульпторовъ стараго и новаго времени, это было явно уже съ первыхъ его шаговъ, когда онъ былъ еще ученикомъ. Русская художественная печать уже и тогда радостно приветствовала его. Когда же, юношей, онъ создалъ своего «Ивана Грознаго», онъ поразилъ рѣшительно всѣхъ у насъ, начиная отъ самыхъ индифферентныхъ и незнающихъ среди публики, и восходя до самой академіи, а потомъ до лучшихъ и талантливейшихъ нашихъ художниковъ. Съ тѣхъ поръ его репутація и симпатіи въ нему все только росли у насъ.

Антокольскаго нельзя ставить на одну доску съ прочими нашими художниками, даже самыми выходящими изъ ряду вонъ. Надо помнить, что онъ — еврей, и, значить, раньше тѣмъ достигнуть чего-нибудь, долженъ былъ столько намучиться и настрадаться, сколько не приходится намучиться и настрадаться у насъ художнику никакого другого племени. Неудобно ли моему читателю только представить себѣ наши безобразныя и безумныя

отношенія къ евреямъ и поставить въ сопрѣкословеніе съ такими отношеніями юношу, почти мальчика, лишеннаго всякихъ средствъ, связей, покровительства и помощи, и даже худо знающаго русскій языкъ. Что тутъ такое должно было происходить каждый часъ? Постыдные предрасудки, недовѣріе, антипатія, насмѣшки, — вотъ среди какой обстановки надо было начинать Антокольскому въ 60-хъ годахъ. Да еще начинать первымъ изъ всѣхъ евреевъ: до него, никто изъ этого даровитаго племени не смѣлъ или не могъ выступить у насъ съ претензіей на художественный талантъ, наравнѣ съ другими смертными. Дерзость Антокольскаго была тѣмъ болѣе велика, что онъ, вмѣсто того, чтобъ тушевать свое положеніе, заставлялъ его забывать, громогласно провозглашалъ его: онъ въ первый же разъ выступилъ передъ академическими судьями и русской публикой съ сюжетами и типами — прямо еврейскими. Но тогда, по счастію, русское общество, если не все, то въ доброй половинѣ своей, начинало просыпаться отъ позорнаго образа мыслей прежнихъ эпохъ. Проводъ Пирогова за права евреевъ на жизнь гремѣлъ на всю Россію и находилъ свѣтлый откликъ во многихъ душахъ. Сама академія на этотъ разъ не отстала отъ другихъ, и дала Антокольскому, въ 1864 году, 2-ю серебряную медаль за его горельефъ изъ дерева: «Еврей-портной». На мою долю выпало, раньше всѣхъ и рѣшительнѣе всѣхъ указывать нашей публикѣ въ печати на появленіе новаго, совершенно своеобразнаго таланта.

И въ самомъ дѣлѣ, мудро было не остаться пораженнымъ первыми же созданіями Антокольскаго. Онъ былъ еще очень молодъ, нигдѣ не бывалъ кромѣ Вильны и Петербурга, ничего не видалъ и не зналъ изъ того, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ по части скульптуры, видалъ только то, что разставлено было по заламъ академическаго музея — а тамъ, кромѣ античности и классицизма, ничего не было — и вдругъ этотъ юноша, вопреки всѣмъ правиламъ, вопреки всѣмъ академическимъ привычкамъ, выставляетъ передъ судьями своими фигурку не изъ гипса, не изъ бронзы, не изъ мрамора, а — изъ дерева, точно будто онъ простой рѣзчикъ рамъ, зеркалъ и шкатулокъ, и собирается быть мастеровымъ, а не художникомъ. Кто знаетъ, можетъ быть, именно изъ-за этой «кажущейся» непритязательности намѣренія Антокольскій и получилъ такъ свободно медаль. А то какъ же это: скульпторъ, и вдругъ рѣжетъ какого-то несчастнаго, тощаго, измѣннаго еврея-портного, въ ермолкѣ и пейсикахъ, который въ окнѣ своей лавочки прилежно вдѣваетъ на свѣтъ нитку въ иглоу, и весь такъ ушелъ въ свое занятіе, что и губы, и глаза,

и каждый мускулъ на его лицѣ принимаютъ участіе въ дѣлѣ. Съ чѣмъ это сообразно! Натуральность, «мелочь» и правда жанра въ скульптурѣ!—вотъ еще новости! Да кому нужны эти проклятые грязные жида со всѣми ихъ работами и презрѣннымъ прозябаніемъ? Развѣ на то создана скульптура, это высокое, благородное искусство? Ея дѣло — великія личности и великія, благородныя событія, какъ-то: пьяныя вакханки, фавны со свирѣлыми или козлами, люди, прокалывающіе другъ друга мечами, Психею съ дурацкими бабочкиными крыльями. Чтѣ такое еврей съ иглой въ рукахъ! Но я торжествовалъ, видя осуществленіе давнишней моей мечты, которую я давно уже проповѣдовалъ во всеуслышаніе. Я видѣлъ начинающуюся зарю новой, грядущей наконецъ къ намъ настоящей скульптуры. Столько же меня обрадовало, спустя годъ, новое маленькое созданіе Антокольскаго: «Еврей-скупой», считающій деньги у себя въ лавочкѣ (горельефъ изъ слоновой кости и дерева, 1865). Реализмъ еврейскаго типа, правдивость выраженія жадности и одеревенѣлости на лицѣ, не выдуманный, не условный, а взятый съ натуры костюмъ—все это было живо и интересно.

Въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ потомъ ничего не слышать было про Антокольскаго. Чего онъ тутъ натерпѣлся и какіе ужасы нужды и горя онъ перенесъ—это должна когда-нибудь впослѣдствіи разсказать подробная его біографія. Однажды онъ было рѣшился совсѣмъ бросить Россію и поселиться въ Берлинѣ, но на чужой сторонѣ, безъ знакомыхъ, безъ какой бы то ни было поддержки, вышло еще шершавѣе, пришлось воротиться назадъ. И что же, несмотря на всевозможныя невгоды, помѣхи и затрудненія, Антокольскій взялъ и сдѣлалъ своего «Ивана Грознаго». Какая нужна была для этого энергія и сила воли!

Когда Антокольскій задумалъ работать статую «Ивана Грознаго», онъ сталъ хлопотать о мастерской въ академіи — ея не дали, хотя даже самыя величайшія тупицы всегда получали ее, когда принимались за ничтожнѣйшія свои созданія. Тогда онъ сталъ просить позволенія работать въ скульптурныхъ классахъ, во время каникулъ (1870 года). Сначала тоже не соглашались, но наконецъ дозволеніе было дано на томъ условіи, чтобъ въ награду за это Антокольскій реставрировалъ отбитые носы, руки и проч. у гипсовыхъ барельефовъ на большую золотую медаль прежнихъ скульпторовъ. Это было ему, конечно, несносно, онъ бросилъ такую работу, но за то и его самого изгнали изъ пустыхъ, никому въ то время года ненужныхъ классовъ, и онъ вынужденъ былъ разрѣзать на куски свою полу-сработанную

статую, чтобъ взять ее изъ академіи и перенести въ несчастную комнату, гдѣ онъ ее и кончилъ, а самъ жестоко захворалъ отъ ревматизма. Въ самомъ началѣ еще работы Антокольскаго, одинъ изъ патентованныхъ скульпторовъ, разсматривая «Ивана Грознаго», сильно совѣтовалъ ему какъ можно меньше «задрапировывать» статую, потому что это противъ законовъ скульптуры, а когда молодой авторъ ссылаясь на жизненную правду, академическій авторитетъ объявлялъ, что у него, Антокольскаго, талантъ есть, только онъ самъ же его «уродуетъ», и направленіе его — «ложное».

Но ни что подобное не дѣйствовало на Антокольскаго, онъ мужественно продолжалъ свое дѣло и сдѣлалъ — *chef d'oeuvre*. Толпы народа осадили академію съ перваго дня его выставки и разнесли по всему Петербургу восторженные рассказы о чудномъ созданіи. Эта выставка, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, была чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ выставокъ, какими прогремѣлъ въ послѣдствіи Верещагинъ. Масса народа была, конечно, меньше, но чувство изумленія, неожиданности, энтузіазма, восторга передъ новизной направленія были тѣ же самыя.

Антокольскій явился съ такимъ необычайнымъ починкомъ, который есть слѣдствіе не одного только крупнаго таланта, но, гораздо еще болѣе, выраженіе крупной души и своеобразнѣйшей мысли. Искусство никогда не было для Антокольскаго, какъ для большинства скульпторовъ, цѣлью, оказіею для проявленія виртуозности. Онъ никогда не понималъ такого искусства, онъ бы глубоко презиралъ его, конечно, даже въ самомъ себѣ. Искусство для него — лишь средство для выраженія того, что его глубоко волнуетъ и наполняетъ. Онъ ни одного созданія своего не дѣлалъ по чужому указу и по чужой фантазіи: всѣ его произведенія являлись изъ собственнаго его духа, изъ собственной потребности и настроенія, и въ этомъ онъ совершенно по одному рельсу идетъ съ новою нашею живописью. Онъ совершенно въ сторонѣ стоитъ отъ остальныхъ нашихъ скульпторовъ, прошедшаго и настоящаго времени, которымъ что ни угодно — все тринь-трава, и которые съ восхищеніемъ станутъ лѣпить, рубить, выливать и чеканить что и какъ угодно, покажи имъ только въ перспективѣ возмездіе. Антокольскаго не залучить никакими деньгами на тотъ или другой заказъ, какой ни попало. У него постыдной апатіи и равнодушія нѣтъ, онъ станетъ дѣлать только то, что соотвѣтствуетъ его душѣ и понятію. Есть цѣлыя категоріи сюжетовъ и задачъ, до которыхъ онъ навѣрное никогда не дотронется. Онъ только — изобразитель

жизни и правды, а разбирая болѣе подробно, онъ изобразитель «человѣчности» и глубочайшихъ движеній душевныхъ. Какъ далеко отъ него, и гдѣ-то совершенно въ другой сторонѣ; остальные наши скульпторы (а пожалуй и большинство европейскихкихъ), со своими пустяками, банальностями и казенною условностью, со своимъ равнодушіемъ и податливостью на что угодно! Въ добавокъ ко всему, Антокольскій—рѣшительный и зачатый реалистъ, какъ Рѣпинъ и Верещагинъ, и точно также, какъ они, всегда посмотритъ съ сострадательной улыбкой на всяческія аллегоріи, символы, иносказанія, прославленія во что бы то ни стало, на весь классическій Олимпъ и академическій арсеналъ, наконецъ на всѣ тѣ бессмысленныя, безсодержательныя группы и фигуры, которыми только и щеголяетъ большинство русскихъ и европейскихкихъ скульпторовъ.

Антокольскій взялъ сюжетъ «Ивана Грознаго», конечно, потому, что въ теченіе 60-хъ годовъ у насъ, послѣ известной драмы графа Алексѣя Толстаго, этотъ своеобразный царь былъ въ величайшемъ ходу въ нашемъ искусствѣ: и живопись, и поэзія, и музыка въ запуски спѣшили чертить его фигуру. Антокольскій тоже, вѣроятно, сильно пораженъ былъ имъ на сценѣ или въ чтеніи. Но онъ создалъ статую, которая оставила далеко позади себя всѣ остальные изображенія этой личности. Ни у кого изъ другихъ нашихъ художниковъ или поэтовъ не выразилась глубоко-сложная драма, глубоко-сложный характеръ, глубоко-страстный моментъ, какъ у Антокольскаго. Онъ самъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ, опредѣлилъ мнѣ однимъ словомъ все то, что заключено въ его созданіи. «Мой Иванъ Грозный—мучитель и мученикъ», сказалъ онъ. Да, это такъ, это отъ первой и до послѣдней черты вѣрно. Иванъ Грозный сидитъ передъ нами, въ своемъ царскомъ богатомъ креслѣ, въ припадкѣ невыразимаго мученія и бѣшенства. Эта сухая, костлявая фигура полна энергіи зла; это осунувшееся лицо, эти свирѣпыя черты сложились со своимъ ужаснымъ выраженіемъ въ продолженіе страшныхъ сценъ—неумолимыхъ пытокъ и радостныхъ истязаній, но въ настоящую минуту онъ, только-что воззвизшій свой злой жезлъ въ землю, почувствовалъ пронзительный уколъ собственного жала, заговорившей совѣсти и страха будущей жизни; онъ только пробѣжалъ нѣсколько страницъ изъ поминальнаго синодическаго убитыхъ имъ жертвъ, лежащаго у него на колѣнѣхъ, его тѣло скрутилось въ какой-то судорожный узелъ, рука сведена судорогой на ручкѣ кресла, лютые глаза потухли, голова въ суфейкѣ бессильно опустилась на грудь; кажется, нога въ во-

строносомъ сапогѣ, и та въ нервной судорогѣ. Вся эта сцена со своею глубокою правдою и страстностію являлась тѣмъ-то неслыханнымъ среди сухихъ и глухихъ пустырей нашей скульптуры. Это былъ еще первый живой человѣкъ и первое живое чувство, высказанное у насъ въ глинѣ и гипсѣ. За то и радостное ликование русскаго общества было громадное, всеобщее. Антокольскій въ одинъ день сталъ русскою гордостью и знаменитостію. Иностранныя всемірныя выставки пригнули, впоследствии, къ нашей оцѣнкѣ, и лондонскій Кенсингтонскій музей, содержащій, въ числѣ другихъ великолѣпныхъ коллекцій своихъ, собраніе гипсовыхъ снимковъ со всѣхъ знаменитѣйшихъ скульптуръ цѣлаго міра, уже въ слѣдующемъ, т.-е. 1872 году, вылопоталъ себѣ гипсовый отливокъ «Ивана Грознаго». Первый примѣръ съ русскимъ скульптурнымъ произведеніемъ.

Нашлись люди, увѣровавшіе, что эта статуя Антокольскаго—подражаніе «Ивану Грозному» нашего живописца Шустова, или же «Вольтеру» Гудона. Я могу публично засвидѣтельствовать, что раньше своего «Ивана» Антокольскій не зналъ ни посредственной картины посредственнаго Шустова, ни гениальной статуи великаго Гудона. Мнѣ привелось въ первый разъ возвать ему статую «Вольтера», въ нашей Публичной библіотекѣ, гораздо позже окончанія и выставки «Ивана Грознаго». Я былъ свидѣтелемъ его радости, его восторга; онъ говорилъ, что еслибъ зналъ раньше это гениальное созданіе, то никогда не осмѣлился бы дѣлать свою статую такъ, какъ теперь ее сдѣлалъ (къ общему стыду нашему и къ глубокому вреду всѣхъ учащихся художниковъ, слѣпка «Вольтера» нѣтъ въ скульптурномъ музеѣ академіи художествъ, гдѣ вмѣсто того есть безчисленное множество «классическихъ» Амуровъ, Аполлоновъ, и даже классическихъ лошадей, свиней и собакъ). Впрочемъ, всѣ эти сходства были чисто-внѣшнія и очень далекія. Сцена, драма, характеръ, страстность, трагизмъ положенія были у Антокольскаго такъ глубоки, такъ своеобразны и самостоятельны, что сравнивать ихъ съ другими уже не приходилось.

Одновременно съ «Иваномъ Грознымъ», Антокольскій поставилъ на судъ публики другое еще созданіе, небольшой эскизъ изъ гипса: «Нападеніе инквизиціи на евреевъ». Это было то что еще болѣе накипѣвшее и оригинальное, чѣмъ та статуя. Тутъ была цѣлая сцена, выраженная посредствомъ статуй, рельефовъ и барельефовъ, собранныхъ внутри закрытаго съ трехъ сторонъ помѣщенія, изображающаго подвалъ, со спускающеюся къ нему лѣстницею. По лѣстницѣ идетъ испанецъ-инквизиторъ

съ вооруженными солдатами въ латахъ, и при приближеніи этой свирѣлой грозы, страшная сумятица происходитъ въ подвалѣ. Евреи праздновали пасху, но теперь вскочили отъ стола, уронили его, съ посудой и скатертью, бросились къ задней двери, и съ шумомъ и толкотней стараются спастись вонъ; одинъ въ комнатѣ остался старшій, глава, величавый старикъ, съ длинной бородой и въ шапочкѣ, недостигаемый въ своемъ благородствѣ и мужествѣ ни для какого мелкаго чувства, ни для какого страха. Онъ ждетъ гнуснаго, разжирѣлаго, безпощаднаго врага... Всю эту сцену Антокольскій освѣщалъ съ боку огнемъ, черезъ темное стекло. Получалось впечатлѣніе ночи и мрака, едва освѣщенныхъ фонарями идущей инквизиціи. Наша публика и наши художники мало обратили, въ 1871 году, вниманія на это изумительное, по историческому пламенному чувству, созданіе Антокольскаго. Кто говорилъ, что это нюрнбергскія куколки, игрушки, кто твердилъ, что Антокольскій своимъ страннымъ капризомъ незаконно врывается въ «чуждую скульптурѣ область», въ область живописи, и даже унижаетъ искусство. Сторонниковъ у Антокольскаго оказывалось очень мало. Однако, иначе думала одна женщина, доступная для художества и всяческой новой попытки въ немъ. Великая княгиня Марія Николаевна, тогдашній президентъ академіи, была сильно поражена «Инквизиціей» Антокольскаго, и просила его воспроизвести этотъ сюжетъ для нея, въ большихъ размѣрахъ, изъ terre-cuite. Къ несчастію, художникъ по разнымъ причинамъ даже и до сихъ поръ не выполнилъ этого дѣла, хотя и много разъ возвращался къ мысли объ этой работѣ. Что до меня касается,—какъ тогда я высказывалъ въ печати, такъ и теперь, черезъ 12 лѣтъ, скажу, что Антокольскій не создалъ на своемъ вѣку ничего оригинальнѣе, своеобразнѣе, новѣе, нигдѣ онъ не проявилъ такой творческой инициативы, какъ здѣсь, и этому роду созданій принадлежитъ одна изъ самыхъ капитальныхъ ролей скульптуры будущаго. Тутъ только, по моему убѣжденію, скульптура получить полную свою свободу, силу и возможность многосложнаго содержанія. Все это до сихъ поръ урѣзано у нея преданіемъ и беспредѣльно-деспотическою рутинной. Теперь, покуда, никто еще не хочетъ этого знать. Что значить прочное воспитаніе!

Къ этой же самой категоріи относилось и другое сочиненіе Антокольскаго этого времени, тоже только еще эскизъ: «Споръ о Талмудѣ». Дѣло опять происходило внутри закрытаго помѣщенія, въ комнатѣ, у окна. Сидятъ два еврея, и до того разошлись о дорогомъ своемъ Талмудѣ, что кричатъ и бранятся

во всю гортань, разозлились какъ два пѣтуха, бороды у нихъ трясутся, пейсники хлопаютъ по лицу, глаза сверкаютъ, они готовы вцѣпиться другъ въ друга. Выраженіе, страстность, правда, юмизмъ, глубокая натуральность — все это было великогѣпно въ обѣихъ довольно крупныхъ головкахъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Года полтора спустя, въ ноябрѣ 1822 года, Антокольскій писалъ мнѣ изъ Рима, что если придется когда-нибудь выполнять это сочиненіе, онъ хочетъ прибавить туда еще одно дѣйствующее лицо: глухого, который ничего не понимаетъ что передъ нимъ происходитъ, но силится вслушаться и слышать слова: сцена вышла бы, конечно, еще живѣе и комичѣе.

Тотчасъ по прїѣздѣ въ Римъ, въ 1871 году, Антокольскій принялся за статую Петра Великаго, задуманную еще въ Россіи, когда еще выполнялся «Иванъ Грозный». Къ концу слѣдующаго, 1872 года колоссальная модель «Петра Великаго» была кончена. Въ первое время эта статуя не имѣла у насъ особеннаго успѣха. Впослѣдствіи, самъ авторъ произвелъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, значительно къ лучшему, и конечно, это — значительнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ изображеній величайшаго изъ русскихъ людей. Огонь, вдохновеніе силъ, не терпящей никакого сопротивленія, ни препятствій, стремительность, размахъ, все выражено въ этомъ колоссѣ, который въ своемъ историческомъ преображенскомъ мундирѣ, въ своей исторической треуголкѣ, прострѣленной подъ Полтавой, со своей грозной тростью въ рукѣ, изъ своихъ грузныхъ ботфортахъ, стремительно шагаетъ на встрѣчу всѣмъ врагамъ. Недавно рѣшана о томъ, гдѣ поставить эту огненную, кипучую статую. Всего лучше поставить ее въ Монплеширѣ (въ Петергофѣ), надъ моремъ. Мнѣ кажется, ей тутъ было бы самое настоящее мѣсто. Петергофъ, носящій Петрово имя, Монплеширъ, гдѣ онъ жилъ и работалъ, море, которое онъ съ такою страстью любилъ, и которому онъ тутъ какъ-будто повелѣвалъ раступить и пропустить по своей спинѣ Европу въ созданнѣй тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, городъ Петербургъ, — все это составляло бы, мнѣ кажется, лучшую и достойнѣйшую обстановку кругомъ превосходнаго созданія Антокольскаго. Но вмѣстѣ со статуей Петра I Антокольскій работалъ также эскизы монументальныхъ фигуръ для нынѣшняго Александровскаго моста черезъ Неву. Одна изъ компаній, сочинявшихъ тогда проекты моста, предложила Антокольскому сочинить для этого моста какія онъ самъ пожелаетъ 4 группы, и онъ взялся за это. Но ему скоро стали нестерпимы тѣ группы официальнаго характера, съ которыхъ онъ было-началъ свою работу: «Поко-

реніе Кавказа», «Дарованіе новыхъ законовъ правосудія» и проч. Это было ему несвойственно, это вовсе не шло къ его натурѣ, и скоро онъ замѣнилъ тѣ группы историческими фигурами: «Ярославъ Мудрый», «Дмитрій Донской», «Иванъ III», «Петръ Великій». Всѣ четыре должны были быть конныя, но онѣ остались невыполненными, такъ какъ проектъ этой компаніи не получилъ преміи. Первая и третья фигуры удались Антокольскому великолѣпно. Въ нихъ онъ далъ доназательство своей глубокой способности къ воплощенію нашихъ историческихъ сюжетовъ. Ни въ какой русской, не только скульптурѣ, но даже картинѣ, не были еще представлены съ такою правдивостью личности древней нашей исторіи. Одинъ Шварцъ равняется тутъ Антокольскому, и то въ однѣхъ фигурахъ поздняго времени, XVI и XVII вѣка. Болѣе раннее время было ему недоступно.

«Ярославъ» представленъ княземъ-старикомъ, глубоко задумавшимся и потяхоньку перебирающимъ свою бороду. На немъ древнее русское княжеское платье, отъ шапки спускаются жемчужныя привѣски по вискамъ и щекамъ, онъ сидитъ согнувшись отъ старости, и подобравъ ноги въ высокихъ стременахъ; его конь, покрытый богатымъ ковромъ, такой же старый, какъ и его всадникъ, и идетъ шагъ за шагомъ, лишенный всякой казенной «красивости», это — настоящая лошадь неказистой русской породы, и вся группа, въ общей своей сложности, производитъ неизгладимое впечатлѣніе древней, сѣдой, неподраженной и исторической Руси княжескаго времени.

«Иванъ III» уже нѣчто совсѣмъ иное. Сразу чувствуешь, что тутъ дѣло идетъ во времена гораздо позднѣйшія. Иные люди, иные типы, иная цивилизація. Все новѣе, подвинулось впередъ, развилось и побогатѣло. Но, кромѣ того, тутъ чудесно выражена и личность. Великій князь Иванъ — это осторожный, благоразумный, расчетливый собиратель земли русской, и этотъ его характеръ осторожности, неспѣшности высказался и въ настоящую минуту, когда онъ, среди думы, озабочивающей его, могучею прищипною рукою осаживаетъ сильнаго коня, нетерпѣливо крутящаго шею и роющего ногой землю. Въ этомъ мотивѣ Антокольскій по нечаянности встрѣтился съ великолѣпной картиной Реньо, которая восхитила насъ обоимъ, годъ спустя, на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года: «Маршалъ Примъ». У Реньо, испанскій диктаторъ свободы тоже останавливаетъ могучею рукою крутящагося подъ нимъ сердитаго андалузскаго коня. Только въ 1872 году Антокольскій, конечно, не имѣлъ еще возможности знать этого великаго созданія новаго искусства.

На этихъ произведеніяхъ кончается кѣлый періодъ дѣятельности Антокольскаго, и его творчество получаетъ новое направленіе. Сильный драматизмъ, выпучесть, волненіе и порывъ отнынѣ не принадлежать болѣе въ числу мотивовъ его произведеній. Всѣ эти элементы онъ оставляетъ въ сторонѣ и избираетъ себѣ вмѣсто нихъ другія стороны душевной жизни сюжетами для изображеній: отнынѣ всего сильнѣе звучитъ въ его созданіяхъ нота элегическая, нота сожалѣнія, тихой скорби, кроткаго упрека. Прежняя бурная активность героевъ его исчезла, она смѣняется благодушною пассивностью, впрочемъ полною поэзіи, человечности, свѣтлой душевности, негодованія къ злу и неправдѣ. Временное ли это настроеніе и должно ли оно уступить впоследствии инымъ, болѣе бодримъ взглядамъ совершенно иного колорита, или же оно останется у Антокольскаго навсегда — сказать теперь невозможно. Но, во всякомъ случаѣ, произведенія этого втораго его періода представляютъ, во всѣхъ отношеніяхъ, крупныя образцы все болѣе и болѣе зрѣлости реальной формы и мастерства техники. Но главное, тутъ все-таки лежитъ въ основѣ крупная мысль. Я укажу ее ниже.

Въ началѣ 1874 года была кончена статуя Антокольскаго: «Христосъ передъ судомъ народа». Чтѣ такое хотѣлъ здѣсь изобразить авторъ, — это я нахожу ясно выраженнымъ въ одномъ письмѣ его (12 апрѣля 1873 года): «Я хочу представить Христа съ той стороны, гдѣ онъ являлся реформаторомъ, восставшимъ противъ фарисеевъ и саддукеевъ за ихъ аристократическую несправедливость, восставшимъ за правду, за братство, за свободу, за тотъ самый слѣпой народъ, который съ такимъ бышенствомъ и невѣдѣніемъ кричалъ: «Распни! Распни его!» Я его представилъ въ тотъ моментъ, когда онъ стоитъ передъ судомъ народа, того самаго народа, за котораго онъ палъ потомъ жертвой, и говоритъ: «Я имъ прощаю, потому что они не вѣдаютъ, чтѣ творять!..» Я ему даю чисто еврейскій типъ, у него голоа покрыта шапочкой; я это основалъ на словахъ молитвы: «Прости мнѣ, что я ходилъ съ открытою головою»; притомъ, какъ извѣстно, въ древности снималась, въ священныхъ мѣстахъ, не покрывалась головы, а обувь, и, наконецъ, въ жаркомъ климатѣ нѣтъ возможности ходить съ открытою головою. Я представляю себѣ, какъ и евреи и христіане поднимутся противъ меня. Евреи скажутъ: «какъ это онъ сдѣлалъ Христа?», а христіане скажутъ: «какого это Христа онъ сдѣлалъ?» Но до всего этого мнѣ дѣла нѣтъ».

Антокольскій отгадалъ, но не воплотилъ. Противъ него дѣл-

ствительно поднялись иные, но только у насъ однихъ, и нигдѣ болѣе въ Европѣ. Вездѣ онъ этою статуею возбудилъ только восторгъ и энтузіазмъ, вызвалъ признаніе великаго своего таланта и громкое заявленіе, что подобнаго Христа до сихъ поръ въ скульптурѣ еще не бывало. У насъ, одни остались равнодушны, другіе дѣлали глухія замѣчанія на счетъ шапочки на головѣ (которой, впрочемъ, глядя на статую спереди, даже вовсе и не видать), на счетъ еврейскаго правдиваго костюма, на счетъ самаго даже типа, — между тѣмъ какъ этихъ же самыхъ мало разсуждающихъ людей никогда не смущали ни классическая римская тога на многочисленныхъ «Христахъ», до сихъ поръ являвшихся въ искусствѣ, ни классическій и академическій типъ, придававшійся имъ. Представлять Христа римляниномъ и академическою моделью — можно, евреемъ — ни за что!

Между тѣмъ, эта статуя вполне стояла великой своей европейской славой. «Это было самое трудное изъ всего, что я до сихъ поръ дѣлалъ», писалъ онъ мнѣ 28 февраля 1874 года. Нигдѣ подобнаго Христа не произвело все европейское искусство. Одинъ Христосъ Иванова можетъ съ нимъ соперничать, и, признаюсь, этому послѣднему я отдаю рѣшительное первенство, всего болѣе за то, что онъ не состоитъ весь изъ одного благодушія и всепрощенія: стоя на вершинѣ такого всемірнаго дѣла, какъ новая религія, христіанство, нельзя дышать только одними этими, впрочемъ, прекрасными, чувствами. Надобно многое другое еще. Надобно преобладанія надъ всѣми не одною нравственностью, сердцемъ, душою, но и духомъ, интеллектомъ, силой мысли и воли. Однако, если выключить этотъ недочетъ, преобладаніе элегичности, все остальное въ статуѣ Антокольскаго является созданіемъ крупнаго мастерства. Душевное выраженіе крѣпости, народный типъ, правда позы и костюма, совершенство въ изображеніи туго связанныхъ назадъ рукъ, всего торса и облегающаго его еврейскаго полосатаго хитона — это все истинный chef-d'oeuvre.

Съ 1874 на 1875 годъ Антокольскій сдѣлалъ проектъ памятника Пушкину въ Москвѣ. Впродолженіе уже многихъ лѣтъ ни одинъ конкурсъ не удавался. Въ виду такихъ всеобщихъ неудачъ, онъ рѣшился попытать счастья въ послѣднемъ конкурсѣ, назначенномъ на мартъ 1875 года — и былъ наказанъ за это. Много разъ прежде того онъ говорилъ, что всякій конкурсъ есть негѣпость и торжество посредственностей или ничтожества, и однакоже, повѣрилъ въ эту минуту, что можетъ случиться теперь что-то иное. Его забраковали и выбрали проектъ бывшаго

сотрудника Микѣшина, по памятнику Екатерины II, Онекушина, — проектъ, гдѣ русскій поэтъ является тысячнымъ повтореніемъ скульптурныхъ банальностей, настановленныхъ по площадямъ и скверамъ цѣлой Европы. Даже «лира» присутствуетъ, какъ слѣдуетъ, на пьедесталѣ. И всѣ остались довольны, никто не протестовалъ. Между тѣмъ, какой гамъ и лай поднялся, когда Антокольскій выставилъ на судъ публики свой оригинальный, живой, новый по мысли, талантливый проектъ! И фельетонисты, и публика, и даже разные талантливые писатели не находили достаточно хихиканій и плоскаго остроумія, чтобы по достоинству осмѣять художественное созданіе Антокольскаго. А что онъ сдѣлалъ худого? Онъ только рѣшился поставить крутомъ Пушкина фигуры всѣхъ главныхъ личностей, имъ созданныхъ. Онъ самъ сидитъ, съ записной книжкой, на вершинѣ скалы, къ нему идутъ, какъ въ процессіи, по тропинкѣ въ горѣ, мельники, Татьяна, Борисъ Годуновъ, Донъ-Жуанъ, Пямень, Моцартъ и Сальери, Пугачевъ, Мазепа, внизу, въ бассейнѣ — Русаки. «Шествіе типовъ, шествіе типовъ. Ха-ха-ха-ха-ха! — Голые люди! Рупальня! Какъ это все нелѣпо, какъ все это забавно!» кричала толпа литераторовъ, фельетонистовъ, всяческихъ дѣвъ и публики. Но всѣ забыли стихи самого Пушкина, въ его «Осени»:

...И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеніемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И ризмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ...

Что за преступленіе, что за нелѣпость была, со стороны Антокольскаго, представлять Пушкина среди той самой картины, которую онъ же самъ начерталъ? Нужды нѣтъ, что всѣ эти типы были представлены чудесно, съ глубокимъ талантомъ и живописною пластичностью, наши судьи и цѣнители на все махнули рукой и ничего слушать не хотѣли. Имъ непремѣнно чего-нибудь поординариѣе, показениѣе надо было. Я же тогда только сожалѣлъ, что фигура самого Пушкина, по недостатку времени, едва была набросана и не давала представленія о томъ, что должна была быть въ послѣдствіи. Форма скалы была еще хуже

ювсе не обработана. Все остальное, т.-е. всё «типы» Пушкинских главѣйшихъ созданий, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, были видѣланы съ величайшимъ талантомъ, и я, какъ тогда, такъ и теперь скажу, что это просто стыдъ для насъ, что у насъ забраковали и выбросили за бортъ, какъ негодную тряпицу, этотъ проектъ, тогда какъ это былъ бы навѣрное одинъ изъ двухъ-трехъ монументовъ новаго времени, гдѣ въ самомъ дѣлѣ высказались оригинальность, талантъ и современная мысль. Конечно, если не хватало денегъ на выполненіе этого проекта, имѣли право его и не исполнять. Но забраковать его — это совершенно другое дѣло.

Въ 1875 году, Антокольскій вылепилъ, въ Римѣ, надгробный памятникъ княжны Оболенской. Еще при самой ея кончинѣ, въ 1873 году, онъ былъ сильно тронутъ и глубоко пораженъ, онъ лично зналъ и очень цѣнилъ эту дѣвушку, и поэтому-то сильное и искреннее чувство выразилось въ его памятникѣ. Онъ изобразилъ самую усопшую, какою онъ ее видѣлъ во время послѣдней болѣзни, въ широкомъ платьѣ, съ распущенными волосами. Она сидитъ на камнѣ у дверей своей гробницы, она печальна, она тяжело задумалась, она въ нѣмомъ отчаяніи положила одну руку на другую. Ахъ, какъ ей не хочется идти въ эту ужасную дверь! Но какъ правдиво и какъ сильно выразилъ Антокольскій эту щемящую мысль. Все у него полно неизъяснимаго чувства, поэзіи, кроткой скорби. Я не знаю другого подобнаго памятника въ цѣлой Европѣ. Я провелъ много времени у его подножія, на кладбищѣ Monte Testaccio, въ Римѣ, я до глубины души былъ имъ пораженъ, и впечатлѣніе отъ него осталось у меня неизгладимо. Послѣ него каждый надгробный памятникъ покажется непроходимой деревянною сущію.

За этою превосходною статуей слѣдуетъ цѣлый рядъ созданий, гдѣ главная нота — смерть и погибель. «Смерть Сократа» (1876), «Безвозвратная петеря» (1876), «Послѣдній вздохъ Христа на крестѣ» (1877), «Голова Іоанна Крестителя», на блюдѣ, рядомъ съ мечомъ (1878), «Баронъ Гиндбургъ», скончавшійся молодой художникъ (1878) «Спиноза» (1882) — вотъ сколько траурныхъ сюжетовъ сплошь. Но и въ нихъ вездѣ проявляется наивысшая талантивость и выразительность. Зритель не можетъ не чувствовать, что большинство этихъ мрачныхъ задачъ не служатъ для изображенія одного только факта смерти, но что сквозь нихъ проходитъ насильно та самая идея скорби и упрека, которая присутствуетъ въ живой фигурѣ Христа. Эта идея — та, что лучшихъ своихъ, самыхъ свѣтлыхъ благодѣтелей и апостоловъ неразумная масса людская преслѣдуетъ и казнить въ гру-

бомъ своемъ невѣдѣніи. Христосъ—осужденъ и потомъ казненъ, Іоаннъ Креститель—казненъ, Сократъ—казненъ, Спиноза—изгнанъ изъ синагоги и проклятъ. Кто еще такъ твердо и неизмѣнно стоялъ на этой жгучей мысли, на этомъ печальномъ убѣденіи, выносимомъ изъ исторіи вѣновъ?

«Сократъ» вообще мало производилъ впечатлѣнія на всѣхъ, и это, можетъ быть потому, что въ статуѣ распростертаго на креслѣ философа нельзя было различить—мертвъ-ли онъ, или спитъ, или пьянъ? (на полу валнется опрокинутая чаша отъ дикуты). Но, что всего неблагоприятнѣе въ статуѣ,—глаза Сократа закрыты: гдѣ же душевное выраженіе его, гдѣ сила или слабость великаго человѣка, гдѣ его гнѣвъ или прощеніе, гдѣ его величіе или малость, которые только одни намъ и интересны въ эту минуту? Всего этого нѣтъ. И все-таки, эта статуя есть созданіе превосходное, какъ натура, какъ естественность, а какъ лѣпка—можетъ быть, замѣчательнѣйшее созданіе Антокольскаго. Голова, грудь, руки—выдѣланы необыкновенно широко и истинно-мастерски, а плащъ, спатившійся съ плечъ и покрывающій часть тѣла, вылѣпленъ съ такимъ совершенствомъ складокъ и такою передачею шерстяной матеріи, съ которыми наврядъ ли могутъ равняться многія созданія новаго искусства.

Въ 1877 году Антокольскій вылѣпилъ бюстъ «Мефистофеля»—сюжетъ, давно его занимавшій, еще съ 1874 года. Голова полна выраженія холода, презрѣнія, насмѣшки и ненависти ко всему. По поводу этой головы написаны у насъ чуть не цѣлые трактаты, такъ она много говоритъ. Но эта голова, покуда, отрывокъ изъ цѣлаго созданія: Антокольскимъ задумана (и, можетъ быть, въ настоящую минуту уже и исполняется) цѣлая статуя этого удивительнаго существа. Она будетъ составлять цѣлую сцену, внутреннюю драму—тогда, вѣроятно, выяснится весь смыслъ этого оригинальнаго созданія.

Говорятъ, послѣднее произведеніе Антокольскаго «Спинноза» (1882),—значительнѣйшее и замѣчательнѣйшее его произведеніе, по силѣ мысли, по глубинѣ выраженія, по мастерству техники. Я его видѣлъ нѣсколько лѣтъ назадъ, лишь на полъ-работѣ, и потому не имѣю, покуда, о немъ опредѣленной мысли.

Остаются портреты. Въ нихъ Антокольскій выказывалъ всегда великое мастерство. Барельефы: «Безвозвратная потеря» (портретъ маленькаго сына, скончавшагося въ 1876 году) и «Баронъ Маркъ Гинцбургъ» (портретъ молодого талантливаго живописца, скончавшагося въ 1878 году) полны изумительнаго эстетическаго чувства. Въ послѣднемъ барельефѣ замѣчательна силбость,

которую переданы, въ фонѣ, тощія весеннія деревца, напоминающія о той веснѣ, когда скончался бѣдный юноша, оторванный отъ любовныхъ своихъ кистей и красокъ. Многіе другіе бюсты-портреты живыхъ людей отличаются удивительнымъ сходствомъ и жизненностью, и необыкновенно вѣрною передачею характера. Но выше всѣхъ остальныхъ стоитъ статуя-портретъ г. Полкова. Эта статуя—настоящій живой человѣкъ. По жизни, простотѣ, изумительной реальности, эта статуя не имѣетъ собѣ равныхъ во всей европейской скульптурѣ. Одни чудные статуи-портреты и бюсты-портреты Гудона могутъ идти съ нею въ параллель.

Такова галерея созданій Антокольскаго. Таковы ея оригинальныя совершенства. Но какая странность! Именно въ самую сильную пору развитія этого художника, когда онъ все это привезъ въ Петербургъ въ 1880 году и выставилъ для публики, наши соотечественники отнеслись къ ней необыкновенно холодно, и выставку посѣщали очень мало. Прежняго Антокольскаго, столько чествованнаго въ 1871 году, словно не узнали. Точно будто онъ другой теперь сталъ и растерялъ свой талантъ. Антокольскій говорилъ: «Меня и мою выставку такъ встрѣтили, какъ будто я сдѣлалъ что-то худое и всѣхъ оскорбилъ чѣмъ-то!»

Галерея Антокольскаго мѣсто—въ будущемъ русскомъ національномъ музеѣ. Если нынѣшніе люди не умѣютъ дать имъ настоящей ихъ оцѣнки, если они не понимаютъ, что Антокольскій—одинъ изъ самыхъ величайшихъ художниковъ, родившихся среди насъ, то надо, чтобъ весь этотъ матеріалъ былъ заготовленъ заранее для тѣхъ, кто лучше, можетъ быть, будетъ видѣть, чувствовать и понимать.

Послѣ Антокольскаго не появлялось у насъ болѣе ни одного сколько-нибудь крупнаго скульптора. Всѣ тѣ, которые въ послѣднія 12 лѣтъ были на лицѣ, не только не шли по новому пути, указанному Антокольскимъ, но даже вообще не были способны ни къ какому творчеству, хотя бы и въ прежнемъ складѣ. Ихъ творенія, по всей справедливости, покрыты у насъ «мракомъ забвенія». Но все-таки эти художники не вполнѣ безъ достоинства, они проявили нѣкоторую, довольно замѣчательную способность къ скульптурному «портрету». Ихъ этюды и бюсты съ натуры свидѣтельствуютъ о хорошемъ изученіи природы и личностей. Бюсты: неизвѣстнаго еврея, пѣвца О. А. Петрова—Лаврецкаго; принца Ольденбургскаго и Боголюбова—Чижова; затѣмъ нѣкоторые бюсты Забѣлы и Бернштама (послѣдніе, впрочемъ,

довольно поверхностные и только изрѣдка похожіе) свидѣлствуютъ о нѣкоторой даровитости.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, намъ всѣмъ приходилось не разъ сильно восхищаться мелкими бронзовыми группами и статуэтками—сначала, Либериша, а потомъ—Шохина, Лансерѣ и Обера. Но теперь, со времени появленія у насъ Антокольскаго и настоящей скульптуры, эти маленькія созданія отошли на свое настоящее мѣсто. Въ нихъ есть даровитость, изящество, правдивость, даже нѣкоторая жизнь, и этимъ они такъ были намъ дороги, въ сравненіи съ неправдой и деревянной усюженностью тогдашней академической нашей скульптуры. Но въ нихъ содержаніе было всегда слишкомъ ничтожно, и всевозможные скачущіе черкесы, стремянные, добѣгающіе со сворами собаки, мужики и баре на охотѣ, сани и воны, запорожцы, «прощаніе казачка съ милой», воюющіе лошадей, киргизы съ соколами, собаки, обнюхивающіе другъ дружку—все это прекрасно, но этого теперь стало уже мало. Всѣ эти милыя вещицы можно съ удовольствіемъ держать у себя въ видѣ изящнаго прессъ-панѣи столѣ. Шохинъ проявлялъ уже талантиность посодержательнѣе и поинтереснѣе («Старый дворецкій», «Жиды-музыканты», «Бѣсѣда на улицѣ»), но онъ мало учился, и, не овладѣвъ настоящимъ умѣньемъ въ своемъ дѣлѣ, не въ состояніи былъ развивать свою природную наблюдательность, свою способность къ реализму, къ схватыванію комической стороны жизни; притомъ онъ умеръ слишкомъ рано. Въ 1882 году не безъ успѣха выступилъ еще одинъ художникъ въ этомъ родѣ—Посенъ. Его маленькая группа изъ воска: «Малороссійскій возъ», была полна гнѣвной наблюдательности и жизненной правды. Онъ тутъ гораздо кѣше своихъ предшественниковъ подсахаривалъ и подкрасивалъ народныя типы. Можетъ быть, отъ него мы дождемся того-нибудѣ болѣе значительнаго въ его специальномъ родѣ.

В. Стасовъ.

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ САТИРѢ

САЛТЫКОВА

II. Конѣцъ шестидесятихъ и начало семидесятихъ годовъ.

Нелегко и не весело жилось русскимъ людямъ въ ту эпоху, съ которою совпадаетъ второй фазисъ развитія щедринской сатиры ¹⁾. Противодѣйствіе реформамъ, предпринятымъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, не прекращалось, собственно говоря, ни на одну минуту, безпрестанно подбрасывая палки подъ колеса, создавая или сочиняя преграды, ограничивая задуманное, искажая исполненное; перевѣсь, однако, оставался сначала на сторонѣ движенія, активъ политической жизни оказывался крупнѣе ея пассива. Въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ, вслѣдъ за великимъ днемъ 19-го февраля, реакціонныя стремленія стали быстро расти и укрѣпляться; но въ свѣтлыхъ промежуткахъ все еще не было недостатка. Окончательно потемнѣлъ горизонтъ не раньше 1866 года; къ 1868 г. темнота была уже явленіемъ нормальнымъ и привычнымъ. Ни одна реформа не была формально отменена, но всѣ были въ болѣе или меньшей сте-

¹⁾ Мы относимъ къ этому фазису слѣдующія четыре серіи сатирическихъ произведеній, вышедшія въ свѣтъ между 1868 и 1874 г.: „Признаки времени и нисыма о провинціи“, „Господа Ташкентцы“, „Дневникъ провинціала въ Петербургъ“ и „Помладури и помладури“. Въ этотъ же періодъ времени появилась „Исторія одного города“, но о ней намъ почти не придется говорить, потому что она не касается жизни современнаго русскаго общества.

пени обрѣзаны, обезсилены, извращены; выражаясь словами поэта, всѣ «рановременныя мѣры (рановременныя, конечно, только съ реакціонной точки зрѣнія) теряли должныя размѣры и съ трескомъ падали назадъ». Осуществленіе преобразованій было отдано, за однимъ лишь исключеніемъ, въ руки людей, имъ враждебныхъ. Закрытіе земскихъ учрежденій въ с.-петербургской губерніи (1867—68) послужило грознымъ мemento mori для всего земства. Цѣлыя отдѣлы новаго законодательства о печати сдѣлались мертвой буквой, прежде чѣмъ было вполне испытано ихъ дѣйствіе; практика, сѣнительная для печати, была узаконена дополнительными постановленіями 1872 и 1873 г. Новые суды, едва вступивъ въ жизнь, стали предметомъ недоброжелательства и подозрѣній. Отъ крестьянскихъ учрежденій уцѣлѣло почти одно только имя; крестьянскій вопросъ былъ объявленъ навсегда порѣшеннымъ, больше не существующимъ. Податная реформа, поставленная было на очередь самимъ правительствомъ, застыла на одномъ мѣстѣ, не смотря на длинный рядъ сочувственныхъ ей земскихъ постановленій; на первый планъ выдвинулся, въ замѣнъ ея, вопросъ объ усиленіи губернаторской власти. Въ общественной жизни все рѣзче и рѣзче заявляли себя обычные результаты реакціи и застоя, зарождались всѣ тѣ явленія, которыя достигли своего апогея въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Мельчали учрежденія, мельчали люди, усиливался духъ хищенія и нажимы, всливалось на верхъ все легковѣсное и пустое. Констатировать всеобщій упадокъ, указать надвигающіяся тучи, осадить всю неприглядность настоящаго, чтобы спастись отъ еще болѣе непригляднаго будущаго, — такова была, при данной обстановкѣ, задача сатиры, — задача тѣмъ болѣе важная, чѣмъ меньше живыхъ силъ имѣлось для нея на лицо въ другихъ отрасляхъ литературы. Однажды занявъ сторожевой постъ, г. Салтыковъ не сходилъ съ него даже въ самый разгаръ бури и сигнализировать не только ближайшую опасность, но и отдаленныя подводныя мины, къ которымъ несло и несло насъ съ собою господствовавшее мнѣніе.

«Конфузъ», изображенный въ «Невинныхъ разсказахъ» и «Сатирахъ въ прозѣ», миновалъ безвозвратно; обитыя съ толпу, напуганныя, застыдившіяся силы опять почувствовали или по крайней мѣрѣ опять вообразили себя господами положенія. Попытки совмѣстить несовмѣстимое — на примѣръ, «le système du self-government» и «la libre initiative des roméschiks» (см. предисловіе въ «Сатирахъ въ прозѣ») — уступили мѣсто притязаніямъ болѣе откровеннымъ и практичнымъ. Негрудно угадать, откуда

могли идти эти притязанія. Они принадлежали, прежде всего, сословию, привыкшему считать себя привилегированным *par excellence* и очутившемуся вдруг почти без привилегій. «Странное дѣло!—читаемъ мы въ «Письмахъ о провинціи»:—повида существовало крѣпостное право, никому не приходило въ голову усомниться въ существованіи русскаго дворянства. Это существованіе заявляло себя дѣлѣмъ рядомъ такихъ дѣйствій, которыя самаго невѣрующаго человѣка заставляли вѣрить... Трудно было не повѣрить тому, что всегда стояло, какъ живое, передъ глазами, то въ видѣ помѣщика, творящаго судъ и расправу, то въ видѣ исправника, творящаго судъ и расправу, то въ видѣ судьи или засѣдателя, творящихъ судъ и расправу. Это было сословіе, какъ бы предназначенное природой для суда и расправы; оно одно имѣло возможность предъявлять нѣкоторую силу среди общаго безсилія, нѣкоторую инициативу среди общаго безмолвія. Но главная и самая характеристическая черта, которая проходить сквозъ всю исторію этой корпоративной силы, заключается въ томъ, что однажды устроившись, она до самаго конца осталась при этомъ устройствѣ, занимаясь повтореніемъ задовъ и ни разу не поставивъ себя вопроса, возможно-ли для нея дальнѣйшее развитіе, въ какомъ именно смыслѣ и въ какую сторону? Будущее для нея не существовало. Но будущее имѣть за собой то неудобство, что оно непременно является въ срокъ. Въ настоящемъ случаѣ, оно пришло въ видѣ упраздненія крѣпостнаго права—и что же оказалось? Что одного удара было достаточно, чтобы ослабить всѣ связующія нити; что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ крѣпостнаго права, исчезло и дворянство!»

Само собою разумѣется, что эти послѣднія слова не могутъ быть понимаемы буквально; множество оговорокъ, точнѣе опредѣляющихъ ихъ значеніе, мы найдемъ у самого г. Салтыкова. Коллективная, стародавняя сила, какъ бы ограниченъ ни былъ ея кругъ дѣйствій, какъ бы слабо и ничтожно ни было ея политическое творчество, не исчезаетъ внезапно и всецѣло; подчиняясь общему закону, она ведетъ борьбу за существованіе, хотя бы исходъ этой борьбы и былъ заранѣе ясенъ для всякаго не предубѣжденнаго глаза. Потерявъ, съ освобожденіемъ крестьянъ, безвѣчно много, дворянство вовсе не было расположено къ примиренію съ своей участью; оно сохраняло надежду на возвращеніе потеряннаго или на возмѣщеніе его надлежащимъ эквивалентомъ. Путь для достиженія этой цѣли представлялся двоякій: извлеченіе всего возможнаго изъ данныхъ условій—и стремленіе къ измѣненію ихъ въ извѣстномъ смыслѣ; другими сло-

вами, широкая эксплуатация действительности — и настоячивое требование новых «прав», въ замѣнъ упраздненныхъ. И то, и другое ярко отразилось въ щедринской сатирѣ. «Признаки времени» — первый, въ хронологическомъ порядкѣ, продуктъ изучаемаго нами періода — открываются характеристикой Пафнутьева, предъявляющаго свои «якобы права», какъ основаніе для правъ богѣе или менѣе настоящихъ. «Чортъ ли въ томъ», — восклицаетъ этотъ «якобы» ревнитель своеобразно понимаемаго права, — «что я Пафнутьевъ, коль скоро никакихъ дѣлъ мнѣ рѣшать не предоставлено! — Такъ, мой другъ, такъ! — отвѣчаетъ ему насмѣшливый голосъ — а провозглашать тебя, такъ вѣдь ты и дѣла-то никакихъ, пожалуй, назвать не умѣешь... рѣшитель! И куда тебя, подъ стекло, что-ли, посадить дѣла-то рѣшать! вотъ удивленіе-то будетъ! вотъ утѣха! Рѣшитель!.. Но, быть можетъ, ты скажешь: все будутъ исполнять другіе, а я только буду направлять? Такъ тебя и пустили!»

Не всѣ Пафнутьевы, однако, обрѣтаются въ счастливомъ невѣдѣніи тѣхъ дѣлъ, на рѣшеніе которыхъ они претендуютъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и ясно намѣченные *desiderata*, и опредѣленная программа. Воодуханія и вождѣнія принимаютъ, подъ ихъ руками, форму «проектовъ», богатую коллекцію которыхъ развѣртываетъ передъ нами «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ». Здѣсь доказываютъ необходимость «тирэ», такъ проповѣдуютъ децентрализацию, изъ какаго-то угла слышится голосъ о «пользѣ оглушенія, въ смыслѣ временнаго усиленія чувствъ»; семинарски-алиповатое краснорѣчіе, древле-помѣщичій лапидаризмъ, задуманныя по-французски и съ грѣхомъ пополамъ изложенныя по-русски фразы — все это составляетъ нестройный хоръ, сквозь какофонію котораго слышится, однако, довольно ясно одна основная нота. «Тирé» — это только первый шагъ, это предварительная очистка почвы, на которой имѣетъ быть возведена привилегированная постройка. Защитники «тирэ» — дипломаты, дѣйствующие съ подходцемъ и говорящіе съ ужимкой. Они признаютъ, на словахъ, «совершившійся фактъ», они даже благоговѣютъ передъ нимъ — наружно; они называютъ его мудростью — но «тирэ есть болѣе чѣмъ мудрость, это мудрость въ мудрости, мудрость, оглядывающаяся назадъ, скучающая исторіей, а не низвергающая ее въ прахъ». Ходатайствовать о поставкѣ «тирэ», значитъ не только не грѣшить противъ мудрости действительной, но даже «споспѣшествующимъ образомъ доказывать, какая отъ того есть приносимая польза». «Мы не имѣемъ ничего бояться, ибо мы не ретрограды, — говорятъ тѣ же нѣже-

городскіе бонапартисты,—мы только не хотимъ бѣжать впередъ, сломя голову, потому что если всѣ побѣгутъ и отъ того сломаютъ головы, что можетъ изъ сего произойти, кромѣ несвоевременной гибели?» Болѣе беззащитно и смѣло выражается отставной корнетъ Толстолобовъ, авторъ проекта о децентрализаци; вмѣсто праздно болтовни о «тирѣ», онъ прямо приступаетъ къ дѣлу и предлагаетъ «губернаторовъ назначать вездѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства», уѣзды раздѣлять на округа, округа—на дистанціи (пятиверстнаго разстоянія), и какъ тѣ, такъ и другія равномерно сдать въ управленіе «благонадежныхъ и знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ». Что всѣ эти «свѣдущіе люди» должны быть «прилично» вознаграждены и что объекты ихъ дѣятельности—обыватели—могутъ быть всячески «испытываемы», а по нуждѣ и «удаляемы» (въ мѣста ближайшія къ Ледовитому океану)—это разумѣется само собою. Геркулесовыхъ столбовъ рѣшительности и упрощенности достигаетъ, наконецъ, проектъ помѣщика Поскудниковъ, признающаго «не безполезнымъ» подвергнуть разстрѣлянію нижеслѣдующихъ лицъ: *первое*, всѣхъ несогласно мыслящихъ; *второе*, всѣхъ, въ поведеніи коихъ замѣчается скрытность и отсутствіе чистосердечія; *третье*, всѣхъ, кои угрюмымъ очертаніемъ лица огорчаютъ сердца благонамѣренныхъ обывателей; *четвертое*, зубоскаловъ и газетчиковъ. И только». Не прелестно-ли это заключительное: *и только?*

Составленіе проектовъ служить нѣкоторою соединительною нитью между верхушками сословія и его массой. Въ петербургскихъ салонахъ это занятіе поощряется, объединяется и сводится въ итогаиъ; въ провинціальной глуши оно наполняетъ вынужденныя досуги гг. Толстолобовыхъ, Поскудниковыхъ и К°. «Выскажитесь, дайте услышать вашъ голосъ»—вотъ просьба, съ которою обращается къ своимъ заѣзжимъ гостямъ князь Оболюдинъ-Таракановъ. «Expliquez-nous le fin mot de la chose et alors nous verrons... По крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что еслибъ каждый помѣщикъ прислалъ свой проектъ... mais un tout petit projet... согласитесь, что это не трудно!» Въ видахъ размноженія проектныхъ капель, изъ которыхъ должно составиться желанное правовое море, отлаживается въ сторону даже барская слѣсъ, широко растворяются двери, еще недавно доступныя лишь для немногихъ; повторяется—въ измѣненномъ, сообразно съ обстоятельствами, видѣ—старая исторія прикармливанія (матеріальнаго и духовнаго) мелкопомѣстныхъ дворянъ передъ дворянскими выборами. «Я теперь принимаю *вспѣхъ*,—говоритъ тотъ же князь

Оболдуи-Таракановъ, — лишь бы эти ось гармонировали съ своимъ образомъ мыслей; *esprit... vous comprenez?*» «Вотъ это-то собственно и называется у насъ *сближеніемъ*, — замѣчаетъ про себя провинціалъ, выслушавъ привѣтствіе князя, — одинъ принимаетъ у себя другого и думаетъ: съ какимъ бы я наслажденіемъ вышвырнулъ тебя, курицына сына, за окно, кабы... а другой сидитъ и тоже думаетъ: съ какимъ бы я наслажденіемъ пикнулъ тебѣ, гнусному пиявику, въ лицо, кабы... Представьте себѣ, что этого *кабы* не существуетъ — каковъ обмѣнъ мысли произошелъ бы вдругъ между собесѣдниками!»

Проекты, салонное «сближеніе», чтеніе французско-русскихъ передовыхъ статей — все это относится къ области «явленія правъ», къ попыткамъ создать нѣкій величественный и нарочито удобный пьедесталъ, на которомъ пуще прежняго могла бы вознестись и процвѣсти развѣнчанная «сила». Ниже и тише совершается движеніе другого рода, преслѣдуются другія, болѣе скромныя, но болѣе практическія задачи. Рядъ очерковъ, приуроченныхъ къ исторіи Митиньки Ковельова (въ «Помпадуркахъ и помпадуршахъ»), переноситъ насъ въ среду, далекую отъ петербургской «высшей политики». Здѣсь сохранились еще древнія традиціи, требовавшія пикировки между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, сохранилось вообще многое изъ того патріархальнаго времени, когда губернская жизнь текла мирно, безмятежно и возмущалась только бурями въ слани водъ. Съ одной стороны все происходитъ какъ будто по старому: Платонъ Ивановичъ будируетъ Дмитрія Павлыча, Дмитрій Павлычъ подкапывается подъ Платона Ивановича, во дни выборовъ готовится «чудовищное обжорство» — но параллельно съ этимъ привычнымъ провинціальнымъ дѣйствомъ совершается другое, явно носящее на себѣ отпечатокъ новизны. «Крѣпко-головые» готовятся «экзаменовать» и дѣйствительно экзаменуютъ мировыхъ посредниковъ; другими словами, сословіе готовится карать и дѣйствительно караетъ извѣну, расправляется съ отступниками дворянскаго лагеря. Отступничествомъ признается здѣсь, конечно, не что иное, какъ слабая защита сословныхъ интересовъ. Не сложны и не затѣйливы средства, пускаемыя въ ходъ сословной Немезидой; но читателю становится какъ-то не по себѣ, когда передъ нимъ проходятъ вожди «экзаменаторовъ» — хитроумный Одиссей-Праведный, вѣркованный Аяксъ-Грекинь. При извѣстной обстановкѣ страшень и кулакъ, страши и ядовитая сплетня. Экзаменуемые — одни въ чистомъ полѣ; не найти имъ поддержки ни въ «маринкахъ», ни даже въ «стри-

гунахъ» или «скворцахъ». Они образуютъ особую партію—партію «плаксъ» или «канюкъ», заранее обреченную на поражение. «Число рынныхъ экзаменаторовъ росло не по днямъ, а по часамъ. Большинство до того увлеклось экзаменами, что даже возвышалось нѣкоторымъ образомъ до художественности, придавало своимъ запросамъ разнообразныя литературныя формы, изображало ихъ въ лицахъ... Посредники пыхтятъ и дѣлаютъ презрительныя мины, но внутренно обливаются слезами. Изрѣдка, Праведный пуститъ шипъ по змѣиному: «поджигатели!» и посмотритъ не то на окошко, не то на экзаменуемаго посредника; отъ шипа этого виноватаго покоробитъ, какъ бересту на огнѣ, но привязаться онъ не можетъ, потому что Праведный сейчасъ и въ кусты: это я такъ, на окошко вотъ посмотрѣлъ, такъ вспомнилось! И опять обольется сердце посредника кровью.—Всѣхъ на одну осину повѣсить, и баста! цыркаетъ во все горло проходящій мимо Гремякинъ и *нечаянно* задѣваетъ одного изъ плаксъ локтемъ».

Такъ защищается твердыня, распатанная, но не опрокинутая уничтоженіемъ крѣпостного права. На другихъ пунктахъ защитники ея переходятъ въ наступленіе; въ новыхъ постройкахъ, возведенныхъ съ совершенно иною цѣлью, они стараются расположиться какъ у себя дома, занять всѣ теплые и свѣтлые покомы, предоставивъ остальнымъ жильцамъ бродить по улицѣ или ютиться по чердакамъ и подваламъ. Главнымъ театромъ такихъ маневровъ служатъ земскія учрежденія, *во главу* которыхъ «провинціальное политиканство» (да и не оно одно) стремится поставить дворянское сословіе. Но вѣдь земское дѣло—дѣло несомнѣнно общее, всесословное; какимъ же образомъ можно связывать съ нимъ сословные интересы? «Да, это такъ», отвѣчаютъ искатели новаго положенія, «но посудите сами: образованность, матеріальная обезпеченность»... На самомъ дѣлѣ подъ этими фразами скрывается то чувство, которому «Письма о провинціи» дали мѣткое имя «потребности въ припискѣ». «Провинція не можетъ понимать, не можетъ терпѣть человѣка, къ чему-нибудь не *приписаннаго*. Казалось бы, всего естественнѣе для человѣка приписать его къ свободѣ; но тутъ встрѣчаются серьезныя, почти непреодолимые препятствія. Что такое свобода? Это, по мнѣнію провинціи, какое-то странное положеніе между небомъ и землею, это безвоздушная пустота. Кто ты таковъ? спросать свободнаго человѣка на первой заставѣ; какъ твое имя и къ чему ты приписанъ?—Я ни къ чему не приписанъ, отвѣтитъ свободный человѣкъ; по упущенію, я приписанъ къ свободѣ. — Такъ зна-

читать ты непомнящій родства? взять его въ часть!—скажетъ заставная стража. Понятно, что такое неопредѣленное, почти тревожное положеніе не можетъ казаться привлекательнымъ нашей провинціальной интеллигенціи. Она привыкла, чтобы ея паспорта были безукоризненно чисты, чтобы, при появленіи ея на заставахъ, не раздавалось никакихъ другихъ восклицаній, кромѣ подвысь! Да, надобно приписаться, надобно во что бы то ни стало. Потребность въ припискѣ, и притомъ въ припискѣ непременно *во главу* чего-нибудь или кого-нибудь, вызываетъ толки о состоявшемся уже сліяніи сословій, о незлопамятности русскаго народа. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, какъ будто бы меньшая братія готова замѣнить повиновеніе обязательное повиновеніемъ добровольнымъ, какъ будто бы она готова сказать: порядка у насъ нѣтъ, возвратитесь и владѣйте нами, если не по прежнему, то хоть по новому.

Такова, въ главныхъ чертахъ, картина дворянскихъ стремленій и предпріятій, освободившихся изъ-подъ власти «конфуза». Психологическая ихъ подкладка изображена всего яснѣе въ «Дневникѣ провинціала», путемъ параллели между дѣдушкой Матвѣемъ Ивановичемъ и его выродившимся, ослабѣвшимъ потомствомъ. Въ существованіи дѣдушки была законченность, былъ удовлетворенность; внуки скучаютъ, мечутся изъ одной стороны въ другую, жалуются на однообразие жизни и желаютъ развлечься новымъ фасономъ одежды. «Отчего дѣдушка Матвѣй Ивановичъ», спрашиваетъ себя «провинціалъ», «могъ жуировать такъ, что жуировка не приводила его къ мизантропіи, а я не могу вкусить ни отъ какого плода безъ того, чтобы этотъ плодъ тотчасъ же не показался мнѣ прѣснымъ до отвращенія?» Подробный разборъ этого вопроса приводитъ «провинціала» къ заключенію, что въ жизни дѣдушки были по меньшей мѣрѣ три разнообразившіе и украшавшіе ее элемента: дворянскій интересъ, сознание власти и интересъ сельско-хозяйственный. Дворянскій интересъ былъ своего рода бронзовой скалой, прочнымъ прикрытіемъ на случай всяческой невзгоды. «Дѣдушка понималъ очень отчетливо, что если онъ твердъ въ вѣрѣ, то никто не только не тронетъ его, но и не можетъ тронуть. Онъ самъ сознавалъ себя твердыней, и кратковременные капризы его съ губернаторомъ были не больше, какъ обоюдное развлеченіе двухъ твердынь. А такъ какъ послѣднему это было такъ же хорошо извѣстно, какъ и дѣдушкѣ, то онъ, конечно, остерегся бы сказать, какъ это дѣлается въ странахъ, гдѣ особыхъ твердынь по штату не полагается: я васъ, милостивый государь, туда турну, гдѣ Мамаръ

телятъ не гонялъ!—потому что дѣдушка на такой репримандѣ, нимаю не сумнясь, отвѣтилъ бы: вы не осмѣлитесь это сдѣлать, ибо я самъ государя моего отставной подпоручикъ! И губернаторъ навѣрное прикусилъ бы языкъ, потому что дѣдушкина твердость въ вѣрѣ была такова, что вошла даже въ пословицу». Благодаря сознанию властности, дѣдушкѣ ни на минуту не могла придти въ голову обидная мысль, что онъ «пятое колесо въ колесницѣ или отставной козы барабанщикъ». «Дѣдушка обидѣлъ многих—и жилъ! Я, его внукъ, вланусь честью, мухи не обидѣлъ—и чувствую себя находящимся отъ жизни въ отставкѣ». Интересъ сельско-хозяйственный, наконецъ, заключался въ правѣ «спрашивать» (т.-е. взыскивать) и исчезъ вмѣстѣ съ этимъ правомъ. Потомкамъ Матвѣя Ивановича, новѣйшимъ провинціаламъ, незачѣмъ идти на пашню или на гумно. «Съ кого я спрошу? А вѣдь и у меня, точно такъ же какъ и у дѣдушки, кромѣ спрашиванья никакихъ другихъ распорядительныхъ средствъ по части сельскаго хозяйства не имѣется». И такъ, прежнихъ живительныхъ элементовъ нѣтъ, а жить хочется по прежнему, властно, на широкую руку. Такъ жить, какъ жилъ дѣдушка, можно было только подъ условіемъ полного отсутствія жизни въ окружающей массѣ. «Дѣдушка это чувствовалъ всѣмъ нутромъ своимъ, онъ зналъ и понималъ, что если міръ, по малой мѣрѣ верстъ на десять кругомъ, перестанетъ быть пустыней, то онъ погибъ. А мы? Что дѣдушкина мораль удержалась въ насъ всецѣло—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но увы! мы уже не знаемъ, какъ устраивается та пустыня, безъ которой дѣдушкина мораль падаетъ сама собою. Прямо признать за «хаманами» право на жизнь—не хочется, а устроить такимъ образомъ, чтобы и волеи были сыты, и овцы цѣлы—нѣтъ умѣнія. Нѣтъ выдержки, выработки, подготовки». Сознавая свою умственную немощь, внуки прибѣгаютъ къ помощи европейскихъ свѣтилъ, ищутъ теоретическихъ основъ для своихъ смутныхъ пополюзовеній; но кладъ не дается неискующимъ рукамъ и ссылки «на англійскаго писателя Джона Стюарта», на Монтескье, подтверждающаго мнѣніе «Токевиля», не прикрываютъ нищеты мысли и узкости вождельній.

Другая сила, также подпавшая на время вліянію «конфуза» и также благополучно отъ него избавившаяся—это бюрократія. Въ сравненіи съ эпохой «Губернскихъ очерковъ» и даже «Невинныхъ разсказовъ» и «Сатиръ въ прозѣ», она является теперь передъ нами въ новомъ изданіи, значительно исправленномъ и

дополненномъ. Осталась, конечно, и косная чиновническая масса, отмѣченная, въ «Письмахъ о провинціи», прозвищемъ «исторіографовъ»; но и ее обуреваютъ невѣдомыя прежде страсти. «Исторіографы» — это тѣ люди, которые издавна сочиняли и имѣли съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, *дѣлами* русскую исторію, т. е. дѣйствовали и сами же исписывали повѣствованіемъ о своихъ дѣйствіяхъ цѣлыя груды сообщеній, предписаній и представленій. Естественное отношеніе исторіографовъ къ реформамъ — это неудовольствіе хозяевъ, въ квартиру которыхъ поставленъ непрощенный постой, это раздраженіе издателя при встрѣчѣ съ неожиданнымъ и непріятнымъ конкурентомъ. Они готовы подзрѣвать даже тѣхъ, которымъ суждено въ скорости примкнуть къ исторіографическому сонму; они бьютъ тревогу при появленіи акцизныхъ чиновниковъ, приходятъ въ ужасъ при видѣ контрольных піонеровъ. «Съ призывомъ новыхъ сочинителей на поприще русской исторіи, старые исторіографы чувствуютъ себя не ловко. Во-первыхъ, имъ стыдно, что исторія, которую они до сихъ поръ сочиняли, имѣетъ несомнѣнное сходство съ яичницей; во-вторыхъ, они боятся, что пришельцы, пожалуй, догадаются, что это не исторія, а яичница, и вслѣдствіе того не выдадутъ имъ вѣтанціи; въ третьихъ, имъ сдается, что пришельцы наступаютъ имъ на ноги, и хотя говорятъ pardon, но съ замѣтною въ голосѣ ироніей; въ четвертыхъ, они чувствуютъ, что имъ нечего дѣлать, что празднаго времени остается пропасть, а дѣвать его рѣшительно некуда». Отсюда разладъ въ провинціальной жизни, но разладъ, такъ сказать, односторонній. «Собственно нападаетъ и раздорствуетъ только одна сторона — исторіографы; другая сторона даже не обороняется, а только молится Богу, чтобы о ней на время забыли. Это время ей нужно, чтобы доказать, что она невинна».

Какъ ни интересны старые знакомцы — исторіографы, поставленные лицомъ къ лицу съ новыми дѣлателями и сочинителями, не они занимаютъ теперь первый планъ картины; всего наболевѣе мечутся въ глаза свѣже-испеченные продукты «постъ-конфузной» эпохи, «Помпадуры» и «Ташкентцы». Зачѣмъ обоимъ типамъ мы видѣли уже въ «Губернскихъ Очеркахъ», въ лицѣ «озорника» и «надорваннаго»; съ тѣхъ поръ они успѣли созрѣть, сформироваться и пустить многочисленныя отпрыски. «Легковѣсные» (въ «Признакахъ времени»), Нагибинъ (въ «Дневникѣ Провинціала»), Козелевъ, Кротиковъ, Быстрицынъ (въ «Помпадурахъ и Помпадуршахъ») — это цѣлая галерея администраторовъ высшей школы, смѣнившихъ патріархальнаго Чебы-

кина и грозного, но простодушного Зубатова. Общая ихъ черта, такъ вѣрно подмѣченная еще въ «озорникѣ» — это свобода отъ всякой подготовки, отъ всякихъ знаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ пареніе въ ширь и глубь, исканіе внутреннихъ враговъ, пренебреженіе къ будничной сторонѣ администраціи. «Не скрою отъ васъ,—восклицаетъ Нагибинъ,—я смотрю на свою роль нѣсколько иначе, нежели рутинеры прежняго времени. Я миротворецъ, медиаторъ, благосклонный посредникъ — и больше ничего. Смягчать раздраженныя страсти, примирять враждующія стороны, показывать блестящія перспективы — вотъ какъ я понимаю мое назначеніе! Or, je vous demande un peu, s'il y a quelque chose comme un bon dîner pour apaiser les passions!» Миротворецъ не прочь, однако, и отъ роли громовержца. «Безъ страха нельзя,—говоритъ онъ Прокопу,—я привыкъ къ борьбѣ, и даже жажду борьбы! Но скажу прямо: не хотѣлъ бы я быть на мѣстѣ того, кто меня вызоветъ на борьбу! Sapristi, messieurs! nous vergons, qui de vous ou de moi aura le rapachel!»... «Нагибину», читаемъ мы дальше, «пріятно было думать, что устраненіе всѣхъ бѣдствій — и недостатка поваровъ, и бездождія, и излишества дождя — все это лежало на немъ одномъ». Съ Митинькой Козельковымъ мы знакомимся болѣе подробно; мы узнаемъ, въ чемъ заключалась его петербургская служба («съ двѣнадцати до трехъ потерѣсь около департаментскихъ столовъ и рассказать пару скандальныхъ анекдотовъ»), какъ онъ готовился къ своей высокой провинціальной должности («онъ втихомолку старался придать себѣ сколько возможно болѣе степенную фізіономію, приучилъ себя говорить басомъ, началъ диспутировать объ отвлеченныхъ вопросахъ»), какъ онъ разъяснялъ своимъ подчиненнымъ государственное значеніе недоимокъ и необходимость неукоснительнаго взысканія по безспорнымъ обязательствамъ, какъ онъ любезничалъ съ дамами и велъ походъ противъ строптиваго предводителя дворянства. Все это было бы прекрасно и безобидно, все это согласовалось бы вполне съ древними обычаями родины — но Митинька былъ, къ несчастью, сыномъ своего времени. У него является какая-то теорія, а вмѣстѣ съ нею и потребность примѣнять ее на практикѣ. Ему кажется, что у него мало власти, что его спутываетъ «изсушающая соки централизація». «Развяжите намъ руки,—говоритъ онъ,—потому что странно, наконецъ, и требовать отъ человѣка съ связанными руками, чтобы онъ дѣйствовалъ». Въ ожиданіи возможности дѣйствовать, Митинька говорить, говорить — говорить самъ, говорить черезъ посредство присланнаго имъ публициста (какой шагъ впередъ въ сравненіи

съ эпохой «литераторовъ обывателей!»), говорить до тѣхъ поръ, пока не теряетъ способность произносить членораздѣльные звуки. Другимъ, менѣе невиннымъ видомъ помпадурской мономаніи страдаетъ Оединъ Кротиковъ—родной братъ, но духу, Митинъ Козельковъ. Попалъ онъ въ помпадуры такъ же неожиданно-негаданно, какъ и Козельковъ. «Проникнувъ въ извѣстныя сферы, изъ которыхъ, какъ изъ нѣкоего водохранилища, наливается на Россію многоводная рѣка помпадурства, Оединъ сболтнулъ хлесткую фразу въ родѣ того, что Россію губить излишняя централизація, что необходимо децентрализовать, т.-е. эмансипировать помпадуровъ, усиливъ ихъ власть. Сболтнулъ—и поправился; понравился—и былъ признанъ способнымъ умовлать вселенную». Сначала Оединъ держался либерализма, «которому не только не служило помѣхой отсутствіе мудрости, но напротивъ того, сообщало какой-то ликующей характеръ». Онъ писалъ самыя разнообразныя циркуляры, приглашалъ, побуждалъ, увѣщивалъ—«но изъ всѣхъ либеральныхъ затѣй достигъ относительнаго успѣха лишь по части пресѣченія бунтовъ и взысканія недоимокъ». Тогда наступилъ второй періодъ Кротиковскаго либерализма, «либерализма меланхолическаго, жалующагося, укоряющаго». Разославъ циркуляръ о мѣрахъ противъ обмеленія рѣкъ, онъ написалъ своему другу: «ты видишь, я еще бодрюсь; но если и за симъ наше судоходство останется въ прежнемъ жалкомъ положеніи, тогда—ша foі—я не остановлюсь даже передъ эвакуаціей». Судоходство, конечно, осталось въ прежнемъ положеніи—и Оединъ сдѣлался консерваторомъ. Окраска его консервативной дѣятельности была предрѣшена тѣмъ, что въ версальскомъ національномъ собраніи какъ разъ въ это время была провозглашена *политика борьбы*. Подобно Макъ-Магону, онъ очистилъ персоналъ администраціи, потомъ устроилъ облаву на несогласно мыслящихъ, и наконецъ рѣшилъ торжественно отречься отъ сатани и всѣхъ дѣлъ его, какъ это только-что сдѣлали въ Парижѣ Моніаль французскіе приверженцы «нравственнаго порядка». Послѣ тщетной попытки заручиться для этой церемоніи содѣлствіемъ «Пустынника», онъ совершилъ ее на собственный рискъ и страхъ. Правда, церемонія вышла нѣсколько похожей на шпигель, но это не помѣшало тутъ же развернуть знамя съ вышитымъ на немъ словомъ: *борьба*. Борьба дѣйствительно началась, если только можно назвать борьбой односторонній натискъ. «Многіе либералы подверглись расточенію, а многіе распоролъ себя животы, предпочтя напрасную смерть постыдному *фюмъ*, кото-

рое раздавалось въ ихъ ухахъ, непрерывно угрожая ихъ существованію».

Въ сторонѣ отъ Митиньки и Оединьки, настоящее имя которыхъ—легіонъ, стоитъ Быстрицынъ, этотъ «звждитель» между помпадурами. Онъ окончилъ курсъ наукъ не въ ресторанѣ Дюссо, а въ своемъ помѣстьѣ, изучилъ Россію не на тротуарахъ Невского проспекта, а въ чухломскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Онъ не только не признаетъ магической силы: *фюитъ*, этого любимаго словечка Кротиковыхъ, но вообще считаетъ излишнимъ всякое обращеніе зрячими и всякое сквернословіе. Его программа—«развитіе творческихъ силъ народа съ цѣлью столь безпрепятственнаго взысканія податей и сборовъ, которое исключало бы самое понятіе о недоимкѣ; изысканіе новыхъ источниковъ производительности, въ видахъ воспособленія государственному казначейству; упраздненіе военныхъ экзекуцій, какъ средства, не всегда достигающаго цѣли и притомъ сопряженнаго съ издержками для казны». Ни недоимокъ, ни экзекуцій—какая привлекательная будущность! Къ сожалѣнію, для «звждителя» этого мало; въ составъ его плановъ входитъ еще война (безъ войны помпадуръ вѣдь никакъ обойтись не можетъ) противъ крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ и противъ общиннаго владѣнія. Чтобы уничтожить это ужасное зло, Быстрицынъ намѣренъ не щадить личныхъ трудовъ и не останавливаться передъ нарушеніемъ закона. «Моя система,—воскликаетъ онъ,—не требуетъ принужденій; я являюсь на сходъ лично и объясняю. Затѣмъ, ежели я вижу, что меня недостаточно поняли, я поручаю продолжать дѣло разъясненія исправнику. И вотъ, когда исправникъ объяснитъ окончательно—тогда, по его указанію, составляется приговоръ и прикладываются печати... И новая хозяйственная эра началась!» Не слышится ли во всемъ этомъ тоже словечко: *фюитъ*, только облеченное въ облагороженную форму и обращенное уже не къ лицамъ, а къ учрежденіямъ?

«Ташкентецъ» — по крайней мѣрѣ ташкентецъ административный; есть и другіе—это неудачный кандидатъ въ помпадуры, это чернорабочій въ области помпадурства. Подобно помпадуру, ташкентецъ—прирожденный энциклопедистъ, не потому, что онъ все знаетъ, а потому, что ничего не зная, онъ за все готовъ вѣзаться, все готовъ исполнить. Эта черта, играющая столь важную роль въ русской жизни, давно составляла предметъ наблюденій г. Салтыкова. Ее намѣчаетъ еще Гегемоніевъ, въ напутственной инструкціи юному становому («Невинные рассказы»): «потребуется начальству птицу финикъ сыскать—ты и птицу

сшщешъ; потребуеѣа статистику сочиѣнѣтъ — ты и статистику сочиѣнишь!» «Съ эѣкономичесѣой точки зрѣнѣя», читаемъ мы въ «Письмахъ о провинціи», «всѣкій спеціалистъ — непремѣнно воръ; съ точки зрѣнѣя нравственѣно-политичесѣой — непремѣнно революціонеръ... Мы, провинціалы, живо помѣнимъ то время, когда въ средѣ нашей сложилаѣа знаменѣтая пословица: тапъ да лѣпъ — и корабль. Всѣкій тогда приходиѣлъ и объявляѣлъ себя способѣнымъ повелѣвать стихіями. Пѣхотинцы ходили по морю, ѣѣко по суху; кавалеристы строили фортеціи и ретраншаменты, а гарнизонные офицеры, въ свободное отъ постройки рекрутскихъ полушубѣовъ время, выдумывали порохъ». Введеніе въ «Господамъ Ташѣкѣнѣцамъ» — цѣлая монографіѣя на ту же тему; особенно подробно разработана здѣсь зависимость «талантливѣости» отъ «приказаніѣя», продукѣтовъ талантливѣости — отъ еѣя свойства. «Ежели мы не изобрѣѣли пороха, то это значитъ, что намъ не было это приказано. Прикажутъ — и Россіѣя завтра же покроѣа школами и университетамѣ; прикажутъ — и просвѣщеніе, вмѣсто школъ, сосредоточѣа въ полицейскихъ управленіѣяхъ. Куда угодно, когда угодно и все что угодно... Все на чеку, все готово устремѣться куда глаза глядѣтъ». Почему же, однако, люди по приказанію могли дѣлѣа и сапожѣниками, и музыкантамѣ, и акушерамѣ? Потому, очевидно, что требовалиѣа отъ нихъ лишь простые сапоги, простая музыка, упрѣщенное акушерство — или, лучше сказѣа, требовалоѣа только «выраженіе готовѣности». Приказаніе приказанію розѣнъ; одно можетъ быть исполнено «готовѣностью» въ связи съ «талантливѣостью», другое — не можетъ. «Представѣте себѣ таѣой случай: директоръ департамѣнта призываетъ столѣначальѣника и говоритъ ему: любезѣный другъ, я желаю бы, чтобы вы открыѣли Америку. Я не беруѣа утверждать, чтобы столѣначальѣникъ осѣѣлился возразѣтъ, но онъ все-таки пойметъ, что открытіе Америки совсѣмъ не его ума дѣѣло. Поэтому, всего вѣроятѣнѣе, онъ поступѣтъ таѣкъ: разошлетъ во всѣ мѣста запросы, и затѣмъ постаѣрается кончить это дѣѣло изморѣмъ. Но пускаѣй тотъ же директоръ тому же столѣначальѣнику скажетъ: любезѣный другъ! Я желаю бы, чтобы вы всѣхъ этиѣхъ Колумбовъ привели къ одному знаменѣателю! — Вы не успѣѣете оглянуѣться, какъ Колумбы поѣлинѣно будутъ обузданы, а Амерѣика таѣкъ и останется неоткрыѣтой».

И таѣкъ, ташѣкѣнѣцы — это прежде всего «талантливѣые» и «готовѣые» исполнѣтели исполнимѣыхъ съ помощью одной талантливѣости и готовѣности приказаніѣй. Но въ таѣкихъ исполнѣтеляхъ у насъ ѣниѣогда не было недостатѣка; чтобы понять ѣновѣй типъ, ѣужно узнать его отличѣительныѣя черты, ему одному свойственныѣя

особенности. Физиономію ташкентцевъ дополняетъ съ одной стороны характеръ и направленіе исполняемыхъ ими приказаній, съ другой — побудительная причина готовности и способъ ея проявленія. «Ташкентецъ — это просвѣтитель, просвѣтитель вообще и во что бы то ни стало, и притомъ просвѣтитель, свободный отъ наукъ, но не смущающійся этимъ, ибо наука, по мнѣнію его, создана не для распространенія, а для утѣшенія просвѣщенія... Какъ терминъ отвлеченный, Ташкентъ есть страна, лежащая всюду, гдѣ бьютъ по зубамъ и гдѣ имѣетъ право гражданственности преданіе о Макарьѣ, телатъ не гонящемъ... Правы создаютъ Ташкентъ на всякомъ мѣстѣ; бываютъ въ жизни обществъ минуты, когда Ташкентъ насильно стучится въ каждую дверь и становится на очередь для всякаго существованія». Просвѣщеніе *par ordre*, просвѣщеніе обуздывающее и сокращающее, просвѣщеніе, въ основаніи котораго лежитъ *le principe du statu quo russe* или *le principe du télégraphe* — вотъ, слѣдовательно, содержаніе и цѣль приказовъ, вдохновляющихъ ташкентца. Исполняетъ онъ ихъ потому, что ему нужно *жрать*, «жрать что бы то ни было, цѣною чего бы то ни было». Онъ относится къ своимъ дѣяніямъ «совершенно объективно, то-есть исключительно съ точки зрѣнія чистоты отдѣлки»; онъ летитъ, хватаетъ, ловитъ, скрежещетъ зубами — но въ сущности онъ только «веселонравный мужчина, которому хочется удивить вселенную своею стремительностью». Приступая къ своей дѣятельности, онъ сознаетъ, что передъ нимъ «небольшой океанъ грязи, который нужно переплыть»; но это не останавливаетъ его, потому, что грязь, наполняющая океанъ — «грязь метафизическая, отвлеченная»; наглядно, осязательно она не пачкаетъ, элегантную наружность пловца не измѣняетъ — а за нею, на томъ берегу, виднѣется столько привлекательнаго: вино, игра, женщины! Понятно, что ташкентецъ идетъ въ грязь, какъ хорошо вымуштрованная собака — въ воду. Пока онъ барахтается въ ней одинъ, онъ только смѣшонъ и жалокъ (см. «Ташкентцы-цивилизаторы»); съ добычей въ рукахъ или въ зубахъ, онъ отвратителенъ и ужасенъ (см. «Они же»).

Дворянство и бюрократія — это остатки прошедшаго; переимѣнятся ли впечатлѣнія, легче ли станетъ на сердцѣ, когда мы перейдемъ къ новизнѣ — къ земству, къ суду, къ адвокатурѣ, къ политической печати? Съ земствомъ мы встрѣчаемся въ первый разъ въ «Новомъ Нарциссѣ» («Признаки времени») — и что же мы видимъ? Азартные, безконечные споры о больничныхъ

руководящихъ и нижнихъ бѣлъ, заботы о чистотѣ половъ и плевалищъ, взаимное восхваленіе, взаимное надѣленіе тысячными земскими окладами. «Обытели» оказываются ничуть не лучше «дѣятелей», земскія собранія немногимъ отличаются отъ дворянскихъ, и въ довершеніе сходства все оканчивается приглашеніемъ на обѣдъ къ гостепріимному предводителю дворянства. Искатели концессій и иныхъ благъ земныхъ, наполняющіе собою первую главу «Дневника провинціала» — все это «земскіе авгуры», члены рязанско-курско-тамбовско-воронежско-саратовскаго клуба. Въ «Письмахъ о провинціи» мы встрѣчаемся уже не съ голымъ фактомъ, а съ его подкладкой; бѣдность добытыхъ земствомъ результатовъ объясняется здѣсь «тѣми пререканіями, которыя встрѣтили земство въ самую минуту его появленія, и тѣми неполезными примѣсами, которыя имѣютъ обыкновеніе привязываться у насъ къ каждому дѣлу и не преминули привязаться и къ земству». «Есть, конечно, — читаемъ мы дальше, — и другія, еще болѣе рѣшительныя причины, временно обрекающія земство на безсиліе, но объ этихъ причинахъ находимъ благоразумный до времени промолчать». Еще ничего не сдѣлавъ, едва появившись на свѣтъ, земство возбудило самыя широкія ожиданія. «Оно обязывалось обновить провинціальную жизнь, сдѣлавъ ее возможною не для однихъ брюхопоклонниковъ, но и для людей, не чуждающихся интересовъ мысли. Нѣкоторые восторженные умы шли далѣе и возлагали на земство разныя другія обязательства, какъ, напримѣръ, по освобожденію человѣческой личности отъ непроизвольныхъ передвиженій, наѣздовъ, насюновъ, по огражденію домашнего очага и т. д. Эти послѣднія надежды были, конечно, и преувеличенны, и преждевременны, но во всякомъ случаѣ казалось не невѣроятнымъ, что съ водвореніемъ земства хоть одно будетъ достигнуто: возможность жить и безъ помѣхи заниматься своимъ дѣломъ». Для того, чтобы отвѣтить на эти ожиданія маломальски достойнымъ образомъ, земство должно было съ самаго начала понять свои задачи въ наиболѣе широкимъ смыслѣ. Коренная его ошибка заключается въ томъ, что оно этого не сдѣлало, подъ предлогомъ «неподготовленности» и истекающей отъ туда необходимости самоограниченія. «Неужели и въ самомъ дѣлѣ нужно особенную подготовку, чтобы сразу освоиться съ такою, напримѣръ, вещью, какъ отрицаніе тѣлесныхъ наказаній?.. Есть вещи, разставаться съ которыми нигде не рано, точно такъ же какъ есть вещи, для непосредственнаго пользованія которыми не требуется быть ни философомъ, ни политико-экономомъ. Къ числу такихъ простыхъ вещей принадлежатъ несо-

иѣнно и то, что мы называемъ самоуправленіемъ... Слѣдовательно, жалобы на неподготовленность къ самоуправленію едва ли можно принимать буквально. Скорѣе всего ихъ можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что мы, провинціалы, охотно ѣдимъ пирожное, когда намъ подадутъ его, а если не подадутъ, то довольствуемся и арестантскими щами съ несвѣжею солониной... Ограниченность круга нашей дѣятельности, говоримъ мы, есть залогъ ея прочности. Истина соблазнительная, но едва ли она не сдѣлается еще болѣе соблазнительною, если мы выведемъ изъ нея всѣ логическія послѣдствія, которыми она такъ богата. Вѣдь тогда, пожалуй, окажется, что если совсѣмъ ничего не будетъ, то-есть никакого круга дѣятельности, то дѣло, пожалуй, сдѣлается еще прочнѣе»...

Новаго суда г. Салтыковъ касается рѣдко и осторожно; не трудно замѣтить, что онъ дорогъ ему настолько же и по той же причинѣ, насколько и почему онъ ненавистенъ *исторіографамъ*¹⁾. До нѣвѣстной степени, однако, участь судебной реформы должна совпадать съ участью другихъ преобразованій. Девизъ современныхъ Митрофановъ: «погодите, время еще не ушло» (см. введеніе къ «Господамъ Ташкентцамъ»), не пощадилъ новаго суда, какъ не пощадилъ земства, адвокатуры, крестьянскаго самоуправления. Учрежденіе держится людьми — а изъ числа людей, наполняющихъ суды, много бывшихъ «ташкентцевъ» приготовительнаго класса». «Государственные младенцы», выведенные на сцену въ «третьей параллели», идутъ не только въ «стоячую», но и въ «сидячую» магистратуру. Обвинителямъ и защитникамъ г. Салтыковъ, какъ и слѣдовало ожидать, удѣляетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ судьямъ. Представителями первыхъ служатъ Миша Нагорновъ («Господа Ташкентцы», параллель третья) и Николай Батищевъ («Благонамѣренныя рѣчи», ч. I, «Переписка»). Нагорновъ — это новѣйшій Молчалинъ, Молчалинъ говорящій, во тѣмъ не менѣе умѣренный и аккуратный; Батищевъ — это новѣйшій Загорѣцкій, прошедшій ташкентскую школу и вынесшій изъ нея полнѣйшую «готовность». И тотъ, и другой — это весьма характеристично — стоятъ на рубежѣ между двумя лагерьми, часто противоположными только по имени; Батищевъ переходитъ отъ разыскиванія корней и нитей къ защитѣ скопцовъ, Нагорновъ жалѣетъ о томъ, что ему помѣшали сдѣлаться адвокатомъ. Есть, впрочемъ, и прокуроры убѣжденные, обвинители по призванію, готовые навсегда отказаться отъ трюфлей и доволь-

¹⁾ См. первое письмо о провинціи, стр. 196—7.

створяться кускомъ булки и стаканомъ добраго вина. «Чего у тебя нивогда не будетъ въ твоей адвокатурѣ», — говорятъ они искусителю, напоминающему о трюфляхъ, — «это возможности восходить по лѣстницѣ должностей, расширять твои горизонты и встать со временемъ на ту высоту, съ которой человѣческіе интересы кажутся каинимъ-то жалкимъ миражемъ, мгновенно разлетающимся при первомъ появленіи изъ-за тучъ свѣтила государственности!» Въ переводѣ на болѣе простой языкъ, та же мысль выражается слѣдующимъ образомъ: «да ты пойми, два три хорошихъ убійства — и у меня дѣло въ шляпѣ... Я ужъ на виду! А если тутъ не повезетъ, можно по части проекцеѣ пройтись! Проектецъ, напримѣръ, по части измѣненія судебныхъ уставовъ... Какіе тутъ виды-то представиться могутъ!» Адвокатовъ, достойныхъ стать въ пару съ гг. Нагорновымъ и Батищевымъ, мы находимъ великое множество; всего рельефнѣе обрисованы Тонкачевъ («Господа Ташкентцы»), блестящій и изящный обѣдатель крупныхъ мошенниковъ, выигрывающій девяносто-семь изъ числа ста-пяти «отчаянныхъ» процессовъ, и Балабайкинъ («Въ средѣ умѣренности и аккуратности», «Современная идиллія»), дѣлецъ и облакаты изъ категорій безстрашныхъ и откровенныхъ. Турниръ между Нагорновымъ и Тонкачевымъ — это прелестная пародія и вмѣстѣ съ тѣмъ злая сатира, не на новое судопроизводство, конечно, а на замашки и приемы, угрожающіе ему глубокой внутренней порчей.

Литература — или, лучше сказать, особый отдѣлъ литературы, заклеянный именемъ «пѣнокоснимательства» — играетъ особенно крупную роль въ «Дневникѣ провинціала». Мы видимъ здѣсь вождя «пѣнокоснимателей» — Менандра Прелестнова, знакомящаго съ ихъ руководящимъ органомъ («Старѣйшей Всероссійской пѣнокоснимательницей»), съ ихъ собраніями, съ ихъ работами, съ уставомъ «вольнаго союза пѣнокоснимателей». Главныя правила этого устава гласятъ: «не пропуская ни одного современнаго вопроса, обо всемъ разсуждать съ такимъ расчетомъ, чтобы нивогда ничего изъ сего не выходило; по наружности имѣть видъ откровенный и даже смѣлый, внутренно же трепетать; разсуждая о современныхъ вопросахъ, стараться, по возможности, сокращать ихъ размѣры (Silenzio! Prudenzia!); всемѣрно опасаться, какъ бы все сіе внезапно не уничтожилось». Девизъ пѣнокоснимателя: «наше время — не время широкихъ задачъ»; предметъ его антипатій — «утопіи», его любимые приемы — тянуть канитель, дразнить, двусмысленно и загадочно либеральничать; если ему иногда пускаютъ камнемъ въ лобъ, то исклю-

чительно за назойливость, за приставање, а не за другія, болѣ серьезные провинности—таковыхъ за нимъ не водится. Пѣноксниматель, въ глазахъ сатирика—это неразлучный спутникъ хищника, вполне достойный, а кое въ чемъ даже превосходящій своего патрона (см. параллель между ними на послѣднихъ страницахъ «Дневника»). Преслѣдованіе пѣнокснимательства продолжается у г. Салтыкова и за предѣлами изучаемаго нами періода. Обращеніемъ къ теоретикамъ пѣнокснимательства заканчивается введеніе къ «Благонамѣреннымъ рѣчамъ»; литературный Молчалинъ («Въ средѣ умѣренности и аккуратности») несомнѣнно состоитъ въ духовномъ родствѣ съ сотрудниками «Пѣнокснимательницы». «Менандръ ступевался,—читаемъ мы въ «Похоронахъ» («Сборникъ», стр. 107),—не успѣвъ совладать съ «разнуаданностью въ похвалахъ», онъ до такой степени раздражилъ своими «наглыми» усиліями попасть въ тонъ минуты, что вынужденъ былъ уступить мѣсто другимъ, болѣе сноровистымъ дѣателямъ». «Журналистъ Менандръ,—говоритъ г. Салтыковъ еще позже («За рубежомъ», стр. 191),—все надсѣдался—курлыкалъ: наше время не время широкихъ задачъ, а пришелъ тайный совѣтникъ Петръ Толстолобовъ, крикнулъ: ты что тутъ революцію распространяешь... брысь!—и слопалъ Менандра».

Съ староглуповскимъ обществомъ мы уже знакомы по первымъ произведеніямъ г. Салтыкова; мы присутствовали и при народженіи новоглуповцевъ, мы знаемъ, что благодаря имъ не вышелъ изъ употребленія исконный глуповскій *air fixe*. Переживъ эпоху «конфуза», онъ, конечно, долженъ былъ пережить и время оскудѣнія реформъ. «Крѣпостное право,—читаемъ мы въ «Признакахъ времени»,—остается до сихъ поръ единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ поступкахъ... Хищничество—вотъ наслѣдіе, завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ. Пренія пресловутыя поговорки, въ родѣ: *съ сильнымъ не борись*, не смотря на ихъ ясность и знаменательность, представляютъ лишь слабые образчики той чудовищной терминологіи, которую выработало современное хищничество... Послѣднее слово крѣпостного хищничества было: *получай въ зубы, и да величитъ душа твоя*. Это же—послѣднее слово и хищничества современнаго». Хищниковъ, власть имѣющихъ мы уже видѣли въ лицѣ господъ ташкентцевъ; хищники въ простомъ фракѣ изображены въ «Признакахъ времени»

(«Нашъ *savoir vivre*») и еще ярче—въ первой главѣ «Дневника провинціала». Нѣсколько страницъ, посвященныхъ здѣсь сборищамъ въ устричной залѣ Елисеева и въ *Grand hôtel*, погонѣ за концессіями и концессіонерами, проектамъ желѣзнодорожныхъ линій въ Изюму и къ устьямъ Печоры, къ пескамъ и къ выси поднебесной, стоятъ цѣлой обличительной литературы, расцвѣтшей въ послѣдствіи на этой благодарной почвѣ и до сихъ поръ дающей запоздалые, блѣдные ростки въ разныхъ повѣстяхъ и фельетонахъ. Генезисъ хищниковъ разработанъ г. Салтыковымъ не такъ подробно, какъ генезисъ воршуновъ въ мундирѣ; четвертая параллель въ «Ташкентцахъ пригготовительнаго класса» — исторія происхожденія и воспитанія Порфиши Валентьева—одна только бросаетъ свѣтъ на отдаленный источникъ русскаго грюндерства. Этому этюду на тему о качествахъ наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ могъ бы позавидовать авторъ «Ругонъ-Маккаровъ».

Рядомъ съ «хищниками», въ щедринской портретной галерей, могутъ быть поставлены «русскіе гулящіе люди» — гулящіе и за границей («Признаки времени»), и у себя дома («Дневникъ провинціала»). Наклонность къ «гульбѣ», по мѣткому наблюденію сатирика, выказываютъ преимущественно «отцы» или такіе «дѣти», «которые, такъ сказать, сдѣлались «отцами» въ самую минуту своего рожденія». Въ *отцахъ* всегда было развито чувство изящнаго, «развито даже въ ущербъ другимъ дѣтелямъ человѣческаго организма. Рядомъ съ этою потребностью изящнаго и какъ бы послѣдствіемъ ея являлась чувствительность сердца, способность воспламеняться при малѣйшемъ намекѣ на существо другого пола. Само собою разумѣется, что такой воспламеняемости весьма много способствовало крѣпостное право, которое давало возможность удовлетворять ей почти безъ всякихъ препятствій». Что слѣдуетъ понимать подъ изяществомъ и чувствительностью, когда рѣчь идетъ о «гулящихъ людяхъ» — объ этомъ можно судить по сценѣ ужина у Донона, съ дѣвицей Сюжеттой («Дневникъ провинціала», стр. 188—189) или по бесѣдамъ Nicolas Персіанова съ матерью и съ молодымъ сосѣдомъ («Ташкентцы пригготовительнаго класса», параллель первая). Нужно замѣтить, впрочемъ, что «гулящіе люди» вездѣ болѣе или менѣе одни и тѣ же; припомнимъ, на примѣръ, балъ у Барневицевъ въ «Загадочныхъ натурахъ» Шпильгагена, или картины клубной жизни въ «*Rois en exil*», Додэ.

Хищниковъ и гулящихъ людей масса привѣтствуетъ, болѣею частью, вполне радушно, какъ бость отъ костей своихъ;

за то она не терпитъ того, что въ одномъ изъ этюдовъ г. Салтыкова («Признаки времени») названо «Сеничкинымъ ядомъ». «Благонамѣренные люди» во всемъ обвиняютъ «мальчишекъ», подобно тому, какъ патриархальное семейство, безмятежную жизнь котораго нарушилъ Сеничкинъ пріѣздъ, во всемъ обвиняло Сеничку. Люди голодны, потому что ихъ плохо кормятъ—семейный ареопагъ рѣшаетъ, что жаловаться на голодъ ихъ заставляетъ только Сеничкинъ ядъ, и спланировать какъ можно скорѣе удалить Сеничку. Весьма можетъ быть, что не пріѣзжай Сеничка, не было бы жалобы—но отсюда еще не слѣдуетъ, что не было бы и голода. Жалоба неприятна для ареопага, это бесспорно—но она хотя сколько-нибудь увеличиваетъ шансы насыщенія голодающихъ.

«Обыватель» вообще и «мужикъ» въ особенности, какъ самая распространенная разновидность обывателя, почти нигдѣ не тоятъ у г. Салтыкова на первомъ планѣ; но это еще не значитъ, что они забыты щедринской сатирой. Они часто присутствуютъ въ ней незримо, какъ объектъ изучаемыхъ ею мѣропріятій, какъ матеріалъ, надъ которымъ упражняется всяческая «таалантливость» и «готовность». «За Ташкентомъ,—читаемъ мы въ «Господахъ Ташкентцахъ»,—неизбѣжно скрывается человѣкъ, питающійся лебедю... Человѣкъ, который ѣстъ лебедю—это тотъ самый человѣкъ, на которомъ окончательно обрушивается ташкентство всевозможныхъ видовъ и родовъ». Въ «Признакахъ времени» («Нашъ *savoir vivre*») мы сталкиваемся съ слѣдующими двумя вопросами: 1) какимъ образомъ могло случиться, что союменные головы вдругъ сдѣлались и экономистами, и финансистами, и чуть-чуть не политиками, и 2) ежели справедливо, что затѣи соломенныхъ головъ пахнутъ милліонами, то съ какого благодатнаго неба должны свалиться на насъ эти милліоны? Второю вопросъ, за трудностью, остается безъ разрѣшенія—но за нимъ, очевидно, стоитъ не кто другой, какъ опять таки «человѣкъ, питающійся лебедю», тотъ самый, про котораго въ послѣдствіи сказана знаменитая фраза: «ѣсть достанетъ!» Онъ же, тотъ человѣкъ, играетъ главную роль въ сѣтованіяхъ исторіографовъ «объ оскудѣніи страны русской, прежде богатой шкурами и медомъ, теперь богатой только кабаками» (см. шестое «Письмо о провинціи»). Въ тѣхъ, сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда «обыватель» является дѣйствующимъ лицомъ, насъ поражаетъ съ одной стороны его приниженность и бѣдность (см. девятое «Письмо о провинціи»), съ другой—его отчужденность отъ воздвигнутаго на его же собственныхъ плечахъ офи-

ціального строя. Поразительную, не смотря на юмористическій колоритъ, картину этой отчужденности представляютъ тѣ страницы въ «Сомнѣвающемся» («Помпадуры и Помпадурши»), когда градоначальникъ бесѣдуетъ incognito съ толпящимся на базарной площади народомъ. «Выйдешь изъ дому хоть бы на базаръ,—говорить ему крестьянинъ,—а воротиться ли домой—впередъ сказать не можешь. Можетъ быть, законъ тебѣ пропущутъ, али что»... «Странно это,—возражаетъ новѣйшій Гарунъ-аль-Рашидъ:—если ты ведешь себя хорошо, если ты ничего не дѣлаешь... я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ»... «Ты и надѣйся,—прерываетъ его свептикъ,—а мы надежды не имѣемъ. Никакихъ мы ни градоначальниковъ, ни законовъ твоихъ не знаемъ, а знаемъ, что у каждого человека своя планида». Ту же мысль, въ нѣсколько иной формѣ, выражаютъ и сельскій священникъ, и мѣщанинъ въ нѣмецкомъ платьѣ. «Законъ, я вамъ доложу, наверху начертанъ; все равно, какъ планета... Законъ для вельможъ да для дворянъ дѣйствіе имѣетъ, а простой народъ ему не подверженъ!» Небольшими, но прелестными иллюстраціями той роли, которую игралъ и играетъ у насъ «мужикъ», служатъ два разсказа, написанные г. Салтыковымъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ ¹⁾: «Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ» и «Дикій помѣщикъ». Содержаніе этихъ разсказовъ, безъ сомнѣнія, никѣмъ не забыто; они принадлежатъ, и принадлежатъ по праву, къ числу самыхъ популярныхъ произведеній г. Салтыкова. Доступные и понятные даже для дѣтей, они заключаютъ въ себѣ, подъ полу-шуточною, полу-сказочною оболочкой, глубоко серьезную мысль, далеко не шуточнаго свойства.

Мозаическая картина, составленная нами изъ четырехъ сочиненій г. Салтыкова, вышла большою, можетъ быть, слишкомъ большою—и все-таки она непозна, не исчерпываетъ всѣхъ темъ, затронутыхъ сатирикомъ ²⁾. Мы нарочно не прерывали ее ни комментаріями, ни возраженіями, чтобы сохранить за нею возможно-большую цѣльность. Одно заключеніе вытекаетъ изъ нея, какъ намъ кажется, очевидно и несомнѣнно: въ сатирѣ г. Салтыкова отразилась наша современная общественная жизнь, въ

¹⁾ Они вошли въ составъ „Сборника“, изданнаго въ 1881 г.

²⁾ Укажемъ, для примѣра, двѣнадцатое „письмо о провинціи“, посвященное судьбѣ тѣхъ лицъ, которыхъ судьба переноситъ съ Кабинетской или Раздѣльной въ уѣздный городъ Ненаситъ; на описаніе псевдо-статистическаго конгресса въ „Древнѣйшій провинціала“; на этюдъ о патриотизмѣ въ „Признакахъ времени“.

главныхъ своихъ фазисахъ, съ своими типическими чертами. Споръ можетъ идти только о свойствѣхъ и вѣрности отраженія. «Съ кого онъ пишетъ эти портреты, гдѣ слышитъ эти разговоры?» — вотъ старѣйшій вопросъ, съ которымъ постоянно обращались и до сихъ поръ обращаются къ г. Салтыкову. Большинству вопрошающихъ неизвѣстенъ, по всей вѣроятности, отвѣтъ, заранѣе данный имъ самимъ авторомъ. Доведа рассказъ о *Оединькѣ Кропиковѣ* («Помпадуръ борьбы») до церемоніи отреченія отъ сатаны; г. Салтыковъ предвидитъ, со стороны читателя, упрекъ въ преувеличеніи — и посвящаетъ нѣсколько страницъ опроверженію этого упрека. «Читатель, — говоритъ онъ, — ставить на первый планъ форму рассказа, а не его сущность, называетъ преувеличеніемъ иносказаніе; гоняся за дѣйствительностью обыденною, осязаемою, онъ теряетъ изъ виду другую дѣйствительность, столь же реальную, имѣющую такое же право на признаніе. Литературному изслѣдованію подлежатъ не только тѣ поступки, которые человекъ безпрепятственно совершаетъ, но и тѣ, которые онъ несомнѣнно совершилъ бы, еслибы умѣлъ или смѣлъ... Вы скажете, какое намъ дѣло до того, волею или неволею воздерживается извѣстный субъектъ отъ извѣстныхъ дѣйствій; для насъ достаточно и того, что онъ не совершаетъ ихъ. Но берегитесь! *сродня* онъ дѣйствительно воздерживается, но *застра* обстоятельства поблагопріятствуютъ ему, и онъ *непретѣнно* совершить все, что когда-нибудь желѣяла его тайная мысль... Многое потому только кажется намъ преувеличеніемъ, что мы безъ должнаго вниманія относимся къ тому, что дѣлается вокругъ насъ. На самомъ дѣлѣ небывальщина гораздо чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ». «Я не отрицаю, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ («Круглый годъ», стр. 140), — что въ писаніяхъ моихъ нерѣдко встрѣчаются вещи довольно неожиданныя, но это зависитъ отъ того, что въ любомъ курсѣ реторики существуютъ указанія на тропы и фигуры, и я, какъ человекъ, получившій образованіе въ казенномъ заведеніи, не имѣю даже права оставаться чуждымъ этимъ указаніямъ. Есть метафора, есть метонимія, *синецоха*» — есть, прибавимъ мы отъ себя, и гипербола, о существованіи которой особенно охотно забываютъ враги щедринской сатиры.

«Небывальщина чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ» — это положеніе г. Салтыкова, понимаемое, разумеется, *cum grano salis*, неоднократно приходило намъ на память при чтеніи его произведеній. Фантазія сатирика часто оказывается не чѣмъ инымъ, какъ предвосхищеніемъ событій;

«преувеличеніе» 1868 или 1870 г. восходитъ, насколько дѣтъ спуску, на степень достовѣрнаго факта. «Убѣжденія могутъ имѣть только люди безпокойные,—говоритъ одинъ изъ «летовѣснихъ» («Признаки времени»):—мы—люди свокоѣйные и довольные, мы не страдаемъ такъ-называемыми убѣжденіями, и видимъ и признаемъ только долгъ... ты понимаешь—*долгъ!*» Прочитай эти слова въ моментъ появленія ихъ въ печати, дѣтъ двѣнадцать тому назадъ, мы воскликнули бы, быть можетъ: «парриатура! шаржъ! кто станетъ такъ выражаться?» Теперь подобное восклицаніе немислимо, но той простой причинѣ, что иреченіе «летовѣснаго» повторено почти буквально, и совершенно въ-серьезъ, «Московскими Вѣдомостями» 1882 г. «Если невозможно предоставить губернатору издавать законы,—читаемъ мы въ третьемъ пунктѣ децентрализаціоннаго проекта, занесаннаго въ «Дневникъ провинціала»:—то предоставить издавать *привѣткія*, и отнюдь не стѣснятъ его въ мѣропріятіяхъ къ усовершенію зла». Это напечатано въ 1872 году, а въ 1876 или 1877 году администраціи на самомъ дѣлѣ дано и впоследствии еще болѣе расширено право издавать обязательныя постановленія. То, что прежде казалось утрировкой, является, такимъ образомъ, простою прозорливостію; г. Салтыкову удастся иногда подмѣтить «тѣнь, отбрасываемую грядущимъ» (the shadow of coming things, какъ картинно выражаются англичане). Поразительныя проявленія этой способности мы увидимъ въ поддѣлшней дѣятельности его.

Подъ рубрику «предвосхищеній» подходятъ, безъ сомнѣній, далеко не всѣ «преувеличенія» сатирика; многія изъ нихъ не имѣютъ другого оправданія, другой *raison d'être*, кромѣ самого свойства и самыхъ задачъ сатиры. Сатира—не простое изображеніе дѣйствительности; воренясь въ реальной жизни и черпая изъ нея свою главную силу, она не стѣсняется въ выборѣ и группировкѣ красокъ, не заботится о равномерномъ распредѣленіи тѣней и свѣта. Ей мало показывать, объяснить—она хочетъ заклеймить, ударить, пригвоздить къ поворному столбу, заставить битчемый ею образъ не только въ памяти, но и въ воображеніи читателя. Имѣетъ ли она на то право, остается ли она, дѣйствуя такимъ образомъ, въ предѣлахъ и оферѣ искусства? Обязателенъ ли для нея девизъ диккенсовскаго Градграйда: «Facts! nothing but Facts!» или нео-реалистическій законъ, предписывающій фотографически-вѣрную передачу «человѣческихъ документовъ»? Вопросъ этотъ не можетъ считаться празднымъ, разъ что онъ возбуждаетъ сомнѣнія даже въ Бѣлинскомъ, даже

въ позднѣйшемъ періодѣ его дѣятельности. «Сатира,—говоритъ великій критикъ въ обзорѣни русскоѣ литературы за 1843 г. («Сочиненія», т. VIII, стр. 70),—ложный родъ. Она можетъ смѣшнить, если умна и ловка, но смѣшнить, какъ остроумная каррикатура, набросанная на бумагу карандашемъ искуснаго рисовальщика. Романъ и повѣсть выше сатиры. Ихъ цѣль—изображать вѣрно, а не каррикатурно, не преувеличенно. Произведенія искусства, они должны не смѣшнить, не поучать, а развивать истину творчески вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности». Намъ кажется, что ложныхъ родовъ искусства нѣтъ—есть только ложная манера, одинаково возможная во всѣхъ отрасляхъ его. Поученіе, въ смыслѣ тенденціозности, нельзя считать однимъ изъ проявленій этой ложной манеры. Тенденціозный романъ не выше, но и не ниже—*ceteris paribus*—романа нетенденціознаго ¹⁾. Сатира немыслима безъ тенденціи—но это ни мало не вліяетъ на ея художественное достоинство. Тенденція часто льется въ ней черезъ край—но это еще не низводитъ ея, само по себѣ, на степень каррикатуры. Сатира безъ преувеличеній едва ли существуетъ; требовать отъ нея безусловно точнаго воспроизведенія фактовъ, значить исключать изъ области искусства Аристофана, Ювенала, Свифта, Барбье, Гоголя, Грибоѣдова. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать серьезно, что въ Римѣ временъ Доміціана могли жить только «умѣющіе превращать черное въ бѣлое» (*qui nigrum in candida vertunt*; см. третью сатиру Ювенала); на вѣдь ли существовалъ тогда и такой обжора, который бы одинъ сѣдѣлъ заразъ цѣлаго кабана (сатира первая). О преувеличеніяхъ Свифта нечего и говорить; они прямо вытекали изъ избранной имъ формы. Въ разговорѣ Чичикова съ Маниловымъ навѣрное не все списано съ натуры; прототипъ Молчалина едва ли проианесъ когда-нибудь знаменитую фразу о «собакахъ дворянскихъ». Все дѣло въ томъ, какую роль играютъ въ сатирѣ преувеличенія, какъ далеко и въ какую сторону они идутъ, какъ они связаны съ основною ея мыслью. Если они составляютъ самую суть сатиры, если сатирикъ принимаетъ и выдаетъ ихъ за чистую монету, если фантастическая оболочка перевѣшиваетъ реальное ядро и не отдѣляется отъ него легко и свободно, если факты гнутся въ направленіи противоположномъ тому, въ какомъ гнетъ ихъ дѣйствительность, тогда—но только тогда—са-

¹⁾ Известно, что въ концѣ своей жизни Бѣлинскій всего больше цѣнилъ въ поѣсти или романѣ именно поучительность, въ смыслѣ „нравственнаго впечатлѣнія, производимаго на общество“ („Жизнь и переписка Бѣлинскаго“, А. Н. Панина, т. II, стр. 312).

тира обращается въ карикатуру, въ пустую или злобную забаву. Чувство мѣры, вѣрное пониманіе настоящаго, серьезное отношеніе къ будущему—вотъ главные коррективы сатирическихъ преувеличеній; въ связи съ глубокимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, съ мастерствомъ формы, они обуславливаютъ собою возможность истинно-художественной сатиры.

Сатира, повторяемъ еще разъ, немислима безъ тенденціи, въ особенности когда она выходитъ на широкую арену общественной жизни. Сатирикъ не только констатируетъ факты—онъ ихъ взвѣшиваетъ и оцѣняетъ. Для такой оцѣнки необходимъ критерій, которымъ можетъ служить лишь міросозерцаніе автора. Сатирикъ—не столько судья, сколько обвинитель или защитникъ (защитникъ въ той мѣрѣ, въ какой защита составляетъ оборотную сторону обвиненія). Упрекать его въ недостатки безпристрастія болѣе чѣмъ странно; безпристрастный и безстрастный, онъ былъ бы чѣмъ угодно, только не сатирикомъ. Клеветать на противниковъ, приписывать имъ небывалыя стремленія, извращать факты онъ, безъ сомнѣнія, не долженъ; большаго отъ него требовать нельзя. Чѣмъ сильнѣе онъ умѣетъ ненавидѣть, тѣмъ лучше, лишь бы только ненависть его не останавливалась на мелочахъ, на отдѣльных лицахъ; «he was a good hater»—какъ выразился Тургеневъ о Бѣлинскомъ—похвала еще большая для сатирика, чѣмъ для критика. Кто умѣетъ, въ этомъ смыслѣ, ненавидѣть, тотъ умѣетъ и любить, какимъ бы суровымъ и беспощаднымъ онъ ни казался; въ сатиру, достойную этого имени, какъ и въ науку, за отрицаніемъ всегда скрывается нѣчто положительное. Мы готовы примириться даже съ крайностями, съ несправедливостями сатиры, если въ основаніи ея лежитъ идеалъ, незримо поддерживающій ея пламя.

Салонъ князя Оболенскаго-Тараканова, прожекты, удручающіе провинціала и заставляющіе его искать убѣжища у Палкина и въ «Старыхъ Пекинахъ», рѣчь Накатникова о «*principes du télégraphe russe*», подвиги ташкентцевъ-цивилизаторовъ или «Помпадура борьбы», словозверженія Митиньки Ковалкова—всѣ эти продукты щедринской сатиры безспорно не чужды преувеличеній, и притомъ преувеличеній тенденціозныхъ. Никто, безъ сомнѣнія, не предлагалъ ни разстрѣліянія «несогласно мыслящихъ», ни «оглушенія въ смыслѣ временнаго усыпленія чувствъ»; ни одна помпадура не гарцовала, какъ новая Іоанна д'Аркъ, на ворономъ конѣ, «призывая всѣхъ къ покаянію и къ борьбѣ противъ матеріализма»; ни одинъ «исполнитель» не сравнился въ усердіи съ героемъ отъида: «Они же». Не въ этомъ, однако, дѣло, не отъ вѣрности такихъ де-

такой зависит меткость и мощь удара. Схваченъ ли сатирикомъ общій колоритъ картины, правильно ли угаданъ имъ часъ, переживаемый обществомъ—вотъ къ чему сводится вопросъ; неточность въ постановкѣ минутной стрѣлки значитъ здѣсь ничуть не больше, чѣмъ дозволенная математикой неточность въ задачахъ, допускающихъ лишь приблизительное рѣшеніе. Съ этой точки зрѣнія щедринская сатира подаетъ руку современной исторіи; явленія, намѣченные первою, составляютъ или составятъ достояніе послѣдней. Дворянство дѣйствительно было выбито изъ сѣдла крестьянской реформой, дѣйствительно хваталось и за гриву, и за хвостъ, и за стремяна, чтобы опять очутиться верхомъ на лошади; обновленная бюрократія дѣйствительно выдвинула изъ своей среды и Накатниковыхъ, и «Зиждителей», и Козалковыхъ. Дастанціонные начальники, предлагаемые отставнымъ корнетомъ Петромъ Толстолобовымъ—развѣ это въ сущности, не тѣ же помѣщики-волостные старшины, о которыхъ въ 1874 или 1875 г. (года три спустя послѣ появленія въ свѣтъ «Дневника провинціала») рассуждало петербургское дворянское собраніе? Развѣ нѣтъ точекъ соприкосновенія между ними и недавно появившимися на горизонтѣ «властными показателями пути»? Развѣ «тирѣ», рекомендуемое кн. Оболенъ-Таракановымъ, многими отличается отъ знаменитой «точки въ реформамъ»? Развѣ у Гремичиныхъ и Праведныхъ мало близкихъ родственниковъ во всѣхъ такъ-называемыхъ дворянскихъ губерніяхъ российской имперіи? Блестен и искры, изъ которыхъ сложились сатирическій костеръ для сословныхъ притязаній—это только точки надъ весьма реальными, осязательными і. Правда, точка не всегда соразмѣрна съ буквой, часто давить ее своею тяжестью, затмѣваетъ ее своею яркостью—но отношеніе между ними во всякомъ случаѣ остается тоже, какъ между безграмотнымъ человекомъ, дающимъ содержаніе для письма, и грамотѣемъ, дающимъ для него форму. Для полноты сходства слѣдуетъ только предположить, что послѣдній—юмористъ, а первый—подходящій объектъ для юмора. Другое сравненіе еще больше пояснитъ нашу мысль; выпуклое зеркало—все-таки зеркало, хотя оно и утолщаетъ черты, сообщая лицу выраженіе отчасти глупое, отчасти смѣшное. Долго смотрѣть на него бы скучно и утомительно; но рядомъ съ другими зеркалами и оно имѣетъ право на существованіе. Искусной рукѣ сатирика удастся, болѣею частью, показать его встати, во-время и въ мѣру.

Въ созданіи помпадуровъ и тапшентцевъ фантазія автора участвовала ничуть не больше, чѣмъ въ созданіи дворянскихъ

проектеровъ. Иногда, повидимому, г. Салтыковъ имѣлъ передъ собою даже живыя, конкретныя модели: это особенно чувствуется въ «Звиздигелѣ», каждое слово котораго звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, доподлинно намъ извѣстнымъ. Бюрократы, убожественные щедринской сатирой подъ именемъ Помпадуровъ — такіе же сыны своего времени, какими были когда-то новоглуповцы и крутогорцы. Условія крутогорской жизни требовали сокрушительной длани, широкихъ кармановъ, упрощенной до крайности морали — и все это состояло на лицо въ достаточномъ числѣ экземпляровъ. Эпоха конфуза благопріятствовала двоедушію и двоегласію; мы видѣли процвѣтаніе того и другого. Новыя времена призывали къ жизни новыхъ людей, новые люди принесли съ собою новыя пѣсни. Въ сороковыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ «Помпадуры борьбы» были неслышны, потому что не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было бороться, потому что нельзя было даже вообразить себя призваннымъ къ борьбѣ. Призракъ «крестьянскихъ бунтовъ», вызванный пугливой фантазіей наканунѣ освобожденія крестьянъ, сдѣлался первымъ объектомъ наступательныхъ и оборонительныхъ мѣропріятій; и нимъ послѣдовали другіе, отчасти столь же фантастическіе, отчасти болѣе реальнаго свойства. Спускался внизъ по административной лѣстницѣ, это своеобразное движеніе захватывало все большее и большее число лицъ, выводило ихъ за предѣлы общаго круга дѣйствій, заставляло ихъ искать какихъ-то новыхъ путей, какихъ-то новыхъ задачъ, присоединять къ управленію — составленію проектовъ, къ распорядительности — высшую политику, къ исполнительности — все превосмогающее усердіе. Достаточно вспомнить хотя бы одну извѣстную «записку», увидѣвшую свѣтъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, чтобы убѣдиться въ народненіи новаго типа, незнакомаго нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Положеніе дѣлъ еще болѣе усложнилось тѣмъ, что параллельно съ возрастающей важностью начальства шло нѣкоторое ограниченіе его власти или, лучше сказать, служеніе ея предѣловъ. Прізвище администратора, по крайней мѣрѣ въ его собственныхъ глазахъ, возвышалось не по днямъ, а по часамъ — а между тѣмъ рядомъ съ нимъ воздвигались независимыя отъ него силы: преобразованный судъ, контроль, земскія учрежденія. Найти выходъ изъ этого положенія становилось почти потребностью; въ ожиданіи выхода предумысливались обходы, предпринимались подкобы и даже легкіе штурмы. Если прибавить къ этому, что по мѣрѣ расширенія замысловъ и плановъ не только не увеличивался, а скорѣе уменьшался запасъ знанія и подготовки, что прохожденіе

административныхъ наукъ у Бореля или Донона—не красное словцо, а сжатая формула для безспорнаго, хотя, конечно, и далеко не общаго факта, то въ появленіи помпадуровъ не остается ничего загадочнаго и непонятнаго. Это, большею частью, довольно милые люди; вся бѣда въ томъ, что они попали не въ свои сани. Пускай Быстрицынъ продолжалъ бы заниматься разведеніемъ перосыт, Козелевъ—увеселять департаментъ скабрёзными анекдотами, Кротиковъ—граничить тротуары Невскаго проспекта; большой пользы отъ этого бы не было, но не было бы и вреда—все хорошо на своемъ мѣстѣ. Ташкентцевъ никакъ нельзя назвать милыми или, хотя бы только довольно милыми людьми; это скорѣе звѣри, чѣмъ люди—но г. Салтыковъ усматриваетъ и въ нихъ человѣческую черту, увеличивающую ихъ жизненность и реальность. Поступки, наиболѣе характеризующіе ташкентца, совершаются имъ какъ бы въ угарѣ; «если бы могли видѣть», восклицаетъ онъ самъ, «какъ разрывается послѣ этого угара голова, какъ болѣзненно бьется и сжимается сердце!»

Ташкентецъ—насколько онъ принадлежитъ къ административной сферѣ—относится къ Помпадуру, какъ исполнитель къ распорядителю; *такимъ* распорядителямъ нужны были именно *такіе* исполнители. Реальность типа и здѣсь стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній; близко познакомиться съ нимъ пришлось, между прочимъ, Болгаринъ, во время и послѣ войны 1877 г. Нельзя не замѣтить, однако, что въ разработкѣ типа есть слабые пункты, есть противорѣчія или пробѣлы. Рамка оказывается слишкомъ тѣсною для всего того, что включилъ въ нее г. Салтыковъ; разнообразности типа настолько отличны другъ отъ друга, что съ гораздо болѣе большимъ успѣхомъ могли бы составить нѣсколько отдѣльныхъ типовъ. Ташкентцы, въ глазахъ сатирика—это Митрофанъ нашего времени; между тѣмъ, Митрофанамъ приписываются такіе черты, которымъ нѣтъ мѣста въ понятіи о ташкентцѣ. «Митрофанъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на политическихъ и общественныхъ формахъ, потому что видитъ въ нихъ вѣчную измѣнчивость, и отъ этого признака приходитъ къ заключенію о негодности самого процесса созданія этихъ формъ... Митрофанъ живетъ въ вѣкъ открытій и изобрѣтеній, и думаетъ, что между ними и тою или другою формою жизни нѣтъ ничего общаго. Въ его глазахъ матеріальныя и умственныя богатства переимѣняются изъ однихъ рукъ въ другія, а онъ продолжаетъ думать, что все это не болѣе какъ случайность, и спѣшитъ заткнуть ту или другую дыру и сдѣлать нѣкоторые ничтожныя поправки въ обветшавшемъ зданіи табели о рангахъ». Не ясно ли,

что мы вышли здѣсь изъ сферы ташкентства и попали въ другую, только граничащую съ нимъ? Ташкентецъ, девизъ котораго: *жизнь*, не размышляетъ о политическихъ и общественныхъ формахъ, не заботится ни о затылкѣ дыръ, ни о поправкахъ въ табели о рангахъ; это совсѣмъ не его ума дѣло, это занятіе, вовсе не свойственное «веселонравному мужику». Митрофанъ, какъ они опредѣлены г. Салтыковымъ, гораздо ближе къ Помпадурамъ, къ князьямъ Оболюди-Таракановымъ, чѣмъ къ настоящимъ, истиннымъ ташкентцамъ, дѣйствующимъ въ этудохъ: «Ташкентцы-цивилизаторы» и «Они же». Колебанія въ установкѣ типа отразились и на «Ташкентцахъ приговорительнаго класса». Между героями «четырехъ параллелей» въ несомнѣнномъ, близкомъ родствѣ съ ташкентцами состоитъ только Хинловъ («напачъ»), въ болѣе отдаленномъ — Порфиша Велентьевъ и помянутъ Тонкачевъ; Николай Персіановъ и Миша Нагорновъ — это скорѣе будущіе Помпадуры. Если слово: «ташкентецъ» сдѣлалось именемъ нарицательнымъ, наравнѣ съ «помпадуromъ», то это объясняется необыкновенною рельефностью фигуръ, выведенныхъ на сцену подъ кличкой «ташкентцевъ-цивилизаторовъ». *Видъ*, ярко разцвѣченный и полный жизни, затмилъ собою *родъ*, задуманный слишкомъ широко и обрисованный недостаточно опредѣленно.

Нужно ли доказывать, что не всѣ бюрократы — помпадуры или ташкентцы, не всѣ дворяне — князья Оболюди-Таракановы, Гремичины или Прокопы? Сатирикъ — не историкъ, обязанный истернать всѣ стороны предмета; ему незачѣмъ говорить о томъ, что не можетъ служить темой для его сатиры. У насъ эта простая истина до сихъ поръ не получила еще права гражданства; Гоголя, сорокъ лѣтъ тому назадъ, упрекали за то, что онъ изображаетъ только людскія слабости и пороки — г. Салтыкова съ такимъ же точно правомъ обвиняють въ односторонности и нисимизмѣ. Намъ придется еще возвратиться къ этому обвиненію, по поводу страницъ, посвященныхъ ему самимъ г. Салтыковымъ (въ «Кругломъ годѣ»); теперь мы касаемся его только потому, что оно раздалось съ особенною силой въ самомъ началѣ изучаемаго нами фавеса щедринской сатиры. Когда, въ 1868 г., появился въ свѣтъ «Новый Нарциссъ», онъ былъ встрѣченъ общимъ недоумѣніемъ, въ которому у однихъ примѣнялось злорадство, у другихъ — разочарованіе и огорченіе. «Какъ?... — спрашивали многіе, — авторъ «Губернскихъ Очерковъ», лѣтописецъ Глупова и Крутогорска, врагъ бюрократическихъ порядковъ, выступаетъ противникомъ земства, т.-е. самоуправления? Онъ играетъ въ руку тѣмъ, съ которыми до сихъ поръ всегда боролся?» От-

взвѣчать на этотъ вопросъ было не слишкомъ трудно и въ то время; теперь онъ можетъ быть разрѣшенъ на основаніи документовъ, т.-е. на основаніи «Писемъ о провинціи». Взглядъ г. Салтыкова на земство выраженъ здѣсь въ формѣ, устраняющей всякое сомнѣніе; это взглядъ человека, глубоко сочувствующаго основной мысли учрежденія, вполне убѣжденнаго въ достаточной подготовленности къ нему общества и констатирующаго, выйдя съ неудачей хорошаго дѣла, ближайшія и отдаленныя ея причины. Но, можетъ быть, появленіе «Новаго Нарцисса» нарушало правила политической тактики, можетъ быть оно было несвоевременно и неумѣстно въ данную минуту? И этотъ вопросъ, въ нашихъ глазахъ, не допускаетъ двухъ различныхъ рѣшеній. Какъ бы тяжело ни было впечатлѣніе, производимое дѣйствительностью, скрывать его не слѣдуетъ ни отъ себя, ни отъ другихъ; правдѣ слѣдуетъ смотрѣть прямо въ глаза. Чѣмъ важнѣе и дороже учрежденіе, тѣмъ строже слѣдуетъ быть къ его ошибкамъ, въ особенности если онѣ угрожаютъ ему извращеніемъ и нравственнымъ упадкомъ. Унаслѣдовавъ, въ значительной степени, личный составъ дворянскихъ собраній, земскія собранія не могли сразу освободиться отъ ихъ привычекъ и традицій; опасность заключалась въ томъ, что эти привычки и традиціи пустятъ корни и на новой почвѣ, войдутъ въ ея домашній обиходъ, перестанутъ казаться пятнами на свѣжей одеждѣ. Другою опасностью было погруженіе въ океанъ мелочей—погруженіе не вынужденное, а добровольное и именно потому безнадежное. Можно ли было, при такихъ условіяхъ, удержаться отъ крика: «берегись», отъ поднятія сигналовъ, означающихъ близость мелей или подводныхъ камней? «Попеченіе о рукомыльникахъ и нижнемъ бѣльѣ,—можетъ сказать упорный порицатель «Новаго Нарцисса»,—не заслуживаетъ ни осужденія, ни насмѣшки; оно почтенно, какъ всякое исполненіе долга. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать; не всѣмъ же и не все же думать о высшихъ вопросахъ, не мѣшаетъ кому-нибудь позаботиться и о чистотѣ больницъ, и о безопасности мостовъ, и о многихъ другихъ безконечно-малыхъ величинахъ. Русскій человѣкъ безъ того слишкомъ расположенъ забывать ближайшее изъ-за отдаленнаго, насунный хлѣбъ—изъ-за лакомствъ, топку печей—изъ-за фейерверковъ; грѣшно поощрять эту склонность, грѣшно глумиться надъ первыми шагами на пути практической дѣятельности». Разсуждать такимъ образомъ, значить не понимать намѣреній сатирика и смысла сатиры. Осмѣивается въ «Новомъ Нарциссѣ» не чистка рукомыльниковъ *an sich*, а чистка рукомыльниковъ, возведенная

въ перлъ созданія; осмѣливается не скромный трудъ надъ сравнительно неважнымъ дѣломъ, а самодовольство мнимыхъ труженниковъ, гораздо меньше дѣлающихъ, чѣмъ говорящихъ. Такихъ «святелей» необходимо было сказать во всеуслышаніе, что они ничуть не лучше презираемыхъ ими «дѣтелей». Заглавіемъ тѣхъ «Писемъ о провинціи», которыя посвящены земству, могли бы служить слова: «Земство, какимъ оно должно быть», заглавіемъ «Новаго Нарцисса» — «Земство, какимъ оно не должно быть, но слишкомъ часто бываетъ». Въ общественной жизни, какъ и въ частной, громадное значеніе имѣетъ цѣль, видѣющаяся вдали, освѣщающая дорогу; то, что англичане называютъ a high standard of life—*высоко одобруемое знаніе жизни*—не предпринимаетъ еще окончательно исхода дѣятельности, но служитъ нѣкоторой гарантіей противъ слишкомъ жалкой ея развѣтки.

Такой же высокій standard of life, какимъ опредѣлялся взглядъ г. Салтыкова на земство, носился передъ его глазами и по отношенію къ адвокатурѣ. Для насъ, въ эту минуту, совершенно безразлично, справедливо ли мимоходомъ высказанное мнѣніе сатирика о томъ или другомъ процессѣ, о томъ или другомъ адвокатѣ; насъ интересуетъ только общая постановка, общее освѣщеніе вопроса. Подобно тому, какъ «Губернскіе Очерки» создали цѣлую обличительную литературу, нападенія на адвокатовъ въ «Дневникѣ провинціала» дали первый толчокъ къ поголовному ополченію на адвокатуру. И здѣсь, однако, г. Салтыковъ не отвѣчаетъ за своихъ подражателей. Онъ никогда не касался самого принципа защиты, никогда не видѣлъ въ немъ неизбѣжную источникъ софизмовъ, никогда не отыскивалъ хищниковъ, легковѣсныхъ или танкиентцевъ въ адвокатской фразѣ отъ другихъ вариантовъ той же породы, никогда не смотрѣлъ на адвокатовъ съ высокомѣріемъ фарисея, благодарнаго провидѣнію за несходство свое съ мытаремъ. Адвокатскій цинизмъ, адвокатская погоня за наживой, адвокатское смѣшеніе чернаго съ бѣлымъ—это только одинъ изъ результатовъ той обстановки, которая составляетъ главный предметъ щедринской сатиры. Напрасно было бы возражать сатирику, что наши адвокаты, въ среднемъ выводѣ, не хуже—съ нравственной стороны—западно-европейскихъ своихъ коллегъ, что между адвокатурой и міромъ, въ которомъ она движется, нѣтъ и не можетъ быть китайской стѣны, что Нагорновы въ своемъ родѣ стоятъ Тонкачевыхъ; онъ знаетъ все это какъ нельзя лучше—но задача его состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы воздать каждому должное, чтобы подчеркнуть всѣ обстоятельства, уменьшающія вину или уничтожающія

ція ви́зненіе. Существуетъ ли другой *standard of life*, высшій сравнительно съ тѣмъ, который усвоила себѣ и на которомъ успѣхнулась западно-европейская адвокатура? Если существуетъ, то возможно ли хоть нѣкоторое приближеніе къ нему со стороны русской адвокатской корпораціи? Утвердительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ — а намъ кажется, что они *должны* быть разрѣшены утвердительно — снимаетъ съ г. Салтыкова всякій упрекъ въ несправедливости по отношенію къ адвокатурѣ. Адвокатская профессія — безспорно одна изъ опасныхъ, сколькихъ; противъ нѣкоторыхъ ея условій постоянно и неусыпно должно реагировать нравственное чувство — иначе оно рискуетъ подпасть подъ ихъ влияніе. Въ стимулахъ для реакціи нѣтъ недостатка — но далеко не послѣдняя роль между ними принадлежитъ сатирѣ Салтыкова.

Война противъ литературнаго «нѣвнооснимательства» тѣсно связана съ «Новымъ Нарциссомъ», съ «Письмами о провинціи», насколько послѣднія посвящены земству. Исходная точка г. Салтыкова и тамъ, и тутъ одна и та же. Литература, еще въ болѣе-шей степени чѣмъ земство, можетъ быть названа солью русской жизни; что дѣлать, если соль перестанетъ быть соленою? Литература, какъ и земство, связана по рукамъ и ногамъ; что дѣлать, если и та, и другое сами наложатъ на себя еще добавочныя нѣщи, добровольно вступать на путь «самоограниченія»? Вотъ мысль, кошмаромъ давящая, мучающая сатирика. Изъ двухъ составныхъ частей ея онъ особенно близко принимаетъ къ сердцу ту, которая касается литературы — и это вполне понятно. По отношенію къ земству г. Салтыковъ только посторонній наблюдатель, да и земство, притомъ — новичекъ въ русской жизни. Литература — это второе отечество г. Салтыкова; ея славныя преданія дороги ему, какъ дорого достоинство отца для любящаго сына. Ея упадокъ болѣзненно дѣйствуетъ на его нервы и на его сердце. Свидѣтель и участникъ двухъ цвѣтущихъ ея періодовъ, онъ не можетъ примириться съ сумерками, смѣнившими яркій солнечный блескъ, не можетъ примириться въ особенности съ тѣни, которые — такъ по крайней мѣрѣ ему кажется — провозглашаютъ эти сумерки самымъ лучшимъ и нормальнымъ, самымъ желательнымъ свѣтомъ. «Ограниченность круга дѣятельности — лучший залогъ ея прочности» и «Наше время — не время широкихъ задачъ» — эти два афоризма одинаково ненавистны г. Салтыкову, но послѣдній раздражаетъ его больше перваго, какъ родившійся не на земской, а на литературной почвѣ. Въ пылу раздраженія трудно взвѣшивать и разсчитывать удары,

трудно соразмѣрять ихъ силу съ степенью вражды, заслуживаемой противниками. Теперь, смотря издали на давно оцѣненное поле битвы, легко замѣтить, что г. Салтыковъ потратилъ въ ней слишкомъ много слишкомъ тяжелыхъ снарядовъ. Это было бы еще ничего; но «преувеличенія», о которыхъ мы говорили выше, законны въ сатиру до тѣхъ поръ, пока она не обращена противъ опредѣленнаго лица или противъ небольшой группы опредѣленныхъ лицъ. Когда на сцену выводится не типъ, составленный изъ множества разбросанныхъ наблюдений, а живая личность, когда за вымышленнымъ именемъ ясно виднѣется другое, реальное и хорошо извѣстное читателямъ, тогда свобода сатирической фантазіи перестаетъ быть неограниченною. Изображеніе «Старѣйшей Всероссійской Пѣноснаимательницы», разъ что оно снабжено всѣми признаками портрета, должно было отличаться точностью, обязательною для портретиста. Удовлетворяетъ ли оно этому условію — предоставляемъ судить каждому, слѣдившему за журналистскою тѣхъ временъ, недавнихъ, но уже кажущихся далекими. Сомнѣнія, какія могли бы еще оставаться по этому предмету, устраниются, повидимому, позднѣйшими событіями, участію, постигнутою Менандра; не такъ, однако, смотритъ на дѣло г. Салтыковъ. Менандръ, съ его точки зрѣнія, погибъ только потому, что не успѣлъ совладать съ «разнузданностью въ похвалахъ» и раздражалъ усиліями «попасть въ тонъ минуты». Осудивъ «пѣноснаимателей» во время ихъ жизни, г. Салтыковъ остался къ нимъ непреклоннымъ даже послѣ ихъ безвременной кончины. Въ нашихъ глазахъ эта кончина рѣшаетъ дѣло и рѣшаетъ его не въ смыслъ г. Салтыкова; «пѣноснаимательство», настоящее, заправское пѣноснаимательство, и скоропостижная смерть отъ «непреодолимой превосходящей силы» — это понятія безусловно несовмѣстимыя. Оправдательный приговоръ надъ Менандромъ произнесетъ, какъ бы для вѣщаго убѣжденія, не одинъ разъ, а цѣлыхъ два; Менандръ умеръ дважды, вопреки всѣмъ законамъ природы.

Приуроченіе «пѣноснаимательства» преимущественно къ одному лицу и въ одной газетѣ было не только несправедливостью, но и ошибкой; оно съузило замыселъ и стѣснило размахъ сатирика. «Пѣноснаимательство», — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ «Дневника», — не какое-нибудь частное явленіе; это болѣзнь данной минуты. Это общее пониженіе мыслительнаго уровня до той неслыханной степени, которая сама себя отыскала названіе пѣноснаимательства». Обобщеніе, заключающееся въ этихъ словахъ, слишкомъ, можетъ быть, рѣзительно и рѣзко; но основная

ихъ мысль несомѣнно вѣрна. Умственному уровню дѣйствительно угрожало пониженіе; скажемъ болѣе — угроза отчасти осуществилась. Литература, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, переживала одинъ изъ тѣхъ періодовъ апатіи и вялости, когда мысль, утомленная продолжительной разработкой старыхъ темъ, не находитъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы замѣнить ихъ другими. Историкъ литературы можетъ ограничиться констатированіемъ этого факта и объясненіемъ его причинъ, коренящихся въ общемъ настроеніи эпохи; совершенно иначе долженъ отнестись къ нему сатирикъ, для котораго литература — не предметъ изученія, а какъ бы часть собственнаго существа, собственной жизни. Негодование, овладѣвшее г. Салтыковымъ, для насъ вполне понятно; мы жалѣемъ только о томъ, что оно сосредоточилось на одномъ пунктѣ. Постановка вопроса, вслѣдствіе этого, сразу измѣнилась; широко распространенное явленіе сдѣлалось точно личной виной небольшого кружка. Отсюда возможность такихъ фальшивыхъ нотъ, какъ параллель между хищникомъ и пѣнокснимателемъ, заключающая собою «Дневникъ Провинціала». Къ характеристѣ «пѣнокснимательства» она не только ничего не прибавляетъ — она уничтожаетъ ясно намѣченный типъ, внося въ него чуждыя ему черты, смѣшивая его съ другимъ или другими. Той же ошибкой, хотя и въ меньшей степени, испорченъ уставъ «вольнаго союза пѣнокснимателей». Результаты, къ которымъ «пѣнокснимательство» приходило иногда само того не замѣчая, обращены здѣсь въ нѣчто постоянное, намѣренное, сознательное (см., напр., главу 4-ую, правило 4-ое: «разсуждая о современныхъ вопросахъ, стараться, по возможности, сокращать ихъ размѣры»); пѣнокснимательству приписаны стремленія, свойственныя другому литературному лагерю (см. ту же главу, правило 7-ое: «проводить русскую мысль, русскую науку и высказывать надежду, что новое слово когда-нибудь будетъ сказано»). Окончательно разъяснить вопросъ о пѣнокснимательствѣ не настало еще, впрочемъ, время; это будетъ сдѣлано тогда, когда сдѣлается возможной полная, безусловно откровенная исторія нашихъ литературныхъ партій.

Мы касались, во всемъ сказанномъ до сихъ поръ, только немногихъ лѣтъ дѣятельности г. Салтыкова, только немногихъ его произведеній — и сколько встрѣтилось уже на нашемъ пути важныхъ вопросовъ, сколько живыхъ и рельефныхъ типовъ, сколько лучей свѣта, ярко освѣщающихъ цѣлую эпоху! А между тѣмъ, впереди насъ остаются еще такія крупныя созданія, какъ

«Благонамѣренныя рѣчи», «Господа Головлевы», «Дворянская хандра», «Больное мѣсто», «Убѣжище Монрепо», такія фигуры, какъ Оединъ Неугодовъ («Круглый годъ»), такія страницы, какъ бесѣда мальчика въ штанахъ съ мальчикомъ безъ штановъ или правды съ торжествующей свиньей («За рубеземъ»). Не странно ли, не смѣшно ли вспомнить, что автору «Господъ ташкентцевъ» и «Помпадуровъ» — ограничимся хотя бы этими двумя титулами — отказываютъ въ имени сатирика, что его хотятъ низвести на степень «фельетониста»? Это не споръ о словахъ — это попытка унизить одну изъ самыхъ крупныхъ силъ русской литературы. Фельетонъ мы привыкли называть иѣчто эфемерное, мимолетное, скользящее по поверхности предмета, посвященное «злобѣ дня», въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ фельетонной формѣ можетъ быть выражена самая серьезная, самая глубокая мысль — но въ такомъ случаѣ фельетонъ перестаетъ быть только фельетономъ; въ литературѣ непримѣнимъ французскій юридическій афоризмъ: «la forme emporte le fond». Припомнимъ, напримѣръ, «Газетную» Некрасова; это фельетонъ въ стихахъ, которому — если разсматривать его какъ цѣлое — неминуемо угрожаетъ забвеніе (можетъ быть даже, оно уже и наступило); но страница, начинающаяся словами: «Не заказано вѣтру свободному», будетъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ само имя Некрасова. Различіе между фельетономъ и сатирой можетъ быть изучено какъ нельзя лучше именно на произведеніяхъ г. Салтыкова. Если принять въ соображеніе, что написанное имъ наполняетъ уже теперь семнадцать томовъ (не считая статей, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій), что ему часто приходилось писать на срокъ, подчиняться условіямъ журнальной работы, то можно предположить а priori, что достоинство его произведеній далеко не одинаково — и это предположеніе подтверждается вполнѣ ближайшимъ съ ними знакомствомъ. Повредить его славу это не можетъ; у кого же изъ знаменитыхъ писателей нѣтъ своего баласта? Многое ли уцѣлѣетъ, напримѣръ, изъ стиховъ Некрасова — и много ли пострадаетъ уцѣлѣвшее отъ исчезновенія всего остального? Баластъ г. Салтыкова — именно фельетоннаго свойства; это наброски, болѣею частью полные юмора, остроумія, веселости, но не оставляющіе сильнаго впечатлѣнія, да и вовсе не рассчитанные на него. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ — напримѣръ въ «Господахъ Ташкентцахъ» — такіе наброски почти вовсе нѣтъ, въ другихъ — напримѣръ въ «Помпадурахъ и Помпадуришахъ» — они занимаютъ довольно много мѣста. «Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою», «Старый котъ и

покой», «Старая помпадурша», «Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ о помпадурцахъ» — это настоящіе фельетоны, написанные рукою мастера, но все-таки фельетоны. Прочестъ ихъ можно съ удовольствіемъ и теперь, но это не камни въ зданіи щедринской сатиры, а легкіе орнаменты, безъ которыхъ оно ровно ничего бы не потеряло. Въ другихъ оборонкахъ играютъ такую же роль «Утро у Хрептугина» («Невинные рассказы»), «Недовольные» («Сатиры въ прозѣ»), «Проектъ современнаго балета» («Признаки времени»), сцена похоронной закуски въ «Дневникѣ провинціала», и др. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что у г. Салтыкова есть и фельетонные типы, т.-е. типы фельетонной важности и фельетонныхъ очертаній. Сюда относится, напримеръ, типъ «помпадурши», нѣсколько разъ выведенный на сцену, но оставшійся — можетъ быть, вслѣдствіе бѣдности содержанія — далеко ниже параллельнаго съ нимъ типа «помпадур». Если возвратиться отъ «фельетоновъ» къ сатирамъ, составляющимъ главный предметъ нашего изученія, то разница уровня и атмосферы окажется поразительной — до такой степени поразительной, что въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ вопроса о свойствѣ дарованія г. Салтыкова непредубѣжденный читатель не встрѣтитъ надобности. Онъ пойметъ инстинктивно, сколько лжи таится въ нападеніяхъ и намекахъ консервативной прессы; онъ почувствуетъ, что передъ нимъ стоитъ сатирикъ, сатирикъ отъ головы до ногъ, во всеоружіи мысли и таланта.

«Вы говорите о *всеоружіи мысли*» — скажетъ намъ, можетъ быть, тотъ или другой упорный скептикъ; «но вѣдь оно предполагаетъ цѣльное, законченное міросозерцаніе. Гдѣ же признаки такого міросозерцанія у г. Салтыкова? Въ чемъ заключаются его положительные идеалы?» Для отвѣта на этотъ вопросъ — насколько отвѣтъ возможенъ — у насъ будетъ больше данныхъ, когда мы придемъ къ концу нашего труда; теперь мы ограничимся ссылкой на цитаты, которыхъ не безъ намѣренія привели такъ много въ первой половинѣ настоящей статьи. Нужно быть слѣпымъ или нарочно закрывать себѣ глаза, чтобы не найти въ нихъ ясныхъ указаній на исходныя точки щедринской сатиры. Въ «Письмахъ о провинціи» онѣ иногда выражаются прямо, безъ тѣхъ болѣе или менѣе прозрачныхъ покрывалъ, которыми прикрываетъ ихъ обыкновенно сатирическая форма. Напомнимъ, для примѣра, взглядъ г. Салтыкова на «неподготовленность», на «самоограниченіе», какъ залогъ прочности. Съ помощью такихъ комментаріевъ, мысль г. Салтыкова становится доступной даже для едва зрячихъ. Кто думаетъ до

сихъ поръ, что г. Салтыковъ умѣетъ только нападать на чиновниковъ, но не составилъ себѣ опредѣленныхъ представленій о задачахъ администраціи, тому мы рекомендуемъ прочесть сначала «Эпоху увольненія отъ войнъ», въ «Исторіи одного рода» и очеркъ: «Единственный» въ «Помпадурахъ и Помпадуршахъ», а потомъ заключеніе седьмого «Письма о провинціи». «Какого рода услугу,—спрашиваетъ здѣсь авторъ,—могутъ оказать центры своимъ окраинамъ? На первый разъ совершенно достаточно будетъ, если услуга эта выразится въ четырехъ словахъ: не мѣшать жить провинціи... Въ чемъ же должно заключаться осуществленіе выраженія: *не мѣшать жить*? По нашему скромному мнѣнію, это осуществленіе заключается въ слѣдующемъ: какъ можно меньше заниматься провинціей, не окружать ее цѣпью неловкихъ опекателей, которые только смущаютъ и запутываютъ общественное мнѣніе, и не пугаться (именно только не пугаться) при появленіи въ ней признаковъ самостоятельности... Не мѣшать жить! Повидимому, какой скромный и нетребовательный смыслъ заключаетъ въ себѣ это выраженіе! А между тѣмъ, какъ оно выпрямляетъ человѣка, какую бодрость вливаетъ въ его сердце, какъ просвѣтляетъ его умъ! Не мѣшать жить! да вѣдь это значитъ *разрѣшить* жить, искать, двигаться, дышать, шевелить мозгами! Шутка!» Не правда ли, трудно повѣрить, что эти слова написаны пятнадцать лѣтъ тому назадъ? Они полны современности и жизни, ихъ слѣдовало бы начертать золотыми буквами на стѣнахъ, за которыми происходитъ работа нѣкоторыхъ комиссій, да и не на однихъ только этихъ стѣнахъ¹⁾. Возьмемъ другой вопросъ, также вполне современный—о такъ называемой «самобытности»; много ли можно прибавить къ слѣдующимъ словамъ, сказаннымъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ («Господа Ташкентцы», стр. 21): «Насъ ждетъ еще *новое слово*... но Боже мой! сколько же есть прекрасныхъ и вполне испытанныхъ старыхъ словъ, которыхъ мы даже не пытались произнести, какъ уже хвастливо выступаемъ впередъ съ тѣмъ-то новымъ, которое мы, однакожъ, не можемъ опредѣлить! Есть ли расчетъ предпочесть неизвѣстное извѣстному? и честно ли, наконецъ, угрожать вселенной «новымъ словомъ», когда намъ са-

¹⁾ Прочитайъ только-что сказанное, плодители недоразумѣній, которыхъ такъ много развелось въ наше время, могутъ обвинить насъ въ желаніи сопричислить г. Салтыкова къ сонму „гнилыхъ либераловъ“, къ приверженцамъ *laissez faire, laissez passer*. Слѣшимъ оговориться, что формула „не мѣшать жить“ вполне соизвѣстна съ формулой „помогать жить“; теорія „вмѣшательства“, правильно возматъ, не имѣетъ ничего общаго съ теоріей мѣшанья.

нимъ небезвѣстно, что матеріалъ для этого «новаго слова» состоитъ исключительно изъ «краткихъ начатковъ» да изъ первыхъ четырехъ правилъ ариметики?» Для того «новаго слова», о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, лучшаго опредѣленія нельзя придумать и повныѣ.

Вариантомъ обвиненія въ отсутствіи положительнаго элемента служить обвиненіе въ недосказанности, въ недомолвкахъ. Оно будетъ разобрано нами въ связи съ отвѣтомъ, даннымъ на него въ одномъ изъ позднѣйшихъ произведеній г. Салтыкова («Круглый годъ», стр. 143). Оставаясь въ предѣлахъ нашего настоящаго этюда, мы можемъ сказать только одно: сатира Щедрина пишется не для того, чтобы служить послѣбодѣннымъ чтеніемъ, отдыхомъ или забавой послѣ дневныхъ занятій. Она требуетъ отъ читателя болѣе напряженной головной работы, чѣмъ легкій журнальный разсказъ или заурядный французскій романъ; она требуетъ еще, пожалуй, нѣкотораго умѣнья читать между строками, нѣкотораго знакомства съ своеобразной «реторикой», выработанной условіями русской жизни. Это послѣднее требованіе, впрочемъ, не принадлежитъ сатирѣ исключительно и нераздѣльно; оно часто предъявляется и другими отраслями русской литературы. Кому не лѣнь думать, кто не въ первый разъ беретъ въ руки русскій толстый журналъ, тотъ всегда пойметъ г. Салтыкова—конечно, если захочетъ его понять. Въ восьми томахъ, рассмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ, мы можемъ указать только одно мѣсто, которое несомнѣнно выиграло бы отъ большей ясности выраженій. Это—тѣ страницы въ «Дневникѣ провинціала» (109—120), которыя посвящены «самообкладыванію». Въ то время, когда отдѣльныя главы «Дневника» печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1872 г.) интересомъ дня былъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, за который, какъ извѣстно, высказалось тогда большинство земскихъ собраній. Дѣло шло объ отмѣнѣ податныхъ привилегій, объ уничтоженіи различія между сословіями податными и неподатными. Одновременно съ этимъ приближался къ разрѣшенію вопросъ о всеобщей воинской повинности, т. е. готовился другой шагъ къ уравниенію сословій. Логически мыслящій «провинціалъ» недоумѣваетъ, почему же, въ такомъ случаѣ, не уравнивать сословія еще въ одномъ отношеніи—въ отношеніи къ праву на тѣлесныя наказанія? «Мы обобщаемъ,—говоритъ по этому поводу авторъ,—но приступаемъ къ обобщенію не прямо, а такъ сказать сбоку, или, еще точнѣе, съ задней стороны. Мы не говоримъ: выгоды, которыми я пользуюсь, справедливо распространить и на другихъ, но говоримъ:

невыгоды, которая стѣсняетъ жизнь другихъ, я нахожу справедливымъ распространить и на меня». Вотъ эта-то мысль и нуждалась, какъ намъ кажется, въ дальнѣйшемъ поясненіи. Она была бы вполне понятна; если бы кто-нибудь предлагалъ серьезно отмѣнить всѣ изыатія отъ тѣлесныхъ наказаній, сдѣлать «поронцы», въ видахъ равенства; общимъ достояніемъ всѣхъ сословій. На такое оригинальное предложеніе можно было бы отвѣтить, что гораздо проще достигнуть равенства «съ передней стороны», посредствомъ безусловной отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Въ вопросѣ о налогахъ подобная простота рѣшенія немислима; безусловно отмѣнить ихъ нельзя—слѣдовательно остается только стремиться къ равенству путемъ обложенія привилегированныхъ сословій. Само собою разумѣется, что о математическомъ равенствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; безъ изыатій, въ дѣлѣ обложенія, обойтись нельзя—но основанія ихъ и кругъ дѣйствій должны быть совершенно другіе, чѣмъ въ старой податной системѣ.

Формой, въ произведеніяхъ рассмотрѣннаго нами періода, г. Салтыковъ овладѣлъ вполне; онъ является здѣсь своеобразнымъ, оригинальнымъ мастеромъ русскаго слова. Публицистъ въ «Письмахъ о провинціи» и во многихъ другихъ отдѣльных этюдахъ, онъ становится иногда, — напр., въ исторіи семьи Нагорныхъ или Велентьевыхъ («Ташкентцы приготовительнаго класса», параллели третья и четвертая), — наряду съ нашими лучшими беллетристами. Ему остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы достигнуть той высоты, на которой мы его увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ его дѣятельности.

Р. АРОНЬЕВЪ.

СИМВОЛИЗМЪ ВЪ ПРАВѢ

Изъ сравнительной исторіи культуры.

I.

Одинъ изъ нашихъ юристовъ стараго времени, бывшій профессоръ петербургскаго университета Калмыковъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета еще въ 1839 г. подъ заглавіемъ: «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности», восхваляя труды Гримма и Мишле по исторіи права, указалъ на важность подобнаго же труда на русскомъ языкѣ. «Русскимъ ученымъ, сказалъ онъ, предстоитъ подвигъ открыть въ исторіи отечественнаго и иныхъ славянскихъ правъ этотъ общій законъ человѣчества — символизмъ юридическій». Исполненіе этой мысли, по его мнѣнію, есть задача, которой рѣшеніе должно увѣнчать труды нашихъ ученыхъ. Что изученіе символовъ имѣетъ громадную важность, видно изъ словъ извѣстнаго юриста Тролона, который говоритъ, что на раннихъ ступеняхъ развитія и до очень недавняго времени человѣкъ все, что въ немъ было отвлеченнаго и духовнаго, переводилъ въ тѣлесныя формы и право было не чѣмъ инымъ, какъ непрерывной аллегоріей. Тѣмъ не менѣе еще недавно, въ 1880 году, въ одномъ русскомъ археологическомъ журналѣ сказано было: «Слишкомъ 40 лѣтъ прошло со времени появленія брошюры профессора Калмыкова и никто изъ нашихъ юристовъ не откликнулся на призывъ почтеннаго профессора». Это заявленіе слѣдуетъ принять, конечно, cum grano salis, такъ какъ матеріаловъ по символикѣ русскаго права въ настоящее время весьма и весьма много; ихъ необходимо только собрать, сгруппировать и сравнить

съ тѣми данными, которыя собраны западно-европейскими учеными на основаніи наблюденій, какъ надъ жизнью европейскихъ народовъ у древнихъ и новѣйшихъ писателей, такъ и надъ жизнью современныхъ первобытныхъ народовъ. Сравненіе мы считаемъ въ особенности необходимымъ, потому что мировоззрѣніе, которое находить въ настоящее время столько приверженцевъ среди публицистовъ объ искони предопредѣленной, самимъ Богомъ установленной національной розни и исключительности, что это воззрѣніе, — нечего грѣха таить, — было вскормлено и воспитано односторонностью и недостаточною полнотою научныхъ изслѣдованій. Лица, которымъ случалось у насъ встрѣтить какую-либо неизвѣстную имъ дотошъ черту народной жизни въ лѣтописяхъ или актахъ, или при живомъ общеніи съ народною массою, принимали эту черту, — при незнакомствѣ съ археологіей или этнографіей другихъ европейскихъ народовъ, — за особенность, присущую исключительно русскому народу, и на этихъ мнимыхъ особенностяхъ сооружали цѣлыя зданія, цѣлыя научныя теоріи, довольно крѣпко держащіяся еще въ настоящее время во многихъ умахъ, не смотря на отсутствіе научнаго фундамента, на полную шаткость ихъ. Не говоря уже о томъ, что научныя обобщенія возможны только на широкомъ основаніи фактовъ, собранныхъ у разныхъ народовъ и въ разные времена, что, слѣдовательно, для полнаго объясненія обычныхъ правовыхъ нормъ необходимо сравнительное изученіе ихъ у разныхъ народовъ, такое изученіе можетъ принести и пользу въ смыслѣ просвѣтлѣнія умовъ отъ указаннаго предразсудка, укоренившагося благодаря недостаточной полнотѣ научныхъ изслѣдованій.

Изъ обширной области символическихъ дѣйствій и знаменъ я на этотъ разъ выбралъ только кругъ символовъ, которыми такъ или иначе устанавливается единство, причемъ я, конечно, не могу сказать, чтобы я истерпалъ вполне даже этотъ отдѣлъ символизма. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ изученію указаннаго ряда символовъ.

II.

«Когда стороны, вовсе не родственныя одна другой, — говоритъ Тейлоръ, — желали заключить между собой мирный договоръ или вступить въ дружественный союзъ, въ такомъ случаѣ люди различныхъ и отдаленныхъ странъ иногда устанавливали такой союзъ

символическимъ актомъ смѣшенія своей крови, становясь такимъ образомъ какъ бы однокровными родственниками» ¹⁾.

Такъ, у бирманцевъ заключаютъ неразрывный братскій союзъ, смѣшивая кровь изъ рукъ и выпивая эту смѣсь съ водкой. С. Джемсъ побратался съ каяномъ острова Борнео, смѣшавъ капли крови, добытой изъ рукъ, послѣ чего тотъ и другой выкурилъ половину этой смѣси съ сигарой. Такимъ способомъ пришелецъ становится членомъ племени каяновъ. Подобный же обычай существуетъ и въ Африкѣ, гдѣ два человѣка, вступая въ братскій союзъ, садятся на одной и той же кожѣ, выражая этимъ символически, что они «одной кожи», а затѣмъ дѣлаютъ другъ другу на груди легкіе надрѣзы, пьютъ смѣшанную кровь и втираютъ ее въ раны. На островѣ Мадагаскарѣ братскій союзъ заключается обоюднымъ питьемъ крови съ произнесеніемъ страшныхъ заклятій противъ нарушителя союза ²⁾.

Уже изъ этихъ данныхъ мы можемъ сдѣлать нѣкоторый выводъ. Человѣкъ создаетъ себѣ здѣсь фикцію для уничтоженія существующихъ между лицами различныхъ племенъ враждебныхъ отношеній. Гораздо проще было бы обязаться къ воздержанію отъ насилія, но онъ такъ крѣпко держится установленнаго искуни порядка во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ племенъ, что онъ собственною своею волею считаетъ себя не въ правѣ измѣнить эти отношенія и прибѣгаетъ къ помощи природы. Въ томъ періодѣ культурнаго развитія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, существуетъ воззрѣніе, что только люди, принадлежащіе къ одному и тому же племени, могутъ оставаться въ мирѣ; слѣдовательно, для распространенія такихъ отношеній на большій кругъ, лица, принадлежащіе къ другому племени, должны вступить въ составъ даннаго племени, а такъ какъ принадлежность лицъ къ одному и тому же племени выражается въ общности крови, то слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ должна быть произведена искусственно общность крови и только тогда нравственные отношенія могутъ измѣниться въ желанномъ смыслѣ.

Словомъ, первобытный человѣкъ не понимаетъ нравственныхъ отношеній въ отвлеченіи отъ природной основы; нравственные отношенія суть не что иное, какъ выраженіе установленныхъ физически, вѣннимъ фактомъ отношеній.

Сидѣніе на кожѣ, между прочимъ на бычачьей, при совер-

¹⁾ Журналъ „Знаніе“, 1873, 8-ая книжка, стр. 112.

²⁾ Тамъ же, стр. 113.

шеніи союза, дружбы и братства встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ ¹⁾.

Указаніе на существованіе обычая смѣшенія крови мы находимъ и въ классическомъ мірѣ. Геродотъ описываетъ договоры лидійцевъ, гдѣ вступающія въ него стороны дѣлали другъ другу на рукѣ раны и лизали выступавшую кровь. Сходный съ этимъ обычай мы встрѣчаемъ у скизовъ, а именно, выпиваніе договаривающимися сторонами вина, смѣшаннаго съ ихъ кровью. По даннымъ, приведеннымъ у Бастіана, скизы при заключеніи союза слизывали брови и расцарапанныя другъ у друга руки. При договорахъ у суриннамскихъ негровъ гадоманъ (жрецъ) извлекаетъ кровь изъ тѣлъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, и часть этой крови выливается на землю, а часть выпивается.

«По отношенію къ временамъ варварства въ Европѣ,—говоритъ Тэйлоръ,—мы можемъ припомнить скандинавскій обычай заключенія братскаго союза между друзьями съ помощью смѣшиванія своей крови въ углубленіи, сдѣланномъ для этого въ землѣ. Въ сагѣ о «Пирѣ Эгира» Гоини напоминаетъ Одну, какъ они въ прежнее время смѣшали свою кровь. Такъ же поступали венгры и древніе ирландцы. Мы видимъ соединеніе всѣхъ этихъ символовъ для установленія союза между двумя племенами у африканскихъ народовъ. Ливингстонъ упоминаетъ какъ о необходимой приготовительной процедурѣ при заключеніи мира между двумя народностями центральной Африки: смѣшеніе крови, бракъ лица одного племени съ дочерью начальника другого племени и проч.; словомъ, необходимость физическаго смѣшенія и соединенія этихъ племенъ.

Подобнаго рода факты встрѣчаются и въ нашей исторіи. Такъ, одинъ изъ русскихъ князей, Святосполкъ, въ 1094 г., желая приостановить бѣдствія русскаго народа, заключилъ съ половцами миръ, причемъ символомъ мира явилась женитьба его на дочери половецкаго хана Тугоркана ²⁾. Остатки такого обычая мы встрѣчаемъ въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній еще въ настоящее время между киргизами, кочующими въ Россіи; тамъ судьи (бій). имѣя передъ собою двухъ сильныхъ тажущихся и желая окончить дѣло миромъ, изъ боязни дурныхъ послѣдствій въ случаѣ неудовольствія одной изъ сторонъ, стараются связать стороны родственными узами, т.-е. либо женятъ одного на сестрѣ, на

¹⁾ Сборникъ археологическаго института, Спб. 1880, книга IV, статьи Дамлова, стр. 11.

²⁾ Костомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, т. I, стр. 47.

дочери другого, либо, если у одного сынъ, а у другого дочь, заставляютъ ихъ обняться и назвать другъ друга «куда», т.-е. вять ¹⁾ Этими само собою оканчиваются враждебныя отношенія, существующія между тажущимися сторонами.

«Въ болѣе слабой степени, но все-таки достаточно ясно на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи обрядъ совмѣстной ѣды и питья связываетъ участниковъ между собою и заставляетъ ихъ смотрѣть другъ на друга какъ на членовъ одного и того же дома» (Знаніе, Тейлоръ, стр. 114). Такъ, арабъ обязанъ не преслѣдовать отпущеннаго имъ чужестранца, воспользовавшагося его гостепріимствомъ, до тѣхъ поръ, покуда пища, съѣденная чужестранцемъ въ его палатѣ, еще остается въ его желудкѣ ²⁾. Еще въ XVIII вѣкѣ, въ мемуарахъ Ліувилля разсказывается о столеновеніи между герцогомъ савойскимъ, Викторомъ Амедемъ, и Франціей изъ-за того, что ему не позволяли участвовать въ ужинѣ и сѣсть на кресло въ присутствіи его вятя Филиппа анжуйскаго, внука Людовика XIV ³⁾.

Въ виду того, что совмѣстная ѣда является признакомъ связи, мужъ и жена у многихъ первобытныхъ народовъ вмѣстѣ не ѣдятъ. Такъ, у ваніамвезіевъ, женщины ѣдятъ отдѣльно, такъ какъ ѣсть въ обществѣ женщинъ считается униженіемъ для мужчинъ. Въ Китаѣ считается неприличнымъ появленіе въ публичномъ мѣстѣ мужа и жены вмѣстѣ; даже дома отецъ съ сыновьями ѣсть отдѣльно отъ матери съ дочерьми ⁴⁾. У самоѣдовъ женщины не могутъ участвовать въ пиршествахъ своихъ мужей; если заколятъ оленя, то сначала насыщаются мужчины, а потомъ приступаютъ къ трапезѣ женщины, которыя должны довольствоваться объѣдами. Постель, на которой спитъ жена, считается нечистою у самоѣдовъ; самыя сани, на которыхъ перевозятся женскія постели, до того поганы, что ни одинъ самоѣдъ не сидеть на нихъ. Но не только общеніе въ ѣдѣ и жительствѣ возбраняется у самоѣдовъ между мужчиной и женщиной, но и принятіе участія женщинами въ религіозной жизни. Женщина не можетъ переходить за черту «синекуя» (священное мѣсто возлѣ двери, занимаемое идоломъ); переступить женщинѣ черезъ «синекую» значитъ осквернить святию. Еще больше самоѣдка должна воз-

¹⁾ Сборн. общн. права Матвѣева, стр. 237.

²⁾ Bastian, Rechtsverhältnisse, стр. XIV.

³⁾ Le duc de Savoie, qui n'était point couronné, ne pouvait donc souper avec son gendre, ni s'asseoir devant lui autrement que sur un pliant. Schlosser, Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts.

⁴⁾ Lechler, Sechs Vorlesungen über China. стр. 162—163.

держиваться отъ того, чтобы переступить черезъ огонь, такъ какъ огонь пользуется у самоѣдовъ большимъ уваженіемъ, какъ нѣчто святое. Если женщина перейдетъ дорогу, по которой самоѣды везутъ сани съ идолами, то онъ обязывается то мѣсто, по которому прошла женщина ¹⁾. Къ этому же разряду явленій относится и то, что въ средніе вѣка для того, чтобы осрамить рыцаря, герольды разрѣзываютъ скатерть, какъ бы исключая его этимъ изъ застольнаго общества, т.-е. устраняя его отъ совместной ѣды. Въ средніе вѣка христіанину было запрещено ѣсть вмѣстѣ съ евреями, пользоваться его баней, прибѣгать къ помощи медиковъ изъ евреевъ и даже покупать у нихъ пранныя вещества. Смѣшеніе черезъ посредство брака было ужаснымъ пятномъ. Во время Людовика XI христіанинъ, сочетавшійся бракомъ съ еврейкой, сожигался живьемъ. Подобныя же постановленія существовали и въ Испаніи. Тутъ, очевидно, воспрещается совершеніе всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя обнаруживаютъ единеніе, какъ бракъ, совместная ѣда, притязаніе на услугу и даже покупку, такъ какъ въ болѣе раннія времена покупщикъ съ покупателемъ входилъ въ нѣкоторые отношенія единенія; онъ совершалъ договоръ купли, а всякій договоръ, какъ мы увидимъ ниже, совершался въ формѣ единенія, хотя бы только на данный случай. Дальнѣйшимъ развитіемъ того положенія, по которому невозможенъ былъ бракъ между лицомъ христіанскаго исповѣданія и еврейскаго, является слѣдующій довольно курьезный фактъ: въ законахъ, изданныхъ во время царствованія королевы Іоанны въ 1347 г., относительно домовъ терпимости въ Авиньонѣ, между прочимъ постановлено, что евреи подъ страхомъ тяжкаго наказанія не могутъ быть туда допущены. Мало того, въ 1408 г. еврей за такое преступленіе подвергся сѣченію кнутомъ въ Авиньонѣ.

По отношенію къ тому вліянію, которое оказываетъ ѣда и питье, особенно любопытны слѣдующіе факты. У чересовъ каша молока, данная женщиной изъ груди своей 30-мѣсячному ребенку, достаточна для установленія родства, имѣющаго такое же значеніе, какъ кровное родство ²⁾. Такое же значеніе имѣетъ сосаніе молока изъ груди не только для малолѣтнихъ, но и для взрослыхъ.

Гость (кунакъ) на Кавказѣ считается святымъ, когда онъ вкусилъ молоко женщины — хозяйки дома. Гуріецъ для того, чтобы быть усыновленнымъ, сосетъ въ присутствіи родственни-

¹⁾ Сборникъ юридическихъ об. Матѣева, общ. шпордцевъ, 184.

²⁾ Bastian, der Mensch in der Geschichte, т. III, стр. 406.

ковъ грудь усыновляющей его женщины. ¹⁾ То же самое дѣлалось у римлянъ. Усыновленіе производилось чрезъ посредство сосанія груди и у черкесовъ, гдѣ по Лебону усыновляющая мать давала сосать грудь ²⁾. Разъ сосаніе является средствомъ установленія родственной связи, оно можетъ производиться и надъ какою-либо другою частью тѣла для произведенія того же эффекта, т.-е. факта усыновленія. Такъ, напримѣръ абиссинецъ, по словамъ Паркена, для того, чтобы быть усыновленнымъ, сосетъ руку усыновителя или одинъ изъ его пальцевъ.

III.

Но если возможно установленіе родственныхъ связей посредствомъ исполненія одного изъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ отношеній между матерью и дѣтьми, то понятно, что установленіе этихъ отношеній должно быть возможно и посредствомъ фактивнаго воспроизведенія процесса рожденія, и вотъ мы дѣйствительно находимъ подобнаго рода символъ. «Гера,—говоритъ Діодоръ,—взошла на свое ложе, подняла Геркулеса на свое лоно и затѣмъ уронила его на землю». Это и служило символическимъ изображеніемъ акта самаго рожденія. Подобный же актъ символическаго рожденія совершается еще и въ настоящее время въ Россіи въ нѣкоторыхъ раскольническихъ толкахъ при вступленіи въ нихъ новыхъ членовъ; онъ называется «перерожденіемъ» и совершается слѣдующимъ образомъ. Женщину-роженницу укладываютъ въ постель; она должна охать и стонать, какъ при естественныхъ родахъ. Надъ нею читаютъ молитвы и по временамъ спрашиваютъ ее: родишь ли раба Божія? Она отвѣчаетъ: рожу во грѣхахъ и страдахъ. Вопросъ и отвѣтъ повторяется три раза, послѣ чего сквозь рубашку лежащей женщины пропускаютъ вступающаго въ расколъ. Онъ выходитъ на свѣтъ, какъ новорожденный, предъ всѣми собравшимися раскольниками. Только послѣ этого перерожденія совершается надъ нимъ перекрещиваніе.

Обрядъ этотъ существуетъ въ пошехонскомъ и въ сосѣднемъ черешовскомъ уѣздахъ, ярославской и новгородской губерній, причемъ для большаго сходства съ дѣйствительнымъ актомъ рожденія на миную роженницу надѣваютъ рубашку, запачканную кровью.

¹⁾ Bastian, т. III, стр. 406 и 800.

²⁾ Bastian, Die Rechtsverhältnisse bei versch. Völkern der Erde, стр. 172.

«Подражаніе рожденію, какъ символъ усниовленія, — говоритъ г. Якушкинъ ¹⁾, — существовало у многихъ народовъ. Съ этимъ значеніемъ оно встрѣчается въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка въ Западной Европѣ; здѣсь, вслѣдствіе юридической фикціи, усниовляемаго клали подъ рубашку какъ приѣмному отцу, такъ и приѣмной матери. Впослѣдствіи обрядъ этотъ измѣнился; усниовляемый подводился только подъ плащъ (*mantella*), почему и гораздо позднѣе, когда этотъ обрядъ уже уничтожился, усыновленные дѣти назывались *mantellati*».

Особенно интереснымъ въ этой области символовъ является тотъ, который извѣстенъ въ антропологической литературѣ подъ названіемъ «*couvade*» и который подвергся всевозможнымъ толкованіямъ со стороны этнографовъ. Прежде всего приведемъ факты, а затѣмъ и мы, въ свою очередь, постараемся объяснить ихъ. Патеръ Добрицигоферъ рассказываетъ объ абинонахъ южной Америки: «Какъ только вы услышите, что женщина родила, вы тотчасъ же увидите ея мужа, лежащаго въ постели, закутаннаго цыновками и кожами для предохраненія отъ холоднаго воздуха; онъ соблюдаетъ діету, находится въ совершенномъ уединеніи и въ теченіе нѣсколькихъ дней строго воздерживается отъ употребленія въ пищу нѣкоторыхъ кушаній до такой степени, что вамъ начинаетъ казаться, что ребенка родила онъ. Мнѣ пришлось видѣть, — заключаетъ Добрицигоферъ, — все это собственными глазами у абиноновъ». Марціусъ рассказываетъ, что въ Бразиліи у короадесовъ, какъ скоро беременность женщины близко подходитъ къ концу или она уже разрѣшилась отъ бремени, мужъ удаляютъ, строгая діета наблюдается за нѣсколько времени до родовъ, и мужъ и жена воздерживаются въ одно время отъ мяса нѣкоторыхъ животныхъ и питаются преимущественно рыбой и плодами. Къ сѣверу отъ Гвіаны Бретъ наблюдалъ, что нѣкоторые мужчины у племенъ акавойя и карайбовъ, ожидая приращенія семейства, считаютъ себя обязанными воздерживаться отъ употребленія извѣстнаго рода пищи, чтобы не повредить этимъ ожидаемому ребенку, какъ будто эта пища какимъ-то таинственнымъ образомъ можетъ повліять на него. Не употребляютъ въ пищу животные «акуры», чтобы ребенокъ не былъ худъ, какъ это маленькое животное, рыба «хамара», чтобы ребенокъ не былъ слѣпъ, какъ эта рыба, «лаба», чтобы ротъ ребенка не выдавался впередъ, какъ у этого животнаго или чтобы ребенокъ не явился на свѣтъ въ пятнахъ какъ «лаба». Аналогичный об-

¹⁾ Якушкинъ, Обычное право. Ярославль, 1875, стр. XV.

чай существовалъ у древнихъ индійцевъ. При рожденіи ребенка, по требованію древнаго индійскаго этикета, отецъ долженъ лечь въ койку и какъ будто въ самомъ дѣлѣ больной провести въ ней нѣсколько дней, принимая поздравленія и соболѣзнованія своихъ друзей. Многимъ путешественникамъ приходилось наблюдать исполненіе этого обычая. Мужчина, совершенно здоровый и полный силъ, безъ всякаго признака болѣзни лежалъ въ своей койкѣ съ самымъ жалобнымъ видомъ; за нимъ самымъ почтительнымъ образомъ ухаживали женщины, между тѣмъ какъ мать новорожденнаго страдала, не обращая на себя ничего вниманія. Подобные рассказы мы находимъ у многихъ путешественниковъ, описывающихъ туземцевъ южной Америки. Въ Гренландіи, послѣ того какъ жена развѣшилась отъ бремени, «мужъ не можетъ ни работать, ни торговать въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль». Въ Камчаткѣ за нѣсколько времени до рожденія ребенка мужъ не занимается никакой тяжелой работой. Подобный же обычай встрѣчается у китайцевъ въ западномъ Юнанѣ, у даяковъ въ Борнео, въ сѣверной Испаніи, въ Корсикѣ и на югѣ Франціи, гдѣ этотъ обычай называется «faire la couvade» ¹⁾. Лёббокъ, упоминая факты кувады, полагаетъ, что въ объясненіяхъ карайбовъ и абипоновъ, сопровождающихъ соблюденіе кувады, заключается ключъ къ разъясненію этого обычая. Но изъ ихъ объясненія ясно только одно, — что первобытные народы предполагаютъ существованіе связи и зависимости между состояніемъ здоровья ребенка и состояніемъ здоровья отца. Остается, все-таки, неразъясненной причина предполагаемой зависимости, а она, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ.

Съ переходомъ формы брака коммунальной въ индивидуальную, родство, считавшееся до того времени по матери (Maternität), начинаетъ считаться по отцу. Но родство съ матерью удостоверялось страданіями матери при рожденіи ребенка, вслѣдствіе этого-то и родство съ отцомъ должно выражаться въ страданіяхъ отца при рожденіи ребенка, иначе принадлежность ребенка данному лицу мужскаго пола оставалась бы сомнительной. Этотъ случай есть только частное примѣненіе общаго положенія, что умственная или нравственная связь должна выражаться въ формѣ физической, что все то, что сознается умомъ, должно быть переведено на языкъ природы, что устанавливаемое человекомъ должно быть такъ установлено, какъ бы оно было установлено самой природой. Понятно, что развѣ этотъ символъ вошелъ

¹⁾ Лёббокъ, Начало цивилизаціи, русск. переводъ, стр. 13—14.

въ употребленіе, онъ вызываетъ въ умѣ первобытнаго человѣка представленіе о томъ, что такая связь установилась не только искусственно, но что она существуетъ на самомъ дѣлѣ и что, слѣдовательно, все, что вліяетъ на здоровье отца, несомнѣнно должно вліять и на здоровье сына, что вслѣдствіе этого необходимо и соблюденіе дѣтны, необходимо, словомъ, предпринять мѣры для того, чтобы состояніе здоровья отца не оказывало вліянія на состояніе здоровья ребенка. Такимъ образомъ, возвращаясь къ разъясненію символа извѣстнаго подъ названіемъ «*couvade*», мы должны думать, что онъ возникъ именно въ то время, когда начинается вырабатываться такъ-называемая *patria potestas*, т.-е. родство и власть отца надъ сыномъ, то родство, которое въ болѣе первобытные періоды человѣчества не предполагалось и не существовало.

Вообще символы, относящіеся къ усыновленію и самое понятіе усыновленія играютъ чрезвычайную важную роль въ архаической исторіи народовъ. «Исторія политическихъ идей, — говоритъ Мэнъ, — начинается фактически съ предположенія, что родство (мы бы сказали: связь по крови) есть единственно возможное основаніе для совместнаго отправленія политической funcціи». «Говоря о равныхъ государствахъ, — продолжаетъ Мэнъ, — мы можемъ утверждать, что и граждане считали всѣ группы, членами которыхъ они были, основанными на общемъ происхожденіи».

Если этого и не было на самомъ дѣлѣ, то оно маскировалось фикціей усыновленія. «Самая ранняя и наиболѣе широко примѣняемая изъ всѣхъ юридическихъ фикцій, — говоритъ Мэнъ, — была та, которая дозволяла семейнымъ отношеніямъ слагаться искусственно и, по моему мнѣнію, никакая другая юридическая фикція не оказала такихъ важныхъ услугъ человѣчеству. Если бы она не существовала, то едва-ли нашелся бы какой-нибудь другой способъ, посредствомъ котораго одна группа могла бы быть поглощена другой или двѣ изъ нихъ могли соединиться въ одну, развѣ только подъ условіемъ абсолютнаго господства съ одной стороны и абсолютнаго подчиненія съ другой». Принципы территоріальности или «идея, что извѣстное число лицъ должно пользоваться сообща политическими правами на томъ только основаніи, что имъ приходилось жить въ однихъ и тѣхъ же топографическихъ предѣлахъ», показался бы до крайности страннымъ и даже чудовищнымъ людямъ первобытной древности; для того же, чтобы связь происходила, наилучшимъ въ тѣ времена способомъ былъ тотъ, что пришлое населеніе производилось отъ

одного корня съ тѣмъ народомъ, въ которому оно присоединялось. «Въ настоящее время,—продолжаетъ Мэнъ,—мы не можемъ себѣ представить того довѣрія, какимъ пользовалась эта фикція и той тщательности, съ какою въ этихъ случаяхъ старались подражать дѣйствительности».

IV.

Особый разрядъ символовъ, обозначающихъ единеніе между племенами, обязанъ своимъ происхожденіемъ не чему иному, какъ орудіямъ борьбы. Племена, желающія послѣ продолжительной борьбы или вообще при заключеніи союзовъ выразить какимъ-либо внѣшнимъ фактомъ то, что они находятся въ мирныхъ отношеніяхъ, уничтожаютъ орудія борьбы демонстративнымъ образомъ. Съ теченіемъ времени дѣло доходитъ до того, что сама вражда, какъ понятіе, символизируется въ какомъ-либо предметѣ и что, желая устранить вражду, устраняютъ тотъ символическій предметъ, который внѣшнимъ образомъ, для глаза, знаменуетъ собою вражду. Объяснимъ это положеніе фактами. У дакотовъ заключеніе мира выражается сожженіемъ томагаука, а у бразильцевъ—дареніемъ стрѣлъ и луковъ. Какъ уже объяснилъ Спенсеръ, за снятіемъ оружія или дареніемъ его непріятелю должно непременно слѣдовать прекращеніе боя. Когда славяне заключали миръ, то предводители враждующихъ сторонъ бросали камень въ море. Это символическое дѣйствіе выражаетъ собою забвеніе вражды; въ данномъ символѣ, конечно, можетъ имѣть значеніе и камень и бросаніе въ море: камень—какъ орудіе борьбы, а бросаніе въ море—какъ полнѣйшее, безвозвратное уничтоженіе вражды, невозможность вторичнаго ея возникновенія. При заключеніи мира среди арабскихъ шейховъ также играетъ роль камень, но съ особымъ характеромъ. Когда они заключаютъ миръ, то «закапываютъ свою вражду», какъ они выражаются, причемъ сопровождаютъ это дѣйствіе обрядомъ, называемымъ «госнатъ». Обрядъ этотъ состоитъ въ томъ, что именемъ Аллаха въ яму бросается семь камней и затѣмъ ногами придавливаютъ землю, причемъ на обязанности женщинъ во все время совершенія этого обряда—громко плакать и кричать ¹⁾. Закапываніе камня въ яму, конечно, имѣетъ то же значеніе, какое имѣетъ въ приведенномъ выше фактѣ бросаніе его въ воду; почему именно

¹⁾ Bastian, Der Mensch in der Geschichte. II, стр. 298.

семь камней и по какимъ причинамъ это закапываніе сопровождается плачемъ женщинъ, объ этомъ намъ, вѣроятно, придется высказаться еще въ другомъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ символы уничтоженія вражды распадаются на двоякаго рода: одни служатъ главнымъ образомъ для выраженія единенія, т.-е. положительной стороны совершающагося факта, другіе же какъ бы выражаютъ отрицательную сторону этого явленія—уничтоженіе вражды. Конечно, съ теченіемъ времени возможно соединеніе въ символахъ и той и другой стороны, и положительной, и отрицательной. Такъ сѣверо-американскіе индійцы при заключеніи мира, похоронивъ военный топоръ, курятъ «колуметь» или трубку мира. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ и уничтоженіе вражды посредствомъ закапыванія топора, и выраженіе факта единенія посредствомъ совместнаго куренія. Совмѣстное куреніе является также однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ у первобытныхъ народовъ обычаевъ выраженія единства. Вотъ какъ производится обрядъ куренія при мирныхъ переговорахъ предводителей индійцевъ. Они усаживаются около огня, одинъ изъ воиновъ наполняетъ святую трубку табакомъ, съ помощью угля зажигаетъ ее, кладетъ трубку горизонтально на руку и держитъ ее сначала противъ неба, чтобы преподнесеніемъ ее Великому Духу испросить его благоволеніе, затѣмъ онъ наклоняетъ ее къ землѣ, чтобы прогнать злыхъ духовъ и, наконецъ, обводитъ ее кругомъ около себя, чтобы испросить защиту духовъ, живущихъ въ воздухѣ, въ водѣ и на землѣ. Трубка эта затѣмъ переходитъ изъ рукъ въ руки всѣхъ предводителей въ направленіи отъ востока къ западу, изъ которыхъ каждый куритъ немного изъ трубки, выпуская дымъ, сначала по направленію къ небу, затѣмъ около себя. Когда трубка выкурена, воинъ, наполнивши ее, беретъ ее снова, нѣсколько разъ обводитъ ею около головы и ставитъ ее на прежнее мѣсто; тогда только приступаютъ къ мирнымъ переговорамъ. Очевидно, что въ этомъ способѣ куренія трубки есть уже нѣкоторые элементы жертвоприношенія, которое, въ свою очередь, является символомъ единенія между племенами въ виду того, что приносятъ жертву *одному и тому же* высшему существу. Но объ этомъ намъ придется говорить еще ниже. Бразильскіе индійцы, по словамъ Марціуса, курятъ при заключеніи мира большую сигару, которая въ качествѣ символа мира и довѣрія передается изъ рукъ въ руки. Есть еще разрядъ символовъ, имѣющихъ отношеніе къ этому же предмету, но, очевидно, заключающихъ другое понятіе, а именно желаніе вызвать извѣстное послѣдствіе для той сто-

роны, которая явится нарушителемъ единенія. Такъ халдейцы при заключеніи союза проходили между разрѣзанными на двое частями животного, принесеннаго въ жертву, съ явною цѣлью, чтобы при нарушеніи союза они какимъ бы то ни было образомъ были разрѣзаны на двое (Bastian, der Mensch, II, 298).

Къ этому разряду символовъ относится, очевидно, обрядъ, въ которомъ играетъ роль выдернутый изъ извѣстнаго участка земли клочъ или дернъ. Въ сѣверно-русскихъ купчихъ XIV—XVI столѣтій упоминается объ особомъ обрядѣ, довершавшемъ передачу владѣнія землею, или такъ-называемый «отводъ земли», посредствомъ символическаго употребленія земли или дерна. Этотъ способъ назывался продажею земли въ «дернъ» или «одерень»; самъ по себѣ этотъ символъ, употребляющійся и при спорахъ о земельныхъ межахъ, совершенно непонятенъ. Такъ, въ писцовыхъ книгахъ, данныхъ сольвычегодскому монастырю на извѣстные покосы, рассказывается, что когда у служки Коряжинскаго монастыря Олешки Сергѣева былъ споръ о пожнѣ съ крестьяниномъ Балакишинымъ, то отвѣтчикъ далъ истцу Олешкѣ «на душу», т.-е. велѣлъ ему подтвердить присягой принадлежность ему куска земли, и «Олешка Сергѣевъ, положи земли себѣ на голову, отвелъ той пожнѣ межи». Въ той же писцовой книгѣ рассказывается о спорѣ старцевъ Коряжинскаго монастыря съ крестьяниномъ Шелешеневымъ о землѣ, и вотъ крестьянинъ Ерофѣенко «далъ на душу старцамъ и слугамъ», т.-е. они должны были подтвердить присягой принадлежность имъ земли и монастырскій служка Михайловъ «положа себѣ земли на голову, ту спорную землю обошелъ и межу имъ впредь положи, куда шелъ Михайловъ» ¹⁾.

Этотъ старинный обычай, какъ извѣстно, сохранился еще по настоящее время на сѣверѣ же въ каргопольскомъ уѣздѣ, оловечкой губерніи. Когда двое хозяевъ заспорятъ о межѣ, то для разрѣшенія спора одинъ изъ спорщиковъ говоритъ другому: «пусть разсудитъ насъ мать сыра земля». Если на эти слова согласенъ другой спорщикъ, то одинъ изъ нихъ вырываетъ кусокъ дерна съ землею, полагаетъ его на голову и идетъ по тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, должна быть, дѣйствительно, пограничная межа покосовъ; всю обойденную имъ землю за нимъ признаетъ и противникъ: «бери, что обошелъ, такъ разсудила насъ мать сыра земля». Единственное объясненіе этого обычая можно найти только въ слѣдующемъ фактѣ, который рассказываетъ М. Н. Ма-

¹⁾ Сборн. юридическ. обычаевъ Матѣева. Судья земля, стр. 19.

каровъ, видѣвшій исполненіе того же обычая близъ города Сапожка въ рязанской губерніи. Тамъ одинъ простолюдинъ, спора съ другимъ о принадлежности ему луга, вырѣзалъ дернину, положилъ ее себѣ на голову и, оградясь крестомъ, клялся передъ спорящими и свидѣтелями, что если покосъ не принадлежитъ ему, тогда пусть мать сыра земля *прикроетъ его на стѣки*. Такимъ образомъ ношеніе земли на головѣ является въ видѣ санкции соблюденія мира, и на тотъ случай, если бы миръ не былъ соблюденъ по правдѣ, то ожидается кара со стороны земли. Тутъ дернъ является представителемъ всего участка, который, конечно, можетъ цѣлкомъ прикрыть согрѣшившаго. По указаніямъ г. Матвѣева обычай обходить спорную межу съ дерномъ на головѣ извѣстенъ и въ Грузіи, гдѣ къ нему часто прибѣгаютъ. Тотъ же символъ и съ тою же цѣлью употреблялся и въ Европѣ. Совершенно другое значеніе имѣетъ продажа или отводъ земли въ «дернъ» или «одерень». И у германцевъ мы встрѣчаемъ этотъ символъ при передачѣ земли; вырѣзываніемъ и врученіемъ дерна другому лицу собственникъ отказывался отъ участка, а принявшій усваивалъ его ¹⁾. Символъ передачи дерна имѣетъ здѣсь значеніе врученія части вмѣсто цѣлаго, т.-е. передачи клочка земли, представляющаго собой весь данный участокъ. Вообще при передачѣ руководствовались тѣмъ, что если передавался деревянный домъ, то изъ него вырѣзывался кусокъ дерева, если виноградникъ, то вѣтвь винограда, если участокъ земли, то дернъ и т. п.

V.

Договоры, заключенные людьми между собою, составляютъ, конечно, извѣстный способъ единенія ихъ, если не навсегда, то все-таки, на данный случай или на извѣстный періодъ времени. Въ виду этого и заключеніе договоровъ какъ въ болѣе раннія, такъ и въ болѣе позднія времена сопровождается символическими дѣйствіями, обозначающими единеніе. Конечно, въ болѣе раннемъ періодѣ самое единеніе совершалось чрезъ посредство символа, такъ какъ безъ него единеніе не могло произойти, т.-е. самый договоръ не существовалъ безъ символическаго дѣйствія, послѣдствіемъ котораго онъ только и явился. Та-

¹⁾ Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, 3-е изд. Göttingen. 1881, стр. 112 и дальше.

кое значеніе имѣютъ символическія дѣйствія еще въ настоящее время среди крестьянскаго населенія въ Россіи. Вотъ что объ этомъ говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей русскаго обычнаго права. «Скрѣпленіе договора, — по словамъ г-жи Ефименко, — замѣняется у крестьянъ различными символическими дѣйствіями, имѣющими у нихъ полную юридическую силу. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ дѣйствій: контрагенты ударяютъ другъ друга по рукамъ, которыя разнимаютъ посторонній въ качествѣ свидѣтеля, или схватываются правыми руками въ локтяхъ, или, если предметъ договора — вещь, передаютъ изъ полы въ полу и т. д., затѣмъ молятся вмѣстѣ Богу, пьютъ могарычъ или «литки». Послѣ совершенія контрагентами того или другого изъ этихъ дѣйствій актъ договора считается заключеннымъ и юридическія послѣдствія, вытекающія изъ него, вступившими въ свою силу, независимо отъ какихъ бы то ни было формальныхъ условій, обозначенныхъ на бумагѣ, въ какомъ-либо документѣ».

По свѣдѣніямъ изъ Даниловскаго уѣзда, приводимымъ въ статьѣ П. С. Ефименко о договорѣ найма пастуховъ, тамъ заключеніе какихъ бы то ни было словесныхъ договоровъ съ кѣмъ бы то ни было принято закрѣпляютъ рукобитьемъ, молениемъ Богу и могарычемъ, который называется «литками». На нарушеніе условій договора послѣ рукобитья или моленія Богу рѣшаются не многіе изъ крестьянъ. При договорѣ условливаются обыкновенно, съ кого пить литки; литки пьютъ съ денегъ, т.-е. съ того, кто получаетъ деньги, но бываетъ, что литки пьютъ пополамъ ¹⁾. Точно также и у русскихъ инородцевъ, между прочимъ, у лопарей, никакое заключеніе договора или сдѣлки не обходится безъ вина; оно играетъ видную роль во всякихъ подрядахъ, продажахъ и покупкахъ ²⁾.

Самоѣдъ никогда не станетъ торговать съ тѣмъ, кто не поднесетъ ему сперва чарки ³⁾.

Если кореецъ купилъ что-нибудь два-три раза у японца, то онъ считаетъ его другомъ и на слѣдующіе разы беретъ товары въ долгъ. Когда японцы отказываютъ имъ въ этомъ, то корейцы сердятся и упрекаютъ ихъ въ нерасположеніи къ нимъ. Кромѣ этого обычая есть еще другой. Если кореецъ, пришедшій въ японскую лавку, купить вещь, то онъ проситъ угостить его виномъ и накормить обѣдомъ; если японецъ отказывается это испол-

¹⁾ Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, стр. 70.

²⁾ Тамъ же. Юридическіе обычаи инородцевъ, стр. 35.

³⁾ Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Инородцы, стр. 191.

нить, то кореецъ въ негодованіи начинаетъ его упрекать въ желаніи японца жить съ нимъ въ дружбѣ ¹⁾).

Если мы рассмотримъ вкратцѣ перечисленные выше символическія дѣйствія, съ помощью которыхъ въ крестьянскомъ населеніи заключаются договоры, то увидимъ, что они проникнуты тѣмъ же самымъ началомъ, каковымъ проникнуты символы заключенія союзовъ и единенія у первобытныхъ народовъ: контрагенты кладутъ руки, соединяются руками, т.-е. единеніе ихъ для данной определенной договоромъ цѣли совершается не только нравственно, но и физически, они составляютъ какъ бы одно тѣло, неразъединяемое, и только внѣшняя сила удара, наносимаго свидѣтелемъ, можетъ ихъ разъединить, причемъ отъ нанесеннаго удара уже происходитъ только физическое разъединеніе, но нравственное единеніе, бывшее послѣдствіемъ соединенія физическаго, уже не уничтожается до уничтоженія самого предмета договора.

Изъ сказаннаго раньше о совмѣстной ѣдѣ и питьѣ, совершенно яснымъ становится смыслъ *могарыча* или *«литковъ»*, при заключеніи какихъ бы то ни было договоровъ.

Несомнѣнно, что совмѣстная ѣда и питье, являющіяся символомъ единенія, обязаны своимъ происхожденіемъ общиннымъ порядкамъ, господствовавшимъ въ раннемъ періодѣ развитія у всѣхъ народовъ; тамъ единство членовъ каждой данной общины выражалось общей ѣдой и питьемъ. Еще въ настоящее время въ швейцарскихъ *«альмендахъ»* мы находимъ остатки общаго общенія, единенія всѣхъ сообщинниковъ въ такъ-называемыхъ *gemeindetrinket* ²⁾, совершающихся разъ въ году по окончаніи сборовъ винограда. Общія спартанскіе обѣды и *«агапы»* первыхъ христіанъ служатъ, между прочимъ, подтвержденіемъ этого положенія.

Что касается молитвы, то разъясненіе смысла этого символа при заключеніи договора станетъ яснымъ, когда мы вспомнимъ и сопоставимъ съ нимъ тѣ данныя, которыя мы привели изъ наблюденій надъ жизнью самоѣдовъ, гдѣ разобщеніе между мужчиной и женщиной выражается не только въ томъ, что женщины не могутъ вмѣстѣ съ мужчинами ѣсть и пить, но и въ томъ, что онѣ не могутъ участвовать въ религіозной жизни, не имѣютъ доступа въ священное мѣсто, не могутъ, словомъ, участвовать въ символахъ поклоненія верховному существу, признаваемому само-

¹⁾ Изв. географ. общества. 1877. Вып. 5, стр. 373.

²⁾ Laveleye. De la propriété. Paris, 1874, стр. 292.

дами; т.-е. соблюденіе общихъ религіозныхъ обрядовъ, общихъ религіозныхъ символовъ является на извѣстной ступени культуры соединяющимъ элементомъ, и разединеніе выражается въ томъ, что тѣмъ или другимъ лицамъ возбраняется исполненіе религіозныхъ обрядовъ. Понятно, разъ между данными лицами происходитъ единеніе, то оно на данной ступени культуры должно выражаться и въ формѣ общей молитвы.

VI.

Итакъ, даже временный договоръ или временное единеніе для извѣстной опредѣленной цѣли первобытный человѣкъ считаетъ невозможнымъ совершить иначе какъ только физически.

Требуемое на извѣстныхъ ступеняхъ культурнаго развитія единеніе при совершеніи договоровъ нашло свое выраженіе въ сравнительно болѣе позднее время въ томъ, что при заключеніи всѣхъ договоровъ у многихъ западныхъ народовъ держался колось, какъ символъ единенія; колось употреблялся какъ при отчужденіи недвижимой собственности, такъ и вообще при торжественно совершавшихся договорахъ. Самое слово, которымъ на латинскомъ языкѣ обозначается договоръ «*stipulatio*» или «*foestucatio*» обязано своимъ происхожденіемъ слову *stipula* или *foestuca*, обозначающему колось. *Foestuca* передавалась при заключеніи договора, положимъ купли, приобретающему, причемъ онъ, въ случаѣ неисполненія договора, могъ предъявить его въ судъ и на основаніи его требовать исполненія ¹⁾. Колось, употреблявшійся при договорахъ, а также бирка, употребляющаяся у насъ, указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что вообще въ болѣе ранніе культурные періоды права приобретаются не иначе, какъ только тѣмъ путемъ, когда приобретающій получить какой-либо предметъ, являющійся представителемъ приобретаемаго. Если движимыя вещи могутъ быть переданы изъ полнъ въ полу, то этого, конечно, нельзя сдѣлать при переходѣ недвижимыхъ имуществъ, а также извѣстныхъ правъ, обусловливаемыхъ договоромъ, и вотъ для перехода недвижимыхъ имуществъ требуется передача извѣстной части вмѣсто цѣлаго; а при приобретеніи правъ должна быть передана или бирка, или колось, или, какъ въ настоящее время, кусочекъ бумаги, на которомъ изображено обязательство, словомъ, во всякомъ случаѣ, нѣчто матеріальное. Въ этомъ мы

¹⁾ Grimm. Rechtsalterthümer, стр. 121, 122, 125.

убѣдимся и изъ приводимыхъ ниже данныхъ относительно установленія права собственности.

Эскимось, по словамъ Франклина, облизываетъ данный ему подарокъ въ знакъ приобрѣтенія права собственности ¹⁾. Вещь могла быть очень незначительною, тѣмъ не менѣе этотъ обычай всегда примѣнялся и даже изъ приобрѣтаемыхъ игловокъ каждая отдѣльно облизывается языкомъ (Klemm, II, стр. 302). Подобный же обычай путешественникъ Пари встрѣчалъ у западной границы Баффинова залива; мѣстные жители только послѣ облизыванія предмета считали его окончательно приобрѣтеннымъ. Этотъ обычай облизыванія заслуживаетъ вниманія въ томъ смыслѣ, что онъ открываетъ для насъ завѣсу того отдаленнаго прошлаго, о которомъ никакихъ историческихъ данныхъ сохранился не могло, именно того прошлаго, когда собственностью какого-нибудь индивидуума считалось только то, что онъ поглощалъ, потреблялъ. Единственные предметы, которые человѣкъ усваивалъ, были тѣ, которые онъ потреблялъ, которые служили для его существованія. Каждый изъ насъ знаетъ, что грудной ребенокъ относится ко всѣмъ предметамъ, на которыхъ останавливается его вниманіе или которые попадаютъ ему въ руки, только съ точки зрѣнія груди, съ точки зрѣнія сосанія; это для него первый и единственный способъ распознаванія предметовъ. Очевидно, приблизительно съ такой же точки зрѣнія рассматривали предметы внѣшняго міра люди на очень ранней ступени культуры; они могли усваивать только тотъ предметъ, который они потребляли, или вѣрнѣе, считали своимъ только тотъ предметъ, который они потребляли. Разъ они стали усваивать и другіе предметы, не служившіе для потребленія, они по отношенію къ нимъ производили тѣ же дѣйствія, какія они производили бы по отношенію къ потребляемому предмету, т.-е. они брали его въ ротъ, облизывали его языкомъ. Такому взгляду на усвоеніе внѣшнихъ предметовъ или лицъ нужно приписать и происхожденіе поцѣлуя. Поцѣлуй является ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ такого взгляда на усвоеніе, а именно, что только съ помощью прикосновенія языкомъ или губами къ предмету, словомъ, съ помощью такого способа, который употребляется обыкновенно при потребленіи, можно выразить желаніе усвоить, соединить съ собою предметъ или лицо. Конечно, съ теченіемъ времени люди считаютъ возможнымъ усваивать и такіе предметы, которые не потребляются и вслѣдствіе этого образуются новые символы.

¹⁾ Bastian, Rechtsverh. стр. LV, и Klemm, Kulturgeschichte, B. II, стр. 296.

Такъ, у нѣкоторыхъ народовъ для символическаго обозначенія права собственности употребляется шерстяная нитка, которою предметъ обвертывается. У каранбовъ изъ Каманы, по свѣдѣнiямъ Гомары и Гереры, было достаточно обвести шерстяной ниткой садъ или полевой участокъ, чтобы охранить его отъ посягательствъ постороннихъ лицъ. Для того, чтобы постичь смыслъ этого дѣйствiя, мы приведемъ аналогичныя данныя изъ области брачно-половыхъ отношенiй. У ботокудовъ, по словамъ принца Макса, скрыванiе половыхъ органовъ имѣло весьма малое сходство съ дѣйствительной одеждой; опоясыванiя ниткой было совершенно достаточно для соблюденiя правилъ приличiя. Ясно, что точно такъ же, какъ въ данномъ случаѣ нитка нисколько не служила для удовлетворенiя требованiй приличiя, точно такъ же въ приведенномъ выше случаѣ частная собственность нисколько не приобрѣталась обведенiемъ ея шерстяной ниткой.

Извѣстно, что у многихъ народовъ носить одежду только замужнiя женщины, т.-е. одеждой, носимой женщиной, совершается выдѣленiе ея въ частное пользованiе одного субъекта. Такимъ образомъ шерстяная нитка, очевидно, служитъ только для той же цѣли, т.-е. для указанiя, что кто-то усвоилъ себѣ данный участокъ земли въ частное пользованiе.

Къ символамъ, носящимъ тотъ же характеръ, какъ обведенiе предмета ниткою, относятся и слѣдующiе.

Въ Новой Землѣ владѣльцу какаго-нибудь предмета нужно только поставить возлѣ него палку или колъ, чтобы защитить его отъ всякаго посягательства. Бѣдные промышленники никогда не осмѣлятся прикоснуться къ веслу, къ которому привязана лодка, такъ какъ, говорили они фонъ-Бэру, это тяжкiй грѣхъ ¹⁾. У самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ, и покрывшекъ для палатокъ («чумовъ»), есть обычай складывать эти предметы въ лѣтнее время въ сани и оставлять ихъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ: мирный идолъ (божокъ), поставленный въ сани, защищаетъ имущество отъ всякаго самоѣда. Нѣсколько времени тому назадъ рѣшительно нельзя было услышать, чтобы такой складъ былъ разграбленъ самоѣдомъ, и еслибъ онъ это сдѣлалъ, то ожидалъ бы всякихъ бѣдствiй, какъ справедливой кары на свою повинную голову. Точно также самоѣды по окончанiи звѣринныхъ промысловъ складываютъ въ кучу кожи съ убитыхъ звѣрей, кладутъ

¹⁾ Bastian, Der Mensch. T. I, стр. 227.

свое клеймо и уходить ¹⁾. Если какой-нибудь другой самоѣд найдетъ эту кожу и ему понадобятся нѣсколько изъ нихъ, то онъ беретъ ихъ, а на мѣстѣ оставляетъ деревянную бирку съ зарубками, которыя обозначаютъ число взятыхъ кожъ, съ своимъ клеймомъ, по которому хозяинъ кожъ можетъ найти своего должника и рассчитаться съ нимъ. Подобно самоѣдамъ и лопари кладутъ оленьи шкуры въ лѣсу; возвращаясь домой почти черезъ полъ-года, лопарь находитъ, что все у него въ цѣлости, и если какому-нибудь лопарю понадобится что-либо безъ хозяина, то онъ, взявъ вещь, оставляетъ свое клеймо. Однородный обычай мы встрѣчаемъ въ Землѣ Войска Донскаго. Въ неурожайные годы люди недостаточные бываютъ въ самомъ безвыходномъ положеніи, между тѣмъ какъ у людей зажиточныхъ большое количество необмолоченнаго хлѣба находится въ степи на току. Нуждающіеся въ такомъ случаѣ берутъ его взаимы, при взятіи хлѣба оставляютъ записку, привязываютъ ее къ колу на томъ же току; въ ней объясняется, что хлѣбъ взятъ изъ крайней нужды и при первомъ урожаѣ будетъ возвращенъ съ прибавкою. Даютъ обыкновенно двумя или тремя копнами больше. Такимъ образомъ изъ приведенныхъ фактовъ мы видимъ уже появленіе въ довольно раннія времена долговыхъ знаковъ, являющихся въ такомъ случаѣ эквивалентомъ предмета и дающимъ основаніе требовать обратнаго полученія предмета. Такимъ знакомъ являются, какъ мы видѣли, колосъ, «бирка» и вообще мѣтка съ клеймомъ. Биркою называется палочка или дощечка, на которой отмѣчается посредствомъ разнаго рода наръзовъ въ видѣ крестиковъ или точекъ количество долга.

Бирки обыкновенно изготовляются въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находится въ рукахъ должника, а другой у кредитора. Дѣлается это такимъ образомъ, что палочка, на которой сдѣланы знаки, разрѣзывается на двѣ части, затѣмъ при проверкѣ онѣ складываются и наблюдается, придутся ли отмѣтки, или нѣтъ; при уплатѣ долга по частямъ съ бирки срѣзаютъ знаки или дѣлаютъ въ знакахъ какія либо измѣненія ²⁾. Что касается клеймъ или мѣтъ, то они у каждой семьи отличныя и особенныя, такъ что свѣдущіе люди умѣютъ отличать ихъ. Происхожденіе клеймъ или мѣтокъ относится къ самымъ первобытнымъ періодамъ жизни человѣчества; они имѣютъ приму

¹⁾ Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Обычай евродцевъ, стр. 208—209.

²⁾ Нахманъ. Обычное право, Т. I, стр. 63.

связь съ такъ-называемымъ тотемизмомъ, о которомъ мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Тотемы еще въ настоящее время до того сильно распространены между первобытными народами, что Макъ-Ленанъ называетъ ихъ остатками ранняго періода развитія человѣка, называемого имъ тотемизмомъ; онъ состоитъ въ томъ, что племена раздѣлены на группы по извѣстнымъ знакамъ; по алгонкински «додемъ» значить знакъ и, смотря по знаку, данная группа носить названіе медвѣдя, волка, оленя и т. д. Этотъ знакъ служитъ доказательствомъ какъ бы происхожденія отъ одного общаго предка и можетъ быть сравненъ съ фамиліей или прозвищемъ данной группы. Знаки или тотемы обыкновенно вырѣзываются на предметахъ, принадлежащихъ данной группѣ лицъ—на веслахъ, лодкахъ, ружьяхъ и т. д. ¹⁾. Такимъ образомъ извѣстные знаки, свойственные цѣлой группѣ лицъ и обозначаемые на предметахъ, принадлежащихъ имъ, возникаютъ гораздо раньше, чѣмъ возникаетъ аристократическая геральдика.

Очевидно, что и мѣтки, дѣлаемыя на предметахъ и животныхъ и прекрасно различаемыя и распознаваемыя какъ пастухами, такъ и отдѣльными лицами, входящими въ составъ даннаго общества, относятся къ разряду этихъ же тотемовъ или знаковъ.

VII.

Какъ мы уже видѣли выше, Мэнъ утверждаетъ, что принципомъ, явившимся на смѣну принципа соединенія посредствомъ крови или общаго происхожденія, былъ принципъ территориальный. Намъ кажется, что это положеніе не вполне вѣрно: принципъ территориальности, или идея, что люди, живущіе на одной и той же территоріи, должны считаться равноправными или объединенными, дѣйствительно находитъ примѣненіе въ жизни человѣчества, но онъ не является на смѣну принципа соединенія по крови. Принципомъ, замѣняющимъ соединеніе по крови, является соединеніе по жертвоприношеніямъ или болѣе общее—по вѣроисповѣданіямъ, по общимъ религіознымъ понятіямъ. Очевидно, что соединеніе, происходящее съ помощью общихъ жертвоприношеній или вообще съ помощью одинаковаго отношенія къ существу, господствующему надъ судьбами людей, не то, что принципъ территориальный. Принципъ территориальный полу-

¹⁾ Waitz, Anthropologie. B. III, стр. 121.

часть громадное значеніе только въ наиболѣе поздніе періоды жизни человѣчества, въ наиболѣе сильный развѣтъ культуры. Какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена, на смѣну принципа соединенія по крови, повторяемъ, является принципъ религіозный, принципъ соединенія по принадлежности къ одному и тому же исповѣданію. Т.-е. точно такъ же, какъ въ наиболѣе первобытныя времена, человѣчество распадается на массу племенъ, изъ которыхъ каждое считается происходящимъ отъ одного и того же родоначальника; точно такъ же въ послѣдствіи все человѣчество распадается на религіозныя группы, изъ которыхъ каждыя относятся къ верховному существу извѣстнымъ, опредѣленнымъ образомъ, отличающимъ его отъ того, какъ относится къ этому существу другія исповѣдныя группы, и только тѣ, у которыхъ символическія отношенія къ верховному существу одинаковы, считаются объединенными, между ними только и можетъ существовать миръ; напротивъ между лицами, принадлежащими къ различнымъ исповѣданіямъ должны господствовать враждебныя отношенія. Слѣдовательно, какъ въ наиболѣе первобытныя періоды племена сливались чрезъ посредство фикціи, по которой они происходятъ отъ одного и того же родоначальника, точно такъ же въ послѣдствіи племена могли сливаться только чрезъ посредство принадлежности къ одному и тому же исповѣданію. Извѣстный историкъ еврейства Гейгеръ ¹⁾ говоритъ, что еврейство первое признало полноправными чужеземцевъ, принявшихъ еврейство, признавшихъ господство Бога евреевъ. Такое положеніе совершенно не вѣрно: понятіе о сливаніи племенъ и о союзѣ между ними посредствомъ общихъ жертвоприношеній появилось одновременно или даже, пожалуй, раньше у другихъ народовъ ²⁾.

Мы уже упоминали о томъ, что общія жертвоприношенія служили для образованія союза и связи между племенами. Въ послѣдствіи кромѣ жертвоприношеній для выраженія принадлежности къ одному и тому же исповѣданію служатъ и другіе символы. Такимъ символомъ, между прочимъ, было въ христіанствѣ крещеніе. По единодушному мнѣнію первоначальной церкви, всѣ стоящіе внѣ церкви, т.-е. не принявшіе крещенія, были обречены на вѣчное осужденіе. Такова же была судьба новорожденного дитяти, пока оно не подвергалось крещенію. Тридентскій соборъ призналъ безусловную необходимость крещенія для блаженства человѣка и присовокупилъ, что крещеніе должно быть про-

¹⁾ Das Judenthum und seine Geschichte. 2 Aufl. Breslau, 1865. I, стр. 88.

²⁾ См. между прочимъ Мэна, Древность человѣка, стр. 108.

ведено настоящей водой, а не чѣмъ-либо другимъ. Въ сочиненіи «De fide» сказано: «будьте увѣрены и не сомнѣвайтесь, что не только люди, умѣющіе разсуждать, но и маленькія дѣти, которыя начали жить въ утробѣ матери и тамъ умерли или непосредственно послѣ своего появленія на свѣтъ умерли, не принявъ таинства крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, подвергнутся вѣчному мученію неугасимаго огня» ¹⁾. Лютеране въ Аугсбургскомъ исповѣданіи признали безусловно необходимость крещенія съ такою же настойчивостью, какъ и тридентскіе богословы.

Исповѣданія, на которыя распалось само христіанство, въ сущности, въ свою очередь, были выраженіемъ того же начала, по которому только лица, соблюдающія извѣстнаго рода обряды, могутъ считаться объединенными, между тѣмъ какъ лица, хотя бы принадлежащія къ тому же христіанскому исповѣданію, но соблюдающія нѣсколько отличные обряды, не объединены между собою. Словомъ, не смотря на то, что чрезъ посредство христіанскаго догмата оказалось возможнымъ объединить массу народовъ и племенъ, но обособленность, раздѣльность и вражда между племенами выразилась, между прочимъ, въ томъ, что христіанство у каждаго народа или у каждой группы народовъ получило совершенно отличный и даже, пожалуй, враждебный другиму такимъ же христіанскимъ народамъ характеръ. Точно такъ же, какъ христіанство сначала противопоставлялось язычеству и еврейству, точно такъ же потомъ каждое отдѣльное изъ христіанскихъ исповѣданій противопоставляло себя другимъ такимъ же христіанскимъ исповѣданіямъ и служило выраженіемъ не единенія, а раздѣльности племенъ и народовъ. «Держитесь крѣпко, — говоритъ одинъ римско-католическій писатель, — и не сомнѣвайтесь, что не только всѣ язычники, но и евреи, еретики, схизматики (т. е. люди принадлежащіе къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ), которые расстаются съ этой жизнью, не будучи въ лонѣ католической церкви, попадутъ въ вѣчное пламя». Синодъ въ Церкви въ 412 г. опредѣляетъ: «Кто находится внѣ католической церкви, какъ бы ни была невинна его жизнь, но за одно то, что онъ отдѣлился отъ общенія съ Христомъ (въ формѣ римско-католической), онъ не будетъ имѣть жизни, а гнѣвъ Божій будетъ надъ нимъ». Ясно, слѣдовательно, что на смѣну принципу общей крови, обуславливавшему единство, въ культурномъ развитіи человѣчества выступаетъ принципъ общаго отправления ре-

¹⁾ Лекки, Geschichte der Aufklärung, I, стр. 270, 280, 282 и 284.

литургическихъ символовъ и обрядовъ, которыми, въ свою очередь, устанавливается единство, причемъ разединеніе между племенами выражается въ томъ, что даже народы, исповѣдующіе общіе основныя догматы христіанства, усваиваютъ обрядовыя особенности, являющіяся высшимъ выраженіемъ и обоснованіемъ существующей раздѣльности. И только на самой высшей ступени развитія общественныхъ группъ принципомъ единенія является жительство на извѣстной территоріи, т.-е. принципъ территоріальный.

VIII.

Хотя мы рассмотрѣли только небольшую группу символовъ, практиковавшихся у многихъ народовъ въ прошломъ и практикуемыхъ еще въ настоящее время среди массы народной, мы не можемъ, однако, отказаться отъ того, чтобы не указать еще, хотя бы вкратцѣ, происхожденіе символизма и причину, по которой символы складываются въ ту, а не въ другую форму. Повторяемъ, что мы дѣлаемъ это только вкратцѣ и кратко.

Чему приписать происхожденіе символическихъ дѣйствій и знаковъ? Прежде всего, чтѣ такое символы? Это — изображенія фактическимъ языкомъ извѣстныхъ идей, представленій и предметовъ. Рассказываютъ о великомъ моголѣ Акбаръ-ханѣ, что онъ захотѣлъ узнать, какимъ языкомъ стали бы говорить дѣти безъ всякаго обученія. Для этого онъ взялъ двѣнадцать грудныхъ дѣтей, заключилъ ихъ въ замокъ и отдалъ на воспитаніе двѣнадцати нѣмымъ кормилицамъ. Когда они достигли двѣнадцатилѣтняго возраста, то онъ велѣлъ привести ихъ къ себѣ и призвалъ въ свой дворецъ людей, знающихъ всѣ языки. Когда дѣти предстали предъ царемъ, всѣ были поражены удивленіемъ: они не говорили вовсе ни на какомъ языкѣ, они выражали свои мысли одними жестами, которые замѣняли имъ слова. Этотъ анекдотъ служитъ какъ бы указаніемъ на первобытное состояніе человѣчества и имъ какъ бы подсказывается мнѣніе, что на наиболѣе раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ вовсе не владѣлъ словомъ, а выражалъ свои мысли, идеи и представленія жестами, указаніями на предметы. Такая теорія была бы, конечно, въ значительной степени вѣроятна, но прямыхъ данныхъ, подтверждающихъ ее, мы не имѣемъ и, слѣдовательно, намъ приходится ограничиться другими данными, указывающими, если не на полное отсутствіе языка въ смыслѣ системы звуковъ у первобытныхъ народовъ, то во всякомъ случаѣ на недостаточность, неполноту языка, вслѣд-

ствіе чего и приходится прибѣгать къ тѣлодвиженіямъ, жестамъ, вообще къ символическимъ движеніямъ.

Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ жизни первобытныхъ народовъ, которые бросятъ нѣкоторый свѣтъ на возникновеніе символовъ. Спивсъ и Марціусъ, описывая бразильскія племена пурисовъ и короадесовъ, рассказываютъ, что различные племена эти разговариваютъ между собою жестами. Мерсеръ, описывая низкое состояніе цивилизаціи у нѣкоторыхъ племенъ на островѣ Цейлонѣ, говоритъ, что ихъ нарѣчіе не только непонятно сингалезцамъ, но что даже, объясняясь между собою, они употребляютъ жесты, гримасы. Точно также докторъ Милиганъ рассказываетъ, что на Вандименовой землѣ весьма распространена привычка употреблять жесты и знаки для дополненія смысла словъ. Такое же значеніе имѣетъ сообщеніе Бертонъ о сѣверо-американскихъ индійцахъ, по которому эти индійскія племена въ сношеніяхъ между собою въ такомъ общій употребляютъ знаки, что имъ довольно трудно разговаривать между собой въ темнотѣ ¹⁾. Словомъ, жестикуляція или изображеніе предметовъ и представленій знаками несомнѣнно является одною изъ насущныхъ потребностей въ первобытные періоды для полного и яснаго воспроизведенія ихъ. Мы знаемъ, что и въ настоящее время жестикуляція не потеряла своего значенія. — Конечно, тѣ народы, которые въ настоящее время самымъ сильнымъ образомъ жестикулируютъ, вовсе не принадлежатъ къ числу первобытныхъ или такихъ, у которыхъ слова недостаточно выражаютъ понятія, но несомнѣнно, что чѣмъ раньше, тѣмъ менѣе слова могли служить для полного и всесторонняго изображенія предметовъ и идей. Очевидно, что чѣмъ раньше, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ чаще приходилось прибѣгать къ символамъ, къ символическимъ изображеніямъ, тѣмъ всестороннѣе была примѣнимость символизма.

Но этого мало. Этимъ еще не объясняется характеръ символовъ и юридическихъ дѣйствій, ихъ физіономія, нѣтъ объясненія, почему юридическіе дѣйствія и символы таковы, а не иные. Мы уже указали, что юридическіе символы и дѣйствія стараются воспроизводить извѣстное определенное понятіе, представленіе физическимъ образомъ, причемъ они придаютъ этому физическому воспроизведенію такой характеръ, какъ будто бы природа независимо отъ воли человѣка производила эти дѣйствія, иначе говоря, стараются подражать природѣ въ своихъ искусственныхъ дѣйствіяхъ. Въ сущности ничего страннаго нѣтъ въ томъ, что

¹⁾ Тэйлоръ, Донсторич. бытъ. Москва, 1878, стр. 99—101.

человѣкъ во всемъ подражаетъ природѣ, такъ какъ у него никакихъ другихъ моделей и образцовъ для его дѣятельности нѣтъ. Вспомнимъ здѣсь то, что между прочимъ говоритъ Клеммъ въ своемъ сочиненіи «Объ орудіяхъ и оружіи» и полковникъ Лейбъ Фоксъ въ своихъ чтеніяхъ о войнѣ у первобытныхъ народовъ; они говорятъ, что первоначальное развитіе искусства происходитъ не по слѣпому инстинкту, а по выбору, подражанію и постепенному примѣненію усовершенствованія предметовъ и дѣйствій, которые природа, наставница первобытнаго человѣка, представляетъ ему. Такимъ образомъ наставническую роль природы объясняется характеръ и форма произведеній первобытнаго человѣка. Такъ, по словамъ Тейлора, мы можемъ съ полной увѣренностью въ большинствѣ случаевъ объяснить замѣчательное сходство каменныхъ лопатокъ, кремневыхъ ножей, топоровъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, принадлежащихъ отдаленнымъ временамъ и мѣстностямъ, сходствомъ матеріаловъ и потребностей дикой жизни. Наставническую роль природы и ея вліянія на дѣятельность человѣка можно наглядно видѣть и понять хотя бы изъ слѣдующихъ примѣровъ, приводимыхъ Тейлоромъ въ его «Первобытной культурѣ»¹⁾.

Искусство опьянять рыбу свойственно многимъ дикимъ племенамъ, которыя легко могли открыть его, увидѣвъ какой-нибудь лѣсной прудъ, куда попали ядовитыя растенія. Искусство ставить загородки для ловли рыбы во время отлива, столь общее у низшихъ племенъ, есть простая хитрость съ цѣлью помочь дѣйствіямъ природы.

Тоже происходило и въ другихъ искусствахъ, между прочимъ въ архитектурѣ и земледѣліи. «Какъ ни сложны, выработаны и разумны высшія ступени этихъ искусствъ.—говоритъ Тейлоръ,—не надо забывать, что ихъ низшія ступени начались съ простаго подражанія природѣ, съ копированія тѣхъ средствъ, которыя употребляетъ сама природа». Понятно послѣ этого, что и въ дѣйствіяхъ, относящихся къ нравственной и умственной жизни человѣка, онъ долженъ былъ стараться подражать дѣйствіямъ природы, что онъ и дѣлалъ, какъ мы могли убѣдиться въ этомъ изъ приведенныхъ въ настоящей статьѣ данныхъ.

М. Булибинъ.

¹⁾ Т. I, стр. 61—63.

ПОВѢСТИ-ПАРОДИИ БРЕТЪ-ГАРТА

Съ англійскаго.

Мы уже имѣли случай ¹⁾ указать значеніе очерковъ Бретъ-Гарта: «Condensed Novels; это—шутки, нерѣдко очень остроумныя и забавныя, въ которыхъ американскій писатель задался мыслью, поддѣлываясь подъ слабыя стороны нѣкоторыхъ извѣстныхъ или даже знаменитыхъ авторовъ, англійскихъ и французскихъ, представлять ихъ часто фальшивую манеру: такимъ образомъ, въ этихъ повѣстяхъ-пародіяхъ является юмористическая характеристика многихъ крупныхъ именъ, какъ Куперъ, Александръ Дюма, миссъ Брэддонъ и др. Представляя выгнѣшній разъ новую серію пародій Бретъ-Гарта, повторимъ уже сказанное нами по ихъ поводу, а именно: Бретъ-Гартъ преслѣдовалъ при этомъ не одно желаніе позабавить своихъ читателей, но имѣлъ въ виду осмѣять и тотъ испорченный вкусъ публики, который поддерживаетъ фальшивую манеру писателей.

¹⁾ См. выше, 1882 г., ноябрь, 316 стр.

I.

ДЖОНЪ ДЖЕНКИНСЪ

ИЛИ

ОТЪУЧЕННЫЙ КУРИЛЬЩИКЪ.

Т. С. Арчера.

— Одна сигара въ день!—сказалъ судья Бумпойнтеръ.

— Одна сигара въ день!—повторилъ Джонъ Дженкинсъ, съ поспѣшностью бросая подъ скамейку, на которой работалъ, свою на-половину докуренную сигару.

— Одна сигара въ день—это равно три сента въ день,—замѣтилъ серьезно судья Бумпойнтеръ: — а знаете ли, сэръ, сколько составитъ одна сигара или три сента въ день въ теченіе четырехъ лѣтъ?

Джонъ Дженкинсъ въ дѣтствѣ посѣщалъ сельскую школу и хорошо зналъ ариметику. Взявъ гонтъ, лежавшій на его рабочей скамьѣ, и вытащивъ кусокъ мѣлу, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ сдѣлалъ полное вычисленіе.

— Ровно сорокъ-три доллара и восемь сентовъ, — сказалъ онъ, отирая капли пота со лба; лицо его дышало благодушнымъ восторгомъ.

— Ну, такъ, сэръ, если бы вы откладывали ежедневно три сента, вмѣсто того, чтобы ихъ напрасно тратить, въ настоящее время вы бы имѣли новую пару платья, иллюстрированную Библію, отгороженное мѣсто въ церкви, полное собраніе Patent Office Reports ¹⁾, книгу гимновъ и право на получение Arthur's Home magazine, все это можно приобрести ровно за сорокъ-три доллара и восемь сентовъ; и,—прибавилъ судья, дѣлаясь еще серьезнѣе,—если вы сосчитаете високосный годъ, который вы, не понимаю почему, забыли, у васъ окажутся еще три сента, сэръ; *три сента сверхъ того!* что вы на это купите, сэръ?

— Сигару,—сказалъ Джонъ Дженкинсъ, и, сильно покраснѣвъ, онъ закрылъ лицо рукою.

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ судья, и ласковая добродѣтельная улыбка освѣтила строгое выраженіе его лица; употребленные съ надлежащею цѣлью, они дадутъ вамъ то, чему нѣтъ цѣны. Опущенные въ кружку миссіонера, эти три сента сдѣлаютъ то, что,

¹⁾ Официальные отчеты.

можетъ быть, какой-нибудь язычникъ, находящійся теперь во мракѣ невѣжества и грѣха, благодаря имъ будетъ приведенъ въ сознанію своего жалкаго положенія, своихъ нечестивыхъ поступковъ?

Пронзая эти слова, судья удалился, оставивъ Джона Дженкинса погруженнымъ въ глубокія думы.

— Три сента въ день,—проговорилъ онъ.—Черезъ сорокъ лѣтъ у меня было бы четыреста-тридцать-восемь долларовъ и десять сентовъ—и тогда я могъ бы жениться на Мери. Ахъ, Мери!—Молодой плотникъ вздохнулъ, и вытащивъ изъ кармана жилетки дагерротипъ въ двадцать-пять сентовъ, долго и пламенно глядѣлъ на черты молодой дѣвушки въ бумуслиновомъ платьѣ и съ коралловымъ ожерельемъ на шеѣ. Затѣмъ лицо его выразило твердую рѣшимость, онъ тщательно заперъ на замокъ дверь своей лавки и ушелъ.

Увы! его добрая рѣшимость запоздала. Мы иногда шутимъ съ фортуною, которая слишкомъ часто защемляетъ насъ у корня и бросаетъ облако несчастья на свѣтлый восходъ юности.

Въ эту ночь недокуренная сигара Джона Дженкинса загляла его лавку и она сгорѣла вмѣстѣ съ инструментами и матеріалами. Ничто не было застраховано.

— Такъ ты все-таки хочешь выйти замужъ за Джона Дженкинса?—допрашивалъ судья Бумпойнтеръ деревенскую красавицу Мери Джонсъ, шута и съ отеческою фамильярностью играя золотыми кольцами ея кудрей.

— Да,—отвѣтила красивая молодая дѣвушка тихо; голосъ ея напоминалъ свою сладостью и твердостью жженый сахаръ.—Да, хочу. Онъ обѣщалъ исправиться, послѣ того какъ онъ лишился, благодаря пожару, всего своего имущества.

— Послѣдствіе его дурной привычки, хотя онъ совершенно противъ логики обвиняетъ въ этомъ меня,—прервалъ ее судья.

— Съ тѣхъ поръ,—продолжала молодая дѣвушка,—онъ старался отвыкнуть отъ этой привычки. Онъ говорилъ мнѣ, что замѣнилъ стебли индійскаго табаку стручьими бобковаго растенія, которое называется курительнымъ бобомъ; кромѣ того, онъ собираетъ окурки сигаръ, попадающіеся ему иногда по дорогѣ; они менѣе хороши и крѣпки, но сравнительно ничего не стоятъ.—И краснѣя за свое собственное краснорѣчіе, молодая дѣвушка спрятала лицо на плечѣ судьи.

— Бѣдняжка!—прошепталъ судья Бумпойнтеръ.— Можно ли сказать ей все? Однако, я долженъ это сдѣлать.

— Я буду ему такъ же вѣрна, — продолжала молодая дѣвушка, поднимая съ этими словами голову: — какъ вѣрна молодая виноградная лоза, крѣпко обвивающая старую развалину. Нѣтъ, нѣтъ, не журите меня, судья Бумпойнтеръ. Я пойду за Джона Дженкинса!

Судья былъ видимо огорченъ. Сѣвъ за столъ, онъ поспѣшно на вложивъ бумаги написалъ нѣсколько строкъ и сунулъ его въ руки нареченной невѣсты Джона Дженкинса.

— Мери Джонсъ, — сказалъ судья съ трогательною серьезностью: — примите эту бездѣлицу, какъ свадебный подарокъ отъ того, кто такъ сильно уважаетъ ваше постоянство и вѣрность. У подножія алтара пусть напоминаетъ онъ вамъ обо мнѣ. — И закрывъ поспѣшно лицо носовымъ платкомъ, серьезный и обладающій желѣзною волею человѣкъ вышелъ изъ комнаты. Когда дверь за нимъ затворилась, Мери развернула бумагу. Это была записка въ мелочную лавку на углу отмѣрить три аршина фивели, выдать пачку иголокъ, четыре фунта мыла, одинъ фунтъ крахмалу и двѣ коробки сѣрыхъ спичекъ.

Благородный, добрый человѣкъ! — вотъ все, что могла произнести Мери Джонсъ, и закрывъ лицо руками, разразилась потокомъ слезъ.

Въ Кловвердэлѣ раздается веселый звонъ колоколовъ. Это свадьба. «Какъ они оба красивы!» слышится на устахъ у всѣхъ, когда Мери Джонсъ, стыдливо опираясь на руку Джона Дженкинса, вступаетъ въ церковь. Но невѣста взволнована, а въ женихѣ замѣтно лихорадочное безпокойство. Пока они стоятъ въ сѣняхъ, Джонъ Дженкинсъ шаритъ озабоченно въ карманъ сюртука. Не ищетъ ли онъ такъ безпокойно кольцо? Нѣтъ. Онъ вытаскиваетъ изъ кармана маленькій кусочекъ темнаго вещества и, откусивъ немного, поспѣшно суетъ его обратно въ карманъ, украдкой озираясь кругомъ. Навѣрное никто его не примѣтилъ? Увы! двое изъ участниковъ на свадьбѣ видѣли ровную уловку. Джонъ Бумпойнтеръ строго покачалъ головою. Мери Джонсъ вздохнула и про себя шептала молитву. Ея мужъ жевалъ табакъ.

— Что! еще хлѣба? — сказалъ сердито Джонъ Дженкинсъ. — Ты постоянно спрашиваешь денегъ на хлѣбъ. Чортъ возьми! Ты, кажется, хочешь разорить меня своими прихотями? — и кри-

неся эти слова, онъ вытащилъ изъ кармана бутылку виски, трубку и свертокъ табаку. Выпивъ все до послѣдней капли, онъ пустилъ пустую бутылку въ голову своего старшаго сына, мальчика лѣтъ двѣнадцати. Бутылка угодила ребенку прямо въ голову и онъ упалъ мертвымъ на полъ. Мистриссъ Дженкинсъ, въ которой читатель съ трудомъ узнаетъ сразу веселую и красивую Мери Джонсъ, взяла на руки мертвое тѣло своего сына, бережно положила несчастнаго мальчика у насоса съ водою на заднемъ дворѣ и, грустно понутивъ голову, вернулась домой. Въ другое время, въ болѣе свѣтлые дни, она, быть можетъ, разрыдалась бы отъ этого. Но источникъ слезъ уже иссякъ у нея.

— Отецъ, твое поведеніе предосудительно!—сказалъ маленький Гаррисонъ Дженкинсъ, младшій его сынъ. — Куда, ты думаешь, пойдешь ты послѣ смерти?

— А!—сказалъ съ бѣшенствомъ Джонъ Дженкинсъ:—вотъ что выходитъ, когда дѣтямъ даешь воспитаніе въ либеральномъ духѣ; вотъ результатъ воскресныхъ школъ. Прочь, смѣя!

Кружка, брошенная отцовскою рукою, уложила еще и маленькаго Гаррисона. Между тѣмъ, четверо младшихъ дѣтей въ трепетномъ ожиданіи собрались вокругъ стола. Громко смѣясь, совершенно измѣнившійся и сдѣлавшійся звѣремъ, Джонъ Дженкинсъ вынулъ четыре трубки и, набивъ ихъ табакомъ, подаль каждому изъ дѣтей по трубкѣ, и велѣлъ имъ курить. Это лучше, чѣмъ хлѣбъ!—злорадно смѣясь, сказалъ бездѣльникъ.

Мери Дженкинсъ, хотя и очень терпѣливая, почувствовала, однако, что теперь она была обязана высказать свое мнѣніе.—Я много вынесла, Джонъ Дженкинсъ,—сказала она.—Но я бы предпочла, чтобы дѣти не курили. Это неопытная привычка, и мараетъ платье. Я прошу этого, какъ особенной милости!

Джонъ Дженкинсъ колебался—у него появились угрызения совѣсти.

— Общай мнѣ это, Джонъ!—настаивала Мери, стоя на колѣняхъ.

— Общаю!—неохотно отвѣтилъ Джонъ.

— И ты будешь власть деньги въ сберегательную кассу?

— Буду,—повторилъ ей мужъ:—и брошу также курить.

— Вотъ и отлично, Джонъ Дженкинсъ!—сказалъ судья Бумпойнтеръ, неожиданно появляясь изъ-за двери, гдѣ онъ прятался это время.—Благородно сказано, любезный другъ! Развеселись! Я похлопочу о томъ, чтобы дѣти были прилично похоронены.— Мужъ и жена бросились въ объятія другъ друга.

А Джонъ Бумпойтеръ, смотря на трогательное зрѣлище, рыдался.

Съ этого дня Джонъ Дженкинсъ сталъ другимъ человѣкомъ.

II.

ФАНТИНА.

По Виктору Гюго.

Прологъ.

Пока будутъ существовать три парадокса: нравственный французъ, религіозный атеистъ и вѣрующій свептикъ; до тѣхъ поръ, пока въ дѣйствительности книгопродавецъ будетъ ждать — положимъ, лѣтъ двадцать-пять — до новаго евангелія; до тѣхъ поръ, пока бумага будетъ дешева, а чернила будутъ стоить три су за бутылку, я не колеблясь скажу, что книги, подобныя этимъ, не вполне бесполезны.

Быть добрымъ, значить быть страннымъ. Что такое добрый человѣкъ? Это — епископъ Миріаль.

— Другъ мой, можетъ быть, вы будете съ этимъ спорить. Вы скажете, что знаете, что такое добрый человѣкъ. Можетъ быть, вы скажете, напримѣръ, что вашъ священникъ добрый человѣкъ?

— Ба! вы ошибаетесь; вы — англичанинъ, а англичанинъ — животное.

Англичане думаютъ, что они нравственны, когда они только серьезны. Эти англичане носятъ также ужасныя шляпы и отвратительно одѣваются!

Они — *сволочи*.

Тѣмъ не менѣе епископъ Миріаль былъ добрый человѣкъ, — такой же добрый, какъ и вы. Въ дѣйствительности лучше васъ.

Однажды г. Миріаль былъ въ Парижѣ. Этотъ ангелъ имѣлъ обыкновеніе ходить по улицамъ, какъ и всякій другой человѣкъ. Онъ не былъ гордъ, хотя имѣлъ прекрасную наружность. И вотъ три *gamins de Paris* обозвали его дурными словами. Одинъ сказалъ:

— Ахъ, Богъ мой! вонъ идетъ священникъ, смотрите хорошенько за вашими цыплятами и яйцами!

Какъ поступилъ этотъ добрый человѣкъ?—онъ кротко обратился къ нимъ:

— Дѣти мои, — сказалъ онъ: — ясно, что вы не виноваты. Въ вашемъ оскорбленіи и непочтеніи я узнаю вину вашихъ ближайшихъ родственниковъ. Будемъ молиться за вашихъ ближайшихъ родственниковъ.

Они стали на колѣни и молились за своихъ ближайшихъ родственниковъ.

Результатъ былъ трогателенъ.

Епископъ спокойно озирался вокругъ.

— Подумавши, — сказалъ онъ серьезно, — я вижу, что ошибся; ясно, что тому виною общество. Будемъ молиться за общество.

Они стали на колѣни и молились за общество. Результатъ былъ еще возвышеннѣе. Что вы думаете объ этомъ? Я подразумѣваю васъ. Каждый помнитъ рассказъ о епископѣ и бабушкѣ *Nez Retroussé*. Бабушка *Nez Retroussé* торговала спаржею. Она была бѣдна; въ этомъ словѣ много значенія, другъ мой. Иные говорятъ: «бѣдный, но честный». Я говорю, да! Епископъ Миріэль купилъ шесть пучковъ спаржи. Этотъ добрый человѣкъ имѣлъ прелестный недостатокъ; онъ очень любилъ спаржу. Онъ далъ ей франкъ и получилъ три су сдачи.

Су были нехорошіе—фальшивые. Что сдѣлалъ этотъ добрый Епископъ? Онъ сказалъ: не надо бы брать сдачи у бѣдной женщины.

Потомъ онъ сказалъ своей экономкѣ: —никогда не бери сдачи отъ бѣдной женщины.

Затѣмъ онъ прибавилъ про себя:—потому что су будутъ навѣрно фальшивые.

Когда человѣкъ совершить преступленіе, общество заключаетъ его въ тюрьму. Тюрьма, это—самая худшая гостинница, какую себѣ можно только вообразить. Народъ тамъ глупъ и гадокъ. Масло тамъ плохое, кофе зеленый. А это ужасно!

Въ тюрьмѣ, какъ и въ плохой гостинницѣ, человѣкъ скоро теряетъ не только свою нравственность, но, что еще хуже для француза, чувство утонченности и деликатности.

Жанъ Вальжанъ вышелъ изъ тюрьмы съ смутными понятіями объ обществѣ. Онъ забылъ современныя особенности гостепріимства. Такимъ образомъ онъ ушелъ съ подсвѣчниками епископа.

Разсмотримъ это дѣло: подсвѣчники были украдены; это было ясно. Общество ввергло Жана Вальжана въ тюрьму; это тоже

было ясно. Въ тюрьмѣ общество лишило его утонченности; это тоже ясно.

Кто общество?

Вы и я — общество.

Другъ мой, вы и я украли эти подсвѣчники.

Епископъ думалъ одинаково. Онъ глубоко размышлялъ въ теченіе шести дней. Утромъ седьмого дня онъ пошелъ въ префектуру полиціи.

Онъ сказалъ: москѣ, арестуйте меня. Я укралъ подсвѣчники.

Чинovníкъ руководствовался законами общества и отказалъ ему.

Что сдѣлалъ этотъ епископъ?

Онъ приказалъ сдѣлать прекрасную гирю и цѣпь, приерпилъ ее къ ногѣ и носилъ до конца жизни.

Это фактъ!

Любовь — тайна.

Моя маленькая деревенская пріятельница въ Оверни сказала мнѣ однажды: «Викторъ, любовь, это міръ — она заключаетъ въ себѣ все».

Ей было всего шестнадцать лѣтъ, этой остроумной дѣвочки, и прелестной блондинкѣ.

Она вѣрила въ меня.

Фантина была изъ тѣхъ женщинъ, которыя дурно поступаютъ самымъ добродѣтельнымъ и трогательнымъ образомъ. Это — особенность французскихъ гризетокъ.

Вы — англичанинъ, вы не понимаете.

Учитесь, другъ мой, учитесь. Пріѣзжайте въ Парижъ и усовершенствуйте вашу нравственность.

Фантина была вся — скромность. Она всегда носила платье съ высокимъ воротомъ. Платье съ высокимъ воротомъ — признакъ скромности.

Фантина любила Тольмоа. Почему? Боже мой! Что же было съ этимъ дѣлать? Виноваты были ея родители, а у нея ихъ не было. Какимъ образомъ вы ее будете учить? Должно учить родителей, если хотите воспитать ребенка. Какимъ образомъ вы можете стать добродѣтельными? Учите вашу бабушку!

Когда Тольмоа убѣждалъ отъ Фантины, — что было сдѣлано очень мило, совсѣмъ какъ подобаетъ джентльмену, — Фантина

убѣдилась, что строгій взглядъ на приличія сочтетъ ея поведеніе безнравственнымъ. Она была чувствительное созданіе, глаза ея открылись. Она все-таки была добродѣтельна и рѣшила порвать сразу связь.

Она собрала свое добро и связала все вмѣстѣ въ узелъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Хотя она сама была ребенкомъ, но она любила одинаково и ребенка, и свое тряпье. Затѣмъ покинула Парижъ.

Родина Фантины измѣнилась.

Г. Маделинъ—ангелъ и изобрѣтатель водомета—училъ поселянъ, какъ дѣлать искусственный водометъ.

Это вѣкъ прогресса. Американцы,—сыны запада,—они дѣлаютъ мушкетные орѣхи изъ дерева.

Я самъ видѣлъ, какъ дѣлали сыры изъ сока сосенъ въ вигвамахъ этихъ дѣтей лѣсовъ.

Но цивилизація тоже обманчива. Общество зиждется на лжи. Даже лучшее французское общество. Тѣмъ не менѣе былъ одинъ эпизодъ, основанный на истинѣ.

Какой?

Французская революція.

Г. Маделинъ былъ все-таки лучше Миріэля.

Г. Миріэль былъ святой. Г. Маделинъ—добрый человѣкъ.

Г. Миріэль былъ мертвый человѣкъ.

Г. Маделинъ былъ живой человѣкъ.

Вотъ и вся разница между ними.

Г. Маделинъ дѣлалъ добродѣтель полезною.

Я видѣлъ написанное: Будьте добродѣтельны и вы будете счастливы.

Гдѣ я видѣлъ написанными эти слова? Въ современной Библии? Нѣтъ. Въ Коранѣ? Нѣтъ. У Руссо? Нѣтъ. У Дидро? Нѣтъ. Гдѣ же?—Въ прописи.

Г. Маделинъ былъ меромъ.

Вотъ какъ это случилось.

Долгое время онъ отказывался отъ этой чести. Однажды какая-то старуха, стоя на ступеняхъ крыльца, сказала:

— Вотъ, хорошій человѣкъ, хорошій меръ.

— Вы хорошій человѣкъ.

— Будьте хорошимъ меромъ.

Эта женщина знала реторику. Она понимала разумные выводы.

Когда этотъ добрый г. Маделинъ, который, какъ замѣтилъ читатель, былъ прежде обвиненъ на судѣ и былъ дурнымъ человекомъ, предалъ себя въ руки правосудія, какъ настоящій Жакъ Вальжанъ, въ тоже время и Фантина была выгнана съ фабрики и потерѣла отъ общества много неудачъ. Общество накинулось на нее и вотъ чего она лишилась:

Сперва, своего возлюбленнаго.

Затѣмъ, ребенка.

Мѣста.

Волосъ.

Зубовъ.

Свободы.

Жизни.

Что вы думаете объ обществѣ послѣ того? Я говорю вамъ, что настоящее общественное положеніе есть одно хвостовство.

Тутъ по неволѣ кончается исторія Фантины. Въ послѣдующихъ томахъ буду говорить о другихъ вещахъ. Не пугайтесь, еще много осталось несчастныхъ.

До свиданія, другъ мой.

III

ЖЕНЩИНА.

По Мюссе.

I.—ЖЕНЩИНЫ, КАКЪ УЧРЕЖДЕНІЕ.

Если бы не женщины, немногіе изъ насъ теперь бы существовали. Это—замѣчаніе осторожнаго и разсудительнаго писателя. Онъ былъ такъ же догадливъ, какъ и уменъ.

Женщина! Взгляните на нее и любуйтесь ею. Глядите на нее и любите ее. Если она пожелаетъ обнять васъ, дозвоьте ей это. Помните, она—слабое созданіе, а вы—сильное.

Не обращайтесь съ ней не ласково. Не любезничайте съ другою женщиною на ея глазахъ, даже, если она жена ваша. Не дѣлайте этого. Всегда будьте вѣжливы, даже, если кто-либо покажется ей лучше васъ.

Если бы вашей матери, дорогой Амадисъ, не появился отецъ вашъ лучше другого, вы могли бы быть сыномъ этого

другого. Обратите на это вниманіе. Всегда будьте философъ, даже относительно женщинъ: Немногіе мужчины понимаютъ женщинъ. Французы, можетъ быть, лучше другихъ.

Я—французъ.

II.—Ривенюкъ.

Она дитя—малютка—ребенокъ.

У нея есть отецъ и мать. Предположимъ, напримѣръ, что они женаты. Будемъ нравственны, если мы не можемъ быть свободны и счастливы—они женаты—можетъ быть, они любятъ другъ друга—кто знаетъ?

Но она ничего объ этомъ не знаетъ; она ребенокъ—малютка—ничтожное существо!

Сначала она не привлекательна. Можетъ быть, будетъ жестоко сказать это, но она—рыжая и положительно очень некрасива. Она глубоко это чувствуетъ и плачетъ! Она рыдаетъ. Ахъ, Боже мой, какъ она рыдаетъ! Ея рыданія и жалобы рѣшительно разрываютъ сердце. Слезы льются у нея потокомъ. Она чувствуетъ такъ сильно и глубоко какъ г. Альфонсъ де-Ламартинъ въ своихъ *Confessions*.

Если, сударыня, вы—ея мать, вы вообразите, что у нея глисты; вы будете смотрѣть, не попала ли булавка въ ея бѣлье или что-нибудь другое. Ахъ, лицемерка! вы, даже вы не понимаете ее.

Однако, у нея прелестные естественные порывы. Посмотрите, какъ она вскидываетъ своими полными ручками. Она тоскливо смотреть на мать. У нея свой собственный языкъ. Она говорить: «гу-гу» и «га-га».

Этотъ ребенокъ чего-то просить.

Она слабенькая, бѣдняжка! Она голодна. Ее нужно побороть. Покорми ее, мать!

Первая обязанность матери—кормить ребенка.

III.—Кукла.

Она едва можетъ ходить, но уже качается подъ тяжестью куклы.

Прелестная, нарядная игрушка. У нея розовыя щечки и черные съ краснымъ отливомъ волосы. Она предпочитаетъ броне-товъ, потому что съ быстротою французскаго ребенка она уже замѣтила, что сама—блондинка и что ея кукла не можетъ соперничать съ нею. Боже мой, какъ это трогательно! Счастливое дитя!

Она проводитъ цѣлыя часы, приготовляя ея туалетъ. Она начинаетъ заявлять о своемъ вѣсѣ въ изящныхъ мелочахъ ея платья. Она любитъ свою куклу безумно, преданно. Она предпочитаетъ ее конфетамъ. Она уже заранѣе предвѣщаетъ все обиліе любви, которую она разольетъ въ послѣдствіи на своего возлюбленнаго, на мать, на отца, и наконецъ, можетъ быть, на мужа.

Въ это время заботливая родительница должна давать направление этимъ изліяніямъ. Она должна прочесть ей извлеченіи изъ «L'Amour» Мишле, «Элизы» Руссо, и «Revue des Deux Mondes».

IV.—Пирожокъ изъ сырого песка.

Сегодня, она—вся въ слезахъ.

Она тихонько убѣжала отъ няни и играла съ деревенскими ребятишками. Они бѣгали куда глаза глядятъ, у нихъ жесткія руки и ноги.

Они успѣли посреди дороги вокругъ лужи и стряпали руками изъ глинистаго грунта фантастическія формы. У нея замерло дыханіе въ горлѣ, а глаза заблестали восторгомъ, когда она впервые своими нѣжными ручонками дотронулась до рыхлой земли. Она сдѣлала хорошенькій пирожокъ. Она начинила его камешками вмѣсто миндаля и изюму. Она все забыла. Онъ долженъ былъ испечься подъ солнечными лучами, когда няня пришла и увела ее.

Она плачетъ. Уже вечеръ, а она все еще плачетъ.

V.—Первая любовь.

Она уже болѣе не сомнѣвается въ своей красотѣ. Она любима.

Она тайно видѣлась съ нимъ. Онъ—живой и веселый. Онъ знаменитъ. У него уже была интрига съ горничною Финоринъ и бѣдная Финоринъ очень огорчена. Онъ—благороднаго происхожденія. Она знаетъ, что онъ—сынъ баронессы Кутюрьеръ. Она боготворитъ его.

Она дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ его. Бѣдняжка! Исполнить разсвѣтъ, уничтоженъ, неутѣшенъ и прелестенъ.

Она восхищается его сапогами, его галстукомъ, его маленькими перчатками, его изящными панталонами, его спортукомъ, его тросточкой.

Она предлагаетъ бѣжать съ нимъ. Онъ—въ восторгѣ, но онъ

великодушнѣ. Можеть быть, ему уже надоѣло. На другой день она видитъ, какъ онъ подносить цвѣты дочери графини Бланшиссѣвъ.

Она снова въ слезахъ.

Она читаетъ «Павла и Виргинію». Она въ тайнѣ восхищена, когда читаетъ, какъ примѣрная молодая женщина лишила себя жизни сворѣе, чѣмъ показаться полуодѣтою своему возлюбленному; она снова плачетъ. Изящный и добродѣтельный Бернардъ де Сентъ-Пьерръ!—дочери Франціи восхищаются тобою!

Все это время кула ея лежитъ безъ головы въ кабинетѣ. Пирогъ изъ песку высохъ и рассыпался на дорогѣ.

VI.—ЖЕНА.

Она устала любить и выходить замужъ.

Мать ея считаетъ это вообще лучшимъ исходомъ для нея. При приближеніи назначеннаго дня, ее часто застають въ слезахъ. Мать не позволяетъ ей нареченному видѣться съ нею и онъ дѣлаетъ нѣсколько попытокъ на самоубійство.

Но что-то происходитъ. Можеть быть, зима, и вода холодна. Можеть быть, нѣтъ достаточно людей, чтобы быть свидѣтелями его геронзма.

Такимъ образомъ жизнь будущаго супруга сбережена для нея. Дѣйствительно, пути Провидѣнія несповѣдимы. Въ настоящее время мать ея говоритъ съ нею. Она предлагаетъ ей помощь философін. Она скажетъ ей, что она сама была замужемъ.

Но что это за чудный, новый свѣтъ, блеснувшій передъ нею? Туалетъ и вѣнчальное платье. Она—въ новой сферѣ.

Она дѣлаетъ сама списокъ собственною рукою. Вотъ онъ. Пусть каждая мать обратитъ на него вниманіе ¹⁾.

Она—замужемъ. На слѣдующій день она встрѣчаетъ своего прежняго возлюбленнаго Ипполита. Онъ снова увлекается.

VII.—Ея старость.

Француженка никогда не старится.

¹⁾ Скропный читатель оцѣнитъ исключеніе нѣсколькихъ подробностей, которыхъ англійскіе синонимы запрещаются скромностью.

IV.

ЖИТЕЛЬ У ПОРОГА.

По сочиненіямъ сэра Эд-а Литтона Бумосра.

I.—РОДИТЕЛИ ИДЕАЛА.

Быль полдень. Сэръ Эдвардъ вышелъ изъ бругама и шелъ пѣшкомъ по улицѣ Strand. Онъ былъ одѣтъ по обыкновенію съ безупречнымъ вкусомъ, но выходя изъ экипажа, нога его подвернулась и маленькое круглое пятно густой грязи, немедленно появившееся на крутомъ подъемѣ сапога, нарушило эффектъ его блестящей обуви. Сэръ Эдвардъ былъ очень брезгливъ. Обведъ кругомъ глазами, онъ примѣтилъ въ недалекомъ разстояніи отъ себя молодого чистильщика сапогъ. Онъ направился туда, и небрежно поставилъ ногу на скамейку, ожидая, чтобы чистильщикъ сдѣлалъ свое дѣло. «Это правда, — сказалъ про себя, но почти вслухъ, сэръ Эдвардъ, — прикосновеніе нечистаго и отвратительнаго вредитъ блестящему и прекрасному — однако, и чѣмъ я здѣсь? Повторяю это спокойно, обдуманно: къ чему я здѣсь? А! Мальчикъ!» Мальчикъ поднялъ голову — его темные итальянскіе глаза смышленно глядѣли на философа, одною рукою онъ откинулъ назадъ нависшіе на его бѣлый мраморный лобъ блестящіе вьющіеся волосы, а другою покрылъ блестящимъ лакомъ Дѣя и Мартини сапогъ баронета, и глубокимъ, грубымъ голосомъ возразилъ ему: «идеалъ подчиняется дѣйствительности. Проявленія ума даютъ возможность отличать слабое, границы котораго, однако, я могу опредѣлять. Вы восхищаетесь прекраснымъ, сэръ. Вы хотите, чтобы вычистили ваши сапоги. Прекрасное достижимо посредствомъ монеты».

— А, — сказалъ сэръ Эдвардъ, задумчиво глядя на неземную красоту мальчика, стоявшаго передъ нимъ: — ты говоришь складно. Ты читалъ Канта?

Мальчикъ сильно покраснѣлъ. Онъ вытащилъ изъ-подъ блузы переписаннаго Канта, и отъ сильнаго смущенія выронилъ изъ-за пазухи на землю нѣсколько другихъ томовъ. Баронетъ поднялъ ихъ.

— А! — сказалъ философъ, — это что такое? Въ твои глѣ ты читаешь также «De Senectute» Цицерона? Эпиграммы Марціала, комментаріи Цезаря? Ты изучаешь классиковъ?

— E pluribus unum. Nux vomica. Nil desperandum. Nihil fit! — сказалъ восторженно мальчикъ.

Философъ пристально глядѣлъ на ребенка. Что-то странное казалось въ немъ. На блѣдномъ челѣ мальчика можно было прочесть труды ученика.

— А, и «Разбойники» Шиллера тутъ же? — допрашивалъ философъ.

— Das ist ausgespielt, — сказалъ скромно мальчикъ.

— Такъ ты читалъ мой переводъ балладъ Шиллера? — продолжалъ баронетъ съ выраженіемъ участія.

— Читалъ, и безъ сравненія предпочитаю ихъ оригиналу, — сказалъ мальчикъ, видимо понимая прочитанное. — Вы показали, какъ въ Дѣйствительной жизни мы боремся изъ-за Цѣли, которой не можемъ достичь; какъ въ мірѣ Идеальномъ Цѣль достижима, какъ тамъ усиліе все побѣждаетъ. Вы представили намъ Противоположность, которая есть въ ютѣ къ остающемуся, и постоянно колеблеть передъ нами положеніе Дѣйствительности передъ преимуществами Идеала.

— Честное слово, — сказалъ баронетъ: — удивительно, удивительно! — и онъ съ любовью глядѣлъ на маленькаго итальянца, снова принявшагося за свое скромное ремесло. Увы! крылья идеала были сложены. Ученикъ былъ поглощенъ мальчикомъ — чистильщикомъ сапогъ

Сапоги сѣра Эдварда были вычищены и онъ собрался уходить. Положивъ руку на вьющіеся густые кудри, вѣнчавшіе классическій лобъ ребенка-итальянца, онъ сказалъ мягко, и голосъ его звучалъ точно отдаленная музыка.

— Юноша, ты хорошо поступаешь. Люби добро. Защищай невиннаго. Заботься о нищемъ. Уважай философа... Подожди! Можешь ли ты сказать мнѣ, что такое Истина, Прекрасное, Невинность, Добродѣтель?

— Это слова, начинающіяся заглавными буквами, — сказалъ быстро мальчикъ.

— Довольно! Уважай все, что начинается заглавною буквою. Уважай меня! — и положивъ полъ-пенни въ руку мальчика онъ удалился.

Взоръ мальчика остановился на монетѣ. Черты его лица мгновенно страшно измѣнились. Низкій расчетъ исказилъ благородныя линіи его чела. Его черные глаза сверкали съ сдержаннымъ гнѣвомъ, точно у змѣи. Пригнувшись руками къ камню, онъ прошипѣлъ вслѣдъ удаляющейся фигурѣ баронета только одно слово:

— Обманщикъ!

II. Въ святѣ.

«Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, — говорилъ самъ съ собою сэръ Эдвардъ, когда его бругемъ медленно катился въ комитетъ, — ровно одиннадцать лѣтъ тому назадъ мой незаконный сынъ таинственно исчезъ. Я не сомнѣваюсь, что этотъ юный чистильщикъ сапогъ — онъ самый. Мать его умерла въ Италіи. Онъ ужасно похожъ на свою мать. Мнѣ кажется, нужно было бы позаботиться о немъ. Открыть ли ему, кто я? Нѣтъ! нѣтъ! Пусть лучше онъ отвѣдаетъ сладости труда. Бѣдность возвышаетъ умъ и зажигаетъ любовь къ прекрасному. Я поступлю относительно его ни какъ отецъ, ни какъ опекутъ, ни какъ другъ — а какъ философ!»

Съ этими словами сэръ Эдвардъ вошелъ въ комитетъ. Секретарь подошелъ къ нему. — Сэръ Эдвардъ, боясь разногласія въ палатахъ, первый министръ уже послалъ за вами.

— Я буду тамъ, — сказалъ сэръ Эдвардъ, положивъ руку на грудь и глухо кашляя.

Никто изъ тѣхъ, кто слушалъ въ этотъ вечеръ саркастическую и тонкую рѣчь баронета о дренажѣ и биллѣ относительно сточныхъ трубъ, не узналъ бы въ немъ поклонника Идеала и философскаго мыслителя о Прекрасномъ. Никто, слушая его грасснорѣчіе, не подумалъ бы о спартанской рѣшимости, которую этотъ человѣкъ съ желѣзною волей принялъ относительно пропавшаго мальчика — относительно его дорогого Ліонеля. Никто!

— Прекрасную рѣчь сказалъ сегодня сэръ Эдвардъ, — сказалъ лордъ Биллингстетъ, идя подъ руку съ премьеромъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ сѣсть въ свою карету.

— Да! но какъ страшно онъ кашляетъ!

— Дѣйствительно. Д-ръ Болюсъ говоритъ, что легкія его совсѣмъ пропали; онъ дышетъ единственно силою воли и совершенно безъ помощи легкихъ.

— Какъ странно! — и карета уѣхала.

III. Житіе порога.

Adon Ai, явись! явись!

И при словахъ Пророка, страшное Явленіе явилось изъ Нитомества и сѣло, подобно сфинксу, у ногъ Алхимика.

— Я здѣсь, — сказала оно.

— Ты долженъ сказать: «я пришелъ» — это грамматичнѣе, — сказали Новообращенный мальчикъ, задумчиво напирая на свои слова.

— Тише, мальчуганъ, — сказалъ строго Пророкъ, — хочешь ли ты противопоставить твои слабыя познанія безконечному разуму Безгрѣшнаго? Еще одно слово и ты пропадѣшь навѣки.

Мальчикъ сотворилъ молитву про себя, и передавъ запечатанный конвертъ Пророку, просилъ его, въ случаѣ своей преждевременной смерти, передать его отцу.

— Ты посылаешь за мною, — шепнуло явленіе, — созерцай меня, я Апокатартизонъ, Непроизносимый. Во мнѣ существуетъ все, что еще не существуетъ. Я Недостигаемое, Неосознаемое, Причина и Дѣйствіе. Наблюдай во мнѣ Брамѣ м-ра Эмерсона; не только самого Брамѣ, но также и священное музыкальное сочиненіе, исполняемое вѣрующимъ индусомъ. Я — истинный Гигесъ. Всѣ остальные — поддѣльные.

И скромный сынъ луча Звѣзды распространился по комнатѣ, уступая мѣсто Пространству.

— Неизмѣримая тайна, — сказалъ Розенкрейцеръ тихимъ, пріятнымъ голосомъ. — Омѣлый сынъ звѣзды! Ты, который пропадаешь все. Приказываю тебѣ, говори!

Таинственное, недостигаемое, безконечное явленіе заговорило.

IV. Я самъ.

Послѣ происшествій, рассказанныхъ въ послѣдней главѣ, читатель пойметъ, что ничего не было легче какъ помирить сѣра Эдварда съ его сыномъ Ліонелемъ и также воскресить красавицу итальянку, которая, какъ видно, не умирала, и устроить женитьбу сѣра Эдварда съ его юношескою привязанностью, которую онъ бросилъ. Ихъ бракъ совершился у св. Георгія на Ганноверскверѣ. Когда происходилъ свадебный обрядъ, сѣръ Эдвардъ съ крѣпкою, грустною улыбкою произнесъ совершенно такъ, какъ онъ всегда говорилъ:

— Великое и Прекрасное есть Дѣйствительность; Идеальное это только то, что смѣшно и низко. Никогда не забудемъ этого. Въ теченіе нашей жизни постараемся олицетворять добродѣтели и всегда будемъ писать ихъ заглавною большою буквою. Постараемся всегда, когда къ тому представится случай, передавать наши чувства въ тетрадкахъ. Уважайте людей пожилыхъ, избѣгайте вульгарности. Восхищайтесь сами собою. Почитайте писателя.

V.

Н. Н.

ПОВѢСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ ПАРАГРАФИЧЕСКОМЪ СТИЛѢ.

— Мадемуазель, вѣянусь вамъ, что люблю васъ.

— Вы, читающіе эти страницы; вы, устремляющіе ваши воспаленные глаза на эти слова—слова, которыя я начертилъ,— Ахъ, Боже мой, эта мысль сводитъ меня съума.

— Я буду спокоенъ. Я буду подражать сдержанности веселаго англичанина, который носить носовой платокъ съ горошинками, называемыми имъ «Belchio», который питается бифштексомъ и ласкаетъ бульдога. Я покорю себя подобно ему.

— Ха! Пиво! Отлично—годдэмъ!

— Или, я буду вести себя подобно свободно-рожденному американцу—веселому брату Джонатану! Я буду махать палкою. Буду насвистывать «Yankee Doodle» и забывать свои приступы гнѣва, сильно отхаркиваясь.

Міръ раздѣленъ на два отдѣла,—Парижъ и провинція. Парижъ—единственный. Провинцій много, между ними можно поименовать Англію, Америку, Россію и Италію.

Н. Н. былъ парижанинъ.

Но Н. Н. не жилъ въ Парижѣ. Бросьте парижанина въ провинцію и вмѣстѣ съ нимъ вы бросите туда частицу Парижа. Бросьте его въ Сенегамбію, и черезъ три дня онъ сдѣлаетъ вамъ *omelette soufflée*, или *paté de foie gras*, поданные самыми милыми дѣвушками Сенегамбіи, которыхъ онъ будетъ называть *mademoiselle*. Черезъ три недѣли онъ поставитъ вамъ оперу.

Н. Н. былъ заброшенъ не въ Сенегамбію, а въ Санъ-Франциско,—одинаково неудобно.

Въ Санъ-Франциско добывается золото, но золотить тамъ не умѣютъ.

Н. Н. прожилъ въ этомъ мѣстѣ три года. Онъ обился, какъ всѣ парижане. Посмотрите, мадемуазель, изъ вашей лжи въ комической оперѣ и сосчитайте лысины совершенно молодыхъ людей въ партерѣ. А—вы дрожите. Эти лысины—доказательство, куда попали и гдѣ прошли стрѣлы любви.

Н. Н. былъ очень близорукъ, какъ въ концѣ концовъ бывають всѣ парижане. Это природа любезно заботится о томъ, чтобы избавить ихъ отъ горя сознать, что знакомыя ихъ дамы

состарѣлись. Послѣ извѣстныхъ лѣтъ всякая женщина у парижанина — красавица.

Однажды Н. Н. шелъ по Вашингтонъ-Стритъ. Вдругъ онъ остановился.

Онъ стоялъ передъ дверью портнихи. За конторкою, въ дальнемъ концѣ магазина стояла молодая, изящная женщина. Она стояла спиною къ Н. Н. Онъ вошелъ. Съ приличнымъ извиненіемъ и кажушимся равнодушіемъ, онъ любезно вступилъ въ разговоръ съ портнихой, какъ только способенъ это сдѣлать одинъ парижанинъ. Но ему пришлось дѣло имѣть съ парижанкою. Его попыткѣ разглядѣть черты незнакомки за конторкею ловко помѣшала содержательница магазина. Ему пришлось удалиться.

Н. Н. пришелъ домой и лишился аппетита. Всю ночь ему мерещились нарядный корсажъ и изящныя плечи красивой незнакомки. На другой день онъ снова сталъ бродить подлѣ магазина портнихи. Ахъ! Боже мой! электрическая искра пробѣжала по всему его тѣлу и странно отдалась въ пальцахъ. Прелестная незнакомка была тутъ. Онъ граціозно приподнялъ шляпу. Онъ не былъ вполне увѣренъ, но ему показалось, что легкое колебаніе ея безупречнаго головного убора давало поводъ думать, что онъ былъ узнанъ. Онъ бы порывисто бросился въ магазинъ, но именно въ эту минуту портниха показала у дверей.

— Не угодно ли вамъ чего-нибудь, мосье?

Несчастье! Отчаяніе! Н. Н. купилъ бутылочку синильной кислоты, связку угля и пачку розовой почтовой бумаги и вернулся домой. Онъ написалъ прощальное письмо въ совершенствѣ сидѣвшему корсажу и открылъ бутылочку съ синильной кислотой. Кто-то постучался въ дверь. Это былъ китаецъ, съ своимъ ежедневнымъ бѣльемъ.

Эти китайцы покорны, но не умны. Они смыслены, но не умѣютъ создать ничего сами. Они хитры въ придумываніи средствъ, но не имѣютъ такта. Въ любви они просто варвары. Они покупаютъ своихъ женъ открыто, а не черезъ атторнея. Предлагая небольшія суммы за своихъ возлюбленныхъ, они унижаютъ полъ.

Тѣмъ не менѣе Н. Н. чувствовалъ, что спасенъ. Онъ объяснилъ все вѣрному монголу и показалъ письмо, которое написалъ. Онъ умолялъ его передать его.

Монголъ согласился. Этотъ народъ очень нечистоплотенъ, пахнетъ дурно, но Н. Н. бросился ему на шею. Одною рукою онъ обнялъ его, другою зажалъ себѣ носъ. Онъ почувствовалъ

черезъ его одежду, что подъ нею онъ сжимаетъ прекрасно сдѣвшій корсажъ.

Слѣдующій день былъ днемъ мученія и ожиданія. Насталъ вечеръ, но надъ нимъ не смилостивились. Н. Н. зажегъ уголь. Но чтобы привести нервы въ порядокъ, онъ заперъ дверь и сперва медленно прошелся взадъ и впередъ по Монгомер-Стриту. Когда онъ вернулся, онъ засталъ вѣрнаго монгола у порога.

— All lity! (Все идетъ хорошо!)

Китайцы провозносятъ не вѣрно. Они избѣгаютъ *p* подобно англійскимъ ноблеменамъ.

У Н. Н. захватило дыханіе. Онъ тяжело оперся на китайца.

— Такъ ты видѣлъ ее, Кингъ-Лонгъ?

— Да. All lity. (Все идетъ хорошо). Она пришла. На верхъ твоего дома.

Покорный варваръ указалъ на верхъ лѣстницы и засмѣялся.

— Она здѣсь — не можетъ быть! О небо!

— Да. All lity. На верху. Прощай, Джонъ.

Это обычное слово монголовъ при разставаніи. Оно развѣ сильно нашему: до свиданья.

Н. Н. въ странномъ удивленіи глядѣлъ на удалявшагося слугу.

Онъ прижалъ руку къ своему сильно бьющемуся сердцу. Она здѣсь, — одна подъ его кровлею. О Боже, — что за счастье!

Но какимъ образомъ? Оторвана отъ своего дома? Можетъ быть, ее тащили безжалостныя руки неумолимаго дикаря, оторвавъ ее отъ ея вечерней молитвы? Могла ли она простить ему?

Онъ порывисто взбѣжалъ по лѣстницѣ. Онъ отворилъ дверь.

Она, отвернувши лицо, стояла у его постели. Странно, у него закружилась голова. Онъ сталъ на колѣни у порога.

— Прости, прости. Ангелъ мой, можешь ли ты простить меня!

Страшная рвота прибавилась теперь къ сильному головокруженію. Ему стало трудно говорить, языкъ не повиновался ему.

— Говори, говори, обошительница. Прощеніе, вотъ все, чего я прошу. Моя любовь, моя жизнь!

Она не отвѣтила. Онъ вскочилъ на ноги. Когда онъ вставалъ, глаза его упали на свовороду съ горѣвшимъ углемъ. Страшное подозрѣніе мелькнуло у него въ головѣ. Это головокруженіе, эта рвота. Невѣжество варвара! Это молчаніе! О, милосердное небо: она умираетъ!

Онъ подползъ къ ней. Онъ дотронулся до нея. Она ушла

безжизненно на полѣ. Онъ пронзительно вскрикнулъ и бросился къ ней.

Полицейскіе нашли его на слѣдующее утро на полу мертвымъ. Они грубо смѣялись—эти жестокіе служители закона—и высвободили его руку изъ-подъ талии деревянной куклы, за которую они пришли отъ портнихи.

Опорожнивъ на него нѣсколько полныхъ ведеръ воды, имъ, наконецъ, удалось вырвать его не только изъ объятій его любовницы, но и смерти, которой онъ добивался безъ нея.

Ахъ, мы живемъ въ странномъ мірѣ, господа.

VI.

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

По Вилки Коллинзу.

Прологъ.

Слѣдующее объявленіе появилось въ «Times» 17 іюня 1845 г.
«Требуются.—Нѣсколько молодыхъ людей для легкой, хорошей работы. Адресоваться къ Ж. В. П. О.»

Въ той же газетѣ отъ того же числа, только на другомъ столбцѣ стояло:

«Отдается въ наймы удобный и изящный семейный домъ подъ № 27, Лимгоузъ-Родъ, въ Польшейвиллѣ; дешево отдадутъ respectable наемщику, если таковой найдется немедленно, такъ какъ семейство уѣзжаетъ на Континентъ».

Еще на другомъ столбцѣ, въ числѣ мѣстныхъ извѣстій:

«Пропаж. Незвѣстный, пожилой джентльменъ недѣлю тому назадъ вышелъ изъ своей квартиры, на Кентъ-Родъ, и съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно. Онъ не оставилъ ничего, что бы могло дать понятіе о его личности, кромѣ чемодана съ двумя рубашками, помѣченными: 209, Вордъ».

Отыскать связь между таинственнымъ исчезновеніемъ пожилого господина и анонимнымъ сообщеніемъ, связь этихъ двухъ случаевъ съ отдачею въ наймы удобнаго дома для семейства, и глубокою тайною, которою окружены эти три приключенія, будетъ задачею для пишущаго эту повѣсть.

Болѣзненный молодой человѣкъ, въ очкахъ, въ шляпѣ съ большими полями, штиблетахъ коричневаго сукна и записною книжкою въ рукахъ, сидѣлъ поздно вечеромъ въ кофейной

«Blue Dragon», держа передъ глазами номеръ «Times» и нервно жуя карандашъ, который держалъ въ зубахъ.

I. Разсказъ Мери Джонсъ.

Я—старшая горничная въ семействѣ, живущемъ въ домѣ подъ № 27, Лимгоувъ-родъ, Польшейвилля. Меня просилъ м-ръ Вильки Коллинсъ, о которомъ я осмѣливаюсь упомянуть здѣсь, какъ о джентльменѣ воспитанномъ и хорошаго происхожденія, уважающемъ чувства служанокъ и награждающемъ ихъ услуги,—болѣе этого нечего сказать о томъ, кто предлагаетъ вопросы и получаетъ достаточно краткіе отвѣты, чтобы объяснить въ нихъ то, о чемъ меня спрашиваютъ. Онъ просилъ меня разсказать мою исторію своими словами, хотя я и не ученая и не могу всего обдумать. Я считаю своего господина животнымъ. Я не слыхала, чтобы онъ намѣревался отравить мою госпожу,—она слишкомъ хороша для него, и какъ она могла выйти за него замужъ, ужъ право не знаю,—но я считаю его способнымъ на всякое звѣрство. Слышала, какъ онъ страшно ругался, если ровно въ девять часовъ ему не подавали воду для бритья. Не знаю, поддѣлывали онъ завѣщаніе или старался забрать имѣніе моей госпожи, но не имѣя никакой къ нему довѣренности, не удивлюсь, если онъ такъ поступилъ. Думаю, что въ его поведеніи было всегда что-то неискреннее. Помню отлично, какъ все семейство уѣхало за границу. Я причесывала себѣ голову въ послѣднее воскресенье утромъ, когда услышала звонокъ. Кухарка говоритъ мнѣ: «это звонокъ барыни, смотрите, торопитесь, а то барыня задастъ». Я говорю: «покорнѣйше васъ благодарю, но примимъ совѣтъ отъ того, кто его даетъ, я еще поспѣю». Я пошла, барыня еще одѣвалась, а баринъ по обыкновенію ругался. Барыня говоритъ мнѣ совершенно спокойно и свободно: «Мери, сегодня мы начнемъ укладываться». «Зачѣмъ сударыня?» спрашиваю я очень удивленная. «Что это за допросы?» говоритъ баринъ изъ-подъ одѣяла, имѣя видъ сущаго дикаря. «Мы ѣдемъ на континентъ—въ Италію,—говоритъ барыня:—можете ли вы ѣхать съ нами, Мери?» Голосъ ея былъ такой добрый, точно у святой, но я знала, чего ей это стоитъ, и сказала: «Съ вами, сударыня, въ жаркій климатъ Индіи готова слѣдовать, если нужно, но съ африканскими гориллами,—продолжаю я, глядя въ сторону постели,—никогда». «Убирайтесь изъ этой комнаты», кричитъ баринъ, вскакивая и бросая въ меня машинкою для снѣманья сапоговъ. «Что такое, Чарльсъ! какъ ты обращаешься!»

сказала барыня, дѣлая удивленный видъ. «Пойдемте, Мери», продолжаетъ она и суетъ мнѣ въ руку полъ-кроны. Я вышла изъ комнаты, не обративъ никакого вниманія на подлое поведеніе этого негодая.

Не могу сказать, благословляли ли законнымъ образомъ бракъ моихъ господъ. Что касается ужаснаго положенія нравственности и книгъ, получаемыхъ изъ летучихъ библіотекъ, то невинныя дѣвушки не знаютъ, въ какомъ обществѣ имъ придется поступить на мѣсто. Никогда не видала брачнаго свидѣтельства моей госпожи, хотя я совершенно случайно заглянула въ ея бюро, когда оно было открыто, и конечно увидала бы его. Не слыхала, чтобы у моей барыни были любовники. Мнѣ кажется, она любила Джона Томаса, лакея; она всегда сердилась, бѣдная барыня, когда заставляла насъ виѣстѣ, хотя между нами ничего не было; это отлично знаетъ кухарка и не можетъ отрицать—барынь не было повода ревновать. Никогда не видала въ ящикахъ мышьяку или синильной кислоты, но попадались усыпляющія средства и камфора. Одинъ изъ пріятелей моего господина былъ графъ Московъ, русскій папистъ—я его ненавидѣла.

II. ИСТОРІЯ ВОЛѢЗНЕННАГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВѢКА.

По профессіи, я—корреспондентъ и пишу для газетъ. Живу я въ Польшнейвиллѣ. У меня всегда была страсть къ чудесному и я отличался той легкостью, съ которою выслѣживалъ тайны и раскрывалъ загадочныя происшествія. Вечеромъ 17 іюня 1845 года, я вышелъ изъ своей редакціи и шелъ домой. Ночь была свѣтлая, звѣздная. Я обдумывалъ въ головѣ смыслъ странной статьи, только-что прочитанной мною въ «Times'ѣ». Я достигъ того мѣста моего пути, гдѣ было всего темнѣе, и замѣтилъ, что машинально повторяю: «Пожилой джентльменъ недѣлю тому назадъ вышелъ изъ своей квартиры на Кентъ-Родѣ», какъ вдругъ услыхалъ шаги за собою.

Быстро обернувшись съ выраженіемъ ужаса на лицѣ и при свѣтѣ только-что взшедшаго молодого мѣсяца, я увидалъ пожилого джентльмена съ зеленымъ бумажнымъ зонтикомъ; онъ приближался ко мнѣ. Его сѣдые, бѣлоснѣжные волосы были раздѣлены проборомъ на высокомъ, открытомъ челѣ. Выраженіе его лица, слегка раскраснѣвавшегося, было приторно любезно до глупости. Глаза его, широко открытые, странно вопросительно смотрѣли,—взглядъ имѣлъ полоумное или идиотское выраженіе. Проходя мимо меня, онъ остановился и слегка повернулся лицомъ

ко мнѣ, дѣлая вопросительный жестъ. Я все еще какъ будто вижу его: бѣлые локоны его волосъ слегка колеблются отъ ночного вѣтерка, шляпа надѣта немного назадъ, а лицо рельефно выступаетъ на фонѣ темно-голубого неба.

Вдругъ онъ прямо взглянулъ на меня своими кроткими глазами. Легкая улыбка заиграла вокругъ его тонкихъ губъ. Головою, немного дрожащимъ отъ лѣтъ, и съ полу-довольнымъ тономъ дурака онъ спросилъ, указывая на вставніи мѣсяцъ: «зачѣмъ?—Шш!»

Онъ спрятался за меня и боязливо глядѣлъ на дорогу. Онъ положилъ свои худыя руки мнѣ на плечи и я чувствовалъ, какъ дрожало отъ страха его старческое тѣло, указывая мнѣ по направленію предполагаемой опасности.

— Шш! развѣ вы не слышите, они идутъ?—Я прислушивался; ничего не было слышно, кромѣ шелеста деревь, по сторонамъ дороги, качаемыхъ ночнымъ вѣтромъ. Я старался успокоить его, и отчасти успѣлъ въ этомъ: черезъ нѣсколько минутъ прежняя слабая улыбка показалась на его добродушномъ лицѣ.

— Зачѣмъ?—За вопросительнымъ взглядомъ послѣдовало безнадежное, безумное выраженіе.

— Зачѣмъ!—повторилъ я успокоительнымъ тономъ.

— Зачѣмъ, — сказалъ онъ и лучъ разума блеснулъ у него въ лицѣ:—вонъ этотъ мѣсяцъ, когда онъ плыветъ въ голубомъ эфирѣ, бросая потоки свѣта на холмы и долины, подобно—зачѣмъ, —повторилъ онъ, слабо улыбаясь, —вонъ этотъ мѣсяцъ, когда онъ плыветъ въ голубомъ эфирѣ... Онъ остановился въ нерѣшимости, заикнулся — и безнадежно глядѣлъ на меня, слезы капали изъ его влажныхъ, широко раскрытыхъ глазъ.

Я ласково взялъ его руку въ свою.—Бросая тѣнь на холмы и долины,—спокойно повторилъ я, наводя его на тотъ же предметъ,—подобно... Пойдемте.

— А!—сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку дрожащею рукою, — вы знаете?

— Знаю. Не похоже ли это на... на... удобное помѣщеніе въ Лимгоузъ-Родъ?

Послѣдовалъ бессмысленный, удивленный взглядъ. Онъ грустно покачалъ головою. «Похоже на молодыхъ людей нужныхъ для легкой, хорошей работы»?

Онъ лукаво покачалъ своею старческою дряхлою головою.

— Или, м-ръ Вордъ,—сказалъ я смѣло и увѣренно,—похоже на таинственное исчезновеніе на Кентъ-Родъ?

Минута была полна ожиданія. Онъ, казалось, меня не слышалъ. Вдругъ онъ повернулся.

— Ха!

Я бросился впередъ. Но онъ уже исчезъ во мракѣ.

III. Домъ № 27, Лимгоузъ-Родъ.

Стоялъ жаркій лѣтній вечеръ. Никого не было на Лимгоузъ-Родѣ, кромѣ массы пыли, шума колесъ отъ телегъ мясниковъ, да звонковъ продавцовъ муффинговъ и лепешекъ. Удобный для жилья домъ, находившійся по правую сторону дороги, когда вы входите въ Польшейвилль, окруженный высокими тополями и высокою оградой, усыпанною осколками битого стекла, для проходившаго и утомленнаго путника имѣлъ видъ запущенный. У звонка при дверяхъ для прислуги висѣло въ обычныхъ выраженіяхъ объявленіе объ отдатѣ дома въ наймы.

Когда наступили сумерки и длинныя тѣни тополей легли вдоль дороги, человѣкъ, несшій маленькій котелокъ, остановился и посмотрѣлъ сперва на объявленіе, затѣмъ на домъ. Достигнувъ угла ограды, онъ снова остановился и осторожно оглядѣлъ путь. Вѣроятно удовлетворившись результатомъ осмотра, онъ спокойно ушелъ подъ покровомъ ограды, и сейчасъ же взялся за дѣло, но такъ тщательно скрывалъ свое занятіе, что проходившіе не могли примѣтить, что онъ именно дѣлаетъ. Черезъ часъ онъ осторожно удалился. Но его примѣтили. Болѣзненный молодой человѣкъ въ очкахъ и съ записною книжкою вышелъ изъ-за дерева, въ то время, какъ фигура удалявшагося незнакомца исчезала въ полу-мракѣ, и съ ограды переписалъ въ свою записную книжку только-что начертанную надпись: «С—Т—1860—Х».

IV. Разсказъ графа Москва.

Я—иностранецъ. Примѣйте! Иностранца въ Англіи непременно подозрѣваютъ въ тайнственности и интригахъ. М. Коллинзъ просилъ меня разсказать о моемъ участіи въ извѣстныхъ событіяхъ. Это—пустяки! положительно пустяки.

Я пишу легко и быстро. Почему бы мнѣ не писать? Тра-ла-ла! Я—то, что вы, англичане, называете толстякъ. Ха, ха! я ученикъ Макиавеля. Я нахожу лучше ни во что не вѣрить и достигать своей цѣли и желаній обходнымъ чѣмъ прямымъ путемъ. Вы вѣроятно наблюдали за кошечкою, этимъ игривымъ животнымъ. Повозите ее, она прямо не придегъ къ вамъ, но

сперва будетъ тереться обо всю мебель въ комнатѣ, наконецъ, подойдетъ къ вамъ и оцарапаетъ васъ. А, ха, оцарапаетъ. Я — изъ кошачьей породы. Люди зовутъ меня дрянью — гмъ!

Я знаю семейство, живущее въ домѣ подъ № 27 на Лимгоувъ-Родѣ. Я уважаю хозяина дома, — прекрасный, дюжій образецъ англичанина, — а хозяйка прелестна, обворожительна, восхитительна. Когда мнѣ стало извѣстно, что они намѣревались отдать въ наймы свою восхитительную резиденцію и посѣтить чужіе края, я тотчасъ же пріѣхалъ къ нимъ. Я поцѣловалъ руку хозяйки. Я обнялъ рослаго англичанина. Она слегка покраснѣла. Громадный англичанинъ какъ бульдокъ потрясъ мою руку.

Я началъ своимъ вкрадчивымъ тономъ, которымъ я дѣйствительно горжусь. Я полагалъ, что хозяйка дома больна. Ахъ, нѣтъ. Нужно было только переменить воздухъ. Я сѣлъ за фортепьяно и запѣлъ. Черезъ нѣсколько мгновений хозяйка дома удалилась. Я остался одинъ съ моимъ пріелемъ.

Схвативъ его руку, я началъ говорить со всевозможными выраженіями симпатіи и дружбы. Я не повторяю того, что говорилъ, потому что болѣе изъяслялъ свое сочувствіе тономъ, выразительностью жестовъ, чѣмъ словами. Я напомнилъ ему, что у него жива его другая жена. Я прибавилъ, что эта не вѣрна — ха! у его жены былъ любовникъ. Что легко можетъ статься, онъ хочетъ бѣжать, и поэтому онъ и отдаетъ въ наймы свое прелестное жилище. Что онъ аккуратно и систематично бьетъ свою жену по англійскому обычаю и что она постоянно его обманываетъ. Я говорилъ ему, чтобы онъ надѣялся, не унывалъ, что все пройдетъ. Съ безпечнымъ видомъ я вынулъ изъ своего кармана бутылку стрихнина и сыланочку съ дурманомъ и распространился о дѣйствіи этихъ зелій. Лицо его, постепенно подергивавшееся, вдругъ замерло съ ужаснымъ выраженіемъ. Онъ вскочилъ на ноги и заоралъ: «вы, проклятый французъ!»

Я тотчасъ измѣнилъ свою тактику и старался обнять его. Два раза онъ съ силою ударилъ меня ногою. Я просилъ позволенія поцѣловать руку хозяйки. Онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ, что сбросилъ меня съ лѣстницы.

Я лежу въ постели, голова моя обвязана, и на глаза положена сырая говядина, но все-таки я надѣюсь и не падаю духомъ. Я не потерялъ вѣры въ Макиавеля. Тра-ла-ла! какъ поютъ въ операхъ. Цѣлую всѣмъ руки.

V. ПОКАЗАНИЕ Д-РА ДИГГСА.

Имя мое — Давидъ Диггсъ. Я — врачъ и живу подъ № 9 въ Тоттенгэмъ-кортѣ. 15 іюня меня пригласили навѣстить пожилого господина, живущаго на Кентъ-Родѣ. Засталъ его въ сильно возбужденномъ состояніи, съ симптомами сильнѣйшей лихорадки, пульсъ 120 и все возвышался. Онъ повторялъ все однѣ и тѣ же фразы, говорилъ загадками.

При болѣе тщательномъ осмотрѣ нашелъ острую головную водянку и оба мозговыхъ полушарія, быстро наполнявшимися водою. Посовѣтовавшись съ знаменитымъ френологомъ, увидѣлъ, что всѣ органы были болѣе или менѣе повреждены, исключая органа сравненія. Потому больной могъ только дѣлать самыя обыкновенныя сравненія между предметами, но это не помогало ему въ другихъ его способностяхъ, какъ, напримѣръ, въ способности понимать и разговаривать. Но въ вечеру нашелъ, что силы его упали, — онъ не былъ въ состояніи перенести самый простой *conundrum*. Я выписалъ «*Tinct Val. Ext. Opii* и *Camphor.*», и предписалъ спокойствіе и смягчительныя средства. 17-го, больного не нашли.

VI. ПОКАЗАНИЕ ИЗДАТЕЛЯ.

18 іюня м-ръ Вильямъ Коллинсъ оставилъ намъ рукопись для напечатанія безъ заглавія или какого-либо указанія, и съ тѣхъ поръ мы о немъ ничего не слыхали. Не смотря на старанія корректоровъ и дѣльное литературное содѣйствіе, опасаемся, что главы этой повѣсти были случайно перепутаны, когда она писалась, и что это лишаетъ ее связи. Какимъ образомъ и какія главы здѣсь перепутаны, издатель предоставляетъ рѣшить снисходительной публикѣ.

VII.

НЕ ПО ХОРОШУ МИЛЪ, А ПО МИЛУ ХОРОШЪ.

Чарльза Рида.

Додды умерли. Уже двадцать лѣтъ покоились они подъ поросшими зеленою муравою могилами кладбища Киттери. Городскіе жители не разъ еще поминали ихъ добрымъ словомъ. Хозяинъ пивной, гдѣ Давидъ имѣлъ обыкновеніе выкуривать трубку

табаку, постоянно сожалѣлъ о немъ, а мистриссъ Битти, горничная мистриссъ Доддъ,—къ ея красивой фигурѣ такъ шли платья ея госпожи,—была положительно безутѣшна. Господа Гардинъ были въ Америкѣ. Рэби страдалъ аристократическою болѣзнью—подагрою; мистриссъ Рэби была очень религіозна. Однимъ словомъ, мы сказали:

1. М-ръ и м-ссъ Доддъ (умерли).

2. М-ръ и м-ссъ Гардинъ (выѣхали).

3. Рэби, *баронъ и ея жена*. (Однако о первомъ я ничего не могу сказать; онъ вышелъ изъ семьи, гдѣ всѣ отличались долговѣчностью, а подагра—такая болѣзнь, что никогда нельзя знать, чѣмъ и когда она кончится).

Въ этой повѣсти дѣйствуютъ (*place aux dames*):

1. Лэди Каролина Ковентри, племянница сера Фредерика.

2. Фаредэй Гёесли Литтль, сынъ покойныхъ Генриха и Грессъ Литтль.

Sequitur—герой и героиня.

Послѣ смерти своихъ родителей, Фаредэй Литтль былъ взятъ въ Рэби-Голлъ. Принимая его подъ свою опеку, м-ръ Рэби сильно былъ недоволенъ тѣмъ, что Фаредэй имѣлъ очень простую наружность и ни во что не вѣрилъ.

— Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ, дорогой мой,—заступалась Джовэль за сироту, простирая все еще прекрасныя руки.—Вѣдь это не его вина, что онъ не похожъ на своего отца,—прибавила она съ глубокимъ вздохомъ. Джовэль была вполнѣ женщина и мстила за себя тѣмъ, что никогда не могла вполнѣ простить бывшей соперницѣ.

— Это еще бы ничего, сударыня,—воскликнулъ Рэби,—но чортъ возьми, этотъ мальчишка, кромѣ того, ученый,—атеистъ, радикалъ, надъ всѣми глумится! Онъ не вѣритъ въ Библію, сударыня; голова его набита дарвиновскимъ вздоромъ о естественномъ подборѣ и происхожденіи человѣка? Происхожденіе! Въ мое время, сударыня, люди счастливы были тѣмъ, что могли вести свой родъ и считать предковъ, а не увѣрять, что люди происходятъ отъ обезьяны!

— Милый мой мальчикъ очень уменъ,—промолвила Джовэль.

— Уменъ!—заоралъ Рэби:—къ чему умъ джентльмену!

Молодой Литтль былъ уменъ. Семи лѣтъ онъ устроилъ телескопъ; девяти — летающую машину. Десяти лѣтъ онъ спасъ жизнь человѣку, который того стоилъ.

Сосѣдній Норвудъ-паркъ было вполне барское помѣстье подъ громадными высокими деревьями его водились въ изобиліи олени. Дороги его были тщательно посыпаны щебнемъ. Однажды, гнѣвнымъ утромъ Литтль бродилъ тутъ, обдумывая, какъ устроить юлчекъ новаго фасона съ потайнымъ шнуркомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него мелькнула фигурка въ кружевахъ и лентахъ. Дѣвочка очень небольшая — примѣрно лѣтъ семи, разодѣтая очень нарядно, по послѣдней модѣ, стояла подлѣ небольшого куста. Ея няня не была съ нею, вѣроятно потому, что и лакей Джонъ тоже куда-то исчезъ.

Литтль неожиданно подошелъ къ ней.

— Извините меня, но знаете-ли вы, что это за ягоды? — Онъ указалъ ей на кустъ, покрытый темными гроздями подозрительно блестящихъ ягодъ.

— Конечно; это — голубица.

— Извините меня, но вы ошибаетесь. Онѣ принадлежатъ совершенно къ другому семейству.

Миссъ Эмпюденсъ вытянулась во весь свой ростъ (ровно три фута девять съ половиною дюймовъ) и на одну восьмую дюйма нагнувъ свои алые губки, сказала презрительно: — можетъ быть, къ *вашему* семейству.

Фарэдэй Литтль улыбнулся, сознавая превосходство юности надъ дѣвучкою.

— Я говорю о классификаціи. Это растеніе — белладонна. Но алкалоидъ есть усыпляющій ядъ.

Грубянка поблѣднѣла. — Я только-что съѣла нѣсколько ягодъ! — она начала плакать. — О Боже, что мнѣ дѣлать? — Затѣмъ — сдѣлала, а именно заплакала, ломая свои крошечные пальчики.

— Извините меня на одну секунду. — Литтль обвилъ рукою шею и своимъ большимъ пальцемъ широко приподнял аристократическія вѣки ея нѣжныхъ голубыхъ глазокъ. — «Благодаря ему, еще нѣтъ разширенія зрачка; еще не слишкомъ поздно!» — онъ поспѣшно оглядѣлся кругомъ. Подлѣ него лежалъ садовый ящикъ.

— Скорѣй откройте ротъ!

Это былъ хорошенькій, требовавшій поцѣлуя ротикъ. Но Литтль былъ занятъ дѣломъ. Онъ сунулъ носомъ въ ея розовое рылцо насколько могъ глубоко.

— Теперь не двигайтесь.

Онъ обернулъ своимъ носовымъ платкомъ палку отъ обруча. Затѣмъ онъ вставилъ ее въ крѣпкій рукавъ. Пришлось плотно. Онъ толкнулъ поршень дальше и затѣмъ вытащилъ.

Природа ненавидитъ пустоту. Юная патриціанка подлежала этому закону, такъ же какъ дочь самаго послѣдняго мужа.

Она поддалась. Въ одну минуту все было кончено. Затѣмъ она пришла въ страшный гнѣвъ.

— Вы гадкій, дурной — *некрасивый* мальчикъ.

Молодой Литтль вздрогнулъ, но улыбнулся: «Дайте возбуждающихъ средствъ, — шепнулъ онъ пришедшей и испуганной нянѣ, — добрый вечеръ». И онъ ушелъ.

Размолвка между молодымъ Литтлемъ и м-ромъ Рэби по немногу увеличивалась. Литтль находилъ, что многое не такъ въ Голлѣ. Потолокъ и панели чернаго дуба не такъ здоровы какъ штукатурка; кромѣ того, въ комнатахъ отъ дуба темнѣе. Потолокъ въ спальнѣ слишкомъ низокъ; архитекторы временъ Елизаветы не понимали ровно ничего въ вентиляціи. Цвѣтъ дубовыхъ стѣнъ, которыми вы такъ восхищаетесь, происходитъ отъ избытка угля и испареній изъ поръ вашей кожи.

— Оставь мой домъ, — ревелъ Рэби, — прежде чѣмъ кровля обрушится на твою святотатственную голову!

Когда Литтль выходилъ изъ дому, въ домъ входили леди Каролина и красивый мальчикъ, приблизительно однихъ лѣтъ съ Литтлемъ. Леди Каролина отступила и затѣмъ вся вспыхнула. Литтль вытаращилъ глаза, онъ инстинктивно почувствовалъ присутствіе соперника.

Литтль много работалъ. Онъ занимался днемъ и ночью. Черезъ пять лѣтъ онъ былъ лекторомъ, затѣмъ профессоромъ.

Онъ парилъ до облаковъ, онъ спускался до подваловъ, гдѣ жили лондонскіе бѣдняки. Онъ анализировалъ лондонскіе туманы и нашелъ, что въ нихъ двѣ доли дыму, одна — заразительныхъ болѣзней, другая — всевозможныхъ гадостей. Онъ напечаталъ памфлетъ, который вызвалъ яростныя нападенія. Тогда онъ понял, что кое-что сдѣлалъ.

Но онъ не забылъ Каролину. Однажды онъ гулялъ въ Зоологическомъ саду и набрелъ на прелестную картинку, — тутъ было и мясо, и кровь. Леди Каролина кормила медвѣдей сладкими пирожками. Искра пробѣжала у него по жиламъ. Она повернула къ нему свое очаровательное лицо, и глаза ихъ

встрѣтились. Они вспомнили свою первую встрѣчу семь лѣтъ тому назадъ, но теперь настала его очередь; онъ былъ застѣнчивъ и сконфуженъ. Удивительное могущество лѣтъ и пола! Она встрѣтила его съ полнымъ самообладаніемъ.

— Вкусны, но, боюсь, неудобоваримы (она подразумѣвала пирожки).

— Умная женщина, подобная вамъ, легко можетъ это исправить (она, хитрая, видѣла хорошо, въ чемъ, дѣло и думала о чемъ-то другомъ).

Черезъ нѣсколько минутъ они весело болтали. Литтль серьезно толковалъ о различныхъ животныхъ, она съ восхитительнымъ вниманіемъ, слушала его. Часъ прошелъ весело и незамѣтно.

Послѣ этого солнечнаго луча, надвинулись тучи. Къ нимъ вдругъ подошелъ м-ръ Рэби и красивый молодой человѣкъ. Джентльмены натянуто поздоровались и смотрѣли другъ на друга злобно, какъ и чувствовали. Въ этомъ кварталѣ дама любезно улыбнулась, хотя чувство ея вовсе не соответствовало улыбкѣ.

— Вѣроятно, вы смотрите на вашихъ предковъ,—сказалъ м-ръ Рэби, указывая на обезьянъ,—мы вамъ не будемъ мѣшать. Пойдемъ.—И онъ увелъ Каролину.

У Литтля было тяжело на сердцѣ. Онъ не смѣлъ слѣдовать за ними. Но черезъ часъ онъ увидалъ кое-что, что наполнило его сердце несказаннымъ счастьемъ.

Лэди Каролина съ божественною улыбкою на устахъ кормила обезьянъ!

Поощряемый любовью, Литтль усиленно работалъ надъ своею летающею машиною. Труды его были облегчены тѣмъ, что онъ могъ разговаривать о своей возлюбленной съ ея горничной, французенкой Терезой, которую онъ тайно подкупилъ. *Mademoiselle Thérèse*, какъ всѣхъ особъ ея класса, можно было подкупить, но въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, она прельстилась не британскимъ золотомъ: какъ ни странно это покажется британскому уму, въ югамъ этого *savant* привелъ ее британскій геній, британское краснорѣчіе, британскія идеи.

— Мнѣ кажется,—сказала лэди Каролина, прерывая блестящія похвалы ея горничной искусству мистера Литтля,—мнѣ кажется, вы влюблены въ этого профессора.—Мимолетная краска юкрыла блѣдно-зеленыя щеки Терезы; впослѣдствіи лэди Каролина это вспомнила.

Наступилъ памятный день для испытанія машины. Публика обраталась нетерпѣливая, надменная, какою только можетъ быть

глупая публика. На открытой аренѣ колебался надъ машиною длинный цилиндрическій баллонъ, формою напоминавшій болонскую сосиску; казалось онъ хотѣлъ, подобно птицѣ, пойманной въ тенета, освободиться отъ машины. Онъ былъ прикрѣпленъ къ полу толстыми канатами.

Литтль ожидалъ балласта, когда увидалъ среди зрителей лэди Каролину. Во взглядѣ его было столько мольбы. Въ одну минуту онъ уже былъ подлѣ нея.

— Я бы такъ хотѣла сѣсть въ эту машину, — сказала застѣнчиво лицемѣра.

— Вы выходите замужъ за молодого Рэби, — сказалъ прямо Литтль.

— Какъ вы хотите, — сказала она любезно, — должна-ли я принять это за отказъ?

Литтль былъ вполне джентльменъ. Онъ приподнялъ и посадилъ ее и ея маленькую собачку въ лодочку.

— Какъ хорошо! она не улетитъ?

— Нѣтъ, канатъ крѣпокъ, а балластъ еще не положенъ.

Раздался выстрѣлъ, точно изъ пистолета; зрители вскрикнули, тысячи рукъ протянулись, чтобы схватить лопнувшій канатъ, и шаръ полетѣлъ къ верху.

Одна рука изъ этой тысячи поймала канатъ, то была рука Литтля! Но въ ту же минуту зрители, пораженные ужасомъ, увидели, какъ онъ заболталъ въ воздухѣ ногами и, все держась за канатъ, полетѣлъ въ пространство.

Лэди Каролина упала въ обморокъ ¹⁾. Ея собака положила ей на щеку свой влажный и холодный носъ, и это привело ее къ чувству. Она боялась взглянуть на край лодки; она не смѣла поднять къ верху глаза, гдѣ гремѣло чудовище, наводившее на нее смертельный страхъ. Она бросилась на дно лодки и обнимала единственное существо, оставшееся для нея въ живыхъ — ея пуделя. Она заплакала. Вдругъ послышался ясно голосъ; онъ, казалось, выходилъ изъ окружающаго воздуха:

— Смѣю я просить васъ взглянуть на барометръ?

Она высунула голову изъ лодочки. Литтль висѣлъ на концѣ длиннаго каната. Она снова спрятала голову.

¹⁾ Право сдѣлать изъ этой и послѣдующихъ главъ драму сохранено авторомъ за собой.

Черезъ минуту онъ примѣтилъ ея безпокойное лицо, покрытое краскою, — лучезарное видѣніе.

— О, прошу васъ и не думайте подниматься! Оставайтесь тамъ, умоляю васъ!

Литтль остался. Конечно, она ничего не сдумѣла сдѣлать съ барометромъ, и такъ и сказала. Литтль улыбнулся.

— Не будете ли такъ добры спустить его внизъ ко мнѣ?

Но у нея не было ни веревки, ни даже бичевки. Наконецъ она сказала: — Обождите минуточку.

Литтль ждалъ. Въ эту минуту лица ея нельзя было видѣть. Барометръ медленно спустился, привязанный къ шнурку отъ корсета.

Барометръ страшно поднялся. Литтль взглянулъ на трубку и не сказалъ ничего. Послышался вздохъ. Затѣмъ рыданіе. Затѣмъ довольно рѣзкимъ голосомъ провознесли:

— Почему вы ничего не дѣлаете?

Литтль поднялся на рукахъ по канату. Лэди Каролина прижалась въ противоположномъ углу лодки. Пудель Фидо жалобно вылъ. — Бѣдняжка, — сказала лэди Каролина, — онъ голоденъ.

— Хотите вы спасти собаку? — сказалъ Литтль.

— Да.

— Дайте мнѣ вашъ зонтикъ.

Она передала Литтлю довольно объемистую вещь, состоявшую изъ шелка, кружевовъ и китоваго уса (не похожій на ваши зонтики). Литтль внимательно осмотрѣлъ всѣ твердыя части его состава.

— Дайте мнѣ собаку.

Лэди Каролина поспѣшно сунула записку подъ ошейникъ пуделя и передала своего любимца.

Литтль привязалъ собаку къ ручкѣ зонтика и спустилъ въ пространство. Они медленно, но спокойно стали спускаться на землю. Между зонтикомъ и парашютомъ есть различіе, но нѣтъ разницы. — Не безпокойтесь, его накормятъ на какой-нибудь фермѣ.

— Гдѣ мы теперь?

— Это непроницаемое пятно, которое вы видите, это лондонскій туманъ. Эти схожія между собою два облака обозначаютъ Сѣверную и Южную Америку. Неясныя пятна съ правой стороны — это Іерусалимъ и Мадагаскаръ.

Лэди Каролина придвинулась ближе. Она начала интересоваться. Но когда она опять вспомнила свое положеніе, она

спросила дрожащимъ голосомъ: — Какимъ образомъ мы спустимся?

— Отрывши клапанъ.

— Затѣмъ же вы не открываете?

— Потому что шнурокъ, ведущій къ клапану, порванъ.

Леди Каролина упала въ обморокъ. Когда она очнулась, уже стемнѣло. Казалось, они пробираются между толстыми глыбами чернаго мрамора. Она охала и дрожала.

— Хорошо бы было, если бы съ нами былъ огонь.

— Со мною нѣтъ спичекъ, — сказалъ Литтль. — Но, я вижу, что на васъ янтарное ожерелье. Янтарь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, заключаетъ въ себѣ очень много электричества. Позвольте.

Онъ взялъ янтарное ожерелье и сильно теръ его. Затѣмъ онъ попросилъ ее приблизить палецъ къ ожерелью. Сверкнули искры. Они повторяли это въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Свѣтъ не былъ силенъ, но совершенно достаточенъ для сохраненія приличія, и вполне успокоилъ тонкое чувство скромности дѣвушки.

Вдругъ раздался какой-то трескъ, какъ будто что-то рветъ, и послышался запахъ газа. Литтль взглянулъ на верхъ и поблѣднѣлъ. Шаръ въ томъ мѣстѣ, которое я назову острымъ концомъ болонской колбасы, повидимому лопнулъ отъ увеличившагося давленія. Газъ выходитъ изъ него, и они уже начали опускаться. Литтль покорился судьбѣ и былъ твердъ.

— Если шелковая ткань лопнетъ, тогда мы погибли. Въ несчастіи у меня нѣтъ каната, ни матеріала, чтобы связать ее.

Инстинктомъ женщина поняла, что должно произойти раньше, чѣмъ мужчина дошелъ до этого разсудкомъ. Но она колебалась относительно какой-то бездѣлицы.

— Не спуститесь ли вы по канату на минуту? — сказала она съ ласковою улыбкою.

Литтль спустился. Она сейчасъ же позвала его. Она держала что-то въ рукѣ, — удивительное изобрѣтеніе семнадцатаго столѣтія, исправленное и усовершенствованное въ нашъ вѣкъ: это была пирамида изъ шестнадцати обручей тонкой, но крѣпкой стали, соединенныхъ между собою полотняными полосками.

Съ крикомъ радости Литтль схватилъ ихъ, влѣзъ до шара и прикрѣпилъ эластическіе обручи къ его коническому краю. Затѣмъ вернулся въ лодку.

— Мы спасены.

Леди Каролина, краснѣя, подобрала свою тонкую, но античную драпировку въ другомъ концѣ лодочки.

Они медленно опускались. Лэди Каролина уже различала очертанія Рэби-Голла.

— Я полагаю тутъ выйти,—сказала она.

Литтль бросилъ канатъ, чтобы остановить шаръ и хотѣлъ слѣдовать за нею.

— Не надо, другъ мой, — сказала она улыбнувшись. — Не нужно, чтобы насъ видѣли вмѣстѣ. Сейчасъ народъ начнетъ болтать пустое. Прощайте.

Литтль снова прыгнулъ въ шаръ и полетѣлъ въ Америку. Онъ спустился въ Калифорніи довольно плохо, противъ двери Гардиновъ въ Дотчъ-Флатъ. Гардинъ въ эту минуту былъ занятъ разсматриваніемъ куска руды.

— Вы—ученый, можете ли вы сказать мнѣ, стоитъ ли эта руда чего-нибудь?—сказалъ онъ, подавая кусокъ ея Литтлю.

Литтль поднесъ ее къ огню. — Въ ней заключается девяносто частей серебра.

Гардинъ обнялъ его. — Не могу ли я сдѣлать что-нибудь для васъ и зачѣмъ вы здѣсь?

Литтль разсказалъ свою исторію. Гардинъ пожелалъ видѣть канатъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ.

— Онъ не лопнулъ, а былъ надрѣзанъ!

— Ножемъ?—спросилъ Литтль.

— Нѣтъ. Замѣтите, обѣ стороны одинаково отрѣзаны. Это было сдѣлано *ножницами*.

— Боже!—едва въ силахъ былъ вымолвить Литтль. — Тереза!

Литтль вернулся въ Лондонъ. Гуляя по Лондону, онъ встрѣтилъ собачника. — Купите хорошенькаго пуделя, сэръ?

Что-то въ животномъ привлекло его вниманіе.

— Фидо,—едва могъ произнести онъ.

Собака таявнула.

Литтль купилъ его. Когда онъ снималъ у собаки ошейникъ, изъ-подъ него выпала на полъ записка. Онъ узналъ почеркъ и поцѣловалъ его. Написано было слѣдующее:

«Достопочтенному Августу Рэби. — Я не могу выйти за васъ замужъ. Если я когда-либо выйду замужъ» (плутовка!), «то за того человѣка, который дважды спасъ мнѣ жизнь,—за профессора Литтля.

Каролина Ковентри».

Она такъ и сдѣлала.

Е. А.

НЕИЗДАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО

Отъ Редакціи. — Проф. П. А. Висковатый, обязательно доставившій намъ оригиналъ печатаемыхъ ниже стихотвореній Жуковскаго, въ старой рукописи съ собственноручными исправленіями поэта, сообщаетъ при этомъ слѣдующее. Приобрѣтъ случайно, съ рукописью Лермонтова, цѣлое собраніе автографовъ многихъ извѣстныхъ русскихъ писателей, онъ отложилъ сначала въ сторону нѣсколько листовъ неузнаннаго имъ почерка. Но когда въ концѣ прошедшаго года, помогая К. К. Зейдлицу въ пересмотрѣ и приготовленіи къ печати вышедшей уже нынѣ въ свѣтъ его монографіи: «Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго» (Спб. 1883), онъ ознакомился близко съ почеркомъ поэта, то не могъ не убѣдиться, что листки, отложенные имъ изъ сборника автографовъ, принадлежать именно Жуковскому. Уцѣлѣло всего три листа, очевидно, вырванныхъ изъ тетради (in-4°). На нихъ помѣтки страницъ: 22, 27 и 28. Нѣкоторые изъ стихотвореній, помѣщенныхъ на этихъ листахъ, находятся въ собраніи сочиненій Жуковскаго; но четырехъ изъ нихъ не оказывается въ послѣднемъ, наиболѣе полномъ изданіи Жуковскаго (изд. Глазунова, Спб. 1878). Сослѣдство послѣднихъ въ рукописи съ другими стихотвореніями, уже напечатанными, даетъ возможность приблизительно опредѣлить ихъ время: они могли быть написаны около 1810 года, а самое послѣднее—даже нѣсколько позже. Старый другъ Жуковскаго и его біографъ, К. К. Зейдлицъ, точно такъ же, какъ и акад. Я. Б. Гротъ, признали на поправкахъ рукописи почеркъ Жуковскаго несомнѣннымъ.

I.

НА ПРОСЛАВИТЕЛЯ РУССКИХЪ ГЕРОЕВЪ,

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ КОТОРАГО НѢТЪ НИ НАЧАЛА, НИ КОНЦА, НИ СВЯЗИ.

Миронъ схватилъ перо, надулся, пишетъ, пишетъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
«Пожарскій! Филаретъ! отечества отецъ»!
Поставилъ точку—и конецъ!

II.

СМЕРТЬ.

Однажды Смерть послала въ адъ указъ,
Чтобъ весь подземный Дворъ, не болѣе какъ въ часъ,
На выборъ собрался въ сенатъ,—
А засѣданью быть въ аудіенцъ-палатъ.
Ея величеству былъ нуженъ фаворитъ,—
Обычье: министр. Давно ужъ ей кавалось—
О чемъ и лѣтопись Тенара ¹⁾ говорить—
Что адскихъ жителей въ приходъ уменьшалось.
Идутъ предъ страшный тронъ владычицы своей:
Горячка блѣдная со впалыми щеками,
Подагра чуть тащась на паръ костылей,
И грозная Война, съ кровавыми глазами.
Талантамъ сихъ бояръ свидѣтель міръ и адъ,
И Смерть ихъ приняла съ уклонкой уваженья.
За ними, опустивъ смиренно-постный взглядъ,
Подъ мышкою таща бичи опустошенья,
Идетъ Чума:
Грѣхъ молвить, чтобъ и въ ней достоинствъ не сыскалось,—
Палата знаній и ума!
Собранье всколебалось:
— Ну! шепчутъ:—быть министромъ ей!
Но вдругъ является фаланга лѣкарей ²⁾;

¹⁾ Древній Тапанага, или—мысъ Матапанъ, въ Пелопоннесѣ; у подножія мыса находилась пещера, постоянно дымившаяся удушливымъ паромъ, почему древніе называли ее преддверіемъ ада.

²⁾ Внизу, рукою Жуковского, карандашомъ варианты: „Вдругъ цѣлый факультетъ явился лѣкарей“.

Вошли попарно, въ шагъ, и ставъ предъ Смертью радомъ,
 Ей въ землю: «Здравствовать царицѣ много лѣтъ!»
 Царица, приложивъ къ глазамъ своимъ лорнетъ,
 Анатомируетъ хирурговъ строгимъ взглядомъ.
 Въ сомнѣньи адъ!—Но вотъ, пороковъ шумный входъ
 Отвлекъ царицыно вниманье.
 — «Какъ рада!—говорить:—теперь я безъ хлопотъ!»—
 И выбрала—Невоздержанье!

III.

ОТРЫВОКЪ.

О, счастье дней моихъ! Куда, куда стремишься?
 Златая, быстрая, фантазія, стой!
 Неумолимая! ужель не возвратишься?
 Ужель на вѣкъ?.. Летить, все манить за собой!
 Сокрылись сердца привидѣнья!
 Сокрылись сладкія души моей мечты!
 Надежды смѣлыя, въ надеждахъ наслажденья!
 Увы! прелестный міръ, разрушился и ты!
 Гдѣ лучъ, которымъ озарялся
 Путь юноши среди весеннихъ пыльных дней,
 Гдѣ идеаль святый, которымъ я пѣнился?
 О, вы, творенія фантазій моей!
 Васъ нѣтъ, васъ нѣтъ! Существенностью злою
 Чтѣ нѣкогда цвѣло столь пышно предо мною,
 Чтѣ я божественнымъ, безсмертнымъ почиталъ,
 На вѣкъ разрушено!—Стремленіе къ блаженству,
 О, Вѣра, сладкая земному совершенству,
 О, Жизнь, которою весь міръ я наполнялъ,
 Гдѣ вы? Погибло все! погибъ творящій Геній!
 Погибли призраки волшебныхъ заблужденій!
 Какъ нѣкогда Пигмаліонъ,
 Съ надеждой и тоской объемля хладный камень,
 Мечтая слышать въ немъ любви унылый стонъ,
 Стремился перелить весь жаръ, весь страстный пламень,
 Всю жизнь своей души въ созданіе рѣзца, —
 Такъ я, воспитанныкъ свободы,
 Съ любовью, съ радостнымъ волненіемъ пѣвца,
 Дышалъ въ объятіяхъ природы

И мнилъ бездунную согрѣть, одушевить!
 Она подвиглась, вспыхнула!
 Безмолвная могла со мною говорить,
 И пламеннымъ мномъ любованьямъ отвѣчала!

— — — — —

IV.

АМИНА и ЭНДИМИОНЪ.

Амина, приунывъ, сидѣла надъ рѣкою;
 Подходить къ ней Эндиміонъ.
 — Амина, — говорить пастушкѣ нѣжно онъ: —
 Душа твоя, полна сокрытою тоскою,
 Конечно, чувствуетъ ту сладостную боль,
 То сердца упоенье,
 Съ которыми ничто, ничто нейдетъ въ сравненіе,
 Ни самый Божій рай! Любезная, позволь, —
 Неопытной твоей невинности въ спасеніе, —
 Тебя, которая невиннѣй въ мірѣ нѣтъ —
 Заранѣ оградить отъ сей приманки лестной!
 Зовутъ ее — любовь; подверженъ ей весь свѣтъ —
 И ты — съ душой твоей прелестной!
 — «Что слышу! страхъ какой!
 «Скажи-жъ, Эндиміонъ, что чувствуетъ больной?»
 — Мученье несравненно!
 Мученье — рай души; предъ нимъ и тронъ вселенной
 Теряетъ весь свой блескъ, всѣ прелести свои.
 Ты забываешься! Ты въ сладостномъ волненіи,
 Подъ сѣнію лѣсовъ, мечтаешь въ упоеніи.
 Глядяшъ ли въ тихія источника струя,
 Ты видишь не себя, ты видишь образъ тайной,
 Всегда присутственный, повсюду спутникъ твой,
 Единственный, весь міръ украсившій собой...
 Въ деревнѣ есть пастухъ: узрѣвъ его случайно,
 Краснѣешь, страстный жаръ въ душѣ твоей горить.
 Отъ имени его, отъ пламеннаго взора,
 Отъ приближенія, улыбки, разговора
 Смущаешься, молчишь, но взоръ твой говорить.
 Не видясь съ нимъ, невольно унываешь!
 Боишься встрѣтиться — и встрѣчи тайно ждешь;

Вздыхаешь—отъ чего не зная,—но вздыхаешь!..

—«И это, пастушечь, любовью ты зовешь?»

Воскликнула Амина:—

«Она извѣстна мнѣ! Прошедшею весной,

«Что ты ни говоришь, точь-въ-точь сбылось со мной—

«Когда узнала я Эсхина!»

Послѣдніе три стиха въ этой четвертой пьесѣ вычеркнуты Жуковскимъ, и вѣроятно потому, что они давали ключъ къ ея содержанію: поэтъ могъ изобразить въ ней свою собственную судьбу, которая, какъ извѣстно, близко подходила къ судьбѣ воспитаннаго имъ Эндиміона:

Бѣднякъ Эндиміонъ! разсчетъ невѣренъ твой!

Давно пословица ведется:

Готовишь для Петра—Ивану достается!

Кромѣ того, что послѣдніе три стиха вычеркнуты особенно сильно, и все это стихотвореніе зачеркнуто: поэтъ, очевидно, не предназначалъ его къ печати въ то время, вслѣдствіе довольно прозрачнаго автобіографическаго характера всего стихотворенія, напоминавшаго исторію еще зарождавшейся въ ту пору его любви къ Маріи Протасовой, а конецъ этой любви онъ могъ предвидѣть уже тогда.

Относительно стихотворенія: «Смерть», замѣтимъ, что оно было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы», 1807 г., № 13, стр. 29, но не въ этой, а, вѣроятно, въ первоначальной редакціи, во многомъ отличной отъ настоящей. П. А. Ефремовъ усомнился въ томъ, что оно принадлежитъ Жуковскому, и выпустилъ его въ послѣднемъ полномъ собраніи сочиненій поэта. Въ нашемъ подлинникѣ текстъ весь испещренъ собственноручными поправками Жуковскаго, и потому нѣтъ сомнѣнія, что оно принадлежитъ ему.

24 января, 1883.

ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

1783—1883.

Дѣѣ Музы на пути его сопровождали:
Одна—какъ бы ночнымъ туманомъ повита,
Съ слезою для любви, съ усладой для печали,
Была вѣрна, какъ смерть, прекрасна—какъ мечта;

Другая—свѣтлая,—покровы обличали
Въ ней дѣвы стройный станъ; на мраморѣ чела
Темнѣлъ пахучій лавръ; ея глаза сіяли
Земнымъ безсмертіемъ—она съ Олимпа шла.

Одна—склонила путь, пѣвца сопровожда
Въ предѣлѣ, куда ведетъ гробницъ глухая дверь,
И райскій голосъ свой изъ вѣчности роняя,
Поётъ родной душѣ: «благословѣй и вѣрь!»

Другая—дочь боговъ, востергомъ пламенѣя,
Къ Олимпу вознеслась, и будетъ въ намъ слетать,
Чтобъ лавръ Жуковского задумчиво вилетать
Въ вѣнокъ пѣвца скорбей безсмертныхъ Одиссея.

Я. Полонскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое февраля, 1883.

Общая характеристика нашего финансового положенія и виды въ ближайшемъ будущемъ. — Отчетъ главнаго тюремнаго управленія въ связи съ проектомъ новаго уголовного уложенія. — Смѣта города С.-Петербурга. — Сотрудничество чиновниковъ въ періодическихкихъ изданіяхъ. — Абсентеизмъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.

Возрастаніе нашихъ бюджетовъ давно сдѣлалось явленіемъ хроническимъ; государственная роспись на 1883 годъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Исчисленная въ ней сумма обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ перешагнула въ первый разъ за семьсотъ милліоновъ рублей. Если бюджетъ, въ этой своей части, сведенъ безъ дефицита, и даже съ излишкомъ дохода въ пять милліоновъ рублей, то это объясняется только включеніемъ въ число обыкновенныхъ доходовъ полученія, по существу своему экстра-ординарнаго — вознагражденія за военныя издержки отъ Турціи, Китая и Хивы, въ размѣрѣ свыше $7\frac{1}{2}$ милліоновъ. Въмѣсто сокращенія расходовъ, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время, всѣ статьи расходнаго бюджета представляютъ увеличеніе, превышающее, въ общей сложности, $31\frac{1}{2}$ милліонъ рублей. Около половины этой суммы (до 12 милліоновъ) выпадаетъ на долю министерствъ военнаго и морского, почти столько же (безъ малаго 11 милліоновъ) — на долю министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Рядомъ съ затратами неизбежными или производительными, въ родѣ пособія выкупной операціи (три милліона рублей), или расходовъ по организаціи переселенія въ южно-уссурійскій край и его переселенческому управленію (треть милліона), мы встрѣчаемъ здѣсь такія цифры, какъ 1.862,000 рублей на увеличеніе пенсій и пособій по всѣмъ вѣдомствамъ, какъ 1.072,000 рублей на усиленіе личнаго состава городскихъ, уѣздныхъ и окружныхъ полицейскихъ управленій и телеграфныхъ станцій.

Общая сумма расходовъ на войско, флотъ и гражданское управление превышаетъ полъ-милліарда рублей, далеко выходя за ту норму (450—460 мил.), о возвращеніи къ которой мы говорили годъ тому назадъ, по поводу росписи 1882 г. ¹⁾.

Растутъ ли, параллельно съ расходами и государственные доходы? Роспись рассчитываетъ на увеличеніе многихъ изъ нихъ, основываясь въ особенности на опытѣ 1882 г., въ первые девять мѣсяцевъ котораго поступленіе доходовъ возрасло, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, на 46 милліоновъ рублей. Предостереженіемъ противъ подобныхъ надеждъ служить отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи на 1881 годъ. 1881-му году также предшествовалъ періодъ бистраго роста государственныхъ доходовъ, оставившагося, по нѣкоторымъ статьямъ, уже въ 1880 г., но по другимъ продолжавшагося и въ теченіе этого послѣдняго, голоднаго и тяжелаго года. Въ 1881 году мы видимъ уже совсѣмъ не то; общая сумма дѣйствительнаго поступленія едва покрыла смѣтные расходы и оказалась на 10 слишкомъ милліоновъ ниже противъ 1879 года. Такое явленіе весьма легко можетъ повториться еще разъ, несмотря на благопріятные, относительно, результаты истекшаго финансоваго періода. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только остановиться на главныхъ статьяхъ нашего доходнаго бюджета. Краеугольнымъ его камнемъ является, какъ всегда, питейный доходъ, поступленіе котораго возрасло въ 1882 г., противъ 1881 г., на двадцать-четыре миліона. Въ смѣтѣ 1883 г., ожидаемое повышеніе его, въ сравненіи съ смѣтой 1882 г., составляетъ $12\frac{3}{4}$ милл. рублей (239.452,000 вмѣсто 226.721,000 рублей). Разсматривая эти цифры, нельзя не припомнить, что за эпохами увеличенія питейнаго дохода уже два раза, въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія, наступало его уменьшеніе. Въ первый разъ оно было вызвано преимущественно войною и достигло весьма значительныхъ размѣровъ; въ 1875 г. питейнаго дохода поступило $197\frac{1}{2}$, въ 1876 г.— $191\frac{1}{2}$, въ 1877 г.— $189\frac{1}{2}$ милл. рублей. Затѣмъ слѣдуетъ два года бистраго роста (въ 1878 г.—213 милл., въ 1879 г.— $228\frac{1}{4}$ милл.)—и опять два года обратнаго движенія (въ 1880 г.—около $222\frac{1}{2}$ милл., въ 1881 г.—около $224\frac{1}{2}$ милл.). Изъ этихъ двухъ послѣднихъ годовъ особенно неблагопріятными условіями отличался только одинъ 1880 г.; однако и въ 1881 г. питейнаго дохода поступило почти на четыре милліона меньше, чѣмъ въ 1879 г.—а между тѣмъ нужно замѣтить, что въ маѣ 1881 г. состоялось новое повышеніе нитейнаго акциза, въ размѣрѣ одной копейки съ градуса (восемь копѣекъ вмѣсто семи). Отсюда ясно, что

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, 1882 г. № 2, стр. 795.

успѣшное поступленіе питейнаго дохода въ 1882 г. не служить гарантіей такого же поступленія его въ будущемъ; регрессъ возможенъ здѣсь точно такъ же, какъ и дальнѣйшее поступательное движеніе. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ обѣщаетъ ближнее разрѣшеніе вопроса объ упорядоченіи нитейной торговли, въ видахъ противодѣйствія неумѣренному потребленію нантеовъ. „Работы, исполненныя по этому предмету въ прошломъ (т.-е. 1881) году и въ началѣ настоящаго года“—читаемъ мы въ докладѣ—„превѣренны по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя только-что начинаютъ поступать въ губерній, будутъ, съ соизволенія Вашего Величества, въ наступающемъ (т.-е. 1883) году представлены въ государственный совѣтъ“. Конечно, пріятно вѣрить этому обѣщанію; но можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что осуществленіе его не повлечетъ за собою, во крайней мѣрѣ на первое время, значительнаго уменьшенія нитейнаго дохода? Умѣренное, правильное потребленіе крѣпкихъ нантеовъ можетъ превзойти, со временемъ, настоящее потребленіе ихъ, безспорно неправильное; но едва ли этотъ результатъ будетъ достигнутъ сразу—едва ли, другими словами, питейная реформа, сколько нибудь серьезная, обойдется безъ пониженія, на нѣсколько лѣтъ, главнаго источника государственныхъ доходовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, обычный до сихъ поръ путь къ обходу финансовыхъ затрудненій легко можетъ оказаться закрытымъ, тѣмъ болѣе, что нитейный акцизъ достигъ уже громадной высоты, и новое повышеніе его, по всѣмъ вѣроятности, было бы равносильно значительному сокращенію количества потребляемаго вина.

Другой доходъ, занимающій третье мѣсто въ нашемъ бюджетѣ, несомнѣнно вступилъ въ такой фазисъ, который не допускаетъ большихъ надеждъ и ожиданій. Это доходъ таможенный, быстро увеличивавшійся послѣ войны (въ 1876 г.—около 71 милл., въ 1877 г.—82 милл., въ 1878 г.—79¼ милл., въ 1879 г.—91¾ милл., въ 1880 году—почти 95¼ милл.) и столь же быстро упавшій въ 1881 г. (съ небольшимъ 84¼ милліона). Въ 1882 г. онъ опять поднялся, и въ 1883 г. его ожидается 101.270,000 руб.—только на 700 тысячъ рублей больше противъ смѣтнаго исчисленія 1882 г., несмотря на послѣдовавшее въ этомъ году значительное повышеніе тарифа. Отъ этого повышенія, по словамъ всеподданнѣйшаго доклада, можно ожидать замѣтнаго приращенія доходовъ только „по истеченіи нѣкотораго времени, когда запасы привезенныхъ товаровъ нѣсколько истощатся, и то лишь въ случаѣ оживленія внѣшней торговли. Притѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что строго покровительственный тарифъ, необходимый при данномъ положеніи нашей денежной системы и при условіяхъ, въ которыхъ находится наше народное хозяйство, способству-

развитію внутренняго производства, долженъ ограничивать привозъ товаровъ изъ-за границы, а слѣдовательно и уменьшать въ нѣкоторыхъ случаяхъ таможенный сборъ". Съ этимъ послѣднимъ заключеніемъ можно только согласиться—и слѣдовательно свинуть таможенный доходъ со счета тѣхъ бюджетныхъ статей, естественнымъ или искусственнымъ возрастаніемъ которыхъ должно уравниваться непрерывное возрастаніе государственныхъ расходовъ. Само собою разумѣется, что еще меньше можно рассчитывать на увеличеніе цифры прямыхъ налоговъ. Налоги поземельный и лѣсной давно остаются почти неподвижными; уменьшенію подушной подати положено начало именно въ росписи 1883 г.; повышеніе налога за право торговли, обусловленное закономъ 16 декабря 1880 г., выразилось уже въполнѣ, такъ что смѣта 1883 г. ожидаетъ по этой статьѣ увеличенія лишь съ небольшимъ въ полъ-милліона. Акцизы съ свекло-сахарнаго производства далъ въ 1882 г. значительные лучшіе результаты, сравнительно съ предшествовавшими тремя годами; но цифру 1877 года онъ превысилъ только съ небольшимъ на милліонъ, и вѣроятное увеличеніе его исчислено, по смѣтѣ 1883 г., лишь въ 200 тысячъ рублей.

Обратимся теперь къ тѣмъ статьямъ дохода, которыя состоятъ въ связи съ финансовыми реформами истекшаго года. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, сопровождавшемъ роспись на 1882 годъ, говорилось „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующихъ налогахъ, которыя могутъ увеличить доходы государственные на сумму отъ 10 до 15 милліоновъ". Измѣненія эти коснулись сборовъ таможеннаго и гербового, акциза съ табаку и пошлины съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами. О таможенномъ сборѣ мы уже упоминали; отъ гербового сбора ожидается излишекъ въ одинъ милліонъ, отъ акциза съ табаку—почти въ два милліона рублей. Пошлины съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, ожидается четыре милліона рублей; но изъ этой суммы слѣдуетъ вычесть болѣе полу-милліона рублей, взимающихся до сихъ поръ въ видѣ крѣпостныхъ пошлинъ съ имуществъ даримыхъ и наследуемыхъ по завѣщанію. По всѣмъ четыремъ статьямъ предположено, такимъ образомъ, приращеніе дохода въ размѣрѣ до семи милліоновъ—на три милліона меньше противъ минимальной цифры, имѣвшейся въ виду при установленіи росписи на 1882 годъ. Необходимо замѣтить, что половина этой суммы должна пойти не на увеличеніе доходовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а на возмѣщеніе той части подушной подати (3½ милл. руб.), которая сложена именнымъ указомъ 18 мая 1882 г. Отсюда ясно, какъ трудно и туго идетъ прискаиваніе новыхъ источниковъ государственнаго дохода, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не предпринято коренное преобразованіе всей финансо-

вой системы. Изъ всеподданнѣйшаго доклада, приложеннаго къ росписи на 1883 г., мы узнаемъ, что министерство финансовъ внесло въ государственный совѣтъ представленія объ обложеніи ярмарочной торговли и желѣзно-дорожнаго промысла, и сверхъ того „разработываетъ предположенія, долженствующія увеличить государственные доходы на сумму около 10 милліоновъ рублей“; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что значительная доля этой суммы—если и предположить, что для нея найдены будутъ достаточные ресурсы—должна будетъ пойти на возмѣщеніе той части подушной подати, которая будетъ подлежать сложенію въ 1884 г. Вопросъ о средствахъ замѣны подушной подати останется открытымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно порѣшено съ этимъ налогомъ—т.-е. по меньшей мѣрѣ въ продолженіе восьми лѣтъ, считая съ настоящаго года.

Если естественный ростъ существующихъ налоговъ, какъ постоянное явленіе, представляется мало вѣроятнымъ, если присканіе новыхъ налоговъ сопряжено съ большими затрудненіями, то единственный исходъ изъ положенія дѣлъ, теперь тяжелаго, въ близкомъ будущемъ, можетъ быть, опаснаго—это сокращеніе государственныхъ расходовъ, какъ смѣтныхъ, такъ и въ особенности сверхсмѣтныхъ. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ констатируетъ уменьшеніе этихъ послѣднихъ расходовъ, въ теченіе 1882 г., на одну треть въ сравненіи съ предъидущимъ годомъ, но признаетъ, вѣдѣтъ съ тѣмъ, настоятельную необходимость дальнѣйшаго ихъ сокращенія. Въ 1881 г., какъ видно изъ отчета государственнаго контроля, сверхсмѣтныхъ расходовъ произведено было на сумму сорока пяти милліоновъ (не считая 30 милліоновъ на чрезвычайныя военныя потребности); въ 1882 г., слѣдовательно, цифра ихъ простиралась до 30 милліоновъ рублей (если допустить, что чрезвычайныя военныя потребности, подлежащія удовлетворенію этими путемъ, не было вовсе). При такой цифрѣ сверхсмѣтныхъ расходовъ, государственная роспись все еще не можетъ быть признана вѣрной картиной финансоваго положенія государства. Какое значеніе имѣетъ пяти-милліонный избытокъ доходовъ, показанный въ бюджетѣ, если онъ въ теченіе года можетъ быть въ шесть разъ превзойденъ суммою сверхсмѣтныхъ расходовъ? Намъ кажется, что пора было бы принять для государственной росписи тотъ порядокъ, который давно существуетъ въ большинствѣ земскихъ и городскихъ смѣтъ, т.-е. включать въ нее известную сумму на покрытие чрезвычайныхъ расходовъ; тогда, по крайней мѣрѣ, нужно было бы позаботиться заранее о равновѣсіи дохода со всѣмъ *дѣйствительнымъ* количествомъ расхода, а не съ частью его, какъ это дѣлается въ настоящее время. Сверхсмѣтные расходы—явленіе, повторяющееся ежегодно; съ при-

близительною точностью цифра ихъ можетъ быть предусмѣрена и въ моментъ составленія росписи, на основаніи примѣра прежнихъ лѣтъ и новыхъ предположеній. Мы говоримъ: *и новыхъ предположеній*, потому что одинъ примѣръ прежнихъ лѣтъ былъ бы въ данномъ случаѣ руководствомъ весьма опаснымъ. Въ пятилѣтіе 1877—1881 г. сверхсѣтныя расходы ни разу не опускались ниже 20½ милліоновъ рублей; средняя годовая ихъ цифра составляла около 39 милліоновъ, а максимум доходилъ до 56¼ милліоновъ. Включеніе въ роспись суммы на непредвидѣнные расходы въ размѣрѣ приблизительно равномъ цифрѣ предыдущаго года или средней цифрѣ за нѣсколько лѣтъ, было бы улучшеніемъ преимущественно формальнаго свойства; параллельно съ предлагаемою нами мѣрой должно идти *дѣйствительное* сокращеніе этихъ расходовъ. *Необходимость* такого сокращенія признается, какъ мы уже видѣли, министерствомъ финансовъ; *возможность* его доказывается данными прежнихъ лѣтъ, изъ которыхъ явствуетъ, что далеко не всѣ сверхсѣтныя расходы имѣютъ характеръ *неотложныхъ, чрезвычайныхъ*. Такъ напримѣръ, въ 1881 г. издержки, вызванныя исключительными обстоятельствами, составляютъ только съ небольшимъ пять милліоновъ; около 22 милліоновъ израсходовано вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и другихъ подобныхъ обстоятельствъ. Можно ли, вѣдь, признавать неотложными такіе расходы, какъ издержки на содержаніе вновь открытыхъ правительственныхъ учрежденій и на увеличеніе штатныхъ средствъ существующихъ учрежденій (болѣе 1¼ милл.), на производство добавочнаго содержанія и выдачу наградъ и пособій (почти 1¼ милл.), на новыя постройки и другія операціи, возникшія послѣ утвержденія сибѣ (болѣе 2 милл.)? Не очевидно ли, что всѣ эти издержки, на сколько онѣ были безусловно необходимы, могли войти въ составъ сѣтныхъ расходовъ слѣдующаго года? Само собою разумѣется, что положить конецъ подобнымъ сверхсѣтнымъ расходамъ могла бы только коренная перемѣна въ порядкѣ финансоваго управленія; но ограниченію ихъ размѣра способствовало бы и ассигнованіе по росписи небольшой, сравнительно, суммы на непредвидѣнные издержки — суммы, расходowanіе которой подлежало бы дѣйствию всѣхъ правилъ, установленныхъ теперь для сверхсѣтныхъ расходовъ, а превышеніе допускалось бы лишь въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ.

Кромѣ „возстановленія перевѣса доходовъ надъ расходами, ограниченіемъ сверхсѣтныхъ кредитовъ и соблюденіемъ разумной бережливости во всѣхъ отрасляхъ управленія“, докладъ министра финансовъ перечисляетъ слѣдующія ближайшія цѣли финансовой политики: „обеспеченіе правильнаго роста промышленности достаточнымъ для

нею покровительствомъ; укрѣпленіе кредитныхъ учреждений и удешевленіе кредита; усиленіе, въ интересахъ народа и государства, доходности желѣзно-дорожныхъ предпріятій, установленіемъ надъ ними надлежащаго контроля; упроченіе кредитнаго денежнаго обращенія, совокупностью направленныхъ къ этой цѣли, постепенно проводимыхъ мѣръ; введеніе въ системѣ налоговъ преобразованій, сообразныхъ съ строгою справедливостью и общающихся приращеніе доходовъ безъ обремененія плательщиковъ податей". Что слѣдуетъ понимать подъ именемъ *достаточнаго* покровительства промышленности—этого изъ доклада не видно; можно только надѣяться, что здѣсь не идетъ рѣчь объ общемъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа, въ смыслѣ усиленія протекціонизма. Измѣненный, именно въ этомъ смыслѣ, и въ 1880, и въ 1882 г., нашъ таможенный тарифъ достигъ уже той границы, за которою болѣе чѣмъ вѣроятнѣе быстрое пониженіе таможеннаго дохода—а гдѣ источники, съ помощью которыхъ могло бы быть возмѣщено его паденіе? Достаточность—но меньшей мѣрѣ достаточность—существующаго покровительства доказана какъ нѣмцы лучше всероссійской выставкой истекшаго года.—Укрѣпленія кредитныхъ учреждений предполагается достигнуть измѣненіями въ положеніи о городскихъ общественныхъ банкахъ и въ уставахъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, удешевленіи кредита—учрежденіемъ сельскихъ банковъ и открытіемъ въ государственномъ банкѣ краткосрочнаго кредита землевладѣльцамъ, для снабженія ихъ, въ случаѣ надобности, оборотнымъ капиталомъ. Сомнительна, въ нашихъ глазахъ, только цѣлесообразность послѣдней изъ этихъ мѣръ. Подъ именемъ землевладѣльцевъ разумѣются здѣсь, конечно, землевладѣльцы крупныя и среднія, къ услугамъ которыхъ существуетъ уже безъ того немалое число кредитныхъ учреждений. Если кредитъ, оказываемый послѣдними, слишкомъ долгосроченъ, то потребность въ краткосрочномъ кредитѣ можетъ быть удовлетворена измѣненіемъ банковыхъ уставовъ или призывомъ къ жизни новыхъ частныхъ банковъ. Если припомнить, въ добавокъ, какъ рѣдко деньги, получаемыя подъ залогъ имѣній, получаютъ у насъ на самомъ дѣлѣ значеніе оборотнаго капитала, то польза *государственная* кредита для крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ должна быть признана болѣе чѣмъ проблематичной.—„Надлежащій контроль“ надъ желѣзно-дорожными предпріятіями перестанетъ, нужно надѣяться, быть мертвой буквой, когда будетъ утвержденъ и вступить въ силу желѣзно-дорожный законъ, проектированный комиссіею графа Баранова.—Упроченіе кредитнаго денежнаго обращенія представляется небезнадѣжнымъ, пока остается въ силѣ и исполняется указъ 1 января 1881 г.; установленный этимъ указомъ ежегодный платежъ государственному банку

въ 1882 г. произведенъ, и въ росписи на 1883 г. внесено, для слѣдующей уплаты, 50 милліоновъ рублей. Необходимо только, чтобы соответственно этимъ уплатамъ дѣйствительно уменьшалась сумма состоящихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.—Преобразованиямъ въ системѣ налоговъ уже положено начало финансовыми реформами истекшаго года; остается желать, чтобы они были продолжаемы въ томъ же духѣ, но съ болѣею рѣшительностью и быстротою.

Говоря о сокращеніи государственныхъ расходовъ, мы имѣли въ виду, безъ сомнѣнія, только расходы непронзводительные; значительная часть необходимыхъ въ этомъ отношеніи сбереженій должна была бы пойти не на облегченіе податного бремени, а на увеличеніе другихъ расходовъ, въ высшей степени важныхъ и полезныхъ. Нѣтъ такой отрасли внутренняго государственнаго управленія, въ которой нельзя было бы найти неотложныхъ потребностей, остающихся безъ удовлетворенія за недостаткомъ средствъ. Доказательствомъ этому можетъ служить, напримѣръ, послѣдній отчетъ главнаго тюремнаго управленія. Состояніе нашихъ тюремъ представляетъ самую печальную картину. Разсчитанныя (и какъ разсчитанныя!) на 76,000 человѣкъ, онѣ содержали въ себѣ, въ 1 января 1882 г., почти 95,000; 19,000 человѣкъ помѣщались тамъ, гдѣ для нихъ, собственно говоря, не было мѣста, дышали воздухомъ, едва достаточнымъ для нормальнаго тюремнаго населенія. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ тюрьмахъ переполненіе арестантами доходило до размѣровъ колоссальныхъ, ужасающихъ. Въ петроковскихъ тюрьмахъ, напримѣръ, мѣсто, предназначенное для одного арестанта, занято было пятью! Въ девяти губерніяхъ (сувалской, сѣдлецкой, оренбургской, саратовской, самарской, симбирской, лифляндской, волынской и витебской) наличное тюремное населеніе превышало комплектъ болѣе чѣмъ въ два, въ одиннадцати губерніяхъ — болѣе чѣмъ въ полтора раза. При такихъ условіяхъ, введеніе сколько-нибудь удовлетворительнаго порядка содержанія арестантовъ находится, по справедливому замѣчанію отчета, внѣ всякой возможности. Тѣснота помѣщеній служитъ однимъ изъ главныхъ препятствій и къ правильной организаціи арестантскихъ работъ, столь важной въ тюремномъ быту; другая помѣха къ достиженію этой цѣли — неудовлетворительность личнаго состава мѣстнаго тюремнаго управленія, обусловливаемая, отчасти, недостаточностью его содержанія. Отчетъ главнаго тюремнаго управленія отличается, въ этомъ отношеніи, откровенностью, заслуживающею полнаго сочувствія и уваженія. „Бездѣйствіе арестантовъ“, читаетъ мы въ отчетѣ, „составляющее

зло повсемѣстное и глубоко укоренившееся въ современномъ состояніи управленія мѣстами заключенія гражданскаго вѣдомства, не могло быть ослаблено или сколько-нибудь устранено тѣми многократными указаніями, съ которыми обращалось главное тюремное управленіе къ губернскимъ властямъ. Въ теченіе отчетнаго времени, какъ и до того, арестантскій трудъ не былъ употребляемъ, за рѣдкими, единичными исключеніями, даже на удовлетвореніе потребностей по содержанію самихъ арестантовъ. Управленіе не считаетъ себя въ правѣ уклоняться отъ констатированія этого прискорбнаго факта. Причины, обусловливающія его, коренятся слишкомъ глубоко въ нашихъ тюремныхъ неустройствахъ, чтобы дѣйствіемъ усилія, опирающіяся даже на неизмѣримо большія средства, нежели тѣ, которыми располагало управленіе, могла бы положить имъ фактической предѣлъ. Даже въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ начальство „не хлопотеть ни о водѣсаніи работъ, ни о томъ, чтобы имѣющіяся работы производились исправно и арестанты дѣйствительно бы работали, а не выходили бы изъ тюремъ только на прогулку“. Въ 1881 г. всѣми содержавшимися въ арестантскихъ отдѣленіяхъ заработано, среднимъ числомъ, только по 15 рублей на человѣка; максимумъ заработка составляетъ не болѣе 39 рублей, минимумъ опускается до 6 1/2 рублей.—Тюремныхъ зданій разныхъ наименованій имѣется въ вѣдѣніи главнаго тюремнаго управленія болѣе 760; въ замѣтъ новыми постройками предназначено изъ нихъ, въ ближайшемъ будущемъ, только восемь. Самый ремонтъ тюремныхъ зданій производится, по недостатку средствъ, въ размѣрахъ, далеко не соответствующихъ необходимости; въ пятилѣтіе съ 1875 по 1879 г. ассигновано было на этотъ предметъ менѣе 1 1/4 милліона рублей, между тѣмъ какъ испрашивалось почти три милліона. „Вмѣсто того“, сказано въ отчетѣ, „чтобы сразу затратить потребную для исправленія тюремныхъ помѣщеній сумму, мѣстныя власти по необходимости вынуждены были ограничиться гораздо меньшею; неисправленныя, какъ бы надлежало, въ свое время зданія въ слѣдующіе затѣмъ годы приходили въ большую еще ветхость и требовали на ремонтъ сумму несравненно болѣе значительную чѣмъ та, которая была необходима для первоначальнаго исправленія“. На ремонтъ тюремныхъ зданій въ 1882 г. былъ назначенъ одинъ милліонъ рублей, но съ тѣмъ, чтобы половина этой суммы была покрыта изъ сборнаго тюремнаго капитала.

Разбирая, въ одномъ изъ предъидущихъ обзорѣвъ, проектъ общей части новаго уголовного уложенія, мы имѣли уже случай указать на существующій разладъ между буквой закона о мѣстахъ заключенія и дѣйствительностью—разладъ, который слишкомъ давно

можетъ остаться въ силѣ и послѣ реформы нашихъ уголовныхъ законовъ. Отчетъ главнаго тюремнаго управленія даетъ много интересныхъ данныхъ для ближайшаго знакомства съ этимъ разладомъ. Мы узнаемъ изъ него, что *смирительно-рабочихъ домовъ* (отнеся сюда и столичныя исправительныя тюрьмы) во всей имперіи числится только *семь*; другими словами, два ряда наказаній, по смыслу уложенія не имѣющіе ничего общаго между собою, на практикѣ соединены въ одинъ, но и въ такомъ видѣ доступны лишь для ничтожной части приговариваемыхъ къ нимъ лицъ. Исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, ротъ и полуротъ, состоитъ на лицо 32, съ помѣщеніемъ для 8000 арестантовъ; значительная часть лицъ, приговариваемыхъ къ этому виду лишенія свободы, отбываютъ, однако, наказаніе въ обыкновенныхъ тюрьмахъ, потому что въ арестантскихъ отдѣленіяхъ для нихъ не хватаетъ мѣста. Число сверхкомплектныхъ арестантовъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, ротахъ и полуротахъ доходитъ до 1500—и все-таки 10,000 человѣкъ, подлежащихъ содержанію въ этихъ мѣстахъ заключенія, остаются въ тюрьмахъ до самаго окончанія срока заключенія. Не ясно ли отсюда, съ одной стороны, какія громадныя средства необходимы для приведенія мѣстъ заключенія въ положеніе, соответствующее намѣреніямъ законодательства, съ другой стороны—какъ не дѣлессообразно слишкомъ большое разнообразіе формъ лишенія свободы, установленное уложеніемъ 1845 г. и сохраняемое, отчасти, проектомъ новаго уголовного уложенія?

Рекомендуемъ вниманію составителей уложенія еще одну подробность въ отчетѣ главнаго тюремнаго управленія. Отличительною чертою каторги, какъ ее проектируетъ редакціонная коммиссія, является, между прочимъ, обращеніе выручки за произведенныя каторжниками работы всецѣло въ пользу казны, безъ всякаго участія въ ней самихъ каторжниковъ. Мы указали уже на несправедливость этого правила; отчетъ главнаго тюремнаго управленія свидѣтельствуетъ о его непрактичности. „Для устройства каторжныхъ работъ при нерчинскихъ серебро-свинцовыхъ рудникахъ“, читаемъ мы въ отчетѣ, „было приступлено къ работамъ по исправленію существовавшихъ при нѣкоторыхъ рудникахъ зданій для помѣщенія каторжныхъ, а для удешевленія стоимости работъ сдѣлано было распоряженіе о производствѣ таковыхъ трудовъ каторжныхъ. Но опытъ показалъ, что каторжные, при отсутствіи особаго вознагражденія за трудъ, работаютъ лѣнливо и недобросовѣстно, и что никакими мѣрами взыскація нельзя побудить ихъ работать болѣе или менѣе скоро и добросовѣстно“. Вслѣдствіе этого генералъ-губернатору Восточной Сибири разрѣшено назначать работающимъ при выше-

упомянутой постройкѣ каторжными, особенно отличившимися хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ къ труду, нѣкоторое денежное вознагражденіе за сверхъ-урочныя работы, а министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено примѣнить это правило ко всѣмъ вообще сверхъ-урочнымъ работамъ, производимымъ преступниками каторжнаго разряда. Болѣе логичнымъ выводомъ изъ подчеркнутыхъ нами словъ отчета было бы призваніе за каторжными яросл на извѣстное вознагражденіе, соразмѣрное съ дѣлностью произведенной работы; но для насъ важно не самое распоряженіе, а его мотивы. Если никакія мѣры *эмысканія* не могутъ побудить каторжниковъ къ скорому и добросовѣстному исполненію неоплачиваемой вовсе работы, то обращеніе въ ихъ пользу части выручки очевидно удовлетворитъ не только требованіямъ гуманности, но и требованіямъ тюремной дисциплины, интересамъ тюремной администраціи. Чѣмъ меньше безцѣльныхъ и безплодныхъ мѣръ *эмысканія*, тѣмъ лучше положеніе не только самихъ арестантовъ, но и ихъ начальства. Весьма можетъ быть, что признаніе за каторжниками каковаго бы то ни было *яросла* найдено несовмѣстнымъ съ нынѣшнею организаціей каторжныхъ работъ, съ нынѣшнимъ свойствомъ этого наказанія, влекущаго за собою гражданскую смерть; но при дѣйствіи новаго уложенія каторга, какъ мы уже говорили, перестанетъ быть могилой правъ, достоинства и гражданской жизни. Отчисленіе въ пользу каторжниковъ извѣстной суммы изъ выручки за произведенными ими работами будетъ измѣненіемъ въ текстѣ проекта, но вполне послѣдовательнымъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ его основу.

Смѣта доходовъ и расходовъ города С.-Петербурга на 1883 г., въ томъ видѣ, въ какомъ она исправлена городской финансовою комиссіею, сведена съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ суммѣ 243,116 руб. (доходъ 5.913,087 руб., расходъ 5.669,971 руб.; изъ обоихъ итоговъ исключены нами оборотныя суммы); результатъ —довольно благопріятный, если сравнить его хоть съ государственною росписью на 1883-й годъ ¹⁾. Обязательныхъ расходовъ исчислено 4.944,175 руб., необязательныхъ—725,795 руб. Нельзя не замѣтить, по этому поводу, что номенклатура городской смѣты не отличается, въ этомъ отношеніи, большою точностію. Въ земскихъ смѣтахъ обязательными расходами называются обыкновенно тѣ, которые уста-

¹⁾ Въ столичномъ бюджетѣ изъбитокъ доходовъ составляетъ съ небольшимъ 4% всей ихъ суммы, а въ государственномъ—меньше 1%; необходимо прибавить, что въ городской бюджетъ внесено 80,000 рублей на непредвидѣнные расходы, что составляетъ болѣе 1 1/4% всего расхода.

повлени закономъ (таковы, напримѣръ, расходы по повинностямъ подводной, дорожной и квартирной, по содержанію мировыхъ учреждений, крестьянскихъ и воинскихъ присутствій); отъ земства зависить, и то лишь до извѣстной степени, только опредѣленіе ихъ размѣра. Изъ числа остальныхъ расходовъ выдѣляются иногда издержки, обязательныя по особымъ постановленіямъ земскаго собранія (напр., содержаніе земской управы); онѣ составляютъ какъ бы переходъ отъ расходовъ безусловно обязательныхъ къ расходамъ необязательнымъ. Въ составъ послѣднихъ входятъ болѣею частью расходы на народное образованіе, на народное здоровье, на благотворительныя учрежденія. Бюджетъ города С.-Петербурга соединяетъ три названныя нами рубрики подъ общимъ наименованіемъ расходовъ обязательныхъ, а къ числу необязательныхъ относить лишь такіе, которые правильнѣе было бы назвать чрезвычайными (капитальный ремонтъ, новыя постройки, очистку рѣкъ и каналовъ и т. п.). Между тѣмъ, пробнымъ камнемъ городского и земскаго самоуправленія служатъ именно расходы необязательныя въ собственномъ смыслѣ слова, какъ выраженіе свободной инициативы города или земства. Если выдѣлить изъ городской смѣты всѣ расходы, *предписанныя* городу закономъ или особыми распоряженіями правительства (содержаніе полиціи, пожарной части, тюремъ, казармъ, больницъ, мировыхъ учреждений), а также расходы, вытекающіе изъ лежащихъ на городѣ обязательствъ (уплата долговъ, земскій сборъ, пенсіи и пособія), то всѣ остальные бюджетныя статьи (кромѣ расходовъ, въ самой смѣтѣ называемыхъ необязательными) могутъ быть сведены въ слѣдующимъ главнымъ категоріямъ: 1) содержаніе городского общественнаго управленія (около 704 тысячъ рублей); 2) содержаніе и обыкновенный ремонтъ городскихъ зданій, сооружений, садовъ, бульваровъ и т. п. (около 661 т.); 3) расходы по благоустройству столицы (около 522 т.); 4) содержаніе учебныхъ заведеній (около 375 т.) и 5) содержаніе благотворительныхъ заведеній (около 215 т. ¹⁾), — всего около 2.477,000 руб., а вмѣстѣ съ такъ называемыми необязательными расходами—до 3.200,000 руб. Само собою разумѣется, что между только-что перечисленными расходами есть много такихъ, производство которыхъ необходимо и неизбѣжно:—не можетъ же, напримѣръ, дума оставить городъ безъ освѣщенія, улицы безъ очистки, городскія зданія безъ ремонта; но мы соединили ихъ въ одно цѣлое на томъ основаніи, что въ этой сферѣ дѣятельность думы представ-

¹⁾ Содержаніе благотворительныхъ заведеній обходится городу въ 413 тысячъ рублей, но почти половина этой суммы идетъ на покрытіе расходовъ безусловно обязательныхъ.

ляется наименѣе связанной и слѣдовательно наиболѣе характеристичной.

Прежде всего насъ поражаетъ значительность расхода по городскому общественному управленію. Правда, изъ него слѣдуетъ исключить неправильно включенный сюда расходъ на ремонтъ и освященіе новыхъ городскихъ скотобоенъ (около 25 тысячъ рублей); но и остающаяся сумма, составляющая почти 12% всего городского бюджета, все еще весьма значительна. Содержаніе членовъ городской управы (включая городского голову и товарища головы) доходитъ до 43,000 руб., содержаніе канцеляріи управы (включая казначеевъ)—до 160,000 рублей; канцелярія думы обходится въ 23 сличкомъ тысячи рублей; между тѣмъ, весьма многія отрасли городского самоуправления находятся въ рукахъ особыхъ учреждений, также дорого стоящихъ городу. Со времени примѣненія городского положенія къ Петербургу прошло уже десять лѣтъ—а работа по устройству городского управленія все еще не окончена. Существуетъ такъ называемая организаціонная коммиссія, которая очевидно трудится не спѣша, если финансовая коммиссія признала нужнымъ обратиться къ ней съ просьбой „выдѣлить изъ общей ея задачи вопросъ о техническомъ отдѣленіи городской управы, какъ требующій безотлагательнаго разсмотрѣнія, и представить свои соображенія о переустройствѣ этого отдѣленія на обсужденіе думы въ наискорѣйшемъ по возможности времени“. Недостатки въ организаціи городского управленія отражаются и на его дѣятельности, увеличиваютъ цифру непроектированныхъ, напрасныхъ расходовъ. Такъ напримѣръ, одной изъ самыхъ крупныхъ расходныхъ статей являются постоянно такъ-называемыя капитальныя ремонтныя работы. Въ первоначальномъ проектѣ смѣты на 1883 г. предполагалось ассигновать на этотъ предметъ 404 тысячъ рублей; финансовая коммиссія уменьшила ассигновку на 145 тысячъ, признавъ нѣкоторыя работы, проектированныя управой, несвоевременными или положительно ненужными. И дѣйствительно, нельзя не согласиться съ коммиссіей, что теперь, когда еще предстоитъ постройка храма въ память покойнаго государя, странно было бы тратить нѣсколько десятковъ тысячъ рублей на передѣлку, именно въ этомъ мѣстѣ, набережной екатерининскаго канала—передѣлку, которая очевидно должна быть согласована съ работами по устройству храма. Столь же странно было бы тратить почти десять тысячъ рублей на передѣлку тротуара тамъ, гдѣ это только могло бы сдѣлать выгрузку дровъ и камня. Еще важнѣе общія замѣчанія, сдѣланныя финансовою коммиссіею противъ образа дѣйствій городской управы по отношенію къ капитальнымъ ремонтнымъ работамъ. Оказывается, что въ поддержаніе того или другого испрашиваемаго

на капитальный ремонтъ кредита, городская управа ограничивается обыкновенно указаніемъ на то, съ чьей стороны поступило ходатайство о ремонтѣ, не представляя никакихъ фактическихъ въ пользу необходимости его доказательствъ. Въ смѣту, такимъ образомъ, часто вносятся работы не особенно нужныя, а работы, давно намѣченные и признанныя необходимыми (напр. капитальная перестройка Чернышева моста), остаются безъ исполненія. Этого мало; разцѣпочныя вѣдомости, служащія основаніемъ для опредѣленія стоимости ремонта или постройки, не соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ цѣнамъ на материалы и работы. Перемощеніе одной квадратной сажени мостовой, оцѣненное по вѣдомости въ 2 руб. 51 коп. и отданное съ торговъ за 1 руб. 68 коп., на самомъ дѣлѣ, по удостовѣренію комиссій, можетъ обойтись не дороже одного рубля. Ремонтъ—продолжаетъ комиссія—часто производится не во-время и небрежно; надзоръ за городскими мостовыми, подземными трубами, набережными, каналами, вѣренъ не инженерамъ, какъ бы слѣдовало, а архитекторамъ. Понятно, во что обходятся городу подобныя порядки и чего они его лишаютъ. Въ уменьшеніи общей цифры необязательныхъ для города расходовъ особенной надобности не предстоитъ, но настоятельно необходима бблшая правильность въ назначеніи ихъ и исполненіи. Дорого стоящее городское управленіе должно, по крайней мѣрѣ, исключать возможность явно непроизводительныхъ или преувеличенныхъ расходовъ.

Самая утѣшительная сторона городского бюджета—это статья расходовъ на народное образованіе. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить о громадныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ начальнымъ обученіемъ въ Петербургѣ со времени перехода его, менѣе шести лѣтъ тому назадъ, въ руки городского управленія. Въ вѣдѣніе города, въ 1877 г., было передано *шестнадцать* училищъ, съ бюджетомъ въ 13 тысячъ рублей; въ 1882 г. начальныхъ городскихъ училищъ было уже *сто-двадцать-пять*, и на содержаніе ихъ (не считая издержекъ по педагогическому и врачебному надзору) расходовалось 235 тысячъ рублей. Въ 1883 г. управа предполагала открыть вновь только четыре училища, на что понадобилось бы 5,720 рублей. Городская училищная комиссія горячо возстала противъ предположенія управы, указывая на то, что съ 1880 г. открывалось въ годъ, среднимъ числомъ, по 25 училищъ, и что нѣтъ основанія отступать отъ этой цифры и въ нынѣшнемъ году. Она сослалась на число дѣтей (въ 1882 г. — болѣе тысячи), непринятыхъ въ школы за недостаткомъ свободныхъ мѣстъ, на превышеніе во многихъ училищахъ установленнаго комплекта учащихся, на статистическія данныя, изъ которыхъ видно, что въ одномъ третьемъ участѣ спасской части слѣ-

довало бы открыть, по числу неграмотныхъ дѣтей (1,150!), болѣе двадцати новыхъ училищъ. Городская управа, а вслѣдъ за нею и финансовая коммиссія, убѣдились доводами училищной коммиссіи, и въ проектъ смѣты на 1883 г. внесена добавочная сумма въ 35,750 рублей, на обзаведеніе и содержаніе, вмѣсто четырехъ, двадцати-пяти новыхъ училищъ; внесены также и другіе дополнительные кредиты (на усиленіе средствъ санитарнаго надзора и т. п.), объ открытіи которыхъ просила училищная коммиссія. Общее число училищъ возрастетъ, такимъ образомъ, до *ста-пятидесяти*, т.-е. почти удесатерится въ сравненіи съ тѣмъ, которое унаслѣдовалъ городъ отъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ число начальныхъ городскихъ училищъ увеличится, въ 1883 г., въ еще болѣешихъ размѣрахъ; коммиссія, избранная думой въ виду приближенія дня, когда исполнится десять лѣтъ со времени введенія въ дѣйствіе городского положенія, предложила ознаменовать этотъ день открытіемъ еще *десяти* новыхъ городскихъ училищъ. Это предложеніе будетъ принято въ торжественномъ засѣданіи думы 20 февраля, и сообразно съ нимъ дополнена и смѣтная статья во народному образованію; тогда намъ придется откинуть слово *мочи* и сказать прямо: городъ удесатерилъ, въ шесть лѣтъ, число переданныхъ ему начальныхъ училищъ. За эту заслугу нынѣшнему городскому управленію можетъ быть прощено многое—но даже и она всеже еще недостаточно велика, чтобы заставить забыть недостатки его устройства.

Вопросъ о сотрудничествѣ чиновниковъ въ періодическихъ изданіяхъ разрѣшенъ, мѣсяцъ тому назадъ, положеніемъ комитета министровъ. Комитетъ призналъ нужнымъ „подтвердить состоящимъ на государственной службѣ лицамъ о точномъ соблюденіи существующихъ законовъ, воспреещающихъ сообщеніе, безъ надлежащаго разрѣшенія, въ повременныя изданія свѣдѣній изъ дѣлъ, имъ вѣреныхъ или извѣстныхъ по служебному положенію“. Судя по этимъ словамъ, судя по мотивамъ, положеннымъ въ основаніе новой правительственной мѣры, можно было бы заключить, что она направлена только противъ нарушенія такъ называемой канцелярской тайны; есть, однако, поводъ думать, что значеніе ея и кругъ дѣйствій не самомъ дѣлѣ гораздо шире. Въ промежуткѣ между мотивами и резолютивной частью положенія мы встрѣчаемъ слѣдующія слова, не связанныя съ первыми и не отразившіяся въ послѣдней: „отъ подлежащаго начальства должно, конечно, ближайшимъ образомъ заиспытъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, дозволить или не допустить участіе чиновника въ періодическомъ изданіи, по соображенію какъ

предмета, такъ и характера избранныхъ чиновникомъ литературныхъ занятій, и поэтому начальство въ правѣ не только требовать, чтобы служащіе правдиво заявляли о своемъ участіи въ повременныхъ изданіяхъ, но и воспрещать таковое, когда оно угрожаетъ нанести серьезный ущербъ интересамъ службы". Для начальства, изъ этихъ словъ, вытекаютъ такіа права, а для подчиненныхъ — такіа обязанности, которыя не имѣютъ ничего общаго съ охраненіемъ канцелярской тайны. Изъ того, что чиновникъ не долженъ оглашать свѣдѣній, извѣстныхъ ему вслѣдствіе служебнаго его положенія, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы *вся* литературная дѣятельность его должна была находиться подъ контролемъ его начальства; изъ того, что начальство можетъ и обязано преслѣдовать состоявшееся уже нарушеніе служебнаго долга, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы оно должно было принимать предупредительныя мѣры противъ самой возможности нарушенія. Для достиженія цѣли, указанной въ мотивахъ положенія, не нужно ни доведенія до свѣдѣнія начальства о предметѣ и характерѣ литературныхъ занятій чиновника, ни ограниченія свободы выбора этихъ занятій; нужно только возбужденіе дисциплинарнаго или судебного преслѣдованія противъ лицъ, совершившихъ нарушеніе канцелярской тайны. Размѣръ стѣсненій, устанавливаемыхъ новой правительственной мѣрой, оказывается, такимъ образомъ, гораздо большимъ, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго взгляда; она равносильна, въ сущности, призыву къ жизни давно забытаго и неисполнявшагося правила, выраженнаго въ ст. 529 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Въ прошедшемъ году это правило — запрещающее служащимъ издавать въ свѣтъ, безъ разрѣшенія своихъ начальствъ, сочиненія, „касающіяся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній государства“ — было подтверждено для военно-служащихъ; теперь оно сдѣлано вновь обязательнымъ для *всѣхъ* служащихъ, съ тою разницею, что въ старомъ законѣ идетъ рѣчь о *сочиненіяхъ* вообще, а въ новомъ положеніи комитета министровъ — только о періодическихъ изданіяхъ. Съ другой стороны, за то, старый законъ требовалъ начальственнаго разрѣшенія на сочинительство только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно касается „внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній государства“, а новая мѣра ставитъ въ зависимость отъ начальства *всякое* сотрудничество въ періодическихъ изданіяхъ. Прежде чиновникъ могъ написать и напечатать романъ, не доводя о томъ до свѣдѣнія начальства — а теперь не можетъ, если романъ печатается въ журналѣ или газетѣ.

Какое значеніе, какія послѣдствія можетъ имѣть стѣсненіе литературной дѣятельности служащихъ — объ этомъ мы уже нѣсколько

разъ говорили ¹⁾; теперь прибавимъ только, что одно ограждение канцелярской тайны едва ли требовало особыхъ мѣропріятій. Много ли, прежде всего, можно насчитать случаевъ, когда оглашеніе правительственнаго проекта или предположенія угрожаетъ опасностью интересамъ государства? За рѣдкими исключеніями, оно можетъ быть только полезно, вызывая критическій анализъ задуманной мѣры, выясняя слабыя и сильныя ея стороны. Правительство идетъ на встрѣчу общественному мнѣнію лишь тогда, когда вопросъ, поставленный на очередь, принадлежитъ къ числу особенно важныхъ; такіе факты, какъ обнародованіе проекта вексельнаго устава, какъ разсылка обществамъ и частнымъ лицамъ проекта общей части уголовного уложенія, встрѣчаются крайне рѣдко. Свѣдѣнія о готовящихся преобразованіяхъ всего чаще проникали въ печать частнымъ путемъ—тѣмъ путемъ, къ закрытію котораго направлено разбираемое нами положеніе комитета министровъ. Возьмемъ, для примѣра, уставъ о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; главные основанія его были сообщены газетами за полгода до его изданія и послужили поводомъ къ оживленной полемикѣ, которая, конечно, никому и ничему не причинила и не могла причинить никакого вреда и противъ которой не было принято никакихъ мѣръ со стороны администраціи. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда преждевременная гласность дѣйствительно была бы сопряжена съ серьезными неудобствами—напр., передъ заключеніемъ новаго займа, во время важныхъ дипломатическихъ переговоровъ—ничто не мѣшало бы начальству предписать всѣмъ посвященнымъ въ дѣло строжайшее соблюденіе тайны, подъ опасеніемъ судебной отвѣтственности. Въ такихъ случаяхъ, впрочемъ, администрація располагаетъ и другимъ, болѣе тѣмъ надежнымъ средствомъ; она просто запрещаетъ печати, на основаніи закона 1873 г., касаться даннаго предмета. Охотниковъ нарушить подобное запрещеніе бываетъ немного, въ виду послѣдствій нарушенія. Не говоримъ уже о томъ, что лучшей гарантіей противъ нескромныхъ сообщеній служитъ чувство долга, достаточно развитое и въ массѣ служащихъ, и въ массѣ пишущихъ. Понять необходимость молчанія—когда оно необходимо по самому существу дѣла—вовсе не трудно; раскрытіе того, что очевидно и несомнѣнно должно считаться государственной (а не канцелярской) тайной, представляется весьма мало вѣроятнымъ. Мы не думаемъ, чтобы въ исторіи нашей печати можно было найти хоть одинъ случай этого рода.

¹⁾ См. „Вѣст. Евр.“ 1882 г. № 5, „Внутреннее обозрѣніе“, и № 12, „Изъ общественной хроникѣ“.

Абсентеизмъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ—тѣмъ весьма старая, но давно уже о ней не говорили такъ много, какъ въ послѣднее время. Число гласныхъ, участвовавшихъ въ только-что окончившейся сессіи губернскихъ собраній, дѣйствительно было крайне невелико; нѣкоторые собранія вовсе не могли состояться, за отсутствіемъ законнаго комплекта, другія должны были разойтись, не окончивъ своихъ занятій. Мы не станемъ, конечно, оправдывать нашихъ земцевъ, не станемъ и перечислять слишкомъ хорошо извѣстныхъ причинъ, извиняющихъ, до нѣкоторой степени, ихъ охлажденіе къ дѣлу; мы хотимъ обратить вниманіе только на одинъ фактъ, обыкновенно опускаемый изъ виду присяжными обвинителями земства. На глазахъ у всѣхъ происходитъ лишь одна, и притомъ не самая важная часть земской работы; столичная печать слѣдитъ лишь за губернскими земскими собраніями, рѣдко и мимоходомъ обращая вниманіе на дѣятельность уѣздныхъ земствъ. Между тѣмъ, въ уѣздныхъ собраніяхъ абсентеизмъ развитъ, вообще говоря, гораздо меньше, чѣмъ въ губернскихъ; дѣло доводится здѣсь, болѣею частью, до конца, невозможность открыть собраніе или необходимость преждевременно закрыть его встрѣчается сравнительно рѣдко. Укажемъ, для примѣра, на петербургскую губернію. Въ губернскомъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи присутствовало обыкновенно не болѣе 25—30 гласныхъ, т.-е. едва одна треть, требуемая закономъ (67—23); даже въ 1881-82 г., когда рассматривались вопросы о преобразованіи крестьянскихъ учреждений, о всесословной волости, о свѣдущихъ людяхъ, число присутствующихъ почти не поднималось выше половины общаго числа гласныхъ. Уѣздныя собранія, на оборотъ, посѣщаются гораздо исправнѣе; въ лужскомъ уѣздномъ собраніи, напримѣръ, изъ 30 гласныхъ на лицо бываетъ всегда болѣе 20, часто—болѣе 25. Отъ чего зависитъ такая разница? Отчасти, конечно, отъ большей близости уѣзднаго города къ мѣсту жительства большинства гласныхъ, отъ меньшей продолжительности сессіи, отъ сравнительной незначительности расходовъ, сопряженныхъ съ присутствіемъ въ собраніе, отъ аккуратности гласныхъ-крестьянъ, рассматривающихъ явку въ собраніе какъ обязательную повинность; но это еще далеко не все. При настоящемъ положеніи земскихъ учреждений, живое дѣло находитъ себѣ мѣсто преимущественно въ уѣздѣ; здѣсь сосредоточена забота о народной школѣ, о народномъ здоровьѣ, здѣсь получаетъ практическое разрѣшеніе продовольственный вопросъ. Общій, уровень общественной жизни отражается, безъ сомнѣнія, и на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, но сравнительно меньше, именно потому, что работа, имъ ввѣренная, имѣетъ преимущественно будничныи характеръ, потому что она *должна быть*

совершена, все равно, благоприятствуютъ ли ей или не благоприятствуютъ обстоятельства. Доля обязательной работы, принадлежащая губернскому земству, не такъ велика и не такъ близка къ жизни; дѣятельность его—скорѣе организаціонная, а для организаціи нужна соотвѣтствующая обстановка, нуженъ просторъ, нужна увѣренность или по крайней мѣрѣ надежда, что трудъ не пропадетъ по-напрасну. Можно ли ожидать, напимѣръ, отъ губернскаго земства, чтобы оно занялось учрежденіемъ земской учительской школы, когда самое существованіе такихъ школъ, да и вообще учительскихъ семинарій, находится подъ сомнѣніемъ? Одна изъ самыхъ важныхъ функцій губернскаго земства—это ходатайство передъ правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, часто совпадающихъ съ пользами и нуждами государственными. Понятно, что степень энергіи земства въ исполненіи этой функціи не можетъ быть всегда одинакова; понятно, съ другой стороны, что вынужденное ограниченіе ея не можетъ не вліять на интересъ къ земскому дѣлу, а слѣдовательно и на посѣщеніе губернскихъ земскихъ собраній. Какъ бы то ни было, говоря о земскомъ абсентеизмѣ, необходимо дѣлать различіе между губернскими и уѣздными собраніями, необходимо помнить, что послѣднія продолжаютъ и теперь свою скромную, малую замѣтную, но въ высшей степени полезную работу. Огульные приговоры надъ земствомъ, произносимые въ виду земскаго абсентеизма, не имѣютъ никакого смысла; нужно не знать или не хотѣть знать провинціальной жизни, чтобы восклицать, виѣстѣ съ „Русью“: „весь нашъ земскій багажъ состоялъ пока изъ быстро охлаждающагося энтузіазма, подправленнаго обрывками кое-какихъ доктринъ и теорій, газетными статьями и совершеннымъ незнаніемъ своего народа“. Земская дѣятельность, во всѣхъ своихъ фазисахъ и видахъ, представляла и представляетъ множество пробѣловъ, множество погрѣшностей—и это не могло быть иначе, въ виду крайне несовершенной организаціи земскихъ учреждений; достигнуто и предпринято, однако, далеко не мало, и работа не останавливалась ни на минуту, не останавливается даже и въ настоящее время. „Земство ничего не дѣлаетъ и никуда не годится“—выводъ крайне несправедливый и односторонній. Если мы ожидаемъ многого отъ широкой земской реформы, то именно потому, что даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, несмотря на ошибочную избирательную систему, несмотря на неправильное устройство, несмотря на всяческія преграды,—земство служило сдѣлаться и остаться однимъ изъ главныхъ факторовъ русской общественной жизни.

НАШЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ

И ЕГО БАЛАНСЪ.

Въ государственной росписи на 1883 годъ обыкновенные государственные доходы и расходы въ первый разъ пошли далѣе 700 милліоновъ рублей; ровно десять лѣтъ назадъ, въ росписи на 1873 годъ, они перешли только за полумилліардную цифру. Какъ извѣстно, послѣдняя война застала нашъ ординарный бюджетъ расходовъ на уровнѣ 550 милл. рублей. Займы, заключенные для расходовъ войны, конечно, должны были повести за собою увеличеніе платежей по государственнымъ долгамъ: одни банковые билеты, выпущенные въ 1876 и 1881 годахъ, вмѣстѣ съ тремя восточными займами, требуютъ теперь ежегодно 56 милліоновъ кредитныхъ рублей, а для внѣшняго займа 1877 года, вмѣстѣ съ шестымъ выпускомъ консолидированныхъ облигацій, требуется свыше 12 милліоновъ рублей металлическихъ, или (оставляя пока въ сторонѣ вліяніе, оказанное ухудшеніемъ курса рубля, и считая лажъ, какъ до войны, лишь въ 20%)—14 милліоновъ рублей кредитныхъ. Но подъ непосредственнымъ вліяніемъ увеличенія государственныхъ долговъ обыкновенные государственные расходы должны были бы возрасти лишь только на 70 милл. рублей. Между тѣмъ, сравненіе бюджетной цифры 1883 года (702 милл. рублей) съ уровнемъ до войны (550 милл.) обнаруживаетъ увеличеніе расходовъ на 152 милліона, т.-е. не только на вышеупомянутые 70 милліоновъ, но еще сверхъ того на 82 милліона рублей. Эти-то 82 милліона можно справедливо и почти всецѣло поставить въ непосредственную причинную связь съ сильнымъ паденіемъ нашего рубля со времени послѣдней войны. Слѣдуетъ даже удивляться тому, что вліяніе такого паденія сказалось на государственныхъ расходахъ увеличеніемъ ихъ лишь на 82 милліона, а не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, 550 милліоновъ кредитныхъ рублей, на которыхъ остановился нашъ ординарный бюджетъ наканунѣ послѣдней войны, представляли по перечисленію ихъ въ металлическіе рубли около 460 милліоновъ полнотѣнныхъ рублей. Но въ настоящее время для суммы расходовъ на 460 милл. металлическихъ рублей требуется уже не менѣе 690 милліоновъ кредитныхъ рублей. Слѣдовательно, нашъ ординарный бюджетъ расходовъ теперь долженъ былъ бы дойти также до 690 милл.

рублей, даже еслибъ съ 1876 года не произошло никакого увеличенія государственнаго долга, — подъ однимъ только вліяніемъ паденія рубля. Но, какъ мы видѣли, увеличеніе государственнаго долга само вызвало новый ежегодный расходъ въ 70 милліоновъ рублей, и потому подъ соединеннымъ вліяніемъ паденія рубля и увеличенія государственнаго долга, нашъ ординарный бюджетъ могъ бы уже теперь доходить до 760 милліоновъ. Если же онъ дошелъ пока только до 702 милліоновъ, то это объясняется тѣмъ, что обезцѣненіе рубля еще не успѣло во всей своей цѣлости равномерно отразиться на всѣхъ государственныхъ расходахъ. Стѣсненное положеніе государственнаго казначейства, получающаго самый крупный доходъ въ странѣ, должно было явиться ближайшимъ послѣдствіемъ паденія рубля и въ свою очередь не могло не вызвать у финансоваго управленія большаго сопротивленія, чѣмъ оно прежде оказывало при предъявленіи ему денежныхъ требованій всѣми иными вѣдомствами. Отсюда его настоятельныя напоминанія о необходимости экономіи въ государственныхъ расходахъ. Но нельзя никакъ считать случайностью то обстоятельство, что изъ напоминаній объ экономіи до сихъ поръ происходило очень мало практическихъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что экономія всего менѣе возможна, когда о ней заговариваютъ по поводу обезцѣненія рубля. Солдата кормить, одѣвать и вооружать одинаково нужно, какая бы ни была цѣнность рубля. Какъ бы сильно ни падалъ рубль, потеря, отъ этого происходящая, всего менѣе можетъ быть восполняема тѣмъ, что армія будетъ получать худшую пищу, или что ее будутъ одѣвать хуже, то-есть въ одежду, скорѣе изнашивающуюся, или что ружья и пушки будутъ допущены менѣе совершенныя, или наконецъ, что крѣпостныя сооруженія и судостроеніе будутъ сильно сокращены. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ экономія не только бесполезна, но прямо вредна, потому что, уменьшая боевую силу государства, она въ то же время ведетъ борьбу съ симптомомъ болѣзни, а не съ ея причинами. Естественно, поэтому, что и у насъ экономія пока не въ состояніи была обнаружить свою пользу. Вотъ почему та часть государственныхъ расходовъ, при производствѣ которыхъ правительству приходится уплачивать рыночную цѣну всякаго рода вещей, уже теперь въ значительной мѣрѣ отражаетъ на себѣ паденіе рубля. Но, какъ извѣстно, весьма значительная часть государственныхъ расходовъ складается изъ платежей личному составу всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ. Въ области этихъ-то платежей до сихъ поръ было возможно нѣсколько задержать вліяніе упадка рубля на возвышеніе государственныхъ расходовъ. Чиновникъ, получавшій до послѣдней войны 1.500 рублей жалованья и въ нихъ располагавшій прежде покупной силой 1.250

полноцѣнныхъ рублей, продолжалъ и послѣ войны получать тѣ же 1.500 рублей, хотя ихъ покупная сила упала уже до 1000 полноцѣнныхъ рублей, и обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ для него стало равносильнымъ тяжкому налогу въ 33% его дохода. Естественно, однако, что такое положеніе долго продолжаться не можетъ. То въ одномъ, то въ другомъ вѣдомствѣ стали уже раздаваться голоса, очень настоятельно требующіе „измѣненія штатовъ“, и эти требованія волею-неволею должны быть удовлетворены: плохо-оплачиваемые работники, какъ извѣстно, очень плохіе работники, и это особенно приходится имѣть въ виду, когда между „работниками“ оказываются вертуозы „хищенія“, далеко неодинокіе. — Ясно въ такомъ случаѣ, что возвышеніе обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ до уровня 750—760 милліоновъ рублей—обстоятельство, съ которымъ нельзя не считаться, даже если нужды различныхъ правительственныхъ вѣдомствъ не выйдутъ изъ рамокъ, въ которыхъ онѣ двигались до послѣдней войны, и никакихъ новыхъ „нуждъ“ не будетъ. Но такое неподвижное состояніе правительственной машины врядъ ли даже и мыслимо. Можно поэтому считать, что очень скорое приближеніе нашего ординарнаго бюджета расходовъ къ цифрѣ 800 милліоновъ рублей совершенно неминуемо.

Понятно, послѣ этого, что вопросъ: угрожаютъ-ли намъ въ ближайшемъ будущемъ хроническіе дефициты,—опредѣляется тѣми условіями, отъ которыхъ зависить другой вопросъ въ состояніи-ли будетъ финансовая администрація съ такою же скоростью изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ, съ какою неминуемо должны возрастать государственные расходы? Опытъ истекшихъ лѣтъ со времени послѣдней войны показываетъ, что въ 1876—81 годахъ нужно было изыскать обыкновенныхъ доходовъ для суммы обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ въ 3,810¹/₂ милліоновъ рублей; дѣйствительно же изыскано было доходовъ лишь 3,698³/₄ милліоновъ рублей, то-есть: дефицитъ обнаружился въ 111³/₄ милліоновъ рублей. Нельзя не признать, что дефицитъ этотъ относительно невеликъ; онъ былъ бы гораздо больше, еслибъ финансовая администрація въ послѣдніе годы оказывала не столь настойчивое противудѣйствіе возрастанію государственныхъ расходовъ. Но именно это обстоятельство всего лучше доказываетъ, что изысканіе новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ у насъ поставлено въ исключительно неблагоприятныя условія. Опытъ 1875 года показываетъ, что до послѣдней войны источники государственныхъ доходовъ уже тогда въ состояніи были доставить 576¹/₂ милл.; перемѣны, въ нихъ произведенныя были способы, однако, возвысить ихъ доходность въ 1879 году лишь до 662 милл., причемъ впрочемъ въ 1880 и 1881 гг. доходность упала

до 650 милліоновъ. Такимъ образомъ, новыхъ доходовъ пока удалось изыскать лишь на 85½ милл. рублей, изъ коихъ, какъ мы выше видѣли, 70 милліоновъ требовались для новыхъ расходовъ отъ возросшихъ платежей по государственнымъ долгамъ, и не болѣе 15 милл. оставалось на всѣ другія нужды. А между тѣмъ, упадокъ кредитнаго рубля неминуемо требуетъ даже для одного только удержанія всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ на томъ уровнѣ, на какомъ ихъ застала послѣдняя война (460 милліоновъ металлическихъ рублей)—возвышенія доходовъ съ 550 до 690 милл., то-есть на 140 милліоновъ рублей. Если къ этимъ 140 милл. прибавить 70 милліоновъ, которые нужны для увеличившихся платежей по государственнымъ долгамъ, и только 40 милліоновъ положить на новые государственные расходы, то въ общемъ итогъ получается сумма въ 250 милліоновъ, на которые со времени послѣдней войны стало необходимымъ изыскать новые источники обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Врядъ-ли, однако, необходимо доказывать, что такую сумму новыхъ доходовъ можно только „хронически“ искать. Пока изъ нихъ изыскана лишь *одна треть*, и для этого потребовалось не менѣе шести лѣтъ. Очевидно, что если и для другихъ двухъ третей потребуется пропорціонально столько же времени, то есть двѣнадцать лѣтъ, то этого времени совершенно достаточно, чтобъ часть его образовала очень тяжелый періодъ хроническихъ дефицитовъ.

Мы заговорили объ этомъ предметѣ, конечно, не потому что намъ доставляетъ особенное удовольствіе рисовать ближайшее будущее мрачными красками, а потому, что изложенныя соображенія не должны были бы быть совершенно оставляемы въ сторонѣ при обсужденіи вопросовъ, всегда вновь возникающихъ съ появленіемъ каждой новой государственной росписи. Очевидно, что вопросъ о томъ, „удалось-ли“ финансовому управленію „свести роспись“, за тотъ или другой отдѣльный годъ, съ дефицитомъ или безъ дефицита, является совершенно празднымъ, если корень дефицитовъ заключается въ постоянно-дѣйствующей причинѣ, требующей, чтобъ борьба велась съ нею непосредственно, а не съ ея симптоматическими обнаруженіями, всегда очень неровными. При дѣйствіи такой причины роспись на отдѣльный годъ получаетъ еще болѣе случайное и субъективное значеніе, чѣмъ какой она вообще имѣетъ. Такъ, напр., роспись на 1883 годъ исходитъ изъ того, что если обыкновенные государственные расходы не превысятъ 702½ милліоновъ, то для нихъ финансовая администрація надѣется имѣть не только равную сумму доходовъ, но даже нѣсколько больше, именно 707½ милліоновъ. Правильны-ли или неправильны эти ожиданія, во всякомъ случаѣ удержаніе обыкновенныхъ расходовъ на уровнѣ 702 милліоновъ со-

вершено въ власти, какъ финансоваго, такъ и всѣхъ остальныхъ вѣдомствъ; потому что, разъ признана необходимость извѣстныхъ заготовленій и работъ, не отъ нихъ уже зависить вліяніе упадка рубля на цѣны, по которымъ заготовленія и работы будутъ производиться; а предусмотрѣть это вліяніе нѣтъ никакой возможности, такъ какъ нѣтъ никакой возможности предусматривать измѣненій, могущихъ произойти въ цѣнности рубля.

Крайняя шаткость всякой нашей росписи въ настоящее время самымъ кореннымъ образомъ измѣняется и постановку тѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ нашего финансоваго положенія, которыхъ обыкновенно касаются всеподданиѣйшіе доклады, сопровождающіе всякую новую роспись. Такъ какъ эти доклады у насъ замѣняютъ программы, которыми въ другихъ государствахъ, у лицъ, стоящихъ во главѣ финансоваго управленія, вошло въ обычай открывать всякій новый финансовый періодъ, то мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на той части всеподданиѣйшаго доклада г. министра финансовъ по поводу росписи на 1883 годъ, которую мы считаемъ, въ связи съ вышесказаннымъ, наиболѣе важною.

Въ виду неизбѣжнаго вліянія, которое цѣнность кредитнаго рубля оказываетъ теперь на наше финансовое положеніе во всякое данное время, наибольшую важность очевидно имѣютъ тѣ руководящія взгляды, которыми опредѣляется, намѣрено ли финансовое управленіе страдательно относиться къ означенному вліянію, или—вести съ нимъ дѣятельную борьбу. Строго говоря, вопроса объ этомъ предметѣ теперь совсѣмъ не должно было бы и быть, потому что онъ категорически рѣшенъ въ смыслѣ невозможности безучастнаго отношенія къ судьбѣ нашей денежной единицы. Рѣшеніе это, какъ извѣстно, дано было высочайшимъ указомъ 1 января 1881 года, опредѣлившимъ, что государственному банку будутъ постепенно возвращены тѣ 400 милліоновъ, которые онъ выдалъ государственному казначейству въ послѣднюю войну, и для которыхъ онъ выпустилъ новыя кредитныя билеты. Указъ этотъ, однако, какъ тоже общезвѣстно, въ московской печати встрѣтилъ оппозиціонное къ себѣ отношеніе, и эта оппозиція, вѣроятно, очень вліятельна, если почти каждый годъ въ докладѣ о росписи приходится встрѣчаться съ напоминаніями о ней, или въ видѣ прямой полемики съ нею, или въ видѣ дѣлаемыхъ ей уступокъ. Въ докладѣ по поводу росписи на 1882 годъ говорилось весьма рѣшительно о томъ, что „затраты, дѣлаемыя правительствомъ для упроченія кредитнаго рубля, нельзя назвать не производительными“; что „мѣра эта (1881 года), несомнѣнно способствуя поддержанію цѣнности кредитнаго рубля, уменьшить на много милліоновъ цифру государственныхъ расходовъ, какъ заграничныхъ, такъ и внутреннихъ“. Къ

сожалѣнію въ докладѣ о росписи на 1883 годъ уже не слышно этого рѣшительнаго голоса. „Упроченіе кредитнаго рубля и возстановленіе его цѣнности“, говорится здѣсь, „могутъ быть достигнуты лишь постепенно мѣрами, способствующими укрѣпленію внутренняго и вѣшняго кредита государственнаго, *при преобладаніи въ теченіе многихъ лѣтъ доходовъ надъ расходами и уменьшеніи заграничныхъ платежей*“. Въ связи съ этимъ находится другое мѣсто доклада, въ которомъ говорится, что „строго-покровительственный тарифъ, *необходимый въ данномъ положеніи нашей денежной системы*“, имѣетъ столь важное значеніе, что ради него оказывается необходимымъ примириться даже съ происходящимъ подъ его вліяніемъ уменьшеніемъ таможенныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, если въ прошломъ году придавалось много значенія затратамъ и прямымъ мѣрамъ, направленнымъ къ упроченію кредитнаго рубля, то въ нынѣшнемъ году обнаруживается сильный поворотъ въ сторону тѣхъ московскихъ представителей протекціонизма, которые всегда настаивали на необходимости страдательно выжидать полезныхъ вліяній, которыя способны, будто бы, оказать на наше финансовое положеніе строго-покровительственный тарифъ.

Наше финансовое положеніе, однако, представляетъ собою самый сильный и совершенно достаточный по своей убѣдительности аргументъ противъ подобнаго выжиданія. На дѣлѣ, въ нашей жизни дѣйствіе таможеннаго тарифа ограничено слишкомъ тѣсными предѣлами, чтобъ отъ того или иного его направленія много зависѣло въ нашемъ общемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи. Наши заграничные платежи, напримѣръ, очень велики; но еще вопросъ: въ состояніи ли покровительственный тарифъ вооружить насъ терпѣніемъ, необходимымъ для выжиданія того момента, когда означенные платежи уменьшатся. Покровительственный тарифъ у насъ, между прочимъ, отличается тою особенностью, что онъ *совершенно лишаетъ всякаго вліянія на нашъ торговый балансъ, и способенъ его только ухудшить, но не улучшить*. Онъ „поощряетъ“ не производство для вѣшняго отпуска, а производство для мѣстнаго потребленія, для котораго требуется очень много и заграничнаго сырья, и заграничныхъ полуготовыхъ произведеній, и наконецъ, заграничныхъ орудій и машинъ. Наше покровительствуемое производство, такимъ образомъ, за границу ничего не отдаетъ, а оттуда все-таки постоянно беретъ, внося этимъ свою вѣскую лепту въ ту совокупность условій, которыми опредѣляется значительность нашихъ заграничныхъ платежей. Но эта значительность въ очень большой мѣрѣ зависитъ, какъ извѣстно, и отъ того, что заграничный капиталъ не разъ выручаетъ насъ изъ нужды. Одни платежи правительства по вѣшнымъ госу-

дарственными долгамъ у насъ составляютъ свыше 65 миллионѣвъ металлическихъ рублей; другихъ постоянныхъ внѣшнихъ государственныхъ расходовъ, вѣроятно, не менѣе 15 милл. металл. рублей; если наконецъ считать частные платежи за обращающіеся у насъ заграничные капиталы лишь въ 20 милл. металл. рублей, то уже это дастъ 100 милл. ежегодныхъ металлическихъ платежей. Эти 100 миллионѣвъ представляютъ капиталъ въ два миллиарда рублей металлическихъ, которые мы должны накопить специально для того, чтобъ освободиться отъ заграничныхъ платежей. Но дѣйствительно ли миллиарды капиталовъ у насъ образуются съ такою легкостью, чтобъ ихъ можно было основательно брать въ расчетъ? Если, пока будетъ происходить такое накопленіе, намъ нужно будетъ строить еще новыя желѣзныя дороги и вообще заключать новыя государственныя займы, то очевидно, что каждый разъ, когда для того не окажется отечественныхъ капиталовъ, опять нужно будетъ прибѣгнуть къ „выжиданію“ и имѣть для этого терпѣніе впродъ до накопленія нашихъ „собственныхъ“ капиталовъ. Но удобно ли это? И дѣйствительно ли легче возлагать на страну бремя доставленія и отвлеченія отъ иныхъ занятій всѣхъ тѣхъ капиталовъ, которые до сихъ поръ мы заимствовали за границею, обременяя себя лишь процентными платежами за нихъ? Кажется, что по этому предмету у насъ укоренились въ послѣднее время недоразумѣнія, слишкомъ сильныя, чтобъ ихъ можно было обойти молчаніемъ. Позволительно ли упускать изъ виду, что всѣ тѣ цѣли, изъ-за которыхъ у насъ возникали заграничные платежи, совсѣмъ не такого свойства, чтобъ въ одно прекрасное утро мы могли ихъ объявить упраздненными? Рационально ли ожидать, что возможно въ одно и то же время и заботиться объ упроченіи нашего государственнаго кредита, внутренняго и внѣшняго, и терпѣливо переносить всѣ колебанія нашей денежной единицы? Совмѣстно ли съ правильнымъ представленіемъ о нашихъ производительныхъ силахъ и податныхъ источникахъ допускать, что „превышеніе доходовъ надъ расходами въ теченіе многихъ лѣтъ“ у насъ возможно, когда финансовое положеніе, вслѣдствіе обезцѣненія денежной единицы, дѣлаетъ вѣроятною необходимость, въ теченіе одного десятилѣтія, увеличить податныя требованія на 250 миллионѣвъ рублей? Наконецъ, расчетливо ли упускать изъ виду, что такъ какъ наши заграничные платежи происходятъ отъ большой нашей задолженности, то уменьшенію платежей должна предшествовать уплата нашихъ внѣшнихъ долговъ; а эта уплата *капитала* долговъ была бы въ 15—20 разъ тяжелѣе уплаты процентовъ по нимъ. Развѣ каждый разъ, когда къ намъ возвращаются изъ-за границы наши долговныя бумаги и часть внѣшняго долга уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются наши

заграничные срочные платежи,—развѣ отъ этого наше положеніе становится лучше, а не хуже? Въ томъ-то и дѣло, что какъ бы ни было тяжело наше положеніе вслѣдствіе заграничной задолженности, безъ нея, безъ внѣшняго кредита, безъ помощи заграничныхъ капиталовъ, наше положеніе еще тяжелѣе.

Вдумываясь въ этотъ предметъ, нельзя не признать, что наши толки объ „опасностяхъ“ заграничной задолженности и „тягостности“ внѣшнихъ платежей сильно напоминаютъ разсужденія о „зеленомъ виноградѣ“. Эти толки у насъ начались съ 1876 года,—и какъ разъ съ того момента, съ котораго начался кризисъ нашего внѣшняго государственнаго кредита, послѣдній у насъ объявленъ „зеленымъ виноградомъ“. Но, какой бы ни былъ виноградъ, мы вѣдь безъ него не можемъ обойтись; положеніе внѣшняго кредита должно быть улучшено, совершенно независимо отъ того, скоро-ли или постепенно проявитъ свое дѣйствіе покровительственный тарифъ. Какъ бы ни ни собирались съ терпѣніемъ, мы его не можемъ имѣть столько, сколько необходимо на то, чтобъ дожидаться уменьшенія заграничныхъ платежей. Для этого мы не располагаемъ самыми коренными условіями: возможностью безучастно относиться къ судьбѣ нашего внѣшняго кредита, и средствами, необходимыми для скорой уплаты внѣшнихъ долговъ.

Ни для кого не секретъ, что кризисъ нашего внѣшняго государственнаго кредита и сильный упадокъ нашего кредитнаго рубль главнымъ образомъ коренятся въ томъ, что съ 1876 года къ намъ возвратилась слишкомъ значительная масса нашихъ долговыхъ бумагъ, отъ которыхъ отвернулась иностранная публика. Токъ заграничныхъ капиталовъ къ намъ прекратился одновременно съ сильнымъ возвышеніемъ покровительственныхъ пошлинъ. И хотя отъ этого уменьшились платежи, которые прежде производились заграничными владѣльцами нашихъ бумагъ, хотя привозъ иностранныхъ товаровъ сильно сократился, и торговый балансъ обнаруживаетъ сильный перевѣсъ отпуска товаровъ за границу, однако въ окончательномъ результатѣ нашъ внѣшній балансъ ухудшился, а не улучшился. Это произошло —оттого, что нашъ балансъ *почти совсѣмъ не зависитъ ни отъ срочныхъ нашихъ внѣшнихъ платежей по долгамъ, ни отъ соотношенія между привозомъ и вывозомъ товаровъ, а напротивъ, главнымъ образомъ зависитъ отъ того, какое направленіе имѣетъ движеніе иностранныхъ капиталовъ: приливаютъ-ли они къ намъ, или отливаютъ отъ насъ.*

Нравится-ли намъ это, или не нравится, во всякомъ случаѣ это фактъ подтверждаемый опытомъ. Въ пятилѣтіе, непосредственно предшествовавшее послѣдней войнѣ, мы пережили періодъ сильнаго пере-

вѣса привоза надъ отпускомъ, сильнаго увеличенія нашего вѣшняго долга, сильнаго возвышенія нашихъ заграничныхъ платежей, а также — значительнаго потребленія иностранныхъ произведеній, частыхъ и многочисленныхъ путешествій за границу такихъ людей, которые прежде о томъ и не мечтали. И тѣмъ не менѣе въ это время нашъ балансъ былъ превосходенъ: золото къ намъ прилиvalo и накоплялось въ государственномъ банкѣ такъ, что одно время его въ нашемъ банкѣ было даже больше, чѣмъ въ англійскомъ, французскомъ и прусскомъ; кредитный рубль въ это время шелъ въ гору, а цѣна полунимперіала упала до 5 р. 90 коп., и упала бы еще больше, еслибъ государственный банкъ правильнѣе регулировалъ цѣну, по которой онъ покупалъ золото. Непосредственно за этимъ пятилѣтіемъ послѣдовало другое, въ которое наше потребленіе иностранныхъ предметовъ удобства и роскоши сильно сократилось, отпускъ сталъ сильно перевѣшивать привозъ, поѣздки за границу сильно уменьшились, множество нашихъ долговыхъ бумагъ отъ заграничныхъ владѣльцевъ перешли къ отечественнымъ, съ бумагами, слѣдовательно, перешли и купоны и полученіе по нимъ платежей, которыхъ за границу нужно было производить уже менѣе. И тѣмъ не менѣе въ это-то время нашъ балансъ сталъ сильно неблагоприятнымъ; золото стало отъ насъ быстро уплывать, и его теперь въ государственномъ банкѣ меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; кредитный рубль все глубже и глубже падалъ, а полунимперіаль поднялся въ цѣнѣ до 8 р. 40 коп. Въ чемъ же заключалась коренная причина, по которой нашъ балансъ въ указываемыя два пятилѣтія отличался столь противоположными свойствами? Причина — одна: въ первое пятилѣтіе нашъ вѣшній кредитъ процвѣталъ, во второе — его постигъ тяжкій кризисъ; въ первое пятилѣтіе къ намъ притекла масса иностраннаго капитала, доходившая, вѣроятно, до миллиарда рублей; во второе же, если не весь этотъ капиталъ, то значительная его часть отъ насъ ушла.

Можетъ быть, было-бы лучше, еслибъ нашъ вѣшній кредитъ никогда не процвѣталъ. Но вѣдь разсужденія на эту тему ни къ чему не ведутъ; они бесплодны, потому что никто не сомнѣвается въ настоятельной важности, которую продолжаетъ и по настоящее время сохранять наша потребность въ процвѣтаніи вѣшняго кредита. Какъ ни далеко уже зашли московскіе проповѣдники протекціонизма à tout prix, хотя бы съ государственнымъ банкротствомъ и полнымъ финансовымъ разстройствомъ, всеже и они еще не дошли до безучастнаго отношенія къ положенію нашего вѣшняго кредита. А это-то всего лучше и доказываетъ, что какъ бы много въ Москвѣ ни разглажывали о балансѣ въ связи съ протекціонизмомъ, но эта связь выдумана, и практическое значеніе она имѣетъ только, какъ матеріаль

для болѣе или менѣе храбрыхъ, но всегда пустыхъ и поверхностныхъ фельетонныхъ статей; серьезное же, практическое, жизненное значеніе имѣетъ связь баланса не съ протекціонизмомъ, а съ хорошимъ или дурнымъ положеніемъ нашего вѣншнаго кредита.

Въ виду тяжелаго опыта, убѣдительно доказывающаго, что уменьшеніе заграничныхъ платежей у насъ всегда шло объ руку толь съ кризисомъ вѣншнаго кредита, и въ виду того, что какъ бы ни были благодѣтельны дѣйствія покровительственнаго тарифа для заимки иностранныхъ ситцевъ, суконъ, шелковъ и бархатовъ—русскими ситцами, сукнами, шелками и бархатами, тарифъ, однако, у насъ еще не проявлялъ никогда способности идти далѣе этого вліянія и не могъ сколько-нибудь существенно улучшить нашъ вѣншній балансъ,—мы позволяемъ себѣ нѣкоторое сомнѣніе въ правильности такихъ финансовыхъ построеній, которыя главнымъ своимъ основаніемъ имѣютъ расчетъ на уменьшеніе заграничныхъ платежей и покровительственный тарифъ. На этой почвѣ въ Соединенныхъ-Штатахъ сѣверной Америки можно было очень многое построить. Но мало-ли, что возможно в одной странѣ, въ другой—невозможно? Такъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ-Штатахъ въ десятилѣтіе 1872—81 на общую сумму обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ въ $7\frac{1}{2}$ милліардовъ долларовъ (точно: 7.472,01 милліоновъ) таможенные сборы дали свыше 4 милліардовъ долларовъ (въ точности: 4.070,75 милліоновъ), то-есть больше половины (54%) всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ. Хотя американцы, какъ извѣстно, большіе любители протекціонизма и умѣютъ его широко практиковать, однако никому изъ нихъ и на мысль не приходило жертвовать въ интересахъ протекціонизма таможеннымъ доходомъ. У насъ, напротивъ, въ то же десятилѣтіе 1872—81 на общій итогъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ около 6 милліардовъ рублей (5,994 милліона) таможенныхъ сборовъ приходилось лишь $700\frac{1}{2}$ милл. кред. рублей, то-есть немного болѣе $\frac{1}{10}$ (менѣе 12%) всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, да и о нихъ еще возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли и имъ пожертвовать въ видахъ протекціонизма? Очевидно, что „отношенія“ въ Соединенныхъ Штатахъ и у насъ слишкомъ расходятся: тамъ отъ протекціонизма процвѣтаютъ и государственное казначейство, и промышленность, а у насъ, кромѣ фабрикаторовъ, отъ протекціонизма процвѣтаютъ преимущественно московскіе трактиры и нѣныя увеселительныя заведенія съ ихъ habitués изъ протекціонистскаго лагеря.

Подобно тому, какъ трудно устранить сомнѣнія въ правильности мысли о связи между протекціонизмомъ и улучшеніемъ нашего финансового положенія,—позволительно нѣкоторое сомнѣніе и въ правильности другого изъ вышеназложенныхъ руководящихъ взглядовъ,

именно, будто съ упроченіемъ кредитнаго рубля можно обождать до тѣхъ поръ, пока государственные доходы въ теченіе многихъ лѣтъ окажутся превышающими государственные расходы. Самая крупная опасность, угрожающая нашему финансовому положенію въ ближайшіе годы, заключается именно въ томъ, что если кредитный рубль останется на уровнѣ 60—65 металлическихъ копѣекъ, то не только всѣ частныя отношенія, но и всѣ государственные доходы и расходы должны будутъ приспособиться къ этой низкой цѣнности рубля. Всѣ тѣ государственные расходы, на которые пока обезцѣненіе еще не имѣло вліянія, будутъ искусственно и насильственно подведены подъ это вліяніе, и необходимо должны увеличиться на 25—30% только подъ дѣйствіемъ этого вліянія. А это означаетъ необходимость изысканія новыхъ налоговъ на такую громадную сумму, предъ которою не можетъ не отступить даже самая оптимистическая фантазія. Опытъ послѣднихъ лѣтъ уже весьма наглядно показать, съ какими значительными затрудненіями у насъ связано изобрѣтеніе новыхъ способовъ увеличить налоги. Того обилія податныхъ источниковъ, которыми располагали Соединенные-Штаты и Франція, когда обстоятельства у нихъ потребовали значительнаго увеличенія государственныхъ доходовъ,—у насъ нѣтъ. Но этого мало. При бѣдности податными источниками, мы особенно богаты всякаго рода поводами, уменьшающими податные источники. Отъ солянаго налога пришлось сразу и всецѣло отказаться; отъ подушной приходится отказываться постепенно; въ видахъ протекціонизма приходится отказываться и отъ части таможенныхъ сборовъ; не сегодня—завтра, придется примириться кое съ чѣмъ, не очень выгоднымъ для обилія питейныхъ сборовъ. Правда, мы много надѣемся на развитіе прямыхъ налоговъ. Но въ этихъ надеждахъ еще, кажется, не останавливались на важномъ значеніи, какое для ихъ осуществленія всего болѣе имѣетъ судьба нашего рубля. Прямые налоги рассчитаны на постоянные доходы, которые прежде и сильнѣе другихъ терпятъ ущербъ отъ обезцѣненія рубля, и для которыхъ это обезцѣненіе уже само по себѣ представляетъ очень чувствительный налогъ. Возьмемъ для примѣра владѣльца цѣнныхъ бумагъ, получающаго 1.000 рублей отъ купоновъ или дивиденда. Вѣдь очевидно, что когда эти 1.000 руб. представляютъ 800 полнотѣнныхъ рублей, то они представляютъ болѣе обильный податной источникъ, чѣмъ когда въ нихъ остается лишь 600 полнотѣнныхъ рублей. Придя къ такому владѣльцу съ требованіемъ налога послѣ того, какъ его доходъ сократился съ 800 до 600 руб., то-есть, на 25%, значитъ завѣдомо наводить его на вопросъ: отчего же прежде, чѣмъ привлечь его къ налогу, предварительно его разорили? Развѣ благоразумная податная политика совѣтуетъ подобный образъ дѣйствій?

А въ одинаковомъ положеніи съ владѣльцемъ цѣнныхъ бумагъ находятся всѣ плательщики прямыхъ налоговъ, всѣ тѣ, которые не имѣютъ возможности на торговомъ рынкѣ прижать потребителя и принудить его къ возмѣщенію всѣхъ потерь, вызываемыхъ обезцѣненіемъ рубля.

Такимъ образомъ, равновѣсіе между государственными доходами и расходами является какъ-разъ слабѣйшею стороною нашего финансоваго положенія, насколько оно ухудшено паденіемъ кредитнаго рубля. Паденіе рубля стремится нарушить это равновѣсіе и искусственнымъ возвышеніемъ государственныхъ расходовъ, и неблагоприятнымъ вліаніемъ на государственные доходы. Откуда же при такомъ положеніи могутъ вѣзаться тѣ „превышенія доходовъ надъ расходами въ теченіе многихъ лѣтъ“, послѣ которыхъ только настанетъ очередь и для заботы объ упроченіи цѣнности рубля? Да и не будетъ ли эта забота уже запоздалою, если время для нея настанетъ лишь тогда, когда всѣ доходы и расходы государства и частныхъ лицъ окончательно приспособятся къ обезцѣненному рублю.

Намъ кажется, что на шаткой почвѣ обезцѣненнаго рубля, предоставленнаго собственной судьбѣ и подверженнаго многочисленнымъ и сильнымъ колебаніямъ, трудно вообще что бы то ни было построить. На этой почвѣ насъ ожидаютъ только хроническіе дефициты и постепенный упадокъ внутренняго и внѣшняго государственнаго кредита.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что финансовою администраціе до сихъ поръ руководило очень правильное чувство, когда она всѣми силами старалась противудѣйствовать возвышенію государственныхъ расходовъ. Но главное средство для этого зависить отъ нея же—и только отъ нея. Только возвышеніе кредитнаго рубля можетъ задерживать сильное возвышеніе государственныхъ расходовъ. Только оно составляетъ и главный источникъ, который можетъ увеличить средства государственнаго казначейства. Поэтому, только возвышеніе кредитнаго рубля можетъ намъ дать и равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ, и улучшеніе государственнаго кредита.

О подробностяхъ росписи на 1883 годъ мы не будемъ распространяться, потому что она составлена со всею тою осторожностію, которую нынѣшнее финансовое управленіе обнаружило уже въ прошломъ году при составленіи росписи на 1882 годъ. Какъ мы выше уже упоминали, предполагается,—если всѣ доходы поступать исправно, а расходы не выйдутъ изъ ассигнованій, то можетъ оказаться превышеніе доходовъ на $5\frac{1}{2}$ милл. рублей. Сравненіе росписи 1883 г. съ исполненною (на 1881 годъ) показываетъ, что первая предполагаетъ увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ на сумму свыше 60 милл.

ліоновъ и уменьшеніе обыкновенныхъ расходовъ на сумму свыше 25 милліоновъ. Если эти предвидѣнія оправдаются, то окончательный результатъ сравнительно съ нашимъ положеніемъ до войны будетъ слѣдующій. Къ тѣмъ новымъ обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ, которые уже были изысканы къ 1879 году въ размѣрѣ 85½ милліоновъ, прибавятся еще новые 51 милліонъ рублей, а всего новыхъ доходовъ будетъ до 137 милліоновъ. Изъ нихъ, 70 милліоновъ пойдутъ на новые платежи по государственнымъ долгамъ, а для покрытія ущерба въ цѣнности государственныхъ доходовъ отъ упадка кредитнаго рубля остаются 67 милліоновъ. Ихъ однако недостаточно для покрытія всего ущерба, и остальное поэтому должно быть взято изъ реального сокращенія государственныхъ доходовъ, то-есть неудовлетворенія такихъ нуждъ, которыя прежде удовлетворялись. Въ самомъ дѣлѣ, если изъ суммы предполагаемыхъ на 1883 годъ обыкновенныхъ расходовъ (702 милліона) сбросить новые платежи по государственнымъ долгамъ, то остается 632 милліона кредитныхъ, или 421 милліонъ полнотѣнныхъ рублей, то-есть, сравнительно съ дѣйствительными расходами предъ послѣднею войною, менѣе на 39 милліоновъ металлическихъ, или 60 милл. обезцѣненныхъ рублей. Эти-то 60 милліоновъ, данные „экономію“, виѣсть съ 67 милліонами отъ новыхъ доходовъ, всего же 127 милліоновъ рублей, — представляютъ то непроеизводительное обремененіе нашего бюджета, которое вызвано упадкомъ кредитнаго рубля.

F.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1883.

Французская, англійская и нѣмецкая печать о Гамбеттѣ.—Г. Александръ и его разсужденія относительно Гамбетты.—Роль Гамбетты во французской и европейской политикѣ.—Его жизнь и дѣятельность при второй имперіи.—Эпоха національной обороны и важность ея для республики.—Образъ дѣйствій Гамбетты въ позднѣйшіе годы.—Значеніе его смерти для Франціи.—Манифестъ принца Наполеона и министерскій кризисъ.

Первое впечатлѣніе, произведенное смертью Гамбетты въ самый часъ наступленія новаго года — успѣло уже нѣсколько смягчиться, и теперь сдѣлалось тѣмъ любопытнѣе прослѣдить за всѣми отбѣнками мнѣній, высказанныхъ по этому поводу въ различныхъ странахъ и со стороны различныхъ партій: это дастъ намъ возможность точнѣе уяснить себѣ разнородные мотивы популярности Гамбетты за предѣлами его отечества. Англійскіе либералы, нѣмецкіе патріоты, наши „охранители“, — всѣ съ одинаковымъ жаромъ превозносятъ таланты и заслуги умершаго дѣятеля, его умѣнье властвовать надъ толпою и привлекать къ себѣ сердца людей, его крѣпкіе государственные инстинкты, его стремленія къ энергической иностранной политикѣ и, наконецъ, его знаменитый принципъ „оппортунизма“. Въ самой Франціи высказывается совсѣмъ иное: тогда какъ за границею интересовались Гамбеттою главнымъ образомъ какъ чело-вѣкомъ *будущаго*, во Франціи чествовали въ немъ только воспомина-нія *прошедшаго*, — воспоминанія о народной оборонѣ 1870 года, душою которой былъ бывшій депутатъ Бельвилльскаго предѣстія въ Парижѣ. Эта особенность французскихъ сожалѣній и похвалъ не-волью бросалась въ глаза какъ въ надгробныхъ рѣчахъ, такъ и въ комментаріяхъ печати.

Еще одна черта обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ случаѣ: французскія газеты, за исключеніемъ специально-гамбеттистскихъ, отнеслись сравнительно холодно къ „катастрофѣ“ и казались какъ будто удивленными тѣмъ общимъ взрывомъ сочувствія, выраженіями котораго наполнилась вся европейская пресса. Большинство французскихъ газетъ заговорило, правда, о „великомъ гражданинѣ, одному изъ достойнѣйшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ Франціи, оставшемъ послѣ себя пустое мѣсто, которое трудно будетъ заполнить“; но о благѣ страны, объ интересахъ народа почти не упоминалось

въ разсужденіяхъ о бывшемъ народномъ трибунѣ. Напротивъ, часто слышалась въ этихъ газетныхъ отзывкахъ какая-то странная оправдательная нота, которую „Journal des Débats“ выразилъ въ слѣдующей характерной фразѣ: „Гамбеттѣ будетъ *прощено* многое, ибо онъ много любилъ свою родину“. Менѣе сдержанные радикальные и непримиримые органы не стѣснялись высказывать прямо враждебныя чувства къ покойному. Для независимыхъ республиканцевъ не могли быть пріятны преувеличенные заграничные толки о судьбѣ французской республики, существованіе которой связывалось почему-то неразрывно съ именемъ Гамбетты.

„Всѣ возможныя проповѣди о равенствѣ не измѣняютъ человеческой природы,—замѣчаетъ извѣстный Джонъ Лемуанъ въ „Journal des Débats“,—всегда будутъ существовать люди, занимающіе болѣе мѣста, чѣмъ другіе, и олицетворяющіе собою великія событія исторіи. Страна должна доказать, что жизнь ея не зависитъ отъ жизни и смерти отдѣльнаго человѣка. Мирабо, котораго Гамбетта напоминалъ своими качествами, своею страстностью, беспорядочностью жизни, увлеченіями, силою патріотизма, могуществомъ ораторскаго нападенія и въ то же время способностью убѣждать,—Мирабо могъ сказать передъ смертію, что онъ уноситъ съ собою трауръ монархіи. Монархія была тогда уже мертвою. Теперь глубоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что республика умираетъ... Послѣдняя и одна изъ наиболѣе важныхъ услугъ, оказанныхъ Гамбеттою, заключается въ томъ, что его кончина объединила націю и показала міру ту нераздѣльную Францію, какою сдѣлала ее монархія, какою сдѣлалъ ее конвентъ и какою должна сохранить ее республика“.

Съ жесткостью, очевидно несправедливою, отзывается о Гамбеттѣ другой авторитетный журналъ, считающійся органомъ средней консервативной части французскаго образованнаго общества. „Revue des deux Mondes“ старается доказать, что во всѣхъ своихъ усиліяхъ и неудачахъ Гамбетта оставался лишь агитаторомъ, вождемъ партіи, и „въ тотъ день, когда онъ принужденъ былъ выйти изъ своего всемогущаго исключительнаго положенія и принять въ свои руки правильное отправленіе власти, онъ оказался смущеннымъ главою кабинета, не имѣющимъ ни ясныхъ правительственныхъ идей, ни достаточныхъ силъ для проведенія извѣстной политики“. Онъ потерпѣлъ неудачу,—продолжаетъ „Revue des deux Mondes“,—потому что онъ никогда не былъ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, и то обаяніе, которое онъ приобрѣлъ, быстро исчезло. Онъ имѣлъ всѣ дарованія или признаки всѣхъ дарованій, необходимыхъ для политическаго дѣятеля. Ему недоставало только широкаго пониманія, вѣрной оцѣнки людей и вещей. Онъ окружалъ себя посредствен-

ностями и подчинялся ихъ господству. Поэтому-то, обладая энергіею, пыломъ и всѣми дарами могучей натуры, онъ не совершилъ, однако, великихъ дѣлъ, достойныхъ возвышеннаго честолюбія... Все было сдѣлано для того, чтобы придать похоронамъ характеръ общенародный, среди толпы, имѣющей всегдашнюю слабость къ шумнымъ зрѣлищамъ. Этимъ усиливался лишь контрастъ между посмертными демонстраціями и дѣйствительнымъ содержаніемъ жизни бывшаго главы министерства 14 ноября... Гамбетта имѣлъ привилегію занимать собою Европу; онъ больше кого бы то ни было изъ французовъ считался представителемъ идеи національнаго возмездія, военного возрожденія Франціи. На самомъ дѣлѣ, сегодня, какъ и вчера, послѣ смерти Гамбетты, какъ и до этого факта, Франція остается такою же, какою была, — преданною интересамъ мира, ищущою хорошихъ отношеній со всѣми народами, очень мало склонною ко всѣмъ тѣмъ комбинаціямъ и союзамъ, о которыхъ мечтаютъ иные политики“...

Иностранные публицисты оцѣниваютъ важность потери, понесенной Франціею, несравненно выше, чѣмъ сами французы. Лондонскій „Times“ заявилъ, что въ лицѣ Гамбетты сошелъ со сцены „одинъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ европейской политики, предназначенный поддерживать европейское равновѣсіе“. Исторія будущаго поколѣнія, по словамъ „Times'a“, существенно измѣнится вслѣдствіе этой преждевременной кончины. „Гамбетта былъ самымъ выдающимся французомъ своего времени; его характеръ давалъ ему видное мѣсто въ ряду первыхъ государственныхъ людей Европы“. „Daily News“ говоритъ, что „никогда, быть можетъ, великая политическая карьера не прекращалась такъ внезапно и такъ странно. Лордъ Каннингъ, сэръ Робертъ Пилъ и графъ Кавуръ также умерли отъ неожиданныхъ, случайныхъ причинъ; но они успѣли почти вполне исполнить свое назначеніе. Гамбетта погибъ при самомъ началѣ своей практической государственной дѣятельности, отъ которой весь свѣтъ ожидалъ такъ много. Со времени смерти Тьера, во Франціи не было человѣка, который могъ бы быть сравнимъ съ Гамбеттою. Онъ стоялъ, подобно Сауду, выдаваясь головою и плечами надъ своими сотоварищами и соперниками. Онъ былъ для другихъ французскихъ дѣятелей тѣмъ же, что князь Бисмаркъ для другихъ нѣмецкихъ политиковъ, или Гладстонъ — для членовъ англійскаго парламента. Но онъ не исполнилъ и не имѣлъ случая исполнить задачу великаго перваго министра. Кратковременное пребываніе его во главѣ кабинета не можетъ быть принято въ расчетъ, такъ какъ онъ сознательно вызвалъ тогда свое паденіе“. Консервативный „Standard“ находитъ, что „кончина Гамбетты бросила тяжелую тѣнь

на зарю новаго года и погрузила послѣдній въ глубокой мракъ. Для Франціи это такая потеря, которую трудно измѣрить". По словам „Pall-Mall-Gazette", „либеральная Европа будетъ оплакивать великую и замѣчательную личность,—государственнаго человѣка, употреблявшаго свой мужественный умъ на благотворное дѣло, и который будетъ жить въ исторіи Франціи въ числѣ самыхъ смѣлыхъ, даровитыхъ и сильныхъ основателей республики. Значеніе его утраты опредѣляется явнымъ или тайнымъ удовольствіемъ, съ каковымъ она встрѣчена реакціонерами и врагами свободнаго народнаго управленія въ Европѣ". Такимъ же духомъ пронизаны разсужденія всѣхъ прочихъ англійскихъ газетъ, которыя вообще раздѣляютъ тотъ взглядъ, что „Гамбетту ожидало будущее, болѣе великое и блестящее, чѣмъ его прошедшее".

Особенно поучительнымъ представляется намъ поведеніе нѣмецкой печати: вся она, безъ различія партій, отдала должное умершему врагу и выставила его достоинства съ гораздо большею силою, чѣмъ многіе французскіе органы. „Одно изъ постоянныхъ свѣтилъ на политическомъ горизонтѣ, по которому всѣ привыкли ориентироваться въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, погасло вдругъ",—такъ начинается свою статью министерская „Провинціальная Корреспонденція". „Въ полномъ обладаніи своихъ силъ, въ могучемъ расцвѣтѣ жизни, скончался выдающійся человѣкъ, котораго отечество знало какъ самаго горячаго патріота, а весь образованный міръ—какъ носителя необычайной политической энергіи. Нѣмцы не ожидали ни примирительнаго вліянія времени, ни подавляющаго языка смерти для того, чтобы признать, что неустрашимый французъ, который въ зиму 1870—1871 годовъ руководилъ защитой Франціи, былъ человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, и что онъ выполнялъ великій и благородный долгъ, затрудняя нашъ успѣхъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами. Нѣмецкіе историки не могли не отдать полной справедливости противнику, который принялъ борьбу за честь своей родины при самыхъ безнадѣжныхъ обстоятельствахъ, велъ свое дѣло съ непоколебимымъ мужествомъ среди величайшихъ затрудненій и при этомъ обнаруживалъ искусство, превышаемое только энергією, какъ воплощеніемъ этого богатаго таланта. Какъ современники, мы имѣемъ право и обязанность засвидѣтельствовать великое значеніе человѣка, котораго мы узнали въ долгой открытой борьбѣ и за позднѣйшими судьбами котораго мы слѣдили съ уваженіемъ, внушаемымъ его характеромъ и другу, и недругу". Извѣстная своею солидностью „Allgemeine Zeitung" восклицаетъ: „Метеоръ, блеснувшій впервые въ ночь несчастія, исчезъ съ высоты,—Франція потеряла своего лучшаго гражданина. Гамбетта владѣлъ довѣріемъ и симпатіями французской

надѣи въ теченіе болѣе десяти лѣтъ. Какой коронованный правитель могъ во Франціи похвалиться такою долгою и прочною популярностью?" Германія, по мнѣнію той же газеты, „можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что безъ всякаго съ своей стороны участія освободилась отъ опаснаго врага, который одинъ стоялъ цѣлою арміею“. Императору Вильгельму приписывается замѣчаніе, что шансы мира въ Европѣ увеличились съ исчезновеніемъ безпокойной головы, господствовавшей надъ умами во Франціи. Для нѣмцевъ, говоритъ „Кельнская Газета“, смерть Гамбетты является вообще облегченіемъ, ибо его имя принималось за синонимъ неизбѣжной войны. Но князь Бисмаркъ опасается, что поколеблется республиканскій строй, который кажется ему наиболѣе выгоднымъ для германскихъ интересовъ, и что попытки монархистовъ могутъ привести къ серьезной перемѣнѣ въ отношеніяхъ между Франціею и Германіею, такъ какъ возстановленная монархія признавала бы своимъ первымъ естественнымъ долгомъ смирить поворотъ Седана и могла бы для этой цѣли найти монархическихъ союзниковъ въ Европѣ. Въ этомъ смыслѣ смерть энергичнѣшаго вождя и защитника республики во Франціи считается событіемъ неблагопріятнымъ для германской имперіи.

Ко всему этому хору европейской журналистики примкнули и наши газеты. „Московскія Вѣдомости“ давно уже привѣтствовали Гамбетту, какъ представителя будто бы русскаго идеала крѣпкой государственной власти. „Русь“ г. Аксакова, не имѣющая собственныхъ положительныхъ идей и заимствующая ихъ по необходимости у г. Каткова, повторила то же самое. Гамбетта, по мнѣнію „Руси“, мечталъ о сближеніи съ Россіею; онъ изучалъ правительственное искусство Бисмарка. „Но быстрый опытъ убѣждаетъ его, что мечта его не исполнима безъ созданія крѣпкой, сильной государственной власти, а самое созданіе это невозможно — при существующихъ формахъ парламентаризма. И вотъ, Гамбетта стремится къ тому, чтобы парламентъ пересталъ быть помѣхою для дѣйствія сильной власти, и проектируетъ пересмотръ конституціи, т.-е. введеніе новой системы выборовъ вовсе не на строго-демократическомъ и ужъ нисколько не на радикальномъ основаніи, а такой, которая дала бы возможность Гамбеттѣ заручиться безпрекословно послушнымъ большинствомъ голосовъ. Въ это же время Гамбетта на баварскихъ выборахъ, осаждаемый разъяренной толпою, посылаетъ своимъ бывшимъ пріятелямъ — крайнимъ радикаламъ и неприкрытымъ — съ краснорѣчивымъ жестомъ знаменитую угрозу: „погодите, я слѣбую найти васъ въ вашихъ логовищахъ!“ И исполнилъ бы эту угрозу, если бы сохранилъ власть, — мы не сомнѣваемся“.

Не предвидѣлъ, конечно, Гамбетта, что „Русь“ его похвалитъ и

что „Московскія Вѣдомости“ причислять его къ своимъ. Но эти похвалы оказываются на дѣлѣ незаслуженными; онѣ вызваны явнымъ недоразумѣніемъ. Г. Аксаковъ проявляетъ въ приведенныхъ выше словахъ совершенное непониманіе предмета, о которомъ берется разсуждать. Гамбетта никогда не выдумывалъ, да и не могъ выдумать такой системы выборовъ, которая всегда давала бы ему большинство въ парламентѣ; то, что онъ предлагалъ, было именно „строго-демократическимъ“ и радикальнымъ восстановленіемъ республиканскихъ традицій во Франціи, почему и большинство радикаловъ стояло рѣшительно на его сторонѣ въ вопросѣ объ избирательной реформѣ. Теперь, когда каждый округъ отдѣльно выбираетъ своего депутата, въ парламентъ попадаетъ много обывателей, пользующихся вліяніемъ въ своей мѣстности, но не отличающихся ни способностями, ни познаниями, необходимыми для успѣшнаго участія въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ. Гамбетта хотѣлъ, чтобы депутаты выбирались не отдѣльными округами, а цѣлыми департаментами, сообразно количеству ихъ населенія, и чтобы такимъ образомъ парламентъ пополнялся людьми, извѣстность которыхъ не ограничивалась бы тѣсными предѣлами округа (по нашему, уѣзда). Весь смыслъ предложенной реформы заключался въ желаніи возвысить умственный и политическій уровень палаты, вытѣснить изъ нея представителей мелкихъ интересовъ и открыть въ нее широкій доступъ высшей интеллигенціи, которую легко побуждаетъ теперь какой-нибудь мало-свѣдущій землевладѣлецъ или фабрикантъ, неизмѣнно выбираемый въ своемъ округѣ мѣстными жителями. Представители департаментовъ были бы несомнѣнно болѣе независимыми и выдающимися представителями общественнаго мнѣнія, чѣмъ выборные отъ округовъ, не имѣющіе часто никакихъ прочныхъ взглядовъ на политическіе вопросы и безъ труда поддающіеся руководству опытныхъ парламентскихъ вождей. Нынѣшніе окружные депутаты должны были бы считаться весьма удобными и желательными для Гамбетты, еслибъ онъ имѣлъ въ виду обезпечить себѣ только покорное парламентское большинство; и дѣйствительно, Гамбетта всегда имѣлъ за собою громадное большинство палаты, при существующей системѣ выборовъ, такъ что никакой реформы не требовалось бы вовсе для упрощенія его личнаго господства.

Очевидно г. Аксаковъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, откуда онъ. Никто не думалъ серьезно во Франціи, что восстановленіе широкаго способа выборовъ, существовавшаго во время первой республики, предлагалось только ради интересовъ Гамбетты и его партіи. А что касается крѣпкой власти, то о ней въ самомъ дѣлѣ заботился Гамбетта: онъ всегда стремился утвердить власть закона, власть

самоуправляющейся націи, власть выборнаго, отвѣтственнаго республиканскаго правительства. Но при чемъ же тутъ „Русь“ и „Московскія Вѣдомости“? Эти почтенныя изданія дѣлають крупную ошибку, втягивая идеи Гамбетты въ кругъ своихъ quasi-охранительныхъ размышленій.

Правда, г. Аксаковъ дѣлаеть важное открытіе относительно Гамбетты: этотъ ярый республиканецъ, непримиримый врагъ бонапартизма и всякихъ монархическихъ доктринъ, оказывается противникомъ парламента... въ Россіи. Гамбетта, по увѣренію „Руси“, сказалъ слѣдующее покойному Скобелеву: „благодарите Бога, что нѣтъ у васъ парламента; если онъ у васъ будетъ, вы сотни лѣтъ проболтаете, не сдѣлавъ ничего путнаго“. Конечно, для французскаго патріота, мечтающаго о содѣйствіи Россіи въ борьбѣ съ Германіею, было бы неизмѣримо удобнѣе заключить союзъ съ однимъ Скобелевымъ или даже съ цѣлымъ сонмомъ русскихъ генераловъ, нежели имѣть дѣло съ обширною русскою землею, которая, пожалуй, не видѣла бы для себя никакого интереса въ рѣзніѣ съ нѣмцами ради возврата французамъ Эльзаса и Лотарингіи. Въ былое время Россія, дѣйствительно, воевала во имя самыхъ чуждыхъ для нея интересовъ, и Гамбеттѣ позволительно было предполагать такое „великодушіе“ и на будущее время, пока у насъ не введена еще пагубная привычка публично обсуждать политическія дѣла, при всестороннемъ (также пагубномъ) взвѣшиваніи дѣйствительныхъ потребностей населенія. Гамбетта могъ имѣть неточное представленіе о современной Россіи, рисуя ее себѣ какъ страну, гдѣ все зависитъ отъ воинственныхъ генераловъ и гдѣ желанія народа не должны быть вовсе принимаемы въ расчетъ. Но какъ можетъ такой патріотъ, какъ г. Аксаковъ, раздѣлять пренебрежительное мнѣніе французскаго республиканца, о насъ,—это для насъ непостижимо.

Во всякомъ случаѣ интересенъ тотъ фактъ, что европейскіе публицисты всѣхъ направленій нашли нѣчто для себя подходящее въ политическомъ багажѣ Гамбетты. Нашлось нѣчто даже для „Руси“ и „Московскихъ Вѣдомостей“, если вѣрить редакціямъ этихъ газетъ. Почему же умѣренные либералы и консерваторы въ самой Франціи приняли столь слабое и незначительное участіе въ восторженной оцѣнкѣ великаго полководца? Неужели онъ имѣлъ для французевъ меньше значенія, чѣмъ для англичанъ, нѣмцевъ или для г. Аксакова? Дѣло въ томъ, что роль Гамбетты въ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Франціи уже закончилась, и что въ этой области отъ него ничего новаго не ожидали. Гамбетта сдѣлался дѣятелемъ вѣйшней политики, сторонникомъ тѣснаго союза съ Англіею и самостоятельному выступленія на поприще европейской дипломатіи. Онъ мечталъ о

завоеваніи для Франціи прежняго мѣста въ ряду великихъ державъ, при помощи мирныхъ настойчивыхъ усилій. Онъ получилъ особенный интересъ въ глазахъ Европы, какъ возможный устроитель будущихъ международныхъ комбинацій; онъ сталъ интересоваться собою иностранныхъ политиковъ нисколько не меньше, если не больше, чѣмъ своихъ соотечественниковъ.

Для французскаго народа и для республики слава Гамбетты относилась къ *прошедшему*; она достигла своего апогея послѣ успѣшной борьбы его съ министерствомъ 16 мая 1877 года, окончившейся отставкою маршала Макъ-Магона и избраніемъ президента Гриви, въ концѣ 1879 года. Рѣшительный упадокъ популярности Гамбетты начинается во время его президентства въ палатѣ, когда слишкомъ роскошный образъ жизни, самоувѣренность его приближенныхъ и постоянныя интриги ихъ противъ всѣхъ смѣнявшихся министерствъ вызвали справедливое неудовольствіе въ обществѣ. Въ ноябрѣ 1881 года, когда Гамбетта, въ качествѣ главы кабинета, объявилъ списокъ новыхъ министровъ, положеніе его было уже крайне затруднительно: общія преувеличенныя ожиданія смѣнились насмѣшливымъ злорадствомъ, и министерство, названное напередъ „великимъ“, окончилось самымъ мизернымъ образомъ, причемъ со стороны Гамбетты замѣчалось только желаніе поскорѣе сбыть съ рукъ навязанную ему власть. Онъ, очевидно, хотѣлъ во что бы то ни стало сохранить свои политическія силы до полученія болѣе высокаго поста—президентскаго, такъ какъ онъ не безъ основанія считалъ себя естественнымъ преемникомъ престарѣлаго Гриви. Но публика не разбирала этихъ мотивовъ и перестала уже по прежнему вѣрить въ Гамбетту; быстрое паденіе его министерства, 26 января 1882 года, оказалось для него серьезнымъ, быть можетъ даже роковымъ ударомъ. Президентомъ палаты избранъ былъ вмѣсто него суровый и строго-последовательный республиканецъ Бриссонъ. Блестящее царство Гамбетты въ Бурбонскомъ дворцѣ, его богатые обѣды и вечера, его руководящее вліяніе на всѣ государственныя дѣла, его такъ называемая „скрытая диктатура“,—все это пролетѣло для него какъ заманчивый сонъ. Съ конца января 1882 года онъ былъ уже только предводителемъ сильно сократившейся партіи „республиканскаго союза“ и вдохновителемъ газеты „République Française“. Онъ сталъ все чаще удаляться въ свой уединенный загородный домикъ, въ Ville d'Avray, и французская публика все меньше занималась имъ и все больше привыкала къ мысли о совершенномъ удаленіи его отъ дѣлъ. Понятно поэтому, что смерть его не могла уже произвести во Франціи такого сильнаго, подавляющаго впечатлѣнія, какого ожидали иностранцы. Умеръ энергическій организаторъ народной

войны противъ прусскаго нашествія, краснорѣчивый „дофинъ республики“ при Тьерѣ, отважный и необыкновенно-искусный вождь республиканцевъ въ критическую эпоху президентства Макъ-Магона, главный виновникъ принятія республиканской конституціи 25 февраля 1875 года монархическимъ національнымъ собраніемъ, побѣдитель монархистовъ и клерикаловъ въ 1877 году,—но въ то же время человѣкъ, проявившій много важныхъ слабостей въ періодъ своего господства, приобрѣвшій себѣ массу враговъ и окончательно оттолкнувшій отъ себя тѣ рабочіе классы, которые впервые выдвинули его на политическую арену въ послѣдніе годы второй имперіи.

Наклонность Гамбетты къ дѣятельной иностранной политикѣ, составляющей предметъ истиннаго страха для большинства современныхъ французовъ, возбудила противъ него недовѣріе, которое было уже трудно устранивъ. Кандидатура его на должность президента республики имѣла поэтому мало шансовъ на успѣхъ; миролюбивые французскіе дѣятели не рѣшились бы остановить свой выборъ на человѣкѣ, проникнутомъ глубокою, но весьма рискованною вѣрою въ себя и въ свою счастливую звѣзду, въ области сильныхъ политическихъ предпріятій. Выборъ палъ бы вѣроятно, на болѣе скромнаго и солиднаго кандидата, въ родѣ Бриссона или Фрейснѣ. Между тѣмъ печать и дипломатія остальной Европы продолжали смотрѣть на Гамбетту, какъ на необходимаго будущаго правителя Франціи,—чего вовсе не раздѣляла значительнѣйшая часть французскаго общественнаго мнѣнія. Этимъ объясняется противорѣчіе между отзывами французовъ и иностранцевъ по поводу смерти Гамбетты.

По своей натурѣ и по характеру своихъ дарованій, Гамбетта былъ по преимуществу человѣкомъ борьбы. Онъ съ одинаковою непреклонностью боролся противъ незаконнаго режима Наполеона III, какъ повдигъ—противъ пруссаковъ, и затѣмъ, противъ монархистовъ. Для мирной реформаторской дѣятельности онъ не годился. Когда внутренняя борьба прекратилась за достиженіемъ предположенной цѣли, то настало время для борьбы внѣшней—сначала дипломатической, подготовительной, а потомъ, пожалуй, и военной, при сознаніи благопріятныхъ обстоятельствъ. Переходное, выжидающее состояніе было опасно для авторитета Гамбетты; онъ старался переждать этотъ долгій періодъ подъ прикрытіемъ почетнаго званія президента палаты, чтобы спокойно дойти до настоящей правительственной власти, съ истеченіемъ полномочій Греви въ 1885 году. Для массы приверженцевъ, ожидавшихъ отъ него обширныхъ внутреннихъ реформъ, онъ выставилъ начало „оппортунизма“, которое, не уничтожая никакихъ надеждъ, ставитъ все въ зависимость отъ интересовъ минуты и отъ соображеній политическаго благоразумія.

Дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, добиваться только того, чего можно навѣрное достигнуть,—это безъ сомнѣнія правило очень хорошее для практическаго дѣятеля; но оно предполагаетъ все-таки извѣстную положительную программу, основанную на твердыхъ принципахъ, относительно которыхъ никакія уступки или сдѣлки немислимы. Программа можетъ быть осуществляема по частямъ, постепенно, по мѣрѣ возможности; но указаніе на способъ дѣйствія не устраняетъ еще вопроса о цѣляхъ, которыя поставила себѣ данная политическая партія. Въ сущности, теорія оппортунизма предназначена была только для того, чтобы скрыть до поры до времени коренное недоразумѣніе между Гамбеттой и его бывшими радикальными сторонниками. Гамбетта просто не имѣлъ никакой программы въ сферѣ внутреннихъ вопросовъ, или, лучше сказать, имѣлъ такую, которая вовсе не соотвѣтствовала предположеніямъ его друзей-радикаловъ. Онъ не стремился къ широкимъ экономическимъ или административнымъ реформамъ; его завѣтные политическіе идеалы истощивались укрѣпленіемъ республики внутри и достиженіемъ прочнаго могущества и величія извнѣ. Внутри онъ зналъ одного только врага, съ которымъ считалъ необходимымъ бороться неустанно, какъ съ главнѣйшею опорою всѣхъ реакціонныхъ стремленій, враждебныхъ республиканской свободѣ,—это именно клерикализмъ, имѣющій еще громадную силу во Франціи. Соціальныя вопросы мало интересовали Гамбетту. Все честолюбіе его направлено было въ сторону внѣшней силы и славы французскаго народа. Интересы военные и дипломатическіе стояли для него всегда на первомъ планѣ. Поэтому онъ долго и упорно уклонялся отъ министерскаго поста, такъ какъ чувствовалъ невозможность удовлетворить общественное мнѣніе въ области внутреннихъ задачъ, послѣ окончательнаго торжества республиканской партіи;—а для предпримчивой международной политики не пришло еще время.

Гамбетта не былъ оппортунистомъ тамъ, гдѣ цѣль была для него ясна и гдѣ предметъ его усилій казался ему достойнымъ борьбы до послѣдней крайности; онъ не былъ оппортунистомъ ни при второй имперіи, въ эпоху ея либеральныхъ вѣяній, ни въ роковые дни прусскаго побѣдоноснаго нашествія. Онъ выдвинулся впередъ и сталъ во главѣ республиканцевъ только благодаря своей непримиримой твердости и энергіи въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли; неопредѣленное знамя оппортунизма понадобилось ему только потомъ, когда главная мечта его жизни—утвержденіе республики во Франціи—сдѣлалась совершившимся фактомъ. Дальнѣйшая политическая карьера Гамбетты неизбежно входила бы уже въ кругъ международныхъ отношеній, и если бы онъ избранъ былъ президен-

томъ послѣ Гревя, онъ несомнѣнно отдался-бы всецѣло идее возмуженія французскаго авторитета въ Европѣ при помощи многочисленной преобразованной арміи, составлявшей любимый предметъ его заботъ и занятій. Такимъ образомъ, Гамбетта былъ политикомъ старой школы,—той школы, къ которой принадлежитъ и князь Бисмаркъ. Онъ не могъ бы наполнить свою жизнь тѣмъ живительнымъ, плодотворнымъ, прогрессивно-развивающимся, терпѣливымъ трудомъ, который придаетъ столько симпатичнаго блеска имени Гладстона. Истинные, реальные интересы французскаго народа едва ли играли бы отъ управленія Гамбетты, и это сознаніе отражается въ сдержанномъ тонѣ французской печати по поводу его преждевременной кончины.

Характеръ Гамбетты былъ не сразу оцѣненъ по достоинству современниками. Его ошибочно считали революціонеромъ. Тьеръ называлъ его „буйнымъ сумасшедшимъ“—„*fou furieux*“, въ 1871 году, а Гревя предостерегалъ его, что „онъ умретъ въ кожѣ мятежника“. Однако Гамбетта съ юныхъ лѣтъ умѣлъ ограничивать свои увлеченія и направлять ихъ къ желанному результату. Біографія его всѣмъ болѣе или менѣе извѣстна. Родившись въ 1838 году въ Кагорѣ, онъ въ дѣтствѣ предназначался къ духовному званію, подъ покровительствомъ своего дяди, бывшаго священникомъ въ одномъ изъ сосѣднихъ приходовъ. Въ семинаріи онъ оказался вольнодумцемъ, и его помѣстили въ Кагорскій лицей. Учителя были въ восторгѣ отъ его разнообразныхъ талантовъ и отъ его живой, широкой натуры. Однажды министръ народнаго просвѣщенія посѣтилъ лицей, и Леонъ Мишель Гамбетта, въ качествѣ лучшаго изъ воспитанниковъ, долженъ былъ читать пріивѣтствіе на латинскомъ языкѣ. Въ текстѣ, одобренный начальствомъ, онъ включилъ нѣсколько фразъ объ императорѣ Тиверіѣ, подъ которымъ разумѣлъ очевидно Наполеона III. Министръ не замѣтилъ этой выходки, и она сошла смѣлому юношѣ безнаказанно. Гамбетта очень рано началъ чувствовать вкусъ къ популярности, но въ своихъ даже самыхъ отважныхъ поступкахъ онъ не выходилъ за предѣлы благоразумія. Въ Парижѣ, во время своего студенчества, онъ былъ однимъ изъ любимыхъ ораторовъ молодежи. Въ Латинскомъ кварталѣ всѣ знали широкоплечаго, здороваго юриста, съ звонкимъ голосомъ и съ энергическою жестикуляціею,—веселаго, остроумнаго товарища и страстнаго, краснорѣчиваго республиканца. Онъ велъ себя настолько осторожно, что многочисленные шпіоны имперіи не имѣли повода наблюдать за нимъ. Поступивъ въ 1859 году въ число парижскихъ адвокатовъ, онъ былъ нѣкоторое время секретаремъ знаменитаго Ляцб, но разошелся съ нимъ изъ-за политическихъ убѣжденій и перешелъ къ

Адольфу Кремье, который передавалъ ему иногда защиту по дѣламъ о проступкахъ печати. Первая публичная рѣчь произнесена была Гамбеттою въ 1861 году, въ процессѣ одного оппозиціоннаго журналиста, издателя каррикатурнаго листка. Рѣчь была весьма неудачна: защитникъ спутался съ первыхъ же словъ и не успѣлъ сказать обычнаго вступленія, какъ былъ остановленъ замѣчаніемъ судьи, что „не стоитъ говорить много по дѣлу, гдѣ обвиняемому грозитъ небольшой денежный штрафъ, — тѣмъ болѣе, что кліентъ будетъ оправданъ“. Нѣсколько лѣтъ Гамбетта находился подъ впечатлѣніемъ этого печальнаго дебюта; онъ аккуратно бывалъ въ судѣ, прислушивался къ рѣчамъ извѣстныхъ адвокатовъ и занимался скромною практикою, причеиъ избѣгалъ всякихъ ораторскихъ попытокъ. Такъ прошло цѣлыхъ семь лѣтъ. Онъ терпѣливо готовился къ рѣшительному шагу и выступилъ на сцену только тогда, когда былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Представился давно ожидаемый случай, — ему поручено было защищать Делеклюза, издателя газеты „Reveil“, подвергшагося преслѣдованію за устройство публичной подписки на памятникъ депутату Бодэну, павшему жертвою государственнаго переворота въ 1851 году. Дѣло было изъ послѣднихъ въ тотъ день, и председательствовавшій судья замѣтилъ Гамбеттѣ, прежде чѣмъ тотъ всталъ: „я думаю, что вы не будете много распространяться, — такъ-что не стоитъ зажигать газъ“. — „Не нужно мнѣ газа, — отвѣчалъ Гамбетта, — я достаточно ярко освѣщу это дѣло“. — Полилась затѣмъ бурная, негодующая, грозная рѣчь, какая давно уже не раздавалась во Франціи, — рѣчь, совершенно ошеломившая строгаго судью и возбудившая нервы публики до состоянія полнаго экстаза. Судья растерялся первый разъ за все время своей службѣ; онъ хотѣлъ-было остановить оратора, когда тотъ заговорилъ о президентѣ Луи-Бонапартѣ, нарушившемъ конституціонные законы, которымъ онъ присягалъ и защитѣ которыхъ отдалъ свою жизнь Бодэнъ. Но какая-то смутно-сознаваемая сила мѣшала судѣ исполнить свое намѣреніе; лихорадочное возбужденіе слушателей наполнило атмосферу суда какимъ-то новымъ, небывалымъ духомъ, противъ котораго была, безсильна власть судебная. Гамбетта свободно продолжалъ свою горячую филиппику противъ имперіи, выросшей изъ преступленія и поддерживаемой обманомъ, — и закончилъ словами, впечатлѣніе которыхъ усиливалось наступившею темнотою: „Въ другихъ странахъ народъ празднуетъ день вступленія царствующей династіи на престолъ. Вы одни покрыты позоромъ того дня, который далъ вамъ окровавленную корону, — дня 2 декабря, когда погибъ Бодэнъ! Этотъ день, который вы не хотите праздновать, — будетъ священнымъ

днемъ для насъ, республиканцевъ. Это будетъ день скорби о нашихъ мученикахъ и возрожденіа нашихъ надеждъ!“—Гамбетту вынесли на рукахъ изъ залы суда, а на слѣдующій день всѣ журналы оппозиціи привѣтствовали новаго республиканскаго дѣятеля.

Имперія клонилась тогда уже къ упадку; суровый режимъ смятился подъ вліяніемъ вѣнскихъ неудачъ, и императоръ пытался привлечь на свою сторону либеральную партію. Прежнія стѣснительныя мѣры отменялись; положеніе нечати облегчилось; произволъ администраціи уступилъ мѣсто робкимъ либеральнымъ номолизованіямъ,—но энергіи правительство уже не имѣло, и это внутреннее безсиліе обнаруживалось въ бесплодномъ блужданіи отъ одной полумѣры къ другой. Моментъ былъ выбранъ какъ нельзя лучше для публичнаго, смѣлаго нападенія на почвъ поправаго закона. Нѣкоторые товарищи по адвокатурѣ называли Гамбетту счастливецомъ за то, что ему „удалось *одною рѣчью* составить себѣ громкое имя“.—„Да,—возразилъ на это Гамбетта,—эту одну рѣчь я готовилъ въ теченіе многихъ лѣтъ,—двадцать разъ я думалъ произнести ее, но я чувствовалъ, что она еще не вполнѣ завладѣла моею головою, хотя кипѣла въ моей груди и едва не разрывала мнѣ сердце“. Гамбетта умѣлъ выжидать и выбралъ тотъ именно моментъ, когда ударъ долженъ былъ произвести наибольшее дѣйствіе, безъ серьезной опасности для самого оратора. Въ неопредѣленное, тяжелое время рѣчь Гамбетты прозвучала какъ бодрый призывъ къ борьбѣ,—какъ предвѣстникъ лучшаго будущаго. Съ 17 ноября 1868 года будущій вождь республиканцевъ былъ уже однимъ изъ популярнѣйшихъ людей во Франціи. На выборахъ 1869 года ему предложена кандидатура въ Парижѣ и Марсели; онъ избранъ въ обоихъ округахъ, послѣ цѣлаго ряда рѣчей, которыя отчасти разстроили его здоровье. Либеральное министерство Эмиля Оливье, образовавшееся 2 января 1870 года, было встрѣчено имъ съ прямодушною ироніею. „Все, что вы можете намъ дать въ видѣ реформъ, будетъ принято нами,—говорилъ онъ въ законодательномъ корпусѣ,—и, быть можетъ, мы заставимъ васъ дать даже больше, чѣмъ вы желаете; но все, что вы намъ дадите и что мы у васъ возьмемъ, послужитъ для насъ только средствомъ для достиженія другой формы правительства“.

Передъ началомъ франко-прусской войны Гамбетта сильно опасался, что побѣда утвердитъ пошатнувшійся тронъ Бонапартовъ и приведетъ къ безотрадной реакціи. „Вы увидите,—убѣждалъ онъ Эмиля Оливье,—что васъ завлекли въ это предпріятіе только для того, чтобы послѣ войны бросить васъ, какъ выжатый лимонъ“. Гамбетта очевидно не предполагалъ возможности того, что случилось въ дѣйствительности. Послѣ первыхъ пораженій при Форбахъ

и при Вёртѣ онъ долженъ былъ принимать мѣры для охраны своей личности, ибо ходили слухи, что рѣшено арестовать членовъ оппозиціи при первомъ народномъ волненіи въ Парижѣ. Гамбетта проводилъ каждую ночь въ другомъ мѣстѣ и не выходилъ на улицу безъ револьвера. Революціонеры обратились къ нему съ предложениемъ устроить возстаніе и низвергнуть правительство, но онъ рѣшительно отказался отъ участія въ подобныхъ планахъ. Даже послѣ паденія Садана Гамбетта думалъ дѣйствовать законнымъ способомъ; онъ хотѣлъ добиться формальнаго низложенія Наполеона III и императрицы-регентши. Онъ посѣщилъ къ Тьеру съ вопросомъ, приметъ ли онъ президентство или временную власть; Тьеръ отвѣчалъ, что приметъ бы только по рѣшенію законодательнаго корпуса. Все утро 4 сентября Гамбетта хлопоталъ о собраніи депутатовъ для назначенія новаго правительства; онъ ѣздилъ отъ одного къ другому, но вездѣ находилъ быстрыя приготовленія къ отъѣзду изъ Парижа. Весьма немногіе, болѣею частью оппозиціонные члены, явились въ зданіе палаты сквозь густую толпу народа. Гамбетта едва пробрался въ палату, которая была уже наполнена массою людей; онъ долго увѣщевалъ народъ не мѣшать депутатамъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Увѣщанія были напрасны, —законодательнаго корпуса уже фактически не существовало. Гамбетта узналъ, что социалистъ Бланки и его партія дѣлають попытку водвориться въ городской ратушѣ. Онъ тотчасъ же отправился туда, въ сопровожденіи толпы въ нѣсколько тысячъ человекъ. Къ пяти часамъ объявлено было народу, что депутаты Парижа образовали изъ себя временное правительство, которое по предложенію Рошфора приняло названіе правительства національной обороны. Гамбетта получилъ должность министра внутреннихъ дѣлъ.

Пруссакъ между тѣмъ осадили французскую столицу. Делегація правительства въ Турѣ, состоявшая изъ трехъ лицъ—Кремье, Гле-Визуэна и адмирала Фуришона, склонялась къ тому, чтобы поскорѣе устроить всеобщіе выборы въ національное собраніе. Объ этомъ наиболѣе заботился состоявшій при делегаціи дипломатъ, графъ Шедорди. Наконецъ избиратели созваны на 16 октября. Когда извѣстіе объ этомъ пришло въ Парижъ, Гамбетта немедленно предложилъ отмѣнить турскій декретъ, какъ неосуществимый и пагубный для интересовъ Франціи. Населеніе Парижа возмущалось при одной мысли о выборахъ подъ наблюденіемъ непріятеля. Нужно было послать въ Туръ одного изъ членовъ правительства, чтобы сообщить делегатамъ о принятомъ рѣшеніи. Для этой цѣли выбранъ былъ Гамбетта, который съ самаго начала предлагалъ перенести управленіе въ провинцію. Ему данъ былъ преобладающій голосъ для того, чтобы воз-

можно было большинство среди четырехъ членовъ делегации. Генералъ Трошю предупредилъ Гамбетту, что нужно помочь Парижу черезъ два мѣсяца, для содѣйствія успѣху большой вылазки по дорогѣ въ Руанъ. „Я возвращусь съ арміею, — говорилъ Гамбетта Жюль Фавру, — и если удастся освободить Парижъ, я ничего болѣе не буду желать отъ судьбы“. Путешествіе въ Туръ было не легко и не безопасно. Проѣхать черезъ прусскія линіи можно было однимъ только путемъ—воздушнымъ, на тѣхъ шарахъ, которые уносятъ человека въ облака и направляютъ его неизвѣстно куда, по прихоти вѣтра. Гамбетта сѣлъ въ лодку аэростата „Armand-Barbès“ 7 октября, и полетѣлъ прямо по направленію къ пруссакамъ, на довольно значительной высотѣ. Онъ пролетѣлъ мимо, надъ занятыми непріятелемъ мѣстностями, и съ опасностью жизни спустился къ лѣсу, гдѣ выбрался кое-какъ на землю и отправился въ Амьенъ. Пруссаки на этотъ разъ сдѣлали крупную оплошность—не замѣтили надъ собою воздушнаго шара и не подстрѣлили его, какъ это практиковалось обыкновенно.

Гамбетта прибылъ въ Туръ 9 октября и обнародовалъ энергическую прокламацію, гдѣ взывалъ къ патріотизму гражданъ въ выраженіяхъ чисто-республиканскихъ. „Республиканское правительство, вышедшее изъ права и необходимости, — заявлялъ онъ между прочимъ, — обращается къ содѣйствію всѣхъ... Невозможно, чтобы геній Франціи поникъ на всегда, чтобы великая нація лишена была своего мѣста въ мірѣ нашествіемъ 500,000 человекъ. Поднимемся же всѣ и лучше умремъ, чѣмъ отдаться позору раздробленія страны. Нѣтъ недостатка въ людяхъ; недоставало только рѣшимости, твердости и послѣдовательности въ исполненіи. Республика найдетъ новыхъ молодыхъ полководцевъ; это ея традиція!“ Прокламація оканчивалась словами: „да здравствуетъ республика единая и нераздѣльная!“ Прибытіе Гамбетты изъ Парижа на воздушномъ шарѣ поразило воображеніе французовъ и оживило ихъ надежды; а страстные воззванія и распоряженія новаго руководителя народной обороны привели къ той отчаянной четырехмѣсячной кампаніи, которая не разъ подвергала серьезному риску положеніе германскихъ войскъ, по сознанию самого Мольте. Гамбетта принялъ на себя званіе военнаго министра, такъ какъ Фуришонъ еще до его прибытія вышелъ въ отставку. Онъ организовалъ новыя арміи, снабжалъ ихъ оружіемъ и всѣми нужными средствами, назначалъ командировъ и генераловъ, составлялъ планы военныхъ дѣйствій и удивлялъ Европу неистощимымъ запасомъ душевной силы, настойчивости и искусства. Многія изъ принятыхъ Гамбеттою мѣръ оказались чрезвычайно удачными; особенно несчастливилось ему въ выборѣ лицъ, изъ которыхъ большинство осталось

впослѣдствіи украшеніемъ республиканской партіи. Онъ взялъ себѣ въ помощники талантливаго инженера де-Фрейсина, который теперь играетъ такую видную роль во Франціи. Начальникомъ дуарской арміи назначенъ Орелль-де-Паладинъ, а затѣмъ генераль Шанзи. Гамбетта обращался ко всѣмъ, безъ различія партій, предлагалъ забыть всякіе раздоры и подумать только объ одномъ—о защитѣ отечества; онъ привлекъ въ ряды арміи даже бывшихъ папскихъ зуавовъ, крайнихъ легитимистовъ и аристократовъ. Онъ предупреждалъ волненія на югѣ и въ другихъ мѣстахъ, посылалъ энергическихъ людей на должности префектовъ, устранялъ всякія злоупотребленія администраціи и нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія повальному военному набору. Гамбетта собралъ и выставилъ въ поле, за время своего управленія, около 600,000 человекъ, въ видѣ двѣнадцати корпусовъ и нѣсколькихъ особыхъ отрядовъ; артиллерія представляла около 1400 орудій; приобрѣтено и роздано болѣе милліона ружей, сверхъ находившихся раньше 300,000 шасспѣ. Сдача Меца не поколебала рѣшимости Гамбетты воевать до послѣдней крайности; онъ посылалъ генерала Федерба на сѣверъ, Вурбаки—на западъ, въ тылъ нѣмцамъ, а Шанзи—къ Орлеану, для поддержки Парижа. Даже послѣ сдачи Парижа онъ находилъ возможнымъ продолжать оборону и вмѣстѣ съ Шанзи протестовалъ противъ заключенія мира.

Чѣмъ объяснить этотъ военный пылъ Гамбетты, эту гигантскую дѣятельность его на чуждомъ ему поприщѣ военного дѣла? Гамбетта ясно понималъ, что республика имѣетъ предъ собою единственный и рѣдкій въ исторіи случай—завоевать себѣ право на уваженіе даже со стороны ярыхъ противниковъ, объединить всѣ партіи подъ общимъ патріотическимъ знаменемъ, наполнить армію—главный оплотъ монархизма—республиканскимъ духомъ и приучить страну къ свободному управленію, посредствомъ официальныхъ декретовъ. Самая лучшая проповѣдь—та, которая дѣйствуетъ фактами, могущими поражать и волновать умы; въ этомъ отношеніи короткій періодъ „диктатуры“ Гамбетты больше упрочилъ идею республики во всѣхъ слояхъ французскаго народа, чѣмъ десятки лѣтъ усердной республиканской пропаганды. То, что создается при грохотѣ орудій, подъ покровомъ военной славы, можетъ всегда рассчитывать на прочную популярность во Франціи. Огненное крещеніе окружило республику ореоломъ, который дотогѣ составлялъ привилегію монархіи. Воинственный порывъ Гамбетты, спасшій честь французской націи (по общепринятому выраженію),—напередъ рѣшилъ безповоротно и окончательно вопросъ объ утвержденіи республики въ странѣ. Этого не видѣли многіе изъ тогдашнихъ дѣятелей, даже республиканцевъ; это чувствовалъ вѣроятно Тьеръ, когда неожиданно изъ стараго мо-

нарихста превратился въ приверженца республики; это твердо сознавалъ Гамбетта — и не ошибся. Монархическое національное собрание не могло уже ничего сдѣлать противъ распространявшагося въ народѣ довѣрія къ республиканской формѣ правленія, доказавшей такъ блистательно свою творческую силу и жизненность во время народной обороны. Множество генераловъ и офицеровъ армій принадлежало къ числу искреннихъ республиканцевъ, выдвинутыхъ турецкою делегаціею. Страна привыкла къ энергическимъ республиканскимъ декретамъ, производившимъ особенное впечатлѣніе послѣ безцѣльныхъ, сухихъ канцелярскихъ приказовъ прежняго времени. Дѣло было сдѣлано Гамбеттою, и республика была прочно поставлена на ноги, прежде чѣмъ выборные депутаты приступили къ обсужденію конституціонныхъ законовъ.

Гамбетта могъ спокойно удалиться въ Сантъ-Себастьянъ, чтобы поправить свое здоровье, разстроенное напряженнымъ состояніемъ нервовъ и чрезмѣрнымъ трудомъ. Онъ издали слѣдилъ за востаніемъ парижской коммуны и за подавленіемъ ея версальскими войсками. Ему ставили потомъ въ вину этотъ продолжительный отдыхъ въ Испаніи, объясняя его тѣмъ, что онъ желалъ избѣгнуть необходимости высказаться за или противъ парижанъ въ возникшей междоусобной войнѣ; но достаточно имѣть даже самыя поверхностныя свѣдѣнія о политическихъ взглядахъ Гамбетты, чтобы не приписывать ему симпатій ни къ дѣлу коммунаровъ, ни къ узкой версальской политикѣ. Гамбетта не разъ заявлялъ публично, что онъ стоитъ рѣшительно за крѣпкую централизацію, какъ за могучее орудіе республиканской власти; въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ былъ старовѣромъ, поклонникомъ принциповъ „великой революціи“.

Война до послѣдней крайности была для Гамбетты дѣломъ не столько увлеченія, сколько дальновидной, тонко-разсчитанной политики. Громадное самообладаніе и терпѣніе выказалъ онъ при президентствѣ Тьера, когда ему приходилось выслушивать спокойно сильнѣйшія личныя нападенія и осторожно лавировать между партіями монархистовъ и либераловъ. Выбранный депутатомъ въ девяти округахъ, онъ держался скромно въ сторонѣ и долго не принималъ участія въ работахъ національнаго собранія. Онъ основалъ газету „République Française“, въ которой съ первыхъ же номеровъ проявилъ замѣчательную умѣренность и тактъ. Постепенно онъ весь завладѣлъ республиканскимъ движеніемъ, обѣщавъ провинцію и произносилъ пламенные, но благоразумныя рѣчи, противъ которыхъ ничего не могъ сказать даже старикъ Тьеръ. Гамбетта не позволялъ себѣ ни въ чемъ противорѣчить или мѣшать престарѣлому президенту; онъ хладнокровно смотрѣлъ на его онытъ „рес-

публики безъ республиканцевъ" и только въ 1873 году рѣшился возражать противъ кандидатуры графа Ремюза, противопоставивъ ему радикала Вародэ. Послѣ выхода Тьера въ отставку, роль Гамбетты была чрезвычайно трудная и отвѣтственная; онъ буквально стоялъ на стражѣ республики, пока не дождался наконецъ принятія конституціи Валлона (большинствомъ одного голоса) въ 1875 году. Онъ не гнушался политики сдѣловъ и взаимныхъ уступокъ, лишь бы достигнуть благопріятнаго результата въ главномъ. Онъ входилъ въ соглашеніе съ легитимистами во время выборовъ въ пожизненные члены сената. Въ этомъ отношеніи онъ не стѣснялся. Объ одномъ изъ строгихъ и безукоризненно чистыхъ республиканцевъ онъ выразился слѣдующимъ образомъ: „этотъ человѣкъ—коранъ; я всегда почерпаю у него здоровыя, нравственные правила, которыя могу обдумывать цѣлый день; но мѣсто его самого—на полѣѣ“.

Гамбетта былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые обладаютъ особымъ политическимъ чутьемъ, дѣлающимъ ихъ живыми выразителями народной души и воли; онъ всегда въ нужный моментъ находилъ нужное слово и поступалъ именно такъ, какъ требовали интересы республики. Можетъ быть, и внезапная смерть его пришла своевременно для его личной славы, имѣющей въ себѣ много легендарнаго. Гамбетта останется одною изъ самыхъ привлекательныхъ историческихъ фигуръ настоящаго столѣтія. Людская молва создала романтическую легенду для объясненія его кончины; говорили, что онъ погибъ отъ руки женщины, стрѣлявшей въ него въ порывѣ отчаянія или раздраженія. Ближайшіе друзья Гамбетты категорически опровергли эти слухи. Въ дѣйствительности онъ сдѣлался жертвою своего страстнаго интереса къ военному дѣлу: онъ хотѣлъ испытать силу какого-то вновь изобрѣтеннаго или усовершенствованнаго револьвера, доставленнаго ему генераломъ Тумасомъ, и при первой же пробѣ нечаянно прострѣлилъ себѣ руку. Значительная потеря крови разстроила тучный организмъ Гамбетты, и неважный съ перваго взгляда случай свелъ его въ могилу.

Исчезновеніе человѣка, считавшагося воплощеніемъ современной французской республики, не могло пройти безслѣдно для Франціи. Едва только успѣли торжественно похоронить Гамбетту, какъ уже подняли голову бонапартисты, которыхъ съ особенною энергіею ненавидѣлъ покойный. Принцъ Жеромъ Бонапартъ обнародовалъ 15 января „манифестъ къ согражданамъ“, который во множествѣ экземпляровъ, на красной бумагѣ, появился на стѣнахъ и заборахъ Парижа. Подвергнувъ безпощадному осужденію республиканское правительство, авторъ „манифеста“ кратко и ясно заявляетъ, что истинное народовластіе достигается не республикою, а господствомъ

фамиліи Наполеона. Этотъ отважный выводъ подкрѣпляется рассказомъ о родительскихъ чувствахъ автора къ его сыновьямъ, „еще чуждымъ политики“, а въ концѣ манифеста приведена трогательная по своей нелѣпости фраза: „французы, припомните слова Наполеона I, что—все, дѣлаемое безъ участія народа, незаконно“. Утверждаютъ громогласно, что народъ пользуется верховною властью только тогда, когда отдается въ руки Бонапартовъ, — это во всякомъ случаѣ оригинально; еще оригинальнѣе со стороны представителя личнаго произвола—напоминать республикѣ объ участіи народа въ управленіи, какъ объ условіи законнаго правительства. Манифестъ, напечатанный впервые въ газетѣ „Figaro“, показался многимъ неудачною шуткою, а когда убѣдились въ его серьезности, то комическое впечатлѣніе еще болѣе усилилось. Большинство парижской публики расположено было отнестись къ выходкѣ принца именно съ игривой точки зрѣнія; но министерство взглянуло на дѣло серьезно и распорядилось арестовать составителя манифеста. Въ то же время газеты стали печатать массу свѣдѣній о заговорахъ, замышляемыхъ будто бы монархистами подъ руководствомъ орлеанскихъ принцевъ.

Правительство и общественное мнѣніе обнаружили безпокойство. Депутатъ Флокё внесъ въ палату проектъ закона объ изгнаніи членовъ царствовавшихъ во Франціи фамилій изъ предѣловъ французской территоріи. Кабинетъ Дюклера предложилъ ограничиться предоставленіемъ президенту права высылать тѣхъ принцевъ, которые будутъ вести себя подозрительно. Палата высказалась за неотложность предложенія Флокё, а выбранная ею парламентская коммиссія никакъ не могла согласиться съ министерствомъ относительно предложенной мѣры. Правительство предлагаетъ также дополнить изданный 17 (29) іюля 1881 года законъ о печати назначеніемъ извѣстныхъ высказаній за нападки на республику, не соединеннымъ съ прямымъ посягательствомъ на государственныя порядки. Волненіе разросталось — по крайней мѣрѣ въ европейской печати. Въ соображеніяхъ по поводу мнимой или дѣйствительной монархической агитаціи принималъ дѣятельное участіе президентъ Гриви; онъ высказался въ пользу строгой заблаговременной репрессіи. Министры военный и морской вышли въ отставку, такъ какъ они считали несправедливымъ удалить изъ военной службы принцевъ, не подавшихъ никакого повода къ подозрѣніямъ. Говорятъ, что генералъ Шанзи, умершій недавно въ Шалонѣ, оказывалъ особое вниманіе членамъ орлеанской фамиліи; втайнѣ готовилась будто бы кандидатура герцога Омальскаго на постъ президента республики. Министерскій кризисъ закончился пока тѣмъ, что глава кабинета Дюклеръ удалился, уступивъ свое мѣсто министру внутреннихъ дѣлъ

де-Фальеру. Всѣ чувствуютъ теперь во Франціи, что нѣтъ болѣе Гамбетты. Главную силу преобразованнаго министерства составляетъ новый военный министръ, популярный генералъ Тиbodэнъ, который въ 1870 году приговоренъ былъ прусскимъ военнымъ совѣтомъ къ смертной казни за бѣгство изъ плѣна и за дальнѣйшее энергическое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нѣмцевъ. Французскій военный судъ, разумѣется, призналъ, что Тиbodэнъ не нарушилъ правилъ военной чести своимъ патріотическимъ поступкомъ. Имѣть въ своей средѣ такого генерала-республиканца, уважаемаго и любимаго въ арміи,—весьма важно для кабинета, при возбужденныхъ нынѣ вопросахъ. Подкрѣпленное свѣжими силами, министерство де-Фальера приняло одобренный палатою проектъ, по которому принцы лишаются права занимать какія бы то ни было официальные должности и могутъ быть удаляемы изъ Франціи декретомъ президента республики. Рѣшеніе палаты передано въ сенатъ, гдѣ либеральное большинство возражаетъ противъ всякихъ исключительныхъ мѣръ и требуетъ примѣненія къ провинившимся принцамъ общихъ республиканскихъ законовъ. Разногласіе между двумя палатами можетъ привести къ распусченію собранія депутатовъ и къ новымъ парламентскимъ выборамъ, — и эта возможность представляетъ важнѣйшій политическій интересъ во Франціи, въ настоящее время.

Иностранная печать, конечно, сильно преувеличиваетъ значеніе безпокойства, охватившаго правящія сферы Парижа. Многое кажется издали весьма серьезнымъ только потому, что всякіе „ужасы“ свободно рассказываются и обсуждаются во французской печати, причемъ фантазіи журналистовъ данъ неограниченный просторъ, — тогда какъ въ другихъ странахъ дѣйствительные недуги остаются скрытыми отъ взоровъ европейскаго міра, и фактическое зло, подтачивающее жизнь государства, не получаетъ ни вѣрной оцѣнки, ни своевременнаго освѣщенія. Если во Франціи поднимается столько шуму изъ-за вопроса о высылкѣ нѣсколькихъ лицъ, считающихъ себя выше закона, — то это доказываетъ только, что принципъ личной неприкосновенности и безусловной равноправности твердо укоренился въ народѣ и малѣйшее отступленіе отъ этого принципа способно тамъ волновать умы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля, 1883.

—*Сочиненія А. С. Пушкина.* Съ приложеніемъ его портрета, гравированнаго и
мѣди Райтомъ. Изданіе восьмое, исправленное и дополненное, подъ редакціей
П. А. Ефремова. Москва. Изданіе О. И. Анскаго. 1882. Семь томовъ.

Съ пушкинскаго праздника 1880 г. очень замѣтно оживился интересъ къ великому поэту — и это понятно: во времени открытія памятника въ литературѣ стали появляться различнаго рода новые матеріалы, относящіеся къ жизни и сочиненіямъ Пушкина; тѣ, у кого залежались безъ движенія какія-нибудь замѣтки, историческія воспоминанія, даже письма и стихотворенія самого Пушкина, сочли нужнымъ пустить ихъ, наконецъ, въ печать; праздникъ вызывалъ потребность опредѣлять различныя стороны пушкинской дѣятельности. Въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ прежде извѣстнымъ, собралось достаточное количество матеріала, съ помощью котораго являлась, наконецъ, возможность представить себѣ личность и дѣятельность поэта безъ тѣхъ пробѣловъ и часто невольныхъ умолчаній, на какіе осуждена была прежняя біографія Пушкина. Эта возможность пополнила пробѣлы, досаждавшіе преждему историку и его читателю, и составляетъ причину того новаго живого интереса къ Пушкину, какой можно теперь замѣтить. Біографія его объясняетъ теперь многое такое, чего прежде она не объясняла. Укажемъ въ особенности статьи г. Анненкова, статьи по поводу праздника, книгу г. Стоянина — первую обстоятельную и доведенную до конца біографію.

Въ ряду новыхъ трудовъ по изученію Пушкина послѣднее изданіе его сочиненій, счетомъ (съ самаго начала) восьмое, приготовленное г. Ефремовымъ и вышедшее въ концѣ прошлаго года, занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Изданія сочиненій Пушкина въ послѣдніе годы стали скорѣе смѣнять другъ друга, и новѣйшее изданіе, о которомъ мы говоримъ, особенно необходимо для каждаго,

кто желалъ бы ближе изучать поэта. Какъ сейчасъ увидимъ, оно — еще первое въ своемъ родѣ.

Въ предисловіи г. Ефремовъ говоритъ, что для этого, восьмого, изданія онъ вновь сличилъ всѣ произведенія Пушкина съ послѣдними текстами, явившимися въ печати при его жизни, а гдѣ было можно, и съ подлинными рукописами, и внесъ также всѣ поправки и дополненія, напечатанныя въ различныхъ сборникахъ и журналахъ со времени выхода предъидущаго седьмого изданія. Но главнѣйшее и великое достоинство новаго изданія есть цѣлый новый томъ переписки Пушкина.

Странно сказать, — и чрезвычайно характеристично для положенія нашей литературы, — что только теперь, безъ малаго черезъ полстолѣтія по смерти поэта, мы впервые получаемъ собраніе его переписки, того матеріала, которымъ такъ дорожитъ біографія и который дѣйствительно доставляетъ ей часто драгоцѣнныя данныя. До сихъ поръ собрать все, что было напечатано изъ переписки Пушкина и разбросано въ множествѣ книгъ, было дѣломъ чрезвычайно неудобнымъ (а кромѣ Петербурга и Москвы, и вовсе невозможнымъ), и г. Ефремовъ оказалъ великую услугу читателямъ и историкамъ Пушкина, соединивши, наконецъ, все, что только донынѣ извѣстно изъ переписки Пушкина (за единственнымъ исключеніемъ домашнихъ писемъ Пушкина, напечатанныхъ въ 1879 въ „Вѣстникѣ Европы“).

„Письма Пушкина, — справедливо замѣчаетъ г. Ефремовъ, — разбросанныя въ теченіе цѣлаго пятидесятилѣтія по разнымъ газетамъ, альманахамъ, сборникамъ и журналамъ, болѣею частію ненаходимымъ въ продажѣ, и нынѣ собранныя въ первый разъ, представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для біографіи поэта, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ важнымъ источникомъ для характеристики той литературной и общественной среды, въ которой протекала жизнь великаго писателя, такъ рано погибшаго, говоря его же словами, „жертвой клеветы и мстительныхъ невѣждъ“, въ полномъ развитіи его гениальной дѣятельности“.

Письма, какъ и вообще всѣ сочиненія Пушкина, сопровождаемы бібліографическими указаніями, которыя чрезвычайно облегчаютъ пользованіе ими.

Къ выгодѣ новаго изданія послужила и сдѣланная г. Ефремовымъ перемѣна въ размѣщеніи стихотвореній. Изъ общаго хронологическаго ряда, который проведенъ былъ — не безъ многихъ неудобствъ для чтенія — въ прежнемъ изданіи, г. Ефремовъ исключилъ теперь и помѣстилъ въ примѣчаніяхъ тѣ стихи, которыхъ поэтъ не хотѣлъ самъ печатать, а также черновые наброски и такія стихотворенія,

принадлежность которыхъ Пушкину недостаточно доказана. Стихотворенія, набросанныя въ письмахъ Пушкина къ друзьямъ, оставлены только въ текстѣ писемъ, и въ отдѣлѣ стихотвореній внесены только тѣ, которыя послѣ, въ болѣе или менѣе исправленномъ видѣ, писаны самимъ Пушкинымъ въ изданіе его сочиненій. Наконецъ, отброшены всѣ варианты, происшедшіе отъ безграмотности переписчиковъ, или отъ напечатанія стихотвореній пріятелями Пушкина, безъ воли автора и съ плохихъ списковъ.

Къ изданію сдѣлано еще нѣсколько художественныхъ приложений; во-первыхъ портретъ Пушкина, отличающійся по отзыву современниковъ полнѣйшимъ сходствомъ, въ прекрасной гравюрѣ Райта. Этотъ портретъ предназначался самимъ Пушкинымъ для изданія его сочиненій и былъ награвированъ въ послѣдній годъ его жизни; но за смертью Пушкина онъ остался неизданнымъ, и немногіе сдѣланные оттиски составляли величайшую рѣдкость. Къ счастью, отыскана была самая доска Райта, прекрасно сохранившаяся, и съ нея были сдѣланы оттиски для настоящаго изданія. Затѣмъ прибавленъ еще не бывшій въ печати снимокъ съ карандашнаго наброска, сдѣланнаго самимъ Пушкинымъ въ 1820 г. во время пребыванія въ Крину; далѣе, изображеніе памятника, факсимиле почерка и пр.

Словомъ, новое изданіе Пушкина есть лучшее изъ новѣйшихъ изданій по богатству матеріала, по внимательности составленія текста, обилію библиографическихъ указаній. Жаль одного,—что корректура не всегда исправна; вѣроятно, это не вина редактора, живущаго въ Петербургѣ и едва ли имѣвшаго возможность слѣдить за текстомъ до минуты типографскаго исполненія; но московской типографіи слѣдовало бы относиться къ Пушкину повнимательнѣе.

— *Эммануэль Бенъ-Сіонъ*, Еврей-реформаторъ. „Новый Израиль“ и „Духовно-благотворительное братство“. Опытъ социально-религіозной реформы еврейства и новой постановки еврейскаго вопроса въ Россіи. С.-Петербургъ, 1882.

— *М. М. Филипповъ*, Русско-еврейскій вопросъ. Часть 1-я. Что такое еврей? Одесса, 1882.

— „Autoemancipation“. Mahnruf an seine Stammesgenossen, von einem russischen Juden. Berlin, 1882.

Всѣ эти сочиненія, названныя нами выше, вызваны еврейскими погромами 1881 и 1882 г. Книга г. Филиппова—составляющая, впрочемъ, только первую часть обширнаго труда—содержитъ въ себѣ мало замѣчательнаго; это повтореніе извѣстныхъ, болѣею частью, аргументовъ, вносящихся къ опроверженію анти-еврейскихъ предразсудковъ. Весьма интересны за то двѣ другія брошюры, преслѣ-

дующія одну и ту же цѣль, но далеко расходящіеся между собою въ выборѣ средствъ къ ея достиженію. Авторъ „Autoemancipation“ находитъ источникъ всѣхъ золъ, постигающихъ еврейство, въ отсутствіи сплоченной, организованной еврейской національности, немислимой, въ свою очередь, безъ самостоятельнаго еврейскаго государства. Къ созданію такого государства должны быть, по мнѣнію автора, направлены всѣ усилія еврейскаго союза (Alliance Israélite), еврейской интеллигенціи, еврейской денежной аристократіи. Если оно можетъ быть устроено въ Палестинѣ—тѣмъ лучше; но связывать основаніе его съ одной только, заранѣе опредѣленной мѣстностью, нѣтъ ни надобности, ни причины. Почвой для политическаго объединенія евреевъ та или другая территорія въ Сѣверо-американскихъ штатахъ можетъ послужить точно такъ же, какъ и тотъ или другой уголокъ земли въ азіатской Турціи. Само собою разумѣется, что переселенію евреевъ въ новое отечество долженъ предшествовать цѣлый рядъ подготовительныхъ мѣръ, что самое переселеніе должно совершиться постепенно; средства для переселенія бѣднѣйшихъ евреевъ должны быть почерпнуты, между прочимъ, изъ суммъ, которыя будутъ уплачены достаточными переселенцами за предоставляемые имъ въ собственность участки. Участкомъ, годнымъ для земледѣлія, промышленности или торговли, долженъ быть надѣленъ каждый переселенецъ. Видъ еврейскаго царства авторъ „Autoemancipation“ не видитъ спасенія для евреевъ. „Юдофобія, — говоритъ онъ, — есть душевная болѣзнь; въ качествѣ душевной болѣзни, она наследственна, а въ качествѣ наследственной болѣзни, продолжающейся около двухъ тысячъ лѣтъ, она неизлечима“. Ценависть къ евреямъ безсмертна, какъ легендарный вѣчный жидъ. Даже тамъ, гдѣ евреи пользуются юридическою равноправностію, равноправности общественной для нихъ не существуетъ. „Еврей въ глазахъ живого человѣка—мертвецъ, въ глазахъ туземца—чужой, въ глазахъ осѣдлаго населенія—бродяга, въ глазахъ достаточнаго класса—нищій, въ глазахъ бѣдняковъ—эксплуататоръ и миллионеръ, въ глазахъ каждаго—ненавидимый конкурентъ“. „Какую жалкую фигуру, — восклицаетъ авторъ нѣсколько дальше, — мы изъ себя изображаемъ! Наше отечество—это чужбина, наше единство—разсѣяніе по лицу вселенной, наша солидарность—общая къ намъ вражда, наше оружіе—смиреніе, наша сила—бѣгство, наша оригинальность — приспособленіе къ обстоятельствамъ, наша будущность—завтрашній день!“ Затрудненій, съ которыми сопряжена всеобщая эмиграція евреевъ, авторъ отъ себя не скрываетъ, но они не кажутся ему непреодолимыми. *Теперь или никогда*—вотъ предлагаемый имъ лозунгъ. „Горе нашимъ потомкамъ, — этими словами

заканчивается брошюра: — горе памяти нашихъ современниковъ-евреевъ, если мы пропустимъ настоящую минуту!“

Авторъ „Евреевъ-реформаторовъ“ не зналъ, повидимому, о существованіи брошюры „Autoemancipation“, но ему знакомы стремленія, которыми она проникнута. Его отношеніе къ этимъ стремленіямъ—безусловно отрицательное. Эмиграцію еврейскихъ массъ онъ признаетъ не только неудобноисполнимою, но и нежелательною. На почвѣ Палестины, если она вновь наполнится евреями, неминуемо, по его убѣжденію, должна вспыхнуть вражда партій, упорная, ожесточенная. „Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—въ Палестинѣ живутъ евреи самаго крайняго ортодоксальнаго направленія. Глубокій, непробудный мракъ и религіозный фанатизмъ околдовываютъ жизнь тамошняго еврея, накладываютъ свою печать не только на его дѣйствія, но и на его помыслы... Можно себѣ представить ту отчаянную борьбу, которую коренные палестинцы, эти рыцари мрака, поведутъ съ новыми колонистами, когда послѣдніе начнутъ устроиваться иначе, на европейскіхъ началахъ, заведутъ школы, не станутъ исполнять буквально постановленій еврейской обрядности, которая сохранилась тамъ еще во всей своей силѣ“. Ничего хорошаго авторъ не ожидаетъ и отъ переселенія въ Сѣверную Америку, гдѣ уже и теперь начинаютъ относиться къ евреямъ не совсѣмъ дружелюбно. Евреи могутъ найти отечество и тамъ, куда бросила ихъ судьба; нужно только, чтобы они отказались отъ своихъ предразсудковъ, очистили свою религію отъ искажающихъ ее внѣшнихъ наростовъ, устранили преграды, которыя мѣшали до сихъ поръ сближенію ихъ съ христіанами. Само собою разумѣется, что для успѣха этой работы необходима поддержка со стороны правительства—но поддержки, по мнѣнію автора, явится сама собою, если только произойдетъ перемѣна въ самихъ евреяхъ. Внутреннее обновленіе еврейства—вотъ девизъ г. Бенъ-Сіона. Мы узнаемъ отъ него, что движеніе въ этомъ смыслѣ уже началось, что на югѣ Россіи въ средѣ еврейской интеллигенціи образуются секты, стремящіяся къ реформамъ иудаизма. Одна изъ нихъ носитъ названіе „Новаго Израиля“, другая—„Духовно-библейскаго братства“. Общая ихъ черта—отрицаніе Талмуда, т.-е. обязательной его силы. Въ Талмудѣ и комментаріяхъ къ нему нѣтъ тѣхъ возмутительныхъ, гнусныхъ правилъ, которыми любятъ попрекать евреевъ систематическіе враги еврейства; тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть признанъ вреднымъ—вреднымъ для самихъ евреевъ. Онъ поддерживаеетъ обособленіе ихъ отъ другихъ народовъ, развиваеетъ въ нихъ самоиѣніе и нетерпимость, препятствуетъ движенію и прогрессу, ставитъ букву закона выше внутренняго его смысла. Освобождаясь изъ-подъ власти Талмуда, „Духовно-библейское

братство" выдвигаетъ на первый планъ внутреннюю, нравственную сторону религіи, не придаетъ никакого значенія обрядамъ, примыкаетъ, однимъ словомъ, къ христіанскимъ раціоналистамъ. „Новый Израиль" отличается болѣе практическимъ направленіемъ; онъ прямо намѣчаетъ тѣ средства, съ помощью которыхъ должна быть уничтожена замкнутость еврейства. Главнымъ изъ нихъ—отмѣна обрѣзанія; празднованіе седьмого дня, вмѣсто субботы, въ воскресенье; замѣна иѣмецко-еврейскаго жаргона русскимъ языкомъ; допущеніе смѣшанныхъ браковъ между членами секты и христіанами.

Какъ отнеслись и относятся къ новаторамъ различные оттѣнки еврейства? Отъ строго-ортодоксальной партіи, группирующей около ученыхъ талмудистовъ и раввиновъ, нельзя было, конечно, ожидать ничего другого, кромѣ упорнаго, озлобленнаго противодѣйствія, доходящаго до доноса, до угрозы кулачной расправой (см. „Еврей-реформаторы", стр. 84—86); неудивительно и то, что масса евреевъ сохраняетъ пока выжидательное положеніе, прислушиваясь съ одной стороны къ голосу своихъ учителей, съ другой—къ голосу еврейской интеллигенціи. Гораздо менѣе понятна роль, которую играетъ большинство этой интеллигенціи. „Принять предлагаемыя реформы,—говоритъ авторъ,—еврейской интеллигенціи равно ничего не стоитъ. Она въ данномъ случаѣ не пожертвуетъ никакими своими дѣйствительными убѣжденіями и религіозными вѣрованіями, такъ какъ она фактически давно уже отрелася отъ Талмуда, отъ субботы и даже во многихъ случаяхъ отъ обряда обрѣзанія". Далекое не всѣ образованные евреи высказались, однако, за реформу. Многие изъ нихъ, по примѣру еврейскихъ газетъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ, рассматриваютъ ее какъ курьезъ, какъ сумасбродство; другіе совѣтуютъ реформаторамъ предоставить разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ собору раввиновъ-талмудистовъ—какъ будто бы это не значило заранее похоронить всякую мысль о реформѣ. Значительная часть интеллигентной еврейской молодежи „объединяется съ невѣжественной еврейской чернью, потворствуя ея фанатизму, агитируя въ пользу переселенія въ Палестину, въ Америку, куда угодно, лишь бы не оставаться въ Россіи". Шансы для успѣха реформы не могутъ, такимъ образомъ, быть названы благопріятными; это не мѣшаетъ автору вѣрить въ защищаемое имъ дѣло и горячо поддерживать лозунгъ: „реформа, братство и равенство евреевъ со всѣми другими народами!"

Итакъ, „переселеніе" и „обновленіе" — вотъ два полюса, между которыми вращается современное движеніе въ средѣ еврейства; и дѣйствительно, придумать третій исходъ евреямъ столь же трудно, какъ и примириться съ настоящимъ положеніемъ, тяжелымъ и не-

прочинимъ. Внѣшнее уравниеніе евреевъ съ другими классами населенія не достигаетъ цѣли, если въ еврейскомъ міросозерцаніи, а слѣдовательно и въ еврейскомъ національномъ характерѣ, все останется по прежнему. Обѣ стороны медали—наружная и внутренняя—тѣсно связаны между собою: равноправность поможетъ обновленію,—благодаря обновленію, равноправность не будетъ пустымъ словомъ. Если обновленіе нежелательно или невозможно, то остается только переселеніе—но вопросъ о возможности возникаетъ и здѣсь, и притомъ съ особенною силой. Положимъ, что для переселенія найдутся и матеріальныя средства, и подходящее мѣсто, и искусные вожди; положимъ, что оно не встрѣтитъ препятствій ни со стороны государствъ, *откуда* будутъ выселяться евреи, ни со стороны государства, *куда* они будутъ переселяться; всѣмъ этимъ обусловливается только первый шагъ, за которымъ должны послѣдовать другіе, еще болѣе трудные. Нужно будетъ создать государство, создать его изъ элементовъ, всего менѣе привыкшихъ и приспособленныхъ къ государственности. Государство немислимо безъ многочисленнаго земледѣльческаго класса — а изъ кого онъ будетъ состоять въ еврейской республикѣ или монархіи? Многіе ли изъ числа переселенцевъ изъяснятъ желаніе получить въ надѣлъ земледѣльческіе участки? Число претендентовъ на участки, предназначенныя для занятія промышленностью и въ особенности торговлей, не превзойдетъ ли во много разъ число самыхъ участковъ этого рода? Не придется ли еврейскому государству вербовать земледѣльцевъ изъ среды не-евреевъ и такимъ образомъ перестать быть чисто еврейскимъ государствомъ? Какая внутренняя борьба предстоитъ евреямъ, внезапно соединеннымъ въ одно политическое цѣлое — это мы уже знаемъ изъ словъ г. Бенъ-Сіона. Успѣхъ организационной работы, безъ того крайне сложной, становится совершенно невѣроятнымъ, разъ что въ ней должны участвовать діаметрально противоположные элементы. Какъ ни трудна реформа юдаизма, она кажется намъ болѣе осуществимой, чѣмъ планъ общей еврейской эмиграціи, чѣмъ проектъ автора "Autoemancipation". Реформація XVI вѣка должна была бороться съ препятствіями несравненно большими, съ силой несравненно болѣе могучей — и все-таки она совершилась, овладѣла милліонами людей. Католицизмъ уцѣлѣлъ—уцѣлѣетъ, безъ сомнѣнія, и старое еврейство; но рядомъ съ послѣднимъ, какъ и съ первымъ, можетъ найтись мѣсто для еврейскаго протестантизма. Освобожденная отъ Талмуда, еврейская религія окажется весьма близкой къ раціонализму, преобладающему въ новыхъ еврейскихъ сектахъ. Аргументъ, которымъ доказываютъ обыкновенно невозможность, въ наше время, глубокихъ и сильныхъ религіозныхъ движеній, не имѣетъ приѣма

ніа къ еврейству, въ средѣ котораго еще весьма мало распространѣнъ религіозный индифферентизмъ. Отъ той части еврейской интеллигенціи, которая равнодушна къ вопросамъ вѣры, нельзя ожидать *дѣятельнаго* участія въ реформѣ юдаизма; но она можетъ и должна, повидимому, сочувствовать реформѣ, какъ средству положить конецъ отчужденности евреевъ. Которая изъ новыхъ сектъ всего скорѣе можетъ привести къ желанному результату—объ этомъ мы, конечно, судить не беремся; весьма можетъ быть, что та секта, которой суждено увлечь за собою массу, еще не народилась, что „Новый Израиль“ и „Духовное библейское братство“ — не реформаторы, а лишь предшественники реформы. Несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно—что они коснулись самой больной стороны еврейства и указали, въ общихъ чертахъ, самый вѣрный путь къ его исцѣленію. Празднованіе воскресенья вмѣсто субботы, отреченіе отъ нѣмецко-еврейскаго жаргона, отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій, предписываемыхъ Талмудомъ—все это неминуемо должно уменьшить пропасть, отдѣляющую евреевъ отъ остальнаго населенія. Сближеніе еврейской интеллигентной молодежи съ „невѣжественною еврейскою чернью“ едва ли угрожаетъ тѣми послѣдствіями, которыхъ боится г. Бенъ-Сіонъ; вызванное общимъ горемъ, общею опасностью и отъ нихъ получившее свою первоначальную окраску, оно можетъ привести, въ концѣ концовъ, именно къ торжеству идей, проповѣдуемыхъ „евреями-реформаторами“. Намъ, русскимъ, остается желать только одного: чтобы движеніе, могущее привести къ мирному разрѣшенію еврейскаго вопроса—разрѣшенію, важному не для однихъ евреевъ—не встрѣчало никакихъ помѣхъ со стороны официальныхъ сферъ, а нашло бы въ нихъ, въ случаѣ надобности, опору и поддержку. Предоставленіе еврейскимъ сектантамъ какихъ-либо особыхъ правъ и преимуществъ было бы не цѣлесообразно, потому что могло бы привлечь подъ знамя секты людей, совершенно чуждыхъ ея духу, и извратить, такимъ образомъ, чистый характеръ ея дѣятельности. Полнѣйшая свобода слова, безопасность со стороны противниковъ, возможность самостоятельной организаціи—вотъ тѣ внѣшнія условія, которыя необходимы для внутренняго обновленія, проповѣдуемаго „Новымъ Израилемъ“ и „Духовно-библейскимъ братствомъ“.—К.

ЗАМѢТКА.

Новѣйшая судьба санитарнаго вопроса учебныхъ заведеній въ Россіи.

Давно прошедшая исторія нашего бюрократическаго механизма доставляетъ и до сихъ поръ не малую пищу современнымъ историческимъ журналамъ и сборникамъ—но для современниковъ, переживавшихъ тотъ или другой порядокъ вещей, она всегда оставалась покрытою непроницаемою тайной. Между тѣмъ, ни одна сфера дѣятельности у насъ не можетъ равняться, по своей силѣ, съ бюрократическою дѣятельностью, порождающею громадное количество разныхъ проектовъ и плановъ; но большинство ихъ дѣлается очень скоро достояніемъ официальныхъ архивовъ, не оставляя за собою ни въ печати, ни въ исторіи общества никакого живого слѣда, никакого практическаго значенія. Правда, официальные лица, чрезъ руки которыхъ проходятъ разнообразныя официальные дѣла, знаютъ всѣ проекты, но они лично такъ мало интересуются подобными проектами, и сами стоятъ такъ далеко отъ жизни, что ихъ свѣдѣнія не приносятъ никакой существенной пользы для общества. Стародавнія понятія о канцелярской тайнѣ, изстари живущія въ бюрократическомъ мірѣ, еще болѣе способствовали тому, что дѣятельность нашихъ официальныхъ сферъ, иногда и весьма полезная, остается вдали отъ наблюденія и вовсе не проникаетъ въ общественное сознаніе.

Намъ случайно пришлось познакомиться съ однимъ официальнымъ „дѣломъ“, которое за давностью уже подлежитъ сдать въ архивъ, что иногда, и даже въ большинствѣ случаевъ, равносильно опущенію въ Лету—рѣку забвенія. Но дѣло само по себѣ, и несмотря на свою специальность, любопытно во многихъ отношеніяхъ, и крайне характеристично, такъ что по немъ можно почти безошибочно судить о рядѣ подобныхъ же фактовъ и явленій. Тутъ мы увидимъ все,—и борьбу между разными вѣдомствами, враждебно относящимися другъ къ другу, хотя они и составляютъ части одного и того же правительства, а также и то, какъ у насъ забываются обыкновенно работы прошедшаго времени, и какъ мы при каждомъ возбуждаемомъ вопросѣ передѣлываемъ вновь все, что было дѣломъ уже нѣсколько разъ, и къ старому дѣлу приступаемъ какъ къ чему-нибудь неизвѣстному и никогда еще не изслѣдованному.

Еще въ началѣ 1876 года организована была при „Музеѣ прикладныхъ знаній“ предварительная гигиеническая выставка предметовъ, предназначавшихся къ отправленію въ Брюссель на происходившій тамъ въ томъ же году гигиеническій конгрессъ. Въ педагогическомъ отдѣлѣ этой выставки при музеѣ представлены были весьма интересные труды школьно-гигиенической комиссіи педагогическаго музея, выраженные діаграммами по разнымъ вопросамъ о санитарныхъ данныхъ, касающихся учебныхъ заведеній, какъ напр., по вопросамъ о кубическомъ содержаніи воздуха въ помѣщеніяхъ учениковъ, объ отношеніи во времени количества ежедневнаго умственнаго труда къ занятіямъ физическимъ, къ отдыху, ко сну и т. п., о развитіи близорукости, и о болѣзненности и смертности въ школахъ и т. п. Діаграммы эти составлены были членами комиссіи на основаніи отчетовъ только *однихъ военно-учебныхъ заведеній*.

Работы эти были весьма интересны сами по себѣ и справедливо занимали собою главное управленіе военно-учебныхъ заведеній и самое военное вѣдомство. Покойный Государь, посѣтивъ 18 апрѣля 1876 года гигиеническую выставку при музеѣ прикладныхъ знаній, выразилъ полное одобреніе трудамъ комиссіи музея по собиранію и разработкѣ санитарныхъ данныхъ, касающихся учебныхъ заведеній, какъ совершенно новому еще у насъ и безусловно полезному начинанію. При этомъ Государь повелѣлъ военному министру сообщить министерству народнаго просвѣщенія и главноуправлявшему бывшимъ IV отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, чтобы и подчиненныя имъ обонимъ учебныя заведенія также приняли съ своей стороны участіе въ означенныхъ трудахъ комиссіи музея.

Во исполненіе этого повелѣнія, комиссіею педагогическаго музея составлена была обстоятельная „программа“ тѣхъ свѣдѣній, какія желательны были бы отъ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, духовному вѣдомству и бывшему IV отдѣленію, и на основаніи которыхъ эта комиссія могла бы получить всѣ необходимыя данныя для выполненія воли покойнаго Государя. Въ означенную программу включены были по рубрикамъ самыя разнообразныя вопросы по состоянію каждаго учебнаго заведенія за 1875/76 учебный годъ. Таковы, напр., вопросы: о списочномъ состояніи учащихся, числѣ интерновъ и экстерновъ, о помѣщеніяхъ заведенія (съ указаніемъ подробныхъ размѣровъ классныхъ комнатъ и спаленъ для учащихся), о продовольствіи интерновъ, о росписаніи дня учащихся (классныхъ и внѣ-классныхъ занятіяхъ, отдыхѣ, прогулкахъ, снѣ и проч.) за недѣлю, въ часахъ и минутахъ, съ вычисленіемъ средняго числа часовъ, употребляемыхъ учениками какъ на занятія, такъ и

на отдыхъ,—объ изслѣдованіи роста, вѣса, размѣра груди, силы зрѣнія и проч.—учащихся, о движеніи болѣзненности и смертности учениковъ за годъ, по особо составленной формѣ. Вообще же вопросы этой программы опредѣляли собою оцѣнку училищныхъ помѣщеній въ санитарномъ отношеніи, измѣреніе кубическаго содержанія воздуха въ классныхъ и спальныхъ комнатахъ, повседневную жизнь учащихся, время, количество ежедневнаго умственнаго и физическаго труда, отдыхъ, сонъ и т. п., а также исчисленіе процентнаго отношенія болѣзненности и смертности учащихся.

Приступивъ въ 1877 году къ разъясненію возбужденнаго дѣла по примѣненію къ своимъ учебнымъ заведеніямъ, министерство народнаго просвѣщенія остановилось на мысли объ особыхъ условіяхъ, въ которыхъ они находятся. Къ 1-му января 1876 года въ вѣдомствѣ министерства состояло 24,906 учебныхъ заведеній; въ томъ числѣ 8 университетовъ, 2 историко-филологическихъ института, съ 2 при нихъ гимназіями, юридическій лицей, 185 гимназій и прогимназій, 44 реальныхъ училища, 432 уѣздныхъ и городскихъ училища, 65 учительскихъ институтовъ и семинарій, 23,936 начальныхъ народныхъ училищъ, 223 женскихъ гимназій, прогимназій и высшихъ училищъ, и 10 особыхъ училищъ; учащихся въ означенныхъ заведеніяхъ было болѣе 1.000.000. Поменованныя заведенія помѣщались частью въ казенныхъ, специально приспособленныхъ къ потребностямъ заведеній домахъ, частью въ зданіяхъ, пожертвованныхъ или уступленныхъ заведеніямъ частными лицами или городскими и сельскими обществами, и наконецъ, въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Обращаясь къ оцѣнкѣ помѣщеній указанныхъ учебныхъ заведеній, министерство нашло, что помѣщенія первой категоріи въ большей или меньшей степени удовлетворяютъ санитарнымъ и гигиеническимъ требованіямъ благоустроеннаго учебнаго заведенія, хотя и они, при крайней скудости отпускаемыхъ министерству средствъ на строительныя надобности, заставляютъ желать весьма многого. Помѣщенія же остальныхъ двухъ категорій, за весьма немногими исключеніями, далеко не удовлетворяютъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ въ этомъ отношеніи. Наибольшая часть открытыхъ въ послѣднее десятилѣтіе училищъ (422 высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній) помѣщаются въ наскоро приспособленныхъ домахъ, на что потрачены самыя незначительныя издержки.

Точно также обследованы были и учебныя заведенія духовнаго вѣдомства съ точки зрѣнія условій относительно помѣщеній, занимаемыхъ этими заведеніями. При этомъ было выяснено, что изъ числа 290 духовно-учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ 4 академіи, 53 семинаріи, 186 мужскихъ и 46 женскихъ училищъ) одни по-

мѣщаются въ казенныхъ или пріобрѣтенныхъ на средства святѣйшаго синода зданіяхъ, другія — въ домахъ, пріобрѣтенныхъ на мѣстныя епархіальныя средства, изысканныя самимъ духовенствомъ, нѣкоторыя же въ наемныхъ постройкахъ. При этомъ только нѣкоторыя изъ означенныхъ зданій находятся въ положеніи, вполне удовлетворяющемъ условіямъ благоустроенныхъ учебныхъ заведеній; большинство же помѣщеній, и особенно духовныхъ училищъ, требуетъ еще многихъ улучшеній. При сравнительной ограниченности наличныхъ средствъ святѣйшаго синода на расходы по учебной части духовнаго вѣдомства, попеченіе о содержаніи духовныхъ училищъ, какъ и вообще о матеріальномъ ихъ благоустройствѣ, на основаніи устава, предоставлено самому духовенству, которое съ своей стороны располагая въ настоящемъ случаѣ только известною частью церковныхъ доходовъ и не имѣя возможности изъ собственныхъ скудныхъ средствъ приносить значительныя пожертвованія, въ большинствѣ случаевъ, даже при всей заботливости о воспитаніи своихъ дѣтей, не въ состояніи исполнѣть удовлетворить потребностямъ вообще экономическаго быта и въ частности надлежащаго благоустройства помѣщеній духовныхъ училищъ.

При такомъ положеніи дѣла, министерство народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, находили одинаково, что требованіе отъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства санитарныхъ и гигиеническихъ свѣдѣній по составленной военнымъ министерствомъ программѣ не можетъ имѣть того значенія, какое имѣетъ въ виду дать военное вѣдомство обработкѣ этихъ свѣдѣній. Цифры, выражающія санитарное и гигиеническое состояніе учебныхъ заведеній гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ, могутъ показывать лишь неудовлетворительность училищныхъ помѣщеній и невыгодность гигиеническихъ условій послѣднихъ заведеній сравнительно съ военными. Такой результатъ не можетъ быть неожиданнымъ, такъ какъ средства военнаго министерства по содержанію учебныхъ заведеній не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ средствами министерства народнаго просвѣщенія и святѣйшаго синода. „Maximum“ расхода по содержанію мужской гимназіи министерства народнаго просвѣщенія (3-й с.-петербургской), при 456 учащихся, въ составѣ 9 классовъ, составляетъ 78,904 р. 88 к., а по духовной семинаріи (московской), при 370 воспитанникахъ, въ составѣ 6 классовъ, съ параллельнымъ отдѣленіемъ при каждомъ, 77,944 р.; „minimum“ расхода гимназіи военнаго вѣдомства: тифлисской, на 200 воспитанниковъ, въ составѣ 6 классовъ, составляетъ 83,755 р. 16 к.; „maximum“ — владимірской, кіевской, на 500 учащихся, 188,471 р. 70 к.

При тѣхъ сравнительно ничтожныхъ средствахъ, которыя имѣются въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія на постройку и починку училищныхъ зданій, не представлялось никакой возможности сдѣлать что-либо по этому предмету. На удовлетвореніе этой надобности, начиная съ 1860 года, отпускалось по смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія по 100,000 рублей въ годъ, несмотря на то, что число зданій, требующихъ ремонта, съ каждымъ годомъ, съ увеличеніемъ числа учебныхъ заведеній, болѣе и болѣе возрастаетъ, и, сравнительно съ 1860 годомъ, болѣе чѣмъ удвоилось. Отсюда очевидно, что если ремонтныя средства министерства народнаго просвѣщенія не будутъ увеличены, то состояніе училищныхъ помѣщеній съ каждымъ годомъ будетъ ухудшаться. Неудовлетворительность бюджета этого министерства по возведенію новыхъ зданій и по поддержанію старыхъ нагляднѣе всего видна изъ сравненій суммы, отпущенной по смѣтѣ означеннаго министерства за 1877 годъ на этотъ предметъ, съ соотвѣстственнымъ кредитомъ смѣты главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Такъ, министерству народнаго просвѣщенія назначено, по смѣтѣ 1877 г., на ремонтъ зданій 100,000 р. и на возведеніе новыхъ строеній 183,625 р.; по той же смѣтѣ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній ассигновано на ремонтъ училищныхъ помѣщеній 100,000 р. и на строительныя надобности 667,000 р. Если принять въ расчетъ одни только среднія мужскія и женскія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, которыхъ насчитывалось къ 1-му января 1876 года 949, то на каждое такое заведеніе изъ ремонтной суммы этого министерства причтется 105 р. 37 коп.; соотвѣстная же цифра для учебныхъ заведеній военнаго вѣдомства будетъ 3,030 р. 30 к., т.-е. въ 28,7 разъ болѣе.

Вообще же оказывалось, что свѣдѣнія о помѣщеніяхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства въ санитарномъ отношеніи *не могутъ* дать ничего полезнаго для задачъ школьно-гигіенической комиссіи военнаго министерства. Съ другой же стороны, свѣдѣнія, относящіяся къ повседневной школьной жизни воспитанниковъ, къ количеству умственнаго и физическаго труда, къ отдыху, ко сну и т. п., вовсе не могутъ быть доставлены учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ эти заведенія по преимуществу открыты (правда, духовныя училища почти всѣ закрыты) и учащіеся въ нихъ находятся въ стѣнахъ заведенія только въ классное время. Независимо отъ всего вышеизложеннаго, собраніе массы проектированныхъ военнымъ вѣдомствомъ санитарныхъ свѣдѣній отъ многочисленнаго количества учебныхъ заведеній вѣдомства мини-

стерства народнаго просвѣщенія до крайности обременило бы личный составъ сихъ заведеній составленіемъ большого числа таблицъ, безъ всякой для нихъ пользы, такъ какъ устраненіе большей части недостатковъ означенныхъ заведеній въ санитарномъ отношеніи не находится, какъ разъяснено это выше, во власти именовавшаго министерства. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, какъ напримѣръ въ отношеніи къ начальнымъ народнымъ училищамъ, собираніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, при новости у насъ этого дѣла, при недостаточности образованныхъ учителей и при малочисленности состава инспекцій означенныхъ училищъ, представляется, по отзыву министерства, положительно невозможнымъ.

Министерство народнаго просвѣщенія, при разсмотрѣніи возбужденнаго военнымъ министерствомъ вопроса относительно разработки санитарныхъ и гигиеническихъ данныхъ по каждому учебному заведенію, не ограничилось только выясненіемъ изложенныхъ выше соображеній о *неудобствахъ* и о *невозможности* таковой разработки по вѣдомству народнаго просвѣщенія. При этомъ министерство народнаго просвѣщенія вошло въ подробное разсмотрѣніе расходовъ по тремъ учебнымъ вѣдомствамъ, по смѣтѣ 1877 года. Данные въ этомъ отношеніи представляются весьма любопытными. Вотъ они въ наглядной таблицѣ:

По смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія ассигновано на:		По смѣтѣ специальныхъ средствъ вѣдомства святѣйшаго синода ассигновано на:		По смѣтѣ военно-учебныхъ заведеній назначено на:	
116 гимназ.	51 прогим.	53 семинаріи	185 дух. уч.	18 гимназій	8 прогим.
3.596,809 р.	826,971 р.	2.052,083 р.	805,531 р.	2.263,618 р.	434,266 р.
4.423,780 р.		2.857,564 р.		2.690,884 р.	
Среднимъ числомъ на каждое заведеніе:					
31,006 р.	16,215 р.	38,717 р.	4,354 р.	125,756 р.	54,283 р.

На ремонтъ зданій, принимая въ расчетъ только 949 среднихъ мужскихъ и женскихъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, назначено:—100,000 р. Среднимъ числомъ на каждое заведеніе: 105 р. На тотъ же предметъ для 33 военно-учебныхъ заведеній отпущено: 100,000 р. Среднимъ числомъ на каждое заведеніе:—3,030 р.

Итакъ, 1) военная гимназія въ 4 раза дороже гражданской, т.-е. содержаніе одной гимназіи военнаго вѣдомства равняется содержанію четырехъ гимназій гражданскаго вѣдомства; 2) военная прогимназія въ 3,3 раза дороже гражданской, т.-е. 10 прогимназій военныхъ равняются 33-мъ гражданскимъ, 3) на ремонтъ зданій военно-учебныхъ заведеній отпускается въ 28,7 разъ болѣе, чѣмъ гражданскимъ, т.-е. если бы министерству народнаго просвѣщенія назначена была сумма на эту надобность въ той же пропорціи, въ какой ассигнуется главному управленію военно-учебныхъ заведеній, то это составило бы 2.870,000 рублей, вмѣсто нынѣ отпускаемыхъ 100,000 р.

Всѣ вышеизложенныя данныя представлены были на Высочайшее воззрѣніе, причемъ испрашивалось разрѣшенія на предоставленіе министерству народнаго просвѣщенія и духовному вѣдомству права выработать въ то время, когда они сами признаютъ это удобнымъ, такую программу санитарныхъ и гигиеническихъ свѣдѣній, какую они найдутъ нужнымъ и соответственнымъ для находящихся въ ихъ вѣдомствѣ учебныхъ заведеній, а также сосредоточить въ сихъ двухъ вѣдомствахъ по принадлежности и разработку этихъ свѣдѣній въ томъ направленіи, какое признано будетъ согласнымъ съ видами министерства народнаго просвѣщенія и святѣйшаго синода.

Такое предположеніе было Высочайше утверждено 4 апрѣля 1877 года, и затѣмъ объявлено военному министру. Разумѣется, послѣ этого брошены были всѣ тѣ обширныя работы, которыя начаты были школьно-гигиеническою комиссіею музея по собиранію данныхъ объ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, совершенно безплодно окончились эти работы, обѣщавшія, судя по обширности программы ихъ, разработку весьма интересныхъ свѣдѣній о степени благоустройства учебныхъ заведеній въ имперіи, принадлежащихъ къ разнымъ вѣдомствамъ.

Намъ не нужно много распространяться о томъ, что вся изложенная выше переписка между официальными инстанціями представляется чрезвычайно характеристичною. Изъ нея видно, какъ безплодны наши канцелярія даже въ тѣхъ работахъ, которыя по существу своему затрогиваютъ весьма важныя и интересные вопросы, какъ иногда личныя отношенія могутъ вести у насъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, что благія начинанія и самыя полезныя работы и задачи отстраняются, какъ излишнія и ненужныя. Вопросъ шелъ не о томъ, чей бюджетъ лучше, а о томъ фактическомъ положеніи, въ какомъ находятся училища обоихъ вѣдомствъ; одно министерство въ сущности отказалось помочь другому въ предпринятомъ имъ весьма важномъ дѣлѣ,—и отказалось только на томъ основаніи, что его бюджетъ не такъ великъ, какъ школьный бюджетъ военнаго вѣдомства. Между тѣмъ, и при различіи бюджета всегда оказалось бы возможнымъ взять въ соображеніе и это самое различіе. Но уклонившись отъ совмѣстной съ военнымъ министерствомъ работы по собиранію санитарныхъ данныхъ объ учебныхъ заведеніяхъ, министерство народнаго просвѣщенія вслѣдъ за симъ признало полезнымъ приступить къ статистическому ихъ обслѣдованію. Въ 1878 году, министръ народнаго просвѣщенія вошелъ въ соглашеніе съ предсѣдателемъ состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ статистическаго комитета по вопросу о программѣ и планѣ статистическаго обслѣдованія всѣхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія и

духовному вѣдомству, какъ будто никогда и никѣмъ такая забота не была уже выполнена, и притомъ самымъ превосходнымъ образомъ. Итакъ, въ 1878 г. начали опять съ азбуки, и работа 1876 г. оставлена была безъ всякаго вниманія. Предсѣдателемъ комитета, П. П. Семеновымъ, выработаны были особыя формы вопросныхъ листовъ для каждаго учебнаго заведенія. Формы эти заключали въ себѣ довольно обстоятельное описаніе разныхъ статистическихъ данныхъ, относящихся до каждаго учебнаго заведенія. Но въ означенныхъ формахъ вопросныхъ листовъ, въ отличіе отъ статистическихъ формъ, выработанныхъ школьно-гигиеническою комиссіею 1876 года, совсѣмъ не упоминается о санитарныхъ данныхъ по отношенію къ учащимся въ каждомъ учебномъ заведеніи. Между тѣмъ, эти данныя имѣли бы приложение ко многимъ учебнымъ заведеніямъ. Такъ, духовно-учебныя заведенія, какъ мы замѣтили, почти всѣ имѣютъ при себѣ интернаты для учащихся; равнымъ образомъ и въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія состояли многія учебныя заведенія такого же характера (напр., учительскія семинаріи, учительскіе институты и нѣкоторые изъ гимназій). Въ началѣ 1878 г. статистическіе вопросные листы разосланы были учебнымъ начальствамъ, которыми своевременно же и возвращены были, вмѣстѣ съ надлежащими отмѣтками въ этихъ листахъ по каждому вопросному пункту, въ статистическій комитетъ. Но и доселѣ, однако, комитетомъ еще не изданы работы его по произведенному въ учебныхъ заведеніяхъ статистическому ихъ обследованію, такъ что еще и теперѣ, по прошествіи четырехъ лѣтъ, не настала переоцѣнка этихъ послѣднихъ работъ, по сравненію ихъ съ тѣми, которыя опредѣлены были въ проектѣ комиссіи 1876 года по собиранію гигиеническихъ и санитарныхъ данныхъ относительно учебныхъ заведеній въ Россіи. Быть можетъ, когда-нибудь опять поднимется этотъ вопросъ, — и тогда онъ опять будетъ начать съ азбуки, какъ будто никогда у насъ и никто не думалъ о приведеніи въ извѣстность такого важнаго дѣла, какъ санитарное состояніе нашихъ учебныхъ заведеній. Что оно не блестяще, — объ этомъ мы только догадываемся, при случаѣ, замѣчая, напримѣръ, какъ съ каждымъ годомъ увеличивается процентъ негодныхъ къ военной службѣ. Вотъ почему санитарное состояніе нашихъ гражданскихъ школъ — вопросъ весьма не безразличный для такого вѣдомства, какъ военное.

А. М.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е февраля, 1883.

Толки въ печати по поводу слуховъ о проектѣ университетскаго устава.—Противорѣчіе въ нихъ мотивовъ съ результатами.—Двойная задача университетскаго преподаванія, по предположенію газетъ.—„Татьянинъ день“ въ Москвѣ, и внутреннее противорѣчіе въ рѣчи г. Чичерина.—Слово его въ пользу значенія устава 1863 г., и противъ какого бы то ни было значенія уставовъ вообще.—Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Н. А. Гончарова.—Центральное училище технического рисованія бар. Штиглица.—По поводу столѣтняго юбилея Жуковскаго, и его новыя письма къ покойному государю.

Благодаря такъ-называемымъ „студентскимъ исторіямъ“, въ обществѣ давно образовалась привычка думать, что и самая сущность университетскаго вопроса состоитъ именно въ этихъ самыхъ „исторіяхъ“, и въ приисканіи средствъ къ тому, чтобы положить имъ конецъ. Между тѣмъ, подъ этимъ вопросомъ слѣдуетъ разумѣть нѣчто иное: университетскій вопросъ“ имѣетъ своею задачею устроить болѣе правильную организацію университетскаго преподаванія и всей академической жизни, съ цѣлью дать свободное, самостоятельное развитіе научнымъ силамъ страны,—свободное и самостоятельное, въ смыслѣ независимости ихъ отъ временныхъ, преходящихъ и часто измѣняющихся утилитарныхъ, узко-практическихъ цѣлей, каки по-неволѣ ставитъ жизнь, ищущая себѣ исполнителей для различныхъ своихъ функций—будетъ-ли то въ формѣ правительственной или общественной службы. Удовлетворялъ-ли, или не удовлетворялъ такой правильной постановкѣ университетскаго вопроса послѣдній Уставъ 1863 года?—принесла-ли университетская реформа начала 60-хъ годовъ, или нѣтъ,—тѣ плоды, какіе ожидались отъ нея ея составителями, не руководившими, впрочемъ, примѣненіемъ этой реформы, впоследствии?—воспользовалась ли коллегія профессоровъ тѣмъ просторомъ самоуправленія, который былъ ей предоставленъ для поднятія научнаго уровня преподаванія, и т. д., и т. д.? — Изъ полемики, которая ведется по этому вопросу чуть не 20 лѣтъ, т. е. съ перваго же дня дѣйствія Устава 1863 г., выяснилось теперь одно: никто не признаетъ современнаго положенія университетовъ исполнѣ и безусловно удовлетворительнымъ; но точно такъ же, какъ всѣ врачи могутъ быть согласны въ признаніи кого-нибудь больнымъ, и въ то же время сильно расходиться относительно взглядовъ на причину болѣзни, а соотвѣтственно тому—и на методъ леченія, —точно такъ же и въ университетскомъ вопросѣ всѣ согласны по во-

просу о большей или меньшей неудовлѣтельности быта нашихъ университетовъ, по причину того указываетъ каждый свою, а также и свои средства къ исправленію недостатковъ какъ преподаванія университетской науки, такъ и вообще всей академической жизни.

Все разнообразіе мнѣній, высказанныхъ по этому поводу, можетъ быть подведено подъ двѣ категоріи, сообразно тому, кто какъ смотрѣлъ на отношеніе къ этому вопросу самаго университетскаго Устава 1863 г.: одни, признавая неудовлѣтельность и академическаго преподаванія, и академической жизни, въ то же время никакъ не думали, что замѣна Устава 1863 другимъ уставомъ, *отрицающимъ существенныя основы* перваго—приведетъ къ желательнымъ результатамъ; что частныя его измѣненія, на основаніи указаній 20-лѣтняго опыта, болѣе точное его примѣненіе и дальнѣйшее развитіе—были бы въ данномъ случаѣ цѣлесообразнѣе. Другіе, исходя изъ того же убѣжденія о неудовлѣтельности университетскаго преподаванія, его результатовъ и т. д.,—приходили прямо къ противоположному заключенію, именно—къ необходимости отміны Устава 1863 г. въ его существенныхъ основахъ, какъ источника зла.

Таковы были мнѣнія, высказываемыя въ печати; относительно официальныхъ взглядовъ на тотъ же вопросъ ходили одни разнорѣчивыя слухи, на основаніи которыхъ, конечно, нельзя дѣлать никакихъ сколько-нибудь основательныхъ заключеній. Достоверно было одно, что Уставъ 1863 года пересматривается, и только къ началу нынѣшняго года появилось въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ первое извѣстіе, уже не въ видѣ слуха,—а именно:

„На разсмотрѣніе государственнаго совѣта внесенъ выработанный министерствомъ народнаго просвѣщенія проектъ *измѣненія* университетскаго устава 1863 года. Согласно проекту, на преобразование университетскаго преподаванія испрашивается ассигнованіе дополнительной суммы до 500,000 руб. въ годъ, со слѣдующимъ распределеніемъ: 80,000 руб. на экзаменаціонныя комиссіи, 60,000 руб. на приватъ-доцентовъ, 30,000 руб. на практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ профессоровъ, 50,000 руб. на заграничныя поѣздки для дальнѣйшаго образованія; остальное на расширеніе аудиторій, лабораторій, ученыхъ кабинетовъ и пр.“

Итакъ, дѣло какъ-будто идетъ только объ одномъ „измѣненіи“ университетскаго устава, но степень такого „измѣненія“ хотя и характеризуется въ финансовой формѣ новыхъ суммъ, ассигнуемыхъ на „преобразование университетскаго преподаванія“,—тѣмъ не менѣе, однако, для печати оказалось возможнымъ гадать, болѣе или менѣе рискованно, относительно и сущности самого преобразования. Дѣйствительно, вслѣдъ за опубликованіемъ „Московскими Вѣдомостями“ упомянутыхъ фактовъ, начались въ печати и „гаданія“. Особенное вниманіе

обратила на себя крупная сумма въ 80,000 рублей, ассигнуемая на „экзаменаціонныя комиссіи“, какихъ вовсе не было въ Уставѣ 1863 г.; въ одной изъ петербургскихъ газетъ появилась даже цѣлая статья, подъ заглавіемъ: „Университетская реформа“, посвященная именно этому ея пункту, какъ могущему измѣнить существенно весь строй университетской жизни, отношенія профессоръ къ дѣлу науки, къ самимъ обучающимся, отношенія обучающихся къ университету и т. д., и т. д. Признаніе важности этого пункта совершенно правильно, но правильны-ли сдѣланные авторомъ упомянутой статьи выводы — это другой вопросъ. Мы не будемъ спорить и согласимся признать вновь проектируемыя экзаменаціонныя комиссіи — „крупнымъ измѣненіемъ въ постановкѣ собственно учебной части“ (а эта часть и есть самая существенная часть); но сдѣланные въ статьѣ выводы изъ собственныхъ же догадокъ и предположеній вызываютъ нѣкоторое сомнѣніе.

Вотъ точка отпавленія всей статьи, раздѣляемая, впрочемъ, многими — въ преимущественно „Московскими Вѣдомостями“:

„По дѣйствующему уставу русскихъ университетовъ (1863 г.), тѣ же преподаватели, которые читаютъ извѣстный предметъ, являются и главными (а нерѣдко на практикѣ и единственными) экзаменаторами, слѣдовательно и раздавателями служебныхъ правъ и преимуществъ, съ которыми связано у насъ успѣшное окончаніе университетскаго курса. Это обстоятельство въ особенности вызывало множество нареканій на университетскіе порядки и не безъ причины: оно несомнѣнно вносило *фальшивое начало* въ отношенія между учащими и учащимися во вредъ для тѣхъ и другихъ, а больше всего для правильной постановки высшаго образованія. Цѣли научной подготовки къ жизненной дѣятельности до такой степени ступшевыались передъ практическимъ, узко-утилитарнымъ домогательствомъ диплома, какъ ключа къ служебнымъ правамъ и преимуществамъ, что въ массѣ молодежи сложился совсѣмъ особый взглядъ на условія „успѣха“ въ прохожденіи университетскаго курса, — взглядъ, не имѣющій ничего общаго съ условіями успѣха въ научной подготовкѣ, въ образованіи. *Мысль о знаніяхъ, о развитіи умственныхъ силъ, умственная мысль, соображенія о требованіяхъ, какія предъявляетъ на экзаменъ тотъ или другой профессоръ; стремленіе къ научнымъ занятіямъ, подмѣнено желаніемъ приспособиться ко вкусамъ или привычкамъ каждаго даннаго преподавателя.* Отсюда въ огромномъ большинствѣ учащіеся молодые люди довольствуются тою нерѣдко весьма скромною умственною трапезою, какую предлагаетъ имъ въ своихъ лекціяхъ или запискахъ преподаватель. Выучилъ, въ крайнемъ случаѣ „вызубрилъ“ къ экзамену содержимое записокъ и — правъ. Этого за глаза достаточно не только для удовлетворительной отмѣтки, дающей званіе дѣйствительнаго студента и право на чинъ XII класса, но и для кандидатскаго диплома — вѣнца студенческихъ вожделѣній. Но выучить, даже „вызубрить“ записки — дѣло въ такой степени не хитрое

и не трудное, что для этого нѣтъ никакой надобности утруждать себя работой въ теченіе цѣлаго года. *Всякій, кто проходилъ университетскій курсъ, очень хорошо знаетъ, что въ три мѣсяца „по запискамъ“ можно приготоовиться къ какому угодно экзамену“.*

Такова точка „отправленія“ автора,—а вотъ и его догадка, въ формѣ готоваго вывода:

„Выдѣленіе экзаменовъ изъ преподавательскихъ функцій, *надо думать*, и проектируется, какъ средство противъ очерченнаго зла. Особыя экзаменаціонныя комиссіи будутъ своего рода *mentes* и для учащихся, и для учащихся, *если, разумѣется, удастся организовать и поставить ихъ въ возможно независимое положеніе.* Экзамены могутъ сдѣлаться тогда не только средствомъ контроля научной подготовки студентовъ, но и стимуломъ, какъ для послѣднихъ, такъ и для самихъ профессоровъ къ болѣе серьезному труду по части учебныхъ и научныхъ занятій, ибо комиссія не будетъ имѣть повода отождествлять научные предметы университетскаго курса съ профессорскими „записками“, хотя, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть не мало поводовъ интересоваться количествомъ и качествомъ содержащагося въ этихъ запискахъ...”

Итакъ, надо думать, что вышеупомянутыя экзаменаціонныя комиссіи и составляютъ „средство“ къ возмѣщенію недостатковъ Устава 1863 г., причинившаго все, описанное авторомъ зло. Пока намъ не будетъ извѣстно изъ какого-нибудь официально обнародованнаго текста самаго проекта, какъ именно устроены экзаменаціонныя комиссіи, мы должны отказаться отъ какого-нибудь сужденія о ихъ значеніи; но высказанныя не разъ мнѣнія въ печати о „государственномъ экзаменѣ“ въ особыхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, долженствующемъ замѣнить кандидатскіе экзамены въ университетѣ, должны были бы навести автора на мысль, что такія экзаменаціонныя комиссіи не могутъ быть признаны сколько-нибудь полезными; правда, и онъ самъ дѣлаетъ оговорку: „если, разумѣется,—говоритъ онъ,—удастся организовать и поставить эти комиссіи въ возможно независимое положеніе“ — но отъ кого? объ этомъ авторъ благо-разумно умалчиваетъ,—и хорошо дѣлаетъ, такъ какъ, по его же мнѣнію, независимость коллегіи спеціальныхъ экзаменаторовъ привела какъ-разъ къ тому злу, противъ котораго онъ же самъ говорилъ выше: по Уставу 1863 года коллегія профессоровъ-экзаменаторовъ пользовалась независимостью отъ администраціи — въ чемъ и усматривалось зло.

Но зло, говорятъ намъ со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“, состоитъ въ томъ, что тѣ же лица, которыя читаютъ, тѣ же и экзаменуютъ, а потому экзаменаціонныя комиссіи должны быть составлены изъ лицъ *не-читающихъ*.

Какъ принципъ, это не выдерживаетъ ни малѣйшей критики:

если до сихъ поръ не нашли возможнымъ даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ наука излагается въ формѣ, совершенно определенной, по общей программѣ, и гдѣ потому, дѣйствительно, можно было бы провести строже и справедливѣе принципъ отдѣленія преподаванія отъ экзамена—и тамъ до сихъ поръ не сдѣлано ничего подобнаго; какимъ образомъ осуществить такой принципъ при факультетскомъ изложеніи науки, гдѣ играетъ большую роль „школа“, какой принадлежитъ самъ профессоръ (профессоръ безъ „школы“ почти немислимъ),—какимъ образомъ довѣрить экзаменъ слушателей профессора А.—лицу какой-нибудь другой „школы“, а пожалуй, и не имѣющему вовсе понятія о существованіи „школы“ въ наукѣ, и извѣстному только, какъ говорится у насъ, въ качествѣ „свѣдущаго чело-вѣка“. Вотъ почему мы думаемъ, что и новый уставъ никакимъ образомъ не лишитъ университета того, чего не лишены даже гимназін, а именно, права, или, вѣрнѣе, обязанности для профессоровъ самихъ контролировать научныя свѣдѣнія своихъ слушателей, выражая свое мнѣніе въ формѣ сообщаемыхъ имъ ученыхъ степеней, каково бы ни было число этихъ степеней, три-ли, или только двѣ, или наконецъ—одна. Если бы какая-нибудь экзаменаціонная коммиссія исполняла эту обязанность лучше самихъ профессоровъ, то это значило бы только одно, что было бы также лучше возложить на членовъ такой коммиссіи и чтеніе лекцій.

Но если проектъ новаго устава удержитъ за профессорами, въ чемъ мы не сомнѣваемся,—право экзамена на *ученія степени*, то весь мотивъ къ преобразованію по этому важному пункту, а именно, выставленный авторомъ принципъ о вредѣ соединенія въ одномъ лицѣ обязанностей чтенія лекцій и экзаменованія слушателей—падетъ самъ собою, такъ какъ этотъ „вредъ“ будетъ, значитъ, оставленъ во всей своей силѣ: профессора будутъ по прежнему и читать, и экзаменовать. Можно, конечно, уничтожить такъ-называемый „выпускной“ экзаменъ, или экзаменъ на младшую ученую степень—кандидата, и сохранить только экзамены прямо на магистра и потомъ доктора, или даже только на одного доктора. Но если на степень магистра потребуются опять *общій* факультетскій экзаменъ, то тогда магистерскій экзаменъ сдѣлается по прежнему „выпускнымъ“; если же къ тому эта степень сохранить за собою право на IX классъ въ государственной службѣ, то вся переимѣна будетъ состоять только въ томъ, что до сихъ поръ университеты выпускали съ чиномъ X класса, а теперь ихъ сравнять въ этомъ отношеніи съ Училищемъ правовѣдѣнія и лицеемъ. Тѣ, кто до сихъ поръ держали экзаменъ на кандидата, теперь всѣ или весьма многіе присоединятъ еще одинъ годъ и будутъ держать на магистра. Во всякомъ случаѣ, съ

этого времени магистерскіе экзамены приобрѣтутъ значеніе „выпускныхъ“, какиѣ пользовались до сихъ поръ экзамены кандидатскіе. Тутъ мы не увидѣли бы никакой особой реформы: вся сущность дѣла осталась бы на лицѣ; уменьшилось бы развѣ значеніе степени магистра, такъ какъ оно было бы уже результатомъ не специальности лица, а его „факультетскихъ“ знаній,—знаній болѣе общаго характера.

Но намъ скажутъ: все же не всѣ пойдутъ на магистерскій экзаменъ, не всѣ захотятъ себя посвятить наукѣ; какиѣ образомъ, профессора, люди строгой науки, могутъ экзаменовать тѣхъ, которые не имѣютъ въ виду дальнѣйшихъ занятій наукою, а ищутъ привилегій для службы? Но, во-первыхъ, пока степень магистерская будетъ сопряжена съ IX классомъ, могутъ многіе держать и магистерскій экзаменъ съ тою же цѣлью, съ какою они до сихъ поръ держали экзаменъ на кандидата—такую же ученую степень, именно, съ однимъ желаніемъ получить X классъ, но не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть „кандидатами“ въ магистры. Во-вторыхъ, тѣ, которые будутъ только *посѣщать* четыре года университетъ для того, чтобы имъ засчитали это хожденіе и выдали бы за такое хожденіе требуемое свидѣтельство на право потомъ держать въ экзаменаціонной комиссіи государственный экзаменъ, и получить не ученую степень, а просто чинъ X или XII класса, — спрашивается, какиѣ образомъ установить дѣйствительную и простую связь между университетскою наукою и подобнаго рода слушателями, которымъ предстоитъ экзаменъ не по факультетской программѣ, а предъ лицами, имѣющими, быть можетъ, совсѣмъ не тѣ взгляды на науку, какія вырабатываются на профессорской кафедрѣ? Коллегія профессоровъ можетъ, конечно, выдать такимъ лицамъ свидѣтельство, что они, напримѣръ, усердно *посѣщали* ихъ лекціи,—но что они приобрѣли отъ такихъ лекцій, это профессорамъ извѣстно быть не можетъ; кромѣ того, и профессора въ своихъ лекціяхъ имѣли въ виду, весьма естественно, будущихъ своихъ магистрантовъ и докторантовъ, настоящихъ дѣтей университета, но не просто посѣщающихъ лекціи для приобрѣтенія, за свое хожденіе, хотя бы и усердное, право на государственный экзаменъ, а также и не тѣ программы послѣдняго, по которымъ „посѣтители“ будутъ экзаменоваться. Да и эти „посѣтители“ университетскихъ лекцій будутъ также справедливо заботиться не столько объ усвоеніи ими профессорскихъ лекцій, сколько о болѣе или менѣе легкомъ приготовленіи себя по учебникамъ къ выдержанію государственнаго экзамена по его особымъ программамъ. Это будетъ, съ ихъ стороны, такъ естественно, что противъ этого нельзя ничего и сказать. Какиѣ же образомъ, государственные экзамены могутъ

сдѣлаться, какъ предполагаетъ авторъ вышеупомянутой статьи, „не только средствомъ контроля научной подготовки студентовъ, но и стимуломъ какъ для послѣднихъ, такъ и для самихъ профессоровъ къ болѣе серьезному труду по части учебныхъ и научныхъ занятій“. Только магистерскій экзаменъ останется дѣйствительнымъ средствомъ контроля для наблюденія за ходомъ научнаго преподаванія въ университетѣ, а этотъ контроль останется, конечно, по прежнему въ рукахъ профессоровъ; государственный же экзаменъ, въ случаѣ успешности экзаменующагося, докажетъ только то, что онъ хорошо служилъ приноровиться къ требованіямъ программы этого экзамена, не имѣющаго, конечно, ничего общаго съ общимъ факультетскимъ испытаніемъ, какое будутъ производить профессора, на основаніи читанныхъ ими же курсовъ.

Еще разъ повторяемъ, что наши возраженія относятся только къ тѣмъ „догадкамъ“, какія были высказаны за послѣднее время въ нашей печати по вопросу объ университетской реформѣ, и притомъ на основаніи вышеупомянутыхъ извѣстій, опубликованныхъ „Московск. Вѣдомостями“. Не зная ничего положительнаго объ истинномъ значеніи экзаменаціонныхъ комиссій, мы не знаемъ даже—будетъ ли это сдѣлано общою государственною мѣрою, или реформа коснется однихъ университетовъ? Будетъ ли, напримѣръ, признано то, что авторъ статьи признаетъ вреднымъ для университетовъ,—столь же вреднымъ и для такихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Училище правовѣдѣнія, лицей и др., гдѣ одни и тѣ же лица занимаются преподаваніемъ наукъ и потомъ являются экзаменаторами, или, какъ выразился авторъ статьи, „раздавателями служебныхъ правъ и преимуществъ“?

Еще болѣе скептически должны мы отнестись къ послѣдовавшимъ за „Московскими Вѣдомостями“ извлеченіямъ будто бы изъ новаго университетскаго устава, появившимся въ другихъ газетахъ, также московскихъ, а именно, что „на основаніи новаго университетскаго устава каждому студенту будетъ предоставлено право слушать тѣ курсы своего и другихъ факультетовъ, какіе онъ признаетъ для себя наиболѣе полезными, соображаясь какъ съ учебными планами своего факультета, такъ и съ ближайшими своими потребностями. Составленный студентомъ примѣнительно къ какому-либо изъ учебныхъ плановъ списокъ курсовъ долженъ будетъ сообщаться имъ на просмотръ кого-либо изъ профессоровъ факультета, который, въ свою очередь, долженъ удостовѣрить его своей подписью. Отступленіе отъ учебнаго плана со стороны студентовъ, пользующихся вспоможеніями, согласно проекту, будетъ находиться въ зависимости отъ согласія руководителя и утвержденія декана. Независимо отъ этого, въ случаѣ преподаванія какого-либо предмета нѣсколькими препода-

давателями—каждому студенту будетъ предоставлено право слушать того изъ нихъ, кого онъ пожелаетъ; но если приватъ-доцентъ, читающій лекціи, не будетъ имѣть степени магистра или доктора, то для зачета ихъ студентамъ необходимо нужно будетъ разрѣшеніе факультета".

Если допустить подобный порядокъ вещей, то каждый гимназистъ, вступившій въ университетъ и сочинившій себѣ планъ, по своему вкусу и по своимъ „потребностямъ“, которые могутъ быть иногда и очень ограниченны—составитъ такимъ образомъ самъ по себѣ единственный факультетъ; факультетовъ будетъ столько же, сколько и студентовъ. Правда, такой субъективный планъ слушателя долженъ быть одобренъ „кѣмъ-либо“ изъ профессоровъ, но не цѣлымъ факультетомъ; какой же, спрашивается, явится тутъ просторъ для личныхъ вкусовъ и того профессора, отъ утвержденія котораго будетъ зависѣть планъ, составленный студентомъ; между тѣмъ, самая реформа Устава 1863 г. мотивируется какъ будто тѣмъ, что онъ представлялъ слишкомъ много мѣста произволу профессорской коллегіи, и понизилъ уровень научнаго образованія студентовъ. Какъ же примирить подобную точку отсчета и прямо противоположные ей результаты? Остается только предположить, что сообщаемое въ газетахъ—не вѣрно, и пожалѣть, что проектъ университетскаго устава не могъ быть отнесенъ къ числу такихъ предположеній, которымъ можно было бы дать огласку. Въ послѣднемъ правительственномъ сообщеніи относительно условій, при которыхъ служащіе могутъ принимать участіе въ печати, выражено, именно, что „правительство никогда не затруднялось и нинѣ не затрудняется давать возникшимъ предположеніямъ самую широкую огласку, примѣромъ чему можетъ служить еще недавно допущенное обсужденіе новыхъ проектовъ гражданскаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ“—и притомъ именно, „въ тѣхъ случаяхъ, когда свободное обсужденіе предполагаемыхъ правительствомъ мѣръ и законоположеній можетъ принести дѣйствительную пользу“. Исключеніе сдѣлано, весьма справедливо, на тотъ случай, когда „нижнѣйшій въ виду конечный исходъ самыхъ мѣропріятій находится нерѣдко въ зависимости отъ соблюденія тайны, такъ что преждевременное оглашеніе журналами слуховъ о предполагаемыхъ мѣрахъ можетъ наносить весьма чувствительный вредъ успѣшному ихъ осуществленію“. Дѣйствительно, вопросы иностранной политики, внѣшнихъ займовъ, мѣры къ внѣшней охранѣ государства и т. п.—никакъ не могутъ подлежать оглашенію даже и въ видѣ проекта, и патриотизмъ cadaго служитъ достаточнымъ оправданіемъ требованія тайны въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ тайна гутъ часто обуславливаетъ успѣхъ. Слѣдуетъ ли однако отнести къ

числу мѣропріятій, требующихъ тайны для своего успѣха, и проектъ университетскаго устава,—судить о томъ мы не можемъ признать себя компетентными.

Московскій университетъ, какъ старѣйшій изъ русскихъ университетовъ, всегда пользуется справедливою вполне привилегіею обращать болѣе вниманія на ежегодное торжество дня своего основанія, сдѣлавшагося столь популярнымъ,—подъ именемъ „Татьянина дня“. Конечно, не одна древность играетъ тутъ роль; была эпоха, когда московскій университетъ служилъ послѣднимъ убѣжищемъ, куда отступалъ свѣтъ науки и живой мысли, и гдѣ онъ какъ бы хранился, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Такова была эпоха Грановскаго. Въ нынѣшнемъ году, какъ и всегда, собрались на общемъ празднествѣ—говоря словами одного изъ присутствовавшихъ на немъ ораторовъ, Б. Н. Чичерина—люди различныхъ поколѣній, различныхъ направленій, дѣйствующіе на разныхъ поприщахъ; „но всѣхъ насъ,—продолжалъ ораторъ,—соединяетъ одно общее чувство—любовь къ воспитавшему насъ учрежденію; мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдимъ за его судьбами, иногда съ сердечною болью, иногда съ радостью“. Рѣчь г. Чичерина, съ первыхъ же его словъ, обнаружила, что въ немъ проснулся „сынъ университета“,—и не мы, конечно, въ такую счастливую минуту для каждого, кто способенъ чувствовать себя живымъ членомъ университетской семьи, упрекнемъ оратора, прислушиваясь къ его дальнѣйшимъ словамъ,—въ томъ, что онъ не вездѣ остался послѣдовательнымъ и не всегда держался строго своихъ воззрѣній, которыя имъ высказывались прежде въ другой обстановкѣ и при иныхъ случаяхъ жизни. Мы считаемъ такую непослѣдовательность весьма счастливою и вполне сочувствуемъ ей. Мы понимаемъ также и тотъ вполне извинительный въ настоящемъ случаѣ *patritisme du clocher*, въ силу котораго ораторъ мотивировалъ свою радость, говоря, что „въ наступающемъ году мы можемъ смотрѣть на московскій университетъ съ чувствомъ радости во всѣхъ университетахъ и во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были волненія и беспорядки; одни студенты московскаго университета остались спокойны; они не поддались внѣшнимъ подстрекательствамъ и не нарушили порядка; въ этомъ я узнаю студентовъ московскаго университета, какъ я ихъ зналъ въ прежнее время, когда я имѣлъ честь быть профессоромъ“. Мы вполне понимаемъ чувство радости почтеннаго профессора, но, рассуждая такъ, онъ поставилъ все дальнѣйшее, сказанное имъ, въ зависимость отъ того случайнаго, можно сказать, стихійнаго обстоятельства, имъ беспорядки среди юношей: „молодые, горячія головы легко уле-

каются" — сказалъ онъ самъ. Между тѣмъ, рѣчь г. Чичерина и сила высказанныхъ имъ мыслей имѣютъ, по нашему мнѣнію, право на вниманіе, независимо отъ различныхъ случайныхъ и эфемерныхъ явленій университетской жизни. По убѣжденію г. Чичерина, „эти явленія доказываютъ, что причину беспорядковъ надо искать не въ учрежденіяхъ, а въ томъ духѣ, который господствуетъ въ учрежденіяхъ и въ окружающей ихъ средѣ". Но противники г. Чичерина могутъ воспользоваться высказанною, такимъ образомъ, мыслью противъ него же, и ослабить тѣмъ всѣ дальнѣйшія его разсужденія; они могутъ сказать, что въ такомъ случаѣ безразлично, будетъ ли сохраненъ уставъ 1863 года или замѣненъ другимъ, какимъ бы то ни было, такъ какъ вся сила — въ „духѣ учрежденій" и въ „о окружающей ихъ средѣ"; самъ г. Чичеринъ свидѣтельствуетъ, что хотя одинъ и тотъ же уставъ 1863 г. дѣйствовалъ въ 1882 г. во всѣхъ университетахъ, — но только въ одномъ московскомъ университетѣ не происходило никакихъ студентскихъ беспорядковъ; слѣдовательно, — скажутъ ему, — къ вопросу о томъ или другомъ уставѣ можно относиться безразлично. Однако, вовсе не такъ думаетъ г. Чичеринъ, помнявшій добрымъ словомъ Уставъ 1863 г., который, по его словамъ, „нынѣ становится козломъ отпущенія за всѣ грѣхи, — за грѣхи подчиненныхъ такъ же, какъ и начальства, но въ особенности за грѣхи начальства" — какого: университетскаго, или не университетскаго? — ораторъ не объясняетъ въ точности, и обращается къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ изъ пережитого имъ самимъ въ университетской средѣ, и къ наблюденіямъ надъ общимъ характеромъ нашихъ административныхъ нравовъ, на болѣе широкомъ поприщѣ, чѣмъ университетская жизнь:

„Тогда, — говоритъ онъ, припоминая раннее время своего профессорства, — господствовалъ уставъ 1835 г., и ректоръ былъ даже не выборный, а назначенный отъ правительства, и безпорядки, все-таки, были. Но у насъ, къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы искать причины зла и лекарствъ отъ него тамъ, гдѣ они есть, ищутъ ихъ въ чернилахъ и бумагахъ. Какъ скоро замѣчается зло, хотятъ мѣнять законы и уставы. Безъ сомнѣнія, это гораздо легче, нежели дѣйствовать на людей. Людей надо готовить, выбирать, надо умѣть съ ними ладить и давать имъ направленіе; а чернильная строка себѣ поддается. Достаточно собрать 3-хъ — 4-хъ человекъ, насквозь проинкнутыхъ канцелярскимъ духомъ, — и уставъ готовъ, и можно его провести. На это идутъ тѣмъ охотнѣе, что въ перемѣнѣ законовъ каждый видитъ возможность устранить препятствія своей волѣ: подчиненные хотятъ расширить свои права; управляющіе хотятъ расширить свою власть. Мы не умѣемъ пользоваться тѣмъ, что есть, а требуемъ все большаго и большаго, между тѣмъ, какъ первое условіе правильнаго общежитія состоитъ въ умѣнii жить среди преградъ, поставляемыхъ

чужою волею. Отсюда, мм. гг.,—прискорбное явленіе, характеризующее современное русское общество. Вмѣсто стремленія къ охраненію столь недавно созданнаго, является стремленіе къ разрушенію. Оно идетъ не только снизу, но и сверху. Двадцать лѣтъ тому назадъ, были совершены величайшія преобразованія, которыя обновили всю русскую землю. Казалось-бы, надобно ихъ упрочить, укрѣпить; нельзя же каждыя 20 лѣтъ мѣнять учрежденія. Вмѣсто того, хотѣть все передѣлать на новый ладъ. Это стремленіе проявляется всюду: и въ попыткахъ измѣнить Положеніе 19-го февраля—этотъ драгоценный камень обновленной Россіи,—и въ стремленіи пересоздать земскія учрежденія, и въ сочиненія фантастическихъ единницъ, которыми думаютъ замѣнить существующіе органы управленія. То же стремленіе проявляется и въ походѣ противъ устава 1863 года. Этотъ уставъ, мм. гг., мы обсуждали въ совѣтѣ московскаго университета въ то время, какъ онъ готовился перейти въ законъ. Совѣтъ московскаго университета былъ тогда насквозь пронизанъ охранительнымъ духомъ; мы твердо стояли за законный порядокъ. Но этотъ охранительный духъ былъ вмѣстѣ и духъ либеральный. Это былъ духъ Положенія 19-го февраля, духъ, создавшій земскія учрежденія и городское положеніе. Мы были убѣждены, какъ и нынѣ я убѣжденъ, что университеты, еще болѣе нежали земства и города, нуждаются въ огражденіи отъ административнаго произвола, и эти гарантіи были имъ даны. Уставъ 1863 года узаконилъ независимое положеніе университетской корпораціи—положеніе, которое уже было подготовлено жизнью. Независимость, мм. гг., какъ и все человеческое, можетъ дать хорошіе и дурные плоды, смотря по тому, какъ ею пользуются; но нѣтъ сомнѣнія, что только при независимости можетъ развиваться крѣпкій охранительный духъ и нравственный авторитетъ надъ учащеюся молодежью, тогда какъ раболопная покорность порождаетъ только крайности безсилія и возмущенія. Но, узаконная независимость корпораціи, уставъ 1863 г. не уменьшилъ значенія власти. Мы ясно сознавали, что только при дружномъ дѣйствіи университетской корпораціи и контролирующей ее власти, въ университетѣ можетъ установиться тотъ нравственный порядокъ, который составляетъ жизнь всѣхъ учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ этомъ направленіи, хотѣтъ уничтожить самую почву, на которой эта согласная дѣятельность возможна; хотѣтъ ниспровергнуть уставъ 1863 г. и замѣнить его чѣмъ-то новымъ, у насъ небывалымъ. И къ удивленію, все это дѣлается во имя успокоенія умовъ. Забываютъ первое правило здравой политики: если вы хотите успокоить умы, не ломайте учреждений, не уничтожайте существующаго порядка, не выбивайте людей изъ обычной колеи; если же вы производите ломку, — вы неизбежно породите броженіе. Что изъ всего этого выйдетъ? Никто сказать не можетъ. Но мы надѣемся, что университетъ выдержитъ это испытаніе такъ же, какъ онъ выдерживалъ многое другое, такъ же какъ онъ выдерживалъ періодъ гнета и періоды распушенія (?). Во всякомъ случаѣ, сохраняя спокойствіе среди общаго волненія, студенты московскаго университета доказали до очевидности, что миръ въ стѣ-

нахъ университета *зависитъ не отъ уставовъ, а отъ нравственнаго духа, который въ нихъ водворился*“.

— Итакъ,—скажутъ противники г. Чичерина,—если вы думаете, что миръ университетской жизни зависитъ не отъ уставовъ, то почему же вы тревожитесь при мысли о „походѣ“ противъ устава 1863 года: какой бы ни былъ новый уставъ—намъ нѣтъ даже надобности знать его содержаніе; это совершенно безразлично,—такъ какъ отъ уставовъ, и по мнѣнію самого г. Чичерина, ничего не зависитъ! Не соглашаясь ни съ противниками почтеннаго профессора, ни съ нимъ самимъ, мы замѣтимъ только, что упоминаемый имъ „нравственный духъ“ зависитъ именно отъ того „духа“, который положенъ въ основаніе того или другого устава. Онъ самъ весьма краснорѣчиво охарактеризовалъ выше „духъ“ университетскаго устава 1863 г.—и конечно, онъ сдѣлалъ это не для того, чтобы въ заключеніе рѣчи торжественно выразить мысль о безразличіи уставовъ, по отношенію ихъ вліянія на миръ университетовъ. „Нравственный духъ“ вообще не есть какое-нибудь явленіе, независимое отъ тѣхъ условій, въ которыя бываетъ поставлена жизнь человѣка и общества; это не что-нибудь чудесное, нисходящее на человѣка или общество извнѣ, и потому нельзя сказать никому: сначала добудь себѣ гдѣ-нибудь нравственность, а потомъ мы послѣ дадимъ тебѣ и условія жизни, достойныя нравственнаго человѣка.

„Татьянинъ день“, какъ мы замѣтили, находитъ себѣ отголосокъ во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества. Конечно, наибольшая группа бывшихъ московскихъ студентовъ должна собираться въ Петербургѣ. Обычный товарищескій обѣдъ 12 января, въ 100 человѣкъ, какъ писалось въ газетахъ, прошелъ здѣсь „въ нынѣшнемъ году очень оживленно и весело“, вѣроятно, вслѣдствіе того, что преобладали лица изъ болѣе молодыхъ выпусковъ; между старѣйшими замѣчено было отсутствіе такихъ бывшихъ студентовъ, какъ И. Д. Деляновъ, М. Н. Островскій и др.; старѣйшимъ по выпуску „оказался“,—сообщаетъ „Голосъ“,—сенаторъ А. Д. Шумахеръ. На томъ обѣдѣ замѣчено было отсутствіе и Н. А. Гончарова, бывшаго московскаго студента, давно живущаго среди насъ, и имя котораго служить теперь, наравнѣ съ другими первоклассными писателями нашей эпохи, украшеніемъ русской литературы. Припоминая, что недавно исполнилось 50 лѣтъ со времени появленія въ печати перзой, такъ сказать, пробы его пера, комитетъ, отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, послѣ тоста въ честь Гончарова, принятаго съ живѣйшимъ и шумнымъ сочувствіемъ, отправилъ ему на квартиру,

во время самаго обѣда, слѣдующую телеграмму: „Вышшіе московскіе студенты, собравшіеся въ дорогой для нихъ день св. Татьяны, пишутъ за ваше здоровье и желаютъ вамъ еще многія лѣта быть живымъ представителемъ русскаго таланта и заслугъ родному слову“.

Къ сожалѣнію, нашъ наслѣдственный писатель, вслѣдствіе постигшей его въ концѣ прошедшаго года тяжелой болѣзни глазъ, не можетъ пока и думать о перѣ; но тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что онъ уже сдѣлаю для русской литературы, онъ долго не переставаетъ быть „живымъ представителемъ“ и русскаго таланта, и заслугъ родному слову—въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ. Та же болѣзнь погнѣшила торжественно чествовать его пятидесятилѣтіе въ концѣ прошедшаго года; заявленія о томъ, появившіяся въ газетахъ еще осенью, вынудили почтеннаго Ивана Александровича тѣмъ болѣе усилленно просить о томъ, чтобы близкіе ему люди не давали никакого послѣдствія такимъ заявленіямъ. Еще въ концѣ октября онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей, по этому же поводу, въ полунуточной формѣ, но очень настойчиво: „Я вчера послѣ васъ, милостивѣйшій мой государь, впалъ въ глубокое раздумье о томъ, зачѣмъ вамъ понадобилось отыскивать въ Публичной Библіотекѣ какой-то переводъ съ французскаго въ журнальныхъ архивахъ. Не зародилось ли—думалъ я—въ его (т.-е. въ вашей) головѣ подозрѣніе, что я, упомянувъ въ застольной болтовнѣ съ вами и съ А. Θ. о курьезномъ quasi-пятидесятилѣтіи, намекалъ на какую-нибудь овацію, или что-нибудь въ этомъ родѣ, а вы, добывъ справку изъ Библіотеки, взяли бы да пропечатали, что вотъ-молъ такъ и такъ: „такой-то старецъ вотъ съ какихъ норъ излетѣлъ“—... Фѣ! а я еще предупредилъ васъ тогда, чтобы вы не сказали кому-нибудь, а то пожалуй и т. д. Подъ этимъ „и т. д.“ я разумѣлъ какую-нибудь газетную нескромность, или что-нибудь подобное. А вы и сами справку наводите! Зачѣмъ? Да, можетъ быть, я ошибся, совралъ (мало ли что за столомъ говорится!); можетъ быть, и не въ томъ году было напечатано, или вовсе не напечатано, а только предложено, да не принято, такъ какъ романъ не былъ дозволенъ¹⁾; а все теперь забылъ! Вотъ я и рѣшилъ въ сердцѣ своемъ немедленно предупредить васъ и просить—никакихъ дальнѣйшихъ разысканій по этому дѣлу—ни въ журналахъ, ни нидѣ не чинить, и никакими поступками, ни себя, ни другихъ въ оное дѣло не вовлекать. А какъ мною упомянуто было только вамъ и А. Θ., то обнаруженіе сего дѣла и могущія произойти изъ того послѣдствія будутъ сочтены мною за предатель-

¹⁾ Въ романѣ введенъ былъ на сцену негръ, и тогда оцѣнились разноречивость его, принимая въ соображеніе существовавшее у насъ тогда крѣпостное право.—Ред.

ство! — Старикъ нуженъ крайній, абсолютный, для его здоровья покой, а потому онъ просить меня, а я прошу васъ убѣдительно — 50-лѣтіе его лѣтъ — ни въ печати, ни инако не оглашать, ибо это можетъ его сдѣлать только больнымъ, а отнюдь не обрадовать. Вы, можетъ быть, скажете, что вы и не думали вовсе печатать объ этомъ, ни говорить никому: такъ зачѣмъ же вамъ нужна была справка? Нѣтъ, бросьте, бросьте это, и будьте скромны“.

Но благодаря біографическому очерку И. А. Гончарова въ извѣстномъ изданіи Баумана, вскорѣ появились въ газетахъ сообщенія о 50-лѣтіи нашего знаменитаго романиста, съ указаніемъ и того № „Телескопа“, гдѣ въ 1832 г. былъ напечатанъ первый его переводный трудъ изъ романа Е. Сю: „Атаргуль“. Поэтому, намъ послѣ показалось довольно страннымъ удивленіе тѣхъ же самыхъ газетъ, когда онѣ обратились къ друзьямъ Гончарова съ упрекомъ за то, что они будто бы не сочли нужнымъ оповѣстить всѣхъ объ истекающемъ срокѣ 50-лѣтія литературной дѣятельности Гончарова: этики же самими газетами и давно уже было о томъ оповѣщено.

По словамъ одного изъ присутствовавшихъ на дружескомъ праздникѣ, данномъ Гончарову неожиданно для него самого, юбиляру пришлось принимать своихъ гостей въ спальномъ костюмѣ (вполнѣ впрочемъ приличествовавшемъ творцу „Обломова“); но первоначальное намѣреніе его друзей было — устроить въ декабрѣ, по этому случаю, общій литературный праздникъ, достойный имени почтеннаго юбиляра; довольно серьезная глазная болѣзнь, къ сожалѣнію, посѣтившая его въ послѣднее время и удерживающая его дома, заставила ихъ, однако, отказаться отъ такого намѣренія, и они вынуждены были ограничиться небольшимъ кружкомъ лицъ, условившихся поднести юбиляру въ этотъ день, въ память истекшаго для него пятидесятилѣтія, пріятельскій подарокъ отъ имени нѣсколькихъ его друзей и редакцій тѣхъ журналовъ, гдѣ помѣщались его труды: кабинетные часы, съ бронзовымъ бюстомъ молоденькой дѣвушки, подъ которымъ помѣщена надпись: „Мареничка“ — одинъ изъ прелестныхъ женскихъ образовъ, художественно-созданныхъ И. А. Гончаровымъ. Почтенный юбиляръ былъ видимо тронутъ оказаннымъ его таланту и литературнымъ заслугамъ вниманіемъ, которое найдетъ себѣ, — прибавила газета, — безъ сомнѣнія, отголосокъ въ многочисленныхъ читателяхъ его произведеній“.

Такое предположеніе оправдалось вполнѣ, и телеграмма со студентскаго обѣда была однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ знаковъ вниманія, какое было выражено юбиляру, вслѣдъ за извѣстіемъ о томъ пріятельскомъ праздникѣ въ газетахъ. Нѣсколько дней спустя

послѣ того, И. А. Гончаровъ обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ редактору газеты „Голосъ“:

„Въ „Голосѣ“ было извѣщено объ исполнившемся въ прошломъ 1882 году пятидесятилѣтій моей литературной дѣятельности и о привѣтствованіи меня по этому случаю небольшою группою лицъ, въ томъ числѣ и вами самими. Вслѣдъ за этимъ появились въ печати и устно слышались съ разныхъ сторонъ лестныя и драгоценныя для меня укоризны, обращаемаыя къ вышеозначеннымъ лицамъ, въ томъ, что о моемъ литературномъ пятидесятилѣтій не было оповѣщено въ публикѣ и что этотъ маленюкій праздникъ совершился въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ, какъ бы стихомолку, а не болѣе публично, какъ это обыкновенно дѣлается.

„Позвольте мнѣ черезъ вашу же газету эти, неправильно обрабаемыя къ означеннымъ лицамъ укоризны, направить на настоящій путь: онѣ всецѣло относятся ко мнѣ одному. Узнавъ сторону о намѣреніи нѣкоторыхъ литераторовъ устроить въ честь мою юбилейный обѣдъ, я обратился къ нимъ съ энергическою и убѣдительною просьбою, не только отмѣнить это намѣреніе, но и не прелевать его гласности. Меня къ тому побуждало, сверхъ собственнаго сознанія маловажности моего литературнаго значенія, еще особенно и состояніе моего здоровья, которое давно заставляетъ меня избѣгать многочисленныхъ собраний и всякихъ сильныхъ, хотя бы то и пріятныхъ впечатлѣній и ощущеній.

„Эта моя просьба была уважена, и рѣшено было, какъ я узналъ послѣ, сократить юбилейный праздникъ до размѣровъ обѣда въ тѣсномъ кругу около двадцати, болѣе или менѣе близкихъ мнѣ лицъ.

„Этому воспрепятствовала, какъ и было заявлено въ „Голосѣ“, внезапно постигшая меня, въ первыхъ числахъ декабря, болѣзнь глазъ, происшедшая отъ непрестаннаго чтенія, особенно при вечернемъ освѣщеніи. Однимъ глазомъ я совсѣмъ пересталъ видѣть, въ другомъ почувствовалъ боль. Это продолжается и понынѣ, несмотря на всѣ принатыя врачами мѣры. Мнѣ строго воспрещены чтеніе, писаніе и всякія сильныя волненія. Въ такомъ положеніи, конечно, всякія намѣренія почтить меня какими-нибудь торжественными выраженіемъ сочувствія, по случаю моего юбилея, должны были остаться только въ проектѣ. Затѣмъ произошло то, что вамъ очень хорошо извѣстно и что описано въ вашей газетѣ, т.-е. что нѣсколько участниковъ проекта, въ томъ числѣ и вы, зная о моей болѣзни глазъ, неожиданно для меня, почтили меня, въ послѣдній день прошлаго года, своимъ посѣщеніемъ и принеженіемъ подарка.

„Въ заключеніе я пріятнѣйшимъ долгомъ считаю засвидѣтельствовать здѣсь чувства величайшей моей признательности всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя уже выразили, и другимъ, которыя еще продолжаютъ выражать дорогое мнѣ сочувствіе къ моему перу. Къ сожалѣнію, я могу исполнить этотъ долгъ только печатно, limited возможности, по причинѣ означенной болѣзни глазъ, отвѣчать на посѣщенія посѣщеніями и на письменныя привѣты собственными письмами“.

Кто-то замѣтилъ, въ виду многочисленныхъ юбилеевъ, слѣдующихъ въ послѣднее время одинъ за другимъ, что выгоднѣе было бы намъ полагать основаніе будущимъ юбилеямъ, нежели праздновать юбилей того, что сдѣлано предшествовавшими эпохами. Это—справедливо, какъ справедливо и то, что лучше быть родоначальникомъ знаменитаго рода, чѣмъ послѣднимъ его потомкомъ, который можетъ только сказать одно, что его предки были знамениты. Конечно, реформы прошедшаго царствованія, и такіе года, какъ 1861, 1864 гг. и др., какихъ не мало было въ шестидесятыхъ и въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, дали много матеріала для будущихъ юбилеевъ—и краткосрочные уже наступили, но чтобы наше потомство могло дожить до полустолѣтнихъ и столѣтнихъ юбилеевъ этихъ годовъ—намъ необходимо теперь уже заботиться о ихъ тщательномъ охраненіи; между тѣмъ, если вѣрить вышеприведеннымъ словамъ г. Чичерина, — именно „охранители“—то у насъ и обрѣтаются не въ авантажъ: „вмѣсто стремленія къ охраненію,—говоритъ онъ,—столь недавно созданнаго, является стремленіе къ разрушенію; оно идетъ не только снизу, но и сверху“, т.-е. не только изъ среды темныхъ массъ, но и изъ среды мрачной интеллигенціи; современныхъ представителей ея въ печати нѣтъ надобности и называть—такъ хорошо извѣстны ихъ имена.

Этого же рода мысли приходили намъ въ голову, хотя и по другому поводу, когда намъ случилось въ первыхъ числахъ января посѣтить выставку ученическихъ работъ здѣшняго „Центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица“; по нашему мнѣнію, это училище и по замѣчательному своему вѣшнему устройству, и по размѣрамъ, а главное, по мысли, положенной въ его основаніе, было бы отнесено, во всякой другой столицѣ, къ числу того, что, напримѣръ, въ Берлинѣ, называется—*Sehenswürdigkeit*, достопримѣчательность; а, сказать мимоходомъ, у насъ едва-ли многіе посѣщали это учрежденіе, и если знаютъ, что нѣчто подобное и гдѣ-то въ Петербургѣ существуетъ, то болѣе потому, что въ свое время, лѣтъ пять тому назадъ, много толковали о колоссальномъ пожертвованіи барономъ Штиглицемъ цѣлаго милліона на основаніе рисовальной школы. Нынѣшняя выставка ученическихъ работъ въ этой школѣ, существующей уже три года, почти не привлекла вниманія печати, и кромѣ коротенькихъ репортерскихъ замѣтокъ по поводу ея открытія, мы не встрѣтили въ газетахъ ни одной сколько-нибудь обстоятельной статьи, которая познакомила бы публичу съ истиннымъ значеніемъ этой школы и съ первыми ея результатами. Между прочимъ, эта школа подаетъ поводъ сдѣлать еще одно наблюденіе надъ истиннымъ характеромъ нашихъ quasi-„охранителей“: они вездѣ

остаются вѣрными себѣ, идетъ ли дѣло о высшихъ, или просто матеріальныхъ интересахъ страны. На примѣрѣ послѣднихъ можно только осязательнѣе убѣдиться, въ чемъ именно состоитъ у насъ истинное различіе между консервативнымъ и либеральнымъ лагеремъ: и тѣ, и другіе, собственно могутъ быть названы охранителями, но различіе ихъ состоитъ въ предметѣ охраненія; одни охраняютъ личные интересы, другіе—общественные; первые называютъ себя охранителями *par excellence*, или консерваторами, а своихъ противниковъ именуютъ либералами; въ отношеніи же матеріальнаго порядка вещей, консерваторы являются протекціонистами (известно, кому и чему они покровительствуютъ), а вторые—фритредерами, „врагами народной промышленности“, хотя въ сущности они жаждутъ освободить народную промышленность отъ эксплуатаціи не только иностранной, но и внутренней; но консерваторы отождествляютъ одну послѣднюю съ народной промышленностью, хотя эту внутреннюю эксплуатацію можно было бы справедливо называть „народною промышленностью“ только потому, что народъ играетъ въ ней роль средства, а не цѣли.

По нашему мнѣнію, такая школа, какъ „Центральное училище технического рисованія“, гораздо лучше и вѣрнѣе охранитъ истинно-народные промышленные интересы, нежели любой самый охранительный тарифъ. Задача училища, какъ то выражено и въ самомъ уставѣ, заключается „въ содѣйствіи къ развитію художественныхъ способностей *въ промышленномъ и рабочемъ классахъ*“. Это-то развитіе художественныхъ способностей и дастъ нашимъ мануфактурамъ и строительству сознательныхъ исполнителей, съ индустріею, съ образованнымъ вкусомъ, однимъ словомъ, мастеровъ своего дѣла, и тѣмъ самымъ освободитъ насъ отъ зависимости, въ которую мы поставлены отъ иностраннаго производства и мастерства. Выставленные работы учениковъ вполнѣ доказываютъ, что школа существовала эти три года не даромъ; число посѣщающихъ ее съ десятиковъ, исторически она начала, возросло до 400—т.-е. далеко превысила тѣ размѣры, въ какихъ, повидѣнію, предполагалось ее вести. Между тѣмъ, около 400,000 р. ушло на возведеніе самого зданія и внѣшнее, дѣйствительно, превосходное устройство школы, съ значительнымъ музеемъ, съ столовою и кухнею, для снабженія дешевою пищею, и т. п. Затѣмъ, на содержаніе училища остается только 600,000, при штатѣ въ 40,000 ежегодно. Очевидно, что для возможности существованія хотя бы десятилѣтія своего существованія, это училище если пока не нуждается, то можетъ скоро нуждаться въ помощи и содѣйствіи, тѣмъ болѣе, что плата за пользованіе ею доведена до безпримѣрнаго минимума: 3 рубля въ годъ и

начальныхъ классахъ, и 12 рублей въ годъ—въ высшихъ. Петербургъ, безъ сомнѣнiя, служитъ однимъ изъ главныхъ центровъ промышленныхъ и мануфактурныхъ заведенiй; для многочисленнаго ихъ рабочаго класса такое училище имѣетъ громадную важность, и наше городское общество, конечно, не осудило бы своихъ представителей въ думѣ, если бы они, напримѣръ, взяли на себя хотя бы уплату за бѣдныхъ обучающихся въ этомъ училищѣ, и тѣмъ избавили его отъ необходимости освобожденiя отъ платы,—что хотя и полагается уставомъ, но можетъ практиковаться въ болѣе широкихъ размѣрахъ не иначе, какъ на счетъ бюджета школы.

Мы заключаемъ нынѣшнiй разъ свою хронику почти наканунѣ торжественнаго празднованiя столѣтняго юбилея дня рожденiя Жуковского. Въ газетахъ уже объявленъ порядокъ этого празднованiя на 29 и 30 января. Городская дума постановила болѣе прочно увѣковѣчить память поэта открытiемъ двухъ начальныхъ городскихъ училищъ его имени и сооруженiемъ ему бюста въ одномъ изъ городскихъ парковъ; сумма, вырученная отъ продажи изданiя книги К. К. Зейдлица: „Жизнь и поэзія Жуковского“—а именно 780 рублей, принята думою какъ фондъ для совершенiя этого дѣла. Но все это, по нашему мнѣнiю, не можетъ равняться съ тѣмъ памятникомъ, какой воздвигнулъ себѣ, такъ сказать, въ эти послѣдніе дни самъ Жуковский, благодаря данному Государемъ Императоромъ разрѣшенiю „Русскому Архиву“ издать ко дню юбилея письма Жуковского къ покойному государю, его питомцу. Между ними есть такія, въ которыхъ вся душа и сердце Жуковского отражаются, какъ въ зеркалѣ; изъ того, что было до сихъ поръ извѣстно о Жуковскомъ—можно было болѣе или менѣе догадываться о его превосходныхъ качествахъ, какъ человека; тутъ онъ является впервые самъ и говоритъ о себѣ, безъ всякаго желанiя рисоваться предъ современниками, такъ какъ письма его, адресованныя къ государю наследнику, естественно не могли быть опубликованы, и оставались дѣйствительно никому неизвѣстными до послѣдней минуты. Въ августѣ 1839 г. Жуковский писалъ, напримѣръ, поздравленіе съ днемъ ангела государю наследнику и прислалъ ему въ даръ стихи на Вородинскiй праздникъ; въ заключеніе письма, Жуковский говоритъ ¹⁾:

„Я съ вами разговаривалъ: матерія богата; но вы будете читать письмо мое въ день вашего ангела. Вы сами мой добрый ангелъ и добрымъ ангеломъ для всѣхъ стоите у трона отцовскаго, и такъ я

¹⁾ „Рус. Арх.“, 1888, I, стр. XXX.

все выскажу что рвется изъ души моей въ эту минуту. Еще быодно благое дѣло въ день Бородинскаго праздника: дѣло милосердія, прибавлю, и царской признательности, этому дню столь приличное! Въ Бородинѣ дрался Коновницынъ, а Коновницынъ былъ честию Русскаго войска. Дочь его ¹⁾ въ молодости дѣтъ выпила всю чашу горести за чужую вину; эта дочь умоляетъ Государа великодушнаго взглянуть съ благоволеніемъ на преступнаго мужа ея, который не жалѣлъ жизни въ сраженіи, чтобъ загладить вину свою и заслужить ту милость, которая уже была ему оказана по просьбѣ Наслѣдника Престола. Нарышкинъ представленъ за храбрость въ офицеры; быть можетъ, и рано еще получить ему эту награду; но день Бородинскій, день Бородинскій громко вопіетъ къ Царю: помини милосердіемъ храбраго Коновницына!

„Еще одно; но это уже въ Вородину не относится, а просто къ благостному сердцу нашего несравненнаго Государа, которое не разъ удалось мнѣ подсмотрѣть въ его прелестныя человѣческія минуты. Я видѣлъ въ Москвѣ Е. О. Муравьеву; ея положеніе на старости дѣтъ ужасно: оба сына, для которыхъ жила она, въ изгнаніи. Ни слова о ихъ преступленіи; но съ старшимъ сыномъ поѣхала въ Сибирь жена; онъ схоронилъ ее; на рукахъ его осталась дочь ²⁾; эта дочь чахнетъ: уже суровый климатъ нѣдѣлъ на нее разрушительное вліяніе; только перемѣна климата на болѣе теплый можетъ спасти бѣдную жизнь младенца. Отецъ наказанъ изгнаніемъ, строгій законъ удовлетворенъ. Къ этому наказанію судьба прибавила другое, быть можетъ, горшее: смерть жены, которая вся падаетъ на преступника-мужа. Вотъ уже два наказанія за одно преступленіе; но второе совершилось просто по волѣ судьбы: ничья другая воля не выѣхивалась въ приговоръ ея. Теперь изгнаннику грозитъ наказаніе третье: смерть дочери, и уже не одна судьба, а съ нею и приговоръ Государа должны рѣшить, умереть ли этому младенцу или нѣтъ. Не могу повѣрить, чтобы Государъ (если бы онъ это зналъ), Государъ, вѣжннй отецъ своихъ дѣтей на тронѣ, могъ не войти въ чувства отца, который все отецъ, хотя и колодникъ. Не могу повѣрить, чтобы въ наказанію закона, вполне справедливому, Государъ прибавилъ бы другое, тогда какъ здѣсь идетъ дѣло просто о человѣчествѣ, и благость не была бы нисколько въ противорѣчій съ строгостію правосудія. Муравьева, какъ я слышалъ, хочетъ просить великую княгиню Марію Николаевну о заступѣ за внучку ея предъ Государемъ Императоромъ, въ какую минуту! Когда великая княгиня сама готовится быть матерью. Это дѣло, безъ сомнѣнія, не дошло еще до свѣдѣнія Государа въ настоящихъ обстоятельствахъ. Поручаю его вамъ въ день вашего ангела.

„Дѣлайте изъ письма моего что хотите: если найдете нужнымъ, покажите его Государю Императору. Я знаю, что онъ, хотя бы и

¹⁾ Елизавета Петровна, супруга декабриста Михаила Михайловича Нарышкина. Жуковский видѣлся съ нею въ Сибири, въ 1837 году, и по ходатайству востанннхъ Нарышкинъ тогда же былъ опредѣленъ снова на службу рядовымъ на Кавказѣ. П. В.

²⁾ Софья Никитична, нѣдѣ вдова М. А. Бибикова. П. В.

не согласенъ со мною, одобрить тотъ языкъ, которымъ говорю съ вами.

„Мое государственное дѣло съ вами кончилось; но дѣло личное, дѣло вашей взаимной любви, которое началось отъ вашего младенчества и такъ постоянно продолжалось до этой минуты, кончится только съ моею жизнію. Вѣрность моя вамъ должна теперь состоять въ томъ, чтобы я безъ оглядки передавалъ вамъ тѣ чувства и мысли, кои будутъ мнѣ казаться правдою. Другой дани приносить вамъ не могу; но эта дань святая. Знаю, что ваше сердце моему родное, что мое всегда найдетъ въ вашемъ отголосокъ. И въ этомъ-то чистомъ сношеніи любви и правды будетъ отнынѣ моя связь съ Наслѣдникомъ Престола. Ни къ кому изъ постороннихъ не можете вы имѣть того отношенія, какое имѣете ко мнѣ: оно просто человѣческое. Не бойтесь съ моей стороны никакой излишней короткости; у меня на это вѣрное чувство; но границы, отдѣляющія отъ васъ другихъ, не могутъ и не должны быть моими границами: я къ вамъ ближе не по чину, а по всему нашему прошедшему, налагающему на васъ такіа обязанности ко мнѣ, которыхъ вы ни къ кому имѣть не можете и отъ которыхъ и высокій санъ васъ не избавляетъ. И чѣмъ болѣе—и наединѣ, и въ присутствіи другихъ—будетъ нѣжности и внимательности отъ васъ ко мнѣ, тѣмъ болѣе возвыситесь вы и въ самомъ себѣ, и во мнѣніи другихъ. Это не будетъ уступкою ненарушимыхъ правъ вашего сана, это будетъ высокое достоинство, чело-вѣка; а чело-вѣкъ во всякомъ санѣ есть главное. Не знаю, почему все это сказалось въ эту минуту; но я могу говорить съ вами о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, и надѣюсь, что вы въ томъ, что сказано мною теперь, не найдете ничего похожего на самохвальную взыскательность. Но довольно.

„Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ въ день вашего ангела, и для меня будетъ великимъ счастьемъ, если этотъ ангелъ, нѣкогда ангелъ-хранитель всей Россіи, благословитъ успѣхомъ тѣ желанія, которыя позволилъ я себѣ такъ искренно выразить въ письмѣ своемъ“.

Отъ редакціи. — Въ началѣ января, въ редакцію поступили 25 рублей, въ пользу врачебныхъ женскихъ курсовъ, собраніе г. О. Щербакомъ, въ г. Лебединѣ, отъ нижеслѣдующихъ лицъ: г-жа Влм. 3 р., Соколовская 1 р., Сассе 3 р., Милостанова 1 р., Зильберникъ (врачъ) 6 р., Потоцкій 5 р., Бурдюговъ 3 р., Смаковскій 1 р., Щелкуновъ 1 р., Зилотскій 1 р. — а всего: 25 рублей, которые и переданы нами въ здѣшнюю городскую Управу.

ПОПРАВКИ:

Авторъ повѣсти: „Итоги жизни“ просить насъ исправить слѣдующія, по его мнѣнію, важныя погрѣшности, вкравшіяся въ текстъ его повѣсти въ январской книгѣ:

<i>Стран.</i>	<i>строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ:</i>
141	2 св.	тысячъ рублей, уплачиваемыхъ	тысячи рублей, уплачиваемой
149	9 „	привѣтствовали ихъ	привѣтствовали имъ (?)
150	8 „	gispondii	gispondil
161	10 „	одинъ изъ вѣчно одержимыхъ	одинъ изъ тѣхъ, вѣчно одержимыхъ
166	11 „	спеленованъ	спеленать (?)
171	3 „	оно оказывалось и здѣсь; но послѣдніе	оно оказывалось здѣсь; послѣдніе
175	3 „	не приходило	не приходила
177	8 св.	ему пришлось видѣть	пришлось видѣть
178	20 „	съ короткими	съ кроткими
180	21 „	мамаша	тамаш
187	6 „	предоставлялась	представлялось
„	5 „	въ эполетахъ	съ эполетами

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1883.

Книга первая.—Январь.

	стр.
Новыя строфы изъ „Евгенія Онегина“.—А. С. ПУШКИНА	5
Клара Милнцъ.—Ив. С. ТУРГЕНЕВА	13
Пээнца.—Стих. С. АНДРЕЕВСКАГО	63
Народная школа подъ Москвою.—Опытъ обработки школьной статистики.—I-VI. —В. СКАЛОНА	65
Итоги жизни.—Повѣсть.—Книга первая: Опасно люди.—Первая часть.—П. М. КОВАЛЕВСКАГО	123
Помещичья совѣстливость въ теоріяхъ экономистовъ и социологовъ.—Критиче- скій этюдъ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	200
Три зятя.—Изъ Сирокомли.—И. П. И.	250
Русская общественная жизнь въ сатира Салтыкова.—I. Дореформенная Рос- сія и эпоха первыхъ преобразованій.—В. К. АРСЕНЬЕВА	262
Наша коса на камень.—Сцены и характеры изъ романа Брауновъ.—О. П.	292
Хроника.—Новѣйшія сельско-экономическія условія.—Ө. Ө. ВОРОПОНОВА	339
Внутреннее Овозраженіе.—Настроеніе общества на рубежѣ двухъ годовъ.—Во- просы о самоубійствѣ и о либерализмѣ; необходимость другой ихъ по- становки.—Характеристическія событія прошедшаго года, въ связи съ видами на будущее.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Еще нѣ- сколько словъ о проектѣ уголовного уложенія	365
Письма изъ провинціи.—Саратовъ.—Н. И.	379
Слѣдствіе и судъ надъ польскими повстанцами въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863—64 гг.—По официальнымъ документамъ.—Е. Л.	388
Иностранное обозрѣніе.—Особенности и послѣдствія вооруженнаго мира.—Внут- ренняя политика въ европейскихъ государствахъ.—Полемика въ нѣмец- кой печати и дипломатическія разоблаченія.—Отношенія между Россією и Германією.—Германскія дѣла.—Законъ о социалистахъ, и республи- канцы въ парламентѣ.—Аристократическій социализмъ въ Австріи.— Колоніальная политика Франціи и французскіе финансы.—Рѣчь лорда Дерби и египетскій вопросъ.—Письмо Араби-паши.—Министерская ко- медія въ Константинополѣ и ея печальныя причины	400
Либералы и либерализмъ въ западной Европѣ.—Нѣсколько словъ по поводу на- шихъ недоразумѣній.—Л. С.	420
Луи-Бланъ.—Биографическій очеркъ.—З.	430
Литературное Овозраженіе.—А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, А. Незеленова.—В.— „Кіевская Старина“, 1882 г.—Юбилейныя изданія Московскаго Публич- наго и Румянцовскаго Музея.—Н.	440
Изъ Овдѣственной Хроники.—Новый годъ и старое вопросы.—Толикъ въ печати о старообрядцахъ.—„Безъобрядство“ и старообрядство.—Процессъ на югѣ Россіи по преступленіямъ въ дѣлахъ вѣры.—Слово пресв. Анваріоса о любви и стремленіяхъ нашего времени.—Пренія въ петербургской думѣ о городскихъ налогахъ.—Замѣтка на замѣтку „Московскихъ Вѣ- домостей“	451
Столѣтній юбилей рожденія В. А. Жуковскаго.—М. С.	468
Библиографическій листокъ.—Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вязем- скаго, т. VIII.—Сочиненія Лермонтова, 5-ое изданіе.—Рукописи Архео- графической Коммиссіи, Н. Барсукова.—Изъ міра великихъ преданій. В. Острогорскаго.—Отважная охотница, Майнъ-Рида, пер. С. Макаро- вой.—Новинка, рассказы для дѣтей С. Макаровой.	

Книга вторая.—Февраль.

стр.

Итоги жизни.—Повѣсть.—Книга первая: Опасные люди.—Вторая часть.—П. М. КОВАЛЕВСКАГО.	473
Новѣйшія изслѣдованія русской народности. — I. Этнографическіе элементы въ литературѣ отъ Пушкина до 50-хъ годовъ.—А. Н. ПЫПИНА	599
Стихотворенія.—I. Мечтателю.—II. Сердце больное.—Д. ЛИТОШЕНКО.	640
Нимолки.—Очерки изъ области русскаго народнаго сектантства.—А. С. ПРУГАВИНА	643
Изъ А. Мюссе.—Не забывай.—Ө. Ч.—СКАГО	672
Наша скульптура за послѣдніе 25 лѣтъ.—В. Д. СТАСОВА	674
Русская общественная жизнь въ сатиру Салтыкова.—II.—Конiecъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА	707
Символизмъ въ правѣ.—Изъ сравнительной исторіи культуры.—М. КУЛИШЕРА	743
Повѣсти-пародіи Бретъ-Гарта.—Съ англійскаго.—I-VII.—Е. А.	773
Неизданныя стихотворенія В. А. Жуковскаго.—Сообщ. П. А. ВИСКОВАТЫЙ.	806
Двадцать-девятью января 1783—1888.—Я. П. ПОЛОНСКАГО.	818
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Общая характеристика нашего финансоваго положенія и виды въ ближайшемъ будущемъ.—Отчетъ главнаго тюремнаго управленія, въ его связи съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія.—Сѣмья города С.-Петербурга.—Сотрудничество чиновниковъ въ періодическихъ изданіяхъ.—Ассентизмъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ.	824
Нашъ государственный бюджетъ и его паденіе.—F.	826
Иностранное Овозраженіе.—Французская, англійская и нѣмецкая печать о Гамбеттѣ.—Г. Аксаковъ и его разоблаченія относительно Гамбетты.—Роль Гамбетты во французской и европейской политикѣ.—Его жизнь и дѣятельность при второй имперіи.—Эпоха національной обороны и важность ея для республики.—Образъ дѣйствія Гамбетты въ послѣдніе годы.—Значеніе его смерти для Франціи.—Манифестъ принца Наполеона и министерскій кризисъ	826
Литературное Овозраженіе.—Сочиненія Пушкина, изд. восьмое.—Н.—Эммануилъ Бенъ-Сіона, Еврей-реформаторы.—М. Филиппова, Русско-еврейскій вопросъ. Ч. I.—Autoemancipation, von einem jueden. Juden.—K.	826
Замѣтка.—Новѣйшая судьба санитарнаго вопроса ученыхъ заведеній въ Россіи.—А. М.	874
Изъ Общественной Хроники.—Толки въ печати по поводу слуховъ о проектѣ университетскаго устава.—Противорѣчіе въ нихъ мотивовъ съ результатами.—Двойная задача университетскаго преподаванія, по предположенію газетъ.—“Татьянинъ день” въ Москвѣ, и внутреннее противорѣчіе въ рѣши г. Чичерина.—Слово его въ пользу значенія устава 1863 г., и противъ какого-бы то ни было значенія уставовъ вообще.—Пятидесятилѣтне литературной дѣятельности И. А. Гончарова.—Центральное училище техническаго рисованія бар. Штиглица.—По поводу столѣтняго юбилея Жуковскаго, и его письма къ покойному государю	882
Отъ редакціи.—Списокъ лицъ, жертвующихъ въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ	902
Вѣдомствѣнскій Листокъ.—Жизнь и поэзія Жуковскаго, К. К. Зейдлица.—Русско-еврейскій Архивъ, изд. С. Бершадскій.—Ферменты и болѣзнь, Е. Дюло, пер. Шмулевичъ.—Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми, Гетца, пер. Н. Воронихинъ.—Третье прибавленіе къ росписи книгамъ магазина И. И. Глазунова, состав. В. Межковъ.	

нижний складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иностраннѣмъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 92. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 92.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

Б. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропология. Введеніе къ изученію еловѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Ивина. 78 рисунками къ текстѣ. Сиб. 1882 г. 3, съ пересылкою.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Дж. Дил. Дрэнера. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыина. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 5 к.

Краткое ученіе о Богослуженіи православной церкви. Составилъ Григорій ельцовъ. Сиб. 1883 г. Ц. 5 коп.

Начало цивилизаціи. Сэръ Джона Эббоксъ. Умственное и общественное состояніе дикарей. Переводъ съ третьяго (дополненнаго) изданія подъ редакціей Д. А. Оротева. Съ таблицами и рисунками къ текстѣ. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 90 к.

Наши новые христіане. Ф. М. Достоевскій и гр. Левъ Толстой. К. Леонтьева. По поводу рѣчи Достоевскаго на празднѣшъ Пушкина и повѣсти гр. Толстаго "Чѣмъ люди живы". Москва 1882 г. Ц. 1 коп., съ пер. 75 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. ерберта Спенсера. Перев. съ англійск. Сиб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи "Сравнительная психологія челоѣка" Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Сиб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Положеніе между греками и латинянами въ вопросу объ оръжіевохъ въ XI—XII

вѣкахъ. Опытъ историческаго изслѣдованія Михаила Чельцова. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Братья Карамазовы. Романъ въ двухъ томахъ, въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Сиб. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 6 руб.

1. Берегъ чернаго дерева. 2. Песчаный городъ. Луи Жаколио Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антона Троллопа (переводъ съ англійскаго). Сиб. 1873 г. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

Большой Ренизь. Романъ изъ коммерческой жизни евреевъ Л. О. Леванды. Сиб. 1881 годъ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Большая медвѣдица. В. Крестовскаго (псевдонимъ). Романъ въ пяти частяхъ, въ двухъ томахъ. Изданіе третье. Сиб. 1883 г. Ц. за оба тома 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Братья Рамулы. Современная повѣсть І. И. Крашевскаго. Переводъ съ польскаго Ф. Августиновича. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Въ камняхъ. Повѣсть Н. Н. Карзинна. Съ 39-ю рисунками автора. Второе изданіе. Сиб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Воспоминанія дедабрита о пережитомъ и пережитомъ 1805—1850 А. Бѣляева. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

*) Книжки, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны въ каталогѣ.

Внѣ общественныхъ интересахъ. Романъ П. Лѣтнева. Сиб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Время покажетъ. Романъ М. Нотли. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Сиб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Двуногіи волки. Романъ въ двухъ частяхъ. Н. Н. Карзинна. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Десяносто-третій годъ. Виктора Гюго, въ двухъ томахъ. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Дмидо и энциклопедисти. Джона Морлея. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія. В. Н. Невѣдомскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дѣло Маталана. Фортине-дю-Буагобей. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Дневникъ монаха-Бернардина. Сочиненіе Игн. Ходзько. Переводъ съ польскаго. Изданіе Вл. И. Веселовскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Дѣти герцога. Энтони Троллопа. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 3 р.

Дворянскіе-столичные. Э. Берте. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. Т. VII. Кондорсэ. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. Вып. IX. Петровій. Сиб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Его превосходительство Еженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ второй французской имперіи. Эмиля Золя. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес.

Завѣщаніе. Изъ воспоминаній старой женщины. Е. Н. Ахматовой. Сиб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Загадочныя происшествія въ Герондаискомъ замкѣ. Т. У. Снейта. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Залиснн охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и рассказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ календарномъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Залиснн военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. К. Гирса. Сиб. 1872 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Шичина и В. Д. Синасовича. Изданіе

второе, вновь переработанное и дополненное. Сиб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ пер. I. Ц. 3 р., съ переслитою.

Исторія классическаго періода древней литературы. Дж. П. Магаффи. Римъ. Александры Веселовской. Т. I. Изд. Москва. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Исповѣдь старика. Романъ Ипполита Ньвео. Переводъ съ итальянскаго. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Изъ деревни II писатъ (1872—1882) А. Н. Энгельгардта. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Изъ стараго и новаго. (Очерки, наброски) Г. Г. Успенскаго. Сиб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Малевала, Филаскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Росинини даніе съ пятью картинками. Сиб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ перепл. 3 р. съ перес.

Княжна Острожская. Историческая повесть. Въ двухъ частяхъ. Всенедора Соловьева. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Картины домашнего воспитанія. Историческіе этюды. А.—вой. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ переслитою.

Капитанъ гренадерской роты. Хроника XVIII вѣка. Въ двухъ частяхъ. Всенедора Соловьева. Второе изданіе. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Касимовская повѣсть. Историческая повесть въ трехъ частяхъ. Всенедора Соловьева. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти актахъ. Н. А. Потѣхина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Монтенеро. Густавъ. 2 Залиснн начальнаго охраннаго времени второй имперіи. Клода. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Наводненіе. Романъ Всенедора Соловьева. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Намтронія мистера Стэнли. Романъ. Рика-Вильяма Робинсона. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Неугасимое сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочиненіе графини. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Одинъ въ вѣтѣ — на острѣ. Фр. Шиндлагена. Съ предисловіемъ Г. К. Сиб. 1874 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Оно за оно. Школа романа. Энтони Троллопа. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Парижскія письма. Изъ писемъ. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

1875—1877 г. Эмilia Зола. Второе издание. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Письма къ тетенькѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пер. 25 коп.

Полеты, очерки и рассказы. Всеволода Крестовскаго. — Третье издание. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 20 коп.

О неволѣ: Романъ Ф. Ф. Монигетта. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. Подростокъ. Романъ въ трехъ частяхъ М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

1. Поиски въ разныхъ странахъ мѣсяца. Романъ неизвѣстнаго автора. 2. Переплоды. 3. Исторія духовнаго заступничества. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 20 коп.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого съ портретомъ, факсимиле и автографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к. Въ четыре тома 7 р. съ пересылкою. Въ переплетѣ, съ тисненіемъ, о томъ 10 рублей съ пересылкою.

Признаніи времени и письма о прощаніи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Полное собраніе стихотвореній князя Александра Ивановича Одоевскаго (Дегаяста). Собралъ баронъ Андр. Евг. Розенъ. Дополненіями и примѣчаніями издателя. Съ портретомъ и факсимиле князя А. И. Одоевскаго. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 1 р.

Полное собраніе сочиненій Давида Барбаро. Переводъ Н. Зибера. Съ приложеніями переводчика. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Потерянный и возвращенный рай. Поэмы Готфрида Милтона, съ 50-ю картинками автора Дорэ. Переводъ съ англійскаго Шулъговской. Съ подстрочными англійскими текстами. Спб. Ц. книги въ переплетѣ 25 руб., съ пер. 30 р. въ переплетѣ съ юткими обрѣзкомъ 30 р., съ пер. 35 р.

Сатиры въ прозѣ. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. Спб. 81 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. Сергей Горбатовъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка, Всеволода Соловьева. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

1. Сено Кабраль. Густава Эмара. Исторія одной лариманни. Октава Милье. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Скобелевъ. Личныя воспоминанія и

впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченка. Съ 4-ми гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Сломанный вѣтеръ. Арсена Гуссе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Спартакъ. Историческій романъ Рафаэля Джіованніолі. — Переводъ съ Итальянскаго. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сочиненія Аленстія Потѣхана въ семи томахъ. Спб. 1878 г. Цѣна всѣхъ томовъ 7 р., съ перес. 9 р.

Сочиненія М. С. Никитина съ его портретомъ, fac-simile и биографіей составленной и вновь исправленной М. О. Де-Пуле—въ двухъ томахъ. Изданіе второе. Москва 1878 г. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к., съ перес., 4 р.

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова, съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Сочиненія О. М. Рѣшетинова. Изданіе К. Т. Солдатенкова съ портретомъ автора, въ двухъ томахъ. Москва 1874 г. Ц. за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 коп.

Трагическое наслѣдство. Контона Геру. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Терновый замокъ. Преступленіе Марселя Луи Ульбаха. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Убѣжище Монрепо. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Оглавленіе: Общій обзоръ.—Тревоги и радости въ Монрепо.—Монрепо-уснильница.—Finis Монрепо.—Предостереженіе. Изданіе второе. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. съ перес.

Узорочная нестрида. Сергія Атавы (С. Н. Терпигорева). Спб. 1884 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Характеръ. Соч. Самуэля Смайльса. Переводъ съ англійскаго С. Майковой. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Царь-дѣвица. Романъ-хроника XVII вѣка. Въ трехъ частяхъ Всеволода Соловьева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Черная яса. Уильямъ Коллинзъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

*

III. ИСТОРИЯ—БЮГРАФИЯ—ЭТНОГРАФИЯ.

Автобиография Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Б. Благосвѣтлова. Сиб. 1874 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Возвращеніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ проф. Л. А. Корсакова. К. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Древнѣйшая исторія учреждений Св. Генри. С. Мэна. Переводъ съ англійскаго А. П. Назимова. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Жизнь европейскаго народа. Е. Н. Водовозовой. Т. I. Жители Юга. Съ 26 рисунками худ. Васнецова и Голембювскаго. Т. II. Жители Сѣвера. Съ 24 рисунками Васнецова и Панова. Сиб. 1881 г. Цѣна каждаго тома по 3 р. 75 коп.

Жизнь и политика маркиза Влѣпольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Спасовичъ. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкой.

Исторія крестьянской войны въ Германіи, по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Д-ра В. Циммермана. Переводъ подъ редакціей В. Зайцева. Въ трехъ томахъ. Сиб. 1865 г. Ц. трехъ томовъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семеновскаго. Т. I. Сиб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Комедія асамірной исторіи. Іоганна Шерръ. Историческій очеркъ событій съ 1848 по 1851 годъ, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Сиб. 1872 г. Ц. обоимъ выпускамъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ксенія Ивановна Романова. (Великая старца-инокиня Марфа). И. П. Хрущова, съ портретомъ Ксеніи Ивановны Романовой. Изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Математическіе таланты. П. Литвинскаго. Сиб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Очерки изъ церковной исторіи Западныхъ Славянъ. Антона Будиловича. Нѣсколько критическихъ замѣчаній на латинскую легенду о пражскомъ епископѣ Войтѣхѣ. Варшава. 1880 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Антона Будиловича. Исследование въ области лингвистической палеонтологіи славянъ. Киевъ. 1882 г. Ч. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к. Ч. II, в. I. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св.

Владимира X—XVI-е столѣтія. Ц. 2 р. съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Предисловіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣ три тома выпускаютъ 7 р. съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Сильчикова. Т. I. Съ портретами императрицы Елисаветы, графа А. Е. Разумскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумской (казачка Разумиха). Графа А. К. Разумовскаго. Т. III. Съ портретами сына Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 8 р.

Современные политическіе дѣятели. Историческіе очерки и характеристическіе Редлю. Сиб. 1876 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Н. Д. Ушинскій. Краткій историческій очеркъ съ гравированными портретами. Составилъ А. Фроловъ. Сиб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Чарльзъ Дарвинъ и его ученье. Популярныя очерки. Проф. К. Тарасова. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

IV. ГЕОГРАФИЯ—ТОПОГРАФИЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Курсъ топографіи или низшей топографіи. Составилъ С. Бѣлкковъ. Въ трехъ частяхъ.—Ч. I. Введеніе, черченіе, измереніе и пользованіе ими; ч. II. Инструментальная съемка; ч. III. Глазомерная съемка. Съ чертежами въ текстѣ. Москва. 1878 г. Ц. за всѣ три части 2 р. 70 к., съ пер. 3 руб.

Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. черезъ Сибирь, Монголію, Восточную Сибирь и Северо-Западный Китай. Академикъ члена экспедиціи П. Я. Козловъ. Въ двухъ томахъ съ картою и рисунками автора. Изданіе второе. Москва. 1878 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 6 р.

Путешествіе по Востоку и Средней Азии въ свѣтъ Великаго князя Николая Николаевича въ 1872 году. Д. А. Баркова. Съ многими рисунками художника И. Макарова. Сиб. 1881 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 6 р. 50 к.

Путешествіе русскаго путешественника Авгангистану и Бухарскому ханству въ 1879 гг. Изъ дневниковъ д-ра А. А. Костомарова. Въ двухъ томахъ. Съ многими рисунками и портретами, картами и

посольства. Спб. 1883 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 6 р.

Зиспедиція въ Китай 1874 — 75 гг. генеральнаго штаба полковника Ю. А. Соконовскаго. Томъ первый, часть I. Съ картою. Москва. 1883 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

У. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Деревенскія общины на Востокъ и Западъ. Шесть лекцій Генри Сомнера Мэна, съ приложеніемъ статьи Джона Стварта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Н. С. Кутейникова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Крестьянскій вопросъ. Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: „Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года“. Ю. Э. Яисонъ. Изданіе второе. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лаволе. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. А. Антоновича. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГКИ.

Бережливость Самуилъ Смайльсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею И. С. Кутейникова. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Галль. Сценн изъ римской жизни временъ Августа. В. А. Беккера. Спб. 1876 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Донъ-Кихотъ Ламаицскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Перевѣдено по Сервантесу для русскаго юношества О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ 6-ю хромофотографированными рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

Дѣт ели. Разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Москва. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Дѣтскій маснарадъ-австринецъ. Перевѣдка съ англійскаго Н. Азбелева. Съ 16 рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Дѣтство великихъ полководцевъ. Историческіе разсказы Евгениі Фоа. Съ 8-ю литографированными картинками Спб. 1875 г. Ц. книги въ пересл. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Дочь египетскаго царя. Историческій романъ Эберса, разсказанный для юношества. О. Шапиръ. Со многими рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

Живое слово. Пособіе для нагляднаго обученія въ семьѣ и школѣ. Обработала по штабу О. И. Шмидтъ. Рисунки исполнены Г. Фишеромъ и Н. Н. Каразиннымъ,—выпускъ третій. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 3 руб.

Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей Е. Н. Водовозовой. Съ 16-ью рисунками художниковъ Панова и Макарова. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 75 коп.

Исторія знаменитаго Донъ-Никота Ламаицскаго. Переведена подъ редакціею М. Чистякова. Съ 64 рисунками. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Изъ міра великихъ преланій: Роландъ, изъ древней французской поэмы (съ рисункомъ). Король Ларъ (по Шекспиру). Зимняя сказка (по Шекспиру съ рисункомъ). Вильгельмъ Телль (по Шиллеру), Цинни (по Теодору Кернеру, съ рисункомъ). Разсказы для юношества Виктора Острогорскаго. Изящное изданіе, съ красивой виньеткой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Какъ надо жить, чтобы счастливымъ быть. Составлено по Смайльсу В. Габбе. Спб. 1882 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Катаномбы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгениі Туръ. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Ключъ къ русскимъ управленіямъ практическаго руководства для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Массонъ. Примѣнительно къ послѣднему изданію руководства. Пособіе для самообученія. Спб. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Лекціи зоологій проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Сямопова. Предисловіе И. Р. Тарханова. Анатомія и физиологія. Съ 403 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Лиса Патрикѣвна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста А. М. Славянскаго. Съ рисунками Ив. Ст. Панова. Спб. 1883 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Маленькіе мужчины. Сочиненія Лукзы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго Ольги

Бутеневой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к., въ перепл. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Новинки. Рассказы для дѣтей младшаго возраста. Софія Макаровой. Съ раскрашенными картинками въ текстѣ. Спб. Ц. книги въ пяти 1 р., съ пер. 1 р. 30 коп.

Объясненіе смысла вѣры, молитвъ и заповѣдей. Для руководства при изученіи закона въ начальныхъ народныхъ, городскихъ училищахъ и въ приготовительномъ классѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ свящ. Григорій Чельцовъ. Изданіе седьмое. Спб. 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.

Общественная геометрія. Съ 143 чертежами и 204 задачами въ текстѣ. Составилъ В. Потоцкій. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 коп.

О дѣтихъ не для дѣтей. Шесть рассказовъ Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). Съ 118 рисунками и вѣнчиками Н. Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.

„Отъ бревенчатой хижины до бѣлаго дома“. Жизнь Джемса Гарфилда. Составлено по Тэйлеру Е. А. Сисоевой. Съ портретомъ и тремя отдѣльными картинками Н. Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. книги въ пяти 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 55 коп.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верне. (Переводъ съ французскаго). Спб. 1868 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп.

Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Составилъ В. Латышевъ. Часть 1-ая: Государственные и военные древности. Одобрено ученымъ Комитетомъ М. Н. П. въ видѣ пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій. Вильна. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Отвѣсная ехетика. Соч. Майнъ-Рида. Переводъ С. Марковой съ четырьмя раскрашенными рисунками. Спб. 1883 г. Цѣна въ пяти 2 рубля съ перепл. 2 р.

Пѣсна про юнца Малашинова. М. Ю. Лермонтова. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 коп.

Популярная физика А. Гаме. Перевелъ съ 8-го французскаго изданія Ф. Павленковъ. Къ руководству приложено 604 полнѣйшаго, раскрашеннаго рисунка солнечнаго спектра, болѣе 200 практическихъ вопросовъ, очеркъ метеорологическихъ явленій и краткія свѣдѣнія изъ химіи. Третье изданіе. Дополненное 220 новыми рисунками и соотвѣствующимъ количествомъ из-

мѣній и прибавленій въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Повѣсти М. М. Карамзина. Съ историческимъ очеркомъ, литературною биографіею и портретомъ автора. М. М. Карамзинъ. Спб. 1883 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 к.

Путешествіе д-ра Гулливера въ страны лилипутовъ и въ великаны. По Свифту переиздано для русскаго издательства О. И. Шиндтъ-Москвитинновъ. Съ 12-ю литографированными рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 руб.

Рассказы изъ народной жизни дѣтей младшаго возраста. И. Карловичъ. Съ картинками рисованными М. Остроумнымъ. Спб. 1883 г. Ц. 45 к., съ пер. 55 к.

Разговоры матери съ дѣтми о жизни и вѣдѣ. Переводъ съ седьмого англійскаго изданія С. Беткеръ. Спб. 1875 г. Ц. книги въ перепл. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка тѣмъ Де-Восъ. Съ картинками и 35 полнѣйшими рисунками на мѣдн. въ лейпцигѣ. Второе изданіе. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб. съ перепл. 3 руб.

Русскими дѣтми изъ сочиненій Достоевскаго. Издано подъ редакціей О. О. Миллера. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Рассказы изъ народной жизни, собранные изъ подбора русскихъ пословицъ, прибаутокъ, поговорокъ и примѣтъ. Остроумскій. № 1 Титъ. — № 2 Малашиновъ. № 3 Вавило. Спб. 1883 г. Цѣна каждой книжки 10 к., съ пер. 15 к.

Рѣшенія арифметическихъ задачъ, собранныхъ въ собраніи арифметическихъ задачъ по Грубе. Составилъ В. Волкен. Спб. 1876 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Руководство къ арифметикѣ. В. Волкенъ. Дѣдическое новое изданіе. Спб. 1883 г. Ц. 80 к., съ пер. 75 к.

Родная старина. Отечественныя въ рассказахъ и картинкахъ. Сочинилъ Синоускій. Т. 1. Второе дополненное изданіе съ IX по XIV ст. — Т. II съ XVII ст. Съ полнѣйшими рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русскими дѣтми изъ сочиненій Достоевскаго. Издано подъ редакціей О. О. Миллера. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Русскими дѣтми изъ сочиненій Достоевскаго. Издано подъ редакціей О. О. Миллера. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Русскими дѣтми изъ сочиненій Достоевскаго. Издано подъ редакціей О. О. Миллера. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Русскими дѣтми изъ сочиненій Достоевскаго. Издано подъ редакціей О. О. Миллера. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Виктора Острогорскаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Сборникъ ариметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данные преимущественно изъ сельскаго быта, съ краткимъ повторительнымъ курсомъ ариметики цѣлѣмъ чиселъ для начальнаго преподаванія въ народныхъ училищахъ. Составилъ Т. Лубенецъ. 1727 задачъ и болѣе 4000 численнѣйшихъ примѣровъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Сказка о челѣ-мохнатѣ В. П. Авенариуса. Разсказъ для дѣтей, удостоенный преміи. Спб. Фребелевскаго общества. Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 50 к. съ пер. 60 к.

Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Сочиненіе Евгени Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Саша. Дѣтскій разсказъ изъ „Родного бита“. Съ тремя хромолитографированными картинками. Москва. 1882 г. Ц. книги 60 к., съ пер. 70 к., въ папѣ 70 к., съ пер. 80 к.

Сонъ. Разсказъ для дѣтей Н. Г. Вучетича. Москва. 1881 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 коп.

Сказки для дѣтей Уйда. Переводъ съ англійскаго В. Гаршина, А. Каррикъ, В. Равцова, М. Цибриковой, Л. Шелгуновой. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. книги въ папѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сказки и разсказы для дѣтей. Надежды Крыловой. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказки профессора З. Топеяуса. Спб. 1882 г. въ папѣ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Уроки элементарной физиологій. Т. Г. Гексли. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей И. А. Петрова. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 политинажей. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Физиологія Фостера. Переводъ съ англійскаго О. В. Поповой. Съ 19 рисунками. Спб. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Харилъ. Сценія изъ жизни древнихъ грековъ. В. А. Беккера. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Хитина дяди Тома. Повѣсть для дѣтей Бичеръ-Стоу. Съ хромолитографированными картинками. Москва. 1882 г. Цѣна книги въ папѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Чтеніе для народа. Выпускъ I А. С. Пушкинъ. Составилъ Н. Ф. Сумцовъ. Харьковъ. 1882 г. Ц. 5 коп.

Чудесныя приключенія барона Мюнхгаузена, разсказанныя дѣдушкою своимъ вну-

камъ. Передѣлано для русскаго юношества О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ 6-ю хромолитографированными рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 руб.

Что комната говоритъ. Разсказъ для дѣтей. В. П. Авенариуса. Удостоенный первой преміи. Спб. Фребелевскаго общества. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60.

Шаринъ. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста В. Н. Куликовой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

75 разсказовъ для дѣтей младшаго возраста составлены по Фр. Гофману С. Макаровой. Спб. Цѣна книги въ папѣ 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Исслѣдованіе въ области русскаго грамматикѣ. А. Соболевскаго. Варшава. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Начертаніе церковнославянскій грамматикѣ, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственнѣхъ языковъ. Антона Будиловича. Варшава 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Очеркъ исторіи колдовства въ западной Европѣ. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ. 1878 г. Ц. 80 коп., съ пер. 40 коп.

Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. Составилъ И. В. Ягичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскіхъ. Н. Ф. Сумцовъ. Харьковъ 1881 г. Ц. 1 р. 20 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Опытъ объясненія обычаевъ (индо-европейскихъ народовъ) созданныхъ подъ вліяніемъ мѣа. Сочиненіе І. Манделъштама. Часть I, Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 коп.

Славянскія нарѣчія. Статьи профессора Гебауера. Переводъ и примѣчанія А. Степовича. Кіевъ. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Собораніе памятниковъ народнаго творчества и южныхъ и западныхъ славянъ. Владиміра Иваница (библіографическое обозрѣніе). Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 коп.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Высшая алгебра. Часть первая. Решение численных уравнений Ю. Сохоцкого. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 коп.

Курс аналитической механики. Составил Д. Вобилевъ. II. Часть кинетическая. Выпуск второй. Механика системъ, составленных изъ материальныхъ точекъ. Съ 2-мя таблицами чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 80 коп., съ пер. 2 р. 60 коп.

Начала начертательной геометрии, теории тѣнъ и линейной перспективы. Съ приложениемъ чертежа кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ съ 7-ю таблицами чертежей. (Для реальныхъ и техническихъ училищъ). Составилъ А. Пальшау. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГИЯ — МЕДИЦИНА.

Анатомическія основы учения о душевныхъ болѣзняхъ. Составилъ Н. Р. Пастернакій. Спб. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

Вопросы общественной гигиены. В. Португалова. Спб. 1873 г. Ц. 3 р., съ пер., 3 р. 50 к.

Гниеніе и зараза по отношенію къ веществамъ, находящимся въ воздухѣ. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастера о прививкѣ по отношенію къ курьей холерѣ и сибирской язвѣ. Исслѣдованія д-ра Коха объ этиологіи бугорчатки (рефераты). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 политипажными въ текстѣ, 2 фототипами и 12 таблицами фототиповъ. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Значеніе и опасности антисептики съ нѣкоторыми замѣчаніями объ ея употребленіи въ полевой хирургіи. Читано въ заведеніи общества врачей профессоромъ д-ромъ J. V. Нуссбаумомъ. Перевелъ съ нѣмецкаго д-ръ М. Розенгартъ. Москва. 1882 г. Ц. 35 к., съ пер. 45 к.

Идиотизмъ и тупоуміе. Сочиненіе д-ра Айрленда, съ предисловіемъ д-ра Мержеескаго. Переводъ съ англійскаго д-ра В. В. Томашевскаго. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ и съ генеалогическими таблицами. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Къ гигиенѣ рудокоповъ. Опытъ изслѣдо-

ванія санитарныхъ условій работы въ Нижне-Тагильскомъ рудникѣ и мнѣнія ихъ на рабочихъ. Р. Н. Рума. Съ рисунками. Москва. 1882 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 р.

Какъ живутъ и лѣтаютъ китайцы. Д-ръ П. Я. Пасекаго. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.

Къ вопросу о законности исторіи (Озаева) А. В. Зинovieва. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Монографія содоваго производства. Инженеръ-технологъ Я. Никитинскаго. Съ 4 таблицами чертежей. Москва. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Соч. д-ра Жюль Сира. Переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго Спб. 1872 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

О молочномъ леченіи и значеніи его для прогноза въ болѣзняхъ сердца и почекъ. Составилъ Докторъ С. М. Васильевъ. Выпускъ I. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

О резекціи верхней челюсти, по поводу опухолей. Проф. С. В. Коломиецъ. Спб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Патологія и терапія сифилиса д-ра Марица Капозы. Переводъ съ нѣмецкаго Э. С. Гинзбурга. Первый выпускъ съ 10 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 40 коп.

Практическіе соотѣты по разведенію нѣболѣе распространенныхъ кормовыхъ травъ и злаковъ на поляхъ и лугахъ. Н. Кабаштова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Практическія занятія по гистологіи растений. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Кругицкій. Съ 83-ми рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярная гигиена, настоящая книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.—Карла Реклама, съ приложеніемъ военной гигиены. Соч. д-ра Вейнемана. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльсъ Дарвина. Съ рисунками. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Влагосильцова, въ трехъ томахъ. Спб. 1871 г. Ц. трехъ томовъ 5 р., съ пер. 5 р. 60 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей и студентовъ. Д-ра Hermannа Eichhorst. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ, выпускъ VI. Спб. 1882 г. Ц. 30 коп., съ пер. 45 коп.

Repetitorium по топографической анатомии. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 коп.

Руководство къ частной патологии и терапіи для врачей и студентовъ Д-ра Негманн'a-Eiehrst. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ многочисленными рисунками въ текстѣ. Выпускъ пятый. Спб. 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 45 коп.

Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Князя А. Васильчикова. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Справочная книга для химиковъ и технологовъ. Составили: П. Петровъ и Я. Никитинскій. Москва 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 г. п. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ физиологій. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Х. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Избранныя рѣчи. Джона Брайта. По вопросамъ политической и общественной жизни. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Спб. 1873 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Курсъ Пандентовъ. Проф. Ж. Е. Гуденшта. Переводъ Я. К. Богачевича, подъ редакціей Л. Ф. Снегирева. Общая часть. Москва 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Объясненія къ закону 18 мая 1882 г. объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ. По порученію г. Министра Юстиціи составилъ Н. С. Таганцевъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. в. Благовѣстова. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Опытъ комментарія русскаго торговаго права на основаніи рѣшеній судебныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1880 г. Цѣна за два тома 5 р., съ пер. 6 р.

Проекты уголовного уложенія 1754 — 1766 годовъ, новоуложенной книги. Часть вторая: о розсудныхъ дѣлахъ и казни за разныя злодѣйствія и преступленія, казни, наказанія и штрафы положены. Текстъ подъ редакціей А. А. Востокова. Предисловіе Н. Д. Сергѣевского. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Практика С.-Петербургскаго коммерческаго суда за 1878 и 1879 годы. Ц. 4 р.,

съ пер. 4 р. 80 к. за 1880 и 1881 годы. Спб. 1882 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

Практика гражданскаго нассационнаго департамента. Правительствующаго Сената 1866—1880 гг. По вопросамъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и о правѣ участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества. Составилъ Николай Лаго. Теодосія. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 к.

Самоубійство въ западной европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцъ. III. Картограмми самоубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Проф. Ф. Мартенса. Т. I. — Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 80 коп.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленное профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Уставъ о торговомъ несостоятельности. (Сводъ зак. т. XI, ч. 2, ст. 1855—2023), съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената С.-Петербургскаго коммерческаго суда и другихъ судебныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Второе вновь обработанное и дополненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. Л. З. Словимскаго. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Альбомъ гоголевскихъ типовъ въ рисункахъ художника П. Боклевскаго. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

Иллюстрированный каталогъ посмертной выставки произведеній В. Г. Перова. (1834—1882), содержащій 20 снимковъ. Составилъ Н. П. Собко. Спб. 1882 г. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.

По своей волѣ. Деревенскія сцены въ пяти дѣйствіяхъ В. А. Степановой. Пьеса удостоена преміи, учрежденной при историко-филологическомъ факультетѣ. Им-

пер. новорос. Университета. Одесса, 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Русскіе узоры для вышиванія. К. Даматова. Первый альбомъ состоитъ изъ 24-хъ листовъ узоровъ для вышиванія въ русскомъ и малороссійскомъ вкусъ и книжкѣ послловицъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 2 р. Второй альбомъ состоитъ изъ 20-ти большихъ листовъ узоровъ русскихъ, малороссійскихъ и южно-славянскихъ и тетрадь послловицъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Третій альбомъ „дюжина національныхъ полотенецъ“ — поленецъ каждаго полотна изображаетъ узоръ вышивки одной изъ народностей Россіи. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Каждое полотенецъ отдѣльно стоитъ 25 к., съ пер. 50 к.

Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Къ 200-лѣтнему юбилею Русскаго театра собраны и объяснены Проф. Николаемъ Тихомировымъ. Въ двухъ томахъ. Сиб. 1874 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Сиротка. Сцены изъ народнаго быта для дѣтскаго театра. Соч. П. Г. Васильева. Сиб. 1882 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и добавленное. Киевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

III. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Иллюстрированный календарь «Нева» на 1883 г. Сиб. Цѣна книги въ переплетѣ 1 р., съ пер. 1 р. 28 к. Въ напѣ 75 к., съ пер. 1 р.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Отрывной календарь на 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Составила Елена Молоховецъ. Часть I и II. Въ нихъ заключается: 900 скороминыхъ и постныхъ обѣдовъ; 1,500 описаній разныхъ кушаньевъ и 1,500 описаній приготовленія разныхъ запасовъ. 9-ое изданіе дополненное. Сиб. 1881 г. Ц. книги 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. въ перепл. 5 р., съ пер. 5 р. 60 коп.

Патріотическій Календарь на 1883 годъ. Годъ I-ый. Сиб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Практическія указанія по обученію стрѣльбѣ новому дѣлу, даннымъ полкамъ 12-й пѣхотной дивизіи начальникомъ ея Орловскимъ. Сиб. 1883 г. Ц. съ пер. 30 к.

Правила о примѣнѣ вольноопредѣляющихся во все роды войскъ гвардіи и арміи. Рига. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Русскій календарь на 1883 годъ. А. Суворина. Съ портретомъ М. Д. Скобелева. Сиб. 1888 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Руководство для обученія въ войскахъ носильщиковъ. Съ 78 рисунками. Составилъ, согласно программѣ объявленной въ приказѣ по военному вѣдомству 1877 г. № 133, д-ра В. В. Максимовъ и Н. В. Лебедевъ. Сиб. 1883 г. Ц. 80 коп съ пересланою.

Счетоводство для магазиновъ книготорговыхъ, мануфактурныхъ, газетерейныхъ, москвитинныхъ и проч. по двойной бухгалтеріи. Составленное М. Я. Батенковымъ. Съ хромофотографированными тертежами (счетами счетоводства), организационными формами конторскихъ книгъ и новымъ взглядомъ на веденіе grosso-буха. Нижній-Новгородъ. 1882 г. Ц. 1 р. съ перес.

Сокращенныя либретто и программы оперъ и балетовъ: № I. Опера „Гугеноты“. II. „Аида“. — III. „Африканка“. — IV. „Робертъ-Дьяволъ“. — V. „Фаустъ“. — VI. „Карменъ“. — VII. „Риголетто“. — VIII. „Семейскій цирюльникъ“. — IX. „Лиза“. — X. „Трубадуръ“. — XI. „Любовный напитокъ“. — XII. „Жизнь за царя“. — XIII. „Аида“. — Цѣна каждаго либретто на простой бумагѣ 5 к., на зеленой 10 к.

Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Вел. Кн. Финляндскимъ. Материалъ изъ фабрично-заводской статистики. Составилъ П. А. Орловъ. Сиб. 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

Юридическій календарь на 1883 г. М. Острогорскаго. Съ запискою книжкою на каждый день и разн. свѣд. справочн. адресн., статист., библиогр., свѣдѣній личнаго состава, текстъ новыя законы, телеграф. кассад. рѣш., некрологъ и др. Ц. въ перепл. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Gwiazda Kalendarz petersburski, społeczny, literacki, ilustrowany i informacyjny na r. 1883 (rok trzeci) pod red. H. Głinskiego. Cena egz. 75 kop., z przel. 1 zł.

Въ первой половинѣ января выйдетъ въ свѣтъ **Биографія В. А. Жуковскаго**, соч. К. К. Зейдлица, съ портретомъ поэта, изд. редакціи „Вѣстника Европы“.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимает на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 93.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 93.

КНИЖНОГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

I. ВОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Антропологія. Введеніе къ изученію человѣка и цивилизаціи. Эд. Б. Тайлора. Переводъ съ англійскаго, д-ра И. С. Иванна. съ 78 рисунками къ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3, съ пересылкою.

Краткій катехизисъ д-ра Мартина Лютера, объясненный въ вопросахъ и отвѣтахъ Каспари. Спб. 1882 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Начало цивилизаціи. Сэръ Джона Лэббокъ. Умственное и общественное состояніе дикарей. Переводъ съ третьяго (дополненнаго) изданія подъ редакціей Д. А. Коротевскаго. Съ таблицами и рисунками къ текстѣ. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 90 к.

Наши новые христіане. Ф. М. Достоевскій и гр. Левъ Толстой. К. Леонтьева. (По поводу рѣчи Достоевскаго на праздникѣ Пушкина и повѣсти гр. Толстаго „Чѣмъ люди живы“). Москва 1882 г. Ц. 60 коп., съ пер. 75 к.

Основанія науки о нравственности. Соч. Герберта Спенсера. Перев. съ англійск. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 70 к.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1876 г. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Полемика между греками и латинянами по вопросу объ опрѣсненіяхъ въ XI—XII вѣкахъ. Опытъ историческаго изслѣдованія Михаила Чельцова. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Братья Карамазовы. Романъ въ двухъ томахъ, въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Ф. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 6 руб.

1. Берегъ чернаго дерева. 2. Песчаный городъ. Луи Жаколю. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Братья Рамулы. Современная повѣсть І. И. Крашевскаго. Переводъ съ польскаго Ф. Августиновича. Спб. 1883 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Всеобщая исторія литературы, составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ ред. В. Ф. Корша. Спб. 1880—82 г. Вып. 1—15. Ц. 15 р., съ пер. 17 р.

Въ камышахъ. Повѣсть Н. Н. Каравина. Съ 39-ю рисунками автора. Второе изданіе. Спб. 1879 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Въ четырехъ томахъ. Спб. 1882. Ц. за всѣ 4 тома 6 руб., съ перес. 7 р.

Девяносто-третій годъ. Виктора Гюго, въ двухъ томахъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Дидро и энциклопедисты. Джона Морлея. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія, В. Н. Нейдомскій. Москва. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Дитя. Повѣсть изъ русскаго оконченнаго дѣла. П. Салманова. Изданіе вто-

*) Книжки, вновь поступившія въ Складъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца, указаны предъ ихъ заглавіемъ.

Выстѣнокъ Европы. — Февраль, 1883 г.

рое, исправленное и дополненное. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Дневникъ монаха-Бернардина. Сочинение Игн. Ходзько. Переводъ съ польскаго. Изданіе Вл. И. Веселовскаго. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.

Европейскіе писатели и мыслители. В. В. Чуйко. Вып. IX. Петропй. Спб. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Его превосходительство Еженъ Ругонъ. Романъ изъ временъ второй французской имперіи. Эмиль Зола. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес.

Жизнь и поэзія. В. А. Жуковскаго. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Съ портретомъ поэта, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. А. Висковатаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пересылкою. Доходъ отъ изданія жертвуется авторомъ на сооруженіе памятника Жуковскому.

Западное влияние въ новой русской литературѣ. Сравнительно-историческіе очерки. Алексѣй Веселовскаго. Москва. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Записки охотника. И. С. Тургенева. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ 1847—1876 г. Четвертое стереотипное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к. въ роскошномъ клинкоревымъ переплетѣ 2 р. 75 к., съ пер. 3 р.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пышина и В. Д. Спасовича. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб. 1880 г. Т. II. Ц. 5 р., съ перес. Т. I. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Исторія классическаго періода греческой литературы. Дж. П. Магаффи. Переводъ Александры Веселовской. Т. I. Поэзія. Москва. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Изъ стараго и новаго. (Отрывки, очерки, наброски) Глѣба Успенскаго. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

Калевала, Финскій народный эпосъ. Переводъ Э. Гранстрема. Роскошное изданіе съ литъю картинами. Спб. 1881 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. въ переплетѣ 3 р., съ перес.

Княжна Остроумская. Историческая повесть. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Капитанъ гренадерской роты. Романъ-хроника XVIII вѣка. Въ двухъ частяхъ. Всеволода Соловьева. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Касимовская невеста. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Всеволода Соловьева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

1 Монтеперо. Густава Эмара. 2

Записки начальника охранной полиціи во время второй имперіи. Клода. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Наводненіе. Романъ Всеволода Соловьева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Неугомонное сердце. Романъ въ двухъ частяхъ. Сочинение графини А. Л. Толстой. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер.

Отголоски сердца. Стихотворенія покойной баронессы В. Д. Бистромъ. Спб. 1883 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп.

Оно за школа. Школа ректора Вортла. Энтони Троллопа. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни 1875—1877 гг. Эмиль Зола. Второе изданіе. Спб. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Письма къ тетенькѣ. Сочинение М. Е. Салтыкова. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пересылкою.

По мезолитъ. Романъ Ф. Ф. Монигетт, Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подростокъ. Романъ въ трехъ частяхъ Э. М. Достоевскаго. Изданіе третье. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

1. Помни въ разныя страннѣе искусства. Романъ неизвѣстнаго автора. 2. Первые плоды. 3. Исторія духовнаго застѣнанія. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого съ портретомъ, факсимиле и автобіографіей. Т. I и II. Стихотворенія Ц. 3 р. Т. III. Драматическая трилогія. Ц. 2 р. 50 к. Т. IV. Князь Серебряный. Ц. 1 р. 50 к. Въ четыре тома 7 р., съ пересылкою. Въ календарномъ переплетѣ, съ тисненіемъ золотомъ 10 рублей съ пересылкою.

Признаки времени и письма о провинціи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Шерина). Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Полное собраніе стихотвореній князя Александра Ивановича Одесскаго (Дембриста). Собралъ баронъ Андр. Евг. Розенъ. Съ дополненіями и примѣчаніями издателя, портретомъ и facsimile князя А. Н. Одесскаго. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Полное собраніе сочиненій князя В. А. Вяземскаго. Т. VIII. Изданіе графа С. Д. Шереметьева. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 коп.

Полное собраніе сочиненій Давида Рикардо. Переводъ Н. Зиберы. Съ приложеніями переводчика. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Разсказы. Всеволода Гаршина. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. Сергій Горбатовъ. Историческій ро-

манъ конца XVIII вѣка, Всеволода Соловьева. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченка. Съ 4-мя гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Сочиненія Аленскія Потѣхина въ семи томахъ. Спб. 1873 г. Цѣна всѣхъ томовъ 7 р., съ перес. 9 р.

Сочиненія. Н. К. Михайловскаго. Томъ четвертый. Что такое прогрессъ? Въ перемежку. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сочиненія кн. Д. Н. Цертелева. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес.

Стихотворенія М. П. Розенгейма. Изданіе третье, дополненное Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пересылкою.

Стихотворенія Н. А. Некрасова. Полное собраніе въ одномъ томѣ 1842—1877 г. Изданіе второе съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. въ роскошномъ переплетѣ, тисненномъ золотомъ 4 р. съ пер.

Убѣжденіе Монрепо. Сочиненіе М. Е. Салтыкова. (Щедрина). Оглавленіе: Общій обзоръ.—Тревоги и радости въ Монрепо.—Монрепо-успыяльница.—Finis Монрепо.—Предостереженіе. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. съ перес.

Характеръ. Соч. Самуэля Смайльса. Переводъ съ англійскаго С. Майковой. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 коп.

Царь-дѣвица. Романъ-хроника XVII вѣка. Въ трехъ частяхъ Всеволода Соловьева. Спб. 1880 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Юный Императоръ. Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ Всеволода Соловьева. Съ портретомъ императора Петра II. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

III. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Архивъ. Князя Воронцова. Книга двадцать-седьмая. Письма разныхъ лицъ къ графамъ Воронцовымъ. Москва. 1883 г. Ц. 3 р. съ пер.

Автобіографія Диона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Б. Благосвѣтлова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Возареніе императрицы Анны Іоанновны. Историческій этюдъ проф. Л. А. Корсакова. К. 1880 г. Ц. 3 р. съ пер.

Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Составилъ В. Д. Сласовичъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Исторія крестьянской войны въ Германіи, по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Д-ра В. Циммермана. Переводъ подъ редакціей В. Зайцева. Въ трехъ томахъ. Спб. 1865 г. Ц. тремъ томамъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. Т. I. Спб. 1881 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Комедія всемірной исторіи. Іоганна Шерръ. Историческій очеркъ событій съ 1848 по 1851 годъ, въ двухъ выпускахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Ц. обоимъ выпускамъ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ксенія Ивановна Романова. (Великая старца-виокиня Марца). И. П. Хрущова, съ портретомъ Ксенія Ивановны Романовой. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Лаача. Очерки изъ быта Вогуличей. Л. Симоновой. Съ 2-мя картинками К. Голембювскаго. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Математическіе таланты. П. Литвинскаго. Спб. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

Мазепя. Историческая монографія Н. И. Костомарова. Москва 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

О Богданѣ Хмѣльницкомъ. Сочиненіе П. Н. Вуцкаго. Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Антона Будиловича. Изслѣдованіе въ области лингвистической палеонтологіи славянъ. Кіевъ. 1882 г. Ч. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к. Ч. II, в. I. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ первый. Господство дома Св. Владиміра X—XVI-е столѣтіе. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 75 к. Томъ второй. Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVII-е столѣтіе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. Продолженіе второго тома. Господство дома Романовыхъ XVIII-е столѣтіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р. Всѣмъ тремъ выпускамъ 7 р. 10 к., съ пер. 8 р.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. I. Съ портретами Императрицы Елисаветы, графа А. Г. Разумовскаго и графа К. Г. Разумовскаго. Т. II. Съ портретами графини Н. Д. Разумовской (казачка Разумиха). Графъ А. К. Разумовскій. Т. III. Съ портретомъ свѣт. кн. Андрея Кирилловича Разумовскаго. Цѣна за три тома 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

Н. Д. Ушинскій. Краткій біографи-

*

ческий очеркъ съ гравированнымъ портретомъ. Составилъ А. Фролковъ. Сиб. 1881 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

✶ Христофоръ Колумбъ. Е. Григоровой. Со снижкомъ съ картинъ проф. Айвазовскаго. Сиб. 1883 г. Ц. 30 к., съ перес. 40 коп.

✶ Человѣческая комедія. Н. Ф. Василевскаго. (Буква). Со многими рисунками разныхъ художниковъ. Сиб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

IV. ГЕОГРАФІЯ-ТОПОГРАФІЯ-ПУТЕШЕСТВІЯ.

✶ Путешествіе въ западную Сибирь. Д-ра О. Финна и А. Врема. Съ рисунками въ текстѣ. Москва. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

✶ Путешествіе по Востоку и Святой Землѣ. Въ свѣтъ Великаго князя Николая Николаевича въ 1872 году. Д. А. Скалона. Съ многими рисунками художника Е. К. Макарова. Сиб. 1881 г. Цѣна книги въ роскошномъ переплетѣ 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

✶ Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 гг. Изъ дневниковъ д-ра И. Л. Яворскаго. Въ двухъ томахъ. Съ приложеніемъ нѣсколькихъ портретовъ, картъ и маршрута посольства. Сиб. 1883 г. Цѣна за оба тома 5 р., съ пер. 6 р.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

✶ Крестьянскій вопросъ. Исслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. К. Д. Кавелина. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

✶ Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ, съ приложеніемъ статьи: "Очеркъ правительственныхъ мѣръ по переселенію крестьянъ послѣ изданія Положенія 19 Фев. 1861 года". Ю. Э. Янсонъ. Изданіе второе. Сиб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

✶ Современный социализмъ. Сочиненіе Эмиля де-Лавеле. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. А. Антоновича. Сиб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес.

✶ Судьбы капитализма въ Россіи. Сочиненіе В. В. Сиб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 70 к.

VI. ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

✶ Бѣлый. Дѣтскій рассказъ изъ родного быта. Рисунки Васнецова. Фотогравюра

М. М. Панова. Москва 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 70 к., съ пер. 85 к.

✶ Бережливость Самуилъ Смалльсъ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Н. С. Кутейникова. Сиб. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

✶ Гензоръ Серваданъ. Путешествіе и приключенія въ солнечномъ мірѣ. Жюль Верна. Переводъ С. Самойловича. Со многими картинками въ текстѣ. Сиб. 1880 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., въ папкѣ 3 р. 85 к., съ пер. 4 р. 25 к.

✶ Донъ-Нихотъ Ламанчскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь дѣловъ. Перевѣдено по Сервантесу для русскаго юношества О. И. Шмидтъ-Москвитинъ. Со 6-ю хромофотографированными рисунками. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 руб.

✶ Дѣтскій отдыхъ. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей за 1881 и 1882 годъ. Сиб. Ц. за каждый годъ 6 р., съ пер. 7 р.

✶ Дѣтскій масиарадъ - зѣрилицъ. Перевѣдено съ англійскаго Н. Азбелева. Съ 16 рисунками. Сиб. 1883 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

✶ Дѣтство великихъ полководцевъ. Историческіе рассказы Евгения Фов. Съ 8-ю литографированными картинками. Сиб. 1875 г. Ц. книги въ перепл. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

✶ Дочь египетскаго царя. Историческій романъ Эберса, рассказанный для юношества. О. Шалиръ. Со многими рисунками. Сиб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 коп.

✶ Живое слово. Пособіе для нагляднаго обученія въ семьѣ и школѣ. Обработка по штабу О. И. Шмидтъ. Рисунки исполнены Г. Фитеромъ и Н. Н. Каравинимъ, — выпускъ третій. Сиб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 3 руб.

✶ Зорька. Книга для чтенія въ народныхъ школахъ. Годъ первый. В. Добровольскаго. Изданіе второе исправленное и дополненное А. М. Цѣтковикъ. — Ц. 30 к., съ пер. 45 к. Покупающіе 20 экзemplовъ, получаютъ даромъ замѣчанія для учащихся. И. М. Цѣткова. Въ продажѣ цѣна этой книги 20 коп., съ пер. 30 к. Сиб.

✶ Изъ чтеній на сѣздѣ учителей народныхъ училищъ Казанской губерніи. Н. Бобровникова. Казань. 1882 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

✶ Исторія знаменитаго Донъ-Нихотъ Ламанчскаго. Переведедено подъ редакціей М. Чистякова. Съ 64 рисунками. Изданіе второе. Сиб. 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

✶ Изъ міра великихъ преданій: Романдъ.

изъ древней французской поэмы (съ рисункомъ). **Король Лиръ** (по Шекспиру). Зимняя сказка (по Шекспиру съ рисункомъ). **Вильгельмъ Телль** (по Шиллеру), Цирин (по Теодору Кернеру, съ рисункомъ). Рассказы для юношества Виктора Острогорского. Изящное издание, съ красивой виньеткой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Какъ надо жить, чтобы счастливымъ быть. Составлено по Смайльсу В. Габбе. Спб. 1882 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Натаномбы. Повѣсти изъ первыхъ временъ христіанства. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Лиса Патрикѣвна, сказка, пѣсня. Составлена изъ народныхъ басенъ и пѣсень русскаго животнаго злоса. Ал. Можаровскаго. Изданіе второе съ перемѣнами Казань. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Лекціи зоологіи проф. Поля Бера. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симона. Предисловіе Н. Р. Тарханова. Анатомія и фیزیологія. Съ 402 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер.

Лиса Патрикѣвна. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста А. М. Сливинскаго. Съ рисунками Ив. Ст. Панова. Спб. 1883 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 коп.

Маленькіе мужички. Сочиненія Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго Ольги Бутеневой. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к., въ перепл. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Новинка. Рассказы для дѣтей младшаго возраста. Софія Макаровой. Съ раскрашенными картинками въ текстѣ. Спб. Ц. книги въ папкѣ 1 р., съ пер. 1 р. 30 коп.

Общепонятная геометрія. Съ 143 чертежами и 204 задачами въ текстѣ. Составилъ В. Потоцкій. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 коп.

О дѣтяхъ не для дѣтей. Шесть рассказовъ Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). Съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.

Отъ бревенчатой хижины до бѣлаго дома. Жизнь Джемса Гарфилда. Составлено по Тайеру Е. А. Сисоевой. Съ портретомъ и тремя отдѣльными картинками Н. Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 55 коп.

Очеркъ современнаго состоянія заграничной школы. Я. Т. Михайловскаго. Спб. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Очеркъ греческихъ древностей. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Со-

ставилъ В. Латышевъ. Часть 1-ая: Государственные и военныя древности. Одобрено ученымъ Комитетомъ М. Н. П. въ видѣ пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій. Вильна. 1880 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Отважная охотница. Соч. Майнъ-Рида. Переводъ С. Марковой съ четырьмя раскрашенными рисунками. Спб. 1883 г. Цѣна въ папкѣ 2 рубля съ пересылкою.

Первыя понятія о зоологіи. Поля Бера. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Проф. И. Н. Мечникова. Къ переводу присоединено три дополнительныхъ очерка: Развитие животнаго міра, общественная жизнь животныхъ и великая роль "ничтожныхъ созданий". Спб. 1883 г. Цѣна книги 1 р., съ пер. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 15 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Подъ сиренями. Сочин. Луизы Олькотъ. Переводъ О. Бутеневой. Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Пѣсня про купца Малашикова. М. Ю. Лермонтова. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1881 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 коп.

Повѣсти Н. М. Карамзина. Съ біографическимъ очеркомъ, литературною его дѣятельностью и портретомъ автора.—Москва 1883 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60 к.

Пособіе при изученіи исторіи русскаго словесности. Константинъ Тимофеева. Одобрено какъ руководство для женскихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Практическая метода въ 5-ти тетрадяхъ для основательнаго легкаго и легкаго изученія русскаго чистописанія въ школѣ и дома. Составилъ Фридманъ. Гродно. 1881 г. Цѣна каждой тетради 6 коп. безъ пересылки.

Путешествіе д-ра Гулливера въ страну лиллипутовъ и къ великанамъ. По Свифту передѣлано для русскаго юношества О. И. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ 12-ю хромолитографированными рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 руб.

Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ А. Нольде. Съ 28 полиптиками, рисованными на деревѣ художникомъ М. Малышевымъ. Спб. 1883 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Разговоры матери съ дѣтьми о землѣ и водѣ. Переводъ съ седьмого англійскаго изданія С. Бетхеръ. Спб. 1875 г. Ц. книги въ переплѣтѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка тѣмъ Де-Фосе. Съ 10-ю

картинами и 35 политипажамы, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе. Спб. 1882 г. Цѣна книги въ перепл. 3 руб., съ пересылкой.

Русинки дѣтскія изъ сочиненій О. М. Достоевскаго. Издано подъ редакціей О. О. Миллера. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Разсказы изъ народнаго быта. Составленные изъ подбора русскихъ пословицъ, прибаутокъ, поговорокъ, примѣтъ, пѣсень и притчѣй. В. Островерскаго. № 1. Тита. — № 2. Маланья. — № 3. Вавило. — № 4. Маша на дѣвчичкѣ. — № 5. Пала Муромецъ. Спб. 1883 г. Цѣна каждой книжкѣ 10 коп.

Родники. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей на 1882 годъ въ двухъ томахъ. Спб. Ц. 5 р., съ пер. 6, руб.

Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ. Составилъ В. Д. Синовскій. Т. I. Второе дополненное изданіе съ IX по XIV ст.—Т. II съ XIV до XVII ст. Съ политипажными изображеніями и рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Т. I Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. II Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Росинки съ цвѣтовъ всемірной поэзіи. Спб. 1882 г. Цѣна книжки въ переплѣтѣ 50 к., съ пер. 60 к.

Русская грамота. Букварь для народныхъ школъ. Сост. В. Добровольскій. Изданіе пятнадцатое. Спб. 1883 г. Ц. 5 к.

Семь братьевъ и сестра. Соч. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго О. Бутеневою. Спб. 1876 г. Ц. книги въ перепл. 2 р., съ пер. 2 р. 40 коп., безъ переплѣта 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка съ изложеніемъ важнѣйшихъ грамматическихъ правилъ. Часть I. Минскъ 1882 г. Ц. 55 коп., съ пер. 70 коп.

Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. Виктора Острогорскаго. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сборникъ ариметическихъ задачъ, заключающихъ въ себѣ данныя преимущественно изъ сельскаго быта, съ краткимъ повторительнымъ курсомъ ариметики цѣлыя числа для начальнаго преподаванія въ народныхъ училищахъ. Составилъ Т. Лубенецъ. 1727 задачъ и болѣе 4000 численныя примѣровъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Сказка о пчелѣ-мохнатѣ В. П. Авенаріуса. Разсказъ для дѣтей, удостоенный преміи. Спб. Фребелевскаго общества. Изданіе третье. Спб. 1883 г. Ц. 50 к. съ пер. 60 к.

Семейство Шаломскихъ. Изъ семейной хроникѣ. Сочиненіе Евгенія Туръ. Изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 руб. 20 к.

Саша. Дѣтскій разсказъ изъ „Роднаго быта“. Съ тремя хромолиграфированными картинками. Москва. 1882 г. Ц. книги 60 к., съ пер. 70 к., въ папкѣ 70 к., съ пер. 80 к.

Святые разсказы. Чарльза Дикенса. Полный переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. Съ 40 политипажными и 5 гравюрами. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Сказки для дѣтей, Уйда. Переводъ съ англійскаго В. Гаршина, А. Каррикъ, В. Рандова, М. Цебриковой, Л. Шелгуновой. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. 1883 г. Ц. книги въ папкѣ 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Сказки и разсказы для дѣтей. Надежды Крыловой. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказки юта-Мурлыки. Изданіе третье пересмотрѣнное и дополненное. Съ рисунками разныхъ художниковъ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Сказки профессора З. Тонелуса. Спб. 1882 г. въ папкѣ Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Сельская хрестоматія. Выпускъ 1-й А. С. Пушкинъ. Выпускъ 2-ой Н. А. Некрасовъ. Выпускъ 3-й В. А. Жуковскій. Составилъ Н. О. Сумцовъ. Харьковъ 1883 г. Цѣна каждого выпуска 5 копѣекъ.

Физиологія Фостера. Переводъ съ англійскаго О. В. Поповой. Съ 19 рисунками. Спб. 1882 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Химина Дядя Тома, или жизнь среднѣе работъ. Романъ Гарриета Бичеръ-Стоу. Новый переводъ Е. Ландина. Съ 46-ю картинками. Спб. 1883 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Характеристика дѣтсчѣ. К. Ельницкаго. Спб. 1883 г. Ц. 40 к., съ пер. 55 коп.

Чудесныя приключенія барона Шюнггауэна, разсказанныя дѣдушкою своимъ внукамъ. Передѣлано для русскаго юношества О. Н. Шмидтъ-Москвитиновою. Съ 6-ю хромолиграфированными рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 руб.

Что комната говоритъ. Разсказъ для дѣтей. В. П. Авенаріуса. Удостоенный первой преміи. Спб. Фребелевскаго общества. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 50 коп., съ пер. 60.

Шарикъ. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста В. Н. Кузиковой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

Школа жизни Н. А. Берсцова. Повѣсть для юношества по роману Чарльса Дик-

кенса „Мартинъ Чувльвицъ“. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

75 Разсказы для дѣтей младшаго возраста составлены по Фр. Гофману С. Макаровой. Спб. Цѣна книги въ папкѣ 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

76 Юность розы, продолженіе „Семь братьевъ и сестра“. Сочин. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго О. Н. Бутеневой. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 руб. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

77 Древности Вавилоно-Ассирскія по новейшимъ открытіямъ. Составилъ Н. Астафьевъ. Съ образчиками клинописи, тремя рисунками (въ текстѣ), и картою къ клинописямъ Ассирійскихъ царей. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

78 Исслѣдованіе въ области русской грамматики. А. Соболевскаго. Варшава. 1881 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

79 Начертаніе церковнославянскаго грамматикѣ, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Антона Вудиловича. Варшава 1888 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

80 Очеркъ исторіи колдовства въ западной Европѣ. Н. ф. Сумцова. Харьковъ, 1878 г. Ц. 30 коп., съ пер. 40 коп.

81 Образцы языка церковнославянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ глаголической и кирилловской письменности. Составилъ Н. В. Ягичъ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 коп.

82 О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Н. ф. Сумцова. Харьковъ 1881 г. Ц. 1 р. 30 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

83 Славянскія нарѣчія. Статьи профессора Гебауера. Переводъ и примѣчанія А. Степановича. Кіевъ. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 55 коп.

84 Собираніе памятниковъ народнаго творчества и южныхъ и западныхъ славянъ. Владимира Ивановича (библиографическое обозрѣніе). Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 70 коп.

VIII. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

85 Аналитическая геометрія. Составлена І. Сомовымъ. Изданіе третье. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

86 Высшая алгебра. Часть первая. Рѣшеніе численныхъ уравненій Ю. Сохоцкаго. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 10 коп.

87 Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ. II. Часть кинетическая. Выпускъ второй. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. Съ 2-мя таблицами чертежей. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 30 коп., съ пер. 2 р. 60 коп.

88 Начала начертательной геометріи, теоріи тѣней и линейной перспективы. Съ приложеніемъ черченія кривыхъ. Составилъ А. Пальшау. (Курсъ реальныхъ училищъ). Харьковъ. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

89 Новѣйшіе успѣхи метеорологіи. 1. Одновременная система наблюденій и предсказаніе погоды. А. Клоссовскаго. 12 картъ и 1 таблица чертежей. Одесса. 1882 г. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 25 к.

90 Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ съ 7-ю таблицами чертежей. (Для реальныхъ и техническихъ училищъ). Составилъ А. Пальшау. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

IX. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

91 Атласъ естественной исторіи Аревдгеа, переизданный проф. Брандтомъ. 3-е изд. Спб. 1882 г. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 90 к.

92 Богословскій горный округъ. Минеральныя богатства и способъ добычи ихъ и обработки въ округѣ. Составилъ К. И. Гривнакъ. Съ приложеніемъ карты и десяти таблицъ чертежей. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

93 Виньетки съ натуры. Грантъ Аллена и научныя доказательства органическаго развитія Джорджа Романна. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

94 Гигіена и воспитаніе дѣтей въ первомъ возрастѣ. Руководство для матерей. Спб. 1881 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

95 Гигіена и зараза по отношенію къ веществамъ, носящимся въ воздухѣ. Джона Тиндалла. Переводъ съ англійскаго Г. А. Лопатина. Прибавленія: Рѣчь Пастера о прививкѣ по отношенію къ куриной холерѣ и сибирской язвѣ. Исслѣдованія д-ра Коха объ этиологій бугорчатки (рефераты). Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 75 к.

96 Диагностика хирургическихъ заболѣваній. 20 лекцій д-ра Э. Альберта. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

97 До-историческій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладоскаго озера. Проф. А. А. Иностранцева. Съ 122 политипажными въ текстѣ, 2 фліятограмми и 12 таблицами фототипій. Спб. 1882 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Здоровье и вредное оттопление и оздоровление жилых помещений Флавицкаго. (инженеръ). Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Иодоформъ, Mosetig-Moorhof Пер. съ примѣч. и дополн. Д-ра С. М. Герценштейна. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи Чистовича. Спб. 1883 г. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Къ гигиенѣ рудокоповъ. Опытъ изслѣдованія санитарныхъ условій работы въ Нижне-Тагильскомъ рудникѣ и вліянія ихъ на рабочихъ. Р. Н. Рума. Съ рисунками. Пермь. 1882 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ пер. 2 р.

Краткая фармакогнозія. Траппъ, проф. 3-е изд. Спб. 1881 г. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Къ вопросу о зловонномъ насморкѣ (Озаена) А. В. Зиновьева. Москва. 1882 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Лѣчение виноградою въ Ялтѣ на южномъ берегу Крыма. Руководство для больныхъ и врачей. Дмитріева. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Монографія содового производства. Инженеръ-технологъ Я. Я. Никитинскаго. Съ 4 таблицами чертежей. Москва. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Остеотомія, съ обзоромъ этиологій и патологій genu valgum, genu varum и другихъ искривленій нижнихъ конечностей Масеуенъ. Перев. д-ра Сабашникова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Основа исторіи развитія человѣка и высшихъ животныхъ, Келликера. Перев. съ нѣмец. подъ редак. профес. Ф. Н. Заваркина съ 300 рисун. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Патологія и терапія сифилиса д-ра Морича Напозы. Переводъ съ нѣмецкаго Л. С. Гинзбурга. Первая половинна съ 10 рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 40 коп.

Патологія и терапія родильнаго перелома. Руководство для учащихся и врачей. Винкель. Перев. съ 3-го изданія подъ ред. д-ра М. Горвица. Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 20 к., съ пер. 3 р. 45 к.

Польза и вредъ отъ антисептическихъ средствъ и ихъ примѣненіе въ полевой хирургіи, Nussbaum Prof. D-r. Перев. д-ра Гейденрейха. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 70 к.

Практическіе совѣты по разведенію наиболѣе распространенныхъ кормовыхъ травъ и злаковъ на поляхъ и лугахъ. И. Кабештова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.

Практическія занятія по гистологій ра-

стей. Руководство для начинающихъ. Составилъ П. Я. Крутицкій. Съ 88-ю рисунками въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 1 р. 65 коп.

Популярная гигиена, настоящая книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.—Карла Реклама, съ приложеніемъ военной гигиены. Сот. д-ръ Вейнемана. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Ревень настоящий и его культура в Россіи. Регель, съ политическими. Спб. 1883 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Руководство топографической анатоміи съ примѣненіемъ къ хирургіи Tillaux, Пер. съ франц. подъ ред. д-ра А. О. Турбера. Спб. 1883 г. Вып. 1—3, Подписная цѣна 9 руб.

Руководство къ хирургіи для фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Студенскій, съ 84 рисун. 4-е изд. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Руководство къ гигиенѣ вѣсскихъ способамъ изслѣдованія Флюгге. Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. д-ра медиц. М. Шеллева. Спб. 1882 г. Ц. 6 р., съ пер. 6 руб. 80 к.

Руководство къ зубоветеринарн. наукѣ, Леви, съ 113 рисун. въ текстѣ. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Руководство къ общей терапіи Ziemschen'a, Перев. подъ ред. профес. Манассеина. Спб. 1882 г. Т. I, часть 2 и 3-я. Ц. 3 р. 60 к. Т. II, часть 3-я Гидротерапія. Ц. 2 р. 40 к. Т. III, 1-я полов. Электротерапія. Ц. 2 р. 40 к. Подписная цѣна за полное изд. 21 р., съ перес. 24 р.

Руководство къ частной терапіи и терапіи для практическихъ врачей и учащихся. Эйхгорстъ, перев. д-ра Крутицкаго. Спб. 1883 г. Вып. 1—4. Ц. 4 р. Подписная цѣна за полное сочиненіе 12 р. 50 к., съ перес. 15 р.

Руководство къ фармакологіи (репетитур). Догель, съ хромолитогр. таблицами. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 40 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Repetitorium по топографической анатоміи. Изданіе, второе. Спб. 1883 год. Ц. 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 75 коп.

Сифилисъ и бракъ. Лекціи Фурера. Перев. съ франц. Петрунелича. Тир. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Князя А. Васильевича. Спб. 1881 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Справочная книга для химиковъ и геологовъ. Составилъ: П. Петровъ и Никитинскій. Москва 1883 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Содержаніе и воспитаніе растений в

комнатахъ. Регель. Часть I, 5-е изд. Спб. 1883 г. 2 р. 50 к. Часть II. Спб. 1879 г. Ц. 4 р. въ переп. 2 т. 7 р. 50 к.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтми. Гетцъ и Лихарчикъ. Перев. съ 4-го нем. изданія д-ра Н. Воронихина. 3-е русское изд. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., въ переп. 2 р. 25 к., 40 к. за пересылку.

Учебникъ психіатріи, составленный на основаніи клиническихъ наблюденій для врачей и студентовъ. Крафтъ-Эбингъ, Перев. д-ра Черемшанскаго, съ примѣч. д-ра Мерзевскаго. 3 тома Спб. 1881—82 г. Ц. 5 р. 50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

Учебникъ болѣзней нервной системы. Д-ра Адольфа Зеелигмюллера. Переводъ съ немецкаго Александра Черемшанскаго. Отдѣл I: болѣзни периферической нервной системы и симпатическаго нерва. Съ 56 рисунками въ текстѣ. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 30 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Учебникъ физиологіи. Проф. М. Фостера. Переводъ съ англійскаго и дополненія проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1882 г. цѣна за 2 тома 7 р. 50 коп. съ пер.

Фармацевтическая химія. Выпускъ 1-й Траппъ, профес. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Фармацевтический указатель, Бергольцъ, Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Хроническое отравленіе морфіемъ и леченіе посредствомъ постепеннаго отнятія морфія. Буркартъ. Перев. Незаевой подъ ред. Маршкова. Спб. 1882 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 40 к.

Х. ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Курсъ Пандентовъ. Проф. Ж. Е. Гудемита. Переводъ Я. К. Богачевича, подъ редакціей Л. О. Снегирова. Общая часть. Москва 1881 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Объясненія къ закону 18 мая 1882 г. объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со злоумысломъ. По порученію г. Министра Юстиціи составилъ Н. С. Таганцевъ. Спб. 1882 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 коп.

О выдачѣ преступниковъ по договорамъ Россіи съ иностранными державами. Е. Шостака. Киевъ. 1882 г. Ц. 40 коп., съ пер. 50 к.

Очеркъ науки финансоваго права. Введеніе. Общая часть. Особенная часть. Составилъ И. Тарасовъ. Ярославль. 1883 г. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Проекты уголовного уложенія 1754—1766 годовъ, новоуложенной книги. Часть вторая: о розньскихъ дѣлахъ и казни за разныя злодѣянія и преступленія, казни, наказанія и штрафы положены. Текстъ подъ

редакціей А. А. Востокова. Предисловіе Н. Д. Сергѣевского. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Правителіа гражданскаго кассационнаго департамента. Правительствующаго Сената 1866—1880 гг. По вопросамъ о восстановленіи нарушеннаго владѣнія и о правѣ участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества. Составилъ Николай Лаго. Феодосія. 1882 г. Ц. 50 коп., съ пер. 65 к.

Самоеубійство въ западной европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Съ приложеніемъ I. Таблицъ. II. Писемъ и записокъ самоубійцы. III. Картограммы самоеубійствъ въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ рѣшеній перваго департамента правительствующаго сената по крестьянскимъ дѣламъ, съ приведеніемъ положеній, измѣненныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1862—1879. Составленъ И. Г. Даниловымъ и А. Е. Виноградовымъ. Изданіе второе. Спб. 1880 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Сибирь ннѣ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Н. М. Ядринцева. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес.

Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Проф. Ф. Мартенса. Т. I.—Спб. 1882 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 80 коп.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составленъ профессоромъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четвертое дополненное. Спб. 1882 года. Ц. 4 р. съ пер.

Уставъ о торговой несостоятельности. (Сводъ зак. т. XI, ч. 2, ст. 1855—2023), съ разъясненіями по рѣшеніямъ правительствующаго сената С.-Петербургскаго коммерческаго суда и другихъ судебныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Составилъ Г. К. Мартенсъ. Второе вновь обработанное и дополненное изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Умственное разстройство, его значеніе въ правѣ гражданскомъ и уголовномъ. Л. З. Слонимскаго. Спб. 1879 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 коп.

XI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Альбомъ гоголевскихъ типовъ въ рисункахъ художника П. Боклевскаго. Изданіе второе. Спб. 1883 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 коп.

Иллюстрированный каталогъ посмертной выставки произведений В. Г. Перова. (1884 — 1882), содержащій 20 страницъ. Составилъ Н. П. Собко. Спб. 1882 г. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.

Мода на уродованіе, какъ она выражена въ обычаяхъ варварскихъ и цивилизованныхъ расъ. Соч. Уильяма Генри Флоуера. Съ рисунками. Спб. 1883 г. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

По своей воле. Деревенскія сцены въ пяти дѣйствіяхъ В. А. Степановой. Пьеса удостоена преміи, учрежденной при историко-филологическомъ факультетѣ Импер. поворос. Университета. Одесса, 1882 г. Ц. 75 коп., съ пер. 90 коп.

Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. Къ 200-лѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены Проф. Николаемъ Тихонравовымъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1874 г. Ц. за оба тома 8 р., съ пер. 9 р.

Стѣм. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. В. А. Степановой. Одесса. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 95 к.

Южно-русскій орнаментъ. Собранный А. Лисенко. Изданіе 2-е значительно измѣненное и дополненное. Киевъ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ХІІ. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Записная книга на 1883 годъ, въ 4-хъ изданіяхъ.

I изд. стр. на 3 дн. . . . — 80 к.

II и III " " " 2 " по . . 1 р. — к.

IV " " " 1 день . . . 1 р. 20 к.

Календарь для женщинъ на 1883 годъ. Спб. 1883 г. Ц. 75 к., съ пер. 90 коп.

Календарь для хозяекъ на 1883 г. Книга приходо-расходная, для бѣды и для записыванія адресовъ. Е. К. Годъ 5-й. Спб. 1883 г. Ц. книги въ паяхъ 60 коп., съ пер. 80 к., въ перепл. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Карманная книжка рецептовъ для прак-

тическихъ врачей. (Переводъ съ третьяго дополненнаго изданія). Русское изданіе второе. Спб. 1882 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ. 1883 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Подарокъ молодымъ хозяйкамъ или средство къ уменьшенію расходовъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Составила Елена Молоховецъ. Часть I и II. Въ нихъ заключаются 900 скоромныхъ и постныхъ обѣдовъ; 1,500 описаній разныхъ кушаньевъ и 1,500 описаній приготовленія разныхъ заливовъ. 9-е изданіе дополненное. Спб. 1881 г. Ц. книги 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. въ перепл. 5 р., съ пер. 5 р. 60 коп.

Руководство для машинистовъ и котеларовъ. Войславъ. Спб. 1882 г. Ц. книги въ англійскомъ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Технический календарь на 1883 г. Карманная, записная и справочная книжка для гг. инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ. Составилъ Н. М. Визель. 12-й годъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.

Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ и Вел. Кн. Финляндскимъ. Матеріалъ для фабрично-заводской статистики. Составилъ П. А. Орловъ. Спб. 1881 г. Ц. 4 р., въ пер. 4 р. 75 к.

Указатель "Фрумъ". Путеводитель по Россіи и примыкн сообщеній на границѣ съ приложеніемъ новой большой атласной карты желѣзно-дорожныхъ и сѣтконо сообщеній съ приложеніемъ календаря на 18-3 г. Москва Ц. 40 к., съ пер. 50 коп.

Gwiazda Kalendarz petrogradski, wydawca, literacki, ilustrowany i informacyjny na r. 1883 (rok trzeci) pod. red. H. Głinskigo. Cena egz. 75 kop. z przesyłką 1 rs.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

Жизнь и Поэзія

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Соч. К. К. ЗЕЙДЛИЦА.

Съ портретомъ автора, факсимиле, письмами и съ предисловіемъ П. В. Вильямса. — Изданіе редакціи «Вѣстника Европы». Спб. 1883. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Сборъ отъ изданія на сооруженіе памятника Жуковскому.

Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. VIII. Старая записная книжка. Сиб. 1883. Стр. 523. Ц. 2 руб.

При одномъ блѣдномъ просмотрѣ этого обширнаго тома, большаго формата, всякій легко захватитъ, что сюда пошла масса свѣдѣній, замѣтокъ, воспоминаній, выписокъ изъ ходившихъ въ разное время по рукамъ тетрадокъ, устныхъ расказовъ, характеристикъ, наконецъ, анекдотовъ и близкихъ мыслей того, кто собиралъ все это, и набрасывалъ на бумагу. Общественное положеніе, обширныя связи и тонкій, наблюдательный умъ автора речутся за то, что не только любознательный читатель найдетъ тутъ и мало для себя интереснаго, но и историкъ стрѣтитъ въ этомъ казедоскопѣ чрезвычайно много такого, что можетъ дать ему ключъ къ цѣлымъ лицамъ и событіямъ. Подробности о Екатеринѣ II записаны авторомъ со словъ и по расказамъ лицъ, близко стоявшихъ къ императрицѣ. Конечно много можно найти чертъ изъ жизни идей, близкихъ къ автору, и преимущественно въ литературнаго круга. Иногда, ничтожный въ себѣ анекдотъ однимъ штрихомъ рисуетъ всего человѣка; наприм., споръ Пушкина съ А. Н. Тургеневымъ: Пушкину какъ-то вздумается послать Тургеневу въ гонимый гонимой авадъ; А. Тургеневъ слушалъ, слушалъ его, и кругъ перерывалъ: „А ты бы, голубчикъ, съѣздила въ Любекъ“ (Пушкинъ никогда не бывалъ агрраницей). Поэтъ расхохотался—надъ самимъ собой, и тотчасъ же бросилъ споръ. Записанные разговоры князя съ Н. Новосильцовымъ объ Александрѣ I, и съ Магницкимъ о Сперанскомъ—это весьма интересный и серьезный историческій матеріалъ.—Въ концѣ помѣщенъ алфавитный указатель именъ, что вполнѣ облегчаетъ историкъ воспользоваться всѣми свѣдѣніями, какъ онъ можетъ почерпнуть въ этой массѣ оцѣ, интересующемъ его. Впрочемъ, этотъ ключъ и безъ проуловки; такъ, въ указателѣ, подъ именемъ: „Жуковский“ не указана страница 416, гдѣ именно расказывается объ участіи его въ омиическомъ принатіи В. Пушкина въ Азрамаское общество. По этому поводу, кн. Вяземскій замѣчаетъ, что „тутъ воображеніе Жуковского встиглось“, и онъ доказалъ своимъ сочленіемъ, что „онъ былъ не только гробовыхъ дѣлъ мастеръ, какъ мы прозвали его по баладамъ, о и шуточникъ дѣлъ мастеръ; странное физиогическое и психическое совпаденіе!—восклицаетъ князь Вяземскій:—при натурѣ внаеальной, мечтательной, нѣсколько мистической, въ ехъ были и сокровища неселости, сѣтливости; и немъ былъ зародыши и залогъ каррикатуры на народѣ, откидываеся нерѣдко острою замимоватостью; пріемъ В. Пушкина вдохновлялъ его: въ придумавъ и устроилъ разныя митарства, разъ который повобранецъ долженъ былъ роить“.

отинения Лермонтова, съ портретомъ его и двумя снимками въ русоліяхъ. Изд. пятое, исправл. и доволн., и. р. П. А. Ефремова. Въ 2-хъ томахъ. Изд. И. И. Глазунова. Сиб. 1882. Стр. XXXVI+628 и 664. Ц. 4 р.

Новое изданіе сочиненій Лермонтова, по числу томе, не уступаетъ ни въ чемъ своему предшественнику, въ отношеніи вѣрности стороны; ииій текстъ дается нѣтъ вновь исправленныя, по указаніямъ, сдѣланнымъ въ печати, и иозволенъ отрывками, изданными въ послѣднее время въ журналахъ, за исключеніемъ стиховъ

дѣтской поры поэта. Предыдущее изданіе разошлось въ два года; можно сказать, что, несмотря на четыре десятилія, отдѣляющія насъ отъ смерти Лермонтова, его популярности не уменьшается нисколько, и какъ бы растеть; нельзя при этомъ не порадоваться, что качества изданій вполнѣ соответствуютъ тому интересу, какой справедливо сохраняется въ обществѣ къ одному изъ лучшихъ украшеній нашей современной литературы.

Рукописи Археографической Коммисіи. Опис. Н. Барсуковъ. Сиб. 1882.

Нельзя не цѣнить подобнаго рода изданій: они не предназначаются для большой публики, но специалисты поймутъ все удобство имѣть у себя подъ рукою указатель всѣхъ драгоценнѣйшихъ, хранящихся въ той или другой бібліотекѣ, съ обстоятельнымъ описаніемъ содержанія рукописей, что именно и выполнено съ большимъ тщаніемъ въ трудѣ г. Барсукова. Всѣхъ номеровъ 229, и въ концѣ приложенъ алфавитный указатель именъ, названій и предметовъ.

Изъ міра великихъ преданій. Разказы для юношества, съ рисунками Кошенико и Попова. В. Острогорскаго. Сиб. 1883. Маа. 8°, 180 стр. Ц. 1 р.

Огважняя охотница. Разказъ Майнъ Рида для юношества, переводъ Софіи Макаровой. Съ четырьмя хромофотографическими рисунками. Сиб. 1882. 8°. 232 стр.

Новинка. Разказы для дѣтей младшаго возраста. Софіи Макаровой. Сиб. 1882. 12°. 208 стр.

Г. Острогорскій имѣетъ почтенную и заслуженную извѣстность своими трудами въ педагогической литературѣ. „Дѣтское Чтеніе“, имъ издаваемое, за послѣдніе годы было положительно лучшимъ журналомъ для дѣтей; его занимательность способна привлечь и болѣе взрослыхъ читателей. Въ книжкѣ, заглавіе которой мы выписали, г. Острогорскій задумалъ разказывать для юношества нѣсколько преданій, или чисто поэтическихъ, или полу-историческихъ, получившихъ большую знаменитость по литературнымъ ихъ обработкамъ, и выбралъ: Ролаанда—по средневѣковымъ французскимъ поэмамъ; короля Двара—по Шекспиру; Зимнюю сказку—по Шекспиру; Вальгельма Телла—по Шиллеру; Црини (вѣрнѣе бы: Зрини)—по Теодору Кёрнеру. Разказы эти преданія весьма живо и легко.—Книжки г-жи Макаровой могутъ также быть занимательнымъ чтеніемъ для своей, дѣтской публики. О Майнъ-Ридѣ, какъ о Жюль Вернѣ, есть разныя мнѣнія и въ литературѣ, и у практическихъ педагоговъ; ныне не одобряютъ чрезмѣрно чудесности его охотничьихъ и другихъ расказовъ, но чудесностью еще болѣе отличаются чистыя сказки, а здѣсь къ этому прибавлены все-таки реальныя описанія американской природы и черты дѣйствительныхъ нравовъ, какъ у Жюль Верна—понятія о дѣйствительныхъ силахъ и явленіяхъ природы. Въ „Охотницѣ“ можно бы замѣтить одну невольность: въ предисловіи читатель предупреждается о „вѣроятно извѣстной ему“ сѣтѣ мормоновъ и сообщаются о ней свѣдѣнія — но именно, кромѣ главнаго отличія этой секты: если уже авторъ, для перерыва, не желаетъ этого объясненія, то лучше было бы совсѣмъ не трогать мормонства; разказъ могъ бы и безъ него обойтись.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

на 1883 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ: Полгода: Четверть:

Годъ: Полгода: Четверть:

Безъ доставки . . . 15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	{	Съ пересылкою . . . 17 > — > 10 >	6 >
Съ доставкою . . . 16 > — >	9 >	5 >		{	За-границей . . . 19 > — > 11 >

Нужеть журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

— Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычнымъ уступкомъ. —

ПОДПИСКА принимается—въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журна „Вѣстникъ Европы“ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелле, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнечкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и въ Конторѣ Н. Петковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и **ОБЪЯВЛЕНІЯ** для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную доставку городскихъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые высылаютъ подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса; имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (или) допустить выдача журналомъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородние доплачивается 1 р. 50 к. изъ иногороднихъ въ городскіе—50 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственнымъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ мѣстахъ, указанныхъ въ статьѣ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, чѣмъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на получение журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

OCKER
JAN 29 1981

